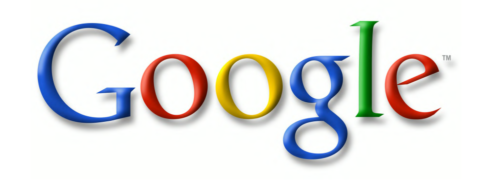
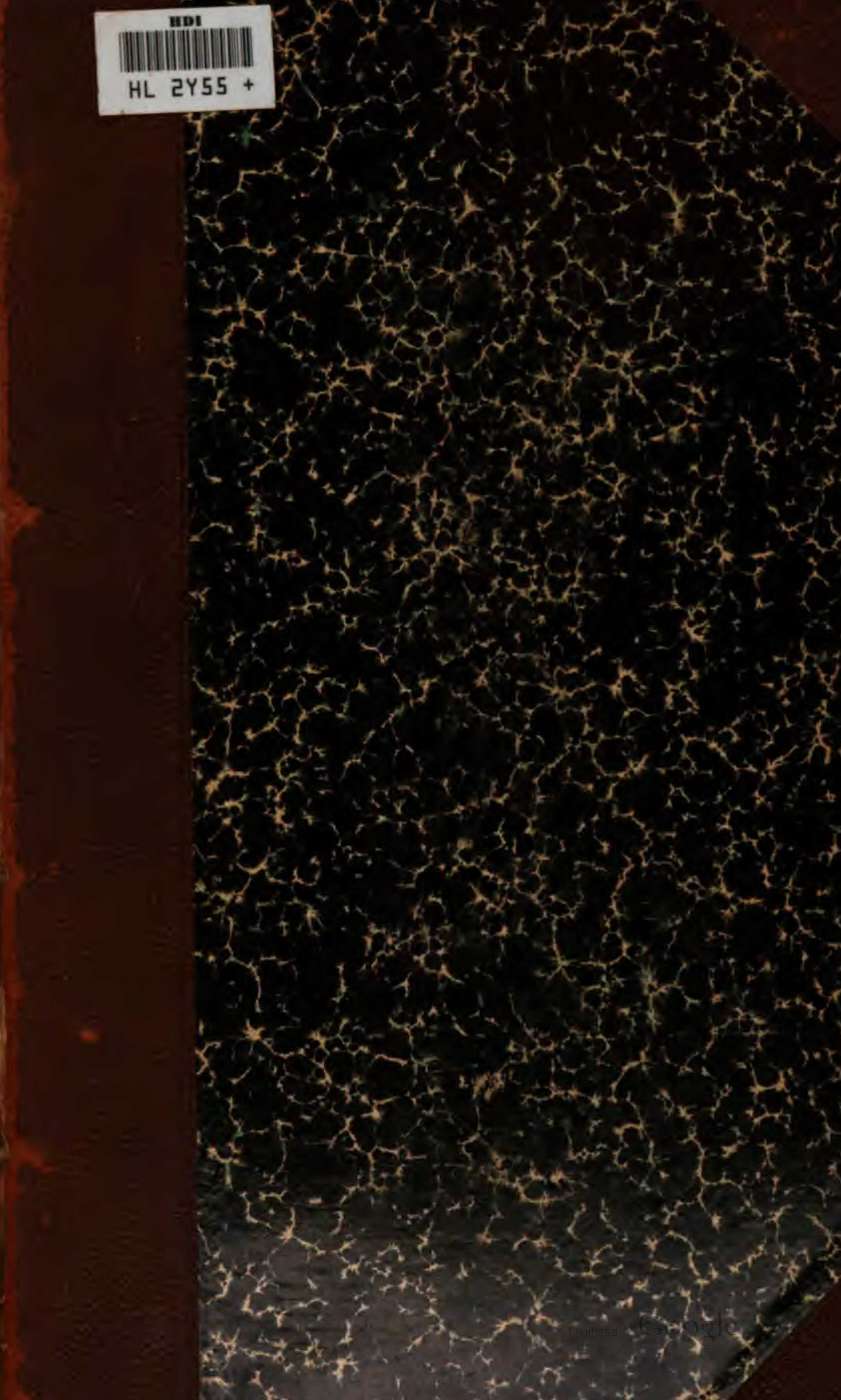

HDI
HL 2Y55 +

4-6

Messenger of Law

52

N 7

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX. АПРѢЛЬ 1899.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1899

СОДЕРЖАНІЕ ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ „ВѢСТНИКА ПРАВА".

I.

Религіозныя преступленія въ Россіи.

I.

Преступленія противъ вѣры сами по себѣ не многочисленны: они составляютъ немного болѣе 1% общаго числа уголовныхъ дѣлъ, возникшихъ у судебныхъ слѣдователей и въ прокурорскомъ надзорѣ (за 1890—94 гг.), и нѣсколько менѣе 2% общаго числа осужденныхъ общими судами. Но преступленія эти представляютъ несомнѣнно значительный интересъ какъ извѣстное проявленіе религіозныхъ запросовъ, движеній и вѣрованій, глубоко коренящихся въ народной жизни, по большей части скрытыхъ, лишь изрѣдка прорывающихся наружу въ формахъ, приводящихъ въ столкновенію съ нашимъ уложеніемъ о наказаніяхъ. Изслѣдователи нашего народнаго быта, а за ними и законовѣды криминалисты давно уже обратили вниманіе на эту слабо освѣщенную сторону духовной жизни русскаго народа, и ихъ изслѣдованія обнаружили много характерныхъ чертъ и проявленій религіознаго чувства и мысли, нерѣдко въ странныхъ и даже малопонятныхъ людямъ другихъ слоевъ формахъ [1]). Не лишены интереса и статистическія данныя по этому пред-

[1]) Таковы напр. работы Пругавина, Пеликана, Реутскаго, Мельникова и др. Въ послѣднее время А. Левенстима—„Фанатизмъ и преступленіе". Журн. Мин. Юст. 1898 г., сентябрь и октябрь.

мету, хотя по необходимости здѣсь уже мы не имѣемъ возможности ознакомиться съ конкретными, живыми чертами дѣйствительности, предъ нами только относительныя и абсолютныя числа, отвлеченные знаки вмѣсто живыхъ людей. Но за то мы можемъ, количественно, по крайней мѣрѣ, охватить всю совокупность явленій, извѣстныхъ подъ названіемъ религіозныхъ преступленій, прослѣдить ихъ постепенное развитіе и распространеніе въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, опредѣлить составъ и личныя особенности осужденныхъ, конечно, въ тѣхъ предѣлахъ, которые доступны по даннымъ нашей уголовной статистики. Во всякомъ случаѣ, наши русскія данныя о религіозныхъ преступленіяхъ интересны уже потому, что они въ извѣстной своей части составляютъ характерную особенность нашей криминалистики. Ересь, отступленіе отъ православной вѣры и расколъ или же переходъ отъ ученія господствующей церкви къ другому христіанскому исповѣданію, караются исключительно нашимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, стоящимъ въ этомъ случаѣ на строго каноническихъ началахъ.

Всѣ почти изслѣдователи религіозной жизни въ Россіи указывали на чрезвычайную многочисленность въ ней сектъ, ихъ живучесть, быстрое, хотя и тайное, распространеніе, и на не прекращающееся появленіе новыхъ вѣроученій и толковъ. Статистическія данныя совершенно подтверждаютъ эти наблюденія. За время съ 1874 по 1894 г. мы имѣемъ свѣдѣнія о числѣ дѣлъ (и осужденныхъ) по 33 губ. внутренней Россіи (Петербургскій, Московскій, Одесскій, Харьковскій, Саратовскій и Казанскій судебные округа). Въ этомъ обширномъ районѣ число уголовныхъ дѣлъ „о религіозныхъ преступленіяхъ“, возникающихъ ежегодно у судебныхъ слѣдователей (и отчасти въ прокурорскомъ надзорѣ) за 21 годъ, двигалось слѣдующимъ образомъ:

годы	число дѣлъ.						
1874—	310	1879—	319	1884—	451	1889—	663
1875—	365	1880—	403	1885—	475	1890—	805
1876—	328	1881—	386	1886—	490	1891—	921

1877— 307	1882—400	1887—484	1892—1141
1878— 269	1883—381	1888—537	1893—1218

Среднее за 1874–78 гг. 316; 1879–83 гг. 378; 1884–88 гг. 487; 1889–93 гг. 944; 1894 г. 1152; 1895 г. 1070; 1896 г. 1011;

Таблица эта показываетъ намъ, что число религіозныхъ преступленій въ теченіе перваго десятилѣтія (1874—84) хотя и возростало, но довольно слабо, нерѣшительными шагами. Съ 1883 г. ростъ уголовныхъ дѣлъ противъ вѣры пошелъ въ гору весьма быстро; начиная же съ 1888 г., прогрессированіе приняло колоссальные размѣры и въ 1893 г. число религіозныхъ преступленій достигло максимума, почти въ 4 раза превышающаго цифру начальнаго (1874) года. Но послѣ 1893 г. острый кризисъ миновалъ и число дѣлъ начало нѣсколько уменьшаться.

За болѣе короткій промежутокъ времени съ 1884 г. мы имѣемъ данныя по 9 судебнымъ округамъ (кромѣ указанныхъ выше еще по Виленскому, Кіевскому и Варшавскому). Всего возникло въ Россіи дѣлъ (безъ Прибалтійскаго края, Кавказа и нѣкоторыхъ Сѣверо-Восточныхъ губерній) о преступленіяхъ противъ вѣры:

1884— 576	1891—1166
1885— 650	1892—1477
1886— 668	1893—1540
1887— 653	1894—1458
1888— 755	1895—1300
1889— 862	1896—1230
1890—1017	

Послѣ критическаго 1893 г., какъ уже было сказано выше, наступило обратное движеніе и число религіозныхъ преступленій пошло на убыль. Однако цифра 1896 года все еще выше, чѣмъ въ какой бы то ни было годъ до 1892 г. Вообще средняя цифра послѣдняго трехлѣтія (1894—96) вдвое выше чѣмъ перваго (1884—86). Аналогично возросло и число подсудимыхъ или осужденныхъ, но ростъ этого числа менѣе соотвѣтствуетъ дѣйствительному движенію даннаго рода преступности, чѣмъ число возникшихъ дѣлъ, въ виду вліянія посторонныхъ факторовъ, какъ-то измѣненій въ силѣ

судебной репрессіи, манифестовъ о помилованіи (1883, 1894 и 1896 гг.), такъ что на числѣ осужденныхъ, какъ показателѣ роста преступности, мы останавливаться не будемъ.

Какіе именно виды религіозныхъ преступленій возросли— по этому вопросу имѣются лишь довольно ограниченныя статистическія данныя. Дѣла по религіознымъ преступленіямъ показываются безъ распредѣленія ихъ на отдѣльныя категоріи. Подсудимые (осужденные и оправданные вмѣстѣ) въ сводахъ Министерства Юстиціи раздѣляются на 4 группы [1]): 1) богохуленіе, кощунство, порицаніе вѣры (статьи 176 и 183, 210—218 улож. о нак.); 2) нарушеніе порядка во время богослуженія; 5) отвлеченіе и отступленіе отъ вѣры и постановленій церкви, ереси и расколы (статьи 184—196, 200, 203—209, 209[1]); 4) скопчество (статьи 197, 201, 203 улож. о нак.). Эти 4 группы должны быть сведены въ три, такъ какъ нарушеніе порядка во время богослуженія, давая очень малое число подсудимыхъ (3—4 въ годъ), легко можетъ быть присоединено къ группѣ № 1 (богохуленіе и пр.). Разсмотримъ увеличеніе этихъ трехъ группъ религіозныхъ преступленій за два пятилѣтія 1885—94 гг., принимая цифру перваго пятилѣтія за 100.

		Среднее ежегодное число подсудимыхъ.	
		1885-89	1890-94
Богохуленіе, нарушеніе порядка во время богослуженія, порицаніе вѣры.	абсол.	277	452
	относ.	100	162
Отвлеченіе и отступленіе отъ вѣры, ереси и расколы.	абсол.	165	450
	относ.	100	272
Скопчество.	абсол.	37	22
	относ.	100	59

[1]) Святотатство и лжеприсягу, хотя они и относятся къ религіознымъ преступленіямъ по улож. о наказ., мы не включаемъ въ наше изслѣдованіе, такъ какъ эти два преступленія составляютъ только частные виды—первое кражи, второе—лжесвидѣтельства. Разрытіе могилъ также не включено нами въ число религіозныхъ преступленій по неуказанію мотивовъ этого преступленія въ нашей уголовной статистикѣ. Только въ случаѣ исполненія суевѣрныхъ обрядовъ разрытіе могилъ могло бы быть отнесено въ группу религіозныхъ проступковъ.

Отсюда слѣдуетъ, что болѣе всего за истекшія 10 лѣтъ (въ предѣлахъ 9 судебныхъ округовъ) увеличились ереси и расколы. Число подсудимыхъ этого рода возросло чуть не втрое (на 172%). Число обвиняемыхъ въ богохуленіи и порицаніи вѣры хотя также увеличилось, но значительно слабѣе (на 62%). Въ настоящее время эти два главныхъ вида религіозныхъ преступленій—порицаніе вѣры и отвлеченіе отъ православія—почти равны между собою по числу подсудимыхъ, тогда какъ раньше обвиняемыхъ въ богохуленіи и порицаніи было значительно больше, чѣмъ „еретиковъ". Скопчество однако, составляющее одну изъ ересей, но выдѣленное нашей уголовной статистикой въ особую группу, въ виду, вѣроятно, особо фанатическаго характера этой секты [1],—за послѣднее время не увеличилось, а уменьшилось, и довольно значительно (на 49%). Хотя число обвиняемыхъ въ скопчествѣ, будучи незначительнымъ само по себѣ, и подвержено сильнымъ колебаніямъ, но въ среднемъ по пятилѣтіямъ, начиная съ 1874 г., замѣчается пониженіе преступности этой изувѣрной секты.

Среднее ежегодное число
обвиняемыхъ въ скопчествѣ.

1874—78	70	1884—88	26
1879—83	21	1889—93	26

Такимъ образомъ, не всѣ религіозныя преступленія безразлично возросли въ числѣ, а только извѣстныя ихъ категоріи. Это приводитъ къ заключенію, что увеличеніе числа дѣлъ и подсудимыхъ этого рода имѣетъ болѣе или менѣе реальный характеръ, т. е. указываетъ на дѣйствительное увеличеніе числа случаевъ отпаденія отъ православія, помимо усиленія бдительности и возбужденія дѣлъ со стороны духовнаго начальства. Еслибы религіозныя преступленія возростали

[1]) Статистическихъ свѣдѣній о другихъ сектахъ, помимо скопчества, раціоналистическихъ или мистическихъ, мы не имѣемъ, хотя нѣкоторыя изъ мистическихъ сектъ (хлысты, бѣгуны, нѣтовцы) отличаются изувѣрствомъ немногимъ менѣе чѣмъ скопчество. Весьма трудно поэтому сказать, какія именно секты возросли въ числѣ за послѣднее время, но весьма вѣроятно, что—секты раціоналистическія.

вслѣдствіе болѣе частыхъ доносовъ подлежащаго вѣдомства, то увеличеніе коснулось бы всѣхъ родовъ этихъ преступленій вообще, а между тѣмъ число обвиняемыхъ въ скопчествѣ значительно уменьшилось по сравненію 1890—94 гг. съ 1874—78 гг. Конечно, извѣстное значеніе имѣетъ въ этомъ случаѣ, какъ и относительно прочихъ преступленій, степень дѣятельности и энергіи со стороны подлежащихъ органовъ надзора и репрессіи, но, по всѣмъ вѣроятіямъ, быстрый ростъ числа отпаденій отъ православной вѣры не объясняется исключительно большимъ стремленіемъ возбуждать обвиненія противъ отпавшихъ, независимо отъ числа дѣйствительныхъ отпаденій или совращеній.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ отдѣльныхъ частяхъ Европ. Россіи увеличеніе религіозныхъ преступленій шло далеко не одинаковымъ шагомъ. Есть даже губерніи, въ которыхъ число осужденныхъ уменьшилось въ пятилѣтіе 1890—94 сравнительно съ 1885—89 гг. Правда, такихъ губерній немного, но онѣ есть. Это губерніи—Новгородская, Тульская, Пензенская и Пермская. Въ 1885—89 гг. въ нихъ было осуждено за религіозныя преступленія 314 челов., въ 1890—94 гг.—273 чел. Кромѣ того, осталось почти безъ перемѣны число осужденныхъ въ губерніяхъ: Калужской, Рязанской, Орловской, Харьковской, области Войска Донскаго и Минской. За 1885—89 гг. было осуждено въ этихъ губерніяхъ—235, за 1890—94 гг. лишь немногимъ болѣе—257 челов. Напротивъ того, число осужденныхъ за религіозныя преступленія въ особенности увеличилось въ губерніяхъ: Псковской, Витебской, Смоленской, Вологодской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Таврической, Каменецъ-Подольской и Ковенской. Въ этихъ 10 губерніяхъ осужденныхъ за религіозныя преступленія было въ 1885—89 гг.—219, а въ 1890—94 гг.—992, въ $4^1/_2$ раза болѣе. Благодаря этимъ-то губерніямъ, главнымъ образомъ, и повысилось значительно общее число осужденныхъ (а также подсудимыхъ и дѣлъ) во всей Россіи. Однако же губерніи эти не представляютъ одного цѣлаго: онѣ разбросаны въ разныхъ частяхъ Россіи и, слѣдовательно, причины роста въ нихъ религіозныхъ преступленій нельзя

указать съ достаточной опредѣленностью. При этомъ надо еще имѣть въ виду, что только 3 изъ 10 интересующихъ насъ губерній—Псковская Владимірская и Нижегородская—обладаютъ въ тоже время и вообще повышенной религіозной преступностью, остальныя не выдаются особенно по интензивности столкновеній съ установленными правилами вѣры.

Въ Россіи вообще религіозныя преступленія распредѣляются неравномѣрно и замѣчаются довольно ясно очерченныя области религіознаго движенія, судя по коэффиціенту числа осужденныхъ. Въ среднемъ за 1890—94 гг. за религіозныя преступленія было осуждено на 1000000 населенія—8 челов. Максимальное число осужденныхъ (16 осужд. на 1000000 нас. въ среднемъ) даютъ губерніи: Эстляндская, Лифляндская, Псковская, Владимірская, Нижегородская (maxim.), Вятская, Пермская, Симбирская, Самарская и Саратовская. Къ нимъ подходятъ по высотѣ числа осужденныхъ—Курляндская, Витебская и Казанская губ. Такимъ образомъ, при нанесеніи на карту, сразу различаются два отдѣльныхъ района повышенной религіозной преступности: 1) меньшій—Прибалтійскій край съ прилегающими Псковской и Витебской губ. и 2) большій—Волжско-Камскій районъ, охватывающій 8 губерній (по Астраханской, Уфимской и Оренбургской губ. свѣдѣній не имѣется) по теченію Волги и Камы. Область минимальной религіозной преступности (въ среднемъ 3 осужденныхъ на 1000000 нас.) распадается на 3 района. Сюда относятся губерніи: Петербургская, Новгородская и Вологодская; Московская, Калужская, Тульская (minim.), Рязанская, Орловская, Воронежская, Харьковская и Полтавская; Царство Польское, Гродненская, Минская, Волынская и Бессарабская. Такимъ образомъ, сѣверъ, центръ и западъ (католическій) Россіи менѣе всего проявляютъ враждебности къ нашимъ постановленіямъ о вѣрѣ. Интересно то, что не всегда наличность раскола въ извѣстной губерніи обусловливаетъ въ ней высокій уровень религіозной преступности. Въ Московской и Калужской губ., судя по даннымъ М. В. Д. о вѣроисповѣданіи новобранцевъ, количество раскольниковъ довольно значительно—больше чѣмъ въ сосѣднихъ Владимірской и

Нижегородской; однакоже Москва и Калуга отходятъ въ группу наименьшей преступности противъ вѣры, а Владиміръ и Нижній-Новгородъ проявляютъ наибольшую преступность. Конечно, это различіе зависитъ отъ различія самихъ сектъ въ разныхъ губерніяхъ, равно какъ и отъ другихъ причинъ, между прочимъ, и отъ невѣрности самихъ свѣдѣній о числѣ раскольниковъ, такъ что особенно на этомъ вопросѣ и не стоитъ останавливаться. Но во всякомъ случаѣ Московская губ. представляетъ собою извѣстный центръ старообрядчества, и малая преступность ея можетъ служить указаніемъ, что собственно старообрядчество не склонно нарушать законовъ о вѣрѣ. Болѣе воинственнымъ характеромъ отличаются другія секты, но о географическомъ распредѣленіи ихъ, кромѣ случайныхъ наблюденій, ничего въ сущности неизвѣстно.

О скопчествѣ есть однако данныя о числѣ осужденныхъ по губерніямъ. Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ теченіе 10 лѣтъ (1885—94) осужденія за скопчество случались въ губерніяхъ: Петербургской, Тверской, Московской, Владимірской, Нижегородской, Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской, Харьковской, Саратовской, Самарской, Вятской и Пермской, т. е. преимущественно въ центрѣ и на востокѣ Европ. Россіи. Во всей западной и южной Россіи (Прибалтійскій край, Литва, Бѣлоруссія, Польша, юго-западный край и Новороссія)—не было ни одного осужденнаго за скопчество въ теченіе 10 лѣтъ. Это секта почти исключительно великорусская. Наибольшее число осужденныхъ за скопчество приходится на губерніи Пермскую и Самарскую: въ нихъ за 1885—94 гг. было осуждено 158 челов. или болѣе половины всего числа осужденныхъ за это преступленіе въ Россіи (295 челов.). Впрочемъ, числа обвиненныхъ въ скопчествѣ сравнительно очень малы и подвержены сильнымъ колебаніямъ, такъ что дальнѣйшія подробности о географическомъ распространеніи этой секты не имѣютъ для себя достаточнаго основанія. Слѣдуетъ только имѣть въ виду, что скопчество развито, главнымъ образомъ, въ центральной и восточной Россіи и совершенно не встрѣчается въ западномъ краѣ.

И такъ, какъ мы видѣли выше, религіозныя преступленія въ Россіи растутъ, растутъ несравненно быстрѣе, чѣмъ остальныя преступленія. Въ 9 судебн. округахъ съ 1884 по 1894 г. религіозныя преступленія увеличились на 153%, а всѣ преступленія вообще только на 14%. Изъ отдѣльныхъ видовъ преступленій лжеприсяга[1]), лжесвидѣтельство и ложный доносъ увеличились за 11 лѣтъ съ 1884 по 1894 г. нѣсколько болѣе, чѣмъ преступленія противъ вѣры, всѣ остальные виды преступности, если и увеличились, то относительно гораздо слабѣе. Это увеличеніе произошло, не смотря на довольно таки суровую репрессію не только со стороны суда коронпаго, но и суда присяжныхъ. Весьма характерно, что не только формальный законъ, но и свободная совѣсть нашихъ присяжныхъ оказываются почти одинаково строгими къ нарушителямъ правилъ вѣры.

II.

Религіозныя преступленія принадлежатъ къ числу преступленій, наименѣе оправдываемыхъ у насъ какъ коронными судьями, такъ и присяжными засѣдателями. Въ 1889—93 гг. было оправдано изъ числа обвиняемыхъ за религіозныя преступленія: присяжными засѣдателями—28,4%, коронным судомъ—17,3%. Между тѣмъ за всѣ вообще преступленія было оправдано присяжными—34,3%, корон. судомъ—26,1%. Только кража и бродяжество (по его очевидности) оправдываются у насъ чаще чѣмъ религіозныя преступленія. Всѣ остальные виды преступленій—убійство, грабежъ и разбой, мошенничество и т. п.—оправдываются въ значительно большей мѣрѣ (отъ 34 до 70%). Интересно, что къ богохуленію, кощунству и оскорбленію святыни присяжные снисходительнѣе, чѣмъ коронный судъ, а по отношенію къ отступленію и совращенію въ ересь присяжные меньше оправдываютъ, чѣмъ судьи. За богохуленіе и пр. было оправдано (1890—94) присяжными—26,6%, корон. судомъ только 15,0%. За от-

[1]) По Уложенію о нак. также религіозное преступленіе.

влеченіе же и отступленіе отъ вѣры присяжными было оправдано 33,1 %, короннымъ судомъ еще больше—37,2 %. Имѣя же въ виду, что вообще коронный судъ оправдываетъ меньше, чѣмъ присяжные [1]), въ этомъ перевѣсѣ оправданій по обвиненію въ ереси и совращеніи нельзя не видѣть характернаго признака, указывающаго на нѣкоторое колебаніе судей при обвиненіи еретиковъ и раскольниковъ.

Скопчество, не включенное въ предыдущія данныя по отвлеченію отъ вѣры, особенно мало оправдывается нашими присяжными (оно разбирается только при участіи присяжныхъ). За 1885—94 гг. было оправдано всего 11,2% обвиняемыхъ въ скопчествѣ. Ни къ одному преступленію (за исключеніемъ конокрадства) присяжные не относятся такъ строго. Отчасти это, можетъ быть, зависитъ отъ очевидности уликъ (наличность оскопленія или изуродованія половыхъ органовъ), но несомнѣнно въ тоже время сказывается и враждебное чувство народа къ этой средневѣковой сектѣ съ ея дикими религіозными представленіями и вѣрованіями. Присяжныхъ не останавливаетъ въ настоящемъ случаѣ и строгость наказанія, ожидающая осужденныхъ за скопчество (ссылка въ Сибирь).

Строгость нашего законодательства по отношенію къ преступникамъ противъ вѣры не представляется вообще чрезмѣрной нашему суду. Было уменьшено наказаніе, въ виду признанія смягчающихъ вину обстоятельствъ, 36.6% изъ числа осужденныхъ „еретиковъ" и оскорбителей святыни, а по всѣмъ преступленіямъ вообще за то же время (1889—93) было уменьшено наказаніе 37.8%; за убійство напр. смягчено наказаніе—56.7%, за разбой и грабежъ—58.5% и т. п. Между тѣмъ за религіозныя преступленія приговорено къ уголовнымъ наказаніямъ (ссылкѣ въ каторжныя работы и на поселеніе)—13.0% осужденныхъ, за всѣ преступленія только 8.8%. Другими словами, судъ нашъ, наказывая строже за религіозныя, чѣмъ за всѣ вообще преступленія, въ тоже время

[1]) Только по преступленіямъ противъ тѣлесной неприкосновенности коронный судъ оправдываетъ чаще, чѣмъ присяжные. По всѣмъ остальнымъ преступленіямъ процентъ оправданныхъ безъ присяжныхъ меньше, чѣмъ по дѣламъ, разрѣшеннымъ съ участіемъ присяжныхъ.

не признаетъ чаще для религіозныхъ преступниковъ наличности смягчающихъ вину обстоятельствъ. Впрочемъ, строгость наложенныхъ наказаній значительно измѣняется по главнѣйшимъ группамъ религіозныхъ преступленій, о которыхъ имѣются статистическія данныя. Вотъ какъ распредѣлялись наказанія за 1890—94 гг.

Изъ 100 осужденныхъ приговорено:

	Къ наказ. уголовнымъ.	Къ заключенію въ тюрьму, или арестан. отдѣл.				
	ссылкѣ въ кат. раб. и на поселеніе.	съ лишеніемъ или огранич. правъ.	безъ лишенія или огранич. правъ.	Къ аресту.	Другимъ испр. наказ.	Итого къ исправительнымъ наказ.
Богохуленіе, кощунство, порицаніе вѣры (и нарушеніе порядка богослуженія).	2.5 [1])	1.1	21.3	73.4	1.7	97.5
Отвлеченіе и отступленіе отъ вѣры, ереси и расколы.	13.1 [2])	2.0	31.2	43.0	10·7	86.9
Скопчество	100.0 [3])	—	—	—	—	—

Такимъ образомъ, строже всего наказывается скопчество: всѣ осужденные за это преступленіе приговариваются къ наказаніямъ уголовнымъ, преимущественно къ ссылкѣ на поселеніе въ Сибирь. Таково и положительное требованіе нашего закона. Даже за оскопленіе самого себя, „изобличенный въ ономъ (ст. 201 улож. о нак.) подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ отдаленный край Восточной Сибири, съ порученіемъ его строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства". Даже необозначеніе въ разныхъ видахъ и свидѣтельствахъ оскопленія (ст. 202) карается какъ самооскопленіе или же оскоп-

---

1) Всего приговорены къ ссылкѣ—46 челов., изъ нихъ къ каторжн. работамъ—5 челов.

2) Абсол. число приговоренныхъ къ ссылкѣ—209, изъ нихъ въ каторжн. работы—двое.

3) Всего 104 осужд., изъ нихъ 3 осуждены въ каторжныя работы.

леніе другихъ. Строгость, которая была бы нѣсколько понятнѣе, еслибы она примѣнялась напр. во Франціи, лишенной прироста населенія, а не въ Россіи съ ея наивысшимъ въ Европѣ естественнымъ приростомъ. Но, конечно, при опредѣленіи мѣры наказанія за скопчество играли наибольшую роль мотивы не популяціоннаго, а каноническаго характера. Къ „еретикамъ“ и раскольникамъ не скопцамъ судъ нашъ уже значительно мягче. Къ уголовнымъ наказаніямъ приговорено за 1890—94 гг. 13% „совратителей и отступившихъ отъ вѣры“; почти всѣ эти 13% были отправлены въ ссылку на поселеніе на Кавказъ. Третья часть (33.2%) приговорены къ тюремному заключенію преимущественно безъ лишенія или ограниченія правъ, болѣе половины (53.7%) къ аресту и другимъ легкимъ исправит. наказаніямъ. Въ такомъ распредѣленіи наказаній нельзя не видѣть стремленія суда смягчить суровыя требованія нашего уложенія. Примѣненіе ареста напр. за отвлеченіе отъ вѣры, ереси и расколы по уложенію о. нак. возможно лишь по отношенію къ тому, кто „зная, что лица, за коими ему предоставлено закономъ наблюденіе и попеченіе, намѣрены отступить отъ православнаго вѣроисповѣданія, не будетъ стараться отклонить ихъ отъ сего намѣренія“ (ст. 192 улож. о нак.). А между тѣмъ къ аресту приговорено 43% осужденныхъ за отвлеченіе отъ вѣры. Очевидно, что были смягчены до ареста наказанія тюрьмою, требуемыя ст. 189, 190, 191, 194, 205 и 206 улож. о нак.

Но гдѣ въ особенности замѣтна смягчающая строгость наказаній дѣятельность суда—это по дѣламъ о богохуленіи, кощунствѣ и порицаніи вѣры. Изъ числа осужденныхъ за эти преступленія понесли уголовныя наказанія только 2.5%, приговорены къ тюремному заключенію 22.4%, къ аресту (и другимъ исправ. наказ.)—75.1%. Между тѣмъ кары богохулителямъ и порицателямъ вѣры крайне строги по уложенію. Арестъ возможенъ только для изобличенныхъ въ кощунствѣ, „но не имѣвшихъ намѣренія произвести соблазнъ и оказать неуваженіе къ вѣрѣ, а сдѣлавшихъ сіе по неразумію, невѣжеству или пьянству“ (ст. 182 улож. о нак.). По-

добное же снисхожденіе даетъ оскорбителямъ святыни и нарушителямъ церковнаго благочинія ст. 215 улож. о нак. Но число нарушившихъ порядокъ во время богослуженія очень невелико: всего 19 челов. за 1890—94 гг., а за богохуленіе и порицаніе вѣры вообще осуждено за то же время 1887 чел. Слѣдовательно, судъ примѣняетъ ст. 182 улож. о нак. главнымъ образомъ къ осужденнымъ этой категоріи, признавая ихъ совершившими преступленіе „по неразумію, невѣжеству или пьянству". Въ этомъ отношеніи капитальное значеніе имѣетъ разъясненіе касс. Сената 1871 г. № 805 по дѣлу Добровольскаго, которое чрезвычайно расширило объемъ примѣненія ст. 182 улож. „Хотя", говоритъ это разъясненіе Сената, „по буквальному тексту ст. 182 подъ кощунствомъ разумѣются язвительныя насмѣшки, обращенныя лишь къ правиламъ вѣры православной или вообще христіанства, но, по смыслу своему, она можетъ быть примѣняема и къ случаямъ произнесенія брани и насмѣшекъ, обращенныхъ къ святынѣ, о которыхъ говорится въ ст. 176 и 178" (но не въ публичномъ собраніи, а въ частномъ домѣ). Статьи же 176 и 178 угрожаютъ не болѣе и не менѣе, какъ ссылкою въ каторжныя работы или же на поселеніе въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири. Только благодаря распространительному толкованію Сената, возможно для нашихъ судовъ примѣненіе ареста по 182 ст. для оскорбителей святыни, и какъ видно, они пользуются этой возможностью довольно широко, допуская, что три четверти осужденныхъ дѣйствовали „по неразумію, невѣжеству или пьянству". Возможность этого выхода отчасти объясняетъ и меньшее признаніе смягчающихъ вину обстоятельствъ, которыя, въ противномъ случаѣ, примѣнялись бы вѣроятно къ религіознымъ преступленіямъ, по крайней мѣрѣ, такъ же часто, какъ и по отношенію къ убійству (56.7%).

III.

Кто же эти еретики и раскольники, богохулители и оскорбители святыни? Какія о нихъ имѣются статистическія

данныя? Къ сожалѣнію, въ нашей уголовной статистикѣ еретики и сектанты не отдѣлены отъ оскорбителей святыни, въ особую группу выдѣлены только осужденные за скопчество. Впрочемъ, отношеніе половъ можетъ быть опредѣлено по числамъ подсудимыхъ, въ которыхъ вышеупомянутое различіе сохранено. Разсмотримъ прежде всего поэтому отношеніе половъ.

	Изъ 100 подсудимыхъ (1890—94 г.г.) было: мужчинъ.	женщинъ.
Богохуленіе, и оскорбленіе святыни . .	90.2	9.8
Отвлеченіе отъ вѣры, ереси и расколы .	74.1	25.9
Скопчество	51.2	48.8
Религіозныя преступленія вообще	81.3	18.7

Среди подсудимыхъ за всѣ преступленія въ общихъ судахъ женщины составляютъ 13,6%. Такимъ образомъ, участіе женщинъ въ религіозныхъ преступленіяхъ вообще выше средняго, но съ особенною силою оно проявляется въ ересяхъ и расколахъ, достигая максимума въ скопчествѣ. Это послѣднее обстоятельство невольно вызываетъ удивленіе. Наибольшее участіе женщина принимаетъ въ наиболѣе фанатичной и чудовищной по своей противоестественности сектѣ! Но, съ одной стороны, женщина въ этомъ случаѣ, какъ и и во многихъ другихъ, играетъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, пассивную роль, будучи вовлекаема въ мрачную секту мужчинами-сектантами, а съ другой—женщина неразвитѣе и неграмотнѣе мужчины (95% осужденныхъ женщинъ неграмотны): ее легче можно убѣдить въ самыхъ дикихъ и нелѣпыхъ вещахъ, въ особенности, опираясь на развитое въ ней религіозное чувство [1]). Это религіозное чувство, въ менѣе извращенномъ видѣ, вовлекло 26% женщинъ осужденныхъ за ереси и расколы (помимо скопчества). Оскорбленіе же святыни и богохуленіе женщинѣ, какъ натурѣ

[1]) Впрочемъ, во многихъ случаяхъ русская женщина проявляетъ и активную дѣятельность въ религіозныхъ сектахъ. Достаточно указать на руководящую роль монахини Виталіи въ дѣлѣ самозакапыванія 25 раскольниковъ близъ г. Тирасполя, значеніе такъ наз. „богородицъ“, у хлыстовъ и т. п. Вообще, женщина, по всѣмъ вѣроятіямъ, принимаетъ большее участіе въ сектахъ мистическихъ, а не раціоналистическихъ.

консервативной, лишенной аггрессивности, за исключеніемъ особыхъ психопатическихъ аффектовъ,—менѣе доступно. Ея участіе въ этомъ преступленіи ниже средняго. Притомъ же въ оскорбленіи святыни не малую роль играетъ, конечно, у насъ и пьянство, гораздо болѣе распространенное среди мужчинъ, чѣмъ среди женщинъ.

Осужденные за религіозныя преступленія вообще—люди болѣе пожилые, чѣмъ въ среднемъ всѣ осужденные по всѣмъ преступленіямъ. Изъ 100 осужденныхъ обоего пола (1890—94 г.г.) были въ возрастѣ:

	До 21 года.	21-30 л.	30-40 л.	40-50 л.	50-60 л.	Свыше 60 лѣтъ.
Религіозныя преступленія	4.9	18.3	27.8	23.2	14.7	11.3
Всѣ преступленія вообще	12.0	30.3	26.4	16.9	9.3	5.1

Сразу видно преобладаніе группъ старшаго возраста среди осужденныхъ за преступленія противъ вѣры и—группъ младшихъ возрастовъ (до 30 лѣтъ) среди осужденныхъ за всѣ преступленія вообще. Въ первомъ случаѣ—25°/₀ осужденныхъ пожилые люди—старше 50 лѣтъ, во второмъ только 14°/₀. Наоборотъ, въ возрастѣ до 30 лѣтъ изъ еретиковъ и раскольниковъ только 23,2°/₀, а изъ всѣхъ осужденныхъ вообще—42,3°/₀, чуть не вдвое относительно больше. Несовершеннолѣтнихъ до 21 г. слишкомъ вдвое меньше среди религіозныхъ преступниковъ, за то стариковъ (свыше 60 л.) тоже въ два слишкомъ раза болѣе чѣмъ среди прочихъ осужденныхъ. Такое распредѣленіе возрастовъ объясняется прежде всего тѣмъ, что религіозные интересы, въ большинствѣ случаевъ, пріобрѣтаютъ особое значеніе и силу для человѣка только по минованіи бурной поры молодости, когда для большинства на первомъ планѣ стоятъ вопросы о половыхъ отношеніяхъ и объ обезпеченіи своего имущественнаго положенія. Соотвѣтственно тому мы и видимъ, что для несовершеннолѣтнихъ (до 21 года) главнѣйшими преступленіями являются преступленія противъ нравственности, кража и (для женщинъ) дѣтоубійство. Преступленія же, соединен-

ныя вообще съ нѣкоторыми отвлеченными цѣлями или требующія особаго положенія въ обществѣ или же развитія изворотливости и хитрости, каковы преступленія противъ порядка управленія, служебныя, мошенничество и подлоги, и наряду съ ними лжеприсяга, лжесвидѣтельство и собственно религіозныя преступленія—мало доступны юношескому возрасту. Участіе въ нихъ несовершеннолѣтнихъ незначительно, отъ 1 до 6%. Людямъ же пожилымъ вообще въ нашемъ народѣ свойственно интересоваться въ той или иной мѣрѣ вопросами религіозными.

Много было съ молоду бито-граблено,
Подъ конецъ надо душу спасти,

говоритъ Новгородскій герой Васька Буслаевъ. И народъ вполнѣ придерживается Буслаевскаго міровоззрѣнія и по сіе время. Пожилой человѣкъ изъ народа, если онъ человѣкъ порядочный вообще и не лишенный способности разсуждать, хотя немного о чемъ либо не совсѣмъ будничномъ и обиходномъ, непремѣнно начинаетъ „заботиться о душѣ". „Пора бы тебѣ и о душѣ подумать", говорятъ наши крестьяне, мѣщане и купцы пожилому человѣку, забывающему о своихъ лѣтахъ и увлекающемуся какой нибудь страстишкой, свойственной молодости. При заботахъ же о спасеніи души, при усиленномъ чтеніи священныхъ книгъ, обыкновенно плохо понимаемыхъ и своеобразно толкуемыхъ, не трудно впасть и въ „лжетолкованіе", а то и прямо въ ересь или расколъ, особенно подъ вліяніемъ разныхъ богомольцевъ, начетчиковъ, „божіихъ странниковъ", „божіихъ людей" и т. п. личностей, которыми изобилуетъ земля русская. И эти странники и богомольцы сами тоже люди пожилые обыкновенно, и изъ нихъ набирается не малый контингентъ осужденныхъ за религіозныя преступленія.

По *семейному быту* осужденные за преступленія противъ вѣры отличаются относительнымъ преобладаніемъ женатыхъ и вдовыхъ.

Изъ 100 осужденныхъ (1890—94) было:

	Холостыхъ и дѣвицъ.	Состоящихъ въ бракѣ.	Вдовыхъ.	Разведенныхъ.
Религіозныя преступленія	16,1	74,9	9,0	—
Всѣ преступленія .	35,4	60,0	4,5	0,1

Холостыхъ и незамужнихъ слишкомъ вдвое относительно меньше среди религіозныхъ преступниковъ, вдовыхъ же въ два раза больше, равно и % состоящихъ въ бракѣ тоже весьма высокъ, доходя до $^3/_4$ осужденныхъ. Это зависитъ, главнымъ образомъ, отъ возрастнаго состава осужденныхъ за преступленія противъ вѣры. Такъ какъ несовершеннолѣтнихъ очень мало среди осужденныхъ этой категоріи, то вслѣдствіе этого незначителенъ и процентъ невступившихъ въ бракъ, состоящихъ же въ бракѣ и особенно вдовыхъ (по большей части стариковъ и старухъ) относительно больше. Въ Россіи вообще % состоящихъ въ бракѣ среди преступниковъ гораздо выше чѣмъ въ Западной Европѣ, благодаря раннему вступленію въ бракъ и преобладанію сельскаго населенія, почти поголовно брачущагося, главнымъ образомъ, въ цѣляхъ устройства и поддержанія домашняго хозяйства. Среди же преступниковъ противъ вѣры сельское населеніе, какъ увидимъ ниже, представлено значительно больше, чѣмъ по всѣмъ вообще преступленіямъ. Въ числѣ скопцовъ однако преобладаютъ холостые и незамужнія—62.5%, но есть и состоящіе въ бракѣ—26.9%, очевидно, оскопившіеся послѣ брака.

По *образованію* осужденные за преступленія противъ вѣры распредѣлялись такимъ образомъ:

Изъ 100 осужденныхъ были:

	Получившіе образованіе:					
	Висшее.	Среднее.	Низшее.	Итого.	Грамотные.	Неграмотные.
Религіозныя преступл.	0.7	0.4	0.7	1.8	42.6	55.6
Всѣ преступленія .	0.3	0.6	0.9	1.8	34.7	63.5

Судя по этимъ цифрамъ, можно предположить, что преступленія противъ вѣры возрастаютъ по мѣрѣ образованія

или, по крайней мѣрѣ, грамотности, такъ какъ грамотныхъ преступниковъ этой категоріи значительно больше, чѣмъ по всѣмъ преступленіямъ вообще. Однако необходимы нѣкоторыя оговорки. Во первыхъ, и здѣсь играетъ извѣстную роль возрастъ осужденныхъ (меньшій процентъ несовершеннолѣтнихъ и малолѣтнихъ); во вторыхъ—грамотные изъ числа осужденныхъ за преступленія противъ вѣры — преимущественно умѣющіе читать, рѣже писать, по „церковному", иногда не могущіе прочесть безъ ошибокъ строку „гражданскаго" шрифта. Небольшой процентъ получившихъ образованіе, какъ выяснено будетъ ниже,—преимущественно лица духовнаго званія. Но съ другой стороны несомнѣнно, что знаніе хотя бы церковно-славянской грамоты гораздо болѣе распространено среди разнаго рода сектантовъ, чѣмъ среди рядового, сѣраго крестьянства, поглощеннаго исключительно матеріальными заботами. Чтобы заинтересоваться нѣсколько отвлеченными вопросами о догматахъ вѣры, о средствахъ спасенія души и проч., надо хотя бы поверхностно ознакомиться съ содержаніемъ книгъ священнаго писанія, что для неграмотнаго человѣка всегда менѣе доступно и болѣе трудно. Такимъ образомъ, въ общемъ слѣдуетъ признать, что осужденныя за преступленія противъ вѣры лица болѣе культурныя, по крайней мѣрѣ болѣе грамотныя, чѣмъ вообще преступники въ Россіи. Но только культура ихъ имѣетъ своеобразную окраску, проникнута исключительно религіознымъ содержаніемъ; не находя себѣ возможности спокойнаго развитія и существованія, эта культура привела своихъ участниковъ къ столкновенію съ уголовными законами ихъ страны [1]).

Группировка осужденныхъ по *занятіямъ* представляетъ интересныя особенности для религіозныхъ преступленій.

---

[1]) Необходимо однако замѣтить, что среди скопцовъ (1886—94) неграмотныхъ было значительно больше, чѣмъ среди осужденныхъ вообще: 78 % въ первомъ и 64 % во второмъ случаѣ.

Изъ 100 осужденныхъ вообще были занятые:

	Сельск. хоз.	Обработ. пром. и строит. произ.	Торговля, тракт. и перевозочн. пром.	Поденщики и чернорабочіе.	Госуд. служба.	Священ., адвок., медики и проч.	Литер., учащіе и худ.	Итого.	Неопред. занятія и прислуга.	Безъ занятій.
Религіозныя прест.	66.3	11.4	6.0	6.0	1.5	1.4	0.5	3.4	4.5	1.8
Всѣ преступленія	49.7	13.8	7.8	14.3	3.6	0.7	0.7	4.8	5.5	3.9

Отсюда явствуетъ, что двѣ трети осужденныхъ сектантовъ и оскорбителей святыни—люди занятые сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ изъ числа осужденныхъ вообще только половина земледѣльцы. Всѣ остальныя профессіи, въ виду преобладанія сельскихъ хозяевъ, участвуютъ слабѣе въ религіозныхъ преступленіяхъ сравнительно съ другими формами преступности, не подвѣдомой сельской юриспруденціи, за исключеніемъ занятыхъ богослуженіемъ въ соединеніи съ нѣкоторыми другими либеральными профессіями. Роль лицъ духовнаго званія выяснится болѣе при разсмотрѣніи распредѣленія осужденныхъ по сословіямъ. Теперь отмѣтимъ только еще очень слабое участіе въ религіозныхъ преступленіяхъ чернорабочихъ и поденщиковъ—класса наиболѣе нуждающагося и необезпеченнаго въ экономическомъ отношеніи. Это указываетъ на то, что религіозная мечтательность и сектантство можетъ зародиться только при нѣкоторомъ хотя бы минимальномъ достаткѣ, а не среди совершенной бѣдности и экономической зависимости, отбивающихъ всякую охоту къ какимъ бы то ни было умствованіямъ, помимо заботъ о насущномъ кускѣ хлѣба.

Что преступленія религіозныя суть преимущественно преступленія сельскія, показываютъ также и данныя о мѣстѣ совершенія преступленія. Изъ 100 осужденныхъ совершили преступленіе:

	Въ столицахъ [1]).	Въ городахъ.	Въ уѣздахъ.	Въ разн. мѣстахъ и неизв.
Религіозныя преступл.	0.7	12.3	86.0	1.0
Всѣ преступленія .	3.6	22.0	74.0	0.4

[1]) Москвѣ и Петербургѣ.

Почти 9/10 религіозныхъ преступленій (86 %) совершаются въ деревнѣ, въ городахъ только 13 %, тогда какъ изъ числа всѣхъ преступленій вообще около 26 % происходятъ въ городахъ, или относительно вдвое чаще. Очевидно, что активный сектантскій и вообще религіозный образъ мыслей и чувствъ сильнѣе въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ, слишкомъ занятомъ матеріальными интересами, „поклоненіемъ маммонѣ". Съ этой точки зрѣнія невольно вспоминается постоянная вражда ветхозавѣтныхъ пророковъ, а также и позднѣйшихъ религіозныхъ реформаторовъ, къ городу, городской культурѣ вообще, являвшейся воплощеніемъ эгоистическихъ и матеріальныхъ наслажденій.

„Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій.
И вотъ въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы даромъ Божьей пищи",

говоритъ древне-іудейскій пророкъ. Въ „свѣтлый рай пустыню" зовутъ и русскіе раскольники, аскеты и Божьи люди. Религіозная мечтательность и созерцательное настроеніе развиваются легче среди тихой, навѣвающей задумчиво-грустныя думы сельской природы, чѣмъ въ шумѣ и сутолокѣ города, пылающемъ очагѣ людской культуры, по немногу забывающей золотыя грезы дѣтства, зародившіяся „на берегахъ пустынныхъ водъ, среди дубравъ широкошумныхъ".

Такъ какъ религіозныя преступленія суть преступленія сельскія, а не городскія, то въ то же время это и преступленія преимущественно крестьянскія, а также присущія духовному званію.

Изъ 100 осужденныхъ (1890—94) принадлежали къ сословію:

	Духовенства.	Купцовъ и почетн. граждан.	Мѣщанъ.	Дворянъ.	Крестьянъ.	Казаковъ (и нижн. воин. чин.).
Религіозныя преступл.	1.2	1.1	1.3	13.8	79.9	2.3
Всѣ преступленія .	2.4	0.2	1.5	19.2	71.5	1.3

Наиболѣе значительно, сравнительно съ общими преступленіями, участвуютъ въ религіозныхъ проступкахъ—крестьяне, казаки и духовенство. Крестьянъ огромное большинство и по всѣмъ преступленіямъ вообще (болѣе $^7/_{10}$), но въ религіозныхъ дѣлахъ ихъ участіе возрастаетъ до 80%. Однако, собственно наиболѣе сильно развиты нападенія на вѣру среди казаковъ (въ числѣ ихъ много старообрядцевъ и вообще раскольниковъ) и среди духовенства. Послѣднее обстоятельство можетъ показаться нѣсколько загадочнымъ. Именно то сословіе, задачей котораго является преимущественное соблюденіе и распространеніе правилъ и догматовъ вѣры—оно-то и принимаетъ дѣятельное участіе въ преступленіяхъ противъ вѣры! Но это объясняется тѣмъ, что осужденныя лица духовнаго званія—почти всѣ протестантскіе пасторы прибалтійскаго края, не исполняющіе требованій 193 и 194 ст. улож. о нак. Хотя по даннымъ статистическихъ сводовъ нельзя выдѣлить духовныхъ лицъ по вѣроисповѣданіямъ, но можно выяснить характеръ преступности Прибалтійскаго духовенства другимъ путемъ. Свѣдѣнія объ осужденныхъ окружными судами по Эстляндіи, Лифляндіи и Курляндіи начались печатаніемъ въ статистическихъ сводахъ съ 1890 г. За четырехлѣтіе 1886—89 гг. было осуждено за религіозныя преступленія 7 лицъ духовнаго званія, за 4-хъ-лѣтіе 1890—93 уже 34 лица, въ 5 разъ больше. Изъ общаго числа осужденныхъ изъ духовенства за всѣ преступленія въ 1890—93 гг. осужденные въ Прибалтійскомъ краѣ составляли 16,6% (54 изъ 326), тогда какъ, соотвѣтственно съ населеніемъ 8 суд. округовъ, число духовенства въ 3 Прибалтійскихъ губ. должно составлять не болѣе 2—3% общаго числа лицъ, принадлежащихъ къ духовному сословію въ Россіи.

Изъ остальныхъ сословій можно еще упомянуть о правящемъ классѣ—дворянствѣ. Оно слабѣе другихъ сословій участвуетъ въ религіозныхъ преступленіяхъ. Изъ числа осужденныхъ за эти преступленія дворянъ только 1,2%, тогда какъ по всѣмъ вообще преступленіямъ дворянъ 2,4%, т. е. относительно вдвое болѣе. Точно также и занятые государственной службой (какъ видно изъ таблицъ осужденныхъ по

занятіямъ), т. е. преимущественно тѣ же дворяне, вдвое рѣже осуждаются за религіозныя, чѣмъ за другія преступленія (преимущественно служебныя и противъ порядка управленія).

Остается сказать еще нѣсколько словъ о религіи и народности осужденныхъ за преступленія противъ вѣры.

Изъ 100 осужденныхъ распредѣлялись по главн. вѣроисповѣданіямъ: [1]).

	Православные	Раскольники.	Католики.	Протестанты.	Іудеи.	Магометане.
Религіозныя прест.	52.2	30.8	7.2	3.7	3.3	1.8
Всѣ преступленія	62.3	2.4	20.7	3.5	8.5	2 1

Что раскольники въ 13 разъ чаще замѣшаны въ религіозныхъ преступленіяхъ, чѣмъ во всѣхъ другихъ—не представляетъ ничего удивительнаго: есть многочисленныя секты, признаваемыя „особо вредными" (или „соединенными съ противонравственными, гнусными цѣлями" по 203 ст. улож.), самая принадлежность къ которымъ уже составляетъ преступленіе. Таковы въ особенности скопчество, секты духоборовъ, штундистовъ и др. Они подлежатъ отвѣтственности по 196—206 ст. улож. о нак. Но довольно значительно и число православныхъ, осужденныхъ за преступленія противъ вѣры: они составляютъ болѣе половины числа осужденныхъ по разд. II, глав. 1—3 улож. о нак. Такъ какъ православные, очевидно, не могутъ быть осуждены за принадлежность къ расколу или отвлеченіе отъ вѣры, то на ихъ долю, слѣдовательно, приходится наибольшее число осужденій за богохульство, кощунство и оскорбленіе святыни.

Раскольники и православные составляютъ 83% осужденныхъ по дѣламъ противъ вѣры. Остальныя вѣроисповѣданія представлены очень слабо (за исключеніемъ протестантовъ). Въ особенности незначительна въ религіозныхъ преступленіяхъ доля католиковъ и іудеевъ. И тѣ и другіе почти втрое чаще принимаютъ участіе въ преступленіи вообще, чѣмъ въ

[1]) Въ предѣлахъ 9 суд. округовъ (включая и Варшавскій).

нападеніяхъ на вѣру. Отъ этого въ западномъ краѣ вообще (за исключеніемъ прибалтійскихъ губерній) религіозная преступность развита такъ слабо. Впрочемъ, при этомъ надо имѣть въ виду, что наше уложеніе защищаетъ отъ ересей и расколовъ только православную церковь, остальныя же вѣроисповѣданія, хотя и христіанскія, отъ развитія сектантства (за исключеніемъ скопчества) не ограждаетъ. Только порицаніе христіанской вѣры и переходъ отъ какого либо христіанскаго вѣроисповѣданія въ нехристіанское наказуется (ст. 178—186 улож. нак.) безъ различія православной вѣры отъ другихъ христіанскихъ религій. Возникновеніе же и распространеніе какой либо секты (не соединенной съ противонравственными дѣйствіями) среди католичества или протестантства по нашимъ законамъ не наказуемо. Такимъ образомъ, слабая религіозная преступность католичества и іудейства отчасти имѣетъ или скорѣе можетъ имѣть искусственный характеръ. О развитіи какихъ либо религіозныхъ сектъ среди католиковъ-поляковъ и литовцевъ или евреевъ что-то не слыхать. Болѣе склонно къ раздѣленію на секты протестантство, но оно въ Прибалтійскомъ краѣ, въ борьбѣ за преимущественное положеніе, обнаруживаетъ значительную энергію, приводящую въ особенности протестантское духовенство къ столкновенію съ раздѣломъ II улож. о нак.

По національности осужденные за преступленія противъ вѣры распредѣляются слѣдующимъ образомъ.

	Русскіе.	Поляки.	Литовцы.	Нѣмцы.	Латыши и Эсты.	Евреи.	Татары и Башкиры.	Мордва, Черемисы, Чуваши Вотяки.
Религіозныя прест.	77.6	5.8	0.7	1.3	3.9	4.0	1.8	2.7
Всѣ преступленія	61.1	17.8	2.6	1.2	2.5	9.0	2.1	1.2

Въ этой табличкѣ слѣдуетъ отмѣтить слабое участіе поляковъ и литовцевъ (католиковъ) въ преступленіи противъ вѣры. Евреи по происхожденію (со включеніемъ принявшихъ христіанство) обнаруживаютъ нѣсколько большую тенденцію къ религіознымъ преступленіямъ, чѣмъ исповѣдующіе іудейскую

вѣру, но все таки участіе ихъ слабое. Изъ протестантовъ нѣмцы не болѣе представлены въ религіозныхъ, чѣмъ и во всѣхъ вообще преступленіяхъ, но эсты и латыши занимаютъ значительно бо́льшій % среди осужденныхъ за проступки противъ вѣры. Татары и башкиры не выдѣляются особо по проценту осужденныхъ, но маленькіе финскіе народцы—мордва, чуваши, черемисы, вотяки—имѣютъ вдвое большее отношеніе осужденныхъ по дѣламъ вѣры, чѣмъ по прочимъ преступленіямъ. Очевидно, что среди этихъ инородцевъ, въ большинствѣ исповѣдующихъ теперь господствующую религію, православіе не успѣло однако пустить достаточно крѣпкихъ корней, и среди нихъ нерѣдко происходитъ отпаденіе и отступленіе отъ принятой ими религіи къ прежнимъ формамъ вѣрованій или ихъ видоизмѣненнымъ разновидностямъ. Такъ, въ прошедшемъ году среди черемисъ луговой стороны обратила на себя вниманіе оригинальная секта „Кугу—сорта", представляющая своеобразную попытку соединенія христіанскихъ догматовъ съ остатками прежняго языческаго міропониманія.

IV.

Въ заключеніе бросимъ бѣглый взглядъ на проступки противъ религіи въ западно-европейскихъ государствахъ. Мы не можемъ входить въ большія подробности, такъ какъ законодательное опредѣленіе и характеръ преслѣдованія этого рода проступковъ въ европейскихъ кодексахъ слишкомъ разнятся отъ взглядовъ, послужившихъ основаніемъ для II раздѣла нашего уложенія. Интересно, однако, отмѣтить движеніе числа проступковъ противъ религіи въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы.

Въ Австріи, ближайшей и наиболѣе родственной намъ по большинству ея населенія странѣ, религіозная преступность за послѣднія 30 лѣтъ возросла въ сильнѣйшей степени. По австрійскому уголовному уложенію различаются два главнѣйшихъ вида религіозныхъ преступленій: 1) Religionsstörung (als Verbrechen strafbar), соотвѣтствующее въ нашемъ уложеніи—богохульству, оскорбленію святыни и отвлеченію отъ христіан-

ства [1]) и 2) Beleidigung einer gesetzlich anerkannten Kirche oder Religionsgesellschaft (Vergehen). Этотъ проступокъ (наказываемый арестомъ, § 303) соотвѣтствуетъ отчасти нашему порицанію вѣры, кощунству и нарушенію церковнаго благочинія. Кромѣ того наказуется Beförderung einer vom Staate für unzulässig erklärten Religionssecte (§ 304 улож.). Но число осужденныхъ за поддержку и распространеніе такихъ недозволенныхъ (съ политической точки зрѣнія) сектъ крайне ничтожно: всего 5 осужденныхъ за 15 лѣтъ (1881—1895). Что же касается двухъ выше указанныхъ видовъ нарушеній вѣры, то, какъ уже упомянуто, они возросли весьма значительно.

Общее число осужденныхъ за десятилѣтіе.

	Преступленія противъ вѣры (Religionsstörung).	Проступки противъ вѣры (Beleidigung der Kirche).	Преступленія и проступки противъ вѣры вмѣстѣ.
1866—75 —	412	513	925
1876—85 —	989	1134	2123
1886—95 —	1167	2072	3239

Такимъ образомъ, религіозныя правонарушенія за 30 лѣтъ (1866—95) увеличились въ Австріи въ три съ половиною раза.

Въ особенности увеличились болѣе мелкіе проступки противъ религіозныхъ постановленій (Beleidigung der Kirche), они возросли на 304% (въ четыре раза) за 30 лѣтъ. Ни одно преступленіе въ Австріи не обнаружило такого колоссальнаго роста за это время. Вообще австрійская преступность за послѣднее время не увеличивается по отношенію

[1]) § 122 австр. угол. уложенія гласитъ: Das Verbrechen der Religionsstörung begeht: a) werdurch Reden, Handlungen, in Druckwerken oder Schriften Gott lästert; b) wer eine im Staate bestehende Religionsübung stört oder durch entehrende Misshandlung an den zum Gottesdienste gewidmeten Geräthschaften oder sonst durch Handlungen, Reden, Druckwerke oder Schriften öffentlich der Religion Verachtung bezeigt; c) wer einen Christen zum Abfalle vom Christenthume zu verleiten; d) wer Unglauben zu verbreiten oder eine der christlichen Religion widerstrebende Irrlehre auszustreuen sucht.

къ населенію [1]). Тѣмъ болѣе поразительно постоянное возростаніе религіозныхъ преступленій, происходящее помимо какого-либо усиленія судебной репрессіи. Скорѣе, подъ вліяніемъ либеральныхъ и демократическихъ теченій, строгость судебной дѣятельности въ этомъ отношеніи должна была нѣсколько понизиться. Очевидно, что въ Австріи, въ еще большей, можетъ быть, степени, чѣмъ въ Россіи, существуетъ дѣйствительное религіозное (или скорѣе антирелигіозное) движеніе, выражающееся въ частыхъ столкновеніяхъ съ уголовнымъ закономъ.

Въ Германіи проступки противъ религіи (Vergehen, welche sich auf die Religion beziehen, §§ 166—168 d. Strafgesetzb.) увеличиваются тоже, но въ меньшей степени, чѣмъ въ Австріи. Свѣдѣнія имѣются за время съ 1882 по 1895 г. Въ первомъ (1882) году было 249 осужденій за преступныя дѣянія противъ вѣры (Handlungen welche zur Verurtheilung angelangt sind), въ 1895 г.—367, на 47% болѣе. Но въ Германіи преступность вообще ростетъ и общее число преступныхъ дѣяній съ 1882 по 1895 г. увеличилось на 41%, т. е. почти въ той же мѣрѣ какъ и религіозные проступки. По германскому законодательству отвлеченіе отъ христіанства (и тѣмъ болѣе отпаденіе отъ него) не преслѣдуется какъ въ Австріи, равно германское уложеніе не знаетъ недозволенныхъ сектъ и не грозитъ наказаніемъ даже за распространеніе невѣрія (безъ оскорбленія или насмѣшекъ надъ вѣрой). Такимъ образомъ, объемъ религіозныхъ преступленій значительно меньше въ Германіи, чѣмъ въ Австріи, не говоря о Россіи. Въ виду этого сравненіе статистическихъ данныхъ въ этомъ случаѣ становится затруднительнымъ.

Еще уже понятіе о религіозныхъ проступкахъ въ свободо-

---

[1]) На 100,000 нас. въ Австріи приходилось осужденныхъ за преступленія и проступки (безъ правонарушеній):

1886—15.4	1891—14.3
1887—14.6	1892—15.1
1888—14.1	1893—14.0
1889—14.2	1894—15.1
1890—14.6	1895—14.6

мыслящей Франціи. Code pénal знаетъ только entraves au libre exercice des cultes, art. 260—261 C. P. Это препятствіе свободѣ отправленія религіозныхъ обрядовъ, отчасти (но только отчасти) соотвѣтствующее нашему нарушенію „церковнаго благочинія“. Никакихъ другихъ проступковъ противъ вѣры законъ во Франціи не признаетъ и не преслѣдуетъ. Самое число караемыхъ по суду проступковъ во Франціи съ теченіемъ времени не ростетъ, а уменьшается. Въ 1876—80 было въ среднемъ ежегодно 122 обвиняемыхъ за délits contre la religion (art. 260—261 C. P.), въ 1890—94 г. г. только 65, несмотря на то, что преступность во Франціи вообще увеличивается [1]). Ранѣе, замѣтны были значительныя колебанія. Въ пятилѣтія, отмѣченныя политическими волненіями или измѣненіями формы политическаго устройства (1851—55, 1871—75) религіозные проступки значительно увеличиваются, въ наступающіе затѣмъ періоды сравнительнаго успокоенія умовъ—нападенія на религію и ея обряды уменьшаются (таковы періоды 1856—70, 1876—94 г. г.). Но вообще по своей маловажности и малочисленности религіозные проступки во Франціи не представляютъ особаго интереса. Весьма вѣроятно, что въ послѣднее время весьма многія изъ дѣлъ этого рода прекращаются французской прокуратурой, на томъ основаніи, что les faits ne présentaient aucune gravité et n'intéressaient pas essentiellement l'ordre public. Такъ гласитъ одинъ изъ мотивовъ оставленія жалобъ и доносовъ безъ послѣдствій со стороны прокурорскаго надзора во Франціи.

Е. Тарновскій.

---

[1]) Кромѣ того, до 1880 г. были нерѣдки случаи оскорбленія священнослужителей (ст. 262 C. P.); въ 1890—94 г. г. не было ни одного обвиняемаго въ оскорбленіи священнослужителя или священныхъ предметовъ.

II.

НАШЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПОЧЕТНОМЪ ГРАЖДАНСТВѢ ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ РАЗВИТІЮ ОБРАЗОВАНІЯ ВЪ КРЕСТЬЯНСКИХЪ И МѢЩАНСКИХЪ ОБЩЕСТВАХЪ.

(Было доложено въ административномъ отдѣленіи Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ).

I.

Вопросъ объ образованіи въ русскомъ обществѣ новаго сословія почетныхъ гражданъ былъ поднятъ и разработанъ Комитетомъ 6 декабря 1826 года въ связи съ общимъ вопросомъ объ изданіи дополнительнаго закона о состояніяхъ.

Комитетъ состоялъ подъ предсѣдательствомъ графа Виктора Павловича Кочубея изъ слѣдующихъ членовъ Государственнаго Совѣта: графа П. А. Толстого, И. В. Васильчикова, князя А. Н. Голицына, барона И. И. Дибича и М. М. Сперанскаго. Дѣлопроизводителями были назначены статсъ-секретари Д. Н. Блудовъ и Д. В. Дашковъ, а съ 1831 г. баронъ М. А. Корфъ.

Занятія Комитета должны были состоять: 1) въ пересмотрѣ и разборѣ бумагъ, найденныхъ въ кабинетѣ Императора Александра I, и 2) въ пересмотрѣ тогдашняго государственнаго устройства.

Обсужденіе вопроса объ установленіи состоянія гражданства началось въ Комитетѣ въ засѣданіи 7 сентября 1827 г.

по докладной запискѣ графа Кочубея: О дополнительномъ законѣ о состояніяхъ. Въ пунктѣ второмъ ея указывалось, что въ Государственномъ Совѣтѣ по представленію министра финансовъ производилось дѣло объ установленіи потомственнаго гражданства или средняго состоянія; говорилось, что предположеніе это заключаетъ въ себѣ виды полезные и что можно бы было, разсмотрѣвъ его въ Комитетѣ, привести въ дѣйствіе; что, независимо отъ этого, можно также заняться преобразованіемъ городскихъ выборовъ, на кои приносятся большія жалобы, распорядкомъ въ повинности постоя въ городахъ, мѣрами исправленія въ торговлѣ и проч. [1]).

Затѣмъ были прочтены: записка министра финансовъ, журналы Государственнаго Совѣта и представленные на Высочайшее усмотрѣніе проекты манифеста и указа Сенату. Комитетъ принялъ эти проекты за основу своихъ дальнѣйшихъ сужденій по этому вопросу.

Разсмотрѣвъ подробности предполагаемаго установленія потомственнаго гражданства, Комитетъ призналъ это дѣло очень важнымъ: оно положитъ прочное основаніе благосостоянію городовъ, развитію и усовершенствованію торговой и художественной промышленности въ государствѣ, словомъ, великое дѣло, начатое Екатериной II, будетъ довершено соотвѣтственно нуждамъ настоящаго времени. Было обращено также вниманіе на то, что постановленія Государственнаго Совѣта не удержатъ вреднаго стремленія купцовъ, ученыхъ и художниковъ къ достиженію дворянства. Это стремленіе лишаетъ среднее сословіе лучшихъ его членовъ; дарованія отличныя не обращены къ истинному ихъ назначенію; въ среднемъ состояніи духъ полезной для государства предпріимчивости упадаетъ. Общія, истинныя государственныя пользы и частныя выгоды всѣхъ состояній требуютъ возможности для каждаго пользоваться достаточными правами и преимуществами, не выходя изъ общественнаго круга, ему предназначеннаго рожденіемъ и образованіемъ. По этимъ соображеніямъ Комитетъ нашелъ недостаточнымъ раздѣленіе

[1]) Сборн. И. Р. Ист. Общ., т. 90, стр. 362.

гражданства на потомственное и личное. Онъ полагалъ къ тому еще одну высшую степень для имѣющихъ теперь право на полученіе дворянства. Сюда принадлежатъ: иностранцы и люди средняго состоянія, получившіе на службѣ военной—чины оберъ-офицерскіе и на гражданской—VIII класса; профессоры, медики и вообще всѣ ученые и художники, коимъ предоставлены, по занимаемымъ ими мѣстамъ, званія оберъ-офицерскія; наконецъ, кавалеры всѣхъ россійскихъ орденовъ, включая въ ихъ число бѣлое духовенство и купцовъ, награжденныхъ орденами; всѣ они должны называться именитыми россійскими гражданами [1]).

Россійскимъ именитымъ гражданамъ предполагалось предоставить слѣдующія особыя права: право быть избираемыми, по волѣ дворянства и съ собственнаго ихъ согласія, на мѣста, замѣщаемыя дворянскими выборами, кромѣ предводителей и депутатовъ; равнымъ образомъ и гражданамъ представить право избирать дворянъ на мѣста, замѣщаемыя по выбору гражданъ.

Ко второму разряду, къ гражданамъ потомственнымъ, Комитетъ полагалъ причислить всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя по тогдашнему законодательству пользовались личнымъ дворянствомъ. Всѣ сіи лица освобождаются отъ подушной подати, рекрутской повинности и тѣлеснаго наказанія. Тѣже права предоставляются и личнымъ гражданамъ, но не распространяются на ихъ дѣтей.

Единогласно было постановлено изложить проектъ закона объ установленіи состоянія гражданства такъ, чтобы сперва изложить права принадлежащія всѣмъ гражданамъ, потомъ начертать образъ ихъ пріобрѣтенія и порядокъ вступленія въ гражданство и, наконецъ, постановить правила о лишеніи его. Дѣла о потомственномъ гражданствѣ должны производиться герольдіей. Приговоры, лишающіе гражданъ именитыхъ ихъ званія, приводятся въ исполненіе не иначе, какъ по утвержденіи Сенатомъ, а приговоры, лишающіе орденовъ—не иначе, какъ по Высочайшемъ ихъ утвержденіи [2]).

[1]) Сборн. И. Р. Ист. Общ., т. 74, стр. 158—160.
[2]) Тамъ же, стр. 161—163.

Въ засѣданіи 18 сентября Комитетъ нашелъ, будто бы названіе именитыхъ гражданъ не означаетъ съ надлежащей точностью высшую степень средняго состоянія, и потому рѣшилъ названіе именитыхъ замѣнить названіемъ *благородныхъ*; названіе именитыхъ потомственныхъ присвоить второй степени; названіе просто именитыхъ—третьей; а гражданъ четвертой степени, т. е. мѣщанъ, называть просто гражданами [1]). Но Государь призналъ такую перемѣну неумѣстной, и особенно введеніе въ проектѣ выраженія „*благородные*"— такъ какъ этимъ какъ бы выражалось, что лишь первой степени гражданства принадлежитъ благородство, а всѣмъ другимъ степенямъ гражданства оно не свойственно и изволилъ указать, чтобы первая степень гражданъ, согласно журналу 7 сентября, именовалась именитыми, вторая—потомственными, третья—гражданами просто, не прилагая званія личныхъ, по плану министра финансовъ, о чемъ и было доложено Комитету въ засѣданіи 25 сентября.

Не смотря на это, Комитетъ продолжалъ придумывать новыя названія: гражданъ перваго разряда назвать *первостепенными*, второго—именитыми потомственными, третьяго—*именитыми* просто, четвертаго—просто *гражданами* [2]).

Въ засѣданіи 4 октября Комитету было доложено, что Государь не находитъ соотвѣтственнымъ понятію о гражданахъ перваго разряда ни одного изъ предложенныхъ Комитетомъ названій: ни именованіе ихъ первостепенными, ни именитыми. Въ такихъ названіяхъ не достаетъ требуемыхъ отъ закона простоты и опредѣленности. Гражданъ второго разряда онъ предлагалъ назвать именитыми, третьяго—просто гражданами, а четвертаго—мѣщанами [3]).

Въ ноябрьскихъ своихъ засѣданіяхъ Комитетъ предположилъ назвать гражданъ перваго разряда *чиновными*, такъ какъ вступленіе въ этотъ разрядъ предполагалось обусловить

---

[1]) Стр. 163, 164.
[2]) Стр. 170.
[3]) Стр. 176.

тогда полученіемъ чиновъ, и гражданъ третьяго разряда—не просто гражданами, а гражданами *почетными* [1]).

Затѣмъ до 27 марта 1829 г. Комитетъ вопроса о гражданствѣ вовсе не касался, занятый разсмотрѣніемъ проектовъ новаго учрежденія правительствующаго и судебнаго сената, Комитета министровъ, Государственнаго Совѣта, Комиссіи прошеній, губернскаго управленія и другихъ частей проекта дополнительнаго закона о состояніяхъ: о дворянствѣ, о духовенствѣ, о крестьянахъ, о гражданской службѣ.

Въ засѣданіи 29 марта 1829 г. была внесена въ Комитетъ записка министра финансовъ графа Канкрина объ учрежденіи состоянія гражданства съ дозволеніемъ вступать въ него подъ условіемъ внесенія опредѣленнаго капитала на погашеніе государственныхъ долговъ взамѣнъ мѣщанскихъ повинностей [2]). Къ разсмотрѣнію этой записки Комитетъ приступилъ 1 мая того же года. Комитетъ, разсмотрѣвъ записку, нашелъ, что при осуществленіи предложенія графа Канкрина, каждый мѣщанинъ, каждый казенный крестьянинъ и вольноотпущенный, послѣ 3-лѣтней бытности въ мѣщанахъ, будутъ имѣть право пріобрѣтать за наличныя деньги не одни временныя торговыя права, но и права потомственнаго гражданства, безъ всякаго предварительнаго подготовленія къ этому званію и безъ всякой гарантіи ихъ способности воспользоваться этимъ званіемъ согласно цѣли его установленія. Возможно, что новые граждане, истративъ все свое имущество на пріобрѣтеніе этого званія, останутся безъ всякихъ средствъ къ пропитанію. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что даже въ московскомъ мѣщанскомъ обществѣ, состоящемъ изъ 28,808 душъ, въ 1828 году 13,000 находились въ такой нищетѣ, что вовсе не могли платить податей. А графъ Канкринъ надѣялся, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, послѣ установленія предлагаемаго имъ порядка, изъ милліона русскихъ мѣщанъ 20,000 семействъ дадутъ казнѣ на погашеніе государственныхъ долговъ сорокъ милліоновъ. Комитетъ полагалъ, что,

---

[1]) Стр. 193. Засѣданія 2, 5 и 9 ноября. Имъ составленъ одинъ общій журналъ.
[2]) Стр. 385.

суда по тогдашнему состоянію мѣщанства, едва-ли бы нашлись подобныя богатыя мѣщанскія семьи, не говоря уже о томъ, что эти сорокъ милліоновъ, если бы и нашлись на дѣлѣ, бывъ обращены на усиленіе торговли и промышленности, принесли бы гораздо больше выгодъ государству, чѣмъ при обращеніи ихъ на уплату государственныхъ долговъ. На основаніи такихъ соображеній Комитетъ заключилъ, что предположеніе министра финансовъ, въ случаѣ его практическаго осуществленія, представило бы много важныхъ неудобствъ [1]).

Въ засѣданіяхъ 26 января, а также 2 и 9 февраля 1830 г. комитетъ постановилъ включить въ проектъ о гражданствѣ указаніе на распространеніе правъ потомственныхъ гражданъ на всѣхъ ихъ законныхъ дѣтей, рожденныхъ, какъ послѣ полученія ими званія гражданства, такъ и на рожденныхъ до этого [2]). Въ засѣданіи перваго марта того же года въ комитетѣ было высказано сомнѣніе, удобно ли будетъ сохранить за первыми офицерскими чинами такое значеніе, что ими обусловливается пріобрѣтеніе званія чиновнаго гражданина. Если это сохранить, дѣти всѣхъ именитыхъ гражданъ и студенты университета обратятся въ военную службу только для полученія перваго чина и выхода затѣмъ въ отставку съ званіемъ чиновнаго гражданина. Не лучше ли было бы обусловить полученіе званія чиновнаго гражданина только чиномъ капитана? Тогда бы удерживались дольше на службѣ хорошіе офицеры и уменьшалось число гражданъ, поступающихъ въ военную службу [3]).

Въ 1830 году уже былъ составленъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ [4]).

На этотъ проектъ были представлены Государю, черезъ графа Кочубея 16 апрѣля, весьма дѣльныя и интересныя замѣчанія М. А. Балугьянскаго [5]). По вопросу собственно о гражданствѣ, Балугьянскій высказался рѣшительно противъ

---

[1]) Стр. 397—399.
[2]) Стр. 439.
[3]) Стр. 455.
[4]) Сборн. Имп. Русск. ист. общ. т. 90, стр. 363—394.
[5]) Сборн. Импер. Русск. истор. общ. т. 90, стр. 580—588.

образованія особаго класса чиновнаго гражданства. „Какая нужда учрежденія сего новаго состоянія? Пока чиновникъ состоитъ на службѣ, онъ чиновникъ, имѣющій по своему званію разныя права и преимущества. Если оставитъ службу по старости, то онъ заслуженный чиновникъ, пользующійся правами, пріобрѣтенными службою. Если онъ уволенъ или оставилъ службу добровольно, то возвращается въ состояніе, изъ котораго происходилъ. По крайней мѣрѣ, такъ есть во всѣхъ европейскихъ государствахъ. Итакъ, одни дѣти чиновниковъ не изъ дворянъ возбуждаютъ какое нибудь сомнѣніе. Но, во-первыхъ, въ малолѣтствѣ и до избранія рода жизни они не пользуются правами и преимуществами отца; во-вторыхъ, по избраніи рода, или вступаютъ въ службу, или записываются въ купцы, мѣщане и т. д.; въ-третьихъ, у насъ существуетъ классъ личныхъ дворянъ, коихъ права достаточно важныя и могутъ опредѣляться еще съ большою точностью. Почему установить новыя званія, новыя классы? Чиновный гражданинъ есть ли болѣе почетное званіе, нежели личный дворянинъ. Другая причина установленія чиновнаго гражданства умноженіе класса средняго состоянія людей. Что значитъ среднее состояніе людей? Такъ называемое среднее состояніе людей есть прозваніе нашего вѣка въ противоположность дворянству, духовенству, крестьянству. Оно состоитъ изъ разнаго званія людей: изъ ученыхъ, адвокатовъ, медиковъ, городскихъ жителей, свободныхъ людей и чиновниковъ. Но въ совокупности среднее состояніе нигдѣ не составляетъ какое либо политическое сословіе, отдѣльное отъ другихъ и разныя состоянія, изъ коихъ оно состоитъ, не пользуются особыми правами и не составляютъ различныя классы. Въ интересѣ ли правительства умножить число адвокатовъ, ученыхъ и чиновниковъ до безконечности? И если бы сіе случилось, умножилось бы съ тѣмъ число тѣхъ, кои при семъ предположеніи въ самомъ дѣлѣ имѣются въ виду, т. е. купцовъ, фабрикантовъ, ремесленниковъ и другихъ производящихъ потребителей (consomateurs productifs), коихъ недостатокъ очевидный въ государствѣ, коихъ число едва ли достигаетъ 1/20 всего населенія. Итакъ, если умножить какой

классъ, то умножить сей послѣдній. Какими средствами? Вопросъ несмѣтный, но коего разрѣшить не есть невозможности. Обратимъ вниманіе на законоположенія о гильдіяхъ, о цехахъ, о мѣщанахъ, объ управленіи городовъ, объ избраніи рода жизни, о переходѣ изъ одного состоянія въ другое, о законахъ финансовыхъ и полицейскихъ, на промышленность и населеніе городовъ и настоящее среднее сословіе умножится. Сколько есть въ Имперіи селеній [1]), которымъ не достаетъ только званія и правъ городовъ, дабы оными умножить число городскихъ жителей".

Однако эти замѣчанія не были приняты во вниманіе и проектъ, составленный комитетомъ, безъ всякихъ измѣненій былъ внесенъ на обсужденіе чрезвычайныхъ собраній Государственнаго Совѣта.

О гражданствѣ говорилось въ этомъ проектѣ манифеста, во первыхъ, въ общихъ его соображеніяхъ, изложенныхъ въ самомъ началѣ и, кромѣ того, въ четвертомъ его отдѣлѣ, состоящемъ изъ двадцати одного параграфа [2]).

Въ общихъ соображеніяхъ манифеста говорилось такъ:

„Состояніе гражданства, заключаетъ въ себѣ два сословія: купечество и мѣщанство. Изъ нихъ одно только послѣднее есть наслѣдственное; первое же, бывъ сопряжено съ личнымъ торговымъ промысломъ, образуется ежегодно и измѣняется случайно, не оставляя никакихъ почти слѣдовъ въ потомствѣ. Почетные нѣкогда въ гражданствѣ роды при первой неудачѣ упадали изъ сего перваго сословія въ послѣднее. Отсюда тѣ изъ нихъ, кои искали прочности ихъ роду, всѣ усилія употребляли; чтобъ, оставивъ сіе состояніе, сопричислили себя или дѣтей своихъ къ дворянству. Отсюда оскудѣніе въ сословіи купеческомъ и излишнее пріумноженіе въ состояніи дворянства".

„Къ мѣщанскому сословію по законамъ, нынѣ существующимъ, принадлежатъ и дѣти личныхъ дворянъ, внѣ службы состоящія; по закону сему отецъ, всю жизнь на

[1]) Восполняю этимъ словомъ очевидный пропускъ въ печатномъ текстѣ.
[2]) Сборн. Имп. Русск. ист. общ. т. 90, стр. 363—394.

службѣ проводившій, если не достигъ потомственнаго дворянства, оставляетъ въ наслѣдство своимъ дѣтямъ званіе мѣщанъ и всѣ его послѣдствія".

„Неудобства столь явныя, давно уже замѣченныя, не иначе могутъ быть исправлены, какъ другимъ лучшимъ устройствомъ сего состоянія. Въ самомъ составѣ его открываются къ сему твердыя начала. Занимая средину, между дворянствомъ и крестьянствомъ и раздѣляясь на разныя степени, избраннѣйшіе, первостепенные члены онаго, воспитаніемъ и образомъ жизни отличные и къ дворянству ближайшіе, не сливаясь съ нимъ и сохраняя свою особенность, занимаясь службою, должны быть съ нимъ смежны, другіе, напротивъ ремеслами и трудами рукъ своихъ сближаются съ крестьянствомъ. Между сими двумя крайними степенями одного и того же состоянія, должны занять свойственное имъ мѣсто и тѣ, кои науками способствуютъ просвѣщенію, и тѣ, кои художествами содѣйствуютъ утвержденію вкуса къ изящному, и тѣ, кои торговымъ промысломъ обогащаютъ государство, и такимъ образомъ, каждая способность, каждый трудъ найдетъ приличную ему степень и на сей степени соразмѣрное къ себѣ уваженіе, безъ притязанія къ высшимъ и не боясь униженія. Мы удостовѣрены, что всѣ вѣрные наши подданные признаютъ съ нами дѣйствительную необходимость и пользу этихъ исправленій, что цѣль настоящаго учрежденія состоитъ въ томъ единственно, чтобъ каждый, въ кругѣ его состоянія, стремился всѣми способами къ правильному и полезному употребленію данныхъ ему отъ Бога силъ способностей и всѣ соразмѣрныя тому выгоды жизни, любилъ и уважалъ свое состояніе и самъ отъ другихъ былъ въ немъ уважаемъ, чтобъ не были закрыты никому пути перехода изъ одного состоянія въ другое, чтобы переходъ въ разныя сословія гражданства былъ въ однихъ—послѣдствіемъ постепеннаго прохожденія службы, въ другихъ—послѣдствіемъ успѣховъ въ наукахъ и художествахъ и опытности въ торговлѣ, и дабы такимъ образомъ всѣ состоянія, не сливаясь одно съ другимъ, но пользуясь своими правами, дѣйствуя своими средствами, и какъ разные члены одного

великаго семейства, помогая одинъ другому, всѣ соединялись въ одномъ желаніи: славы и благоденствія любезнаго отечества нашего" [1]).

Въ отдѣлѣ IV проекта гражданство раздѣляется на четыре сословія: граждане чиновные, именитые, почетные и мѣщане (§ 17).

Общія преимущества граждан первыхъ трехъ сословій: 1) свобода отъ подушнаго оклада; 2) отъ рекрутскаго набора; 3) отъ тѣлеснаго наказанія; 4) право быть избираемыми по недвижимой собственности въ городскія общественныя должности не ниже присвоенныхъ дѣйствующимъ закономъ купцамъ первыхъ двухъ гильдій (§ 18). Эти преимущества принадлежатъ гражданамъ двухъ первыхъ сословій потомственно и дѣтямъ, рожденнымъ раньше полученія отцомъ этихъ званій, а третьяго сословія—лично (§ 19 и прим.).

Преимущества гражданства отдѣльны и независимы отъ правъ торговли (§ 20). Гражданство сообщается женамъ по общему правилу: мужъ высшаго состоянія сообщаетъ его женѣ, а жена высшаго состоянія его не теряетъ (§ 21).

Особенныя преимущества чиновныхъ гражданъ состоятъ: 1) въ свободѣ вступать во всѣ роды государственной службы; 2) въ достиженіи чиновъ XII класса; 3) въ удостоеніи орденами; 4) въ полученіи наградъ и пенсій; 5) въ свободѣ выхода со службы; 6) въ избираемости во всѣ должности, замѣщаемыя дворянскими выборами, кромѣ предводителей и депутатовъ; 7) въ правѣ имѣть родовой гербъ безъ короны; 8) въ правѣ помѣстить дѣтей въ казенныя учебныя заведенія, кромѣ Пажескаго корпуса и Александровскаго Лицея (§ 23).

Особенное преимущество именитыхъ гражданъ только одно: они могутъ также поступать на всякую государственную службу и производятся черезъ шесть лѣтъ въ чинъ XII класса (§ 24). Почетнымъ гражданамъ принадлежитъ то же самое преимущество, но только лично (§ 27). Мѣщане остаются при прежнихъ правахъ (§ 28).

---

[1]) Сб. Имп. Русск. ист. общ. т. XC, стр. 365, 366, 367.

Права чиновнаго гражданства пріобрѣтаются: 1) рожденіемъ отъ чиновнаго гражданина и 2) службою, подъ условіемъ полученія въ военной службѣ перваго офицерскаго чина, а въ гражданской—чина VIII класса, а также при полученіи какого либо ордена (§ 29—33).

Именитое гражданство пріобрѣтается, кромѣ рожденія и гражданской службы, еще отличіемъ въ наукахъ, художествахъ, въ торговлѣ и фабрикахъ (§ 35). Для полученія службою именитаго гражданства требуется полученіе ими XII класса (§ 37). Отличіемъ въ наукахъ и художествахъ именитое гражданство пріобрѣтается при слѣдующихъ условіяхъ: 1) окончанія университетскаго курса наукъ и 2) удостоенія академіей художествъ званій архитектора, живописца, ваятеля, гравера и медальера и послѣ того упражненія съ успѣхомъ не менѣе десяти лѣтъ въ своемъ художествѣ (§ 39). Отличіемъ въ торговлѣ и фабрикахъ именитое гражданство пріобрѣтается подъ условіями: 1) полученія званія коммерціи или мануфактуръ совѣтника и 2) пребыванія въ первой гильдіи десяти лѣтъ и во второй—пятнадцати (§ 40).

Почетное гражданство пріобрѣтается: 1) купцами—поступленіемъ въ двѣ первыя гильдіи; 2) художниками—удостоеніемъ ихъ академіей художествъ званій выше перечисленныхъ, до истеченія десяти лѣтъ успѣшнаго занятія своимъ художествомъ (§ 44).

Иностранные ученые, художники, капиталисты и фабриканты, водворившіеся въ Россіи, могутъ быть, по усмотрѣнію министерства (какого въ проектѣ не указано) представлены къ награжденію Высочайшею властью званіемъ почетнаго гражданина (§ 44, п. 3). По истеченіи шести лѣтъ они могутъ пользоваться лично званіемъ именитыхъ гражданъ (§ 39, п. 3; § 40, п. 3).

Свидѣтельства на почетное гражданство выдаются губернскимъ правленіемъ (§ 44, п. 2 и 3). Грамоты на именитое и чиновное гражданство выдаются, по предварительному разсмотрѣнію дѣла Герольдіей, Сенатомъ (§§ 34, 42).

Лишеніе правъ гражданства навсегда совершается вслѣдствіе: 1) лишенія его по судебному приговору; 2) лишенія

добраго имени, также по судебному приговору, и 3) признанія судомъ злостнымъ банкротомъ (§ 45). Судебные приговоры, связанные съ лишеніемъ чиновнаго и именитаго гражданства, обращаются къ исполненію не иначе, какъ съ утвержденія Сената (§ 46).

Нѣкоторыя преимущества гражданства временно прекращаются: 1) при записаніи въ цехи и 2) при вступленіи въ услуженіе для домашнихъ работъ (§ 47).

Въ этомъ видѣ проектъ постановленій о гражданствѣ въ общемъ составѣ проекта дополнительнаго закона о состояніяхъ былъ представленъ на обсужденіе Государственнаго совѣта въ чрезвычайныхъ его собраніяхъ 6, 13, 20, 22, 24, 27, 29 марта, 12, 14, 18, 19, 24, 26, 28 апрѣля, 2, 9, 16, 19, 23 іюня 1830 г.

Собственно постановленія о гражданствѣ Государственный совѣтъ обсуждалъ въ засѣданіяхъ $^{20}/_{22}$ марта, $^{12}/_{14}$ апрѣля, 2 и 9 іюня.

Въ засѣданіяхъ 20 марта и 12 апрѣля было разсуждаемо: „не должно ли упомянуть, при опредѣленіи четырехъ сословій гражданства, объ отставныхъ канцелярскихъ служителяхъ, недослужившихся до офицерскаго чина и о дѣтяхъ ихъ, но признано, что канцелярскіе служители составляютъ особый классъ людей служебныхъ, что по выходѣ изъ службы они остаются отставными нижними гражданскими чиновниками точно также, какъ и военные нижніе чины въ отставкѣ находящіеся, кромѣ удаленныхъ за нерадѣніе и вышедшихъ въ отставку для перемѣны только податнаго состоянія, которые обращаются въ первобытное званіе, что дѣти ихъ, имѣя право на службу до совершеннолѣтія, именуются дѣтьми канцелярскихъ служителей, но ежели по достиженіи совершеннолѣтія не вступятъ въ службу, тогда на основаніи положенія 22 ноября 1828 года причисляются въ податное состояніе по ихъ избранію“. Кромѣ того, совѣтъ нашелъ нужнымъ предоставить гражданамъ не только права избираемости, но и право избиранія, и перечень учебныхъ заведеній, въ которыя граждане не допускаются постановилъ дополнить указаніемъ на „общество благородныхъ дѣвицъ“. Относительно

пріобрѣтенія гражданства отличіемъ совѣтъ для второй гильдіи 15 лѣтній срокъ замѣнилъ 20 лѣтнимъ.

Въ засѣданіи 22 марта признано нужнымъ вовсе исключить § 27, дающій дѣтямъ почетныхъ гражданъ право поступать на службу, такъ какъ самъ же проектъ права почетнаго гражданства признаетъ только личными, и измѣнить редакцію §§ 32 и 38. Относительно художниковъ Государственный Совѣтъ, по объясненію президента академіи художествъ, призналъ удобнѣйшимъ, сообразно существующему нынѣ при выпускѣ воспитанниковъ академіи порядку, опредѣлить: чтобы получающія дипломы на званіе художника академіи имѣли право на гражданство именитое, а получающіе одни токмо аттестаты, безъ званія художника, пріобрѣтатели только право почетнаго гражданства.

Обсуждался еще въ этомъ же засѣданіи вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли срокъ пребываніи во второй гильдіи возвысить съ 15 лѣтъ на 20 лѣтъ?—и былъ рѣшенъ утвердительно. Другой вопросъ: слѣдуетъ ли преимущество гражданства распространить и на евреевъ—былъ разрѣшенъ, напротивъ, отрицательно.

Въ засѣданіи 14 апрѣля предъявлено было Государственному Совѣту мнѣніе Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицина. О гражданствѣ въ немъ говорилось слѣдующее: „Среднее состояніе или *граждане*, классъ общества столь полезный и достойный особаго вниманія, имѣлъ прежде занятія различныя отъ дворянства, но воспитаніе, просвѣщеніе и отстраненіе предразсудковъ, ознаменовавшее новѣйшія времена, сблизили ихъ съ первенствующимъ классомъ, и впослѣдствіи того всѣмъ открылся путь (съ весьма малыми измѣненіями) къ занятію должностей по высшей и гражданской части, которыя первоначально были исключительною принадлежностью дворянства. Во всѣхъ земляхъ состояніе сіе было допускаемо къ занятію должностей въ правленіи".

„Государи Россійскіе безъ затрудненія послѣдовали тому же обыкновенію, но со временъ Петра Великаго неправильно были приданы должностямъ или мѣстамъ почетныя наимено-

ванія, приносившія съ собою величайшую награду въ гражданскомъ составѣ общества—именно вступленіе въ дворянское сословіе, особыми преимуществами возвышенное передъ другими. Таковое право, таковая система при своемъ введеніи не сопровождались, можетъ быть, большими злоупотребленіями, но впослѣдствіи произвели хаосъ въ государствѣ. Титла сіи представили ложную цѣль для честолюбія частныхъ людей. Это былъ обманчивый блескъ, обольщавшій безпокойную дѣятельность человѣческаго самолюбія. Вмѣсто того, чтобы достойнымъ образомъ исправлять должности гражданскія или посвящать себя наукамъ или искусствамъ, они съ жаромъ бросились быстро пробѣгать всю лѣстницу чиновъ безъ должностей. Одни, прельстясь заманчивостью сихъ наименованій и не отдавая себѣ отчета въ своихъ желаніяхъ, проводили свое время въ ходатайствованіи объ оныхъ, другіе по лучшему разсчету достигали подъ прикрытіемъ сихъ титловъ до мѣстъ и знаковъ отличій высшихъ классовъ. Правительство давно почувствовало сіе зло. Просвѣщенный классъ общества старался обратить на него заботливое вниманіе Государя. Мудрость его намъ нынѣ исправитъ сей искривленный ходъ службы“.

„Замѣтивъ, что честолюбіе нашихъ соотечественниковъ получило невѣрное направленіе и что пути, протекаемые онымъ, служатъ единственно къ разстройству общаго порядка, не должно ли остеречься, чтобъ изъ мелкихъ видовъ не впасть въ подобныя несообразности, и чтобы новыя наши учрежденія не затрудняли хода, которому должны мы слѣдовать для лучшаго направленія честолюбія нашихъ соотечественниковъ. Опасеніе сіе возымѣлъ я при чтеніи IV главы проекта, гдѣ опредѣлены различные разряды гражданства и преимущества ихъ. хотя мѣста, занимаемыя по службѣ не будутъ болѣе средствомъ доставать дворянское званіе и сія послѣдняя награда пріобрѣтаться будетъ по непосредственному благоволенію Императорскаго Величества—перемѣна весьма важная, которою одолжены мы будемъ новому проекту“.

„При всемъ томъ еще появляется новый порядокъ постепеннаго возвышенія въ семъ классѣ общества, который кажется

мнѣ неимѣющимъ опредѣленной цѣли и по мнѣнію моему можетъ служить только лишь пищею ложному любочестію и поддерживать прежнее пустое безпокойство самолюбія".

„Каждый классъ общества во всѣхъ вѣкахъ и государствахъ раздѣлялся всегда на двѣ части: къ одной принадлежали члены сего класса по праву, къ другой принадлежали члены того же класса по общему мнѣнію. Вездѣ видимъ мы сіи наименованія высшаго духовенства и низшаго духовенства, знатнаго дворянства и простого дворянства, первостепенныхъ, именитыхъ гражданъ и обыкновенныхъ жителей городовъ—мѣщанъ, ремесленниковъ, даже землепашцы подраздѣляются по своему достатку на главныхъ откупщиковъ или фермеровъ, хозяевъ и поденьщиковъ или работниковъ. Зачѣмъ искать намъ новыхъ наименованій сверхъ нынѣ существующихъ, которыя достаточно могутъ согласить понятія наши объ устройствѣ общественномъ съ понятіями вообще принятыми, и, скажу болѣе, чтобъ подкрѣпить мысль мою, которыя приняты были у насъ до введенія тѣхъ названій чиновъ, которые предполагается отмѣнить".

„Я полагалъ бы раздѣлить гражданское состояніе на 1) именитыхъ гражданъ и 2) гражданъ.

„Утвердивъ за первыми наслѣдственность ихъ правъ, можно бы было предоставить имъ все то, что признаемъ мы нужнымъ для учрежденія высшаго и уважаемаго гражданства, всѣ преимущества, предназначенныя въ проектѣ для трехъ разрядовъ. Сверхъ того я думалъ бы соединить въ одно преимущество права, предоставляемыя особо двумъ первымъ разрядамъ. Тогда дѣти служащихъ по военной или по гражданской части пользовались бы правами, предназначаемыми для чиновнаго гражданства; тогда всякаго рода отличія, на которыя могутъ имѣть право: родъ, заслуги, успѣхи въ наукахъ, въ искусствахъ, усовершенствованіе издѣлій и вообще все то, что возводитъ промышленность и человѣка на высшую степень образованія были бы удѣломъ именитаго гражданства. Само собою разумѣется, что не иначе какъ по весьма строгому разсмотрѣнію должно бы было допускать къ переходу въ сей первостепенный разрядъ гражданства".

„Граждане, называемые нынѣ мѣщанами или простыми обывателями, останутся при тѣхъ преимуществахъ, коими теперь пользуются. Образованіе, какое нѣкогда могутъ получать они въ особыхъ учреждаемыхъ нынѣ для сей цѣли заведеніяхъ, возвысятъ въ общемъ мнѣніи, какъ сіе наименованіе, такъ и равно и самихъ членовъ, оное званіе составляющихъ, и ничто не воспрепятствуетъ имъ со временемъ по исполненіи требуемыхъ условій перейти въ разрядъ высшій. Кому невозможно будетъ поступить въ именитое гражданство, тотъ, оставаясь во второмъ разрядѣ, можетъ еще пользоваться разными преимуществами, принадлежащими или купеческимъ гильдіямъ или публичнымъ воспитательнымъ заведеніямъ, гдѣ могъ онъ получить свое образованіе. При такомъ распорядкѣ только тѣ лишены будутъ права пользоваться какими-либо преимуществами, которые не имѣютъ никакихъ способностей или же извѣстны по худому поведенію. Мы избѣгнемъ тѣмъ самымъ затрудненія облекать пустыми наименованіями обыкновенную посредственность и изобрѣтать новыя подраздѣленія разрядовъ для мелкихъ постепенностей въ способностяхъ и прочихъ отношеніяхъ“.

„Мнѣ кажется, что всѣ чиновники, имѣющіе нынѣ классы отъ 14-го до 9-го, должны бы были составлять особое сословіе до тѣхъ поръ, пока они сами или ихъ дѣти не поступятъ въ разрядъ высшаго гражданства, слѣдуя путемъ для сего предначертаннымъ. Можно бы было тѣмъ, которые пользуются симъ правомъ, оставить оное по смерть. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что большая часть сихъ чиновниковъ суть люди, ничѣмъ не отличающіеся отъ простыхъ гражданъ, люди также невоспитанные и не мало необразованные ученьемъ“ [1]).

Обсудивъ мнѣніе князя Голицына, Государственный Совѣтъ остановился на его предложеніи составить гражданство изъ двухъ только разрядовъ: именитаго и просто гражданства. Государственный Совѣтъ согласился на убавленіе одного разряда гражданъ, съ отмѣною гражданъ чиновныхъ, но трипрочіе при-

[1]) Сб. И. Р. И. Общ. т. XC, стр. 572—574.

зналъ необходимыми, такъ какъ мѣщане не могутъ быть причислены къ крестьянству, а бывъ подвержены подушному окладу, поставкѣ рекрутъ и тѣлесному по суду наказанію, не могутъ быть присоединены къ прочему гражданству. Для торгующаго же класса, ученыхъ, художниковъ и капиталистовъ, въ томъ числѣ и иностранцевъ, покуда не пріобрѣтутъ они право на именитое гражданство, было бы унизительно состоять на одной чредѣ съ мѣщанами.

Вслѣдствіе этого Государственный Совѣтъ, оставляя три сословія въ гражданствѣ: именитыхъ, почетныхъ гражданъ и мѣщанъ, положилъ ограничить статью объ евреяхъ тѣмъ только, что правила о пріобрѣтеніи правъ именитаго гражданства до нихъ не касаются и помѣстить, гдѣ приличнѣе будетъ, что права гражданства пріобрѣтаются людьми свободнаго состоянія, дабы отдѣлить тѣмъ крѣпостныхъ людей, получающихъ образованіе въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Всѣ эти занятія и работы комитета и Государственнаго Совѣта не получили, однако, никакого практическаго результата. Дополнительный законъ о состояніяхъ не былъ вовсе изданъ. Изъ всѣхъ предположеній комитета 6 декабря 1826 года дѣйствительно осуществилось только одно: объ установленіи въ городскомъ населеніи почетнаго гражданства и то въ совершенно не томъ видѣ, какъ это предполагалось комитетомъ въ 1830 году.

Въ послѣднія два засѣданія 2 и 9 марта 1832 года уже доживавшаго свой вѣкъ комитета была имъ разсмотрѣна внесенная въ него по Высочайшему повелѣнію всеподданнѣйшая записка Министра Финансовъ, гдѣ предполагалось, даровать отличнымъ купеческимъ семействамъ, не общимъ какимъ либо закономъ, а частными грамотами, права потомственнаго почетнаго гражданства, т. е. освобожденіе отъ подушнаго оклада, отъ поставки рекрутъ и отъ тѣлеснаго наказанія, чѣмъ классъ сей не только весьма бы поощрился, но еще привязался бы къ правительству" [1]).

Комитетъ, раздѣляя убѣжденіе Министра Финансовъ въ

[1]) Сб. И. Р. Ист. Общ., т. 74, стр. 484—487.

пользѣ отъ учрежденія класса, долженствующаго возвысить городское состояніе и болѣе къ нему привязать людей, въ семъ состояніи рожденныхъ и воспитанныхъ, и остановился на нѣсколькихъ частныхъ вопросахъ.

Первымъ изъ нихъ былъ вопросъ, полезнѣе ли, согласно предложенію министра, установить пріобрѣтеніе права гражданства частными грамотами, въ видѣ отличія отъ милости и уваженій личныхъ зависящаго, или, напротивъ, не лучше ли было бы установить пріобрѣтеніе званія почетнаго гражданина въ видѣ права, общимъ опредѣленнымъ закономъ установляемаго. Комитетъ отдалъ предпочтеніе второму способу, такъ какъ тогда будутъ устранены произволъ и всякая возможность несправедливости или пристрастія. При томъ же милость, единственно отъ произвола зависящая, привязываетъ къ правительству лично тѣхъ только, кто ее получаетъ, тогда какъ право общимъ закономъ установляемое, привязываетъ и поощраетъ и надѣющихся воспользоваться этимъ постановленіемъ закона.

Второй вопросъ заключался въ томъ, должно ли гражданство быть только потомственное, или и личное? Комитетъ рѣшилъ быть обоимъ разрядамъ, такъ какъ облеченіе столь важными правами нѣкоторыхъ лицъ вмѣстѣ съ ихъ потомствомъ можетъ быть неудобнымъ, а между тѣмъ сами эти лица могутъ вполнѣ заслуживать преимуществъ гражданства.

Третій вопросъ касался наименованія вновь установляемаго сословія гражданъ, и комитетъ предпочелъ названіе почетныхъ гражданъ названію именитые, такъ какъ по дѣйствовавшимъ тогда законамъ слово именитый гражданинъ имѣло другое значеніе: и внукамъ носящихъ это званіе предоставлено было право просить потомственное дворянство.

Четвертый вопросъ, намѣченный комитетомъ, состоялъ въ томъ, дать ли право государственной службы почетнымъ гражданамъ и рѣшилъ его отрицательно, такъ какъ главнѣйшая цѣль учрежденія почетнаго гражданства удержать городскихъ обывателей въ настоящемъ ихъ положеніи, а классъ служащихъ безмѣрно умножается.

Наконецъ, пятымъ вопросомъ былъ поставленъ комитетомъ вопросъ о томъ, кѣмъ должны выдаваться грамоты и свидѣтельства на званіе почетнаго гражданства, и онъ рѣшилъ выдавать грамоты на потомственное, и свидѣтельства на личное гражданство сенату.

Выработанныя на этихъ основаніяхъ проекты Манифеста, содержащаго самый законъ о почетномъ гражданствѣ и распорядительнаго о немъ указа правительствующему сенату, были внесены въ Государственный Совѣтъ, помимо департамента законовъ, прямо въ общее собраніе 28 марта 1832 года.

Проекты эти подверглись при этомъ обсужденіи весьма немногимъ измѣненіямъ: въ проектѣ Манифеста сдѣлано ихъ семь, а въ проектѣ распорядительнаго указа сенату только одно.

Въ проектѣ Высочайшаго манифеста Государственнымъ Совѣтомъ были сдѣланы слѣдующія измѣненія:

1) Дабы съ назначеніемъ, по § 2, избирать ученыхъ и художниковъ въ должности городскія не иначе, какъ по собственному ихъ согласію, не могло встрѣтиться, что лица, собственно занимающіяся торговлею и промыслами, или по воспитанію своему въ Россійскихъ университетахъ и въ Академіи художествъ получившія аттестаты и дипломы, опираясь на оные, будутъ уклоняться отъ служенія по выборамъ городскихъ обществъ въ отличіе прочихъ гражданъ, то, для предупрежденія таковыхъ случаевъ, объяснить, что право сіе присвояется только ученымъ и художникамъ, *не записаннымъ въ гильдіи.*

2) Въ § 4 постановляется, чтобы права потомственнаго почетнаго гражданства переходили къ дѣтямъ въ такомъ токмо случаѣ, если они рождены въ свободномъ состояніи. Но какъ могутъ быть обстоятельства, что дѣти лицъ, получившихъ потомственное почетное гражданство, хотя рождены внѣ свободнаго состоянія, но въ послѣдствіи перешли въ оное, то вмѣсто словъ: „рождены въ одномъ изъ свободныхъ состояній“,—сказать: „*принадлежатъ къ свободному состоянію*“.

3) Для вящшаго достоинства права потомственнаго по-

четнаго гражданства постановить, жаловать онымъ по отличіямъ въ наукахъ только тѣхъ, кои, по испытаніи въ университетѣ удостоены будутъ ученой степени доктора или магистра; кандидаты же и дѣйствительные студенты при сохраненіи дарованныхъ имъ правъ на службу, могутъ вступать въ почетное гражданство только лично. Почему сообразно съ симъ и исправить §§ 5 и 11.

4) Поелику купцы первыхъ двухъ гильдій, по самому торговому разряду, состоятъ уже въ числѣ личныхъ почетныхъ гражданъ, то повторять объ этомъ въ манифестѣ излишне и для того исключить изъ онаго § 6-й и окончаніе § 14.

5) Сказанное въ § 8, что дѣти личныхъ дворянъ увольняются отъ обязанности избирать другой родъ жизни, исключить, дабы не подать сомнѣнія, что послѣ сего лишатся они права поступать на службу.

6) Для уравненія сроковъ на право полученія потомственнаго почетнаго гражданства, какъ для россійскихъ, такъ и для иностранныхъ подданныхъ назначить для тѣхъ и другихъ одинъ 10-лѣтній срокъ.

7) Дабы съ одной стороны поддержать достоинство званія почетнаго гражданина, а съ другой, предохранить почетные роды гражданства отъ упадка, чѣмъ исполнится цѣль изданія настоящаго закона, нужно предупредить, чтобы записавшійся въ такіе ремесленные цехи, съ коими по закону не сопряжена записка въ гильдіи, или вступившій въ услуженіе для домашнихъ работъ, не могъ уже возвращаться послѣ въ прежнее званіе; почему прежнему § 20 дать слѣдующую редакцію: „Въ сихъ случаяхъ почетный гражданинъ, сохраняя лично право свободы отъ тѣлеснаго наказанія, подушной подати и рекрутской повинности, лишается всѣхъ прочихъ преимуществъ своего состоянія и на письмѣ именуется не гражданиномъ, а цеховымъ мастеромъ или просто жителемъ такого-то города. Но если таковый гражданинъ принадлежитъ къ званію сему потомственно, то дѣти его не теряютъ отъ сего ни одного изъ правъ по рожденію ему принадлежащихъ“.

Въ распорядительномъ указѣ Сенату намѣчено Совѣтомъ только одно измѣненіе. „Такъ какъ дѣла по разсмотрѣнію правъ на дворянство докладываются герольдіей въ Общемъ Собраніи Сената, то для предупрежденія вопроса, сказать въ указѣ опредѣлительно, что дѣла по возведенію въ почетное гражданство докладываются герольдіей первому департаменту Сената“.

Проекты съ этими измѣненіями были разсмотрѣны Государемъ 8 апрѣля того же 1832 года и 10 апрѣля утверждены.

Права и преимущества, дарованныя грамотой 1785 года городамъ и ихъ обывателямъ,—такъ начинается манифестъ объ учрежденіи почетнаго гражданства,—съ того времени за много лѣтъ, по движенію торговли и промышленности, содѣлались настоящему положенію ихъ въ нѣкоторыхъ частяхъ несоразмѣрными. По сему и желая новыми отличіями болѣе привязать городскихъ обывателей къ состоянію ихъ, отъ процвѣтанія коего зависятъ и успѣхи торговли и промышленности, мы признали за благо права и преимущества ихъ упрочить слѣдующими постановленіями.

Почетнымъ гражданамъ даруется свобода отъ подушнаго оклада, отъ рекрутской повинности и отъ тѣлеснаго наказанія; право участвовать въ выборахъ по недвижимой въ городѣ собственности и быть избираемыми въ городскія общественныя должности не ниже тѣхъ, въ кои поступаютъ купцы первыхъ двухъ гильдій. Ученые же и художники къ почетному гражданству принадлежащіе, но въ гильдіи не записанные, избираются въ должности не иначе, какъ по собственному ихъ согласію; право именоваться во всѣхъ актахъ почетными гражданами, съ присоединеніемъ этого названія и къ поименованію гильдіи, если кто въ оную записанъ. Преимущества почетнаго гражданина отдѣльны и независимы отъ правъ торговли, пріобрѣтаемыхъ запискою въ гильдію (§ 2).

Права почетнаго гражданства пріобрѣтаются или лично—пожизненно, или навсегда—потомственно. Потомственныя права переходятъ ко всѣмъ законнымъ дѣтямъ, если они состоятъ

въ свободномъ состояніи. Сообщеніе почетнаго гражданства женамъ подчиняется общему правилу, что мужъ высшаго состоянія сообщаетъ его женѣ, а жена высшаго состоянія по замужеству его не теряетъ (§ 4).

Причисленія въ личное гражданство могутъ просить: 1) удостоенные званія кандидата или дѣйствительнаго студента, сохраняя право вступать на государственную службу; 2) художники свободныхъ состояній, получившіе отъ Академіи художествъ аттестаты объ окончаніи полнаго курса Академіи или о выдержаніи надлежащаго испытанія, а равно удостоенные диплома на званіе художника Академіи, если они не въ Академіи воспитаны (§ 5).

Сверхъ того почетное гражданство можетъ быть даруемо лично иностраннымъ ученымъ, художникамъ, торгующимъ капиталистамъ и хозяевамъ значительныхъ мануфактурныхъ и фабричныхъ заведеній, хотя бы и не вступили въ русское подданство, когда по ожидаемой отъ нихъ пользы министерство будетъ о томъ ходатайствовать. Въ такихъ случаяхъ преимущества почетнаго гражданства присвояются иностранцамъ Высочайшимъ указомъ, объявляемымъ Правительствующему Сенату (§ 6).

Къ почетному гражданству потомственному, по самому праву рожденія, принадлежатъ: 1) законныя дѣти потомственныхъ гражданъ и 2) законныя дѣти личныхъ дворянъ, находящіяся въ свободномъ состояніи (§ 7).

Преимуществъ почетнаго потомственнаго гражданства могутъ просить: 1) лица купеческаго сословія; 2) лица другихъ свободныхъ состояній, по отличіямъ въ наукахъ и художествахъ; 3) иностранные ученые, художники, торгующіе капиталисты и хозяева мануфактурныхъ и фабричныхъ заведеній (§ 8).

Почетное потомственное гражданство даруется купцамъ: 1) когда они получаютъ званія коммерціи или мануфактуръ совѣтника; 2) когда они пожалованы орденомъ; 3) когда они состоятъ сряду въ первой гильдіи—десять лѣтъ, а во второй—двадцать. Кто же состоялъ и въ первой и во второй

гильдіи, тому два года второй гильдіи считаются за одинъ годъ первой (§ 9).

По отличіямъ въ наукахъ и художествахъ жалуется потомственное гражданство: 1) удостоеннымъ ученой степени доктора или магистра, сохраняя право на вступленіе въ государственную службу и на пріобрѣтеніе дворянства; 2) воспитанникамъ Академіи художествъ, получившимъ дипломъ на званіе художника Академіи; 3) художникамъ, имѣющимъ дипломы и аттестаты Академіи художествъ, если по минованіи десяти лѣтъ министерство будетъ ходатайствовать о пожалованіи имъ почетнаго потомственнаго гражданства (§ 10).

Иностранные ученые, художники, торгующіе капиталисты и хозяева значительныхъ мануфактурныхъ и торговыхъ заведеній, пробывшіе въ личномъ гражданствѣ не менѣе десяти лѣтъ съ одобреніемъ начальства и вступившіе въ русское подданство, могутъ просить о возведеніи ихъ въ потомственные граждане. Непринявшіе русскаго подданства иностранцы, при тѣхъ условіяхъ могутъ просить о пожалованіи ихъ дѣтямъ, вступившимъ въ русское подданство, потомственнаго гражданства (§ 11).

Просьбы о причисленіи къ почетному гражданству подаются, съ приложеніемъ доказательствъ права на это званіе въ герольдію, разсматривающую ихъ и о заслуживающихъ по закону уваженія, докладываетъ Сенату (§ 12). Сенатъ, если найдетъ представленныя доказательства достовѣрными, выдаетъ на потомственное гражданство грамоты, а на личное—свидѣтельства, по установленнымъ формамъ (§ 13). Этотъ порядокъ причисленія не распространяется на жалуемыхъ въ граждане Высочайшими указами: имъ Сенатъ выдаетъ грамоты уже по утвержденіи въ гражданствѣ (§ 14). Евреи, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ имъ жительство дозволено, могутъ возводиться въ почетное гражданство только за необыкновенныя заслуги или отличные успѣхи въ наукѣ, художествахъ, торговлѣ и мануфактурной промышленности Высочайшими указами (§ 15).

Права почетнаго гражданства теряются навсегда: 1) лишеніемъ ихъ по судебному приговору; 2) лишеніемъ добраго имени также по судебному приговору; 3) злостнымъ бан-

кротствомъ (§ 16). Приговоры судебныхъ мѣстъ о лишеніи почетныхъ гражданъ правъ состоянія или добраго имени, не приводятся въ исполненіе безъ утвержденія Сенатомъ (§ 17). Нѣкоторыя изъ преимуществъ почетнаго гражданства прекращаются: 1) записаніемъ въ цехи, съ коими не связана записка въ гильдіи и 2) вступленіемъ въ услуженіе для домашнихъ работъ. Въ сихъ случаяхъ почетный гражданинъ, сохраняя свободу отъ тѣлеснаго наказанія, подушной подати и рекрутской повинности, лишается права именоваться гражданиномъ, и называется цеховымъ мастеромъ или просто жителемъ города. Но дѣти потомственнаго гражданина, не теряютъ ни одного изъ правъ гражданства (§ 18).

Даруя городамъ сіи новыя права и преимущества, такъ заключаетъ Манифестъ, какъ новый залогъ Высочайшей попечительности и непрерывнаго вниманія къ пользамъ ихъ обывателей, Манифестъ выражаетъ увѣренность въ предохраненіи почетныхъ родовъ гражданъ отъ упадка, въ открытіи вящшаго поощренія къ труду, благонравію и добрымъ навыкамъ: трудолюбіе и способности преуспѣютъ найти въ семъ родѣ жизни свойственную имъ награду, почетъ и отличіе [1]).

Въ дополненіе къ этому манифесту изданъ еще именный, данный Сенату указъ того же числа, о пошлинахъ съ грамотъ на почетное гражданство. Съ грамотъ на потомственное гражданство на богоугодныя заведенія данной губерніи 200 рублей; въ капиталъ для разныхъ въ пользу торговли и промышленности заведеній 800 рублей и за самую грамоту 100 рублей; съ свидѣтельства на личное гражданство платится въ половину; ученые и художники вносятъ съ грамотъ токмо 100 рублей и со свидѣтельствъ по 50 рублей. Пошлины на богоугодныя заведенія отсылаются въ приказы общественнаго призрѣнія; пошлины на капиталъ на торговыя предпріятія назначаемый въ Коммерческій банкъ для употребленія по Высочайшему усмотрѣнію по представленіямъ Министра Финансовъ; пошлину за грамоты и за свидѣтельство въ сенатское казначейство. Дѣло по возведенію въ почетное граж-

1) П. С. З., № 5284.

данство производитъ герольдія и докладываетъ первому департаменту Сената [1]).

Въ общемъ законъ 1832 г. и послужившій ему основаніемъ проектъ слѣдуетъ поставить выше предшествующихъ имъ проектовъ. Самый существенный ихъ недостатокъ заключался въ чрезмѣрной ихъ сложности, никакими практическими потребностями не вызываемой. Предполагая, съ цѣлью подъема нашего городского состоянія, образовать изъ лучшихъ, болѣе дѣятельныхъ, болѣе развитыхъ новое состояніе гражданъ, надѣляемыхъ существенными правами: свободой отъ тѣлеснаго наказанія, отъ рекрутской повинности, отъ подушнаго оклада, эти проекты, раздѣляютъ „состояніе гражданъ" неизвѣстно зачѣмъ на четыре отдѣльныхъ сословія, именуя ихъ чиновными, именитыми, почетными гражданами и четвертое, низшее сословіе гражданства, не гражданами, а мѣщанами и при томъ не надѣляя его никакими новыми правами, а предполагая оставить ихъ въ прежнемъ ихъ положеніи. Никакого смысла, конечно, не было въ такомъ причисленіи, ни къ чему новому не ведущаго обывателей, никакихъ преимуществъ не получающихъ и даже не могущихъ называться гражданами. Затѣмъ другимъ существеннымъ недостаткомъ этихъ проектовъ было образованіе среди гражданства, какъ высшую его степень, „чиновнаго гражданства", надѣленіе ихъ правомъ вступать въ государственную службу, между тѣмъ какъ и тогда главнымъ мотивомъ образованія новаго сословія гражданъ и надѣленія ихъ особыми преимуществами, было удержать лучшихъ, дѣятельнѣйшихъ, болѣе развитыхъ городскихъ обывателей въ городскомъ состояніи, удерживая ихъ отъ наклонности къ къ переходу въ чиновничество. Установленіе чиновнаго гражданства привело бы къ результатамъ прямо противоположнымъ этой цѣли. У насъ бы оказалось, вмѣсто большаго развитія городского состоянія, на ряду съ дворянствомъ, еще второе служилое дворянство.

Этого еще мало: чиновнымъ гражданамъ предполагалось предоставить и право быть избираемыми на должности, за-

[1]) П. С. З., № 5285.

мѣщаемыя дворянскими выборами, такимъ образомъ предполагалось отвлекать гражданъ отъ занятія торговлею и промысломъ.

Все это не вошло въ текстъ закона 1832 г., но и въ немъ все-таки въ прямомъ противорѣчіи вводнымъ словамъ манифеста, что „законъ издается съ цѣлью новыми отличіями привязать городскихъ обывателей къ состоянію ихъ, отъ процвѣтанія коего зависятъ успѣхи и промышленности"; въ законъ включена, какъ мы видѣли, статья 18, представляющая занятія какимъ-нибудь ремесломъ и принадлежность къ соотвѣтственному цеху, какъ дѣло позорное такъ, что на время нахожденія въ цехѣ, гражданинъ лишается права именоваться гражданиномъ. Оба пункта этой статьи остаются дѣйствующими и въ настоящее время.

Кругъ лицъ, могущихъ получать почетное гражданство, очень быстро расширяется. Уже въ изданіи 1842 г. имѣется нѣсколько новыхъ въ этомъ отношеніи постановленій. Личное гражданство предоставляется окончившимъ съ успѣхомъ курсъ московскихъ: практической академіи коммерческихъ наукъ, коммерческаго училища и третьей гимназіи и петербургскихъ высшаго коммерческаго пансіона и коммерческаго училища, а также артистамъ перваго разряда императорскихъ театровъ, прослужившимъ въ этомъ званіи безпорочно и усердно не менѣе десяти лѣтъ, и еще калмыкскимъ зайсангамъ, неимѣющимъ наслѣдственныхъ аймаковъ (ст. 600). Просить возведенія въ потомственное гражданство могутъ, сверхъ означенныхъ въ законѣ 1832 г., артисты перваго разряда, прослужившіе 15 лѣтъ, и калмыцкіе зайсанги, имѣющіе наслѣдственные аймаки (ст. 602 п. 4). Потомственное гражданство дается безъ ихъ прошенія выпускаемымъ изъ второго разряда Горыгорѣцкой земледѣльческой школы отличнѣйшимъ практическимъ агрономамъ (ст. 64, п. 3). Это первый примѣръ допустимости пожалованія почетнаго гражданства за научное знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ, установленный закономъ 1836 г. апрѣля 24 (П. С. З. 9097).

Въ изд. свод. зак. 1857 г. увеличилось число условій полученія потомственнаго гражданства по праву рожденія, а

именно, распространено кромѣ дѣтей личныхъ дворянъ, на дѣтей чиновниковъ и духовныхъ лицъ, имѣющихъ ордена Анны 2, 3 и 4 степени, рожденныхъ въ свободномъ состояніи (ст. 576, п. 2). Право просить о причисленіи къ личному гражданству имѣютъ всѣ воспитанники гимназій, кончившіе курсъ съ награжденіемъ медалями, приготовляющіеся для торговли воспитанники Лазаревскаго института восточныхъ языковъ по окончаніи полнаго курса, кончившіе успѣшно курсъ въ Тифлисскомъ уѣздномъ коммерческомъ училищѣ, послѣ занятія коммерческими оборотами въ Закавказьѣ не менѣе пяти лѣтъ такихъ занятій; удостоенные хорошихъ аттестатовъ бывшимъ училищемъ сельскаго хозяйства вольнаго экономическаго общества, дѣти купцовъ первыхъ двухъ гильдій, послѣ управленія частными имѣніями не менѣе десяти лѣтъ; подъ тѣмъ же условіемъ и воспитанники Московской земледѣльческой школы и удостоенные Горыгорѣцкимъ земледѣльческимъ училищемъ званіемъ ученыхъ управителей; лица, принадлежащія къ сословіямъ, неимѣющимъ права вступать въ государственную службу, прослужившія десять лѣтъ съ особенной пользой въ Россійско-Американской компаніи; жители городовъ Анапы, Новороссійска и Сухума (ст. 577, пп. 7, 9—12, 15, 16). Получаютъ само собой личное гражданство пріобрѣвшіе: на службѣ гражданской или при отставкѣ чинъ XIV класса, оберъ-офицерскій чинъ при отставкѣ или при переходѣ въ гражданскую службу; канцелярскіе служители гражданскаго вѣдомства (ст. 578 п. 1—5) и ахунъ магометанскаго духовенства гвардейскаго корпуса при отставкѣ (ст. 579). Служившіе въ Россійско-Американской компаніи и жители Анапы, Новороссійска и Сухума могутъ быть возводимы и въ потомственные граждане (ст. 586).

Въ изданіи 1876 г. видимъ дальнѣйшее расширеніе условій пріобрѣтенія почетнаго гражданства.

Пріобрѣтеніе потомственнаго гражданства рожденіемъ распространяется: 1) на дѣтей православныхъ священнослужителей и церковныхъ причетниковъ, окончившихъ полный курсъ семинаріи; 2) дѣтей всѣхъ духовныхъ лицъ армяно-григоріанскаго исповѣданія; 3) дѣтей протестантскихъ про-

повѣдниковъ, кромѣ рожденныхъ послѣ выхода ихъ изъ должности проповѣдника; 4) дѣти лицъ исполнявшихъ безпорочно въ теченіи двадцати лѣтъ должность закавказскихъ Шейхъ-Уль Ислама и Муфтія; 5) дѣти личныхъ дворянъ; 6) дѣти оберъ-офицеровъ, чиновниковъ и духовныхъ лицъ, пожалованныхъ орденами Св. Станислава или Св. Анны; 7) тифлисскіе моkалаки, кромѣ лишенныхъ всѣхъ или всѣхъ особенныхъ правъ состоянія, признанныхъ злостными банкротами или простыми банкротами, но съ приговореніемъ ихъ къ содержанію подъ стражей и лишенію правъ торговли, и состоящихъ въ услуженіи для домашнихъ работъ.

О причисленіи въ потомственное гражданство могутъ просить, получившіе званіе лекаря, магистра фармаціи и ветеринарныхъ наукъ; получившіе званіе магистра отъ Петровской земледѣльческой академіи; караимскіе гаханы, занимавшіе должности не менѣе 12 лѣтъ; сыновья лицъ, именовавшихся менгелинскою шляхтою; мастеровые Петербургской и Московской синодальныхъ типографій изъ дѣтей церковнослужителей (ст. 503, пп. 2, 3, 5, 7, 8).

По особымъ представленіямъ къ потомственному гражданству причисляются технологи, пробывшіе не менѣе 10 лѣтъ въ званіи инженеръ-технологовъ, занимаясь съ успѣхомъ управленіемъ фабрикъ и заводовъ или исправляя обязанности техническихъ инженеровъ (ст. 504, п. 2).

Причисленія къ личному гражданству могутъ просить всѣ вообще лица, получившія званіе кандидата или дѣйствительнаго студента, хотя бы и не отъ университета (ст. 506, пп. 1, 4, 5, 9); окончившіе курсъ въ историко-филологическомъ институтѣ съ званіемъ учителя гимназіи (п. 6), окончившіе курсъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ съ званіями механика-строителя, инженеръ-механика и инженеръ-технолога (п. 7); окончившіе курсъ въ Петербургскомъ практическомъ технологическомъ институтѣ технологи перваго разряда (п. 8); воспитанники, окончившіе полный курсъ наукъ въ главномъ училищѣ въ Умани (п. 11); евреи, имѣющіе аттестаты объ окончаніи полнаго курса наукъ въ Лицеѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, а

также евреи, кончившие до преобразованія гимназій въ 1864—1871 годахъ, полный гимназическій курсъ наукъ съ наградой медалями (п. 23); дѣти чиновъ высшаго закавказскаго мусульманскаго духовенства, членовъ духовнаго правленія, членовъ Меджлисовъ, казій, прослужившихъ не менѣе 20 лѣтъ (п. 25); караимскія томаши, занимавшіе должности не менѣе 12 лѣтъ (п. 30).

Причисленія въ почетное гражданство личное удостаиваются по особымъ представленіямъ воспитанники, кончившіе полный курсъ въ училищахъ садоводства со званіемъ ученыхъ садовниковъ по истеченіи 10 лѣтъ управленія сельско-хозяйственными имѣніями — министерствомъ государственныхъ имуществъ (ст. 507, п. 3); окончившіе въ Лисичанской штейгерской школѣ курсъ съ званіемъ штейгера и прослужившіе не менѣе 12 лѣтъ въ горныхъ сему званію свойственныхъ работахъ—тѣмъ же министерствомъ (п. 7).

Изданіе IX тома 1876 года—послѣднее и къ нему имѣются продолженія только 1890, 1891 и 1895 годовъ. Въ предисловіи къ продолженію 1895 года было сказано, что продолженіе къ IX тому въ него не включено, такъ какъ приготовляется новое изданіе этого тома. Но вотъ прошло съ тѣхъ поръ уже четыре года, а IX томъ все еще остается безъ новаго изданія и безъ новыхъ продолженій.

Въ продолженіи 1890 года къ ст. 503 прибавлено три новыхъ пункта; причисленія къ потомственному гражданству могутъ просить: кончившіе полный курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ и прослужившіе по управленію имѣніями, по веденію въ нихъ счетоводства, по завѣдыванію какою-либо отдѣльною отраслью хозяйства или сельскохозяйственнаго промышленнаго предпріятія не менѣе семи лѣтъ (п. 10); лица, окончившія полный учебный курсъ въ Петровской сельскохозяйственной академіи и занимавшіяся не менѣе пяти лѣтъ послѣ того управленіемъ имѣніями или завѣдываніемъ какою-либо одной отраслью хозяйства или сельскохозяйственнаго промышленнаго предпріятія (п. 11); лица, пріобрѣвшія отъ духовныхъ академій ученыя степени доктора или магистра (п. 9). Къ ст. 504 добавленъ новый пунктъ о при-

численія къ потомственному гражданству по особымъ представленіямъ при выходѣ въ отставку отличнѣйшіе лѣсные кондуктора, успѣшно окончившіе курсъ въ низшихъ лѣсныхъ школахъ, а также не учившіеся въ лѣсныхъ школахъ, если они занимались въ теченіе двухъ лѣтъ практикой лѣснаго дѣла въ одномъ изъ казенныхъ лѣсничествъ и затѣмъ по достиженіи 18-лѣтняго возраста выдержали установленное для воспитанниковъ лѣсныхъ школъ выпускное испытаніе (п. 5). Къ ст. 506 добавлено десять новыхъ пунктовъ; причисленія въ личное гражданство могутъ просить: пріобрѣвшіе отъ духовныхъ академій званія кандидата или дѣйствительнаго, или отъ семинаріи званіе студента (п. 32); отлично кончившіе полный курсъ въ земледѣльческихъ училищахъ съ аттестатами перваго разряда (ст. 33); удостоенные Петербургскимъ лѣснымъ институтомъ званія ученаго лѣсовода, какъ перваго, такъ и втораго разряда (п. 34); кончившіе курсъ въ Петровскомъ училищѣ Петербургскаго купеческаго общества съ аттестатомъ (п. 35); воспитанники Успенской сельскохозяйственной школы, удостоенные званія сельскихъ приказчиковъ или садовниковъ, проведшіе въ занятіяхъ по сельскому хозяйству или садоводству не менѣе 10 лѣтъ (п. 36); ученики Комиссаровскаго техническаго училища въ Москвѣ, пробывшіе, по окончаніи курса, непрерывно три года на фабрикахъ, заводахъ или при другой дѣятельности по технической части и получившіе отъ управленія тѣхъ учрежденій, гдѣ занимались, удостовѣреніе объ усердіи къ дѣлу могутъ быть удостоены званія техника по механическому дѣлу и вмѣстѣ съ тѣмъ правами личнаго почетнаго гражданства (п. 37); окончившіе курсъ промышленныхъ училищъ съ удостоеніемъ званія техника (п. 38); ученики Александровскаго коммерческаго училища, окончившіе курсъ съ полученіемъ аттестата (п. 39); получившіе въ Петровской сельскохозяйственной академіи званіе Агронома перваго или втораго разряда (п. 40); окончившіе курсъ Домбровскаго горнаго училища со званіемъ штейгера или заводскаго уставщика и проведшіе 10 лѣтъ въ занятіяхъ по горному дѣлу (п. 41).

Причисленія къ личному почетному гражданству по

особымъ представленіямъ удостаиваются, по тому же продолженію: окончившіе успѣшно курсъ горнаго училища С. С. Полякова и прослужившіе, съ одобреніемъ, 12 лѣтъ въ горныхъ работахъ, свойственныхъ званію штейгера на казенныхъ рудникахъ—по представленію министра государственныхъ имуществъ (ст. 507, п. 7, примѣч.); ученики земледѣльческихъ училищъ, выдержавшіе окончательное испытаніе, получившіе аттестаты втораго разряда и представившіе въ совѣтъ училища удовлетворительные отчеты о трехлѣтнихъ, по выпускѣ, практическихъ занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ (п. 12); воспитанники Маріинской учительской семинаріи въ городѣ Павловскѣ, успѣшно исполнявшіе обязанности учителя въ теченіе 12 лѣтъ. Правило это распространяется и на учителей, кончившихъ курсъ этой семинаріи ранѣе 28 февраля 1881 г. и находящихся съ тѣхъ поръ на службѣ въ должности сельскаго учителя, наблюдателя или репетитора семинаріи (п. 13); воспитанники всѣхъ вообще учительскихъ семинарій и школъ, равно какъ и Екатерининскаго учительскаго института, успѣшно исполнявшіе въ теченіе 12 лѣтъ обязанности учителя сельскаго начальнаго народнаго училища (п. 14).

Въ продолженіи 1891 г. статья 506, п. 14 дополнена указаніями на окончившихъ съ успѣхомъ полный курсъ Петербургскаго, Одесскаго и Харьковскаго коммерческаго училища.

Въ продолженіи 1893 г. къ ст. 504 сдѣлано примѣчаніе, передающее содержаніе закона 9 іюня 1892 года, очень расширившаго условія пріобрѣтенія почетнаго гражданства Этимъ закономъ постановляется, что „награжденіе званіемъ личнаго почетнаго гражданина можетъ быть испрашиваемо лицамъ всѣхъ сословій за оказанную ими на разныхъ поприщахъ полезную дѣятельность, продолжавшуюся не менѣе десяти лѣтъ. Званіе потомственнаго почетнаго гражданина испрашивается состоявшимъ не менѣе десяти лѣтъ на тѣхъ же поприщахъ въ званіи личнаго гражданина. Кромѣ того добавлены къ ст. 506 два новыхъ пункта: 42) о предоставленіи личнаго почетнаго гражданства безъ взима-

нія установленной за свидѣтельство на сіе званіе пошлины, ученымъ рисовальщикамъ Строгановскаго училища техническаго рисованія въ Москвѣ, прослужившимъ по окончаніи курса ученія непрерывно три года на фабрикахъ и представившимъ въ совѣтъ училища удостовѣреніе отъ управленій оныхъ объ успѣшныхъ занятіяхъ по ихъ спеціальности, усердіи къ дѣлу и отличномъ поведеніи и 43) Агрономы и лѣсоводы перваго и втораго разряда института сельскаго хозяйства и лѣсоводства въ Новой Александріи причисляются къ личному почетному гражданству безъ взиманія установленной за грамоты пошлины.

Имѣются и невнесенные ни въ одно изъ существующихъ къ IX тому продолженій законы позднѣйшихъ годовъ. Законъ 12 мая 1893 года о томъ, что по окончаніи курса окончившіе курсъ Иркускаго горнаго училища съ званіемъ штейгера-уставщика и представившіе удостовѣреніе мѣстнаго окружнаго горнаго инженера въ проведеніи десяти лѣтъ въ горныхъ, сему званію свойственныхъ, работахъ на казенныхъ или частныхъ рудникахъ удостоиваются званія личнаго почетнаго гражданина. Законъ 1894 года марта 21 о причисленіи къ личному почетному гражданству кончившихъ курсъ Бессарабскаго училища винодѣлія съ званіемъ винодѣла; іюня 3 о предоставленіи окончившимъ курсъ по первому разряду Никитскаго училища садоводства и винодѣлія и пробывшимъ десять лѣтъ на практикѣ по садоводству или винодѣлію могутъ быть представляемы къ награжденію званіемъ личнаго почетнаго гражданина; іюня 6 о причисленіи инженеръ-механиковъ, инженеръ-технологовъ, механиковъ и технологовъ, получившихъ эти званія отъ Императорскаго Московскаго техническаго училища, къ сословію почетныхъ личныхъ граждан; того же числа о причисленіи къ личному почетному гражданству агрономовъ и агрономъ-техниковъ, получившихъ эти званія въ Московскомъ сельскохозяйственномъ институтѣ. Законы 1896 года: апрѣля 15 объ удостоеніи окончившихъ полный курсъ коммерческихъ училищъ, учрежденныхъ на основаніи Положенія о коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ 15 апрѣля 1896 г.; 20 апрѣля о предоставленіи

права на полученіе званія личнаго почетнаго гражданина удостоеннымъ отъ состоящаго при Московскомъ художественномъ обществѣ училища живописи званія художника; мая 6 о причисленіи къ потомственному почетному гражданству по представленію министра народнаго просвѣщенія окончившихъ курсъ въ Рижскомъ политехническомъ институтѣ и въ теченіе десяти лѣтъ успѣшно посвящавшихъ себя практическимъ занятіямъ по изученной ими спеціальности; декабря 23 о предоставленіи права причисленія къ личному почетному гражданству окончившимъ курсъ въ Императорскомъ Московскомъ техническомъ училищѣ при дѣйствіи устава 1868 года только подъ условіемъ удостовѣренія ихъ пятилѣтнихъ занятій практической технической дѣятельностью или преподаваніемъ спеціальныхъ предметовъ въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ собраніи узаконеній за 1897 г. содержатся два новыхъ постановленія о предоставленіи званія личнаго почетнаго гражданина: въ статьѣ 553 содержащей уставъ Кіевскаго коммерческаго училища, основаннаго Кіевскимъ купеческимъ обществомъ. Въ § 22 этого устава постановлено, что окончившіе полный курсъ этого училища удостаиваются этимъ званіемъ; тоже самое находимъ и въ ст. 1017, содержащей уставъ трехкласснаго коммерческаго училища К. К. Мазинга въ Москвѣ, окончившіе въ этомъ училищѣ удостоиваются тѣмъ же званіемъ.

Въ собраніи узаконеній за 1898 годъ такихъ постановленій три: въ статьѣ 260, содержащей уставъ Козловскаго коммерческаго училища. Статья 19 этого устава предоставляетъ это званіе окончившимъ полный курсъ этого училища; точно такія же постановленія содержатъ и уставъ Одесскаго коммерческаго училища, составляющаго ст. 818 собр. узак. 1898 г. и положеніе о классахъ торговаго мореплаванія при Одесскомъ коммерческомъ училищѣ, составляющее ст. 946 собр. узак. того же года.

Такимъ образомъ постепенное развитіе нашего законодательства о почетномъ гражданствѣ въ теченіе истекшихъ 66 лѣтъ характеризуется тремя основными чертами: 1) все большимъ расширеніемъ круга лицъ, могущихъ получить

право почетнаго гражданства, 2) все большимъ преобладаніемъ въ условіяхъ такого полученія—условія образованности, и 3) измѣненіемъ тѣхъ преимуществъ, какія были предоставлены почетнымъ гражданамъ закономъ 1832 года; изъ нихъ два преимущества потеряли всякое значеніе, свобода отъ рекрутской повинности, вслѣдствіе введенія общей воинской повинности, и свобода отъ подушной подати, вслѣдствіе общей отмѣны ея. Изъ преимуществъ почетнаго гражданства, установленныхъ закономъ 1832 года, сохранили свое значеніе только два: освобожденіе отъ тѣлеснаго наказанія и отъ дисциплинарной власти сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ. Но къ этимъ двумъ преимуществамъ съ изданіемъ въ 1894 году положенія о видахъ на жительство присоединилось новое преимущество—свобода передвиженія внутри предѣловъ Имперіи, такъ какъ статья 33 этого положенія постановляетъ, что наряду съ дворянами, лицами, уволенными отъ государственной службы, офицерскими чинами запаса, чиновниками запаса, купцами и разночинцами и для почетныхъ гражданъ видами на жительство служатъ *безсрочныя* паспортныя книжки.

Поэтому нельзя сказать, чтобы всѣ преимущества почетнаго гражданства потеряли теперь всякое значеніе. Быть почетнымъ гражданиномъ представляетъ и въ настояще время значительныя выгоды и въ отношеніи къ отдѣльнымъ лицамъ дѣйствующее законодательство о почетномъ гражданствѣ дѣйствуетъ очень благотворно, являясь могущественнымъ рычагомъ подъема уровня образованія отдѣльныхъ лицъ сельскаго и мѣщанскаго состоянія.

Но совсѣмъ иное дѣйствіе оказываетъ это законодательство въ отношеніи къ уровню образованности сельскихъ и мѣщанскихъ. Согласно дѣйствующему законодательству полученіе званія почетнаго гражданина и связанныхъ съ нимъ преимуществъ влечетъ обязательно за собою исключеніе изъ состава сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ и, слѣдовательно, потерю правъ на участіе въ сельскихъ волостныхъ и мѣщанскихъ сходахъ и на занятіе должностей крестьянскаго и мѣщанскаго управленія, замѣщаемыхъ по избранію этихъ сходовъ и потому въ отношеніи къ сельскимъ и мѣщанскимъ обще-

ствамъ дѣйствующее законодательство дѣйствуетъ не какъ рычагъ, подъемлющій уровень ихъ образованія, а напротивъ, какъ насосъ, высасывающій изъ него всѣ малѣйшіе зародыши образованности; всѣ земледѣльцы и ремесленники, получившіе профессіональное сельскохозяйственное или ремесленное образованіе и продолжающіе по окончаніи курса обученія опредѣленное закономъ число лѣтъ занятія этими промыслами, дѣлаются почетными гражданами и тѣмъ самымъ исключаются изъ состава сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ.

Конечно, это большое зло: для обезпеченія успѣха развитія сельскаго хозяйства и крестьянскаго управленія надо всѣми силами стремиться къ удержанію въ составѣ сельскихъ и волостныхъ обществъ образованныхъ людей. И то же самое, конечно, примѣнимо и къ обществамъ мѣщанскимъ.

Для устраненія такого обязательнаго, самимъ закономъ установляемаго, исключенія всѣхъ получившихъ образованіе лицъ изъ крестьянскихъ и мѣщанскихъ обществъ возможенъ одинъ только путь: сохранивъ существующія постановленія объ условіяхъ полученія почетнаго гражданства, со всѣми связанными съ нимъ преимуществами, дополнить ихъ новымъ постановленіемъ, что получившіе званіе почетнаго гражданина могутъ, по ихъ желанію, оставаться въ составѣ сельскихъ и мѣщанскихъ обществъ и участвовать въ крестьянскомъ и мѣщанскомъ управленіи. Только при этомъ условіи уровень образованности нашего крестьянства и мѣщанства можетъ подыматься и невѣжество, господствующее въ нихъ до сихъ поръ, умалиться.

Между тѣмъ стремленіе и мѣщанъ и крестьянъ къ образованію несомнѣнно существуетъ и развивается все сильнѣе и сильнѣе. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ отчетъ Петербургскаго университета за 1898 годъ. Изъ него видно, что отношеніе къ общему числу студентовъ студентовъ-мѣщанъ равняется 10,22%; ремесленниковъ—0,79%; слѣдовательно мѣщанъ и цеховыхъ вмѣстѣ—11,01%; крестьянъ—4,46%; казачьяго сословія—0,92%. Число студентовъ мѣщанъ и цеховыхъ превышаетъ вдвое число студентовъ сыновей почетныхъ гражданъ, составляющихъ только 5,33% общаго числа и студентовъ

сыновей лицъ духовнаго званія, составляющихъ 5,52% общаго числа студентовъ и даже сыновей купцовъ, составляющихъ только 6,21% общаго числа студентовъ. Если сложить числа студентовъ изъ трехъ низшихъ сословій—мѣщанъ, цеховыхъ и крестьянъ и казачьяго сословія, они вмѣстѣ составятъ 16,39% общаго числа студентовъ—процентъ уступающій только проценту студентовъ сыновей дворянъ и чиновниковъ, составляющихъ почти въ четыре раза большій процентъ—не хватаетъ всего 0,57%—64,99% общаго числа студентовъ.

Въ заключеніе нельзя не указать на необходимость отмѣны ст. 547 законовъ о состояніяхъ, постановляющей, что почетные граждане, записавшіеся въ цехи, съ записью въ которые не связана запись въ гильдію и вступившіе въ услуженіе для домашнихъ услугъ не могутъ за это время именоваться почетными гражданами, а именуются цеховымъ мастеромъ или просто городскимъ, какъ будто въ ремесленномъ трудѣ и домашней услугѣ можетъ быть что нибудь позорное. И это тѣмъ болѣе, что изрѣдка бываютъ случаи поступленіе въ прислугу обнищавшихъ дворянъ и они, однако, не лишаются и въ это время права именоваться дворянами.

Н. Коркуновъ.

III.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА АВТОРСКАГО ПРАВА.

Авторское право—понятіе новѣйшаго времени, тѣсно связанное въ своемъ возникновеніи съ изобрѣтеніемъ книгопечатанія, когда сдѣлалось возможнымъ, съ ничтожными затратами, одновременное сниманіе многочисленныхъ копій съ одной и той же рукописи. Благодаря этому, книга стала доступна, по своей дешевизнѣ, средней публикѣ и сдѣлалась предметомъ торговли, подобно всѣмъ другимъ предметамъ производства.

Въ первое время книгопечатанія издавались типографскимъ способомъ произведенія духовнаго содержанія или труды классическихъ авторовъ, т. е. лицъ, давно окончившихъ свое земное существованіе. Это обстоятельство, какъ вѣрно подмѣтилъ Schürmann (Autoren und Verleger S. 94), не осталось безъ вліянія на историческій ходъ развитія авторскаго права: за отсутствіемъ авторовъ, имущественный интересъ печатанія, заключающійся въ правѣ дальнѣйшаго размноженія оригинала въ печатныхъ копіяхъ для продажи, сосредоточился въ издателяхъ, дѣятельность которыхъ сдѣлалась своего рода промысломъ.

Въ послѣднемъ отношеніи скоро возникла конкурренція между нѣсколькими издателями одного и того же сочиненія. Первый издатель, предпринимая изданіе какого-нибудь сочиненія, неизбѣжно вынуждался дѣлать не малыя затраты какъ на пріобрѣтеніе рукописи, и провѣрку ея текста, такъ равно

на самое печатаніе и корректуру и т. д.; при чемъ расчитывалъ вернуть затраты изъ продажной стоимости книги. На дѣлѣ однако не рѣдко такой разсчетъ далеко не оправдывался въ виду того обстоятельства, что другіе издатели перепечатывали безъ хлопотъ по готовому изданію, и продавая книгу по болѣе дешевой цѣнѣ, убивали первое изданіе.

Желая избѣжать такихъ печальныхъ для своего предпріятія послѣдствій, издатели, начиная печатать книгу, обращались съ просьбой о защитѣ отъ перепечатки къ правительственной власти. Въ виду того, что юридическимъ правосознаніемъ тогда не было еще выработано самаго понятія авторскаго права, защита такая выразилась на первыхъ порахъ въ томъ, что правительство выдавало отдѣльныя привилегіи на каждый случай, признавая за ходатайствовавшимъ о томъ издателемъ исключительное право печатать данное произведеніе. За отсутствіемъ общаго права, привилегія до нѣкоторой степени достигала своей цѣли и косвенно даже защищала интересы автора, такъ что безъ нея издатель не рѣшился бы печатать книгу, а тѣмъ болѣе выдать какой-либо гонораръ автору.

Между тѣмъ, въ Европѣ, первоначально во Франціи и Англіи, начиная съ XVIII вѣка, все болѣе и болѣе укореняются въ обществѣ либеральныя идеи, противныя всякимъ монополіямъ и привилегіямъ вообще. Общество начинаетъ неблагосклонно относиться къ издательскимъ привилегіямъ, и тогда защитники послѣднихъ начали основывать исключительность права издателей не на привилегіи, а на новомъ понятіи— на правѣ авторскомъ, уступленномъ по договору издателямъ. Самое авторское право приравнивалось тогда праву собственности; его почитали за право собственности, за видъ естественнаго права, которое по тому самому никогда не нуждалось въ королевской милости и защитѣ, будучи результатомъ труда, этой основы права собственности, по ученію юристовъ того времени.

Первымъ закономъ, составленнымъ въ этомъ духѣ былъ законъ 19 января 1791 г., опредѣлившій, относительно постановки пьесы на сценѣ, права авторовъ драматическихъ произведеній правомъ ихъ пожизненной собственности, про-

должающейся для наслѣдниковъ въ теченіе 5 лѣтъ по смерти автора.

Вслѣдъ за Франціей авторское право признается постепенно и въ остальныхъ государствахъ западной Европы. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается быстрый ростъ предѣловъ защиты авторскихъ интересовъ. Сроки, въ теченіе которыхъ наслѣдники пользуются правами автора, постепенно увеличиваются; возникаетъ даже идея вѣчной принадлежности авторскаго права его обладателю. Силѣ авторскаго права стало подчиняться все большее число обектовъ, оно охватило постепенно лекціи, скульптурныя, музыкальныя и драматическія произведенія, газетныя статьи, модели и фабричные рисунки, письма и проч., словомъ все, что обнаруживаетъ проявленія духовной творческой дѣятельности.

Еще болѣе проявилось это стремленіе къ расширенію силы молодого института въ отношеніи территоріальномъ. Какъ только авторское право окрѣпло въ отечественныхъ границахъ, юристы обратили вниманіе на выгоду, ускользающую отъ авторовъ въ международномъ обращеніи. Съ этою цѣлью отдѣльныя государства вступаютъ въ международныя конвенціи между собою для взаимной охраны правъ своихъ авторовъ, и въ настоящее время такая международная охрана правъ и интересовъ авторовъ существуетъ во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ западной Европы.

Исторія развитія института авторскаго права въ положительныхъ законодательствахъ является тѣсно связанною съ трудами ученыхъ юристовъ по вопросу о выясненіи юридической природы этого института, его содержанія и мѣста въ общей системѣ права. Однако, должно замѣтить, что, не смотря на всѣ многочисленныя изысканія ученыхъ, юридическая сторона ученія объ авторскомъ правѣ продолжаетъ оставаться и въ настоящее время невыясненной. „Съ тѣхъ поръ, замѣчаетъ проф. Табашниковъ, какъ положительныя законодательства приняли это злополучное право подъ свою защиту, оно носится по горизонту науки безъ всякаго опредѣленнаго назначенія, и по дуновенію того или другого ученаго или легко передвигается съ одного мѣста на другое,

или же парить въ пространствѣ, подобно птицѣ, высматривающей мѣсто, куда ей удобнѣе было бы спуститься".

Большинство экономистовъ съ Кэри и Прудономъ во главѣ совершенно отрицаютъ какія либо особенныя исключительныя авторскія права. Кэри въ этомъ отношеніи указываетъ, что единственнымъ вознагражденіемъ автора можетъ быть слава и распространенность его произведенія; а Прудонъ категорически называетъ авторскій гонораръ симоніей, проституціоннымъ заработкомъ—„l'art, qui se fait, vénal de même, que la femme, qui trafique de ses charmes, ne tardera pas à se degrader".

Воззрѣніе такое нашло мало сочувствія, какъ въ жизни такъ и среди юристовъ, среди которыхъ все болѣе укореняется убѣжденіе въ законности и справедливости авторскаго исключительнаго права на его произведенія, какъ способа доставленія имущественныхъ средствъ за понесенные труды, въ силу основнаго принципа права—никто не долженъ безъ достаточнаго основанія обогащаться на счетъ другого.

Въ прежнее время, особенно въ Германіи (Pütter, Oppel), смотрѣли на авторское право, какъ на право обязательственное, возникающее изъ безмолвнаго соглашенія между издателемъ съ одной и пріобрѣтателемъ съ другой стороны, въ силу котораго авторъ, продавая книгу, сохраняетъ за собою исключительное право воспроизведенія сочиненія, а покупатель, покупая книгу, безмолвно же обязывается не перепечатывать ея. Крайняя искусственность этой теоріи повлекла ея скорую научную кончину.

Болѣе серьезнаго вниманія заслуживаетъ теорія, признающая авторское право за право собственности. Какъ уже было указано выше, начало этой теоріи совпадаетъ со временемъ французской революціи, когда она возникла подъ вліяніемъ ученія юристовъ школы естественнаго права. Признавая единственнымъ разумнымъ основаніемъ всякой собственности трудъ, юристы эти разсматривали произведенія литературы, искусствъ и художествъ, въ ихъ внутреннемъ,

умственномъ содержаніи, такимъ же продуктомъ индивидуальнаго труда, какъ и всѣ другіе продукты, обращающіеся въ гражданскомъ оборотѣ. Мало того, учили они, права авторовъ на ихъ произведенія не только должны быть охраняемы закономъ на общихъ основаніяхъ охраны благопріобрѣтенной собственности, подобно охранѣ плода трудовъ земледѣльца, кузнеца, ткача и т. п., но заслуживаютъ признанія и уваженія въ большей даже степени, чѣмъ собственность матеріальная, такъ какъ послѣдняя играетъ въ жизни общества лишь служебную низшую роль, тогда какъ первая раздвигаетъ горизонты и освѣщаетъ своимъ свѣтомъ міръ.

У современныхъ сторонниковъ признанія авторскаго права за право собственности на тѣхъ же основаніяхъ и въ полномъ объемѣ послѣдняго, научное обоснованіе такого воззрѣнія сводится къ отождествленію литературнаго, художественнаго и т. п. произведенія съ вещью, „res“ (Eisenlohr, Laboulaye, Kremer, Folkmann и др.). Въ нашей литературѣ защитникомъ теоріи авторской собственности является проф. Табашниковъ, совершенно отождествляющій литературныя произведенія съ матерьяльными вещами. „Въ вопросѣ о юридическихъ свойствахъ авторскаго права, говоритъ онъ, слѣдуетъ отправляться отъ того, что сочиненіе есть вещь; эта вещь хотя не похожа на остальныя, но тѣмъ не менѣе она имѣетъ реальное бытіе, распознается внѣшними чувствами и способна къ воспроизведенію до безконечности и къ денежной оцѣнкѣ“ (стр. 166—167).

Противъ теоріи авторской собственности возстали многіе юристы (Iolly, Gerber, Wächter, Шершеневичъ), указывая на невѣрность ея въ виду неправильной и невозможной аналогіи съ общеустановленнымъ понятіемъ права собственности; съ послѣднимъ авторское право, не имѣя *реальнаго* объекта, не можетъ быть отождествляемо, ибо считать тѣлесными предметами предметы неосязаемые, т. е. безтѣлесные, является логической несообразностью. Между тѣмъ именно въ такую ошибку впадаютъ всѣ сторонники означенной теоріи авторской собственности, потому что объектъ авторскаго права,

безспорно, не имѣетъ реальнаго бытія, не познается внѣшними чувствами.

Среди германистовъ особенно развита другая теорія, признающая авторское право личнымъ правомъ (Recht der Person), въ силу которой нарушеніе правъ автора запрещается потому, что самовольнымъ перепечатываніемъ его произведеній наносится оскорбленіе его достоинству и чести (Ortloff, Reseler, Gareis, Dahn, Gierke и др.).

Ошибочность этой теоріи заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что она совершенно игнорируетъ имущественную сторону вопроса. Запрещая контрафакцію, законъ охраняетъ прежде всего денежные интересы автора, желая обезпечить ему плоды его духовнаго творчества, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить исключительное право извлеченія матеріальныхъ выгодъ изъ своей творческой дѣятельности. Личныя права автора, ихъ нарушеніе стоятъ при этомъ на заднемъ планѣ.

Отчаявшись дать хотя сколько-нибудь удовлетворительную конструкцію теоріи авторскаго права, нѣкоторые юристы (Iolly, Спасовичъ) выставляютъ чисто формальныя основанія разсматриваемаго института. Основанія авторскаго права, говорятъ они, лежатъ исключительно въ постановленіяхъ положительнаго права, которымъ однимъ авторское право освящается, вытекая, какъ привилегія, изъ милостивой силы воли законодателя, будучи основано на соображеніяхъ цѣлесообразности и справедливости; иначе—самовольное издательство каждымъ чужихъ произведеній подорвало бы въ конецъ издательское дѣло, а вмѣстѣ съ тѣмъ лишило бы авторовъ, вопреки основнымъ началамъ справедливости, возможности получать хотя сколько нибудь приличное вознагражденіе за массу потраченнаго ими труда при ихъ творческой дѣятельности.

По поводу означенной теоріи позволимъ себѣ замѣтить лишь, что объяснять какой либо правовой институтъ, его юридическую природу тѣмъ, что „*такъ приказано*“ закономъ, значитъ—отказаться отъ мысли конструировать его.

За послѣднее время среди юристовъ все болѣе распро-

страняется воззрѣніе на авторское право, какъ на самостоятельный институтъ sui generis, не находящійся ни въ какой связи съ существующими и признанными уже гражданскими правоотношеніями.

Такъ Kohler, Stobbe въ Германіи, Пикаръ во Франціи признаютъ необходимымъ установить въ системѣ права новую группу правъ, такъ называемыхъ правъ на нематеріальныя блага (Immaterielles Güterrecht, droits intellectuels).

Объектомъ правъ этихъ являются тѣлесныя и духовныя силы человѣка, по скольку они представляютъ собою юридически защищаемыя блага. Эти права на нематеріальныя блага должны образовать „духовный" правовой институтъ, дополнительный къ существующимъ тремъ основнымъ классамъ правовыхъ институтовъ—личному, вещному и обязательственному.

Очень близкимъ къ означенному ученію объ авторскомъ правѣ, какъ видъ правъ на нематеріальныя блага, является воззрѣніе проф. Шершеневича.

Г. Шершеневичъ относитъ авторское право къ группѣ правъ, для которыхъ онъ предлагаетъ особое наименованіе правъ исключительныхъ. „Кругъ частныхъ потребностей человѣка, говоритъ онъ, (стр. 71—73), находитъ себѣ удовлетвореніе, съ одной стороны въ непосредственномъ обладаніи вещами, съ другой—въ дѣйствіяхъ другихъ лицъ. Съ юридической стороны та и другая цѣль достигается существованіемъ вещнаго и обязательственнаго права; но современныя экономическія условія вызываютъ новыя отношенія, новые интересы, внѣ указанныхъ обладанія вещами и распоряженія дѣйствіями другихъ лицъ. Обнаруживается, что нѣкоторыя дѣйствія доставляютъ имущественную выгоду лицу, совершающему ихъ, если отъ совершенія такихъ же дѣйствій будутъ удержаны другія лица. Таковы интересы, соединенные съ извѣстной фирмой, которые заключаются въ исключительной возможности производить торговлю подъ даннымъ именемъ предпріятія. Таковы интересы фабриканта въ отношеніи рисунковъ и моделей, производимыхъ

у него продуктовъ, заключающіеся въ исключительной возможности создавать даннаго рода вещи. Таковы интересы фабриканта или купца въ отношеніи фабричнаго или торговаго клейма, которые состоятъ въ томъ, что извѣстнаго рода продукты или товары обозначаются знакомъ, способствующимъ большему ихъ распространенію. Таковы интересы автора, художника, композитора, заключающіеся въ томъ, чтобы сочиненія, картины, музыкальныя произведенія не могли быть свободно распространяемы, исполняемы всѣми другими лицами". Экономическое основаніе установленія такого рода исключительныхъ правъ на клеймо г. Шершеневичъ видитъ въ стремленіи обезпечить за лицомъ матеріальную выгоду, создаваемую его честнымъ отношеніемъ къ своему торговому дѣлу. Экономическимъ основаніемъ авторскаго, художественнаго или музыкальнаго права представляется желаніе обезпечить матеріальное существованіе лицъ, дѣятельность которыхъ сосредоточивается на духовныхъ интересахъ общества.

Мѣсто для исключительныхъ правъ въ системѣ права, по мнѣнію г. Шершеневича, должно быть отводимо между вещными и обязательственными правами, такъ какъ исключительныя права находятся, съ одной стороны, въ соотношеніи съ вещными, а съ другой стороны—съ обязательственными правами. „Съ первой категоріей правъ ихъ сближаетъ абсолютный характеръ ихъ силы, именно, дѣйствіе ихъ въ отношеніи всѣхъ. Какъ вещное право является юридическою обезпеченностью пользованія матеріальными правами съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ отъ подобнаго же пользованія, такъ и исключительное право представляется юридической обезпеченностью пользованія результатами извѣстнаго рода дѣйствій, отъ совершенія которыхъ обязаны воздерживаться всѣ прочіе". Отличіе исключительныхъ правъ отъ вещныхъ заключается въ ихъ объектѣ, которымъ въ первыхъ являются дѣйствія, въ правахъ же вещныхъ—матерьяльные предметы; почему именно съ точки зрѣнія объекта права исключительныя и приближаются къ правамъ обязательственнымъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что послѣднее заявленіе г. Шерше-

невича, будто бы исключительныя права объектомъ своимъ, состоящимъ въ извѣстной дѣятельности правообладателя, приближаются къ правамъ обязательственнымъ, прямо не вѣрно. Объектомъ обязательственныхъ правъ является дѣятельность другихъ, извѣстныхъ при томъ лицъ, не кредитора; тогда какъ объектомъ правъ исключительныхъ является дѣятельность самого правообладателя; отношенія же другихъ лицъ къ нему, точно также какъ и ко всякому иному обладателю вещнаго права, заключаются въ обязанности воздерживаться отъ совершенія подобныхъ дѣйствій.

Такимъ образомъ права исключительныя (вѣрнѣе—авторскія) являются во всякомъ случаѣ сходственными только съ правами абсолютными, а не съ обязательственными (относительными) и вещными (точнѣе—абсолютными) вмѣстѣ, какъ это ошибочно предполагаетъ г. Шершеневичъ.

Спрашивается, съ какимъ же изъ правъ абсолютныхъ авторское право болѣе всего имѣетъ общихъ свойствъ?

Неограниченность права автора пользоваться и распоряжаться объектомъ своего права, связанная съ устраненіемъ всякаго третьяго лица отъ такого же пользованія этимъ объектомъ, равно какъ возможность осуществленія правъ противъ всѣхъ тѣхъ, дѣятельность кого клонилась бы къ ихъ ограниченію или отрицанію независимости самаго права, при его возникновеніи, отъ другихъ правъ по тому же объекту— всѣ соображенія эти говорятъ въ пользу признанія авторскаго права, по природѣ его, наиболѣе подходящимъ къ институту права собственности. Отличіе же отъ послѣдняго замѣчается въ двухъ отношеніяхъ, именно: а) въ природѣ объекта и в) въ срочности авторскаго права.

Что касается срочности авторскаго права, то это свойство его можетъ быть объяснено только путемъ историческимъ. Права авторскія возникли (и теперь нѣкоторыя проходятъ еще этотъ процессъ) изъ привилегій, которыя, начиная съ XV, вѣка выдавались отдѣльнымъ лицамъ на исключительное право воспроизведенія и размноженія литературныхъ и иныхъ произведеній. Такой характеръ личной привилегіи исключительное право сохранило до конца XVIII вѣка, когда стали

появляться общіе законы, признававшіе за авторами право собственности на ихъ произведенія. Однако и при этомъ законодательство продолжало еще по старому оставлять право за авторомъ на извѣстный только срокъ, а сперва даже самое признаніе его обусловливали выдачей каждый разъ спеціальной привилегіи. Такимъ образомъ, собственно говоря, срочность авторскаго права въ настоящее время является „переживаніемъ" своего основанія правомъ, является остаткомъ прежняго неправильнаго воззрѣнія на авторскія права, какъ на привилегіи. Правда, въ настоящее время эту срочность обосновываютъ соображеніями, лежащими въ бытовомъ значеніи авторскаго права, указывая именно, что всякое произведеніе ума человѣческаго есть лишь частичное измѣненіе, исправленіе, приложеніе того, что сдѣлано раньше. Указываютъ кромѣ того, что въ виду общей пользы желательно, чтобы произведенія ума не составляли вѣчнаго наслѣдственнаго имущества потомства автора, а чтобы общество по истеченіи извѣстнаго времени безгранично пользовалось тѣмъ, что всецѣло ему принадлежитъ.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти соображенія были убѣдительны. Собственно говоря, всякаго рода экономическая прогрессирующая дѣятельность является основанной на томъ, что совершалось другими лицами, а равно и самимъ субъектомъ ранѣе въ данномъ направленіи; однако, еще никто никогда не оспаривалъ у лица его исключительныхъ правъ на результаты такой дѣятельности, на томъ одномъ основаніи, что онъ не новаторъ въ хозяйственной области, а только такой дѣятель, который видоизмѣнилъ, исправилъ и примѣнилъ къ дѣлу то, что было создано уже трудами его предшественниковъ. Самый взглядъ на произведенія ума, какъ на общее достояніе—фраза, лишенная реальнаго содержанія и обнаруживающая смѣшеніе понятій; общимъ достояніемъ является мысль, а авторъ имѣетъ право на мысль, воплощенную въ извѣстной формѣ; эта форма является неотъемлемымъ его достояніемъ. Наконецъ, самое соображеніе, что въ интересахъ общества желательно, чтобы наступилъ моментъ, когда оно безгранично могло бы пользоваться про-

изведеніемъ, по совершенно справедливому замѣчанію проф. Гольмстена, является невѣрнымъ выраженіемъ другой мысли: конечно, желательно возможно широкое пользованіе произведеніями ума (Учебн. гр. пр. Мейра стр. 274). Но спрашивается, къ чему же въ цѣляхъ достиженія этого лишать автора и его семью, послѣ извѣстнаго срока, вѣрнаго заработка и передавать пользованіе плодами его трудовъ стороннимъ издателямъ. Интересомъ общества является здѣсь лишь возможно бóльшая доступность пользованіе за малое вознагражденіе произведеніями ума автора. Къ чему, спрашивается, въ цѣляхъ этихъ—публичнаго характера—является нужнымъ установлять срочность авторскихъ правъ, когда съ несравненно большей справедливостью та же цѣль можетъ быть достигнута и при признаніи исключительныхъ правъ входящими въ составъ имущества лица и переходящими по наслѣдству, подобно праву собственности въ безсрочное обладаніе наслѣдниковъ автора. Въ послѣднемъ случаѣ придется только въ интересахъ общества, по закону установить срочность *неограниченнаго* распоряженія автора и его наслѣдниковъ ихъ правомъ, а именно, по истеченіи извѣстнаго срока законъ можетъ фиксировать объемъ экономической выгоды, извлекаемой авторомъ изъ его произведенія, установивъ, напримѣръ, прогрессивную, черезъ опредѣленные промежутки времени обязательную сбавку извѣстнаго % съ первоначальной оцѣночной стоимости (въ продажѣ) отдѣльныхъ экземпляровъ или иныхъ объектовъ, въ которыхъ выразилась вся мысль автора (картина, ноты, фабричный рисунокъ, etc.). Предлагаемой мѣрой, съ одной стороны общество во всякомъ случаѣ будетъ болѣе гарантировано въ возможности пользоваться произведеніями ума автора на болѣе выгодныхъ условіяхъ; съ другой же стороны, представится давно желательная возможность, не нарушая общественныхъ интересовъ уничтожить вопіющую несправедливость настоящаго времени, когда, въ силу законоположеній о срочности авторскаго права, предоставляется стороннимъ издателямъ извлекать барыши отъ распространенія произведеній автора въ то самое время, когда семья и вообще близкія послѣднему лица мрутъ съ голода...

Такимъ образомъ, собственно говоря, авторскія права отличаются отъ права собственности только объектомъ своимъ, которымъ является благо нематеріальное,—именно, извѣстный продуктъ духовнаго творчества, облеченный въ матеріальную форму и предназначенный для обращенія въ обществѣ; не форма самая, а именно это духовное творчество, по сольку оно проявилось во внѣшней формѣ.

Въ современной юридической литературѣ по отношенію къ праву собственности продолжаетъ господствовать римское строго матеріалистическое воззрѣніе, по которому объектомъ права собственности, какъ и вообще правъ вещныхъ, признаются только предметы матеріальные, res. Такое же строго матеріалистическое воззрѣніе господствовало первоначально и въ области обязательственныхъ правоотношеній, гдѣ прежде, равнымъ образомъ, возможнымъ предметомъ исполненія признавались дѣйствія съ res, quae tangi possunt. Однако, въ этомъ институтѣ права, болѣе живомъ, болѣе воспріимчивомъ и отзывчивомъ къ потребностямъ общежитія, скоро пришлось расширить область защищаемыхъ исками обязательственныхъ отношеній, признать за договоры соглашенія воли контрагентовъ, направленныя содержаніемъ своимъ на блага нематеріальныя, напримѣръ, на услуги доктора, учителя etc. Область договорныхъ соглашеній такого рода въ наше время все болѣе и болѣе расширяется.

Такъ стоитъ дѣло съ благами нематеріальными въ области обязательственныхъ правоотношеній—этой либеральной сторонѣ положительнаго права, воспріимчивой ко всякимъ новшествамъ. Вещныя права, однако, до послѣдняго времени упорно еще противятся такому вторженію новыхъ идей и образовъ въ ихъ строго замкнутую, узко матеріальную область. Все болѣе и болѣе развивающаяся въ сознаніи общества потребность признанія права собственности не только на предметы внѣшняго міра, но и на блага нематеріальныя, все бо́льшее усиленіе умственной дѣятельности человѣчества и стремленіе усвоить за лицомъ плоды такой дѣятельности и установить возможность извлеченія экономической выгоды изъ этого,—напоромъ своимъ все болѣе и болѣе расшаты-

ваютъ старый узко матеріальный строй вещныхъ правоотношеній. Всюду законодательства являются вынужденными уступать, хотя отчасти, указанному либеральному движенію въ правѣ, признавая, сперва по исключенію, въ видѣ особыхъ привилегій, при томъ срочнаго характера, *исключительное* право пользованія и распоряженія благами нематеріальными за ихъ субъектомъ, съ теченіемъ времени привилегіи обратились въ общее правило и явилось такимъ образомъ въ жизни юридическое чудовище:—привилегія срочнаго характера стала признаваться въ силу общаго закона за авторами относительно ихъ произведеній, безъ испрашиванія на это каждый разъ особаго разрѣшенія,—прямо въ силу самаго факта творчества...

Какъ ни стараются юристы конструировать такого рода правоотношеніе, труды ихъ, какъ было указано выше, остаются безплодными, подтверждая лишь то положеніе, что чудовищемъ именно и называется аномальное, болѣзненное проявленіе въ природѣ вообще. Очевидно одно, что въ настоящее время авторскія права переживаютъ критическій періодъ въ своемъ развитіи, ожидая давно уже настоятельно необходимой въ интересахъ самого же общества минуты, когда, наконецъ, законодательства, руководствуясь тѣмъ, что сдѣлано уже въ области правъ обязательственныхъ, рѣшатся признать возможнымъ право собственности на блага нематеріальныя.

Нѣтъ основанія приводить препятствіемъ признанію правъ авторскихъ за право собственности особыя свойства объекта послѣднихъ, требующаго для себя другой юридической регуляціи, чѣмъ для вещей тѣлесныхъ. Вещи движимыя и недвижимыя, въ качествѣ объектовъ права собственности, регулируются почти во всемъ различно другъ отъ друга; однако на этомъ основаніи не устанавливается еще двухъ особыхъ юридическихъ институтовъ права собственности на движимыя и недвижимыя вещи.

Во всякомъ случаѣ подведеніе авторскихъ правъ подъ рубрику права собственности есть еще дѣло будущаго, когда въ законахъ и въ теоріи будетъ, наконецъ, ясно и твердо

выражена возможность пріобрѣтенія права собственности на блага нематеріальныя. Теперь же права авторскія находятся пока на порогѣ, такъ сказать, къ такому признанію. Поэтому намъ кажется наиболѣе вѣрнымъ и соотвѣтствующимъ современному положенію вещей разсматривать ихъ какъ *аналогію права собственности*—воззрѣніе вполнѣ согласное и съ общимъ смысломъ нашихъ законовъ гражданскихъ.

Примѣчаніе 2 къ ст. 420 т. X ч. 1 св. закон. гласитъ: „Право собственности на произведенія литературы и художествъ, принадлежащее самимъ авторамъ сихъ произведеній, или наслѣдникамъ, или лицамъ, которымъ оно передано тѣми или другими, называется собственностью литературною и художественною, а право собственности на произведенія музыкальныя—собственностью музыкальною". Однако законъ нашъ, помѣщая авторское право въ отдѣлѣ о „правѣ собственности", отступаетъ въ дальнѣйшихъ своихъ опредѣленіяхъ отъ многихъ основныхъ положеній права собственности, среди которыхъ главное отличіе заключается въ срочности авторскихъ правъ и въ сокращенномъ срокѣ преслѣдованія за нарушенія ихъ (контрафакція), который, вмѣсто обычнаго 10-лѣтняго при нарушеніяхъ права собственности, сокращенъ здѣсь закономъ до 2 лѣтъ, а для истцовъ, находящихся заграницей—до 4 лѣтъ (ст. 158 п. 4 прим. 2 уложен. о наказан.). Эти особенности, рѣзко отличающія природу авторскаго права отъ права собственности и вынуждаютъ насъ считать первое, съ точки зрѣнія дѣйствующаго права, не правомъ собственности (взглядъ, желательный de lege ferenda), а лишь правомъ, аналогичнымъ праву собственности.

Серг. Никоновъ.

IV.

ПРАВО ГОРОДСКОГО ОБЩЕСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ ПРОДАВАТЬ СЪ ПУБЛИЧНАГО ТОРГА ГОРОДСКІЯ НЕДВИЖИМЫЯ ИМУЩЕСТВА.

По поводу одного дѣла гражданскій кассаціонный департаментъ Сената поставилъ на свое разрѣшеніе вопросъ о томъ, какими узаконеніями опредѣляется продажа съ публичнаго торга городскихъ недвижимостей въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено городовое положеніе 1870 г., а стало быть, и 1892 года.

Вопросъ этотъ разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено городовое положеніе, публичный торгъ не составляетъ установленнаго закономъ способа отчужденія недвижимостей, и потому имущества эти подлежатъ продажѣ по вольной цѣнѣ посредствомъ совершенія купчихъ крѣпостей по правиламъ, изложеннымъ въ 1417 и послѣдующихъ статьяхъ 1 ч. X т. [1]).

Слѣдуетъ замѣтить, что, начиная съ изданія городового положенія 1870 г. вплоть до воспослѣдованія въ 1897 г. означеннаго разъясненія, т. е. въ теченіе 27 лѣтъ, не возбуждалось вовсе сомнѣнія въ правѣ городского общественнаго управленія продавать съ публичнаго торга городскія

---

[1]) Рѣш. гражд. кассац. департ. 26 марта 1897 г. № 98 по дѣлу Кремянскаго съ Харьковской городской управой.

недвижимости. Когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ возникъ вопросъ о порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ на отчуждаемые городскими общественными управленіями частнымъ лицамъ участки городской земли, то изъ собранныхъ, по распоряженію Правительствующаго Сената, свѣдѣній оказалось, что при совершеніи этихъ актовъ допускалось въ различныхъ мѣстахъ большое разнообразіе. Въ однихъ мѣстахъ при продажѣ этихъ участковъ какъ съ *публичныхъ торговъ*, такъ и по вольной цѣнѣ, совершались всегда купчія крѣпости, въ другихъ мѣстахъ совершались въ томъ и другомъ случаѣ данныя, въ третьихъ, наконецъ, мѣстахъ при продажѣ означенныхъ участковъ по вольной цѣнѣ совершались купчія крѣпости, а при продажѣ съ *публичныхъ торговъ* данныя. Въ виду такого разнообразія, гражданскій кассаціонный департаментъ Сената, обсудивъ вопросъ о *порядкѣ совершенія крѣпостныхъ актовъ на отчуждаемые городскими общественными управленіями частнымъ лицамъ участки городской земли*, разъяснилъ, что если эти участки продаются по вольной цѣнѣ, то и совершеніе крѣпостного акта на участокъ, проданный этимъ способомъ, должно подчиняться тѣмъ правиламъ, которыя существуютъ въ законахъ для совершенія купчихъ крѣпостей; если же эти участки продаются съ публичныхъ торговъ, то и послѣдствія сего должны выразиться въ такомъ актѣ, который установленъ для юридическаго обозначенія перехода права собственности на имущество, укрѣпленное за покупщикомъ состоявшеюся публичною продажею, т. е. въ данной. На этомъ основаніи Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: на отчужденіе частнымъ лицамъ участковъ городской земли, при продажѣ съ публичныхъ торговъ, должны быть выдаваемы данныя, а при продажѣ таковыхъ по вольной цѣнѣ—купчія крѣпости (рѣш. гражд. кассац. департ. 1881 г., № 94).

И такъ, самъ гражданскій кассаціонный департаментъ, признавая, согласно съ повсемѣстно существующей практикой, право городскихъ управленій продавать съ публичнаго торга городскія недвижимости, желалъ лишь устранить существовавшее разнообразіе въ совершеніи крѣпостныхъ актовъ

на оныя, признавъ, что при продажѣ участковъ съ публичныхъ торговъ слѣдуетъ выдавать данныя, при вольной же продажѣ—купчія.

Какіе же мотивы привели теперь Сенатъ къ отрицанію самаго права городскихъ общественныхъ управленій продавать городскія недвижимости съ публичнаго торга?

Мотивы эти слѣдующіе:

„На основаніи 1503 ст. X т. ч. 1, до введенія городового положенія 1870 г. продажа ненужныхъ городскихъ недвижимостей производилась съ публичнаго торга также, какъ и продажа казенныхъ имѣній, на основаніи правилъ, изложенныхъ въ 1504—1509 ст. 1 ч. X т. Но послѣ изданія город. полож. ст. 1503, какъ это видно изъ 1-го примѣчанія къ ней, утратила силу тамъ, гдѣ введено это положеніе, и въ этихъ мѣстностяхъ порядокъ продажи недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ городамъ, опредѣляется правилами городового положенія. На основаніи 7 ст. сего положенія (т. II св. зак. изд. 1892 г.) город. общ. управленіе имѣетъ право именемъ городского населенія, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, пріобрѣтать и отчуждать имущество, заключать договоры, вступать въ обязательства, вчинать гражданскіе иски и отвѣчать на судѣ по имущественнымъ дѣламъ съ соблюденіемъ правилъ, установленныхъ для казенныхъ управленій. Изъ точнаго смысла сего закона, говоритъ Сенатъ, несомнѣнно слѣдуетъ, что городскія общественныя управленія пользуются правами казенныхъ управленій лишь при веденіи гражданскихъ дѣлъ въ судебныхъ учрежденіяхъ, но при совершеніи актовъ объ отчужденіи и пріобрѣтеніи имуществъ, а равно и *другихъ сдѣлокъ*, городскія общества не пользуются вовсе правами казны, ибо нигдѣ въ законѣ не содержится для нихъ изъятій изъ общеустановленнаго въ этомъ отношеніи для *частныхъ лицъ* порядка, и посему изъ 7 ст. гор. полож. никакъ нельзя вывести, чтобы городскія недвижимости продавались съ публичнаго торга по правиламъ, установленнымъ для продажи казенныхъ имѣній. Напротивъ, на основаніи этого закона надлежитъ признать, что отчужденіе городскихъ имуществъ

производится по общимъ правиламъ, установленнымъ для отчужденія имуществъ *частныхъ лицъ*, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что отчужденіе городскихъ недвижимостей можетъ послѣдовать не иначе, какъ съ утвержденія Министра Внутреннихъ Дѣлъ (3 п. 79 ст. полож.). Но такъ какъ нашимъ гражданскимъ законамъ неизвѣстна вовсе добровольная публичная продажа недвижимыхъ имуществъ *частныхъ лицъ*, то слѣдуетъ придти къ заключенію, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введено городовое положеніе, публичный торгъ не составляетъ установленнаго закономъ способа отчужденія городскихъ недвижимостей, и поэтому имущества эти подлежатъ продажѣ по вольной цѣнѣ посредствомъ совершенія купчихъ крѣпостей по правиламъ, изложеннымъ въ 1417 и послѣдующихъ статьяхъ 1 ч. X т. (рѣш. гражд. кас. деп. 1897 г., № 98)“.

Обращаясь къ оцѣнкѣ этого рѣшенія, нельзя не видѣть, что основное положеніе Сената, будто изъ примѣчанія 1-го къ ст. 1503 X т. ч. 1 видно, что статья эта утратила силу тамъ, гдѣ введено городовое положеніе представляется сомнительнымъ.

Примѣчаніе это гласитъ: правила о продажѣ недвижимыхъ имуществъ, принадлежащихъ городамъ, въ коихъ введено городовое положеніе 1870 г., изложены въ городовомъ положеніи (изд. 1886 г., ст. 120 и 121).

Эти же статьи постановляютъ:

Ст. 120. Принадлежащія городу земли, назначенныя по городскому плану подъ площади, улицы, переулки, тротуары, проходы, мосты, переправы и бечевники, а равно водяныя сообщенія, пролегающія чрезъ городскія земли, оставаясь городскою собственностью, состоятъ въ общемъ всѣхъ пользованіи.

Ст. 121. Земли, означенныя въ ст. 120, не могутъ быть отчуждаемы городскимъ общественнымъ управленіемъ, безъ соотвѣтственнаго, съ утвержденія подлежащей власти (ст. 113), измѣненія въ планѣ города.

Изъ этихъ статей нельзя не видѣть, что, во-1-хъ, въ нихъ говорится лишь о нѣкоторыхъ видахъ городскихъ иму-

ществъ, именно предназначенныхъ для общаго пользованія, а во-2-хъ, не упоминается вовсе о способѣ продажи этихъ имуществъ—по вольной цѣнѣ или съ публичнаго торга. А потому изъ приведеннаго примѣчанія, составленнаго притомъ въ кодификаціонномъ порядкѣ, вовсе не слѣдуетъ, что ст. 1503 X т. ч. 1 утратила свою силу тамъ, гдѣ введено городовое положеніе 1870 г.

Для выясненія же того, утратила ли ст. 1503 силу, или нѣтъ, считаю нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя историческія указанія, которыя способны освѣтить этотъ вопросъ.

Ст. 1503 помѣщена въ отдѣленіи IV разд. III кн. III X т. ч. 1, озаглавленномъ такъ: „о пріобрѣтеніи имуществъ куплею съ публичныхъ торговъ". Въ этой статьѣ, по скольку она касается городскихъ имуществъ, сказано: продажа ненужныхъ недвижимыхъ имуществъ разрѣшается: городскихъ (въ мѣстностяхъ, въ коихъ не введено город. положеніе 1870 г.)—губернскими правленіями. Далѣе въ этой же статьѣ сказано: самое утвержденіе продажи недвижимыхъ имуществъ предоставляется подлежащимъ властямъ въ размѣрѣ, для утвержденія публичныхъ торговъ назначенномъ. Въ этой статьѣ содержится то ограниченіе, что дореформенное городское управленіе не вправѣ было безъ разрѣшенія начальства продавать недвижимыя имущества и утверждать продажу. Слѣдуетъ замѣтить, что указанное ограниченіе самостоятельности городскихъ общественныхъ управленій не единственное.

Такъ, по ст. 1489 X т. ч. 1 и продажа ненужныхъ городскихъ движимыхъ имуществъ (въ мѣстностяхъ, гдѣ не введено городовое положеніе 1870 г.) разрѣшается губернскими правленіями. Далѣе, публичные торги по подрядамъ и поставкамъ на городскія суммы тоже требовали утвержденія начальства, именно они утверждаются окончательно начальниками губерній до 10.000 р., министромъ внутреннихъ дѣлъ до 30.000 р., правительствующимъ сенатомъ на всякую сумму [прав. о гор. хоз., ст. 12, прилож. къ ст. 20 (прим. общ. губ. учр., изд. 1892 г.)]. Равнымъ образомъ, въ такой же постепенности утверждаются договоры объ отдачѣ съ публичныхъ торговъ въ наемъ или содержаніе земель,

мельницъ, рыбныхъ ловель, трактирныхъ заведеній, сборовъ съ городскихъ вѣсовъ и другихъ сему подобныхъ статей, принадлежащихъ городамъ (ст. 1710 X т. ч. 1, изд. 1887 г.). Засимъ въ законѣ имѣется еще много другихъ ограниченій, совершенно парализовавшихъ дѣятельность городскихъ общественныхъ управленій въ хозяйственной сферѣ: на все требовалось разрѣшеніе и утвержденіе начальства.

При проектированіи новаго городского устройства такой порядокъ былъ признанъ неудовлетворительнымъ. Въ проектѣ представленія министерства внутреннихъ дѣлъ объ устройствѣ городского хозяйства (составленномъ въ 1864 г.) было по этому предмету высказано слѣдующее:

„Законодательство наше, ввѣряя общественное хозяйство городовъ въ завѣдываніе общественнаго управленія ихъ, руководилось мыслью, что управленіе это, будучи составлено изъ представителей отъ мѣстныхъ обывателей, ближайшимъ образомъ заинтересованныхъ во всемъ, что входитъ въ кругъ означеннаго хозяйства, должно быть наилучшимъ блюстителемъ общественныхъ пользъ и нуждъ; правильность этой мысли, въ основаніи ея, едва ли можетъ быть оспорена. Но для успѣха во всякаго рода хозяйственныхъ дѣлахъ необходимо, чтобы распорядители этихъ дѣлъ пользовались извѣстною долею самостоятельности, необходимо, чтобы они могли, по крайней мѣрѣ, сами свободно оцѣнивать выгоду или невыгоду хозяйственныхъ предпріятій; основывать на такой оцѣнкѣ свои разсчеты и дѣйствовать, руководствуясь ими безъ посторонняго вмѣшательства, могущаго нерѣдко нарушить эти разсчеты и тѣмъ парализовать всѣ ихъ послѣдствія. Поэтому, многоразличныя ограниченія, которыми окружены всѣ дѣйствія городского общественнаго управленія по отношенію къ хозяйственнымъ дѣламъ города, не могутъ, безъ сомнѣнія, не вредить успѣшному ходу этихъ дѣлъ. Справедливо, конечно, что городское хозяйство не можетъ быть вполнѣ приравнено къ хозяйству частному; хозяйственныя дѣла города, объемля собою интересы цѣлаго городского общества, соприкасаются отчасти и съ общими государственными интересами, почему и необходимо, чтобы завѣдываю-

6*

щее этими дѣлами управленіе, въ дѣйствіяхъ своихъ состояло подъ наблюденіемъ государственной власти, которая охраняетъ какъ общіе государственные интересы, такъ и интересы самаго городского общества, составляющаго часть государственнаго организма. Однако же, такое наблюденіе не должно идти далѣе извѣстныхъ предѣловъ; оно должно ограничиваться лишь тѣми мѣрами, которыя необходимы для предупрежденія и пресѣченія нарушенія общихъ интересовъ, не касаясь внутреннихъ, такъ сказать, домашнихъ, дѣлъ городского общества. Въ этихъ видахъ достаточно, чтобы государственная власть установила общія правила для руководства въ распоряженіяхъ по городскому хозяйству и слѣдила за точнымъ соблюденіемъ этихъ правилъ. Всякое же фактическое вмѣшательство правительственной власти въ подробности городского хозяйства можетъ быть скорѣе вредно, нежели полезно: оно нарушило бы необходимую связь въ общихъ разсчетахъ городскихъ хозяйственныхъ управленій и несвоевременностью разрѣшенія увеличивало бы размѣры расходовъ. Городское общество, въ лицѣ представляющей оное общей думы, должно быть, конечно, наилучшимъ распорядителемъ своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, какъ потому, что интересы ихъ всего ближе его касаются, такъ и потому, что ему наиболѣе извѣстны условія мѣстности и времени, имѣющія весьма важное значеніе въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, успѣхъ которыхъ главнѣйше обусловливается своевременностью ихъ". Далѣе, проектъ продолжаетъ: „Входя въ разсмотрѣніе дѣйствующихъ нынѣ постановленій о предѣлахъ власти городского общественнаго управленія по отношенію къ городскому хозяйству, нельзя не замѣтить, что постановленія эти далеко не соотвѣтствуютъ изъясненнымъ началамъ".

„Такимъ образомъ, едва ли есть достаточное основаніе безусловно возлагать на обязанность городского общественнаго управленія испрашивать *разрѣшеніе*: на принятіе пожертвованій для какихъ либо общественныхъ надобностей, на продажу ненужныхъ городскихъ имуществъ недвижимыхъ и движимыхъ, на пріобрѣтеніе недвижимыхъ имуществъ, вообще на производство всякаго рода издержекъ, а также на

утвержденіе публичныхъ торговъ по подрядамъ и поставкамъ" [1]). По указанному проекту было истребовано заключеніе 2-го отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, которая, между прочимъ, выразила слѣдующее: въ ст. 5 полож. о земск. учр. указано, что „земскія учрежденія имѣютъ право, именемъ земства, на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ, пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя и движимыя имущества, заключать договоры, принимать обязательства, вчинать гражданскіе иски и отвѣтствовать въ гражданскихъ судахъ по имущественнымъ дѣламъ земства". Казалось бы правильнымъ предоставить городскимъ общественнымъ учрежденіямъ, по городскимъ имущественнымъ дѣламъ, такія же права. Посему слѣдовало бы дополнить постановленія проекта объ имущественныхъ правахъ городовъ статьею, подобною ст. 5 положенія о земскихъ учрежденіяхъ [2]). Согласно съ этимъ ст., 116 гор. полож. 16 іюня 1870 г. постановляетъ: „городское общественное управленіе имѣетъ право: 1) именемъ города пріобрѣтать и отчуждать недвижимыя и движимыя имущества и вступать въ договоры на основаніи законовъ гражданскихъ (т. X ч. I) и настоящаго положенія (ст. 55, 63, 66, 67, 72, 117, 119—124); 2) искать и отвѣчать на судѣ по имущественнымъ дѣламъ города на основаніи общихъ законовъ о судопроизводствѣ и настоящаго положенія (ст. 118)".

Но, устанавливая изложенное правило, составители городового положенія 1870 г., не желая стѣснять городскія управленія въ способахъ осуществленія ими городскихъ хозяйственныхъ операцій, оговорили въ ст. 142 гор. полож. слѣдующее: „городской думѣ одновременно съ утвержденіемъ смѣты, предоставляется назначать и самый способъ исполненія той или другой хозяйственной операціи: посредствомъ ли *отдачи съ публичныхъ торговъ*, или избраннымъ лицамъ на коммисію, или хозяйственными распоряженіями городской

---

[1]) Матеріалы, относящіеся до новаго общественнаго устройства въ городахъ Имперіи (гор. пол. 16 іюня 1870 г.). т. I, изд. хоз. деп., 1877, стр. 432 -434.

[2]) Тамъ же, ст. 515.

управы“. А въ примѣчаніи къ этой статьѣ выражено: „къ *торгамъ* на городскія суммы не примѣняются, по введеніи настоящаго положенія, *ограниченія*, содержащіяся по сему предмету въ ст. 1489, 1503, 1710 и 1805 зак. гражд.“; къ этимъ же ограниченіямъ, какъ видно изъ содержанія приведенныхъ статей, относится: 1) разрѣшеніе высшаго начальства на продажу съ публичныхъ торговъ ненужныхъ городскихъ движимыхъ либо недвижимыхъ имуществъ и утвержденіе продажи (ст. 1489, 1503); 2) утвержденіе высшимъ начальствомъ договоровъ объ отдачѣ съ публичныхъ торговъ въ содержаніе земель, оброчныхъ статей, принадлежащихъ городамъ, сборовъ съ городскихъ вѣсовъ и тому подобныхъ статей (ст. 1710), и 3) утвержденіе начальствомъ торговъ на работы по строительной и дорожной частямъ (ст. 1805).

Слѣдовательно, съ введеніемъ город. положенія 1870 г. публичный торгъ, какъ способъ осуществленія хозяйственныхъ операцій не только не упраздненъ, но напротивъ, категорически сохраненъ, съ тѣмъ, что городскія управленія могутъ прибѣгать къ нему по своему усмотрѣнію. Упразднены же лишь содержавшіяся въ ст. 1489, 1503, 1710 и 1805 X т. ч. I, изд. 1857 г., ограниченія самостоятельности городского управленія, въ силу коихъ требовалось разрѣшеніе высшаго начальства, между прочимъ, какъ на самую продажу городскихъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ [1]), такъ и утвержденіе этимъ начальствомъ состоявшихся уже торговъ. Поэтому мнѣніе Пр. Сената, будто ст. 1503 X т. ч. 1 утратила силу тамъ, гдѣ введено городовое положеніе 1870 г., и будто публичный торгъ не составляетъ установленнаго закономъ способа отчужденія городскихъ недвижимостей, едва ли вѣрно.

Къ тому же заключенію нельзя не придти и по другимъ соображеніямъ.

---

[1]) Разрѣшеніе требуется и по гор. положенію 1892 г., но лишь на отчужденіе принадлежащихъ городу недвижимыхъ имуществъ, за исключеніемъ маломѣрныхъ мѣстъ, назначенныхъ по плану города подъ застройку частными зданіями и урегулированіе городского поселенія (ст. 79, I. п. 3).

Правительствующій Сенатъ говоритъ далѣе, что въ мѣстностяхъ, гдѣ введено гор. положеніе 1870 г., отчужденіе городскихъ недвижимыхъ имуществъ производится по общимъ правиламъ, установленнымъ для частныхъ лицъ. И этотъ выводъ дѣлается изъ ст. 7 гор. полож., по которой город. общ. управленіе имѣетъ право именемъ городского поселенія *на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ* пріобрѣтать и отчуждать имущества. Но въ приведенной статьѣ послѣ подчеркнутой фразы имѣются и слѣдующія слова: „и сего положенія“, и тѣ же слова („и настоящаго положенія“) употреблены въ ст. 116 гор. полож. 16 іюня 1870 г., которыя Сенатомъ игнорируются. Поэтому для разрѣшенія интересующаго насъ вопроса надо обратиться къ другимъ статьямъ городового положенія. Выше мы уже видѣли, что публичный торгъ извѣстенъ городовому положенію, какъ способъ осуществленія городскимъ управленіямъ хозяйственныхъ его операцій. Какія же это операціи?

1) ст. 102 гор. полож. 1870 г. предусматриваетъ торги на отдачу въ содержаніе городскихъ имуществъ; 2) ст. 142 предусматриваетъ вообще исполненіе той или другой хозяйственной операціи: посредствомъ ли отдачи съ публичныхъ торговъ, или избраннымъ лицамъ на коммисію или хозяйственными распоряженіями управы; 3) примѣчаніе къ ст. 142 говоритъ о торгахъ на городскія суммы и, какъ видно изъ цитируемыхъ въ немъ статей 1489 и 1503 X т. ч. I, которыя трактуютъ о публичной продажѣ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, очевидно, имѣетъ въ виду и торги на продажу тѣхъ имуществъ, иначе не имѣло бы смысла указаніе на непримѣненіе ограниченій установленныхъ въ этихъ статьяхъ. Стало быть, право городскихъ управленій на исполненіе вообще своихъ хозяйственныхъ операцій путемъ публичныхъ торговъ, а въ частности и на продажу съ торговъ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію. Что касается город. положенія 1892 г., то въ немъ не содержится подобныхъ правилъ, но и изъ него видно, что публичный торгъ допускается какъ способъ исполненія городскимъ управленіемъ хозяйственныхъ операцій,

хотя упоминается лишь о сдачѣ поставки или подряда съ публичныхъ торговъ (ст. 22 прилож. къ ст. 140, прим.). Но умолчаніе закона о допустимости публичныхъ торговъ въ другихъ случаяхъ само по себѣ еще не говоритъ за то, чтобы торги были невозможны, разъ таковые допускались и по город. положенію 1870 г. Смыслъ публичныхъ торговъ заключается въ томъ, чтобы привлеченіемъ къ торгамъ большаго числа лицъ вызвать между ними соревнованіе въ видахъ установленія надлежащей цѣны. Но разъ законъ допускаетъ публичный торгъ въ однихъ случаяхъ, то, за силой ст. 9 уст. гр. суд., не представляется разумнаго основанія лишить городское управленіе возможности прибѣгать къ этому способу въ другихъ случаяхъ, именно для продажи недвижимостей или отдачи ихъ въ наемъ, если оно находитъ публичный торгъ выгоднымъ для интересовъ городского поселенія.

Изъ изложеннаго видно, что приравнивать городскія общественныя управленія въ хозяйственномъ отношеніи къ частнымъ лицамъ, какъ это дѣлаетъ Правительствующій Сенатъ, довольно рискованно. Вѣдь частныя лица не вправѣ свои хозяйственныя операціи осуществлять посредствомъ публичнаго торга, а городскія управленія могутъ. Сами составители проекта город. положенія 1870 г., при всемъ ихъ стремленіи къ освобожденію городскихъ управленій отъ обременявшихъ ихъ ограниченій, все таки не признавали возможнымъ такое приравненіе, находя, какъ мы выше видѣли, что городское хозяйство не можетъ быть вполнѣ приравненно къ хозяйству частному; что хозяйственныя дѣла города, объемля собой интересы цѣлаго городского общества, соприкасаются отчасти и съ общими государственными интересами.

Находя, такимъ образомъ, что городскія управленія, дѣйствующія по городовому положенію 1870 г. либо 1892 г., вправѣ, буде находятъ для интересовъ города удобнымъ, продавать городскія имущества съ публичныхъ торговъ, при условіи предварительнаго утвержденія ихъ постановленій объ отчужденіи этихъ имуществъ министромъ внутреннихъ дѣлъ (п. 3 отд. I ст. 79 город. полож. 1892 г.), я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу, что дальнѣйшія послѣдствія состоявшихся тор-

говъ должны опредѣляться ст. 1507—1509 X т. ч. I, т. е. что органы городскаго управленія, производящіе публичную продажу, обязаны въ три дня, по внесеніи покупателемъ всей покупной суммы, сдѣлать постановленіе объ утвержденіи за покупателемъ проданнаго недвижимаго имущества, и по сему постановленію входить немедленно въ сношеніе, съ кѣмъ слѣдуетъ, о написаніи крѣпостного акта. И засимъ, по полученіи на пріобрѣтенное съ публичнаго торга имѣніе данной или купчей, пріобрѣтатель такого имѣнія вступаетъ въ полное право собственности и можетъ свободно отчуждать оное. Примѣненіе же указанныхъ постановленій закона (ст. 1507—1509 X т. ч. I) въ разсматриваемой публичной продажѣ городскихъ недвижимыхъ имуществъ обусловливается тѣмъ, что въ нашихъ законахъ не имѣется другихъ нормъ, опредѣляющихъ послѣдствія состоявшихся торговъ.

М. Мышъ.

V.

ПРОЕКТЪ УСТАВА О ВОТЧИННОЙ РЕГИСТРАЦІИ И ИПОТЕЧНЫЙ КРЕДИТЪ.

Около шести лѣтъ тому назадъ обнародованъ былъ обширный законодательный проектъ предполагаемаго новаго порядка пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества. Проектъ этотъ, распадается на четыре части и сопровождается весьма пространными и систематически изложенными объясненіями редакціонной коммисіи, на которую возложена была его разработка, на основаніи Высочайше утвержденнаго 19 мая 1881 г. мнѣнія государственнаго совѣта, давшаго законодательную санкцію главнымъ основаніямъ этой реформы. Проектъ съ мотивами представляетъ огромный и истинно-научный трудъ, занимающій томъ въ 1534 страницы.

Никогда прежде законодательная работа не передавалась столь полно и неограниченно на предварительное обсужденіе: проекты не только разосланы были всѣмъ судебнымъ учрежденіямъ и ученымъ обществамъ, но, въ противность установившейся у насъ практикѣ, выпущены въ продажу, и притомъ, по весьма умѣренной цѣнѣ. Не смотря на это у насъ не появилось до сихъ поръ *ни одной* крупной работы, посвященной разбору законопроекта о вотчинной системѣ!

Любопытно вспомнить и сравнить, какъ откликнулся нѣсколь-

ко лѣтъ тому назадъ на подобнаго рода призывъ юридическій міръ Германіи. Въ 1888 г. обнародованъ былъ первый проектъ общегерманскаго гражданскаго уложенія, которое, прошедши всю неизмѣримо болѣе сложную, чѣмъ у насъ, процедуру конституціоннаго законодательства, окончательно утверждено въ 1896 г., причемъ въ слѣдующемъ году утверждены и сопровождающіе новый кодексъ вспомогательные законы, въ томъ числѣ новый вотчинный уставъ и вновь разработанное положеніе о понудительномъ взысканіи съ недвижимыхъ имуществъ.

По прошествіи 3—4 лѣтъ послѣ опубликованія перваго проекта появился и особый каталогъ всѣхъ вызванныхъ проектомъ гражданскаго уложенія монографій, посвященныхъ обсужденію проекта въ цѣлости и критикѣ отдѣльныхъ его институтовъ; не менѣе *тысячи* заглавій насчитывалъ этотъ каталогъ, въ томъ числѣ были не только отдѣльныя статьи и брошюры, но и объемистые томы въ нѣсколько сотъ страницъ.

Полагаемъ, что нижеслѣдующія замѣчанія должны имѣть интересъ. Они первоначально имѣли спеціальное назначеніе, составляя предметъ особой записки о вотчинной реформѣ, представленной Министерству Финансовъ отъ имени частныхъ учрежденій долгосрочнаго земельнаго кредита. Само собою разумѣется, что при такомъ спеціальномъ назначеніи указанныхъ замѣчаній, они не претендуютъ на научную полноту и объективность.

Вообще наши замѣчанія относятся почти исключительно до вновь проектированнаго при вотчинной системѣ порядка понудительнаго взысканія съ недвижимыхъ имуществъ, насколько этотъ порядокъ кореннымъ образомъ видоизмѣняетъ принадлежавшее кредитнымъ учрежденіямъ право самостоятельнаго взысканія съ неисправныхъ заемщиковъ.

I.

Создавая новую систему укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, составители проектовъ ввели въ законоположенія по этому предмету многія отступленія, обусловливаемыя раз-

личіемъ между кредитомъ по частному займу и кредитомъ ипотечнымъ. Кромѣ отдѣльныхъ изъятій, въ текстѣ законоположеній, къ проектамъ прибавлены два самостоятельные отдѣла, относящіеся исключительно до ипотечныхъ кредитныхъ учрежденій, а именно: а) правила объ обезпеченіи недвижимымъ имѣніемъ договоровъ съ казною и съ кредитными учрежденіями, составляющія обособленный проектъ, и б) особыя правила о взысканіи кредитными установленіями съ заложенныхъ имъ по займамъ имѣній, введенныя подъ видомъ главы XI въ проектъ положенія о порядкѣ взысканія съ недвижимыхъ имѣній.

Такимъ образомъ, редакціонная коммисія, стремясь къ установленію однообразнаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имѣнія и взысканія съ таковыхъ, признала необходимость существенныхъ изъятій изъ этого порядка въ интересахъ ипотечнаго кредита. Весь вопросъ лишь въ томъ, насколько редакціонная коммисія удовлетворила существеннымъ требованіямъ, обусловливаемымъ особенностями ипотечнаго кредита, и не зашло ли слишкомъ далеко стремленіе къ установленію однообразія, въ ущербъ такимъ своеобразнымъ условіямъ этого кредита, которыя не поддаются нивеллировкѣ, составляя гарантію, необходимую для огражденія весьма важныхъ и отнюдь не одностороннихъ интересовъ.

Сверхъ того нельзя не остановиться на слѣдующемъ соображеніи, нѣсколько разъ повторенномъ редакціонною коммисіею. Она указываетъ, что всѣ изъятія изъ общихъ, нынѣ дѣйствующихъ законовъ, включенныя въ уставы земельныхъ банковъ, относительно порядка обезпеченія залоговыхъ правъ банковъ и порядка взысканія по этимъ залогамъ, предоставлены имъ исключительно въ ихъ интересахъ, и что поэтому, если законодательная власть считаетъ нужнымъ опредѣлить для нихъ новый порядокъ, соотвѣтствующій общимъ началамъ новой вотчинной системы, то такое нововведеніе не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ согласія самихъ банковъ.

Несомнѣнно, что и при самомъ возникновеніи акціонерныхъ земельныхъ банковъ, и при утвержденіи тѣхъ изъ ихъ

уставовъ, которые впослѣдствіи были признаны образцовыми для другихъ (ст. 42 раздѣла X уст. кред., изд. 1887 г.), законодательная власть вводила для нихъ особый порядокъ; но этотъ порядокъ былъ имъ предоставленъ не въ видѣ привилегіи и не въ ихъ одностороннемъ интересѣ, а потому что того требовала самая сущность ипотечнаго кредита. Съ тѣхъ поръ этотъ кредитъ развился широко и пустилъ глубокіе корни. Съ этими учрежденіями связана въ настоящее время не только большая часть частнаго землевладѣнія, но и многія сотни милліоновъ народныхъ сбереженій, помѣщенныхъ въ закладныхъ листахъ. По этой именно причинѣ, а не изъ какихъ-либо иныхъ соображеній, законодатель относится и понынѣ съ большою осторожностью къ вопросу объ измѣненіяхъ уставовъ банковъ законодательнымъ путемъ, допуская таковыя въ большинствѣ случаевъ лишь подъ условіемъ ихъ спеціальнаго о томъ ходатайства. Такъ, по Высочайше утвержденному 4 мая 1882 года мнѣнію государственнаго совѣта установлены отличныя отъ уставовъ кредитныхъ учрежденій правила о продажѣ съ торговъ заложенныхъ въ нихъ имѣній; для осуществленія же этихъ правилъ Министру Финансовъ предоставлено было вводить эти правила въ уставы существующихъ банковъ *по ходатайствамъ общихъ собраній акціонеровъ.* Въ 1887 г. при изданіи въ новой редакціи тома XI ч. 2-й свода законовъ, указанное полномочіе Министру Финансовъ включено было, въ видѣ примѣчанія къ статьѣ 53 въ раздѣлъ X означенныхъ тома и части. Приведенное выше Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта состоялось *почти годъ спустя* послѣ Высочайшаго утвержденія (19 мая 1881 года) главныхъ основаній предполагаемаго новаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества, изъ чего несомнѣнно вытекаетъ, что и послѣ разрѣшенія въ принципѣ предположенныхъ въ области ипотечнаго кредита реформъ, отношеніе законодательной власти къ прежнему порядку, установленному въ уставахъ банковъ и укоренившемуся въ теченіе четверти вѣка, нѣсколько разнится отъ взгляда, высказаннаго по этому вопросу редакціонною коммисіею.

Здѣсь кстати будетъ привести историческую справку объ обстоятельствахъ, при которыхъ впервые возникла у насъ мысль о необходимости частныхъ кредитныхъ учрежденій для выдачи долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Драгоцѣннымъ матеріаломъ въ этомъ отношеніи могутъ служить *Труды Коммисіи Высочайше учрежденной для устройства земскихъ банковъ*, изданные въ 1860 г. въ трехъ томахъ, на основаніи Высочайшаго о томъ разрѣшенія, послѣдовавшаго 11 декабря 1859 г.

Коммисія эта образована была послѣ прекращенія въ 1859 г. операцій по ипотечному кредиту, государственнаго заемнаго банка, сохранныхъ казенъ, опекунскихъ совѣтовъ и приказовъ общественнаго призрѣнія и вызвана была необходимостью приступить къ преобразованію всей нашей банковой системы.

Напомнить объ указанныхъ трудахъ, свидѣтельствующихъ о намѣреніяхъ и предположеніяхъ нашихъ законодательныхъ сферъ въ самую критическую эпоху русскаго землевладѣнія, наканунѣ освобожденія крестьянъ, необходимо въ особенности потому, что составители проектовъ новыхъ законоположеній, собравшіе богатѣйшій матеріалъ изъ законодательныхъ архивовъ, обошли молчаніемъ труды коммисіи 1859 года. Такой пробѣлъ въ соображеніяхъ, коими редакціонная коммисія мотивируетъ свои проекты, имѣетъ значеніе прежде всего потому, что условія, при коихъ возникли у насъ учрежденія частнаго ипотечнаго кредита, ожиданія и опасенія тогдашнихъ законодательныхъ сферъ по этому предмету, представляютъ огромный интересъ въ настоящее время; что по прошествіи 40 лѣтъ возможно сопоставить ихъ съ дѣйствительнымъ развитіемъ этого кредита, который имѣетъ уже свою богатую, хотя и не лишенную превратностей исторію.

„Система частныхъ и совершенно самостоятельныхъ банковъ“, читаемъ мы въ трудахъ коммисіи (т. 1, стр. 67), „представляется, по глубокому и единодушному убѣжденію коммисіи, самымъ лучшимъ и самымъ желаннымъ разрѣшеніемъ задачи поземельнаго кредита въ Имперіи. Какъ въ интересахъ правительства, для котораго казенное кредитное учрежденіе всегда обращается въ

тягость, такъ и въ интересахъ частныхъ лицъ, поставляемыхъ казенными банками въ искусственныя условія хозяйства, нельзя не отдать полнаго предпочтенія передъ казенными земскими банками частнымъ банкамъ, будутъ ли послѣдніе учреждены въ формѣ товарищества землевладѣльцевъ или же акціонерныхъ компаній".

Въ виду этихъ соображеній коммисія указывала на необходимость цѣлаго ряда мѣръ, коими частнымъ банкамъ обезпечивалась возможность быстраго и вполнѣ самостоятельнаго взысканія съ неисправныхъ заемщиковъ банка недоимокъ въ теченіе одного полугодія. Сверхъ того нельзя не отмѣтить, что вотчинная система укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества или „учрежденіе ипотечныхъ книгъ для недвижимыхъ имуществъ въ Имперіи", какъ называла Коммисія эту систему, признавалась ею одною изъ самыхъ важныхъ мѣръ, „содѣйствующихъ переходу отъ государственныхъ кредитныхъ установленій къ частнымъ земскимъ банкамъ".

„Правильная ипотечная система", сказано въ запискѣ коммисіи (т. 1, стр. 70), „есть самое первоначальное и самое необходимое условіе для развитія поземельнаго кредита въ каждой странѣ. Вполнѣ правильное устройство земскихъ банковъ невозможно безъ существованія ипотечныхъ книгъ, обезпечивающихъ права собственника недвижимаго имущества и права на него кредиторовъ. Безъ ипотечной системы во всякой кредитной сдѣлкѣ по залогу недвижимаго имѣнія преобладаетъ личное довѣріе къ должнику— только ипотечная система превращаетъ личный кредитъ въ кредитъ вещественный, переноситъ долговую претензію съ лица на имущество, что и составляетъ первую основу поземельнаго кредита".

Одновременно съ работами коммисіи и въ очевидной связи съ приведенными соображеніями былъ разработанъ проектъ „Положенія объ обезпеченіи договоровъ и обязательствъ ипотечнымъ порядкомъ", который внесенъ былъ графомъ Д. Н. Блудовымъ въ государственный совѣтъ въ 1859 году. Съ тѣхъ поръ поземельный кредитъ развился въ размѣрахъ, далеко превзошедшихъ всѣ предположенія государственныхъ людей, коимъ принадлежитъ, какъ показано выше, иниціатива этого дѣла; но та гарантія, которая при-

знавалась необходимымъ условіемъ онаго, все еще не вышла изъ стадіи законопроектовъ. Кредитъ, оказываемый земельными банками, во многихъ отношеніяхъ носитъ и теперь несвойственный ему характеръ личнаго кредита, ибо во многихъ случаяхъ довѣріе къ заемщику служитъ единственною гарантіею добросовѣстныхъ дѣйствій послѣдняго, и онъ станетъ вполнѣ вещественнымъ кредитомъ лишь послѣ осуществленія такъ долго подготовляемой реформы.

Самый проектъ вотчинной реформы, по его строго научной разработкѣ, по стройности отдѣльныхъ частей и последовательности, съ которою проведены всѣ подробности, вытекающія изъ главныхъ основаній реформы, представляется замѣчательною законодательною работой. Съ этой стороны можно опасаться развѣ лишь того, что на первыхъ порахъ лицамъ, не освоившимся съ пріемами юридическихъ обобщеній, нелегко будетъ разобраться въ непривычныхъ для нашей публики формулахъ новаго закона, и большинство не сумѣетъ найти въ нихъ скорый отвѣтъ на вопросы практической жизни, не прибѣгая въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ къ помощи профессіональныхъ юристовъ. Но ипотечная система нигдѣ не возникла постепенно; она есть чистый продуктъ теоріи; а въ такихъ случаяхъ нѣкоторая искусственность законодательныхъ нормъ совершенно неизбѣжна. За то продукты законодательнаго творчества отличаются гораздо большею научною точностью и послѣдовательностью, нежели институты, органически выращенные самою жизнью. Наши гражданскіе законы, къ области которыхъ относятся регулируемыя вотчинными уставами правоотношенія, болѣе всего нуждаются, какъ извѣстно, въ принципіальныхъ обобщеніяхъ и точно выраженныхъ руководящихъ началахъ. Этотъ пробѣлъ превосходно восполненъ редакціонною коммисіею относительно порядка укрѣпленія вотчинныхъ правъ вообще и правъ залога въ особенности. Вотъ почему нельзя сомнѣваться въ томъ, что новая система принесетъ огромную пользу и учрежденіямъ земельнаго кредита, вслѣдствіе упроченія связанныхъ съ онымъ правоотношеній и точной формулировки руководящихъ началъ ипотечнаго права.

Но совершенство законодательной техники есть только средство, а не цѣль, — средство регулировать жизнь безъ насилія надъ нею, оберегая установившіеся интересы и законно пріобрѣтенныя права. Такова была побудительная причина закона 4 мая 1882 г., и эта осторожность нашего законодательства относительно измѣненій въ дѣлѣ ипотечнаго кредита стоитъ въ очевидной связи съ приведенными выше взглядами, преобладавшими въ то время, когда учрежденія поземельнаго кредита призывались впервые къ жизни.

Въ проектахъ вотчинной реформы содержится, однако, цѣлый рядъ такихъ мѣръ и постановленій, которыя составляютъ ненужныя и легко устранимыя стѣсненія ипотечнаго кредита, стѣсненія до сихъ поръ не существовавшія и отнюдь не обусловливаемыя особенностями новаго порядка.

Могучее развитіе частнаго кредита превзошло всѣ ожиданія по этому предмету государственныхъ дѣятелей конца 50 годовъ; и нельзя закрывать глаза на пользу, которая принесена ипотечными банками ихъ заемщикамъ. Что сталось бы съ послѣдними, еслибы вмѣсто долгосрочнаго кредита, *погашающаго* капиталъ изъ сравнительно низкаго процента, нашему землевладѣнію пришлось въ самую критическую для него пору, по освобожденіи крестьянъ, довольствоваться кредитомъ по частнымъ закладнымъ, когда заемъ изъ 12—18% годовыхъ, *безъ погашенія*, считался чуть не благодѣяніемъ? А сверхъ того нельзя забывать, что установившаяся чрезъ посредство банковъ система поземельнаго кредита и простиравшіяся къ 1 іюля 1897 г. до 1750 милліоновъ народныя сбереженія, помѣщенныя въ закладныхъ листахъ, составляютъ сами по себѣ столь крупный общественный и государственный интересъ, который не можетъ быть подвергнутъ колебаніямъ. Введенныя въ проектъ Редакціонной Коммисіи излишнія стѣсненія банковъ имѣютъ своимъ источникомъ слишкомъ узкую точку зрѣнія на общественную пользу не только частныхъ кредитныхъ учрежденій, но и государственныхъ кредитныхъ учрежденій, т. е. дворянскаго земельнаго и крестьянскаго банковъ. Искать объясненія указанному явленію надлежитъ въ томъ, что весь громадный трудъ редакціонной коммисіи есть

плодъ чистой теоріи. Въ этомъ, какъ выше уже было замѣчено, его великое научное достоинство, но этимъ объясняется и то, что въ дѣлѣ столь новомъ, для котораго въ дѣйствительной жизни русскаго народа не имѣется никакихъ зачатковъ, взяло верхъ стремленіе къ стройности и цѣльности системы, вслѣдствіе чего многое въ ней перешло за предѣлы практически желательнаго и возможнаго.

Въ частности такая тенденція сказалась въ той части работы редакціонной коммисіи, которою нормируются на совершенно новыхъ началахъ правоотношенія по залогу недвижимыхъ имѣній, не только съ внѣшней, формальной стороны, но и по внутреннему, матеріальному ихъ содержанію. Съ житейской точки зрѣнія прежде всего, казалось бы, слѣдовало задаться вопросомъ: какая форма залога недвижимостей преобладаетъ у насъ въ настоящее время? А такъ какъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что ипотечный долгосрочный кредитъ есть не только самая обыденная форма обремененія недвижимыхъ имуществъ, какъ городскихъ, такъ и сельскихъ, но и самая желательная, то казалось бы, что нормы для будущихъ сдѣлокъ по залогу недвижимостей слѣдовало бы принаровить прежде всего къ долгосрочному кредиту. Но редакціонная коммисія во всѣхъ подробностяхъ своей регламентаціи приняла за норму типъ договорнаго или принудительнаго залога между частными лицами. Къ этому типу ею пріурочены какъ правила объ установленіи залоговыхъ правъ, такъ и порядокъ понудительнаго по нимъ взысканія, и подъ эти правила она подводитъ залогъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ, распространивъ на нихъ весь общій порядокъ, съ допущеніемъ такихъ исключеній, которыя обусловливаются одною лишь внѣшнею стороною банковскаго кредита, а не различіемъ въ самой сущности правоотношенія, по ипотечному и обыкновенному залогу. Въ этомъ отношеніи не обошлось безъ важныхъ искаженій сущности долгосрочнаго займа, которыя грозятъ огромными затрудненіями дѣлу ипотечнаго кредита.

Прежде нежели перейти къ отдѣльнымъ постановленіямъ проектовъ, вызывающимъ возраженіе, необходимо установить

въ общихъ чертахъ какъ юридическія, такъ и бытовыя особенности, коими долгосрочный ипотечный кредитъ существенно разнится отъ частнаго долга, обезпеченнаго залогомъ.

Особенности эти заключаются въ слѣдующемъ:

1) Должникъ по банковской ипотекѣ, въ отличіе отъ залогодателя по частному займу (занимающаго деньги на одинъ опредѣленный срокъ), принимаетъ на себя обязанность періодическихъ полугодичныхъ уплатъ въ теченіе времени отъ 10 до 66 лѣтъ, при чемъ эти уплаты равняются лишь незначительному проценту съ суммы долга—отъ $2^5/_8$% до $6^3/_4$%.

2) Кредиторъ-банкъ, выдавшій ссуду въ видѣ закладныхъ листовъ, снабженныхъ купонами, оплачиваемыми по-полугодно, становится съ тѣмъ вмѣстѣ должникомъ держателей этихъ листовъ, безусловно отвѣтствуя за оплату купоновъ и вышедшихъ въ тиражъ листовъ, внѣ всякой зависимости отъ исправности получившаго оные заемщика.

3) Солидность выпустившаго закладные листы кредитнаго учрежденія зависитъ, во-первыхъ, отъ обширности его операцій, то есть отъ количества его заемщиковъ, а во вторыхъ, отъ способовъ принужденія, предоставленныхъ ему, дабы побуждать должниковъ къ срочному исполненію ихъ обязанностей и къ сохраненію стоимости заложеннаго имущества.

4) Вслѣдствіе періодичности сроковъ по оплатѣ купоновъ, способы принужденія противъ заемщиковъ не могутъ не быть пріурочены къ тѣмъ же срокамъ, такъ что взысканіе по просроченному платежу должно быть окончено въ предѣлахъ одного полугодія.

5) Заемщикъ банка, обязанный внести къ извѣстному сроку лишь малый процентъ съ суммы своего долга, относится гораздо безпечнѣе къ исполненію своей обязанности, нежели должникъ по обыкновенному займу. Во многихъ случаяхъ, даже имѣя возможность уплатить въ срокъ, онъ предпочитаетъ воспользоваться сомнительною льготою по отсрочкѣ, сопряженною съ пеней. А для банка этимъ создается необходимость періодически возбуждать производство о понудительномъ взысканіи противъ массы заемщиковъ, во много

разъ превосходящей число взысканій дѣйствительно доводимыхъ до публичной продажи.

6) Банкъ, имѣющій дѣло съ тысячами заемщиковъ и простирающій свои операціи на десятки губерній—(напр., Московскій Земельный, который имѣетъ своимъ райономъ 19 губерній), лишенъ всякой возможности слѣдить за состояніемъ каждаго изъ заложенныхъ имѣній и сообразовать свои репрессивныя мѣры со степенью благонадежности и добросовѣстности своего должника, подобно кредитору по частному займу.

7) Въ случаѣ безуспѣшности публичной продажи, т. е. не достиженія покупной цѣны, покрывающей долгъ банку съ недоимками, банкъ обязательно пріобрѣтаетъ имѣніе въ свою собственность; невозможность же сосредоточить въ рукахъ банка обширныя владѣнія вызываетъ обязательность распродажи банкомъ этихъ владѣній въ кратчайшій срокъ, что всегда влечетъ за собою значительные убытки для банка вслѣдствіе расходовъ на управленіе и на двойное укрѣпленіе имущества, сперва за банкомъ, а затѣмъ за покупщикомъ.

8) Здѣсь же мы должны отмѣтить еще одно отличіе между банковскимъ и частнымъ залогомъ, въ силу расширенія права частнаго залогодержателя по проекту вотчиннаго устава. До сихъ поръ залогодержатель могъ искать удовлетворенія лишь изъ заложеннаго ему имущества (ст. 1371 т. X, ч. 2, изд. 1876 г.). Нынѣ ему предоставляется искать удовлетвореніе изъ остальнаго имущества залогодателя, если онъ не получилъ полнаго удовлетворенія изъ имущества, ему заложеннаго (ст. 98 вотч. уст.), или же обратить свое взысканіе непосредственно на иное имущество должника (ст. 120 вотч. уст.). Это расширенное залоговое право на кредитныя учрежденія не распространяется (ст. 103 вотч. уст.).

Указанныя выше особенности слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду при оцѣнкѣ предположеній проекта и вызываемыхъ ими возраженій.

II.

Редакціонная коммисія предполагаетъ совершенно отмѣнить для кредитныхъ учрежденій предоставленное имъ *право самостоятельнаго взысканія*, подчинивъ ихъ общему порядку, изложенному въ положеніи о взысканіяхъ, съ изъятіями, указанными въ главѣ XI того же положенія.

Въ этой послѣдней главѣ сосредоточены всѣ уступки въ пользу кредитныхъ ипотечныхъ учрежденій изъ сложной регламентаціи по предмету взысканій, обращаемыхъ на недвижимыя имущества. Не менѣе 254 статей понадобилось для этой регламентаціи; всѣ эти статьи должны имѣть примѣненіе и при банковскихъ взысканіяхъ съ немногими лишь отступленіями, указанными въ главѣ XI положенія, такъ что отступленія только увеличиваютъ регламентацію для банковъ еще двадцатью статьями.

Въ силу ст. 1137 уст. гр. суд. государственные и частные ипотечные банки пользовались до сихъ поръ полнымъ изъятіемъ отъ порядка, установленнаго для частныхъ взысканій въ главѣ V раздѣла V книги II уст. гр. суд., заключающей въ себѣ въ два съ половиною раза меньше статей сравнительно съ новымъ положеніемъ о порядкѣ взысканій съ недвижимаго имѣнія (114 вмѣсто 275).

А въ уставахъ земельныхъ банковъ, которые всѣ почти тождественны между собою, весь порядокъ взысканія и самая публичная продажа исчерпываются въ 12 параграфахъ.

Чтобы отмѣнить этотъ простой порядокъ, который при созданіи у насъ сорокъ лѣтъ тому назадъ частныхъ ипотечныхъ учрежденій разсматривался, какъ *conditio sine qua non* ихъ существованія,—и подвергнуть его такой коренной перемѣнѣ, нужно было, во первыхъ, признать его абсолютно несовмѣстимымъ съ вводимою вотчинною системою, а, во вторыхъ, задаться вопросомъ, *возможно ли* примѣнить къ банкамъ всю новую процедуру взысканія, которая и по отношенію къ частнымъ лицамъ будетъ неизмѣримо сложнѣе прежней?

Мотивы въ подкрѣпленіе необходимости столь радикальныхъ измѣненій, изложенные въ предисловіи къ главѣ XI

положенія о взысканіи и подъ многими отдѣльными статьями, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: а) банкъ, производящій взысканіе, есть заинтересованная въ дѣлѣ сторона; б) банкъ, какъ частное учрежденіе, не можетъ быть облеченъ тою властію, которая при новомъ порядкѣ присвоена вотчинному установленію; в) интересы лицъ, имѣющихъ какое либо право на продаваемое имѣніе, а также интересы должника не могутъ быть въ достаточной мѣрѣ ограждены при производствѣ публичной продажи самими банками, и г) неправильныя дѣйствія банковъ при публичной продажѣ не могутъ быть отмѣнены съ тою быстротою, которая необходима для своевременнаго охраненія правъ заинтересованныхъ лицъ.

Прежде, нежели перейти къ подробному разбору проектированнаго для банковъ порядка, остановимся на минуту на соображеніи, изложенномъ подъ лит. г.

По этому поводу Редакціонная коммисія высказываетъ слѣдующее:

„При сосредоточеніи всего производства о взысканіи въ правительственномъ учрежденіи, каждое его дѣйствіе можетъ быть немедленно обжаловано по начальству, которое весьма скоро возстановитъ нарушенный порядокъ и удовлетворитъ основательныя требованія жалобщика. Этотъ путь непримѣнимъ при продажѣ частными банками, и въ случаѣ нарушенія ими чьихъ-либо гражданскихъ правъ, потерпѣвшій можетъ предъявить только искъ. Исковой порядокъ связанъ съ расходами и не можетъ быть разрѣшенъ столь же быстро, какъ частная жалоба. При исковомъ порядкѣ на истцѣ лежитъ представленіе доказательствъ упущеній банка, а они большею частью находятся въ дѣлѣ о продажѣ, въ самомъ банкѣ, т. е. у отвѣтчика, чѣмъ иногда затрудняется подтвержденіе правильности иска. Исковое требованіе не можетъ, какъ частная жалоба, имѣть своимъ предметомъ отмѣну или измѣненіе какого-либо отдѣльнаго процессуальнаго дѣйствія по производству о продажѣ; истцу приходится просить или объ уничтоженіи совершенной продажи или о возмѣщеніи убытковъ“ (см. стр. 318 Пол. о вз.)“.

Невозможность оспаривать правильность публичной продажи, произведенной банкомъ, иначе какъ исковымъ порядкомъ, есть огромное неудобство. Но отъ него гораздо болѣе

теряетъ банкъ, нежели лица, заинтересованныя съ другой стороны. Малѣйшее упущеніе при производствѣ публичныхъ торговъ ставится банку въ вину, и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда такое упущеніе легко возстановляется въ частномъ порядкѣ, если жалоба основательна, къ банкамъ предъявляются иски о признаніи торговъ недѣйствительными или иски объ убыткахъ. Иски эти, и въ случаѣ ихъ полной неосновательности, вынуждаютъ банкъ вести долголѣтніе процессы въ мѣстныхъ по нахожденію имѣній окружныхъ судахъ, что всегда сопряжено съ большими издержками. Если же какое либо упущеніе дѣйствительно допущено было банкомъ при производствѣ торга или при распоряженіяхъ, предшествовавшихъ продажѣ, то банкъ несетъ послѣдствія *уничтоженія крѣпостныхъ актовъ* и всѣ убытки, проистекающіе отъ ломки пріобрѣтенныхъ и видоизмѣнившихся за время процесса вотчинныхъ правъ. Судебная казуистика по вопросамъ о публичной продажѣ составляетъ одну изъ самыхъ сложныхъ и запутанныхъ областей нашего гражданскаго процесса; тѣмъ не менѣе банки отвѣтствуютъ весьма крупными денежными вознагражденіями истцовъ за такое, а не иное разрѣшеніе какого-либо спорнаго вопроса по предмету публичной продажи. А такъ какъ банкъ всегда надежный отвѣтчикъ, то нетрудно убѣдиться, что справедливо критикуемый редакціонною коммисіей порядокъ служитъ большимъ соблазномъ для придирчивыхъ исковъ къ банкамъ со стороны лицъ, заручившихся какимъ бы то ни было—мнимымъ или дѣйствительнымъ—упущеніемъ, исковъ, которые, и при неуспѣшности ихъ исхода для истцовъ, причиняютъ банку крупные, и безвозвратные расходы, ибо чѣмъ менѣе такіе истцы состоятельны къ уплатѣ судебныхъ расходовъ, тѣмъ смѣлѣе они выступаютъ, въ расчетѣ на обычное противъ банковъ предубѣжденіе.

И такъ, замѣна исковаго порядка частнымъ въ дѣйствительности послужитъ лишь къ избавленію банковъ отъ недобросовѣстныхъ притязаній.

Можно было бы указать еще многое въ новомъ порядкѣ взысканія, что принесетъ, или могло бы принести суще-

ственную пользу банкамъ. Въ видѣ примѣра укажемъ на предоставляемыя взыскателю права, изложенныя въ главѣ III полож. о взысканіяхъ, которыя дали бы возможность и банку оградить заложенное имѣніе отъ полнаго расхищенія и разоренія, коему оно обыкновенно подвергается заемщикомъ съ той минуты, когда для него исчезла возможность удержать его за собою.

Но о выгодахъ новаго порядка можно было бы разсуждать лишь послѣ разрѣшенія вопроса объ его осуществимости. Редакціонная же коммисія этимъ вопросомъ, съ положительной стороны онаго, почти не задавалась, а довольствовалась указаніями отрицательнаго свойства. Ей казалось достаточнымъ указать, что порядокъ взысканія, теперь существующій для банковъ, несовмѣстимъ съ новою системой, но совмѣстима ли эта новая система, въ свою очередь, съ особенностями банковскаго залога и проистекающимъ изъ нихъ *неизбѣжнымъ* порядкомъ вещей,—эта сторона дѣла осталась совершенно незатронутою.

III.

Порядокъ взысканій для земельныхъ банковъ установленъ въ проектѣ пол. о взыск. слѣдующій:

Производство о взысканіи возбуждается въ мѣстномъ по нахожденію имѣнія вотчинномъ установленіи (ст. 256) подачей особаго прошенія, съ приложеніемъ копіи имѣющейся въ банкѣ оцѣночной описи имѣнія и копіи прошенія (ст. 257). Вотчинное установленіе препровождаетъ копію прошенія должнику или, за отсутствіемъ его адреса, въ продаваемое имѣніе (ст. 257) и вмѣстѣ съ тѣмъ вноситъ въ вотчинную книгу запись объ обращеніи взысканія на имѣніе, замѣняющую нынѣшнюю первую публикацію безъ обозначенія дня торга (ст. 259). Черезъ два мѣсяца по внесеніи записи объ обращеніи взысканія посылаются публикаціи о продажѣ, но если въ уставѣ даннаго кредитнаго установленія этотъ срокъ короче или продолжительнѣе, то публикація оглашается по истеченіи этого срока (ст. 265). Кредитное установленіе можетъ требовать продажи имѣнія въ томъ городѣ, гдѣ находится

его правленіе или отдѣленіе (ст. 267), и въ такомъ случаѣ мѣстное по мѣсту нахожденія имѣнія вотчинное установленіе, выполнивъ всѣ требованія закона относительно оглашенія объявленій, передаетъ самую продажу вотчинному установленію по мѣсту нахожденія правленія банка или его отдѣленія. Сроки продажи не могутъ быть менѣе одного мѣсяца для перваго торга и двухъ недѣль для второго (ст. 268), считая со времени оглашенія объявленій. Первый торгъ начинается съ оцѣнки, по которой имѣніе принято въ залогъ (ст. 271), а второй съ суммы долга кредитному установленію съ просроченными платежами и недоимками въ разныхъ казенныхъ и земскихъ сборахъ и повинностяхъ (ст. 272). Старшинствомъ залоговыхъ правъ, одинаковымъ съ капитальной суммой, пользуются % за два года, расходы по застрахованію и издержки взысканія (ст. 60 вотч. уст.). По полученіи отъ вотчиннаго установленія извѣщенія о томъ, что имѣніе на второмъ торгѣ осталось непроданнымъ, земельный банкъ, до истеченія мѣсячнаго срока со дня полученія этого увѣдомленія, долженъ подать просьбу отъ укрѣпленіи за нимъ непроданнаго имѣнія (ст. 274).

Можно съ увѣренностью сказать, что на всѣ подготовительныя работы по изготовленію документовъ подлежащихъ назначенію въ продажу имѣній правленію банка и его бухгалтеріи потребуется не менѣе двухъ мѣсяцевъ усиленнаго и спѣшнаго труда. Такъ какъ по статистическимъ даннымъ въ каждое полугодіе назначаются въ продажу въ большинствѣ банковъ отъ 200 до 800 имѣній,—а въ Московскомъ Земельномъ даже около 1200, то слѣдуетъ опредѣлить необходимое время для изготовленія на каждое имѣніе прошеній въ вотчинныя установленія, стольких же копій съ нихъ и стольких же копій съ оцѣночныхъ описей, каковыя описи часто бываютъ довольно обширны. Вся эта работа, съ разсылкою по назначенію, должна продолжаться не менѣе мѣсяца; такимъ образомъ, только черезъ три мѣсяца по истеченіи льготнаго срока можетъ закончиться самая усиленная работа земельнаго банка по предварительнымъ дѣйствіямъ о взысканіи просроченныхъ платежей.

Мѣстное вотчинное установленіе, получивъ одно или нѣсколько прошеній какого либо земельнаго банка (а ихъ дѣйствуетъ повсемѣстно въ Россіи не менѣе двухъ, кромѣ Государственнаго дворянскаго банка и его особаго отдѣла), совершаетъ, съ своей стороны, всѣ установленныя для публичной продажи имѣній подготовительныя дѣйствія, въ томъ числѣ по истребованію отъ мѣстныхъ казначействъ, земской и городской управъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ свѣдѣній о недоимкахъ и сборахъ всякаго рода, и только по полученіи этихъ свѣдѣній можетъ отослать торговое производство въ то установленіе, которому поручается самая продажа.

Даже при самомъ быстромъ производствѣ дѣла ближайшій торгъ будетъ назначенъ не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца со дня полученія прошенія банка; срокъ этотъ на практикѣ окажется болѣе продолжительнымъ, такъ какъ на вотчинныя установленія возложена масса обязанностей. Но допуская и этотъ кратчайшій срокъ, оказывается, что отъ ближайшаго назначеннаго для торга дня и до истеченія срочнаго для земельнаго банка полугодія остается только одинъ мѣсяцъ, въ теченіе котораго должны состояться всѣ продажи, какъ съ перваго, такъ и со второго торга, по всѣмъ имѣніямъ, на которыя банкъ обратилъ свои взысканія. Допуская даже, что изъ опубликованныхъ въ продажу имѣній въ вотчинномъ установленіи по мѣсту нахожденія правленія банка сосредоточится только 100 отдѣльныхъ продажъ, до очевидности ясно, что установленіе не будетъ имѣть возможности осуществить таковыя по слѣдующимъ причинамъ. Производителемъ торга долженъ быть хранитель вотчинныхъ книгъ и при торгѣ обязательно присутствуетъ начальникъ вотчиннаго установленія (ст. 114 полож.). Лица эти, обремененныя обширнымъ производствомъ по вотчинному установленію, не могутъ посвящать все свое время, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, исключительно производству публичныхъ торговъ, пріостановивъ на это время теченіе всѣхъ остальныхъ дѣлъ по вотчинному установленію и, слѣдовательно, могутъ удѣлить для торговъ не болѣе двухъ дней въ недѣлю или же не

болѣе 8-ми дней въ мѣсяцъ. Принимая во вниманіе, что, въ силу 121 ст. полож., торги должны производиться въ промежутокъ времени между 10 и 3 часами дня и что для всякаго устнаго торга полагается не менѣе получаса, даже и въ томъ случаѣ, когда не являются торгующіеся,—можно съ увѣренностью сказать, что въ теченіе одного дня могутъ быть подвергнуты продажѣ не болѣе 5—6 имѣній, а въ мѣсяцъ можетъ состояться не болѣе 40—50 торговъ. Такимъ образомъ ясно, что произвести торги хотя бы только на 100 имѣній въ теченіе одного мѣсяца представляется невозможнымъ и что, слѣдовательно, вотчинное установленіе вынуждено будетъ переходить за предѣлы того полугодія, въ теченіе котораго взысканіе земельнаго банка должно быть закончено.

Но въ теченіе новаго полугодія земельный банкъ будетъ производить новыя взысканія съ тѣхъ же и съ другихъ заемщиковъ и снова обременитъ вотчинныя установленія такимъ же, какъ и въ предыдущемъ полугодіи количествомъ продажъ, которыя необходимо произвести опять въ теченіе одного полугодія. Въ результатѣ же окажется, что большая часть своевременно предназначенныхъ банкомъ въ продажу имѣній за просрочку сравнительно небольшихъ суммъ платежей, будутъ ко времени продажи обременены настолько значительными недоимками, что совсѣмъ не найдутъ покупателей и поступятъ въ собственность банковъ.

Редакціонная коммисія полагаетъ, что накопленіе большаго числа банковскихъ взысканій можно ожидать лишь въ столицахъ, и думаетъ, что это создастъ только необходимость усилить канцеляріи столичныхъ вотчинныхъ установленій, расходъ на которыя покроется усиленнымъ поступленіемъ вотчинныхъ сборовъ. Точныя цифры періодически возникающихъ банковскихъ взысканій опровергаютъ этотъ аргументъ.

Что же касается „вотчинныхъ сборовъ", т. е. расходовъ, возлагаемыхъ пол. о вз. на владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ, вслѣдствіе возбужденія производства о взысканіи, нельзя не указать на слѣдующее.

До сихъ поръ издержки взысканія по банковскимъ ссу-

дамъ ограничивались одною лишь платою за публикаціи и простирались по самымъ крупнымъ залогамъ до 30 р. Издержки эти, въ случаѣ осуществленія вотчинной реформы въ предположенномъ видѣ, будутъ состоять: а) въ расходахъ на переписку требуемыхъ по каждому взысканію въ отдѣльности копій и заявленій; б) въ полистномъ гербовомъ сборѣ по всѣмъ этимъ бумагамъ; в) въ вознагражденіи уполномоченному, наблюдающему за производствомъ въ мѣстномъ вотчинномъ установленіи, и г) въ вознагражденіи управителю имѣніемъ въ случаѣ назначенія таковаго. Составители законопроектовъ опредѣляютъ крайній предѣлъ этихъ издержекъ въ 5°/₀ съ суммы стоимости имѣнія и по частнымъ взысканіямъ этотъ расходъ въ рѣдкихъ случаяхъ не достигнетъ этого размѣра, если принять во вниманіе права, предоставляемыя взыскателю ст. 70—78 пол. о вз.

Для банковъ никакихъ изъятій въ отношеніи сборовъ не установлено; и такъ какъ наиболѣе крупныя изъ издержекъ относятся до производства, *предшествующаго* публичному торгу, то ихъ придется уплатить впередъ изъ кассы банка не только по имѣніямъ, которыя дѣйствительно будутъ проданы—число ихъ обыкновенно не превышаетъ 3°/₀ общаго числа публикуемыхъ къ продажѣ имѣній,—но и по всѣмъ другимъ 97°/₀. Эти издержки по самому скромному разсчету должны составить сумму въ среднемъ въ 775 р. на имѣніе, включая въ нее и расходъ на вознагражденіе управителя. Сама редакціонная коммисія разсчитала указанные расходы въ еще большемъ размѣрѣ, ибо допускаетъ размѣръ ихъ до 5 процентовъ со стоимости продаваемаго имущества.

Самыя крупныя статьи издержекъ въ нашемъ вычисленіи отнесены къ издержкамъ по составленію новой описи и на вознагражденіе управителю, и хотя назначеніе управителя есть лишь право, коимъ, согласно ст. 70 пол. о вз., банкъ можетъ и не воспользоваться, а новая опись и оцѣнка имѣнія также необязательны для кредитныхъ учрежденій на основаніи ст. 261 пол. о вз., но составленіе новой описи, предоставляемое банку факультативно, навязывается ему, однако, въ силу правила ст. 179 пол. о вз., какъ нѣчто обязатель-

ное, подъ страхомъ судебнаго иска объ уничтоженіи продажи; что же касается мѣръ передачи управленія имѣніемъ, согласно ст. 70—76, то онѣ даютъ банкамъ одну изъ самыхъ цѣнныхъ гарантій сохраненія цѣлости имѣнія, коихъ они до сихъ поръ были совершенно лишены, и отказаться отъ этого права едва ли представится удобнымъ.

Но даже послѣ вычета указанныхъ двухъ статей издержки взысканія сводятся къ минимальной суммѣ въ 43 р. и максимальной въ 104 р., что даетъ въ среднемъ около 75 р. на каждое подвергаемое взысканію имѣніе. Если для примѣра остановиться на Московскомъ Земельномъ банкѣ, то при 1700 имѣній, публикуемыхъ къ продажѣ издержки составятъ сумму около *ста восьмидесяти тысячъ рублей въ годъ*.

Чѣмъ же, спрашивается, можетъ быть оправданъ такой колоссальный налогъ? Частный взыскатель, на котораго пол. о вз. возлагаетъ издержки безуспѣшнаго взысканія, несетъ послѣдствія своихъ собственныхъ дѣйствій и упущеній. Онъ могъ, во-первыхъ, избрать объектомъ своего взысканія другое, болѣе для того удобное имущество должника или вовсе не начинать безнадежное взысканіе; во-вторыхъ, онъ могъ оставить имущество за собою послѣ перваго или послѣ второго торга. Если онъ ни того, ни другого не сдѣлалъ, то онъ, значитъ, безцѣльнымъ образомъ привелъ въ движеніе извѣстные органы публичной власти, а потому онъ и долженъ нести причиненные имъ расходы. Но банкъ *обязанъ* возбудить взысканіе противъ невнесшаго своего срочнаго платежа заемщика; а сверхъ того, банкъ *не имѣетъ права* взыскивать свой долгъ съ иного имущества заемщика *и не можетъ* оставлять имущества за собою послѣ перваго торга; словомъ, въ процедурѣ взысканія всѣ дѣйствія банка суть не что иное, какъ дѣйствія, обязательныя для него по уставу и по закону.

Невозможность примѣненія къ банкамъ всѣхъ тѣхъ предписаній и формальностей, которыя установлены для нихъ въ проектѣ положенія о взысканіяхъ, въ сущности доказываетъ только необходимость исключить изъ этого положенія все то, что ближайшимъ образомъ создаетъ указанныя выше непреодолимыя затрудненія, каковое исключеніе оставитъ непри-

косновеннымъ то, что составляетъ самое существо новой системы. Разсмотрѣнію этой возможности посвящена слѣдующая глава.

IV.

Ни одинъ изъ видовъ и способовъ установленія и измѣненія правъ и притязаній на недвижимое имущество не можетъ совершиться внѣ воздѣйствія органовъ власти, завѣдующихъ вотчинными установленіями, и помимо вотчинной регистраціи. Поэтому ей одинаково должны быть подчинены какъ частное, такъ и банковское взысканіе, обращенное на недвижимое имущество. Но одинаковое не всегда тождественно, и въ той мѣрѣ, въ какой частное взысканіе разнится отъ банковскаго, и функціи одинаковаго для обоихъ механизма, который приводится въ движеніе для цѣлей взысканія, не могутъ не быть различны.

Анализируя съ житейской точки зрѣнія юридическое дѣйствіе, именуемое взысканіемъ, легко убѣдиться, что, прибѣгая къ нему, взыскатель-банкъ и взыскатель-частное лицо побуждаются къ этому далеко не одинаковыми интересами.

Частное лицо всегда свободно въ выборѣ того или другаго имущества должника, какъ объекта для взысканія. Даже въ качествѣ залогодержателя, ограниченнаго по теперешнему закону заложеннымъ имуществомъ, частное лицо сохраняетъ эту свободу относительно времени возбужденія взысканія и пользованія понудительными мѣрами, предоставленными ему закономъ. По введеніи вотчинной реформы взыскатель по залоговому праву получитъ эту свободу и относительно выбора имущества (ст. 98 и 102 вотч. уст.). Эта свобода ни въ какомъ смыслѣ не принадлежитъ и не будетъ принадлежать банку.

Частный кредиторъ стремится, путемъ взысканія, къ осуществленію своего нарушеннаго права во всемъ его объемѣ. Взысканіе, возбуждаемое банкомъ, направлено къ понудительной уплатѣ срочнаго платежа, т. е. не болѣе 3% или 3½% лежащаго на имуществѣ долга, а свыше четырехъ срочныхъ платежей оно и простираться не можетъ (ст. 74 вотч. уст.).

Частный взыскатель въ огромномъ большинствѣ случаевъ стремится къ достиженію *конечной цѣли* взысканія, ибо для него наступаетъ необходимость въ понужденіи должника лишь тогда, когда онъ исчерпалъ всѣ способы для полученія добровольнаго удовлетворенія, когда для него остается лишь одно—реализировать свое требованіе изъ ликвидированной стоимости имущества должника. Онъ знаетъ этого должника лично, знаетъ и его имущественное положеніе, и онъ, конечно, подвергнетъ себя риску напрасныхъ хлопотъ, нравственныхъ непріятностей, всегда сопровождающихъ процедуру взысканій, и напрасныхъ издержекъ лишь при увѣренности, что онъ свое получитъ.

Банкъ своихъ должниковъ лично не знаетъ, и для него процедура взысканія, независимо отъ обязательности возбужденія оной, имѣетъ своею побудительною причиной не достиженіе конечной ея цѣли путемъ продажи имѣній, а предостереженіе должника и напоминаніе ему о крайнемъ срокѣ, далѣе котораго не должно простираться его небреженіе къ исполненію своего обязательства. И статистическія свѣдѣнія о банковскихъ взысканіяхъ доказываютъ, что это предостереженіе, имѣющее свои градаціи, достигаетъ своей цѣли въ 95 случаяхъ изъ ста. Градація эта такова, что чѣмъ ближе надвигается возможность продажи, тѣмъ дѣйствительнѣе впечатлѣніе, производимое понужденіемъ, хотя личный интересъ должника обратно пропорціоналенъ интенсивности онаго, ибо пеня возрастаетъ.

Этотъ порядокъ вещей, созданный жизнью и свидѣтельствующій о такихъ бытовыхъ чертахъ и экономическихъ условіяхъ, которыя свойственны лишь нашему отечеству и съ которыми невозможно не считаться и при законодательныхъ преобразованіяхъ,—лучше всякихъ теоретическихъ аргументовъ подтверждаетъ невозможность подчинить банковское взысканіе той же регламентаціи, какая выработана для частныхъ лицъ [1]).

---

[1]) Настаивая на необходимости сохранить за банковскими взысканіями ихъ особенный порядокъ, насколько таковой не противорѣчитъ кореннымъ началамъ вотчинной реформы, мы имѣемъ въ виду возраженіе, которое можетъ быть сдѣ-

И чѣмъ менѣе новый порядокъ взысканія насильственно измѣнитъ указанныя бытовыя условія нашего обремененнаго ипотечными долгами землевладѣнія, тѣмъ лучше будетъ не только для землевладѣнія, но и для успѣха преобразованія; ибо нельзя же допустить, чтобы для законодательства могло быть желательно, чтобы количество имѣній, подвергаемыхъ разорительной публичной продажѣ, хоть отдаленнымъ образомъ приблизилось къ колоссальной цифрѣ имѣній, назначаемыхъ банками въ таковую продажу. Скажемъ болѣе: успѣхъ новаго порядка взысканія и его польза для ипотечнаго кредита будутъ вполнѣ зависѣть отъ того, насколько этотъ порядокъ не отзовется насильственными измѣненіями, другими словами, насколько онъ оставитъ нетронутымъ то, что сложилось и съ успѣхомъ дѣйствовало не вслѣдствіе удачной регламентаціи (ибо уставы банковъ во всемъ, касающемся понудительнаго взысканія, крайне неудовлетворительны), а потому, что сама жизнь восполнила неясности и недомолвки

лано указаніемъ на примѣръ Германіи, гдѣ понудительное взысканіе въ интересахъ долгосрочнаго ипотечнаго кредита и земельныхъ банковъ ничѣмъ не отличается отъ общаго порядка взысканій съ недвижимаго имущества. Въ спеціальномъ законѣ по этому предмету отъ 24 мая 1897 г. (Reichgesetz über die Zwangsversteigerung und Zwangsverwaltung), составляющемъ одинъ изъ дополнительныхъ законодательныхъ актовъ къ гражданскому уложенію, и имѣющему вступить въ дѣйствіе съ 1 января 1900 г., мы тщетно искали хотя бы малѣйшаго указанія на исключительныя права по взысканію для кредитныхъ учрежденій. Но примѣръ Германіи и прочихъ странъ, пользующихся издавна т. н. ипотечною системою, нисколько не ослабляетъ нашего довода, а, напротивъ, можетъ только послужить лишнимъ аргументомъ въ пользу того общаго и давно признаннаго положенія, что юридическія нормы Запада непригодны для насъ безъ коренныхъ видоизмѣненій и дополненій. Въ частности же указанный порядокъ объясняется для Германіи, во-первыхъ, тѣмъ что въ Германіи ипотечная система возникла гораздо ранѣе развитія банковскаго земельнаго кредита, вслѣдствіе чего долгосрочный кредитъ (съ постепеннымъ погашеніемъ долга) существуетъ тамъ въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, помимо земельныхъ банковъ. Во-вторыхъ, самая процедура взысканія, при сравнительно короткихъ разстояніяхъ и округленности судебныхъ округовъ, не сопряжена съ такими проволочками, какъ въ Россіи. А въ-третьихъ, и это самое главное, нѣмецкій заемщикъ во многомъ отличается, такъ сказать психически, отъ русскаго заемщика. Число взысканій, которыя приходится періодически возбуждать германскимъ земельнымъ банкамъ, ограничивается единицами и десятками, между тѣмъ какъ взысканія русскихъ банковъ доходятъ до нѣсколькихъ тысячъ и нигдѣ не бываютъ менѣе сотенъ.

закона и направила дѣло на путь самаго естественнаго и соотвѣтствующаго житейскимъ потребностямъ развитія.

Излагая соображенія, по которымъ нельзя оставить въ силѣ существовавшую до сихъ поръ необходимость оспаривать путемъ иска всякое малѣйшее упущеніе, допущенное при публичной продажѣ въ банкѣ, редакціонная коммисія (стр. 318 и 319) полагаетъ, что малое количество исковъ, возникающихъ по этому предмету, находитъ себѣ объясненіе лишь въ томъ, что истцу трудно бываетъ доказать „процессуальныя" упущенія со стороны банка. Коммисія не сомнѣвается въ томъ, что „порядокъ, установившійся, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ банкахъ, не соотвѣтствуетъ указаніямъ закона, ограждающимъ интересы должника и его кредиторовъ". Обвиненіе это подкрѣпляется *единичнымъ случаемъ*, почерпнутымъ изъ кассаціоннаго рѣшенія по дѣлу Вучетича съ Одесскимъ городскимъ кредитнымъ обществомъ (за 1883 г. № 50).

О ненормальности того юридическаго положенія, при которомъ малѣйшее упущеніе при публичной продажѣ, произведенной въ банкѣ, можетъ быть оспорено лишь путемъ иска, мы говорили уже выше; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы указали также насколько это положеніе служитъ поощреніемъ для предъявленія къ банкамъ недобросовѣстныхъ исковъ. Если при всемъ томъ, какъ удостовѣряетъ редакціонная коммисія, дѣйствія банковъ вызываютъ очень мало судебныхъ исковъ, то мы, вопреки ея заключенію, находимъ въ этомъ подтвержденіе поддерживаемаго нами аргумента: что положеніе вещей, установившееся до сихъ поръ, должно быть принято, какъ драгоцѣнное указаніе оправдавшагося опыта относительно предѣловъ, дальше которыхъ преобразованіе не должно простираться.

Предѣлы эти обрисовываются, послѣ всего сказаннаго, довольно ясно. Они даны, съ одной стороны, указанными результатами житейскаго опыта и экономическихъ условій нашего ипотечнаго кредита, а съ другой, коренными началами предстоящаго преобразованія.

Эти коренныя начала, весьма широкія по отношенію къ вотчинной реформѣ во всей ея цѣлости, сводятся къ немно-

гимъ положеніямъ въ ихъ примѣненіи къ процедурѣ понудительнаго взысканія, направленнаго на недвижимое имущество. Сущность ихъ заключается въ слѣдующемъ:

1) Вотчинная регистрація должна служить полнымъ отраженіемъ юридическаго положенія каждаго недвижимаго имущества. А потому всякая перемѣна въ этомъ положеніи и всякое дозволенное или предписанное закономъ дѣйствіе, направленное къ такой перемѣнѣ, должно быть отмѣчено въ вотчинной книгѣ этого имущества по возможности одновременно съ предпринятымъ дѣйствіемъ.

2) Вслѣдствіе безповоротности окончательно установленныхъ перемѣнъ въ юридическомъ положеніи имѣнія, записи объ оныхъ, равно какъ временныя отмѣтки о дѣйствіяхъ, подготовляющихъ эти перемѣны, ввѣряются спеціальнымъ органамъ власти; а потому всѣ эти дѣйствія не могутъ быть предприняты помимо этихъ органовъ власти.

3) Взысканіе, обращенное на недвижимое имущество должника, будучи дѣйствіемъ понудительнымъ, т. е. проявленіемъ власти, подлежитъ во всѣхъ ступеняхъ своего процессуальнаго развитія вѣдѣнію вотчиннаго установленія.

4) Замѣна личнаго кредита кредитомъ реальнымъ, составляющая преимущество системы вотчинной регистраціи, обусловливаетъ требованіе, чтобы всѣ обезпеченные недвижимымъ имуществомъ долги прежняго собственника получили, насколько это возможно, удовлетвореніе изъ понудительной ликвидаціи стоимости имѣнія при перемѣнѣ въ лицѣ собственника.

Этими четырьмя пунктами исчерпываются всѣ основныя положенія вотчинной системы въ ея примѣненіи къ порядку взысканія, и каковы бы ни были особенности ипотечнаго кредита, онѣ должны быть подчинены этимъ основнымъ положеніямъ. Отсюда ясно, что о сохраненіи за земельными банками права производить взысканія безъ посредства вотчинныхъ устиновленій не можетъ быть рѣчи. Точно также не можетъ быть рѣчи о сохраненіи права банковъ подвергать заложенное имущество продажѣ за цѣну, покрывающую одинъ банковскій долгъ съ недоимками по государственнымъ и обще-

ственнымъ сборамъ, безъ всякой заботы о достиженіи покупной цѣны, покрывающей долги, стоящіе ниже банковской ссуды.

Обращаясь засимъ къ критическому разбору отдѣльныхъ моментовъ той процедуры взысканія, которые установлены для банковъ въ проектѣ Редакціонной Коммисіи, мы можемъ теперь указать, какія изъ проектированныхъ нововведеній неразрывно связаны съ изложенными выше коренными началами реформы и какія изъ этихъ нововведеній, не будучи связаны съ этими началами, могутъ быть откинуты безъ нарушенія оныхъ.

Для этого мы распредѣляемъ отдѣльныя дѣйствія по взысканію по группамъ и по каждой группѣ разсмотримъ, что̀ необходимо и что оказывается излишнимъ стѣсненіемъ.

1) *Возбужденіе взысканія.* Порядокъ возбужденія банками взысканія установленъ въ ст.ст. 256—259 полож. о вз. Необходимо, чтобы взысканіе банка возбуждалось въ мѣстномъ по нахожденію имѣнія вотчинномъ установленіи; столь же необходимо, чтобы возбужденіе взысканія отмѣчено было порядкомъ, указаннымъ въ ст. 12 пол. о вз. Этими двумя пунктами вполнѣ исчерпываются тѣ измѣненія въ теперешнемъ порядкѣ возбужденія банками своихъ взысканій, которыя обусловливаются основными началами вотчиннаго преобразованія.

Ненужнымъ оказываются всѣ тѣ дѣйствія мѣстнаго вотчиннаго установленія, которыя предписаны ст.ст. 257 и 259 пол. о вз., а именно:

а) Нѣтъ никакой надобности въ посылкѣ должнику повѣстки. Банковскій должникъ знаетъ не только о наступленіи срока своего платежа, но знаетъ также, что банкъ обязанъ по своему уставу возбудить взысканіе противъ неисправнаго плательщика. Ему, правда, извѣстно, что банкъ далеко не всегда доводитъ свое взысканіе до конца, даже противъ заемщика, не уплатившаго вовсе своего взноса. Но дабы воспользоваться снисхожденіемъ банка, *онъ* долженъ хлопотать предъ банкомъ, а не *банкъ* обязанъ обращаться къ нему. Вопросъ о томъ, имѣется ли надобность въ особомъ предувѣдомленіи банковскаго заемщика подробно разобранъ Пра-

вительствующимъ Сенатомъ въ рѣшеніяхъ за 1879 г. №№ 359 и 797 и за 1881 г. № 104 и разрѣшенъ въ томъ смыслѣ, что посылка повѣстки во всѣхъ случаяхъ, указанныхъ въ ст.ст. 1095—1100 уст. гражд. суд., является излишнею для банка, и что юридическія послѣдствія, связанныя съ моментомъ врученія повѣстки, наступаютъ сами собою съ началомъ теченія льготнаго срока для заемщика. Всѣ соображенія Правительствующаго Сената, высказанныя въ указанныхъ рѣшеніяхъ, сохраняютъ свою полную силу и при взысканіи на основаніи новыхъ законоположеній.

б) Коль скоро банку нѣтъ надобности вступить въ спеціальныя сношенія съ неисправнымъ плательщикомъ чрезъ посредство мѣстнаго вотчиннаго установленія, то ему нѣтъ также надобности въ избраніи пребыванія въ мѣстѣ нахожденія этого установленія, т. е. въ наймѣ особаго уполномоченнаго для наблюденія за производствомъ на мѣстѣ. Банкъ можетъ стало-быть ограничиться посылкой указаннаго въ ст. 256 заявленія по почтѣ.

в) Если ничто не вызываетъ надобности въ спеціальномъ хожденіи банковъ предъ мѣстнымъ вотчиннымъ установленіемъ по поводу возбужденнаго взысканія, то ничто не вызываетъ и необходимости въ измѣненіи, проектированномъ второю частью ст. 259 полож. о вз. Возбужденіе взысканія должно, правда, быть отмѣчено въ производствѣ вотчиннаго установленія порядкомъ, указаннымъ первою частью этой статьи. Но для этого отнюдь не требуется отмѣны публикаціи, установленной въ § 20 земельныхъ банковъ (безъ опредѣленія дня торга). Совершенно достаточно, чтобы банкъ отсылалъ въ каждое изъ вотчинныхъ установленій, въ вѣдомствѣ коихъ находятся опубликованныя имѣнія, по печатному экземпляру своей первой публикаціи, отмѣтивъ въ ней особымъ знакомъ (напримѣръ красною чертой) имѣнія, подвѣдомственныя данному вотчиному установленію, и чтобы послѣднія вносили запись объ обращеніи взысканія или налагали запрещеніе по всѣмъ отмѣченнымъ такимъ образомъ имѣніямъ. Такъ какъ свѣдѣнія, указанныя въ 5 пунктахъ ст. 256 полож. о вз., и въ настоящее время включаются въ

публикацію, и могутъ быть включаемы и впредь, то къ печатному экземпляру публикаціи останется приложить лишь копію имѣющихся въ банкѣ описей тѣхъ имѣній, которыя въ публикаціи особо отмѣчены для каждаго вотчиннаго установленія.

О томъ какое громадное облегченіе доставитъ этотъ порядокъ возбужденія взысканія, сравнительно съ установленнымъ въ ст.ст. 256—259 пол. о вз., нѣтъ надобности распространяться.

2) *Распоряженія органовъ власти и дѣйствія сторонъ, указанныя въ ст.ст. 261—264 полож. о вз.* Въ этихъ статьяхъ установлены существенныя отступленія по отношенію къ банкамъ отъ общихъ предписаній по предмету описи, оцѣнки и управленія подвергнутаго взысканію имѣнія. Всѣ эти распоряженія имѣютъ своею цѣлью охраненіе интересовъ взыскателя, а не должника. Мы уже имѣли случай указать, что эти распоряженія создаютъ чрезвычайно цѣнныя гарантіи сохраненія цѣлости имѣнія, и было бы весьма важно сохранить ихъ и для банковъ, и потому можно было бы настаивать на измѣненіи указаныхъ статей *въ этомъ смыслѣ.* Къ сожалѣнію, это оказывается совершенно невыполнимымъ при банковскихъ взысканіяхъ. Невыполнимость эту въ данномъ случаѣ усмотрѣла и Редакціонная коммисія, а потому превратила для нихъ въ факультативное право все то, что для частнаго взысканія установлено въ смыслѣ императивнаго правила. По этому желательно, чтобы въ разбираемыхъ статьяхъ было яснѣе отмѣчено что банки *могутъ* воспользоваться всѣми прерогативами, создаваемыми для взыскателя мѣрами къ охраненію цѣлости имѣнія, дабы банки могли, хотя въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ, прибѣгнуть къ этимъ мѣрамъ, или къ какой-либо изъ нихъ въ отдѣльности, какъ, напримѣръ, къ назначенію управителя, или къ обращенію на нужды взысканія доходовъ имѣнія согласно правилу, изложенному въ ст. 79 полож. о вз.

3) *Мѣсто публичной продажи.* Разсмотрѣнныя до сихъ поръ статьи пол. о вз. могутъ быть охарактеризованы какъ *подготовительная стадія* процедуры взысканія, которою для

банковъ и ограничивается производство противъ наибольшаго числа неисправныхъ плательщиковъ Этотъ подготовительный или устрашительный характеръ присвоенъ указаннымъ распоряженіямъ и по пол. о вз., что явствуетъ всего лучше изъ буквальнаго смысла ст.ст. 10 и 257 полож. о вз. и изъ установленнаго въ нихъ срока, ранѣе котораго имѣніе не можетъ быть назначено въ продажу.

Вторая, рѣшительная стадія взысканія наступаетъ лишь съ момента публикаціи о *днѣ и мѣстѣ* продажи, и коренное начало вотчинной системы, по которому вотчинная книга должна быть вѣрнымъ отраженіемъ всей юридической судьбы имѣнія, требуетъ, собственно говоря, чтобы и всѣ дальнѣйшія дѣйствія по взысканію произведены были тамъ, гдѣ ведется эта вотчинная книга, т. е. въ мѣстномъ вотчинномъ установленіи. Однако, пришлось отступить отъ этого начала не только для банковскихъ взысканій, но и для частныхъ (ст. 82—86 пол. о вз.). Относительно банковъ такое отступленіе установлено въ ст. 267 полож. о вз. Но предоставленіе банку указаннаго права подъ видомъ исключенія изъ правила явно противорѣчитъ дѣйствительному положенію вещей. Соображенія, по которымъ признано, что банкамъ *можетъ быть* предоставлено право перенести публичную продажу изъ мѣстнаго въ центральное вотчинное установленіе, должны были убѣдить въ томъ, что для банковъ *иной порядокъ невозможенъ*, ибо только продажа въ центральномъ установленіи по мѣсту нахожденія банка, избавитъ послѣдній отъ необходимости производить взысканія по каждому имѣнію въ отдѣльности. Ст. 267 пол. о вз. лишь тогда будетъ правильною нормой, когда въ ней будетъ указано въ видѣ общаго правила, что мѣстомъ публичной продажи по банковскимъ взысканіямъ служитъ вотчинное установленіе того города, гдѣ находится правленіе банка, или его отдѣленіе, *съ предоставленіемъ банку*, *въ видѣ исключенія*, просить о продажѣ въ вотчинномъ установленіи по мѣсту нахожденія имѣнія. Только при такомъ содержаніи ст. 267 можно будетъ обо всѣхъ имѣніяхъ, подвергаемыхъ въ данное полугодіе взысканію, сдѣлать одну общую публикацію

съ указаніемъ времени и мѣста торговъ; если же перенесеніе торговъ въ центральное мѣсто будетъ допускаемо лишь по спеціальному ходатайству, то это опять возвращаетъ насъ къ необходимости индивидуальныхъ производствъ по каждому имѣнію, т. е. къ тому, что будетъ непреодолимымъ препятствіемъ къ успѣху реформы вообще.

4) *Публичная продажа по первому и по второму торгу.* Четыре статьи (271—274), которыя посвящены въ главѣ XI пол. о вз. процедурѣ публичной продажи, ни въ чемъ существенномъ не изъемлютъ банковскихъ продажъ отъ общаго порядка, предписаннаго въ ст. 108—157 того же положенія. Не вдаваясь въ подробный анализъ, можно сказать, что всѣ эти правила распространены на банки потому, что всѣ второстепенныя правила взысканія обусловливаются слишкомъ далеко идущимъ обобщеніемъ частнаго и банковскаго взысканія. И если намъ удалось доказать необходимость разобщенія этихъ столь различныхъ между собою производствъ, то мы тѣмъ самымъ доказали и непримѣнимость къ банковскимъ продажамъ тѣхъ правилъ, коими регулируется обрядъ публичной продажи и дѣйствій, сопровождающихъ оную, которыя составляютъ не сущность, а формальную сторону дѣла.

Но вотъ измѣненіе, которое обусловливается самою сущностью вотчинной системы, а именно, необходимость начинать торгъ съ оцѣнки, по которой имѣніе принято въ залогъ (ст. 271 пол. о вз.). Трудно сомнѣваться, что при такой цѣнѣ для торга, на второй торгъ поступятъ очень многія изъ тѣхъ имѣній, которыя при теперешнихъ условіяхъ находятъ покупателей на первомъ торгѣ. Тѣмъ не менѣе мы не возражаемъ противъ ст. 271 пол. о вз., составляющей необходимое послѣдствіе основнаго принципа, изложеннаго выше подъ пунктомъ 4-мъ.

Во всемъ же остальномъ между частнымъ и банковскимъ взысканіемъ нѣтъ никакой аналогіи, а имѣются огромныя различія.

Это въ особенности относится до условій, при которыхъ назначается второй торгъ.

Банкъ связанъ относительно взысканія обязанностями, лежа-

щими на немъ по уставу; онъ возбуждаетъ взысканіе одновременно противъ сотенъ, а иногда противъ тысячъ должниковъ, коихъ онъ индивидуально не знаетъ и входить въ подробности положенія каждаго изъ нихъ не можетъ; банкъ взыскиваетъ лишь ничтожную часть стоимости продаваемаго имѣнія; оставить за собою имѣніе послѣ неудавшагося перваго торга онъ не можетъ, и не можетъ обратить свое взысканіе на иное имущество должника; а въ случаѣ неудавшагося второго торга для него обязательна третья продажа съ расходами на *временное* укрѣпленіе имущества за собою, при чемъ эта третья продажа, послѣ введенія вотчиннаго преобразованія, уже не можетъ быть публичною, какъ до сихъ поръ (§ 27 уставовъ зем. банковъ).

Вслѣдствіе этого проектированныя редакціонной коммисіей правила, относящіяся до втораго торга (ст. 143—157 пол. о вз.), оказываются во многомъ непримѣнимыми къ кредитнымъ учрежденіямъ; главнымъ же образомъ непримѣнимы правила, по которымъ для втораго торга требуется особое ходатайство взыскателя, что вновь создало бы для банка необходимость вести свои взысканія не суммарно, а отдѣльно по каждой недоимкѣ. А надобности въ этомъ нѣтъ никакой по той простой причинѣ, что для банка второй торгъ является *неизбѣжнымъ по природѣ вещей и обязательнымъ по уставу* послѣдствіемъ несостоявшагося по чему бы то ни было перваго торга.

5) *Присоединеніе къ возбужденному кредитнымъ установленіемъ производству другихъ взыскателей.* Такое присоединеніе, установленное въ ст. 260 пол. о вз., не можетъ не быть допущено въ видѣ основного начала, изложеннаго выше подъ пунктомъ 4. Состоявшійся переходъ продаваемаго по взысканію банка имѣнія къ другому собственнику долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ полную ликвидацію всѣхъ обращенныхъ на это имѣніе требованій кредиторовъ прежняго собственника, насколько эти требованія могутъ быть покрыты изъ вырученной отъ продажи суммы. Поэтому отъ присоединенія ко взысканію банка никто изъ кредиторовъ не можетъ быть устраненъ. Но, присоединившись ко взысканію

банка, частный взыскатель не можетъ не быть подчиненъ особенностямъ этого порядка взысканія, изъ которыхъ самая главная, по самой цѣли своей отличная отъ частнаго взысканія, заключается въ томъ, что взысканіе банка предназначено прежде всего къ тому, чтобы взыскатель не допустилъ имѣнія до продажи, что на практикѣ достигается въ 95 случаяхъ изъ 100. Подчиненія частнаго взыскателя послѣдствіямъ этой особенности требуетъ не только справедливость, но и весьма вѣское практическое соображеніе. Если частные взыскатели получатъ возможность безъ всякихъ хлопотъ и личныхъ затратъ пользоваться процедурой банковскаго взысканія для реализаціи своихъ, хотя бы самыхъ незначительныхъ требованій на должникѣ, то огромная часть всѣхъ вообще взысканій, направленныхъ на недвижимыя имущества, будетъ пріобщена ко взысканіямъ земельныхъ банковъ. Въ залогѣ въ банкахъ и городскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ состоитъ теперь значительная часть всѣхъ вообще недвижимыхъ имуществъ; а изъ нихъ, вслѣдствіе небрежности, свойственной заемщикамъ, громадный процентъ подвергается черезъ каждое полугодіе, по крайней мѣрѣ, нервымъ предостерегательнымъ мѣрамъ взысканій. Если пріостановленіе этихъ мѣръ взысканія вслѣдствіе покрытія банковской недоимки не будетъ зависѣть отъ кредитнаго учрежденія, возбудившаго производство, и каждый частный кредиторъ получитъ право настаивать на продолженіи взысканія и на доведеніи онаго до публичной продажи, то частные взыскатели явятся по каждому изъ многихъ тысячъ имѣній, подвергаемыхъ 2 раза въ годъ публикаціи со стороны кредитныхъ учрежденій, ибо присоединеніе, сравнительно съ общимъ порядкомъ, неизмѣримо болѣе удобно и лицу, имѣющему какое либо требованіе, но заемщику банка, нужно будетъ только воздержаться отъ самостоятельнаго дѣйствія до ближайшаго *періода* банковскихъ взысканій, а затѣмъ, въ случаѣ прекращенія банкомъ своего взысканія, требовать продолженія производства на основаніи послѣдней части ст. 19 пол. о вз. Въ концѣ же концовъ это поведетъ къ тому, что число имѣній, продаваемыхъ „съ молотка“, безконечно возрастетъ.

Вотъ почему намъ кажется, что ст. 19, 26 и 260 пол. о вз. должны быть видоизмѣнены въ томъ смыслѣ, что въ случаѣ прекращенія кредитнымъ учрежденіемъ возбужденнаго имъ взысканія, присоединившіеся къ возбужденному производству другіе взыскатели не могутъ требовать продолженія его въ порядкѣ, установленномъ для этихъ учрежденій.

V.

По вопросу объ обязательности для пріобрѣтателя недвижимаго имѣнія договоровъ найма, заключенныхъ прежнимъ вотчинникомъ, устанавливается въ проектѣ вотчиннаго устава общее правило, въ силу котораго такіе договоры, хотя бы не пользующіеся старшинствомъ предъ правомъ новаго пріобрѣтателя по вотчинной книгѣ, или даже вовсе не внесенные въ нее, сохраняютъ свою силу на три года со времени внесенія новаго вотчинника, въ томъ числѣ и покупщика имѣнія съ публичнаго торга (ст. 22 вотч. уст., 18, 100, 125, 126, 127 и 173 полож. о взыск.). Исключеніе изъ этого правила допущено лишь относительно договоровъ, заключенныхъ послѣ внесенія записи объ обращеніи взысканія или наложенія запрещенія по ст. 12 полож. о взыск. (ст. 17 полож. о вз.). Такіе договоры не могутъ быть заключены на срокъ болѣе одного года.

Редакціонная коммисія посвятила вопросу о наемныхъ договорахъ и ихъ обязательности для правопреемника по покупкѣ имѣнія весьма обширное разсужденіе подъ ст. 32 вотчиннаго устава. Здѣсь не только указано, какое зло составляютъ договоры, заключаемые съ цѣлью обезцѣненія имѣнія, но и цитировано состоявшееся 20 лѣтъ тому назадъ (18 апрѣля 1878 г.) мнѣніе государственнаго совѣта, коимъ предполагалось спеціально оградить земельныя кредитныя учрежденія правиломъ, по которому договоры, заключенные собственникомъ на срокъ болѣе двухъ лѣтъ *послѣ запрещенія по выдачѣ залоговаго свидѣтельства*, необязательны для покупщиковъ заложеннаго имѣнія. Сверхъ того, въ разсужденіяхъ указанъ уставъ дворянскаго земельнаго банка изд.

1890 г., по которому договоры по имѣнію обязательны для пріобрѣтателя съ публичнаго торга лишь въ теченіе одного года. Въ противность этимъ указаніямъ и вполнѣ признавая тотъ фактъ, что обезцѣниваніе заложеннаго имущества договорами есть и въ настоящее время излюбленный недобросовѣстными заемщиками изворотъ, коммисія твердо устанавливаетъ, однако, общій принципъ трехлѣтней дѣйствительности наемныхъ договоровъ, не дѣлая никакихъ исключеній ни для имуществъ, вообще состоящихъ въ залогѣ, ни для имѣній, заложенныхъ въ кредитныхъ учрежденіяхъ. Въ предѣлахъ трехлѣтняго срока редакціонная коммисія разрѣшаетъ, такимъ образомъ, спорный въ наукѣ вопросъ въ томъ смыслѣ, что Kauf bricht nicht Miethe. Въ принципѣ едва-ли нужно что либо возразить противъ того разрѣшенія, которое принято редакціонной коммисіей. Однако слѣдуетъ имѣть прежде всего въ виду практическія послѣдствія. Всякій новый законъ вторгается въ дѣйствительную жизнь своимъ запретомъ или предписаніемъ, стѣсняя развитіе имущественнаго оборота и непринужденность добросовѣстныхъ договорныхъ отношеній; а вмѣстѣ съ тѣмъ подъ охрану того же закона стремятся стать правоотношенія и сдѣлки, этой охраны не заслуживающія, или на самомъ дѣлѣ вовсе не существующія. Содержаніе, отнюдь не соотвѣтствующее требованіямъ закона, облекается въ предписанную онымъ внѣшнюю форму и такимъ образомъ подъ его защиту подводится умышленно созданная фикція. Но если на почвѣ новаго закона возникла возможность злоупотребленія, то тотъ же законъ долженъ заключать въ себѣ и способы парализовать такія злоупотребленія; въ противномъ случаѣ, вредъ можетъ превысить ожидаемую пользу.

Возможно ли признать установленный редакціонною коммисіей принципъ трехлѣтней крѣпости *всякаго* наемнаго договора справедливымъ относительно земельныхъ банковъ?

Заемщикъ земельнаго банка тѣмъ существенно отличается отъ обыкновеннаго должника, что его обязанность уплаты наступаетъ періодически, въ каждое полугодіе. Залогомъ своего имѣнія въ банкъ, заемщикъ въ большинствѣ случаевъ

отчудилъ 60°/₀ стоимости своего имущества. При значительномъ облегченіи вотчиннаго кредита, который будетъ созданъ новою системой, заемщику банка будетъ въ будущемъ неизмѣримо легче исчерпать и остальные 40°/₀ этой стоимости. И вотъ такому заемщику дается возможность обезпечить себѣ пользованіе имуществомъ (чрезъ подставное лицо) на три года послѣ потери даже формальнаго права на него. Не являются ли ст. 32 вотч. устава и тѣсно связанная съ нею ст. 18 полож. о взыск. прямымъ поощреніемъ къ заключенію обезцѣнивающихъ договоровъ тѣмъ изъ заемщиковъ, которые исчерпали путемъ кредита всю стоимость своего залога? Если подобное право должника можетъ быть разорительнымъ и для обыкновеннаго залоговаго кредитора, сохраняющаго однако право обратить свое взысканіе и на другое имущество должника (ст. 98 и 102 вотч. уст.), то во сколько-же разъ это право опаснѣе для кредитнаго учрежденія, для котораго источникомъ удовлетворенія служитъ только заложенное имѣніе (ст. 103 вотч. уст.)? А сверхъ того должно имѣть въ виду обязанность кредитнаго учрежденія укрѣпить за собою имѣніе, оставшееся непроданнымъ, т. е. понести издержки по укрѣпленію (ст. 274 полож. о взыск.) съ правомъ владѣнія не далѣе одного года (§ 27 устава банка). И даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда безуспѣшность продажи была прямымъ послѣдствіемъ существованія договора найма, его обязательность на 3 года прекращается для банка и его правопреемника лишь при выполненіи условій, указанныхъ въ ст. 100 и 147 полож. о вз. (ст. 274 того же полож.).

Намъ могутъ возразить, что противъ обезцѣненія имѣнія кредитору, а стало-быть и банку, даны разнообразные способы, указанные въ ст. 34, 35, 78, 79 и 80 вотч. устава. Но нетрудно убѣдиться, что для земельнаго банка всѣ эти способы совершенно непригодны, ибо для банка, имѣющаго въ залогѣ до восьми тысячъ имѣній и производящаго въ каждое полугодіе взысканія съ многихъ сотенъ имѣній, они невыполнимы.

Въ особенности невыполнимъ для банка важнѣйшій изъ способовъ борьбы противъ недобросовѣстности должниковъ,

указанный въ ст. 78 вотч. устава. Требовать уничтоженія обезцѣнивающихъ договоровъ банкъ можетъ лишь въ томъ случаѣ, когда онъ узнаетъ о существованіи таковаго. Но узнать объ этомъ банку неизмѣримо труднѣе нежели частному лицу. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ банкъ получитъ свѣдѣніе о такомъ договорѣ лишь послѣ наступленія необходимости обратиться къ понудительному взысканію по ст. 256 полож. о взыск., т. е. послѣ просрочки двухъ полугодовыхъ платежей. Огласить существованіе договора позаботится тогда самъ должникъ или его контрагентъ, въ огражденіе *своихъ правъ*, пользуясь льготой предоставляемою ему ст. 32 вотч. устава; банку же придется, на основаніи ст. 78 вотч. устава, предъявить искъ. Но судебные иски требуютъ для своего окончательнаго разрѣшенія отъ двухъ до трехъ лѣтъ. Стало-быть и благопріятное для банка рѣшеніе нисколько не предотвратитъ полнаго использованія фиктивнаго договора. Пока договоръ не признанъ фиктивнымъ, онъ долженъ почитаться обязательнымъ на три года, публичный же торгъ будетъ произведенъ гораздо ранѣе окончанія судебнаго спора. Чѣмъ недобросовѣстнѣе договоръ, тѣмъ болѣе онъ будетъ вліять на цѣну, предлагаемую на торгахъ. А такъ какъ торгъ будетъ начинаться съ полной суммы стоимости имѣнія (ст. 271 пол. о вз.), не вычитая изъ нея обезцѣнивающаго договора, то продажа въ этихъ случаяхъ никогда почти не состоится и имѣніе поступитъ во „временную“ собственность банка со всѣми ея убыточными послѣдствіями. Ст. 32 вотч. устава и связанныя съ нею ст. 100 и 274 пол. о вз. не даютъ банку никакихъ реальныхъ и осуществимыхъ способовъ борьбы противъ фиктивныхъ договоровъ. Если указанныя статьи останутся безъ измѣненія, то фиктивные контракты размножатся до безконечности въ разсчетѣ на формализмъ нашей судебной практики.

Вотъ почему кредитныя учрежденія должны быть ограждены по этому предмету особымъ правиломъ, соотвѣтствующимъ особенному положенію, создаваемому для банковъ злоупотребленіями этого рода. Правительствующій Сенатъ, какъ выше уже было указано, разъяснилъ, что врученію повѣстки

объ исполненіи, которое лишаетъ обыкновеннаго должника свободы заключенія договоровъ, соотвѣтствуетъ самый фактъ допущенія заемщикомъ кредитнаго учрежденія просрочки періодическаго платежа. Этимъ разъясненіемъ Правительствующій Сенатъ много способствовалъ успѣшной борьбѣ противъ фиктивныхъ договоровъ. А по правилу, вновь создаваемому проектами редакціонной коммисіи, а именно, по ст. 17. Полож. о вз., собственникъ лишается права заключенія договоровъ дольше чѣмъ на годъ лишь со времени открытія производства о взысканіи. Для банковъ, по ст. 256 полож. о вз., это производство о взысканіи можетъ начинаться не раньше истеченія льготнаго срока; стало-быть заемщику банка, въ противность дѣйствовавшему до сихъ поръ правилу, предоставляется по новому закону полная свобода заключенія на три года договоровъ объ отдачѣ имѣнія въ наемъ послѣ просрочки *двухъ* полугодовыхъ платежей.

Начало производства о взысканіи, указанное какъ срокъ, съ котораго должникъ ограничивается въ своемъ правѣ относительно договоровъ, въ ст. 32 вотч. уст. и въ ст. 100 и 147 полож. о вз., грозитъ, какъ изъ сказаннаго видно, значительнымъ ухудшеніемъ положенія банковъ по отношенію къ обезцѣнивающимъ договорамъ. Поправка, которая устранила бы этотъ недосмотръ, не потребовала бы однако никакихъ особенныхъ передѣлокъ въ проектахъ коммисіи. Она можетъ быть сдѣлана въ видѣ примѣчанія къ ст. 17 положенія о взысканіяхъ слѣдующаго приблизительно содержанія: „Для собственника имѣнія, заложеннаго въ государственномъ, общественномъ или частномъ кредитномъ учрежденіи, ограниченіе правъ, указанное въ сей статьѣ, наступаетъ со времени пропущенія имъ срока на взносъ лежащихъ на немъ по уставу кредитнаго учрежденія повременныхъ платежей".

Настаивая на этой поправкѣ, мы имѣемъ въ виду лишь сохраненіе того положенія, которое признано цѣлесообразнымъ и справедливымъ по отношенію къ земельнымъ банкамъ практикою, установленною Правительствующимъ Сенатомъ.

VI.

Редакціонная Коммисія сочла нужнымъ ввести для покупщиковъ имѣній съ публичныхъ торговъ гарантію, которою они до сихъ поръ не пользовались, предоставивъ такимъ покупщикамъ: „требовать въ исковомъ порядкѣ уничтоженіе продажи имѣнія, съ возвращеніемъ внесенныхъ за него денегъ, если въ проданномъ имѣніи обнаружится значительный недостатокъ земли противъ показаннаго въ описи пространства, или такое существенное несоотвѣтствіе съ содержаніемъ описи, которое, если бы было извѣстно до торга, не могло бы остаться безъ значительнаго вліянія на покупную цѣну, а также, если проданное имѣніе окажется обремененнымъ такимъ существеннымъ ограниченіемъ права собственности, которое должно было значительно вліять на покупную цѣну, но о которомъ не было до торга свѣдѣній въ производствѣ о взысканіи" (ст. 179 Пол. о вз.).

Эта льгота покупщикамъ съ публичнаго торга будетъ для кредитныхъ учрежденій источникомъ новыхъ и серіозныхъ затрудненій, въ особенности при правилѣ о трехлѣтней силѣ наемныхъ договоровъ.

Наемные договоры могутъ быть заключаемы безъ оглашенія ихъ чрезъ внесеніе въ отдѣлъ III вотчинной книги; не будучи внесены, они тѣмъ не менѣе обязательны на основаніи ст. 32 вотч. устава, и не смотря на это ст. 179 полож. о вз. даетъ покупщику право отказаться отъ покупки, если о такомъ договорѣ не было свѣдѣній въ производствѣ о взысканіи. Изъ того, что такихъ свѣдѣній „не было въ производствѣ", еще не слѣдуетъ, конечно, что покупщикъ *не имѣлъ* этихъ свѣдѣній; тѣмъ не менѣе неимѣніе свѣдѣній въ производствѣ даетъ *каждому* покупателю право оспаривать дѣйствительность продажи. Нельзя не призадуматься, какое оружіе ст. 179, въ ея теперешней редакціи, даетъ въ руки любителямъ фантастическихъ сдѣлокъ, предначаемыхъ для возбужденія совсѣмъ не фантастическихъ судебныхъ исковъ.

Контракты съ подставными лицами были въ большомъ ходу до сихъ поръ, несмотря на то, что законъ не давалъ

слишкомъ твердой точки опоры для спора противъ дѣйствительности публичной продажи. Они заключались собственникомъ подлежащаго продажѣ имѣнія съ фиктивнымъ контрагентомъ въ разсчетѣ на формализмъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ судовъ, предъ которыми весьма трудно бываетъ опровергнуть актъ, въ виду несообразности его внутренняго содержанія, коль скоро онъ съ внѣшней стороны соотвѣтствуетъ формальнымъ требованіямъ закона. Во сколько же разъ облегчены будутъ эти гражданскіе обманы, когда дана будетъ возможность недобросовѣстному должнику, съ одной стороны, обременить имѣніе, предназначенное въ публичную продажу, содержимымъ до поры до времени въ секретѣ договоромъ съ подставнымъ контрагентомъ, а затѣмъ купить имѣніе чрезъ другое подставное лицо, и вслѣдъ затѣмъ начать искъ объ уничтоженіи публичной продажи, основывая оный на ст. 179 полож. о вз., подъ предлогомъ,—неотразимымъ на этотъ разъ для отвѣтчиковъ и суда,—что о договорѣ не имѣлось до торга „свѣдѣній въ производствѣ о взысканіи"?

Какъ ни опасно вообще орудіе, создаваемое правиломъ ст. 179 пол. о вз., но для примѣненія этого правила къ случаямъ частнаго взысканія, можно еще подобрать теоретическое оправданіе въ тѣхъ строгихъ правилахъ, коими обставлена въ проектѣ Коммисіи процедура понудительнаго взысканія. Имѣніе, на которое обращено понудительное взысканіе, обязательно подвергается до торговъ описи и оцѣнкѣ и сверхъ того оно подчиняется надзору особаго хранителя, отвѣчающаго за цѣлость его состава. Этимъ какъ бы устраняется возможность рѣзкаго несоотвѣтствія между составомъ имѣнія во время продажи и описью, которая въ большинствѣ случаевъ будетъ предшествовать продажѣ лишь на нѣсколько мѣсяцевъ. Но возможно ли и въ этомъ пунктѣ подводить кредитныя учрежденія подъ одинъ уровень съ частными взыскателями?

Прежде всего редакціонная коммисія впала здѣсь въ противорѣчіе съ ею же созданнымъ правиломъ, по которому опись имѣнія, продаваемаго по взысканію банка, составляется лишь въ томъ случаѣ, если этого требуетъ банкъ (ст. 261

полож. о вз.), а въ противномъ случаѣ продажа производится на основаніи описи, по которой имѣніе принято въ залогъ (ст. 256 и 271 того же положенія). Освобожденіе банковъ отъ составленія новой описи передъ публичною продажей имѣнія есть какъ бы одно изъ тѣхъ немногихъ особенныхъ правъ банка, котораго и редакціонная коммисія не рѣшилась уничтожить, принявъ во вниманіе особенныя условія, при которыхъ банку приходится производить свои взысканія. Но распространивъ на банки дѣйствіе ст. 179 полож. о взыск., ред. коммисія превратила указанную прерогативу въ ничто и сама указываетъ на это въ своихъ разсужденіяхъ подъ тою же якобы льготною ст. 261 полож. о вз., замѣчая, что „право покупщика потребовать уничтоженіе продажи, побудить банки позаботиться, чтобы имѣніе продавалось по вѣрной описи". Опись, по которой имѣніе поступило въ залогъ, и которая по ст.ст. 256, 261 и 271 полож. о взыск. одна только обязательна для публичной продажи по взысканіямъ банковъ, будетъ предшествовать публичной продажѣ не на мѣсяцы, а на годы, иногда же и на десятки лѣтъ. Банкъ лишенъ возможности продѣлать индивидуально по каждому просроченному имѣнію все то, что предоставлено ст.ст. 37—80 пол. о вз. частному и единичному взыскателю, въ видахъ охраненія цѣлости имѣній. Опытъ показалъ, что должникъ банка *всегда* стремится оголить до послѣдней возможности имѣніе, которое онъ не можетъ за собою сохранить. Въ этихъ случаяхъ въ продажу поступаетъ не хозяйственное цѣлое съ инвентаремъ, показаннымъ въ описи при залогѣ, и послужившимъ основаніемъ къ опредѣленію доходности, а лишь то, что физически невозможно было оттуда убрать; словомъ продается не имѣніе, а голая земля. Въ виду этого едва ли возможно распространить на банки дѣйствіе ст. 179 пол. о взыск., не принявъ во вниманіе, что тутъ представляется одно изъ двухъ: либо такое распространеніе необходимо,—тогда банки должны быть подчинены и дѣйствію ст.ст. 37—69 пол. о вз. объ обязательной описи и оцѣнкѣ; либо банкамъ нельзя не предоставить льготы, указанной въ ст. 261,—въ такомъ случаѣ они должны

быть освобождены отъ дѣйствія ст. 179. Но дать банкамъ эту льготу и въ то же время „побуждать“ ихъ „позаботиться чтобы имѣніе продавалось по вѣрной описи“ чрезъ примѣненіе къ нимъ ст. 179 пол. о вз.—такой способъ не подобаетъ закону, ибо законъ не можетъ отнимать одною рукою того, что онъ даруетъ другою. Банкъ не можетъ рисковать подпасть подъ дѣйствіе ст. 179 и допускать продажу на основаніи описи, составленной самимъ банкомъ, коль скоро по отношенію къ нему не исключено будетъ примѣненіе ст. 179 Пол. о вз., ибо значительное несоотвѣтствіе между этою описью и состояніемъ имущества предъ продажею *неизбѣжно*, а потому неизбѣженъ будетъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ и искъ къ банку объ уничтоженіи продажи. А если такъ, то банки должны будутъ *всегда* требовать описи и оцѣнки при возбужденіи ими производства о взысканіи. Предоставляемая имъ ст. 261 Пол. о вз. льгота окажется, при такой постановкѣ дѣла, изъятіемъ болѣе опаснымъ, чѣмъ подчиненіе общему правилу о производствѣ описи и оцѣнки.

Скажутъ, быть-можетъ, что искъ въ предѣлахъ, указанныхъ ст. 179 Пол. о вз., не опасенъ, такъ какъ о вознагражденіи убытковъ требованія быть не можетъ, и послѣдствія неблагопріятнаго исхода для банка судебнаго спора сводятся къ возврату полученныхъ банкомъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи, и къ возвращенію заложеннаго имѣнія въ юридическое положеніе, существовавшее до продажи. Но, если всмотрѣться ближе въ искъ, создаваемый ст. 179 Полож. о вз., то окажется, что въ теперешней редакціи статья эта представитъ крупный соблазнъ для даровой и значительной наживы на счетъ банка, а потому нельзя сомнѣваться въ многочисленности такихъ исковъ. Главный соблазнъ здѣсь будетъ заключаться въ огромной вѣроятности выигрыша процесса вслѣдствіе несоотвѣтствія описи дѣйствительному состоянію имѣнія, или же вслѣдствіе обременяющихъ имѣніе договоровъ. А выиграть судебное дѣло противъ банка будетъ всегда выгодно, хотя бы уничтоженіе продажи и возвратъ внесенныхъ за покупку денегъ никакого особеннаго интереса не представляли.

Въ самомъ дѣлѣ: искъ этотъ будетъ искомъ объ уничтоженіи крѣпостного акта на недвижимое имущество; онъ будетъ подсуденъ суду по мѣсту нахожденія имѣнія (ст. 212 Уст. Гр. Суд.), а цѣну иска будетъ установлять истецъ, и притомъ не ниже цѣны имѣнія (ст. ст. 272—274 Уст. Гр. Суд.). Дѣйствительный денежный интересъ (возвратъ внесенныхъ денегъ) можетъ простираться на небольшую сумму, но судебныя издержки и вознагражденіе за веденіе дѣла упадутъ на банкъ съ суммы стоимости всего имѣнія.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, мы полагаемъ, что ст. 179 Пол. о взыск. не можетъ быть примѣняема къ случаямъ публичной продажи заложенныхъ въ земельныхъ банкахъ имѣній, что и могло бы быть выражено въ примѣчаніи къ этой статьѣ.

Еслибы однако сочтено было невозможнымъ изъять банковскія взысканія отъ дѣйствія ст. 179 Полож. о взыск., то простая справедливость требуетъ, чтобы статья эта была снабжена примѣчаніемъ о томъ: 1) что иски, основанные на оной, направленные противъ кредитныхъ учрежденій, должны быть предъявляемы въ мѣстѣ нахожденія правленій банковъ, 2) что цѣна такихъ исковъ не можетъ быть выше суммы внесенныхъ покупщикомъ денегъ и 3) что отвѣтчикъ-банкъ лишь въ томъ случаѣ несетъ судебные по дѣлу расходы, если онъ вступитъ въ споръ по существу дѣла.

VI.

Какъ ни обширны возраженія противъ проектовъ вотчинной реформы, изложенныя въ настоящихъ замѣткахъ, ими, однако, далеко не исчерпывается все то, что можно сказать не только противъ проектированной системы регистраціи вотчинныхъ правъ вообще, но и противъ тѣхъ частей ея, которыя ближе всего затрогиваютъ права учрежденій долгосрочнаго ипотечнаго кредита. Вполнѣ сознавая отрывочность этихъ замѣчаній и отсутствіе въ нихъ научной цѣльности, а, пожалуй, и объективности, мы сочли однако не лишнимъ представить ихъ на судъ болѣе обширнаго круга читателей исключительно въ виду

того, что текущая юридическая литература не дала ни одной болѣе систематической работы по предмету критики столь важнаго законопроекта.

Но признавая путь канцелярскаго обсужденія крайне непригоднымъ для столь важнаго и обширнаго законопроекта, мы настоящихъ замѣчаній опасаемся, что и ихъ можетъ постигнуть та же судьба.

Посвятивши не мало труда разбору проектовъ, намъ, конечно, было бы желательно выслушать компетентное возраженіе противъ поправокъ и компромиссовъ, которыя могли быть намѣчены лишь въ общихъ чертахъ. Непосредственный обмѣнъ мыслей особенно необходимъ здѣсь въ виду того, что указанные компромиссы, въ случаѣ ихъ принятія, должны бы повести къ соотвѣтствующему измѣненію редакціи многихъ статей проекта вотчиннаго устава, и въ особенности проекта положенія о взысканіяхъ.

Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ Редакціонной Коммисіи Л. В. Гантоверъ помѣстилъ въ газетѣ „Право“ отъ 20 декабря п. г. статью, посвященную общему вопросу о введеніи ипотечной системы. Въ этой статьѣ г. Гантоверъ между прочимъ удостовѣряетъ, что труды Коммисіи были еще въ 1892 г. разосланы во всѣ судебныя установленія и во всѣ земельные банки Имперіи для доставленія замѣчаній. „Систематизированныя и отпечатанныя“, говоритъ далѣе г. Гантоверъ, „эти замѣчанія были подробно разсмотрѣны Коммисіей и приняты въ соображеніе при установленіи въ 1896 г. *окончательной* редакціи проектовъ, поступившихъ тогда же въ продажу и сдѣлавшихся такимъ образомъ доступными всѣмъ юристамъ“. По поводу этого заявленія г. Гантовера мы недоумѣваемъ прежде всего потому, что проекты Редакціонной Коммисіи, по крайней мѣрѣ, тѣ, по поводу которыхъ представлены были замѣчанія отъ имени земельныхъ банковъ, появились въ печати въ 1893 году, и тогда же поступили въ продажу. Новое изданіе 1896 г. „окончательной“ редакціи проектовъ намъ неизвѣстно и въ продажу не поступило. Замѣчанія земельныхъ банковъ представлены министерству финансовъ лишь въ началѣ 1898 г.,

а вновь переработанные проекты въ изданіи 1896 года, смѣемъ увѣрить г. Гантовера, остались до сихъ поръ вполнѣ недоступными юристамъ, ибо мы тщетно старались добыть экземпляръ изданія 1896 г., когда въ ноябрѣ 1898 г. впервые узнали о существованіи таковаго.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что во время „окончательной" разработки своего проекта Редакціонная Коммисія не могла еще ознакомиться съ изложенными выше замѣчаніями со стороны земельныхъ банковъ. Г. Гантоверъ, съ своей стороны, также не упомянулъ о нихъ ни однимъ словомъ въ своей статьѣ, хотя трудно допустить, чтобы и ему они были неизвѣстны.

Если же г. Гантоверъ не счелъ нужнымъ высказаться по поводу точно формулированныхъ возраженій и предложеній земельныхъ банковъ, то мы еще менѣе понимаемъ, какая могла быть надобность серьезно убѣждать кого бы то ни было въ пользѣ упорядоченія нашей системы укрѣпленія вотчинныхъ правъ, и въ необходимости замѣны устарѣвшаго, тяжеловѣснаго, слишкомъ дорогого и медленнаго способа утилизаціи кредита, основаннаго на недвижимой собственности,—способомъ *единственно* соотвѣтствующимъ современному развитію гражданскаго оборота и особенностямъ этого кредита, какимъ онъ сложился *у насъ преимущественно*, а именно въ формѣ долгосрочнаго кредита, оказываемаго государственными, общественными и частными банками. Спорить противъ необходимости и важности измѣненія юридической основы этого кредита въ матеріальномъ и процессуальномъ отношеніи,—все равно, что спорить о преимуществахъ дореформеннаго судопроизводства передъ теперешнимъ производствомъ гражданскаго процесса, или доказывать, что донынѣ дѣйствующій у насъ гражданскій кодексъ, то есть: 1 часть X тома свода законовъ, вполнѣ отвѣчаетъ потребностямъ нашей „самобытности" и не нуждается ни въ какой научной переработкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ средѣ Гоголевскихъ представителей стараго режима, насколько они остались въ живыхъ, еще можно услыхать сожалѣнія о прелестяхъ поѣздокъ въ тарантасѣ на ближайшую ярмарку или въ „губернію". Поѣздки

для совершенія „купчей" и „закладной" во многомъ сходны съ указанными патріархальными путешествіями „на долгихъ"; но сѣтовать противъ замѣны крѣпостныхъ актовъ записями въ вотчинной книгѣ, могутъ только тѣ, кто предпочитаетъ грунтовыя дороги рельсовому пути. Но противъ такихъ взглядовъ возможно ли и стоитъ-ли спорить?

Стоило ли въ особенности вступать серьезно въ такой споръ послѣ того, какъ вопросъ о вотчинной реформѣ восемнадцать лѣтъ тому назадъ получилъ уже свое принципіальное разрѣшеніе въ законодательномъ порядкѣ?

М. Гольденвейзеръ.

VI.

О ВЫЗОВѢ СВИДѢТЕЛЕЙ ПО ЗАКОНУ 18 МАРТА 1896 Г.

Высочайше утвержденнымъ 18 марта 1896 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта существенно измѣнены постановленія устава угол. судопр., опредѣляющія права подсудимыхъ на вызовъ свидѣтелей къ судебному слѣдствію. Отмѣнена ст. 574, въ силу которой свидѣтели, допрошенные во время производства предварительнаго слѣдствія, по ходатайству подсудимаго, обязательно вызывались предсѣдателемъ суда, за исключеніемъ случаевъ, въ законѣ опредѣленныхъ. Ст. 575 измѣнена въ томъ смыслѣ, что ходатайства подсудимыхъ о вызовѣ свидѣтелей, не только недопрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, но и допрошенныхъ, обсуждаются судомъ, который при этомъ принимаетъ въ соображеніе уже не „основательность представляемыхъ къ тому причинъ и важность обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію", а единственно то, „могутъ-ли имѣть значеніе для дѣла обстоятельства, подлежащія разъясненію показаніями этихъ свидѣтелей". Объ отказѣ въ вызовѣ свидѣтелей составляется опредѣленіе, съ изложеніемъ оснований отказа.

При примѣненіи этого закона практика столкнулась съ вопросомъ, насколько сохранили свое значеніе разъясненія Правительствующаго Сената статьи 575 въ прежней ея редакціи и, главнымъ образомъ, находящейся съ нею въ связи ст. 576 уст. угол. суд. На разсмотрѣніи и посильномъ разрѣшеніи этого вопроса мы и остановимся.

I.

При составленіи устава угол. суд., рѣшающее вліяніе на созданіе постановленій о вызовѣ свидѣтелей во время приготовительныхъ къ суду распоряженій оказалъ взглядъ составителей на значеніе прокурорскаго надзора. Они исходили изъ той мысли, что цѣль дѣйствій прокурора есть раскрытіе истины, почему онъ не долженъ представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ и обязанъ требовать къ судебному слѣдствію всѣхъ свидѣтелей, которыхъ показанія могутъ служить къ раскрытію истины, а не тѣхъ исключительно, свидѣтельствомъ которыхъ подкрѣпляется обвиненіе. Въ виду этого подсудимому предполагалось предоставить право дополнять списокъ свидѣтелей, требуемыхъ прокуроромъ къ судебному слѣдствію, только ради желанія устранить всякій поводъ къ сомнѣнію въ одностороннемъ направленіи дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ было высказано предположеніе, что прокуроръ, какъ блюститель закона и общественныхъ интересовъ, не станетъ требовать свидѣтелей по обстоятельствамъ побочнымъ или не идущимъ къ предмету обвиненія, тогда какъ отъ подсудимыхъ возможно ожидать злоупотребленій правомъ вызова въ судъ свидѣтелей, если это право будетъ ничѣмъ не ограничено. По этимъ соображеніямъ коммисія предположила не ограничивать права прокурора на вызовъ свидѣтелей во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Права-же подсудимаго предполагалось не ограничивать только въ отношеніи вызова свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи. Коммисія, по всей вѣроятности, при этомъ исходила изъ мысли, что показанія такихъ свидѣтелей всегда имѣютъ существенное для дѣла значеніе. Что-же касается до остальныхъ свидѣтелей, то вызовъ ихъ подсудимымъ предполагалось допустить при наличности извѣстныхъ условій, вошедшихъ впослѣдствіи въ текстъ 575 ст. уст. угол. суд. 20 ноября 1864 года. Однако это начало не было проведено послѣдовательно. Коммисія, *не ставя никакихъ ограничительныхъ условій*, признала справедливымъ предоставить подсудимому право просить судъ о вызовѣ свидѣтелей на его счетъ или о предоставленіи ему пригласить ихъ отъ себя, каковое предположеніе коммисіи вошло въ текстъ ст. 576 [1]).

Первоначально и кассаціонная практика не ограничивала подсудимаго въ его правѣ просить о вызовѣ свидѣтелей на его счетъ

---

[1]) См. объяснит. записку къ уст. угол. суд., стр. 286—288.

или о предоставленіи ему пригласить ихъ отъ себя (рѣш. угол. кас. д-та 1868 г. № 342; 1873 г. №№ 292 и 695; 1874 г. № 51 и 334). Но затѣмъ въ рѣшеніи 1878 г. № 34 по дѣлу Засуличъ Правительствующій Сенатъ создалъ цѣлую теорію относительно примѣненія ст. ст. 575 и 576 уст. угол. суд. Сенатъ раздѣлилъ свидѣтелей, о вызовѣ которыхъ ходатайствуетъ подсудимый, на три категоріи: свидѣтелей, имѣющихъ существенное для дѣла значеніе, свидѣтелей, показанія коихъ несущественны, но имѣютъ отношеніе къ дѣлу,—наконецъ, свидѣтелей, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу. Первыхъ судъ обязанъ вызвать по 575 ст. на счетъ казны. Вторые могутъ быть вызваны или приглашены по ст. 576. Свидѣтелей-же, никакого отношенія къ дѣлу неимѣющихъ, судъ не имѣетъ права ни вызвать по ст. 575, ни допускать въ отношеніи ихъ примѣненія ст. 576. Это толкованіе Правительствующаго Сената встрѣтило въ нашей литературѣ защиту со стороны покойнаго К. А. Анциферова, который находилъ, что кассаціонное рѣшеніе по дѣлу Засуличъ вполнѣ согласно съ основными началами нашего угол. процесса. По мнѣнію Анциферова, „судебное слѣдствіе у насъ не имѣетъ той самостоятельности, которая принадлежитъ слѣдствію процесса обвинительнаго. Оно есть только повѣрка слѣдствія предварительнаго, почему дополненіе дѣла новыми данными, не бывшими предметомъ изслѣдованія на предварительномъ слѣдствіи, вообще не должно имѣть мѣста, а если и допустимо, то въ наименьшемъ числѣ случаевъ; здѣсь, очевидно, выступаетъ чисто слѣдственное начало нашего процесса". „Подъ вліяніемъ такой постановки предварительнаго слѣдствія создана ст. 574, признающая за подсудимымъ неотъемлемое право требовать вызова на судъ всѣхъ тѣхъ свидѣтелей, которые были спрошены на предварительномъ слѣдствіи". Статья-же 575 создана подъ вліяніемъ той-же идеи объ ограниченіи права подсудимаго требовать новыхъ свидѣтелей. Оба условія, поставленныя 575 ст. для вызова свидѣтелей на счетъ казны—*основательность* причинъ домогательства и *важность* обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію,—„рекомендуютъ суду весьма глубокое проникновеніе въ существо домогательства подсудимаго". „И это вполнѣ согласуется съ основною идеею ограниченія правъ подсудимаго". „Здѣсь, прежде чѣмъ войти въ обсужденіе важности обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію, предписывается обсудить еще самую причину домогательства подсудимаго". „Если свидѣтель не спрошенъ на предварительномъ слѣдствіи,—то естественно остановиться

на вопросѣ о причинѣ этого". „Въ числѣ такихъ причинъ, безспорно, можетъ быть и то, что показаніе свидѣтеля не относится къ предмету дѣла". „За разрѣшеніемъ вопроса о причинѣ, слѣдуетъ разрѣшеніе вопроса о *важности* обстоятельствъ". „Уже изъ буквальнаго выраженія закона легко видѣть, что здѣсь подразумѣвается предварительное разрѣшеніе вопроса объ относимости этихъ обстоятельствъ къ дѣлу". „Ст. 575 имѣетъ принципіальное значеніе, связанное со всею системою нашего процесса и обусловленное идеею объ ограниченіи самаго *права* подсудимаго на вызовъ новыхъ свидѣтелей". „Отсюда и истолкованіе 576 ст. должно получить то направленіе, которое ставитъ ее въ соотвѣтствіе съ основнымъ закономъ, въ ст. 575 изображеннымъ". „Признавать, что снисходительность законодателя простирается до предоставленія подсудимому права поставить на судъ свидѣтелей, показанія которыхъ, по убѣжденію суда, даже не относятся къ дѣлу, значитъ отвернуться отъ существующей теоріи законодателя, значитъ забыть о коренныхъ началахъ нашего процесса и совершенно уничтожить смыслъ основного закона объ ограниченіи *правъ* подсудимаго" [1]).

Эти соображенія г. Анциферова, какъ и рѣшеніе Правительствующаго Сената по д. Засуличъ, вызвали вѣскія возраженія со стороны В. Д. Спасовича [2]), А. К. Вульферта [3]) и В. П. Даневскаго [4]). Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе основательности доводовъ, приведенныхъ г. Анциферовымъ въ подкрѣпленіе Сенатскаго рѣшенія по д. Засуличъ. Допустимъ даже, что они правильны. Въ настоящее время для насъ важно то, могутъ ли имѣть приведенныя соображенія г. Анциферова значеніе при измѣненіи закономъ 18 марта 1896 г. правилъ о вызовѣ свидѣтелей во время приготовительныхъ къ суду распоряженій,—нельзя-ли и теперь исходить изъ мысли, что постановленія закона о вызовѣ свидѣтелей по ходатайству подсудимаго должны быть толкуемы въ ограничительномъ смыслѣ?

Мы уже видѣли, что ст. ст. 573—576 уст. угол. суд. 20 ноября

---

[1]) К. Д. Анциферовъ. Законъ и практика по вызову на судъ новыхъ свидѣтелей въ интересахъ подсудимаго. Журналъ гражд. и угол. права 1882 г. кн. VIII. Сборникъ статей Анциферова, 1898. изданіе Спб. юридическаго общества, стр. 463—471.

[2]) Сочиненія, т. III стр. 339—357.

[3]) Юридическій Вѣстникъ 1884 г. № 1, стр. 119—128.

[4]) Приготовительныя къ суду распоряженія, стр. 50—57.

1864 г. были созданы подъ вліяніемъ особаго взгляда составителей судебныхъ уставовъ на прокуратуру. Оправдались-ли эти предположенія, —вызывалъ-ли прокурорскій надзоръ свидѣтелей, руководствуясь только стремленіемъ раскрыть истину, а не исключительно интересами обвиненія, не требовалъ-ли онъ свидѣтелей „по обстоятельствамъ побочнымъ или не идущимъ къ предмету обвиненія"? „Мы желали-бы знать, спрашивалъ еще въ 1870 г.—въ первое время по введеніи реформы—К. К. Арсеньевъ, воспользовался-ли кто нибудь изъ нашихъ обвинителей, хотя одинъ разъ, правомъ, предоставленнымъ ему ст. 573, для того, чтобы вызвать новаго свидѣтеля или эксперта, благопріятнаго для защиты" [1])? Этотъ вопросъ съ полнымъ правомъ можно поставить и теперь. Да нельзя и не согласиться съ г. Арсеньевымъ въ томъ отношеніи, что если бы дѣятельность прокурорскаго надзора соотвѣтствовала идеалу, начертанному составителями уставовъ, то и нельзя было-бы возражать противъ постановленій, заключающихся въ ст. 573—575. Но дѣло въ томъ, что она ему не соотвѣтствуетъ, да и не можетъ соотвѣтствовать. Какъ только обвиненіе установилось въ формѣ обвинительнаго акта, какъ только прокурорская власть высказалась за необходимость преслѣдовать обвиняемаго, какъ только обвиняемый сдѣлался подсудимымъ и получилъ возможность пользоваться помощью защитника,—прокуроръ, по неотразимой силѣ вещей, становится *обвинителемъ*, *стороною*, предоставляетъ подсудимому и его защитнику заботиться о дополненіи дѣла въ смыслѣ защиты и старается самъ только о дополненіи его въ смыслѣ обвиненія [2]). Точно также не осуществилось и другое предположеніе составителей судебныхъ уставовъ. Министерству Юстиціи пришлось разъяснить лицамъ прокурорскаго надзора, чтобы они при составленіи, на основаніи 521 и 573 ст. уст. угол. суд., списковъ свидѣтелей, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію, пользовались выраженнымъ въ помянутыхъ статьяхъ правомъ съ крайнею осторожностью, внося въ списокъ свидѣтелей лишь тѣхъ лицъ, показанія коихъ имѣютъ болѣе или менѣе существенное при разрѣшеніи дѣла значеніе, такъ какъ на практикѣ обнаружилось, что нѣкоторыя лица прокурорскаго надзора вызываютъ такихъ свидѣтелей, которыхъ на судебномъ слѣдствіи приходится оставлять безъ допроса [3]).

[1]) Преданіе суду, стр. 165.
[2]) Тамъ же, стр. 164—165.
[3]) Циркуляръ 10 января 1877 г. № 261.

При такомъ направленіи нашей практики, не оправдавшемъ ожиданій, высказанныхъ при составленіи уст. угол. суд., съ теченіемъ времени, естественно, долженъ былъ возникнуть вопросъ объ измѣненіи закона о вызовѣ свидѣтелей къ судебному слѣдствію. Это измѣненіе должно было идти въ двоякомъ направленіи. Разъ прокуратура не оказывала, да и не могла оказывать, по самому существу своей дѣятельности, содѣйствія подсудимому въ вызовѣ полезныхъ для защиты свидѣтелей, являлась необходимость измѣнить законъ въ смыслѣ расширенія правъ подсудимаго по вызову свидѣтелей. Съ другой стороны, въ виду обнаружившихся на практикѣ неосмотрительныхъ вызововъ свидѣтелей прокурорскимъ надзоромъ, оказывалось нелишнимъ нѣсколько ограничить права обвинительной власти по вызову свидѣтелей, поставивъ и ея требованія подъ нѣкоторый контроль суда, т. е. установить извѣстную равноправность между обвиненіемъ и защитой. Однако законодательство наше не коснулось правъ прокурорской власти, а исключительно остановилось на опредѣленіи правъ подсудимаго по вызову свидѣтелей. Министерство Юстиціи прежде всего обратило вниманіе на то обстоятельство, что по условіямъ нашего предварительнаго слѣдствія оказывается, что допросъ судебнымъ слѣдователемъ того или другого лица, въ качествѣ свидѣтеля, отнюдь не служитъ ручательствомъ важности показанія сего лица, что въ числѣ допрошенныхъ судебнымъ слѣдователемъ всегда могутъ быть лица, показанія коихъ не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію суда. Обязательный вызовъ такихъ неимѣющихъ отношенія къ дѣлу свидѣтелей усложняетъ работу суда, препятствуетъ присяжнымъ засѣдателямъ сосредоточить свое вниманіе всецѣло на существенныхъ сторонахъ дѣла и тѣмъ самымъ невыгодно отражается на правильности ихъ сужденія. Въ виду этого Министръ Юстиціи полагалъ ст. 574 отмѣнить и подчинить вызовъ свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, дѣйствію ст. 575 [1]).

Обращаясь-же къ ст. 575, Министръ Юстиціи нашелъ, что „по тексту ея судъ, разрѣшая домогательство о вызовѣ новыхъ свидѣтелей, обязывается принимать при этомъ въ соображеніе основательность представляемыхъ къ тому причинъ и важность об-

---

[1]) Представленіе Министра Юстиціи въ Государственный Совѣтъ 28 декабря 1895 г. № 35972, стр. 2—3.

стоятельствъ, подлежащихъ разъясненію. Недостаточная опредѣлительность перваго изъ этихъ двухъ условій, а также возможность противопоставить ихъ одно другому породили недоразумѣнія на практикѣ. Послѣднія не были устранены и Правит. Сенатомъ, разъясненія котораго, напротивъ, приводятъ къ заключенію, что судъ, не отрицая важности для дѣла обстоятельствъ, въ подтвержденіе коихъ выставляются свидѣтели, тѣмъ не менѣе въ правѣ, на основаніи 575 ст., отказать въ вызовѣ ихъ, если считаетъ неосновательными причины, по которымъ проситель не указалъ прежде на этихъ свидѣтелей. Такое положеніе едва-ли можетъ быть признано соотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости. Коль скоро обстоятельства, которыя имѣетъ удостовѣрить свидѣтель, дѣйствительно представляютъ важность для правильнаго рѣшенія дѣла, едва-ли возможно отказывать въ его вызовѣ на томъ только основаніи, что ходатайство о семъ могло быть заявлено во время предварительнаго слѣдствія, какъ бы ни были мало основательны причины, по которымъ ссылка на свидѣтеля не сдѣлана заблаговременно" [1]). По этимъ основаніямъ Министръ Юстиціи полагалъ изъ ст. 575 исключить выраженіе „основательность представляемыхъ къ тому причинъ" [2]). Эти соображенія раздѣлилъ и Государственный Совѣтъ.

Изъ приведенныхъ нами подробно законодательныхъ мотивовъ ясно видно, что съ изданіемъ закона 18 марта 1896 г. утвержденіе, подобное приведенному выше мнѣнію г. Анциферова, о томъ, что наше судебное слѣдствіе является только повѣркою слѣдствія предварительнаго, еще болѣе потеряло свое значеніе. Противъ мнѣнія г. Анциферова вообще можно было высказать, что то, что онъ утверждаетъ, было только предположеніемъ при обсужденіи основныхъ положеній реформы, отвергнутомъ при дальнѣйшихъ работахъ по составленію судебныхъ уставовъ. Судебному слѣдствію у насъ данъ болѣе широкій объемъ [3]). Теперь-же, разъ законодательство стремится къ расширенію правъ подсудимаго и ставитъ подъ одинаковыя условія вызовъ допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи и новыхъ свидѣтелей, не выдвигая такимъ образомъ на первый планъ повѣрку слѣдствія предварительнаго, ограничительное толкованіе ст. 575 и 576—допуще-

[1]) Тамъ-же, стр. 4.
[2]) Тамъ-же, стр. 4.
[3]) См. И. Я. Фойницкій, курсъ угол. суд. т. II, стр. 457 по изд. 1899 г.

ніе новыхъ данныхъ въ наименьшемъ числѣ случаевъ—вполнѣ противорѣчило-бы намѣренію законодателя. Стремленіе расширить права подсудимаго и оградить его интересы еще болѣе выразилось при разсмотрѣніи представленія Министра Юстиціи въ Государственномъ Совѣтѣ. „Для правильнаго отправленія правосудія, разсуждалъ Государственный Совѣтъ, необходимо, чтобы участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ были предоставлены всѣ законныя средства къ ихъ защитѣ. Поэтому отказъ въ вызовѣ свидѣтелей, показанія которыхъ хотя и могли бы имѣть значеніе для разъясненія дѣла, но представляются, по мнѣнію суда, несущественными, въ значительной мѣрѣ и безъ дѣйствительной въ томъ надобности стѣснилъ бы эту защиту. Вслѣдствіе сего департаменты, озабочиваясь огражденіемъ интересовъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, признаютъ соотвѣтственнымъ, въ измѣненіе предположенной Министерствомъ Юстиціи редакціи 575 ст. уст. угол. суд., постановить, что судъ, при разрѣшеніи ходатайствъ о вызовѣ свидѣтелей, принимаетъ въ соображеніе, могутъ-ли имѣть значеніе для дѣла обстоятельства, подлежащія разъясненію“ [1]). Въ такой редакціи ст. 575 Высочайше утверждена.

Въ виду столь ясно выраженной заботливости законодателя къ интересамъ подсудимаго, невозможно уже говорить о проведеніи нашимъ законодательствомъ идеи ограниченія правъ подсудимаго. Въ настоящее время, при примѣненіи 575 ст., въ новой ея редакціи, судъ долженъ только обсудить, имѣютъ-ли значеніе для дѣла, т. е. относятся ли къ дѣлу тѣ обстоятельства, о которыхъ имѣютъ показывать просимые свидѣтели. Вся прежняя Сенатская теорія о существенности или несущественности для дѣла показанія свидѣтеля падаетъ. Она стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ буквальнымъ текстомъ закона и особенно съ соображеніями, высказанными Государственнымъ Совѣтомъ при обсужденіи его. Если судъ признаетъ, что показаніе свидѣтеля относится къ дѣлу, онъ долженъ вызвать свидѣтеля на счетъ казны [2]). При противномъ-

---

[1]) Журналъ Госуд. Совѣта 5 февраля 1896 г. № 33, стр. 2.

[2]) Съ отмѣною 574 ст. въ судебной практикѣ можетъ обнаружиться одно нежелательное явленіе. Суды, обсуждая вопросъ, имѣетъ ли значеніе для дѣла показаніе свидѣтеля, допрошеннаго на предварительномъ слѣдствіи, будутъ при этомъ обращать вниманіе на показаніе, занесенное въ протоколъ судебнаго слѣдователя, и съ нимъ сообразовать разрѣшеніе вопроса. Такой пріемъ можетъ повести къ невыгоднымъ для подсудимаго послѣдствіямъ. Очень часто свидѣтели

же заключенія, судъ, по ходатайству подсудимаго, заявленному въ установленный закономъ срокъ, долженъ вызвать свидѣтеля на счетъ подсудимаго или предоставить послѣднему пригласить отъ себя. Признавать сохранившими свою силу разъясненія Сената о томъ, что по 576 ст. могутъ быть вызваны лишь свидѣтели, показанія коихъ хотя и несущественны, но относятся къ дѣлу, значитъ фактически отмѣнить 576 ст., такъ какъ теперь и несущественные свидѣтели, показанія коихъ лишь относятся къ дѣлу, должны быть вызываемы по 575 ст. на счетъ казны. Слѣдовательно, въ виду измѣненія ст. 575, судъ долженъ удовлетворять домогательства подсудимыхъ, заявленныя по 576 ст., даже и въ томъ случаѣ, если показанія просимыхъ свидѣтелей, по мнѣнію суда, не имѣютъ никакого отношенія къ дѣлу.

II.

Широкое право подсудимаго на вызовъ свидѣтелей къ судебному слѣдствію важно какъ для интересовъ самого подсудимаго, такъ особенно и въ томъ отношеніи, что оно даетъ обществу большую увѣренность въ справедливости судебныхъ приговоровъ. Но здѣсь выступаетъ другой не менѣе важный интересъ. Подсудимый, пользуясь своимъ правомъ, можетъ представлять такихъ свидѣтелей, которые своими показаніями будутъ только затемнять дѣло, задерживать безцѣльно ходъ судебнаго разбирательства и отвлекать вниманіе суда отъ существенныхъ обстоятельствъ дѣла. Судъ долженъ сосредоточивать свое вниманіе лишь на тѣхъ обстоятельствахъ, разсмотрѣніе которыхъ необходимо для разрѣшенія вопроса о виновности и о примѣненіи къ виновному наказанія. Возникаетъ вслѣдствіе этого задача согласовать широкія права подсудимаго на вызовъ свидѣтелей къ судебному слѣдствію съ извѣстными предѣлами судебнаго разбирательства.

Прежде чѣмъ перейти къ разрѣшенію ея по нашему законода-

на предварительномъ слѣдствіи уклоняются отъ показанія, тогда какъ на судѣ послѣ принятія присяги даютъ подробныя и важныя показанія. Поэтому было бы болѣе правильнымъ, если бы суды не придавали рѣшающаго значенія протоколамъ предварительнаго слѣдствія, а обращали вниманіе исключительно на тѣ обстоятельства, которыя приводятся въ прошеніи подсудимаго. Въ противномъ-же случаѣ судъ можетъ отказать въ вызовѣ такого свидѣтеля, который на судѣ можетъ дать цѣнныя для защиты показанія. Въ этомъ смыслѣ высказаны соображенія и въ представленіи Министра Юстиціи въ Госуд. Совѣтъ (стр. 5).

тельству, мы остановимся нѣсколько на относящихся къ интересующему насъ вопросу постановленіяхъ германскаго устава уголовнаго судопроизводства. По этому уставу, прокурорскій надзоръ имѣетъ право вызывать непосредственно свидѣтелей (§ 221 ч. 1). Подсудимый же долженъ заявить предсѣдателю суда свое требованіе о вызовѣ свидѣтелей съ объясненіемъ тѣхъ фактовъ, которые желаетъ доказать (§ 218). Предсѣдатель обсуждаетъ ходатайство единственно по своему свободному, согласному съ долгомъ, усмотрѣнію. Онъ оцѣниваетъ важность указываемаго обстоятельства и качество названныхъ свидѣтелей, опредѣляетъ, можетъ ли допросъ ихъ оказать вліяніе на рѣшеніе [1]). Подсудимый можетъ, въ случаѣ отклоненія его ходатайства, или даже и не обращаясь къ предсѣдателю, произвести вызовъ непосредственно черезъ судебнаго пристава; въ такомъ случаѣ онъ не только обязанъ принять на себя издержки вызова, но и представить вызываемому лицу въ наличности слѣдующее ему по закону вознагражденіе на путевые расходы и трату времени, или же представить ему удостовѣреніе, что оно внесено секретарю суда, причемъ обвиняемый можетъ надѣяться на принятіе, впослѣдствіи, уплаты законнаго вознагражденія на счетъ казны въ виду признанія судомъ значенія показанія свидѣтеля для разъясненія дѣла (§ 219). Подсудимый можетъ и безъ посредства судебнаго пристава войти въ соглашеніе со свидѣтелемъ и представить его въ засѣданіе (§ 221 ч. 1). Наконецъ, подсудимый можетъ обратиться съ ходатайствомъ о вызовѣ свидѣтеля къ прокурору [2]). При составленіи проекта уст. угол. суд. имѣлось въ виду опредѣлить указанными правилами лишь *порядокъ доставленія* доказательствъ, предоставляя, во время судебнаго разбирательства, опредѣленіе объема разсмотрѣнія доставленныхъ доказательствъ усмотрѣнію суда [3]). „Объемъ разсмотрѣнія доказательствъ", было установлено въ § 207 проекта, соотвѣтствующемъ § 244 закона, „опредѣляетъ судъ, не будучи при этомъ связанъ заявленными ходатайствами, отказами или предшествовавшими опредѣленіями". Въ этомъ постановленіи проектъ видѣлъ корректив противъ предоставленнаго обвиняемому неограниченнаго права приглашенія свидѣтелей, но коммисія Рейхстага, разсматривавшая

---

[1]) Entwurf Str. Pr. Ord. III. стр. 178—179.

[2]) Глазеръ. Руководство по угол. процессу, § 40. V.

[3]) Тамъ же § 41. I.

проектъ, усмотрѣла въ этомъ фактическое уничтоженіе этого права обвиняемаго [1]) и недопустимое ограниченіе обвиняемаго и прокуратуры въ представленіи доказательствъ. [2]). Вслѣдствіе этого 1 ч. 244 § была изложена въ такой редакціи: „Принятіе доказательствъ распространяется на всѣхъ вызванныхъ свидѣтелей и экспертовъ, какъ и на другія представленныя доказательства. Однако же отдѣльныя доказательства могутъ быть оставлены безъ разсмотрѣнія, если прокуроръ и обвиняемый согласны на это". Предположенія проекта устава получили силу закона только при производствѣ дѣла въ судѣ шеффеновъ (§ 244 ч. 2).

Сообразно этому Имперскій кассаціонный судъ (Reichsgericht) разъяснилъ, что *вызванные* и явившіеся свидѣтели должны быть допрошены даже въ томъ случаѣ, если судъ призналъ несущественными тѣ обстоятельства, о которыхъ они должны показывать [3]), при этомъ законъ не различаетъ, вызваны-ли свидѣтели прокуроромъ, предсѣдателемъ или обвиняемымъ [4]). Подсудимый долженъ только представить суду доказательства приглашенія свидѣтеля черезъ судебнаго пристава [5]). Но *представленные* обвиняемымъ свидѣтели (§ 221 ч. 1) не принадлежатъ къ вызваннымъ, и обязательный допросъ ихъ закономъ не предписывается [6]); въ отношеніи показаній этихъ свидѣтелей суду принадлежитъ право войти въ разсмотрѣніе важности свидѣтельскаго показанія и, при отрицательномъ рѣшеніи этого вопроса, отклонить допросъ свидѣтеля. [7]) Отсутствіе у суда права входить въ разсмотрѣніе важности показаній вызванныхъ свидѣтелей (§ 218 219) и при признаніи ихъ несущественными оставлять свидѣтелей безъ допроса не должно, однако, служить основаніемъ къ допущенію злоупотребленій со стороны подсудимыхъ предоставленнымъ имъ § 244 правомъ. Судъ въ интересахъ охраненія своего достоинства имѣетъ право устра-

---

[1]) Schwarze. Commentar zu der Str. Pr. Ord., прим. къ § 244.

[2]) v. Prittwitz. Ueber die Anwendung des § 244 der R. St. Proz. O. Archiv für Strafrecht—Goltdammer. 28 т. 6 тет. 1880 г., стр. 426.

[3]) Erk. 10 april 1880. Rechtsprechung des Reichsgerichts in Strafsachen I. S. 571. Erk. 10 Februar 1880. Entscheidungen des Reichsgerichts in Strafsachen. I. S. 225

[4]) Erk. 24 April 1880.—Rechtsprechung. I. S. 661.

[5]) Erk. 7 April 1880.—Rechtsprechung. I. S. 549. Erk. 7 Februar 1880.—Rechtspr. I. S. 357.

[6]) Erk. 10 Februar 1880.—Rechtsprech. I. S. 335.

[7]) Erk. 10 Febr. 1880.—Rechtspr. I. s. 335. Erk. 14 Febr. 1880.—Rechtspr. I. S. 357.

нять доказательства, не стоящія ни въ какой связи съ разсматриваемымъ дѣломъ, и на этомъ основаніи устранять отъ допроса свидѣтелей, не имѣющихъ никакого отношенія къ дѣлу. [1])

Такимъ образомъ германскій уставъ, предоставляя подсудимому широкія права по вызову свидѣтелей, вмѣстѣ съ тѣмъ, по разъясненію кассаціоннаго суда, даетъ суду возможность вести судебное разбирательство въ извѣстныхъ предѣлахъ, устранять такихъ свидѣтелей, допросъ коихъ ничего по дѣлу не могъ бы разъяснить, [2]) а напротивъ повелъ-бы лишь къ затемненію и загроможденію дѣла. Суду только запрещается входить въ разсмотрѣніе важности или существенности показанія вызваннаго и явившагося свидѣтеля. Это послѣднее правило нельзя не признать цѣлесообразнымъ, такъ какъ понятіе важности или существенности въ высшей степени субъективное, оно не можетъ быть подведено ни подъ какую заранѣе установленную регламентацію, поэтому предоставленіе суду права входить въ разсмотрѣніе того, существенно или несущественно показаніе, повело-бы къ произвольнымъ выводамъ и крайнему стѣсненію сторонъ. Точно также слѣдуетъ признать въ высокой степени полезнымъ и важнымъ положеніе германскаго устава о разрѣшеніи вопроса объ относимости доказательствъ не во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, а во время судебнаго разбирательства, когда судъ располагаетъ большимъ матеріаломъ для правильнаго отвѣта на вопросъ, относится ли къ дѣлу данное обстоятельство, въ подтвержденіе котораго представлено извѣстное доказательство.

Обращаясь къ нашему законодательству, мы видимъ, что по существовавшей до послѣдняго времени практикѣ Правит. Сената вопросъ объ относимости доказательствъ долженъ былъ разрѣшаться, главнымъ образомъ, во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Это особенно выражено въ рѣшеніи по д. Засуличъ. По мнѣнію Правит. Сената, „признавать безусловное право защиты приглашать свидѣтелей, въ вызовѣ которыхъ судомъ было отказано на томъ основаніи, что показанія ихъ къ дѣлу совсѣмъ не относятся, значило-бы, если не упразднить, по отношенію къ та-

---

[1]) Erk. 3 März 1880.—Entscheidungen. I. S. 243—244. Erk. 16 Mai 1887. Rechtsprech. IX. S. 322. Löwe. Strafprozessordnung—примѣч. къ § 244. Steinglein. Commentar—примѣч. къ § 244.

[2]) Въ этомъ смыслѣ было высказано мнѣніе и въ коммисіи Рейхстага, депутатомъ Ласкеромъ. См. указ. ст v. Prittwitz, стр. 427.

кимъ свидѣтелямъ, 611 ст. уст. угол. суд., обязывающую предсѣдателя суда устранять во время судебнаго слѣдствія все, что не имѣетъ прямого отношенія къ дѣлу, то, по крайней мѣрѣ, сдѣлать для предсѣдателя суда исполненіе возложенной на него этимъ закономъ обязанности, почти неосуществимымъ". „Дѣйствительно, для примѣненія 611 ст. уст. угол суд. къ свидѣтелямъ, показанія которыхъ признаны уже судомъ вовсе къ дѣлу неотносящимися, необходимо выслушать хотя часть показанія такого свидѣтеля". „Выслушанною-же частью показанія подобнаго свидѣтеля можетъ оказаться именно то, что свидѣтель, стремящійся запутать судебное слѣдствіе, признаетъ наиболѣе полезнымъ объяснить, а части такого, неимѣющаго къ дѣлу никакого отношенія, показанія было бы иногда достаточно для того, чтобы произвести ложное на присяжныхъ засѣдателей впечатлѣніе относительно такихъ обстоятельствъ, которыя, бывъ уже признаны судомъ къ предмету дѣла совершенно неотносящимися, должны быть устранены изъ судебнаго слѣдствія въ полномъ объемѣ". Приведенныя соображенія Правит. Сената, еслибы и признать ихъ убѣдительными [1]), слѣдуетъ считать потерявшими свое значеніе, такъ какъ съ измѣненіемъ 575 ст. уст. угол. суд. даже свидѣтели, не имѣющіе, по мнѣнію суда, никакого отношенія къ дѣлу, должны быть, какъ мы выше видѣли, вызваны на счетъ подсудимаго или могутъ быть имъ приведены (ст. 576). Слѣдовательно, вопросъ объ относимости такихъ доказательствъ можетъ быть разрѣшаемъ теперь не во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, а только на судебномъ слѣдствіи подобно тому, какъ это принято въ германскомъ процессѣ. Основанія для такого толкованія можно найти и въ нашей кассаціонной практикѣ. Въ рѣшеніи 1887 г. № 11 Правит. Сенатъ разъяснилъ, что предсѣдатель можетъ устранить допрошеннаго судебнымъ слѣдователемъ свидѣтеля отъ дальнѣйшаго допроса, если на вопросъ предсѣдателя, формулированный по точному смыслу 718 ст. уст. угол. суд., свидѣтель заявитъ, что онъ по существу дѣла ничего не знаетъ, и если сторона, вызвавшая свидѣтеля, не объяснитъ, какіе именно относящіеся къ обстоятельствамъ дѣла вопросы намѣрена предложить свидѣтелю.

До закона 18 марта 1896 г. свидѣтели, допрошенные на предварительномъ слѣдствіи, какъ извѣстно, обязательно вызывались предсѣдателемъ суда, по просьбѣ подсудимаго. Предсѣдатель не

---

[1]) См. Спасовичъ. Сочиненія т. III, стр. 343—346.

имѣлъ права отклонять ходатайство подсудимаго, хотя-бы находилъ показаніе такого свидѣтеля не относящимся къ дѣлу. Поэтому то Правит. Сенатъ и разъяснилъ судебнымъ мѣстамъ право возбуждать на судебномъ слѣдствіи вопросъ объ относимости къ дѣлу такого доказательства и, въ случаѣ отрицательнаго разрѣшенія этого вопроса, устранять свидѣтеля отъ допроса. Такой же путь долженъ быть избранъ и теперь для тѣхъ случаевъ, когда судъ отклонитъ вызовъ свидѣтеля на счетъ казны по неотносимости къ дѣлу его показанія, а подсудимый воспользуется правомъ, предоставленнымъ ему 576 ст. уст. угол. суд. Слѣдовательно во время судебнаго разбирательства долженъ быть вновь обсужденъ вопросъ о значеніи тѣхъ обстоятельствъ, о которыхъ имѣетъ показать такой свидѣтель [1]).

Въ силу этого слѣдуетъ также считать потерявшими свое значеніе тѣ рѣшенія Правит. Сената, коими было разъяснено, что судъ не можетъ устранить отъ допроса свидѣтелей, приведенныхъ съ его разрѣшенія подсудимымъ (рѣш. 1869 г. № 384; 1870 г. № 331, 475).

Затѣмъ, имѣя въ виду, что на судебномъ слѣдствіи можетъ быть принято иное рѣшеніе вопроса объ относимости свидѣтельскаго показанія сравнительно съ тѣмъ, какъ постановилъ судъ во время приготовительныхъ распоряженій, слѣдуетъ придти, на основаніи 611 и 619 ст. уст. уг. суд., къ заключенію, что на судебномъ слѣдствіи вопросъ объ относимости къ дѣлу свидѣтельскаго показанія долженъ рѣшать судъ, а не предсѣдатель.

Въ виду измѣненій, произведенныхъ закономъ 18 марта 1896 г., возникаетъ также вопросъ о времени привода къ присягѣ такихъ свидѣтелей. Правит. Сенатъ по дѣлу Засуличъ высказалъ, что было бы крайне неумѣстно злоупотреблять обрядомъ, освященнымъ церковными правилами, для того единственно, чтобы свидѣтель, съ первыхъ же словъ его показанія, объявилъ, что таковое къ дѣлу не относится. Въ отношеніи этого слѣдуетъ замѣтить, что вопросъ

---

[1]) Здѣсь нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что съ момента открытія судебнаго засѣданія между прокуроромъ и подсудимымъ устанавливается полная равноправность (ст. 630 уст. уг. суд.; рѣш. 1868 г. № 943), почему судъ долженъ имѣть право отклонять допросъ свидѣтелей, не только вызванныхъ подсудимымъ, но и прокуроромъ, тѣмъ болѣе, что во время приготовительныхъ къ суду распоряженій предсѣдатель, вызывая указываемыхъ прокуроромъ свидѣтелей, не входитъ въ разсмотрѣніе значенія ихъ показаній для дѣла.

объ относимости свидѣтельскаго показанія можетъ быть разрѣшенъ прежде привода свидѣтеля къ присягѣ, тѣмъ болѣе, что приводъ свидѣтелей къ присягѣ отнесенъ не къ дѣйствіямъ, сопровождающимъ открытіе судебнаго засѣданія и производимымъ до прочтенія обвинительнаго акта, а къ дѣйствіямъ, производимымъ на судебномъ слѣдствіи (ст. 678—734 уст. уг. суд.) и послѣ прочтенія обвинительнаго акта (678 и 711 ст. уст. уг. суд.; рѣш. 1870 г. № 143), притомъ же, по разъясненію Правит. Сената, свидѣтель можетъ быть приведенъ къ присягѣ передъ самымъ отобраніемъ отъ него показанія (рѣш. 1868 г. № 90).

Въ заключеніе мы не можемъ не высказать, что разрѣшеніе вопроса объ относимости къ дѣлу показаній вызванныхъ по 576 ст. свидѣтелей въ публичномъ судебномъ засѣданіи послѣ непосредственнаго ознакомленія суда съ обстоятельствами дѣла не только представитъ значительную гарантію для подсудимаго, но и будетъ производить хорошее впечатлѣніе на присяжныхъ засѣдателей. Въ настоящее же время отказъ суда во время приготовительныхъ распоряженій въ вызовѣ свидѣтелей нерѣдко всплываетъ на судебномъ слѣдствіи и производитъ на присяжныхъ удручающее впечатлѣніе. Въ этомъ они видятъ стѣсненіе защиты, вслѣдствіе чего при нѣсколько сомнительномъ обвиненіи предпочитаютъ выносить оправдательный вердиктъ.

В. Ширковъ.

VII.

АНГЛІЙСКІЙ КОНСОЛИДИРОВАННЫЙ ЗАКОНЪ О ПРЕДУПРЕЖДЕНІИ ЖЕСТОКАГО ОБРАЩЕНІЯ СЪ ДѢТЬМИ И О ПОКРОВИТЕЛЬСТВѢ НАДЪ НИМИ, (17 августа 1894 г.) [1].

Ея Королевскимъ Величествомъ, духовными и свѣтскими лордами и членами палаты общинъ, засѣдающими въ парламентѣ текущей сессіи, по одобренію и согласію ихъ властью парламента, постановлено нижеслѣдующее:

Раздѣлъ 1.

Всякое лицо, старше шестнадцати лѣтъ, которое, имѣя попеченіе, присмотръ, уходъ за малолѣтнимъ моложе шестнадцати лѣтъ, само умышленно чинитъ ему насиліе, дурно, нерадиво обращается съ нимъ, оставляетъ его безъ помощи, подвергаетъ опасности или даетъ другимъ чинить малолѣтнему насиліе, дурно, нерадиво обращаться съ нимъ, покинуть его или подвергать опасности, чѣмъ причиня-

---

[1]) Потребность въ изданіи особаго закона о защитѣ дѣтей противъ жестокаго обращенія и о призрѣніи дѣтей безпріютныхъ и заброшенныхъ давно назрѣла. Законодательства западной Европы усиленно занимаются этимъ предметомъ крупной важности—какъ съ точки зрѣнія гуманности, такъ и охраны общества отъ тѣхъ вредныхъ элементовъ, которые рекрутируются изъ дѣтей безпризорныхъ.

Редакція „Вѣстника Права“ считаетъ своимъ долгомъ знакомить читателей со всѣми явленіями въ области иностраннаго законодательства, посвященнаго указанному вопросу, и полагаетъ, что этимъ путемъ необходимость законодательнаго воздѣйствія глубже проникнетъ въ общественное сознаніе, а съ другой стороны, собранъ будетъ не безъинтересный матеріалъ, который можетъ послужить почвою для законодательныхъ предположеній. Въ этихъ видахъ редакція

ются малолѣтнему безъ надобности страданія или вредъ его здоровью (заключающійся въ поврежденіи или потерѣ зрѣнія, слуха, части или органа тѣла или умственномъ разстройствѣ), признается виновнымъ въ проступкѣ;

a) если виновный осужденъ по обвинительному акту (on indictement), то подлежитъ, по усмотрѣнію суда, денежному штрафу, въ размѣрѣ не свыше ста фунтовъ, или тюремному заключенію, съ тяжкими работами или безъ оныхъ, на срокъ не болѣе двухъ лѣтъ, причемъ тюремное заключеніе можетъ быть опредѣлено или альтернативно съ штрафомъ, или какъ замѣна на случай несостоятельности осужденнаго къ платежу штрафа, или, наконецъ, совокупно съ штрафомъ;

b) если осужденіе послѣдовало въ суммарномъ порядкѣ производства, то виновный подлежитъ, по усмотрѣнію суда, денежному штрафу, не свыше двадцати пяти фунтовъ или тюремному заключенію, съ тяжкими работами или безъ оныхъ, на срокъ не болѣе шести мѣсяцевъ, причемъ заключеніе опредѣляется альтернативно, или совокупно съ штрафомъ, или же какъ замѣна его на случай несостоятельности виновнаго.

2) Обвиненіе въ нарушеніи, указанномъ въ этомъ раздѣлѣ, можетъ быть предъявлено или по обвинительному акту или въ порядкѣ суммарной подсудности, хотя бы и послѣдовала смерть малолѣтняго, надъ которымъ совершенъ проступокъ.

3) Если доказано, что преданный суду по обвиненію согласно сему раздѣлу имѣлъ денежный интересъ въ суммѣ, которая на случай смерти малолѣтняго должна получиться или быть выплачена, причемъ о такомъ полученіи или платежѣ было извѣстно обвиняемому, судъ, можетъ, по своему усмотрѣнію:

a) повысить размѣръ денежнаго штрафа, установленнаго сей статьей, но не болѣе, какъ до двухсотъ фунтовъ, или

предполагаетъ дать самый точный переводъ новѣйшихъ законодательныхъ актовъ, посвященныхъ вопросу о защитѣ малолѣтнихъ и покровительства надъ ними. Начиная съ англійскаго закона 17 августа 1894 г., редакція имѣетъ въ виду то, что этотъ законъ оказывается наиболѣе полнымъ и притомъ открываетъ собою рядъ законодательныхъ работъ въ другихъ странахъ по тому же вопросу.

Переводъ англійскихъ актовъ сопряженъ съ значительными затрудненіями; но редакція считала необходимымъ дать переводъ по возможности буквальный, дабы за одно дать читателямъ образчикъ одного изъ англійскихъ законодательныхъ актовъ, отличающихся отъ континентальной законодательной техники значительными особенностями.

Переводъ сдѣланъ Д. И. Хіенкинымъ подъ редакціей Г. Б. Сліозберга.

b) не присуждая къ иному наказанію, установленному сей статьей, приговорить обвиняемаго къ уголовному рабству, на срокъ не болѣе пяти лѣтъ.

4) Почитается денежно заинтересованнымъ, въ смыслѣ сей статьи, всякій, кто, не будучи управомоченнымъ по закону на полученіе платежа въ свою пользу, однако имѣетъ нѣкоторое участіе или же выгоду отъ этого платежа.

5) Проступокъ, предусматриваемый симъ раздѣломъ именуется наказуемымъ жестокимъ обращеніемъ.

Раздѣлъ 2.

Всякое лицо, которое:

a) заставляетъ, побуждаетъ малолѣтнихъ: мальчика моложе четырнадцати лѣтъ или дѣвочку моложе шестнадцати лѣтъ, или, имѣя на обязанности своей попеченіе, присмотръ и уходъ за малолѣтнимъ, позволяетъ малолѣтнему—находиться на улицѣ, въ помѣщеніяхъ или иномъ мѣстѣ для прошенія, приниманія милостыни или побужденія къ дачѣ таковой посредствомъ пѣнія, игры, представленія, предложенія чего либо для продажи или инымъ какимъ либо путемъ;

b) заставляетъ, побуждаетъ малолѣтнихъ: мальчика моложе четырнадцати лѣтъ или дѣвочку моложе шестнадцати лѣтъ,—или, имѣя на своей обязанности попеченіе, присмотръ и уходъ за малолѣтнимъ, позволяетъ малолѣтнему находиться между девятью час. веч. и шестью час. утра на улицѣ, въ помѣщеніяхъ, гдѣ разрѣшена торговля крѣпкими напитками, исключая тѣхъ мѣстъ, которыя открыты съ разрѣшенія начальства, согласно закону о публичныхъ развлеченіяхъ,—съ цѣлью пѣть, играть, участвовать въ представленіяхъ за плату или предлагать для продажи что либо.

c) заставляетъ, побуждаетъ малолѣтняго, моложе одиннадцати лѣтъ, или, имѣя на своей обязанности попеченіе, присмотръ и уходъ за нимъ, позволяетъ ему находиться въ какое бы то ни было время на улицѣ, въ помѣщеніяхъ, гдѣ разрѣшена торговля крѣпкими напитками, въ помѣщеніяхъ, подчиняющихся дѣйствію закона о публичныхъ развлеченіяхъ, въ циркѣ или иномъ общественно-увеселительномъ мѣстѣ съ установленной входной платой, съ цѣлью пѣть, играть, давать представленія или съ цѣлью предложенія для продажи чего либо;

d) заставляетъ, побуждаетъ малолѣтняго моложе шестнадцати

лѣтъ или, будучи обязаннымъ имѣть попеченіе, присмотръ и уходъ за нимъ, позволяетъ ему находиться гдѣ бы то ни было для обученія занятіямъ акробата, гимнаста, наѣздника въ циркѣ или для участія въ выставкѣ или представленіи, опасныхъ по своему характеру,—

подлежитъ по признаніи его виновнымъ, въ порядкѣ суммарнаго производства, по усмотрѣнію суда, денежному штрафу, не свыше двадцати пяти фунтовъ или тюремному заключенію съ тяжкими работами или безъ оныхъ, на срокъ не свыше трехъ мѣсяцевъ—альтернативно съ штрафомъ, или въ замѣну его, при несостоятельности къ уплатѣ штрафа, или совокупно съ нимъ.

При этомъ однако:

I) постановленіе настоящаго раздѣла не примѣняется относительно случайной продажи или увеселительнаго представленія, чистый доходъ съ коего поступаетъ цѣликомъ въ пользу школы или на иное благотворительное дѣло, если продажа или представленіе происходятъ не въ мѣстахъ, открытыхъ для продажи крѣпкихъ напитковъ, но и не въ мѣстахъ, открытыхъ съ разрѣшенія, даннаго по закону о публичныхъ увеселеніяхъ; оно не примѣняется также въ томъ случаѣ, если для данныхъ продажи или представленія, въ вышеуказанныхъ мѣстахъ имѣется особое разрѣшеніе на изъятіе отъ дѣйствія сей статьи, выданное въ письменной формѣ за подписью двухъ мировыхъ судей;

II) мѣстнымъ властямъ предоставляется, въ случаѣ надобности, время отъ времени расширять или ограничивать особыми распоряженіями постановленія относительно часовъ, указанныхъ въ параграфѣ b. сей статьи, причемъ распоряженія эти могутъ касаться или всякаго дня недѣли, или одного опредѣленнаго дня или нѣкоторыхъ дней недѣли, для всего подвѣдомственнаго имъ округа или извѣстной его части;

III) параграфы c и d сего раздѣла не примѣняются при наличности особаго разрѣшенія, выданнаго согласно сему акту, и въ предѣлахъ этого разрѣшенія;

IV) параграфъ d сей статьи не примѣняется относительно лица, которое, состоя родителемъ или попечителемъ малолѣтняго, само занимается его обученіемъ.

Раздѣлъ 3.

1) Судъ малыхъ сессій, а въ Шотландіи, училищный совѣтъ, могутъ, не стѣсняясь постановленіями сего акта, разрѣшить мало-

лѣтнему старше семи лѣтъ, на срокъ и на время дня, съ ограниченіями и условіями по усмотрѣнію суда или совѣта:

a) участвовать въ какомъ либо одномъ представленіи или въ серіи представленій, происходящихъ въ мѣстахъ, открытыхъ по разрѣшенію, выданному подъ дѣйствіемъ закона о публичныхъ развлеченіяхъ, въ циркѣ или другомъ вышеуказанномъ общественно-увеселительномъ мѣстѣ;

b) обучаться, какъ было выше сказано;

c) оба предмета,

если убѣдится въ пригодности малолѣтняго для указанныхъ занятій и если признаетъ достаточно доказаннымъ, что приняты надлежащія мѣры относительно обезпеченія здоровья и хорошаго обращенія съ дѣтьми, принимающими участіе въ данномъ представленіи или рядѣ представленій, или подвергающимися обученію; судъ и совѣтъ могутъ, въ случаѣ надобности, измѣнить, расширить или ограничить содержаніе выданнаго разрѣшенія.

Всякое подобное разрѣшеніе въ достаточной мѣрѣ охраняетъ лицъ, дѣйствующихъ на основаніи и въ предѣлахъ этого разрѣшенія.

2) Статсъ-секретарь можетъ возложить на одного изъ инспекторовъ, должность коихъ учреждена ст. 76 акта 1878 г. о фабричной и ремесленной промышленности, въ дополненіе къ ихъ обыкновеннымъ обязанностямъ, обязанность наблюденія за надлежащимъ исполненіемъ условій разрѣшенія, выдаваемаго по сему раздѣлу, причемъ этому инспектору принадлежитъ такое же право посѣщать, подвергать осмотру и наблюденію всякое увеселительное мѣсто, въ которомъ дозволено, на основаніи сей статьи, временное занятіе малолѣтняго, каковымъ пользуется инспекторъ, на основаніи ст. 76 того закона, относительно посѣщеній, осмотровъ и наблюденія за фабриками и ремесленными мастерскими.

3) Ходатайствующій о выдачѣ разрѣшенія по сей статьѣ, обязанъ увѣдомить о томъ, по крайней мѣрѣ, за 7 дней до подачи своего ходатайства начальника полиціи того округа, на который испрашивается разрѣшеніе; начальникъ полиціи можетъ, лично явившись предъ учрежденіемъ, которое разсматриваетъ заявленное ходатайство или поручивъ другому явиться, представить свои соображенія, по которымъ не слѣдуетъ выдать разрѣшеніе. Учрежденіе, предъ которымъ заявлено ходатайство, отклоняетъ послѣднее, если не доказано, что указанное увѣдомленіе сдѣлано въ установленномъ порядкѣ.

4) По полученіи разрѣшенія по сему раздѣлу, получившій таковое обязанъ не позже какъ черезъ десять дней послѣ выдачи разрѣшенія, послать копію его ремесленно-фабричному инспектору того округа, на который выдано разрѣшеніе; за неисполненіе сего, виновный присуждается въ суммарномъ порядкѣ къ штрафу не свыше пяти фунтовъ.

5) Настоящій раздѣлъ, а также предшествующій ни въ чемъ не измѣняютъ постановленій акта 1876 г. о первоначальномъ воспитаніи, или акта 1878 г. о воспитаніи (въ Шотландіи).

Раздѣлъ 4.

1) Констебль можетъ безъ приказа задержать всякаго, кто:

а) на его глазахъ совершаетъ проступокъ, предусмотрѣнный симъ актомъ или какой либо проступокъ, упомянутый въ приложеніи къ сему акту, если констеблю неизвѣстно и имъ не можетъ быть установлено имя и жительство виновнаго.

в) учинилъ, или если имѣется основаніе полагать, что учинилъ, актъ жестокаго обращенія съ дѣтьми, предусматриваемый симъ закономъ или какой-либо изъ проступковъ, упоминаемыхъ въ приложеніи къ сему акту, если при томъ есть основаніе опасаться, что виновный скроется или если имя и жительство его неизвѣстны констеблю и не можетъ быть послѣднимъ установлено.

2) Въ случаѣ задержанія кого либо безъ приказа констеблемъ по сему раздѣлу, приставъ или констебль, завѣдующій участкомъ, куда приведенъ задержанный, можетъ, приступая къ разслѣдованію дѣла, освободить задержаннаго—при условіяхъ, обезпечивающихъ его явку на судъ, развѣ если, по его мнѣнію, освобожденіе задержаннаго съ отдачей на поруки, грозило бы вредомъ интересамъ правосудія или повлекло бы за собою опасность для малолѣтняго, сдѣлавшагося жертвой проступка.

Раздѣлъ 5.

1) Констебль можетъ помѣстить въ убѣжище малолѣтняго, надъ которымъ учиненъ проступокъ, предусмотрѣнный параграфомъ *а* второго раздѣла сего акта или надъ которымъ учинено, или по основательнымъ предположеніямъ существуетъ подозрѣніе въ томъ, что учинено, предусмотрѣнное симъ актомъ жестокое обращеніе или дѣяніе, предусмотрѣнное въ приложеніи къ нему.

2) Малолѣтній, который помѣщенъ такимъ образомъ въ убѣжищѣ, а также малолѣтній, моложе шестнадцати лѣтъ, который самъ ищетъ пристанища въ убѣжищѣ, можетъ быть здѣсь удержанъ до тѣхъ поръ, пока его можно будетъ представить суммарному суду; судъ затѣмъ или постановляетъ рѣшеніе, упоминаемое ниже, въ слѣдующемъ раздѣлѣ, или опредѣляетъ, чтобы съ малолѣтнимъ поступлено было смотря по обстоятельствамъ, пока обвиненіе, возбужденное противъ даннаго лица за учиненіе проступка относительно малолѣтняго, не закончится преданіемъ суду присяжныхъ, осужденіемъ или оправданіемъ обвиняемаго.

3) Если судъ суммарной подсудности или судья найдетъ, что надъ малолѣтнимъ, представшимъ предъ судомъ, учиненъ проступокъ жестокаго обращенія или какое либо иное, упоминаемое въ приложеніи къ сему акту, дѣяніе, и что интересы здоровья и безопасности малолѣтняго пострадаютъ, если не послѣдуетъ опредѣленіе, ниже указываемое, судъ можетъ, независимо иныхъ полномочій, указываемыхъ симъ актомъ, постановить опредѣленіе, согласно требованіямъ обстоятельствъ, относительно попеченія надъ малолѣтнимъ и содержанія его до тѣхъ поръ, пока не пройдетъ время для возбужденія преслѣдованія противъ лица за совершенный имъ проступокъ или, если преслѣдованіе уже возбуждено, до тѣхъ поръ, пока оно не завершится преданіемъ суду присяжныхъ, осужденіемъ или оправданіемъ обвиняемаго; подобное опредѣленіе можетъ послѣдовать, не смотря на заявляемое кѣмъ либо требованіе объ отдачѣ на его попеченіе малолѣтняго.

4) Опекунскіе совѣты, а въ Шотландіи приходскіе совѣты, изыскиваютъ мѣры къ пріему дѣтей, доставленныхъ въ рабочій домъ на основаніи сего акта. Если убѣжище, куда помѣщенъ малолѣтній, есть рабочій домъ, завѣдующій имъ долженъ принять малолѣтняго, буде здѣсь имѣется необходимое для этого помѣщеніе, и держать его до тѣхъ поръ, пока не закончится дѣло; расходы, вызываемые содержаніемъ малолѣтняго, почитаются расходами по вспомоществованію бѣднымъ.

Раздѣлъ 6.

1) Если лицо, обязанное имѣть попеченіе, присмотръ и уходъ за малолѣтнимъ моложе шестнадцати лѣтъ было судомъ:

а) осуждено за жестокое обращеніе въ смыслѣ сего акта или за учиненіе проступка, предусматриваемаго въ приложеніи къ сему акту,

b) предано суду присяжныхъ за такой проступокъ, или

c) обязано судомъ не нарушать мира относительно малолѣтняго, то этотъ самый судъ,—безъ особаго о томъ требованія, въ порядкѣ новаго процесса, одновременно съ осужденіемъ, преданіемъ его суду присяжныхъ или обязаніемъ его, а затѣмъ во всякое другое время и малый ассизный судъ, предъ которымъ кто либо заявитъ соотвѣтственное ходатайство,—можетъ, если по достаточномъ разслѣдованіи найдетъ необходимымъ для малолѣтняго, постановить опредѣленіе объ изъятіи его изъ попеченія лица, осужденнаго, находящагося подъ судомъ или выдавшаго обязательство, съ отдачей на его попеченіе родственнику или иному подходящему указанному судомъ лицу, въ случаѣ они изъявятъ на это согласіе, до достиженія малолѣтнимъ шестнадцати лѣтъ, или на болѣе короткій срокъ; судъ можетъ, по своей инициативѣ или по заявленію третьяго лица, время отъ времени возобновить, измѣнить и отмѣнить свое распоряженіе; распоряженіе, согласно сей статьѣ, можетъ быть сдѣлано лишь въ случаѣ, если родитель малолѣтняго осужденъ, преданъ суду присяжныхъ по обвиненію въ томъ же проступкѣ или находится подъ судомъ по обвиненію въ соучастіи въ немъ или обязанъ судомъ хранить миръ относительно малолѣтняго.

2) Распоряженіе, указанное въ сей статьѣ, должно быть выражено въ письменной формѣ и можетъ быть сдѣлано судомъ въ отсутствіе малолѣтняго; наличность согласія лица принять на себя попеченіе о малолѣтнемъ, на основаніи даннаго распоряженія, удостовѣряется судомъ такимъ путемъ, какой судъ находитъ достаточнымъ въ смыслѣ обязательности сдѣланнаго заявленія.

3) Если распоряженіе, указанное въ сей статьѣ, сдѣлано въ отношеніи лица, преданнаго суду, то въ случаѣ оправданія его или въ случаѣ прекращенія преслѣдованія, распоряженіе отпадаетъ со всѣми послѣдствіями, исключая лишь тѣхъ его частей, которыя въ силу его законно исполнены.

4) Статсъ-секретарь Англіи, въ Шотландіи—секретарь Шотландіи, и въ Ирландіи—лордъ-лейтенантъ Ирландіи, могутъ, по своему усмотрѣнію, въ любое время, освободить малолѣтняго изъ попеченія лица, которому на основаніи сей статьи малолѣтній отданъ, безусловно или на такихъ условіяхъ, которыя статсъ-секретарь, секретарь или лордъ-лейтенантъ, опредѣлятъ; они могутъ, далѣе, въ случаѣ надобности, установить правила относительно

малолѣтнихъ, отданныхъ постороннимъ лицамъ, и объ обязанностяхъ этихъ лицъ относительно малолѣтнихъ.

5) Статсъ-секретарь можетъ, если найдетъ то полезнымъ для малолѣтняго, который отданъ постороннему лицу на попеченіе въ силу сей статьи, уполномочить послѣдняго на эмиграцію ребенка, но, при отсутствіи такого полномочія, лицо, которому малолѣтній отданъ на попеченіе, не вправѣ переселять его.

Раздѣлъ 7.

1) То лицо, которому отданъ малолѣтній въ силу распоряженія суда, сдѣланнаго согласно сему акту, во все время дѣйствія распоряженія обладаетъ тѣми же правами надзора надъ малолѣтнимъ, какъ если бы оно было его родителемъ и отвѣтственно за его содержаніе; малолѣтній остается на попеченіи этого лица, не взирая на требованіе со стороны родителя объ его отобраніи.

2) Судъ, имѣющій право передать малолѣтняго на попеченіе, имѣетъ право сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы родитель покрывалъ расходы по содержанію малолѣтняго въ теченіе вышеуказаннаго времени подобно тому, какъ это бываетъ относительно малолѣтняго, содержимаго согласно законамъ о профессіональныхъ школахъ; но, вмѣсто предѣльной суммы, обозначенной въ законахъ о профессіональныхъ школахъ, предѣльный размѣръ еженедѣльной суммы, которая можетъ быть истребована отъ родителя, по сей статьѣ, на покрытіе расходовъ по содержанію малолѣтняго, равняется одному фунту.

3) Подобное распоряженіе можетъ послѣдовать по ходатайству или заявленію лица, которому отданъ на временное попеченіе малолѣтній, или одновременно съ распоряженіемъ о передачѣ малолѣтняго, или въ позднѣйшее время, и деньги, представленныя родителемъ, передаются спеціально на содержаніе малолѣтняго тому лицу, которое будетъ назначено судомъ.

4) Если сумма, назначенная ко взысканію съ него согласно сему распоряженію, не внесена, то наступаютъ тѣ же послѣдствія, какъ и въ случаѣ невзноса денегъ, слѣдуемыхъ по опредѣленію суда, послѣдовавшаго на основаніи акта о незаконнорожденныхъ 1872 г., или, въ Шотландіи,—денегъ, опредѣленныхъ за алименты, а въ Ирландіи—какъ въ случаѣ неуплаты суммы, подлежащей взысканію по рѣшенію, послѣдовавшему въ порядкѣ суммарнаго производства.

5) Если распоряженіе, согласно сему акту, объ отдачѣ малолѣтняго на попеченіе родственниковъ или иного лица, сдѣлано въ отношеніи лица, которое предано суду присяжныхъ по обвиненію въ проступкѣ, то судъ не вправѣ обязать родителя на выдачу денегъ на содержаніе малолѣтняго до окончанія суда надъ нимъ.

Раздѣлъ 8.

1) При выборѣ лица, которому имѣетъ быть отданъ на попеченіе малолѣтній согласно сему акту, судъ обязанъ выяснить вѣроисповѣданіе той семьи, которой принадлежитъ малолѣтній, и остановить свой выборъ, если возможно, на лицѣ того же вѣроисповѣданія или на лицѣ, которое даетъ обязательство, удовлетворяющее судъ, въ томъ, что малолѣтній будетъ воспитываемъ въ духѣ своего вѣроисповѣданія; послѣднее должно быть указано въ опредѣленіи суда.

2) Если малолѣтній былъ помѣщенъ, согласно распоряженію суда у лица, которое не исповѣдуетъ вѣры малолѣтняго или не дало упомянутаго обязательства, судъ по ходатайству, заявленному кѣмъ бы то ни было, если при томъ указано будетъ подходящее лицо, которое исповѣдуетъ вѣру малолѣтняго или которое дастъ указанное обязательство и желаетъ принять къ себѣ на попеченіе малолѣтняго,—постановляетъ о помѣщеніи малолѣтняго у того лица, которое принадлежитъ тому же вѣроисповѣданію или даетъ указанное обязательство.

3) Если малолѣтній былъ помѣщенъ у кого-либо, кто, давъ указанное обязательство, не исполняетъ таковаго, то въ отношеніи къ такому случаю примѣняется правило, установленное для случаевъ, когда малолѣтній помѣщенъ у лица чужого вѣроисповѣданія и когда обязательство не было дано.

Раздѣлъ 9.

1) Если малолѣтній моложе шестнадцати лѣтъ представленъ въ судъ малыхъ сессій при обстоятельствахъ, разрѣшающихъ примѣненіе къ малолѣтнему постановленій законовъ о профессіональныхъ школахъ, судъ, въ случаѣ надобности, можетъ, не отсылая малолѣтняго въ профессіональную школу, распорядиться, согласно сему акту, объ отдачѣ малолѣтняго на попеченіе родственника или иного лица, указаннаго судомъ.

2) Распоряженіе суда объ отсылкѣ малолѣтняго въ профессіональную школу, можетъ, по усмотрѣнію суда, вступить въ силу или немедленно или нѣкоторое время спустя, въ зависимости отъ возраста и состоянія здоровья малолѣтняго; если распоряженіе не должно вступить немедленно въ силу, или, если ко времени, назначенному въ распоряженіи, обнаружится, что малолѣтній не можетъ по неспособности быть посланъ въ школу, то судъ вправѣ передать малолѣтняго на попеченіе родственника или лица, по избранію суда, согласно постановленію сего акта, на опредѣленное время или до вступленія этого распоряженія въ силу.

Раздѣлъ 10.

1) Коронный судья или двое мировыхъ судей могутъ,—признавъ заслуживающимъ уваженія присяжное заявленіе лица, которое по мнѣнію ихъ, дѣйствуетъ добросовѣстно въ интересахъ малолѣтняго моложе шестнадцати лѣтъ, о томъ, что имѣется основательное предположеніе, что малолѣтній являлся или является въ предѣлахъ подвѣдомаго данному судьѣ или мировымъ судьямъ округа жертвой насилія, дурного, небрежнаго обращенія, могущаго подвергать его безъ надобности лишеніямъ или опасности для здоровья, или что надъ малолѣтнимъ совершено или совершается какое либо преступное дѣяніе, упоминаемое въ приложеніи къ сему акту,—издать приказъ, уполномочивающій указанное въ немъ лицо сдѣлать разслѣдованіе о такомъ малолѣтнемъ, и если онъ найденъ будетъ подвергшимся или подвергающимся насилію, дурному, жестокому обращенію въ указанномъ смыслѣ, или вышеуказанному дѣянію,—отобрать его и содержать въ безопасномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока его можно будетъ представить суду суммарной юрисдикціи; приказъ можетъ быть выданъ и на перемѣщеніе малолѣтняго, съ правомъ разслѣдованія или безъ таковаго, въ безопасное мѣсто, содержаніе его тамъ до тѣхъ поръ, пока его можно будетъ представить суду суммарной юрисдикціи; судъ, предъ которымъ предстанетъ малолѣтній, можетъ постановить о примѣненіи къ нему пятаго раздѣла сего акта; при чемъ—

a) указанное здѣсь право двухъ судей можетъ быть осуществлено и однимъ судьей, если, согласно заявленію, онъ найдетъ дѣло неотложнымъ, и

b) относительно Шотландіи право, представленное судьѣ или двумъ судьямъ, осуществляется лишь шерифомъ или его замѣстителемъ.

2) Судья, издающій на основаніи сего раздѣла приказъ, можетъ этимъ самымъ приказомъ требовать, чтобы обвиняемый въ совершеніи проступка относительно малолѣтнихъ, былъ задержанъ и приведенъ въ судъ, и чтобы приняты были мѣры, обезпечивающія исполненіе приговора о взысканіи съ него по закону.

3) Лицо, уполномоченное приказомъ, выданнымъ согласно сему раздѣлу на разслѣдованіе о малолѣтнемъ или о перемѣщеніи его, съ правомъ разслѣдованія или безъ онаго, можетъ войти (если нужно и силой) въ домъ, строеніе или другое мѣсто, обозначенное въ свидѣтельствѣ, и увести оттуда малолѣтняго.

4) Приказъ, указанный въ настоящемъ раздѣлѣ, выдается на имя суперинтендента, начальника полиціи или другого высшаго полицейскаго чина, коими и приводится въ исполненіе въ сопровожденіи лица, сдѣлавшаго заявленіе, если оно того желаетъ, и если въ приказѣ нѣтъ иного указанія; выдающій приказъ можетъ указать, что при исполненіи приказа имѣетъ находиться одинъ изъ внесенныхъ въ спискѣ практикующихъ врачей.

5) Въ заявленіи и въ приказѣ, выдаваемомъ согласно сему раздѣлу, имя малолѣтняго можетъ не быть обозначено.

Раздѣлъ 11.

1) Если судомъ, коимъ или передъ коимъ кто-либо изобличенъ въ наказуемомъ жестокомъ обращеніи съ малолѣтнимъ, въ смыслѣ настоящаго акта или въ совершеніи проступка, упомянутаго въ приложеніи къ сему акту, будетъ признано, что онъ, будучи родителемъ потерпѣвшаго малолѣтняго, или проживая съ родителемъ,— привычный пьяница въ смыслѣ актовъ 1879 и 1888 г.г., то судъ можетъ, не приговаривая его къ тюремному заключенію, если признаетъ цѣлесообразнымъ, сдѣлать распоряженіе объ его помѣщеніи на точно указанный срокъ, не свыше однако 12 мѣсяцевъ, въ пріютѣ, открытомъ на основаніи названныхъ актовъ, если смотритель его согласенъ на пріемъ такого лица; подобное распоряженіе имѣетъ такую же силу и копіи его должны также быть посланы мѣстной власти и государственному секретарю, какъ если бы оно послѣдовало по ходатайству указанной власти, признанному уважительными двумя судьями, на основаніи означенныхъ актовъ; судъ можетъ приказать судебному приставу или констеблю отвесть осужденнаго въ пріютъ, причемъ и въ этомъ случаѣ вступаютъ въ силу постановленія указанныхъ актовъ,

съ послѣдствіями, которыя наступили бы, если-бы онъ помѣщенъ былъ по распоряженію, основанному на означенныхъ актахъ. При этомъ,

а) распоряженіе о задержаніи въ пріютѣ можетъ быть сдѣлано въ томъ лишь случаѣ, если зная, что судъ намѣренъ удостовѣриться въ фактѣ его привычнаго пьянства, обвиняемый согласится на то, чтобы такое распоряженіе послѣдовало;

в) если супругъ обвиняемаго, присутствующій при разбирательствѣ дѣла, возражаетъ противъ распоряженія о помѣщеніи въ пріютъ, судъ обязанъ прежде, чѣмъ постановить свое опредѣленіе, принять во вниманіе заявленіе, сдѣланное этимъ супругомъ;

с) прежде, чѣмъ отдать распоряженіе, судъ обязанъ убѣдиться по даннымъ, которыя онъ признаетъ достаточно основательными, въ томъ, что будутъ приняты мѣры обезпеченія покрытія расходовъ на все время содержанія даннаго лица въ пріютѣ.

Раздѣлъ 12.

При производствѣ дѣла по обвиненію въ предусмотрѣнномъ настоящимъ актомъ проступкѣ, или въ дѣяніяхъ, указанныхъ въ приложеніи къ акту, обвиняемый имѣетъ право, но не обязанъ давать показанія; супругъ обвиняемаго, хотя можетъ быть потребованъ для дачи показаній, какъ обыкновенный свидѣтель по дѣлу, но не обязанъ давать показанія

Раздѣлъ 13.

1) Если судья на основаніи показаній практикующаго врача, признаетъ, что явка къ суду малолѣтняго, потерпѣвшаго отъ жестокаго обращенія въ смыслѣ сего акта, или отъ одного изъ проступковъ, упомянутыхъ въ приложеніи къ сему акту, грозитъ серьезной опасностью его жизни или здоровью, то судья можетъ занести показаніе, данное подъ присягой малолѣтнимъ въ протоколъ, подписать таковой съ указаніемъ основанія занесенія показанія, времени и мѣста, когда оно послѣдовало, и именъ лицъ, присутствовавшихъ при этомъ (если таковыя были налицо).

2) Судья, снявъ показаніе, отсылаетъ протоколъ показаній:

а) если показанія были даны по дѣлу, по коему обвиняемый уже былъ преданъ суду,—то должностному лицу того суда, коему обвиняемый преданъ;

b) въ остальныхъ случаяхъ—клерку мироваго съѣзда, графства или города, гдѣ допросъ произведенъ; клеркъ, которому отосланъ протоколъ допроса, обязанъ его зарегистрировать и хранить въ архивѣ.

Раздѣлъ 14.

Въ производствѣ дѣла предъ судомъ присяжныхъ по обвиненію кого либо въ предусмотрѣнномъ настоящимъ актомъ жестокомъ обращеніи съ малолѣтнимъ или въ учиненіи какого либо изъ дѣяній, упомянутыхъ въ приложеніи къ сему акту, допускается въ качествѣ доказательства обвиненія или защиты показаніе малолѣтняго, данное при условіяхъ, указанныхъ въ актѣ 1848 г. о преступленіяхъ, преслѣдуемыхъ по обвинительнымъ актамъ, или же актѣ 1849 г. для Ирландіи, а равно въ актѣ 1851 г. о малыхъ сессіяхъ въ Ирландіи, или, наконецъ, въ настоящемъ актѣ, безъ дальнѣйшей провѣрки этого показанія, если судъ признаетъ на основаніи данныхъ, представленныхъ практикующимъ врачемъ, что явка въ судѣ малолѣтняго, потерпѣвшаго отъ составляющаго предметъ обвиненія преступнаго дѣйствія, грозитъ серьезной опасностью его жизни и здоровью, и если притомъ:

a) на протоколѣ имѣется подпись судьи, передъ которымъ показаніе было дано, и

b) если доказано, что обвиняемый, по чьему дѣлу произведенъ допросъ малолѣтняго, былъ въ достаточной мѣрѣ предупрежденъ, что полученнымъ при допросѣ показаніемъ обвиненіе имѣетъ въ виду воспользоваться, какъ доказательствомъ, и что онъ или его защитникъ, или его повѣренный имѣлъ или могъ имѣть, еслибъ онъ желалъ явиться, случай перекрестно допрашивать малолѣтняго, давшаго показанія.

Раздѣлъ 15.

1) При производствѣ дѣла по обвиненію въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ настоящимъ актомъ, или проступкѣ, упоминаемомъ въ приложеніи къ сему акту, потерпѣвшій малолѣтній или иной малолѣтній, предложенный въ свидѣтели, находящійся въ нѣжномъ возрастѣ, можетъ, если, по мнѣнію суда, онъ не сознаетъ значенія присяги, однако давать показаніе и не подъ присягою, если, по мнѣнію суда, онъ обладаетъ достаточнымъ разумѣніемъ для того, что допросъ могъ быть произведенъ, и сознаетъ обязанность

показывать правду; такое показаніе, хотя и данное не подъ присягой, изложенное въ протоколѣ, согласно 17 ст. акта о преступленіяхъ 1848 г. или 14 ст. акта о малыхъ сессіяхъ 1851 г. или, наконецъ разд. 13 настоящаго акта, почитается показаніемъ въ смыслѣ сихъ законовъ; при этомъ:

a) подсудимый не подлежитъ осужденію за проступокъ, если показаніе, допускаемое сей статьей и направленное въ пользу обвиненія, не подкрѣплено другими фактическими доказательствами обвиненія же;

b) если малолѣтній, съ котораго снятъ допросъ въ указанномъ порядкѣ, дастъ завѣдомо лживыя показанія, то противъ него возбуждается обвиненіе и онъ предается суду. По осужденіи, онъ можетъ быть приговоренъ къ наказанію, установленному 11 статьей закона 1879 г. о суммарномъ производствѣ дѣлъ относительно несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, или въ Ирландіи—4 статьей Ирландскаго акта 1884 г. о суммарномъ судѣ надъ дѣтьми.

2) Настоящій раздѣлъ не примѣняется въ Шотландіи.

Раздѣлъ 16.

Если при производствѣ дѣла по обвиненію въ жестокомъ обращеніи въ смыслѣ сего акта, или проступкѣ, упоминаемомъ въ приложеніи къ сему акту, судъ убѣждается изъ показанія практикующаго врача въ томъ, что явка на судъ потерпѣвшаго малолѣтняго грозитъ опасностью жизни или здоровью его и если судъ полагаетъ, что показаніе малолѣтняго не имѣетъ существеннаго значенія для правильнаго разрѣшенія дѣла, то разсмотрѣніе дѣла можетъ продолжаться и закончиться въ отсутствіи малолѣтняго.

Раздѣлъ 17.

При обвиненіи въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ симъ актомъ, или въ проступкѣ, упоминаемомъ въ приложеніи къ сему акту, потерпѣвшій малолѣтній, который въ обвинительномъ актѣ обозначенъ недостигшимъ даннаго возраста, и если судъ находитъ такое указаніе вѣроятнымъ, то малолѣтній въ цѣляхъ сего акта почитается недостигшимъ этого возраста, доколѣ противное не доказано.

Раздѣлъ 18.

1) Если кто-либо обвиняется въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ настоящимъ актомъ и въ приложеніи къ нему относительно двухъ или нѣсколькихъ малолѣтнихъ, то дозволяется однимъ и тѣмъ же заявленіемъ и повѣсткою требовать его къ суду за дѣйствія, учиненныя относительно всѣхъ малолѣтнихъ или нѣкоторыхъ изъ нихъ, но обвиняемый подлежитъ карѣ за каждаго отдѣльнаго малолѣтняго лишь въ случаѣ производства дѣлъ о каждомъ въ отдѣльности.

2) Дозволяется также возбуждать обвиненіе въ одномъ заявленіи или повѣсткѣ за совершеніе дѣйствій, заключающихся одновременно въ насиліи и дурномъ, небрежномъ обращеніи, и въ томъ, что малолѣтній покинутъ, въ совокупности за всѣ дѣйствія или въ отдѣльности, но, если эти дѣйствія инкриминируются совмѣстно, обвиняемый не подлежитъ карѣ за каждое изъ этихъ дѣйствій въ отдѣльности.

3) Виновный въ проступкѣ, предусмотрѣнномъ симъ актомъ, или упоминаемомъ въ приложеніи къ сему акту, подвергается преслѣдованію въ суммарномъ порядкѣ въ томъ лишь случаѣ, если дѣяніе совершено въ полномъ объемѣ или частью не далѣе, какъ за 6 мѣсяцевъ до подачи заявленія о немъ; но если дѣло производится, то могутъ быть представляемы и доказательства относительно дѣйствій, входящихъ въ составъ дѣянія, хотя они и совершены въ прежнее время.

4) Если проступокъ, предусматриваемый симъ актомъ или приложеніемъ къ сему акту, вмѣняется въ вину данному лицу, какъ преступное дѣйствіе продолжающееся, то нѣтъ надобности обозначать въ заявленіи, повѣсткѣ или обвинительномъ актѣ даты совершенія отдѣльныхъ дѣйствій, образующихъ составъ преступленія.

Раздѣлъ 19.

На постановленный въ суммарномъ порядкѣ приговоръ, равно какъ на распоряженія, послѣдовавшія согласно шестой, седьмой или девятой статьи сего акта, за исключеніемъ случаевъ, когда распоряженіе исходитъ отъ судьи или ассизнаго суда, осужденный, не признающій себя виновнымъ, а равно всякій, считающій себя обиженнымъ распоряженіемъ или рѣшеніемъ суда, можетъ быть

подана жалоба—въ Англіи или Ирландіи суду четвертныхъ сессій, а въ Шотландіи—Главному Суду въ порядкѣ, предусмотрѣнномъ (шотландскимъ) закономъ 1875 г. объ апелляціонномъ разборѣ дѣлъ суммарнаго свойства или актомъ, измѣняющимъ этотъ законъ.

Раздѣлъ 20.

1) Если проступокъ, предусмотрѣнный симъ актомъ, составляетъ предметъ обвинительнаго акта, предъявляемаго суду присяжныхъ, то издержки по процессу возмѣщаются такимъ же путемъ, какъ и въ случаѣ обвиненія въ преступленіи.

2) Сія статья не примѣняется въ Шотландіи.

Раздѣлъ 21.

Совѣтъ попечителей, а въ Шотландіи приходскій совѣтъ—одного или нѣсколькихъ приходовъ могутъ изъ своихъ подотчетныхъ средствъ вносить суммы на возмѣщеніе расходовъ и издержекъ въ тѣхъ процессахъ, которые имъ возбуждены, на основаніи сей статьи, по преслѣдованію насильственнаго дѣйствія, дурного, небрежнаго обращенія съ дѣтьми, оставленія ихъ безъ призора или поставленія въ опасность, а въ случаѣ соединенія нѣсколькихъ приходовъ расходы и издержки ложатся на общій фондъ.

Раздѣлъ 22.

Всѣ особыя постановленія, издаваемыя въ силу сего акта, подчиняются:

а) въ Англіи дѣйствію 184 статьи закона 1875 г. о народномъ здравіи, и всякая мѣстная власть Англіи, дѣйствуя въ силу акта, почитается мѣстною властью въ смыслѣ указанной статьи, съ замѣной департамента мѣстнаго управленія государственнымъ секретаремъ.

в) въ Шотландіи—дѣйствію 62 статьи (шотландскаго) закона 1867 г. о народномъ здравіи, поскольку рѣчь идетъ объ утвержденіи правилъ и предписаній и о дѣйствіяхъ, предшествующихъ исполненію ихъ.

с) въ Ирландіи дѣйствію 221 статьи акта 1878 г. о народномъ здравіи, съ замѣной департамента мѣстнаго управленія государственнымъ секретаремъ.

Раздѣлъ 23.

1) Постановленія сего акта, упоминающія о родителѣ малолѣтняго, примѣняются къ его отчиму, мачихѣ и къ другому лицу, которое проживаетъ совмѣстно съ родителемъ малолѣтняго, и выраженіе „родитель", употребляемое въ отношеніи малолѣтняго, обнимаетъ и опекуна или другое лицо, обязанное содержать малолѣтняго.

2) Сей актъ примѣняется и къ родителю, который, будучи лишенъ средствъ къ содержанію ребенка, не озабочивается его содержаніемъ согласно законамъ о вспомоществованіи бѣднымъ, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда родитель инымъ образомъ относится нерадиво къ малолѣтнему.

3) При примѣненіи сего акта,—

родитель малолѣтняго, предполагается имѣющимъ надзоръ за нимъ;

лицо, которому отданъ малолѣтній на присмотръ родителемъ, предполагается имѣющимъ о немъ попеченіе;

всякое другое лицо, которое фактически содержитъ у себя малолѣтняго или имѣетъ надъ нимъ надзоръ, почитается имѣющимъ обязанность смотрѣть за нимъ.

Раздѣлъ 24.

Настоящимъ актомъ отнюдь не уничтожаются и не ослабляются права родителя, наставника или другого лица, имѣющаго по закону надзоръ или присмотръ за малолѣтнимъ, примѣнять къ нему карательныя мѣры.

Раздѣлъ 25.

Если въ семъ актѣ не содержится особаго указанія, то—

выраженіе „мѣстная власть" обозначаетъ по отношенію къ городу—городской совѣтъ; по отношенію къ городу Лондону общинный совѣтъ; по отношенію къ графству Лондона совѣтъ графства, а въ другихъ мѣстахъ окружные совѣты, а до учрежденія окружного совѣта, городскую или сельскую санитарную власть;

выраженіе „высшій полицейскій чинъ" обозначаетъ въ лондонскомъ графствѣ и въ его округахъ коммисара городской полиціи;

въ округѣ столичной полиціи—коммисара столичной полиціи;

въ другихъ мѣстахъ Англіи,—перваго констебля или другой чинъ, какое бы названіе онъ не имѣлъ, если только ему принадле-

житъ высшее начальство надъ мѣстной окружной полиціей и по отношенію къ нему умѣстно подобное выраженіе;

выраженіе „улица“ заключаетъ въ себѣ указаніе на большую дорогу и на другія публичныя мѣста, со сквознымъ проѣздомъ или безъ таковаго;

выраженіе „убѣжище“ содержитъ въ себѣ указаніе на всякое мѣсто, опредѣленное мѣстной властью на основаніи и согласно задачамъ сего акта, какъ напр. на рабочій домъ, полицейскій участокъ, госпиталь или подобнаго рода учрежденіе;

выраженіе „акты о профессіональныхъ школахъ“ обозначаетъ относительно Англіи и Шотландіи актъ 1866 г. о профессіональныхъ школахъ и дополнительные къ нему акты

(Раздѣлы 26 и 27 содержатъ соотвѣтственныя поясненія относительно Шотландіи и Ирландіи).

Раздѣлъ 28.

1) Этотъ актъ именуется Prevention of cruelties to children Act, 1894.

2) Акты the prevention of cruelty to u. protection of children act 1889 г. и the prevention of cruelty of children (Amendement) act, 1894, симъ отмѣняются.

3) Сей актъ вступаетъ въ силу съ 21 августа 1894 года.

Приложеніе.

Къ сему же акту относятся постановленія о проступкахъ, предусматриваемыхъ 27, 25 или 56 статьями акта о проступкахъ противъ личности 1861, и всякій проступокъ относительно малолѣтняго, моложе шестнадцати лѣтъ, предусматриваемый 43 и 52 статьями того же акта; проступокъ, предусматриваемый актомъ 1879 г. объ опасныхъ представленіяхъ дѣтей; всякій другой проступокъ, заключающій въ себѣ нанесеніе тѣлеснаго вреда малолѣтнему моложе шестнадцати лѣтъ.

VIII.

СВОЕОБРАЗНАЯ КРИТИКА.

(По поводу статьи В. Нечаева: „Вѣстникъ Права и юриспруденція XIX вѣка" въ журн. Мин. Юст. 1899 № 3).

I.

Въ мартовской книжкѣ Журнала Министерства Юстиціи напечатана большая статья подъ заглавіемъ: „Вѣстникъ Права и юриспруденція XIX вѣка", представляющая попытку дискредитировать Вѣстникъ Права, его программу и редакцію въ глазахъ читателей, практическихъ юристовъ, „учащейся юриспруденціи молодежи" и Спб. юридическаго общества—и защитить Іеринга, къ нападенію на коего сводится, по толкованію автора статьи, г. Нечаева, главная часть программы Вѣстника. По правилу du choc des opinions jaillit la vérité была бы весьма желательна всесторонняя критика того взгляда на общественныя задачи юриспруденціи, который выраженъ въ программной статьѣ Вѣстника, или хотя бы критическій разборъ отрицательныхъ составныхъ частей этого взгляда—доводовъ противъ программы исторической и новой практическо-догматической школы. Но статья г. Нечаева никакого choc des opinions не содержитъ и даже не даетъ повода и матеріала для полемики; въ ней никакихъ новыхъ доводовъ и самостоятельныхъ научныхъ мыслей нѣтъ. Она представляетъ собою сообщеніе чужихъ и давно извѣстныхъ взглядовъ (въ виду большой распространенности и популярности коихъ именно написаны соотвѣтственныя части статьи Вѣстника), повторяемыхъ авторомъ отчасти собственными сло-

вами, отчасти путемъ дословныхъ выписокъ изъ сочиненій другихъ, въ перемежку съ восторженными похвалами по адресу Іеринга и авторовъ этихъ сочиненій и восклицаніями порицанія по адресу Вѣстника, думающаго иначе, нежели авторитеты г. Нечаева. Эти восклицанія играютъ роль краткихъ соединительныхъ звеньевъ между отдѣльными частями весьма пространной компиляціи, а большая интенсивность выражаемыхъ ими чувствъ придаетъ всему этому литературному произведенію своеобразный комическій оттѣнокъ. Намъ впервые приходится наблюдать такой оригинальный случай, чтобы человѣкъ, обуреваемый столь напряженными, можно сказать, страстными чувствами—крайнимъ негодованіемъ и озлобленіемъ, съ одной стороны, благоговѣніемъ и восторгомъ, съ другой,—разразился для изліянія такихъ чувствъ—длинной и кропотливой компиляціей.....

Наименѣе компилятивный характеръ имѣетъ та часть изложенія, гдѣ авторъ собственными словами излагаетъ мнѣнія Іеринга; здѣсь, по крайней мѣрѣ, матеріалъ взятъ не изъ „третьихъ рукъ", какъ въ большей части статьи. Но зато эта часть и наиболѣе ясно показываетъ, что составитель поступаетъ весьма благоразумно, не рѣшаясь пускаться въ самостоятельныя разсужденія и даже чужія мысли излагая не по первоисточникамъ, а главнымъ образомъ по „пособіямъ" и при томъ словами этихъ пособій. Такъ, для отраженія „неосмотрительной квалификаціи" теоріи права Іеринга, какъ оппортунистической, и для доказательства ея идеальной, этической основы составитель предлагаетъ изложеніе собственными словами содержанія тѣхъ страницъ перваго тома „Цѣли въ правѣ", гдѣ Іерингъ утверждаетъ, что право есть ничто иное, какъ „политика силы", что нормы являются воплощеніемъ эгоизма сильнаго, ради своей выгоды регулирующаго свое поведеніе путемъ установленія опредѣленныхъ правилъ и границъ. Изъ собственныхъ, въ особенности подчеркнутыхъ словъ составителя компиляціи („но эгоизмъ и сила—*общечеловѣческія свойства*: силѣ одного противостоитъ сила другого; сегодняшній побѣдитель завтра побѣжденный. Сознаніе собственной выгоды приноситъ *самоограниченіе силы*, эгоизма и интересовъ. И вотъ, вмѣсто господства силъ и интереса, на почвѣ самоограниченія послѣднихъ, создаются *этическія* нормы") видно, что онъ вѣритъ, будто его изложеніе собственными словами этихъ взглядовъ Іеринга является умною ихъ защитою съ этической точки зрѣнія; здѣсь благоразумно пропущено подчеркнутое Іерингомъ опредѣленіе „права, какъ поли-

тики силы“; всѣмъ людямъ, стало быть, и тѣмъ слабымъ, которые необходимы для теоріи Іеринга, безъ боязни логической несообразности, приписано свойство быть сильнѣе другихъ, такъ что теорія Іеринга оказывается удобною и для нихъ; юридическія нормы, какъ непосредственное выраженіе самоупорядоченія силы, руководствующейся эгоистическимъ разсчетомъ, замѣнены „этическими нормами“, которыя при томъ, какъ deus ex machina, появляются только „на почвѣ“ самоограниченія силы, эгоизма и интересовъ, но зато производятъ при невдумчивомъ чтеніи впечатлѣніе, будто указана этическая почва теоріи права Іеринга (который, впрочемъ, и нравственныя нормы сводитъ къ разсчету и эгоизму, но, конечно, иначе и во всякомъ случаѣ послѣдовательнѣе и толковѣе, нежели вышеприведенныя собственныя слова составителя). Съ равнымъ успѣхомъ г. Нечаевъ могъ бы для доказательства своего, выражающаго негодованіе, восклицанія: „Никогда Іерингъ не отрицалъ могущества и важности *принциповъ!*“ (стр. 322) помѣстить подобное переложеніе содержанія любой изъ тѣхъ многочисленныхъ страницъ разныхъ сочиненій Іеринга, гдѣ практичный, эгоистическій разсчетъ выставляется единственно резоннымъ масштабомъ нравственности, политики, права, или даже тѣхъ мѣстъ его сочиненій, гдѣ онъ прямо говоритъ о принципахъ, отождествляя ихъ чуть ли не съ глупостью, помраченіемъ здраваго смысла. Ср. напр., Ihering Entwickelungsgeschichte d. r. R., стр. 18, гдѣ авторъ находитъ, что грубое, примитивное право отличается большимъ здравымъ смысломъ, находитъ, что древнее римское право поэтому заслуживаетъ предпочтенія предъ современнымъ и объясняетъ это тѣмъ, что грубая эпоха „пользуется неоцѣнимымъ преимуществомъ предъ высоко развитою: *она не знаетъ еще принциповъ* (sie kennt noch keine Principien, въ текстѣ подчеркнуто). Кто знаетъ изъ исторіи тѣ безобразія, которыя натворили принципы и еще въ наше время ежедневно творятъ, тотъ пойметъ, что то время, которое не знало принциповъ, а только руководствовалось здравымъ, т. е. направленнымъ только на практическія цѣли, разсудкомъ, лучше могло создать то, въ чемъ оно нуждалось, чѣмъ этого можетъ достигнуть развитая эпоха, духовное зрѣніе которой затемняется принципами“ [1]). Такимъ

[1]) Между прочимъ, составитель рядомъ съ выраженіемъ негодованія по поводу характеристики теоріи Іеринга, какъ оппортунистической, и по поводу упрека въ скептическомъ отношеніи его къ принципамъ еще восклицаетъ: „Никогда не измѣнялъ онъ великимъ идеаламъ философіи XVIII вѣка!“ (стр. 322), а въ другомъ мѣстѣ

же образомъ можно было бы доказать, что Іерингъ былъ защитникомъ слабыхъ, врагомъ политики силы и порабощенія, изложивъ, напр., собственными словами основную идею „Духа римскаго права" или даже спеціально тѣ мѣста его сочиненія, гдѣ авторъ идеализируетъ (со своей точки зрѣнія) и превозноситъ грандіозный національный завоевательный аппетитъ, дѣлающій Римлянъ способными къ универсальной миссіи вслѣдствіе того, что вожделѣніе ихъ эгоизма простирается на все (dass sie Alles begehrt, I § 20, „Величіе національнаго эгоизма"); здѣсь мы находимъ блестящія картины, написанныя въ торжественномъ стилѣ, въ родѣ: „кульминаціонный пунктъ (исторіи Рима) показываетъ намъ римское государство, стоящее на рубежѣ древняго и новаго міра, а у ногъ его размозженные и растертые народы тогдашняго времени..... Какъ остріе меча (римскаго) наносило кровавыя раны народамъ древняго міра, такъ острота понятій, которая характеризуетъ римское право, наносила раны новой народной правовой жизни. Но раны и боль—цѣна операціи. Съ этой точки зрѣнія мы привѣтствуемъ римскій народъ при его появленіи на свѣтъ словами"..... За этимъ слѣдуютъ восторги по поводу хитрой раз-

(стр. 349) приписываетъ Іерингу такую теорію исторіи: эта теорія „видитъ въ исторіи права ростъ самостоятельнаго этическаго начала".

Для пониманія отрицательнаго отношенія Іеринга къ принципамъ, его презрительнаго отношенія къ „великимъ идеаламъ философіи XVIII вѣка" (ср. приведенное въ текстѣ мѣсто или, напр., Geist d. r. R. II § 25, „die öden Wüsteneien des Naturrechts") и даже къ исторической школѣ, поскольку она, по его мнѣнію, еще не вполнѣ освободилась отъ мечтаній школы естественнаго права (ср. тамъ же § 25 „bei Schwärmern und Urtheislosen eine Sehnsucht nach dem „Recht, das mit uns geboren"), и т. п. взглядовъ и вообще для правильной оцѣнки его „философіи" слѣдуетъ принимать во вниманіе, что онъ резоннымъ и цѣлесообразнымъ считалъ только то, что истекаетъ изъ эгоистическаго разсчета и сводится къ эгоизму, такъ что цѣлесообразность и эгоизмъ у него играютъ роль синонимовъ и одно понятіе безразлично употребляется вмѣсто другого (ср., напр., его восхваленіе духа римскаго народа въ Geist, въ особенности I § 20 passim, напр.: „Ich erblicke in ihm nur die Folge jener Richtung auf praktische Zwecke, jener zur zweiten Natur gewordenen Gewohnheit der Römer, ihre ganze geistige und moralische Kraft im Dienst der Selbsucht zu verwenden. Die Römer konnten, möchte ich behaupten, nichts Zweckwidriges thun"... „Auch die Religiosität der Römer... war im Wesentlichen durch das Motiv der Zweckmässigkeit oder der Selbsucht bestimmt".... „Die römische Welt, im Ganzen und Grossen erfasst, lässt sich mit e i n e m Wort als der Triumph der Idee der Zweckmässigkeit bezeichnen... ist nichts als die Objektivirung oder der Organismus der nationalen Selbsucht"; текстъ между прим. 224а и 228а).

счетливости, по поводу практичности, выражающейся даже въ эксплоатаціи религіи и боговъ для практическихъ, т. е. эгоистическихъ цѣлей (надпись: Масштабъ цѣлесообразности.—Религія. § 20); можно было бы привести для той же цѣли начало § 17: апологію войны и милитаризма, разсужденія объ обогащеніи содержанія государства путемъ милитаризма („Den Kern der folgenden Ausführung können wir in den Satz zusammenfassen: das militärische Interesse ist das Motiv, das den Staat um einen Gedanken bereichert...“). Ибо если г. Нечаевъ не сознаетъ того, что парафразируемое имъ мѣсто „Цѣли въ правѣ“, не смотря на его собственное мудрое изреченіе: „но эгоизмъ и сила—общечеловѣческія свойства“, какъ посылку для оправданія теоріи, и другія неточности, только компрометируетъ защищаемое имъ ученіе и доказываетъ именно то, что онъ объявляетъ неправдою,—то отчего не найти этическую почву, защиту слабыхъ и т. п. и въ оправданіи порабощенія или растиранія и размноженія слабыхъ народовъ, ибо сила и эгоизмъ „общечеловѣческое свойство“ и всѣ могутъ порабощать или растирать всѣхъ другихъ или заниматься этимъ этическимъ упражненіемъ по очереди [1]).

[1]) Столь же удачны тѣ мѣста статьи, гдѣ самостоятельность автора проявляется въ выборѣ перепечатываемыхъ отрывковъ изъ первоисточника. Тѣ выдержки изъ сочиненій Іеринга, которыя перепечатаны авторомъ не въ связи съ текстомъ пособій, а отъ себя въ качествѣ найденныхъ имъ самостоятельно доказательствъ разныхъ достоинствъ Іеринга тоже доказываютъ какъ разъ противоположное. На стр. 321 приведена длинная выдержка изъ Scherz und Ernst, гдѣ Іерингъ одновременно заявляетъ свою преданность своей спеціальности и предмету ея—римскому праву („Я не потерялъ интереса и къ римскому праву, которому я обязанъ тѣмъ, чѣмъ я являюсь, и что я сдѣлалъ“) и сожалѣніе, что не избралъ другой спеціальности; отрывокъ этотъ производитъ, вслѣдствіе видимаго противорѣчія этихъ заявленій, впечатлѣніе чего то искусственнаго и дѣланнаго для спеціальной цѣли и становится понятнымъ только вслѣдствіе тонкаго намека, содержащагося въ словахъ: „съ завистью смотрю на другія отрасли знанія, которыя собрали за то же время богатую жатву... если бы я былъ молодъ, я избралъ бы другую область изученія“, намека на то, что, если бы онъ выбралъ другое научное поприще, то его геній нашелъ бы болѣе широкое поле примѣненія и онъ бы достигъ тамъ несравненно большаго, нежели то, чѣмъ онъ обязанъ избранной собою спеціальности, не соотвѣтствующей размѣру его генія. Вторая, краткая выдержка гласитъ: „Я сознаю, что этимъ сочиненіемъ я ставлю на карту свое научное имя, на которое будетъ наложено неизгладимое пятно, если упреки и нападенія, которыя я дѣлаю противъ Савиньи, окажутся неосновательными. Я подвергаю воззрѣнія Савиньи безпощадной критикѣ, и кто мнѣ желаетъ зла, тому не трудно обвинить меня въ недостаткѣ почтительности,—упрекъ, отъ котораго не спасетъ меня и

Значительно дѣльнѣе слѣдующая часть статьи, гдѣ авторъ не претендуетъ на самостоятельность въ смыслѣ изложенія мыслей Іеринга или его поклонниковъ собственными словами, или въ смыслѣ самостоятельнаго выбора отрывковъ по первоисточнику, а просто перепечатываетъ цѣлыми страницами чужіе хвалебные отзывы о Іерингѣ дословно.

Но для какой цѣли составитель столь усердно занимается въ своей статьѣ перепечаткою чужого, всѣмъ доступнаго изложенія? Если бы онъ тѣ части своей статьи, которыя ему пришлось переписывать или вырѣзывать ножницами и наклеивать, замѣнилъ обычными ссылками, то вмѣсто длинной статьи получилась бы короткая, а „доказательная“ сила ея отъ этого нисколько бы не умалилась. Мало того, составитель могъ бы исключить и переложеніе собственными словами высказанныхъ другими и давно извѣстныхъ взглядовъ, оставивъ такимъ образомъ только порицательныя восклицанія и инсинуаціи по адресу редакціи Вѣстника и добавивъ къ этому указаніе, что онъ самъ ученіе Іеринга признаетъ за ratio scripta и что есть и болѣе авторитетные люди, пріобрѣвшіе уже ученую степень или даже имя въ наукѣ, которые являются горячими поклонниками Іеринга, въ частности существуетъ такая то магистерская диссертація, гдѣ читатели могутъ прочесть не мало похвалъ по адресу Іеринга и убѣдиться въ томъ, что ре-

---

моя порука въ томъ, что я въ полной мѣрѣ признаю ученыя заслуги Савиньи для нашей науки. Но пусть будетъ такъ! Я дешево цѣню свою личность въ томъ случаѣ, когда этого требуетъ дѣло; великой цѣли нельзя достигнуть, не жертвуя своей личностью“! Отрывокъ этотъ взятъ изъ предисловія къ „Der Besitzwille“— толстой книгѣ, посвященной тонкой технической контроверзѣ изъ области владѣльческихъ исковъ, а именно, вопросу объ animus possidendi по ученію римскихъ юристовъ. Не требуется большого развитія эстетическаго и этическаго чутья и сознанія, чтобы и къ этому отрывку отнестись критически, а во всякомъ случаѣ не выставлять его въ качествѣ лучшаго свидѣтельства Іеринга о самомъ себѣ. Ибо всякаго не лишеннаго нравственно-эстетическаго сознанія и чутья поражаетъ фальшь этого заявленія (какъ будто это сочиненіе, раздувающее мелкій вопросъ до грандіознаго тріумфа надъ Савиньи, можетъ быть названо „жертвою своей личности“ и при томъ „для великой цѣли“) и полное несоотвѣтствіе столь шумной рекламы темѣ сочиненія. Но составитель этого не сознаетъ и восклицаетъ: „Трудно, намъ кажется, дать болѣе убѣдительныя доказательства искренности научнаго интереса и любви къ истинѣ у Іеринга, чѣмъ приведенныя“. Лучше было бы Іерингу имѣть дѣло съ врагами своего *ученія*, нежели съ такимъ защитникомъ его *нравственныхъ качествъ*, который не можетъ среди массы напечатанныхъ имъ страницъ найти „болѣе убѣдительныхъ доказательствъ“ въ его пользу, нежели такія случайныя свидѣтельства его человѣческихъ слабостей.

дакція Вѣстника проявляетъ дерзость имѣть собственное, противоположное сужденіе по тѣмъ же вопросамъ. Тѣмъ болѣе, что разныя вырѣзки изъ чужихъ сочиненій и переложенія собственными словами вставлены составителемъ совсѣмъ не кстати, такъ какъ они вовсе не относятся къ вопросамъ, обсуждаемымъ въ програмной статьѣ Вѣстника.

Хотя составъ статьи не даетъ, какъ мы уже сказали, никакого основанія для научной полемики, а во всякомъ случаѣ дѣлаетъ неумѣстною научную полемику съ г. Нечаевымъ, какъ компиляторомъ взглядовъ другихъ, тѣмъ не менѣе его статья, вставленныя имъ звенья между компилируемыми отрывками, а отчасти и способъ расположенія этихъ отрывковъ, заслуживаетъ и требуетъ отвѣта въ иномъ смыслѣ, въ смыслѣ необходимости разъясненій для возстановленія истины и публичнаго порицанія съ точки зрѣнія литературной нравственности.

II.

Достойна серіознаго порицанія даже, повидимому, вполнѣ невинная первая (I) часть его статьи, которая состоитъ въ послѣдовательной перепечаткѣ отрывковъ програмной статьи Вѣстника, и гдѣ составитель отъ себя почти ничего не добавляетъ, а только дѣлаетъ по сравненію съ подлиннымъ текстомъ разные пропуски. Но такъ какъ для обнаруженія характера примѣненной здѣсь политики пропусковъ потребовалось бы много мѣста по самому существу дѣла (пришлось бы повторить здѣсь подлинный полный текстъ съ указаніемъ сдѣланныхъ компиляторомъ пропусковъ), а съ другой стороны, всякій желающій легко можетъ, даже не теряя времени на скучное занятіе сопоставленія и провѣрки по частямъ, а только сравнивъ общее впечатлѣніе, вызываемое подлиннымъ текстомъ въ Вѣстникѣ и его передачею въ Журн. Мин. Юст., убѣдиться въ значеніи сдѣланныхъ пропусковъ, то мы по поводу первой части статьи г. Нечаева, обозначенной цифрою I, ограничиваемся ссылкою на подлинный текстъ програмы Вѣстника.

Вторая часть (II), наиболѣе важная съ точки зрѣнія цѣлей составителя, несмотря на свой компилятивный характеръ, не лишена извѣстной внѣшней эффектности и даже, въ случаѣ обычной вѣры читателя въ bona fides автора, способна дѣйствительно возбудить впечатлѣніе обоснованности тѣхъ обвине-

ній по адресу „органа Спб. Юридическаго Общества", которыя наиболѣе скоплены и наиболѣе рѣзко формулированы здѣсь, но повторяются и въ другихъ мѣстахъ. Къ тому же, какъ ни странно, почувствовавъ благородное негодованіе и подъемъ духа разразиться для выраженія сихъ чувствъ компиляціей, тѣмъ не менѣе эта часть статьи именно своимъ „благороднымъ негодованіемъ" можетъ укрѣпить вѣру въ bona fides составителя. Здѣсь мы находимъ наиболѣе сильныя съ точки зрѣнія риторики и обвинительной силы собственныя вставки компилятора: „наименѣе объективный изъ этихъ критиковъ (ученія Іеринга) ....., невѣрно уясняющій истинный смыслъ философскаго ученія Іеринга, изложеннаго въ „Zweck im Recht", признаетъ величіе ученаго, къ которому столь субъективно относится. Теперь мы слышимъ отъ органа Спб. Юридическаго Общества, что Іерингъ загрязнилъ науку права, что онъ трусливый кротъ, что онъ раздувалъ вожделѣнія и аппетиты сильныхъ, суля имъ защиту и т. д., и невольно спрашиваемъ себя: для кого и для чего нужно столь невѣроятное загрязненіе чистаго и безупречнаго имени великаго ученаго"... Приведя затѣмъ упомянутыя выше лучшія „доказательства искренности научнаго интереса и любви къ истинѣ" Іеринга, его исканія истины „во всеоруженіи знанія, таланта и самопожертвованія",— путемъ перепечатки отрывковъ изъ Іеринга съ сообщеніемъ, что они написаны предъ смертью, закончившею весьма трудолюбивую жизнь, г. Нечаевъ помѣщаетъ слѣдующую наиболѣе эффектную вставку отъ себя:

„Никогда Іерингъ и его школа не возводили интереса и эгоизма на степень самодовлѣющихъ цѣлей человѣческаго существованія! Никогда они въ примѣненіи права къ жизни не покровительствовали вожделѣніямъ сильныхъ въ ущербъ слабымъ! Никогда Іерингъ не отрицалъ могущества и важности *принциповъ*! Никогда не измѣнялъ онъ великимъ идеаламъ философіи XVIII вѣка!" (322).

Дальнѣйшая часть страницы посвящена упомянутому выше переложенію собственными словами разсужденій Іеринга о правѣ, какъ политикѣ силы и эгоизма, а затѣмъ вся остальная часть раздѣла состоитъ въ перепечаткѣ отрывковъ изъ пособія, содержащаго похвальные отзывы о Іерингѣ, при чемъ соединительными звеньями компиляціи служатъ слѣдующія собственныя вставки: 1) сообщенія, что составитель не можетъ не перепечатать еще одного куска изъ своего превосходнаго пособія (стр. 324), затѣмъ, заявленія „Мы не можемъ дѣлать безъ конца длинныхъ выписокъ и позволимъ себѣ здѣсь

передать лишь послѣднее звено въ цѣпи разсужденій" (конечно, чужихъ), „сюда относящихся, чтобы показать, что для Іеринга послѣдній источникъ творчества—въ Богѣ"; перепечатавъ кусокъ изложенія, доказывающій религіозность Іеринга, авторъ опять пишетъ отъ себя: „Мы не можемъ, наконецъ, не привести съ сокращеніями параграфа труда П. И. Новгородцева"…. слѣдуютъ четыре страницы перепечатки; 2) „Гдѣ здѣсь (т. е. въ перепечатанныхъ отрывкахъ о Іерингѣ) пошлость и цинизмъ мысли, гдѣ низменныя стремленія, гдѣ ученіе о томъ, что люди создаютъ право, выдумывая институты, прикрывающіе ихъ интересы и т. п.?"

И вотъ, хотя кромѣ незначительной части текстъ этой второй главы апологіи Іеринга дословно перепечатанъ изъ чужихъ сочиненій, тѣмъ не менѣе *вся* эта вторая глава составляетъ corpus литературнаго прегрѣшенія.

При этомъ мы имѣемъ въ виду не неправильныя обвиненія редакціи Вѣстника во лжи, содержащіяся въ отрицательныхъ восклицаніяхъ въ родѣ „Никогда Іерингъ не отрицалъ могущества и важности принциповъ!" и т. п. Напротивъ, мы полагаемъ, что здѣсь сознательно ложнаго обвиненія другихъ во лжи не содержится, что составитель не знакомъ съ подлинными сочиненіями Іеринга и добросовѣстно убѣжденъ въ правильности своихъ обвинительныхъ восклицаній. Здѣсь слѣдуетъ констатировать только наличность большого литературнаго легкомыслія и некультурности: составитель бросаетъ другимъ въ лицо цѣлую серію оскорбленій, рядъ категорическихъ обвиненій во лжи и не считаетъ при этомъ нужнымъ справиться во вполнѣ доступномъ для него источникѣ провѣрки, не сознаетъ или не признаетъ обязанности провѣрить положенія, которыя онъ категорически клеймитъ какъ ложь, по подлинному тексту Іеринга, а довольствуется для обоснованія столь серіозныхъ обвиненій перепечаткою изъ своего пособія краткихъ общихъ хвалебныхъ отзывовъ о Іерингѣ и его сочиненіяхъ.

Мы имѣемъ главнымъ образомъ въ виду тотъ литературный порокъ, которымъ заражено все построеніе и содержаніе второй главы и который состоитъ въ систематическомъ перетолковываніи и искаженіи всего поносимаго содержанія статьи Вѣстника для перенесенія всѣхъ вопросовъ изъ высокой и чистой сферы идейной борьбы въ низкую и мелочную сферу личныхъ нападокъ и инсинуацій. Составитель представляетъ все дѣло такъ, какъ будто программа Вѣстника была направлена на „загрязненіе чистаго и безупречнаго имени великаго ученаго", какъ будто она содер-

жить отрицательную характеристику Іеринга, какъ человѣка, какъ будто редакція занимается обсужденіемъ личныхъ свойствъ Іеринга, обвиняетъ его въ томъ, „что онъ трусливый кротъ, что онъ раздувалъ вожделѣнія и аппетиты сильныхъ, суля имъ защиту“, „въ примѣненіи права къ жизни“ наносилъ ущербъ слабымъ въ угоду сильнымъ, обнаруживалъ „низменныя стремленія“ и т. п., вообще какъ будто содержаніе программы Вѣстника таково, что подлежатъ защитѣ личное поведеніе и свойства характера Іеринга, что приходится въ его защиту говорить о его трудолюбіи, любви къ наукѣ и т. п. пошлости. Съ равнымъ основаніемъ составитель могъ бы еще добавить сообщенія, свидѣтельствующія, что Іерингъ Богу молился, въ карты не игралъ, водки не пилъ и т. п.

Все это отъ начала до конца одна неправда; неправдивое повѣствованіе содержится даже въ буквальной перепечаткѣ чужихъ словъ—въ противопоставленіи ихъ программѣ Вѣстника.

Программа эта, какъ ясно показываетъ все ея существо и содержаніе, не посвящена и не могла быть посвящена столь постороннему для научной программы и для науки вообще и столь мелкому въ данномъ случаѣ дѣлу, какъ оцѣнка личныхъ свойствъ и поведенія какой-либо отдѣльной личности, хотя бы и столь выдающейся, какъ Іерингъ.

Мало того, было бы нелѣпо посвящать программную статью даже менѣе личному и мелкому дѣлу—научной оцѣнкѣ трудовъ какого либо отдѣльнаго ученаго. Ибо и это совсѣмъ посторонній и не имѣющій никакого отношенія къ цѣли и существу программы вопросъ.

Программа Вѣстника вращается въ болѣе высокомъ и безличномъ мірѣ идей и при томъ только такихъ идей, которыя освободились отъ личной связи съ тѣмъ или инымъ человѣческимъ индивидомъ и достигли безличнаго могущества и власти надъ умами и сердцами поколѣнія, опредѣляя и окрашивая міросозерцаніе безличной въ свою очередь и грандіозной силы—юриспруденціи нашего вѣка, или же, по крайней мѣрѣ, такихъ идей, которыя являются симптомомъ и типичнымъ воплощеніемъ этого міросозерцанія.

Этой безличной постановкой проблемы, высотою сферы борьбы, происходящей внѣ личностей и ихъ не задѣвающей, а съ другой стороны признаніемъ могущества и грозной силы того надъ-личнаго противника, съ которымъ ведется борьба, опредѣляется и характеръ и тонъ полемики программной статьи Вѣстника.

Здѣсь нѣтъ мѣста для оговорокъ учтивости, для разговоровъ

о личномъ талантѣ, трудолюбіи и т. п. и даже для упоминанія полезныхъ и талантливыхъ трудовъ и оцѣнки ихъ литературныхъ и научныхъ качествъ, а съ другой стороны, исключается и пользованіе спеціальными и особенными слабостями и промахами этихъ трудовъ для цѣлей борьбы, а тѣмъ болѣе указаніе какихъ либо чисто личныхъ недостатковъ и слабостей какого либо человѣка [1]).

---

[1]) Болѣе личный характеръ имѣетъ весьма отрицательная оцѣнка новаго направленія юриспруденціи въ книгѣ Л. Петражицкаго „Права добросовѣстнаго владѣльца на доходы", на которую составитель ссылается на стр. 332. Если бы свои обвиненія составитель направилъ противъ этой книги, они имѣли бы болѣе резонную почву, потому что здѣсь дѣйствительно говорится и спеціально о Іерингѣ и, конечно, упоминается его имя, чего въ программной статьѣ Вѣстника сообразно ея безличному характеру не дѣлается. Въ этой книгѣ находятся, между прочимъ, и доказательства нѣкоторыхъ изъ тѣхъ положеній, относящихся къ Іерингу, которыя составитель произвольно приписываетъ программной статьѣ Вѣстника. Такъ, напр., въ этой книгѣ, но не въ статьѣ Вѣстника, говорится о стремленіи Іеринга объяснять разныя явленія права тѣмъ, что (какъ выражается составитель, стр. 324) „люди создаютъ право, выдумывая институты, прикрывающіе ихъ интересы". Но за то здѣсь же приводятся и подтвержденія („Права доброс. влад." стр. 397), въ томъ числѣ слова Экка въ некрологѣ Іеринга: „Намъ кажется этотъ пріемъ Іеринга сводить всевозможныя положенія римскаго права на хитрые и злые мотивы произвольнымъ и несправедливымъ", и его удивленіе, что Іерингъ могъ съ любовью и удовольствіемъ заниматься наукою права, которое онъ такъ толковалъ. Составитель же произвольно приписываетъ это положеніе Вѣстнику и негодуетъ, какъ противъ безпочвенной клеветы. Такъ какъ въ этой книгѣ (но не въ статьѣ Вѣстника) говорится спеціально о Іерингѣ и находятся упреки по его адресу, то здѣсь создается и должный противовѣсъ. Іерингу приписывается здѣсь „могучій талантъ" и даже геніальность (стр. 420), говорится, что Іеринга „слѣдуетъ причислить къ величайшимъ корифеямъ романизма" (стр. 415), указывается на тѣ его дѣйствительныя заслуги, которыхъ особенно у насъ обыкновенно не замѣчаютъ и не отмѣчаютъ, замѣняя ихъ мнимыми, въ частности, здѣсь особенно выдвигается заслуга Іеринга въ области юридической методологіи: „Главнѣйшею заслугою Іеринга, какъ юриста, которая сама по себѣ давала бы ему право на безсмертное имя въ наукѣ, мы считаемъ его теорію юридической конструкціи и юридической техники вообще" (стр. 415). Между прочимъ, составитель въ укоръ Вѣстнику выставляетъ на стр. 321 положеніе: Іерингъ „даетъ такую методологію этой юриспруденціи, до силы которой не возвысился никто ни раньше, ни послѣ". Это производитъ тѣмъ болѣе странное впечатлѣніе, что составитель, видящій ratio scripta въ позднѣйшихъ взглядахъ Іеринга, называетъ тотъ юридическій методъ, который первоначально разработывалъ Іерингъ, „схоластикою", плодомъ недоразумѣнія etc. Впрочемъ, оцѣнкою личныхъ качествъ и личнаго поведенія Іеринга не занимается и упомянутая книга Л. Петражицкаго, такъ что разсужденія о его трудолюбіи, набожности, научномъ интересѣ—о низменныхъ стремленіяхъ, трусливости и т. п. и тамъ отсутствуютъ.

Даже то мѣсто, которое съ особымъ торжествомъ подхватилъ составитель, сдѣлавъ изъ нихъ нелѣпыя варіаціи („слышимъ отъ органа Спб. Юридическаго Общества, что Іерингъ ... трусливый кротъ“, „никогда и нигдѣ Іерингъ не былъ трусливымъ кротомъ“ ...), а именно:—„горизонтъ созидающей науки, политики права, и ея проблемъ и горизонтъ разрушительной работы практическихъ кротовъ, копающихъ ямки подъ отдѣльными частицами дѣйствующаго права,—несравнимы и несоизмѣримы по самому существу своему“—не только не означаетъ приписанія какихъ либо личныхъ качествъ характера (узости личнаго горизонта, практичности въ житейскомъ смыслѣ) отдѣльнымъ людямъ или классу людей, а тѣмъ паче одному „нѣмецкому ученому“, но даже не означаетъ неуваженія къ нѣмецкой юриспруденціи или нѣмецкой наукѣ вообще. Напротивъ, здѣсь имѣются въ виду такія impersonalia, которыя не допускаютъ подстановки сравнительно безличнаго понятія „нѣмецкая юриспруденція“, а могутъ быть отнесены только къ чему то чисто идейному, къ извѣстному научному методу. Рядомъ съ этимъ можно безъ всякаго противорѣчія поставить не только указаніе на всевозможныя величественныя черты личнаго характера Іеринга, но и приписать нѣмецкой юриспруденціи склонность къ величественнымъ и широкимъ концепціямъ, къ самому возвышенному идеализму. Эти свойства мы дѣйствительно считаемъ типичными и прекрасными достоинствами нѣмецкой науки, но тѣмъ болѣе мы вооружаемся противъ оппортунизма и мелко-практическаго характера міросозерцанія конца вѣка, какъ болѣзни столь грозной и сильной, что она даже съумѣла свить себѣ гнѣздо въ столицѣ идеализма и великихъ научныхъ концепцій—въ средѣ нѣмецкой науки.

Что составителю трудно было возвыситься до той степени отвлеченности пониманія, которой требуетъ и ожидаетъ отъ читателя порицаемая имъ статья, такъ какъ для него наука и идеи, повидимому, доступны, главнымъ образомъ, въ видѣ конкретныхъ ученыхъ мужей и ихъ авторитетныхъ для него изреченій,—впрочемъ, вполнѣ вѣроятно. Но и это обстоятельство не объясняетъ столь явнаго и поразительнаго произвола, какъ упорное внушеніе читателю мысли, что въ критикуемой имъ статьѣ Іерингъ называется трусливымъ кротомъ и т. п. положенія и пріемы второй главы.

III.

Столь же рѣшительнаго порицанія заслуживаетъ и слѣдующая глава (III). И она, несмотря на свой компилятивный характеръ, находится въ систематической коллизіи съ правдою. Глава эта посвящена защитѣ взглядовъ Іеринга и вообще практической школы на догматику противъ критики Вѣстника; защита ведется слѣдующими пріемами.

Бо́льшая часть главы выписками и переложеніями собственными словами пытается доказать, что особенности, составляющія существо новаго направленія, а именно легкомысленное отношеніе къ юридической логикѣ, къ „понятіямъ", юридическимъ принципамъ, вообще къ юридической конструкціи, а равно и свободное отношеніе къ источникамъ (толкованіе, несогласное съ „волею законодателя") для практическихъ цѣлей, вовсе не присущи новой школѣ, такъ что соотвѣтственныя указанія и упреки Вѣстника не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Конецъ же главы содержитъ не только полное признаніе этихъ особенностей новой школы (и даже признаніе бо́льшаго въ томъ же направленіи), но и указаніе на нихъ, какъ на заслуги и единственно правильное отношеніе къ дѣлу, при чемъ приводятся приличныя дѣлу выписки изъ авторитетовъ. Конечно, эти противорѣчивыя положенія не выставлены сразу и рядомъ, какъ здѣсь, а излагаются постепенно и раздѣлены своеобразными другими сообщеніями, нѣсколько прикрывающими противорѣчія, по крайней мѣрѣ, для читателя, не слѣдящаго внимательно за пріемами изложенія и не сопоставляющаго разныхъ частей его.

Въ началѣ выставляются слѣдующія положенія: „Догматическая теорія исторической школы, на защиту и за возстановленіе которой выступаетъ Вѣстникъ Права, вся была основана на признаніи самостоятельной, абстрактно-логической природы юридическихъ понятій" (стр. 329 такую природу не только за юридическими, но и за всякими отвлеченными понятіями признаетъ, конечно, всякій образованный человѣкъ. Далѣе употребляются болѣе осмысленныя поясняющія выраженія: „вѣрили въ неизмѣнность основной схемы этихъ понятій и представляемыхъ ими институтовъ гражданскаго права въ исторіи".... „не хотѣли признать все-таки измѣнчивости основныхъ понятій однихъ и тѣхъ же институтовъ"). „Іерингъ и его школа, поэтому, отрицаютъ не логику и принципы, а лишь *абстрактно-логическое постоянство юридиче-*

скихъ понятій (въ текстѣ подчеркнуто), что далеко не одно и то же. У Іеринга это выражено совершенно ясно" (стр. 332). Слѣдуетъ длинная выписка изъ Іеринга, а затѣмъ выраженіе торжества отъ имени этого писателя и своего: „Прежде чѣмъ говорить объ изгнаніи изъ юриспруденціи логики, Вѣстникъ Права долженъ будетъ опровергнуть логичность приведенныхъ выше соображеній о значеніи юридическихъ понятій" (стр. 333).

Тріумфъ по поводу этой „логичности" напрасенъ, и вызовъ „Вѣстнику" легко можетъ кончиться конфузомъ. Опровергнуть эту „логичность" можетъ не только „Вѣстникъ", но и всякій, кто знакомъ съ логикою. Элементарнымъ и основнымъ правиломъ этой науки относительно понятій является требованіе единства и прочнаго фиксированія (не-„измѣнчивости") понятій и ихъ обозначеній—словъ. Имѣемъ ли мы дѣло съ понятіями „столъ", „организмъ" или „право", „собственность",—элементарнымъ и основнымъ требованіемъ логики и научной методологіи является такое фиксированіе и употребленіе этихъ понятій и терминовъ, чтобы они не имѣли пяти, десяти, или хотя бы двухъ различныхъ смысловъ, а только одинъ, точно фиксированный, неизмѣнный смыслъ. Этимъ отличается научная терминологія отъ обыденнаго, нерѣдко двусмысленнаго или даже многосмысленнаго словоупотребленія. То правило, которое составитель выставляетъ, вмѣстѣ съ вызовомъ Вѣстника на логическій бой и съ радостною увѣренностью въ тріумфѣ, является логическою несообразностью, а его поясненія къ нему, въ частности, приводимый имъ примѣръ измѣнчивости понятія права собственности, уясняютъ только то, что̀ ясно и безъ того изъ другихъ частей его статьи, а именно его незнакомство съ логикою и научною методологіей. Примѣненіе этого правила на дѣлѣ уничтожило бы науку и превратило бы ее въ хаосъ и столпотвореніе вавилонское. Тогда не было бы, напр., въ наукѣ понятія „собственности", „обязательства", „организма", и т. п., а получились бы десятки или сотни „понятій" собственности и т. д., а если еще распространить послѣдовательно это курьезное требованіе „измѣнчивости понятій" по времени на различія по мѣсту, то имѣющееся уже число смысловъ пришлось бы помножить на такое же или большее число, соотвѣтствующее „измѣнчивости понятій" по мѣсту, народности и т. п. Напротивъ, наука должна позаботиться объ установленіи такого понятія „права собственности", „организма" и т. п., чтобы оно было едино и неизмѣнно, одинаково подходило ко всякому случаю „собственности",

„организма“ и т. п., когда бы и гдѣ бы обозначаемыя этими словами явленія ни имѣли мѣста. Правила, соблюденіе коихъ необходимо для этой цѣли, можно найти въ любомъ учебникѣ логики.

Но дѣло не въ томъ, что составитель имѣлъ неосторожность вызвать Вѣстникъ на этотъ логическій поединокъ, не вооружившись пособіемъ по логикѣ, а въ болѣе существенномъ недоразумѣніи. Требуется большая увѣренность въ незнакомствѣ читателя съ исторической школою и съ новымъ практическо-догматическимъ направленіемъ, чтобы скептическое отношеніе послѣдняго къ „юридической логикѣ“ свести къ приведеннымъ положеніямъ (хотя бы они и не являлись случайнымъ lapsus linguae съ точки зрѣнія логики), которыя къ тому же внушаютъ недоразумѣніе, будто особенностію исторической школы являлось отрицаніе исторической точки зрѣнія, а особенность и заслуга практическаго направленія состоитъ въ проведеніи отрицаемой исторической школою исторической точки зрѣнія. Какъ видно изъ дальнѣйшаго изложенія, этотъ пріемъ не можетъ быть оправданъ невѣдѣніемъ.

Вызвавъ у читателя, какимъ себѣ его представляетъ г. Нечаевъ, представленіе, что упреки по адресу теоріи интересовъ по поводу ея отрицательнаго отношенія къ „юридической логикѣ“, къ юридическимъ понятіямъ, юридическимъ принципамъ, къ послѣдовательности юридическихъ выводовъ, юридической конструкціи и т. д. совсѣмъ лишены почвы и явно несправедливы, что дѣло сводится къ весьма невинному дѣлу, даже къ улучшенію „юридической логики“ путемъ признанія „измѣнчивости юридическихъ понятій“ въ исторіи, г. Нечаевъ уже въ дальнѣйшемъ изложеніи считаетъ забытыми эти положенія и говоритъ уже не о правильномъ (съ точки зрѣнія его „логики“) образованіи юридическихъ понятій, а объ упраздненіи школою Іеринга понятій и замѣнѣ ихъ иными элементами, о „парализованіи“ понятій и т. п. Такъ, на стр. 333 читаемъ: „Школа Іеринга, отвергая понятія, замѣняетъ ихъ въ догматической теоріи *принципами* и такимъ образомъ не только не отвергаетъ послѣдніе, но, наоборотъ, возвышаетъ ихъ на первое мѣсто въ дѣятельности судьи и юриста-практика“.

Это признаніе отъ имени школы Іеринга, что она „отвергаетъ понятія“ и замѣняетъ ихъ чѣмъ то инымъ, противорѣчитъ предыдущему и содержитъ въ себѣ логическій nonsens. Положеніе объ устраненіи понятій и ихъ замѣнѣ „принципами“ немыслимо не только съ точки зрѣнія логики, но и психологіи, поскольку даже такіе „представители“ этой школы, какъ составитель статьи,

несомнѣнно относятся къ роду homo sapiens. Мыслима и встрѣчается субъективная атрофія или неразвитіе извѣстнаго свойственнаго нормальнымъ людямъ круга понятій (и eo ipso сужденій), въ томъ числѣ правовыхъ и вообще этическихъ (moral insanity), но это болѣзненныя и исключительныя явленія; всякій же психически здоровый человѣкъ, даже въ случаѣ на то направленныхъ усилій не могъ бы освободиться не только отъ понятій вообще, но и отъ правовыхъ или нравственныхъ понятій въ частности. Къ тому же положенія: „школа Іеринга, отвергая понятія, замѣняетъ ихъ... принципами"—уничтожаютъ, „парализуютъ" (ср. стр. 334, гдѣ „логическій выводъ изъ понятія... парализуется логическимъ выводомъ изъ другаго принципа", sic!) другъ друга; не только „принципы", но и никакія сужденія въ логическомъ смыслѣ не мыслимы безъ понятій, ибо сужденія состоятъ изъ понятій; юридическіе „принципы" есть ничто иное, какъ извѣстное соединеніе соотвѣтственныхъ понятій. Замѣчательно, что составитель предлагаетъ свои разсужденія читателямъ Журнала Министерства Юстиціи въ качествѣ методологическихъ разъясненій по адресу непонимающаго методологіи „школы Іеринга" Вѣстника и обѣщаетъ подарить въ будущемъ болѣе „детальное" методологическое разсужденіе въ томъ же родѣ (стр. 339, ср. также стр. 345, гдѣ онъ говоритъ по адресу другихъ о „методологическихъ заблужденіяхъ", грѣхѣ „противъ логики" и т. п.).

Но это сравнительно мелочи. Важнѣе цѣль этихъ разсужденій и средства, употребленныя для ея достиженія. Цѣль состоитъ въ возбужденіи представленія, будто Вѣстникъ говоритъ неправду, взводитъ напрасную клевету на практическо-догматическую школу, упрекая ее въ легкомысленномъ отношеніи къ юридическимъ принципамъ, а средства состоятъ въ пользованіи различными смыслами слова „принципъ", въ подмѣнѣ понятій. Вызвавъ на предыдущихъ страницахъ впечатлѣніе отраженія упрека Вѣстника по адресу практическаго направленія по поводу юридическихъ понятій, здѣсь составитель жертвуетъ уже ненужными болѣе „понятіями" для того, чтобы съ тѣмъ большею силою отразить упрекъ по поводу юридическихъ принциповъ. Но изъ дальнѣйшаго изложенія оказывается, что дѣло идетъ о вызовѣ чисто внѣшняго впечатлѣнія въ случаѣ не особенно внимательнаго чтенія. А именно „принципы", которые школа Іеринга не только не отвергаетъ, но даже именно возвышаетъ, воцаряя ихъ на мѣсто отвергнутыхъ ею юридическихъ понятій и ставя ихъ на первое мѣсто въ дѣятельности „судьи

и юриста-практика", совсѣмъ не то, о чемъ говоритъ статья Вѣстника. Здѣсь слово „принципы" является только маскою, придающею положенію видъ отрицанія положеній Вѣстника, а на самомъ дѣлѣ означаетъ совершенно другое понятіе, ничего общаго съ понятіемъ юридич. принциповъ, о которыхъ говоритъ Вѣстникъ, не имѣющее, такъ что положеніе составителя, на самомъ дѣлѣ, не только не отражаетъ упрека Вѣстника, но даже содержитъ подъ маской отрицапія скрытое признаніе. А именно, изъ другихъ мѣстъ изложенія оказывается, что происхожденіе и смыслъ употребленнаго здѣсь двусмысленнаго слова „принципы" (между прочимъ, образецъ пользы „измѣнчивости понятій"!) таково: тѣ весьма разнородныя указанія и соображенія, которыя въ практическо-догматической школѣ обыкновенно служатъ для оправданія отступленія отъ юридич. принциповъ и вообще отъ требованій „юридич. логики" (указанія на "интересъ" одной изъ сторонъ, „практическія соображенія", требованія цѣлесообразности, справедливости, „практическаго такта" и т. д.), составитель замѣняетъ спеціальнымъ понятіемъ цѣлей и направленій политики законодателя, мотивовъ и цѣлей, которыми руководствовался законодатель при созданіи нормъ. Эти цѣли и направленія онъ называетъ „принципами" и выставляетъ упомянутое утвержденіе, показывающее, что Вѣстникъ говоритъ, такъ сказать, больше, чѣмъ неправду, ибо школа Іеринга именно „принципамъ" и только имъ придаетъ рѣшающее значеніе. Здѣсь содержится тройное злоупотребленіе словомъ „принципы" и такое же несогласіе съ истиною.

Выдвинувъ, повидимому, вопреки утвержденіямъ Вѣстника „принципы", составитель получаетъ такимъ образомъ базисъ для дальнѣйшихъ стратегическихъ операцій. Онѣ столь же печальны, какъ и предыдущія. Въ дальнѣйшемъ изложеніи путемъ выписокъ и передачи собственными словами вызывается представленіе, будто отличіе школы Іеринга отъ метода, защищаемаго Вѣстникомъ, состоитъ въ томъ, что школа Іеринга требуетъ непримѣненія закона къ случаямъ, „отклоняющимся отъ предусмотрѣнныхъ" въ законѣ (стр. 336 и сл.: „считаться съ такими отклоненіями отъ установленныхъ закономъ типовъ", „оцѣнка явленій, отклоняющихся отъ предусмотрѣнныхъ"), какъ будто кто либо требуетъ такого примѣненія. Въ разныхъ мѣстахъ, нѣсколько разъ, внушается читателю мысль, будто это отличіе состоитъ въ томъ, что школа Іеринга требуетъ примѣненія аналогіи (335, 336, 337), какъ будто кто либо возстаетъ противъ творчества путемъ аналогіи. Возбуждается также

представленіе, будто это отличіе состоитъ въ томъ, что Вѣстникъ исключаетъ изъ догматики и практики толкованіе путемъ обращенія къ ratio legis (passim, въ особенности стр. 337, слова: „опасеніе предоставить судьѣ возможность самостоятельной и разумной оцѣнки нормъ права не только съ точки зрѣнія ихъ логическаго смысла, но и съ точки зрѣнія лежащихъ въ ихъ основаніи законодательныхъ цѣлей и мотивовъ"). Пріемъ обращенія къ ratio legis, конечно, признается (и признавался и до Іеринга) всѣми, въ томъ числѣ и Вѣстникомъ, и требуется, какъ необходимый элементъ логическаго толкованія, ибо онъ примѣняется именно для опредѣленія „логическаго смысла" законовъ, точно также какъ и историческое толкованіе. (И относительно послѣдняго дѣлается, повидимому, попытка вызвать вредныя для Вѣстника представленія путемъ перепечатки въ этой связи чужихъ разсужденій о необходимости историческаго толкованія, стр. 338; точно также можно подумать, что Вѣстникъ является защитникомъ правилъ stricti juris, на основаніи переложенія замѣчаній Іеринга о jus aequum).

Эти пріемы не новы; къ нимъ уже пытались прибѣгнуть прежніе юридическіе органы противъ новаго коллеги—газеты „Право". Чтобы отрѣзать путь такимъ лжетолкованіямъ, въ программной статьѣ Вѣстника (XXIV—XXVI) спеціально говорится о буквальномъ толкованіи (примѣненіи закона по буквѣ его къ случаямъ, по смыслу закона „отклоняющимся отъ предусмотрѣнныхъ" и т. п.), о примѣненіи jus strictum, объ аналогіи и т. п. и рѣшительно заявляется и поясняется, что объ исключеніи какихъ-либо правилъ и пріемовъ логическаго толкованія или примѣненія аналогіи нѣтъ и не можетъ быть рѣчи („Въ частности, нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы стремленіе проводить начало законности означало требованіе примѣненія буквальнаго толкованія, примѣненія началъ jus strictum, устранененія аналогіи, толкованія по общему духу законовъ и т. п.", стр. XXV. „Аналогія есть одно изъ средствъ распространенія начала законности на такія области, гдѣ, при отсутствіи этого средства, господствовали бы интересы, а не право. Ея смыслъ: и при отсутствіи закона для даннаго случая, все таки должны рѣшать не интересы и произволъ, а право—законъ наиболѣе сроднаго случая или принципъ наиболѣе сроднаго института" и т. д.; о буквальномъ толкованіи и jus strictum особо говорится на стр. XXV). Но составитель статьи противъ Вѣстника не смущается и повторяетъ тѣ же

пріемы борьбы, для которыхъ, казалось, окончательно отрѣзанъ былъ путь.

При всѣхъ этихъ перемѣнахъ декорацій и фикціяхъ вещи не называются своими именами. Когда говорится о разныхъ видахъ толкованія, объ аналогіи, ratio legis и т. п., то эти техническія и твердо установленныя понятія замѣняются неясными и неточными описаніями, длинными разсужденіями съ трудно уловимымъ смысломъ и т. п. Если бы эту воду устранить и придать изложенію научную форму съ надлежащей терминологіей, съ названіемъ вещей ихъ научными именами, и безъ двусмысленныхъ выраженій и изреченій, то статья, конечно, не была бы напечатана. Теперешній туманъ для незнакомыхъ съ дѣломъ методологіи и юридическихъ школъ нѣсколько скрываетъ истинный смыслъ утвержденій и намековъ и ихъ несогласіе другъ съ другомъ и съ фактами. Но и при полномъ незнаніи дѣла и некритическомъ чтеніи достаточно только запомнить начальныя и исходныя положенія составителя, чтобы въ концѣ главы констатировать, что она вся является явнымъ и поразительнымъ противорѣчіемъ и научнымъ нулемъ по формулѣ: +а—а=о. Ибо послѣ всѣхъ указанныхъ выше и не указанныхъ изворотовъ, частныхъ противорѣчій и пріемовъ, вызывающихъ впечатлѣніе, будто Вѣстникъ въ своей статьѣ напрасно клевещетъ на практическую школу, будто эта школа вовсе не посягаетъ на юридическую логику и voluntas legis, а, напротивъ, неправильныя юридическія понятія исправляетъ, принципы возвышаетъ и т. д.,—въ концѣ статьи наступаетъ крупная и рѣшительная перемѣна декораціи. Здѣсь (стр. 339, 340) юридическая конструкція просто объявляется лишнимъ дѣломъ и плодомъ недоразумѣнія, приводится, въ качествѣ методологическаго образца и вмѣстѣ съ тѣмъ авторитета въ пользу школы Іеринга, разсужденіе римскаго юриста Трифонина, въ которомъ, по мнѣнію составителя, юристъ „не слѣдуетъ за логикою, и даже прямо отрицаетъ ее", и мнѣніе другого авторитета въ пользу исправленія закона со стороны исполнителей его (стр. 340, 341) [1].

[1]) Вообще отношеніе къ логикѣ въ статьѣ г. Нечаева представляетъ своего рода литературную и „логическую" достопримѣчательность и не лишено своеобразнаго остроумія. Степени признанія „логики" въ статьѣ расположены въ убывающей прогрессіи слѣдующимъ образомъ: 1) полное признаніе („Іерингъ и его школа, поэтому отрицаютъ не логику и принципы" и т. п. стр. 332); 2) частичное признаніе надобности (стр. 335, „подлежатъ лишь отчасти логическому изученію"); 3) соблюденіе apparances (336, „судья, подражая законодателю, кажется руководствую-

Характерно, что этой послѣдней части главы приданъ видъ заключительнаго тріумфа, какъ будто подготовленнаго предыдущимъ изложеніемъ и являющагося послѣднимъ ударомъ въ томъ же направленіи, въ какомъ наносились удары Вѣстнику въ предыдущихъ частяхъ изложенія. Здѣсь послѣ несогласованныхъ другъ съ другомъ переложеній и выписокъ изъ новыхъ авторитетовъ появляются въ качествѣ послѣдней инстанціи авторитетъ римскихъ юристовъ, въ частности фрагментъ Трифонина, и, наконецъ, ipse dixit схоластики—Аристотель; дается побѣдоносный и окончательно уничтожающій противника совѣтъ редакціи Вѣстника „дать себѣ трудъ открыть 5-ю главу Никомаховой этики великаго философа" (для самоличнаго убѣжденія, что ipse dixit въ

щимся логикою, но когда случаи сложны, ему приходится входить и въ сложныя, чисто законодательныя соображенія"); 4) рѣшительный ударъ (340, Трифонинъ „не слѣдуетъ за логикою и даже прямо отрицаетъ ее"). Эта остроумная нисходящая прогрессія уваженія къ логикѣ съ другой точки зрѣнія, а именно съ точки зрѣнія научной, представляетъ восходящую прогрессію—прогрессію обнаруженія незнанія и непониманія методологіи и вообще логики, восходящую прогрессію научнаго и логическаго absurdum. Странную роль въ методологическомъ разсужденіи играетъ изреченіе о частичномъ логическомъ изученіи; не достаетъ только для полноты научной картины опредѣленія доли допускаемаго логическаго и иного (не логическаго) изученія. Еще болѣе странно прочесть на страницахъ научнаго журнала разговоръ о томъ, что въ „простыхъ" случаяхъ „судья, подражая законодателю, кажется руководствующимся логикою", а въ сложныхъ перестаетъ показывать этотъ видъ, т. е., какъ призналъ бы всякій образованный и мыслящій человѣкъ на основаніи этой мудрой посылки,—откровенно и безъ притворства говоритъ вздоръ, а по мнѣнію автора—именно подражаетъ законодателю и пускается въ какія то нелогическія (въ отличіе отъ предыдущаго, гдѣ подражаніе законодателю означало видъ логичности), но сложныя и глубокія разсужденія. Наконецъ, откровенный и рѣшительный nonsens заключается въ возведеніи въ образецъ методологіи разсужденія, гдѣ (яко бы) не только нѣтъ соблюденія, но есть отрицаніе логики. Несмотря на довольно ясный намекъ въ статьѣ Вѣстника (стр. XII), составитель еще не оріентировался въ вопросѣ объ отрицаніи логики, не усвоилъ той простой истины, что отрицаніе логики не только со стороны людей, имѣющихъ дѣло съ наукою, но даже просто со стороны человѣка въ здравомъ умѣ и твердой памяти совершенно недопустимо, что этотъ курьезъ есть результатъ элементарнаго смѣшенія понятій, что на самомъ дѣлѣ можно говорить лишь объ отрицаніи извѣстнаго рода посылокъ съ замѣною ихъ другими посылками (и притомъ логически правильно составленными изъ логически правильно образованныхъ понятій) для выводовъ, что въ данномъ случаѣ можно говорить только о замѣнѣ юридическихъ посылокъ (положеній нормъ права и вытекающихъ изъ нихъ частныхъ или общихъ, по сравненію съ отдѣльными нормами, выводовъ) иными, на правѣ не основанными, посылками, т. е. о замѣнѣ права не-правомъ, а не о замѣнѣ логики, чѣмъ то инымъ.

пользу исправленія неудовлетворительныхъ законовъ исполнителями), при чемъ г. Нечаевъ пользуется, конечно, случаемъ помѣстить еще одну длинную выписку и перепечатываетъ изъ перевода Никомаховой этики то, что относится къ дѣлу, и то, что къ дѣлу не относится [1]).

Въ дѣйствительности вся эта глава, какъ и предыдущая, къ дѣлу совсѣмъ не относится. Имѣла бы отношеніе къ дѣлу критика того, что въ программной статьѣ Вѣстника и въ другихъ, въ послѣдніе годы появившихся, статьяхъ было высказано по поводу смысла и значенія чистоты юридическаго метода, по поводу объективности и правдивости толкованія и логической послѣдовательности юридич. конструкціи и т. д. [2]) Противъ того, что по этимъ вопросамъ сказано въ статьяхъ Вѣстника и другихъ, составитель, повидимому,

---

[1]) Писатель изъ эпохи до-схоластическаго періода, когда люди также мало проявляли смѣлости самостоятельнаго мышленія, а спорили и доказывали путемъ цитатъ изъ авторитетовъ, но когда роль ipse dixit игралъ, главнымъ образомъ, не Аристотель, а Платонъ, воспользовался бы болѣе рѣшительнымъ и вообще по содержанію послѣдней части главы статьи г. Нечаева лучшимъ доказательствомъ, а именно—переписалъ бы изъ діалога „Политикъ" разсужденія Платона о томъ, что законы представляютъ вредное и лишнее ограниченіе для мудрыхъ правителей, мѣшающіе имъ въ конкретномъ случаѣ выбрать наиболѣе правильное рѣшеніе, что поэтому лучше, чтобы государствомъ управляли не законы, а мудрые правители и т. д. Выписки изъ позднѣйшаго діалога „Законы" того же философа, гдѣ указывается на неосуществимость въ дѣйствительности такого идеала правителей, при которомъ ихъ мудрость слѣдовало бы предпочесть законамъ, на величайшую важность для дѣйствительныхъ государствъ господства законовъ, безпрекословнаго имъ подчиненія всѣхъ и т. д.—было бы, конечно, неудобно приводить. А если бы составитель въ своихъ поискахъ за годными для перепечатанія авторитетными отрывками натолкнулся на извѣстный діалогъ Сократа съ Критономъ (гдѣ Сократъ отвергаетъ спасеніе своей жизни цѣною отступленія отъ принципіальнаго отношенія къ закону и доказываетъ, что ему слѣдуетъ воспріять смертную казнь по принципіальнымъ причинамъ) и не только принялъ во вниманіе, но и понялъ этотъ великій символъ и образецъ принципіальности такъ, какъ его слѣдуетъ понять, не только разумомъ, но и сердцемъ? Тогда онъ, конечно, не написалъ бы того, что онъ написалъ.

[2]) Ср. стр. IX—XIV нашей программной статьи; основныя положенія, выясняющія промахи практическаго направленія, не только не опровергаются въ полемической части статьи, но и, послѣдовательно, пропущены въ первой, реферирующей главѣ при перепечаткѣ статьи Вѣстника, гдѣ за то помѣщены непонятныя и странныя вслѣдствіе нарушенія подлинной связи замѣчанія или неправдивыя сообщенія съ приписаніемъ ихъ редакціи (ср., напр., подлинный текстъ и его реферирующее искаженіе: „Поставивъ себѣ задачей покровительство вожделѣніямъ и интересамъ отдѣльныхъ лицъ, юристы, о которыхъ идетъ рѣчь, отрицаютъ „юриспруденцію понятій" (Begriffsjurisprudenz), т. е. „ло-

въ своихъ авторитетныхъ пособіяхъ возраженій не нашелъ, такъ что вся эта глава только по недоразумѣнію можетъ быть сочтена полемикой противъ Вѣстника и защитой пріемовъ практическаго направленія.

И наше предыдущее изложеніе представляетъ, конечно, не полемику въ научномъ смыслѣ съ г. Нечаевымъ, а только вынужденное обсужденіе литературныхъ пріемовъ, примѣненныхъ въ статьѣ, напечатанной въ Журналѣ Министерства Юстиціи, и возстановленіе истины.

Поэтому по поводу разныхъ положеній, приписанныхъ въ статьѣ практическо-догматическому направленію составителемъ ея, взявшимъ на себя роль истолкователя и защитника этого направленія, какъ то: что это направленіе отвергаетъ понятія и замѣняетъ ихъ принципами въ смыслѣ г. Нечаева, т. е. (implicite) отвергаетъ и юридическіе принципы и замѣняетъ ихъ законодательными цѣлями и мотивами, что эта школа отвергаетъ методъ конструкціи, считая его плодомъ недоразумѣнія, и т. п.—мы не беремъ на себя роли защитника этого направленія противъ его защитника, а ограничимся только краткимъ замѣчаніемъ, что довѣріе къ статьѣ было бы столь же, если не болѣе, вредно для защищаемаго тамъ направленія, какъ и для его противниковъ. Хотя г. Нечаевъ исходитъ изъ пособій, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе неумѣлаго пользованія ими, онъ возбуждаетъ несправедливыя подозрѣнія противъ предмета защиты. Если бы практическое направленіе дѣйствительно исходило изъ тѣхъ положеній, которыя отъ его имени провозглашаетъ путемъ неправильной передачи своими словами г. Нечаевъ, то и оно не было бы достойно научной полемики, а во всякомъ случаѣ лишне было бы открывать противъ него особую борьбу.

IV.

Послѣдняя глава (IV) статьи г. Нечаева могла бы быть по примѣру сочиненій прежнихъ вѣковъ озаглавлена Chaos; это—свалочное мѣсто для приведенія найденныхъ въ пособіяхъ, но не пріуроченныхъ еще къ предыдущимъ рубрикамъ, цѣнныхъ крохъ отъ трапезы авторитетовъ и вообще для помѣщенія имѣющихся еще въ распоряженіи литературныхъ обломковъ и мелкаго мусора, еще

тику“ вообще...“ (стр. 313). Это краткое предложеніе заключаетъ въ себѣ два несогласныя съ истиною положенія.

нѣсколькихъ похвалъ по адресу Іеринга и пособій, порицаній по адресу Вѣстника и его программы, между прочимъ и выходокъ, не касающихся программы Вѣстника, а направленныхъ противъ другихъ.

Требуютъ здѣсь упоминанія слѣдующіе упреки, относящіеся къ программѣ Вѣстника.

1. Перепечатавъ отрывокъ изъ статьи Вѣстника, содержащій одобреніе правдиваго и объективнаго толкованія источниковъ и принципіальнаго отношенія къ „юридической логикѣ", свойственныхъ исторической школѣ (прежде это сообщалось и повторялось собственными словами) и повторивъ еще разъ свое неодобреніе метода конструкціи и утвержденіе, что догматика исторической школы представляла схоластику и что школа Іеринга „внесла въ эти идеи" „существенныя поправки", составитель восклицаетъ: „Никакая область права не нуждается, наоборотъ, въ большей реформѣ, какъ эта романистическая догматическая теорія исторической школы!" [1]) (стр. 342).

---

[1]) Въ подкрѣпленіе этого положенія съ восклицательнымъ знакомъ приводится слѣдующее сообщеніе безъ восклицательнаго знака: „Это отлично сознаютъ всѣ современные юристы, а направленія, складывающіяся на почвѣ изученія новаго гражданскаго уложенія, показываютъ убѣдительно, что почти вся огромная, необозримая даже, догматическая литература, выросшая подъ знаменемъ исторической школы въ теченіе нынѣшняго столѣтія, будетъ сдана въ архивъ, чтобы никогда не быть оттуда извлеченной". Это также хорошій образецъ литературнаго творчества составителя. Значеніе этотъ „аргументъ" получаетъ при незнаніи и невнимательности или несообразительности читателя. Старая „догматическая литература" естественно и постепенно „сдавалась въ архивъ" послѣдующею литературою. Новая догматическая литература, „сданная въ архивъ" уложеніемъ, представляетъ главнымъ образомъ продуктъ новой практическо-догматической школы. Собственно замѣчаніе составителя не представляетъ вообще аргумента, а только вызываетъ при некритическомъ чтеніи впечатлѣніе таковаго. И въ этомъ кажущемся аргументѣ вмѣсто практической школы поставлена историческая школа. Поскольку эта, играющая здѣсь роль своеобразнаго эффекта, „сдача въ архивъ" затрогиваетъ (въ другомъ смыслѣ) программы школъ и можетъ служить аргументомъ для критики программы, она относится къ программѣ Іеринга. Ср. Петражицкій, Права добр. влад. стр. 401:

„Политика права и въ частности цивильная политика, какъ наука, не существуютъ, и въ этомъ смыслѣ мы не можемъ сказать, чтобы лозунги и пріемы модной школы искажали и портили эту дисциплину. Тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ отношеніяхъ модныя теченія и въ этой области не остаются безъ вреднаго вліянія: 1) Лозунги модной школы ведутъ къ апатіи въ области политики права, въ частности возбуждаютъ ложное представленіе, будто для развитія гражданскаго права не требуется законодательной реформы его, вообще законодательной

Такимъ образомъ получается впечатлѣніе, что Вѣстникъ Права со своею программою является здѣсь не больше, какъ представителемъ косности. Не ради этого ли впечатлѣнія допущено здѣсь противорѣчіе, а именно, послѣ указанія на произведенную школою Іеринга существенную реформу теоріи догматики авторъ признаетъ необходимость произвести въ этой „области права" (какъ онъ называетъ теорію догматики) существенную реформу. Въ дѣйствительности программа Вѣстника въ области теоріи догма-

---

дѣятельности и науки законодательства—науки политики права, а достаточно перетолковыванія дѣйствующаго права сообразно съ появляющимися новыми интересами, „достойными защиты". Вѣдь модная юриспруденція видитъ свою истинную задачу въ такой спецификаціи дѣйствующихъ законовъ, чтобы получить изъ позитивнаго права иное „право", приспособленное такъ сказать ко вкусамъ новыхъ потребителей, напр., древнее римское право посредствомъ разныхъ соусовъ и ингредіентовъ приспособить ко вкусамъ и интересамъ современныхъ потребителей этого права. Когда эти современные вкусы и интересы въ будущемъ опять измѣнятся, то можно и нужно будетъ опять перетолковывать римское право на иной ладъ etc. etc. Такова въ существѣ дѣла была программа всѣхъ практическихъ школъ въ прошлыхъ вѣкахъ исторіи юриспруденціи, такова же и модная программа Ihering'a: durch das römische Recht über dasselbe hinaus. Поэтому мы считаемъ вовсе не случайнымъ явленіемъ, что практическая школа проспала такъ сказать вопросъ кодификаціи, забыла о его существованіи и была застигнута врасплохъ, внезапно и непріятно пробуждена лишь появленіемъ проекта новаго уложенія. Между тѣмъ какъ Савиньи и его современники оживленно обсуждали вопросъ кодификаціи гражданскаго права въ Германіи, въ частности программа Савиньи была разсчитана на подготовленіе кодификаціи (хотя онъ не указалъ правильнаго пріема подготовки къ этому великому дѣлу и не далъ достаточно широкой для этого программы), Іерингъ и его послѣдователи какъ бы забыли совсѣмъ, что юриспруденціи предстоитъ въ недалекомъ будущемъ совершить эту гигантскую, сложную и трудную работу. Ихъ программа основывалась на роковомъ игнорированіи наличности вопроса кодификаціи гражданскаго права и приближенія его рѣшенія. Пробужденіе было довольно болѣзненное и состояло въ неожиданномъ разгромѣ романизма, въ унизительномъ фіаско программы „durch das römische Recht". Въ прошломъ году программа Іеринга, которой авторъ ея по странному недоразумѣнію приписывалъ универсальное, вѣчное значеніе, довольно невѣжливо была сдана законодательнымъ порядкомъ въ архивъ историческихъ промаховъ. Но не исключена опасность, что этотъ историческій урокъ будетъ современемъ забытъ и что германская юриспруденція въ будущемъ составитъ себѣ аналогичную программу, въ которой только вмѣсто римскаго права будетъ фигурировать новое германское уложеніе. Не исключена опасность, что вмѣсто научной подготовки къ реформѣ и исправленію кодифицированнаго въ прошломъ году права, германская юриспруденція удовольствуется программой фальсификаціи этого права и поддѣлки его подъ измѣняющіеся вкусы и интересы. Какъ увидимъ ниже, уже есть симптомы зарожденія этой болѣзни" (ср. стр. 408—413).

тики есть программа реформы и дѣятельности, а не сохраненія простого statu quo и бездѣятельности. Она стремится проводить и пропагандировать болѣе правильные взгляды на существо, задачи и методъ догматики, нежели господствующіе взгляды, путемъ разъясненія связи чистоты юридическаго метода, въ частности послѣдовательности „юридической логики“ съ великимъ принципомъ и постулятомъ „правового государства“. Съ этой точки зрѣнія само существо и задачи юриспруденціи представляются въ существенно иномъ свѣтѣ, нежели тотъ, который распространенъ теперь, и который намъ представляется не свѣтомъ,а мракомъ, непониманіемъ существа и задачи догматики. Теперешніе взгляды на догматику страдаютъ тѣмъ кореннымъ, искажающимъ и затемняющимъ все существо дѣла, недостаткомъ, что, съ одной стороны, отсутствуетъ пониманіе истиннаго смысла и общественной и культурной миссіи догматики—быть стражемъ принципа правомѣрности и органомъ проведенія, развитія и укрѣпленія этого принципа въ государствѣ и обществѣ, искоренителемъ произвола и отступленія отъ закона со стороны исполнителей его—и, въ связи съ этимъ, отсутствуетъ пониманіе принципіальной цѣнности и важности проведенія правдиваго и безпристрастнаго толкованія источниковъ, послѣдовательности и чистоты „юридической логики“, конструктивной работы и т. д., а, напротивъ, видятъ въ этомъ какой то лишній формализмъ, непрактичность и т. п. Съ другой стороны, не понимая истинной задачи и смысла догматики, ей приписываютъ не свойственную ей и даже принципіально вредную, прямо противоположную дѣйствительной общественной и культурной миссіи ея, задачу сдѣлаться пособіемъ и средствомъ для оппортунистической политики со стороны тѣхъ, которые призваны примѣнять дѣйствующее право, а не проводить подъ маскою права ту политику, которая имъ нравится. Г. Нечаевъ между прочимъ, на стр. 337, воодушевившись по поводу „творчества“ школы Іеринга, пишетъ: „Естественно при этомъ условіи создается норма дѣятельности судьи, отклонающаяся отъ закона, но въ сущности его развивающая, а не искажающая. Во второмъ ряды исключеній изъ закона вслѣдствіе особенности отдѣльныхъ случаевъ могутъ настолько возрасти, что составятъ общее правило, а законные случаи будутъ исключеніями. Законъ снова измѣнится, но не къ своему ущербу и не вопреки волѣ законодателя“. Оставляя въ сторонѣ противорѣчивыя увѣренія на тему, что можно и большой капиталъ пріобрѣсти и невинность соблюсти, и даже отмѣтивъ выраженго

здѣсь желаніе все таки сохранить законъ безъ ущерба, несмотря на совѣтъ исполнителямъ упразднить его (впрочемъ, не совсѣмъ, а такъ, чтобы остались все таки нѣкоторые случаи его примѣненія), какъ признакъ нѣкотораго пониманія и хоть частичной уступки, мы можемъ воспользоваться приведеннымъ мудрымъ изреченіемъ, именно какъ нагляднымъ воплощеніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ reductio ad absurdum взглядовъ школы Іеринга на догматику. Въ случаѣ послѣдовательнаго проведенія этихъ взглядовъ на дѣлѣ дѣйствительно могъ бы получиться такой результатъ, что „законные случаи будутъ исключеніями", каковой результатъ, впрочемъ, достигается нѣкоторыми исполнителями закона при отсутствіи достаточныхъ гарантій принципа правомѣрности и безъ предварительнаго пребыванія въ „школѣ" не только Іеринга или великихъ его пророковъ, но даже и не столь великихъ, и не обучившихся въ „школѣ Іеринга" или недоучившихся коментаторовъ глоссаторовъ его.

Уже проведеніе и распространеніе правильныхъ общихъ взглядовъ на смыслъ и общественную и культурную задачу юриспруденціи, на значеніе „юридич. логики", конструкціи и т. д., требуетъ не косности и апатіи, а дѣятельной пропаганды, не исключая и борьбы, конечно, не противъ взглядовъ г. Нечаева или т. п., потому что при наличности только такихъ представителей, истолкователей и защитниковъ „школы" она бы сама себя давно дискредитировала, а противъ взглядовъ серіозныхъ сторонниковъ ея и достойныхъ противниковъ.

Но и проведеніе и разработка частныхъ послѣдствій и примѣненіе этихъ общихъ взглядовъ въ области теоріи догматики, въ частности и методологіи, представляютъ поле для полезной работы. Что касается герменевтики и конструкціи, то мы дѣйствительно полагаемъ, что „выработанные и освященные вѣками почтенной дѣятельности юриспруденціи" (прогр. стр. XXIV) методологическіе пріемы требуютъ не замѣны чѣмъ то инымъ, а сохраненія, и въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, что „никакихъ нововведеній, никакой замѣны прежняго способа построенія новымъ не требуется" (XXIV), но это, конечно, не исключаетъ дальнѣйшей разработки, развитія и улучшеній. Таковыхъ слѣдуетъ ожидать уже вслѣдствіе выясненія отношенія этихъ пріемовъ (напр., образованія понятій, regulae juris, примѣненія аналогіи) къ общественной и культурной задачѣ юриспруденціи. То, что выработалось инстинктивно и чисто эмпирически, безъ осмысленной теоріи или даже

вопреки поверхностнымъ и неправильнымъ взглядамъ, можетъ быть улучшено и развито сознательно-научною работою.

2. Второй упрекъ составителя противъ программной статьи Вѣстника заключается въ томъ, что въ ней не указаны заслуги науки права XIX столѣтія въ области разработки исторіи права („Огромная масса трудовъ по исторіи римскаго, а особенно по исторіи германскаго, французскаго и англійскаго права, по сравнительному правовѣдѣнію, иногда написанныхъ съ широко-философскою мыслью, могутъ быть достаточными свидѣтелями плодотворности ея работы", стр. 344). Въ этомъ умолчаніи составитель видитъ тѣмъ болѣе серіозный поводъ для обвиненія, что въ порицаемой имъ статьѣ онъ находитъ упоминаніе о новыхъ успѣхахъ въ области исторіи права [1]). Впрочемъ, далѣе этотъ упрекъ онъ

[1]) Выражено это въ статьѣ Журнала Министерства Юстиціи слѣд. образомъ: „Редакція „Вѣстника Права" молчитъ объ этихъ успѣхахъ юриспруденціи, хотя, повидимому, имѣетъ о нихъ нѣкоторыя свѣдѣнія. Въ своей программѣ дѣятельности юриспруденціи въ XX вѣкѣ редакція говоритъ, какъ мы видѣли, что"...(слѣдуетъ вторичная перепечатка замѣчаній статьи Вѣстника о томъ, что при воссозданіи политики права необходимо и возможно воспользоваться результатами „разныхъ отраслей наукъ, изучающихъ существо, дѣйствующія силы и фактическій ходъ общественной жизни и историческаго процесса", а равно успѣхами теоріи познанія и методологіи). Въ пользу составителя слѣдуетъ указать, что и здѣсь редакція имѣетъ въ виду и указываетъ вовсе не работы по исторіи разныхъ правъ, а такіе научные успѣхи, къ которымъ юриспруденція почти совсѣмъ не причастна, хотя редакція, конечно, имѣетъ „свѣдѣнія" о ходѣ и успѣхѣ историческихъ работъ юристовъ и при томъ совсѣмъ иныя свѣдѣнія, нежели составитель, который свое знаніе и пониманіе этого дѣла обнаруживаетъ разными краткими, но достаточными для оцѣнки замѣчаніями и намеками. Составитель не знаетъ и не понимаетъ, почему и какъ историческая школа опровергла воззрѣніе о сознательномъ цѣлевомъ происхожденіи права, каковое воззрѣніе ютится теперь только въ „школѣ Іеринга", а всѣми прочими „школами" и науками признается наивнымъ и несовмѣстимымъ съ теперешнимъ пониманіемъ историческаго процесса. Онъ сообщаетъ, что, напротивъ, Іерингъ опровергъ воззрѣніе истор. школы, стр. 348. По поводу замѣчаній Вѣстника объ экономическомъ матеріализмѣ составитель смѣло заявляетъ, что они не вѣрны, и хотя тутъ же признаетъ другими словами, что они вѣрны, тѣмъ не менѣе говоритъ о „близости" теоріи Іеринга и Меркеля къ экономическому матеріализму, о „подготовленіи почвы" ему и т. п. (стр. 348); на стр. 349 онъ говоритъ о „ранней исторіи германскаго права, выросшей въ новое время на идеяхъ Іеринга"; въ теоріи Іеринга видитъ онъ возвышенную теорію „роста самостоятельнаго этическаго начала" въ исторіи права; характерны также замѣчанія о сочетаніи философіи и исторіи и т. н. историко-философскомъ исправленіи; сюда относится, повидимому, и то, что Іерингъ считаетъ и называетъ „историко-философскимъ" пріемомъ, и сравнительное правовѣдѣніе, соціологія и т. п. вещи, къ которымъ Іерингъ не причастенъ, и даже программа Вѣстника (стр. 343, 347,

замѣняетъ другимъ, сроднымъ: „Мы, впрочемъ, понимаемъ происхожденіе этого недоразумѣнія. Редакція „Вѣстника Права", повидимому, не подозрѣваетъ возможности изученія права внѣ практическихъ задачъ, связанныхъ съ такимъ изученіемъ, т. е. задачъ реформы законодательства и примѣненія права въ судѣ. Отсюда она говоритъ только о догмѣ права и „наукѣ" [1]) политики права".

По поводу этихъ упрековъ возникаетъ дилемма: или состави-

ср. въ частности слова: „Вѣстникъ Права желаетъ обосновать свою „науку политики" на сочетаніи идей естественнаго права и историческихъ данныхъ, добытыхъ строго научными методическими пріемами, и не находитъ достаточно жесткихъ словъ, чтобы очернить философію Іеринга, построенную какъ разъ на этихъ базисахъ, какъ это видно изъ сдѣланной выше большой выдержки изъ сочиненія П. И. Новгородцева"). Взгляды составителя на заслуги Іеринга въ области исторіи, на т. н. „историко-философское" направленіе и на отношеніе къ нимъ Вѣстника объясняются отчасти непониманіемъ программы Вѣстника и пособій, а отчасти ошибками самихъ пособій, по нѣкоторыя утвержденія противопоставляемыя, какъ антитезъ взглядамъ Вѣстника, еще болѣе сомнительнаго происхожденія.

[1]) Ковычки употреблены здѣсь съ оттѣнкомъ нѣкоторой язвительности; составитель, слѣдуя неудачной терминологіи, принятой его авторитетными пособіями, названіе наука относитъ только къ наукамъ, изучающимъ законы явленій, во всякомъ случаѣ только къ теоретическимъ, а не практическимъ наукамъ. Мы считаемъ эту терминологію неудачной, не отвѣчающей ни исторически выработавшемуся понятію науки, ни духу языка, ни задачамъ научной терминологіи, которыя требуютъ одного термина для понятія систематическихъ и методическихъ дисциплинъ, посвященныхъ изученію опредѣленнаго круга проблемъ. Не понимая, что дѣло во всякомъ случаѣ сводится къ вопросу словоупотребленія, и смѣшивая этотъ терминологическій вопросъ и терминологическое обыкновеніе нѣкоторыхъ позитивистовъ съ вопросами и правилами логики, г. Нечаевъ далѣе замѣчаетъ: „Требованіе созданія „науки политики", грѣша противъ логики, противополагающей науку политикѣ, основано также и на невѣрномъ предположеніи возможности систематизированнаго знанія по отдѣльнымъ и общимъ вопросамъ „правосозданія", знанія, добытаго прямо въ интересахъ практическихъ". Здѣсь и въ главномъ предложеніи (въ подтвержденіе коего дальше перепечатываются авторитетныя выписки), какъ и въ придаточныхъ и почти всѣхъ другихъ главныхъ и придаточныхъ предложеніяхъ неумѣлаго и вмѣстѣ съ тѣмъ неправдиваго изложенія, заключается нѣсколько недостатковъ. Первый недостатокъ состоитъ въ отсутствіи точнаго и толковаго выраженія сообщаемой мысли. Имѣется въ виду сказать другое, а именно то общеизвѣстное положеніе, что выводы практическихъ наукъ должны имѣть въ своемъ основаніи теоретическія посылки (хотя бы онѣ, какъ часто бывало въ исторіи, и были собраны именно для цѣлей практической науки). Второй недостатокъ заключается въ неправдивости упрека; что неправильность его извѣстна составителю, видно изъ его же изложенія на стр. 344 и 345.

тель не понялъ темы поносимой имъ статьи, посвященной практической дѣятельности науки права на пользу человѣчества (въ пользу этого говоритъ проявляемая составителемъ въ другихъ мѣстахъ степень научнаго развитія въ связи съ отсутствіемъ заглавія надъ статьею Вѣстника; противъ этого говоритъ все существо и содержаніе статьи), или же, что гораздо хуже для него, онъ понялъ, о чемъ говорится въ статьѣ и почему тамъ не говорится спеціально о чисто научныхъ вопросахъ и задачахъ, независимыхъ отъ непосредственной общественной миссіи юриспруденціи. Въ пользу и субъективной неправдивости, неискренности упрека говоритъ то, что (независимо отъ указаній въ самой статьѣ Вѣстника на важность правильной теоріи права и необходимость критической ревизіи новыхъ теоретическихъ ученій) Вѣстникъ Права на первомъ мѣстѣ въ первой книгѣ, тотчасъ послѣ редакціонной статьи, помѣстилъ большую чисто теоретическую статью: „Что такое право?", что составитель упрекаетъ ее въ томъ, что она занимается чисто теоретическими разсужденіями, прибѣгаетъ къ примѣру договора съ діаволомъ и т. п., „забывая реальныя, житейскія, но великія задачи развитія русской юридической жизни" (стр. 350).

3. Дальнѣйшій упрекъ состоитъ въ томъ, что программа Вѣстника „производитъ реформу тамъ, гдѣ она уже произведена". Составитель имѣетъ въ виду ту часть программы Вѣстника, которая касается политики права, и находитъ, что требованія программы Вѣстника въ этомъ отношеніи уже осуществлены. Дальше онъ поясняетъ, что въ школѣ Іеринга требуемая реформа осуществлена даже на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ ее предлагаетъ обосновать Вѣстникъ, т. е. (по толкованію составителя) „на сочетаніи идей естественнаго права и историческихъ данныхъ, добытыхъ строго научными методическими пріемами". (Здѣсь составитель уже забываетъ, что прежде упрекалъ редакцію Вѣстника въ незнаніи необходимости теоретическихъ основаній для прикладной науки). Но статья Вѣстника именно и содержитъ полемику противъ той политики права, которая осуществляется въ „школѣ Іеринга" и которая состоитъ въ смѣшеніи задачъ и пріемовъ юриспруденціи и политики, въ искаженіи и того, и другого вслѣдствіе отсутствія ихъ идейнаго и практическаго раздѣленія. Поэтому то Вѣстникъ Права и говоритъ о необходимости возвратиться къ такому отношенію этихъ дисциплинъ, которое существовало въ эпоху школы естественнаго права, а ту реформу, ко-

торая „уже произведена“ считаетъ существеннымъ и весьма вреднымъ заблужденіемъ.

4. Наконецъ, послѣдній ударъ Вѣстнику и тріумфъ составителю заключается въ послѣднихъ словахъ статьи:

„Что въ самомъ дѣлѣ, кромѣ общихъ безсодержательныхъ фразъ представляетъ собою конкретная программа журнала, приведенная нами въ концѣ § 1 нашей статьи?“

Это дѣйствительно наиболѣе ловкій и эффектный ударъ, и не даромъ его г. Нечаевъ приберегъ къ концу статьи, хотя для помѣщенія его въ этомъ мѣстѣ пришлось прибѣгнуть къ искусственнымъ и даже нѣсколько комическимъ средствамъ прицѣпленія. Составитель здѣсь никакихъ толкованій и разсужденій отъ себя не помѣщаетъ, а приглашаетъ только читателя убѣдиться самому въ правильности его презрительнаго восклицанія, взглянувъ на „конкретную программу журнала“, „во избѣжаніе недоразумѣній“ помѣщенную въ подлинномъ видѣ, путемъ перепечатки подлинныхъ словъ Вѣстника въ концѣ § 1 его статьи. И дѣйствительно всякій читатель, не подозрѣвающій, конечно, возможности фальсификаціи при сообщеніи „подлиннаго“ документа на столбцахъ читаемаго имъ журнала, не можетъ не согласиться, что заключительное восклицаніе г. Нечаева въ самомъ дѣлѣ заслужено Вѣстникомъ: въ другихъ частяхъ статьи Вѣстника говорится въ общихъ выраженіяхъ о великихъ идеалахъ права и великихъ задачахъ политики права, а въ видѣ конкретной программы дѣятельности политики права въ XX вѣкѣ приводится рядъ указаній, касающихся формальной стороны права, формъ положительнаго права, закона и обычая, ясной редакціи законовъ, точнаго разграниченія установляемой компетенціи и т. д. Получается крайне компрометирующее программу Вѣстника впечатлѣніе, усугубляемое еще тѣмъ, что при перепечаткѣ подлинныхъ словъ „конкретной программы“ Вѣстника довольно удачно примѣнена политика пропусковъ, еще болѣе умаляющая удобопонимаемость, значеніе и содержательность перепечатываемыхъ подлинныхъ отрывковъ „конкретной программы“ Вѣстника. И мы увѣрены, что на дѣлѣ изъ всѣхъ средствъ, примѣненныхъ составителемъ статьи для дискредитированія Вѣстника, то, которымъ онъ воспользовался по отношенію къ „конкретной программѣ“, можетъ оказаться наиболѣе дѣйствительнымъ и успѣшнымъ. Ибо, что касается предыдущихъ частей изложенія, посвященныхъ критикѣ „абстрактной“ программы Вѣстника, то развѣ ужъ очень неразвитой и малообразованный читатель не съумѣетъ замѣтить разныхъ

натяжекъ, противорѣчій, нелогичностей и т. п. сомнительныхъ явленій, а прочитавшіе статью сознательно и критически должны будутъ себѣ сказать, что въ концѣ концовъ, допустивъ даже логическую и этическую правильность всего весьма длиннаго изложенія, касающагося „абстрактной" программы Вѣстника, эту программу приходится признать этимъ изложеніемъ совсѣмъ не поколебленною просто потому, что составитель предлагаетъ не критику этой программы, не контръ-аргументы, а повтореніе отвергаемыхъ и опровергаемыхъ Вѣстникомъ прежнихъ ходячихъ взглядовъ отчасти своими словами, отчасти же перепечатанными чужими словами прежнихъ сочиненій.

Между тѣмъ именно всякій интеллигентный и критически относящійся къ читаемому имъ читатель можетъ признать, что „конкретная программа", которую въ концѣ концовъ предлагаетъ Вѣстникъ какъ бы на смѣну предъидущихъ общихъ разсужденій, дѣйствительно сама по себѣ, какъ таковая, ниже всякой критики; къ тому же она не вяжется съ предыдущими общими разсужденіями и взглядами Вѣстника и находится по вѣсу и значенію своему внѣ всякаго соотвѣтствія съ ними. Тогда какъ въ главной части статьи составитель уподобляется повѣренному, который не можетъ найти и привести „опроверженій" противъ „возраженій", а ограничивается только жалобнымъ повтореніемъ содержанія искового прошенія,—здѣсь онъ выступаетъ въ побѣдоносной роли той процессуальной стороны, которой для уничтоженія противника и убѣжденія суда въ своей правотѣ достаточно показать отысканный ею подлинный документъ, написанный противною стороною. Здѣсь рѣшеніе процесса въ пользу примѣнившей такое оружіе стороны не можетъ подлежать никакому сомнѣнію,—развѣ бы былъ предъявленъ и обоснованъ споръ противъ подлинности документа.

Бываютъ такіе документы, въ которыхъ самъ текстъ вѣренъ, но допущено такое искаженіе только одного слова—подписи или надписи, что послѣдствія такого, повидимому, незначительнаго измѣненія оказываются весьма серіозными.

Въ случаѣ литературнаго нападенія, конечно, „спора о подлогѣ" документа не можетъ быть возбуждено, но литературную недопустимость примѣненнаго здѣсь пріема борьбы слѣдуетъ отмѣтить; „неточность" допущена здѣсь въ надписи. А именно успѣхъ заключительнаго удара, наносимаго Вѣстнику въ глазахъ читателей Журнала Министерства Юстиціи, былъ подготовленъ заранѣе (еще въ § 1) посредствомъ помѣщенія надъ упомянутыми до-

словно перепечатанными отрывками статьи Вѣстника слѣдующей надписи:

„Въ заключеніе редакція намѣчаетъ рядъ ближайшихъ практическихъ задачъ, которыя должна будетъ разрѣшить „наука политики права“ въ XX вѣкѣ. Онѣ слѣдующія“.

Вотъ эта надпись и есть неправдивое сообщеніе, лишающее подлинности весь документъ такъ же, какъ если бы путемъ перемѣны надписи, вмѣсто документа иного рода, получилось заемное письмо, духовное завѣщаніе и т. п. Дѣло въ томъ, что перепечатанные отрывки взяты не изъ „конкретной программы“, которую Вѣстникъ предлагаетъ наукѣ политики права на XX вѣкъ, а изъ указаній программной статьи Вѣстника, что для достиженія и соблюденія законности недостаточно, конечно, правильной постановки догматики, правдиваго толкованія источниковъ и чистоты юридическаго метода, а важны и разныя формальныя, а отчасти и матеріальныя свойства самихъ источниковъ, отсутствіе пробѣловъ, хорошая редакція законовъ, развитіе контроля, административной юстиціи, правильнаго разграниченія компетенціи между разными органами и т. п. Сдѣланы были эти замѣчанія, чтобы отразить возможный упрекъ въ томъ, будто Вѣстникъ правильную постановку догматики выставляетъ „какъ всеобщее и достаточное средство для устраненія противозаконій, для достиженія всеобщаго неуклоннаго соблюденія права и воспитанія правосознанія въ народѣ“ (стр. XXVII). Составитель только замѣнилъ эту надпись инымъ реферирующимъ сообщеніемъ отъ имени редакціи.

Таковы способы, посредствомъ которыхъ сдѣлано было покушеніе дискредитировать Вѣстникъ Права и, между прочимъ, возбудить неудовольствіе С.-Петербургскаго Юридическаго Общества противъ редакціи Вѣстника. Производить здѣсь общую оцѣнку этихъ „методовъ“, вообще помѣщать здѣсь какіе либо общіе выводы или объясненія мы считаемъ дѣломъ слишкомъ непріятнымъ. Поэтому отъ всякихъ общихъ сужденій о цѣляхъ и средствахъ произведеннаго на насъ незаслуженнаго нападенія мы воздерживаемся. Вмѣсто этого въ заключеніе отмѣтимъ только, что общій характеръ статьи пріобрѣтаетъ еще особый усугубляющій оттѣнокъ, вслѣдствіе упорнаго своеобразнаго привлеченія къ этому дѣлу имени Спб. Юридическаго Общества. Въ особенности усиливаетъ всѣ эти впечатлѣнія то, что напечатано на стр. 310 и 311: „Спб. Юридическое Общество само впало или, можетъ быть, случайно введено въ заблужденіе относительно существующихъ

направленій въ современной научной юриспруденціи и желаетъ вести своихъ читателей по пути, еще болѣе неопредѣленному, чѣмъ тотъ практическій, которому оно до сихъ поръ слѣдовало. Мы не хотимъ винить СПб. Юридическое Общество за ошибку..... Но въ то же время мы не можемъ остаться и равнодушнымъ читателемъ тѣхъ совершенно невѣрныхъ свѣдѣній о состояніи и задачахъ современной юриспруденціи, которыя подъ его авторитетомъ излагаются практическимъ юристамъ, не всегда имѣющимъ подъ руками провѣрочныя научныя данныя, и особенно учащейся юриспруденціи молодежи".

Эти замѣчанія вполнѣ соотвѣтствуютъ цѣли, характеру и прочему содержанію всей статьи, но, какъ и вся статья, мало соотвѣтствуютъ не только объективной правдѣ, но и требованіямъ субъективной литературной правдивости и искренности. Съ равнымъ основаніемъ мы бы могли говорить, что мы не обвиняемъ Министерства Юстиціи за то, что въ его журналѣ помѣщена такая статья, незаслуженно подрывающая репутацію другого юридическаго органа, вводитъ въ заблужденіе читателей и т. п.

Отвѣтственность за поносимую составителемъ статью Вѣстника лежитъ на редакціи журнала и только на ней. Она готова отвѣчать за эту статью, каждое слово которой viribus unitis было серіозно взвѣшено и обдумано съ полнымъ сознаніемъ нравственной и научной отвѣтственности предъ читателями и обществомъ. Только удовольствіе доставила бы намъ серіозная научная полемика въ особенности со стороны представителей школы Іеринга.

IX.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

1. Обвиненіе братьевъ Скитскихъ въ убійствѣ Комарова.

Слѣдя за лѣтописью уголовныхъ процессовъ послѣдняго времени, нельзя не замѣтить, что въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло возбуждаетъ общественный интересъ по особенностямъ ли самого преступленія, по положенію ли лицъ, обвиняемыхъ или потерпѣвшихъ,—часто возникаютъ непреодолимыя сомнѣнія, приговоры судовъ оказываются далеко не всегда успокаивающими общественную совѣсть, и что нерѣдко судебное разсмотрѣніе дѣла не даетъ того луча, который способенъ былъ бы освѣтить темную сферу даннаго преступленія. Часто остаются не вполнѣ выясненными либо вопросъ о самомъ событіи преступленія, либо вопросъ о дѣйствительной виновности или невиновности осужденныхъ или оправданныхъ.

Есть какое то больное мѣсто, или, быть можетъ, не одно, а нѣсколько, въ нашемъ уголовномъ процессѣ. Гдѣ отыскивать его,— въ условіяхъ ли объективныхъ, легальныхъ, т. е. въ несовершенствѣ закономъ установленной процедуры и гарантій отысканія истины, или въ условіяхъ субъективныхъ, касающихся не формъ судопроизводства, а лицъ производящихъ разслѣдованіе, слѣдствіе, направляющихъ и, руководящихъ слѣдствіемъ и, наконецъ, рѣшающихъ дѣло?

Несомнѣнно, что имѣются несовершенства и перваго рода. Но тѣ особенности новѣйшихъ, такъ называемыхъ, громкихъ процессовъ, о которыхъ мы заговорили, повидимому, коренятся не въ этихъ

несовершенствахъ. За послѣднее время (мы говоримъ о послѣднемъ десятилѣтіи) объективныя легальныя условія почти не измѣнились, а тѣмъ не менѣе указанныя особенности оказываются продуктомъ именно новѣйшаго времени. Измѣнились ли условія самого совершенія преступленій? Конечно,—да; разслѣдованіе, розысканіе виновныхъ стало несомнѣнно труднѣе; пути сообщенія, усовершенствованіе и осложненіе самой жизни, осложнили самый механизмъ преступной дѣятельности. Но было бы печально, если бы оказалось, что параллельно съ этимъ не усовершенствовались и способы розысканія и изслѣдованія со стороны органовъ власти.

Неужели всѣ тріумфы, одержанные фотографіею, антропометріею, судебною медициною, химіею, телефоны и телеграфы и т. д. и т. д.,—все это превзойдено преступниками, осталось назади сравнительно съ прогрессомъ, усвоеннымъ спеціально лицами, совершающими преступленія.

Нерозысканіе убійцы мальчика, убитаго среди бѣлаго дня на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ столицы, въ мѣняльной лавкѣ,—можно ли приписать такое явленіе только тому, что законъ о разслѣдованіи преступленій не совершененъ? И неужели какъ разъ здѣсь законъ оказывается непреодолимымъ препятствіемъ къ успѣшнымъ результатамъ усилій органовъ власти, долженствующихъ быть направленными на успокоеніе общества, естественно смущаемаго такимъ дерзкимъ преступленіемъ, и еще болѣе нерозысканіемъ преступника?

Между тѣмъ знакомство съ хроникою уголовнаго суда приводитъ къ серьезнымъ опасеніямъ,—не хитрѣе ли преступники, чѣмъ изслѣдователи преступленій и розыскиватели ихъ авторовъ, не оказываются ли тѣ органы, на которыхъ возложена обязанность открывать преступленія и ихъ совершителей, плохими развѣдчиками.

Тратятъ неимовѣрныя усилія для усовершенствованія условій дѣятельности суда въ смыслѣ улучшеній, или предполагаемыхъ улучшеній, въ законахъ о судопроизводствѣ и законахъ о преступленіяхъ и наказаніяхъ; не слѣдуетъ ли прежде всего употреблять такія же усилія на улучшеніе субъективныхъ условій дѣятелей; не слѣдуетъ ли хорошенько присмотрѣться къ тому, хороши ли наши слѣдователи, достаточно ли подготовлены руководители слѣдствій—представители прокурорской власти, и не лежитъ ли въ нихъ, а не въ законахъ, причина печальныхъ особенностей новѣйшихъ громкихъ процессовъ.

Достаточно указать на такіе процессы, какъ мултановское дѣло, убійство присяжнаго повѣреннаго Старосельскаго, и, наконецъ, дѣло братьевъ Скитскихъ,—что бы видѣть, что имѣется болѣзнь въ процессуальныхъ порядкахъ, примѣняемыхъ къ дѣламъ, гдѣ отсутствуетъ сознаніе подсудимаго, гдѣ нѣтъ очевидцевъ преступленія, гдѣ вообще возникаютъ серьезныя сомнѣнія съ самаго начала. Стоитъ дѣлу оказаться темнымъ, сложнымъ, и оно остается темнымъ до конца: ни предварительное слѣдствіе, ни судебное слѣдствіе, ни, наконецъ,—приговоръ не вносятъ свѣта въ мракъ, и дѣло остается такимъ же спорнымъ и сомнительнымъ, какимъ оно было раньше. Вмѣсто свѣта—въ дѣло вносится горячность, задоръ обвиненія или защиты,—задоръ доходящій до обжалованія приговоровъ со стороны защиты и опротестованія ихъ со стороны обвинительной власти по явно неосновательнымъ поводамъ, или если и по поводамъ, признаннымъ въ кассаціонной инстанціи основательными, то такимъ, устраненіе коихъ зависѣло и отъ самой обвинительной власти, если бы она отнеслась къ дѣлу спокойно и умѣло.

На крайне мрачныя размышленія по поводу указанныхъ особенностей новѣйшихъ процессовъ наводитъ дѣло братьевъ Скитскихъ,—дѣло, быть можетъ, безпримѣрное за послѣднее время. Этому дѣлу суждено было стать безпримѣрнымъ во всѣхъ стадіяхъ его производства и во всѣхъ отношеніяхъ. Самое преступленіе, составляющее предметъ обвиненія, поражаетъ своею загадочностью, и къ этой загадочности стала прибавляться съ каждымъ шагомъ, на который подвигалось изслѣдованіе и разсмотрѣніе его, все большая и большая странность и необычность въ подобныхъ случаяхъ способовъ его изслѣдованія.

I.

Молодой, дѣльный и строгій начальникъ Полтавской духовной консисторіи, секретарь ея, Комаровъ, въ одинъ прекрасный лѣтній день,—15 іюля 1897 г.—найденъ убитымъ неподалеку отъ его дачи, въ 4 верстахъ отъ города Полтавы, у дороги, по которой постоянно проѣзжаютъ въ городъ и изъ города. Убійство совершено среди бѣлаго дня; убитый имѣлъ при себѣ заряженный револьверъ, который найденъ не разряженнымъ въ лѣвомъ наружномъ карманѣ пиджака; похищенными оказались лишь дамскіе часы, бывшіе на убитомъ. Были ли у Комарова какія либо бумаги съ собою во время убійства, бралъ ли онъ какія нибудь бумаги

съ собою, уходя со службы изъ консисторіи, цѣлы ли всѣ консисторскія входящія бумаги—объ этомъ въ дѣлѣ не упоминается и, очевидно, осталось не изслѣдованнымъ. Послѣдній разъ до убійства видѣли Комарова въ 2 ч. 25 м. дня въ понедѣльникъ 14 іюля; трупъ его найденъ черезъ сутки, а судебный слѣдователь появился на мѣстѣ лишь черезъ день, т. е. въ среду утромъ. Неприбытіе Комарова на дачу къ обычному времени сразу обезпокоило жену его, которая почему то предположила болѣзнь, безчувственное состояніе, препровожденіе въ больницу; безпокойство ея сообщилось всѣмъ окружающимъ, и 15 іюля Полтавская консисторія представляла собою необычное явленіе,—занятія прекратились и всѣ чиновники обращены были на поиски своего исчезнувшаго главы. Надо думать, что консисторская служба не подготовила чиновниковъ къ полицейскимъ розыскамъ, и ихъ усилія почти до вечера не увѣнчались успѣхомъ,—только къ 5 час. дня обнаруженъ былъ трупъ. Но отправленіе на поиски оказалось на дѣлѣ особымъ какъ бы испытаніемъ, какъ бы судомъ Божіимъ, ибо уклоненіе отъ этого необычнаго для чиновниковъ консисторіи занятія со стороны братьевъ Степана и Петра Скитскихъ послужило первымъ поводомъ къ подозрѣнію, не они ли убійцы Комарова.

Отысканъ былъ трупъ не благодаря дѣятельному розыску чиновниковъ,—а о полиціи въ дѣлѣ до отысканія трупа нѣтъ свѣдѣній вовсе,—а благодаря болтливымъ сорокамъ, громко кричавшимъ, сидя на вѣткѣ дерева, подъ которымъ спалъ вѣчнымъ сномъ убитый Комаровъ.....

Оба Скитскіе—чиновники консисторіи; изъ нихъ—Степанъ занималъ должность казначея, а раньше столоначальника. Петръ Скитскій—типъ мелкаго консисторскаго чиновника, добродушнаго, безхарактернаго и горькаго пьяницы: и въ пивной, и подъ открытымъ южнымъ небомъ, и въ тѣни деревъ, у него одно занятіе—роспить бутылку; напивается до потери памяти и послѣ выпивки—чувствуетъ себя плохо, не помнитъ того, что происходило съ нимъ въ пьяномъ видѣ. Болѣзненности въ его приверженности къ алкоголю, однако, въ дѣлѣ не констатировано.

Прежде чѣмъ перейти къ подробностямъ дѣла нельзя не указать на то, что еще въ день похоронъ,—непосредственно за вскрытіемъ трупа,—16 іюля, преосвященный Иларіонъ, епископъ Полтавскій, на отпѣваніи произнесъ рѣчь, въ которой указывая на качества Комарова, между прочимъ сказалъ: [1].... „Но къ со-

[1]) Рѣчь, какъ вообще свѣдѣнія о разбирательствѣ дѣла въ г. Полтавѣ,

жалѣнію, исполненіе служебнаго долга не всѣми одинаково понимается. Строгое, но справедливое замѣчаніе въ душѣ испорченной и развращенной принимается за личное оскорбленіе и вызываетъ чувство злобы и мести. И вотъ, когда ты шелъ съ спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга и находился всего лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собственнаго крова, гдѣ ждалъ тебя твой другъ—супруга, рука злодѣя сразила тебя. Если бы ты зналъ это, то бы не спѣшилъ домой, но сторицею воздалъ бы своему врагу, чтобы успокоить его и спасти свою жизнь". Рѣчь архипастыря закончилась молитвою, „что правосудный Богъ откроетъ злодѣя".

Заключалось ли въ этихъ словахъ преосвященнаго владыки указаніе на зародившееся уже тогда у него подозрѣніе о тѣсной связи убійства съ строгими и справедливыми замѣчаніями по службѣ, исходившими отъ покойнаго Комарова, какъ начальника? Воздаяніе сторицей своему врагу, о которомъ упоминается въ рѣчи, заключаетъ ли въ себѣ намекъ на то, что убійство находится въ связи съ лишеніемъ награды по службѣ?

Показаніе Преосвященнаго имѣется въ дѣлѣ, оно касалось взаимныхъ отношеній Степана Скитскаго и Комарова—на почвѣ служебной; но мы не находимъ въ дѣлѣ указаній на то, что бы приведенныя слова архипастыря выяснены были. Скитскій много лѣтъ служилъ въ консисторіи; по службѣ ему приходилось часто имѣть сношеніе съ владыкой; характеръ его былъ хорошо знакомъ Преосвященному. Непосредственныя, хотя и неопредѣленныя впечатлѣнія имѣютъ большое значеніе, они иногда даютъ вѣрное указаніе для изслѣдованія; это инстинктивное чутье, предшествующее спокойному мыслительному процессу. И если приведенныя слова заключали въ себѣ намекъ, то они имѣютъ громадное значеніе для дѣла. Къ сожалѣнію, это не выяснено въ дѣлѣ; не выяснено также, какъ поняты были слова владыки, произнесенныя при столь скорбной обстановкѣ, окружающими и, между прочимъ, властями.

Результатомъ довольно продолжительнаго предварительнаго слѣдствія, производившагося подъ руководствомъ товарища прокурора Полтавскаго окружнаго суда г. Даниловскаго, были данныя, изложенныя въ обвинительномъ актѣ, коимъ братья Степанъ и Петръ Скитскіе преданы были суду Харьковской судебной па-

---

заимствована нами изъ отчета Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей (отд. изд. Полтава, 1899).

латы съ участіемъ сословныхъ представителей по обвиненію ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ ст. 1451 и 1453 улож. о нак.

Приводимъ дословно весь этотъ документъ.

Обвинительный актъ о коллежскомъ ассесорѣ Степанѣ Леонтьевѣ и канцелярскомъ служителѣ Петрѣ Леонтьевѣ Скитскихъ.

„15-го іюля 1897 года, около 8 часовъ вечера, судебному слѣдователю 3 участка Полтавскаго уѣзда мѣстный уѣздный исправникъ далъ знать, что въ 3-хъ верстахъ отъ города Полтавы, близъ дороги на деревню Терновщину, найденъ трупъ секретаря Полтавской духовной консисторіи Алексѣя Яковлевича Комарова съ признаками насильственной смерти. Отправившись на слѣдующій день на мѣсто происшествія, судебный слѣдователь обнаружилъ слѣдующее: трупъ Комарова лежалъ въ кустарникахъ близъ проѣзжей дороги отъ Полтавы на деревню Терновщину, въ полуверстѣ отъ послѣдней, гдѣ Комаровъ проживалъ на дачѣ профессора Склифасовскаго. Дорога эта послѣ выѣзда изъ Полтавы и спуска съ Колонійской горы до Терповщины на разстояніи двухъ верстъ пролегаетъ въ довольно глубокомъ яру, между склонами двухъ горъ, изъ которыхъ лѣвый, по направленію отъ города, чистый, а правый покрытъ отчасти лѣсомъ, отчасти кустарниками и небольшими полянками. Мѣстность эта глуха и безлюдна, особенно вторая половина дороги, прилегающей къ дачѣ и ведущей исключительно къ деревнѣ Терновщинѣ. На этой второй части дороги, почти на половинѣ пути, перекинутъ черезъ сухой и неглубокій яръ деревянный мостъ, отъ конца котораго вправо идетъ небольшой уступъ земли и дальше мѣстность покрыта кустарниками и деревьями. Трупъ Комарова найденъ близъ мостика, со стороны дачи вправо и вкось отъ дороги на разстояніи 22-хъ шаговъ отъ барьера, на небольшой площадкѣ, окруженной кустарниками и большими деревьями, такъ что проходящему по дорогѣ черезъ мостикъ трупа не видно. Отъ мостика и до мѣста, гдѣ лежалъ трупъ, на всемъ пространствѣ и возлѣ самого трупа на сухой твердой и покрытой травой землѣ—слѣдовъ борьбы не видно. Два деревца у ступней ногъ покойнаго и немного выше колѣнъ оказались пригнутыми и придавленными труномъ, а жилетъ и брюки на колѣняхъ выпачканы въ сыроватую и глинистую землю (почва земли), изъ чего при осмотрѣ сдѣлано заключеніе, что на это мѣсто трупъ былъ перетащенъ и его какъ-бы волокли по землѣ. По направленію отъ

мостика къ трупу въ 4-хъ шагахъ отъ конца барьера, почти на самой дорогѣ найдены были золотые разбитые очки покойнаго; въ пяти шагахъ отъ этого мѣста по направленію къ трупу оказался неизвѣстно кому принадлежащій суконный изношенный картузъ, а на два шага дальше по тому же направленію—бѣлая соломенная шляпа Комарова и его темный изломанный зонтикъ. Въ 4-хъ шагахъ отъ трупа немного выше, между большими кустами было усмотрѣно „вытолоченное" мѣсто, гдѣ, повидимому, сидѣли, поджидая жертву, два человѣка. Мѣсто это настолько удобно, что, сидя тамъ, свободно можно видѣть мостикъ и часть дороги на Полтаву; идущему же по дорогѣ черезъ мостикъ къ Терновщинѣ сидящихъ въ засадѣ не видно. На этомъ мѣстѣ найдены: два небольшихъ куска колбасы, оба съ одного конца надъѣденные, два куска объѣденной корки булки и откупоренная бутылка ($^1/_{40}$ ведра) съ небольшимъ количествомъ водки. Тутъ же, 15 іюля, по отысканіи трупа, Полтавскимъ полиціймейстеромъ былъ найденъ представленный судебному слѣдователю бумажный мѣшочекъ, въ какихъ обыкновенно изъ мелочныхъ лавочекъ отпускаютъ товаръ, на одномъ углу котораго напечатано: „М. Ф. управляющаго акцизными сборами Полтавской губерніи... дня 18... г. №... г. Полтава", а посрединѣ написано: „къ докладу по прибытіи г. ревизора фонъ-Винтергофа". Въ трехъ шагахъ отъ трупа лежало золотое пенснэ съ разбитымъ лѣвымъ стекломъ.

„Одѣтъ былъ покойный, поверхъ бѣлья, въ чечунчовый пиджакъ и такой-же жилетъ, суконныя темныя брюки и открытыя ботинки. Вся одежда была въ порядкѣ и нигдѣ не порвана. Въ лѣвомъ наружномъ карманѣ пиджака оказался шестизарядный револьверъ со всѣми шестью патронами, а въ правомъ — носовой платокъ и коробка шведскихъ спичекъ; во внутреннемъ боковомъ карманѣ пиджака найденъ кожанный портсигаръ съ измятыми и поломанными папиросами; въ правомъ карманѣ брюкъ найденъ кожаный кошелекъ съ ключами, а въ лѣвомъ—другой такой-же кошелекъ съ серебряною монетою на 1 р. 20 к. и двумя монетами по полъ коп. Подъ трупомъ была найдена другая коробка шведскихъ спичекъ въ серебряномъ футлярѣ. На указательномъ пальцѣ правой руки покойнаго надѣто золотое обручальное кольцо, а на мизинцѣ той же руки маленькое золотое колечко съ бирюзой.

„Только дамскіе золотые часы, бывшіе у Комарова, исчезли, но это можетъ быть объяснено тѣмъ, что часы кто нибудь, случайно проходившій вскорѣ послѣ убійства по дорогѣ черезъ мостикъ,

поднялъ, или-же они взяты злоумышленниками съ цѣлью придать убійству видъ грабежа.

„Трупъ лежалъ ницъ къ землѣ и тамъ, гдѣ приходилось лицо, земля была пропитана вытекшею изо рта и носа кровью, вслѣдствіе чего и лицо было выпачкано ею. На кожѣ лица, тыльной поверхности обѣихъ кистей рукъ и соотвѣтственно правой ключицы и плеча, оказались многочисленныя ссадины, безъ кровоподтековъ, которыя, по мнѣнію врача, произведены концами вѣтокъ кустарниковъ при перетаскиваніи трупа съ одного мѣста на другое. Ротъ раскрытъ и языкъ ущемленъ зубами. Вокругъ шеи три раза обмотана бечевка и свободные концы ея съ лѣвой стороны шеи завязаны двумя узлами. По снятіи бечевки съ шеи, длина ея оказалась въ 4 $^3/_4$ аршина; бечевка эта скручена руками вдвое изъ тонкой, но очень крѣпкой новой, или почти не бывшей въ употребленіи фабричной „шворки" (веревки). На кожѣ вокругъ шеи замѣтна блѣдная полоса, шириною около $^1/_2$ вершка, отъ находившейся на томъ мѣстѣ бечевки; полоса эта не вдавлена, между тѣмъ какъ бечевка была сильно углублена въ тѣло. Затѣмъ по наружному осмотру, кромѣ того, что на подбородкѣ и верхней части шеи подъ подбородкомъ кожица изъязвлена (стерта) отъ тренія о землю при переволакиваніи трупа на другое мѣсто, никакихъ другихъ поврежденій замѣчено не было.

„Производившій вскрытіе трупа Полтавскій уѣздный врачъ нашелъ у покойнаго переломъ 4 и 5 реберъ съ правой стороны груди прижизненнаго происхожденія и разорваніе плевры. Смерть Комарова, какъ заключилъ врачъ, на основаніи данныхъ, записанныхъ въ протоколѣ наружнаго осмотра трупа и внутренняго изслѣдованія слизистой оболочки гортани, дыхательнаго горла, гдѣ содержалось много пѣнистой кровянистой жидкости, и начала пищепріемника, послѣдовала отъ удавленія черезъ воспрепятствованіе доступа воздуха въ легкія сдавливаніемъ шеи веревкою. Въ виду отсутствія на трупѣ признаковъ самообороны, врачъ заключилъ, что въ совершеніи преступленія участвовало не одно лицо, а по всей вѣроятности два. Принявъ же во вниманіе всю обстановку, среди которой трупъ Комарова найденъ, нельзя не прійти къ убѣжденію, что убійство совершено не съ цѣлью грабежа, а изъ мести.

„Вслѣдъ за обнаруженіемъ преступленія, подозрѣніе въ лишеніи жизни Комарова пало на чиновниковъ Полтавской духовной консисторіи братьевъ Степана и Петра Скитскихъ, занимавшихъ: первый

должность казначея, а второй мѣсто канцелярскаго служителя. Отношенія Степана Скитскаго къ Комарову, поведеніе обоихъ братьевъ въ день происшествія и на слѣдующій день, объясненіе ихъ о мѣстонахожденіи въ моментъ совершенія преступленія, ихъ сбивчивыя и, во многихъ случаяхъ, неправдоподобныя показанія, а также и другія обстоятельства дѣла, обнаруженныя какъ дознаніемъ полиціи, такъ и предварительнымъ слѣдствіемъ, — привели судебнаго слѣдователя къ убѣжденію въ основательности возведеннаго на Скитскихъ подозрѣнія и дали поводъ привлечь ихъ къ дѣлу въ качествѣ обвиняемыхъ въ предумышленномъ убійствѣ.

„Покойный Комаровъ съ женою своею Надеждой и прислугой Анной Дубиной проживалъ на дачѣ въ дер. Терновщинѣ съ 26 апрѣля 1897 года, въ городской-же его квартирѣ, въ нижнемъ этажѣ зданія консисторіи, оставались мать и сестра его жены и прислуга Екатерина Дуленкова. Въ верхнемъ этажѣ, надъ квартирой Комарова, помѣщался Степанъ Скитскій, который съ послѣдней недѣли Великаго поста проживалъ въ ней одинъ. Обыкновенно въ 9 часовъ утра Комаровъ уходилъ на службу въ консисторію и возвращался на дачу въ обѣденную пору, къ 4-мъ часамъ. Для того чтобы пройти отъ консисторіи до дачи (4 версты), онъ употреблялъ $^3/_4$ часа, а иногда и 35 минутъ. Жена Комарова всегда выходила встрѣчать мужа, но, выйдя на встрѣчу къ нему въ урочный часъ 14 іюля, она его не встрѣтила; между тѣмъ служащіе на кирпичномъ заводѣ, устроенномъ на пути отъ Полтавы къ Терновщинѣ, водовозы Сила Кошевой и Евтихій Корацюпа, видѣли его шедшимъ изъ города по направленію къ дачѣ и приближающимся къ мостику. Придя въ Полтаву, въ свою городскую квартиру, Комарова узнала, что мужъ ея вышелъ изъ консисторіи въ обыкновенное время. На слѣдующій день, по распоряженію одного изъ членовъ консисторіи, многіе чины послѣдней отправились розыскивать своего секретаря и въ 5 часовъ вечера нашли его мертвымъ на указанномъ выше мѣстѣ. Время выхода Комарова изъ консисторіи показаніями свидѣтелей: Іосифа Котелевца, Владиміра Каменецкаго, Михаила Шиленка, Павла Горностаева, Ивана Лекторскаго, Андрея Леонова, Александра Никольскаго и Максима Вороницына—установлено точно: онъ вышелъ въ 25 минутъ 3-го часа дня. Свидѣтель Вороницынъ видѣлъ, какъ онъ, пройдя Архіерейскую улицу, повернулъ на Колонійскую—къ Колонійской горѣ.

„Итакъ несомнѣнно, что Комаровъ лишенъ жизни между 3-мъ

и 4-мъ часами дня. Гдѣ были въ это время братья Скитскіе— этого они никакъ доказать не могли.

„Степанъ Скитскій, явившись 14 іюля утромъ въ консисторію, скоро оттуда ушелъ, сказавъ при этомъ, что идетъ въ городъ по дѣламъ. И дѣйствительно, онъ заходилъ въ этотъ день въ разныя мѣста, но преимущественно ходилъ по Колонійской улицѣ, приближаясь къ выходу изъ города къ тому самому пути, по которому Комаровъ ушелъ на дачу. Такъ: на Колонійской улицѣ онъ былъ въ семинарскомъ дворѣ и, встрѣтившись тамъ съ діакономъ Мачуговскимъ, спрашивалъ у него дома-ли учитель семинаріи Конопатовъ; былъ онъ недолго въ женскомъ епархіальномъ училищѣ у діакона Михаила Дарагана, которому говорилъ, что ему нужно зайти къ Конопатову, и хотя Дараганъ сказалъ, что Конопатова нѣтъ дома, но онъ все-таки пошелъ въ его квартиру, во дворъ вдовы Елизаветы Мартыновой (противъ семинаріи), куда заходилъ около 2-хъ часовъ дня.

„Петръ Скитскій 14 іюля пришелъ въ консисторію въ 11 час. утра и ушелъ оттуда въ половинѣ перваго. Онъ жаловался своимъ товарищамъ на головную боль, говоря при этомъ, что наканунѣ сильно пьянствовалъ, но съ кѣмъ и гдѣ—не говорилъ. Куда онъ ушелъ изъ консисторіи и гдѣ былъ цѣлый день, на это, кромѣ его собственныхъ объясненій, никакихъ постороннихъ указаній въ дѣлѣ не имѣется. Возвратился онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ въ квартиру, какъ это видно изъ показаній швейцара Іосифа Котелевца и Татьяны Будаевской, въ 2 часа ночи.—15 іюля утромъ Степанъ Скитскій явился не надолго въ консисторію и, уходя, сказалъ, что идетъ на почту, но, какъ оказалось впослѣдствіи, онъ былъ въ разныхъ мѣстахъ и все въ противоположныхъ концахъ города. Между прочимъ, онъ, Степанъ Скитскій, въ началѣ шестого часа былъ въ монастырѣ и заходилъ къ іеромонахамъ Смарагду и Вонифатію (для передачи медалей Императора Александра III). У перваго просидѣлъ съ 1/4 часа, а у второго пробылъ долго и ушелъ отъ него въ 8 часовъ вечера. Къ іеромонаху Вонифатію въ это время пришелъ гробовщикъ Андрей Молчановъ и когда онъ заявилъ, что Комаровъ найденъ убитымъ, то Скитскій, обратясь къ хозяину какъ-бы удивлено, сказалъ „что онъ говоритъ?“ а Молчанова переспросилъ: „кто убитъ?“ и затѣмъ, сложивъ на груди руки и обратясь къ иконамъ, сталъ креститься. Іеромонаху Вонифатію показалось, что Скитскій въ это время былъ какъ-бы выпивши. Возвращаясь изъ монастыря въ городъ, Сте-

панъ Скитскій зашелъ въ винную лавку, расположенную на Монастырской ул., и когда сидѣлица Матильда Николаевна, знавшая уже объ отысканіи трупа Комарова, спросила у него, что это случилось у нихъ въ консисторіи, то онъ сказалъ, что ничего не случилось, а зачѣмъ, когда она сообщила ему, что Комаровъ найденъ убитымъ, онъ отвѣтилъ, что уже слышалъ объ этомъ въ монастырѣ. Прежде Скитскій никогда не заходилъ къ свидѣтельницѣ безъ дѣла, въ этотъ же разъ онъ зашелъ къ ней будто-бы съ тѣмъ, что-бы заказать мужу ея электрическую зажигательную машинку, стоющую очень дорого. Просидѣлъ онъ въ винной лавкѣ до 10 ч. вечара и, уходя, забылъ свой портфель, за которымъ впрочемъ скоро вернулся.

„16 іюля, въ 10 час. утра, Степанъ Скитскій заходилъ на нѣкоторое время въ консисторію и, встрѣтивъ тамъ члена консисторіи Мазанова, велъ себя очень странно: онъ былъ блѣденъ, взволнованъ и руки у него тряслись. Обращаясь къ Мазанову, Скитскій спросилъ, что значитъ, что его не пускаютъ въ консисторію развѣ онъ арестованъ? Мазановъ высказалъ удивленіе, что, его все нѣтъ дома, приказалъ ему никуда не отлучаться, такъ какъ послѣ погребенія Комарова онъ можетъ понадобиться архіерею, но Скитскій неизвѣстно куда скрылся и его не могли розыскать.

„Свидѣтель Терентій Шепитько (сторожъ консисторіи) удостовѣрилъ, что приставъ Червоненко три раза посылалъ его въ этотъ день въ квартиру Скитскаго узнать дома-ли онъ; свидѣтель стучалъ въ двери, но достучаться не могъ; въ 6 час. вечера приставъ со свидѣтелемъ самъ ходилъ въ квартиру Скитскаго, но также никого не дозвался и не достучался. Наконецъ въ 8-мъ часу вечера Скитскій явился въ канцелярію консисторіи и былъ арестованъ.

„15 іюля пришелъ въ консисторію и Петръ Скитскій; онъ былъ въ такомъ странномъ возбужденномъ состояніи, что обратилъ на себя вниманіе сослуживцевъ, хотя они объяснили такое его состояніе пьянствомъ наканунѣ.

„Въ это время уже было извѣстно, что Комаровъ куда-то исчезъ; многіе изъ чиновниковъ высказывали по этому поводу разныя предположенія, но Петръ Скитскій въ разговорѣ объ этомъ никакого участія не принималъ и держалъ себя такъ, какъ бы для него было все равнò, что-бы съ Комаровымъ ни случилось. Между прочимъ, нѣкоторымъ своимъ товарищамъ онъ расказывалъ, что,

выйдя наканунѣ изъ консисторіи, зашелъ въ пивную Брикера, гдѣ выпилъ три бутылки пива, а потомъ на Александровской улицѣ купилъ бутылку водки и выпилъ послѣднюю на улицѣ въ Корпусномъ саду, послѣ чего такъ опьянѣлъ, что съ нимъ сдѣлался какъ-бы ударъ. Въ садъ подошелъ его братъ Степанъ, который прикладывалъ къ головѣ его лопухъ, а затѣмъ повелъ его на рѣку Ворсклу, гдѣ они катались на лодкѣ и ловили раковъ. Однакоже, какъ оказалось потомъ, въ пивной Брикера хотя онъ и былъ 14 іюля, но не днемъ, а въ 8 часовъ утра, при чемъ дѣйствительно выпилъ двѣ бутылки пива; гдѣ-же онъ покупалъ водку, такъ и осталось неизвѣстнымъ.

„Когда чиновники консисторіи отправились розыскивать Комарова, то и Петръ Скитскій съ однимъ изъ сослуживцевъ—своимъ квартирнымъ хозяиномъ Алексѣемъ Головко, также пошелъ было на розыски, но вмѣсто того уговорилъ послѣдняго зайти въ Монастырскій лѣсъ, купивъ на дорогѣ водки и закуски. Въ лѣсу во время выпивки онъ завелъ рѣчь о томъ, какъ они провели съ братомъ вчерашній вечеръ, и между прочимъ говорилъ, что они были на Ворсклѣ и катались на лодкѣ, при чемъ, перемѣняя весла, онъ нечаянно ударилъ брата по рукѣ весломъ, отчего у него опухъ палецъ. Послѣ закуски Головко приглашалъ Скитскаго отправиться въ деревню Яковцы (по дорогѣ на Терновщину), чтобы узнать что-нибудь отъ товарищей, но онъ не пошелъ, а предложилъ вернуться въ консисторію. Идя туда, по дорогѣ они зашли въ будочку, гдѣ продается квасъ, и тамъ узнали, что Комаровъ найденъ мортвымъ, послѣ чего они пошли въ консисторію, и когда извѣстіе это подтвердилось, то Головко предложилъ Скитскому отправиться на мѣсто происшествія—посмотрѣть трупъ, но онъ и отъ этого отказался: тогда свидѣтель пошелъ туда съ другимъ товарищемъ, а вернувшись обратно, засталъ Скитскаго дома. Изъ показаній этого свидѣтеля, между прочимъ, видно, что Петръ Скитскій не возвращался домой съ 11 іюля. Въ среду, 16 іюля, уже послѣ того, какъ похоронная процессія съ тѣломъ Комарова прослѣдовала въ монастырь, чиновники Михаилъ Шиленко и Яковъ Гриценко, а съ ними и Петръ Скитскій, отправились на Ворсклу и, вернувшись къ вечеру въ городъ, всѣ вмѣстѣ зашли въ гостинницу „Марсель", куда подошелъ и свидѣтель Дмитрій Дорошенко. Когда зашелъ разговоръ о томъ, что Степана Скитскаго арестовали, то извѣстіе это такъ поразило Петра Скитскаго, что у него изъ рукъ выпала вилка, онъ сталъ просить пойти въ консисторію, чтобы

провѣрить этотъ слухъ, при чемъ страшно волновался. Затѣмъ онъ потребовалъ водки, и хотя самъ почти не пилъ, но выйдя изъ гостинницы, едва могъ идти, все спотыкался и, наконецъ, совершенно ослабѣлъ, такъ что Гриценко взялъ его въ свою квартиру на ночлегъ, гдѣ онъ всю ночь провелъ въ безпокойствѣ. На другой день арестовали и его, Петра Скитскаго, при чемъ во время допроса его приставомъ съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ.

„Въ полиціи было обращено вниманіе на то, что на рукахъ у обоихъ Скитскихъ было много царапинъ. Царапины на рукахъ у Петра Скитскаго и большую ссадину, заклеенную бумажкой или пластыремъ, на одномъ изъ пальцевъ правой руки у Степана Скитскаго замѣтилъ 15 іюля и чиновникъ консисторіи Федоръ Просяникъ. Степанъ Скитскій 16 іюля вечеромъ, а Петръ Скитскій 17 были освидѣтельствованы Полтавскимъ уѣзднымъ врачемъ, причемъ у перваго изъ нихъ оказались царапины на кожѣ тыла мизинца правой руки и на кожѣ тыла руки лѣвой. Такія-же царапины оказались и на рукахъ Петра Скитскаго. Поврежденія эти, произошли отъ тренія рукъ, конечно случайно, о незначительные предметы, напр. прутья древесныхъ вѣтвей, и пріобрѣтены первымъ не больше двухъ, а вторымъ не больше трехъ сутокъ назадъ. Независимо отъ этого, у Степана Скитскаго кисть лѣвой руки со стороны тыла большого пальца оказалась отечно припухшей, что, по мнѣнію врача, могло произойти какъ отъ удара по рукѣ необъемистымъ предметомъ, напримѣръ, кулакомъ, весломъ и т. п., такъ и отъ паденія на землю. Показаніями свидѣтелей Генриха Лангера, Якова Матвѣева, Кузьмы Кацюры, Гирша Воронеля и Дмитрія Ткаченка было установлено слѣдующее: Генрихъ Лангеръ найденные на мѣстѣ происшествія и предъявленные ему два куска колбасы призналъ издѣліемъ своего колбаснаго заведенія. Свидѣтели Яковъ Матвѣевъ и Кузьма Кацюра, служащіе въ колбасной Лангера, подтвердивъ показаніе своего хозяина, добавили: Матвѣевъ—что Степанъ Скитскій, котораго онъ хорошо знаетъ, 13 или 14 іюля заходилъ въ ихъ заведеніе и покупалъ колбасу, которую отпускалъ ему Кузьма Кацюра; этотъ послѣдній свидѣтель разъяснилъ, что 13 или 14 іюля днемъ Степанъ Скитскій, зайдя въ ихъ заведеніе, потребовалъ такъ называемой „московской“ колбасы, и когда свидѣтель отпустилъ ему одну, то Скитскій сказалъ, что одной будетъ мало, тогда онъ отпустилъ ему другую. Сколько было въ обѣихъ колбасахъ фунтовъ, свидѣтель не помнитъ, но одна изъ нихъ была длиннѣе и толще,

а другая короче и тоньше. Два куска колбасы, предъявленные ему при слѣдствіи, по размѣрамъ своимъ (толщинѣ) походятъ на тѣ колбасы, которыя свидѣтель продалъ Степану Скитскому. Кузьма Кацюра, по желанію Степана Скитскаго, былъ передопрошенъ въ его присутствіи, причемъ, какъ ни старался послѣдній убѣдить свидѣтеля, что онъ не покупалъ у него колбасы въ означенное время и что свидѣтель говоритъ неправду, однако-же Кацюра остался при своемъ показаніи. Гиршъ Воронель заявилъ, что Степана Скитскаго знаетъ хорошо, такъ какъ Скитскій забираетъ въ его лавочкѣ товаръ. Свидѣтель помнитъ, что 11 іюля Скитскому изъ его лавки была отпущена еврейская булка въ $5^1/_2$ фунтовъ и что предъявленные ему два куска отъ нижней корки булки имѣютъ полное сходство съ такою-же коркой булки, проданной имъ Скитскому. Относительно бумажнаго пакета (мѣшочка), найденнаго на мѣстѣ убійства, свидѣтель заявилъ, что онъ купилъ въ Полтавскомъ губернскомъ акцизномъ управленіи много разной бумаги, изъ которой и надѣлалъ мѣшочки для обертки товара. На нѣкоторыхъ бумагахъ имѣлись такіе же штемпеля, какой оказался на предъявленномъ ему мѣшочкѣ. Крестьянинъ Дмитрій Ткаченко (проживающій въ деревнѣ Яковцахъ, близъ Терновщины) показалъ, что 14 іюля, часа въ два дня, а можетъ быть и позже, онъ пасъ своихъ коровъ и, находясь на склонѣ горы, въ полуверстѣ отъ того мѣста, гдѣ на другой день найденъ былъ трупъ Комарова, видѣлъ послѣдняго идущимъ къ себѣ на дачу въ Терновщину. Черезъ полчаса или черезъ часъ послѣ прохода Комарова Ткаченко видѣлъ двухъ человѣкъ, направлявшихся отъ мѣста, гдѣ былъ убитъ Комаровъ, къ склону горы, гдѣ онъ, Ткаченко, сидѣлъ, но, замѣтивъ его, неизвѣстные вдругъ измѣнили направленіе и быстрыми шагами пошли въ лѣсъ Склифасовскаго, откуда можно перейти и въ Монастырскій лѣсъ, а затѣмъ и на Ворсклу. Прошли эти два человѣка шагахъ въ 100 отъ свидѣтеля и онъ хорошо замѣтилъ какъ одежду, въ которой они были, такъ и ростъ каждаго изъ нихъ и фигуру. Одинъ изъ нихъ, по словамъ Ткаченка, былъ въ темной одеждѣ, а другой въ свѣтлой и этотъ послѣдній былъ полнѣе перваго; одѣтый-же въ черное платье былъ выше ростомъ своего товарища; головы у этихъ людей были обмотаны чѣмъ-то бѣлымъ, почему лицъ ихъ Ткаченко разсмотрѣть не могъ. При предъявленіи свидѣтелю Степана и Петра Скитскихъ, одѣтыхъ въ ту самую одежду, которая была на нихъ весь день 14-го іюля, а именно первый въ парусинную форменную

пару, а второй—въ черную пиджачную, онъ призналъ ихъ по одеждѣ, сложенію и росту похожими на тѣхъ двухъ человѣкъ, которыхъ онъ при описанныхъ выше обстоятельствахъ 14-го іюля видѣлъ проходившими по склону горы въ лѣвѣ Склифасовскаго. Снятая съ шеи Комарова бечевка, по сличеніи ея въ раскрученномъ видѣ съ бечевками, отысканными въ казначейской, комнатѣ въ консисторіи, экспертами Кузьмою Жерновымъ и Иваномъ Федоровымъ, занимающимися продажею веревокъ, признана какъ по толщинѣ, такъ и по качеству матеріала, вполнѣ схожею.

„Во время производства предварительнаго слѣдствія чинами Полтавской полиціи былъ обнаруженъ владѣлецъ отысканнаго на мѣстѣ происшествія картуза. Это обстоятельство дало поводъ женѣ Степана Скитскаго Евдокіи бросить тѣнь подозрѣнія на одного изъ консисторскихъ сторожей Моисея Клименка, но подозрѣніе это при слѣдствіи совершенно устранено. Картузъ оказался принадлежащимъ извощику Якову Кондратко и нѣкоторое время дѣйствительно находился у Моисея Клименка; попалъ-же къ нему этотъ картузъ случайно при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ маѣ мѣсяцѣ 1897 г. Кондратко встрѣтилъ Клименка на базарѣ совершенно пьянымъ и, будучи съ нимъ хорошо знакомъ, взялъ его къ себѣ на квартиру, чтобы дать ему возможность протрезвиться. Когда-же Клименко не захотѣлъ остаться у него, то онъ, Кондратко, отвезъ его въ консисторію, причемъ далъ ему старый ненужный картузъ, такъ какъ Клименко, будучи пьянъ, свой картузъ потерялъ. Картузъ этотъ нѣкоторое время висѣлъ въ консисторской сторожкѣ на гвоздѣ, потомъ валялся на нарахъ и, наконецъ, неизвѣстно куда исчезъ. Означенная сторожка помѣщается въ верхнемъ этажѣ консисторіи, вблизи квартиры Степана Скитскаго. Слѣдствіемъ твердо установлено, что не только Клименко, но и другіе сторожа (Шепитько и Котелевецъ) въ день происшествія находились въ консисторіи,—первые двое до 4-хъ, а послѣдній до 6 часовъ дня, и такимъ образомъ картуза на мѣсто происшествія занести не могли.

„Причины, побудившія Скитскихъ совершить взведенное на нихъ преступленіе, были тѣ дурныя отношенія между Степаномъ Скитскимъ и Комаровымъ, возникшія исключительно на служебной почвѣ, о которыхъ удостовѣряютъ многіе свидѣтели.

„Изъ показаній членовъ консисторіи Петра Мазанова, Николая Уралова, Іоанна Галабутскаго, Николая Леонтовскаго, а также чиновниковъ Владиміра Каменецкаго, Павла Горностаева, Федора

Просяника, Федора Знайкова и Владиміра Богаевскаго, видно, что первое время по пріѣздѣ Комарова въ Полтаву отношенія его къ Степану Скитскому, занимавшему тогда должность столоначальника, были сносныя, но затѣмъ отношенія между ними измѣнились къ худшему, вслѣдствіе разныхъ со стороны послѣдняго упущеній. Комаровъ неоднократно дѣлалъ Скитскому замѣчанія въ присутствіи чиновъ консисторіи и иногда, какъ говорятъ свидѣтели, въ рѣзкой формѣ, но замѣчанія эти не достигали своей цѣли. Одно время отношенія между ними какъ бы улучшились и Степанъ Скитскій, съ согласія Комарова, перешелъ на должность казначея, послѣ чего и занялъ въ консисторіи казенную квартиру. Это было въ началѣ 1896 года.

„Въ декабрѣ 1896 года, а въ особенности въ январѣ 1897 года, въ служебныхъ отношеніяхъ этихъ двухъ лицъ опять произошла перемѣна къ худшему, что повлекло за собою нѣкоторыя для Скитскаго непріятности. Такъ, по иниціативѣ Комарова, Скитскій передъ праздникомъ Святой Пасхи былъ лишенъ наградныхъ денегъ, чѣмъ послѣдній былъ сильно возмущенъ и жаловался своимъ товарищамъ на несправедливость Комарова. Въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца Скитскому было выдано наградныхъ денегъ на нѣсколько рублей меньше, чѣмъ столоначальникамъ, и это окончательно озлобило его противъ Комарова. Отношенія ихъ обострились настолько, что Скитскій собирался жаловаться на Комарова оберъ-прокурору святѣйшаго синода или въ синодъ. Въ послѣднее время онъ, какъ говорятъ его товарищи, очень измѣнился, сдѣлался какимъ-то страннымъ; будучи прежде разговорчивымъ и веселымъ, сталъ задумчивымъ, скрытнымъ и сосредоточеннымъ. Въ концѣ концовъ Комаровъ, за нѣсколько дней до убійства, черезъ члена консисторіи Уралова, предложилъ Скитскому оставить должность казначея и перейти на прежнюю должность столоначальника.

„Хотя большая часть означенныхъ выше свидѣтелей въ показаніяхъ своихъ какъ бы стараются придать отношеніямъ Комарова къ Скитскому форму придирчивости перваго ко второму, называя Комарова человѣкомъ нервнымъ и раздражительнымъ, а Степана Скитскаго услужливымъ и покорнымъ, а въ тоже время и хитрымъ, но изъ осмотра памятныхъ книжекъ Комарова, взятыхъ въ консисторіи въ его кабинетѣ, видно, что Скитскій очень часто былъ неаккуратенъ и неисполнителенъ по службѣ, чѣмъ и вызвалъ справедливое къ себѣ недовольство Комарова и неоднократное

напоминаніе объ исполненіи имъ тѣхъ или другихъ служебныхъ обязанностей и порученій; Комаровъ не разъ говорилъ чиновникамъ Богацкому, Лекторскому и Никольскому, что Скитскій бѣгаетъ отъ дѣла.

„Характеризуя какъ личности Комарова и Степана Скитскаго, такъ и взаимныя ихъ отношенія, преосвященный Иларіонъ, епископъ Полтавскій и Переяславскій, показалъ, что Скитскаго знаетъ онъ съ 1884 г. и, по его мнѣнію, это былъ чиновникъ прежней консисторской заправки: способный, дѣловой, свѣдующій въ дѣлопроизводствѣ, ко всѣмъ привѣтливый, любезный и услужливый. При прежнихъ секретаряхъ онъ пользовался большимъ значеніемъ въ консисторіи и эти внѣшнія его качества „были полезны для него, но приносили вредъ службѣ".

„Въ 1894 г. на должность секретаря консисторіи поступилъ Алексѣй Яковлевичъ Комаровъ, человѣкъ съ академическимъ образованіемъ и, по отзыву преосвященнаго, высокочестный, энергичный и хорошо знакомый съ порядками и строемъ синодальной канцеляріи. Заставъ въ Полтавской консисторіи нежелательный порядокъ и направленіе, онъ сразу замѣтилъ, что Степанъ Скитскій пользуется своимъ служебнымъ положеніемъ во вредъ службѣ, и принялъ зависящія мѣры къ искорененію зла. Скитскій очутился въ положеніи зауряднаго чиновника, что подорвало его значеніе и авторитетъ въ консисторіи, съ чѣмъ, конечно, ему не легко было примириться, такъ какъ прежде онъ привыкъ себя считать значительнымъ лицомъ въ консисторіи, вслѣдствіе чего между нимъ и Комаровымъ возникли непріязненныя отношенія; но Комаровъ шелъ противъ традицій стараго времени твердо и съ энергіей. Впослѣдствіи отношенія между ними какъ бы улучшились, но въ 1897 г. они опять ухудшились. Въ февралѣ и мартѣ мѣсяцахъ Комаровъ докладывалъ преосвященному о разныхъ упущеніяхъ Скитскаго по службѣ. Передъ праздникомъ Святой Пасхи, по настоянію Комарова, Скитскій былъ лишенъ денежной награды, послѣ чего преосвященный призывалъ къ себѣ Скитскаго и убѣждалъ его объясниться съ Комаровымъ, выяснить существующія между ними недоразумѣнія, но цѣли своей онъ не достигъ и на слова, сказанныя имъ Скитскому: „ты камень носишь въ душѣ твоей противъ Комарова", получилъ отъ него дрожащимъ отъ волненія голосомъ отвѣтъ: „не могу, какъ вамъ угодно". Изъ этой бесѣды преосвященный убѣдился, какую сильную непріязнь Степанъ Скитскій питалъ къ Комарову. Изъ отношенія Полтавской

духовной консисторіи видно, что Комаровъ, на основаніи 283 ст. У. Д. К. изд. 1883 г., по отношенію къ Скитскимъ былъ начальникомъ, почему имъ и предъявлено обвиненіе по 1451 ст. улож. о наказ.

„Не признавая себя виновными, они на допросѣ у судебнаго слѣдователя дали слѣдующія объясненія: Степанъ Скитскій,—что, выйдя утромъ 14 іюля изъ консисторіи, онъ пошелъ сперва на почту, а затѣмъ на Колонійскую улицу, гдѣ заходилъ по дѣламъ въ женское духовное училище, семинарію и въ квартиру учителя Конопатова. Встрѣтивъ на этой улицѣ своего брата Петра сильно пьянымъ, онъ повелъ послѣдняго на рѣку Ворсклу съ тѣмъ, чтобы освѣжить его купаньемъ. Спустившись по землѣ Лазарева съ Колонійской горы и перейдя черезъ гору въ монастырскій лѣсъ, они дальше прошли по горѣ къ рѣкѣ. Шли они мимо монастырскаго тока, гдѣ ихъ, вѣроятно видѣли пастухи. На берегу Ворсклы братъ обвиняемаго Петръ легъ на землѣ и онъ прикладывалъ къ головѣ его компрессы, пока тотъ не заснулъ, послѣ чего обвиняемый нѣсколько разъ выкупался, а проснувшись и Петръ сталъ купаться. Въ 7 часовъ вечера они, черезъ деревню Кривохатки, пошли къ земской водокачкѣ, гдѣ наняли лодку и долго катались по рѣкѣ. На пути къ водокачкѣ за Кривохатками ихъ могли видѣть сторожа при куренѣ. Въ городъ вернулись они въ 12-мъ часу ночи и братъ Петръ остался у обвиняемаго ночевать. Утромъ на слѣдующій день обвиняемый узналъ объ исчезновеніи Комарова, а того-же дня вечеромъ, будучи въ монастырѣ, отъ гробовщика Молчанова услыхалъ, что Комаровъ за городомъ найденъ убитымъ. Относительно бечевки, снятой съ шеи Комарова, Степанъ Скитскій заявилъ, что такія бечевки имѣются въ консисторіи для упаковки казенныхъ тюковъ и въ его отдѣленіи, и у другихъ лицъ.

„Дальше обвиняемый говоритъ, что колбасы у Лангера онъ хотя и покупалъ, но всегда по одной; двухъ же колбасъ одновременно никогда у него не покупалъ. Царапины на рукахъ онъ, обвиняемый, причинилъ себѣ во время купанья и ловли раковъ, а опухоль пальца произошла отъ удара по рукѣ весломъ, нанесеннаго ему нечаянно братомъ Петромъ во время катанья на лодкѣ. Объ отношеніяхъ своихъ къ Комарову обвиняемый говоритъ, что онъ всегда старался исполнять свои служебныя обязанности какъ слѣдуетъ, но замѣчалъ, что Комаровъ питалъ къ нему нерасположеніе и притѣснялъ его.

„Другой обвиняемый показалъ,—что 13 іюля днемъ онъ съ чи-

новникомъ консисторіи Яковомъ Гриценкомъ „гулялъ", а придя вечеромъ къ брату ночевать, еще пилъ водку, вслѣдствіе чего у него на слѣдующій день болѣла голова, почему онъ и вышелъ изъ консисторіи раньше обыкновеннаго. Зайдя въ гостинницу „Марсель", онъ выпилъ тамъ двѣ бутылки пива, а потомъ на Александровской улицѣ въ винной лавкѣ № 1 купилъ бутылку водки, которую и выпилъ въ Корпусномъ саду, послѣ чего такъ опьянѣлъ, что не помнитъ, какъ съ братомъ и на Ворсклу попалъ. Прійдя въ себя онъ въ 6-мъ часу вечера купался въ Ворсклѣ съ братомъ, потомъ они катались на лодкѣ, и въ 12-мъ часу ночи вернулись въ городъ въ квартиру брата.

„Однако слѣдствіемъ установлено: а) что пастухи Корнилій Бѣлизный, Семенъ Яковенко, Алексѣй и Павелъ Панченко, пасшіе 14 іюля скотъ возлѣ монастырскаго тока, и сторожа при куренѣ Крыницкаго за деревней Кривохатками Прокофій Зирка, Антонъ Пидрига и Николай Марченко не видѣли, чтобы Скитскіе означеннаго числа проходили вблизи ихъ; б) приставъ Червоненко удостовѣрилъ, что отъ Колонійской горы къ рѣкѣ Ворсклѣ есть ближайшій и болѣе удобный путь, чѣмъ тотъ, по которому, какъ увѣряютъ Скитскіе, они шли, и находитъ невозможнымъ, чтобы Скитскіе, изъ которыхъ Петръ былъ сильно пьянъ, могли перейти черезъ монастырскую гору, черезъ которую онъ, свидѣтель, разыскивая однажды бѣжавшаго арестанта, едва могъ перейти при помощи трехъ постороннихъ лицъ, и в) свидѣтель Митрофанъ Кононенко заявилъ, что, возвращаясь 14 іюля въ половинѣ восьмого часа вечера съ купанья, онъ встрѣтилъ за деревнею Кривохатками Скитскихъ и, по его мнѣнію, они шли не съ того мѣста на рѣкѣ Ворсклѣ, гдѣ они, по ихъ словамъ, купались, а съ противоположной стороны и скорѣе съ монастырскаго лѣса.

„Такимъ образомъ объясненія обвиняемыхъ не нашли въ главныхъ чертахъ подтвержденія. Равнымъ образомъ и заявленное женою Степана Скитскаго Евдокіей подозрѣніе въ возможности совершенія убійства Комарова другими лицами—ни въ чемъ на слѣдствіи не нашло себѣ подтвержденія.

„На основаніи изложеннаго, Степанъ Леонтьевъ Скитскій, 42 лѣтъ, и Петръ Леонтьевъ Скитскій, 30 лѣтъ, обвиняются въ томъ, что, состоя на службѣ въ Полтавской духовной консисторіи, первый въ должности казначея, а второй канцелярскимъ служителемъ, и находясь въ непосредственномъ подчиненіи у секретаря консисторіи Алексѣя Яковлева Комарова, они изъ мести къ нему, вслѣдствіе

непріязненныхъ отношеній, возникшихъ исключительно на служебной почвѣ, согласились лишить послѣдняго жизни, съ каковою цѣлью 14 іюля 1897 года, между 3 и 4 часами пополудни, отправились въ лѣсъ, расположенный вблизи деревни Терновщины, въ 4-хъ верстахъ отъ города Полтавы, мимо котораго Комаровъ обыкновенно проходилъ къ себѣ на дачу, скрылись въ засадѣ и, когда Комаровъ приближался къ дачѣ, напали на него и, накинувъ на шею его бичевку, удавили, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1451 и 1453 ст. ст. улож. о наказ.

„Вслѣдствіе этого и на основаніи 201 ст. уст. уголов. судопр., они, Степанъ и Петръ Скитскіе, подлежатъ суду Харьковской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей".

II.

Остановимся на нѣкоторое время на этомъ документѣ.

Обвинительный актъ обыкновенно представляетъ собою конденсацію всего того обвинительнаго, уличающаго матеріала, который добытъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Мы почти не знаемъ примѣра, что бы судебное слѣдствіе обнаружило болѣе матеріала въ пользу обвиненія противъ даннаго подсудимаго, чѣмъ заключается въ обвинительномъ актѣ. Напротивъ того, сплошь и рядомъ данныя обвинительнаго акта оказываются въ значительной степени ослабленными провѣркою ихъ на судѣ. Нерѣдко оказывается, что показаніе записано слѣдователемъ не совсѣмъ точно, что тонъ показанія иной, что защитою добыть новыя данныя оправданія и т. д. Но допустимъ, что все занесенное въ обвинительномъ актѣ по дѣлу Скитскихъ нисколько не ослаблено было на судебномъ слѣдствіи, что все пунктуально подтвердилось,—и относительно время препровожденія обоихъ Скитскихъ въ день убійства, и относительно страннаго ихъ поведенія въ слѣдующіе дни, и даже относительно двухъ колбасъ, одной толще, а другой потоньше, купленныхъ у Лангера, и относительно корки хлѣба, будто пріобрѣтенной у лавочника Воронеля. Что же даетъ во всемъ, допустимъ, точно установленный этотъ матеріалъ?

Оказывается, трупъ обнаруженъ въ 5 ч. дня во вторникъ 15 іюля, а судебному слѣдователю дано знать объ этомъ мѣстнымъ уѣзднымъ исправникомъ около 8 ч. вечера. Слѣдователь, несмотря на то, что убійства при такой загадочной обстановкѣ въ Полтавѣ, насколько извѣстно, случаются не каждый мѣсяцъ,—не

торопится прибыть на мѣсто происшествія и принять немедленно мѣры обезпеченія отъ сокрытія слѣдовъ преступленія,—а лишь на слѣдующій день (не сказано даже, въ которомъ часу,—едва ли поэтому въ 4 ч. утра, напримѣръ) онъ „обнаружилъ слѣдующее“. Надо замѣтить, что въ Полтавѣ въ 8 ч. вечера въ іюлѣ еще совершенно свѣтло, что въ три часа утра уже полный день. При такой неторопливости въ отношеніи храненія матеріальныхъ слѣдовъ преступленія обнаруживается, однако, какая то близорукая торопливость при арестованіи обоихъ Скитскихъ,—уже въ четвергъ вечеромъ Степанъ арестованъ, а подлежалъ аресту съ утра, но его не нашли. Какая была опасность отъ того, что онъ остался бы на свободѣ и за его непринужденными дѣйствіями возможно было бы нѣкоторое время слѣдить,—трудно понять. Между тѣмъ оставленіе его на свободѣ при надлежащимъ за нимъ надзорѣ, быть можетъ, дало бы еще болѣе цѣнный матеріалъ, чѣмъ то, что онъ 15 іюля „явился не надолго въ консисторію, уходя сказалъ, что идетъ на почту, но какъ оказалось впослѣдствіи, былъ въ разныхъ мѣстахъ и все въ противуположныхъ концахъ города“, былъ въ монастырѣ, передавалъ медали и мирно бесѣдовалъ съ отцами монахами, и даже заходилъ въ винную лавку для продолжительной бесѣды (съ 8 до 10 ч. вечера) съ сидѣлицей. Быть можетъ, пока Скитскій гулялъ бы на свободѣ полиціи и слѣдственной власти удалось бы обнаружить, куда дѣлись дамскіе часы,похищенные у Комарова, о которыхъ въ обвинительномъ актѣ ни словомъ, послѣ констатированія похищенія ихъ, не упоминается болѣе... Во время ареста Степана Скитскаго еще уличающая сила надъѣденныхъ съ одного конца колбасъ и корки булки не обнаружена была, путанныя объясненія его насчетъ того, какъ онъ провелъ время между 2—3 часами дня 14 іюля, не имѣлись въ виду, увѣренности или хотя бы приблизительной увѣренности въ томъ, что убійцами были братья Скитскіе не могло быть. Къ чему же было торопиться его арестомъ, къ чему было съ первой же минуты лишить слѣдственную власть возможности изъ дальнѣйшаго поведенія Скитскихъ дѣлать болѣе подкрѣпленные доводы и основанія къ подозрѣнію. Мы отмѣчаемъ это обстоятельство потому, что во многихъ, если не въ большинствѣ, случаяхъ такая поспѣшность принятія, при данномъ положеніи дѣла, совершенно ненужныхъ мѣръ обезпеченія, какъ заключеніе подозрѣваемаго,—вмѣсто того, чтобы содѣйствовать раскрытію дѣла, только мѣшаетъ ему, и имѣетъ своимъ источни-

комъ совершенное неумѣніе спокойно, объективно относиться къ добываемымъ слѣдствіемъ даннымъ, неумѣніе быть хотя бы нѣкоторое время объективнымъ наблюдателемъ, безалаберное отношеніе къ свободѣ личности, подвергаемой лишенію свободы по первой мысли о подозрѣніи, по первой отдаленной косвенной уликѣ, а быть можетъ и въ непростительномъ и легкомысленномъ желаніи скорѣе дойти до конечной точки—обнаруженія преступника, скорѣе добраться до того момента слѣдствія, когда вмѣстѣ съ арестомъ подозрѣваемаго, можетъ появиться мнѣніе объ энергіи полиціи или слѣдственной власти.

Съ момента задержанія—на мѣсто изслѣдованія о преступленіи, слѣдствіе неминуемо превращается въ изслѣдованіи о предполагаемомъ преступникѣ, а задержанномъ. Вмѣсто объективныхъ данныхъ, касающихся преступленія, слѣдствіе, одѣвъ на себя шоры, препятствующія глядѣть по сторонамъ, направляется прямолинейно на выслѣживаніе того, что касается содержащагося въ заключеніи, и если, не дай Богъ, первое впечатлѣніе полицейскаго или слѣдственнаго органа неправильно,—преступленіе остается неизслѣдованнымъ и уничтожается всякая возможность потомъ пойти по болѣе вѣрному пути.... Мѣра предупрежденія сокрытія слѣдовъ преступленія или уклоненія отъ слѣдствія превращается въ самое надежное средство именно сокрытія преступленія или преступника....

Къ несчастію, эта ошибка повторяется нерѣдко. Слѣдственная власть недостаточно проникнута сознаніемъ того, что задержаніе заподозрѣннаго—не обязанность и не безусловная необходимость, а напротивъ того, только право, въ случаѣ необходимости; что надо различать задержаніе во избѣжаніе сокрытія слѣдовъ преступленія (Collusionshaft), и заключеніе обвиняемаго подъ стражу въ видѣ обезпеченія явки къ слѣдствію и суду; что случаи необходимости примѣненія перваго и второго практически почти противоположны. Была ли опасность, что Скитскіе укроются отъ слѣдствія и суда, послѣ того какъ они два дня держали себя, какъ заявляется въ обвинительномъ актѣ, подозрительно, была ли опасность, что они скроютъ слѣды преступленія,—изъ обстоятельствъ дѣла не видно, или вѣрнѣе видно, что ни той, ни другой опасности не было. Казалось бы, что скорѣе можно было бы дойти, исходя изъ недоѣденныхъ колбасъ, до истины, если бы Кацюрѣ и другимъ причастнымъ къ колбасному эпизоду свидѣтелямъ, предложенъ былъ вопросъ—кто покупалъ у васъ двѣ колбасы разомъ, вмѣсто

вопроса,—не покупалъ ли Скитскій двѣ колбасы; и если бы вмѣсто экспертизы веревки, на предметъ выясненія того, не есть ли эта веревка какъ разъ такая, которая имѣлась въ распоряженіи Скитскаго въ консисторіи, и по винѣ Скитскаго употреблена, вмѣсто перевязки консисторскихъ дѣлъ, на удавленіе вершителя ихъ, полиція или слѣдователь догадались обойти полтавскія лавки, гдѣ продаются веревки (а этихъ лавокъ въ Полтавѣ, вѣроятно, меньше сотни),—и разспросить, кто покупалъ веревку (она была новая вѣдь), и, наконецъ, если бы вмѣсто выясненія прежде всего, куда дѣлись $^1/_2$ часа времени Скитскаго въ день 14 іюля, полиція и слѣдствіе направили свои усилія на то, куда дѣлись золотые дамскіе часы, купленные (какъ выяснилось на судебномъ слѣдствіи) въ Штутгартѣ. Быть можетъ, всѣ эти обстоятельства выяснились бы въ томъ смыслѣ, что противъ Скитскихъ обнаружены были бы серьезныя улики или даже доказательства, и общественная совѣсть была бы успокоена, не возникалъ бы мучительный вопросъ, нѣтъ ли судебной ошибки и одного лишь печальнаго недоразумѣнія во всемъ этомъ безпримѣрномъ дѣлѣ.

Слѣдователь поторопился заключить Скитскихъ подъ стражу, и вотъ посмотрите, что обнаружено долгимъ, вѣроятно и усерднымъ—по такому громкому дѣлу—слѣдствіемъ. Обнаружено, что Скитскій—одинъ только Степанъ—былъ не въ ладахъ съ Комаровымъ и несомнѣнно имѣлъ противъ него злобное чувство. По выраженію владыки—носилъ камень въ душѣ своей. Скажемъ тутъ же, въ глазахъ архипастыря—камень въ душѣ едва ли могъ бы быть отожествляемъ съ веревкой въ карманѣ; что камнемъ этимъ, очевидно былъ тотъ проектъ бумаги, которою въ видѣ жалобы Св. Синоду Скитскій имѣлъ въ виду поразить Комарова. Обнаружено, что было, по крайней мѣрѣ, двое убійцъ, бывшихъ въ засадѣ; обнаружено, что Скитскіе въ день убійства предавались обыкновеннымъ занятіямъ—Степанъ бѣготнѣ по дѣламъ службы, а Петръ—обычному пьянству; трудно сказать, что еще обнаружено слѣдствіемъ, ибо колбаса, корка, картузъ, шапка, веревка—все это найдено при осмотрѣ, а не обнаружено слѣдствіемъ. За этими положительными данными—весь обвинительный актъ содержитъ въ себѣ данныя относительно того, что не обнаружено, или что вовсе не обнаруживалось.

Повторяемъ еще разъ, не обнаруживалось, куда дѣлись дамскіе часы, похищенные у Комарова; не обнаружено и, повидимому, не было сдѣлано попытокъ обнаружить, съ какого времени и для

какой цѣли пріобрѣтенъ и носимъ былъ Камаровымъ револьверъ. При разсмотрѣніи дѣла еще въ первый разъ, въ Полтавѣ, вдова Комарова заявила, что револьверъ купленъ былъ за нѣсколько дней до смерти „и носилъ его отъ собакъ, которыя водились въ окрестностяхъ". Нѣтъ основанія сомнѣваться въ томъ, что свидѣтельница даетъ искреннее показаніе, но гдѣ матеріалъ для провѣрки того, не введена ли она въ заблужденіе, насчетъ истинной цѣли покупки револьвера. Револьверъ въ Полтавѣ— явленіе не столь обычное; собаки же, напротивъ того, какъ вообще въ провинціальныхъ губернскихъ городахъ, явленіе весьма обычное, и поэтому объясненіе, что револьверъ понадобился и носимъ былъ Комаровымъ „отъ собакъ"—нѣсколько легкомысленное. Далѣе затѣмъ въ обвинительномъ актѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія на то, съ кѣмъ встрѣчался, какими спеціально дѣлами занимался Комаровъ въ послѣднее время, и съ какими внѣшними событіями совпадаетъ пріобрѣтеніе револьвера секретаремъ консисторіи. Весь обвинительный актъ построенъ на служебной, если такъ можно выразиться, почвѣ, будто несомнѣнно съ самаго начала, что только на этой, а не на какой либо иной, *возможно* было преступленіе. Независимо того, что это основное положеніе „не обнаружено", а только констатируется обвинительнымъ актомъ, даже на этой узкой, почвѣ, не выяснено, не сталкивался ли Комаровъ съ другими подчиненными ему лицами, кто они такіе, гдѣ они и не подходятъ ли они по своему характеру болѣе къ типу убійцъ, чѣмъ заподозрѣнные и съ первой же минуты заключенные подъ стражу Скитскіе. Между тѣмъ изъ судебнаго слѣдствія обнаруживается, что чистка старыхъ порядковъ консисторіи, предпринятая Комаровымъ, какъ начальникомъ ея канцеляріи, выразилась не только въ вывѣшиваніи объявленія о недопущеніи въ канцелярію постороннихъ лицъ, изъ каковаго запрета не изъяты были даже отцы благочинные, и не только въ перемѣщеніи Степана Скитскаго съ должности столоначальника на должность казначея (лучшую, такъ какъ казначею полагается казенная квартира), въ лишеніи его къ пасхѣ награды, но и въ увольненіи отъ службы около 40 лицъ, бывшихъ на службѣ въ консисторіи. Гдѣ они, кто они—это можно было бы выяснить при предварительномъ слѣдствіи, но совершенно невозможно—при судебномъ слѣдствій.

Возлѣ трупа найдены подальше отъ него и ближе къ мостику разбитыя очки Комарова, а въ трехъ шагахъ отъ трупа найдено

золотое пенсне съ разбитымъ лѣвымъ стекломъ; что это за пенсне? Носили ли Комаровъ и очки и пенсне? Судя по тому, что пенсне оказалось разбитымъ и не въ карманѣ, а возлѣ трупа, надо думать, что оно было сверху, надѣто—или на убитомъ или на убійцѣ. Носили ли Скитскіе золотое пенсне? Казалось бы, что розыски о пенсне заслуживали такого же вниманія, какъ и розыски о мѣшкѣ изъ старой канцелярской, акцизной бумаги.

Протоколъ вскрытія трупа—также соотвѣтствуетъ полнотѣ изслѣдованія, изображеннаго въ обвинительномъ актѣ. „Смерть послѣдовала отъ удавленія черезъ воспрепятствованіе доступа воздуха въ легкія сдавленіемъ шеи веревкою". Полно здѣсь лишь то, что врачъ, производившій вскрытіе не полагался на одно слово удавленіе и пояснилъ, что оно обозначаетъ. Но тотъ же осмотръ обнаружилъ разорваніе плевры при переломѣ 4 и 5 реберъ прижизненнаго происхожденія. Неясно—разорвана ли плевра также прижизненно, и если да, то смертельно ли это поврежденіе и какое оно имѣетъ отношеніе къ количеству пѣнистой кровяной жидкости, найденной въ дыхательномъ горлѣ. Изъ обвинительнаго акта видно, что предъ совершеніемъ преступленія закусывалось и выписывалось. Не вся водка изъ найденной бутылки оказалась выпитой. Что, кажется, естественнѣе изслѣдовать, дабы имѣть точное представленіе о времени смерти Камарова, изслѣдовать при вскрытіи состояніе и содержаніе желудка. Когда принималъ Комаровъ въ послѣдній разъ пищу? Чѣмъ исключается возможность того, что изъ колбасы, булки и водки, что либо найдено было бы въ желудкѣ Камарова. О знаменитой, всегда красующейся при изслѣдованіяхъ удавленія, бороздѣ, о цвѣтѣ ея, формѣ и т. д. въ обвинительномъ актѣ упомянута лишь указаніемъ на то, что „на кожѣ вокругъ шеи замѣтна блѣдная полоса, шириною около ½ вершка, отъ находившейся на томъ мѣстѣ бечевки (а она была 3 раза обмотана); полоса эта *не вдавлена*, *между тѣмъ какъ бечевка была сильно углублена въ тѣло*".

Какъ объяснить, что смерть произошла отъ удавленія веревкою, а между тѣмъ бечевку успѣли три раза обмотать, борозда блѣдная, хотя веревка углублена,—вѣдь это противорѣчитъ самымъ элементарнымъ понятіямъ судебной медицины.

Обвинительный актъ на основаніи простого разсчета,—исходя изъ момента выхода Камарова изъ консисторіи и доходя до времени отправленія Камаровой на встрѣчу мужу,—констатируетъ съ несомнѣнностью, что „Комаровъ лишенъ жизни между 3 и 4 ча-

сами дня". Почему такая несомнѣнность? Казалось бы, напротивъ того, обвинительный актъ самъ устанавливаетъ факты, дающіе полный просторъ сомнѣніямъ. Констатировано, что была засада,— сидѣли въ кустахъ прикрытые ими отъ мостика люди; было двое человѣкъ. Засада, повидимому, длилась болѣе или менѣе продолжительное время; успѣли закусить колбасой и хлѣбомъ и выпить значительную часть бутылки водки. Во всякомъ случаѣ, видимо злоумышленники разсчитывали на долгое сидѣніе въ ожиданіи жертвы,—и предусмотрительно запаслись провизіей и водкою. Отсюда вытекаетъ одно изъ двухъ: или въ засадѣ сидѣли люди, не знавшіе обычнаго времени возвращенія Камарова со службы домой на дачу, и поэтому заранѣе усѣвшіеся за кустами; или, если бывшіе въ засадѣ знали время возвращенія, то естественно предположить, что убійцамъ пришлось болѣе или менѣе долго ждать, что объ этомъ они были освѣдомлены заранѣе, и такимъ образомъ—убійство не могло быть совершено 14 іюля между 3 и 4 часами дня, какъ увѣряетъ обвинительный актъ. Но посмотримъ далѣе, насколько эта засада съ закускою и выпивкою подходитъ къ Скитскимъ. Обвинительный актъ весь сосредоточенъ на вопросѣ, гдѣ были Скитскіе между 3 и 4 часами дня, и центръ обвиненія заключается въ томъ, что при наличности подозрѣнія противъ нихъ—какъ по мотивамъ, такъ и по послѣдующему ихъ поведенію,—они никакъ не могли доказать, гдѣ были они въ это время. Конечно, доказать заднимъ числомъ, гдѣ люди, въ обычное время при обычномъ ходѣ вещей, были, какъ разъ данный одинъ часъ,—трудно или невозможно, особенно если само предварительное слѣдствіе этимъ не особенно занято (мы увидимъ, что розыски о времени ухода Скитскаго съ почты не дѣлались и указаніе на это время оказалось какъ бы новымъ обстоятельствомъ въ дѣлѣ). Изслѣдовать маленькую точку, конечно, труднѣе, чѣмъ цѣлое пятно. Но совершенно непонятно, какъ вяжется этотъ одинъ недостающій Скитскимъ часъ времени съ продолжительною засадою и съ запасливостью въ отношеніи пищи и питья.

Около 2 часовъ дня Степана Скитскаго видѣли еще занятымъ обычною бѣготнею, раздачей по разнымъ мѣстамъ медалей. Допустимъ самый неблагопріятный для него моментъ времени—а именно, что только около двухъ часовъ дня (не позже) онъ заходилъ во дворъ вдовы Елисаветы Мартыновой. Комаровъ вышелъ изъ консисторіи въ 2 ч. 25 м., значитъ Скитскій могъ бы прибыть къ мостику только на какихъ нибудь полчаса раньше Комарова;

не забудемъ еще, что ему, согласно обвинительному акту, еще нужно было встрѣтиться съ Петромъ и его взять съ собою. Спѣша къ мѣсту преступленія, имѣя предъ собою какихъ нибудь 1/2—1 часъ времени, подсудимые обзаводились бы двумя колбасами, хлѣбомъ, водкою, успѣли бы закусить и выпить.. Все это въ ожиданіи съ минуты на минуту появленія Комарова...

Не обнаруживалось, какъ видно изъ обвинительнаго акта, видѣлъ ли кто изъ тѣхъ многихъ лицъ, которыя въ теченіи дня 14 іюля встрѣчались со Степаномъ Скитскимъ, что онъ имѣлъ съ собою пакетъ съ колбасой бумажнымъ мѣшечкомъ съ хлѣбомъ. Если около 2 часовъ его видѣли во дворѣ Мартыновой, и безъ запаса провизіи, то, очевидно, ему изъ двора противъ архіерейскаго дома нужно было побѣжать за покупками, и тогда изъ получасу времени, бывшаго въ его распоряженіи осталось бы еще меньше, или долженъ былъ бы забѣжать къ себѣ на квартиру (если показаніе, полученное въ колбасной лавкѣ не точно относительно времени покупки Степаномъ колбасы) и тогда консисторскіе сторожа или швейцаръ не могли бы не замѣтить его, такъ какъ квартира Степана была подъ консисторіею. Всѣмъ этимъ обвинительный актъ не занимается; предварительное слѣдствіе ему матеріала для этого не дало.

Оно, не уклоняясь въ сторону, направлено на братьевъ Скитскихъ, оно фиксировано на одной точкѣ—куда дѣлся часъ между 3 и 4 часами дня. Нельзя не имѣть кромѣ того въ виду, что оба Скитскіе были безъ пальто, одинъ былъ въ форменномъ платьѣ, что спрятать значительный пакетъ—хлѣба, 2 колбасы и водку—въ карманахъ почти невозможно. Сопоставьте—засаду, убійство днемъ, доказанное по обвинительному акту времяпровожденіе Степана Скитскаго до 2 часовъ дня, и ясно станетъ, что обвинительный актъ не только не даетъ основанія къ обвиненію братьевъ Скитскихъ, но прямо опровергаеть это обвиненіе. И вотъ на основаніи данныхъ этого обвинительнаго акта состоялось два разсмотрѣнія дѣла—одно въ Полтавѣ съ оправдательнымъ приговоромъ, другое въ Харьковѣ съ обвинительнымъ.

Мы такъ долго оставливаемся на обвинительномъ актѣ въ виду того, что именно этотъ документъ показываетъ всю безотрадную неумѣлость, какая проявлена, повидимому, въ этомъ дѣлѣ. Быть можетъ, братья Скитскіе и виновны; мы стоимъ лицомъ къ лицу съ двумя приговорами одинаково компетентныхъ судей, которые по большинству голосовъ оправдали, а затѣмъ по большин-

ству же голосовъ обвинили; ни на одну минуту не можетъ у здравомыслящаго человѣка возникнуть и тѣни подозрѣнія, относительно полной искренности и убѣжденности одного большинства въ невиновности, а другого—въ виновности подсудимыхъ. Но попытайтесь только заглянуть въ душу судей, судившихъ настоящее дѣло и посмотрѣть, какую душевную борьбу, сколько мученій, спеціально судейскихъ, причинено имъ разсмотрѣніемъ его; ни одной твердой точки опоры, ни одного рычага, который способенъ былъ бы подвинуть дѣло въ ту или другую сторону. Предварительное слѣдствіе ничего не обнаружило твердаго, вѣрнаго; какъ мы увидимъ ниже—есть полное основаніе полагать, что подобно тому, какъ первый приговоръ оправдательный состоялся подъ вліяніемъ обнаруженнаго даже послѣ судебнаго слѣдствія, — а именно показанія почтоваго чиновника Воробьевскаго относительно того, что Степанъ Скитскій ушелъ изъ почтамта около 2 часовъ дня,—такъ и второй приговоръ—обвинительный, быть можетъ, основанъ главнымъ образомъ на обнаруженномъ также не предварительнымъ слѣдствіемъ фактѣ наблюденія одною дамою изъ окна ея квартиры черезъ бинокль за двумя лицами, которыя 14 іюля, а можетъ быть и около 14 іюля спѣшили по дорогѣ къ Яковцамъ...

Можно ли спокойно относиться къ слѣдствію, которое все направлено было только на добываніе опроверженій alibi, т. е. на что то отрицательное, вмѣсто того, чтобы искать чего нибудь положительнаго, и которое напередъ завязало себѣ глаза и скорѣе готово было допустить, что Степанъ Скитскій,—смирный, типическій, услужливый консисторскій столоначальникъ, безъ внѣшнихъ непосредственныхъ поводовъ, а только по неудовольствію своимъ начальникомъ, рѣшился бы изъ засады жестоко-звѣрскимъ образомъ задавить его, вовлекъ въ это дѣло добраго, безхарактернаго брата—всегда полупьянаго Петра и все это продѣлалъ такимъ рафинированнымъ образомъ,—между дѣловою бѣготнею на службѣ, отправленіемъ пакетовъ на почтѣ и разноскою медалей, и мирнымъ катаньемъ на лодкѣ и ловлею раковъ,—скорѣе допустить все это, чѣмъ искать, разслѣдовать матеріальную обстановку злодѣйства. Скитскіе арестованы, слѣдствіе производится уже не объ убійствѣ Комарова, а о лишеніи жизни начальника подчиненными ему по службѣ Скитскими; вмѣсто доказательствъ обвиненія, преданіе суду основывается на отсутствіи доказательствъ оправданія.

III.

Естественно, что при такой скудости матеріала, собраннаго предварительнымъ слѣдствіемъ, при оказавшейся неполной цѣпи косвенныхъ уликъ, судебное слѣдствіе по дѣлу бр. Скитскихъ, происходившееся въ засѣданіяхъ особаго присутствія Харьковской судебной палаты (съ участіемъ сословныхъ представителей) 17—21 марта 1898 г. въ Полтавѣ, было посвящено не столько провѣркѣ предварительнаго слѣдствія, сколько добыванію и разслѣдованію новаго матеріала.

Изъ данныхъ, выяснившихся на судебномъ слѣдствіи, видно, что еще въ день убійства у жены Комарова, занятой поисками, явилось опасеніе за жизнь ея мужа, при чемъ она „невольно подумала на Скитскаго"; такая же мысль, по заявленію ея, возникла и у ея сестры, но потомъ онѣ отказались отъ этой мысли: „слишкомъ ужъ мало мало было повода у Скитскаго для такого преступленія, къ тому же Скитскій имъ казался слишкомъ трусливымъ". Подозрѣніе на Скитскаго возникло у пристава Царенка, когда онъ узналъ, что многимъ чиновникамъ казалось страннымъ, почему Скитскіе не были ни на поискахъ, ни на похоронахъ. Относительно исчезнувшихъ часовъ оказывается (показанія приставовъ Косолапова и Семенова), что до полиціи доходили слухи о находящихся будто у бывшаго чиновника консисторіи Слизька этихъ часовъ, но что этимъ слухамъ не придавалось значенія, къ тому же запрещено было производить какіе бы то ни было розыски безъ указанія судебнаго слѣдователя или прокурора. Показаніями другого пристава, Червоненка, установлено одно обстоятельство, которое должно быть особенно отмѣчено. Петръ Скитскій арестованъ былъ послѣ Степана и содержался подъ надзоромъ пристава Червоненка. Въ видахъ полученія отъ Петра какихъ либо признаній, къ нему посаженъ былъ переодѣтый агентъ, который угостилъ Петра водкою и предложилъ при посредствѣ своего знакомаго передать письмо Степану Скитскому. Петру же еще до того приставъ Червоненко, „въ видахъ выясненія истины", заявилъ, что его братъ Степанъ сознался въ убійствѣ Комарова. Вслѣдствіе этого Петръ воспользовался предложеніемъ неизвѣстнаго относительно письма и написалъ своему брату, рѣзко порицая его и говоря, что если онъ дѣйствительно совершилъ ужасное преступленіе, то онъ отрекается отъ него и т. д. Это письмо, конечно, передано было приставу Червоненко, который сообщилъ о немъ товарищу прокурора Даниловскому и

по приказанію послѣдняго должно было быть передано судебному слѣдователю, который, по обсужденіи содержанія письма вмѣстѣ съ товарищемъ прокурора, призналъ его не относящимся къ дѣлу. *Самое письмо оказалось неразысканнымъ.* Письмо это признано не относящимся къ дѣлу—о виновности Скитскихъ, такъ какъ оно, конечно, прямо относилось къ дѣлу о невиновности ихъ....

Вещественное доказательство—колбаса на судебномъ слѣдствіи потеряло свою убѣдительность; свидѣтели признали только, что эта колбаса похожа на произведеніе колбасной Лангера, относительно же колбасы, проданной Скитскому, прикащикъ Кацюра не помнитъ какой толщины и какого качества она была. Бумажный мѣшечекъ, признанный свидѣтелемъ Воронелемъ за его издѣліе, оказывается вовсе не изъ подъ хлѣба,—а изъ подъ риса или муки или вообще продуктовъ, которыхъ Степанъ Скитскій, за отъѣздомъ жены его еще до Пасхи, вовсе не покупалъ у свидѣтеля.

Относительно отношеній, бывшихъ между Комаровымъ и Степаномъ Скитскимъ судебное слѣдствіе выяснило несомнѣнно существовавшія между ними враждебныя отношенія, но не дало никакихъ указаній на наличность такой обостренности ихъ, которая, выходя за служебную сферу и за предѣлы способовъ чисто канцелярскаго антагонизма и средствъ проявленія его, должна была по болѣе или менѣе вѣроятному психологическому разсчету привести къ возникновенію хотя бы отдаленной мысли объ убійствѣ.

Самый любопытный эпизодъ перваго разсмотрѣнія дѣла,—это возобновленіе судебнаго слѣдствія уже послѣ того, какъ за окончаніемъ преній сторонъ, судьи собрались 21 марта для совѣщанія и постановленія резолюціи.

Въ совѣщательную комнату первымъ явился членъ палаты В. О. Губертъ; вскорѣ по приходѣ его, запасный сословный представитель, старшина Тахтауловской волости, передалъ ему визитную карточку почтоваго чиновника Воробьевскаго, на которой сообщалось, что онъ, Воробьевскій а также чиновникъ Топчій могутъ свидѣтельствовать, что Степанъ Скитскій 14 іюля ушелъ съ почты не ранѣе 1 ч. 40 м. по полудни. Изъ исчезнувшаго часа времени неожиданно, такимъ образомъ, представилось возможнымъ отыскать въ пользу Степана Скитскаго цѣлыхъ 40 минутъ. Если вспомнить сказанное въ обвинительномъ актѣ, легко понять, что это открытіе оказалось весьма существеннымъ; настолько существеннымъ, что особое присутствіе судебной палаты нашло необ-

ходимымъ, возобновивъ засѣданіе по дѣлу, предложить сторонамъ высказаться по вопросу о возобновленіи слѣдствія.

Заимствуемъ изъ протокола засѣданія изложеніе хода дѣла по указанному инциденту:

„Прокуроръ находя, что обстоятельство, которое могутъ удостовѣрить свидѣтели, не является новымъ, что вопросъ о времени пребыванія Степана Скитскаго въ почтовой конторѣ 14 іюля уже достаточно обслѣдованъ, что эти новыя свѣдѣнія, полученныя внѣ судебнымъ путемъ, на основаніи слуховъ, вышедшихъ изъ зала засѣданія, онъ считаетъ сомнительными, полагалъ судебное слѣдствіе не возобновлять“.

„Защитникъ находилъ, съ своей стороны, открывшееся обстоятельство новымъ и подлежащимъ изслѣдованію, и, указавъ на то, что онъ былъ допущенъ къ защитѣ подсудимыхъ, все же имѣлъ мало времени для полнаго ознакомленія съ дѣломъ, столь сложнымъ, и для вызова всѣхъ необходимыхъ свидѣтелей, просилъ о возобновленіи судебнаго слѣдствія и вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей Воробьевскаго и Топчія“.

„Прокуроръ поддерживалъ высказанное мнѣніе, возражая противъ вызова новыхъ свидѣтелей, какъ указанныхъ несвоевременно и въ виду невозможности, за увольненіемъ всѣхъ допрошенныхъ свидѣтелей, которые, быть можетъ, окажутся необходимыми для опроверженія показаній новыхъ свидѣтелей; на случай же, если бы палата не согласилась съ его мнѣніемъ, прокуроръ находилъ, что дѣло надлежитъ обратить къ доследованію, примѣнительно къ ст. 549 уст. угол. суд., для выясненія отношеній вновь указываемыхъ свидѣтелей, Воробьевскаго и Топчія, къ подсудимымъ“.

„Защитникъ противъ обращенія дѣла къ дослѣдованію не возражалъ и, наоборотъ, настоятельно о томъ ходатайствовалъ, заявляя, что дослѣдованіе избавитъ Скитскихъ отъ положенія подсудимыхъ“.

„Судебная палата удалилась для совѣщанія. По возвращеніи особаго присутствія въ залъ засѣданія, предсѣдатель объявилъ слѣдующее постановленіе палаты: обсудивъ заявленіе Воробьевскаго и принимая во вниманіе: 1) что вопросъ о времени пребыванія Степана Скитскаго въ почтовой конторѣ 14 іюля 1897 г. подвергался подробному изслѣдованію на предварительномъ слѣдствіи и на судѣ; 2) что, такимъ образомъ, обстоятельство, коего касается упомянутое заявленіе, не является новымъ для дѣла, а составляетъ лишь новое доказательство по предмету, подверг-

шемуся изслѣдованію на судѣ; 3) что провѣрка этого новаго доказательства, въ виду важности и существенности въ настоящемъ дѣлѣ возможно точнаго выясненія времени ухода Степана Скитскаго изъ почтовой конторы въ день убійства является необходимымъ, особое присутствіе опредѣляетъ: на основаніи ст. 734 уст. угол. суд. возобновить судебное слѣдствіе".

Къ 5 часамъ того же дня вызваны были новые свидѣтели Воробьевскій и Топчій, а затѣмъ передопрошены другіе свидѣтели, показанія коихъ касались времени появленія Степана Скитскаго въ разныхъ мѣстахъ.

Оправдательный для обоихъ подсудимыхъ приговоръ особаго присутствія постановленъ былъ по большинству голосовъ (по отношенію къ Степану Скитскому—3 сословныхъ представителей и 1 члена палаты, а Петра Скитскаго—3 сословныхъ представителей и 2 членовъ палаты).

Какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ постановляется по большинству голосовъ, соображенія, излагаемыя въ приговорѣ, отражаютъ въ себѣ борьбу двухъ мнѣній, боровшихся въ общемъ стремленіи установленія истины. Вслѣдствіе этого такіе приговоры обыкновенно скорѣе изобилуютъ излишними соображеніями, серьезность коихъ разноцѣнна. Наряду съ соображеніями вполнѣ серьезными, встрѣчаются и соображенія не серьезныя, отъ которыхъ дѣло болѣе не разъясняется, и излишнія, потому, что достаточно однихъ соображеній серьезныхъ для того, чтобы логически правильно мотивировать выводъ, т. е. резолюцію. Мы касаемся здѣсь крайне важной особенности нашего процессуальнаго обихода; на которой мы остановимся ниже.

Приговоръ особаго присутствія (въ составѣ старшаго предсѣдателя М. В. Красовскаго, членовъ палаты: О. А. Компаніецъ, В. О. Губертъ и В. Г. Юрьева, сословныхъ представителей—Полтавскаго губернскаго предводителя дворянства С. Е. Бразоль, городскаго головы В. П. Трегубова и старшины Васильевской волости Е. С. Кудря)—большое произведеніе, занимаетъ болѣе 50 страницъ.

Вотъ его построеніе. Изложивъ обстоятельства дѣла и данныя, послужившія основаніемъ къ преданію бр. Скитскихъ суду, особое присутствіе резюмируетъ добытыя противъ подсудимыхъ улики, сводя ихъ къ 10 пунктамъ, а именно: 1) враждебныя отношенія Степана Скитскаго къ Комарову на почвѣ исключительно служебной; 2) подсудимые не могли доказать, гдѣ они 14 іюля находились около 3 ч. дня, при этомъ объясненіе Степана Скитскаго о той

дорогѣ, по которой онъ отправился къ р. Ворсклѣ купаться съ братомъ, и вообще все его показаніе относительно того, какъ онъ провелъ время въ 2 ч. дня, представляются, по мнѣнію обвиненія, неправоподобными; 3) подозрительное непосредственное поведеніе подсудимыхъ 15 и 16 іюля и то, что они отнеслись будто равнодушно къ убійству Комарова; 4) царапины оказавшіяся на рукахъ и ногахъ обоихъ подсудимыхъ и опухоль на пальцѣ руки Степана Скитскаго, относительно коихъ не дано подсудимыми удовлетворительнаго объясненія; 5) на мѣстѣ преступленія найдены остатки двухъ колбасъ, по размѣру и сорту сходныхъ съ купленными Степаномъ Скитскимъ въ колбасномъ заведеніи Лангера 13 или 14 іюля; 6) на мѣстѣ преступленія оказались корки хлѣба, коимъ торгуетъ Воронель, подобный хлѣбъ пріобрѣлъ у него Степанъ Скитскій 12 іюля; а также бумажной мѣшокъ изъ лавки того же Воронеля у коего Скитскій забиралъ товаръ; 7) на мѣстѣ преступленія найденъ картузъ (фуражка), висѣвшій въ послѣднее время въ сторожкѣ консисторіи, и взятый, повидимому, для отвлеченія подозрѣнія; 8) снятая съ шеи Комарова бечевка, признанная схожею съ бичевками консисторскими; 9) показаніе Ткаченко, пастуха, о замѣченныхъ имъ на разстояніи ста шаговъ двухъ мущинъ,— одного въ черномъ, другого въ свѣтломъ платьѣ, и 10) отсутствіе указаній какъ на то, что Комаровъ могъ быть убитъ изъ другихъ мотивовъ, такъ и на то, что бы кто либо иной, кромѣ Степана Скитскаго, могъ имѣть достаточно сильный мотивъ для убійства Комарова. Обсуждая эти улики, судебная палата находила, что „производившимся почти въ теченіи 5 дней судебнымъ слѣдствіемъ, допросамъ болѣе 70 свидѣтелей и 6 свѣдущихъ лицъ, всѣ перечисленныя выше улики съ возможною тщательностью были провѣрены. Посильный судейскій трудъ привелъ большинство особаго присутствія къ твердому убѣжденію въ томъ, что убійство Комарова не было дѣломъ рукъ Скитскихъ, и что привлеченіе послѣднихъ, основанное на добросовѣстномъ убѣжденіи органовъ власти, коимъ ввѣрено было первоначальное изслѣдованіе дѣла, въ виновности Скитскихъ *было послѣдствіемъ необслѣдованія другихъ путей*, которыя, можетъ быть, привели бы слѣдственную власть къ совершенно инымъ выводамъ. Къ таковому заключенію особое присутствіе приходитъ на основаніи подробнаго разбора *каждаго обстоятельства*, которому обвинительный актъ придаетъ значеніе улики". „Обвиненіе Скитскаго, продолжаетъ палата, основано на такъ называемыхъ *косвенныхъ уликахъ*; изъ нихъ многія те-

ряютъ, или наоборотъ, пріобрѣтаютъ то или другое значеніе по оттѣнкамъ редакціи передъ слѣдственною властью или передъ судомъ. По дѣлу Скитскихъ многіе свидѣтели дали иныя показанія на судѣ, чѣмъ у слѣдователя; указаній на то, что кто либо изъ нихъ былъ подговоренъ или подкупленъ къ ложному свидѣтельству на судебномъ слѣдствіи установлено не было (не смотря на присутствіе Комаровой), и поэтому при оцѣнкѣ правильности всѣхъ показаній присутствіе признало наиболѣе правильнымъ и согласнымъ съ закономъ полагаться преимущественно на слышанное и видѣнное на судѣ и только на основаніи непосредственно видѣннаго и услышаннаго придти къ окончательному выводу относительно каждаго предъявленнаго доказательства".

Переходя къ обсужденію враждебныхъ отношеній Степана Скитскаго къ Комарову и разобравъ всѣ данныя дѣла по этому вопросу, особое присутствіе признаетъ доказаннымъ, что Степанъ Скитскій не любилъ Комарова, какъ не любили его другіе, но эти непріязненныя отношенія не такого свойства, чтобы они могли побудить Скитскаго къ убійству; вся личность Степана Скитскаго говоритъ противъ возможности приписать ему убійство, при такой звѣрской обстановкѣ, предполагающей звѣрскія наклонности преступника, „не постѣснившагося для того, чтобы, какъ бы поглумиться надъ своею жертвою, изобразить концами веревки подобіе галстучнаго банта". Скитскій, совершая преступленіе ничего не пріобрѣталъ, а все терялъ..... „Такое явное неотразимое противоположеніе преступленія, съ видимыми его побужденіями, пріобрѣтаемыми преступникомъ выгодами и личностью Степана Скитскаго создаетъ между подсудимымъ и злодѣяніемъ, въ которомъ его обвиняютъ, глубокую пропасть и для того, чтобы ихъ связать, правосудіе обязано требовать ясныхъ, неопровержимыхъ уликъ". По второму пункту—alibi, особое присутствіе находило, что пребываніе Скитскаго въ городѣ Полтавѣ безусловно доказано до 2 час. 35 мин., или даже 40 мин. дня, что доказанностью этою должно быть признано достовѣрнымъ, что они не могли быть на мѣстѣ преступленія настолько заблаговременно до прихода Комарова, чтобы успѣть избрать мѣсто засады, выпить бутылку водки, съѣсть почти двѣ колбасы и хлѣбъ и просидѣть тамъ настолько долго, что по осмотру, произведенному черезъ 48 час. мѣсто, гдѣ сидѣли злоумышленники, оказалось вытолоченнымъ, какъ записано въ протоколѣ слѣдователя. Установлено съ точностью, что Комаровъ ушелъ изъ консисторіи въ 2 час. 15 мин.—20 мин., при чемъ

уходъ былъ торопливый, для прохожденія до мѣста преступленія требуется—30 минутъ, значитъ Комаровъ былъ убитъ въ 2 часа 50 мин. Къ этому времени Степанъ Скитскій не могъ бы поспѣть. Установлено, что онъ былъ до исхода втораго часа на почтѣ, по выходѣ оттуда встрѣтилъ Корохова, бесѣдовалъ съ нимъ, былъ для покупки марокъ въ казначействѣ, заходилъ для справки въ казенную палату, вернулся въ консисторію, оттуда пошелъ для передачи медалей въ Епархіальное училище, не заставъ начальницу, пошелъ къ діакону Дарагану, передавъ медали, выждалъ изготовленія росписки въ полученіи, пошелъ къ Конопатову въ д. Мартыновой и не засталъ его, взялъ брата и пошелъ на Ворсклу. Въ приговорѣ сдѣланъ самый тщательный и осторожный разсчетъ времени и въ окончательномъ выводѣ палата приходитъ къ твердому заключенію, что послѣднее посѣщеніе—въ д. Мартыновой не могло быть раньше 2 час. 40 мин., т. е. за 10 мин. до совершенія убійства.

На основаніи свидѣтельскихъ показаній особое присутствіе приходитъ затѣмъ къ заключенію, что показанія Скитскаго объ избранной имъ дорогѣ на р. Ворсклу вполнѣ правоподобны.

Затѣмъ въ приговорѣ говорится, что „установивъ, что Степанъ Скитскій по складу своей личности не могъ совершить убійство Комарова и что ни онъ, ни братъ его не были на мѣстѣ преступленія когда тамъ былъ Комаровъ, особое присутствіе могло бы считать задачу свою оконченною; но во исполненіе ст. 797 уст. угол. суд. оно вошло въ обсужденіе остальныхъ уликъ“, и находитъ—что поведеніе подсудимыхъ, какъ это подтверждено показаніями свидѣтелей, ничего подозрительнаго собою не представляло; неучастіе въ розыскахъ—ничего не доказываетъ, такъ какъ и другіе чиновники не участвовали; царапины и ссадины, согласно съ заключеніемъ экспертовъ, не указываютъ на борьбу, а вполнѣ объясняются ловлею раковъ и ударомъ весломъ; относительно колбасъ—особое присутствіе находитъ, что по показаніямъ, даннымъ на судѣ свидѣтелями,—можно лишь придти къ заключенію о сходствѣ ихъ съ произведеніями Лангера, но не о тожествѣ. Послѣдовательно разобравъ и другія „улики“ и признавъ ихъ не подтвержденными, присутствіе останавливается на соображеніи объ отсутствіи другихъ мотивовъ убійства; оно признаетъ, что убійство не совершено съ цѣлью грабежа; но человѣкъ можетъ быть убитъ и вслѣдствіе другихъ разныхъ побужденій, что осталось необслѣдованнымъ. „Однако, вѣроятно, не

безъ основанія Комаровъ высказывалъ предчувствіе, что его убьютъ (показ. Мат. Николаевой); вѣроятно не безъ основанія онъ носилъ при себѣ заряженный револьверъ; жену онъ могъ увѣрить, что это отъ собакъ въ видахъ ея успокоенія; но собакъ въ этой глухой мѣстности не было. Сопоставляя же револьверъ съ предчувствіемъ, нужно думать, что въ его жизни было какое то даже для жены его тайное обстоятельство, которое осталось не раскрытымъ, быть можетъ, только потому что никакихъ мѣръ для раскрытія не принято. Не сдѣлано надлежащаго разслѣдованія относительно Ливина [1]); слишкомъ поспѣшно былъ покинутъ слѣдъ по клочку бумаги съ адресомъ Комарова [2]), найденной приставомъ Косолаповымъ на мѣстѣ преступленія".

„Во всякомъ случаѣ, дѣлать бр. Скитскихъ отвѣтственными за пробѣлы слѣдствія представляется невозможнымъ, и если нынѣ особое присутствіе лишено возможности указать слѣдственной власти путь, по которому слѣдуетъ идти, чтобы обнаружить истинныхъ виновниковъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что на каторгу должны быть отправлены братья Скитскіе, невиновность которыхъ глубоко проникла даже въ сознаніе общественной совѣсти жителей Полтавы, выразившейся въ тѣхъ потрясающихъ кликахъ восторга, которые раздавались по провозглашеніи оправдательнаго о нихъ приговора со стороны нѣсколькихъ сотъ лицъ, находившихся въ стѣнахъ суда и тысячной толпы, ожидавшей объявленія приговора на улицѣ".

„Если за всѣмъ этимъ остановиться на мысли, что Комаровъ умерщвленъ изъ мести Полтавскимъ врагомъ его, то у Комарова было много враговъ, и обвиненіе относило это его попыткамъ введенія реформъ въ темное царство консисторскихъ порядковъ. Однако, съ такимъ предположеніемъ трудно согласиться; консисторскіе порядки, на которые намекала обвинительная власть, въ настоящее время анахронизмъ и всѣмъ слѣдящимъ за современнымъ преобразованіемъ по сему предмету, извѣстно, что нынѣ консисторскіе порядки не тѣ, что были нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Во всякомъ случаѣ, на судебномъ слѣдствіи по дѣлу Скитскихъ, не смотря на тщательный разспросъ, не было обнаружено ни

---

[1]) По поводу бракоразводнаго дѣла, рѣшенію котораго мѣшалъ, будто, Комаровъ.

[2]) Этотъ клочекъ найденъ 2 недѣли спустя послѣ обнаруженія трупа, и найденъ не слѣдователемъ, а приставомъ. Адресъ оказался писаннымъ въ консисторіи.

малѣйшихъ данныхъ во свидѣтельство того, что въ Полтавской консисторіи существовали порядки, за измѣненіе которыхъ могло возникнуть стремленіе лишить Комарова жизни; предположеніе что онъ былъ убитъ за внесенный имъ свѣтъ, почвы на судебномъ слѣдствіи не нашло".

Конецъ приговора посвященъ разсмотрѣнію тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя добыты относительно Петра Скитскаго, причемъ особое присутствіе останавливается на приведенномъ выше эпизодѣ съ письмомъ Петра, оказавшагося не пріобщеннымъ къ дѣлу и признаннымъ слѣдователемъ не относящимся къ дѣлу. Заканчивая характеристикой обвинительнаго акта, особое присутствіе говоритъ: „едва ли однако въ лѣтописяхъ уголовныхъ процессовъ можно найти другое дѣло, по которому при ставкѣ двухъ человѣческихъ жизней споръ шелъ бы о 15—20 минутахъ, какъ то имѣетъ мѣсто по настоящему дѣлу".

Выводъ изъ столь подробно мотивированнаго приговора,—что благодаря недостаточности слѣдствія, виновники убійства Комарова не розысканы... Оправдательный приговоръ для Скитскихъ, оказался обвинительнымъ приговоромъ для слѣдственной власти, которая, не только плохо разслѣдовала дѣло, но почему то сочла законнымъ удалить изъ дѣла письмо Петра къ Степану...

IV.

На этотъ приговоръ прокуроръ Харьковской судебной палаты принесъ кассаціонный протестъ. Вотъ какіе поводы къ отмѣнѣ приговора приведены въ этомъ протестѣ:

1) Небывалое въ практикѣ возобновленіе слѣдствія послѣ утвержденія вопросовъ и удаленія судей въ совѣщательную комнату, что, по мнѣнію прокурора, несогласно съ ст. 734 уст. угол. суд., которая говоритъ о новыхъ доказательствахъ, представленныхъ сторонами; въ данномъ случаѣ доказательство представлено постороннимъ лицомъ. Прокуроръ допускаетъ возможность возобновленія слѣдствія въ случаѣ, если судъ послѣ преній самъ усмотритъ необходимость вызова того или другого свидѣтеля; но допрашивать новыхъ свидѣтелей, которые сами высказали свои соображенія въ запискѣ, переданной судьямъ *во время ихъ совѣщанія*, представляется серьезнымъ нарушеніемъ принципа, который ограждаетъ судей отъ всякаго посторонняго вліянія во время ихъ совѣщанія. Въ этомъ же обстоятельствѣ протестъ усматриваетъ нарушеніе ст. 765 уст. уг. суд.

„Доказательство появилось съ задняго хода, закономъ не установленнаго".

2) При объявленіи постановленія палаты о возобновленіи слѣдствія раздались аплодисменты публики, чѣмъ оказано было давленіе общественнаго мнѣнія на сословныхъ представителей.

3) Въ опредѣленіи времени ухода Скитскаго изъ почтовой конторы 14 іюля въ *приговорѣ большинства* (?) протестъ замѣчаетъ неточность.

4) Приговоръ много говоритъ о неполнотѣ предварительнаго слѣдствія.

5) Улики, выставленныя обвиненіемъ перечислены въ приговорѣ и остались безъ обсужденія съ точки зрѣнія ихъ истиннаго смысла и значенія; приговоръ обнаруживаетъ чисто формальное отношеніе къ нимъ, какъ напримѣръ, къ вопросу о безучастіи Скитскихъ, о томъ, что Степанъ Скитскій при Комаровѣ превратился въ заурядиаго чиновника и т. д.

Дѣло бр. Скитскихъ, по протесту прокурора Харьковской судебной палаты, доложено было въ судебномъ засѣданіи 4 отдѣленія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента $^{13}/_{20}$ ноября 1898 г. Заключеніе давалъ исполняющій должность оберъ-прокурора И. Я. Фойницкій.

Заключеніе это представляетъ значительный интересъ по принципіальной постановкѣ затрагиваемыхъ протестомъ вопросовъ, мы поэтому считаемъ полезнымъ привести это заключеніе цѣликомъ: [1])

„22 марта особое присутствіе Харьковской судебной палаты съ сословными представителями, послѣ почти 6-дневнаго разбора въ г. Полтавѣ, вынесло оправдательный приговоръ братьямъ Степану и Петру Скитскимъ, обвинявшимся въ убійствѣ изъ мести, на почвѣ служебной, бывшаго ихъ начальника, секретаря консисторіи Комарова. На приговоръ этотъ принесенъ кассаціонный протестъ прокуроромъ палаты, ходатайствующимъ объ отмѣнѣ его за нарушеніемъ ст. 734, 765 и 797 уст. угол. суд. и въ виду того что приговоръ постановленъ подъ давленіемъ ясно выраженнаго мнѣнія присутствовавшей въ засѣданіи публики.

---

[1]) Заключеніе И. Я. Фойницкаго передано было въ газетахъ въ краткомъ извлеченіи, которое не можетъ дать точнаго представленія о немъ. Мы не можемъ не выразить здѣсь благодарности И. Я. Фойницкому, любезно предоставившему въ наше распоряженіе подробное изложеніе его заключенія, которое, въ отношеніи затронутыхъ имъ вопросовъ, представляетъ собою научную разработку ихъ

„Обстоятельства, подавшія прокуратурѣ поводъ усмотрѣть въ дѣйствіяхъ палаты нарушеніе ст. 765 уст. угол. суд., какъ видно изъ доклада, состояли въ томъ, что запасный старшина Тахтауловской волости (онъ остался неспрошеннымъ) проникъ въ совѣщательную комнату судей, когда тамъ находился только членъ палаты Губертъ, и передалъ Губерту полученную имъ карточку почтоваго чиновника Воробьевскаго, къ суду невызывавшагося, съ надписью объ извѣстности Воробьевскому точнаго времени, до котораго Степанъ Скитскій 14 іюля оставался въ почтовой конторѣ; имѣло это мѣсто послѣ того уже, когда судьи и сословные представители, закончивъ судебное слѣдствіе, удалились въ совѣщательную комнату для обсужденія и постановленія резолюціи и, по мнѣнію прокуратуры, доказываетъ, что совѣщательная комната не ограждалась надлежащимъ образомъ отъ посторонней публики, свободно туда входившей. Все изложенное установлено и протоколомъ засѣданія палаты. Однако, нельзя согласиться съ протестомъ, будто бы совѣщательная комната судей съ сословными представителями должна быть ограждена отъ постороннихъ сношеній въ той же мѣрѣ, какъ и совѣщательная комната присяжныхъ засѣдателей. Есть крупная разница между постановленіями ст. 615, 616, 675 и 806 уст. съ одной стороны и 765—съ другой. Между тѣмъ какъ первыя, имѣющія въ виду присяжныхъ засѣдателей, признаютъ неумѣстными сношенія ихъ съ постороннею публикою вообще и строго предписываютъ предупрежденіе ихъ, послѣдняя постановляетъ лишь, что въ особой комнатѣ судей при совѣщаніи ихъ „не могутъ находиться ни прокуроръ, ни участвующія въ дѣлѣ лица“,—чего въ данномъ случаѣ и не было. Да и не могъ законъ общимъ образомъ воспретить всякія сношенія судей, такъ какъ имъ, и особенно предсѣдателю, можетъ постоянно встрѣтиться надобность сдѣлать по дѣлу распоряженія, требующія такихъ сношеній, принять участіе въ безотлагательныхъ дѣйствіяхъ по судебному управленію и по разбору другихъ дѣлъ. Можно было бы замѣтить, что въ составѣ особаго присутствія палатъ, кромѣ судей, принимаютъ участіе сословные представители; но и протестъ не возбуждаетъ сомнѣнія о примѣнимости здѣсь какой либо иной статьи, а не ст. 765 уст. угол., такъ что сношенія съ посторонней публикой, а не со сторонами для особаго присутствія палаты сами по себѣ не составляютъ кассаціоннаго повода. Но, конечно, сношенія эти должны происходить въ извѣстномъ порядкѣ и съ соблюденіемъ условій, которыя обезпечивали бы предупрежденіе

нежелательныхъ вліяній публики на судей и сословныхъ представителей. Для этого существенно важно, чтобы сношенія, если въ нихъ окажется надобность, происходили черезъ предсѣдателя; участіемъ его обезпечивается законность ихъ цѣлей и предупреждается опасность вредныхъ вліяній. Членъ палаты Губертъ позволилъ себѣ непосредственно войти въ сношенія съ запаснымъ старшиною, передавшимъ ему карточку Воробьевскаго. Онъ нарушилъ этимъ свой долгъ и заслуживаетъ отвѣтственности, но его вина сводится только къ нарушенію порядка сношеній съ постороннею публикою, которыя сами по себѣ закономъ невоспрещены, и потому можетъ повести къ возбужденію вопроса о его дисциплинарной отвѣтственности, но не можетъ быть признана кассаціоннымъ поводомъ для приговора палаты.

„Другое нарушеніе, указываемое протестомъ, состоитъ въ томъ, что предсѣдатель особаго присутствія далъ ходъ заявленію о „новомъ" доказательствѣ, представленномъ не сторонами, а какимъ-то случайнымъ лицомъ изъ публики, и палата возобновила судебное слѣдствіе, не смотря на возраженіе его, прокурора, и, не уваживъ ходатайства его объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію, немедленно приступила къ возобновленному ею слѣдствію. Въ этомъ протестъ видитъ нарушеніе 734 ст. уст. угол. суд.

„Изложенное указаніе протеста требуетъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія. Для оцѣнки его необходимо выяснить: 1) можетъ ли судъ вообще, и въ частности послѣ заключенія слѣдствія, постановить о дополненіи дѣла новыми доказательствами, ему представляющимися, по своей иниціативѣ, безъ указанія сторонъ; 2) было ли въ данномъ случаѣ устранено участіе сторонъ отъ такого дополненія; 3) подлежало ли удовлетворенію ходатайство прокурора объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію; 4) допустила ли палата нарушеніе правъ прокуратуры, приступивъ немедленно къ возобновленному слѣдствію.

„Обращаясь къ *первому* вопросу, мы встрѣчаемся съ весьма распространеннымъ сомнѣніемъ о возможности разрѣшенія его въ утвердительномъ смыслѣ. Говорятъ, что предоставленіе суду привлекать къ дѣлу неуказанныхъ сторонами свидѣтелей было бы кореннымъ отступленіемъ отъ состязательнаго начала, которое принято у насъ для разбирательства окончательнаго, начиная съ приготовительныхъ къ суду распоряженій. Вѣрное этому началу, законодательство наше, замѣчаютъ, не приняло такъ называемой дискреціонной власти предсѣдателя, извѣстной законодательству

французскому и состоящей въ правѣ и обязанности предсѣдателя на дополнительное разслѣдованіе дѣла во время приготовительныхъ къ суду распоряженій и на пополненіе его при судебномъ слѣдствіи всѣми данными, которыя онъ признаетъ имѣющими значеніе для лучшаго его выясненія. Прибавляютъ, что въ случаяхъ, когда обвинительный актъ подлежитъ утвержденію палаты, какъ камеры преданія суду, она же утверждаетъ списокъ лицъ, подлежащихъ вызову, а за тѣмъ опредѣленія ея, въ качествѣ высшей инстанціи, не могутъ подлежать пересмотру и измѣненію со стороны окружнаго суда, какъ подчиненнаго ей мѣста, по его непосредственному усмотрѣнію. Указанія эти подкрѣпляются и ссылкою на текстъ дѣйствующаго закона, именно, на ст. 557, 575, 577, 630 п. 1, 720, 733 и 734 уст. угол. суд., при чемъ подчеркивается, что во всѣхъ этихъ постановленіяхъ для вызова дополнительныхъ свидѣтелей требуется или предполагается прямое о томъ ходатайство или требованіе одной изъ сторонъ, въ дѣлѣ участвующихъ.

„При ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, однако, доводы эти едва ли могутъ быть признаны рѣшительными и непреложными.

„Прежде всего, и не говоря уже о томъ, что созданный уставами 20 ноября уголовный процессъ даже въ окончательныхъ стадіяхъ разбирательства не есть чисто состязательный, а смѣшанный; различіе между состязательнымъ и розыскнымъ порядками отнюдь нельзя видѣть въ отсутствіи или наличности у суда права на разъясненіе себѣ дѣла матерьяломъ, въ дѣлѣ открывающимся, но сторонами неуказаннымъ. Даже процессъ гражданскій, управляемый гораздо болѣе началомъ частнымъ въ отличіе отъ публичнаго, какъ извѣстно, все таки знаетъ извѣстную самодѣятельность суда и отнюдь не ограничивается тѣми рамками и предѣлами изслѣдованія, которые намѣчаются сторонами. Для суда же уголовнаго, ex officio, по долгу службы обязаннаго стремиться къ раскрытію истины матерьяльной въ отличіе отъ формальной, сторонами намѣчаемой, эта самодѣятельность, конечно, представляется обязательною съ еще большею несомнѣнностью. И мы встрѣчаемъ признаніе ея во всѣхъ безъ исключенія западныхъ процессуальныхъ порядкахъ, служившихъ образцомъ для нашего законодательства. Различіе между ними усматривается только по вопросу относительно органа суда, которому предоставляется эта необходимая и изъ существа публичнаго начала всякаго процесса проистекающая функція самодѣятельности. Законодательство французское возлагаетъ ее на единоличнаго предсѣдателя, создавая дискреціон-

ную власть послѣдняго. Законодательства австрійское и частью германское сохраняютъ принципъ дискреціонной власти въ видахъ разслѣдованія и поясненія дѣла, но вмѣсто предсѣдателя возлагаютъ ее на судебную коллегію. Только въ англійскомъ законодательствѣ мы не встрѣчаемъ ее въ окончательномъ производствѣ, но здѣсь 1) при производствѣ предварительномъ существуетъ основанная на старинныхъ обычаяхъ власть мировыхъ судей привлекать къ дѣлу необходимыя для выясненія его данныя, и 2) коронному судьѣ, всегда единоличному, принадлежитъ весьма широкая власть въ опредѣленіи наказанія. Странно было бы, если бы при такомъ единодушіи между порядками, служившими образцомъ для нашего судебнаго законодательства, послѣднее по этому капитальному вопросу судебной политики пошло діаметрально инымъ путемъ, для котораго, при томъ, очевидно, не было никакой почвы и въ болѣе раннихъ нашихъ законодательныхъ памятникахъ, опредѣлявшихся положеніями розыскнаго процесса.

„Противъ судебной иниціативы въ пополненіи дѣла доказательствами во время приготовительныхъ къ суду распоряженій возражаютъ указаніемъ на то, что такимъ распоряженіямъ предшествуетъ опредѣленіе судебной палаты въ качествѣ камеры преданія суду, связывающее судъ, по существу ей подчиненный. Но 1) существующія въ нашихъ законахъ постановленія о приготовительныхъ распоряженіяхъ одни и тѣ же какъ для случаевъ, когда имѣло мѣсто судебное преданіе суду, такъ и для случаевъ, когда оно мѣста не имѣло; 2) при наличности ходатайствъ сторонъ опредѣленіе камеры преданія суду, очевидно, нисколько не связываетъ судъ по существу при разрѣшеніи этого вопроса по ст. 557 и 576 уст. угол. суд. Кромѣ этихъ отрицательныхъ доводовъ, въ подтвержденіе права суда по своей иниціативѣ пополнять доказательственный по дѣлу матерьялъ даже во время приготовительныхъ распоряженіи, мы имѣемъ и доводъ положительный. Въ изданіи государственной канцеляріи, подъ ст. 547 уст. угол. суд., возлагающей на судъ по существу весьма широкую обязанность „прежде всего, по докладу одного изъ членовъ суда, назначеннаго предсѣдателемъ, обсудить въ распорядительномъ засѣданіи, не требуетъ ли дѣло какихъ либо особенныхъ съ его стороны распоряженій, и опредѣлить порядокъ, въ которомъ оно подлежитъ дальнѣйшему производству“, приведена выдержка изъ объяснительной записки къ проекту устава 1863 г., гдѣ мы читаемъ:

„По полученіи каждаго дѣла, судъ прежде всего обязанъ удосто-„вѣриться:

„5. Не предстоитъ ли надобности въ дополненіи дѣла изыска-„ніемъ обстоятельствъ, требующихъ мѣстнаго изслѣдованія, *или* „*истребованіемъ въ судъ какихъ либо доказательствъ*;

„6. Не слѣдуетъ ли открыть судебное засѣданіе на мѣстѣ „происшествія, или отсрочить разсмотрѣніе дѣла, по встрѣтив-„шимся препятствіямъ, до слѣдующаго періода засѣданій.

„Очевидно, что всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только „властью суда въ законномъ составѣ присутствія, и что *до раз-„рѣшенія ихъ*, распоряженія предсѣдателя о вызовѣ лицъ, тре-„буемыхъ къ судебному слѣдствію, и о назначеніи подсудимымъ „защитниковъ, были бы преждевременны".

„Что же касается права судебной инициативы на пополненіе доказательствъ во время судебнаго слѣдствія, то оно вытекаетъ изъ текста ст. 690 уст. уг. с., предоставляющей суду, даже безъ требованія о томъ сторонъ, „вызвать въ свое засѣданіе лица, производившія освидѣтельствованіе или испытаніе, и потребовать отъ нихъ обстоятельнаго отчета въ ихъ дѣйствіяхъ", а также изъ ст. 692, предоставляющей суду, „по замѣчанію сторонъ, или присяжныхъ засѣдателей, или *по собственному усмотрѣнію*, назначить новое освидѣтельствованіе или испытаніе черезъ избранныхъ имъ или указанныхъ сторонами свѣдущихъ людей". Тоже подтверждаетъ новый текстъ ст. 548[1] уст. уг. с., предоставляющей суду требовать явку въ засѣданіе подсудимаго даже по дѣлу, по которому законъ даетъ право постановленія заочнаго приговора. И если такое право существуетъ относительно свѣдущихъ людей и подсудимыхъ, то нѣтъ основаній отрицать его относительно свидѣтелей, сторонами не указанныхъ. Положеніе это, въ самомъ дѣлѣ, подтверждается выдержкою изъ объяснительной записки 1863 г., приведенной въ изданіи Государ. Канцеляріи подъ ст. 690 уст. уг. суд. и имѣющей значеніе, обнимающее всѣ вообще доказательства. Въ ней мы читаемъ:

„Начало судебнаго состязанія сторонъ не исключаетъ само-„дѣятельности суда въ уголовномъ судопроизводствѣ и не обязы-„ваетъ его рѣшать дѣла только по тѣмъ даннымъ, которыя предъ-„явлены сторонами, но требуетъ единственно того, чтобы по всѣмъ „свѣдѣніямъ, относящимся къ дѣлу, сторонамъ предоставлена была „возможность судебнаго состязанія. Задача уголовнаго суда есть „открытіе въ каждомъ дѣлѣ безусловной истины. Въ стремленіи

„къ этой цѣли, *судъ уголовный не можетъ принимать въ исклю-„чительное уваженіе желанія сторонъ*,—ни того, что самъ под-„судимый не хочетъ оправдывать свою невинность, ни того, что „самъ обвинитель потворствуетъ виновному. Поэтому, *если сто-„роны не предъявили всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя должны слу-„жить данными для основательнаго разрѣшенія уголовнаго дѣла, „то судъ не можетъ удовлетвориться одними ихъ заявленіями, но „обязанъ потребовать дополнительныхъ свѣдѣній*".

„Далѣе, въ подтвержденіе этого положенія, объяснительная записка приводитъ содержаніе ст. 688, 689, 690, 692 и 695 уст. уг. суд., и, притомъ, не какъ исчерпывающій перечень, а въ видѣ указываемыхъ самимъ закономъ примѣровъ судебной инициативы въ пополненіи доказательствъ.

„Кромѣ того, въ подтвержденіе того же положенія мы можемъ сослаться еще на другую выдержку изъ объяснительной записки 1863 г., приводимую въ изданіи Государст. Канцеляріи подъ ст. 619 уст. уг. с., гдѣ говорится о власти коллегіи суда по управленію ходомъ засѣданія. Здѣсь мы читаемъ:

„*Дополненіе дѣла*, измѣненіе даннаго ему направленія, отступленіе отъ общаго порядка, дозволяемое закономъ въ крайнихъ случаяхъ, и все, что въ порядкѣ производства дѣла оспаривается сторонами, требуетъ постановленія суда".

„Но, быть можетъ, эта инициатива ограничена моментомъ заключенія судебнаго слѣдствія? Быть можетъ, послѣ окончанія слѣдствія и преній право представленія къ дѣлу новыхъ доказательствъ ограничивается единственно сторонами, такъ какъ только о нихъ упоминаютъ ст. 733 и 734 уст. уг. суд.? Безспорно, моментъ заключенія судебнаго слѣдствія имѣетъ важное процессуальное значеніе; но значеніе это, какъ признано Прав. Сенатомъ въ разъясненіи, данномъ еще въ 1875 г. по дѣлу Горанскаго (№ 69), направлено къ ограниченію сторонъ, произволу которыхъ, по замѣчанію Сената, законъ не желалъ предоставить возобновленіе судебнаго слѣдствія и самыхъ преній, а отпюдь не къ ограниченію суда. Въ этомъ рѣшеніи изложено: „право такого возобновленія судебнаго слѣдствія, по смыслу ст. 634 и 733 уст. уг. с., можетъ принадлежать исключительно усмотрѣнію суда, и стороны, за силою ст. 5 учр. суд. уст., не вправѣ жаловаться въ кассаціонномъ порядкѣ какъ на непринятіе судомъ новыхъ доказательствъ, представленныхъ ими по заключеніи судебнаго слѣдствія, такъ и на непризнаніе судомъ доказательствъ этихъ вновь

открывшимися по дѣлу". Для того, чтобы устранить всякое сомнѣніе о власти суда возобновить судебное слѣдствіе при открытіи новыхъ доказательствъ, даже безъ ходатайства о томъ сторонъ, достаточно представить себѣ такой казусъ. Происходитъ разбирательство съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію подсудимаго въ убійствѣ X., трупъ котораго не былъ обнаруженъ, но о смерти котораго обвиненіемъ представлены доказательства, отрицавшіяся подсудимымъ; судебное слѣдствіе и пренія окончены, присяжные удалились въ совѣщательную комнату для постановленія вердикта; въ это время предсѣдательствующему подаютъ карточку X., который оказывается въ живыхъ, явился въ судъ и желаетъ видѣть предсѣдательствующаго. Неужели послѣдній поступитъ правильно, а не окажется виновнымъ въ тяжкомъ бездѣйствіи власти и неправосудіи, отказавъ X. въ свиданіи и допустивъ присяжныхъ постановить обвинительный вердиктъ? Скажутъ, здѣсь вопросъ ставится о corpus delicti, а не о простомъ доказательствѣ. Но съ устраненіемъ формальной теоріи доказательствъ всякое между ними различіе по предустановленной силѣ ихъ отпало, и нынѣ новое доказательство alibi можетъ оказаться имѣющимъ для дѣла столь же рѣшающее значеніе, какъ и появленіе живымъ и невредимымъ человѣка, котораго обвиненіе считало убитымъ.

„По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ слѣдуетъ, казалось бы, придти къ заключенію, что право на дополненіе дѣла, всякаго рода новыми доказательствами, и въ томъ числѣ свидѣтельскими показаніями, оказывающимися необходимыми для разъясненія дѣла и справедливаго рѣшенія его, принадлежитъ суду уголовному, призванному къ рѣшенію дѣла по существу, не только по требованію сторонъ, но и по собственной его инициативѣ,— при томъ, какъ во время приготовительныхъ къ суду распоряженій, такъ и по открытіи судебнаго засѣданія и даже по окончаніи судебнаго слѣдствія и преній сторонъ. Правительствующій Сенатъ въ одномъ изъ своихъ рѣшеній (1897 г. № 35) призналъ это право даже за апелляціонною инстанціею. Внѣ всякихъ сомнѣній стоитъ оно для мировыхъ судей и съѣздовъ, за которыми, по исконной практикѣ Правительствующаго Сената (1869 г. № 857, 1871 г. № 1016, 1874 г. № 166, 1872 г. № 577 и др.), всегда признавалось право, въ случаѣ неясности дѣла, вызывать къ разбирательству своему и такихъ свидѣтелей, допроса которыхъ стороны не требовали, за исключеніемъ только дѣлъ, подлежащихъ прекра-

щенію за примиреніемъ. Очевидно, съ большимъ основаніемъ право это должно быть признано за судами общими, какъ въ виду болѣе совершенной ихъ организаціи, такъ и вслѣдствіе того, что къ компетенціи ихъ отнесены дѣла большей важности, въ болѣе значительной мѣрѣ проникнутыя публичнымъ началомъ.

„Но допустивъ даже, что судъ не имѣетъ такой инициативы и можетъ сдѣлать опредѣленіе о вызовѣ новыхъ свидѣтелей по окончаніи судебнаго слѣдствія лишь по ходатайству о томъ сторонъ, и ставя *второй* изъ намѣченныхъ вопросовъ, было ли такое ходатайство по настоящему дѣлу, мы все таки должны будемъ дать на него отвѣтъ утвердительный. Какъ видно изъ протокола засѣданія, о карточкѣ Воробьевскаго предсѣдатель доложилъ по возвращеніи въ залъ засѣданія, и именно въ виду полученія ея предсѣдатель предложилъ прокурору дать свое заключеніе и защитнику изложить свое ходатайство. Прокуроръ полагалъ не возобновлять судебнаго слѣдствія, но защитникъ высказался въ противоположномъ смыслѣ и ходатайствовалъ о возобновленіи судебнаго слѣдствія. Это ходатайство и было предметомъ обсужденія палаты, въ результатѣ котораго сказалось опредѣленіе о возобновленіи слѣдствія. Такимъ образомъ, по настоящему дѣлу постановленіе ст. 733 и 734 уст. уг. суд. оказалось выполненнымъ, даже понимая его въ буквальномъ смыслѣ, потому что палата имѣла въ виду требованіе защиты о вызовѣ новыхъ свидѣтелей и уважила его, признавъ представленное доказательство вновь обнаруженнымъ. Собствено, этого не отрицаетъ и протестъ, который и допускаетъ „возможность возобновленія судебнаго слѣдствія, если судъ послѣ преній усмотритъ необходимость вызова того или другаго свидѣтеля“; протестъ не допускаетъ лишь допроса свидѣтелей, которые сами въ запискѣ высказали свои соображенія о необходимости ихъ вызова, видя въ этомъ нарушеніе принципа, которымъ судьи во время ихъ совѣщанія ограждаются отъ всякихъ внѣшнихъ вліяній (ст. 675, 765, 806 уст. угол. суд.). Такого нарушенія, однако, по данному дѣлу, очевидно, не было, какъ по соображеніямъ, приведеннымъ при разсмотрѣніи перваго повода протеста, такъ и потому, что записка оглашена въ публичномъ засѣданіи, по содержанію ея выслушаны стороны и состоялось судебное опредѣленіе.

„*Третьимъ* вопросомъ по разсматриваемому поводу протеста представляется вопросъ, должна ли была палата постановить, въ виду появленія новыхъ свидѣтелей, объ обращеніи дѣла къ дослѣ-

дованію, какъ того требовалъ прокуроръ, и поступила ли она правильно, разрѣшивъ возобновить судебное слѣдствіе, не обращая дѣла къ дослѣдованію? Но здѣсь со стороны прокуратуры очевидное недоразумѣніе. Дослѣдованіе, т. е. обращеніе дѣла къ новому слѣдствію и преданію суду, допускается по закону лишь при существенномъ измѣненіи самаго обвиненія, какъ, напр., въ случаѣ ст. 753 уст. угол. суд. Въ данномъ же дѣлѣ рѣчь шла лишь о появленіи новыхъ доказательствъ, ранѣе неизвѣстныхъ, безъ измѣненія обвиненія, т. е. именно о такихъ условіяхъ, при которыхъ ст. 733 и 734 уст. угол. суд. допускаютъ возобновленіе судебнаго слѣдствія и дополненіе его.

„Наконецъ, въ *четвертыхъ*, какъ видно изъ протокола, прокуроръ отъ предложенной ему отсрочки разбирательства на сутки отказался и заявилъ согласіе на назначеніе болѣе короткаго срока, такъ что, согласно рѣшенію 1869 г. № 830 по дѣлу Ланченковой, и въ этомъ отношеніи процессуальныя права прокуратуры нарушены не были.

„Сводя во едино сказанное по содержанію разсматриваемаго повода протеста, мы такимъ образомъ приходимъ къ заключенію, что никакихъ нарушеній ст. 734 уст. угол суд. палатою допущено не было, и указанія протеста по этому предмету оказываются несостоятельными.

„Но затѣмъ центральное мѣсто въ кассаціонномъ протестѣ отводится указанію на то, что приговоръ палаты постановленъ подъ давленіемъ ясно выраженнаго мнѣнія публики, присутствовавшей въ залѣ и находившейся на улицѣ, и, что палата, ограничившись чисто формальнымъ, механическимъ отношеніемъ къ доказательствамъ, выставленнымъ обвиненіемъ, не обсудила ихъ истиннаго смысла и значенія. Этою частью протеста затрогивается крайне важный вопросъ о соотношеніи судебной дѣятельности и общества, о взаимодѣйствіи ихъ дозволенномъ и законопротивномъ. И такой вопросъ можетъ и долженъ быть поставленъ потому, что законодатель, открывъ двери судебнаго засѣданія для публики, разрѣшивъ съ одной стороны печатаніе судебныхъ рѣшеній, а съ другой—обсужденіе въ печати происходящаго въ судѣ и отъ суда исходящаго, тѣмъ самымъ призналъ, что отношеніе между судомъ и обществомъ должно быть не отрицательное, характеризовавшее юстицію, которая отправлялась въ четырехъ стѣнахъ канцеляріи, а положительное, выражающееся въ служеніи суда живымъ интересамъ общежитія, въ отраженіи въ его дѣятельности истиннаго

общественнаго правосознанія. Несомнѣнно, съ одной стороны, что гласный судъ оказываетъ воспитательное вліяніе на общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, не можетъ быть отрицаемо, что самый фактъ раскрытія дверей суда для публики составляетъ приглашеніе для суда оставаться въ согласіи съ тѣми идеями, которыя составляютъ моральное достояніе общежитія въ опредѣленный историческій періодъ его жизни. Судъ уставовъ 20 ноября поставленъ не внѣ общества, а въ средѣ его, и законодатель желаетъ, чтобы онъ пользовался общественнымъ довѣріемъ, которое совершенно невозможно безъ живой связи между обществомъ и судебною дѣятельностью.

„Но, во первыхъ, эта связь, не исключая даже вліянія общественнаго мнѣнія на судебную дѣятельность и предполагая первое однимъ изъ могучихъ факторовъ второй, отнюдь не должна переходить въ подчиненіе суда выработавшимся внѣ его мнѣніямъ по отдѣльнымъ дѣламъ при рѣшеніи ихъ. Въ той формѣ общежитія, которая сложилась въ государство, общая совѣсть имѣетъ своимъ выразителемъ слова закона; мнѣнія отдѣльныхъ группъ могутъ съ нимъ расходиться, но при преслѣдованіи задачъ государственныхъ должны имъ подчиняться, пока не получатъ санкціи закона. На судѣ дѣла должны рѣшаться по твердымъ правиламъ закона и самимъ судомъ, а отнюдь не посторонними ему и отдѣльно стоящими отъ него лицами или установленіями. Судьи, присяжные засѣдатели и сословные представители вносятъ въ залу суда общественныя симпатіи и антипатіи, но съ перваго же шага своей дѣятельности получаютъ предостереженіе воздерживаться отъ нихъ и принимаютъ на себя обязательство подавать свой голосъ, не увлекаясь ни дружбою, ни родствомъ, по закону и долгу совѣсти. Общественное мнѣніе, опредѣляя общія контуры судебной дѣятельности, и, такъ сказать, общее поведеніе суда, отнюдь не должно приниматься судомъ безъ провѣрки за непосредственное основаніе при рѣшеніи отдѣльныхъ дѣлъ.

„Во вторыхъ, отъ общественнаго мнѣнія нужно строго отличать голосъ даннаго общественнаго кружка, требованія толпы. Общественное мнѣніе, взаимодѣйствіе между которымъ и судебною дѣятельностью не исключается закономъ и даже признается желательнымъ, означаетъ взглядъ, выработавшійся въ общежитіи по извѣстному вопросу общаго свойства и раздѣляемый разными слоями его, или, по крайней мѣрѣ, большинствомъ гражданскаго общества. Онъ предполагаетъ предварительное изученіе обще-

ствомъ даннаго вопроса и составляетъ результатъ знанія, черезъ которое, какъ черезъ фильтръ, прошли различныя увлеченія индивидовъ и общественныхъ кружковъ и которымъ выработано общее моральное положеніе, примѣнимое ко всѣмъ одинаковымъ случаямъ. Общественное мнѣніе обыкновенно высказывается по какому-нибудь отдѣльному случаю, но примѣняетъ къ нему общее положеніе, имъ ранѣе выработанное, и потому повѣрка его всегда возможна. И въ голосѣ общественнаго мнѣнія центральное значеніе имѣетъ не то рѣшеніе, которое дается по частному случаю, а то положеніе, которое кладется въ его основаніе и даетъ каждому члену общежитія возможность придти къ опредѣленному отвѣту. Въ отличіе отъ него голосъ публики, толпы, всегда остается на почвѣ даннаго конкретнаго случая и въ предѣлахъ его; толпа есть сила стихійная, опредѣляемая чувствомъ, а не знаніемъ, моментальнымъ увлеченіемъ, а не разсудочнымъ изученіемъ, и отсюда характеристическія черты толпы, отмѣчаемыя ея изслѣдователями. Докторъ le Bon въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи Psychologie des foules, 1898 г., указываетъ на быструю воспріимчивость толпы, измѣнчивость ея рѣшеній и дѣйствій подъ вліяніемъ увлеченій, которыя доводятъ до массовыхъ галлюцинацій. Толпа подчиняется обыкновенно крайнимъ чувствамъ, не терпитъ противорѣчій и возраженій, не только не подвергаетъ ихъ разсудочному анализу, а даже стихійно увлекается ими въ противоположномъ направленіи, живетъ воображеніемъ и дѣйствуетъ порывомъ. Словомъ, характеристическія черты толпы и законовъ ея дѣятельности діаметрально противоположны тѣмъ, чѣмъ должны быть судъ и законы его дѣятельности, въ основаніи которыхъ лежитъ не безпровѣрочный и абсолютный голосъ чувства, а внимательное изученіе дѣла и рѣшеніе, основанное на знаніи его, чуждомъ увлеченія, спокойномъ и безпристрастномъ. И потому само собою разумѣется, что судъ, прежде всего и больше всего долженъ заботиться о томъ, чтобы сохранить свою свободу отъ толпы, стоять выше сенсаціонныхъ мнѣній, такъ или иначе образовавшихся въ данномъ кружкѣ или слоѣ населенія по извѣстному дѣлу, и тщательно провѣрять такъ называемую народную молву, для чего въ распоряженіе его даны могущія средства. Уподобляясь толпѣ или становясь частью ея, судъ измѣняетъ самому высшему назначенію своему быть органомъ истины, добываемой знаніемъ, спокойнымъ изученіемъ.

„Обращаясь къ настоящему дѣлу, мы видимъ, что по нему съ несомнѣнностью установлено не только то, что по этому дѣлу на-

селеніе Полтавы составило себѣ опредѣленное мнѣніе помимо судебныхъ данныхъ, но и то, что населеніемъ дѣлались различныя попытки проявить такое мнѣніе съ очевидною цѣлью дать ему торжество. Протоколомъ судебнаго засѣданія палаты удостовѣрено, что накопленіе публики какъ въ залѣ суда, такъ и на улицѣ, при разсмотрѣніи дѣла Скитскихъ, было значительное, и что нѣсколько разъ публика, находившаяся въ залѣ, пыталась выражать свое мнѣніе по дѣлу аплодисментами, хотя и была каждый разъ своевременно останавливаема предсѣдателемъ. Эти попытки не остались безъ прискорбнаго вліянія на самый приговоръ особаго присутствія въ редакціи большинства, о чемъ имѣется и собственное сознаніе его составителей. Въ этой редакціи, въ завершеніе всѣхъ разсужденій относительно виновности Степана Скитскаго, мы читаемъ (л. дѣла 303, приг. 48): „Во всякомъ случаѣ, дѣлать братьевъ Скитскихъ отвѣтственными за пробѣлы слѣдствія представляется невозможнымъ, и если нынѣ особое присутствіе лишено возможности указать слѣдственной власти путь, по которому слѣдуетъ идти, чтобы обнаружить истинныхъ виновниковъ, то отсюда еще не слѣдуетъ, что на каторгу должны быть отправлены братья Скитскіе, *невиновность которыхъ глубоко проникла даже въ сознаніе общественной совѣсти жителей Полтавы, выразившейся въ тѣхъ потрясающихъ кликахъ восторга, которые раздавались по провозглашеніи оправдательнаго о нихъ приговора со стороны нѣсколькихъ сотъ лицъ, находившихся въ стѣнахъ суда, и тысячной толпы, ожидавшей объявленія приговора на улицѣ*". Такого яркаго признанія авторовъ судебнаго приговора въ составленіи его подъ диктовку толпы мнѣ еще не приходилось встрѣчать въ лѣтописяхъ нашей судебной хроники. И самое изложеніе приговора свидѣтельствуетъ, что, подъ вліяніемъ сотни голосовъ, предъ ними раздававшихся, составители приговора не могли остаться при разсмотрѣніи и оцѣнкѣ доказательствъ на той по настоящему дѣлу высотѣ, которая для нихъ была обязательна во имя законности и справедливости.

„Законъ предоставляетъ суду оцѣнку доказательствъ по внутреннему его убѣжденію и полагаясь на совѣсть судей; поэтому, какъ неоднократно признавалъ и Правительствующій Сенатъ, такая оцѣнка не подлежитъ кассаціонному контролю. Но рѣшеніе дѣла по внутреннему убѣжденію и совѣсти отнюдь не означаетъ власти суда постановлять рѣшеніе по личному произволу. Иначе было бы совершенно непонятно отобраніе отъ судей и присяж-

ныхъ засѣдателей присяги въ томъ, что они приложатъ всю силу своего разумѣнія къ надлежащему рѣшенію дѣлъ. Судъ обязанъ выносить свои отвѣты по доказательствамъ, закономъ допускаемымъ, суду представленнымъ и имъ провѣреннымъ, во всей ихъ совокупности; судебное доказательство въ смыслѣ современнаго процесса есть продуктъ знанія, а не вѣры или чувства; потому принятіе и оцѣнка доказательствъ подчиняются опредѣленнымъ правовымъ положеніямъ, обязательнымъ для суда и устраняющимъ мысль о произволѣ въ этой области. Положенія эти настолько обязательны, что соблюденіе ихъ, какъ неоднократно признавалось Правительствующимъ Сенатомъ, подлежитъ и кассаціонной повѣркѣ. Оцѣнка эта представляетъ собою общую логическую дѣятельность, подчиненную законамъ мышленія, которые Правительствующій Сенатъ не разъ бралъ подъ свою охрану. Такъ, Сенатъ, отмѣнялъ приговоры, въ основаніе разсужденій которыхъ было принято положеніе отмѣненной теоріи формальныхъ доказательствъ, напр., будто экспертиза или протоколъ акцизнаго надзора суть доказательства неопровержимыя, или когда приговоръ былъ основанъ на гадательныхъ предположеніяхъ, не выведенныхъ изъ обстоятельствъ дѣла (1872 г. № 1516, Шеретнева, 1883 г. № 4, Гевяндина и др.), или на показаніи свидѣтеля, противъ котораго по тому же дѣлу возбуждено преслѣдованіе въ лжесвидѣтельствѣ (1870 г. № 105, Смирнова и др.), или на собственномъ признаніи, данномъ на предварительномъ слѣдствіи, отъ котораго подсудимый отказался на судѣ (1872 г. № 572, Алескера), или на молчаніи подсудимаго, или на отказѣ отъ показанія лица, имѣющаго по закону право на такой отказъ (1870 г. № 1198, Венецкаго). Такимъ образомъ, отступленіе суда при оцѣнкѣ доказательствъ отъ общихъ законовъ мышленія или правилъ положительнаго законодательства, ихъ видоизмѣняющихъ, принятіемъ за основаніе разсужденій неправильной большой посылки или неправильнымъ построеніемъ заключенія изъ нея, признавались и должны быть признаваемы коренными нарушеніями самыхъ устоевъ судебной дѣятельности.

„Однимъ изъ непреложнѣйшихъ правилъ доказательственнаго права должно быть признано то, согласно которому имѣющіяся по дѣлу доказательства должны быть обсужены судомъ не только порознь, но и въ совокупности ихъ. По дѣлу Скитскихъ обвиненіемъ представленъ рядъ доказательствъ, которыя приговоръ особаго присутствія Харьковской палаты называетъ доказательствами

косвенными. Характеристическая черта ихъ, по отзыву корифея въ литературѣ доказательственнаго права, англійскаго юриста Best'а, то, что если даже каждое изъ нихъ въ отдѣльности не приводитъ насъ къ несомнѣнному убѣжденію въ существованіи или несуществованіи искомаго, то наростаніе ихъ оказываетъ рѣшительное вліяніе на наше сознаніе; этимъ качествомъ они обязаны своей связи съ искомымъ по законамъ причинности, такъ что чѣмъ ихъ больше, тѣмъ такая связь нагляднѣе, убѣдительнѣе. „Дѣйствительныя улики, говоритъ Best, имѣютъ то свойство, что даже въ случаяхъ, когда каждая изъ нихъ слаба въ отдѣльности общая ихъ совокупность обладаетъ значительною, иногда подавляющею силою". Нѣтъ ничего легче критическаго разбора и ниспроверженія каждаго такъ называемаго косвеннаго доказательства въ отдѣльности; къ нимъ, именно, примѣнимъ афоризмъ: la critique est aisée. Но нельзя останавливаться на немъ, необходимо поставить и рѣшить дальнѣйшій вопросъ о значеніи ихъ въ совокупности, въ общей ихъ связи. Этого и нѣтъ въ приговорѣ особаго присутствія, который въ редакціи большинства разсматриваетъ отдѣльныя доказательства обвиненія, вовсе не задаваясь опредѣленіемъ значенія совокупности ихъ.

„Другое столь же твердое положеніе доказательственнаго права требуетъ, чтобы судъ основывался на точно установленныхъ обстоятельствахъ дѣла, а не на гадательныхъ предположеніяхъ. Правило это обязательно для всякаго вывода суда, для всякаго отвѣта его, какъ обвинительнаго, такъ и оправдательнаго. По настоящему же дѣлу невиновность подсудимыхъ Скитскихъ опирается палатою, между прочимъ, на предположеніи совершенно гадательномъ и не только не подкрѣпленномъ, но частью даже опровергнутомъ произведеннымъ слѣдствіемъ, именно на предположеніи о возможности столкновенія покойнаго Комарова съ третьими лицами. „Однако,—читаемъ мы въ редакція большинства,—*вѣроятно*, не безъ основанія Комаровъ высказывалъ предчувствіе, что его убьютъ, какъ видно изъ показанія Матильды Николаевой; *вѣроятно*, не безъ основанія онъ носилъ при себѣ заряженный револьверъ. Жену свою, въ видахъ успокоенія ея, онъ могъ убѣдить, что носитъ онъ револьверъ отъ собакъ, но въ дѣйствительности собакъ въ той глухой мѣстности не было. Сопоставляя же револьверъ съ предчувствіемъ—читаемъ мы дальше,—нужно думать, что въ прежней жизни Комарова было какое то, даже для жены его тайное обстоятельство, которое осталось не раскрытымъ,

быть можетъ, только потому, что никакихъ мѣръ для раскрытія не принято". Исходя изъ гадательнаго предположенія, большинство палаты покидаетъ почву фактовъ, обязательную для всякаго суда, и начинаетъ витать въ мірѣ фантазіи. Оно забываетъ, что въ дѣйствительности вопросы о предчуствіи Комарова и о причинахъ, по которымъ онъ носилъ револьверъ, возбуждались при производствѣ настоящаго дѣла и подвергались изслѣдованію, которымъ были опровергнуты догадки, несмотря на то принятыя затѣмъ большинствомъ. Даже на судебномъ слѣдствіи шла о нихъ рѣчь, но о результатахъ его по этому предмету большинство тщательно умалчиваетъ, замѣняя фактическія данныя дѣла гадательнымъ предположеніемъ.

„Есть и другіе примѣры такой же забывчивости большинствомъ палаты фактическихъ данныхъ, въ порядкѣ судебномъ установленныхъ. Говоря, что консисторскія злоупотребленія, на которыя намекала обвинительная власть, въ настоящее время представляются анахронизмомъ, большинство обходитъ полнымъ молчаніемъ инцидентъ присылки г-жей Погуляй 10 руб., переданныхъ Комаровымъ Степану Скитскому для возвращенія. Заключенію прокурора объ обращеніи дѣла къ дослѣдованію, заявленному по полученіи палатою карточки Воробьевскаго, большинство придаетъ совершенно несвойственное значеніе признанія будто бы прокуратурою недостаточности всего произведеннаго по дѣлу слѣдствія.

„И наоборотъ, мы встрѣчаемъ въ приговорѣ по редакціи большинства попытки обосновать даваемый отвѣтъ на обстоятельствахъ, которыя вовсе не были предметомъ судебной повѣрки въ палатѣ. Редакція эта, между прочимъ, ссылается на мнѣніе одного изъ членовъ, поданное противъ преданія Скитскихъ суду при разсмотрѣніи дѣла въ обвинительной камерѣ. и оставшееся вовсе не оглашеннымъ въ судебномъ засѣданіи особаго присутствія; такая ссылка явно нарушаетъ коренной судопроизводственный законъ, предписывающій суду основываться исключительно на фактахъ, въ надлежащемъ порядкѣ судебнаго изслѣдованія установленныхъ.

„По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ, находя, что приговоръ особаго присутствія Харьковской судебной палаты въ редакціи большинства опирается на непровѣренныя палатою обстоятельства и гадательныя предположенія, что въ соображеніяхъ своихъ палата упускаетъ изъ виду обстоятельства, бывшія предметомъ судебнаго изслѣдованія, а окончательные выводы дѣлаетъ на основаніи отдѣльныхъ обстоятельствъ, не обсудивъ значенія ихъ въ сово-

купности, и что въ самомъ изложеніи этого приговора содержится признаніе о постановленіи его подъ вліяніемъ дѣйствій и заявленій посторонних суду лицъ, находившихся частью въ составѣ публики въ залѣ судебнаго засѣданія, частью на улицѣ, я полагалъ бы приговоръ особаго присутствія Харьковской судебной палаты по дѣлу Скитскихъ, за нарушеніемъ ст. 797 и 892 уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло для новаго производства и рѣшенія въ другомъ составѣ присутствія возвратить въ туже палату".

Правительствующій Сенатъ съ первою частью доводовъ и. д. оберъ-прокурора не согласился и отмѣнилъ приговоръ особаго присутствія, между прочимъ, и по нарушенію 733 и 734 ст. уст. угол. суд. Вотъ текстъ опредѣленія [1]):

По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ, выслушавъ протестъ прокурора Харьковской судебной палаты на приговоръ палаты, по обвиненію Степана и Петра Скитскихъ по 1451 и 1453 ст. улож. наказ., находитъ: 1) что по точному смыслу ст. 733 и 734 уст. угол. суд. судъ можетъ отложить окончаніе судебнаго слѣдствія или возобновить его (рѣш. 1875 г. № 69) въ томъ только случаѣ, когда новое по дѣлу доказательство представлено одною изъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ; 2) что въ явное нарушеніе этого правила палата возобновила судебное слѣдствіе не по представленному одною изъ сторонъ новому доказательству, а по предъявленной во время совѣщанія по дѣлу членомъ ея, Губертомъ, выступившимъ изъ предѣловъ лежавшихъ на немъ, какъ судьѣ, обязанностей, визитной карточкѣ совершенно посторонняго для дѣла лица, съ заявленіемъ о имѣющихся у него по дѣлу свѣдѣніяхъ; 3) что въ явное же нарушеніе ст. 797 уст. угол. суд. въ постановленный по большинству голосовъ членовъ присутствія приговоръ палаты включены такія данныя, которыя до существа дѣла не относились и предметомъ судебнаго слѣдствія и пренія сторонъ не могли и быть, а именно: въ подтвержденіе выводовъ о невиновности Скитскихъ въ приговорѣ сдѣлана ссылка, во-1-хъ, на общественную совѣсть жителей г. Полтавы, выразившуюся,—какъ изложено въ приговорѣ,—въ кликахъ восторга, раздававшихся по провозглашеніи оправдательнаго приговора какъ въ судѣ, такъ и на улицѣ, и во-2-хъ, на

---

[1]) Опредѣленіе напечатано въ Журналѣ Министерства Юстиціи, январь, 1899 г. стр. 227.

особое мнѣніе одного члена палаты, заявленное въ обвинительной камерѣ о необходимости обратить дѣло къ дослѣдованію, и 4) что такой приговоръ, свидѣтельствуя о неспокойномъ и нехладнокровномъ обсужденіи дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о полнѣйшемъ пренебреженіи изложившимъ его членомъ палаты Губертомъ своими обязанностями, не можетъ быть признанъ соотвѣтствующимъ силѣ и достоинству судебнаго рѣшенія. Поэтому Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: 1) приговоръ палаты, за нарушеніемъ ст. 733 734 и 797 уст. угол. суд., отмѣнить и дѣло возвратить въ палату для новаго разсмотрѣнія въ другомъ составѣ присутствія и 2) о вышеуказанныхъ неправильныхъ дѣйствіяхъ члена палаты Губерта сообщить вѣдѣніемъ соединенному присутствію 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ Правительствввющаго Сената.

V.

Мы вполнѣ раздѣляемъ взглядъ, высказанный И. Я. Фойницкимъ по главнѣйшему вопросу, о томъ, вправѣ ли была палата возобновить судебное слѣдствіе. Опредѣленіе 4 отдѣленія основано на томъ, что новое доказательство—записка Воробьевскаго предъявлено *во время совѣщанія* по дѣлу членомъ палаты Губертомъ. Изъ протокола судебнаго засѣданія видно, что въ совѣщательной комнатѣ въ моментъ передачи карточки Воробьевскаго Тахтауловскимъ старшиной былъ одинъ только членъ палаты г. Губертъ, и, слѣдовательно, совѣщанія въ моментъ передачи этой карточки не было. Сообщеніе же о полученіи ея однимъ изъ членовъ совѣщанія своимъ товарищамъ по совѣщанію было прямою его обязанностью. Трудно было бы себѣ представить положеніе члена коллегіи, который, такъ или иначе получивъ свѣдѣніе по дѣлу, сберегъ бы его для себя,—скрылъ бы отъ товарищей то, что его волнуетъ, что вызываетъ въ немъ сомнѣніе...

Такимъ образомъ, ни полученіе членомъ палаты Губертомъ карточки (до совѣщанія и во всякомъ случаѣ не во время совѣщанія), ни сообщеніе этихъ свѣдѣній товарищамъ по совѣщанію не представляютъ собою никакого нарушенія и во всякомъ случаѣ не имѣетъ никакого отношенія до вопроса о томъ, вправѣ ли была палата, согласно ходатайству защиты, заявленному вслѣдствіе сдѣланнаго въ засѣданіи предсѣдателемъ сообщенія, возобновить судебное слѣдствіе. Замѣтимъ тутъ же, что со стороны прокурора, принесшаго кассаціонный протестъ, никакихъ возраженій противъ пред-

ложенія сторонамъ высказаться по поводу возникшаго новаго обстоятельства не послѣдовало, а, напротивъ того, прокуроръ, признавая вполнѣ нормальнымъ и правильнымъ самое предложеніе палатою на заключеніе сторонъ вопроса о запискѣ Воробьевскаго, вошелъ въ обсужденіе его по существу, заявилъ даже ходатайство о направленіи дѣла къ дослѣдованію, и никакого протеста противъ самаго обращенія палаты къ сторонамъ не заявлялъ; права прокурора какъ стороны сообщеніемъ о полученной записки не были нарушены; о нарушеніи правъ защиты—не можетъ быть и рѣчи. При такихъ условіяхъ, спрашивается въ чемъ заключается *нарушеніе*, допущенное палатою и почему возобновленіе судебнаго слѣдствія, которое могло послужить лишь къ обнаруженію истины, должно почитаться поводомъ къ отмѣнѣ оправдательнаго приговора.

Мы идемъ дальше и позволяемъ себѣ думать, что членъ палаты Губертъ, вопреки мнѣнію высказанному въ заключеніи исправляющаго должность оберъ-прокурора, никакого нарушенія своего долга не допустилъ, и никакого повода къ привлеченію его къ отвѣтственности не подавалъ. На самомъ дѣлѣ, въ чемъ высказалось подобное нарушеніе? Въ томъ ли, что онъ принялъ отъ старшины карточку? Или въ томъ, что получивъ ее онъ передалъ ее предсѣдателю? Думается, что не найдется во всей обширной Россіи ни одного судьи, который поступилъ бы иначе, чѣмъ поступилъ членъ палаты г. Губертъ, достоинство коего, какъ члена палаты, ни на одну минуту не должно было понизиться до опасенія, что разговоръ его съ Тахтауловскимъ старшиною можетъ подать поводъ къ какимъ нибудь толкамъ о вліяніи на него этого старшины и „томленія“, имъ испытаннаго. Къ сожалѣнію, ни въ заключеніи исправляющаго должность оберъ-прокурора, ни въ опредѣленіи 4 отдѣленія уголовнаго кассаціоннаго департамента не содержится указанія положительнаго, а именно о томъ, какъ долженъ былъ поступить г. Губертъ въ настоящемъ случаѣ и вообще возможно ли было поступить иначе. Онъ, конечно, могъ не принимать карточки Воробьевскаго,—но онъ не имѣлъ никакого права своею единоличною властью рѣшать вопросъ о томъ, надлежитъ ли принять во вниманіе содержащееся въ ней свѣдѣніе или не надлежитъ: этотъ вопросъ могъ бы быть разрѣшенъ только самою палатою,—ибо передана была эта карточка г. Губерту не какъ частному лицу, а какъ члену палаты, который за отсутствіемъ въ данный моментъ предсѣдателя не имѣлъ, какъ судья, никакого права рѣшать тѣ или другіе вопросы по поводу сдѣланнаго ему

сообщенія. Самое большее, что могъ сдѣлать г. Губертъ,—это предложить старшинѣ передать карточку лично предсѣдателю,—но тогда въ томъ же положеніи, въ какомъ оказался г. Губертъ, оказался бы предсѣдатель, ибо иное положеніе было невозможно.

Лежавшія на г. Губертѣ, какъ на судьѣ, обязанности именно ставили его въ необходимость дать то или другое направленію свѣдѣнію, имъ полученному. И разъ Правительствующій Сенатъ не призналъ правильнымъ указаніе—впрочемъ, явно неосновательное—протеста о томъ, что, вступая въ разговоръ съ постороннимъ лицомъ—старшиною, членъ особаго присутствія допустилъ нарушеніе ст. 765 уст. угол. суд., то никакого нарушенія, очевидно, не допущено тѣмъ, что въ результатѣ этого разговора оказался суду извѣстнымъ фактъ, признанный настолько существеннымъ (а провѣркѣ со стороны кассаціоннаго суда это положеніе не подлежитъ за силою ст. 5 учр. суд. уст.), что судъ счелъ нужнымъ предложить его на заключеніе сторонъ, которыя, повторяемъ, вошли въ его обсужденіе и формулировали свои ходатайства,—то, очевидно, судъ поступилъ правильно. Онъ не пошелъ, очевидно, по слѣдамъ товарища прокурора Полтавскаго окружнаго суда г. Даниловскаго и производившаго слѣдствіе по дѣлу бр. Скитскихъ судебнаго слѣдователя, которые, въ явное нарушеніе лежавшихъ на нихъ обязанностей, не пріобщили къ дѣлу письма Петра Скитскаго и признали его своею—превышенною—властью не относящимся къ дѣлу...

О сообщеніи о дѣйствіяхъ ихъ г. министру юстиціи и соединенному присутствію—свѣдѣній не имѣется...

Нельзя, кромѣ того не замѣтить, что возобновленіе судебнаго слѣдствія возможно по усмотрѣнію суда *даже* и при отсутствіи новаго доказательства или новаго обстоятельства. Это вытекаетъ изъ самой сущности задачи судьи—рѣшать дѣло по полномъ уясненіи себѣ дѣла. Если судъ при совѣщаніи усумнился въ томъ, правильно ли имъ понято показаніе свидѣтеля,—то едва ли кто станетъ отрицать за нимъ не только право, но и обязанность повтореніемъ слѣдственнаго дѣйствія устранить встрѣченное сомнѣніе. Такое право суда признавалось и кассаціонною практикою, между прочимъ и тѣмъ самымъ рѣшеніемъ угол. кас. деп., которое цитировано въ опредѣленіи по дѣлу Скитскаго (1875 г. № 79 по д. Горанскаго). Казалось бы, что *тѣмъ болѣе* это право должно быть предоставлено суду, когда вслѣдствіе сдѣлавшихся ему извѣстнымъ до постановленія резолюціи обстоятельствъ онъ призналъ необходи-

нымъ повторить слѣдственное дѣйствіе и дополнить его новымъ слѣдственнымъ дѣйствіемъ. Ст. 733 уст. уг. суд. касается только правъ сторонъ и если оно не содержитъ указанія на право суда возобновлять слѣдствіе, то изъ этого не слѣдуетъ, что судъ этого права не имѣетъ; афоризмъ: „что не воспрещено закономъ, то имъ дозволено"—примѣнимъ и къ процессуальнымъ правамъ.

Итакъ—возобновлять слѣдствіе палата была въ правѣ; провѣрить правильность заключенія суда о необходимости возобновленія въ кассаціонномъ порядкѣ невозможно; также не подлежитъ провѣркѣ и опредѣленіе суда о вызовѣ тѣхъ или другихъ свидѣтелей, признанныхъ существенными. Сообщеніе палатою о полученной карточкѣ,—составляло прямую обязанность палаты; въ чемъ же неправильность?

Къ сожалѣнію, опредѣленіе по дѣлу Скитскихъ такъ кратко, что разъясненіе, данное Сенатомъ, не даетъ руководства на будущее время.

Переходимъ къ другому основанію отмѣны—неправильности изложенія приговоръ.

Совершенно правильно указано въ заключеніи исправляющаго должность оберъ-прокурора, что логическая конструкція мотивовъ, всего приговора въ совокупности, должна составлять предметъ провѣрки со стороны кассаціонной инстанціи. Мы идемъ далѣе и утверждаемъ, что такая провѣрка одна способна выработать у насъ твердыя правила, совокупность коихъ составляетъ такъ называемое ученіе о доказательствахъ. Но допуская и признавая желательною такую провѣрку, нельзя, однако, смѣшивать вопросъ о *логическомъ* соотвѣтствіи данныхъ мотивовъ съ выводомъ и о логическомъ построеніи всего приговора съ вопросомъ о логичности каждаго въ отдѣльности приведеннаго соображенія. Идеалъ письменнаго изложенія приговора,—полная серьезность и неопровержимость каждаго изъ доводовъ, каждаго соображенія. Къ сожалѣнію,—этотъ идеалъ рѣдко осуществляется; изъ этого нельзя однако вывести, что большинство приговоровъ не годится и не должно быть оставляемо въ силѣ. Неправильность довода должна только тогда опорочить выводъ,—приговоръ, если этотъ доводъ составляетъ одно изъ звеньевъ логической цѣпи, которая, за устраненіемъ этого довода, должна распасться и, слѣдовательно, не можетъ уже привести къ выводу. Но если въ приговорѣ изложены параллельно разные доводы, которые образуютъ не цѣпь, а рядъ параллельныхъ, изъ которыхъ каждая приводитъ къ выводу, то очевидно,

что изъ десяти такихъ доводовъ девять могутъ оказаться явно нелогическими и тѣмъ не менѣе ничто не даетъ намъ права, съ логической точки зрѣнія, при провѣркѣ и въ порядкѣ кассаціонномъ—заключать къ неправильности вывода, ибо осталась одна параллельная линія, которая одна можетъ логически привести къ выводу.

По дѣлу Скитскихъ палата признала на основаніи доводовъ, не опороченныхъ съ точки зрѣнія логической, что у Степана Скитскаго не было и не могло быть мотива къ совершенію преступленія и что онъ не могъ быть въ засадѣ въ 2 ч. 50 м. дня 14 іюля; провѣрить правильность по существу этого довода Сенатъ не можетъ; но провѣряя самымъ строгимъ образомъ логическую правильность заключенія изъ посылокъ: 1) Комаровъ убитъ возлѣ мостика въ 2 ч. 50 м.; 2) Скитскій не былъ, ибо не могъ поспѣть, на этомъ мѣстѣ въ 2 ч. 50 м.,—ergo Скитскій не убилъ Комарова,—нельзя въ немъ найти ни малѣйшей неправильности.

Этого одного довода, такимъ образомъ, будь даже всѣ дальнѣйшія соображенія палаты олицетвореніемъ нелогичности, достаточно для того, чтобы признать, что приговоръ суда вполнѣ правильно обоснованъ.

Нельзя не признать, что ссылка въ приговорѣ, на восторженные клики толпы неумѣстны. И мы вполнѣ понимаемъ, что Правительствующій Сенатъ рѣзко порицаетъ такую ссылку. Но трудно понять, почему эта ссылка свидѣтельствуетъ „о нехладнокровномъ и неспокойномъ обсужденіи дѣла“; обсуждалось дѣло до изложенія приговора, быть можетъ, за 2 недѣли, и во всякомъ случаѣ до проявленія кликовъ восторга со стороны публики, когда о нихъ не могло быть извѣстно палатѣ. И опять таки излишнее усердіе члена палаты, *изложившаго приговоръ*, г. Губерта, свидѣтельствуетъ лишь о томъ, что въ такомъ темномъ дѣлѣ, какъ дѣло объ убійствѣ Комарова, дѣлѣ,—которое такъ мало выяснено предварительнымъ слѣдствіемъ, судья склоненъ во всемъ искать подтвержденія своего судейскаго, искренняго, добросовѣстнаго убѣжденія;—оно обнаруживаетъ, быть можетъ, непривычку писать приговоры, особенно оправдательные,—но едва ли не слишкомъ строго судилъ Правительствующій Сенатъ, признавъ, что въ этомъ излишествѣ проявилось „полнѣйшее пренебреженіе своими обязанностями“. Еще меньше основанія имѣется для упрека, сдѣланнаго въ заключеніи исправляющаго должность оберъ-прокурора, въ томъ, „что приговоръ составленъ подъ диктовку толпы“...

Прежде чѣмъ покончить съ занимающею насъ здѣсь стадіею процесса бр. Скитскихъ, быть можетъ, небезъинтересно остановиться еще на одномъ указаніи, сдѣланномъ и. д. оберъ-прокурора, и касающемся столь важнаго вопроса о доказательствахъ. Теорія косвенныхъ уликъ—самая трудная, какъ показываетъ опытъ, для нашихъ судовъ. Совершенно правильно отмѣчено въ заключеніи И. Я. Фойницкаго, что крайне неправильнымъ является пріемъ обсужденія значенія косвенныхъ уликъ каждой въ отдѣльности, а не во всей ихъ совокупности. Улика по тому и называется *косвенною* (circonstancial evidence), что отъ нея нельзя еще дойти до несомнѣнности вывода. Только совокупность ихъ можетъ быть внутреннее убѣжденіе. Съ этой точки зрѣнія критика каждой улики въ отдѣльности, т. е. обсужденіе того, можетъ ли данная улика служить основаніемъ для вывода—явно неправильна. Но отъ этой критики необходимо отличать критику доказанности того самаго обстоятельства, которое, будучи доказаннымъ, не составляетъ еще прямаго доказательства, а лишь (косвенную) улику. Эта критика необходима для каждаго обстоятельства въ отдѣльности. Поясним нашу мысль примѣромъ изъ приговора о Скитскихъ. Пріобрѣтеніе Скитскимъ у Лангера тѣхъ самыхъ колбасъ, объѣдки которыхъ найдены въ кустахъ возлѣ трупа Комарова, составляетъ несомнѣнно улику, а не доказательство. И вотъ, если бы въ приговорѣ палаты сказано было, что пріобрѣтеніе этой колбасы Скитскимъ не составляетъ доказательства, а потому его надо отбросить, то палатою обнаружено было бы явное непониманіе того, что называется доказыванія уликами. Но если палата, останавливаясь на этомъ обстоятельствѣ, отвергаетъ его значеніе потому, что оно оказывается, по убѣжденію палаты, недоказаннымъ, что самое происхожденіе колбасъ изъ колбасной мастерской Лангера не установлено,—то устраненіе такой улики оказывается вполнѣ правильнымъ. А именно такъ и поступала палата въ отношеніи всѣхъ ею разобранныхъ уликъ; она не отвергла ихъ общую, ихъ совокупностью созидаемую, доказательную силу, а признала, что каждое изъ обстоятельствъ, образующихъ улику, не доказано. Очевидно, что иной критики, кромѣ индивидуальной, такъ сказать, и быть не можетъ. Если просмотрѣть всѣ доводы палаты, то окажется, что всѣ они даютъ именно такую критику,—не доказано странное поведеніе, не доказано происхожденіе царапинъ отъ самообороны, не доказано пріобрѣтеніе Степаномъ Скитскимъ колбасъ, не доказано тождество ихъ съ колбасами Лангера, не установлено, что хлѣбъ—

изъ лавки Воронелля, не доказано сходство бечевки съ бечевками консисторіи, не доказано, что Ткаченко видѣлъ Скитскихъ на разстояніи 360 шаговъ, не доказано отсутствіе другихъ мотивовъ. Каждая изъ этихъ уликъ—не доказана въ ея существованіи,—очевидно, что ex nihilo nihil fit, и что обвиненіе не доказано, не потому что улики не даютъ доказательной силы, а потому что уликъ не существуетъ. Въ протестѣ прокурора Харьковской судебной палаты такое обсужденіе уликъ неправильно названо *формальнымъ*.

Приговоръ по дѣлу Скитскихъ и признанная Правительствующимъ Сенатомъ необходимость его отмѣны, лишній разъ свидѣтельствуетъ о томъ, что установленный въ нашемъ процессуальномъ порядкѣ способъ изложенія приговора нуждается въ реформѣ. Разъ требуется изложеніе мотивовъ, то очевидно, что изложеніе ихъ, хотя бы въ краткомъ видѣ, необходимо должно предшествовать резолюціи и должно быть сдѣлано въ составѣ присутствія, постановляющаго приговоръ. Множество приговоровъ оказались бы неуязвимыми съ точки зрѣнія логической ихъ правильности, если бы они оказались изложенными по краткимъ мотивамъ, устанавливаемымъ при самомъ постановленіи приговора. Срочность работы и обремененность ею членовъ судебныхъ мѣстъ не отразились бы на приговорахъ въ окончательной формѣ столь неблагопріятно, какъ это, къ несчастью, встрѣчается сплошь и рядомъ; этимъ избѣгнута была бы та аномалія, что мотивы приговора излагаются однимъ только участникомъ совѣщанія по соображеніямъ, которыя онъ случайно удержалъ въ своей памяти; не было бы ни удивительной иногда краткости, въ особенности апелляціонныхъ приговоровъ, ни не менѣе удивительнаго многословія (какъ по дѣлу Скитскихъ), одинаково вредныхъ въ смыслѣ убѣдительности и логичности.

Ни французскіе, ни нѣмецкіе судьи не поставлены въ такое странное положеніе, что они подписываютъ заднимъ числомъ соображенія, не бывшія, быть можетъ, въ виду именно ими при подачѣ своего голоса. Положительно достойны подражанія французская манера—vu и attendu въ видѣ тезисовъ, предшествующихъ резолюціи.

VI.

Дѣло бр. Скитскихъ вновь разсмотрѣно особымъ присутствіемъ Харьковской судебной палаты въ засѣданіи 16—21 марта 1899 г.,

происходившемъ въ г. Харьковѣ, въ составѣ предсѣдательствовавшаго старшаго предсѣдателя А. А. Чернявскаго, членовъ палаты: М. П. Зряхова, А. Г. Казначеева, А. К. Жежеро и сословныхъ представителей: Харьковскаго уѣзднаго предводителя дворянства В. Д. фонъ-деръ-Лауница, Харьковскаго городскаго головы И. П. Голенищева-Кутузова и Харьковскаго волостнаго старшины Я. И. Уса.

Изъ происходившаго въ судебномъ слѣдствіи,—мы заимствуемъ изъ газетъ, помѣщавшихъ довольно подробный отчетъ, мы отмѣтимъ только показаніе экспертовъ,—проф. Потенко, Орлова, врачей Михнова и Устименко. Заключеніе ихъ далеко не имѣло того безусловнаго характера, какой представляетъ собою заключеніе, изложенное въ обвинительномъ актѣ. Выяснено, что смерть едва ли произошла отъ задушенія веревкою. Затѣмъ имѣется показаніе новыхъ свидѣтельницъ—Бородаевой и Ващенко, показавшихъ, что они 14 іюля 1897 г. въ 2 ч. 25 м. видѣли изъ своей квартиры чрезъ бинокль, какъ два человѣка,—одинъ въ кителѣ, а другой въ черномъ платьѣ быстро поднимались въ гору, мимо еврейскаго кладбища, какъ будто къ мѣсту убійства и скрылись по направленію къ Яковцамъ (близъ дачи Комарова). Съ другой стороны, свидѣтельница Попова, вызванная защитой, показала, что 14 іюля 1897 г. въ 3 ч. дня она встрѣтила Степана Скитскаго, ведшаго подъ руку своего пьянаго брата Петра. Защищали Степана Скитскаго, кромѣ прежняго его защитника г. Зеленскаго, присяжный повѣренный Н. П. Карабчевскій, а Петра Скитскаго—присяжный повѣренный Б. П. Куликовъ.

Приговоромъ особаго присутствія оба брата признаны виновными и приговорены къ ссылкѣ въ каторжныя работы на 12 л. Какъ сообщаютъ газеты, и обвинительный приговоръ бр. Скитскимъ постановлено большинствомъ членовъ присутствія, причемъ въ меньшинствѣ остались члены палаты гг. Казначеевъ и Жежеро и старшина Усъ.

Вотъ соображенія, на коихъ большинство основало свой приговоръ:

„Выслушавъ судебное слѣдствіе и заключительныя пренія сторонъ, особое присутствіе палаты прежде всего устраняетъ отъ своего разсмотрѣнія: а) вопросы о недостаткахъ и неполнотѣ предварительнаго слѣдствія, какъ неподлежащіе въ настоящемъ составѣ присутствія разсмотрѣнію палаты; б) всѣ разнообразные слухи, разновременно вторгавшіеся въ область настоящаго дѣла,

какъ потому, что эти слухи, по закону не составляютъ судебныхъ доказательствъ (718 ст. уст. уг. суд.), такъ и потому, что эти слухи, въ теченіи довольно продолжительнаго времени со дня смерти Комарова не дали никакихъ опредѣленныхъ указаній на виновность какихъ либо другихъ, кромѣ привлеченныхъ къ суду лицъ. Установляя засимъ время, мѣсто и способъ совершенія преступленія, особое присутствіе палаты находитъ, что изъ свидѣтельскихъ показаній Котелевца, Вороницына, Никольскаго и другихъ, оказывается, что Комаровъ вышелъ въ день происшествія 14 іюля 1897 г. изъ консисторіи ранѣе обыкновеннаго, именно въ 2 ч. 25 мин. Это время установлено съ положительною точностью. Принявъ во вниманіе показаніе свидѣтельницы Комаровой, удостовѣрившей, что покойный мужъ ея, по его словамъ, на путь изъ города къ себѣ на дачу употреблялъ отъ 45 до 55 минутъ, а также сопоставляя показанія свидѣтелей Кошевого, Карацюпы и Ткаченко, слѣдуетъ заключить, что Комаровъ приблизился къ мостику, т. е. къ тому мѣсту, гдѣ 15 числа найденъ былъ его трупъ, отстоящему, какъ выяснено въ судебномъ засѣданіи, отъ дачи на разстояніи около 7 минутъ, въ 3 часа съ минутами, вѣроятнѣе всего, около 3 часовъ 20 м., или 3 часовъ 30 минутъ, если имѣть въ виду, что день 14 іюля былъ жаркій съ порывистымъ вѣтромъ (показанія Комаровой, Котелевца, Поповой, Гнатевича и др.), почему Комаровъ могъ идти нѣсколько тише обыкновеннаго. Въ этотъ день Комаровъ на свою дачу не вернулся, какъ видно изъ показаній вдовы покойнаго и проживавшей еще у ея матери въ теченіи 28 лѣтъ няньки Дудиной; а между тѣмъ трупъ его оказался найденнымъ въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторонѣ отъ вышеупомянутаго мостика, причемъ эксперты не могли придти къ выводу, чтобы онъ былъ притащенъ сюда издалека. Согласно съ симъ и на основаніи данныхъ осмотра трупа и мѣстности, слѣдуетъ заключить, что трупъ тащили лишь на протяженіи очень небольшого разстоянія; сыроватая глина, усмотрѣнная на колѣняхъ брюкъ покойнаго,—какъ видно изъ прочитаннаго на судѣ акта, осмотра слѣдователя отъ 16-го іюля 1897 года, соотвѣтствуетъ лишь почвѣ той мѣстности, и этотъ объективный признакъ подтверждаетъ соображеніе, что трупъ былъ протащенъ на протяженіи тѣхъ шаговъ, которые составляли разстояніе между мостикомъ и мѣстомъ обнаруженія трупа. Судя засимъ по разбитымъ очкамъ покойнаго, найденнымъ близь дороги, у самаго мостика, а также по оказавшемуся нѣсколько дальше его

же изломанному зонтику, слѣдуетъ заключить, что нападеніе было сдѣлано на Комарова или на самомъ мостикѣ, или въ тотъ моментъ, когда онъ только что успѣлъ сойти съ мостика на дорогу, слѣдовательно для него неожиданно, на что указываетъ и изломанный видъ зонтика, которымъ, вѣроятнѣе всего, онъ только не успѣлъ воспользоваться для обороны, не успѣвъ воспользоваться съ этой цѣлью оставшимся въ карманѣ его платья заряженнымъ револьверомъ.

„Спрошенные палатой врачи эксперты не могли единогласно опредѣлить способъ причиненія смерти, сходясь въ одномъ, что смерть Комарова послѣдовала отъ асфиксіи, профессоръ Патенко находилъ болѣе вѣроятнымъ задушеніе какимъ либо мягкимъ тѣломъ; врачъ Михновъ—удавленіе веревкой; врачъ Устименко совсѣмъ не могъ опредѣлить способа, но во всякомъ случаѣ, всѣ они высказались въ томъ смыслѣ, что Комаровъ лишенъ жизни насильственнымъ способомъ. Особое присутствіе палаты, съ своей стороны, наиболѣе убѣждается доводами эксперта Михнова, производившаго вскрытіе трупа и располагающаго, слѣдовательно, болѣе точными, чѣмъ остальные эксперты, свѣдѣніями объ обнаруженныхъ на трупѣ признакахъ, на которыхъ и должна быть построена судебно-медицинская экспертиза. Такимъ образомъ, особое присутствіе палаты не можетъ не признать по дѣлу доказаннымъ, что Комаровъ лишенъ былъ жизни посредствомъ удушенія посторонними лицами, неожиданно напавшими на него близъ того мѣста, гдѣ на слѣдующій день найденъ былъ его трупъ, а также, что преступленіе это совершено 14 іюля послѣ 3 часовъ пополудни, что, кромѣ вышеизложеннаго, подтверждается и признаками трупнаго разложенія, отмѣченнаго актомъ вскрытія 15 іюля, по поводу каковыхъ признаковъ эксперты высказались, что смерть послѣдовала за сутки до вскрытія.

„Обращаясь засимъ къ обсужденію вопроса о мотивахъ, побужденіяхъ къ совершенію преступленія надъ Комаровымъ, особое присутствіе палаты прежде всего обязывается исключить возникавшія по производству дѣла предположенія,—отчасти въ видѣ намековъ,—относительно корыстныхъ цѣлей, побужденій вообще, а грабежа въ частности.

„Всѣ бывшія при покойномъ Комаровѣ вещи, представлявшія какую либо цѣнность, оказались въ цѣлости, за исключеніемъ золотыхъ дамскихъ часовъ, которые онъ, по словамъ вдовы покойнаго, уходя изъ дома, имѣлъ при себѣ на простомъ черномъ

снуркѣ; но не нахожденіе часовъ при трупѣ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, отнюдь не можетъ служить указаніемъ, чтобы лишеніе жизни Комарова имѣло цѣлью грабежъ; даже предположеніе объ этомъ представляется менѣе правдоподобнымъ, чѣмъ предположеніе о томъ, что во время перетаскиванія трупа, подобно тому, какъ это случилось съ очками покойнаго, и часы его могли сорваться со снурка и затѣмъ быть найдеными кѣмъ либо, утаившимъ эту находку. Вообще ничто не наводитъ на мысль о грабежѣ, и данныя, обнаруженныя по дѣлу, указываютъ, что мотивы убійства Комарова не имѣютъ ничего общаго съ какими бы то ни было корыстными цѣлями.

„Останавливаясь засимъ на другихъ мотивахъ преступленія,— насколько о нихъ высказано было въ обвинительномъ актѣ, разъяснялось представленными по дѣлу доказательствами, развивалось сторонами во время судебнаго засѣданія и упоминалось въ заключительномъ по судебному слѣдствію преніяхъ,—прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что всѣ данныя по сему предмету сводятся къ установленію такихъ отношеній между дѣйствительными, а также предполагаемыми лицами и покойнымъ Комаровымъ, въ конечномъ результатѣ которыхъ слѣдуетъ усматривать совершенное надъ нимъ преступленіе. Изъ этой области указаній и соображеній, представленныхъ сторонами, по мнѣнію особаго присутствія палаты, совершенно должны быть исключены однако такія, которыя не нашли себѣ подтвержденія въ фактическихъ данныхъ и тѣмъ болѣе такія, которыя, ограничиваясь намеками, не только не стоятъ въ фактической связи съ событіемъ преступленія, но не имѣютъ съ ними и логической связи. Изъ категоріи этихъ указаній и соображеній должны быть исключены: 1) клонящіяся къ вопросу о семейныхъ отношеніяхъ Комарова, ибо по сему предмету по дѣлу совершенно устранены какія либо подозрѣнія неблагопріятнаго свойства (свид. Дудина), а напротивъ, изъ свидѣтельскаго показанія вдовы Комаровой нельзя не вывести заключенія о взаимномъ довѣріи, существовавшимъ между супругами Комаровыми и такимъ положеніемъ покойнаго въ своей семьѣ, какое только и можетъ быть названо нормальнымъ. Не касаясь другихъ свидѣтельскихъ показаній, рисующихъ нравственный обликъ Комарова, достаточно остановиться на показаніи въ этомъ отношеніи епископа Илларіона и свидѣтеля Житецкаго, чтобы не сомнѣваться въ томъ уваженіи и расположеніи, какимъ пользовался Комаровъ въ семьѣ. 2) Тѣ указанія и предположенія, которыя касались отдаленнаго прошедшаго учеб-

наго періода въ жизни Комарова, а также пребываніе его, еще до женитьбы, за границей, ибо и въ этомъ отношеніи, либо не добыто слѣдствіемъ никакихъ данныхъ, либо вопросы защиты разрѣшались отрицательно (свид. Комарова, Малевинскій). 3) Разслѣдованія, касавшіяся третьихъ лицъ, имѣвшихъ дѣловыя отношенія къ консисторіи, въ которой служилъ Комаровъ (Тржецякъ, Ливинъ), ибо слѣдствіемъ не дано фактическаго матеріала для установленія на этой почвѣ чьей либо вражды къ покойному, а вопросы, относившіеся къ свидѣтелю Бабѣ-Чубаръ, равно какъ и касавшіеся какихъ то Андреева, Некрашевича, не только фактически, но и логически не связаны ни съ событіемъ, ни съ личностью Комарова и 4) указанія защиты (пр. пов. Карабчевскій) на „эмблематическое значеніе" той формы, какую имѣла будто-бы, въ видѣ банта, оказавшаяся на шеѣ убитаго веревка, какъ носящая характеръ намека, при томъ недостаточно даже понятнаго. Засимъ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, оказываются достовѣрными тѣ представленныя по дѣлу доказательства, которыя касаются отношеній къ покойному Комарову со стороны обвиняемаго С. Скитскаго и устанавливаетъ враждебность чувствъ послѣдняго къ бывшему своему начальнику по службѣ.

„При самомъ возникновеніи дѣла подозрѣніе въ убійствѣ Комарова пало именно на лицъ, относившихся къ нему непріязненно. Такимъ лицомъ, по свидѣтельству вдовы покойнаго, представился подсудимый С. Скитскій. Подозрѣніе на С. Скитскаго явилось у Комаровой еще тогда, когда она возвращалась на дачу изъ города послѣ тщетныхъ розысковъ своего мужа, т. е. 15 іюля, о чемъ она тогда же подѣлилась мыслью съ сопровождавшей ее сестрой Татьяной Будаевской, которая, въ свою очередь, высказала то же подозрѣніе. Свидѣтельство Комаровой о непріязненныхъ отношеніяхъ С. Скитскаго къ ея покойному мужу встрѣтило себѣ подтвержденіе въ показаніи епископа Полтавскаго Иларіона, свидѣтельство котораго вообще имѣетъ по дѣлу серьезное значеніе не только для опредѣленія взаимныхъ отношеній между покойнымъ Комаровымъ, какъ секретаремъ консисторіи и обвиняемымъ С. Скитскимъ, какъ подчиненнымъ ему лицомъ, но и для характеристики личностей обоихъ, а также порядковъ въ канцеляріи того учрежденія, въ которомъ С. Скитскій служилъ много лѣтъ до Комарова и того положенія, какое занималъ въ консисторіи обвиняемый среди своихъ сослуживцевъ и начальствующихъ лицъ. Касаясь порядковъ, существовавшихъ въ консисторіи за протекшее время до поступленія

въ нее секретаремъ Комарова, именно при секретаряхъ Васильевѣ и Радкевичѣ, Преосвященный Иларіонъ рисуетъ ихъ въ довольно мрачныхъ краскахъ. Злоупотребленія при Васильевѣ въ свое время вызвали ревизію и смѣну секретаря; а смѣнившій его секретарь Радкевичъ не сумѣлъ упорядочить дѣла. Но молодой и болѣзненный Радкевичъ, по выраженію епископа Иларіона, былъ человѣкъ слабый и боязливый въ томъ смыслѣ, что, принимая разныя мѣры къ улучшенію порядковъ въ консисторіи, онъ не имѣлъ силы и твердости настаивать на исполненіи своихъ распоряженій. Дѣло шло такимъ образомъ такъ же плохо, какъ и ранѣе. Въ этомъ отношеніи характерными представляются приведенные епископомъ изъ дѣлопроизводства консисторіи, именно по части, находившейся въ завѣдываніи С. Скитскаго, примѣры: донесеніе Святѣйшему Синоду, уже подписанное Архіереемъ, слишкомъ двухъ лѣтъ не отсылалось и послѣ лишь неоднократныхъ напоминаній было разыскано въ канцеляріи. Такая же медленность, притомъ, по мнѣнію епископа, не случайная, допускалась и по дѣламъ. Свидѣтель называлъ дѣла, въ которыхъ участвовали двѣ стороны и въ замедленіи которыхъ, слѣдовательно, одна изъ сторонъ была заинтересована. Наконецъ, свидѣтель упомянулъ и о такихъ дѣлахъ, тоже представлявшихъ интересъ для одной изъ сторонъ, которыя вовсе разысканы не были, и объ исчезновеніи которыхъ пришлось донести Святѣйшему Синоду. Не смотря, однако, на произведенную ревизію, сдѣланный секретарю выговоръ, преосвященный оставался недовольнымъ порядками въ консисторіи до такой степени, что даже приказалъ объявить ея членамъ свое неудовольствіе въ формѣ резолюціи со ссылкой на упомянутую выше ревизію. При такомъ положеніи дѣлъ секретаремъ Полтавской духовной консисторіи былъ назначенъ покойный Комаровъ, человѣкъ еще молодой, съ академическимъ образованіемъ и, по отзыву владыки, разумный, энергичный и безукоризненно честный, который, твердо, хотя быть можетъ слишкомъ смѣло, а иногда рѣзко предпринялъ мѣры къ искорененію нежелательныхъ порядковъ въ консисторія.

„Къ такому отзыву о Комаровѣ примыкаютъ и другія свидѣтельскія показанія, значеніе которыхъ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, не умаляется даже характеристиками нѣкоторыхъ отцовъ протоіереевъ (Мазановъ, Ураловъ, Голюбуцкій), по наблюденіямъ которыхъ Комаровъ былъ рѣзокъ, раздражителенъ, несдержанъ, дѣлалъ свои замѣчанія С. Скитскому, иногда грубъ, хотя эти свидѣтели не касались вопроса о служебной энергіи и высоко честномъ

направленіи Комарова, но качества эти Комарова выступаютъ изъ отзывовъ другихъ лицъ, по наблюденіямъ которыхъ онъ былъ очень хорошій (Лекторскій), справедливый, любилъ тружениковъ (Просяникъ) и особенно изъ восторженнаго отзыва Житецкаго о Комаровѣ, какъ человѣкѣ выдающихся нравственныхъ качествъ.

„Изъ дальнѣйшихъ показаній епископа Иларіона видно, что несмотря на сдѣланныя еще до Комарова, именно при Радкевичѣ, распоряженія, воспрещавшія прямыя отношенія публики съ консисторскими чиновниками, распоряженія эти не исполнялись; Комаровъ не только настоялъ на исполненіи этого распоряженія, но пошелъ далѣе въ томъ же направленіи, именно, вопреки мнѣнія членовъ консисторіи, онъ распорядился распространить запрещеніе сношеній съ чинами консисторіи и на отцовъ благочинныхъ. Такое же приказаніе не входить въ сношенія съ публикой — Комаровъ далъ и всѣмъ служащимъ въ консисторіи чиновникамъ, въ томъ числѣ и столоначальникамъ, между которыми находился тогда подсудимый С. Скитскій.

„Не отрицая природныхъ способностей у С. Скитскаго и служебной его опытности, Епископъ Иларіонъ характеризуетъ его, какъ чиновника прежней „заправки": Онъ былъ привѣтливъ, услужливъ—въ ущербъ однако своимъ служебнымъ обязанностямъ. По мнѣнію Владыки, порядки Комарова подорвали значеніе и авторитетъ С. Скитскаго въ консисторіи, гдѣ онъ привыкъ считать себя чиновникомъ значительнымъ.

„Эти черты привѣтливости, почтительности и услужливости, рядомъ со служебною неисправностью, засвидѣтельствовали не только лица, близко стоящія къ С. Скитскому по службѣ (Мазановъ,Ураловъ, Голюбуцкій), но ихъ отмѣтила и свидѣтельница Комарова, удостовѣряя, что, несмотря на служебныя неудовольствія между ея мужемъ и Степаномъ Скитскимъ, во время уже обострившихся между ними отношеній, Скитскій предлагалъ имъ свои личныя услуги.

„Слѣдуетъ замѣтить, что по дѣлу мнѣніе большинства не только сослуживцевъ, но и начальствующихъ въ консисторіи лицъ, сложилось въ пользу Степана Скитскаго, причемъ, однако, особое присутствіе палаты не можетъ не остановиться и на такихъ о немъ отзывахъ (Богатскій, Лекторскій), что, будучи умнымъ, С. Скитскій былъ и хитрымъ.

„Въ этомъ отношеніи особенно категорично показаніе свидѣтеля Житецкаго, который передалъ суду такой отзывъ о Скитскомъ по-

койнаго Комарова: „Уменъ-то онъ уменъ, да и лукавъ". При этомъ свидѣтель припомнилъ и такой случай: однажды зашла рѣчь о томъ, что успѣшнымъ выполненіемъ одного порученія Скитскій вѣдь угодилъ Комарову; Комаровъ подтвердилъ, что Скитскій дѣйствительно угодилъ, но прибавилъ: „а тутъ и уступку сдѣлать ему нужно: проситъ казначейскаго мѣста".

„Ко времени вступленія Комарова въ должность секретаря, еще за время Радкевича, Степанъ Скитскій составилъ себѣ въ консисторіи репутацію дѣлового чиновника и даже „законовѣда". Какъ о „законовѣдѣ" именно о Скитскомъ Житецкій имѣлъ случай бесѣдовать съ Комаровымъ, и послѣдній на это возразилъ, что на свѣдѣнія Скитскаго нельзя положиться, тѣмъ не менѣе Скитскій пользовался такою именно репутаціей въ консисторіи, гдѣ къ нему обращались за справками и указаніями даже, по словамъ чиновника Просяника, Степанъ Скитскій призывался для совѣтовъ къ самому архіерею, хотя Преосвященный Иларіонъ не подтвердилъ этого обстоятельства, въ такой редакціи, не отрицая, что какъ и отъ другихъ чиновниковъ, онъ и отъ Скитскаго въ соотвѣтствующихъ случаяхъ требовалъ лишь справокъ, но самое указаніе Просяника даетъ основаніе заключить, что о Степанѣ Скитскомъ такъ думали, какъ объ этомъ выражался свидѣтель. Въ этомъ особое присутствіе палаты особенно утверждается изъ того обстоятельства, что обвиняемый Степанъ Скитскій въ засѣданіи пожелалъ дать объясненіе именно по поводу замѣчанія преосвященнаго Иларіона: онъ утверждалъ, назвавъ и случай, что архіерею дѣйствительно давалъ совѣты.

„Не безъ упорнаго труда достигъ Степанъ Скитскій такого положенія; прослуживъ въ консисторіи слишкомъ 20 лѣтъ, причемъ онъ нѣсколько разъ исполнялъ должность секретаря и разумѣется свыкся съ тѣми порядками, противъ которыхъ открыто выступилъ Комаровъ. Первое время службы Комарова отношенія между нимъ и Скитскимъ были хорошія. Во время отпуска Комарова Скитскій исполнялъ обязанности секретаря, хотя по этому поводу вдова Комарова пояснила, что въ то время некому было поручить эту должность. Затѣмъ Степанъ Скитскій съ должности столоначальника былъ назначенъ на должность казначея, представлявшую тѣ преимущества, что казначею назначалась квартира, отдѣлкой которой Скитскій занялся. Однако, какъ это видно изъ показанія Житецкаго, эту должность Комаровъ предоставлялъ Скитскому не безъ колебаній послѣ нѣкотораго заступничества его, Житецкаго.

„Въ должности казначея Скитскій особенно часто возбуждалъ неудовольствіе Комарова своей неаккуратностью въ составленіи отчетовъ и своевременной отсылкѣ денегъ. Какъ эти такъ и другія служебныя упущенія Степана Скитскаго повлекли за собой замѣчанія и выговоры со стороны Комарова и, въ свою очередь, они вызвали у Степана Скитскаго нерасположеніе къ Комарову. По этому предмету въ данныхъ по настоящему дѣлу заключаются нѣсколько указаній, которыя сводятся именно къ тому, что сначала отношенія между Комаровымъ и Степаномъ Скитскимъ были сносныя, потомъ онѣ мѣнялись—то улучшались, то ухудшались, Степанъ Скитскій получалъ замѣчанія (по свидѣтельству Голюбуцкаго) за всякое упущеніе; это отразилось на Скитскомъ тѣмъ, что онъ сталъ какъ бы задумчивъ, несообщителенъ, а иногда высказывалъ намѣреніе жаловаться оберъ-прокурору синода. Комаровъ нерѣдко дѣлился съ женой своими неудовольствіями на Скитскаго, и въ разговорѣ съ Житецкимъ высказывалъ опасенія, что изъ-за Скитскаго „попадешь подъ судъ". По замѣчанію Житецкаго, Комаровъ считалъ Скитскаго даже нечестнымъ. Свидѣтель замѣтилъ, что отношенія между ними прогрессивно ухудшались, обострялись. Что это было такъ, слѣдуетъ изъ словъ Преосвященнаго Иларіона, когда онъ сказалъ Скитскому: „ты камень въ душѣ своей носишь противъ Комарова" (Мазановъ, Каменецкій, Горностаевъ, Комарова, Голобуцкій, Просяникъ, Богацкій, Знайковъ, Житецкій, Епископъ Иларіонъ).

„По словамъ вдовы покойнаго, изъ разговоровъ мужа она знала, что Степанъ Скитскій терпѣливо выслушивалъ его замѣчанія и выговоры; развѣ,—какъ прибавила свидѣтельница,—онъ бывало раньше уйдетъ со службы, проживая въ нижнемъ этажѣ зданія консисторіи подъ квартирой Скитскаго, Комарова видѣла иногда Степана Скитскаго уходившимъ со службы ранѣе и уже догадывалась, что у него вышло что либо съ мужемъ, а затѣмъ, по приходѣ мужа, всякій разъ узнавала, что въ этотъ день дѣйствительно были служебныя непріятности. Большинство свидѣтелей, касаясь вопроса о служебныхъ отношеніяхъ между Комаровымъ и Степаномъ Скитскимъ, сходятся въ томъ, что отношенія эти замѣтно ухудшились къ концу 1896 года и въ началѣ 1897 г. Лѣтомъ этого года Комаровъ высказывалъ чинамъ консисторіи, что Степанъ Скитскій, по своей неакуратности, не можетъ оставаться казначеемъ, и что необходимо было-бы перевести его вновь на прежнюю должность столоначальника. Протоіерей Ураловъ взялъ на себя переговорить объ этомъ со Скитскимъ.

„Нѣсколько ранѣе этого, именно предъ праздникомъ Пасхи 1897 года, распредѣляя обычныя денежныя награды, Комаровъ лишилъ Степана Скитскаго этой награды, а при раздачѣ денежныхъ пособій въ іюлѣ того-же года выдалъ ему это пособіе въ меньшемъ, сравнительно съ другими, размѣрѣ. Какъ-бы мелочны эти факты ни были, сами по себѣ, однако свидѣтели удостовѣряютъ, что они были чувствительны для Степана Скитскаго не только какъ матеріальныя лишенія, но и со стороны нравственной, какъ служебныя обиды, вліявшія на его самолюбіе. По показанію чиновника Просяника, Степанъ Скитскій, не получивъ награды къ Пасхѣ, сдѣлался задумчивымъ, а въ послѣднее время вообще, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Комарова, передавая слова жены Скитскаго, сказанныя уже послѣ его ареста, онъ сталъ какъ съумасшедшій, за него нельзя было поручиться. Непріязненныя отношенія Степана Скитскаго къ покойному Комарову сдѣлались извѣстными даже Преосвященному и, какъ объяснилъ Епископъ Иларіонъ, побудили его попытаться помирить ихъ. Призвавъ къ себѣ Степана Скитскаго, Владыка сказалъ ему: „помирись, сдѣлай это для меня.... прошу тебя не какъ начальникъ“. И, указывая на свою грудь, произнесъ вышеприведенныя слова: „ты носишь камень въ душѣ твоей противъ Комарова“; но увѣщанія эти не подѣйствовали на Скитскаго, который, уходя отъ архіерея, отвѣтилъ: „не могу, какъ Вамъ угодно“. По словамъ протоіерея Уралова онъ взялъ на себя переговоры со Скитскимъ объ оставленіи должности казначея за недѣлю или за двѣ до смерти Комарова, но свидѣтельница Комарова утверждаетъ, что это было именно 11 іюля, какъ сообщилъ ей мужъ по возвращеніи въ тотъ день изъ консисторіи. Въ слѣдующіе за этимъ дни, субботу и воскресенье, т. е. 12 и 13 іюля, ея покойный мужъ на службу не ходилъ, а въ понедѣльникъ 14 іюля пошелъ, но уже не вернулся домой. Анализируя всѣ вышеприведенные мелочные факты изъ области отношеній Степана Скитскаго къ Комарову и оцѣнивая ихъ со стороны внутренняго значенія, особое присутствіе палаты не можетъ не придти къ заключенію, что въ совокупности своей они указываютъ на постепенно новыя, болѣе и болѣе развивавшіяся въ Скитскомъ чувства недружелюбія къ Комарову, перешедшія затѣмъ во вражду, которая разростаясь въ немъ скрытно для посторонняго наблюдателя, подготовила и мстительныя чувства.

„Это представляется тѣмъ болѣе правдоподобнымъ, что, судя по нѣкоторымъ чертамъ характера, о которыхъ свидѣтельствовали

лица, соприкасавшіяся со Скитскимъ по службѣ, онъ представлялъ изъ себя именно такой типъ человѣка, хотя умнаго отъ природы, но хитраго (лукаваго) и не развитаго образованіемъ, такой типъ мелкаго въ служебной іерархіи чиновника, однако ранѣе занимавшаго въ теченіи многихъ лѣтъ положеніе чиновника „значительнаго", воспитаннаго притомъ въ традиціяхъ прежнихъ порядковъ, которому не легко было примириться съ иными, чѣмъ прежде, отношеніями къ себѣ новаго начальника, секретаря Комарова, которому тяжко было сознавать, что, благодаря именно Комарову, онъ утрачиваетъ прежнее свое авторитетное положеніе въ консисторіи, что, въ качествѣ подчиненнаго, онъ безсиленъ въ открытой борьбѣ съ начальникомъ, и что зависимость отъ послѣдняго безвозвратно низводитъ его съ прежняго положенія на положеніе заурядного мелкаго въ служебной іерархіи чиновника. Таковы, по мнѣнію особаго присутствія палаты, тѣ психологическіе стимулы, которые способны были развить въ Скитскомъ злобныя, мстительныя чувства, и наблюденіе которыхъ на первыхъ же порахъ подсказало вдовѣ Комаровой подозрѣніе на Скитскаго, какъ на виновника въ смерти ея мужа. Если такимъ образомъ, по обстоятельствамъ дѣла, складывается убѣжденіе о наличности у Степана Скитскаго мотивовъ для совершенія преступленія и для убѣжденія въ томъ, что мысль о его совершеніи принадлежитъ ему первому, человѣку сильному не только характеромъ, но и физически (свид. Червоненко), то, останавливаясь на обсужденіи того-же вопроса по отношенію къ другому обвиняемому, именно Петру Скитскому, особое присутствіе палаты находитъ, что для Степана Скитскаго онъ представлялся совершенно пригоднымъ соучастникомъ не только какъ очень близкій къ нему человѣкъ, но и какъ человѣкъ низкаго нравственнаго уровня, съ характеромъ, поддающимся вліяніямъ. Будучи мелкимъ канцелярскимъ чиновникомъ въ той-же Полтавской консисторіи, Петръ Скитскій, на основаніи свидѣтельскихъ показаній (Каменецкій, Гриценко, Шиленко, Головко и др.), вырисовывается преимущественно какъ товарищъ собутыльникъ, который, посвящая немного времени служебнымъ занятіямъ, значительную часть проводилъ въ пивныхъ и трактирахъ, между пьянствомъ и похмѣльемъ. Имѣя отдѣльно отъ брата квартиру (Головка), онъ по цѣлымъ днямъ въ ней не бывалъ, а ночи, случалось, проводилъ у брата (Котелевецъ). Послѣдній, конечно, въ глазахъ его, стоялъ не ниже, чѣмъ въ глазахъ другихъ служащихъ въ консисторіи, какъ большая умственная сила, а близость свою къ брату Петръ

Скитскій проявилъ даже въ такомъ, повидимому, мелочномъ фактѣ, какъ имѣвшій мѣсто 15 іюля: когда въ этотъ день найденъ былъ трупъ Комарова и Головка звалъ Петра Скитскаго отъ попойки къ мѣсту происшествія, то Петръ Скитскій отговорился тѣмъ, что „брата надо поискать“. Съ другой стороны, и Степанъ Скитскій, давая объясненіе о времяпрепровожденіи 14 іюля, хотя въ придуманной передачѣ подробностей, остановился на мысли о томъ, что большую часть дня онъ ухаживалъ за пьянымъ братомъ. Эта, въ общемъ, вѣроятная попечительная заботливость, по мнѣнію особаго присутствія палаты, свидѣтельствуетъ лишь о такихъ отношеніяхъ между обвиняемыми братьями, при которыхъ сильный умомъ и характеромъ Степанъ могъ склонить брата на преступное дѣло, а упавшій нравственно Петръ могъ согласиться на него. Переходя засимъ къ обсужденію другихъ фактическихъ данныхъ по дѣлу и имѣя въ виду тѣ изъ нихъ, которыя устанавливаютъ нахожденіе обвиняемыхъ въ день совершенія преступленія именно у мѣста его совершенія, а также и тѣ, которыя, въ связи съ объясненіями обвиняемыхъ, даютъ разъясненія о дѣйствительномъ времяпрепровожденіи ими въ день 14-го іюля, особое присутствіе палаты признаетъ необходимымъ остановиться на описаніи мѣстности, которая, по обстоятельствамъ дѣла, имѣетъ для сего значеніе. Въ этомъ отношеніи, кромѣ свидѣтельскихъ показаній, особое присутствіе располагало представленными къ дѣлу со стороны обвиненія набросками плана, а также выкопировкой плана части города Полтавы и прилегающей мѣстности и представленною со стороны защиты выкопировкою также части города Полтавы. Только одинъ изъ числа свидѣтелей, которымъ предъявлены были тѣ планы, именно свидѣтель со стороны обвиняемыхъ, домовладѣлецъ Лазаревъ, обозрѣвая планъ, представленный обвинительною властью, нашелъ, что границы его, свидѣтеля, земли расположенной на окраинѣ города, обозначены не вполнѣ точно, и что рѣка Ворскла находится на самомъ дѣлѣ ближе къ Крестовоздвиженскому монастырю, чѣмъ это изображено на планѣ. Однако, свидѣтель, составлявшій эти планы, полтавскій губернскій землемѣръ, объяснилъ, что они были составлены имъ частью съ натуры, частью выкопированы съ другихъ плановъ, но что въ нихъ масштабъ вездѣ выдержанъ вѣрно. По планамъ этимъ представляется возможнымъ прослѣдить мѣстность, въ которой расположена консисторія, прилегающія къ ней въ городѣ мѣстности, путь отъ консисторіи къ выходу изъ города, улицы Ко-

лонійскую и Фабрикантскую, расположенныя именно къ выходу, усадьбу свидѣтеля Лазарева со склономъ отъ нея и засимъ подъемомъ къ монастырю, самый монастырь на горѣ, прилегающіе къ нему лѣсъ и мѣстность по ту сторону монастыря, прилегающую къ р Ворсклѣ, съ Кривохатками включительно, а также сосѣднюю съ усадьбой Лазарева мѣстность, склонъ отъ нея къ проѣзжей дорогѣ на дачу Склифасовскаго (дорога идетъ подъ Монастырской горой) и самую дорогу, которая, пролегая мимо кирпичныхъ сараевъ (свидѣтели Кошевой и Карацюпа), далѣе раздѣляется такъ, что направо пойдетъ путь къ селу Яковцамъ, а значительно поворачивая влѣво—на дачу Склифасовскаго и далѣе дер. Терновщину отъ пункта раздѣленія дороги, въ разстояніи 242 саж., именно на вѣтви, идущей къ дачѣ, и расположенъ тотъ мостикъ, близъ котораго найденъ трупъ Комарова.

„Изъ объясненій обвиняемаго Степана Скитскаго видно, что 14 іюля 1897 г., выйдя изъ г. Полтавы, онъ повелъ своего пьянаго брата къ р. Ворсклѣ, гдѣ прикладывалъ ему компрессы, причемъ послѣдній выспался, затѣмъ они купались, ловили раковъ, катались на лодкѣ и вернулись домой поздно ночью. Путь изъ города, съ Колонійской улицы, какъ показалъ это на планѣ обвиняемый, они сдѣлали по спуску усадьбы Лазарева, поднялись по Монастырской горѣ (оставивъ, слѣдовательно, отъ себя въ лѣвую сторону дорогу на Яковцы) и вновь спустились къ рѣкѣ. Независимо отъ объясненій свидѣтеля Червоненко, что спускъ и затѣмъ подъемъ на Монастырскую гору особенно для пьянаго, весьма затруднителенъ, вышеупомянутый свидѣтель Ткаченко, находившійся со своимъ стадомъ 14 іюля 1897 года на клинушкѣ земли Склифасовскаго, недалеко отъ поворотки на Яковцы, видѣлъ приблизительно черезъ часъ послѣ того, какъ прошелъ Комаровъ, когда звонили къ вечернѣ, какъ изъ лѣсу въ разстояніи отъ него съ „гонъ“ вышли двое людей, лицъ онъ ихъ не примѣтилъ, такъ какъ головы ихъ какъ бы обмотаны были чѣмъ т. бѣлымъ, платками или полотенцами, а одѣты они были такъ: одинъ въ сѣромъ, а другой въ темномъ платьѣ. Замѣтивъ его, свидѣтеля Ткаченко, люди эти, направлявшіеся къ Монастырскому лѣсу, свернули въ балку; Ткаченко ранѣе этого не зналъ Скитскихъ, но послѣ предъявленія ихъ ему слѣдователемъ, по костюму и по росту, призналъ ихъ похожими на тѣхъ людей. Свидѣтель оставался со своимъ стадомъ въ томъ же мѣстѣ до вечера, но никого болѣе проходившими не видѣлъ.

„Изъ прочитаннаго на судѣ показанія свидѣтеля Митрофана Каноненко видно, что 14 іюля 1897 г., искупавшись въ р. Ворсклѣ, у островка, что за Кривохатками, онъ возвращался съ купанья около $7^1/_2$ час. веч., при этомъ увидалъ Скитскихъ, прошедшихъ шагахъ въ 20 впереди его, какъ бы по направленію отъ Монастырскаго лѣса: старшій изъ Скитскихъ, Степанъ, былъ одѣтъ въ китель съ металлическими пуговками и въ черной форменной фуражкѣ, а младшій въ одеждѣ темнаго цвѣта и темной шляпѣ. Къ этому свидѣтель добавилъ, что если бы Скитскіе шли съ купанья по направленію къ водокачкѣ, то имъ бы не такъ идти, какъ онъ видѣлъ.

„При сопоставленіи этихъ двухъ показаній, Ткаченко и Каноненко, уже получается основаніе заключить, что люди, которыхъ видѣлъ Ткаченко, шедшими отъ мѣста преступленія, были именно обвиняемые Скитскіе, пробывшіе болѣе или менѣе продолжительное время въ Монастырскомъ лѣсу, до тѣхъ поръ, когда свидѣтель Каноненко замѣтилъ ихъ идущими именно отъ Монастырскаго лѣса. Такое заключеніе находитъ себѣ еще больше подтвержденія при оцѣнкѣ показанія свидѣтельницы Меланіи Бородаевой и ея сосѣдки Маріи Ващенко. Изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній, а также объясненій свидѣтеля Червоненко слѣдуетъ прежде всего установить, что домъ Бородаевой расположенъ въ предмѣстьи недалеко отъ Сѣнной и влѣво отъ Фабрикантской, въ такомъ пунктѣ, на склонѣ оврага, отъ котораго по прямому направленію, мимо еврейскаго кладбища можно пройти къ дачѣ Склифасовскаго и съ котораго противоположная сторона видна, по выраженію Червоненко, какъ „на ладони“, а по удостовѣренію свидѣтельницъ, въ ясный день можно видѣть, какъ пробѣжитъ собака. Свидѣтельница Бородаева, именно показала, что между 12 и 15 числами іюля 1897 г., поджидая своего брата, состоящаго чиновникомъ губернскаго правленія, она вышла на площадку своего дома и обратила внимапіе на двухъ мущинъ, бѣжавшихъ по полянѣ по направленію къ дер. Яковцамъ, какъ будто къ тому мѣсту, гдѣ потомъ былъ убитъ Комаровъ. Желая убѣдиться, есть ли въ числѣ мущинъ ея братъ, она стала смотрѣть въ принесенный ей Ващенковой бинокль и разглядѣла, что одинъ изъ мущинъ былъ одѣтъ въ парусиновомъ кителѣ, причемъ металлическія пуговки блестѣли на солнцѣ, а другой былъ въ темномъ платьѣ. Это было въ $2^1/_2$ часа пополудни, что она хорошо помнитъ, такъ какъ Ващенкова

именно справлялась у нея о времени. Люди, которыхъ она наблюдала, вскорѣ скрылись изъ ея глазъ.

„Разъясняя точнѣе день, въ который это было, Бородаева пояснила, что это было не въ субботу, и не въ воскресенье (12 и 13-го), потому что въ субботу она вернулась изъ Кіева, въ воскресенье же не могла ждать брата, такъ какъ онъ не былъ на службѣ, а былъ на охотѣ, и не 15-го, а было это въ тотъ день, когда ей пришлось быть свидѣтельницей того, что корпусный экономъ дѣлалъ на базарѣ покупки для находившихся въ лагерѣ кадетъ по случаю корпуснаго праздника дня Св. Владиміра. Такимъ образомъ она заключаетъ, что это было въ понедѣльникъ 14-го іюля, тѣмъ болѣе, что, убѣдившись, что въ числѣ торопившихся мущинъ нѣтъ ея брата, она предположила, что это именно кто либо изъ сослуживцевъ въ корпусѣ спѣшитъ въ лагери. Показаніе Бородаевой, въ частяхъ ея касающихся, подтвердила и свидѣтельница Марія Ващенко: въ тотъ день, выйдя изъ своего дома, спросила сосѣдку Бородаеву, который часъ, Бородаева отвѣтила половина третьяго, затѣмъ она стала смотрѣть въ бинокль на поляну; сперва сказала: „это—не братъ“, а потомъ прибавила: „посмотри, какъ быстро идутъ, побѣжали“. Ващенко, въ свою очередь, посмотрѣла на поляну и тоже увидала упомянутыхъ выше двухъ людей—одного въ сѣромъ, другого въ черномъ платьѣ, при этомъ высказалась, что они бѣгутъ какъ сумасшедшие.

„Въ опроверженіе показанія Бородаевой и Ващенко имѣется показаніе вызванной защитой свидѣтельницы Матрены Поповой, содержательницы пивной лавочки; свидѣтельница эта на первый же предложенный ей вопросъ непосредственно и категорически показала, что во вторникъ 14 іюля 1897 г. около 3 часовъ дня, она, отлучившись изъ своей лавочки и направляясь изъ дому, куда заходила за зонтикомъ (изъ подъ Монастырской улицы) въ городъ, встрѣтила обоихъ братьевъ Скитскихъ Степана и Петра, которыхъ хорошо знаетъ; они спускались по Лазаревской горѣ, причемъ одинъ братъ велъ другаго пьянаго подъ руку; объ этомъ она, Попова, тогда-же разсказала, по возвращеніи въ пивную, замѣнявшей ее тамъ во время отсутствія швеѣ Ксеніи Хмаровой. Послѣдняя свидѣтельница ссылку на нее подтвердила. Не подвергая эти свидѣтельскія показанія сомнѣнію, относительно умышленной ихъ неправдивости, особое присутствіе палаты не можетъ, однако, отнестись къ нимъ съ тѣмъ довѣріемъ, которое только и могло бы поколебать значеніе противорѣчившихъ имъ показаній. Прежде

всего категорическое и совершенно точное указаніе свидѣтельницы Поповой (годъ, мѣсяцъ, число, день), на такое обстоятельство, которое для нея лично представлялось безразличнымъ, притомъ впервые спустя одинъ годъ и 8 мѣсяцевъ послѣ него, само по себѣ внушаетъ сомнѣнія въ безошибочности указанія; эти сомнѣнія становятся, по мнѣнію особаго присутствія палаты, совершенно опредѣленными, если принять во вниманіе, что та-же свидѣтельница, на вопросъ, какъ были одѣты Скитскіе, не сумѣла дать отвѣта, заявивъ, что этого не замѣтила. Такимъ образомъ, по мнѣнію особаго присутствія, представляется по дѣлу доказаннымъ, что въ третьемъ часу дня 14 іюля 1897 г., т. е., когда еще покойный Комаровъ не могъ дойти до мостика, обвиняемыхъ Скитскихъ видѣли поспѣшающими къ тому-же мѣсту (Бородаева и Ващенко), что около времени вечерень, когда какъ видно изъ вышеизложеннаго, преступленіе уже совершилось, свидѣтель пастухъ Ткаченко видѣлъ людей одинаковыхъ по одеждѣ примѣтъ съ тѣми, о которыхъ свидѣтельствуютъ Бородаева и Ващенко, удаляющимися по направленію отъ мѣста преступленія къ лѣсу, изъ котораго можно пройти въ лѣсъ монастырскій и что въ тотъ же день въ восьмомъ часу вечера свидѣтель Кононенко видѣлъ именно Скитскихъ, направляющихся отъ монастырскаго лѣса, причемъ они были въ такихъ костюмахъ, на которые указываютъ и вышеназванные свидѣтели.

„Показаніе Бородаевой значительно упрощаетъ разборъ и оцѣнку показаній тѣхъ лицъ, которыя видѣли обвиняемыхъ Скитскихъ въ городѣ Полтавѣ около 2 часовъ и ранѣе.

„Послѣдній домъ, у котораго видѣли Степана Скитскаго въ городѣ, былъ домъ Мартыновой, какъ это видно по плану, уже въ недалекомъ разстояніи отъ выхода изъ города. Въ этотъ именно домъ Степанъ Скитскій заходилъ, спрашивая нѣкоего Конопатова. По показанію домохозяйки Мартыновой и ея прислуги Игуменниковой, это было около 2 часовъ дня, а можетъ быть въ самомъ началѣ третьяго, свидѣтельница обыкновенно обѣдаетъ въ 2 часа, а въ тотъ разъ; когда прислуга доложила ей, что какой то господинъ спрашивалъ Конопатова, ей подавали второе блюдо обѣда. Показаніе свидѣтельницы Бородаевой относительно времени совершенно связывается съ свидѣтельствомъ Мартыновой и изъ сопоставленія этихъ показаній, имѣя въ виду, что и обвиняемый Степанъ Скитскій подтверждаетъ, что на выходѣ изъ города онъ заходилъ въ домъ Мартыновой, слѣдуетъ, что Скитскіе уже спѣшили къ мѣсту преступле-

нія, въ то время, какъ покойный Комаровъ едва-ли еще выходилъ изъ консисторіи (половина третьяго часа), причемъ въ распоряженіи обвиняемыхъ былъ и болѣе короткій путь, именно на то разстояніе, какое Комарозу приходилось пройти еще до выхода изъ города; кромѣ того и по выходѣ изъ города, вопреки объясненію Степана Скитскаго, они слѣдовали болѣе краткою дорогою, чѣмъ какою обычно ходилъ Комаровъ (Котелевецъ). Почему особое присутствіе палаты полагаетъ, что обвиняемые располагали достаточнымъ временемъ для того, чтобы прибыть къ мѣсту своей засады заблаговременно.

„Въ виду изложенныхъ соображеній, по мнѣнію особаго присутствія палаты,не представляются имѣющими для дѣла значенія всѣ тѣ свидѣтельскія показанія (Мачуговскій, Иннокентій, Дарагановъ, Броваренко, Ганеръ, Квитковскій, Воробьевскій, Топчій, свидѣтели Навроцкій и др.), которыя касаются времени пребыванія Скитскихъ до выхода ихъ изъ города именно послѣ дома Мартыновой. Изъ этихъ показаній особое присутствіе палаты находитъ имѣющимъ значеніе указаніе свидѣтеля Навроцкаго на то обстоятельство, что, когда онъ видѣлъ 14 іюля Степана Скитскаго спѣшащимъ по Александровской улицѣ, то при немъ былъ „кошелекъ“, т. е. предметъ въ который могутъ быть уложены другіе предметы.

„Обращаясь засимъ къ обсужденію и оцѣнкѣ другихъ имѣющихся по дѣлу косвенныхъ уликъ, особое присутствіе палаты не можетъ не признать, что въ общей своей совокупности, они представляютъ серьезное значеніе для обвиненія, указывая именно на Скитскихъ,—какъ на участниковъ преступленія. Къ таковымъ уликамъ принадлежатъ найденные на мѣстѣ засады два куска колбасы, корки отъ хлѣба и мѣшечекъ для сыпучихъ тѣлъ изъ лавки Воронеля, хотя ко дню засѣданія предметы эти измѣнили свой первоначальный видъ, но изъ показаній полицейскихъ приставовъ г. Полтавы Царенко и Семенова усматривается, что при производствѣ ими розысковъ, тотчасъ по обнаруженіи преступленія, служащіе въ колбасномъ заведеніи Лангера—Матвѣевъ и Коцюра положительно признали два куска колбасы за издѣліе ихъ магазина, причемъ свидѣтель Коцюра утверждалъ, что такія именно колбасы куски отъ которыхъ ему предъявлены, были проданы 13-го или 14-го іюля подсудимому Скитскому, хотя въ судебномъ засѣданіи Коцюра первоначальное свое показаніе измѣнилъ, но изъ прочитанныхъ въ виду разнорѣчія показаній его данныхъ, на предварительномъ слѣдствіи видно, что даже въ присутствіи обвиняемаго

кои-бы уличая его, Коцюра утверждаетъ покупку имъ этихъ колбасъ въ ихъ магазинѣ. Свидѣтель Воронель на первыхъ же порахъ призналъ корки хлѣба похожими на тѣ, какія имѣлись у такъ называемаго еврейскаго хлѣба, разновременно и постоянно покупавшагося у него, между прочимъ, и подсудимымъ Степаномъ Скитскимъ изъ лавочки, находящейся противъ зданія консисторіи.

„Что касается бумажнаго мѣшечка, носящаго на себѣ особыя примѣты: штемпель акцизнаго управленія, ибо мѣшечки эти склеены были изъ такой именно бумаги,—то тотъ же Воронель призналъ его своимъ, удостовѣривъ, что въ такихъ мѣшечкахъ отпускался имъ сыпучій товаръ разнымъ покупателямъ, въ томъ числѣ и Скитскому.

„Обсуждая обстоятельства нахожденія на мѣстѣ преступленія стараго картуза, принадлежность котораго до этого времени—сначала Контратенкѣ, а потомъ Клеменкѣ установлена, съ совершенной ясностью и достовѣрностью, особое присутствіе палаты останавливается лишь на томъ обстоятельствѣ, что картузъ этотъ, по объясненію сторожа Клименко, въ 1897 г. валялся, какъ старый, въ комнатѣ сторожей при консисторіи, куда какъ бы въ курительную, имѣли свободный доступъ всѣ консисторскіе чиновники, а въ ихъ числѣ и Скитскіе, и что картузъ этотъ нѣкоторое время послѣ полученія его отъ Кондратенки замѣчалъ висящимъ на гвоздѣ, а потомъ онъ исчезъ. Такимъ образомъ, картузъ этотъ свободно могъ быть взятъ Скитскими, у которыхъ при предварительной обдуманности преступленія легко, быть можетъ, входило въ планы, отвращая подозрѣніе отъ себя, направить его на другихъ. Въ подкрѣпленіе такого предположенія служитъ свидѣтельство Иванова о томъ, что картузъ носилъ на себѣ слѣды сгибовъ, какъ бы онъ, будучи сложенъ вчетверо, былъ принесенъ на мѣсто преступленія и здѣсь брошенъ, а также свидѣтельство свидѣтеля Навроцкаго о томъ, что при Степанѣ Скитскомъ 14 іюля былъ „кошелекъ".

„Нельзя, наконецъ, обойти молчаніемъ фактъ сличенія веревокъ отобранныхъ чинами полиціи изъ разныхъ помѣщеній консисторіи съ тою, какая оказалась на трупѣ покойнаго Комарова. Этому сличенію особое присутствіе палаты не придаетъ рѣшающаго значенія, какъ потому, что заключенія экспертовъ-торговцевъ веревочнымъ товаромъ недостаточно убѣдительны при видимомъ сходствѣ сличавшихся предметовъ, такъ и потому, что такой предметъ, какъ тонкая веревка, въ изобиліи находившійся въ консисторіи, въ изобиліи же могъ быть полученъ и изъ другого источ-

ника. Кромѣ вышеизложенныхъ соображеній о личности Петра Скитскаго и объ отношеніяхъ его къ брату Степану, къ убѣжденію объ участіи его въ совмѣстно задуманномъ преступленіи особое присутствіе палаты приходитъ, въ виду показанія свидѣтеля Каноненко, который видѣлъ обоихъ Скитскихъ шедшими вмѣстѣ, а также въ виду объясненія самого Степана Скитскаго о томъ, что 14 іюля, часовъ съ 2—3 дня до самаго поздняго вечера онъ не разставался съ своимъ братомъ. При этомъ слѣдуетъ имѣть также въ виду, что объясненіе подсудимаго Петра Скитскаго о томъ, что онъ былъ такъ пьянъ, что ничего не помнитъ послѣ того какъ выпилъ водку въ Александровскомъ саду, уснулъ и до того времени какъ проснулся на берегу р. Ворсклы, не заслуживаетъ никакого довѣрія; никто изъ свидѣтелей, даже свидѣтельница Попова, о такой степени опьяненія Петра Скитскаго не удостовѣряютъ, да оно и не согласуется съ объясненіями Степана Скитскаго о пройденномъ имъ вмѣстѣ съ братомъ пути изъ города на рѣку.

„Въ приведенномъ объясненіи Петра Скитскаго, по мнѣнію особаго присутствія палаты, заслуживаетъ вниманія, въ смыслѣ уличающемъ Скитскихъ то обстоятельство, что имъ куплена была бутылка водки, каковая, съ частью недопитой жидкости, оказалась также на мѣстѣ.

„Въ ряду обстоятельствъ, уличающихъ Скитскихъ въ совершеніи преступленія надъ Комаровымъ, по мнѣнію особаго присутствія палаты, такое же значеніе представляютъ обстоятельства, рисующія ихъ образъ дѣйствій въ дни слѣдующіе за убійствомъ, т. е. 15 и 16 іюля. Утромъ 15 іюня Степанъ Скитскій пробылъ въ консисторіи необычно короткое время, потомъ былъ у редактора Епархіальныхъ Вѣдомостей Ковалевскаго, гдѣ пробылъ около часу и уплатилъ 4 р. 50 коп., былъ у рѣзчика Ганфа, затѣмъ, во время вечернее, — въ монастырѣ, гдѣ раздавалъ медали іеромонахамъ: Смарагду, Вонифантію и др., и здѣсь, узнавъ отъ прибывшаго въ монастырь гробовщика Молчанова объ убійствѣ Комарова, перекрестился предъ образомъ, высказавъ: „Боже мой, что только нынче дѣлается". Молчановъ тогда же сказалъ Степану Скитскому, что его ищутъ въ консисторіи, а Іеромонахъ Вонифантій предложилъ ему для скорѣйшаго пріѣзда въ консисторію запряженную уже лошадь, но Степанъ Скитскій сказалъ, что пойдетъ пѣшкомъ, и дѣйствительно ушелъ, но не въ консисторію, а къ сидѣлицѣ казенной винной лавки Матильдѣ Николаевой у которой провелъ около часу, повидимому, безъ какой либо опредѣленной цѣли, и только уходя

отъ нея, купилъ бутылку водки. Изъ показаній Николаевой видно, что увидавъ Скитскаго, спросила, что случилось у васъ, на что Скитскій отвѣтилъ: „у меня ничего", а на вопросъ: „не у васъ, а въ консисторіи, секретаря говорятъ убили",—сказалъ: „а развѣ правда это? я слышалъ объ этомъ въ монастырѣ, но не вѣрю". Потомъ Степанъ Скитскій заговорилъ съ Николаевой, что онъ хочетъ заказать ея мужу электрическую зажигательную машину. Поздно вечеромъ того же 15 іюля Степанъ Скитскій прибылъ въ консисторію и, какъ показалъ свидѣтель Лекторскій, со словъ дежурнаго чиновника Навроцкаго, спросилъ послѣдняго: „не сердятся ли на меня члены"? Новроцкій отвѣтилъ: „Конечно". Тогда Степанъ Скитскій приказалъ дежурному сторожу Шипитько принести въ его квартиру воды (Скитскій былъ наквартирѣ одинъ, такъ какъ семья его была въ отъѣздѣ). Навроцкій приказалъ сторожу Шипитько скорѣе вернуться, но Шипитько долго не возвращался. Тогда Навроцкій подошелъ къ дверямъ квартиры Степана Скитскаго, сталъ стучать въ запертую дверь и узналъ отъ вышедшаго на стукъ Шипитько, что съ Степаномъ Скиткимъ что то случилось такое, что Шипитько отливалъ или отпаивалъ его водою; означенный Шипитько на судѣ этого не подтвердилъ, но въ то же время нѣтъ достаточнаго основанія не довѣрять разсказу Навроцкаго, переданному на судѣ Лекторскимъ.

„16 іюля утромъ, (въ день похоронъ Комарова), по показанію протоіерея Мазанова, Степанъ Скитскій пришелъ въ консисторію блѣдный, у него дрожали руки. Свидѣтель между прочимъ просилъ его не отлучаться изъ консисторіи, но вернувшись съ похоронъ, онъ его уже не засталъ, и Степенъ Скитскій, не смотря на поиски полиціи, до вечера нигдѣ не былъ найденъ.

„Что касается Петра Скитскаго, то поведеніе его, какъ на это отчасти указано выше въ дни 15 и 16-го, обращаетъ на себя вниманіе въ томъ отношеніи, что обычно предаваясь пьянству въ разныхъ мѣстахъ, онъ не только не проявилъ никакого участія къ огласившемуся уже убійству Комарова, но видимо уклонялся отъ приглашеній товарищей отправиться на мѣсто происшествія, а позднѣе на похороны убитаго".

Если исключить изъ приговора то мѣсто его, которое касается свидѣтельницъ Бородаевой и пр., которыя по мнѣнію Палаты, могли черезъ 1 г. 8 мѣсяцевъ въ точности припомнить день, часъ, минуту, костюмъ и проч. подробности о бѣжавшихъ двухъ человѣкахъ,

и Поповой, которая по мнѣнію Палаты не можетъ обладать такою же удивительною памятью, то мы увидимъ, что приговоръ, въ сущности, повторяетъ тѣ же поводы, которые изложены въ обвинительномъ актѣ, а такъ какъ вопросъ о неполнотѣ слѣдствія устраненъ съ самаго начала, то очевидно, что приведенныя мотивы, если считать, что они вполнѣ отражаютъ основаніе обвинительнаго приговора, едва ли могутъ считаться убѣдительными. Всѣ тѣ сомнѣнія, которыя высказаны были нами относительно данныхъ обвинительнаго акта, сохраняютъ свое право на существованіе.

Съ точки зрѣнія процессуальной—остается непонятнымъ, какъ обошлись судьи безъ осмотра мѣстности, когда, очевидно, этотъ осмотръ могъ одинъ только подтвердить правильность выводовъ, къ коимъ пришла Палата.

Убійство Комарова—остается одною изъ неразгаданныхъ загадокъ, и безпримѣрнымъ, если можно такъ выразиться, примѣромъ неумѣлаго предварительнаго слѣдствія. Удивительно ли что газеты продолжаютъ сообщать объ открывающихся новыхъ обстоятельствахъ....

2. Вознагражденіе за убытки по ст. 683 т. X ч. 1.

Въ кассаціонной практикѣ не сходитъ съ очереди вопросъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ предпріятій. И неудивительно. Ученіе о вознагражденіи за вредъ и убытки, составляетъ вообще одну изъ самыхъ трудныхъ частей гражданскаго права; сложность его въ смыслѣ теоретическомъ усугубляется при примѣненіи его на практикѣ. Наша судебная практика представляетъ при томъ еще одну спеціальную особенность сравнительно съ иностранною судебною практикою. Кассаціонному суду приходится восполнять удивительную скудость законодательныхъ нормъ; ему приходится у насъ устанавливать не только положенія относительно основаныхъ принципіальныхъ спорныхъ нормъ ученія contractus quasi ex delicto или ex delicto, но давать руководящія указанія и по вопросамъ „mere essentiae", чистѣйшаго существа дѣла, т. е. по такимъ вопросамъ, которые въ нормальномъ порядкѣ всецѣло предоставлены судамъ инстанціи существа.

Однимъ изъ такихъ вопросовъ является вопросъ о размѣрѣ вознагражденія за причиненный вредъ. Смѣшеніе вопроса о раз-

мѣрѣ съ вопросомъ о правѣ на вознагражденіе иногда выдвигаетъ такія сомнѣнія, которыя, казалось-бы, никогда и возникнуть не должны были-бы на кассаціонной почвѣ.

Таковы, сомнѣнія, возникшія по дѣлу Марка Бѣлоивана съ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ о вознагражденіи его и малолѣтнихъ дѣтей въ суммѣ 1800 р. за смерть жены его Ульяны Бѣлоиванъ. Дѣло это разсматривалось въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ Сената въ засѣданіи 24 марта 1899 г. Возникшему по дѣлу вопросу посчастливилось въ томъ отношеніи, что ему посвящена была въ „Правѣ" (№ 11) обстоятельная статья К. П. Змирлова, который, впрочемъ, давалъ, въ качествѣ товар. оберъ-прокурора, и заключеніе по дѣлу въ засѣданіи департамента.

Вотъ несложныя обстоятельства дѣла: Бѣлоиванъ предъявилъ къ управленію казенныхъ желѣзныхъ дорогъ искъ о 1800 р. вознагражденія за убытки, основанный на томъ, что жена его при переѣздѣ въ товарномъ поѣздѣ между станціями Арефа и ст. Карачевка, по неосторожности кондуктора, столкнута была съ тормазной площадки вагона, попала подъ поѣздъ и отъ понесенныхъ вслѣдствіе этого увѣчій вскорѣ умерла. Предложеніе управленія дороги объ окончаніи миромъ этого дѣла съ уплатою истцу 1000 р. вознагражденія отвергнуто было истцомъ. Размѣръ требуемаго имъ вознагражденія обосновывался истцомъ оцѣнкою труда женщины, на которой лежитъ все домашнее хозяйство и уходъ за дѣтьми. Харьковскій Окружный Судъ исковыя требованія удовлетворилъ; Судебная же Палата въ искѣ отказала по тому соображенію, что „по ст. 683 т. X ч. 1 искъ о вознагражденіи за смерть и увѣчье, причиненныя при эксплоатаціи желѣзно-дорожнаго предпріятія, можетъ быть предъявленъ только лицами, указанными въ 657 ст. того же тома, которая не допускаетъ распространительнаго толкованія, а такъ какъ умершая Ульяна Бѣлоиванъ, имѣя мужа вполнѣ правоспособнаго, не содержала своей семьи, то ни Маркъ Бѣлоиванъ, ни дѣти его не имѣютъ права на искъ".

Правильно ли положеніе, выставленное Харьковскою судебною палатою,—вотъ вопросъ, который, вслѣдствіе принесенной истцомъ кассаціонной жалобы, долженъ былъ разрѣшить Правительствующій Сенатъ. Скажемъ тутъ же, что гражданскій кассаціонный департаментъ призналъ, что палата разрѣшила вопросъ *неправильно*, что Сенатъ, такимъ образомъ, *призналъ за мужемъ право на искъ о вознагражденіи за смерть (или увѣчье) его жены.*

Самое возникновеніе сомнѣнія представляется, по нашему мнѣ-

нію, нѣсколько страннымъ. Конечно, возможенъ споръ о размѣрѣ вознагражденія и способовъ его исчисленія; возможенъ, наконецъ, споръ о томъ, могутъ ли быть присуждены въ тѣхъ случаяхъ, когда жена не содержала семьи, и алименты для дѣтей. Но какъ могло возникнуть сомнѣніе относительно *права на искъ* о вознагражденіи за убытки, причиненные незаконными дѣйствіями и во всякомъ случаѣ по винѣ отвѣтчика, приключившейся смерти—намъ представляется положительно непонятнымъ. Единственное объясненіе, которое можетъ быть дано,—это то, что судебная палата совершенно неосновательно смѣшала два отнюдь не совпадающихъ понятія, какъ понятіе убытковъ, причиненныхъ смертью даннаго лица, и понятіе выдачи содержанія, т. е. алиментовъ. Первое несомнѣнно шире; и если азбучнымъ представляется истина, что алименты долженъ дать потерпѣвшимъ причинившій смерть только въ томъ случаѣ, если умершій доставлялъ или по закону долженъ былъ доставлять эти алименты, то столь же элементарно и то положеніе, что всякій долженъ вознаградить потерпѣвшаго отъ его незаконныхъ дѣйствій.

Потерпѣлъ ли убытокъ Маркъ Бѣлоиванъ—это вопросъ существа; быть можетъ, онъ, напротивъ того, только обогатился, лишившись надобности кормить „лишній ротъ"; но быть можетъ онъ и понесъ убытки въ томъ или другомъ размѣрѣ, который судъ долженъ былъ бы провѣрить и установить. Но отрицать за Бѣлоиваномъ право предъявлять искъ объ убыткахъ, происшедшихъ отъ неправильныхъ дѣйствій агента дороги, имѣвшихъ своимъ непосредственнымъ послѣдствіемъ смерть его жены,—это значить, здравому смыслу вопреки, напередъ отказать въ искѣ, не разобравъ его предварительно.

Указанное смѣшеніе понятій вознагражденія за убытки и полученія алиментовъ, по нашему мнѣнію, допущено и К. П. Змирловымъ въ упомянутой статьѣ его въ № 11 „Права", озаглавленной: *„объ условіяхъ для возникновенія права на вознагражденіе по 683 ст. 1 ч.* X *т."*. Это смѣшеніе обнаруживается изъ одного сопоставленія заглавія статьи съ ея содержаніемъ.

Почтенный авторъ задается вопросомъ о томъ, „при наличности какихъ условій *возникаетъ право на вознагражденіе* у потерпѣвшаго вредъ или убытокъ, вслѣдствіе смерти или поврежденія здоровья при эксплоатаціи желѣзно-дорожнаго или пароходнаго предпріятія", а между тѣмъ разсматриваетъ онъ вопросъ съ точки зрѣнія той части ст. 683 т. X ч. 1, которая гласитъ:...

„Вознагражденіе *назначается* на основаніи статей 657—662 и 675, съ соблюденіемъ правилъ, въ слѣдующихъ пунктахъ изложенныхъ“, т. е. той части, которая посвящена вопросу о *назначеніи* вознагражденія, объ размѣрѣ его, о способахъ его опредѣленія.

Г. Змирловъ приходитъ въ заключеніе, что „право на вознагражденіе за причиненіе смерти и повреждение въ здоровьѣ заключается, во 1) въ правѣ на возмѣщеніе *расходовъ*, вызванныхъ причиненіемъ смерти или поврежденіемъ здоровья (какъ-то: леченіе и погребеніе) и во 2) въ правѣ на содержаніе (или одной семьи, или семьи вмѣстѣ съ пострадавшимъ отъ несчастья, или, наконецъ, только этого послѣдняго); что право на возмѣщеніе расходовъ принадлежитъ всякому пострадавшему, если только расходы дѣйствительно понесены и вызваны были случившимся несчастьемъ, и наконецъ, что право на содержаніе принадлежитъ: а) семьѣ убитаго, если послѣдній доставлялъ ей содержаніе своимъ личнымъ трудомъ, б) семьѣ лица, потерпѣвшаго временное разстройство въ здоровьѣ, до его выздоровленія, если она кормилась его заработкомъ, и в) самому непосредственно пострадавшему и его семьѣ, или ему одному (если у него нѣтъ семьи), если случавшееся съ нимъ несчастье повлекло за собою полную или частичную утрату трудоспособности, составляющей источникъ средствъ къ существованію“.

Но доказано ли авторомъ, что убытки могутъ быть только въ видѣ расходовъ и содержанія, и ни въ чемъ иномъ; дѣло Бѣлоивана убѣждаетъ какъ разъ въ противномъ—ибо Бѣлоиванъ, по него заявленію (признанному правильнымъ окружнымъ судомъ) вслѣдствіе смерти жены, не несъ расходовъ по леченію, не получалъ и, слѣдовательно, не лишился алиментовъ, а потерпѣлъ убытокъ тѣмъ, что лишился рабочей силы, возмѣщеніе коей ему должно, по его заявленію, обойтись въ 180 р. въ годъ. Такой убытокъ не предусмотрѣнъ схемой г. Змирлова, а всетаки возможенъ; его не предусмотрѣли тѣ статьи, которыя въ своей аргументаціи авторъ цитируетъ, но онъ предусмотрѣнъ жизнью. У Бѣлоивана нѣтъ права на возмѣщеніе расходовъ по леченію, на полученіе алиментовъ, но въ силу чего онъ долженъ быть лишенъ права искать возмѣщеніе убытковъ, имъ понесенныхъ; если бы онъ тѣмъ самымъ товарнымъ поѣздомъ, который раздавилъ его жену, отправилъ лошадь, которая по винѣ дороги погибла бы,—онъ имѣлъ бы право на вознагражденіе въ доказанномъ имъ размѣрѣ убытковъ; гдѣ основаніе въ законѣ къ отрицанію такого же права относительно

рабочей стоимости труда его жены? Мы понимаемъ всю грубость этого сравненія, но его приходится привести, разъ серьезно увѣряютъ, что „ни экономическая цѣнность убитаго, ни возможность для семьи потери выгодъ въ будущемъ—сами по себѣ не пораждаютъ права на вознагражденіе“, и разъ вопросъ о правѣ на *вознагражденіе* съ удивительнымъ постоянствомъ во всей статьѣ г. Змирлова отожествляется съ правомъ на *содержаніе*.

Авторъ напоминаетъ, что „есть тяжелыя утраты для опредѣленія имущественной стоимости которыхъ, однако, нельзя отыскать масштаба“; совершенно вѣрно и то, что нельзя „оцѣнить стоимость жены“, „не поддаются оцѣнкѣ любовь и попеченіе родителей относительно своихъ дѣтей“ и т. д., но судъ, разсматривающій дѣло о вознагражденіи за убытки, не приглашается вовсе къ оцѣнкѣ этихъ неоцѣнимыхъ предметовъ, а долженъ провѣрить тѣ указанія истца, которыми подтверждается *имущественныя* потери,—далеко не всегда сводящіяся къ расходамъ на леченіе и погребеніе и къ требованію алиментовъ. Для такой судейской работы нѣтъ надобности „вторгаться въ частную сферу домашней жизни, и, съ вѣсами въ одной рукѣ и перомъ въ другой, взвѣшивать, а затѣмъ отмѣчать положительныя и отрицательныя достоинства убитаго“. Нѣтъ никакой, далѣе, надобности охранять частную сферу противъ воли обладателя, такъ сказать, этой сферы, и сказать ему—не имѣешь права идти въ судъ съ искомъ о вознагражденіи за смерть твоей жены, ибо этимъ ты, не дай Богъ, дашь поводъ суду вторгнуться въ твою частную сферу. Самъ потерпѣвшій лучшій судья тому, слѣдуетъ или не слѣдуетъ вторгаться въ его домашнюю жизнь.

Вотъ крестьянинъ, котораго жену лишили жизни при эксплоатаціи желѣзной дороги. По закону мужъ долженъ содержать жену,—этотъ законъ обязателенъ и для крестьянъ; по смерти жены онъ лишился не только „подруги, служащей нравственною поддержкою въ его трудахъ“,—но и физической помощницы, которая снопы вяжетъ, корову доитъ, за дѣтьми ходитъ. Но, по мнѣнію г. Змирлова, этотъ потерпѣвшій крестьянинъ не имѣетъ права на вознагражденіе,—во имя охраны его частной жизни. Безъ вѣсовъ въ одной рукѣ и безъ пера въ другой, а только со здравымъ смысломъ въ головѣ—судья оцѣнитъ имущественную потерю, понесенную нашимъ крестьяниномъ.

Для обоснованія права на вознагражденіе внѣ указанныхъ въ окончательномъ выводѣ статьи г. Змирлова, авторъ ея не только

не находитъ указанія въ законѣ, но даже полагаетъ, что законъ прямо исключилъ такое право. Г. Змирловъ предусматриваетъ ссылку на естественное чувство справедливости, и говоритъ: „едва ли далѣе умѣстно въ данномъ случаѣ, въ видѣ возраженія, ссылаться на естественное чувство справедливости. Оно, конечно, можетъ имѣть значеніе при отысканіи неяснаго для насъ намѣренія законодателя, такъ какъ всегда предполагается, что задача каждой правовой нормы заключается въ регулированіи данныхъ юридическихъ отношеній согласно съ справедливостью. Въ этомъ случаѣ изъ двухъ возможныхъ (?) толкованій закона мы должны остановиться на томъ изъ нихъ, которое болѣе соотвѣтствуетъ чувству справедливости. Но когда *буква закона ясна и не оставляетъ сомнѣнія* относительно намѣренія и воли законодателя, въ немъ выраженной, тогда слѣдуетъ оставить въ сторонѣ всѣ посторонніе соображенія и памятовать, что dura lex sed lex“. Можно думать, что въ статьѣ дѣйствительно доказано, что буква закона ясна и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что внѣ расходовъ и алиментовъ нѣтъ права вознагражденія за убытки, причиненные смертью или увѣчьемъ. Но въ томъ и дѣло, что законъ ясенъ въ совершенно обратномъ смыслѣ. И вотъ, чѣмъ это подтверждается.

Изъ статей закона, на которыя сдѣлана ссылка въ ст. 683 т. X ч. 1, въ той ей части, которая говоритъ объ основаніяхъ назначенія вознагражденія, г. Змирловъ цитируетъ лишь ст. 657, посвященную алиментамъ, и ст. 658, посвященную вопросу о леченіи и похоронахъ; изъ содержанія только этихъ статей дѣлаются выводы о вознагражденіи по ст. 683. „Изъ статей, говоритъ авторъ, на которыя здѣсь (т. е. въ ст. 683) сдѣлана ссылка, трактуютъ о вознагражденіи за причиненіе смерти 657 и 658 ст.“ Но въ этомъ и заключается главное недоразумѣніе. Въ п. 1 ст. 683 говорится только о вознагражденіи за вредъ и убытокъ вслѣдствіе смерти или поврежденій въ здоровьѣ, причиненныхъ при эксплоатаціи желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ сообщеній, и тѣмъ не менѣе дѣлается дальше, когда рѣчь идетъ объ основаніяхъ назначенія (т. е. опредѣленія размѣра) вознагражденія, ссылка на ст. 675 т. X ч. 1, совсѣмъ забытую г. Змирловымъ, который не только ея не цитируетъ, но ни словомъ не упоминаетъ. Статья же эта гласитъ: „во *всѣхъ* означенныхъ въ статьяхъ 644—674 случаяхъ судъ, по изслѣдованіи происшествія и обстоятельство дѣла, опредѣляетъ количество *вознагражденія*“. Ясно,

что если бы вознагражденіе по ст. 683 могло бы быть назначено только по ст. 657 и 658 (для смертныхъ случаевъ), 660 и 661— (для случаевъ увѣчья), то ссылка въ ней на ст. 675 была бы, по крайней мѣрѣ, излишнею, если уже не говорить прямо—противорѣчивою. Затѣмъ, далѣе, авторомъ оставлены безъ всякаго вниманія п.п. 4 и 5 той самой ст. 683, истолкованію которой посвященъ его трудъ, и не принято во вниманіе то, что въ цитируемомъ имъ п. 1 этой статьи, говорится о вознагражденіи *каждаго потерпѣвшаго*. Пунктъ 4 гласитъ: „размѣръ вознагражденія долженъ зависѣть исключительно отъ понесеннаго въ каждомъ данномъ случаѣ ущерба"; а п. 5 говоритъ о вознагражденіи въ видѣ единовременно выдаваемой суммы или же въ видѣ ежегоднаго или въ опредѣленные сроки уплачиваемаго пособія. Сопоставленіе п. 1 съ п. п. 4 и 5, а затѣмъ п. 4 съ п. 5 ст. 683 т. X ч. 1 не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что этою статьею повторено общее правило, выраженное какъ въ ст. 644 и 684 т. X ч. 1, такъ и ст. 59 улож. о нак., о томъ, что всякіе вредъ и убытки, причиненные незаконными дѣйствіями— составляютъ ли они преступленіе или не составляютъ,—должны быть возмѣщены со стороны причинившаго ихъ. И если несомнѣнно, что убытки отъ смерти кого либо могутъ быть причинены не только— мужу, женѣ, дѣтямъ, родителямъ,—но и совершенно постороннимъ для него лицамъ, то столь же несомнѣнно, что—„судъ по изслѣдованіи происшествія и обстоятельствъ дѣла" долженъ опредѣлить и количество вознагражденія; сомнѣваться въ правѣ на искъ о вознагражденіи, основанный на незаконныхъ (ex delicto или quasi ex delicto) дѣйствіяхъ, имѣвшихъ своимъ послѣдствіемъ смерть, значило бы, вопреки очевидности, не признавать этого права въ болѣе тяжкихъ случаяхъ, тогда какъ само по себѣ безобидное дѣйствіе, если оно нарушаетъ чужое право, обосновываетъ по ст. 684 и 687 обязанность вознагражденія со стороны виновныхъ или даже ихъ довѣрителей.

Повторяемъ, выводъ г. Змирлова объясняется тѣмъ, что ст. 657 и 658 (соотвѣтственно, 660 и 661) имъ придается значеніе исчерпывающаго постановленія о послѣдствіяхъ причиненія смерти, а это въ свою очередь основано на смѣшеніи понятій вознагражденія и алиментовъ.

Указанныя статьи, равно какъ и цитируемыя имъ постановленія иностранныхъ законодательствъ, между прочимъ и ст. 844 новаго германскаго гражданскаго уложенія, предусматриваютъ лишь одинъ частный случай, который безъ спеціальнаго о немъ постановленія

не могъ бы найти разрѣшенія. Общее постановленіе о правѣ на вознагражденіе за убытки не дало бы суду достаточнаго основанія для присужденія алиментовъ тѣмъ, кои его получали или только имѣли право получать отъ лишеннаго жизни или трудоспособности. Лишеніе содержанія — ни подъ damnum emergens, ни подъ lucrum cessans прямо не подходитъ. Право на алименты—не есть имущественное право; въ основаніи его лежатъ права личныя; убытки же—чисто имущественное понятіе. Ясно поэтому, что именно алименты ближе подходятъ къ тѣмъ невѣсомымъ неизмѣримымъ и неоцѣнимымъ благамъ, за которыя, какъ убѣдительно доказывается въ статьѣ г. Змирлова, нельзя же требовать имущественнаго эквивалента, чѣмъ убытки, причиненные тѣмъ, что данная семья лишилась рабочей силы, возмѣщеніе коей требуетъ затратъ. Если поэтому не требовалось бы особаго указанія на право на вознагражденіе за убытки въ случаѣ смерти или увѣчья, то именно оно требуется для алиментовъ. Ближе уже къ понятію убытковъ—расходы на леченіе и похороны, но и эти расходы не составляютъ убытковъ въ тѣсномъ смыслѣ, такъ какъ и они связаны не столько съ имуществомъ сколько съ личностью.

Личный характеръ присуждаемыхъ алиментовъ лучше всего вытекаетъ именно изъ текста ст. 657, по которой размѣръ содержанія опредѣляется въ зависимости отъ имущества виновнаго въ причиненіи смерти, и что это содержаніе должно быть „по возможности приличное, по состоянію потерпѣвшихъ".

Изъ того, что законъ, устанавливаетъ обязанность „вознагражденія" и относительно такихъ лишеній, которыя не составляютъ убытковъ въ тѣсномъ смыслѣ, дѣлать выводъ о томъ, что только это вознагражденіе можетъ быть отыскиваемо,—значитъ прямо идти не противъ справедливости, а противъ элементарныхъ правилъ толкованія закона; тутъ даже невозможны два толкованія, при наличности коихъ, слѣдовало бы адрессоваться, какъ указываетъ г. Змирловъ, къ соображеніямъ справедливости.

Прежде чѣмъ закончить, нельзя не указать и на то, что г. Змирловъ пришелъ бы, быть можетъ, къ инымъ выводамъ, если бы онъ не ограничился цитированіемъ только ст. 657, 658, 660 и 661 т. X ч. I, а принялъ бы во вниманіе и другія статьи въ главѣ о вознагражденіи за убытки. Въ этихъ статьяхъ онъ нашелъ бы прямыя указанія на то, что нашъ законъ знаетъ и случаи вознагражденія за моральный вредъ, за лишеніе благъ, которыя не поддаются оцѣнкѣ такъ же, какъ и любовь родителей, нравствен-

ная поддержка жены или мужа, а съ другой стороны—онъ нашелъ бы, что и другой имущественный вредъ, кромѣ лишенія содержанія, расходовъ на леченіе и погребеніе, подлежитъ возмѣщенію въ случаѣ причиненія смерти. Такъ, не безъ нѣкотораго удивленія находимъ ст. 659, согласно коей „въ случаѣ лишенія жизни лица, принадлежащаго къ податному состоянію, должны изъ имѣнія причинившаго смерть быть платимы всѣ слѣдующія съ убитаго казенныя подати и другія повинности, впредь до новой ревизіи". Не говоря уже о вознагражденіи въ размѣрѣ до 50 р. за обиду,—безчестіе (ст. 667), которое представляется вознагражденіемъ за моральный вредъ, стоитъ обратить вниманіе на ст. 662 и 663,—что бы видѣть, что законъ предусматриваетъ вознагражденіе за чисто моральные, если можно такъ выразиться, убытки, происшедшіе отъ обезображенія лица дѣвицы или вдовы, отъ изнасилованія, ибо „содержаніе до замужества", очевидно, не представляются алиментами, такъ какъ трудоспособность въ этихъ случаяхъ дѣвицы или вдовы нисколько не уменьшены (ст. 661 т. X ч. I).

Въ результатѣ оказывается, что самый вопросъ, поставленный г. Змирловымъ себѣ на разрѣшеніе, поставленъ неправильно. Право на вознагражденіе у потерпѣвшаго вредъ или убытокъ вслѣдствіе смерти или повреждения здоровья—не нуждается въ наличности какихъ либо условій, кромѣ фактическаго вреда или понесенныхъ убытковъ. Въ какомъ бы видѣ эти убытки ни понесены,—потерпѣвшій таковые имѣетъ право на ихъ вознагражденіе. Весь вопросъ заключается въ доказанности ихъ вообще и доказанности размѣра ихъ въ частности. Но это уже вопросъ—существа; разнообразіе жизни не даетъ возможности исчерпывающаго указанія въ этомъ отношеніи въ законѣ, которое при томъ было бы излишне, такъ какъ сообразно съ обстоятельствами дѣла судъ самъ можетъ, во исполненіе ст. 675 и 683 т. X ч. I, опредѣлить „количество вознагражденія".

Послѣ сказаннаго становится очевиднымъ, что разсужденія судебной палаты по дѣлу Бѣлоивана и согласное съ ними заключеніе тов. оберъ-прокурора К. П. Змирлова едва-ли основательны. Бѣлоиванъ искалъ не алиментовъ, на которые онъ по отношенію къ своей женѣ не имѣлъ права, а вознагражденія за причиненные ему убытки вслѣдствіе того, что онъ лишился для своей семьи необходимой рабочей силы. Стоила ли эта сила то, во что оцѣниваетъ ее Бѣлоквалъ,—это и надлежало разсмотрѣть судебной палатѣ.

Мы не можемъ поэтому не привѣтствовать рѣшеніе по этому

дѣлу гражданскаго кассаціоннаго департамента, который этимъ рѣшеніемъ не только воздалъ должное справедливости, но и правильно истолковалъ законъ.

3. Переработанный проектъ положенія о товариществахъ трудовыхъ или артельныхъ.

Въ мартовской книгѣ Вѣстника Права мы подвергли подробному обсужденію выработанный въ департаментѣ торговли и мануфактуръ проектъ закона объ артеляхъ. Мы при полномъ сочувствіи мысли объ изданіи такого закона, указывали однако на существенные недостатки этого проекта, представлявшагося намъ какъ-бы сырымъ необработаннымъ матеріаломъ, нуждающимся въ юридической обработкѣ.

Этотъ проектъ, подвергшійся обсужденію въ особомъ совѣщаніи съ участіемъ приглашенныхъ свѣдущихъ людей, нынѣ вполнѣ переработанъ; содержаніе новаго проекта значительно полнѣе и точнѣе. Въ особенности надо отмѣтить то, что въ новой редакціи устранено постановленіе о возможности образованія артелей словесными соглашеніями участниковъ артели, хотя и сохранены артели договорныя, дѣйствующія по договорамъ, безъ устава. Относятся ли постановленія проекта и къ случаямъ образованія артели договоромъ, или только къ уставнымъ,—это остается подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, такъ какъ въ проектѣ это прямо не выражено. Казалось-бы желательнымъ включить въ окончательную редакцію закона указаніе по этому предмету. Если же постановленія проекта обязательны и составляютъ какъ бы conditio sine qua non артели, то въ договорахъ объ артели не должны быть включаемы, подъ опасеніемъ недѣйствительности, условія, противорѣчащія этимъ постановленіямъ. Впрочемъ, такое указаніе было бы желательно и въ отношеніи уставовъ, такъ какъ и относительно ихъ остается сомнѣніе, насколько допускаются отступленія отъ постановленій закона въ отдѣльныхъ уставахъ. Благодаря этой нѣкоторой неполнотѣ нельзя себѣ составить точное понятіе о томъ, представляетъ ли проектъ своего рода нормальный обобщенный уставъ или обязательныя требованія закона для всѣхъ артелей.

Съ особымъ сочувствіемъ нельзя не отнестись къ включенію въ новый проектъ указанія на то, что прибыли артели распредѣ-

ляются поровну между участниками, и что членскіе взносы должны быть одинаковы для всѣхъ. Въ этомъ постановленіи удачно фиксирована главная особенность трудоваго товарищества въ отличіе отъ соединенія капиталовъ, не предполагающаго равенства всѣхъ участниковъ.

Вотъ содержаніе проекта:

„1. Товариществами трудовыми или артелями именуются сообщества лицъ, по взаимному соглашенію возникшія, для производства всякаго рода работъ или промысловъ, а равно для отправленія службъ и должностей, за общій счетъ и съ круговою отвѣтственностью участниковъ.

2. Независимо отъ образованія артелей на основаніи общихъ постановленій о договорахъ, артели учреждаются по особымъ уставамъ, утверждаемымъ въ порядкѣ, ниже сего (ст. 23) указанномъ, съ соблюденіемъ правилъ настоящаго Положенія.

3. Членами артели могутъ быть лица обоего пола, достигшія гражданскаго совершеннолѣтія. Число членовъ артели можетъ быть не ограничено, но въ уставахъ опредѣляется, при какомъ наличномъ составѣ артель считается состоявшеюся и открываетъ свои дѣйствія.

4. Каждый членъ артели принимаетъ непосредственное участіе въ ея работахъ своимъ личнымъ трудомъ. Изъятіе изъ сего правила можетъ быть допускаемо для лицъ, избранныхъ въ составъ управленія или надзора (ст. 9).

5. Наемный трудъ въ артеляхъ допускается лишь временно въ исключительныхъ случаяхъ, а также для выполненія работъ, требующихъ особыхъ познаній или несоставляющихъ предмета обычныхъ занятій артели.

6. Вступающіе въ артель, впредь до избранія ихъ, могутъ быть принимаемы въ артель на испытаніе и допускаемы къ участію въ работахъ въ качествѣ кандидатовъ (новиковъ) или учениковъ на срокъ не долѣе, однако, шести мѣсяцевъ. По истеченіи сего срока лицо, оставленное въ артели, пріобрѣтаетъ и помимо избранія всѣ права члена.

7. Всѣ члены артели несутъ круговую отвѣтственность по долгамъ и обязательствамъ товарищества. Отвѣтственность сія можетъ быть полная, когда члены артели отвѣтствуютъ за всѣ долги оной вообще и порознь всѣмъ имуществомъ своимъ движимымъ и недвижимымъ, или же ограниченная въ размѣрѣ напередъ опредѣленномъ въ уставѣ.

8. Лица, недостигшія совершеннолѣтія, могутъ быть принимаемы въ артель на основаніяхъ, опредѣляемыхъ въ уставѣ, но безъ права участія въ управленіи дѣлами товарищества и съ отвѣтственностью, ограниченною сдѣланнымъ въ артель взносомъ.

9. Артель управляется общимъ собраніемъ ея членовъ, которое для ближайшаго завѣдыванія и распоряженія дѣлами товарищества избираетъ отъ себя необходимыхъ для этого лицъ.

Примѣчаніе. Въ уставахъ артелей могутъ быть предусмотрѣны случаи избранія особаго попечителя для заботъ и представительства о нуждахъ артели. Права и обязанности сего лица опредѣляются уставомъ.

10. Въ общихъ собраніяхъ всѣ члены артели принимаютъ одинаковое участіе, причемъ каждый членъ имѣетъ только одинъ голосъ. Передача отсутствующимъ членомъ права голоса другому члену или иному лицу не допускается.

11. Общія собранія считаются состоявшимися, если въ нихъ участвуетъ не менѣе одной половины всѣхъ членовъ артели. Случаи, въ которыхъ, по важности дѣла, можетъ потребоваться большій наличный составъ членовъ собранія, опредѣляются въ уставахъ.

12. Артелямъ предоставляется право, съ соблюденіемъ существующихъ постановленій, устраивать или арендовать для надобностей артели промышленныя и торговыя заведенія, съ пріобрѣтеніемъ необходимаго для сего движимаго и *недвижимаго имущества*, вступать въ договоры и всякаго рода сдѣлки, а равно искать и отвѣчать на судѣ.

13. Артель должна вести именной списокъ ея участниковъ и состава управленія, съ показаніемъ времени вступленія и выбытія членовъ, сдѣланныхъ ими взносовъ и причитающихся имъ выдачъ.

14. Артель можетъ имѣть свои капиталы, которые составляются: а) изъ членскихъ взносовъ; б) изъ опредѣленныхъ уставомъ отчисленій отъ прибылей артели, и в) изъ иныхъ случайныхъ поступленій.

15. Членскіе взносы должны быть одинаковы для всѣхъ членовъ артели; они производятся какъ деньгами, такъ и необходимыми для артелей предметами по оцѣнкѣ и притомъ единовременно или по частямъ.

16. Распредѣленіе заработковъ артели производится по постановленію общаго собранія членовъ внѣ всякой зависимости отъ сдѣланныхъ взносовъ.

Примѣчаніе. Суммы, внесенныя отдѣльными членами въ размѣрѣ, превышающемъ установленный членскій взносъ, считаются ссудами и не имѣютъ вліянія на распредѣленіе общаго заработка.

17. Имущество и капиталы артели, отвѣтствуя по долгамъ и обязательствамъ последней, не могутъ быть обращаемы на удовлетвореніе взысканій по личнымъ обязательствамъ отдѣльныхъ ея членовъ; таковыя претензіи удовлетворяются изъ доходовъ члена артели.

18. Выбывшему изъ артели члену выдаются числящіеся на его счетѣ взносъ и сумма, причитающіеся ему изъ прибылей, за вычетомъ соотвѣтственной доли убытковъ, если таковые къ этому времени понесла артель. Выбывшій членъ въ теченіе одного года продолжаетъ, однако, отвѣтствовать по обязательствамъ артели, возникшимъ до его выхода.

19. Члены артели, за неисполненіе правилъ устава или постановленій общаго собранія, а равно за предосудительное поведеніе или небреженіе въ работѣ, могутъ быть подвергаемы, въ порядкѣ, опредѣленномъ общимъ собраніемъ: выговорамъ, штрафамъ, временному устраненію изъ артели или исключенію изъ оной.

20. Артельное товарищество прекращается: 1) истеченіемъ срока, на который оно учреждено; 2) уменьшеніемъ числа членовъ ниже того количества, при коемъ артель по уставу можетъ открыть свои дѣйствія, и 3) по постановленію общаго собранія членовъ.

21. Въ случаѣ прекращенія артели, имущество ея и капиталы, за удовлетвореніемъ всѣхъ предъявленныхъ къ артели претензій по долгамъ и принятымъ обязательствамъ, распредѣляются между членами въ порядкѣ, опредѣленномъ въ уставѣ. Имущество и капиталы артели, предназначавшіеся на благотворительныя или иныя спеціальныя надобности передаются въ распоряженіе города или земства, по принадлежности, и получаютъ назначеніе, соотвѣтствующее той цѣли, какая имѣлась въ виду при образованіи сихъ капиталовъ.

22. Уставы артельныхъ товариществъ должны содержать въ себѣ означеніе:

а) наименованія, цѣли, круга и мѣста дѣятельности товарищества, съ указаніемъ срока его дѣйствій, если оно учреждается временно;

б) условій пріема артельщиковъ, новиковъ и учениковъ, ихъ правъ и обязанностей, а также порядка выбытія или исключенія изъ товарищества;

в) объема отвѣтственности членовъ товарищества по обязательствамъ артели;

г) порядка образованія, храненія и расходованія артельныхъ капиталовъ, размѣра членскихъ взносовъ, условій возврата таковыхъ выбывающимъ членамъ, а равно слѣдующихъ имъ прибылей;

д) порядка распредѣленія заработковъ и прибылей артели и покрытія ея убытковъ;

е) порядка управленія дѣлами товарищества, съ обозначеніемъ органовъ его управленія, ихъ правъ и обязанностей; порядка рѣшенія дѣлъ въ общихъ собраніяхъ и срока созыва послѣднихъ;

ж) общихъ основаній отчетности и порядка ликвидаціи дѣлъ товарищества.

Сверхъ сего въ уставы могутъ быть включаемы и другія условія, какія, по свойству предпріятія, окажутся необходимыми.

23. Уставы трудовыхъ товариществъ утверждаются Министромъ Финансовъ, или же мѣстнымъ губернскимъ начальствомъ примѣнительно къ образцамъ, утверждаемымъ Министромъ Финансовъ, по соглашенію съ Министрами Внутреннихъ Дѣлъ и Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ, а для мѣстностей, находящихся въ вѣдѣніи Военнаго Министерства—съ Военнымъ Министромъ".

Мы еще вернемся къ разсмотрѣнію этого проекта въ одной изъ ближайшихъ книгъ Вѣстника.

4. Два сенатскихъ указа по вопросамъ крестьянскаго права.

I.

1897 года сентября 23 дня Правит. Сенатъ слушали: дѣло по рапорту министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 12 августа 1896 года за № 12913, по возбужденному Государственнымъ Контролемъ вопросу о правѣ должностныхъ лицъ волостныхъ и сельскихъ управленій арестуемыхъ по распоряженію начальства за маловажные проступки по должности на полученіе кормоваго довольствія отъ казны. Приказали: Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, и согла-

шаясь съ высказанными по оному заключеніями министровъ: внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, Правительствующій Сенатъ съ своей стороны находитъ, что, согласно разъясненіямъ Правительствующаго Сената отъ 18 іюня и 29 октября 1891 года за №№ 5244 и 7831, должностныя лица крестьянскаго общественнаго управленія, подвергаемыя аресту по распоряженію ихъ начальствъ, должны содержаться не при волостныхъ правленіяхъ, а въ имѣющихся для сего помѣщеніяхъ при становыхъ квартирахъ или уѣздныхъ полицейскихъ управленіяхъ, смотря потому, гдѣ окажется болѣе соотвѣтственнымъ и удобнымъ. Изъ изложеннаго несомнѣнно вытекаетъ, что вышеуказанныя должностныя лица, подвергаемыя аресту внѣ мѣста ихъ служенія и жительства, нерѣдко на значительномъ разстояніи отъ послѣднихъ, не могутъ быть признаны обязанными содержать себя на собственныя средства, такъ какъ при невозможности для нихъ пользоваться въ такихъ случаяхъ помощью своихъ домашнихъ, обязанность эта для малосостоятельныхъ крестьянъ представлялась бы настолько обременительною, что несомнѣнно увеличивали бы значительно самую мѣру наложеннаго наказанія. Равнымъ образомъ не можетъ быть признано обязаннымъ содержать означенныхъ лицъ во время ихъ ареста и земство, за неимѣніемъ на то прямыхъ указаній въ законѣ. Что же касается до выдачи задержанныхъ при полиціи должностнымъ лицамъ крестьянскаго управленія кормоваго довольствія отъ казны, то таковая выдача находитъ себѣ основаніе въ ст. 205 т. XIV св. зак. уст. о сод. подъ стр. изд. 1890 года, по которой на счетъ казны отпускается означенное довольствіе всѣмъ безъ исключенія арестантамъ, какого бы рода и состоянія они ни были, кромѣ лишь тѣхъ лицъ, которыя указаны въ ст. ст. 217, 218, 275—280 того же устава, т. е. казаковъ и неисправныхъ должниковъ. Признавая посему, что должностныя лица волостнаго и сельскаго управленія, въ случаѣ ареста по распоряженію начальства за маловажные проступки по должности должны получать кормовое довольствіе отъ казны, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: объ изложенномъ разъясненіи министромъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ и государственному контролеру дать знать указами.

(Указъ 5 февраля 1899 года № 478).

II.

1898 года мая 15 дня. Правительствующій Сенатъ слушали: дѣло по представленію министра внутреннихъ дѣлъ объ отмѣнѣ постановленій Костромскаго губ. присутствія, состоявшихся 29 апрѣля 1893 г. и 9 сентября 1895 г., о скидкѣ съ крестьянки дер. Карповской, Дементьевой двухъ земельныхъ надѣловъ и о передѣлѣ Чмутовскимъ сельскимъ обществомъ земли. Приказали: Разсмотрѣвъ обстоятельства настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ считаетъ необходимымъ, прежде всего, остановиться на допущенныхъ Костромскимъ губернскимъ присутствіемъ неправильностяхъ со стороны формальной. По постановленію отъ 29 апрѣля 1893 г. губернское присутствіе оставило безъ разсмотрѣнія жалобу крестьянъ Чмутовскаго общества, на опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго съѣзда объ отмѣнѣ, по представленію земскаго начальника, приговора Чмутовскаго сельскаго схода, тогда какъ на основаніи ст. ст. 113 и 127 пол. зем. нач. жалобы на окончательныя постановленія земскихъ начальниковъ и уѣздныхъ съѣздовъ, не подлежащія разсмотрѣнію губернскому присутствію въ инстанціонномъ порядкѣ, подлежатъ разсмотрѣнію присутствію въ порядкѣ надзора, для представленія Правительствующему Сенату объ отмѣнѣ незаконныхъ окончательныхъ постановленій по ст. 127 пол. о зем. нач. Затѣмъ, по постановленію отъ 9 сентября 1895 года, присутствіе отмѣнило собственною властью опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго съѣзда объ утвержденіи, по представленію земскаго начальника, приговора Чмутовскаго общества о передѣлѣ земли.

Между тѣмъ опредѣленія уѣздныхъ съѣздовъ какъ объ отмѣнѣ, по представленіямъ земскихъ начальниковъ, такъ и объ оставленіи въ силѣ, вопреки симъ представленіямъ, приговоровъ, сельскихъ и волостныхъ сходовъ, а равно и объ утвержденіи, по представленіямъ тѣхъ же должностныхъ лицъ, общественныхъ приговоровъ о передѣлахъ земли на основаніи правилъ 8 іюня 1893 г., почитаются окончательными и посему, подлежатъ разсмотрѣнію губернскихъ присутствій въ порядкѣ надзора, могутъ быть отмѣняемы, на основаніи ст. 127 пол. зем. нач., только Правительствующимъ Сенатомъ.

Переходя засимъ къ обсужденію обстоятельствъ настоящаго дѣла, Правительствующій Сенатъ находитъ, что деревни Соколово и Карповское, образующія изъ себя Чмутовское сельское общество,

имѣютъ по актамъ земельнаго устройства, какъ это усматривается изъ рапорта по сему дѣлу министра внутреннихъ дѣлъ, общее землепользованіе, въ виду чего приговоръ отъ 17 апрѣля 1885 г. о принятіи въ Чмутовское общество крестьянина Ивана Сергѣева постановленъ домохозяевами обѣихъ деревень, образующихъ это общество, правильно (рѣшеніе Правит. Сената 28 октября 1883 г. № 3370). Засимъ означенный приговоръ, отъ 17 апрѣля 1885 г.; будучи постановленнымъ по предмету вѣдѣнія сельскаго схода (п. 3 ст. 51 общ. полож.) и безъ всякаго нарушенія закона, не подлежалъ отмѣнѣ со стороны Галичскаго уѣзднаго съѣзда. Независимо отъ сего, высказанное названнымъ съѣздомъ заключеніе о томъ, что приговоръ Чмутовскаго общества о принятіи крестьянина Ивана Сергѣева нарушаетъ ст. 113 мѣст. велик. полож. является совершенно не основательнымъ и противорѣчащимъ п. 3 ст. 51 и ст. 142 общ. пол. Вслѣдствіе изложеннаго, Костромскому губ. присутствію надлежало, войдя въ порядкѣ надзора въ разсмотрѣніе жалобы на опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго съѣзда отъ 16 ноября 1892 г.; представить таковое, на основаніи ст. 127 пол. зем. нач., для отмѣны въ Правительствующій Сенатъ. Что же касается приговора Чмутовскаго сельскаго общества отъ 6 ноября 1893 г., объ общемъ передѣлѣ земли, то и таковой, какъ удовлетворяющій всѣмъ требованіямъ закона 8 іюня 1893 года, представляется правильнымъ и посему подлежитъ утвержденію со стороны уѣзднаго съѣзда. Высказанное же Костромскимъ губернскимъ присутствіемъ въ постановленіи отъ 9 сентября 1895 года, объ отмѣнѣ означеннаго приговора, заключеніе о томъ, что общество не могло при передѣлѣ земли по закону 8 іюня 1893 года оставлять въ своемъ распоряженіи часть неподѣленной земли, является неосновательнымъ, такъ какъ въ законѣ 8 іюня 1893 года, не содержится запрещенія обществамъ оставлять при передѣлахъ часть надѣльной земли въ общинномъ пользованіи. При этомъ жалоба—крестьянки Дементьевой не могла служить достаточнымъ основаніемъ къ отмѣнѣ не только всего приговора о передѣлѣ, но и части его, касающейся Дементьевой, ибо она въ 1885 г., сама просила о снятіи съ нея двухъ надѣловъ, а если потомъ въ 1892 г., и просила о надѣленіи ея съ малолѣтнимъ сыномъ, то ея просьба приговоромъ о передѣлѣ не оставлена безъ вниманія, ибо ей назначенъ одинъ надѣлъ; а если таковой назначенъ изъ 12 надѣловъ, оставленныхъ въ распоряженіи общества, для обезпеченія, впослѣдствіи прибылыхъ душъ и работниковъ, то она, по достиженіи

сыномъ ея совершеннолѣтія, можетъ еще просить общество о прибавкѣ ей съ сыномъ надѣла, если тогда останутся еще не распредѣленные надѣлы; а жаловаться она можетъ въ томъ случаѣ если у нея общество захочетъ отобрать послѣдній надѣлъ и совершенно ее съ сыномъ обезземелить. Посему губернское присутствіе не имѣло основаній отмѣнять приговоръ Чмутовскаго сельскаго общества отъ 6 ноября 1893 года и опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго съѣзда отъ 11 мая 1894 года, объ утвержденіи этого приговора. Въ виду всего вышеизложеннаго, признавая настоящее представленіе министра внутреннихъ дѣлъ подлежащимъ удовлетворенію, Правительствующій Сенатъ опредѣляетъ: отмѣнить постановленія Костромскаго губернскаго присутствія отъ 29 апрѣля 1893 года и отъ 9 сентября 1895 года, а равно и опредѣленіе Галичскаго уѣзднаго съѣзда отъ 16 ноября 1892 года.

(Указъ 15 марта 1899 года за № 1242).

X.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

---

1. Н. П. Загоскинъ. *„Исторія права русскаго народа“. Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права. Т. I. Введеніе. 1) Наука исторіи русскаго права. 2) Формація народа и государства.* Казань. 1899 г.

Профессоръ Казанскаго университета Н. П. Загоскинъ, извѣстный своими прекрасными изслѣдованіями по исторіи права Московскаго государства, предпринялъ обширный трудъ „Исторія права русскаго народа“, разсчитанный на двѣнадцать томовъ. Настоящая книга и является первымъ томомъ этого изданія.

Во введеніи авторъ даетъ предварительныя общія понятія о правѣ вообще и объ исторіи права въ частности. Тутъ онъ является сторонникомъ исторической школы права и опредѣляетъ право, какъ продуктъ всей предшествовавшей исторической жизни даннаго народа. Отсюда и исторію русскаго права профессоръ Загоскинъ опредѣляетъ такъ: это есть „изложеніе постепеннаго хода развитія той стороны духовной жизни русскаго народа, которая извѣстна подъ названіемъ права“ (стр. 14—15). Все дальнѣйшее содержаніе настоящей книги раздѣлено на двѣ части: первая часть посвящена русской исторіографіи, вообще, и исторіографіи русскаго права въ частности. При этомъ уважаемый авторъ даетъ краткій обзоръ главнѣйшихъ сочиненій въ той и другой области, сообщаетъ свѣдѣнія о положеніи науки русской исторіи и исторіи русскаго права въ университетахъ, излагаетъ данныя объ источникахъ русскаго историческаго знанія, касается историче-

ской критики, соотношенія исторіи къ другимъ наукамъ и даетъ систему изложенія исторіи русскаго права. Часть вторая занимается исторіей формаціи русскаго народа и государства. Тутъ профессоръ Загоскинъ разсказываетъ первоначальную исторію славянъ, говоритъ о происхожденіи Руси, дѣлаетъ обзоръ теорій древняго быта славянъ вообще и русскихъ въ особенности и, наконецъ, давъ характеристику обычнаго права славянъ, излагаетъ исторію зарожденія русской государственности. Вотъ въ очень краткихъ словахъ содержаніе интереснаго труда г. Загоскина. Какъ видно изъ сказаннаго, содержаніе это очень обширно. Вполнѣ естественно, поэтому, что авторъ не могъ обработать свой предметъ вполнѣ равномѣрно: въ однихъ мѣстахъ книги мы встрѣчаемъ основательное самостоятельное изслѣдованіе, въ другихъ же сообщаются лишь краткія свѣдѣнія по тому или иному вопросу. Къ сему должно присовокупить, что, по заявленію самого автора, (стр. VI—VII) часть настоящей книги была оттиснута въ 1893—1897 гг., что вынудило его даже помѣстить въ концѣ ея дополненія библіографическаго характера, касающіяся вышедшихъ за это время сочиненій по русской исторіи и по исторіи русскаго права. Вслѣдствіе сего дальнѣйшія наши замѣчанія, имѣющія единственную цѣль уясненіе истины, конечно не будутъ приняты за умаленіе почтеннаго труда профессора Загоскина: они могутъ служить лишь слабыми его дополненіями.

Прежде всего позволимъ себѣ нѣсколько дополнить библіографическія указанія профессора Загоскина и его исторіографическій очеркъ. На стр. 30 перечисляются имъ изданія князя Щербатова. Быть можетъ нелишнимъ будетъ отмѣтить, что политическія его сочиненія изданы въ 1896 году [1]).

Далѣе, на стр. 32 авторъ въ нѣсколькихъ словахъ даетъ характеристику дѣятельности Н. М. Карамзина въ области русской исторіи. Тутъ, съ одной стороны, нельзя не отмѣтить, что эта дѣятельность заслуживаетъ бóльшаго вниманія, съ другой стороны, при характеристикѣ не принято во вниманіе сочиненіе проф. П.Н. Милюкова „Главныя теченія русской исторической мысли“, хотя оно и упоминается въ дополненіяхъ къ тексту (стр. 492). Между тѣмъ, у проф. Милюкова, хотя быть можетъ нѣсколько односторонне, но всетаки весьма талантливо проведена связь между работами Карамзина и пред-

---

[1]) „Сочиненія князя М. М. Щербатова“ т. I Политическія сочиненія. Изд. подъ редакціей И. П. Хрущова. Спб. 1896.

шествовавшими историками и отводится первому изъ нихъ его надлежащее мѣсто. Въ настоящемъ же видѣ ссылка на сочиненіе г. Милюкова является ничѣмъ не связаннымъ съ текстомъ библіографическимъ баластомъ. На стр. 37 проф. Загоскинъ отмѣчаетъ митрополита Евгенія, какъ автора словарей духовныхъ и свѣтскихъ писателей. Между тѣмъ, для исторіи русскаго права онъ важнѣе нѣкоторыми другими своими трудами, появлявшимися въ Вѣстникѣ Европы, напр., и въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, о которыхъ, впрочемъ, проф. Загоскинъ бѣгло упоминаетъ далѣе (стр. 83—84). Засимъ позволимъ себѣ указать, что при перечисленіи изданій соч. бар. Розенкампфа „Обозрѣніе Кормчей", слѣдовало бы, кромѣ указанія, что изданіе 1839 г. измѣнено, сравнительно съ изданіемъ 1829 г., отмѣтить, что оно и дополнено и одно лишь, въ настоящее время, можетъ служить пособіемъ. Очень мало вниманія удѣлено авторомъ К. А. Неволину, котораго, собственно говоря, должно признать первымъ русскимъ юристомъ-историкомъ. И Эверсъ и Рейцъ и Тобинъ были болѣе историками, занимавшимися правовыми явленіями. Неволинъ-же создалъ у насъ историческое изученіе права. Далѣе мы не можемъ согласиться съ уважаемымъ авторомъ, когда онъ (стр. 138) указываетъ на сочиненія Д. Я. Самоквасова, въ которыхъ данныя археологіи будто-бы служатъ матеріаломъ для научныхъ выводовъ. Теорія проф. Самоквасова о городскихъ поселеніяхъ древнихъ славянъ встрѣтила въ свое время весьма сильную критику [1]) и въ настоящее время едва ли можетъ имѣть какое нибудь значеніе. Несомнѣнно, археологія имѣетъ большую важность для исторіи права, также какъ для исторіи вообще. Но проф. Загоскинъ для доказательства своей совершенно справедливой мысли выбралъ неудачный примѣръ. Переходя къ лѣтописямъ, долгомъ считаемъ указать, что авторъ даетъ весьма обстоятельную исторію составленія начальной лѣтописи. Но при этомъ быть можетъ нелишнимъ окажется отмѣтить, что за послѣднее время на страницахъ журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія [2]) появилось нѣсколько статей академика Шахматова, посвященныхъ изученію состава начальной

---

[1]) Леонтовичъ рец. въ „Сб. Госуд. Знаній", изд. Безобразовымъ, т. II стр. 35.

[2]) Напр. октябрь 1897 г. стр. 207—259 „Древнѣйшія редакціи повѣсти временныхъ лѣтъ". См. также ст. въ апрѣльской книжкѣ того же журнала за 1897 г.

лѣтописи. Знакомство съ трудами названнаго ученаго могло-бы нѣсколько освѣтить вопросъ о хронологіи начальной русской исторіи и времени начала „русской" земли (стр. 148). Вмѣстѣ съ тѣмъ, должно отмѣтить, что послѣ приведенныхъ изслѣдованій г. Шахматова, а равно труда проф. Филевича „Исторія древней Руси", уже нельзя говорить о позднѣйшемъ происхожденіи Новгородской 1 лѣтописи, какъ это дѣлаетъ проф. Загоскинъ (стр. 154). Именно названные ученые пришли къ заключенію, что въ спискѣ Новгородской лѣтописи, принадлежащемъ археографической коммисіи, сохранилось сокращеніе древнѣйшаго нашего лѣтописнаго свода, болѣе древняго, чѣмъ повѣсть временныхъ лѣтъ. Отмѣтимъ также, что проф. Загоскинъ не указалъ на отрывокъ лѣтописи, напечатанный въ т. IX Рус. Ист. Библ. и извѣстный подъ именемъ Александро-Невской лѣтописи; отрывокъ интересенъ подробностями, касающимися царствованія Царя Ивана Грознаго. При перечисленіи изданныхъ актовъ отдѣльныхъ областей и городовъ упущенны изданія г.г. Напьерскаго и Шумакова.

Далѣе нельзя не отмѣтить нѣкоторую неточность въ сообщеніи проф. Загоскина о Спб. археологическомъ институтѣ, вкравшуюся на стр. 501. Проф. В. И. Сергѣевичъ не былъ директоромъ сего учебнаго заведенія, а непосредственно за смертью Труворова исправлялъ эту должность, позднѣе назначенный директоромъ, проф. Н. В. Покровскій.

На стр. 274—277 почтенный авторъ разбираемой книги опровергаетъ мнѣніе С. М. Соловьева, возстававшаго противъ дѣленія исторіи на періоды и вполнѣ справедливо указываетъ, что такое распредѣленіе научнаго матерьяла должно быть, подъ условіемъ принятія за основаніе періодизаціи не внѣшніе признаки, а внутренніе. Послѣ соч. Р. Іеринга отрицать необходимость внутренней періодизаціи, на основаніи системъ правосознанія, разумѣется, нельзя. Самъ проф. Загоскинъ принимаетъ слѣдующіе періоды (стр. 277): а) періодъ до Московскій или Удѣльный, б) періодъ Царскій и г) періодъ Петербургскій, далѣе (стр. 278—287) подробно объясняя внутреннія, юридическія, основанія и особенности этой періодизаціи. Совершенно соглашаясь съ проф. Загоскинымъ, позволимъ себѣ только замѣтить, что намъ представляется цѣлесообразнымъ выкинуть изъ обихода русской исторіи терминъ „удѣльный", въ примѣненіи къ домосковской Руси. Удѣльная система есть характерный признакъ подтатарской Руси. Она развилась и держалась въ Москвѣ, Твери и Рязани. Русь же дотатарская

термина „удѣльный" князь не знала и онъ ей навязанъ, если такъ можно выразиться, распространеніемъ понятія позднѣйшаго на сходныя явленія болѣе ранней жизни.

Переходя ко второй части сочиненія проф. Загоскина, укажемъ, что, говоря объ архаическихъ эпохахъ славянства, какъ части арійскаго племени, авторъ вновь поднимаетъ, казалось, давно сданный въ архивъ вопросъ объ общемъ арійскомъ языкѣ, разселеніи арійцевъ и т. п. и не считается съ сочиненіемъ Шрадера [1]), доказывающаго первобытность дѣленія племенъ арійской вѣтви на отдѣльные народы. Самое переселеніе народовъ въ настоящее время врядъ ли можетъ быть излагаемо въ видѣ той правильной схемы, какъ это дѣлаетъ авторъ. Намъ представляется, что было бы осторожнѣе, не касаясь вопросовъ доисторическихъ, для рѣшенія которыхъ мы кромѣ гипотезъ ничего не имѣемъ, начать исторію славянъ съ первыхъ дошедшихъ до насъ извѣстій о нихъ, къ которымъ проф. Загоскинъ приступаетъ далѣе (стр. 308 и сл.).

При этомъ должно отмѣтить, что пр. Загоскинъ склоняется на сторону мнѣнія гг. Забѣлина, Иловайскаго, Гедеонова и нѣк. др., доказывавшихъ, что скиѳы были славянами. Впрочемъ уважаемый авторъ оговаривается: „но это мнѣніе... до сихъ поръ остается на уровнѣ болѣе или менѣе удачной и остроумной гипотезы, такъ какъ вопросъ о родствѣ скиѳовъ и славянъ—не можетъ еще считаться поставленнымъ на положительную почву" (ст. 311). Позволимъ, съ своей стороны, къ сему добавить, что тѣ немногія положительныя данныя, которыя мы имѣемъ на основаніи сохранившихся до нашего времени вещественныхъ памятниковъ—могилъ и изображеній на вазахъ, статуэтокъ и т. п. могутъ служить скорѣе доказательствомъ иранскаго, а не славянскаго, происхожденія скиѳовъ [2]). Во всякомъ случаѣ при изученіи этого вопроса должно обратить вниманіе, что всего скорѣе можно найти славянъ не среди скиѳо-сарматовъ, а среди баснословныхъ народовъ, въ родѣ Меланхленовъ и т. п. Филологическія сопоставленія г. Иловайскаго по вопросу о томъ, что Роксолане—русскіе алане,—намъ кажется, безъ всякаго ущерба для книги могли-бы быть оставлены проф. Загоскинымъ безъ всякаго вниманія: такъ они наивны и такъ далеко стоятъ отъ современныхъ требованій филологическихъ изысканій

---

[1]) „Сравнительное языковѣдѣніе и первобытная исторія".

[2]) Русскія древности въ памятникахъ искусства" изд. гр. И. Толстымъ и Н. Кондаковымъ. в. II „Древности скиѳо-сарматскія" Спб. 1889 стр. 54.

(см. стр. 315—316). Затѣмъ авторъ посвящаетъ отдѣльную главу интересному вопросу о происхожденіе Руси. Проф. Загоскинъ разсматриваетъ мнѣнія норманистовъ и славянистовъ. Своего окончательнаго вывода онъ не сообщаетъ. Позволимъ себѣ отмѣтить, что уважаемый авторъ очень мало удѣляетъ вниманія самой вѣроятной нынѣ гипотезѣ—готской и игнорируетъ мнѣніе проф. В. И. Сергѣевича [1]), очень близкое, по нашему мнѣнію, къ истинѣ, что должно раздѣлять два вопроса: о томъ, кто были и откуда призваны князья, и кто были русы. По первому пункту еще С. М. Соловьевъ [2]) указалъ что національность первыхъ князей не имѣетъ никакого значенія, такъ мало эта національность оказала вліянія на русскую исторію и такъ скоро эти князья сдѣлались совершенно славянскими князьями. По второму же пр. В. И. Сергѣевичъ основательно доказалъ, что домыслы перваго лѣтописца о призваніи варяго-руссовъ—есть догадка, предположеніе, и что Русь надо искать въ приднѣпровьѣ. По поводу ученія норманистовъ, которое пр. Загоскинъ разсматриваетъ весьма подробно (стр. 336 сл.), можно указать на соч. Юргевича [3]) доказывавшаго неосновательность теорій о норманскихъ именахъ въ русской исторіи (объ этомъ см. у пр. Загоскина стр. 347).

Слѣдующая глава посвящена проф. Загоскинымъ обзору теорій древняго быта славянъ вообще и русскихъ славянъ въ особенности. Онъ тутъ разсматриваетъ теоріи родового быта, общиннаго и за дружно—общиннаго. Самъ проф. Загоскинъ (стр. 407) не признаетъ возможнымъ примѣнить къ древнему быту русскихъ одну какую-либо теорію. Въ этомъ почтенный ученый сходится съ проф. В. И. Сергѣевичемъ, указывавшимъ, въ свое время, что мы замѣчаемъ въ русской древнѣйшей исторіи вліяніе и рода, и семьи, и общины; но должно сознаться, что эти союзы оказали вліяніе болѣе на формы, чѣмъ на содержаніе юридической жизни народа. Дѣйствительно, мы встрѣчаемъ значительное воздѣйствіе союзовъ въ сферѣ процесса гражданскаго и уголовнаго, въ сферѣ формъ гражданскихъ сдѣлокъ; но уже съ древнѣйшихъ временъ на Руси существовала и частная собственность и индивидуальное самоопредѣленіе въ сферѣ хозяйственной и семейной жизни. Пос-

---

[1]) „Русскія Юрид. древности“ т. I стр. 80—84.

[2]) „Начало русской земли“ („сб. Госуд. знаній“ т. VII, стр. 6).

[3]) „О мнимыхъ норманскихъ именахъ въ русской исторіи“ („Записки Одесск. Общ. Ист. и др.“ 1868 г. т. V).

волимъ себѣ, далѣе, усумниться, чтобы всѣ приводимыя пр. Загоскинымъ (стр. 452 сл.) изрѣченія были юридическими формулами древняго происхожденія. Взяты всѣ они изъ позднѣйшихъ юридическихъ актовъ и кромѣ того мы не имѣемъ данныхъ для доказательства необходимости и неизмѣняемости этихъ формулъ. Мы не отрицаемъ существованія формулъ въ древней Руси. Объ этомъ достаточно говоритъ Русская Правда, какъ это и указываетъ пр. Загоскинъ (стр. 451). Казалось-бы этого свидѣтельства вполнѣ достаточно.

Послѣдняя глава книги посвящена пр. Загоскинымъ началу русскаго государства. Авторъ говоритъ (стр. 474): „о завоеваніи, какъ исходной точкѣ образованія русской государственности... въ нашей начальной исторіи не можетъ быть и рѣчи. Конечно, частичныя завоеванія не чужды были и зарожденію русской государственности..... но несомнѣнно, что основное ядро русской государственности, съ Полянскимъ племенемъ государствомъ...., въ его основѣ, сформировалось путемъ свободнаго самоопредѣленія воли вошедшихъ въ него племенъ". Позволимъ себѣ замѣтить, что мы кореннымъ образомъ не согласны съ мнѣніемъ пр. Загоскина: первые князья явились въ Новгородѣ и были призваны Новгородцами и окрестными племенами. Поляне были покорены. Всѣ остальныя племена частью покорены и обложены данью, частью добровольно подчинились силѣ князей. Отсутствіе въ древней Руси побѣдителей и побѣжденныхъ объясняется, по нашему мнѣнію, не добровольнымъ призваніемъ князей, а тѣмъ обстоятельствомъ, что первые князья, начальники вольной дружины, не имѣли никакого желанія вмѣшиваться въ дѣла управленія ихъ волостей: они разсаживали по городамъ мужей для сбора даней и занимались болѣе набѣгами на сосѣдей, хозаровъ, грековъ и т. п., чѣмъ своимъ княженіемъ. Въ такомъ видѣ рисуются намъ Олегъ, Игорь, Святославъ. Затѣмъ-же племя князей такъ увеличилось, между ними начались такія распри, что они должны были обратиться къ помощи народа, входить въ договоры, рядъ, съ народомъ. Добровольное самоопредѣленіе волостей и князей есть, по нашему мнѣнію, явленіе на Руси вторичное, результатъ постепеннаго увеличенія княжеской семьи и тѣхъ ссоръ, коими такъ обильна эта, по правдѣ сказать, необузданно—страстная, жестокая и предпріимчивая семья. Наряду съ этимъ шло весьма быстрое обрусеніе дружины, замѣна инородцевъ русскими и вотъ получается полнѣйшее сліяніе пришельцевъ съ кореннымъ населеніемъ Руси.

Этимъ закончимъ наши замѣчанія на интересный трудъ проф. Загоскина. Безъ сомнѣнія они не могутъ (да не имѣютъ цѣлью) нисколько его умалить. Богатство литературныхъ указаній, разносторонность изслѣдованія, глубокія познанія автора, умѣренность и беспристрастность критики въ связи съ ея ясностью и твердостью, дѣлаютъ настоящее сочиненіе цѣннымъ вкладомъ въ науку исторіи русскаго права. Книга является нестолько пособіемъ для слушателей университетскаго курса, сколько для самихъ преподавателей. Будемъ надѣяться, что уважаемый ученый не преминетъ въ скоромъ времени обогатить насъ продолженіемъ своего интереснаго и полезнаго труда.

Н. Н. Дебольскій.

2. Сергѣй Шумаковъ „*Угличкіе акты*“ *(1400—1749 г.)* М. 1899 г.

Настоящее изданіе г. Шумакова является продолженіемъ предпринятой имъ большой, весьма цѣнной для науки, работы—издать по уѣздамъ грамоты коллегіи экономіи Московскаго архива Министерства Юстиціи.

Въ этой книгѣ имъ изданы, а отчасти описаны, документы названнаго архива, относящіеся къ Угличу и его уѣзду. Матеріалъ, по примѣру прошлыхъ изданій, раздѣленъ на двѣ части: акты оффиціальные (1414—1749 гг.) и частные юридическіе акты (1400—1731 гг.). Въ первой части помѣщены грамоты: жалованныя, послушныя, правыя; выписи; книги и выписи изъ книги. Во второй части: данныя, закладныя, купчія, межевые акты, мировыя, мѣновныя. Къ книгѣ приложены указатели личныхъ именъ, географическій и учрежденій упоминаемыхъ въ документахъ.

Содержаніе изданныхъ г. Шумаковымъ актовъ очень богато и даетъ изслѣдователю весьма интересный и разнообразный матеріалъ. Позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на слѣдующіе документы: № I (стр. 1—2), жалованная грамота 1462—1466 гг., интересенъ упоминаніемъ о „татарскомъ ямѣ“, отъ котораго не освобождена деревня Татариновская, принадлежавшая Троице-Сергіеву монастырю. № III (стр. 3) представляетъ собою довольно рѣдкій случай пожалованія судебныхъ льготъ частному свѣтскому лицу. №№ XIII (стр. 21—24) и XX (стр. 35—38) обращаютъ наше вниманіе упоминаніемъ, что при записи земель въ писцовыя книги, уже въ XVII в. составлялся чертежъ или планъ угодій. Очень

интересенъ № XVII (стр. 29—31), грамота Матвѣю Семеновичу Супоневу отъ 18 апрѣля 1685 г. Суздальскій Спасо-Евѳиміевскій монастырь жалуется на Супонева, что онъ вмѣшивается въ дѣла монастыря и переводитъ обратно въ государственныя села перезванныхъ монастыремъ крестьянъ. Монастырь указываетъ, что онъ перезываетъ только охотниковъ изъ семей, а, слѣдовательно, не нарушаетъ государева тягла. И это основаніе было признано правильнымъ правительствомъ и Супоневу было предписано не мѣшать монастырю. Такимъ образомъ, въ концѣ XVII в., когда, по общепринятому въ наукѣ взгляду, уже окончательно состоялось прикрѣпленіе крестьянъ, монастырь ухитряется переманивать на свою землю сосѣднихъ крестьянъ изъ черныхъ земель.

Изъ частныхъ юридическихъ актовъ обращаютъ наше вниманіе слѣдующіе: № I (стр. 71), данная на село Троице-Сергіеву монастырю. Дается монастырю село „и съ серебромъ, а серебра въ немъ 7 руб.“ Это мѣсто служитъ новымъ доказательствомъ, что „серебро“ было капитальнымъ долгомъ, а не процентами на капиталъ, какъ полагали нѣкоторые изслѣдователи—послѣдователи теоріи Пр. Ключевскаго. Затѣмъ передъ нами цѣлый рядъ данныхъ, въ которыя включены самыя разнообразныя условія и модификаціи. Мы имѣемъ вклады возмездные (negotia mixta), дареніе, обусловленное эквивалентомъ (№№ XL (стр. 76 -77), XLV (стр. 85—86), XLVI (стр. 86—88)), обусловленные правомъ выкупа (ibid), пожизненнымъ владѣніемъ (№ XLII стр. 80—81). Только что приведенный документъ интересенъ еще бытовой обстановкой даренія: вотчина была пожалована вкладчику „по приговору митрополита и архіепископовъ и всего собора и бояръ и столниковъ и дворянъ и всей земли за его службу, за московское очищеніе, изъ его помѣстья“. Вѣроятно, стѣсняясь при жизни явно передать земли монастырю, хотя-бы и съ правомъ пожизненнаго владѣнія, вкладчикъ уговаривается: „а поѣдутъ въ Углецкій уѣздъ писцы, и мнѣ Ѳедору та вотчина у писцовъ въ книги по свой животъ написати, а послѣ своего живота за Троецкимъ Сергіевымъ монастыремъ написать“. Оказывается, что передъ нами договоръ о дареніи на случай смерти—весьма сложная по формѣ и конструкціи сдѣлка. Далѣе интересенъ № XLIII (стр. 81—83), данная 1614 г., какъ раннее свидѣтельство о дареніи населеннаго имѣнія. Купчая за № LVI (стр. 103) интересна слѣдующимъ. Въ купчую, по обычаю, включено условіе объ очисткѣ. „А у ково будетъ та моя вотчина въ закладѣ, или въ закупѣ, или въ каба-

лахъ"... и т. д. Слѣдовательно, „закупъ" является не залогомъ, какъ полагали нѣкоторые изслѣдователи, а по всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ довольно раннимъ случаемъ „запродажи". Въ купчей № LVIII (стр. 107—108) интересно условіе, что продавецъ становится дворникомъ въ проданномъ дворѣ. Въ мѣновной № LXXXVII (стр. 172—174) интересно условіе „а за дѣломъ ходить ему (одному изъ контрагентовъ) своими харчьми".

Обращаясь къ изданію г. Шумакова долгомъ считаемъ указать, что оно исполнено весьма тщательно, во главѣ каждаго отдѣла находятся интересныя введенія, съ указаніемъ литературы предмета. Документы всѣ снабжены руководящими примѣчаніями. Позволимъ себѣ отмѣтить лишь два недостатка. Во первыхъ, по нашему мнѣнію, нѣтъ основанія выдѣлять грамоты съ прочетомъ въ отдѣльную рубрику, такъ какъ прочетъ не является характернымъ ихъ юридическихъ признакомъ. А во вторыхъ, издатель въ предисловіи (стр. VI), несмотря на свое обѣщаніе, при перечисленіи ссылокъ въ грамотахъ, цитируетъ ихъ не по своимъ №№, а по частной архивной нумераціи. Но, понятно, что эти незначительные дефекты совершенно искупаются несомнѣнными большими достоинствами книги, являющейся, повторяемъ, прекраснымъ и полезнымъ вкладомъ въ науку русской исторіи и исторіи русскаго права.

Н. Н. Дебольскій.

3. И. Ф. Хартулари. *Право суда и помилованія, какъ прерогативы Россійской державности.* Спб. 1899 г.

„Сравнительное историко-законодательное изслѣдованіе", носящее выписанное нами заглавіе, раздѣлено авторомъ на общую и особенную части: въ первой онъ даетъ общій очеркъ одного только права помилованія, во второй занимается спеціально правомъ суда и помилованія, какъ прерогативою Россійской державности, разумѣя подъ послѣднимъ терминомъ то, что обыкновенно принято выражать словомъ „суверенитетъ".

Какъ историческое изслѣдованіе, трудъ г. Хартулари вклада въ науку не вноситъ. Самъ авторъ указываетъ, что недостатки его труда слѣдуетъ объяснять скорѣе отсутствіемъ историческаго матеріала, нежели недобросовѣстною разработкою его (ч. II стр. 338), но къ этому указанію нельзя не сдѣлать небольшой поправки. Дѣй-

сравнительно въ книгѣ г. Хартулари собрано много историческихъ данныхъ, изъ которыхъ иныя имѣютъ лишь косвенное отношеніе къ предмету изслѣдованія, много историческихъ документовъ полностью пропечатаны въ приложеніи къ его книгѣ и нельзя его упрекнуть въ недобросовѣстной разработкѣ матеріала,—но въ достаточной степени работа его не проникнута научнымъ методомъ. Этимъ, очевидно, объясняется отсутствіе въ трудѣ г. Хартулари единства взгляда, освѣщающаго матеріалъ и приводящаго всѣ частные вопросы къ одной общей цѣли. Не усвоивъ самой сущности сравнительно историческаго метода авторъ ограничивается внѣшнимъ сопоставленіемъ фактовъ русской исторіи съ западноевропейскою, не говоря уже о прямыхъ недосмотрахъ и ошибкахъ, относящихся къ праву иностранныхъ государствахъ.

Такъ, напр., г. Хартулари, приступая къ обозрѣнію европейскихъ законодательствъ по вопросу о правѣ помилованія (I ч., 66), говоритъ. „Такъ, въ главѣ IV, книги I, англійской конституціи: „объ исполнительной власти“ упоминается, что первая прерогатива короля состоитъ въ управленіи правосудіемъ..... По выраженію перваго пункта означенной главы конституціи: „король является источникомъ всякой судебной власти..... „Король, говорится далѣе въ 3 пунктѣ,—имѣетъ право помилованія..... Но при всей кажущейся полнотѣ правъ англійскаго короля на помилованіе и амнистію, тѣмъ не менѣе права эти ограничены постановленіемъ, приведеннымъ въ главѣ VI конституціи, силою которой король и т. д...“ Недоумѣніе, возникающее по поводу этихъ строкъ, находитъ себѣ объясненіе въ подстрочной выноскѣ: г. Хартулари, повидимому, принялъ трактатъ Делольма „Constitution d'Angleterre“ за подлинный текстъ англійской конституціи во французскомъ, конечно, переводѣ. Непосредственно вслѣдъ за выноскою онъ продолжаетъ: „Равнымъ образомъ, по акту „of settlement“ 1701 года, королю не предоставляется права помилованія министровъ и т. д.

Перечисляя постановленія по тому же предмету конституцій европейскихъ монархическо-конституціонныхъ державъ, г. Хартулари упоминаетъ въ ихъ числѣ бразильскую и французскую (I, 70, 76, 82). Говоря о Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, г. Хартулари почему то называетъ штаты „округами“, а ихъ совокупность конфедераціей (85), хотя тутъ же указываетъ на государственный характеръ каждаго отдѣльнаго штата, а общее ихъ законодательство совершенно правильно называетъ федеральнымъ. Подобная неточность терминологіи совершенно неудобна въ серьез-

номъ сочиненіи, тѣмъ болѣе, что современная наука права не только различаетъ, но и прямо противополагаетъ понятія конфедераціи (Staatenbund, союзъ государствъ) и федераціи (Bundesstaat, союзное государство).

Преувеличенное мнѣніе г. Хартулари о самобытности явленій русской государственной жизни, составляющее какъ бы краеугольный камень его труда, но не оправдываемое ни его фактическимъ содержаніемъ, ни окончателеными выводами самого автора находитъ себѣ объясненіе отчасти въ недостаточномъ вниманіи автора къ исторіи западной Европы, главнымъ-же образомъ, въ недостаточной научности его метода изслѣдованія. Начнемъ съ опредѣленія Самодержавія, даваемаго г. Хартулари: упомянувъ о сомнѣніи Іоанна III въ неограниченности своей власти (II, 38) и приведя выдержки изъ переписки Іоанна Грознаго съ кн. Курбскимъ по вопросу о царской власти, онъ замѣчаетъ, что Іоаннъ и не предполагалъ, что у русскаго народа „была своя собственная, исторически сложившаяся теорія о власти, болѣе реальная и болѣе могущественная, которая могла доказать, что самодержавная власть московскихъ государей, съ абсолютно неограниченными правами была властью правомѣрною, а не узурпированною, какъ предполагало боярство (II, 46)". „Признанная и утвержденная самимъ народомъ самодержавная власть Россійскихъ монарховъ, говоритъ онъ далѣе, какъ воплотившая собою вѣками сложившуюся народную родовую идею о власти, съ ея патріархальною неограниченностью, которою она и отличается отъ западно-европейскаго абсолютизма—нуждалась отнынѣ, съ воцареніемъ Дома Романовыхъ, лишь въ окончательномъ своемъ закрѣпленіи, силою положительнаго закона. Такой законъ, изданный Императоромъ Петромъ Великимъ и помѣщенный въ толкованіи къ артикулу 20 воинскаго устава 1716 г.", соотвѣтствовалъ по мнѣнію г. Хартулари понятію о верховной власти самаго народа и обнаруживаетъ кромѣ того личный взглядъ геніальнаго преобразователя (II, 56, 57).

Между тѣмъ воинскій уставъ, скопированный съ шведскихъ образцовъ, содержитъ опредѣленіе самовластія шведскаго короля, какъ оно существовало съ 1680 до 1718 г., а вовсе не понятіе русскаго народа о верховной власти [1]). Относительно „правды воли монаршей"

[1]) Проф. Коркуновъ (Русское госуд. право т. I, стр. 159, изд. 1893 г.) дѣлаетъ весьма вѣскія замѣчанія о неудачности опредѣленія самодержавія въ воинскомъ уставѣ 1716 г., къ которымъ мы и отсылаемъ читателя.

г. Хартулари и самъ указываетъ, что „рядъ общихъ доводовъ, относительно истиннаго происхожденія, а также силы и значенія монархической власти, приведенныхъ въ означенномъ актѣ для уясненія народу абсолютной неограниченности правъ Петра, какъ Государя"—заимствованъ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ изъ сочиненій Гуго Гроція и отчасти Хоббса (II, 57).

Императрица Екатерина II, бывшая одинаковаго, по словамъ г. Хартулари, мнѣнія съ Петромъ Великимъ о дѣйствительномъ смыслѣ и значеніи самодержавія для Россіи (60), говоритъ о немъ въ своемъ Наказѣ словами Фридриха Великаго и Монтескье (61). Императору Павлу I авторъ приписываетъ точное и окончательное опредѣленіе и выясненіе сущности самодержавія въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено въ ст. 1 и 47 дѣйствующихъ основныхъ законовъ (63), тогда какъ въ формулировкѣ этихъ статей повиненъ не Павелъ I, а составитель свода законовъ графъ Сперанскій.

Такимъ образомъ, мнѣніе г. Хартулари о существенномъ отличіи русскаго самодержавія отъ западнаго абсолютизма остается недоказаннымъ. Ссылка на родовой, патріархальный характеръ русской идеи власти въ отличіе отъ западно-европейскаго абсолютизма убѣдительна только для того, кто не знакомъ съ паралельными идеями западно-европейской политической мысли; для примѣра укажемъ мемуары короля Франціи Людовика XIV и сочиненія его современника, епископа Боссюета.

„Подобно всѣмъ остальнымъ личнымъ правамъ Россійской верховной власти, говоритъ г. Хартулари, и присущія ей прерогативы суда и помилованія, а равно всякаго рода милостей внѣ закона, зародились у насъ на совершенно иной почвѣ и зиждутся на совершено иныхъ отношеніяхъ народа къ власти, нежели тѣ, которыя усматриваются на западѣ" (II, 2). Право личнаго участія Монарха въ отправленіи правосудія, по словамъ г. Хартулари, вовсе не извѣстно западу по несоотвѣтствію общему государственному принципу, право же помилованія хотя и отождествляется внѣшними признаками съ правомъ, признаваемымъ за верховною властью всюду и всѣми законодательствами, независимо отъ господствующей формы государственнаго управленія, но тѣмъ не менѣе видимо отъ него отличается и своими основаніями и предѣлами (I, 3, ср. II, 67).

Между тѣмъ, личное участіе монарха въ отправленіи правосудія, несовмѣстимое съ принципами современнаго конституціоннаго госу-

дарства, не такъ давно составляло обычное явленіе и на западѣ: достаточно вспомнить англійскую Звѣздную палату, lettres de cachet во Франціи, кабинетную юстицію въ Германіи, не говоря уже о болѣе древнихъ временахъ, когда западно-европейскіе короли, возсѣдая подъ священными деревьями, отправляли тѣ-же судейскія функціи, какъ и русскіе князья (ср. II, 10). Если судебныя функціи верховной власти атрофируются въ Россіи медленнѣе, чѣмъ на западѣ, то самъ г. Хартулари указываетъ вполнѣ наглядныя причины этого явленія: вопіющія злоупотребленія судей, взяточничество, лихоимство, неправосудіе побуждаютъ Іоанна Грознаго (II, 87), Петра Великаго (II, 90, 99), Екатерину II (II, 107—111) не закрывать послѣдняго прибѣжища челобитчикамъ, не нашедшимъ себѣ управы въ судѣ. „Императоръ Александръ I, говоритъ г. Хартулари (II, 114), рѣшившійся узаконить означенное право челобитчиковъ, вполнѣ сознавалъ явную его несоотвѣтственность государственному принципу Петра о раздѣленіи властей (?), требовавшему абсолютнаго устраненія самодержавной власти отъ отправленія правосудія, но Государь, подобно своему Державному Предшественнику, одинаково сознавалъ и то, что примѣненіе такого принципа немыслимо безъ общаго и радикальнаго преобразованія всего судебнаго строя Россіи". Этотъ принципъ и былъ, наконецъ, осуществленъ съ введеніемъ судебной реформы 20 ноября 1864 г., и г. Хартулари привѣтствуетъ завершеніе судебной реформы распространеніемъ ея на всю территорію Имперіи, сопряженное съ прекращеніемъ „античнаго права народа на личную Государеву расправу *по дѣламъ судебнымъ*, которое отойдетъ уже въ область историческаго преданія" (II, 121 и 321); мало того онъ высказываетъ совершенно правильную мысль о необходимости образовать изъ административныхъ департаментовъ сената „такое-же верховное и полноправное судилище по вопросамъ административнымъ, какимъ представляется нынѣ кассаціонный Сенатъ по вопросамъ судебнымъ" (II, 316).

Что касается положенія г. Хартулари, будто право помилованія, принадлежащее русскому государю, видимо отличается отъ западно-европейскаго и своими основаніями и предѣлами, то не только мы не нашли фактическаго подтвержденія этому положенію, но и самого автора изслѣдованіе фактическаго матеріала привело къ совершенно обратному выводу, чѣмъ выставленное имъ въ предисловіи положеніе. Вотъ какими словами заканчиваетъ г. Хартулари свое изслѣдованіе о прерогативѣ помилованія (II, стр. 269): „Та-

какимъ образомъ, независимо отъ совершенной тождественности ученія о присущей Россійской Державности прерогативѣ помилованія съ общимъ ученіемъ западно-европейскихъ законодательствъ, самая регламентація дѣятельности Россійскихъ Монарховъ по ея осуществленію, одинаково, по мнѣнію нашему, отвѣчаетъ и всѣмъ тѣмъ условіямъ и требованіямъ, какими эта прерогатива обставлена въ западно-европейскихъ государствахъ, для предупрежденія возможныхъ его злоупотребленій.....".

Этимъ заключительнымъ выводомъ г. Хартулари переходитъ изъ одной крайности въ другую, тогда какъ истина лежитъ посерединѣ. Дѣло въ томъ, что авторомъ недостаточно выяснено понятіе прерогативы. „Дискреціонная власть, дѣйствующая ради общественнаго блага, внѣ закона и даже вопреки закону, именуется прерогативою" гласитъ эпиграфъ книги со ссылкою на Джона Локка. Но въ такомъ видѣ опредѣленіе это не соотвѣтствуетъ ни русскому, ни западно-европейскому понятію о прерогативѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно искажаетъ мысль самого Локка, опредѣленіе котораго, въ полномъ видѣ приведено, впрочемъ, въ разбираемомъ изслѣдованіи (I, 62): „власть, дѣйствующая по личному и свободному своему усмотрѣнію, безъ законныхъ предписаній и даже вопреки правиламъ закона, какъ напримѣръ при помилованіи и награжденіи—называется прерогативою, основанною на позволеніи народа властителю дѣйствовать по его усмотрѣнію для общественнаго блага тамъ, гдѣ въ законѣ оказывается недосмотръ или же пробѣлъ". Это опредѣленіе, вполнѣ понятное въ устахъ теоретика англійской революціи Локка, совершенно непримѣнимо къ русскому самодержавію, которое обладаетъ всею полнотою государственной власти въ силу собственнаго права, а не въ силу позволенія народа.

Историко-законодательное изслѣдованіе г. Хартулари преслѣдуетъ однако не отвлеченно-научную, а практическую цѣль: дать указанія на основныя положенія. для реформы нынѣ существующей канцеляріи Его Императорскаго Величества по принятію прошеній на Высочайшее имя приносимыхъ" (II, 337). Къ сожалѣнію, именно эта часть изслѣдованія, въ которой можно было ожидать отъ автора цѣнныхъ указаній, изложена весьма кратко (ст. 304—337) безъ приведенія общихъ разсужденій въ непосредственную связь съ историческимъ матеріаломъ. Можно предположить, что авторъ ведетъ въ этихъ разсужденіяхъ полемику

съ невидимымъ противникомъ, но читатель, не зная положеній этого противника, не можетъ вполнѣ уловить и сущности возраженій г. Хартулари (особенно стр. 308—310). Въ концѣ концовъ авторъ стоитъ за „пользу превосходства коллегіальной и регламентированной формы учрежденія надъ единоличною и независимою" (310),— въ чемъ онъ, разумѣется, совершенно правъ,—но тѣ, съ кѣмъ онъ споритъ, повидимому не столько защищаютъ единоличное начало, установленное съ упраздненіемъ въ 1884 г. коммисіи прошеній, сколько доказываютъ вообще нецѣлесообразность дальнѣйшаго существованія особаго органа для разрѣшенія всеподданнѣйшихъ прошеній и въ видѣ переходнаго момента къ его совершенному упраздненію придали канцеляріи прошеній ея нынѣшнюю организацію, при которой она поставлена „въ положеніе какой-то общей для государственныхъ установленій регистратуры, а не отдѣльнаго и самостоятельнаго государственнаго органа" (319). А при такой постановкѣ первостепенную важность получаетъ вопросъ, не о коллегіальности или единоличности органа, осуществляющаго царскую прерогативу, а о томъ, для какихъ же дѣлъ представляется необходимымъ существованіе такого органа?

Какъ мы уже упомянули, г. Хартулари безусловно отвергаетъ дальнѣйшее допущеніе обращенія къ верховной власти съ просьбами о судѣ, подъ которыми онъ понимаетъ всякаго рода прошенія и жалобы судебно-правоваго характера, которыя предусмотрѣны дѣйствующими законами матеріальнаго и процессуальнаго права, такъ какъ въ сущности всѣ они возбуждаются для обхода существующаго закона и въ явное нарушеніе гражданскихъ правъ и интересовъ третьихъ лицъ (320). Такому-же недопущенію и по тѣмъ же основаніямъ должны подлежать и всеподданнѣйшія ходатайства по вопросамъ и дѣламъ о семейныхъ несогласіяхъ (321); засимъ не должны быть допускаемы и ходатайства по дѣламъ церковно-административнымъ и въ частности по дѣламъ раскольниковъ, такъ какъ разрѣшеніе ихъ можетъ имѣть мѣсто не иначе какъ при посредствѣ Святѣйшаго Синода (323). Ходатайства о помилованіи лицъ, осужденныхъ приговорами судебныхъ мѣстъ, г. Хартулари признаетъ также правильнымъ направлять къ министрамъ юстиціи, военному и морскому, по принадлежности (330), но съ тою оговоркою, чтобы при всеподданнѣйшихъ докладахъ этихъ министровъ присутствовало и лицо, на которое возложено принятіе всеподданнѣйшихъ прошеній (336). Такимъ образомъ для осуществленія собственно прерогативы суда

и помилованія существованіе коллегіальнаго органа представляется ненужнымъ и по мнѣнію самого автора.

Всѣ остальныя всеподданнѣйшія жалобы и прошенія должны, по мнѣнію г. Хартулари, служить или предметами непосредственнаго вѣдѣнія учрежденія по принятію прошеній, или же косвеннаго участія его въ обсужденіе ихъ подлежащими вѣдомствами (324). Таковы всеподданнѣйшія ходатайства, возбуждающія общіе вопросы, направленные къ достиженію общихъ цѣлей (324), жалобы на министровъ, главноуправляющихъ и генералъ-губернаторовъ, когда онѣ не могутъ быть принесены Сенату, прошенія о дарованіи особыхъ милостей, когда симъ не нарушаются ничьи интересы и гражданскія права, и прошенія о единовременныхъ пособіяхъ (326). Но нужно-ли ради этихъ ходатайствъ существованіе особаго органа: для разсмотрѣнія всѣхъ общихъ вопросовъ и проектовъ онъ врядъ-ли можетъ быть достаточно компетентнымъ, не говоря уже о томъ, что коммисія прошеній никогда не обладала и не можетъ обладать достаточною силою для проведенія проектовъ, которымъ будутъ противиться министры; тѣ-же проекты, которые встрѣтятъ въ министрахъ сочувствіе, получатъ движеніе и безъ участія коммисіи. Почти тоже можно сказать и о жалобахъ на министровъ: самъ г. Хартулари указываетъ, что хотя по дѣйствующимъ нынѣ правиламъ канцеляріи прошеній предоставлено испрашивать Высочайшее соизволеніе или на оставленіе этихъ жалобъ безъ послѣдствій или на внесеніе ихъ по принадлежности въ Государственный Совѣтъ, Комитетъ Министровъ и Правительствующій Сенатъ, но правомъ своимъ канцелярія не пользуется, передавая всѣ жалобы тѣмъ министрамъ, на которыхъ онѣ принесены для всеподданнѣйшаго ихъ доклада (327). Вполнѣ соглашаясь съ г. Хартулари о нежелательности ни съ какой точки зрѣнія такого порядка, не можемъ не замѣтить, что для устраненія его достаточно обратить факультативное право канцеляріи прошеній въ обязанность главноуправляющаго ею докладывать верховной власти подобныя жалобы или для оставленія ихъ безъ послѣдствій, или для передачи ихъ въ упомянутыя высшія государственныя учрежденія, не создавая для ихъ обсужденія новаго органа. Наконецъ, просьбы о милостяхъ внѣ закона и о пособіяхъ могутъ, безъ всякаго вреда для дѣла, докладываться Императорскому Величеству подлежащими министрами, не исключая и министра двора, которому подчиненъ кабинетъ Его Величества.

М. Лозина-Лозинскій.

4. **М. А. Рейснеръ.** *Христіанское государство (къ вопросу объ отношеніи государства и церкви).* Томскъ. 1899 г.

Проф. М. Рейснеръ. *Право свободы религіознаго исповѣданія. Свобода совѣсти въ Императорскомъ Римѣ.* Томскъ. 1899 г.

„Для того, чтобы возникъ вопросъ о свободѣ исповѣданія, религіи, совѣсти—нужно прежде всего, чтобы дѣло религіи стало дѣломъ нравственнаго долга личности, свободной вѣры и жизненнаго подвига“—такими словами начинаетъ профессоръ Томскаго университета Рейснеръ свою небольшую брошюру, посвященную вопросу о свободѣ совѣсти въ Императорскомъ Римѣ.

Граждане античнаго государства не нуждались въ свободѣ религіознаго исповѣданія, такъ какъ самое почитаніе боговъ было лишь гражданскимъ долгомъ, государственною повинностью. Покоряя народы, языческій Римъ отводилъ ихъ богамъ опредѣленное мѣсто въ своемъ пантеонѣ, принимая въ семью своихъ государственныхъ боговъ, культъ которыхъ въ свою очередь распространялся на покоренные народы. Подобіе вѣротерпимости Римъ проявилъ по отношенію къ евреямъ: „Іегова евреевъ не могъ ни допустить идолопоклонства, ни покинуть свой избранный народъ; родства между нимъ и сонмищемъ языческихъ боговъ не могла установить никакая миѳологія, а перенести его въ Римъ нельзя было, ибо это былъ Духъ, Богъ невидимый“,—и евреи были освобождены отъ исполненія языческихъ обрядовъ, получили свободу вѣроисповѣданія не только въ Палестинѣ, но и вообще въ предѣлахъ Имперіи. Но если подобная уступка оказалась возможною для древней религіи Іеговы, послѣдователи которой скоро были разсѣяны и не обладали силою пропаганды, съ христіанствомъ для язычества не было компромисса. Христіане въ принципѣ должны были отказаться отъ всѣхъ тѣхъ гражданскихъ обязанностей и дѣйствій, которыя были связаны съ языческимъ культомъ, а язычество, въ лицѣ императора Трояна, выставило принципъ: „кто отказывается принести жертву богамъ, тотъ повиненъ смерти“. Для терпимости къ христіанамъ не было мѣста; эдиктъ о терпимости Галерія 311 года былъ въ сущности побѣдою христіанства надъ язычествомъ и только на 7 лѣтъ предшествовалъ знаменитому миланскому эдикту Константина и Лицинія. Цѣною двухсотлѣтнихъ мукъ и истязаній христіане завоевали себѣ право свободы совѣсти или религіознаго исповѣданія: „Безбожно отнимать свободу религіи и ограничивать свободу избранія божества“—восклицаетъ св. Тер-

тулліанъ. Миланскій эдиктъ и язычникамъ обезпечилъ свободу совѣсти, а христіане спѣшили довершить свою побѣду горячей и свободной проповѣдью, своимъ подвигомъ и силою креста.

„Но церковь стерегло впереди новое испытаніе: ей предстояло пройти передъ соблазномъ мірской власти и могущества; духъ вѣка несъ ей земныя почести и блага, богатство, привилегіи, земные вѣнцы и тіары". Государственная церковь Рима приняла протянутую ей руку свѣтской власти, допустила насиліе въ дѣлѣ религіи и тѣмъ измѣнила своему собственному началу. Уже черезъ два года послѣ Миланскаго эдикта былъ воспрещенъ подъ угрозой наказанія переходъ въ іудейству; еще при Константинѣ язычники должны были праздновать христіанскіе праздники, а въ 341 г. Констанцій началъ гоненіе язычниковъ. При Юстиніанѣ некрещеные должны были креститься подъ угрозою конфискаціи имущества и лишенія гражданскихъ правъ. Роли перемѣнились. Принципы единой государственной религіи не могли такъ скоро изсчезнуть изъ публичнаго строя: христіанство заняло мѣсто язычества, стало принудительной религіей имперіи. За гоненіями на язычниковъ послѣдовали гоненія еретиковъ и раскольниковъ, хотя въ средѣ церкви, на ряду съ проповѣдниками насилія не было недостатка и въ защитникахъ свободы вѣры и совѣсти. Бл. Августинъ, преслѣдуемый аріанами, взывалъ къ свободѣ совѣсти а, выступивъ противъ донатистовъ, призвалъ на помощь свѣтскую власть и на этомъ примѣрѣ убѣдился въ полезномъ дѣйствіи насилія въ дѣлахъ религіи.

Византійскіе императоры, считая себя одинаково компетентными въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ, провозглашали государственною религіею то аріанство, то православіе иподвергали преслѣдованію изъ политическихъ видовъ несогласныхъ съ господствующею церковью. „Это наша воля, гласитъ императоръ Феодосій, чтобы всѣ народы, подчиненные нашему милостивому господству, исповѣдали ту же религію, которую исповѣдуютъ"... такіе то апостолы и учители церкви; „мы повелѣваемъ, чтобы лица, исповѣдующія эту религію, назывались каѳолическими христіанами, и чтобы всѣ остальные, которыхъ мы почитаемъ безумными и сумасшедшими, были отмѣчены позоромъ ереси, такъ что ихъ мѣста собраній не должны носить названія церкви, и они сами помимо божественнаго возмездія подвергнуться тѣмъ наказаніямъ, которыя установитъ наша воля, согласно небесному внушенію".

„Такъ христіанское право свободы совѣсти,—заканчиваетъ свою

короткую, но чрезвычайно интересно написанную и поучительную брошюру проф. Рейснеръ,—пало въ Византіи подъ гнетомъ старой римской идеи; такъ языческое начало всемогущества государства въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ подчинило Кесарю то, что должно было принадлежать только единому Богу"!

И долго суждено было господствовать этой старой языческой идеѣ надъ христіанскимъ міромъ: византійскій цезарепапизмъ былъ воспринятъ Карломъ Великимъ и священно-римской Имперіей германской націи, а затѣмъ въ полицейско-вѣроисповѣдныхъ государствахъ, какъ католическихъ, такъ и протестантскихъ, и только освободительное движеніе новаго времени, принесшее идеалы правоваго государства, воскресило принципы истинной свободы исповѣданія, какъ ее понимали христіане первыхъ вѣковъ, цѣня ее выше всѣхъ земныхъ благъ и самой жизни. Но переходъ отъ смѣшенія государства и церкви къ ихъ различенію совершился не сразу, передъ крушеніемъ полицейско-вѣроисповѣдной системы была сдѣлана попытка воскресить и спасти хотя бы нѣкоторые останки принципа объединенія, для чего и была создана въ 50-хъ годахъ заканчивающагося столѣтія теорія „христіанскаго государства". Изложенію и разбору идеи христіанскаго государства въ прусской церковной политикѣ и ученіи нѣкоторыхъ нѣмецкихъ канонистовъ, проф. Рейснеръ посвятилъ особый трудъ, къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

Въ первыхъ двухъ главахъ авторъ излагаетъ теорію христіанскаго государства въ прусскихъ представительныхъ собраніяхъ и политикѣ правительства (3—26) и въ трудахъ графа Брандиса, Клее, Дикгофа, фонъ-Мюлера, Ф. Ю. Шталя, Шеурля и Тирша (26—87), причемъ второй главѣ нельзя не сдѣлать упрека въ излишней длинотѣ, мѣшающей рельефности изложенія. Третья глава (87—114) содержитъ критическій разборъ теорій упомянутыхъ писателей. Несмотря на частныя противорѣчія между ними, и притомъ по существеннымъ предметамъ, общими основными пунктами теоріи являются требованіе его единства съ христіанскою церковью, какъ національнымъ, государственнымъ учрежденіемъ и установленіе особой христіанской политики въ дѣлахъ, общихъ церкви и государству. „Трудно отрицать, говоритъ проф. Рейснеръ, право христіанскаго населенія на такое устройство его быта и публичныхъ отношеній, какое требуется его религіозными и нравственными взглядами; не менѣе трудно отрицать право христіанскаго большинства въ государствѣ на проведеніе его воззрѣ-

ній въ область государственнаго устройства и управленія; но при этомъ необходимо замѣтить, что и нехристіанское населеніе каждой страны имѣетъ неоспоримое право на уваженіе своихъ нравственныхъ убѣжденій и религіозныхъ вѣрованій" (90). Не менѣе недоумѣній вызываетъ и другой основной вопросъ христіанской теоріи—что должно считать христіанской нормой государственной дѣятельности? (91). Правители государства не могутъ обладать теологическими данными для выясненія истиннаго смысла Св. Писанія, въ пониманіи котораго расходятся сами богословы и церкви; при желаніи быть самостоятельнымъ отъ церквей оно легко впадетъ въ ересь, а при слѣдованіи за какою нибудь одною церковью будетъ не только христіанскимъ, но и конфессіональнымъ, вѣроисповѣднымъ. Остается послѣднее предположеніе,—что государство будетъ руководствоваться въ своей дѣятельности началами христіанской нравственности,—но христіанская нравственность отличается отъ просто гуманитарной тѣмъ, что требуетъ чего-то большаго: стремится къ полному пересозданію и обновленію человѣка, къ его полному духовному совершенству, а этихъ цѣлей государственное управленіе и политика на себя взять не могутъ. Государство подобно солнцу свѣтитъ на праведныхъ и неправедныхъ, примѣняетъ свои требованія къ людямъ, какіе они есть, заботится не о вѣчномъ ихъ спасеніи, а о земномъ благополучіи (92).

Теоретики христіанскаго государства требуютъ ограниченія нехристіанъ въ пользованіи политическими правами. „Этимъ вводится, говоритъ проф. Рейснеръ, въ христіанскомъ государствѣ своего рода раздѣленіе гражданъ на полноправныхъ и неполноправныхъ, на господъ въ силу крещенія и ихъ подданныхъ въ силу некрещенія; такой порядокъ подчиняетъ одну часть гражданъ безусловному политическому господству другой, но спрашивается, на какомъ основаніи? во имя силы—но это начало языческое, а не христіанское; во имя справедливости—но одно крещеніе безъ вѣры и любви не дѣлаетъ христіанина лучше язычника; во имя цѣлесообразности—но политическое господство христіанъ еще нигдѣ и никогда не спасло отъ злоупотребленій и извращеній христіанскую политику. Съ другой же стороны менѣе всего въ христіанствѣ можно найти побужденіе къ тому политическому господству, которое такъ остроумно предложилъ на горѣ Сыну Божію искуситель". Царство Христа не отъ міра сего, и если теорія христіанскаго государства требуетъ политической власти въ какой либо

странѣ во имя Христа, то она стоитъ въ томъ же самомъ заблужденіи, въ которомъ сама упрекаетъ католичество. Религія любви не можетъ быть основой политической привилегіи; государственная власть есть достояніе царей и гражданъ, а не христіанъ въ отличіе отъ язычниковъ и евреевъ (94).

Приверженцы христіанскаго государства желаютъ проникновенія всѣхъ публичныхъ отношеній людей нравственными началами и христіанствомъ, какъ высшимъ проявленіемъ этихъ началъ. Но какъ это возможно? Первое требованіе христіанской нравственности есть абсолютная свобода совѣсти; любовь чистая, самоотверженная и широкая, любовь не знающая ни еллина ни іудея, любовь благодѣтельствующая врагу и готовая на всякое страданіе правды ради—таково второе проявленіе христіанской морали. Но этого еще мало, вѣра безъ дѣлъ мертва есть: необходимъ еще постоянный подвигъ труда для блага ближнихъ и собственнаго усовершенствованія. Возможно ли на этомъ фундаментѣ построить государство? Возможно, отвѣчаетъ авторъ, но такое государство станетъ тѣмъ союзомъ, который называется церковью. Однако писатели христіанской школы не идутъ такъ далеко, они не рѣшаются требовать перерожденія существующихъ языческихъ отношеній общества и государства, они желаютъ только частнаго измѣненія существующаго строя, притомъ въ духѣ не столь христіанскихъ, сколь реакціонныхъ принциповъ. „Принципъ свободы совѣсти они признаютъ въ меньшихъ размѣрахъ, нежели школа атеизма и индифферентизма; христіанскую любовь простираютъ они лишь на единовѣрцевъ и соотечественниковъ, свободный подвигъ любви замѣняютъ они государственной принудительной организаціей" (96—97). „Въ отношеніи къ церкви государственное христіанство кромѣ Христа церковнаго ищетъ еще Христа свѣтскаго и, преувеличивая тѣмъ свойственное евангелической церкви смѣшеніе духовнаго со свѣтскимъ, не можетъ помирить этихъ двухъ началъ иначе, какъ чрезъ установленіе государственной религіи, государственныхъ церквей и крѣпкой, хотя и косвенной власти государства надъ церковью, т. е. Христа свѣтскаго надъ Христомъ церковнымъ. Въ области христіанской политики приверженцы христіанскаго государства отличаются полнымъ недовѣріемъ къ моральнымъ силамъ отдѣльной личности, общества и церкви, желаютъ мѣрами насилія вести людей къ нравственному усовершенствованію, создаютъ въ лицѣ государственной власти всемогущаго педагога и опекуна народной совѣсти и проповѣдуютъ религіоз-

ную исключительность, религіозное принужденіе и религіозное преслѣдованіе въ полицейскомъ и уголовномъ порядкѣ" (114).

Изложенное нами содержаніе трудовъ проф. Рейснера даетъ, конечно, лишь блѣдное отраженіе глубокой и богатой мысли, проникающей его ученое изслѣдованіе. Мы умалчиваемъ о частичныхъ несогласіяхъ нашихъ съ авторомъ, чтобы не отнимать ими мѣста отъ изложенія сущности его взглядовъ, а взгляды эти представляютъ для современнаго русскаго общества громадный интересъ, помогая ему разобраться въ трудномъ вопросѣ объ отношеніяхъ между государствомъ и церковью. Не только въ личной жизни, но и въ государственныхъ дѣлахъ христіанинъ не тотъ, кто бія себя въ грудь, восклицаетъ „Господи! Господи!", а тотъ, кто сердцемъ исповѣдуетъ заповѣди Божіи—эта простая евангельская истина, затемненная старыми и новыми теоріями, получаетъ талантливое освѣщеніе въ трудахъ проф. Рейснера.

М. Лозина-Лозинскій.

5. Н. Цухановъ. *Сборникъ положеній, извлеченныхъ изъ рѣшеній гражданскаго кассаціоннаго департамента и общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ за 1889—1897 г.* Спб. 1899. Цѣна 2 р. 50 коп.

М. Шрамченко и В. Ширковъ. *Уставъ уголовнаго судопроизводства съ позднѣйшими узаконеніями, законодательными мотивами, разъясненіями Правительствующаго Сената и циркулярами министра юстиціи.* Спб. 1899 г. Цѣна 4 р.

Жалобы на бѣдность нашей юридической литературы стали давно общимъ мѣстомъ. Разработка отдѣльныхъ вопросовъ права продолжается въ учебникахъ, въ журнальныхъ статьяхъ спеціальныхъ изданій; изрѣдка появляются болѣе или менѣе цѣнныя диссертаціи „для соисканія ученыхъ степеней", и тѣмъ почти ограничивается творческая дѣятельность русской юридической мысли въ теченіе послѣднихъ лѣтъ.

Весьма рѣдко встрѣчаются нынѣ попытки систематизировать

практику нашихъ судебныхъ и административныхъ учрежденій по разнымъ вопросамъ права, отыскать общіе принципы въ сотняхъ и тысячахъ отдѣльныхъ рѣшеній, къ нимъ относящихся. Зато или, вѣрнѣе, именно потому необычайно разрослась и расцвѣла совершенно особая справочная литература, загромождающая читателя массой отдѣльныхъ рѣшеній, расположенныхъ по какой нибудь внѣшней системѣ—хронологической или постатейной, или даже извлеченіями изъ рѣшеній, такъ назыв. „тезисами", представляющими нерѣдко произвольный пересказъ отдѣльныхъ выхваченныхъ мѣстъ изъ рѣшеній, имѣющихъ часто смыслъ для тѣхъ только случаевъ, по коимъ они постановлены. Не проходитъ года, чтобы не появилось нѣсколько новыхъ сборниковъ подобнаго рода, и это вполнѣ понятно: разъ научная разработка права отсутствуетъ или почти отсутствуетъ, общіе принципы права никѣмъ не выясняются, практика должна имѣть руководство, указаніе для каждаго отдѣльнаго случая. Только съ путеводною нитью твердо установленнаго юридическаго принципа юристъ-практикъ можетъ смѣло углубиться въ лабиринтъ частныхъ казусовъ въ увѣренности, что онъ не собьется съ пути. Но тамъ, гдѣ этотъ принципъ не извѣстенъ, такъ какъ никто и не трудился надъ выясненіемъ его, приходится запасаться объемистымъ сборникомъ „рѣшеній", „положеній" на всякій случай и разными алфавитными и хронологическими указателями, чтобы можно было оріентироваться въ массѣ отдѣльныхъ казусовъ, кропотливо собранныхъ старательнымъ составителемъ сборника. Разумѣется, юридическаго мышленія и юридической науки сборники эти не могутъ подвинуть ни на шагъ, и, конечно, не имѣютъ и отдаленнаго сходства съ знаменитыми сборниками рѣшеній римскихъ юристовъ, вся цѣнность которыхъ состояла именно въ юридическомъ анализѣ и тѣхъ общихъ принципахъ, какіе древніе юристы умѣли извлекать изъ отдѣльныхъ казусовъ. Но при нынѣшнемъ состояніи нашей юридической науки, оставляющей практику безъ всякой помощи, эти практическіе сборники рѣшеній всетаки приносятъ значительную пользу, служа главнымъ источникомъ знакомства съ дѣйствующимъ правомъ въ его практическомъ примѣненіи.

Можно, конечно, только пожалѣть, что, благодаря исключительному господству сборниковъ всевозможныхъ „тезисовъ", работа юриста превращается въ рабское подведеніе жизненныхъ отношеній подъ казуистическіе „тезисы" сомнительнаго юридическаго достоинства, а юридическій анализъ замѣняется розыскиваніемъ

соотвѣтственнаго рѣшенія. Объ юридическомъ творчествѣ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи; суды, какъ и частные юристы, вращаются только въ заколдованномъ кругу безчисленныхъ тезисовъ и рѣшеній, часто противорѣчивыхъ.

Сборники, заглавія которыхъ мы выписали, принадлежатъ также къ категоріи практическихъ сборниковъ, предназначенныхъ для руководства практики во всевозможныхъ случаяхъ, на которые имѣются авторитетныя рѣшенія. Но они многимъ выгодно отличаются отъ предшествующихъ имъ изданій въ томъ же родѣ.

Въ особенности значительныя и весьма цѣлесообразныя отступленія отъ общепринятаго порядка составленія этихъ сборниковъ сдѣланы г. Цухановымъ. Разъясненія гражданскаго кассаціоннаго департамента и общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ, за періодъ съ 1889—1897 г., конечно, обнимаютъ почти всѣ важнѣйшіе случаи, потребовавшіе разъясненій Сената, тѣмъ болѣе что авторъ включилъ также и тѣ разъясненія, коими подтверждены разъясненія, данныя Сенатомъ по вопросамъ, разрѣшеннымъ въ предшествовавшіе года до 1889 года.

Самыя разъясненія сенатскія авторъ печатаетъ въ видѣ извлеченій изъ рѣшеній Сената и обыкновенно излагаетъ ихъ подлинными словами рѣшеній, допуская отступленія только въ крайнемъ случаѣ. Само собою разумѣется, что такой способъ изложенія представляется наиболѣе правильнымъ, такъ какъ гарантируетъ отъ ошибочнаго изложенія мысли, содержащейся въ данномъ рѣшеніи, какъ это, къ сожалѣнію, имѣетъ иногда мѣсто въ сборникахъ тѣхъ авторовъ, которые предпочитаютъ излагать разъясненія Сената „своими словами", что помимо ошибокъ, вноситъ нерѣдко и субъективный элементъ въ изложеніе. Самыя извлеченія сдѣланы авторомъ весьма удачно: не отличаясь большею частью пространностью, они содержатъ тѣ мѣста сенатскихъ рѣшеній въ которыхъ заключается все существо даннаго разъясненія. Авторъ избѣгаетъ ошибки, столь часто допускаемой другими составителями, нерѣдко превращающими въ отдѣльныя „положенія" какія нибудь побочныя соображенія, высказанныя Сенатомъ въ данномъ рѣшеніи, и не имѣющія руководящаго значенія; авторъ избѣгаетъ также включать въ положенія такія сужденія, которыя хотя и высказаны въ рѣшеніи, но имѣютъ значенія лишь въ связи съ даннымъ дѣломъ. Всякій, кому довелось имѣть дѣло съ существующими сборниками, знаетъ, какъ часто приходится испытывать разочарованіе относитительно даннаго значенія „тезиса", помѣ-

щеннаго въ сборникѣ, по прочтеніи цѣликомъ всего рѣшенія, изъ котораго тотъ тезисъ взятъ.

Система, избранная г. Цухановымъ, постатейная, но въ отличіе отъ общепринятаго шаблона, „положенія" размѣщены имъ не только по статьямъ уст. граж. судопр. и первой части X т., но и по статьямъ другихъ частей свода законовъ, которыхъ касаются использованныя авторомъ разъясненія, начиная съ I тома по XVI включительно. „Сборникъ" состоитъ изъ двухъ частей: первая содержитъ разъясненія на статьи свод. зак. отъ I по XIV, а вторая на статьи т. XVI кромѣ узаконеній уголовнаго процесса. Но нумерація „положеній" сплошная во всемъ сборникѣ. Сборникъ снабженъ обстоятельнымъ алфавитнымъ указателемъ, дѣлающимъ пользованіе сборника весьма простымъ и удобнымъ.

Благодаря алфавитному указателю, сборникъ напоминаетъ собою извѣстные указатели Москальскаго и Трахтенберга къ улож. о наказаніяхъ и уст. уголовн. судопр., пользовавшіеся столь заслуженною извѣстностью въ средѣ практиковъ. Скажемъ въ заключеніе, что г. Цухановъ сумѣлъ сдѣлать свой сборникъ не только содержательнымъ, но и очень небольшимъ по объему сравнительно съ существующими и гораздо болѣе доступнымъ по цѣнѣ. Такихъ результатовъ авторъ могъ достигнуть, благодаря строгому выбору имъ „положеній", имѣющихъ дѣйствительно руководящее значеніе по данному вопросу.

Уставъ уголовнаго судопроизводства, составленный г.г. Шрамченко и Ширковымъ, равнымъ образомъ заслуживаетъ вниманія практиковъ.

Составленный приблизительно по тому же плану, что и сборникъ г. Щегловитова уставъ уголовн. судопроизводства г.г. Шрамченко и Ширкова содержитъ всѣ новѣйшія разъясненія, снабженъ алфавитнымъ указателемъ, и выгодно отличается отъ другихъ сборниковъ тѣмъ, что въ немъ одно и то же сенатское разъясненіе не дробится безъ нужды на значительное количество мелкихъ тезисовъ; самыя положенія указываютъ лишь на существеннѣйшія части приводимыхъ рѣшеній, и притомъ изложены ясно и точно. Цѣнную особенность сборника составляютъ „неоффиціальныя приложенія", расположенныя по статьямъ, къ которымъ они относятся и циркуляры Министра Юстиціи за время отъ 1867—1898 г., расположенные въ алфавитномъ порядкѣ предметовъ, которыхъ они касаются. Циркуляры содержатъ весьма важныя разъясненія о примѣненіи тѣхъ или другихъ законоположеній, опре-

дѣляютъ ближе полномочія чиновъ прокурорскаго надзора и слѣдователей, даютъ подробныя указанія относительно порядка исполненія на практикѣ тѣхъ или другихъ постановленій закона, порядка исполненія судебныхъ приговоровъ и т. д. Особеннаго вниманія заслуживаютъ циркуляры министерства, изданные „въ видахъ точнаго исполненія" закона 2 іюня 1897 года объ уголовной отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ. Едва ли ошибемся если предскажемъ сборнику г.г. Шрамченко и Ширкова такое же широкое распространеніе, какимъ пользуется сборникъ г. Щегловитова, а раньше пользовался упомянутый нами „алфавитный указатель" Трахтенберга.

Л. З.

6. Отвѣтъ на рецензію.

(По поводу рецензіи г. Эксъ-профессора на сочиненіе проф. Цытовича: Мѣстные расходы Пруссіи въ связи съ теоріей мѣстныхъ расходовъ, Кіевъ, 1898 г.).

Во 2-мъ выпускѣ „Русскаго экономическаго обозрѣнія" за текущій годъ напечатана рецензія на мое изслѣдованіе: „Мѣстные расходы Пруссіи въ связи съ теоріей мѣстныхъ расходовъ", которую я не могу оставить безъ отвѣта. Окончательный выводъ рецензента (подписавшагося псевдонимомъ „Эксъ-профессоръ") довольно благопріятенъ для меня, за что приношу ему благодарность. Но такой выводъ относится главнымъ образомъ ко второй половинѣ моей книги, гдѣ разработанъ положительный матеріалъ, касающійся мѣстнаго финансоваго хозяйства Пруссіи. Что же касается первой, теоретической части, то рецензентъ составилъ себѣ объ ней совсѣмъ иное мнѣніе. Онъ не находитъ въ ней почти ничего достойнаго вниманія и, повидимому приходитъ къ заключенію, что мои старанія разъяснить вопросъ о томъ, какіе расходы управленія должны быть относимы на счетъ государственнаго казначейства и какіе—на счетъ органовъ самоуправленія, остались совершенно безплодными.

Я бы ничего не возражалъ противъ такого заключенія, если бы оно являлось только результатомъ несогласія рецензента съ моими взглядами и выводами. Авторъ, конечно, не можетъ имѣть претензіи убѣдить всякаго въ томъ, что ему самому кажется несо-

мнѣннымъ. Но здѣсь дѣло стоитъ нѣсколько иначе. Замѣчанія г. Эксъ-профессора по поводу теоретической части названнаго изслѣдованія основываются большею частью на разнаго рода недоразумѣніяхъ, носящихъ подчасъ довольно странный характеръ, и вотъ на эти то недоразумѣнія я считаю необходимымъ обратить вниманіе какъ его самого, такъ и тѣхъ, кто прочтетъ его рецензію, не познакомившись съ моей книгой.

Начавъ свой отзывъ передачею содержанія моего предисловія, въ которомъ я стараюсь выяснить цѣль и задачи предпринятаго труда, рецензентъ заключаетъ: „Словомъ, г. Цытовичъ взялся продѣлать ту же работу, которая 13 лѣтъ тому назадъ была сдѣлана проф. Лебедевымъ (мѣстные налоги, опытъ изслѣдованія теоріи и практики мѣстнаго обложенія, 1886 г.), только продѣлалъ ее, такъ сказать, съ другого конца".

Какимъ образомъ можно было изъ моихъ же собственныхъ словъ вывести, что я въ этомъ изслѣдованіи взялся передѣлать, да еще съ другаго конца, ту же самую работу, которую почтенный петербургскій профессоръ сдѣлалъ уже въ своемъ извѣстномъ сочиненіи, я рѣшительно отказываюсь понимать. Я, кажется, довольно ясно говорю о томъ, что намѣренъ изслѣдовать вопросъ о *расходахъ* самоуправленія, между тѣмъ какъ книга проф. Лебедева трактуетъ о мѣстныхъ *налогахъ*. Что расходы и налоги не одно и тоже, это, полагаю, должно быть ясно всякому, даже незнакомому съ теоріей финансовъ.

Но не только по моимъ намѣреніямъ, но и на самомъ дѣлѣ мое изслѣдованіе не представляетъ собою перелицовки сочиненія проф. Лебедева. Въ этомъ можетъ легко убѣдиться всякій, кто возьметъ на себя трудъ сравнить обѣ работы. Предметомъ моего изслѣдованія дѣйствительно является вопросъ о наиболѣе цѣлесообразномъ и справедливомъ распредѣленіи расходовъ управленія между государственными и мѣстными средствами, тогда какъ главная цѣль сочиненія проф. Лебедева заключалась въ изслѣдованіи вопроса о томъ, какова должна быть система мѣстныхъ налоговъ. Правда, оба вопроса соприкасаются между собою въ нѣкоторыхъ пунктахъ, вслѣдствіе чего я не могъ обойтись безъ упоминанія о системѣ мѣстныхъ налоговъ, а проф. Лебедевъ не могъ не задѣть вопроса о мѣстныхъ расходахъ. Но всякій даже при поверхностномъ обзорѣ обѣихъ книгъ можетъ замѣтить, что я интересуюсь мѣстными налогами лишь настолько, насколько это необходимо для опредѣленія круга мѣстныхъ расходовъ, а для проф. Лебедева, на-

противъ вопросъ о расходахъ имѣлъ второстепенное значеніе. Съ другой же стороны, то, что я говорю о мѣстныхъ расходахъ, далеко не совпадаетъ съ мнѣніемъ проф. Лебедева о томъ же предметѣ, какъ это я стараюсь выяснить на стр. 51—54 моей книги.

И такъ, вотъ въ чемъ заключается первое недоразумѣніе моего рецензента.

Второе недоразумѣніе касается характеристики, какую г. Эксъ-профессоръ дѣлаетъ моему отношенію къ существующимъ теоріямъ мѣстныхъ расходовъ. Прежде всего онъ утверждаетъ, будто я при обзорѣ этихъ теорій имѣю въ виду *исключительно* нѣмецкую литературу. Это—неправда, такъ какъ весь 4-й параграфъ первой главы (стр. 47—59) посвященъ у меня *русской* литературѣ, и даже заглавіе онъ носитъ такое: „Русская литература по вопросу о мѣстныхъ расходахъ". Я разсматриваю здѣсь мнѣнія А. Лохвицкаго, кн. А. Васильчикова, проф. В. А. Лебедева и др. Что же касается западно-европейской литературы, то обзоръ ея начинается у меня съ Адама Смита, который, какъ извѣстно, не былъ нѣмцемъ, а заканчивается Леруа Болье, который также не принадлежитъ къ тевтонскому племени.

Замѣчая далѣе, что я не нахожу въ предшествующихъ теоріяхъ „прочныхъ принципіальныхъ основъ", г. Эксъ-профессоръ говоритъ: „Словомъ, авторъ ставитъ крестъ на труды всѣхъ своихъ предшественниковъ". Это опять таки невѣрно. Такого суроваго приговора о предшествующихъ трудахъ по интересующему меня вопросу я вовсе не дѣлаю. Я не нашелъ въ нихъ прочныхъ принціальныхъ основъ, т. е., другими словами, я признаю довольно шаткимъ то, что говорится въ нихъ по поводу *справедливаго* распредѣленія расходовъ между государствомъ и мѣстными союзами. Но въ тоже время я вполнѣ признаю и нѣсколько разъ повторяю (стр. IV, 42, 258 и т. д.), что въ области чисто практическихъ соображеній предшествующими авторами было сказано очень много дѣльнаго о мѣстныхъ расходахъ. Въ предисловіи (стр. IV) я прямо даже говорю, что въ области этихъ соображеній моя задача сводилась, главнымъ образомъ, къ систематизаціи или къ болѣе точному обоснованію того, что было уже сказано другими.

Такое же неуваженіе приписываетъ мнѣ рецензентъ и по отношенію къ существующимъ теоріямъ обложенія.

„Посвятивъ этой работѣ (т. е. обзору теорій обложенія) сотню страницъ, говоритъ онъ, и найдя почти все, имѣющееся до сихъ поръ въ литературѣ, неудовлетворительнымъ, авторъ заключаетъ и т. д.".

Но въ дѣйствительности я былъ далекъ отъ такого нелестнаго мнѣнія о трудахъ моихъ предшественниковъ, и какъ мнѣ кажется, то, что я говорю объ нихъ, вовсе не давало права рецензенту прійти къ такому заключенію. Я старался, напротивъ, указать ту долю истины, какую приносила съ собою каждая новая теорія обложенія. Разумѣется новая истина почти всегда являлась въ одностороннемъ освѣщеніи, и мнѣ предстояло указать на такую односторонность, но это не должно казаться удивительнымъ тому, кто знакомъ съ исторіей научной разработки хотя одного какого-нибудь вопроса: истина всегда раскрывалась по частямъ различными мыслителями, причемъ обыкновенно каждый изъ нихъ увлеченный открывшеюся ему новою стороною вопроса, въ свою очередь впадалъ въ односторонность и преувеличенія. Подобнымъ же образомъ и въ данномъ случаѣ такъ называемая теорія „долга и пожертвованія" представляетъ собою значительный прогрессъ по сравненію съ господствовавшей раньше индивидуалистической теоріей обложенія, что прямо сказано у меня на стр. 94. Но эта теорія страдаетъ односторонностью противоположною той, какой страдала индивидуалистическая теорія (стр. 96). Новая экономическая теорія обложенія, составленная Sax'омъ исправляетъ эту односторонность, но впадаетъ въ иного рода ошибку, которую я съ своей стороны считалъ необходимымъ исправить (стр. 160 и слѣд.) Итакъ, вотъ въ чемъ, въ общихъ чертахъ, заключается мое мнѣніе, о существующихъ теоріяхъ обложенія. Отсюда еще далеко до огульнаго осужденія ихъ, какое мнѣ предписываетъ г. рецензентъ.

Такимъ образомъ, вопреки мнѣнію г. Эксъ-профессора, моей книгѣ вовсе не присуще то свойство, которое, если бы оно дѣйствительно было на лицо, могло бы служить ей весьма плохой рекомендаціей, потому что всякій болѣе или менѣе знакомый съ ученой литературой знаетъ, что если авторъ какого-либо изслѣдованія относится съ огульнымъ отрицаніемъ ко всему, что было сдѣлано до него, то почти навѣрное можно ожидать, что его собственные выводы окажутся чѣмъ то до крайности безпочвеннымъ и легкомысленнымъ. Но я въ такомъ отрицаніи нисколько неповиненъ. Въ своихъ выводахъ я, напротивъ, старался примкнуть къ результатамъ уже достигнутымъ финансовой теоріей.

Обратимся затѣмъ къ оцѣнкѣ моихъ выводовъ г. Эксъ-профессоромъ. Здѣсь на первомъ же шагу мы опять встрѣчаемся съ „недоразумѣніями".

Главнымъ недостаткомъ господствующей теоріи обложенія (теоріи

долга и пожертвованія), по моему мнѣнію, является то свойство ея, что она не признаетъ ни возможнымъ, ни необходимымъ установить какое либо соотношеніе между суммами налоговъ уплачиваемыхъ отдѣльными плательщиками, и благами, доставленными послѣднимъ дѣятельностью государства или мѣстныхъ союзовъ. Установленіе такого соотвѣтствія она допускаетъ лишь для особаго рода общественныхъ сборовъ, называемыхъ пошлинами, при чемъ соотвѣтствіе устанавливается здѣсь по тому же масштабу, какъ и въ сельско-хозяйственномъ обмѣнѣ, при господствѣ свободной конкуренціи, т. е. равныя блага или одинаковыя услуги оплачиваются равными суммами пошлинъ. Но какъ только рѣчь заходитъ о налогахъ въ собственномъ смыслѣ, господствующая теорія настаиваетъ на томъ, что здѣсь не можетъ быть, и не должно быть соотвѣтствія между платежами и услугами. Налогъ, говорятъ представители этой теоріи, уплачивается потому, что гражданинъ обязанъ его платить, а не потому, что государство оказываетъ ему какія либо услуги; при томъ же, говорятъ они, услуги государства въ большинствѣ случаевъ неизмѣримы и несоизмѣримы. Поэтому налогъ взимаемый съ того или другаго плательщика долженъ сообразоваться лишь съ платежною способностью послѣдняго, независимо отъ участія его въ благахъ, доставленныхъ дѣятельностью государства или органовъ самоуправленія.

Такой взглядъ мнѣ кажется одностороннимъ. Я старался доказать, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда государство или другой общественный союзъ дѣйствительно оказываетъ какія-либо услуги своимъ членамъ, возможно и необходимо установить соотношеніе между платежами и услугами, и что при установленіи этого соотношенія можно примѣнить два принципа или масштаба: въ однихъ случаяхъ одинаковыя услуги должны быть оплачиваемы одинаковыми суммами, независимо (или почти независимо) отъ платежной способности гражданъ (принципъ пошлинъ), въ другихъ же случаяхъ платежи должны сообразоваться не только съ размѣромъ услугъ, но и съ платежною способностью лицъ, пользующихся этими услугами, такимъ образомъ, что бы одинаковая степень удовлетворенія общественныхъ потребностей оплачивалась одинаковыми *жертвами* плательщиковъ.

Съ этимъ выводомъ можно соглашаться или не соглашаться, но во всякомъ случаѣ, я полагаю, всякому должно быть понятно, что этотъ выводъ не означаетъ возвращенія къ индивидуалистической теоріи, которая (какъ это только что замѣчено) требовала,

чтобы налоги всегда были пропорціональны услугамъ, и вовсе не считала необходимымъ сообразоваться съ платежною способностью гражданъ. Между тѣмъ мой рецензентъ обвиняетъ меня именно въ томъ, что я возвращаюсь къ индивидуалистической теоріи. „Выдвигая, говоритъ онъ, это отношеніе потребностей къ интересамъ отдѣльныхъ личностей, авторъ воспринимаетъ имъ же отвергаемую теорію услуги и возмездія“ (стр. 212). Такимъ образомъ я какъ будто оказываюсь виновнымъ въ противорѣчіи съ самимъ собою.

Какимъ образомъ рецензентъ могъ прійти къ такому заключенію, я не знаю, такъ какъ никакихъ дальнѣйшихъ поясненій онъ не даетъ. Но я тутъ во всякомъ случаѣ не причемъ, потому что я сдѣлалъ съ своей стороны все возможное, чтобы выяснить сущность индивидуалистической теоріи (теорія „услуги и возмездія“) и отличіе ея отъ той точки зрѣнія, которая мнѣ кажется наиболѣе правильной. Такъ напримѣръ, на стр. 64 у меня сказано: „Характерную черту индивидуалистической теоріи обложенія слѣдуетъ видѣть именно въ томъ, что она признаетъ масштабомъ справедливаго распредѣленія налоговъ только услуги и выгоды, достающіяся отдѣльнымъ плательщикамъ, *независимо отъ платежной способности послѣднихъ*. Она отличается этою чертою не только отъ господствующей теперь теоріи долга и пожертвованія, но и отъ новыхъ экономическихъ теорій обложенія, которыя опять выдвигаютъ значеніе услугъ общественнаго союза въ вопросѣ о распредѣленіи налоговъ.

Такъ же мало основателенъ упрекъ въ другомъ противорѣчіи, сдѣланный мнѣ рецензентомъ. Отмѣтивъ, что я настаиваю на установленіи извѣстнаго отношенія между платежами гражданъ и тѣмъ содѣйствіемъ, какое получаютъ ихъ личные интересы при удовлетвореніи общественныхъ потребностей, рецензентъ говоритъ: „А еще далѣе общественными потребностями оказываются именно тѣ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ личнымъ цѣлямъ и интересамъ того, у кого онѣ возникаютъ, при чемъ затраты на эти потребности являются чистою потерей для плательщика. Это уже нѣчто совсѣмъ непонятное“ (стр. 212).

Совершенно вѣрно. Это было бы совсѣмъ непонятно, если бы я дѣйствительно далъ такое опредѣленіе общественныхъ потребностей, какое приписываетъ мнѣ г. Эксъ-профессоръ. Но въ дѣйствительности я нигдѣ въ своей книгѣ не отношу этого опредѣленія ко всѣмъ общественнымъ потребностямъ въ совокупности. Опре-

дѣленіе, приведенное рецензентомъ, относится только къ одному немногочисленному разряду потребностей, которыя я, вслѣдъ за Sax'омъ, называю чисто-общественными, или общественными въ тѣсномъ смыслѣ. Къ такимъ потребностямъ можно отнести, напр., потребность государства въ охранѣ своей чести и независимости. Эту потребность, конечно, могутъ ощущать и отдѣльные граждане, но несомнѣнно, что къ ихъ личнымъ, индивидуальнымъ интересамъ она не имѣетъ непосредственнаго отношенія и что они могутъ ощущать ее только какъ члены государственнаго союза. Такія потребности противополагаются потребностямъ индивидуально-общественнымъ, которыя, какъ я указываю неоднократно (стр. 167, 177 и т. д.), имѣютъ непосредственное отношеніе къ индивидуальнымъ интересамъ. Сюда относится, напримѣръ, потребность безопасности личной и имущественной, потребность въ народномъ образованіи, путяхъ сообщенія и т. д. На стр. 169 у меня прямо сказано, что кругъ потребностей этого рода гораздо обширнѣе нежели кругъ чисто-общественныхъ потребностей, не связанныхъ съ индивидуальными интересами гражданъ. Какимъ образомъ послѣ всего этого г. Эксъ-профессоръ могъ придти къ заключенію, будто я отношу къ общественнымъ потребностямъ только тѣ, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ личнымъ цѣлямъ и интересамъ гражданъ,—для меня остается тайной.

Въ концѣ концовъ мой рецензентъ все-таки замѣтилъ, что общественныя потребности дѣлятся у меня на двѣ указанныя категоріи, т. е. на потребности чисто-общественныя и индивидуально-общественныя. Но истинный смыслъ этого дѣленія ускользнулъ отъ него, и опять не по моей винѣ. Приведя это дѣленіе, рецензентъ говоритъ: „эти термины у него (т. е. у меня) почти соотвѣтствуютъ терминамъ: государственныя и мѣстныя (потребности)". Однако же изъ сдѣланнаго выше разъясненія видно, что потребности чисто-общественныя совсѣмъ не то, что потребности государственныя, а потребности индивидуально-общественныя—не то, что потребности мѣстныя. Вполнѣ очевидно, что какъ тѣ, такъ и другія могутъ встрѣчаться какъ среди государственныхъ потребностей, такъ и среди мѣстныхъ. Въ своей книгѣ я прямо говорю объ этомъ. Напримѣръ, на стр. 173 сказано: „Подобныя (т. е. чисто-общественныя) потребности могутъ быть и у государства, и у мѣстныхъ союзовъ". Могу также указать г. Эксъ-професору на стр. 241.

Но удивительнѣе всего для меня тотъ упрекъ, какой дѣлаетъ

мнѣ рецензентъ по поводу моего окончательнаго вывода о принципѣ распредѣленія общественныхъ тягостей. Какъ уже замѣчено выше, я прихожу къ заключенію, что въ тѣхъ случаяхъ когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи индивидуально-общественныхъ потребностей, справедливость требуетъ, чтобы сборы, взимаемые съ отдѣльныхъ плательщиковъ находились въ соотвѣтствіи со степенью удовлетворенія для нихъ (плательщиковъ) этихъ потребностей, и притомъ такъ, чтобы одинаковой степени удовлетворенія потребностей соотвѣтствовали одинаковыя жертвы, падающія на отдѣльныхъ плательщиковъ подъ видомъ налоговъ. Рецензентъ замѣчаетъ по этому поводу: „неясно, какъ понимаетъ авторъ требуемое имъ равенство (жертвъ): есть ли это арифметическое равенство платежей, раскладка поровну, или равенство относительное: т. е. кто больше имѣетъ, тотъ больше и плати за то же удовлетвореніе?“ (стр. 215).

Почему послѣ прочтенія всей первой половины моей книги этотъ пунктъ остался неяснымъ для рецензента, я опять отказываюсь понимать. У меня такъ часто и, кажется, настолько ясно говорится о томъ, что только „относительное“ равенство можно считать соотвѣтствующимъ требованіямъ высшей справедливости, что не замѣтить этого, повидимому, рѣшительно не было возможности. Для примѣра укажу на стр. 175—176 моей книги, гдѣ сказано: „Равенство можно понимать или въ томъ смыслѣ, что всѣ плательщики должны участвовать въ расходахъ равными суммами, или такъ, что платежи должны составлять для всѣхъ плательщиковъ одинаковыя лишенія, или равныя жертвы, при чемъ тотъ, кто больше имѣетъ, и платить долженъ больше. Какое же изъ этихъ двухъ видовъ равенства—объективное или субъективное—должно быть примѣнено въ настоящемъ случаѣ (т. е. при распредѣленіи общественныхъ тягостей)? Понятно, что насколько дѣло идетъ объ удовлетвореніи требованій справедливости, единственнымъ возможнымъ масштабомъ является масштабъ субъективный, т. е. масштабъ, принимающій во вниманіе значеніе платежей для личности плательщика“. Какой же еще ясности желаетъ г. Эксъ-профессоръ? Яснѣе, кажется, нельзя было сказать.

Но если бы даже г. Эксъ-профессоръ не считалъ нужнымъ обращать вниманіе на мои собственныя разъясненія, то ему должно было бы быть извѣстно (если только его псевдонимъ дѣйствительно указываетъ на его прежнее служебное положеніе, и если онъ занималъ каѳедру по одной изъ государственныхъ наукъ), что весьма

многіе изъ представителей господствующей теоріи обложенія, настаивая на „относительномъ“ равенствѣ налоговъ, формулируютъ это равенство именно, какъ равенство жертвъ, и что эта теорія носитъ въ нѣмецкой литературѣ названіе Opfertheorie (теорія жертвы). У меня эта теорія изложена довольно подробно на стр. 70—112.

Изучивъ съ такимъ образцовымъ вниманіемъ ту часть моей книги, которая посвящена теоріи обложенія, рецензентъ приходитъ къ заключенію, что она содержитъ въ себѣ „вещи большею частью общеизвѣстныя, безспорныя, давно ставшія достояніемъ учебниковъ“, и высказываетъ сомнѣніе въ томъ, чтобы пересмотръ теоріи обложенія „въ такомъ объемѣ“ необходимъ былъ мнѣ для моихъ цѣлей (стр. 216).

Я позволю себѣ, однако же, не согласиться съ такимъ заключеніемъ. Разумѣется, мнѣ приходилось здѣсь повторять и то, что стало уже безспорнымъ. Для того, чтобы въ области научныхъ выводовъ сдѣлать шагъ впередъ, необходимо отправляться отъ извѣстнаго, а предполагать это извѣстное настолько *обще*извѣстнымъ, чтобы о немъ можно было говорить простыми намеками и ссылками на тѣ или другія сочиненія, я не имѣлъ никакого основанія. Г. Эксъ-профессоръ своимъ собственнымъ примѣромъ доказалъ мнѣ, что я былъ правъ въ этомъ отношеніи. Но я не согласенъ съ тѣмъ, что въ названномъ отдѣлѣ моего изслѣдованія я „большею частью“ повторяю вещи безспорныя и общеизвѣстныя. Напротивъ вся задача этого отдѣла заключается именно въ томъ, чтобы доказать неосновательность того взгляда, который проповѣдуется господствующей теоріей обложенія и который дѣйствительно сталъ достояніемъ учебниковъ финансоваго права. Во всѣхъ новѣйшихъ учебникахъ нѣмецкихъ и русскихъ признано, что масштабъ платежной способности представляетъ собою нѣчто вполнѣ противоположное масштабу интереса; что лишь въ отдѣльныхъ случаяхъ, когда услуги, доставляемыя государствомъ тому или другому лицу могутъ быть констатированы и „измѣрены“ эти услуги должны быть оплачиваемы особыми платежами, соотвѣтствующими стоимости услугъ; но что въ большинствѣ случаевъ услуги государства неизмѣримы и несоизмѣримы и потому должны давать поводъ ко взиманію сборовъ, распредѣляемыхъ не „по интересу“, а по масштабу „платежной способности“ не имѣющему ничего общаго съ интересомъ. Такой же взглядъ можно найти и въ тѣхъ изъ французскихъ учебниковъ,

которые не раздѣляютъ устарѣвшей индивидуалистической теоріи обложенія. Я оспариваю этотъ взглядъ. Я стараюсь доказать, что „услуги", оказываемыя общественными союзами отдѣльнымъ лицамъ, если только онѣ дѣйствительно имѣются на лицо, всегда могутъ быть констатированы и измѣрены по крайней мѣрѣ настолько, настолько это необходимо для удовлетворенія требованіямъ справедливости при распредѣленіи общественныхъ сборовъ, и что распредѣленіе этихъ сборовъ по масштабу платежной способности само по себѣ не устраняетъ ни возможности, ни необходимости сообразовать ихъ съ объемомъ названныхъ услугъ. Я не утверждаю что бы эта мысль была совершенно нова; въ зачаточномъ видѣ ее можно найти у двухъ-трехъ авторовъ, а у Sax'а ей дано даже довольно подробное изложеніе. Но этотъ авторъ высказываетъ ее въ такой парадоксальной формѣ, что сторонниковъ у него почти не нашлось. Такимъ образомъ мнѣ предстояло очистить отъ постороннихъ и вредныхъ наслоеній то зерно истины, которое заключалось въ теоріи Sax'а (у меня она носитъ названіе новой экономической теоріи обложенія) и дать ему надлежащее развитіе.

Можно ли говорить послѣ этого, что въ главахъ, посвященныхъ теоріи обложенія, я говорю о вещахъ „давно ставшихъ достояніемъ учебниковъ"? Можно не соглашаться съ моими выводами, но отрицать то, что они уклоняются отъ установившагося, господствующаго мнѣнія—нельзя.

Что касается вопроса о томъ, для чего понадобилось въ сочиненіи посвященномъ *расходамъ* самоуправленія производить подробный пересмотръ теорій *налоговъ*, то этотъ пунктъ, кажется, достаточно обстоятельно выясненъ у меня на стр. 66—70 и 110—112. Рецензентъ, сомнѣвавшійся въ необходимости такого пересмотра долженъ былъ бы обратить вниманіе на эти объясненія и постараться ихъ опровергнуть. Но онъ этого не дѣлаетъ.

Не мало „недоразумѣній" могъ бы указать я и въ той части рецензіи, которая посвящена собственно ученію о мѣстныхъ расходахъ. Но я боюсь наскучить и потому отмѣчу только одно изъ этихъ недоразумѣній, такъ сказать заключительное и притомъ наиболѣе характерное.

Изложивъ различныя соображенія, которыми слѣдуетъ руководиться при выборѣ между государственными и мѣстными средствами при покрытіи расходовъ управленія, я замѣтилъ между прочимъ, что ученіе о мѣстныхъ расходахъ не можетъ дать выводовъ, имѣющихъ абсолютное значеніе. Рецензентъ ловитъ меня на словѣ

и утверждаетъ, что этою фразою я „почти свожу на нѣтъ“ весь свой трудъ. „Неужели, восклицаетъ онъ, данныя науки и сравнительнаго изученія законодательствъ неспособны дать чего-либо прочнаго въ этомъ отношеніи?“

Я согласенъ, что фраза о невозможности абсолютныхъ выводовъ для теоріи мѣстныхъ расходовъ, взятая изолированно, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ, можетъ внушить читателю мысль о томъ, что я самъ сомнѣваюсь въ результатахъ моей работы. Но дѣло представилось бы совершенно въ иномъ видѣ, если бы г. Эксъ-профессоръ выписалъ то, что у меня непосредственно слѣдуетъ за приведенными имъ словами. Тогда получилась бы цитата такого рода:

„.....Ученіе о мѣстныхъ расходахъ не можетъ дать выводовъ, имѣющихъ абсолютное значеніе. Нельзя выработать такой планъ распредѣленія финансовыхъ тягостей между общественными союзами различныхъ порядковъ и категорій, который былъ бы всегда хорошъ, независимо отъ условій мѣста и времени. Но общія соображенія, конечно, не теряютъ черезъ это своей цѣны. Они помогаютъ разобраться среди разнообразныхъ конкретныхъ обстоятельствъ и найти такое рѣшеніе вопроса, которое, при данныхъ условіяхъ, будетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ и наиболѣе соотвѣтствующимъ требованіямъ справедливости“ (стр. 296).

Выходитъ, слѣдовательно, нѣчто совсѣмъ другое. Я сомнѣваюсь только въ томъ, чтобы теорія мѣстныхъ расходовъ могла дать рецепты одинаково пригодные для всѣхъ временъ и народовъ, и полагаю, что самъ рецензентъ долженъ усумниться въ этомъ. Но я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что названная теорія можетъ научить, какъ слѣдуетъ распредѣлять расходы управленія въ томъ или другомъ конкретномъ случаѣ.

На этомъ я заканчиваю свой отвѣтъ. Собственныхъ мнѣній рецензента по поводу интересующихъ меня вопросовъ, какъ я уже замѣтилъ, я не намѣренъ оспаривать. При томъ же эти мнѣнія выражены слишкомъ отрывочно и афористично. Мнѣ хотѣлось только защитить мою работу и мои выводы противъ неправильной характеристики и неправильнаго пониманія. Такая защита, конечно, составляетъ естественное право каждаго автора.

Проф. Н. Цытовичъ.

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX. МАЙ 1899.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1899

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИГИ „ВѢСТНИКА ПРАВА“.

I.

КРЕСТЬЯНСКІЙ ДВОРЪ.

(Окончаніе См. В. Права, Мартъ).

VI.

На вопросѣ о крестьянскомъ дворѣ отразились всѣ темныя стороны деревенскаго безправія. Не законъ, а судебно-административная практика дала жизнь институту крестьянскаго двора; не право, а утилитарныя соображенія руководили Правительствующимъ Сенатомъ при его построеніи. И чѣмъ дальше подвигается это построеніе, тѣмъ дальше толкованіе закона уходитъ отъ его прямого и яснаго смысла, тѣмъ болѣе обезсиливаются нормы закона, утвержденнаго Верховною властью, уступая мѣсто самопроизвольнымъ толкованіямъ. Рознь между дѣйствующимъ правомъ (на практикѣ) и закономъ, неустойчивость этого дѣйствующаго права, невозможность для самого Сената отступить отъ того пути, на который онъ однажды уже вступилъ, неизбѣжность дальнѣйшихъ противорѣчій на этомъ скользкомъ пути—все это съ особенною силою выдвигаетъ необходимость законодательнаго разрѣшенія вопроса о крестьянскомъ дворѣ.

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ включило въ свою программу законодательнаго пересмотра законовъ о сельскомъ состояніи слѣдующій вопросъ (59): „Желательно-ли ввести въ законъ установленное уже толкованіями его правило о

принадлежности подворнаго участка цѣлому двору? Если желательно, то возможно ли предоставить какое либо участіе членамъ двора въ распоряженіи подворно наслѣдственными участками безъ нарушенія авторитета главы семейства? Въ чемъ могло бы выразиться это участіе и кому, именно, въ составѣ двора слѣдовало бы его предоставить? Не представлялось ли бы болѣе цѣлесообразнымъ и послѣ установленія въ законѣ упомянутаго правила оставить неприкосновеннымъ право домохозяина на свободное распоряженіе семейнымъ участкомъ съ тѣмъ, однако, чтобы членамъ того же двора предоставлено было право выкупа отчуждаемаго домохозяиномъ участка? Кому именно надлежало бы въ такомъ случаѣ предоставить это право и какъ опредѣлить срокъ, условія и порядокъ примѣненія права выкупа"?

Отвѣты губернскихъ совѣщаній на этотъ вопросъ Министерства не отличаются богатствомъ содержанія и въ сущности не могутъ имѣть почти никакого значенія, при рѣшеніи поставленнаго вопроса. Только три совѣщанія высказались принципіально противъ введенія въ законъ правила о принадлежности подворнаго участка цѣлому двору. По мнѣнію Нижегородскаго совѣщанія, „такой законъ окончательно уничтожитъ и безъ того подорванную патріархальную власть родителей, превращая крестьянскую семью въ коммуну...... Распоряженіе подворными участками..... слѣдуетъ предоставить старшему домохозяину, причемъ старшимъ въ этихъ случаяхъ долженъ считаться только отецъ и дѣдъ; братья, дяди и племянники должны признаваться равноправными совладѣльцами. Подворные крестьянскіе земельные участки должны быть признаваемы родовымъ имуществомъ и потому, при продажѣ ихъ слѣдуетъ предоставить всѣмъ членамъ семьи право выкупа" [1]).

Херсонское совѣщаніе категорично полагаетъ, что „участокъ долженъ принадлежать главѣ семьи, какъ полному его хозяину, а засимъ членамъ семьи въ извѣстной послѣдова-

[1]) Сводъ заключеній губ. совѣщаній, т. III, стр. 349.

тельности наслѣдственныхъ правъ, согласно обычному праву, или, за отсутствіемъ таковаго, по общимъ указаніямъ закона, должно принадлежать право наслѣдованія, но не выкупа подворнаго участка" [1]).

Полтавское совѣщаніе указываетъ, что правило о принадлежности участка „какому-то двору", а не главѣ семьи противорѣчитъ народному воззрѣнію и подрываетъ авторитетъ отцовской власти; правда, въ основѣ имущественныхъ отношеній членовъ семьи, по народному воззрѣнію, лежитъ трудовое начало, но этому воззрѣнію служитъ достаточною санкціею общественное мнѣніе, какъ явленію нравственнаго порядка [2]).

Къ упомянутымъ тремъ совѣщаніямъ примыкаетъ и Бессарабское, которое, не возражая противъ признанія подворнаго участка собственностью двора, говоритъ, что въ видахъ поддержанія авторитета главы семьи не слѣдуетъ ограничивать права распоряженія домохозяина требованіемъ согласія всѣхъ членовъ семьи, что повело бы къ парализованію полезныхъ его распоряженій упорствомъ одного члена. Для обезпеченія же интересовъ членовъ семьи слѣдуетъ установить испрошеніе домохозяиномъ согласія сельскаго схода какъ на отчужденіе участка, такъ и на его долгосрочную аренду, а земскому начальнику предоставить право разсмотрѣнія приговора схода по существу [3]). Часть Ковенскаго совѣщанія также высказывается, хотя и косвенно, за принадлежность участка „лично домохозяину" [4]). Волынское совѣщаніе на-

---

[1]) Тамъ же, стр. 357.

[2]) Тамъ же, стр. 352. На то-же указываетъ и Якутское областное управленіе: „По обычаю, установившемуся у мѣстныхъ крестьянъ, ... „члены рода, къ которому принадлежитъ владѣлецъ (а частью и все общество), принимаютъ участіе въ судьбѣ сыновей, произвольно обдѣляемыхъ стариками, и оказываютъ на послѣднихъ нравственное давленіе въ пользу обдѣленнаго; по большей части, убѣжденія общественниковъ приводятъ къ желанному результату"..... (Доп. сборникъ заключеній по вопросамъ относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ, изд. Земскаго Отдѣла Мин. Внутр. Дѣлъ, Спб. 1897 г., стр. 299).

[3]) Тамъ же, стр. 340, 341.

[4]) Тамъ же, стр. 245.

ходитъ правило о принадлежности участка цѣлому двору цѣлесообразнымъ, но едва ли осуществимымъ [1]).

Симбирское губернское совѣщаніе, то самое, которое защищаетъ практику выдачи данныхъ на весь составъ семьи безъ наименованія ея главы, полагая, что подворно-наслѣдственнне владѣльцы не считаются по дѣйствующему закону полными самостоятельными собственниками, и что свобода распоряженія участками нарушала бы одно изъ главныхъ назначеній надѣльной земли—обезпечивать бытъ крестьянъ, находитъ, однако, что вопросъ о правахъ на сказанные участки отдѣльныхъ членовъ трудно разрѣшимъ. „Простое въ теоріи разрѣшеніе настоящаго вопроса установленіемъ права на участокъ одного изъ братьевъ, напр. старшаго, можетъ встрѣтить большія затрудненія въ жизни, когда, вопреки установившимся народнымъ обычаямъ, пришлось бы выселять изъ дома членовъ семьи, привыкшихъ смотрѣть на него какъ на общую собственность. Съ другой стороны, предоставленіе права проживанія въ домѣ и пользованія участкомъ или, по крайней мѣрѣ, доходами съ него всѣмъ членамъ семьи, какъ бы многочисленна она ни была, очевидно, представило бы еще бóльшія неудобства“ [2]). Въ результатѣ Симбирское совѣщаніе такъ и не справилось съ трудно-разрѣшимымъ вопросомъ; нѣкоторыя совѣщанія не поняли сущности вопроса [3]), иные не дали никакого отвѣта [4]).

Прочія 19 совѣщаній и часть Ковенскаго высказываются за утвердительное разрѣшеніе поставленнаго вопроса о крестьянскомъ дворѣ, причемъ одни изъ нихъ не даютъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 344.

[2]) Тамъ же, стр. 255, 256.

[3]) Оренбургское (№№ 2318 и 2394), Тамбовское (№ 2327), Уфимское (№ 2330).

[4]) Архангельское, Астраханское, Владимірское, Воронежское, Казанское (№ 2385), Калужское (№ 2386), Костромское, Московское, Новгородское, Олонецкое, Псковское, Самарское, Саратовское, Смоленское, Таврическое (№ 2405) и Харьковское, а также Акмолинское (Доп. сборникъ заключ. стр. 434) Енисейское (стр. 226), Иркутское (стр. 263), Семипалатинское (стр. 466), Семирѣченское (стр. 490), Томское.

никакихъ отвѣтовъ на дальнѣйшіе вопросы [1]), другія, путая предложенный вопросъ съ установленіемъ неотчуждаемости надѣла, отвѣчаютъ только на послѣдній [2]), два совѣщанія— Вологодское и Минское—находятъ, что и по введеніи въ законъ правила о принадлежности участка двору, слѣдуетъ оставить за домохозяиномъ право на свободное распоряженіе семейнымъ участкомъ, а для огражденія интересовъ остальныхъ членовъ двора надлежитъ имъ предоставить преимущественное право выкупа отчуждаемаго домохозяиномъ участка [3]); Пермское, примыкая къ нимъ же, замѣчаетъ, что весьма затруднительно согласовать права домохозяина на свободное распоряженіе участкомъ съ правами другихъ членовъ двора [4]), а 13 совѣщаній [5]) признаютъ необходимымъ ограничить права домохозяина по распоряженію семейнымъ участкомъ—установленіемъ необходимости формальнаго согласія членовъ двора для продажи участка, причемъ 6 изъ 13 распространяютъ это требованіе и на случаи сдачи участка въ аренду; Пензенское вмѣсто аренды упоминаетъ о случаяхъ передачи участковъ въ наслѣдственное пользованіе; Виленское—о случаяхъ досрочнаго выкупа и пріема новаго члена въ семью; Витебское—о случаяхъ семейнаго раздѣла; Гродненское—полагаетъ необходимымъ требовать согласія членовъ двора при всѣхъ случаяхъ продажи и покупки движимаго и недвижимаго имущества, Рязанское въ случаяхъ залога участка.

По вопросу, кому именно въ составѣ двора слѣдуетъ предоставить права, ограничивающія власть домохозяина въ вы-

[1]) Напр., Екатеринославское, которое добавляетъ лишь, что установить какія либо мѣры для сохраненія авторитета главы семейства едва ли возможно (стр. 346); часть Ковенскаго совѣщанія (стр. 247).

[2]) Тверское (№ 2328), Тульское (№ 2329); тамъ же, стр. 355, 356, также и Тобольское (Доп. сборн., стр. 82).

[3]) Тамъ же, стр. 344, 347, 348 впрочемъ, по вопросу 32 Минское совѣщаніе высказываетъ иной взглядъ—тамъ же, т. II стр. 275.

[4]) Стр. 351.

[5]) Виленское, Витебское, Вятское, Гродненское, Курское, Могилевское, Орловское, Пензенское, Подольское, Рязанское, С.-Петербургское, Черниговское и Ярославское—тамъ же, стр. 341—357.

ше перечисленныхъ случаяхъ, изъ 13 совѣщаній даютъ отвѣты лишь 12 [1]), причемъ относительно пола, два совѣщанія [2]) полагаютъ устранить женщинъ, три совѣщанія [3]), напротивъ того, сравниваютъ женщинъ съ мужчинами въ правахъ, остальныя же семь совѣщаній, не упоминая о полѣ, говорятъ вообще о всѣхъ членахъ семьи или двора. Относительно возраста 6 совѣщаній требуютъ совершеннолѣтія, 2 говорятъ о взрослыхъ членахъ семьи, и 3 о взрослыхъ или правоспособныхъ членахъ въ смыслѣ работниковъ, опредѣляя ихъ возрастъ 18 годами [4]); Курское же совѣщаніе о возрастѣ вовсе не упоминаетъ. Только пять совѣщаній вспомнили о малолѣтнихъ членахъ семьи: Подольское полагаетъ, что при наличности малолѣтнихъ въ семьѣ слѣдуетъ вовсе запретить отчужденіе участка; Могилевское, что въ случаѣ малолѣтства равноправныхъ участниковъ двора или слѣдуетъ запретить продажу участка, или предоставить имъ право выкупа въ теченіе двухъ лѣтъ по достиженіи совершеннолѣтія; Вятское и Орловское совѣщанія предлагаютъ, при наличности въ семьѣ малолѣтнихъ членовъ, обусловить продажу и аренду участка согласіемъ схода, приговоръ котораго подлежалъ бы утвержденію земскаго начальника. Рязанское совѣщаніе указываетъ, что за малолѣтнихъ членовъ двора согласіе дается родителями, если же они сироты, то долженъ имѣть примѣненіе общій порядокъ разрѣшенія продажи имущества, принадлежащаго несовершеннолѣтнимъ.

Кромѣ того Виленское совѣщаніе высказывается противъ права голоса сыновей домохозяина, которые должны подчиняться волѣ своего отца, тогда какъ Витебское не усматриваетъ никакихъ неудобствъ въ предоставленіи права

[1]) Гродненское отвѣта не даетъ, стр. 345.

[2]) Курское (стр. 347) и Могилевское (стр. 348); первое предоставляетъ женщинамъ требовать выдѣла приданнаго движимымъ имуществомъ.

[3]) Ярославское (стр. 357), Рязанское (стр. 354) и Витебское (стр. 343), которое, впрочемъ, говоритъ не о женщинахъ вообще, а лишь о женѣ домохозяина и женахъ сдольниковъ въ сводной семьѣ—и требуетъ для нихъ голоса вопреки обычному порядку, устраняющему, какъ ихъ, такъ и вдовъ отъ участія въ семейныхъ совѣщаніяхъ, касающихся распоряженія земельными участками.

[4]) Рязанское совѣщаніе для женщинъ понижаетъ возрастъ до 17 лѣтъ.

голоса взрослымъ сыновьямъ домохозяина, а также и сыновьямъ его сдольниковъ, при сводной семьѣ. С.-Петербургское совѣщаніе считаетъ достаточнымъ для отчужденія участка согласіе членовъ семьи, фактически проживающихъ во дворѣ. Наконецъ, нельзя не упомянуть, что Подольское совѣщаніе полагаетъ ограничить право домохозяина на продажу участка не только согласіемъ взрослыхъ членовъ семьи, но еще и сельскаго схода, Черниговское—сельскаго схода съ утвержденіемъ его приговора земскимъ начальникомъ, а Ярославское—разрѣшеніемъ губернскаго присутствія.

Разсужденія губернскихъ совѣщаній и проектируемыя ими мѣры высказаны почти всѣ въ формѣ категорическихъ мнѣній, отвѣтовъ на вопросъ по крайнему разумѣнію, но даже если смотрѣть на эти отвѣты, какъ на особый родъ плебисцита о желательномъ, по мнѣнію губернскихъ начальствъ, измѣненіи закона, то никакого вывода изъ нихъ по вопросу объ организаціи крестьянскаго двора сдѣлать окажется невозможнымъ, такъ какъ изъ числа 45 губерній европейской Россіи и 8 сибирскихъ, въ которыя были адресованы вопросы, едва 15 дали сколько нибудь опредѣленныя указанія, и то противорѣчащія одно другому. Если же взглянуть на отвѣты совѣщаній съ точки зрѣнія ихъ содержанія и убѣдительности, то нельзя не замѣтить прежде всего, что та единственная почва, на которой отвѣты эти могли пріобрѣсть серьезное значеніе—совершенно ушла изъ подъ ногъ совѣщаній: только два изъ нихъ—Пермское и Полтавское—стали на почву обычнаго права. Пермское совѣщаніе указываетъ, что по принятому у крестьянъ обычаю подворные участки принадлежатъ цѣлому двору, кромѣ пріобрѣтенныхъ домохозяевами путемъ покупки, и отчуждаются не иначе, какъ съ согласія всѣхъ взрослыхъ членовъ семьи: жены и сыновей. „Обычай этотъ, говоритъ совѣщаніе, настолько глубоко вкоренился въ сознаніе крестьянъ, что волостнымъ судамъ нерѣдко приходится разбирать даже со стороны достигшихъ совершеннолѣтія сыновей жалобы на неправильное отчужденіе родителемъ ихъ наслѣдственнаго участка во время малолѣтства

ихъ" [1]). И что же?—это самое совѣщаніе высказывается противъ „всякаго вмѣшательства въ право домохозяина распоряжаться принадлежащимъ его семейству участкомъ", такъ какъ оно „поведетъ къ сложной стѣснительной регламентаціи, которая при всемъ томъ окажется безсильной, чтобы пріостановить переходъ подворно-наслѣдственныхъ участковъ въ чужія руки".

Полтавское совѣщаніе, высказавшись противъ законодательнаго закрѣпленія принадлежности участка двору, указываетъ, что „въ основѣ имущественныхъ отношеній членовъ семьи, по народному воззрѣнію, лежитъ трудовое начало. Каждый членъ семьи имѣетъ право на семейное имущество въ размѣрѣ своего труда въ пользу общаго хозяйства. При нормальныхъ отношеніяхъ въ семьѣ это начало строго соблюдается; отступленіе отъ него не одобряется общественнымъ мнѣніемъ и считается безнравственнымъ явленіемъ" [2]).

Съ двухъ разныхъ концовъ Имперіи, при вдумчивомъ отношеніи къ дѣлу, раздается одинъ и тотъ же голосъ, предостерегающій отъ смѣшенія областей нравственности и права, началъ семейнаго согласія и юридической регламентаціи. И въ самомъ дѣлѣ, какой добрый мужъ и отецъ, при нормальныхъ семейныхъ отношеніяхъ, рѣшится на важный для матеріальнаго благосостоянія семьи шагъ безъ согласія на то жены и взрослыхъ дѣтей? Но слѣдуетъ ли изъ этого, чтобы закономъ необходимо было возложить на него обязанность получить формальное согласіе членовъ семьи на продажу, залогъ или сдачу въ аренду недвижимой собственности? Для всѣхъ сословій, кромѣ крестьянскаго, никто не усумнится дать отрицательный отвѣтъ на этотъ вопросъ, оговоривъ, разумѣется, случаи ограниченія дѣеспособности отца семейства. А для крестьянина, вполнѣ дѣеспособнаго, считается возможнымъ предлагать юридическія ограниченія гражданской свободы тамъ, гдѣ для другихъ сословій достаточно одннхъ нравственныхъ сти-

[1]) Тамъ же, т. III, стр. 351.
[2]) Тамъ же, стр. 352.

муловъ. Мотивируя эти ограниченія, одни совѣщанія стоятъ на совершенно формальной почвѣ преподанныхъ Правительствующимъ Сенатомъ и усвоенныхъ практикой разъясненій о крестьянскомъ дворѣ, другія же исходятъ изъ утилитарнаго соображенія о необходимости предупредить обезземеленіе крестьянства. А вообще—чѣмъ менѣе у совѣщанія соображеній, тѣмъ рѣшительнѣе проектируемыя имъ мѣры!

VII.

Хотя сознательно только два губернскія совѣщанія стали на почву обычнаго права, однако и въ отвѣтахъ другихъ совѣщаній можно найти указанія на то, какъ понимаетъ самъ народъ свои семейно-имущественныя отношенія. Указанія эти, встрѣчающіяся, главнымъ образомъ, въ отвѣтахъ на вопросы Министерства, касающіеся семейныхъ раздѣловъ, кажутся намъ тѣмъ болѣе цѣнными, что они составляютъ почти пассивное отраженіе наблюденій надъ жизнью, которыя не могли не запечатлѣться въ сознаніи членовъ губернскихъ совѣщаній, хотя бы какъ безсознательный результатъ ихъ служебнаго опыта. Однако, прежде чѣмъ обратиться къ этому матеріалу, мы остановимся на данныхъ, обнаруженныхъ изслѣдованіями обычнаго права по вопросу о крестьянской семьѣ.

Еще въ 1859 г. Н. В. Калачовъ обратилъ вниманіе на то, что крестьянская семья составляютъ хозяйственный союзъ родственниковъ, частью же и лицъ, принятыхъ со стороны, указалъ на существующую у крестьянъ общность семейнаго имущества и на значеніе трудового начала [1]). Ѳ. Л. Барыковъ, обработавшій свѣдѣнія, доставленныя въ 1847—1849 гг. палатами государственныхъ имуществъ по программѣ Министерства,—нашелъ, что по понятіямъ крестьянъ семья „есть не только личный союзъ родства, но рабочій, хозяйственный союзъ, связанный общностью средствъ, потребно-

---

[1]) Юридическіе обычаи крестьянъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся къ Россіи 1859 г. кн. 2.

стей и обстоятельствъ, это—если можно такъ выразиться,—кровная артель. Имущество крестьянина не есть личная его собственность, а общій хозяйственный инвентарь всей семьи, который большею частью не можетъ быть раздѣленъ безъ разстройства хозяйства и остается въ общемъ владѣніи, подъ распоряженіемъ старшаго въ домѣ, а если и дѣлится, то не по родственному распорядку степеней и линій, а по мѣрѣ участія въ общемъ заработкѣ" [1]). П. С. Ефименко, не отрицая, какъ и Калачовъ, значенія кровнаго родства, указалъ, что на первомъ планѣ въ крестьянской семьѣ стоятъ матеріальные интересы: для обезпеченія себя и дѣтей семья составляетъ своего рода ассоціацію; все семейное имущество составляетъ общую принадлежность всего дома или семьи и управляется деспотическою властью отца—родоначальника [2]); при наслѣдованіи первенствующее значеніе пріобрѣтаетъ трудовое начало [3]). И. Г. Оршанскій, придавая основное значеніе трудовому началу, опредѣляетъ крестьянскую семью, какъ производительное товарищество съ общимъ имуществомъ; дѣти въ крестьянской семьѣ—это рабочая сила; если дѣлится общее имущество дома послѣ домохозяина, то доли назначаются по числу взрослыхъ работниковъ [4]). Къ тому же приходитъ и П. А. Матвѣевъ, по мнѣнію котораго крестьянская „семья есть отдѣльная имущественная корпорація или община, на имущественное достояніе которой никто изъ чужой семьи, какой бы онъ ни былъ близкій родственникъ по крови, разсчитывать не можетъ..... Наслѣдство у крестьянъ въ смыслѣ положительнаго закона нѣтъ. Каждый членъ семьи, если онъ дольщикъ общаго достоянія, уноситъ съ собою часть имущества дома" [5]).

---

[1]) Обыч. наслѣд. у госуд. крестьянъ, стр. 6; Журн. Мин. Гос. Им. 1862 г.

[2]) Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губ., 1869 г.

[3]) То же сочиненіе, а также—Семья Архангельскаго крестьянина Суд. журн. 1873 г., кн. 4. А. Я. Ефименко, Изслѣдованія народной жизни вып. I, Обычное право, статья IV, Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ, Москва 1884 г.

[4]) Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному, Спб. 1879 г.; статья: Народный судъ и народное право.

[5]) Очерки народно-юридическаго быта Самарской губ. Спб. 1877 г.

Противникомъ взгляда на крестьянскую семью какъ на особую трудовую ассоціацію, кровную артель, выступилъ проф. С. В. Пахманъ, обработавшій данныя обычнаго права по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, обслѣдованныхъ въ 15 губерніяхъ лѣтомъ 1872 г. правительственною коммисіею. Трудовую или артельную теорію семьи проф. Пахманъ сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ.

Кровная связь въ семьѣ является не существеннымъ элементомъ; все имущество въ крестьянской семьѣ принадлежитъ не домохозяину лично, а членамъ семьи сообща, какъ дольщикамъ общей семейной собственности, къ числу коихъ относится и самъ домохозяинъ, хотя бы онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отецъ остальнымъ членамъ семьи; власть его обусловливается лишь общностью хозяйства, онъ распоряжается какъ-бы на правахъ артельнаго старосты; право дольщиковъ на семейное имущество основывается не на узахъ или близости родства, а единственно на личномъ трудѣ каждаго и притомъ въ размѣрѣ дѣйствительнаго участія каждаго въ пріобрѣтеніи и накопленіи семейнаго имущества, а поэтому каждый, независимо отъ усмотрѣнія главы семьи, можетъ требовать выдѣла слѣдующей ему доли или полнаго раздѣла семейнаго имущества [1]).

Эта артельная теорія подходитъ довольно близко къ теоріи Правительствующаго Сената о правѣ собственности крестьянскаго двора. Критикуя ее, проф. Пахманъ дѣлаетъ такія возраженія ея защитникамъ, которыя всецѣло могутъ быть адресованы и Правительствующему Сенату: „Если право каждаго дольщика, говоритъ онъ, не зависитъ отъ усмотрѣнія домохозяина-отца, то немыслимы ни выдѣлы, какъ распоряженія собственнымъ имуществомъ, ни завѣщанія въ общепринятомъ смыслѣ, такъ что, если послѣднія и встрѣчаются, то состоятъ лишь въ распредѣленіи того имущества, на которое члены семьи имѣли уже право при жизни родителя; на томъ-же основаніи не можетъ быть и наслѣдства, ибо оставшееся послѣ смерти отца имущество не было личною

[1]) Обычное гражданское право въ Россіи т. II, Спб. 1879 г., стр. 7.

его собственностью, а принадлежало и прежде членамъ семьи по соразмѣрности трудовыхъ долей. Далѣе, такъ какъ дольщиками считаются лишь дѣйствительные работники, то и опекѣ, какъ охранѣ имущества малолѣтнихъ сиротъ, не можетъ быть мѣста, ибо за ними отдѣльной собственности не признается. Затѣмъ, понятно также, что кровная связь, родственное начало должны уступить началу трудовому" и т. д., а между тѣмъ, тогда какъ артель основана на договорѣ, семья и по понятіямъ крестьянъ должна состоять изъ лицъ, связанныхъ между собою узами родства, стороннія-же лица, не родственники, живущіе въ семьѣ, причисляются къ ея составу лишь въ томъ случаѣ, если они приняты на правахъ дѣтей или усыновлены, въ противномъ-же случаѣ пользуются лишь правами наемныхъ работниковъ. При жизни отца, прочіе члены семьи имѣютъ право на жилье въ его домѣ и содержаніе, а по отношенію къ семейному имуществу имѣютъ лишь право пользованія, права-же распоряженія имъ при жизни отца не имѣютъ, выдѣла требовать не вправѣ, такъ какъ онъ зависитъ вполнѣ отъ воли и усмотрѣнія отца, какъ главы семейства. Право участія въ наслѣдствѣ основано и въ крестьянскомъ быту непосредственно не на правѣ труда, а на родствѣ, случаи-же, въ коихъ встрѣчается уменьшеніе доли того или другого члена семьи, или же и полное устраненіе отъ наслѣдства, составляютъ лишь изъятіе изъ общаго правила въ виду явнаго непочтенія къ родителямъ, нерадѣнія къ хозяйству, самовольнаго оставленія родительскаго дома и т. п. [1]).

„Въ крестьянскомъ быту, продолжаетъ проф. Пахманъ, существуетъ, какъ начало юридическое, и общность имущества, но не при жизни отца семейства, а послѣ его смерти, когда наслѣдники, не приступая къ раздѣлу, остаются на совмѣстномъ хозяйствѣ, до тѣхъ поръ пока не пожелаютъ раздѣлиться. Но это уже и не семья въ собственномъ смыслѣ, а знакомая также писанному праву форма общаго владѣнія (ст. 1313 зак. гражд. т. X ч. 1), которая въ силу, такъ

[1]) Тамъ-же, стр. 7—10.

сказать, искусственнаго общенія, можетъ быть отчасти приравнена къ типу артели, такъ какъ при раздѣлѣ общаго имущества принимаются во вниманіе не только доли, опредѣляемыя правомъ наслѣдованія, но и размѣръ труда и капитала, вложеннаго каждымъ дольщикомъ въ общее хозяйство" [1]).

На основаніи обслѣдованія, произведеннаго въ 1872 г., проф. Пахманъ констатируетъ сильное стремленіе крестьянъ освободиться отъ тѣхъ стѣсненій личности, которыя налагаютъ патріархальныя семейныя отношенія. „Чаще всего, говоритъ г. Пахманъ, семьи дѣлятся послѣ смерти родителей, что видно изъ показаній самихъ крестьянъ весьма многихъ мѣстностей [2]), но нерѣдки также случаи раздѣловъ и при жизни родителей [3]). Такимъ образомъ общность семьи постепенно разлагается и уступаетъ мѣсто обыкновенной формѣ семьи, состоящей изъ супруговъ и малолѣтнихъ дѣтей" [4]). „Въ Малороссіи гораздо ранѣе сложились тѣ условія, которыя благопріятны для развитія самостоятельности въ семейномъ быту крестьянъ. Если же великорусская семья держится еще и понынѣ той хозяйственной общности, которая препятствуетъ образованію отдѣльныхъ самостоятельныхъ хозяйствъ, то безчисленные примѣры семейныхъ раздѣловъ служатъ краснорѣчивымъ доказательствомъ, что и великорусскому племени вовсе не чуждо стремленіе каждаго лица къ обособленію, къ независимому хозяйству" [5]).

П. П. Чубинскій, въ „краткомъ очеркѣ народно-юридическихъ обычаевъ", составленномъ на основаніи матеріала, собраннаго этнографическо-статистическою экспедиціею Императорскаго Географическаго Общества въ малорусскихъ губерніяхъ рисуетъ семейно-имущественныя отношенія крестьянъ такими чертами, которыя показываютъ, что въ Мало-

[1]) Тамъ-же, стр. 10, 11.

[2]) Губ. Тамбовской, Московской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Саратовской, Харьковской.

[3]) Губ. Тамбовская, Московская, Харьковская, Полтавская, Кіевская.

[4]) Тамъ-же, стр. 15, 16, ср. стр. 18 и слѣд.

[5]) Тамъ-же, стр. 23.

россіи уже къ семидесятымъ годамъ не существовало по обычному праву института „крестьянскаго двора“, какъ собственника земли и имущества. „Коренная черта малорусскаго племени, говоритъ г. Чубинскій, сильное развитіе личности. Идея личности проходитъ черезъ всѣ отношенія, начиная съ семейныхъ. По смерти родителей братья непремѣнно дѣлятся: каждый старается основать собственное хозяйство—быть самостоятельнымъ. Дробимость семействъ и хозяйствъ доходитъ до послѣднихъ размѣровъ“ [1]). „Вмѣстѣ съ женитьбой рождается у сына забота о своемъ семействѣ и объ основаніи своего особаго хозяйства“, тѣмъ болѣе, что „невѣстка и свекруха большею частью не ладятъ между собою“. Если случается сожительство женатаго сына съ отцомъ, то оно поддерживается не родительскою властью, а внутреннимъ согласіемъ и матеріальною выгодою. Какъ скоро подобныхъ условій нѣтъ, то сынъ отдѣляется.... Бываютъ въ народѣ факты общаго веденія хозяйства братьями..... впрочемъ, такія ассоціаціи бываютъ и между посторонними лицами и зиждутся не на родствѣ, а на годности членовъ къ подобной ассоціаціи, на взаимномъ довѣріи“ [2]).

Ограниченія въ правѣ распоряженія домохозяина семейнымъ имуществомъ извѣстны обычному праву малорусскаго народа, но исходятъ не изъ принципа принадлежности имущества двору, а совершенно изъ другихъ мотивовъ. „На дідызну и матерызну, говоритъ г. Чубинскій, въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ смотрятъ такимъ образомъ: землю, которая пріобрѣтена еще дѣдомъ (дідызна)—отецъ семейства можетъ въ крайней необходимости только заложить (заставить), но продать ее не имѣетъ никакого права, а пріобрѣтенное можно продать“... Приданое—„матерызна“ обусловлена точно такими же правами, какъ и дідызна. Отецъ въ правѣ

[1]) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ. Юго-западный отдѣлъ. Матеріалы и изслѣдованія, собранныя дѣйств. членомъ П. П. Чубинскимъ т. VI. Народные юридическіе обычаи по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ. Спб. 1872, стр. 31.

[2]) Тамъ-же, стр. 36, 37.

заложить матерызну не иначе, какъ съ согласія матери, продать же онъ не имѣетъ права... Дідызна и матерызна имѣютъ почти такое-же точно значеніе не только въ показанныхъ нами выше губерніяхъ, но и во всей Малороссіи... Матерызна идетъ исключительно дочерямъ и только за неимѣніемъ ихъ—сыновьямъ... Дідызна непремѣнно должна дѣлиться между всѣми сыновьями... по равной части" [1]).

Въ великорусскихъ губерніяхъ, семейно-имущественныя отношенія крестьянъ дѣйствительно носятъ особый характеръ, котораго не отрицаетъ и самъ проф. Пахманъ. „Существенная особенность крестьянской семьи (великорусской), говоритъ онъ... заключается въ совмѣстномъ хозяйствѣ болѣе или менѣе значительнаго числа членовъ семьи, со включеніемъ въ этотъ союзъ и такихъ лицъ, которыя въ другихъ сословіяхъ живутъ обыкновенно своимъ отдѣльнымъ хозяйствомъ;... въ отцовской семьѣ, въ одномъ и томъ-же домѣ, остаются нерѣдко также взрослые сыновья вмѣстѣ съ женами и собственными дѣтьми, а иногда и замужнія дочери также съ мужьями и дѣтьми... Даже смерть отца, главы семьи, далеко не всегда ведетъ къ раздробленію семьи, такъ что обще-семейное хозяйство остается въ томъ же нераздѣльномъ видѣ, съ замѣною лишь прежняго домохозяина новымъ [2]).

Не останавливаясь на историческихъ причинахъ, породившихъ это явленіе, проф. Пахманъ указываетъ лишь на то, что нынѣ семейное общежитіе обусловливается съ одной стороны скудостью матеріальныхъ средствъ, съ другой—давленіемъ общины (какъ административной, такъ и земельной), вмѣшательствомъ ея, изъ фискальныхъ интересовъ, въ сферу частныхъ хозяйствъ и семейныхъ отношеній [3]).

Общностью хозяйства многихъ семействъ, живущихъ въ одной семьѣ, проф. Пахманъ объясняетъ и всѣ типическія особенности семейнаго права крестьянъ: „частная, отдѣльная собственность развита слабо, такъ какъ всѣ пріобрѣ-

---

[1]) Тамъ же, стр. 42.

[2]) С. В. Пахманъ, Обычное гражданское право въ Россіи. Юридическіе очерки, т. II, Спб. 1879, стр. 2.

[3]) Тамъ же, стр. 3.

тенія, говоря вообще, стягиваются къ одному общему хозяйству,... у членовъ семьи отдѣльной собственности нѣтъ",— кромѣ женщинъ, которыя „владѣютъ отдѣльнымъ имуществомъ, состоящимъ изъ приданаго и личнаго заработка;... сдѣлки, заключаемыя членами семьи, разсматриваются обыкновенно какъ сдѣлки, заключаемыя отъ имени самой семьи или домохозяина;... распоряженія на случай смерти, составляющія сами по себѣ сравнительно рѣдкое явленіе, также исходятъ почти исключительно отъ лицъ, стоящихъ во главѣ цѣлой семьи... Для отца семьи, не смотря на то, что все имущество считается принадлежащимъ ему, на правѣ собственности, существуютъ различныя, болѣе или менѣе значительныя, ограниченія относительно права распоряженія имуществомъ. Власть отца, какъ главы семейства, хотя повсюду и признается, но нерѣдко стѣсняется въ тѣхъ случаяхъ, когда его дѣйствія или распоряженія клонятся къ ущербу семейнаго хозяйства или къ явной обидѣ тому или другому изъ членовъ семьи. На этомъ основаніи всѣ сдѣлки и распоряженія, ведущія къ разстройству хозяйства, даютъ общинѣ... право не только объявлять такія распоряженія недѣйствительными, но даже устранять отца семьи отъ управленія хозяйствомъ. Точно также, хотя за отцомъ признано право, при жизни своей, выдѣлять дѣтей по своему личному усмотрѣнію, но иногда общество вступается за тѣхъ членовъ семьи, которые могли бы сами основать отдѣльное хозяйство и стать самостоятельными и надежными членами общины. Наконецъ, и свобода распоряженія имуществомъ на случай смерти обыкновенно стѣснена кругомъ лицъ, принадлежащихъ къ семьѣ, такъ что воля завѣщателя относится не столько къ выбору лицъ, какъ преемниковъ по имуществу, сколько къ распредѣленію его между тѣми-же членами семьи, которые жили при отцѣ и содѣйствовали поддержанію общаго хозяйства; этимъ объясняются и случаи, хотя и весьма рѣдкіе, что само общество не даетъ полной силы тѣмъ завѣщаніямъ, которыя можно признать несправедливыми и которыя явно расходятся съ интересами будущихъ способныхъ представителей семейнаго хозяйства. Наконецъ, при совмѣстномъ

хозяйствѣ въ крестьянской семьѣ, несомнѣнно важную роль играетъ личный трудъ лицъ, входящихъ въ ея составъ. Личный трудъ имѣетъ въ особенности то значеніе, что при распредѣленіи имущества между отдѣльными членами семьи иногда обращается вниманіе на мѣру труда и участія въ накопленіи семейнаго имущества... Вотъ почему, на самомъ дѣлѣ, при выдѣлѣ дѣтей, отецъ нерѣдко даетъ иному сыну на обзаведеніе меньшую долю сравнительно съ его братьями, или даже и вовсе отказываетъ сыну въ выдѣлѣ, хотя, какъ мы замѣтили выше, крайняя несправедливость даетъ общинѣ право вмѣшательства въ права отца. Съ другой стороны, и при открытіи наслѣдства безъ завѣщанія, хотя по общему правилу всѣ ближайшіе родственники имѣютъ разныя права на оставшееся имущество, но иногда по распоряженію общества, это равенство нарушается, такъ что нетрудившіеся въ семьѣ или получаютъ меньшія доли или и вовсе устраняются отъ наслѣдства, хотя и такой обычай нельзя считать повсемѣстнымъ [1]).

Итакъ, никакихъ признаковъ особаго института „крестьянскаго двора", въ томъ видѣ, какъ онъ созданъ разъясненіями Правительствующаго Сената, проф. Пахманъ не нашелъ въ обычномъ правѣ великорусскихъ крестьянъ: все имущество, говоритъ онъ, считается принадлежащимъ домохозяину на правѣ собственности, власть домохозяина по распоряженію имуществомъ стѣсняется не правами членовъ семьи, а обществомъ, преимущественно въ интересахъ фискальныхъ, иногда же и въ интересахъ членовъ семьи.

Е. И. Якушкинъ, подобно проф. Пахману, не соглашается со многими положеніями артельной теоріи семьи. Уже въ предисловіи къ первому выпуску собранныхъ имъ матеріаловъ для библіографіи обычнаго права онъ указываетъ, что артель сложилась по типу семьи, а не наоборотъ; что „домохозяинъ, ежели считаетъ нужнымъ, совѣтуется о хозяйственныхъ дѣлахъ съ другими членами семейства, но никто не вправѣ стѣснять его въ его распоряженіяхъ; только при

---

[1]) Тамъ же, стр. 3—6, ср. также стр. 142, 179, 210, 211.

раздѣлѣ семейства онъ отдаетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ лицамъ, имѣющимъ одинаковыя съ нимъ права на семейное имущество" [1]). Въ предисловіи ко второму выпуску того же труда г. Якушкинъ, примыкая во многомъ ко взглядамъ проф. Пахмана, расходится съ нимъ однако во взглядѣ на семейное имущество, признавая послѣднее семейною собственностью. „Въ семьѣ, состоящей изъ родителей и дѣтей, отцу принадлежитъ, по народному воззрѣнію, безусловная власть надъ всѣми членами семьи, поэтому онъ можетъ почти совершенно произвольно распоряжаться семейнымъ имуществомъ". Однако изъ этого нельзя дѣлать вывода о принадлежности имущества лично отцу семейства. „Если ограниченія отца въ его хозяйственныхъ распоряженіяхъ и даже полное устраненіе его отъ хозяйства могутъ быть объяснены интересами общины или семьи, то выдѣлъ имущества сыновьямъ, помимо воли отца, можетъ быть объясненъ только существованіемъ семейной собственности", особенно въ случаяхъ, когда раздѣлъ, вызванный несогласіями въ семьѣ, идетъ въ разрѣзъ съ интересами общины, ослабляя платежную силу семьи. „Семейныя несогласія бываютъ поводомъ къ выдѣлу, а основаніемъ для выдѣла, какъ это прямо указывается въ нѣкоторыхъ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ, служитъ участіе сыновей въ пріобрѣтеніи семейнаго имущества"..... „Въ каждой семьѣ, кто бы ни стоялъ во главѣ ея, семейное имущество всегда составляетъ семейную собственность. Поэтому, если семья состоитъ изъ нѣсколькихъ взрослыхъ братьевъ и одинъ изъ нихъ сдѣлаетъ заемъ, хотя бы и на свои личныя нужды, уплата долга обезпечивается всѣмъ семейнымъ имуществомъ, а не той только его долей, какую заемщикъ положилъ бы при раздѣлѣ семейства" [2]). „Что касается до наслѣдованія имуществомъ, принадлежавшимъ чужой семьѣ, то всѣ согласны, что основаніемъ для него служитъ кровное родство". Спорнымъ вопросомъ является, главнымъ образомъ, основаніе права наслѣдованія послѣ

[1]) Обычное право вып. I, Ярославль, 1875 г., стр. XX, XXI.
[2]) Обычное право, вып. II, Ярославль, 1896 г., стр. XIII, XIV.

смерти отца (или дѣда)—главы семьи", причемъ г. Якушкинъ полагаетъ, что въ этомъ случаѣ право на семейное имущество или его долю опредѣляется какъ началомъ кровнаго родства, такъ и трудовымъ началомъ, хотя въ сущности при существованіи семейной собственности не можетъ вовсе имѣть мѣсто наслѣдованіе послѣ смерти отца. „Раздѣлъ семейнаго имущества между родственниками, при всякомъ составѣ семьи, происходитъ, по выраженію крестьянъ, по отцамъ, т. е. сыновья умершаго получаютъ причитающуюся ему долю. При этомъ не принимается въ разсчетъ трудъ, употребленный каждымъ изъ сыновей въ пользу семьи: малолѣтній, неспособный къ труду, получаетъ такую-же долю, какъ и его братья, наживавшіе семейное имущество. Это правило существуетъ повсемѣстно у русскихъ крестьянъ...... Несмотря на это, нельзя совершенно отрицать значенія трудового начала при раздѣлѣ имущества между родственниками. Каждый членъ семьи, способный трудиться, долженъ, по народному воззрѣнію, употребить свой трудъ въ пользу семьи; только исполнившій эту обязанность имѣетъ право на долю семейнаго имущества" [1]).

В. Ф. Мухинъ, признавая крестьянскую семью вообще хозяйственнымъ союзомъ, находитъ, что въ естественной семьѣ, гдѣ глава отецъ, существуетъ семейная собственность, а въ искусственной семьѣ—собственность общая..... „Семейная собственность не предполагаетъ долеваго участія членовъ семьи въ семейномъ имуществѣ до наступленія момента естественнаго разложенія семьи, такъ что при жизни главы семейства никто изъ членовъ семьи не можетъ указать на какую либо долю семейнаго имущества, которая должна бы была быть выдѣлена ему по праву"..... „Нормальнымъ основаніемъ права наслѣдованія служитъ кровное родство но на ряду съ послѣднимъ въ народномъ быту придается весьма важное значеніе также фактической принадлежности къ семьѣ". Звеномъ, объединяющимъ оба эти основанія въ одно цѣлое является начало личнаго труда [2]).

[1]) Тамъ-же, стр. XXV.

[2]) Обычный порядокъ наслѣдованія у крестьянъ, Спб. 1888 г.

VIII.

Обычное право крестьянъ, нигдѣ не установивъ начала принадлежности земли и имущества особому коллективному субъекту—крестьянскому двору, выработало тѣмъ не менѣе, въ сферѣ семейно-имущественныхъ отношеній нѣкоторыя своеобразныя нормы, находящія себѣ объясненіе въ особыхъ условіяхъ крестьянскаго быта. Жизнь большою семьею какъ при жизни общаго родоначальника, такъ и послѣ его смерти, семейная общность имущества и господство трудового начала въ представленіи крестьянъ о справедливости—таковы явленія, несомнѣнно существующія въ средѣ русскаго крестьянства, хотя и не повсемѣстно, и не въ одинаковой степени, но существованіе этихъ явленій допускаетъ различныя объясненія. Какъ гипотеза крестьянскаго двора, такъ и гипотеза артельной семьи, выдвинутыя первыми изслѣдователями обычнаго права, поддерживаются позднѣйшими работниками въ этой области, и только Правительствующій Сенатъ упорно продолжаетъ стоять на старой точкѣ зрѣнія, приписывая крестьянскому двору свойства юридическаго лица съ артельною организаціей. Нынѣ на смѣну оставленныхъ гипотезъ выдвигается теорія семейной собственности въ противоположность принципу личной собственности домохозяина на имущество семьи. Юридическое содержаніе этого института „семейной собственности“ оставляется авторами его въ столь же неопредѣленномъ положеніи, какъ и сущность института крестьянскаго двора,—но очевидно, содержаніе его иное при обыкновенной, малой семьѣ, чѣмъ при большой, когда въ составъ семьи входятъ не только дѣти, но и внуки родоначальника, и боковые его родственники, и зятья, и посторонія лица, принятыя въ семью на правахъ членовъ. При обыкновенной семьѣ, состоящей изъ мужа, жены и несовершеннолѣтнихъ дѣтей—самыя семейныя отношенія крестьянъ мало отличаются отъ семейныхъ отношеній лицъ другихъ сословій; особенный характеръ они должны принимать, очевидно, лишь при тѣхъ особенныхъ условіяхъ жизни, которыя создаются при жизни большою семьею: тутъ должны съ особою

силою сказываться принципы общности имущества и трудового начала при опредѣленіи размѣровъ правъ дольщиковъ.

Въ виду этого вопросъ о жизнеспособности института „большой семьи" представляется чрезвычайно важнымъ при оцѣнкѣ того значенія, которое имѣютъ по обычному праву и должны имѣть по закону всѣ особенности семейно-имущественныхъ отношеній крестьянъ. По вѣрному замѣчанію проф. Пахмана, обычное право крестьянъ все проникнуто двойственностью: индивидуалистическое начало борется съ подавляющею это начало семейною общностью" [1]). Уже въ семидесятые годы, когда проф. Пахманъ работалъ надъ обычнымъ правомъ, процессъ разложенія большихъ семей какъ, указано выше, достигъ большой силы. Послѣ того, въ цѣляхъ задержать ростъ этого процесса были изданы 18 марта 1886 г. правила о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землею (прилож. къ п. 5, прим., ст. 51 общ. пол. по прод. 1890 г.).

Отвѣчая теперь на вопросы Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, „оказалъ ли замѣтное вліяніе на сокращеніе семейныхъ раздѣловъ законъ 18 марта 1886 г. и какія мѣры необходимы для устраненія ихъ на будущее время"? (31), „возможно ли примѣнить нѣкоторыя постановленія закона.... къ семейнымъ раздѣламъ при подворно-наслѣдственномъ пользованіи"? (32), и „возможно ли установленіе предѣльной нормы дробленія подворно-наслѣдственныхъ участковъ при семейныхъ раздѣлахъ, отчужденіи и переходѣ по наслѣдству?" (54),—почти всѣ губернскія совѣщанія указываютъ на дробленіе участковъ, какъ на обычное въ крестьянскомъ быту явленіе и заявляютъ о трудности борьбы противъ него [2]). Такъ какъ вопросъ объ установленіи предѣльной дробимости крестьянскихъ участковъ относится къ области предупрежденія обезземеленія крестьянъ, которой мы намѣрены посвятить отдѣльную статью, то здѣсь мы обратимъ вниманіе лишь на размѣры и причины

[1]) Обычное гражданское право, т. II стр. 24 и др.

[2]) Тамъ же, стр. 240—261, т. II, стр. 197—283.

семейныхъ раздѣловъ, указываемые въ отвѣтахъ нѣкоторыхъ присутствій.

„Причины раздѣловъ въ основаніи своемъ имѣютъ не прихоть, а естественное стремленіе человѣка къ созданію для себя лучшихъ условій жизни“, говоритъ Архангельское совѣщаніе,—„только религіозно-нравственное воспитаніе, вкореняющее любовь къ родной семьѣ до отреченія отъ личныхъ благъ, можетъ скрѣплять въ одно цѣлое и нераздѣльное появляющуюся и нравственную и матеріальную рознь“ [1]). „Семейный раздѣлъ есть неизбѣжное послѣдствіе естественнаго прироста населенія . . . . замѣчаетъ Бессарабское совѣщаніе,—у поселянъ глубоко укоренился обычай раздѣла при бракахъ сыновей“ [2]). „Каждый членъ семьи стремится быть самостоятельнымъ хозяиномъ“—говоритъ Виленское [3]).

Витебское губернское совѣщаніе даетъ указаніе на разныя отношенія между членами двора, въ зависимости отъ его состава: „Дворъ составленъ, какъ семья кровная, состоящая изъ домохозяина и его дѣтей, такъ равно и сводная, состоящая изъ домохозяина, его дѣтей, родственниковъ и дольниковъ, также семейныхъ, причисленныхъ въ семью для пользованія землей. Въ первомъ случаѣ такой владѣлецъ является полноправнымъ распорядителемъ подворно-наслѣдственнаго участка и отъ его воли и согласія зависитъ какъ выдѣлъ части участка своимъ сыновьямъ, такъ и отчужденіе въ постороннія руки; во второмъ же—хотя номинально участниками въ пользованіи состоятъ всѣ владѣльцы, но въ дѣйствительности всякое распоряженіе исходитъ отъ домохозяина, какъ главы семьи; онъ и въ этомъ случаѣ является единственнымъ авторитетнымъ лицомъ какъ при раздѣлѣ подворнаго участка между совладѣльцами, такъ и при отчужденіи участка“ [4]). Затѣмъ, указавъ на дробленіе участ-

---

[1]) Сводъ заключ. губ. совѣщаній т. II, стр. 198.

[2]) Тамъ же, стр. 199, 200.

[3]) Тамъ же, стр. 200.

[4]) Т. III, стр. 342.

ковъ, „неизбѣжное при существующемъ способѣ владѣнія", совѣщаніе высказывается за ограниченіе правъ домохозяина. „Семейные раздѣлы являются слѣдствіемъ стремленія мѣстнаго населенія къ веденію самостоятельнаго хозяйства",—читаемъ въ отвѣтѣ Волынскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія [1]). Вятское совѣщаніе разсуждаетъ: „нерѣдко необходимость семейнаго раздѣла вызывается самою жизнью и усложняющимися все болѣе и болѣе семейными несогласіями и враждебными отношеніями.... Бываютъ случаи, когда именно общность семьи ведетъ ее къ раззоренію.... Таковъ напр. случай, когда одинъ изъ членовъ семьи въ семью ничего не вноситъ, работать не хочетъ и не работаетъ, проматываетъ все, что подвернется ему подъ руку, зная что не пропадетъ за спинами своихъ братьевъ, племянниковъ и пр., при чемъ и послѣдніе, естественно, теряютъ значительную часть своего рвенія къ хозяйству" [2]). „Болѣе общія причины раздѣловъ, по словамъ Казанскаго совѣщанія,—это разростаніе семьи и возникающая при этомъ трудность регулировать взаимныя отношенія членовъ, при постененномъ ослабленіи прежняго матеріальнаго авторитета главы семьи" [3]). Костромское совѣщаніе указываетъ на семейные раздоры какъ на причину раздѣловъ „если старшій членъ семьи на раздѣлъ не соглашается, младшій уходитъ изъ дома самовольно"; когда „не представляется возможнымъ нигдѣ устроить самостоятельное хозяйство, то отдѣлившіеся (младшіе) члены семьи уходятъ съ женами на фабрики.... Существованіе отхожихъ промысловъ, вообще, какъ замѣчено, способствуетъ умноженію самовольныхъ раздѣловъ" [4]). „Главенство хозяина возможно, говорится въ докладѣ Ковенскаго совѣщанія,—пока дѣти его не имѣютъ своихъ дѣтей. Если дѣти при жизни отца не вынудятъ его на раздѣлъ, то послѣ смерти сыновья дѣлятся добровольно, или вынуждаютъ къ тому упорствую-

---

[1]) Т. II, стр. 267.
[2]) Т. II, стр. 208.
[3]) Т. II, стр. 209.
[4]) Т. II, стр. 211.

щихъ судомъ.... Провладѣвъ отдѣленною частью 10 лѣтъ, отдѣлившійся считаетъ ее своею собственностью, возможною для раздѣла между его сыновьями“ [1]). Крестьянское населеніе Ковенской губерніи, разсуждаетъ часть совѣщанія, „тяготится установленнымъ толкованіями ст. 81 мѣстн. пол., а для бывшихъ государственныхъ крестьянъ—прим. 2 къ ст. 58 инстр. люстр. комм.—совмѣстнымъ пользованіемъ подворными участками и предпочитаетъ единоличное владѣніе хотя частью участка, но самостоятельно. Стремленіемъ къ таковому обособленію и признанною въ силу ст. 81 мѣстн. пол. принадлежностью подворнаго участка цѣлому двору и объясняется фактически практикуемое дробленіе участковъ.... Установленіемъ предѣльной нормы, если бы и было возможно пріостановить дальнѣйшее дробленіе участковъ, то только при непремѣнномъ условіи признанія ихъ засимъ единоличною собственностью владѣльцевъ и перехода участка минимальной нормы по наслѣдству въ единоличное же владѣніе одного изъ наслѣдниковъ, съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ“. Высказываясь засимъ противъ этой мѣры и за признаніе участка собственностью цѣлаго двора, часть Ковенскаго совѣщанія продолжаетъ: „существующее дробленіе участковъ нельзя признать за раздѣлъ участковъ, а только за добровольное соглашеніе членовъ семьи о порядкѣ пользованія общими поземельными участками, что признается и Правительствующимъ Сенатомъ. Весьма часто, при измѣненіи состава семей, измѣняются и условія соглашеній“ [2]). „Воспрепятствовать совершенію самовольныхъ раздѣловъ крайне трудно, говоритъ Курское совѣщаніе, они вызываются постоянными ссорами между членами семьи, при каковыхъ условіяхъ жизнь въ семьѣ иногда дѣлается настолько тяжелою, что младшіе члены уходятъ отъ семьи, живутъ на сторонѣ въ наемныхъ помѣщеніяхъ или въ услуженіи и ведутъ безконечныя тяжбы о наслѣдственномъ имуществѣ“; съ другой стороны, „раз-

---

[1]) Т. II, стр. 270.

[2]) Т. III, стр. 246, 247.

дѣлы вызываются иной разъ весьма важными экономическими соображеніями" [1]).

Минское совѣщаніе особенно подробно останавливается на вопросѣ о раздѣлахъ: „Долговременнымъ опытомъ дознано, что главными причинами семейныхъ раздѣловъ служатъ ссоры и недоразумѣнія между членами семьи;... чаще всего (они) происходятъ послѣ смерти главы семейства между женатыми братьями, но бываютъ случаи, что и глава семейства, т. е. отецъ, чтобы избѣжать постоянныхъ домашнихъ ссоръ, самъ отдѣляетъ женатыхъ сыновей, оставаясь самъ, въ большинствѣ случаевъ, съ неженатыми. Послѣ главной указанной причины... второе мѣсто занимаетъ многосемейность одного изъ братьевъ, при другихъ неженатыхъ или бездѣтныхъ, причемъ послѣдніе, считая свой трудъ на чужихъ дѣтей какъ бы лишнимъ и непроизводительнымъ, стараются всегда сами добровольно выдѣлять подобныя многолюдныя семьи.... Затѣмъ значительное число семейныхъ раздѣловъ происходитъ отъ весьма естественнаго стремленія нѣкоторыхъ членовъ семейства къ самостоятельной жизни и хозяйству... въ особенности при существованіи въ семействахъ членовъ съ испорченною нравственностью, предающихся пьянству и вообще поведеніе которыхъ не заслуживаетъ одобренія.... Наконецъ, не малое число семейныхъ раздѣловъ происходитъ по добровольному .... согласію всѣхъ членовъ вслѣдствіе полнаго и сознательнаго убѣжденія въ необходимости таковыхъ, какъ для поддержанія экономическаго благосостоянія, такъ равно и постояннаго согласія и родственныхъ мирныхъ отношеній. Перечислить всѣ многочисленныя причины, порождающія семейные раздѣлы крестьянъ, едва ли возможно. По мнѣнію Минскаго совѣщанія, семейные раздѣлы являются лишь послѣдствіемъ присущаго всему населенію сознанія, что каждый крестьянинъ неминуемо долженъ имѣть землю и что существованіе его безъ земли является совершенно ненормальнымъ" [2]). „Подворные участки крестьянскаго надѣла въ Мин-

---

[1]) Т. II, стр. 212—214.
[2]) Т. II, стр. 215, 216.

ской губерніи, на основаніи ст. 81 мѣстн. пол. и 2 примѣч. къ § 58 инструкціи люстр. коммисіямъ 6 февраля 1869 г., состоятъ въ потомственномъ пользованіи крестьянскихъ семействъ и всѣ члены семейства, получившаго по выкупному или люстраціонному актамъ земельный надѣлъ, считаются не только участниками въ пользованіи этимъ надѣломъ, но какъ бы имѣющими право собственности на извѣстную часть, опредѣляемую мѣстнымъ обычаемъ. Это участіе въ пользованіи отведенною въ надѣлъ землею, въ силу закона и укоренившагося обычая, принадлежитъ не только членамъ одной семьи, связанной близкими кровными узами, но весьма часто дальнимъ родственникамъ и даже совершенно постороннимъ лицамъ, жившимъ лишь или только записаннымъ при семействѣ во время составленія люстраціоннаго или выкупного акта... При такомъ положеніи дѣла очевидно, что согласіе родителей или старшихъ въ семьѣ можетъ быть примѣнено лишь къ раздѣламъ тѣхъ немногихъ крестьянскихъ участковъ въ Минской губерніи, кои состоятъ во владѣніи одной близкокровной семьи, имѣющей еще въ живыхъ отца, на имя котораго записанъ былъ участокъ люстраціонною или повѣрочною коммисіями, и который, будучи главою семьи, есть въ тоже время и главный распорядитель всего имущества. Что же касается остальныхъ семействъ, родители коихъ въ живыхъ уже не находятся и которыя, слѣдовательно, не имѣютъ, такъ сказать, одной общей главы, то къ таковымъ означенный выше пунктъ едва ли даже можетъ быть и примѣненъ, такъ какъ каждый членъ подобнаго семейства, внося свой личный трудъ на пользу общую, считаетъ себя собственникомъ принадлежащаго семьѣ движимаго и недвижимаго имуществъ, имѣющимъ свободное и одинаковое съ прочими членами право изъявлять или не изъявлять свое согласіе на распоряженіе этимъ имуществомъ“ [1]).

Нижегородское совѣщаніе, объясняя раздѣлы внутреннимъ семейнымъ разладомъ, говоритъ: „Въ большинствѣ случаевъ изъ семьи выходитъ самый даровитый работникъ, желая

[1]) Т. II, стр. 273, 274.

расходовать свой заработокъ на личную свою семью, а не работать на семью отца, въ которой имѣются малолѣтки и престарѣлые; этотъ лучшій работникъ знаетъ, что весь его заработокъ составляетъ его личное благопріобрѣтенное имущество и что вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ закона, лишающаго его права по смерти отца унаслѣдовать оставшуюся послѣ него часть имущества; другіе члены семьи въ виду негарантированности ихъ личнаго заработка, въ случаѣ смерти отца, при предъявленіи ушедшимъ братомъ своихъ правъ на наслѣдство, тоже вынуждены бываютъ покинуть старика, остающагося со старыми и малыми членами семьи, непригодными для работы" [1]). „Измѣнившіяся условія жизни и семейныхъ отношеній, говоритъ Оренбургское совѣщаніе, вызвали необходимость раздѣловъ; семья начинаетъ жить несогласно, идутъ ежедневныя ссоры, драки, обиды, словомъ—такой разладъ, что для избѣжанія его крестьянинъ не побоится ни лишеній, ни кары закона, потому что какова бы ни была послѣдняя, она всетаки будетъ милостью въ сравненіи съ повседневнымъ семейнымъ раздоромъ" [2]). Орловское совѣщаніе объясняетъ необходимость раздѣловъ естественнымъ приростомъ населенія [3]). „Неизбѣжная вездѣ индивидуализація, разсуждаетъ Пермское совѣщаніе, разрушаетъ семейные устои и стремится создать бытъ, построенный на обособленности и самостоятельности личности... Всякая попытка искусственно связать то, что въ самой основѣ заключаетъ сѣмена разложенія, распада, приведетъ лишь къ нравственному и матеріальному ущербу тѣхъ, кто будетъ подвергнутъ этому эксперименту. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно заставить жить вмѣстѣ и вести общее хозяйство двухъ или болѣе враждующихъ братьевъ, встрѣчающихъ въ своемъ повседневномъ быту множество поводовъ для столкновеній.... А послѣдствія этой вражды отражаются на хозяйствѣ двора крайне невыгодно: начинается взаимное усчитываніе, кто

---

[1]) Т. II, стр. 222.
[2]) Т. II, стр. 224.
[3]) Т. II, стр. 225.

сколько сработалъ; заработки, вмѣсто того, чтобы идти въ общее хозяйство, пропиваются или проматываются на сторонѣ“ [1]).

„Семейное несогласіе и даже вражда между членами общей семьи, неравномѣрность труда, неравномѣрность распредѣленія потребностей каждаго члена семьи, безпечность однихъ и разгулъ другихъ и, наконецъ, желаніе жить самостоятельно“—такъ формулируетъ причины семейныхъ раздѣловъ Рязанское совѣщаніе. „Тамъ, говоритъ оно, гдѣ семья, разумно руководимая старшимъ членомъ, живетъ согласно, трудится одинаково и пользуется плодами трудовъ равномѣрно, крестьяне и сами, въ сознаніи пользы, не желаютъ раздѣловъ; но, гдѣ нѣтъ, главнымъ образомъ, внутренняго согласія въ семьѣ и сознанія общей пользы, тамъ ограничительныя условія закона влекутъ за собою вѣчную вражду, доходящую до преступленій, и нерадивость къ хозяйству, а слѣдовательно и разореніе...... Зло кроется не въ законѣ (18 марта 1886 г. о семейныхъ раздѣлахъ), а въ самой жизни; пока сами крестьяне не получатъ просвѣщенія, которое воспитало бы ихъ въ духѣ нравственности и религіи, законъ этотъ, при его примѣненіи, всегда будетъ встрѣчать преграды, создаваемыя теченіемъ жизни“ [2]). Саратовское совѣщаніе указываетъ, что „нерѣдко членъ семейства выдѣляется съ заранѣе опредѣленною цѣлью не заниматься земледѣліемъ, а какимъ либо промысломъ, напр. кузнечнымъ, который можетъ обезпечить его болѣе, чѣмъ земледѣліе“ [3]). Симбирское губ. совѣщаніе подмѣчаетъ характерную частность: „правило закона 1886 г., по коему инціатива раздѣла предоставлена исключительно старшему члену,.... соотвѣтствуетъ народнымъ воззрѣніямъ, когда домохозяиномъ является родичъ-отецъ или дѣдъ, при другомъ же составѣ семьи оно вызываетъ весьма понятныя недоразумѣнія“ [4]). Смоленское совѣщаніе, давая полную и яркую картину безус-

[1]) Т. II, стр. 228.
[2]) Т. II стр. 232. ср. т. III, стр. 253, 254.
[3]) Т. II стр. 237.
[4]) Т. II стр. 239.

пѣшной борьбы власти съ семейными раздѣлами, говоритъ: „Большія крестьянскія семьи, гдѣ при старикѣ живутъ нѣсколько сыновей и дочерей съ семьями, столь свойственныя старому крестьянскому патріархальному строю, въ населеніи Смоленской губерніи являются не только рѣдкимъ, но почти не встрѣчающимся исключеніемъ“. Это показываетъ, по мнѣнію совѣщанія, что потребность въ дробленіи семей представляетъ собой послѣдствіе дѣйствія цѣлаго ряда причинъ, вызывающихъ повсемѣстно распаденіе условій древняго патріархальнаго строя крестьянской жизни [1]).

Тамбовское совѣщаніе указываетъ, что многорабочая семья легче чѣмъ малорабочая достигаетъ благосостоянія только въ томъ случаѣ, если „живетъ дружно, подчиняясь авторитету старшаго, который преслѣдуетъ только общіе интересы семьи и одинаково справедливо относится во всѣмъ ея членамъ“. Раздоры-же „ведутъ къ упадку общаго ихъ хозяйства скорѣе, чѣмъ во всякой малорабочей семьѣ“, такъ какъ „въ такой неладной семьѣ каждая ея часть ставитъ свои интересы выше общихъ семейныхъ, а потому, не желая отдавать свой трудъ на общую пользу семьи, работаетъ возможно плохо и, преслѣдуя только личныя выгоды, тащитъ себѣ, что только можно изъ общаго достоянія..... Съ другой стороны, у крестьянина, какъ и у всякаго человѣка, бываютъ такія нравственныя условія жизни, ради которыхъ онъ приноситъ въ жертву всякіе матеріальные интересы. Часто семейная жизнь крестьянина складывается до того невыносимо, что.... единственнымъ исходомъ изъ этого положенія является опять тотъ-же семейный раздѣлъ..... Кромѣ того, есть еще одно обстоятельство, часто наталкивающее домохозяевъ на мысль о раздѣлѣ. Правительствующій Сенатъ указомъ своимъ отъ 3 ноября 1883 года за № 18176 разъяснилъ, что на общее въ нераздѣльномъ дворѣ имущество можетъ быть обращено взысканіе за долгъ одного изъ членовъ нераздѣльной семьи“; вслѣдствіе чего „нераздѣльная семья, одинъ изъ членовъ который ведетъ какую либо сопряжен-

---

[1]) Сводъ заключ. губ. сов. Т. II, стр. 241, 242.

ную съ рискомъ торговлю или просто заболтался на сторонѣ, должна вѣчно находиться подъ страхомъ имущественной отвѣтственности всѣхъ за одного. Единственный исходъ изъ такого положенія—все тотъ-же раздѣлъ". Затѣмъ Тамбовское совѣщаніе рисуетъ картину семейной жизни, когда во главѣ семьи находится не безупречный отецъ, преслѣдующій только общіе интересы семьи, а либо отецъ женатый на второй женѣ, желающій обдѣлить сына отъ перваго брака, но не соглашающійся на его выдѣлъ, такъ какъ ему до поры до времени выгодно пользоваться трудомъ семьи сына, а въ особенности, когда послѣ смерти отца старшимъ въ семьѣ остается дядя или старшій братъ. „Бо̀льшею частью дѣло идетъ такъ, что старшій въ домѣ (не отецъ) всѣми способами старается извлечь какъ можно болѣе выгодъ въ свою личную пользу, или пользу своей собственной семьи путемъ всякаго рода злоупотребленій, чаще всего путемъ распродажи имущества и скрытія денегъ. Младшіе члены семьи: племянники, братья, вдовы умершихъ братьевъ и т. д. видятъ хищеніе, но ничего не могутъ сдѣлать; у нихъ нѣтъ практически примѣнимыхъ средствъ бороться со старшимъ и требовать у него отчета. Хуже всего то, что они не могутъ даже требовать раздѣла, чтобы спасти свои наслѣдственныя доли отъ расхищенія... Старшій въ семьѣ не желаетъ дѣлиться иногда именно потому, что онъ не успѣлъ еще размотать всего имущества, т. е. не сдѣлалъ того, что можетъ дать сходу право признать его расточительнымъ" [1]). Тульское совѣщаніе приписываетъ стремленіе къ раздѣламъ нравственнымъ отношеніямъ и раздорамъ между членами семьи; иниціаторами раздѣла семьи весьма часто являются ея члены, возвращающіеся изъ военной службы „отчужденными отъ прежнихъ условій быта крестьянскаго двора"; въ другихъ случаяхъ раздоръ въ семью вносятъ члены, уклоняющіеся отъ участія въ общихъ хозяйственныхъ трудахъ семьи [2]).

---

1) Т. II стр. 251—253.
2) Т. II, стр. 259.

Херсонское совѣщаніе указываетъ: „въ немногихъ селеніяхъ великорусскихъ сохранилось свойственное этому народу семейное начало, по которому старшій членъ семьи, вмѣстѣ работающей, есть глава ея, безъ согласія и разрѣшенія коего ничего въ семьѣ не совершается. У малороссовъ-же, болгаръ, нѣмцевъ, никогда это начало не было крѣпко, и какъ только членъ семьи женится, такъ, по большей части, немедленно, безъ всякаго согласія міра, выдѣляется изъ семьи" [1]). Ярославское совѣщаніе повѣствуетъ: „Семейные раздѣлы имѣютъ много весьма уважительныхъ причинъ, какъ напримѣръ—снохачество, появленіе въ семьѣ мачихи или вотчима, эгоизмъ старшаго брата, двѣ—три снохи, устраивающія изъ семейнаго очага кромѣшный адъ. Такія причины прежде посылали людей на каторгу, а нынѣ заставляютъ терять соображеніе не только о платежной способности и требованіяхъ закона 1886 г., но рѣшительно обо всемъ и бѣжать изъ дома; отецъ выгоняетъ сына съ его женой и маленькими дѣтьми на улицу безъ всего, сынъ бѣжитъ, не разбирая куда; тутъ не дѣйствуютъ ни умъ, ни сердце, ни душа, дѣйствуетъ одинъ животный инстинктъ. Кромѣ того, въ общ. пол. нѣтъ прямаго указанія, кто долженъ считаться старшимъ въ семьѣ по смерти отца, старшій его сынъ или мать, послѣ смерти матери—старшій ея сынъ отъ перваго брака или вотчимъ. Естественно подчиняться волѣ отца и матери; для обоихъ дѣти ихъ равны и дороги, и только отъ нихъ дѣти могутъ ожидать справедливаго отношенія къ себѣ и равномѣрнаго распредѣленія общаго имущества и пользованія имъ; совсѣмъ не то получится, если распредѣленіемъ этимъ займется братъ, вотчимъ или мачиха; тутъ по необходимости дѣйствуютъ личныя соображенія, побуждающія игнорировать интересы прочихъ членовъ семьи" [2]).

Въ Сибирскихъ губерніяхъ, гдѣ земли больше, раздѣлы совершаются еще легче, чѣмъ въ Европейской Россіи. Тобольское совѣщаніе указываетъ, что „по складу мѣстнаго

---

[1]) Т. II, стр. 260.
[2]) Т. II, стр. 263.

крестьянскаго быта сами родители, большею частью, не только не оказываютъ никакого противодѣйствія къ выдѣленію изъ состава семьи младшихъ ея членовъ, но нерѣдко поддерживаютъ ихъ стремленіе къ образованію самостоятельныхъ хозяйствъ, устраивая еще до окончательнаго выдѣла, при женитьбѣ сына, новый домъ для его семьи, ... затѣмъ, поводомъ къ семейнымъ раздѣламъ, большею частью, служатъ семейныя распри, доходящія до вражды между членами семейства, т. е. причины нравственныя, не легко поддающіяся постороннему воздѣйствію" [1]). „Причинами раздѣловъ, говоритъ Томскій губернскій совѣтъ, главнымъ образомъ, являются семейныя недоразумѣнія (неуживчивость членовъ семьи, или вражда между собою, особенно при безнравственномъ отношеніи къ членамъ главы семейства), а также и стремленіе къ самостоятельному домоустройству и хозяйству. Въ большинствѣ случаевъ, неизбѣжность раздѣловъ приводитъ къ миролюбивымъ соглашеніямъ членовъ семьи ..... ставить препятствія такимъ самовольнымъ раздѣламъ, имѣющимъ въ основаніи несогласіе членовъ семьи, невозможно, ибо принужденіе, при этихъ отношеніяхъ, къ совмѣстному жительству не поправитъ къ лучшему отношенія ихъ между собою, не возстановитъ семейнаго спокойствія и не принесетъ экономической выгоды въ совмѣстномъ трудѣ, а наоборотъ, будетъ постоянною причиною матеріальнаго упадка семьи ...... и столкновеній, ... нерѣдко вызывающихъ и уголовныя преступленія" [2]). „Раздѣлы крестьянскихъ семей въ Енисейской губерніи, по отзыву мѣстнаго совѣщанія, вызываются, главнымъ образомъ, слѣдующими причинами: 1) накопленіемъ матеріальнаго достатка, вполнѣ обезпечивающаго возможность образованія раздѣлившимися самостоятельныхъ хозяйствъ; 2) непримиримой семейной враждой, и 3) переходомъ одного изъ членовъ семьи, по нежеланію заниматься земледѣльче-

---

[1]) Дополнительный сборникъ заключеній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ. Изданіе Земскаго Отдѣла Мин. Внутр. Дѣлъ, Спб. 1897 г., стр. 57.

[2]) Тамъ же, стр. 116.

скимъ трудомъ, на наемныя работы или на службу въ города, къ чему прибѣгаютъ, они чаще всего нижніе чины запаса арміи. Кромѣ того, бываютъ случаи, когда отецъ по семейнымъ несогласіямъ выдворяетъ отъ себя сына вовсе безъ надѣленія его имуществомъ; такое право отца, если онъ къ тому же не заслуживаетъ упрековъ по своему образу жизни, находитъ себѣ полное признаніе со стороны общества....... Отказъ въ разрѣшеніи раздѣла многосемейнаго и зажиточнаго дома приводилъ бы только къ напрасному стѣсненію членовъ семьи, имѣющей настоятельную нужду въ раздѣлѣ, хотя бы по практическимъ неудобствамъ дальнѣйшей совмѣстной жизни; ...... вслѣдствіе семейной вражды и споровъ, или за переходомъ одного изъ членовъ семейства на жительство въ другое мѣсто, удержаніе цѣлости домохозяйства представляется фактически невозможнымъ" [1]). Иркутское совѣщаніе, объясняетъ что „раздѣлы вызываются такими коренными экономическими или нравственными причинами, что достигнуть ихъ сокращенія путемъ регламентаціи представляется весьма затруднительнымъ" [2]). Въ Якутской области у крестьянъ „преобладаетъ обычай выдѣлять изъ семьи взрослыхъ сыновей тотчасъ же послѣ ихъ женитьбы. Попытка ограничить или урегулировать право раздѣловъ, говоритъ Якутское. совѣщаніе, противорѣча сложившимся обычаямъ и особенностямъ хозяйственнаго быта, едва ли могла бы войти въ жизнь" [3]).

Если ко всему изложенному прибавить, что по общему отзыву совѣщаній семейные раздѣлы не встрѣчаютъ противодѣйствія со стороны сельскихъ сходовъ, состоящихъ изъ тѣхъ же крестьянъ, то нельзя не прійти къ заключенію о неизбѣжности разложенія патріархальнаго семейнаго быта, о невозможности никакими искусственными мѣрами остановить этотъ процессъ, объ отсутствіи въ современномъ крестьянскомъ быту тѣхъ условій, при которыхъ могла бы сохра-

[1]) Тамъ же, стр. 199, 200.
[2]) Тамъ же, стр. 248.
[3]) Тамъ же, стр. 287.

няться патріархальная семья. Семейная общность имущества и совмѣстная жизнь большой семьей вымираютъ вслѣдствіе кореннаго измѣненія, послѣ упраздненія крѣпостного права, экономическаго и юридическаго строя крестьянской жизни. Трудовое начало, хотя и сохраняетъ свое значеніе, несмотря на измѣнившіеся условія, но юридическое признаніе его силы вовсе не обусловлено принятіемъ гипотезы крестьянскаго двора и отрицаніемъ личной собственности домохозяина.

IX.

Очевидною невозможностью обосновать сенатскую теорію собственности „крестьянскаго двора“ ни на законѣ, ни на обычномъ правѣ, ни на требованіяхъ прогресса и правопорядка, мы можемъ объяснить себѣ попытку А. М. Гуляева дать обоснованіе этой теоріи на почвѣ стариннаго нѣмецкаго права, сблизивъ институтъ „крестьянскаго двора“ съ принципами „gesammte Hand“ [1]). По словамъ самого г. Гуляева, начало gesammter Hand только *мирится* съ тѣми юридическими взглядами, которые наблюдаются въ нашей крестьянской семьѣ, а нашему законодательству неизвѣстны [2]) и, если въ исковыхъ прошеніяхъ крестьянъ замѣтны теперь мотивы, совпадающіе съ мотивами сенатскихъ рѣшеній, то они являются скорѣе результатомъ знакомства составителей прошеній съ сенатскими рѣшеніями; въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ и крестьянскихъ учрежденій эти мотивы встрѣчаются рѣже, чѣмъ въ рѣшеніяхъ общихъ судебныхъ мѣстъ, „что же касается самихъ тяжущихся, то они простодушно даютъ на предлагаемые имъ юристами вопросы такіе отвѣты, которые свидѣтельствуютъ о томъ, что теорія Сената имъ вовсе неизвѣстна или, правильнѣе сказать, чужды ихъ правосознанію юридическіе взгляды, проводимые Сенатомъ въ рѣшеніяхъ по крестьянскимъ дѣламъ [3])“. Однако, все это не мѣ-

---

[1]) А. М. Гуляевъ. Крестьянскій дворъ, Журн. Мин. Юстиціи, 1899 г. Апрѣль.

[2]) Тамъ же стр. 73.

[3]) Тамъ же стр. 74.

шаетъ г. Гуляеву выступить защитникомъ насажденія въ правосознаніе нашихъ крестьянъ идей германскаго права въ томъ предположеніи, что „наше крестьянское право находится въ той же стадіи развитія, въ какой сравнительно еще недавно находилось и крестьянское право въ Германіи. Въ эпоху освобожденія крестьянъ, говоритъ онъ, ... казалось, что вчерашній рабъ, стоитъ его только объявить свободнымъ отъ зависимости помѣщика, станетъ полноправнымъ субъектомъ гражданскаго права. Опытъ цѣлаго поколѣнія обнаружилъ преувеличенность такихъ ожиданій. Рѣшенія Правительствующаго Сената повернули развитіе крестьянскаго права въ то русло, по которому протекало крестьянское землевладѣніе и у другихъ народовъ, прежде чѣмъ вылиться въ широкое море общегражданскаго оборота [1])". Какъ ни категоричны эти утвержденія г. Гуляева, они представляются намъ совершенно невѣрными въ виду собранныхъ нами данныхъ, свидѣтельствующихъ, что обычное право русскихъ крестьянъ течетъ не по германскому руслу и неудержимо стремится разорвать тѣ плотины, которыя строятся съ цѣлью повернуть его искусственно въ чужое русло.

Слѣдуя за извѣстнымъ ученымъ О. Гирке (Deutsches Privatrecht), г. Гуляевъ говоритъ: „тогда какъ романистическая доктрина знаетъ только двоякихъ субъектовъ права—лица физическія и лица юридическія, германскому праву извѣстна еще посредствующая фигура—personenrechtliche Gemeinschaft. Это не есть лицо физическое, ибо Gemeinschaft состоитъ изъ совокупности нѣсколькихъ индивидовъ, это не есть и юридическое лицо,—ибо за таковое оно не признается со стороны дѣйствующаго законодательства. Въ противоположность юридическому лицу (Verbandsperson)—это сообщество есть правовое отношеніе, но не правовой субъектъ. Въ своемъ историческомъ развитіи эти своеобразныя сообщества отправляются отъ отношеній между членами семьи и между сонаслѣдниками, а затѣмъ по образцу этихъ типичныхъ первоначальныхъ отношеній складываются сообщества, преслѣдующія раз-

[1]) Тамъ же стр. 97, 98.

личныя цѣли и чуждыя кровныхъ основъ"…. [1]). „Въ настоящее время германисты раздѣляютъ не извѣстныя римскому праву сообщества на двѣ категоріи—Gemeinschaften zur gesammten Hand и Gemeinschaften kraft herrschaftlicher Gewalt". Въ первомъ—„соединенные индивиды совокупно призываются къ активному участію въ общей для всѣхъ нихъ сферѣ. Здѣсь обнаруживается единство лица во множественности участниковъ. Въ отношеніяхъ внутреннихъ господствуетъ совокупная воля всѣхъ, какъ цѣлостная и единая воля сообщества; въ отношеніяхъ внѣшнихъ дѣйствующимъ лицомъ выступаетъ множественность. При этомъ, однако, вовсе не исключена возможность предоставленія одному изъ участниковъ роли главы сообщества, но за совокупностью участниковъ должно быть сохранено высшее значеніе,…. полное выраженіе сообщества возможно только при совокупномъ участіи всѣхъ членовъ сообщества" [2]).

„Сообществомъ, объединенымъ началомъ власти, Gemeinschaft kraft herrschaftlicher Gewalt [3]), называется то отношеніе общности, которое существуетъ между многими лицами вслѣдствіе личной власти и подчиненія. Одно господствующее лицо является здѣсь представителемъ сообщества; въ немъ въ предѣлахъ и за предѣлами сообщества находитъ свое юридическое выраженіе связанность лицъ, составляющихъ единство. И тѣмъ не менѣе здѣсь наблюдается юридическое отношеніе сообщества, внутри проявляющееся во взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ между домовладыкой и домочадцами, во внѣ же обнаруживающееся въ томъ, что выраженіе личнаго единства чрезъ домовладыку заключаетъ въ себѣ представительство (объективное) домочадцевъ. Начало der gesammten Hand не устраняется въ сообществѣ, если власть домовладыки ограничивается участіемъ совокупности всѣхъ подчиненныхъ его власти лицъ [4])".

„Если, продолжаетъ г. Гуляевъ, съ этой общей характе-

---

[1]) Тамъ же, стр. 69.

[2]) Тамъ же, стр. 70.

[3]) Мы позволили себѣ исправить очевидный корректурный недосмотръ, стр. 70, 8 строка снизу.

[4]) Тамъ же, стр. 70, 71.

ристикой сообщества на началахъ власти сопоставить изображеніе институтовъ крестьянскаго права въ различныхъ частяхъ Германіи, то получится хорошо знакомая картина землевладѣнія, какъ она изображается въ крестьянскихъ искахъ и въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ...... Необходимыми условіями для того, чтобы стоять во главѣ крестьянскаго хозяйства, являются опытность и осторожность съ одной стороны и достаточная физическая сила—съ другой. Гдѣ обнаруживается недостатокъ въ томъ или другомъ условіи, тамъ является необходимость въ его восполненіи. При малолѣтствѣ прямыхъ наслѣдниковъ, во избѣжаніе перерыва хозяйственныхъ функцій двора, возникаетъ такъ называемая Interims-Wirthschaft, въ силу чего посторонній субъектъ становится временнымъ домохозяиномъ, права котораго на землю ограничиваются лишь эвентуальными притязаніями прямыхъ наслѣдниковъ". Чаще всего такимъ временнымъ домохозяиномъ является второй мужъ овдовѣвшей домохозяйки, но возможны и другія отношенія. „Уступка двора престарѣлымъ домохозяиномъ другому лицу возможна въ двоякомъ видѣ, и съ тѣми же условіями, какія часто встрѣчаются у насъ: 1) уступка постороннему лицу (Abtretung in ungesippte Hand), не имѣющему права наслѣдованія, и 2) уступка наслѣдникамъ (Uebergabe in gesippte Hand) съ обязательствомъ послѣднихъ, какъ говорятъ наши крестьяне, воспитывать престарѣлаго ex-хозяина. Дворъ во всякомъ случаѣ разсматривается, какъ нѣкоторая недѣлимая величина. Субъективный составъ двора можетъ измѣняться, но объективно дворъ остается неизмѣнной величиной [1])".

„Въ Германскомъ правѣ начало der gesammten Hand въ области крестьянскаго землевладѣнія характеризуется Heusler'омъ (Institutionen) въ слѣдующихъ словахъ: ....„ни одинъ изъ общниковъ (членовъ, Gemeinder) самъ по себѣ не въ правѣ распорядиться ни цѣлымъ, ни частью общаго имущества: только всѣ общники могутъ распоряжаться цѣлымъ имуществомъ или отдѣльною его частью... Имущество, остав-

[1]) Тамъ же стр. 72, 73.

шееся послѣ умершаго члена, поскольку таковое заключается въ долѣ пользованія общимъ имуществомъ, не выходитъ за предѣлы сообщества, но остается въ своемъ прежнемъ связанномъ положеніи и достается тѣмъ, которые остаются въ сообществѣ... При общемъ надѣленіи недвижимостью съ особенною ясностью обнаруживается принципъ приращенія: каждый отдѣльный членъ имѣетъ, собственно говоря, право на все имущество, и хотя въ виду правомочія многихъ лицъ по необходимости возникаютъ части, но съ отпаденіемъ одного изъ управомоченныхъ право остальныхъ освобождается отъ стѣсненія, и право пережившаго всѣхъ превращается въ вполнѣ свободное право... Принципъ—только всѣ общники совмѣстно могутъ распоряжаться цѣлымъ имуществомъ или отдѣльною его частью—касается только оборота съ недвижимостью; внутреннее управленіе и представляющій составную часть управленія оборотъ съ движимостью не затронуты этимъ принципомъ. Невозможно требовать совмѣстной дѣятельности всѣхъ членовъ для каждой сдѣлки повседневной жизни... Отецъ является безспорнымъ главою дома и, если что касается отчужденія и обремененій недвижимости, онъ вполнѣ связанъ началомъ der gesammten Hand со стороны сыновей, то онъ неограниченно распоряжается въ домѣ находящеюся въ немъ движимостью, устанавливаетъ родъ хозяйства, заключаетъ обязательства, дѣйствуетъ за имущество въ процессахъ, однимъ словомъ, онъ есть единственный представитель имущества, за исключеніемъ права распоряженія недвижимостью [1])".

Съ своей стороны г. Гуляевъ предлагаетъ слѣдующую конструкцію института крестьянскаго двора.

„Крестьянскій надѣлъ принадлежитъ двору, состоящему изъ домохозяина и членовъ.

„Домохозяиномъ является тотъ членъ двора, который несетъ отвѣтственность за отбываніе повинностей и уплату сборовъ.

„Членами двора признаются: а) лица, внесенныя въ по-

[1]) Тамъ же стр. 96, 97.

семейный списокъ, доколѣ не доказано, что прочная, постоянная ихъ связь съ дворомъ уже прекратилась, и б) лица, хотя и не значащіяся въ посемейномъ спискѣ, но принятыя во дворъ съ согласія домохозяина.

„Никто не можетъ быть одновременно членомъ двухъ или болѣе дворовъ.

„Малолѣтніе признаются членами того двора, къ составу коего принадлежатъ ихъ родители. Возможно, впрочемъ, возвращеніе малолѣтнихъ на надѣлъ того двора, изъ котораго они вышли вмѣстѣ съ родителями, если такое возвращеніе будетъ предметомъ особаго соглашенія между ихъ родителями и домохозяиномъ перваго двора.

„Всѣ члены двора имѣютъ право на участіе въ пользованіи надѣломъ.

„Доля участія каждаго изъ членовъ двора въ пользованіи надѣломъ, какъ и порядокъ веденія хозяйства опредѣляются домохозяиномъ по его усмотрѣнію, съ равномѣрнымъ однако по возможности обезпеченіемъ интересовъ всѣхъ членовъ, и безъ права измѣнять характеръ эксплоатаціи и назначенія надѣльной земли.

„Отчужденіе надѣла и сдача въ аренду возможны не иначе, какъ съ согласія всѣхъ совершеннолѣтнихъ и трудоспособныхъ членовъ двора.

„Право на надѣлъ не подлежитъ завѣщательнымъ распоряженіямъ.

„Надѣльныя земли не подлежатъ наслѣдственному преемству въ общемъ порядкѣ законовъ гражданскихъ; за смертью одного изъ членовъ его право распредѣляется между пережившими членами двора, по усмотрѣнію домохозяина [1])“.

Положенія эти, по сравненію съ рѣшеніями Правительствующаго Сената, представляютъ преимущества въ логической стройности и послѣдовательности, такъ какъ авторъ ихъ не связанъ русскимъ законодательствомъ даже и въ той степени, въ какой отступленіе отъ него оказалось невозможнымъ для Сената, но въ сущности своей они дѣйствительно

[1]) Тамъ же стр. 95, 96.

формулируютъ ту же теорію „крестьянскаго двора", которая построена въ сенатскихъ рѣшеніяхъ. И по цѣлямъ своимъ г. Гуляевъ сошелся съ Правительствующимъ Сенатомъ: и у него на первомъ мѣстѣ не соображенія права и правопорядка, а интересы казны, крестьянскаго общества, какъ податной единицы, обладающей правомъ раскладки сборовъ между своими членами, связанными круговою порукою [1]), и наконецъ, принципъ обезпеченія всѣхъ крестьянъ землею съ цѣлью предупрежденія бѣдствій пауперизма и пролетаріата [2]). Оттуда взглядъ на крестьянскій дворъ, какъ на общину въ миніатюрѣ, обезпечивающую всѣхъ членовъ двора и тѣмъ покрывающую съ избыткомъ недостатки совмѣстнаго владѣнія и пользованія [3]), оттуда признаніе домохозяиномъ того, кто несетъ отвѣтственность за отбываніе повинностей и уплату сборовъ, т. е. господство публичнаго начала надъ частно-правовымъ, предоставленіе домохозяину широкаго права усмотрѣнія въ принятіи новыхъ членовъ и въ распредѣленіи долей участія между всѣми членами двора и вообще преобладаніе, если не полное поглощеніе, элемента права принципомъ усмотрѣнія, цѣлесообразности, нестѣсненнымъ ничьими правами, кромѣ одного лишь случая отчужденія или обремененія недвижимости,—какъ будто подобный случай, точно deus ex machina, приходитъ нежданно-негаданно откуда то со стороны, а не является конечнымъ результатомъ цѣлаго ряда хозяйственныхъ распоряженій и сдѣлокъ повседневной жизни.

Отъ германскаго частно-правоваго института Gemeinschaft zur gesammten Hand, и въ частности kraft herrschaftlicher Gewalt крестьянскій дворъ г. Гуляева отличается своимъ публичнымъ характеромъ, лучше сказать своимъ служебнымъ характеромъ для публично-правовыхъ цѣлей. Германскій домовладыка не нуждается въ признаніи со стороны общины его способности нести отвѣтственность за сборы и повинности,

---

[1]) тамъ же стр. 55, 56.
[2]) тамъ же стр. 77, 98.
[3]) тамъ же стр. 99 и 58.

падающіе на недвижимое имущество, онъ вступаетъ во владѣніе и распоряженіе имуществомъ семьи въ силу гражданскаго права и ограниченіе его правъ при отчужденіи и обремененіи имущества объясняется не соображеніями государственной политики, а юридическимъ взглядомъ на самое имущество, какъ на родовую собственность семьи, подобно тому какъ по нашимъ гражданскимъ законамъ родовое имущество не подлежитъ даренію и завѣщанію (ст. 432, 967 и 1068 т. X. ч. 1, изд. 1887 г.).

Самъ г. Гуляевъ, въ началѣ своей статьи, указываетъ, какъ на недостатокъ дѣйствующаго крестьянскаго законодательства, на то, что въ немъ „нормы, въ осуществленіи которыхъ ближайшимъ образомъ заинтересовано государство, разработаны несравненно полнѣе, чѣмъ нормы, касающіяся частныхъ интересовъ обывателей“ [1]), однако, предлагаемая имъ конструкція крестьянскаго двора, въ сущности не освобождается отъ этого недостатка, состоя почти исключительно изъ нормъ, имѣющихъ государственный интересъ и замѣняя всякія нормы частно-правового характера однимъ бланкетнымъ усмотрѣніемъ домохозяина, на которомъ лежитъ отвѣтственность за отбываніе повинностей и уплату сборовъ. А между тѣмъ задача предстоящаго законодательнаго пересмотра законоположеній о крестьянахъ состоитъ именно въ томъ, что бы выдѣлить изъ сферы административнаго усмотрѣнія всѣ вопросы гражданскаго права крестьянъ, въ томъ,—чтобы всѣ ихъ личныя, семейныя и имущественныя отношенія поставить на прочную основу гражданскаго правопорядка. Какъ бы ни рѣшать поставленный Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вопросъ: „желательно ли ввести въ законъ установленное уже толкованіями его правило о принадлежности подворнаго участка цѣлому двору“?—надо его рѣшать съ точки зрѣнія права, гражданскаго права, не примѣшивая никакихъ постороннихъ утилитарныхъ соображеній.

---

[1]) Тамъ же стр. 53, 54.

X.

Институтъ крестьянскаго двора сложился въ тѣ времена, когда весь государственный строй не былъ правовымъ. Самое народосчисленіе велось по тягламъ и дворамъ, къ этому счету было принаровлено фискально-полицейское управленіе. Уставъ благоустройства въ казенныхъ селеніяхъ и отношенія крѣпостного права—вотъ та сфера, въ которой могъ сложиться и существовать крестьянскій дворъ, въ томъ видѣ, какъ онъ изображается нѣкоторыми изслѣдователями обычнаго права, рѣшеніями Правительствующаго Сената и, наконецъ, г. Гуляевымъ. Представлялъ ли крестьянскій дворъ въ тѣ времена дѣйствительно такую патріархальную идилію, какъ стараются его изобразить сторонники этого института—этотъ вопросъ имѣетъ теперь лишь историческое значеніе. Правдивая картина семейныхъ отношеній крестьянъ, нарисованная губернскими совѣщаніями, показываетъ, какъ далека дѣйствительность отъ патріархальной идиліи. Но можно-ли было ожидать чего либо другого, кромѣ такой эволюціи, если коренными образомъ измѣнились всѣ соціальные и экономическіе устои деревенскаго быта: могъ-ли устоять среди этого землетрясенія одинъ крестьянскій дворъ?

Въ крѣпостныя времена авторитетъ домохозяина былъ обусловленъ не только его первородствомъ по крови, старшинствомъ по возрасту, физической и нравственной силою, умѣніемъ вести хозяйство и тому подобными свойствами, которыя могутъ быть присущи и нынѣшнему домохозяину, но еще и тою инвеститурою, которую онъ получалъ отъ помѣщика или его бурмистра въ видѣ признанія его способнымъ стоять во главѣ тягловой единицы—двора, быть домохозяиномъ. Правда, и нынѣ авторитетъ домохозяина обусловливается признаніемъ его со стороны сельскаго схода, отъ котораго зависитъ принятіе въ общество новыхъ полноправныхъ членовъ—домохозяевъ (общ. пол. ст. 142 и прим. 2 къ ст. 130) и разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, т. е. созданіе новыхъ дворовъ и домохозяевъ (общ. пол. ст. 51 п. 5), и который въ случаѣ неисправности домохозяина можетъ опредѣлить къ нему

опекуна или назначить старшимъ въ домѣ другого члена той-же семьи (общ. пол., ст. 188 п. 3; пол. выкуп. ст. 127 п. 3, 133 п. 4), а въ случаѣ порочности—устранить временно до трехъ лѣтъ отъ участія въ сходѣ и даже вовсе удалить изъ общества съ предоставленіемъ въ распоряженіе правительства (общ. пол., ст. 51 п. 2, ст. 54 п. 5), однако, въ самомъ существѣ власть схода принципіально отличается отъ власти надъ крестьяниномъ помѣщика, во первыхъ, потому что сходу не принадлежитъ вся полнота правъ помѣщика надъ крѣпостными, во вторыхъ потому что большинство на сходѣ состоитъ изъ крестьянъ-же домохозяевъ, тогда какъ помѣщикъ былъ внѣ этого міра, и въ третьихъ, потому что надзоръ схода надъ домохозяиномъ ограничивается фискально-полицейскою сферою, тогда какъ помѣщикъ смотрѣлъ и на домохозяина и на членовъ его семьи и на созданіе новыхъ дворовъ съ точки зрѣнія хозяина, которому нужно было получить доходъ съ его собственности въ видѣ оброка, а величина послѣдняго зависѣла и отъ количества дворовъ и отъ рабочей силы каждаго двора. Какую семью раздѣлить на два двора, какую оставить въ одномъ—было дѣломъ хозяйственнаго разсчета помѣщика, а для подчиненія этому разсчету крѣпостныхъ крестьянъ въ его рукахъ находились могучія средства принужденія.

Не менѣе важно и другое обстоятельство. При крѣпостномъ правѣ естественный приростъ населенія вполнѣ совпадалъ съ хозяйственными разсчетами помѣщиковъ: земли было всегда больше, чѣмъ крестьянъ—земледѣльцевъ, созданіе новыхъ дворовъ было въ выгодахъ помѣщика, равно какъ и наложеніе на обязанность двора обработки возможно большаго количества земли, чтобы земля не пустовала. Наоборотъ, для крестьянъ, плоды труда которыхъ шли не въ ихъ пользу, а въ пользу помѣщика, было легче жить однимъ дворомъ, большою семьею, такъ какъ при этомъ сравнительно меньше работы приходилось на душу.

Теперь, какъ-бы великъ ни былъ приростъ населенія, количество надѣльной земли остается то-же. Напр. дѣдъ, который въ 1861 году имѣлъ 2-хъ сыновей, получилъ на-

дѣлъ на три души (по количеству десятинъ меньше, чѣмъ имѣлъ въ пользованіи при крѣпостномъ правѣ); послѣ надѣла у него родился еще сынъ; когда дѣдъ умеръ, на участкѣ остались три его сына, у которыхъ по двое, по трое, сыновей у каждаго. Подрастаютъ на трехъ - душевомъ надѣлѣ до 10 внуковъ, нѣкоторые изъ нихъ родились въ городѣ, гдѣ отецъ служилъ въ дворникахъ, или на фабрикѣ—развѣ похожъ этотъ составъ семьи на тотъ, который былъ при дѣдѣ? При крѣпостномъ правѣ большая семья никогда не обращалась въ *слишкомъ* большую семью, а понятіе и чувство собственности на землю не могло развиваться у крестьянъ, такъ какъ у нихъ не было права собственности на землю [1]), теперь у всѣхъ членовъ двора развивается если еще не понятіе, то уже чувство собственности на землю, которую они выкупаютъ своими трудовыми деньгами, а возрастанію числа членовъ семьи никакого предѣла нѣтъ.

Юридическая природа крестьянскаго двора во времена крѣпостного права была совершенно ясна: кому принадлежало имущество двора?—помѣщику, какъ и сами крѣпостные; въ чьемъ пользованіи оно находилось?—въ пользованіи всѣхъ членовъ двора; а кто распоряжался этимъ имуществомъ?—старшій въ домѣ, поставленный помѣщикомъ, домохозяинъ. Въ періодъ временно обязанныхъ отношеній земля опять-таки принадлежала помѣщику, находилась въ пользованіи двора, а распоряженіе принадлежало домохозяину, надъ которымъ еще висѣла вотчинно-полицейская власть помѣщика (общ. пол. ст. 18).

Съ переходомъ на выкупъ, по закону собственникомъ подворнаго участка становился домохозяинъ, собственникомъ усадьбы при общинномъ землевладѣніи или домохозяинъ, или сельское общество, смотря по тому, кѣмъ она выкупалась (пол. выкуп. ст. 9, 17, 18, 160); въ послѣднемъ случаѣ, право собственности общества было ограничено потомствен-

---

[1]) Крестьяне государственные жили на казенныхъ земляхъ, слѣдовательно, и въ ихъ юридическомъ быту не представлялось необходимыхъ элементовъ для развитія понятій о собственности. С. В. Пахманъ. Обычное гражд. право т. I, стр. 3.

нымъ пользованіемъ двора, именемъ котораго распоряжался все таки домохозяинъ. *Пользованіе* землею и имуществомъ совмѣстно, въ составѣ цѣлаго двора,—явленіе вполнѣ доступное юридическому пониманію, вполнѣ возможное на практикѣ, особенно если регуляторомъ этого пользованія является домохозяинъ—распорядитель, но владѣніе землею въ составѣ двора на правѣ *собственности*—это нѣчто несообразное съ юридическимъ пониманіемъ, съ сущностью правопорядка.

Какъ ни важны соображенія о необходимости обезпеченія быта крестьянъ-земледѣльцевъ путемъ предупрежденія отчужденія ими надѣльной земли и семейныхъ раздѣловъ, однако соображенія эти должны диктовать законодателю только такія мѣры, которыя совмѣстимы съ правомъ и правопорядкомъ. Мѣры, идущія въ разрѣзъ съ правосознаніемъ, съ потребностью культурнаго народа руководствоваться въ жизни принципами права, никогда не могутъ принести той пользы, ради которой изданы. Напротивъ того, вызывая противодѣйствіе населенія, они требуютъ какъ съ его стороны, такъ и со стороны примѣнителей закона, затраты силъ на борьбу, затраты совершенно безполезной, такъ какъ въ концѣ концовъ населеніе найдетъ средства обойти несправедливый съ его точки зрѣнія законъ, но вмѣсто любви и довѣрія къ закону на него ляжетъ подозрѣніе и ненависть.

Однако, не придавая рѣшающаго значенія цѣлямъ утилитарнымъ, постараемся разобраться, можно-ли путемъ законодательнаго признанія крестьянскаго имущества принадлежащимъ не лично домохозяину, а особому коллективному субъекту—двору, способствовать упроченію благосостоянія крестьянъ: уменьшить раззорительное вліяніе семейныхъ раздѣловъ, обезпечить землею всѣхъ членовъ семьи, предупредить отчужденіе земли крестьянами?

Можно-ли признаніемъ надѣльной земли (усадьбы или подворнаго участка) собственностью крестьянскаго двора предупредить семейные раздѣлы? На этотъ вопросъ мы съ полнымъ убѣжденіемъ отвѣчаемъ отрицательно. Вѣдь раздѣлы вызываются такими сложными и глубокими причинами, что никакія мѣры не могутъ удержать отъ нихъ крестьянъ. Правда, можетъ

быть вопросъ о разныхъ послѣдствіяхъ раздѣла при той или другой постановкѣ вопроса о собственникѣ земли, но съ точки зрѣнія этихъ послѣдствій всѣ преимущества на сторонѣ признанія земли собственностью домохозяина, а не двора. Домохозяинъ-собственникъ властенъ выдѣлить или невыдѣлить часть своего имущества уходящимъ со двора членамъ семьи, и если выдѣлъ повредитъ его хозяйственному благосостоянію—онъ откажетъ въ выдѣлѣ. При собственникѣ-дворѣ каждый его членъ-соучастникъ въ пользованіи общею собственностью, и трудно отказать ему въ выдѣлѣ части, если онъ уходитъ со двора; самый отказъ его отъ права пользованія имуществомъ двора составляетъ извѣстное обогащеніе прочихъ членовъ, а по общему принципу права всякое обогащеніе на чужой счетъ требуетъ компенсаціи. Также точно и въ случаѣ смерти домохозяина-собственника отъ него зависитъ передать землю тому или другому наслѣднику въ цѣломъ составѣ надѣльнаго участка, завѣщавъ другимъ наслѣдникамъ иныя цѣнности, или даже лишивъ ихъ наслѣдства; если-же собственникъ—крестьянскій дворъ, то по смерти домохозяина трудно отказать прочимъ членамъ двора въ правѣ произвести между собою полюбовный раздѣлъ. Поэтому, если съ точки зрѣнія агрономической и экономической желательна нераздѣльность крестьянскихъ подворныхъ участковъ и усадебъ, то этой цѣли болѣе способствуетъ признаніе единоличной гражданской собственности домохозяина, чѣмъ коллективной —крестьянскаго двора.

Можно ли установленіемъ института собственности крестьянскаго двора обезпечить землею всѣхъ его членовъ? Очевидно нѣтъ, потому что населеніе естественнымъ образомъ растетъ, семьи съ каждымъ поколѣніемъ увеличиваются и участокъ, который обезпечивалъ одного дѣда, не можетъ уже обезпечить десятерыхъ внуковъ. Если же задаться вопросомъ, при собственности-ли домохозяина или двора будетъ легче каждому поколѣнію обезпечить приростъ слѣдующаго поколѣнія прикупкою земли или другимъ способомъ, то и здѣсь преимущества окажутся на сторонѣ первой формы. Не говоря уже о томъ, что у всѣхъ культурныхъ народовъ, а въ томъ

числѣ и у всѣхъ слоевъ русскаго народа, выработалась именно эта форма, выработывающаяся уже и у крестьянъ-земледѣльцевъ, нельзя не замѣтить, что домохозяинъ-отецъ по естественному чувству любви къ дѣтямъ стремится всѣхъ ихъ такъ или иначе поставить на ноги: любимцы и ненавистныя дѣти—исключеніе, а не общее правило; напротивъ того, домохозяинъ—распорядитель крестьянскаго двора, состоящаго изъ лицъ, связанныхъ разными степенями родства, естественно будетъ радѣть въ пользу болѣе близкихъ, въ ущербъ болѣе отдаленнымъ родственчикамъ, а послѣдніе захотятъ вознаградить себя вырываніемъ кусковъ. Вмѣсто дружной заботы кровной семьи объ обезпеченіи по очереди каждаго изъ дѣтей, въ сводномъ дворѣ неизбѣжна постоянная война изъ за имущества, оканчивающаяся лишь съ полнымъ раззореніемъ общаго хозяйства.

Можно ли, наконецъ, предупредить установленіемъ собственности крестьянскаго двора—отчужденіе крестьянами своихъ земель, влекущее за собою обезземеленіе земледѣльцевъ и земледѣльческій пролетаріатъ? Утвердительный отвѣтъ, столь часто даваемый на этотъ вопросъ, представляетъ собою слѣдствіе лишь поверхностнаго отношенія къ дѣлу. Обыкновенно говорятъ, что жена и дѣти противятся отчужденію земли, удерживаютъ мужа и отца отъ ея продажи, но не имѣютъ въ своихъ рукахъ юридическихъ средствъ, и потому всѣ ихъ старанія не достигаютъ успѣха; надѣлъ продается, закладывается, отдается въ долгосрочную аренду.

Бытовая картина дѣйствительно часто такова, но можно ли на ней остановиться, не вникая въ сущность явленія, не задумываясь надъ его причинами. Когда у крестьянина въ голодный годъ падаетъ корова,—голоситъ и причитаетъ жена, плачутъ вслѣдъ за нею дѣти, но слѣдуетъ ли изъ этого, что если бы не хозяинъ, а его семья распоряжались пахотою и косьбою, то во дворѣ было бы больше и сѣна и соломы? Также точно, если семья умоляетъ мужика не бросать землю, упрекаетъ его и коритъ, когда земля отчуждена,—то это еще не значитъ, что семья могла бы предупредить хозяйственную необходимость продажи или сдачи въ аренду надѣла. Иногда лучше

во время продать землю съ вольной руки, если обстоятельства складываются туго и приближается призракъ продажи ея съ публичнаго торга. Лучше отдать землю въ аренду, даже бросить ее и уйти на заработки въ городъ, если земля, несмотря на изнуряющій трудъ, перестала кормить земледѣльца. Если невѣжество, правовая безпомощность, а частью общія экономическія условія приводятъ крестьянъ къ раззоренію и упадку духа, то никакія постановленія законодательства не спасутъ ихъ отъ неизбѣжнаго послѣдствія раззоренія—фактическаго обезземеленія: будетъ ли земля крестьянами продана, сдана въ аренду или просто брошена—все равно они станутъ пролетаріями. Ограниченіе права домохозяина въ свободномъ распоряженіи своею собственностью, необходимое только въ случаѣ недѣеспособности или расточительности, во всѣхъ остальныхъ случаяхъ можетъ скорѣе принести вредъ, чѣмъ пользу семьѣ: извѣстно, что одинъ плохой хозяинъ лучше ведетъ хозяйство, чѣмъ нѣсколько хорошихъ сохозяевъ. Если члены семьи не будутъ вмѣшиваться въ повседневныя хозяйственныя распоряженія домохозяина, то и въ день продажи они будутъ поставлены лицомъ къ лицу съ неизбѣжностью неожиданнаго для нихъ факта. Если же члены семьи будутъ вмѣшиваться въ распоряженія хозяина, то естественнымъ послѣдствіемъ явится семейный разладъ, при которомъ хозяинъ весьма часто сознательно и умышленно можетъ вести семью къ раззоренію.

Часто, требуя особой опеки для крестьянъ, пропивающихъ и разматывающихъ свое имущество, закрываютъ глаза на то, что и въ средѣ прочихъ сословій не мало лицъ, пропившихъ и проигравшихъ въ карты свое родовое достояніе, пустившихъ по міру свои семьи, или еще продолжающихъ влачить существованіе только благодаря казеннымъ вспомоществованіямъ разнаго рода. Почему же въ видахъ предупрежденія обезземеленія и разоренія проектируютъ мѣры только для крестьянъ, а не для всего русскаго народа?

Семейныя отношенія русскихъ крестьянъ, какъ и всѣхъ вообще людей, сфера болѣе нравственнаго, чѣмъ правового

порядка. Вторженіе въ эти отношенія закона, детальная ихъ регламентація имѣли бы несомнѣнно весьма печальныя послѣдствія, совершенно противоположныя тому, въ чемъ нуждается наше крестьянство. Съ его невѣжествомъ надо бороться распространеніемъ просвѣщенія, съ его безправіемъ— пожалованіемъ ему гражданскаго правопорядка: это подниметъ производительность его труда, возвыситъ благосостояніе и только при этихъ условіяхъ и на почвѣ гражданскаго права, возможно будетъ принятіе нѣкоторыхъ спеціальныхъ мѣръ предупрежденія обезземеленія.

XI.

Вопросъ о желательности или нежелательности законодательнаго установленія правила о принадлежности подворнаго участка, равно какъ и усадьбы—крестьянскому двору, а не домохозяину—долженъ быть рѣшенъ всецѣло на почвѣ гражданскаго права. На этой почвѣ слѣдуетъ подвергнуть вопросъ о крестьянскомъ дворѣ самому строгому испытанію, чтобы судить о его жизнеспособности въ правовомъ государствѣ. Если бы даже соображенія фискально-полицейскаго удобства и пользы были за принципъ собственности двора, то рѣшающее значеніе все таки должно принадлежать не имъ, но болѣе широкимъ соображеніямъ правопорядка, какъ основнаго начала современнаго государства.

Единоличной собственности домохозяина можно противопоставить или общую собственность всѣхъ членовъ двора, или собственность двора, какъ лица юридическаго, подъ которымъ можно понимать либо корпорацію, либо учрежденіе [1]) или, наконецъ, собственность двора, какъ сообщества, подобнаго русской артели или нѣмецкой Gemeinschaft, о которой говоритъ г. Гуляевъ [2]).

Наиболѣе близко къ обычному праву предположеніе о существованіи общей собственности всѣхъ членовъ двора на

---

[1]) Ср. O. Gierke. Deutsches Privatrecht, 1 B. Leipzig 1895. Verbandspersönlichkeit (Körperschaften, Anstalten)—s. 474.

[2]) Тамъ же, s. 660.

землю, но въ дѣйствительности оно оправдывается лишь относительно сводныхъ семей, состоящихъ изъ родственниковъ разныхъ степеней, происшедшихъ отъ одного общаго родоначальника. Въ простой семьѣ, состоящей изъ родителей и дѣтей—неоткуда взяться началу общей собственности и такимъ образомъ это начало во первыхъ не составляетъ сущности всякаго крестьянскаго двора, а во вторыхъ наличность его въ нѣкоторыхъ дворахъ выводится изъ сонаслѣдованія ихъ членовъ въ имуществѣ общаго родоначальника, и не имѣетъ самостоятельнаго значенія. Признать всѣхъ дѣтей, съ самаго ихъ рожденія, совладѣльцами отца—значитъ поставить главу семьи по отношенію къ дѣтямъ въ положеніе управляющаго по довѣренности общимъ имуществомъ, со всѣми вытекающими изъ этого положенія послѣдствіями, другими словами упразднить родительскую власть и дѣтей поставить выше отца.

Если признать, что всѣ лица, входящія въ составъ крестьянскаго двора составляютъ корпорацію, которой принадлежитъ имущество, то прежде всего придется отступить отъ общепринятаго правила о томъ, что пріемъ новыхъ членовъ и исключеніе членовъ опороченныхъ зависитъ отъ самой корпораціи. Члены этой своеобразной корпораціи, по общему правилу, были-бы членами par droit de naissance; несовершеннолѣтніе члены, очевидно, не имѣли бы голоса въ этой корпораціи, а можетъ быть ихъ голоса принадлежали-бы de jure ихъ родителямъ или опекунамъ; за совершеннолѣтними пришлось бы признать право голоса по всѣмъ вопросамъ, и прежде всего право избранія домохозяина, старшаго члена, дѣйствующаго отъ имени корпораціи. Два сына по числу голосовъ получили бы перевѣсъ надъ отцомъ, если же признать равенство обоихъ половъ, то женатый сынъ получитъ возможность при помощи голоса своей жены немедленно устранить отъ управленія хозяйствомъ своего вдоваго отца. Мы нарочно беремъ для примѣра случаи, когда семья состоитъ только изъ родителей и дѣтей, чтобы нагляднѣе указать, насколько корпоративное начало упраздняетъ семейное, но сущность дѣла остается тою же и при сложной семьѣ: умираетъ общій родоначальникъ, оста-

вивъ трехъ женатыхъ сыновей, изъ которыхъ у двухъ уже взрослыя дѣти; семеро дѣтей могутъ сговориться выбрать домохозяиномъ кого-либо изъ себя, устранивъ своихъ отцовъ, даже если за отцовъ будутъ и матери. Еще легче младшему брату при помощи племянниковъ устранить старшаго. Къ существующимъ нынѣ раздорамъ семейнымъ несомнѣнно прибавятся интриги и происки, присущіе корпораціямъ. Каждый избранный домовладыка, „калифъ на часъ", еще болѣе, чѣмъ нынѣшній домохозяинъ въ сложной семьѣ, будетъ расхищать въ свою пользу корпоративное имущество, а воля большинства замѣнитъ собою всякое право, всякій судъ, всякія семейныя чувства между членами двора. Семья дѣйствительно, какъ замѣтили нѣкоторыя губернскія совѣщанія, превратится въ коммуну.

Если признать крестьянскій дворъ учрежденіемъ, которому принадлежитъ имущество съ извѣстною цѣлью:—обезпечить группу крестьянъ землею, то можно устранить этимъ неудобства, вытекающія изъ признанія равенства всѣхъ членовъ двора, выбирающихъ домохозяина, а этого послѣдняго признать безконтрольнымъ распорядителемъ имущества въ интересахъ всей группы, или вмѣнить ему въ обязанность спрашивать согласіе членовъ двора на отчужденіе и залогъ имущества. Но кого же назначить домохозяиномъ? И кому предоставить право его назначенія? Единственный отвѣтъ, который можетъ послѣдовать на эти вопросы, легко предвидѣть, если прислушаться къ тону отвѣтовъ губернскихъ совѣщаній, стоящихъ за собственность двора:—предоставить земскому начальнику право назначать домохозяевъ по своему усмотрѣнію, а негодныхъ смѣнять—тоже по своему усмотрѣнію. При негодности отца домохозяиномъ можетъ быть назначенъ сынъ, даже младшій сынъ, если онъ представляется земскому начальнику наиболѣе годнымъ. Семейное начало уступаетъ мѣсто административному, и если при корпоративномъ устройствѣ домохозяинъ будетъ хотя до извѣстной степени вынужденъ дѣйствовать въ интересахъ большинства членовъ двора, его избравшихъ, при админи-

стративномъ его назначеніи онъ и этимъ не будетъ связанъ. Семья превратится въ казарму.

Gemeinschaft zur gesammten Hand, какъ она формулирована г. Гуляевымъ, воспроизводя нѣкоторыя черты артельной концепціи семьи, о которой мы говорили выше, представляетъ сравнительно съ двумя, только что очерченными типами, то громадное преимущество, что она, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, не упраздняетъ для крестьянъ всю сферу семейственнаго права, хотя и вноситъ въ нее, какъ уже замѣчено проф. Пахманомъ, чуждые элементы. Тогда какъ при корпоративной и административной организаціяхъ крестьянскаго двора должны обратиться въ ничто всѣ узы родства, брака, родительская власть и семейственныя права и обязанности, какъ личныя такъ и по имуществу, артельныя формы сообщества не предполагаютъ ломки всѣхъ естественныхъ отношеній, возникающихъ изъ брака, рожденія дѣтей и родства. Въ сущности только съ подобною формою организаціи двора, какъ собственника земли, можно серьезно считаться, только эту форму могло имѣть въ виду Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, спрашивая губернскія совѣщанія: желательно-ли ввести въ законъ установленное толкованіями Правительствующаго Сената правило о принадлежности подворнаго участка цѣлому двору. Поэтому на юридическомъ анализѣ этой формы мы остановимся нѣсколько подробнѣе.

Собственникомъ имущества является дворъ, но если невозможна концепція двора ни какъ совладѣнія общимъ имуществомъ, ни какъ корпораціи, ни какъ учрежденія, то какова же юридическая сущность этого субъекта права, называемаго дворомъ? Сообщество, состоящее изъ домохозяина и членовъ, отвѣчаетъ г. Гуляевъ, которые всѣ владѣютъ сообща имуществомъ pro indiviso, всѣ имѣютъ право на участіе въ пользованіи надѣломъ. Однако доля участія каждаго члена въ этомъ пользованіи опредѣляется по усмотрѣнію домохозяина и отъ домохозяина же зависитъ принятіе новыхъ членовъ во дворъ. Если домохозяинъ приметъ двухъ новыхъ членовъ и прикажетъ прочимъ членамъ по-

ступиться своими долями—допустимъ ли споръ о правѣ между домохозяиномъ, старыми и новыми членами? Очевидно нѣтъ, усмотрѣніе домохозяина все покрываетъ. Кто не слушается домохозяина, противъ того онъ властенъ употребить силу, и если онъ идетъ противъ сильнѣйшихъ членовъ двора за интересы слабѣйшихъ, къ его услугамъ должна быть предоставлена внѣшняя сила.

Кто же самъ домохозяинъ и гдѣ гарантія, что онъ не будетъ дѣйствовать исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ? Домохозяиномъ является тотъ членъ двора, который несетъ отвѣтственность за отбываніе повинностей и уплату сборовъ, говоритъ г. Гуляевъ. Отвѣтъ совершенно логичный для защитника института крестьянскаго двора: на первомъ мѣстѣ не интересы живыхъ людей, а дворъ какъ тягловая единица. Въ переводѣ на житейскій языкъ это значитъ вотъ что: хозяйничалъ крестьянинъ на своемъ участкѣ, пока выбился изъ силъ и попалъ въ недоимщики; а въ ту пору другой членъ двора, который не порывалъ прочной связи съ дворомъ, такъ какъ лѣтомъ ходилъ на заработки, а зимой жилъ на хлѣбахъ во дворѣ,—достаетъ прикопленныя денежки и объявляетъ, что готовъ принять на себя отвѣтственность за отбываніе повинностей и уплату сборовъ.... и становится домохозяиномъ. Возможенъ ли между старымъ домохозяиномъ и новымъ споръ о правѣ? Хотя бы о правѣ быть домохозяиномъ? Очевидно нѣтъ: кто бы ни былъ призванъ рѣшить подобный споръ, его невозможно разрѣшить на почвѣ права, рѣшителемъ спора является опять таки сила, на этотъ разъ сила экономическая.

Родители передаютъ своимъ дѣтямъ по наслѣдству только званіе членовъ двора, но и этого права дѣти легко могутъ лишиться. Стоитъ овдовѣвшей матери ихъ вступить во второй бракъ и увести съ собой дѣтей во дворъ своего мужа, какъ они тѣмъ самымъ теряютъ свое право на участіе въ пользованіи имуществомъ двора своего отца и для возвращенія имъ этого права нужно особое соглашеніе. И обратно, если вдова, оставаясь съ дѣтьми своего покойнаго мужа въ его дворѣ, выходитъ замужъ и ея второй мужъ поселяется въ

томъ же дворѣ со своими дѣтьми, то эти послѣдніе становятся такими же членами двора, какъ и дѣти вдовы отъ перваго ея брака. Долю участія тѣхъ и другихъ дѣтей въ пользованіи имуществомъ двора опредѣлитъ самовластная рука домохозяина, который приходится отчимомъ для однихъ, отцомъ для другихъ [1]). Спору о правѣ между домохозяиномъ и дѣтьми покойнаго домохозяина нѣтъ мѣста.

Членамъ двора г. Гуляевъ предоставляетъ одно реальное право: не соглашаться на отчужденіе и сдачу въ аренду имущества двора. Veto одного члена, останавливаетъ сдѣлку, несмотря на желаніе домохозяина и согласіе всѣхъ остальныхъ членовъ. Возможно-ли на практикѣ подобное теоретическое положеніе? Если протестантъ состоятельный человѣкъ, ему незачѣмъ не соглашаться на отчужденіе, ему выгоднѣе согласиться и купить участокъ, если-же онъ къ покупкѣ участка не состоятеленъ, то къ чему поведетъ его протестъ? Или прочимъ членамъ прійдется покупать его согласіе въ ущербъ своимъ интересамъ, или-же разстроится выгодная продажа къ общему ущербу и безъ всякаго выигрыша для протестовавшаго. Но если еще такъ или иначе право несогласія на отчужденіе участка можетъ имѣть кое какіе результаты, то несогласіе одного изъ членовъ на сдачу его въ аренду никакихъ результатовъ имѣть не можетъ. Стоитъ домохозяину, съ согласія остальныхъ членовъ, сдать землю въ аренду, за исключеніемъ небольшой доли, выдѣленной имъ въ пользованіе несогласнаго члена, и этотъ послѣдній будетъ лишенъ всякой возможности отстаивать свое право, не имѣя повода для иска. Все, что остается въ его власти, это обратиться къ содѣйствію силы и притомъ убѣждать эту силу не въ своемъ правѣ, а въ своей способности стать домохозяиномъ и распоряжаться участкомъ, не сдавая его въ аренду, не продавая его на сторону.

Болѣе правовой характеръ, но и то лишь съ перваго взгляда, имѣетъ несогласіе на предложеніе домохозяина продать или сдать

---

[1]) А. М. Гуляевъ, Крестьянскій дворъ. Жур. Мин. Юст., апрѣль 1899 г. стр. 81, 82.

землю въ аренду всѣхъ остальныхъ членовъ двора или ихъ большинства. Но домохозяинъ на ихъ несогласіе можетъ отвѣтить репрессаліями: уменьшеніемъ долей ихъ пользованія, принятіемъ покупщика въ члены двора и, наконецъ, передачею послѣднему, какъ состоятельному человѣку, отвѣтственности за отбываніе податей и уплату сборовъ, другими словами власти домохозяина. Чтобы предупредить этотъ оборотъ дѣла несогласные на отчужденіе или аренду члены двора должны выставить изъ своей среды претендента на власть домохозяина, и такимъ образомъ споръ неминуемо переносится на вопросъ: кому быть домохозяиномъ, а этотъ вопросъ на почвѣ права, какъ уже выше сказано, разрѣшить возможности нѣтъ.

Всѣ приведенныя нами частныя доказательства неправомѣрности отношеній, вытекающихъ изъ организаціи крестьянскаго двора, какъ сообщества по образцу германской Gemeinschaft или русской артели, приводятъ къ болѣе общему вопросу, о правомѣрности самой этой организаціи. Въ дѣйствительности она представляетъ изъ себя межеумокъ, образовавшійся изъ неудачнаго сочетанія элементовъ юридическаго лица, совладѣнія имуществомъ и договора товарищества. Договорное начало, составляющее сущность артели и современныхъ формъ нѣмецкой Gemeinschaft zur gesammten Hand, и вполнѣ объясняющее всѣ своеобразныя отношенія между ихъ членами, опредѣляющее полномочія ихъ представителей, создающее самый органъ представительства,—въ организаціи крестьянскаго двора совершенно отсутствуетъ: члены его соединены между собою не договоромъ, а узами родства и брака, отношенія между ними опредѣляются голосомъ крови; принятіе во дворъ постороннихъ лицъ совершается тоже не на договорномъ началѣ, а въ подражаніе родству; поэтому и отношенія къ пріемнымъ членамъ устанавливаются по типу родственныхъ. Власть домохозяина, какъ главы семьи, въ своемъ принципѣ отличается отъ власти артельнаго старосты, какъ власть по собственному праву отъ власти договорной. Насколько логично сохраненіе за собою извѣстныхъ правъ участниками артельнаго или другого товарищескаго договора, безъ предоставленія ихъ уполномоченному пред-

ставителю, настолько же необосновано существованіе у членовъ семьи какихъ-либо правъ, ограничивающихъ свободное распоряженіе домохозяина имуществомъ семьи. Откуда эти права, если члены семьи не заключали никакого договора съ главою семьи?

Кромѣ договора, подобныя права могутъ истекать или изъ признанія имущества двора общею собственностью его членовъ, или изъ взгляда на него, какъ на имущество юридическаго лица. Но останавливаясь на первомъ положеніи, нельзя не замѣтить, что при общемъ владѣніи всѣ его участники занимаютъ равное положеніе и власть домохозяина можетъ быть обоснована только на согласіи всѣхъ, на договорѣ довѣренности съ каждымъ владѣльцемъ въ отдѣльности, причемъ каждый совладѣлецъ въ любой моментъ можетъ взять ее обратно. Но съ подобными отношеніями совершенно несовмѣстима господствующая власть домохозяина, распоряжающагося самостоятельно общимъ имуществомъ, опредѣляющаго по своему усмотрѣнію долю участія каждаго и даже вводящаго по своему желанію новыхъ членовъ во дворъ. Такія широкія права, не основанныя на договорномъ началѣ, либо товарищества, либо довѣренности отъ совладѣльцевъ, могутъ принадлежать домохозяину только какъ органу юридическаго лица, называемаго дворомъ. Съ другой стороны, при конструкціи крестьянскаго двора, какъ юридическаго лица, совершенно нелогичнымъ и страннымъ является правило о необходимости согласія всѣхъ членовъ двора для отчужденія имущества, сдачи его въ аренду, или вообще для какого бы то ни было акта распоряженія: принципъ единогласія совершенно неумѣстенъ для опредѣленія воли юридическаго лица, будь-то корпорація или учрежденіе, и можетъ быть выведенъ только изъ начала общей собственности, въ которой каждому совладѣльцу принадлежитъ самостоятельно отъ другихъ вещное право на имущество, и право требовать выдѣла или раздѣла.

Наконецъ, ни съ какимъ изъ трехъ началъ, сплетенныхъ въ институтѣ крестьянскаго двора, на подобіе артели или Gemeinschaft, несовмѣстима та неопредѣленность, въ которой

оставляется вопросъ: кто, кѣмъ и какимъ порядкомъ долженъ быть признанъ домохозяиномъ? Способность вести хозяйство и нести отвѣтственность за повинности и сборы, причитающіеся съ имущества двора, не есть юридическое начало: для опредѣленія, обладаетъ-ли этою способностью данное лицо, или нѣтъ, не могутъ быть установлены въ законѣ разъ на всегда правила; ни наука права, ни опытность практическаго юриста не помогутъ разрѣшить этотъ вопросъ въ каждомъ данномъ случаѣ. Онъ рѣшается не на правовой почвѣ, а только на почвѣ цѣлесообразности, административнымъ усмотрѣніемъ, на основаніи неопредѣленныхъ и произвольныхъ данныхъ такъ называемаго житейскаго опыта. Юридическое значеніе могло-бы имѣть лишь установленіе того, въ какомъ порядкѣ долженъ быть разрѣшаемъ вопросъ о способности даннаго лица быть домохозяиномъ.

Ни начало довѣренности, ни начало выборности, ни принципъ признанія внѣшнею властью, очевидно, не могутъ имѣть мѣста при разрѣшеніи этого вопроса въ современномъ государствѣ, признающемъ семью, собственность и гражданское право основою соціальнаго строя.

Разъ крестьяне уже въ 1861 г. признаны субъектами гражданскаго права, съ распространеніемъ на нихъ общихъ постановленій о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ (ст. 21 общ. пол.), нынѣ-же признается необходимымъ построить личныя, семейныя и имущественныя отношенія крестьянъ на основахъ прочнаго правопорядка, то тѣмъ самымъ создана юридическая необходимость упразднить всѣ остатки патріархальной и фискально-полицейской концепцій крестьянскаго двора и устранить всякаго рода проекты конструкціи крестьянской семьи на какихъ либо иныхъ началахъ, кромѣ общихъ началъ современнаго правового строя. Что отжило свой вѣкъ, изжило свое содержаніе, того незачѣмъ задерживать только для крестьянъ. Какая форма семьи составитъ удѣлъ будущаго—это прежде всего намъ неизвѣстно, но лицамъ, изобрѣтающимъ тѣ или иные проекты семьи для крестьянъ, мы смѣло можемъ посовѣтовать встать на болѣе широкую, всесословную, общегражданскую точку зрѣнія, такъ какъ раз-

ное гражданское право для лицъ разныхъ сословій, классовъ, профессій—это пережитое явленіе прошлаго, а не знаменіе грядущаго.

Г. Гуляеву, который, привѣтствуя сенатскую практику по вопросу о крестьянскомъ дворѣ, повернувшую, по его мнѣнію, развитіе крестьянскаго права въ то русло, по коему оно протекало и у другихъ народовъ, прежде чѣмъ вылиться въ широкое море общегражданскаго оборота, заключаетъ, что развитіе правовыхъ институтовъ, какъ и natura—saltus non facit [1]) мы считаемъ долгомъ сказать, что сенатская практика, какъ видно изъ его-же статьи, не имѣетъ почвы въ правосознаніи крестьянства и не можетъ быть отождествляема съ развитіемъ правовыхъ институтовъ. Послѣднее-же, въ сферѣ крестьянскаго права, съ 1861 г. сдѣлало столько постепенныхъ шаговъ впередъ, что возвращеніе къ предлагаемой организаціи крестьянскаго двора, на началахъ Gemeinschaft zur gesammten Hand—было бы для него насильственнымъ скачкомъ назадъ. Говоря „было-бы", мы убѣждены, что этого не будетъ и не можетъ быть.

XII.

Въ правовомъ государствѣ нѣтъ мѣста для института крестьянскаго двора, какъ собственника надѣльной земли. Если кое-гдѣ и сохранились до сихъ поръ въ народномъ сознаніи патріархальные взгляды на крестьянскую семью и собственность—взгляды, съ которыми справедливый законодатель не можетъ не считаться,—то они ни въ коемъ случаѣ не должны служить препятствіемъ къ признанію въ законѣ собственникомъ имущества крестьянской семьи—ея главы, домохозяина, а это признаніе въ свою очередь не внесетъ никакой искусственной ломки въ народное правосознаніе, если наряду съ нимъ въ законѣ-же будутъ ясно и точно указаны предѣлы примѣненія обычнаго права въ семейно-имущественныхъ дѣлахъ. Въ сущности собственность двора это та юридическая

---

[1]) Тамъ-же стр. 98.

гипотеза, при помощи которой ея защитники стараются объяснить (дедуцировать) нѣкоторыя своеобразныя отношенія крестьянской семьи, но реальное значеніе имѣютъ только эти отношенія, а объясненіе ихъ вполнѣ возможно и безъ фикціи крестьянскаго двора.

Признаніе домохозяина единоличнымъ собственникомъ усадьбы и подворнаго участка, устанавливая его непосредственное вещное право на имущество, не предрѣшаетъ вопроса о его правовыхъ отношеніяхъ къ другимъ членамъ семьи, не препятствуетъ признанію за другими членами семьи даже такихъ правъ, которыя ограничивали-бы полноту правъ собственности домохозяина.

Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не остановиться на признаніи обычнымъ правомъ института семейной или родовой собственности на крестьянское имущество. Кто долженъ быть признанъ субъектомъ этой собственности? Если мы отвѣтимъ—семья, родъ, то снова станемъ передъ вопросомъ, какъ организовать правоотношенія между лицами, входящими въ составъ этого коллективнаго субъекта, и снова придемъ къ невозможности найти удовлетворительную его организацію; правда, современному гражданскому праву извѣстна организація родовой собственности какъ имущества, принадлежащаго юридическому лицу—роду, каковы въ русскомъ гражданскомъ правѣ маіораты и заповѣдныя имѣнія, назначеніе которыхъ—служить матеріальнымъ обезпеченіемъ именитыхъ дворянскихъ родовъ, точнѣе старшихъ представителей этихъ родовъ и ихъ семействъ, однако представленія обычнаго права крестьянъ далеки отъ такой концепціи родовой или семейной собственности. Они гораздо ближе къ институту родового имущества въ томъ видѣ, какъ онъ установленъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ (т. X ч. 1 изд. 1887 г., ст. 396, 399, 533[1] и слѣд., 967, 1068, 1346 и слѣд.), признающихъ субъектомъ права собственности на родовое имущество то лицо, къ которому оно поступило въ порядкѣ законнаго пріобрѣтенія. Почему не распространить на крестьянскія надѣльныя земли общихъ постановленій нашихъ гражданскихъ законовъ о родовыхъ имуществахъ, за-

противъ собственнику ихъ дареніе и завѣщаніе и предоставивъ членамъ семьи право выкупа? Почему не допустить и другихъ ограниченій правъ домохозяйна—собственника, если они установлены въ данной мѣстности нормами обычнаго права. Выше мы привели слова г. Чубинскаго о „дідызнѣ“ и „матерызнѣ“ у малороссовъ; проф. Пахманъ указываетъ, что по взглядамъ крестьянъ Владимірской и Московской губерній, наслѣдственное недвижимое имущество не подлежитъ вообще свободному распоряженію собственника [1]). Засимъ, мы неоднократно упоминали, что въ законѣ оставленъ открытымъ вопросъ, кому принадлежитъ право пользованія усадьбою и подворнымъ участкомъ, послѣ выкупа его домохозяиномъ въ свою собственность, принадлежитъ-ли оно всецѣло и неограниченно одному домохозяину или члены его семьи имѣютъ на него какія-либо права? Отвѣтъ на этотъ вопросъ тоже должно дать обычное право данной мѣстности. Наконецъ, необходимо распространить на крестьянъ общія постановленія гражданскаго права (нуждающіяся впрочемъ въ усовершенствованіи) о семейной опекѣ надъ собственникомъ въ случаѣ признанія его недѣеспособнымъ и въ частности расточительнымъ, устранивъ изъ этой области административное усмотрѣніе съ цѣлями фискально-полицейскими, выражающееся нынѣ въ правѣ общества назначать къ домохозяину опекуна и замѣщать его другимъ членомъ семьи не въ виду недѣеспособности, а въ виду накопившейся на немъ недоимки. Но всѣ эти ограниченія правъ собственника-домохозяина въ пользованіи и распоряженіи имуществомъ, имѣющія своимъ исходнымъ пунктомъ признаніе нѣкоторыхъ правъ на имущество за другими членами семьи, не измѣняютъ самого принципа единоличной собственности домохозяина, не вводятъ въ организацію крестьянской семьи чуждаго ей элемента юридическаго лица или артели. Семейная общность имущества въ порядкѣ пользованія имъ по обычаю совмѣстима съ единоличною собственностью домохозяина по закону; но если она охраняется лишь нормами обычнаго права, то поддерживается только тамъ, гдѣ она

[1]) Обычное гражданское право въ Россіи, т. I, стр. 26.

вытекаетъ изъ народнаго правосознанія, и не навязывается народу тамъ, гдѣ этому сознанію противорѣчитъ. Въ этомъ мѣстномъ значеніи обычая его громадное преимущество передъ закономъ.

Тоже, что мы сказали о семейной общности имущества, слѣдуетъ сказать и относительно значенія трудового начала въ распредѣленіи имущества семьи между ея членами. Въ крестьянской семьѣ, состоящей изъ мужа, жены и несовершеннолѣтнихъ дѣтей правовыя отношенія въ сущности ничѣмъ и не отличаются отъ семейныхъ отношеній лицъ другихъ сословій, какъ въ томъ случаѣ, когда жена и дѣти не имѣютъ собственнаго имущества, такъ и въ томъ, когда у жены или дѣтей есть отдѣльная собственность. Особенность крестьянскаго быта сказывается меньшимъ сравнительно съ другими сословіями развитіемъ личности, что при скудости матеріальныхъ средствъ и ограниченности потребностей влечетъ за собою сожительство большою семьею: при родоначальникѣ продолжаютъ жить женившіеся сыновья, иногда дочери вышедшія замужъ, ихъ дѣти, осиротѣвшіе родственники, пріемыши, и т. п. Отношенія въ такой семьѣ естественно усложняются, но пока живъ родоначальникъ семьи, собственникъ усадьбы, домохозяинъ—разобраться въ этихъ отношеніяхъ еще довольно легко. Сынъ-ли проситъ выдѣла у отца, ссылаясь на свою долговременную работу въ пользу семьи, дѣти-ли просятъ ихъ подѣлить вслѣдствіе возникшихъ между ними раздоровъ, отецъ-ли состарился и передалъ бремя хозяйства въ руки сына, поставленный-же сынъ не слушаетъ отца, или отецъ не доволенъ сыномъ—воля отца, какъ собственника, пока она не идетъ въ разрѣзъ съ обычнымъ правомъ, должна имѣть рѣшающее значеніе. Ограничить эту волю можно не во имя фикціи крестьянскаго двора, будь онъ юридическое лицо, сообщество или артель—даже не во имя факта общей работы членовъ семьи на общую пользу, а только во имя твердо установленнаго въ данной мѣстности юридическаго обычая, сознаніе котораго руководило членами семьи при ихъ работѣ на общую пользу и ясная норма котораго нарушается „самодурствомъ“ домохо-

зяина. Совершенно естественно, если въ средѣ крестьянъ, живущихъ тяжелымъ физическимъ трудомъ, выработались нормы обычнаго права, обезпечивающія за работникомъ извѣстное участіе въ пользованіи благами, составляющими результатъ его работы; естественно, что въ крестьянствѣ вырабатывается иной взглядъ на выдѣлъ отцомъ сына, работавшаго въ потѣ лица, чѣмъ въ помѣщичьемъ или купеческомъ быту, гдѣ взрослые сыновья рѣдко работаютъ на семью отца, или, наконецъ, въ средѣ чиновничества, въ средѣ людей свободныхъ профессій, гдѣ подобнаго явленія не замѣчается; но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы крестьянинъ-домохозяинъ не былъ достоинъ признанія такимъ-же собственникомъ своего недвижимаго имущества, какъ помѣщикъ, купецъ или чиновникъ. Обычное право можетъ ограничивать права домохозяина ради реально существующихъ интересовъ членовъ его семьи, ради пріобрѣтенныхъ ими, согласно воззрѣніямъ среды, субъективныхъ правъ, но не ради отвлеченнаго понятія двора, искусственно надѣленнаго фиктивными интересами и правами.

Послѣ смерти домохозяина-родоначальника нѣтъ мѣста собственности крестьянскаго двора, такъ же какъ и при его жизни. Кто-бы ни являлся наслѣдниками имущества по обычному праву, какъ-бы ни было установлено пользованіе наслѣдственнымъ имуществомъ, раздѣльно или сообща и въ какихъ доляхъ, иныхъ правъ, кромѣ наслѣдственныхъ, никто на имущество имѣть не можетъ. Институтъ наслѣдства—это неизбѣжное послѣдствіе институтовъ семьи и собственности, это ихъ производное понятіе, и пока наше право, какъ писанное, такъ и обычное, признаетъ семью и собственность,—отрицаніе института наслѣдства есть логическая несообразность. Если наслѣдники дѣлятъ между собою наслѣдство, или самъ наслѣдодатель раздѣлилъ его между ними по завѣщанію—вмѣсто одной семьи возникаетъ нѣсколько, мѣсто одного собственника заступаютъ нѣсколько собственниковъ. Если наслѣдники не дѣлятся, продолжаютъ жить вмѣстѣ, ведя одно земледѣльческое хозяйство—наступаетъ совладѣніе общимъ имуществомъ. Въ случаяхъ, когда покойный родоначальникъ

былъ женатъ нѣсколько разъ и усыновилъ дѣтей отъ прежняго брака своей жены, семейныя отношенія сонаслѣдниковъ въ особенности усложняются: наряду съ полными родственниками живутъ родственники единокровные, единоутробные, родственники по усыновленію, наконецъ, свойственники; старшія дѣти покойнаго наслѣдодателя уже имѣютъ своихъ дѣтей, а можетъ быть и внуковъ, тогда какъ младшія еще не пришли въ совершеннолѣтіе, иныя умерли и за нихъ, по праву представленія, участниками въ совладѣніи наслѣдствомъ являются ихъ дѣти. При такой сложности отношеній, очевидно, только въ рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, возможно продолжать общее владѣніе имуществомъ—или когда большинство совладѣльцевъ уходитъ въ заработки и живетъ на сторонѣ, предоставивъ кому нибудь сидѣть на скудномъ надѣлѣ и отбывать за него повинности, или когда среди членовъ семьи оказывается личность, выдающаяся своими нравственными качествами и хозяйственными способностями, авторитетъ которой импонируетъ остальнымъ членамъ. Кромѣ такихъ исключительныхъ случаевъ, нераздѣльное владѣніе наслѣдствомъ долго просуществовать не можетъ.

Нормы обычнаго права, создавшіяся въ той-же средѣ, гдѣ создались очерченныя нами сложныя семейно-наслѣдственныя отношенія, сохранившіяся тамъ, гдѣ еще не вымерли большія патріархальныя семьи, служатъ лучшимъ руководствомъ, чтобы разобраться по справедливости въ правахъ каждаго участника на общее наслѣдство, какъ при его раздѣлѣ, такъ и при совмѣстномъ пользованіи. Но эти нормы далеки отъ взгляда на общее имущество, какъ на имущество крестьянскаго двора, т. е. ничье изъ совладѣльцевъ. Послѣдній взглядъ, въ глубинѣ своего существа неправомѣрный, и не могъ возникнуть на почвѣ права, происхожденіе его коренится въ неправовомъ строѣ добраго стараго времени, когда преобладали надъ гражданскимъ правомъ фискально-полицейскія тенденціи, когда сами крестьяне не имѣли правъ, но признавались или объектами крѣпостного права помѣщиковъ, или объектами хозяйственныхъ заботъ государства, какъ хозяина казенныхъ земель. Воскрешеніе этого непра-

вомѣрнаго взгляда на крестьянскую собственность нашею судебною и административною практикою, поддержанною въ восьмидесятыхъ годахъ рѣшеніями Правительствующаго Сената, не могло не внести смуты въ правосознаніе крестьянъ, налегло тяжелымъ кошмаромъ на сознаніе даже просвѣщенныхъ юристовъ, запутало простой вопросъ, создало путаницу семейно-имущественныхъ отношеній крестьянъ, разобраться въ которой на началахъ права, пожалуй, не всегда уже возможно. При дальнѣйшемъ существованіи этой путаницы рѣшеніе семейныхъ вопросовъ крестьянъ неизбѣжно должно перейти въ руки административной власти земскихъ начальниковъ, облеченныхъ широкими полномочіями попечительнаго усмотрѣнія. Чтобы выйти изъ этого безправія и дать крестьянамъ прочный правопорядокъ, надо обезпечить имъ дарованныя законодательствомъ 19 февраля 1861 г., но отнятыя судебно-административною практикою, права имѣть семью и собственность на основаніи общихъ гражданскихъ законовъ и обычнаго права, отбросивъ фискально-полицейскую фикцію крестьянскаго двора.

М. Лозина-Лозинскій.

II.

О ДАРЕНІИ.

Дареніе есть актъ благожелательности. Безмездныя имущественныя дачи одобряются нравственнымъ закономъ, составляютъ часто нравственную потребность, а еще чаще составляютъ нравственную обязанность. Но законодательства съ давнихъ поръ иначе относятся къ даренію, регулируютъ его строгими законами, нерѣдко преслѣдуютъ. При этомъ указываются, конечно, и мотивы къ тому. Какіе это мотивы и насколько они основательны—объ этомъ удобнѣе будетъ сказать послѣ. Теперь же перейду къ разсмотрѣнію самаго института даренія.

Что такое дареніе?—Безвозмездная имущественная дача. Въ этихъ словахъ заключаются implicite всѣ признаки, которые приписываются даренію законодательствами, наукою, практикою. Въ самомъ дѣлѣ: такъ какъ дареніе есть дача, то на сторонѣ дарителя должно быть отчужденіе имущества; такъ какъ это имущество отчуждается безвозмездно, т. е. безъ полученія за него эквивалента, то на сторонѣ одаряемаго должно быть прибавленіе имущества; такъ какъ дареніе есть дача, то должно быть лицо, которому дается, причемъ это лицо должно взять себѣ это отчуждаемое въ его пользу имущество; значитъ, со стороны одаряемаго должно быть принятіе дара.

Необходимо разсмотрѣть всѣ эти признаки, опредѣлить

ихъ житейское значеніе и рѣшить вопросъ, насколько тѣ или другіе изъ нихъ необходимы для понятія даренія, т. е. составляютъ для наличности его conditio sine qua non.

Въ чемъ можетъ проявляться дареніе со стороны дарителя?—Господствующее мнѣніе говоритъ, что дареніе можетъ проявляться dando, obligando и liberando. Дареніе dando заключается въ перенесеніи на лицо вещныхъ и обязательственныхъ правъ. Поэтому сюда относится передача права собственности, сервитутныхъ правъ, правъ пользованія и извлеченія доходовъ и т. д., а также передача правъ требованій. Безвозмездное перенесеніе на лицо принадлежащаго дарителю права требованія къ третьему лицу есть, безъ сомнѣнія, дареніе dando.[1]) Сюда же нужно отнести отказъ отъ правъ, переходящихъ вслѣдствіе этого къ другому лицу.

Дареніе obligando состоитъ въ принятіи дарителемъ на себя какого либо обязательства предъ одаряемымъ. Этотъ видъ даренія можетъ состоять въ обязательствѣ *только* предъ лицомъ одаряемаго. Передача же одаряемому своего требованія къ третьему лицу не можетъ относиться сюда. Вслѣдствіе этого область даренія obligando представляется, сравнительно съ областью даренія dando, весьма ограниченною. Здѣсь дареніе принимаетъ видъ обязательства дарителя, которое нѣмцы называютъ Schenkungsversprechen. Выраженіе это, должно сказать, неудачное, ибо можетъ ввести въ заблужденіе. Schenkungsversprechen не есть обѣщаніе подарить, а есть обязательство, безвозмездно принятое на себя дарителемъ предъ одаряемымъ. Поэтому такое обязательство исполняется, въ случаѣ надобности, принудительно, какъ всякое другое обязательство, причемъ о дареніи тогда рѣчи быть не можетъ: роль даренія состояла въ отказѣ дарителя отъ эквивалента за свое обязательство и потому окончилась уже въ моментъ принятія на себя дарителемъ обязательства.

[1]) Неправильно, думаю я, относитъ Савиньи указанный случай къ даренію obligando, ибо даритель здѣсь ни къ чему не обязывается предъ одаряемымъ, а передаетъ ему свое имущественное право, т. е. право требованія. См. Syst. d. heut. röm. Rechts. B. IV, § 157.

Дареніе liberando состоитъ въ освобожденіи дарителемъ одаряемаго отъ обязательства его предъ самимъ дарителемъ или предъ третьимъ лицомъ.

Долженъ ли быть у дарителя animus donandi?—Объ этомъ будетъ рѣчь нѣсколько ниже.

Дареніе есть передача имущественныхъ правъ. Одаряемый долженъ получить даръ, долженъ его принять. Поэтому и требуютъ для того, чтобы даръ состоялся, принятія его одаряемымъ. Въ какой формѣ можетъ происходить это принятіе—увидимъ ниже.

Законодательства принимаютъ указанные признаки въ свои кодексы. Нѣкоторые даютъ опредѣленія даренія и указываютъ способы его осуществленія. Такъ ст. 1049 Саксонскаго гражданскаго уложенія называетъ дареніе сдѣлкой, по которой лицо безвозмездно и по щедрости предоставляетъ другому имѣющій имущественную цѣнность предметъ. Въ ст. 1050 указываются способы осуществленія даренія: предоставленіе имущества въ пользу другого, отказъ отъ права, освобожденіе отъ обязательства предъ третьими лицами, даровое веденіе дѣлъ лица, намѣренная уплата несуществующаго долга.

Прусскій ландрехтъ видитъ въ дареніи обязательство къ безвозмездной передачѣ собственности въ вещахъ и правахъ (I, II, § 1037).

Австрійское уложеніе признаетъ дареніемъ договоръ, которымъ вещь безвозмездно предоставляется (§ 938).

Въ Германскомъ гражданскомъ уложеніи дареніемъ считается дача, посредствомъ которой кто либо обогащаетъ другого изъ своего имущества, если стороны согласны относительно безвозмездности дачи (§ 516).

Французскій кодексъ гласитъ такъ: дареніе есть актъ, посредствомъ котораго даритель, нынѣ же и безвозвратно, лишаетъ себя даримаго предмета въ пользу одаряемаго, который его принимаетъ (ст. 894).

Изъ ст. 967 и сл. т. X ч. 1 явствуетъ, что у насъ дареніе есть безвозмездная дача и относится какъ къ движимымъ, такъ и къ недвижимымъ имуществамъ.

Кассаціонная практика въ существѣ согласна съ началами, высказываемыми прямо или подразумѣваемыми въ законѣ (касс. рѣш. 1871 г. № 928, 1875 г. № 473 и др.).

Если мы обратимся къ положеніямъ, которыя implicite заключаются въ указанныхъ основныхъ признакахъ даренія то мы встрѣтимся съ большими разногласіями.

Будетъ ли отчужденіе имущества всегда обѣднѣніемъ дарителя?—Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Дача для дарителя можетъ составлять облегченіе, освобожденіе отъ хлопотъ, отъ ненужныхъ расходовъ. Передаваемое имущество можетъ составлять обузу для дающаго. Слѣдовательно, въ такихъ случаяхъ, въ сравнительно болѣе рѣдкихъ, конечно, дарительное отчужденіе имущества можетъ и не сопровождаться обѣднѣніемъ дарителя. Стало быть, отчужденіе *всегда* имѣетъ мѣсто при дареніи, обѣднѣніе же можетъ и не быть, и отсутствіе послѣдняго не уничтожаетъ наличности даренія, если остальныя его признаки будутъ существовать.

Теперь слѣдуетъ остановиться на желаніи или намѣреніи подарить, animus donandi.

Если производится безвозмездная дача, то она не можетъ быть безъ намѣренія подарить: кто даетъ другому какое либо свое имущество и не требуетъ эквивалента за него, тотъ безъ сомнѣнія даритъ. Значитъ въ такомъ случаѣ animus donandi самъ собою предполагается. При этомъ безразличными будутъ цѣли дарителя, его надежды на наступленіе извѣстныхъ обстоятельствъ вслѣдствіе даренія. Даритель можетъ желать пріобрѣсти репутацію филантропа, онъ можетъ надѣяться на оказаніе ему одаряемымъ услугъ, онъ можетъ, наконецъ, питать къ одаряемому враждебное чувство и сдѣлать ему подарокъ въ надеждѣ причинить ему этимъ зло и т. д. Существенно то, что одаряемый, получая имущество, не обязывается къ дачѣ какого либо эквивалента. Поэтому, разъ дѣлается имущественная дача безъ полученія за нее эквивалента, слѣдуетъ признать дареніе, которое должно по этому подчиняться всѣмъ правиламъ о дареніи, какія въ законѣ существуютъ.

Дареніе должно быть учинено свободно, непринуж-

дено: всякое волеизъявленіе только и имѣетъ юридическія послѣдствія, когда будетъ сдѣлано не по принужденію. Что касается намѣренія обогатить одаряемаго, то это намѣреніе совпадаетъ съ намѣреніемъ подарить. Но будетъ ли это дареніе обогащеніемъ для одаряемаго—зависитъ отъ обстоятельствъ: подаренное имущество иногда можетъ составлять для одареннаго ненужную и убыточную обузу. Lucrativa causa принимается въ обыкновенномъ смыслѣ, какъ имѣющая мѣсто въ наибольшей части случаевъ. Если по исключенію не будетъ пріобрѣтенія ex luctativä causa, то это обстоятельство не мѣшаетъ принять наличность даренія. Мы увидимъ ниже, что основаніе для поворота въ извѣстныхъ случаяхъ дара не умаляется подведеніемъ подъ понятіе даренія исключительныхъ случаевъ, когда подаренное имущество можетъ принести лишь убытокъ, ибо въ такихъ случаяхъ не жаль одаренному и отдать его обратно.

На сторонѣ одаряемаго должно быть принятіе дара. Если онъ его не принимаетъ, то нѣтъ и даренія, такъ какъ даръ не можетъ быть навязываемъ. Но это принятіе даренія должно обсуждаться весьма свободно: оно можетъ быть выражено не только прямо и опредѣленно, но можетъ быть выведено и изъ конклюдентныхъ дѣйствій, можетъ быть выражено молчаливо, можетъ даже предполагаться, если ничѣмъ не выражено. Нужно только, чтобы не было выражено отказа отъ принятія дара, нежеланія принять его.

Дареніе подобно заемному обязательству должно быть признано одностороннимъ въ чистомъ видѣ договоромъ, такъ какъ здѣсь не требуется предварительно ничего со стороны одаряемаго: даритель, не желая получить отъ лица никакого эквивалента, передаетъ ему имущественное право. Если поэтому кто либо подпишетъ документъ, удостовѣряющій перенесеніе на лицо имущественнаго права, хотя бы послѣднее и не знало объ этомъ, то, получивъ документъ, это лицо имѣетъ безъ сомнѣнія право потребовать исполненія написаннаго въ документѣ. Если перенесено право собственности на извѣстное имущество, то

можетъ быть требуемо отъ дарителя это самое имущество подобно тому, какъ если совершено на имя одареннаго заемное письмо, то онъ можетъ требовать отъ дарителя означенной въ письмѣ суммы въ указанный въ немъ срокъ. Эти документы, написанные дарителемъ на имя одаряемаго, ничѣмъ не отличаются относительно предоставленныхъ послѣднему правъ, отъ обязательствъ, выданныхъ лицомъ за соотвѣтствующій эквивалентъ. Разница между ними заключается лишь въ настроеніи, предшествующемъ совершенію обязательства; въ одномъ случаѣ желаніе выдать обязательство обусловливалось полученіемъ эквивалента, въ другомъ же имѣлось желаніе выдать обязательство безъ эквивалента. Но разъ обязательство выдано, то оно уже подлежитъ сужденію на основаніи общихъ правилъ объ исполненіи обязательствъ.

Обратимся къ законамъ разныхъ странъ.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ чрезвычайно строгими правилами французскаго кодекса, на которыхъ и остановимся.

Актъ даренія долженъ быть совершенъ, какъ увидимъ, формальнымъ порядкомъ, причемъ принятіе дара должно быть прямо выражено одаряемымъ, en termes exprès (ст. 932). Простая подпись одаряемымъ акта недостаточна, она еще не дѣлаетъ самый актъ обязательнымъ для дарителя. Если одаряемый не будетъ присутствовать при совершеніи акта даренія, то онъ долженъ потомъ совершить особый формальный актъ, содержащій прямое выраженіе принятія имъ дара, причемъ этотъ актъ долженъ быть сообщенъ дарителю чрезъ пристава. Актъ даренія въ этомъ случаѣ будетъ обязателенъ для дарителя лишь съ момента этого сообщенія ему принятія дара. Актъ даренія можетъ быть совершенъ и на имя лишь зачатаго субъекта, но нужно, чтобы послѣдній родился жизнеспособнымъ (viable), причемъ даръ долженъ быть принятъ опекуномъ малолѣтняго, обязаннымъ совершить формальный актъ принятія и сообщить его дарителю (ст. 907). Изъ сказаннаго явствуетъ, что не можетъ имѣть силы принятіе даренія, хотя бы и выраженное одаряемымъ въ формальномъ актѣ, если вслѣдъ за этимъ дарителя не будетъ уже въ живыхъ, или

онъ сдѣлается недѣеспособнымъ, т. е. если ему не успѣли *сообщить* принятіе дара. Наслѣдники дарителя и одаряемаго не могутъ исправить формальнаго недостатка акта даренія (ст. 1339, 1340, Aubry et Rau). Слѣдовательно, смерть дарителя или одаряемаго до совершенія всѣхъ формальностей даренія лишаетъ послѣднее всякой силы [1]).

Строгости относительно установленія даренія на сторонѣ дарителя могутъ еще имѣть основаніе. Но строгости относительно принятія дара необъяснимы и выдуманы изъ ненависти къ дареніямъ и изъ нескрываемаго желанія создать болѣе шансовъ ничтожности дареній (Mourlon). Завѣщаніе не теряетъ силы, если послѣ совершенія его лицо сдѣлается недѣеспособнымъ, напримѣръ, впадетъ въ душевную болѣзнь. Правда, завѣщаніе дѣлается на случай смерти; но оно можетъ быть уничтожено до послѣдней минуты жизни завѣщателя. Если послѣдній сдѣлался недѣеспособнымъ, то онъ чрезъ это лишился возможности измѣнить или уничтожить свое распоряженіе, свою послѣднюю волю. Между тѣмъ это обстоятельство не лишаетъ силы его распоряженіе, разъ оно выражено въ здравомъ умѣ. Едва ли будетъ справедливо и согласно съ житейскими міровоззрѣніями дѣлать дарительное распоряженіе недѣйствительнымъ потому только, что запоздало принятіе дара. Практика старается противодѣйствовать этимъ строгостямъ, да и самъ законъ вынужденъ дѣлать отступленія отъ нихъ.

По Австрійскому кодексу (§ 939) требуется принятіе дара, но оно можетъ быть выражено словесно и даже молчаливо (Штубенраухъ).

По Саксонскому уложенію (ст. 1054) даренія посредствомъ перенесенія предмета даренія на одаряемаго, посредствомъ обѣщанія удовлетворенія и посредствомъ сложенія долга требуютъ принятія дара; во всѣхъ другихъ случаяхъ даренія принятія не требуется. Но и въ первыхъ случаяхъ принятіе можетъ быть выражено конклюдентными дѣйствіями (Зибенгааръ).

---

[1]) Спорно лишь распространеніе правила и на *сообщеніе* принятія дара.

Прусскій Ландрехтъ требуетъ принятіе дара (I, II, § 1058), но какъ намѣреніе подарить должно быть обсуждаемо строго, такъ принятіе дара должно быть обсуждаемо снисходительно. Поэтому послѣднее можетъ быть выражено и конклюдентными дѣйствіями (Förster).

По Германскому уложенію (§ 516) принятіе дара предполагается, а въ случаѣ сомнѣнія долженъ быть назначенъ одаренному срокъ для изъявленія согласія на принятіе дара. Молчаніе принимается за согласіе.

Отвергается необходимость принятія даренія и въ римскомъ правѣ, ибо принятіе дара ни къ чему не обязываетъ одаряемаго. Говорятъ, что принятіе дара требуется, ибо дареніе есть договоръ. Но вопросъ еще: договоръ ли дареніе? При традиціи, при стипуляціи нужно принятіе, ибо происходитъ это въ присутствіи одаряемаго. Въ другихъ же случаяхъ не требуется принятіе со стороны одаряемаго, ибо можно дарственно обязаться къ чему либо односторонне. Можно заплатить за другого donandi causa даже pro invito: solvendo quisque pro alio, licet invito et ignorante, liberat eum. L. 39 D. de neg. gest. 3, 5; Solutione, vel judicium pro nobis accipiendo, et inviti et ignorantes liberari possumus, L. 23 D. de solut.; 46, 3 (Мейерфельдъ).

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ даренію посвящены ст. 967—993. О принятіи дара говорится въ ст. 973 и 974. Даръ недѣйствителенъ, если отъ него отречется одаряемый, гласитъ ст. 973. Отсюда нельзя, конечно, выводить, что согласіе на принятіе должно быть прямо выражено. Говорится только, что даръ, принятый одаряемымъ, не возвращается. Но какъ должно быть выражено это согласіе на принятіе, въ законѣ не опредѣляется. Въ рѣшеніи гражд. кассац. департамента 1871 г. № 928 разъяснено, что дареніе есть правовая сдѣлка, для которой „необходимо соглашеніе воли двухъ сторонъ и предметъ которой составляетъ имущественное отчужденіе, посему дареніе и можетъ быть причислено къ договорамъ и принадлежитъ къ разряду договоровъ, которыхъ исполненіе состоитъ въ дачѣ имущественной, а не въ личномъ дѣйствіи“. Изъ этого рѣшенія, повидимому, слѣдуетъ,

что согласіе на принятіе даренія непремѣнно должно быть выражено прямо. Но область даренія въ этомъ рѣшеніи неправильно съужена: дареніе, сказано тамъ, состоитъ лишь въ имущественной дачѣ, а не въ личномъ дѣйствіи, между тѣмъ хотя въ законѣ и не выражена возможность даренія, состоящаго въ личныхъ дѣйствіяхъ, тѣмъ не менѣе таковое должно быть допущено. Подаренъ можетъ быть трудъ врача, техника и т. д. и притомъ трудъ, обыкновенно оплачиваемый, если уже понадобится такое свойство его при дареніи. Въ ст. 48 уст. о векс. предоставляется постороннему лицу заплатить за честь векселедателя или кого либо изъ надписателей. Значитъ, платежъ можетъ быть учиненъ и безъ вѣдома векселедателя. Уплатившій за честь послѣдняго имѣетъ право на взысканіе уплаченной суммы съ дѣйствительнаго должника по векселю. Но никто не мѣшаетъ ему произвести платежъ безвозмездно, не желая получить за это эквивалентъ. Слѣдовательно, дареніе можетъ быть произведено даже безъ вѣдома одаряемаго. Такъ какъ отсюда явствуетъ, что нашъ законъ не требуетъ непремѣнно согласія на принятіе дара или, по крайней мѣрѣ, не требуетъ прямого выраженія этого согласія, то принимая во вниманіе сущность даренія и отношеній, изъ которыхъ оно возникаетъ, слѣдуетъ, думаю я, согласиться съ Мейерфельдомъ въ томъ, что прямое выраженіе согласія на принятіе дара требуется лишь при традиціи, при стипуляціи, напримѣръ, у насъ при отчужденіи или обремененіи недвижимаго имущества, такъ какъ здѣсь законъ требуетъ совершенія акта предъ должностнымъ лицомъ и притомъ въ присутствіи обѣихъ сторонъ. Въ прочихъ же случаяхъ слѣдуетъ признать допущеніе закономъ выраженія согласія на принятіе дара всякими способами, даже молчаніемъ, а иногда такое согласіе должно предполагаться, пока не обнаружится нежеланіе принять даръ. Это слѣдуетъ признать какъ на основаніи общаго правила, что отъ даровъ не отказываются, такъ и на основаніи ст. 973, объявляющей недѣйствительность дара въ случаѣ отреченія отъ него, значитъ,—пока этого отреченія нѣтъ, даръ предполагается принятымъ. Для вящшаго убѣж-

денія въ правильности сказаннаго остановлюсь на дареніи, установляемомъ контрагентами въ пользу третьихъ лицъ. Даже французское законодательство дѣлаетъ здѣсь значительную уступку жизни.

Ст. 1121 французскаго кодекса говоритъ, что договаривающіяся стороны могутъ установить даръ въ пользу третьяго лица; выговорившій право не можетъ уничтожить эту часть договора, если третье лицо выразило желаніе воспользоваться ею (si le tiers a déclaré vouloir en profiter). Въ ст. 1165 сказано, что соглашенія (conventions) не даютъ правъ третьимъ лицамъ, исключая случая, предусмотрѣннаго въ ст. 1121. На основаніи этихъ статей отъ одаряемаго третьяго лица не требуется выраженія согласія на принятіе дара формальнымъ порядкомъ: согласіе здѣсь можетъ быть выражено всякими способами, даже безмолвно. Въ этомъ заключается отступленіе отъ правила, изложеннаго выше и требующаго выраженія согласія на принятіе въ формальномъ актѣ и притомъ точными и прямыми словами. Но приведенные законы толкуются еще такимъ образомъ, что право третьяго лица изъ договора возникаетъ немедленно по заключеніи его договаривающимися (Baudry, Aubry et Rau). Это выводится изъ конца ст. 1121, въ которой сказано, что стипулянтъ (выговорившій право въ пользу третьяго лица) не можетъ уничтожить пунктъ договора въ пользу третьяго лица, если послѣднее выразило желаніе воспользоваться выговореннымъ въ его пользу пунктомъ. Не требуется, говорятъ, ничего со стороны третьяго лица въ этомъ случаѣ, ибо стипуляція въ его пользу порождаетъ немедленно и непосредственно его право требованія изъ договора сторонъ. Другое толкованіе закона, говорятъ, не имѣло бы смысла. Если бы третье лицо могло получить право требованія изъ договора, въ которомъ оно не участвовало, лишь по принятіи дѣлаемаго ему въ этомъ договорѣ предложенія дара, то это не содержало бы въ себѣ ничего исключительнаго, слѣдовательно, подходило бы подъ общее правило ст. 1165, по которой договоры не могутъ установлять пользы или вреда для третьихъ лицъ. Но въ этой статьѣ именно сдѣлано исключеніе

для случая, указаннаго въ ст. 1121. Ergo—право третьяго лица изъ договора возникаетъ для него непосредственно.

По Саксонскому гражданскому уложенію третье лицо пріобрѣтаетъ право изъ договора, въ которомъ не участвовало, со времени принятія сдѣланнаго въ его пользу распоряженія (ст. 853—855).

По Прусскому Ландрехту (I, 5, § 75, 76) требуется отъ третьяго лица принятіе выговореннаго стипулянтомъ въ его пользу права. Третьему лицу заявляется объ этомъ и ожидается отъ него отвѣтъ.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ имѣется ст. 1547, которая признаетъ недѣйствительнымъ отказъ контрагента отъ своихъ правъ по договору, если этотъ отказъ учиненъ во вредъ третьему лицу. Значитъ, контрагенты могутъ быть связаны по отношенію къ третьему, неучаствовавшему въ договорѣ лицу, а это послѣднее значитъ можетъ пріобрѣсти извѣстныя права изъ чуждаго ему договора. Сенатская практика разъясняетъ эту статью въ томъ смыслѣ, что для третьяго лица можетъ возникнуть право требованія изъ договора, въ которомъ онъ не участвовалъ. Таковы рѣшенія 1873 г. № 1623, 1877 г. № 372, 1878 г. № 257. Если выговоренное въ пользу третьяго лица право будетъ для него дареніемъ, то спрашивается: когда наступаетъ для него право требованія изъ договора? Нѣтъ сомнѣнія, что заключившія договоръ стороны могутъ уничтожить этотъ договоръ, а съ нимъ и установленное въ пользу третьяго лица право. Но разъ третьему лицу сталъ извѣстенъ этотъ договоръ, то уничтоженіе его контрагентами уже недопустимо, ибо молчаніе извѣстившагося о существованіи этого договора третьяго лица должно быть признаваемо принятіемъ дара, доколѣ имъ не выражено будетъ отреченіе отъ него. Поэтому если контрагенты уничтожатъ въ это время свой договоръ и установленное ими въ пользу третьяго лица право, то это будетъ нарушеніемъ ст. 1547.

Все сказанное о принятіи дара даетъ возможность отвѣтить на вопросъ: какое значеніе имѣетъ здѣсь смерть дарителя или одареннаго?

Если лицо выразило свою волю подарить, т. е. перенести на другого какое либо имущественное право и это выраженіе воли лица сдѣлалось послѣднему извѣстно, то право на даръ должно почитаться возникшимъ, и если послѣ даритель умретъ, то это обстоятельство не можетъ умалить права одареннаго: онъ пріобрѣлъ уже подаренное ему. А если въ это время умретъ одаренный, то его наслѣдники будутъ имѣть право отъискивать подаренное имущество, т. е. требовать отъ дарителя подаренные предметы или осуществить свое кредитное требованіе.

Гдѣ въ системѣ слѣдуетъ помѣстить дареніе? Помѣщается институтъ въ отдѣлѣ о способахъ пріобрѣтенія собственности, въ общей части ученія объ обязательствахъ, въ ученіи о договорахъ, какъ одинъ изъ видовъ послѣднихъ. Думаю, что дареніе слѣдуетъ признать однимъ изъ видовъ договора и соотвѣтственно этому помѣстить его въ особенной части ученія о договорахъ, а именно одностороннихъ въ чистомъ видѣ, т. е. такихъ, въ которыхъ на одаряемаго, по содержанію сдѣлки, никакихъ обязанностей не возлагается. То обстоятельство, что дареніе подвергается разнымъ ограниченіямъ со стороны законодательствъ не можетъ, думаю я, измѣнить точку зрѣнія, опредѣляющую мѣсто института въ системѣ, ибо и возмездныя сдѣлки подвергаются также разнымъ ограниченіямъ.

Въ отношеніи формальностей, требуемыхъ при совершеніи дареній, необыкновенно строги постановленія Французскаго кодекса. Ст. 931 требуетъ совершенія акта даренія предъ двумя нотаріусами или предъ однимъ нотаріусомъ и при свидѣтеляхъ. Неисполненіе какихъ либо, предписанныхъ для нотаріальныхъ актовъ формальностей, влечетъ за собой недѣйствительность даренія. Это есть слѣпое подражаніе ордонансу 1731 года. Мотивируется такая строгость тѣмъ, что даренія очень часто вымогаются у слабыхъ или больныхъ при помощи различныхъ воздѣйствій и уловительныхъ пріемовъ (manaeuvres captatoires), чего не бываетъ при другихъ договорахъ; поэтому свобода дарителей должна быть ограждена присутствіемъ нотаріусовъ; эта публичность договора является

спасительнымъ обузданіемъ безнравственной и постыдной щедрости. Но противоположная этой теоріи доктрина восторжествовала, а это показываетъ ясно, до какой степени формальность дареній несогласна съ нравами и современными привычками. Слѣдуя этой теоріи, практика признаетъ дѣйствительною записку въ государственной книгѣ ренты, получаемой отъ государства, на имя одаряемаго, если даже не доказано, что дареніе принято при жизни еще дарителя. Точно также трансфертъ акцій въ книгѣ акціонернаго общества дѣлаетъ совершившимся переходъ права къ лицу, на имя котораго сдѣланъ трансфертъ, согласно ст. 46 уст. торг. (Demolombe, Mourlon).

По Прусскому ландрехту (I. 11, § 1063 сл.) требуется для даренія судебная форма независимо отъ цѣны дара. Прежнее различіе между большими и малыми дарами, дѣлавшееся *общимъ правомъ* (болѣе и менѣе 500 золотыхъ), теперь устранено. Установляется форма дареній для того, чтобы удержать людей отъ легкомысленныхъ дареній.

Въ Саксонскомъ уложеніи (ст. 1056—1058) предѣльной суммой является 1000 талеровъ. Даренія на сумму свыше этой суммы должны быть совершены судебнымъ порядкомъ. Неформальный актъ даренія имѣетъ силу до 1000 талеровъ, если заключенъ на большую сумму.

По Германскому Уложенію (§ 518) дарительный договоръ долженъ быть совершенъ судебнымъ или нотаріальнымъ порядкомъ. Исполненіе дарительнаго обязательства, хотя бы и неформальнаго, имѣетъ силу. Установленіе формы для дареній должно предупредить слишкомъ поспѣшныя даренія, устранить сомнѣнія относительно наличности дарительной воли и противодѣйствовать обходу формальностей наслѣдственнаго права (Планкъ).

Австрійское Уложеніе требуетъ лишь письменной формы.

Затѣмъ не требуютъ никакой особенной формы для дареній законодательства Англійское, Сербское и нѣкоторыхъ кантоновъ Швейцаріи (Baudry).

Не требуетъ также особенной формы для дареній и наше законодательство. Передача подаренной движимости замѣняетъ

документъ. Если же подаренная движимость не передается немедленно, то удостовѣреніе о совершеніи дара должно быть письменное. Такъ разъясняетъ законъ кассаціонная практика (см. касс. рѣшенія 1875 г. № 473, 1882 г. № 12 и др.) Есть, впрочемъ, кассаціонное рѣшеніе (1874 г. № 889), въ которомъ Сенатъ находилъ, что можетъ быть доказываемо свидѣтельскими показаніями полученіе движимости не въ видѣ приданаго, а въ качествѣ обыкновеннаго дара.

Предписываемыя различныя формальности имѣютъ своимъ основаніемъ отеческую заботливость о гражданахъ, желаніе оградить ихъ отъ легкомысленныхъ дареній, отъ эксплоатаціи ихъ недобрыми людьми, пускающими въ ходъ изъ корыстныхъ побужденій всякія ухищренія и пользующимися человѣческими слабостями. Между тѣмъ эта опека должна быть признана совершенно излишней. Люди гораздо менѣе склонны дарить, чѣмъ давать что либо за подходящій эквивалентъ. Поэтому скорѣе можно съ успѣхомъ эксплоатировать добрыхъ гражданъ, получая отъ нихъ имущество и давая имъ въ обмѣнъ что либо, чѣмъ они интересуются. Этотъ эквивалентъ можетъ быть гораздо ниже получаемаго имущества по своей цѣнности, но онъ можетъ быть милъ желающему пріобрѣсти его. Здѣсь скорѣе можетъ быть эксплоатація, ибо можетъ быть недобросовѣстнымъ человѣкомъ сильно подогрѣто желаніе получить интересный предметъ. Между тѣмъ для сдѣлокъ возмездныхъ не установляются тѣ строгости, которыя мы видимъ по отношенію къ безвозмезднымъ. И если въ прошлыхъ вѣкахъ могло еще быть основаніе къ предупрежденію легкомысленныхъ дареній, то теперь нѣтъ уже ни малѣйшаго повода къ тому. Теперь жизнь стала гораздо труднѣе, а потому и даренія гораздо рѣже. Вспомнимъ какъ ухищряются благотворительныя общества, чтобы добывать пожертвованія въ пользу неимущей братіи. И это весьма естественно, ибо средства людей становятся все меньше и меньше. Нужно еще замѣтить, что нравственный законъ обязываетъ насъ помогать бѣднымъ. Слѣдовательно, заботы о предупрежденіи легкомысленныхъ дареній совершенно напрасны. Поэтому de lege ferenda нужно одобрить австрійскій законъ,

установляющій для дареній, которыя несовершаются немедлено путемъ традиціи, лишь письменную форму. Эта послѣдняя должна быть установлена не для того, чтобы предупредить легкомысленныя даренія, а для того чтобъ убѣдиться въ дѣйствительности безмездной дачи, каковая сравнительно бываетъ рѣдко. Грамотность у насъ мало по малу развивается, а потому и желательны при дареніи письменные документы. Эти послѣдніе всегда надежнѣе, чѣмъ показанія свидѣтелей, которыя подчасъ бываютъ весьма сомнительнаго свойства.

Теперь слѣдуетъ остановиться на сдѣлкахъ, представляющихъ сомнительныя свойства даренія. Тутъ прежде всего обращаютъ на себя вниманіе такъ называемые donationes remuneratoriae. Составляютъ ли они эквивалентъ произведенной дачи? Мнѣнія по этому предмету весьма различны, и жизнь представляетъ чрезвычайные разнообразіе относящихся сюда случаевъ.

Оказывается кому либо услуга, влѣдствіе которой дѣлается оказавшему таковую извѣстная дача получившимъ услугу. Спрашивается: эта дача будетъ ли дареніемъ или нѣтъ?

Нужно замѣтить, что рѣшеніе этого вопроса имѣетъ значеніе по отношенію къ оспариванію даренія самимъ дарителемъ, его кредиторами или его законными наслѣдниками. По Французскимъ законамъ это оспариваніе можетъ имѣть мѣсто со стороны дарителя по случаю несоблюденія формальностей, предписанныхъ закономъ для дареній. У насъ объ оспариваніи сдѣлки на этомъ основаніи не можетъ быть и, вѣроятно, не будетъ рѣчи при новомъ гражданскомъ уложеніи, такъ какъ у насъ нѣтъ и, вѣроятно, не будетъ установлено особенной формы для дареній. Но даръ можетъ быть востребованъ дарителемъ въ случаѣ неблагодарности, а самая дарительная сдѣлка можетъ быть оспариваема кредиторами или наслѣдниками. Послѣдніе могутъ имѣть это право оспариванія лишь по отношенію къ родовымъ, значитъ недвижимымъ имуществамъ. Но неизвѣстно, что будетъ при новомъ гражданскомъ уложеніи. Можетъ быть будетъ установлена обязательная доля, которая будетъ относиться ко всякаго рода имуществамъ. Тогда квалификація сдѣлки получитъ зна-

ченіе для наслѣдниковъ и въ томъ случаѣ, когда будетъ относиться и къ движимому имуществу. Поэтому и слѣдуетъ остановиться на указанныхъ сомнительныхъ сдѣлкахъ.

И такъ, оказывается лицу услуга, которая и вознаграждается. Если, говорятъ, услуга будетъ такого свойства, что она обыкновенно оплачивается и лицо, эту услугу оказавшее, обыкновенно получаетъ за нее плату, то тутъ не будетъ даренія, если величина вознагражденія будетъ соотвѣтствовать стоимости услуги. Если этого нѣтъ, т. е., если услуга обыкновенно не оплачивается или оказавшее услугу лицо не получаетъ за нее платы, то это будетъ дареніе и подлежитъ всѣмъ прещеніямъ, установленнымъ по отношенію къ нему. Исключеніе, говорятъ, составляетъ спасеніе жизни. Здѣсь услуга, говорятъ, столь велика, что какъ бы велико ни было вознагражденіе за нее, оно не можетъ быть почитаемо мотовствомъ (Савиньи, Зибенгаар).

Съ приведенными соображеніями, однако, нельзя согласиться. Не можетъ имѣть значенія различіе между оплачиваемыми обыкновеннно и не оплачиваемыми услугами. Здѣсь важно то, что лицу оказана услуга. Оказалъ ли ее человѣкъ, зарабатывающій деньги этимъ путемъ или нѣтъ, все равно! Совершеніе услуги и результаты ея для лица, получившаго ее, въ обоихъ случаяхъ совершенно одинаковы. Представлю для разъясненія примѣръ. Занимающійся сравнительной анатоміей можетъ основательно изучить паразитовъ изъ отряда червей, причиняющихъ людямъ столь тяжкія страданія. Вспомнимъ солитера, трихину и проч. Страдающему отъ этихъ паразитовъ означенный ученый можетъ оказать важную услугу, освободивъ его отъ этихъ паразитовъ, и тѣмъ избавить его отъ страданій, за что и можетъ получить извѣстную сумму денегъ или иное имущество. Между тѣмъ этотъ ученый можетъ не быть врачемъ и не заниматься леченіемъ отъ паразитовъ: оказанная услуга съ его стороны была вызвана особыми его отношеніями къ больному. Спрашивается: неужели эту дачу считать дареніемъ? Неужели, въ случаѣ несостоятельности вознаградившаго его

за излеченіе, нужно отнять данную ему награду? Я думаю, что это было бы крайнею несправедливостью.

Но слѣдуетъ, пойти далѣе и спросить, почему услуга здѣсь должна быть такова, чтобы она могла быть переведена на деньги? Мы знаемъ, что весьма многія блага переводятся на деньги, когда они отнимаются, хотя здѣсь оцѣнка производится обходными путями и болѣе или менѣе гадательно, такъ какъ приходится сравнивать величины неизмѣримыя. Получается, напримѣръ, увѣчье при крушеніи поѣзда: теряется глазъ, рука, нога, ослабляется слухъ, и т.д. Предъявляется искъ объ убыткахъ. Судъ переводитъ эти увѣчья па деньги, причемъ принимается во вниманіе не только уменьшеніе трудоспособности, но и другія неудобства въ жизни, проистекающія изъ полученнаго увѣчья, и усиливается опредѣлить величину вознагражденія. Но въ случаяхъ даренія, разсматриваемыхъ теперь, оцѣнка услуги уже сдѣлана и вознагражденіе за нее произведено. Почему же это вознагражденіе не должно быть признано полученнымъ за эквивалентъ? Почему можетъ оно быть востребовано въ извѣстныхъ случаяхъ какъ даръ? Если, говорятъ, услуга состоитъ въ спасеніи жизни, то вознагражденіе, данное за это, не почитается дареніемъ, ибо жизнь— благо неоцѣнимое; тутъ нельзя говорить объ очень дорогой платѣ за услугу, о мотовствѣ. Но почему же только жизнь можетъ быть такимъ дорогимъ благомъ? Почему не можетъ быть дорогимъ благомъ спасеніе меня отъ позора, униженія, отъ рокового, необдуманнаго шага и т. д.? Если за такую чрезвычайную, кровную услугу я расплатился, перенесши на лицо извѣстное имущественное право, то дѣло должно почитаться оконченнымъ: услуга оцѣнена, вознагражденіе за нее дано. Тутъ не должно быть признаваемо дареніе, иначе произойдетъ большой соблазнъ: кредиторы мои, давшіе мнѣ деньги взаймы для мотовства и разврата, потребуютъ возвращенія имущества, полученнаго за дорогую услугу. Но и самъ я буду имѣть право отобрать данное мною вознагражденіе за неблагодарность. Такая теорія можетъ вести къ деморализаціи, къ грубому матеріализму и къ цинизму, пріучая гражданъ цѣнить лишь то, что переводится на гроши. Поэтому здѣсь,

слѣдуетъ подчиняться оцѣнкѣ, которую сдѣлалъ самъ награждающій за оказанную ему услугу; вмѣшательство должно быть допустимо лишь въ случаяхъ недобрыхъ намѣреній, имѣющихъ цѣлью поставленіе себя въ невозможность исполнить собственныя обязанности по отношенію къ имѣющимъ права третьимъ лицамъ. Право востребованія даннаго за услугу вознагражденія самимъ давшимъ не должно имѣть мѣста, потому что онъ самъ оцѣнилъ оказанную ему услугу и заплатилъ за нее, слѣдовательно, почиталъ эту услугу эквивалентомъ даннаго за нее вознагражденія.

По французскимъ законамъ особенное значеніе пріобрѣтаетъ квалификація сдѣлки еще потому, что если таковая будетъ признана дареніемъ, то она недѣйствительна въ случаѣ несоблюденія требуемыхъ закономъ формальностей. Если услуга, оказанная давшему за нее вознагражденіе, не переводима на деньги, то здѣсь будетъ дареніе, которое по закону недѣйствительно въ случаѣ несоблюденія формы. Если услуга оцѣнима деньгами, но вознагражденіе за нее дано несоразмѣрное съ цѣною услуги, то должно быть признано дареніе. Но практика, усматривая несправедливость закона о формѣ, всячески старается не признавать даренія, если представляется къ тому возможность (Baudry).

По австрійскимъ законамъ (§ 940, 941) сущность даренія не измѣняется, если оно происходитъ изъ признательности или изъ вниманія къ услугамъ одаряемаго и если при этомъ услуги не даютъ права на искъ о вознагражденіи.

По Саксонскому уложенію (ст. 1052) вознагражденіе за услуги, не переводимыя на деньги, почитается дареніемъ (Зибенгааръ). Тоже по Прусскому Ландрехту (I, 11, § 1169, s. 99).

По Германскому уложенію (§ 534) вознагражденіе за услуги почитается дареніемъ, если оно не послѣдовало вслѣдствіе нравственной обязанности или приличія.

Въ нашихъ законахъ о дареніи не говорится объ этомъ. Но по ст. 2017 т. X ч. 1. не считаются безденежными заемныя письма, выданныя *за услуги*. Статья эта была разъяснена многими кассаціонными рѣшеніями въ томъ смыслѣ, что не требуется указывать побудительныя причины, имѣвшія мѣсто при выдачѣ заем-

наго письма, а потому и споры о недостаточности услугъ, за которыя выдано заемное письмо не должны быть принимаемы во вниманіе. Если заемное письмо выдано, то значитъ, что выдавшій его, разсуждаетъ Сенатъ, оцѣнилъ надлежаще полученныя услуги и призналъ ихъ эквивалентомъ той суммы денегъ, которая означена въ заемномъ письмѣ (см. кассац. рѣш. 1871 г. № 15, 1872 г. № 474, 1873 г. № 130, 1895 г. № 92 и др.). Если же обсуждается, такимъ образомъ, заемное письмо, выданное за услуги, т. е. обязательство уплатить извѣстную сумму, то тѣмъ болѣе указанныя разсужденія должны имѣть мѣсто при послѣдовавшей уже дачѣ вознагражденія за оказанныя услуги. Здѣсь не должно быть признаваемо дареніе.

Стало быть, нельзя допустить здѣсь востребованіе вознагражденія вслѣдствіе неблагодарности.

Въ связи съ награжденіемъ за услуги стоитъ исполненіе естественныхъ обязательствъ. Эти послѣднія суть обязательства нравственнаго характера, обязательства, исполненіе которыхъ не можетъ быть потребовано путемъ иска. Сюда относятся, напримѣръ: долгъ по документу, по которому истекла исковая давность, долгъ, по которому у кредиторовъ нѣтъ доказательствъ, долгъ несовершеннолѣтняго и т. д. Спрашивается: исполненіе такихъ обязательствъ будетъ ли дареніе? Вопросъ споренъ. Но едва ли можно колебаться при рѣшеніи его. Естественное обязательство есть обязательство, хотя и не дающее права иска.

Слѣдуетъ еще остановиться на тѣхъ сомнительныхъ случаяхъ даренія, въ которыхъ полученіе права однимъ обусловливается бездѣйствіемъ другаго, и на случаяхъ, въ которыхъ къ возмезднымъ сдѣлкамъ примѣшиваются, повидимому, дарительные элементы. Сюда относятся отказы отъ правъ, совершаемые бездѣйствіемъ, напримѣръ, отказъ отъ права наслѣдованія, сдѣлки возмездныя съ несоотвѣтственнымъ эквивалентомъ, напримѣръ, продажа за чрезмѣрно низкую цѣну (negotia mixta).

Будетъ ли дареніемъ отказъ отъ права наслѣдованія, вслѣдствіе чего въ наслѣдство вступаютъ другія лица? Бу-

детъ ли дареніемъ отказъ отъ требованія долга пропущеніемъ давности? Будетъ ли дареніемъ невостребованіе имущества изъ чужого владѣнія, вслѣдствіе чего имущество узукапируется и т. д.?

Если ближайшій или равно близкій наслѣдникъ молчитъ, бездѣйствуетъ, а другой болѣе далекій или одинаково близкій получаетъ наслѣдство, то тутъ о дареніи не можетъ быть рѣчи, ибо самъ бездѣйствующій можетъ востребовать отъ получившаго все наслѣдство или часть его. Стало быть тутъ происходитъ лишь временное распредѣленіе правъ, каковое и имѣетъ въ виду законъ при охранительномъ утвержденіи въ правахъ наслѣдства. Но можетъ быть заявлено отреченіе отъ наслѣдственныхъ правъ. Въ такомъ случаѣ отрекшійся не можетъ уже требовать наслѣдство отъ получившихъ таковое вслѣдствіе его отреченія. И хотя по нашимъ законамъ не можетъ быть отреченія въ пользу извѣстныхъ лицъ, а оно должно быть безусловное, тѣмъ не менѣе вслѣдствіе отреченія могутъ получить наслѣдство лишь извѣстныя лица. Сюда относится случай, если, напримѣръ, отрекшійся будетъ братомъ наслѣдодателя, оставившаго еще и сестру. Будетъ ли полученіе лицомъ наслѣдства въ силу этого отреченія полученіемъ дара? Чтобы быть послѣдовательнымъ, нужно признать дареніе, если, конечно, получившему было извѣстно это отреченіе. Здѣсь есть отчужденіе, которое должно быть принимаемо при дареніи въ широкомъ смыслѣ, т. е. оно будетъ на лицо не только при перенесеніи на одаряемаго какого либо вещнаго права, но и при предоставленіи права получить имущество, которое безъ отреченія долженствовало поступить къ отрекшемуся. Отчужденіе можетъ состоять безъ сомнѣнія и въ бездѣйствіи; если кто либо пользуется моимъ имуществомъ или присвоиваетъ его себѣ, я же этому не препятствую, то это будетъ безъ сомнѣнія отчужденіе. Притомъ же въ данномъ случаѣ есть и *дѣйствіе*, именно заявленіе объ отреченіи отъ наслѣдства.

Вотъ почему, если открытіе наслѣдства и отреченіе отъ него будутъ имѣть мѣсто до признанія лица несостоятельнымъ должникомъ, то по объявленіи его несостоятельнымъ

конкурсное управленіе будетъ имѣть, право ходатайствовать о признаніи его отреченія отъ наслѣдства не имѣющимъ силы и обратиться съ искомъ къ наслѣднику о востребованіи причитающейся несостоятельному доли наслѣдства, если, конечно, не окажутся истекшими установленные закономъ сроки. Здѣсь это право конкурснаго управленія будетъ основываться на законахъ о дареніи.

По Германскому уложенію (§ 517), отказъ отъ наслѣдства или легата не составляетъ даренія. При этомъ нужно замѣтить, что по § 1943 наслѣдникъ, а по § 2180 отказоприниматель не могутъ отказаться отъ наслѣдства или легата (Vermächtniss), если наслѣдство или *отказъ* приняты. Однако отказъ отъ права требованія необходимой доли признается дареніемъ. Отсюда, явствуетъ, что отказъ отъ наслѣдства и отъ легата неправильно не признается дареніемъ, и дѣйствительно слѣдовало бы ввести указанное правило въ законъ для избѣжанія недоумѣній.

Будетъли дареніемъ отказъ отъ права требованія?—Нѣтъ сомнѣнія, что отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Отказываясь отъ этого права, я, конечно, совершаю отчужденіе въ пользу обязаннаго мнѣ лица, а это послѣднее получаетъ прибавленіе къ своему имуществу, ибо оно не должно уже исполнять обязательства, лежавшаго на немъ до того. Здѣсь будетъ дареніе liberando. Если это послѣднее будетъ осуществлено изъявленіемъ отказа отъ права требованія, то здѣсь не представляется сомнѣнія относительно свойства даренія. Но спрашивается, будетъ ли дареніемъ тотъ случай, когда кредиторомъ умышленно пропускается давность для предъявленія обязательства? Повидимому, нужно признать дареніе и въ этомъ случаѣ. Кредиторъ здѣсь бездѣйствуетъ; но этимъ бездѣйствіемъ онъ отнимаетъ у себя право требовать взысканія по обязательству, т. е. требовать эквивалента за предоставленное имущество или за произведенный трудъ. Если возникнетъ вопросъ о наличности умышленнаго пропуска кредиторомъ исковой давности, то onus probandi долженъ лежать въ этомъ случаѣ па кредиторѣ: онъ долженъ доказать, что давность пропущена имъ умышленно, въ желаніи освободить своего должника отъ обязательства, ибо даренія не

предполагаются. Тоже должно сказать и о случаѣ отказа отъ наслѣдства или безмолвнаго пропуска давности для иска о наслѣдствѣ.

При признаніи въ приведенныхъ случаяхъ наличности даренія нужно примѣнять къ нимъ законы объ отобраніи дара въ случаѣ неблагодарности одареннаго и несостоятельности дарителя. При этомъ законы объ отобраніи дара по неблагодарности слѣдуетъ толковать ограничительно. Въ ст. 974 т. X ч. 1 указаны случаи возвращенія дара по неблагодарности. Послѣдняя должна быть выражена въ покушеніи на жизнь, въ побояхъ или угрозахъ, въ оклеветаніи въ преступленіи или въ непочтеніи. Угрозы, здѣсь упоминаемыя, должны быть такого свойства, чтобы онѣ наводили на дарителя страхъ, напримѣръ, угрозы избить, ошельмовать публично и тому подобное. Былъ слѣдующій случай, дошедшій до кассаціоннаго Сената. Нѣкто подарилъ женѣ своей землю. Послѣ этого одаренная просила объ освидѣтельствованіи умственныхъ способностей мужа, заявляя, что онъ слабоуменъ. Заявленіе не подтвердилось. Даритель предъявилъ къ женѣ искъ о возвращеніи дара вслѣдствіе непочтенія. Судебная палата уважила искъ, а Сенатъ не призналъ непочтенія. Одаренный, безъ сомнѣнія, долженъ вести себя извѣстнымъ образомъ по отношенію къ дарителю; но не должно утрировать эту обязанность и возлагать излишнее на одареннаго. Если дарится за прошлое, т. е. вслѣдствіе доброжелательныхъ чувствъ, вызванныхъ въ дарителѣ извѣстнымъ поведеніемъ по отношенію къ нему одареннаго, то даръ составлялъ въ этомъ случаѣ награду за поведеніе одареннаго по отношенію къ дарителю, нѣкоторымъ образомъ, эквивалентъ за это его поведеніе. Значитъ, даритель можетъ считать себя поквитавшимся съ одареннымъ, и уже нѣтъ основанія возлагать на него особенныя обязанности. Если же даритель дѣлаетъ безмездную дачу въ надеждѣ полученія отъ одареннаго въ будущемъ извѣстныхъ благъ, то это дареніе уже не совсѣмъ безкорыстное, а потому и требованіе дарителя не имѣетъ уже нормальной при дареніи почвы. Стало быть, тутъ суть будетъ въ доставленіи одареннымъ да-

рителю предполагавшихся при дареніи благъ, и если послѣднія были дѣйствительно одареннымъ доставлены дарителю, то едва ли тутъ можетъ быть рѣчь о поворотѣ дара вслѣдствіе неблагодарности.

Есть даренія, именуемыя *negotia mixta*. Это такія сдѣлки, въ которыхъ соединяются элементы даренія и возмездности. Примѣры: покупается предметъ за слишкомъ дорогую или слишкомъ дешевую цѣну, изъявляется отказъ отъ права требованія очистки и т. д. Говорятъ, что здѣсь будетъ смѣшанная сдѣлка, т. е. частію возмездная, а частію дареніе. Если купленная вещь стòитъ 1000 руб., а продается за 2000 р., то здѣсь сдѣлка на 1000 руб. будетъ возмездная, а на другую 1000 руб. будетъ дарственная. Поэтому въ суммѣ 1000 руб. она должна обсуждаться какъ дареніе и подвергнуться воздѣйствію правилъ этого института.

Едва ли можно согласиться съ такою квалификаціею этихъ сдѣлокъ. Для того, чтобы установить здѣсь наличность даренія нужно произвести оцѣнку проданнаго предмета. Но спрашивается: какое мѣрило должно быть употреблено при этомъ? Объективная оцѣнка здѣсь едва-ли можетъ быть допущена. Покупается дорого вещь потому, что она покупающему крайне нужна, крайне интересна. Точно также можетъ быть, что продаваемая вещь продающему крайне нужна или крайне интересна, такъ что онъ согласенъ уступить ее лишь за весьма высокую цѣну. Продается вещь дешево потому, что она ненужна продающему, что онъ желаетъ сбыть ее за чтобы то ни было. Продается, наконецъ, дешево вещь потому, что продающій нуждается въ данную минуту въ деньгахъ и т. д. Какимъ образомъ примѣнить здѣсь объективную мѣрку? Какимъ образомъ сказать, что здѣсь частію будетъ дареніе, когда и въ помышленіяхъ вступающихъ въ сдѣлку лицъ ничего о дареніи нѣтъ? Поэтому объективная мѣрка здѣсь положительно не годится: нужно примѣнять мѣрку субъективную. А въ такомъ случаѣ невозможно будетъ признать даренія, ибо послѣднее необходимо предполагаетъ безмездную дачу съ одной стороны и безмездное полученіе съ другой, т. е. сознаніе о томъ, что

происходитъ безмездная дача и безмездное полученіе: дающій долженъ давать, не желая получить эквивалента, а получающій долженъ съ своей стороны понимать, что за получаемое онъ не даетъ эквивалента (Савиньи, Козакъ). Для вящшаго убѣжденія въ правильности такого взгляда на дѣло приводится слѣдующій примѣръ. Дѣвушка выкупаетъ у прежняго жениха свои письма (Козакъ). Сдѣлка, конечно, возмездная, а между тѣмъ выкупленный предметъ не имѣетъ никакой рыночной цѣны, хотя за него могла быть уплочена значительная сумма.

И такъ эти negotia mixta должны быть признаваемы возмездными сдѣлками, а не дареніями, ибо въ нихъ не усматривается существенныхъ свойствъ даренія. Но эти сдѣлки могутъ быть симулированными, сдѣлками, въ которыхъ стороны сознательно прикрываютъ дѣйствительное дареніе формою возмездной сдѣлки. Тогда дѣло можетъ обстоять иначе. При этомъ нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь о раскрытіи истинныхъ свойствъ сдѣлки можетъ возникнуть лишь въ случаѣ нарушенія сдѣлкою правъ третьихъ лицъ, именно, кредиторовъ и наслѣдниковъ. Самъ же даритель, совершившій дареніе подъ видомъ возмездной сдѣлки не имѣетъ, конечно, права квалифицировать ее дареніемъ, такъ какъ онъ прямо выразилъ свою волю, которая и должна служить руководствомъ при квалификаціи сдѣлки.

Выше было указано недружелюбное отношеніе законодательствъ къ даренію изъ желанія предупредить легкомысленныя дачи. Этимъ объясняется, что по французскому праву требуется, между прочимъ, безвозвратность даренія. Donner et retenir ne vaut. Этотъ мотивъ заимствованъ изъ ордонанса 1731 г. Ст. 894 кодекса требуетъ, чтобы donateur se dépouille actuellement et irrévocablement de la chose donneé. Эта безвозвратность мотивировалась въ droit coutumier желаніемъ сохранить имущество въ семьѣ. Полагали, что, установляя эту безвозвратность даренія, побудятъ серьезно относиться къ нему, будутъ чувствовать страхъ предъ совершеніемъ его, а потому часто будутъ воздерживаться отъ безмездныхъ

дачъ. Теперь этотъ мотивъ, имѣвшій, можетъ быть, значеніе прежде, утратилъ его, ибо во Французскомъ кодексѣ существуютъ законы о необходимой долѣ настолько строгіе, какъ увидимъ ниже, что даренія достаточно обуздываются ими. Нужно замѣтить, что въ другихъ законодательствахъ нѣтъ указанія этой безвозвратности дареній. Эта безвозвратность, означающая, что, разъ вступивши въ договоръ, нельзя уже отказываться отъ него, относится ко всѣмъ договорамъ вообще, а потому и нѣтъ резона выставлять это правило еще особо при нормированіи договора даренія. Практика относится надлежаще къ этой безвозвратности даренія, такъ что это включеніе ея въ законъ не приноситъ повидимому большаго вреда.

Даръ можетъ быть востребуемъ дарителемъ въ случаѣ грубой неблагодарности со стороны одареннаго; затѣмъ даръ можетъ быть востребуемъ въ случаѣ ненаступленія отлагательнаго условія или въ случаѣ наступленія разрѣшительнаго условія, а также въ случаѣ неисполненія одареннымъ возложенныхъ на него при дареніи тягостей. Здѣсь дѣйствуютъ общія правила, относящіяся къ договорамъ вообще, значитъ, и къ даренію, почему на этомъ предметѣ нѣтъ надобности останавливаться. Необходимо остановиться на оспариваніи дарительныхъ сдѣлокъ кредиторами и наслѣдниками, ибо здѣсь законодательства иначе относятся къ дареніямъ, чѣмъ къ возмезднымъ сдѣлкамъ. По этому предмету у насъ имѣются двѣ прекрасныя работы: І. И. Карницкаго и А. Х. Гольмстена, и мнѣ не приходится долго останавливаться на немъ. Контраверзы относительно конструкціи права кредиторовъ оспаривать сдѣлки ихъ должниковъ съ третьими лицами не имѣютъ значенія для настоящей статьи. Примемъ ли мы теорію деликтную, теорію залоговую или теорію процесссуальную—все равно. Суть въ томъ, что въ случаѣ дарственной сдѣлки должника съ третьимъ лицомъ fraus на сторонѣ послѣдняго невольно предполагается, такъ что на немъ лежитъ обязанность доказать противное. Сдѣлка должника съ третьимъ лицомъ, противополагаемая кредитору при производствѣ взысканія съ цѣлью парализовать взысканіе, можетъ быть, во первыхъ, фиктивная,—сдѣлка, по кото-

рой въ дѣйствительности никакого измѣненія въ имуществѣ должника не произошло: отчужденное по документу имущество, напримѣръ, осталось у должника (см. касс. рѣш. 1881 г. № 62). Въ этомъ случаѣ не можетъ быть различія между сдѣлкой, имѣющей видъ дарственной, и сдѣлкой, содержащей указаніе эквивалента, ибо имущество, о которомъ въ сдѣлкѣ говорится, находится у должника и отъ признанія сдѣлки фиктивною никакого перемѣщенія имущества не послѣдуетъ. Во вторыхъ, сдѣлка должника съ третьимъ лицомъ можетъ имѣть серьезный характеръ, не быть фиктивною: должникъ вступилъ съ третьимъ лицомъ въ дѣйствительный договоръ объ имуществѣ. Это сдѣлки подложныя, обманныя (frauduleux). Здѣсь дѣлается различіе между сдѣлкой возмездной и сдѣлкой дарственной. Если должникъ совершилъ эту сдѣлку съ цѣлью избѣжать платежа долговъ, значитъ, съ злымъ умысломъ, то третье лицо, съ которымъ заключена имъ эта сдѣлка, можетъ быть участникомъ этого злого умысла, но можетъ и не быть имъ. Если сдѣлка была возмездная, то въ случаѣ участія третьяго лица въ этомъ умыслѣ должника сдѣлка, конечно, уничтожается въ пользу кредитора. Если же третье лицо дѣйствовало добросовѣстно, то сдѣлка остается въ силѣ. Но если сдѣлка должника безвозмездная, а злостность была лишь на сторонѣ должника, третье же лицо дѣйствовало добросовѣстно, не участвовало въ зломъ умыслѣ своего контрагента, то сдѣлка все таки уничтожается именно потому, что третье лицо получило имущественныя права по сдѣлкѣ *даромъ, безъ эквивалента*. Только размѣръ отвѣтственности этого третьяго лица долженъ опредѣляться, какъ увидимъ, особымъ способомъ.

Если встрѣчаются затрудненія и споры при обсужденіи дареній, совершенныхъ должниками и причиняющихъ вредъ ихъ кредиторамъ, то еще больше затрудненій создается при обсужденіи споровъ постановленія о дарственныхъ сдѣлкахъ, причиняющихъ предположительно вредъ наслѣдникамъ дарителя. Здѣсь выдающееся мѣсто занимаетъ французскій кодексъ, содержащій по этому предмету постановленія, которыя по справедливости, могутъ быть названы драконовскими. Стро-

гости относительно дареній здѣсь установлены для сохраненія законной доли наслѣдниковъ.

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ нѣтъ правилъ о необходимой долѣ; но имѣются аналогичныя правила о родовыхъ имуществахъ. Сходство тѣхъ и другихъ правилъ заключается въ томъ, что по отношенію къ извѣстнымъ имуществамъ ограничиваются даренія и завѣщанія. Наши правила о родовыхъ имуществахъ относятся, какъ извѣстно, лишь къ недвижимостямъ, которыя однѣ и бываютъ родовыми. Между тѣмъ капиталы въ настоящее время имѣютъ не меньшее, если не бо́льшее значеніе. По этому сохраненіе состоянія лица въ родѣ зависитъ отъ случая, именно отъ того: есть ли у лица недвижимое имущество? Если послѣдняго нѣтъ, то состояніе лица можетъ перейти по дару или завѣщанію къ кому угодно: наслѣдники родовика здѣсь никакихъ претензій имѣть не могутъ. Кромѣ того родовыя имущества переходятъ иногда къ родственникамъ, связь которыхъ съ наслѣдодателемъ существуетъ лишь на бумагѣ, а весьма близкія къ наслѣдодателю лица, которыя должны бы были по всей справедливости получить наслѣдство, лишаются его, хотя наслѣдодатель выразилъ свою послѣднюю волю въ ихъ пользу. Такъ, дальній родственникъ, жившій совсѣмъ подъ другой широтой, чѣмъ наслѣдодатель, неимѣвшій съ нимъ никакихъ сношеній и даже никогда не видавшій его, уничтожаетъ завѣщаніе покойнаго, совершенное въ пользу дорогихъ и преданныхъ ему лицъ, и завладѣваетъ наслѣдствомъ. Въ виду такихъ случайностей, имѣющихъ мѣсто при нашихъ законахъ о родовыхъ имуществахъ, слѣдуетъ признать институтъ необходимой доли болѣе цѣлесообразнымъ и справедливымъ, если, конечно, права наслѣдниковъ обставлены благоразумными ограниченіями. Очень можетъ быть, что въ нашемъ будущемъ гражданскомъ уложеніи будутъ сдѣланы измѣненія въ институтѣ необходимаго наслѣдованія. А такъ какъ законы о дареніи тѣсно связаны съ законами необходимаго наслѣдованія, то я считаю нужнымъ войти въ подробности объ этомъ предметѣ.

Составители французскаго кодекса нашли, что имущество

должно сохраняться въ семьѣ, вслѣдствіе чего даренія признавали непозволительною расточительностью. Для предупрежденія послѣдней пущены въ ходъ сильныя средства.

Имущество лица не подлежитъ, въ извѣстномъ размѣрѣ, его распоряженію безвозмездными способами (à titre gratuit), т. е. путемъ даренія и завѣщанія. Это имущество должно быть сохраняемо для ближайшихъ наслѣдниковъ: нисходящихъ и восходящихъ. Право ихъ есть droit de réserve, сами они называются réservataires. Эти резерватаріи суть нисходящіе и восходящіе. Пережившій супругъ къ нимъ не причисляется: вдовецъ или вдова призываются къ наслѣдству лишь тогда, если не будетъ кровныхъ наслѣдниковъ (ст. 767); къ нисходящимъ причисляются и узаконенныя дѣти съ уменьшенною величиною требованія. Если у лица остался одинъ ребенокъ, то онъ можетъ располагать половиною своего имущества; если двое дѣтей, то одною третью, а если болѣе двухъ дѣтей, то одною четвертью (ст. 913). Если у лица остались восходящіе по двумъ линіямъ, т. е. по отцовской и материнской, то оно можетъ располагать половиною своего имущества, а если остались восходящіе лишь по одной линіи, то тремя четвертями (ст. 914). Право на необходимую долю будетъ лишь у тѣхъ лицъ, которыя призываются къ наслѣдованію въ данномъ случаѣ. Если не будетъ нисходящихъ и восходящихъ, то свобода лица въ распоряженіи своимъ имуществомъ не стѣсняется (ст. 916). Подъ распоряженіемъ имуществомъ здѣсь разумѣется, какъ сказано, распоряженіе безмездными способами, т. е. дареніемъ и завѣщаніемъ.

Таковы въ сущности правила необходимой доли у французовъ. Мы видимъ, что пережившій супругъ не только не включенъ въ число резерватаріевъ, но даже вообще наслѣдуетъ лишь послѣ всѣхъ, имѣющихъ право наслѣдованія, родственниковъ. Вдовый супругъ составляетъ послѣднюю ступень наслѣдованія: послѣ него стоитъ уже государство, наслѣдующее въ выморочныхъ имуществахъ.

По Прусскому Ландрехту необходимая доля нисходящихъ равняется извѣстной части того, что слѣдовало бы каждому

изъ нихъ по законному наслѣдованію, а именно: если наслѣдодатель оставилъ не больше двухъ дѣтей—$^1/_3$, если не больше четырехъ дѣтей—$^1/_2$, а если больше четырехъ дѣтей—$^2/_3$ (II, 2, § 392). Необходимая доля восходящихъ и пережившаго супруга составляетъ $^1/_2$ ихъ законной части (II, 1 § 631 и 2, § 502).

По Австрійскому уложенію право необходимой доли имѣютъ нисходящіе, а за ихъ отсутствіемъ восходящіе; необходимая доля первыхъ равняется одной половинѣ, а необходимая доля послѣднихъ—одной трети ихъ законныхъ частей (ст. 765, 766).

По Саксонскому уложенію обязательная доля нисходящихъ равняется: половинѣ, когда остается не менѣе пяти дѣтей, и одной трети, если будетъ не болѣе четырехъ дѣтей (ст. 2566). Обязательная доля восходящихъ равняется одной трети законной части (ст. 2569), а необходимая доля супруга равна двумъ третямъ или половинѣ, смотря по тому, съ кѣмъ онъ совмѣстно наслѣдуетъ (ст. 2579, 2580).

По Германскому гражданскому уложенію необходимая доля нисходящихъ, родителей и супруговъ равняется половинѣ ихъ законной части наслѣдства (§ 2303).

Если мы сравнимъ приведенные законы о необходимой долѣ, то увидимъ, что французскіе кодексъ отличается размѣрами этой доли. Но существенную разницу мы встрѣтимъ при разсмотрѣніи правилъ объ установленіи величины наслѣдственной массы, по отношенію къ которой должны быть опредѣлены наслѣдственныя доли резерватаріевъ, а также правилъ, объ отвѣтственности лицъ, одаренныхъ наслѣдодателемъ.

Я не вхожу въ разсмотрѣніе подробностей и контроверзъ, касающихся необходимаго наслѣдованія, такъ какъ предметъ настоящаго доклада составляетъ дареніе, законы же о необходимомъ наслѣдованіи приводятся лишь вслѣдствіе тѣсной связи ихъ съ законами о дареніи. Чтобы видѣть, какъ относятся законодательства къ совершеннымъ наслѣдодателемъ дареніямъ, нужно остановиться на опредѣленіи величины

наслѣдственной массы. По французскому кодексу это дѣлается слѣдующимъ образомъ.

Нужно сосчитать наслѣдственную массу, т. е. нужно сосчитать оставшееся послѣ наслѣдодателя имущество и присоединить къ нему мысленно (fictivement) все то, что было отчуждено наслѣдодателемъ безвозмездно. Затѣмъ отсюда нужно вычесть долги умершаго. Въ остаткѣ получимъ данныя для опредѣленія той части имущества, которою наслѣдодатель могъ располагать безвозмезднымъ способомъ (ст. 922). Положимъ, умершій выдалъ при жизни дарственно 10000 и оставилъ дѣтей. Если, положимъ, у него осталось имущества на 8000, то оказывается, что онъ выдалъ безвозмездно больше, нежели могъ по закону. Если у него остался одинъ ребенокъ, то онъ подарилъ на 1000 больше предоставленнаго ему закономъ; если у него осталось двое дѣтей, онъ передалъ 4000; если же у него осталось не менѣе трехъ дѣтей, то онъ передалъ уже 5500. Резерватаріи будутъ имѣть право оспаривать дарственныя сдѣлки своего наслѣдодателя, чтобы дополучить недостающее: 1000 или 4000 или 5500. Это есть право редукціи сдѣланныхъ умершимъ дареній.

Чѣмъ больше дареній присоединяется мысленно къ наличному наслѣдству, тѣмъ больше дареній будетъ подлежать редукціи. Присоединяются же къ наличности *всякія* даренія: совершенныя съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, затѣмъ такъ называемыя dons manuels, т. е. передаваемые изъ рукъ въ руки подарки, неподлежащіе по закону формальностямъ, даренія смѣшанныя, вознаградительныя—словомъ всѣ даренія безъ исключенія. Давность, погашающая право иска о редукціи, опредѣляется по ст. 2262 въ 30 лѣтъ, если подаренное имущество находится у одареннаго.

По Прусскому Ландрехту наслѣдственная масса составляется изъ наличности наслѣдства съ вычетомъ пассива. Сюда же причисляется и то, что дано имѣющимъ право на необходимую долю наслѣдникамъ дарственно при жизни или на случай смерти (II, 2, § 346).

Составители Ландрехта, имѣя въ виду чрезвычайныя трудности при опредѣленіи величины имущества лица при совершеніи имъ даренія, не желали сначала допустить querela inofficiosae donationis. Но потомъ допустили это требованіе въ извѣстномъ размѣрѣ. Самому дарителю предоставили право опровергать дареніе, если величина его превышаетъ половину всего имущества дарителя. Этотъ искъ дарителя погашается давностью трехъ лѣтъ (I, 11, § 1091 сл.). Лица же, имѣющія право на необходимую долю (нисходящіе, восходящіе и супруги), могутъ считать сдѣланное наслѣдодателемъ дареніе чрезмѣрнымъ, если активъ наслѣдства не составляетъ половины подареннаго. Значитъ, принимается во вниманіе величина имущества не во время даренія, а во время смерти. Требованіе недѣйствительности даренія можетъ имѣть мѣсто лишь въ такомъ случаѣ, если это дареніе учинено въ теченіе трехъ лѣтъ передъ смертью. Востребуется отъ одареннаго столько, чтобы масса наслѣдственная составила половину подареннаго (I, 11, §§ 1112—1114). Искъ имѣющаго право на необходимую долю къ наслѣдникамъ по завѣщанію погашается давностью двухъ лѣтъ, считая со времени, когда возникло основаніе для иска, т. е. когда actio nata est: послѣ протеченія срока размышленія, сообщенія завѣщанія и т. д. (II, 2, § 440). Повидимому, этотъ же давностный срокъ примѣняется и къ иску съ одареннаго: нельзя предположить, чтобы законъ не относился благосклоннѣе къ одаренному при жизни, нежели къ наслѣднику по завѣщанію. Нужно замѣтить, что имѣющій право на необходимую долю долженъ сперва обратиться съ требованіемъ дополненія недостающаго къ наслѣдникамъ по завѣщанію, т. е. требовать признанія послѣдняго, вполнѣ или частію, недѣйствительнымъ, а потомъ уже обратиться къ одареннымъ при жизни.

По Саксонскому гражданскому уложенію произведенное наслѣдодателемъ дареніе можетъ быть оспариваемо наслѣдниками, имѣющими право на необходимую долю, если послѣдняя этимъ дареніемъ умалена. Опредѣляется же необходимая доля въ этомъ случаѣ величиною имуще-

ства наслѣдодателя, существовавшею непосредственно передъ дареніемъ (ст. 2063). Право требовать необходимую долю или ея дополненіе погашается трехлѣтнею давностью, считая со дня смерти наслѣдодателя, если не осталось ни завѣщанія, ни договора о наслѣдствѣ (ст. 2616).

По Австрійскому уложенію имѣющій потомковъ не можетъ дарить болѣе половины своего имущества во вредъ наслѣдниковъ, имѣющихъ право на необходимую долю. Послѣ смерти наслѣдодателя дареніе можетъ быть оспариваемо, если необходимыя доли не удовлетворяются въ размѣрѣ половины имущества во время даренія (§ 951).

По Германскому уложенію, если права на необходимую долю будутъ нарушены дареніемъ, то послѣднее можетъ быть оспариваемо въ размѣрѣ дополненія до необходимой доли, опредѣляемой прибавленіемъ изъ подареннаго къ оставшемуся наслѣдству. Дареніе не принимается во вниманіе, если со времени совершенія его протекло 10 лѣтъ (§ 2325). Къ наслѣдству причисляется и даръ, сдѣланный въ пользу лица, имѣющаго право на необходимую долю (§ 2327). Не допускается споръ противъ дареній, сдѣланныхъ въ удовлетвореніе нравственной обязанности или правилъ приличія (§ 2330). Право на споръ со стороны имѣющаго право на необходимую долю погашается трехлѣтнею давностью, считая со времени полученія свѣдѣній объ открытіи наслѣдства и о нарушающемъ его право распоряженіи наслѣдодателя (§ 2332).

У насъ необходимое наслѣдованіе выразилось въ институтѣ родовыхъ имуществъ, распоряженіе которыми ограничено закономъ. Эти ограниченія установляютъ необходимыя доли дѣтей и супруга лица по отношенію къ родовымъ имуществамъ. Въ силу ст. 967 т. X ч. 1 нельзя дарить родовое имущество кому либо мимо ближайшихъ наслѣдниковъ. Значитъ, эти послѣдніе могутъ оспаривать сдѣланное въ ихъ вредъ дареніе. Спрашивается: имѣетъ ли право оспариванія также и супругъ дарителя, конечно, въ размѣрѣ своей одной седьмой части? Законы о родовыхъ имуществахъ, какъ законы исключительные, не должны быть толкуемы распространительно. Въ приведенной ст. 967 ничего не говорится о супругахъ, значитъ,

не можетъ быть признано за ними и право оспариванія дарительной сдѣлки въ родовомъ имуществѣ. Въ ст. 967 сказано: запрещается дарить мимо *ближайшихъ наслѣдниковъ*. И хотя отдѣленіе, содержащее ст. 1148 и сл., озаглавлено: о порядкѣ наслѣдованія супруговъ, но кассаціоннымъ Сенатомъ многократно разъяснено, что къ наслѣдованію допускаются только лица, соединенныя съ наслѣдодателемъ кровнымъ родствомъ, а такъ какъ между супругами нѣтъ родства, то они и не наслѣдуютъ другъ другу. Значитъ, подъ выраженіемъ „ближайшіе наслѣдники" въ ст. 967 нужно разумѣть „ближайшихъ родственниковъ". Вѣроятно, поэтому въ кассаціонномъ рѣшеніи 1879 г. № 178 статьѣ 967 приписывается выраженіе „ближайшіе родственники", хотя тамъ сказано „ближайшіе наслѣдники". Къ заключенію объ отсутствіи у супруга права оспаривать, въ предѣлахъ своей указной части, совершенное при жизни дареніе приводитъ то соображеніе, что въ ст. 1068 т. X ч. 1 упоминается о предоставленіи остающемуся супругу его указной части при завѣщаніи родоваго имущества.

Если совершено дареніе родоваго имущества, то нужно знать: когда наступаетъ право родственниковъ на оспариваніе дарственной сдѣлки? Право это, думаю я, наступаетъ лишь по смерти дарителя: при жизни его дареніе это не можетъ быть оспариваемо. Родичи въ этомъ случаѣ могутъ оспорить сдѣлку, когда станутъ дѣйствительными наслѣдниками; а это можетъ быть лишь послѣ смерти дарителя. Право родичей по отношенію къ родовому имуществу при жизни вотчинника можетъ быть осуществляемо лишь въ видѣ выкупа, о чемъ прямо и говорится въ законѣ. Ближайшіе родственники могутъ умереть прежде наслѣдодателя или лишиться права наслѣдованія. Есть мнѣніе, что нотаріусъ, усмотрѣвъ, что даримое имущество родовое, можетъ отказать въ совершеніи акта даренія. Я нахожу это мнѣніе неправильнымъ. Дарительная сдѣлка можетъ быть оспорена имѣющими на то право. Но нотаріусъ не имѣетъ права отказать въ совершеніи сдѣлки, которая можетъ подлежать оспариванію. Ст. 90 и 167 нотар. полож., въ которыхъ говорится, что нотаріусъ и старшій нотаріусъ

не должны совершать актовъ, воспрещенныхъ гражданскими законами, не могутъ относиться къ совершенію дарственной записи на родовое имущество, такъ какъ эти статьи имѣютъ въ виду нарушеніе актами общегосударственныхъ интересовъ. Нарушеніе же интересовъ частныхъ лицъ даетъ право интересентамъ обратиться къ суду съ ходатайствомъ о признаніи акта недѣйствительнымъ. Что это дѣйствительно такъ, явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній. Ст. 1066[2] т. X ч. 1 гласитъ: „При представленіи завѣщаній къ утвержденію, окружный судъ, не ожидая споровъ, признаетъ недѣйствительными завѣщанія лицъ; неимѣющихъ права завѣщать, и завѣщательныя распоряженія въ пользу лицъ, неспособныхъ къ принятію завѣщаннаго, если только неправоспособность тѣхъ и другихъ лицъ явствуетъ изъ самаго завѣщанія“. Къ неимѣющимъ права завѣщать и къ неспособнымъ къ принятію завѣщаннаго нельзя, конечно, отнести завѣщающихъ мимо ближайшихъ родственниковъ свое родовое имущество или лицъ, которымъ это имущество завѣщается. А въ ст. 1066[3] воспрещается входить, безъ спора съ чьей либо стороны, въ разсмотрѣніе распоряженій завѣщателя кромѣ въ предшествующей статьѣ 1066[2] означенныхъ. Такимъ образомъ окружный судъ не можетъ остановить утвержденіе завѣщанія къ исполненію, если въ немъ завѣщается чужеродцу родовое имущество. Если же такія правила существуютъ относительно завѣщанія, то нѣтъ никакого основанія не примѣнять ихъ къ даренію.

Законъ о родовыхъ имуществахъ есть, какъ было сказано, законъ исключительный и неподлежащій распространительному толкованію. Дарить благопріобрѣтенное имущество можно безпрепятственно и безъ всякихъ ограниченій. Поэтому, если дареніе благопріобрѣтеннаго имущества не осуществилось, вслѣдствіе чего дарителемъ выдано одаренному заемное обязательство, то оно должно имѣть полную силу и подлежать исполненію со стороны наслѣдниковъ, хотя бы удовлетвореніе этого обязательства и должно было послѣдовать изъ родового имущества. Ст. 1259 т. X ч. 1 переноситъ на наслѣдниковъ безусловную обязанность платить долги ихъ наслѣдодателей.

не дѣлая никакого различія между родовымъ и благопріобрѣтеннымъ наслѣдственнымъ имуществомъ и принуждая ихъ къ платежу долговъ даже изъ собственнаго имѣнія. Единственное ограниченіе этой обязанности наслѣдниковъ находится въ примѣчаніи къ ст. 1259, по которому они, по долгамъ безсрочнымъ и до востребованія, отвѣчаютъ лишь въ размѣрѣ полученнаго наслѣдства. Этой теоріи слѣдуетъ и Сенатъ въ рѣшеніи своемъ по слѣдующему дѣлу. Нѣкто Кабанскій выдалъ домашнюю росписку женѣ своей въ томъ, что занялъ у нея 12000 руб., которые обязуется заплатить чрезъ два года и два мѣсяца. Кромѣ того Кабанскій оставилъ домашнее духовное завѣщаніе, въ которомъ объяснилъ, что денежнаго капитала не имѣетъ, что движимое имущество его, состоящее въ носильномъ платьѣ и домашнихъ вещахъ, онъ оцѣниваетъ въ 200 руб., что онъ состоитъ должнымъ женѣ своей по роспискѣ 12000 руб. и что на удовлетвореніе этого долга онъ предоставляетъ принадлежащій ему домъ въ Казани. Когда по смерти Кабанскаго вдова его предъявила къ законнымъ наслѣдникамъ ея мужа искъ по этой роспискѣ, то послѣдніе возражали, что росписка безденежная и выдана покойнымъ съ цѣлью лишить наслѣдниковъ родового имущества. Казанская палата уважила искъ. На это рѣшеніе наслѣдники Кабанскаго принесли кассаціонную жалобу, въ которой указывали на противозаконную цѣль выдачи безденежной росписки, т. е. на цѣль перекрѣпленія родового имущества въ постороннія руки. Кассаціонный Сенатъ, имѣя въ виду, что по ст. 2017 т. X ч. 1 не считаются безденежными заемныя письма, выданныя, между прочимъ, за услуги, т. е. за дѣйствія, которыя предшествовали выдачѣ долгового обязательства, и что доводъ о противозаконной цѣли выдачи росписки оставленъ былъ безъ обсужденія правильно, ибо доводъ этотъ былъ представленъ въ подтвержденіе безденежности росписки,—оставилъ кассаціонную жалобу безъ последствій (рѣш. 1872 г. № 474).

Вотъ другое дѣло, дошедшее до кассаціоннаго Сената. Князь Голицынъ выдалъ Терезіи Форстнеръ заемныя письма на 60000 руб., по которымъ она и предъявила искъ уже по

смерти кн. Голицына къ его наслѣднику. Противъ иска возражали тѣмъ, что заемныя письма безденежны, ибо выданы въ даръ. Сенатъ нашелъ, что, если предметъ дара есть движимое имущество, то на этотъ случай неустановлено никакой формы и дареніе движимаго имущества совершается или передачею даримой вещи тому, кому она назначается, или, если почему либо въ моментъ даренія фактической передачи даримаго имущества не послѣдовало, составленіемъ договора и обязательства, а въ этомъ случаѣ всякій письменный актъ, который можетъ быть признанъ по закону доказательствомъ правового отношенія, можетъ служить удостовѣреніемъ состоявшагося даренія движимаго имущества; поэтому дареніе движимости, въ случаѣ непередачи ея одаренному, можетъ быть облечено въ форму заемнаго обязательства, которое не можетъ быть признано безденежнымъ. Приэтомъ Правительствующій Сенатъ уясняетъ сущность безденежности заемнаго обязательства, о которой говорится въ ст. 2014 т. X ч. 1. Безденежнымъ и потому ничтожность будетъ такое заемное письмо, по которому *условленная* валюта вовсе не была передана или когда передана была такая валюта, которая оказалась впослѣдствіи недѣйствительною, такъ напримѣръ, когда лицо, получившее заемное письмо, выдастъ заемщику чекъ на какой либо банкъ, а потомъ окажется, что текущій счетъ уже закрытъ. Или же можетъ случиться, что *условленная* валюта не была передана. Выданное вслѣдствіе даренія заемное письмо не можетъ быть признано безденежнымъ и недѣйствительнымъ по ст. 2014, ибо согласуется съ волею выдавшаго его лица, не желавшаго получать эквивалентъ за переданное имущество. Затѣмъ Правительствующій Сенатъ разъясняетъ также, когда дареніе можетъ быть признано недѣйствительнымъ. Въ ст. 2014 говорится: заемъ почитается ничтожнымъ, если онъ безденежный или учиненъ подложно во вредъ конкурса, надъ несостоятельнымъ учрежденнаго. Сенатъ находитъ, что заемныя письма, выданныя вслѣдствіе договора о дарѣ, не суть безденежныя по смыслу этой статьи. Но такія заемныя письма, т. е. выданныя въ даръ, могутъ быть признаны недѣйствительными, если учинены под-

ложно во вредъ конкурса. Изъ этого Сенатъ выводитъ, что только въ этомъ случаѣ и могутъ быть признаны недѣйствительными данныя въ даръ заемныя письма. Если бы законъ признавалъ, говоритъ Правительствующій Сенатъ, безусловно ничтожными письма, выданныя въ даръ, то указаніе на ничтожность этихъ писемъ при конкурсѣ было бы совершенно излишне. При сдѣланномъ уже толкованіи статьи 2014 указанное въ ней различіе получаетъ смыслъ, ибо несостоятельный должникъ, имущество котораго принадлежитъ уже не ему, а его кредиторамъ, не имѣетъ права дарить, а потому и заемныя письма, выданныя имъ въ даръ, должны быть признаны ничтожными.

Въ этомъ руководящемъ кассаціонномъ рѣшеніи не говорится объ одинаковой отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя, какъ при полученіи благопріобрѣтеннаго, такъ и родоваго имущества. Но въ рѣшеніи можно видѣть косвенное признаніе одинаковой отвѣтственности наслѣдниковъ, ибо въ разсмотрѣнномъ Сенатомъ случаѣ наслѣдникъ выдавшаго заемныя письма, кн. Голицынъ, наслѣдовалъ родовое имущество.

Проводимая кассаціоннымъ Сенатомъ теорія вполнѣ согласна съ мыслью законодателя и съ началами справедливости. Законъ воспрещаетъ лишь дарить и завѣщать родовыя имущества. Такъ какъ это законъ исключительный, ограничивающій право собственности, то и долженъ быть примѣняемъ строго ограничительно. Если допустить оспариваніе наслѣдниками въ родовыхъ имуществахъ заемныхъ писемъ наслѣдодателя, выданныхъ въ даръ, то законъ о родовыхъ имуществахъ расплывется. Если заемное письмо дано въ даръ, когда у дарителя, владѣющаго родовымъ имуществомъ, не было въ рукахъ даримой суммы денегъ, то это отнюдь не мѣшаетъ его заемному письму быть обязательнымъ для его наслѣдниковъ, ибо онъ имѣлъ полное право продать родовое имущество и полученныя чрезъ продажу деньги употребить на удовлетвореніе выданнаго заемнаго обязательства.

Теперь слѣдуетъ остановиться на ст. 991 т. X ч. 1, столь неправильно толкуемой судебными мѣстами, хотя кас-

саціонный Сенатъ и указываетъ истинный смыслъ закона. Статья эта гласитъ: „Духовныя завѣщанія, коими имѣніе при жизни владѣльца укрѣпляется за другими лицами безповоротно, должны быть признаваемы дарственными записями, и наоборотъ, дарственныя записи, посредствомъ коихъ имущество должно поступить въ другое владѣніе, не при жизни, но по смерти дарителя, принадлежатъ, по существу своему, къ актамъ завѣщательнымъ. Вводъ во владѣніе недвижимымъ имуществомъ по дарственной записи долженъ слѣдовать немедленно по совершеніи акта, и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отсроченъ до смерти дарителя“. Должно признать, что законъ редактированъ не совсѣмъ удачно. Но вдумавшись въ него, можно уразумѣть истинный смыслъ, какъ это и дѣлалъ неоднократно кассаціонный Сенатъ. Совершается дарственная запись на недвижимое имущество у нотаріуса и утверждается затѣмъ старшимъ нотаріусомъ, вводъ же во владѣніе происходитъ послѣ смерти дарителя. Судебныя мѣста признавали такія дарственныя записи недѣйствительными, руководствуясь концомъ приведенной статьи 991, требующей немедленнаго ввода во владѣніе послѣ совершенія дарственной записи. Между тѣмъ въ концѣ статьи рѣчь идетъ объ отсрочкѣ ввода во владѣніе *въ самомъ актѣ*, т. е. если въ послѣднемъ будетъ сказано, что вводъ во владѣніе отсрочивается до смерти совершающаго актъ. Тогда, по смыслу ст. 991, дарственная запись, въ которой выговорена такая отсрочка, по существу своему, будетъ духовнымъ завѣщаніемъ, ибо хотя актъ и называется совершающимъ его дарственою записью, но указанная оговорка удостовѣряетъ, что въ актѣ выражается воля *на случай смерти*, съ правомъ измѣнить ее, а не безповоротно. Конецъ ст. 991 именно относится къ такимъ, такъ сказать, quasi-дарственнымъ актамъ, которые въ дѣйствительности суть не дарственныя записи, а духовныя завѣщанія. Если дарственая запись совершена у нотаріуса и затѣмъ утверждена старшимъ нотаріусомъ, то право собственности переходитъ къ одаренному съ момента утвержденія этого акта. Поэтому, если вводъ во владѣніе послѣдуетъ послѣ смерти дарителя или если даже и во-

все не послѣдуетъ, то это не имѣетъ никакого значенія: дарственная запись чрезъ это отнюдь не теряетъ силы. Значитъ, дарственная запись съ оговоркою объ отсрочкѣ ввода во владѣніе будетъ по существу завѣщаніемъ, а духовное завѣщаніе, въ которомъ предоставляется ходатайствовать немедленно о вводѣ во владѣніе указаннымъ въ актѣ недвижимымъ имуществомъ, будетъ по существу дарственною записью. Въ ст. 991 говорится о поступленіи имущества *въ другое владѣніе*. Это выраженіе сбиваетъ съ толку. Между тѣмъ здѣсь слово „владѣніе" употреблено, какъ совершенно правильно разъяснилъ Сенатъ въ рѣшеніи 1886 г. № 14, въ смыслѣ „собственности", а не въ значеніи того отдѣльнаго права, которое законъ имѣлъ въ виду въ 514 и 521 ст. т. X ч. 1. „Вся вторая часть 991 ст., говоритъ Сенатъ, противополагается первой, въ которой говорится о *безповоротномъ* укрѣпленіи имѣнія за другимъ лицомъ при жизни вотчинника, слѣдовательно, вторая часть разумѣетъ подобное же укрѣпленіе послѣ его смерти". Въ этомъ дѣлѣ Исаева укрѣпила безповоротно свое имѣніе за сыномъ своимъ по дарственной записи, оставивъ за собою пожизненное владѣніе этимъ имѣніемъ. Такимъ образомъ она, говоритъ Сенатъ, „отсрочила до времени своей смерти *не переходъ* къ сыну *права собственности, а только возсоединеніе съ этимъ правомъ того владѣнія, которое было отдалено на время*".

Изъ сказаннаго выясняется, какъ нужно отличать дареніе отъ завѣщанія. Смерть можетъ быть указана, какъ моментъ, когда обязательство должно исполниться, осуществиться. Если можетъ быть подарено имѣніе съ условіемъ полученія одареннымъ самого владѣнія лишь послѣ смерти дарителя, причемъ такой даръ не будетъ завѣщаніемъ, то точно также можетъ быть подарено и всякое другое имущество съ условіемъ полученія его одареннымъ послѣ смерти дарителя. Если поэтому дана въ даръ извѣстная сумма, неуплачиваемая немедленно и замѣняемая заемнымъ обязательствомъ, срокъ осуществленія котораго назначенъ послѣ смерти дарителя, то такое заемное обязательство имѣетъ, безъ сомнѣнія, силу и подлежитъ оплатѣ со стороны наслѣдниковъ дарителя.

Дарительныя сдѣлки могутъ, какъ мы видѣли, быть оспариваемы въ извѣстныхъ случаяхъ со стороны третьихъ лицъ, т. е. кредиторовъ и наслѣдниковъ по закону. Это право принадлежитъ послѣднимъ лишь постольку, поскольку ихъ права нарушаются дареніемъ; оспариваніе дарительныхъ сдѣлокъ и востребованіе подареннаго почитается справедливымъ потому, что дареніе есть сдѣлка безвозмездная, вслѣдствіе которой одаренный, не давшій за полученное имущество никакого эквивалента, ничего не теряетъ при востребованіи дара. Но это далеко не всегда такъ бываетъ. Вотъ почему нѣкоторыя законодательства установляютъ примѣненіе при востребованіи подареннаго правилъ незаконнаго обогащенія. Таковы Австрійское уложеніе (§ 952), Прусскій Ландрехтъ (I, 11, §§ 1164 сл.), Германское уложеніе (§ 2329).

Въ нашихъ гражданскихъ законахъ нѣтъ подобныхъ правилъ относительно востребованія подареннаго. Но есть правила о примѣненіи начала незаконнаго обогащенія въ отдѣлѣ о вознагражденіи за владѣніе чужимъ имуществомъ (ст. 609 сл.). Кромѣ того практика неправильно признаетъ ст. 574 т. X ч. 1 правиломъ о востребованіи по началу незаконнаго обогащенія (см. касс. рѣш. 1875 г. № 336, 1877 г. № 183, 1878 г. № 233 и др.). Правильность извѣстныхъ требованій мотивируется ст. 574, установляющею, что никто не имѣетъ права обогощаться незаконно на чужой счетъ. Въ этомъ правилѣ нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, поэтому если бы и не было закона, прямо или косвенно установляющаго это правило, то отъ этого большой потери не было бы, ибо оно само собою разумѣется: все гражданское право, трактующее *о моемъ и твоемъ*, есть выраженіе этого правила. Въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ не объ этомъ, а объ особомъ видѣ востребованія, именуемомъ востребованіемъ *по началу обогащенія*. Это значитъ, что отъ лица можетъ быть востребуемо лишь то, чѣмъ онъ обогатился дѣйствительно. Если поэтому полученное имущество погибло отъ случая, безъ всякой вины получившаго, то при востребованіи по началу обогащенія не будетъ обязанности возмѣстить цѣнность погибшаго имущества, ибо оное не

обогатило получившаго его. Востребованіе по началу обогащенія есть особый льготный видъ востребованія. Если занявшій деньги потеряетъ ихъ, то несмотря на это долженъ будетъ уплатить занятую сумму, хотя бы онъ ею, вслѣдствіе несчастнаго случая, и не обогатился. Здѣсь, значитъ, не примѣнено правило востребованія по началу обогащенія. Нѣмецкія законодатальства, въ томъ числѣ и Германское гражданское уложеніе, имѣютъ отдѣлы о незаконномъ обогащеніи. Такъ въ Германскомъ уложеніи имѣются §§ 812—822, составляющіе главу о неправомѣрномъ обогащеніи. Между тѣмъ здѣсь всего пара параграфовъ говоритъ дѣйствительно о востребованіи по началу обогащенія, тогда какъ остальные параграфы вовсе не относятся къ этому виду востребованія, какъ я объ этомъ имѣлъ случай высказаться въ другомъ мѣстѣ.

Указанныя нѣмецкіе кодексы установляютъ востребованіе подареннаго по началу обогащенія. Такое востребованіе по отношенію къ одареннымъ обязательно для необходимыхъ наслѣдниковъ.

Кредиторы могутъ требовать подаренное на общемъ основаніи, если даръ имѣлъ мѣсто въ теченіе извѣстнаго времени предъ открытіемъ конкурса. И это весьма естественно. Кредиторы поступились своимъ имуществомъ, можетъ быть, дали свои послѣдніе гроши, возмѣщеніе которыхъ предстоитъ лишь въ ограниченномъ, часто въ ничтожномъ размѣрѣ. Дареніе въ этомъ случаѣ оспаривается на томъ основаніи, что имѣющій избавиться отъ вреда предпочитается имѣющему удержать выгоду. Наслѣдники же суть безмездные правопреемники. Они имущества своего наслѣдодателю ихъ не передавали, услугъ ему не оказывали и на него не работали. Если эти наслѣдники дѣти наслѣдодателя, то вѣдь они имъ вскормлены, вспоены, воспитаны и т. д. Поэтому оспариваніе ими сдѣлокъ наслѣдодателя должно быть производимо съ осторожностью. Вполнѣ справедливо предоставить этимъ необходимымъ наслѣдникамъ оспаривать даренія ихъ наслѣдодателя путемъ востребованія по началу обогащенія.

Таковы посильныя разсужденія, которыя я считалъ нужнымъ высказать относительно института даренія. Мы видѣли, что дареніе въ законодательствахъ обставляется извѣстными строгостями, преслѣдуется даже, можно сказать. Другія сдѣлки находятся въ гораздо лучшемъ положеніи, и это потому, что дареніе есть сдѣлка безвозмездная, тогда какъ при другихъ сдѣлкахъ за получаемое имущество дается извѣстный эквивалентъ. Между тѣмъ бываютъ сдѣлки возмездныя гораздо хуже безвозмездныхъ. Получающій въ даръ какое либо имущество можетъ поступить вполнѣ добросовѣстно, отнюдь не воображая, что онъ принятіемъ дара нарушаетъ чьи либо права. Кромѣ того, одаренный могъ быть весьма полезенъ своему дарителю, заявляя напримѣръ при случаѣ о его хорошихъ качествахъ: о его честности, знаніяхъ, что̀ могло имѣть благодѣтельное вляніе на его общественное положеніе, на его карьеру и т. д. Подаренное имущество можетъ пойти на уплату долга, возникшаго изъ поручительства за пріятеля или на неотложныя нужды семьи. Между тѣмъ оказывается потомъ, что даритель сдѣлался несостоятельнымъ должникомъ, что подаренное имущество превышало часть, подлежавшую свободному распоряженію дарителя, что подаренное имущество родовое. Съ одареннаго тянутъ полученное имъ безмездно. Коррективомъ здѣсь, конечно, можетъ быть правило востребованія по началу обогащенія. Но, во первыхъ, тутъ представляются трудности при рѣшеніи вопроса: было ли обогащеніе? А во вторыхъ,—не всегда можетъ быть примѣнено правило о востребованіи по началу обогащенія. Затѣмъ возмездное отчужденіе имущества можетъ быть таково, что его хочется третировать строже даренія. Пріобрѣтающій имущество за эквивалентъ можетъ очень хорошо знать, что собственникъ имущества, по положенію его дѣлъ, не можетъ его отчуждать и что выданныя за имущество деньги получатъ безнравственное употребленіе, пойдутъ на мотовство, на развратъ и т. д. Неужели этотъ возмездный пріобрѣтатель долженъ подлежать болѣе снисходительному третированію, нежели добросовѣстный одаренный? Поэтому, разсуждая de lege ferenda, наталкиваешься на вопросъ: не справедливѣе ли

будетъ сравнять возмездныя и безвозмедныя сдѣлки, если онѣ нарушаютъ права третьихъ лицъ и допускать оспариваніе ихъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ будутъ заключены недобросовѣстно?

Н. Полетаевъ.

III.

ЮРИДИЧЕСКАЯ СТОРОНА ВОПРОСА О ТОРГОВЛѢ БѢЛЫМИ ЖЕНЩИНАМИ ВЪ ЦѢЛЯХЪ РАЗВРАТА.

21, 22 и 23 іюня (н. с.) настоящаго года соберется въ Лондонѣ международный конгресъ по вопросу о торговлѣ бѣлыми женщинами въ цѣляхъ разврата. Между прочимъ, конгрессъ этотъ остановится (п. 7 программы) и на законодательныхъ и административныхъ мѣропріятіяхъ, которыя могли бы быть рекомендованы для борьбы со зломъ. Поэтому въ настоящее время представляется особенно желательнымъ выяснить этотъ вопросъ съ юридической стороны.

Ближайшее разсмотрѣніе всего комплекса дѣяній, которымъ дается одно общее названіе торговли бѣлыми (la traite des blanches, white slave trafic) приводитъ къ убѣжденію въ необходимости различать въ этомъ комплексѣ, во всякомъ случаѣ, двѣ группы самостоятельныхъ дѣйствій, исполняемыхъ почти всегда разными лицами и имѣющихъ, несомнѣнно, и съ бытовой, а въ особенности съ юридической, точекъ зрѣнія совершенно самостоятельный характеръ, не смотря на общую цѣль, объединяющую обѣ группы—эксплоатированіе личности женщины, привлекаемой въ ряды проститутокъ.

Первая группа состоитъ изъ всѣхъ тѣхъ дѣйствій, которыя предпринимаются для привлеченія и доставленія женщины въ домъ разврата путемъ обмана, вторая—состоитъ изъ всѣхъ

тѣхъ дѣйствій, которыя предпринимаются для удержанія женщины въ этомъ домѣ, для закабаленія ея здѣсь и спокойнаго эксплоатированія. Что касается первой группы, то необходимо замѣтить, что какъ бы ни разнообразны были тѣ дѣйствія, къ которымъ прибѣгаютъ для того, чтобы ввести жертву въ обманъ и вызвать у нея согласіе слѣдовать за собою даже и въ чужую страну (обѣщанія дать прибыльный и честный заработокъ, обѣщаніе жениться, для чего лишь необходимо предварительное путешествіе, а затѣмъ въ случаѣ, если при дальнѣйшемъ осуществленіи плана жертва выражаетъ сомнѣнія, всевозможныя застращиванія и запугиванія), всѣ эти дѣйствія могутъ быть безусловно, безъ всякой натяжки, признаны однимъ изъ видовъ сводничества, при чемъ только въ данномъ случаѣ сводничества, такъ сказать, экспортирующаго, международнаго.

Сводничество предусматривается всѣми европейскими уголовными законодательствами и карается строго. Французскій уголовный кодексъ 1810 г. (ст. 334) караетъ тюремнымъ заключеніемъ до 2 лѣтъ того, кто постоянно возбуждаетъ, благопріятствуетъ или облегчаетъ развратъ молодыхъ людей обоего пола въ возрастѣ до 21 года. Новый строгій законопроектъ сенатора Беранже о проституціи и сводничествѣ, предусматривающій и embauchage par fraude, все еще не принятъ французскими палатами.

Старѣйшее послѣ французскаго—уложеніе австрійское (1852) караетъ сводничество тяжкимъ заключеніемъ отъ 1 до 5 лѣтъ. Русское законодательство знаетъ собственно только (ст. 998—1000 ул. нак.) сводничество, производимое родителями, супругами, опекунами и замѣняющими ихъ лицами, карая таковое лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкой на житье въ Сибирь или заключеніемъ въ арестантскомъ отдѣленіи до трехъ лѣтъ. Сводничество, производимое другими лицами, выше не поименованными, въ русскихъ законахъ прямо не предусмотрѣно и лишь кассаціонный судъ разъяснилъ о возможности примѣненія къ этимъ послѣднимъ лицамъ ст. 44 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, карающей за нару-

шеніе распоряженій правительства, относящихся къ предупрежденію непотребства, арестомъ не свыше одного мѣсяца или денежнымъ взысканіемъ.

Германское уложеніе 1870 г. знаетъ сводничество вообще (ст. 180) и сводничество, когда сводникъ прибѣгалъ къ хитростямъ и обманамъ (hinterlistige Kunstgriffe ст. 181) и назначаетъ въ послѣднемъ случаѣ цухтгаузъ до 5 лѣтъ. Кромѣ того, германское уложеніе содержитъ (ст. 235 и 236) постановленія, крайне строго карающія за увозъ совершеннолѣтнихъ дѣвушекъ отъ родителей и опекуновъ, въ видахъ эксплоатированія ихъ для нищенства или разврата, и увозъ замужней женщины, посредствомъ хитрости, угрозы или силою, для цѣлей разврата.

Итальянское уложеніе 1890 г. (ст. 345) назначаетъ заключеніе до 5 лѣтъ за сводничество въ видѣ ремесла, за сводничество посредствомъ обмана, и сводничество ребенка не достигшаго 12 лѣтъ.

Другія законодательства идутъ еще дальше и предусматриваютъ и спеціальный видъ сводничества, т. е. международнаго, входящаго въ составъ traite des blanches.

Такъ, англійское (Criminal law amendement act 48 & 49 Vict cap. LXIX, статья 3 пунктъ 2) караетъ тюремнымъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ съ каторжнымъ трудомъ или безъ онаго (hard labour) тѣхъ, которые путемъ обманныхъ дѣйствій привлекаютъ честную женщину или дѣвушку къ разврату въ въ Англіи или за границей.

Невшательское уголовное уложеніе 1891 г. караетъ (ст. 292) какъ сводничество вообще, такъ и кромѣ того—заключеніемъ до 4 лѣтъ,—сводничество дѣвушекъ, не достигшихъ 20 лѣтняго возраста, и доставленіе не запятнанной въ нравственномъ отношеніи женщины для разврата путемъ обмана. Но кромѣ того, это же уложеніе содержитъ ст. 335, которая назначаетъ заключеніе до 5 лѣтъ за похищеніе (enlèvement) дѣвушки моложе 16 лѣтъ съ цѣлью отправленія ея за границу или же эксплоатированія ея въ цѣляхъ разврата; наказаніе повышается, когда жертвой преступленія былъ ребенокъ, не достигшій 14 лѣтъ.

Новѣйшіе проекты уголовныхъ уложеній Швейцарскаго (ред. 1896 г.) и Норвежскаго (переводъ 1898 г.) полно и исчерпывающе предусматриваютъ этотъ особенный видъ международнаго сводничества, имѣющаго цѣлью вывозъ женщинъ за границу и сопровождающагося обманными дѣйствіями и угрозами.

Такъ, швейцарскій проектъ (ст. 118) караетъ цухтгаузомъ того, кто хитростью, угрозою или силою пытается передать женщину для разврата; при различныхъ отягчающихъ обстоятельствахъ и, между прочимъ, когда женщина вывозится для цѣлей разврата за границу, наказаніе составляетъ цухтгаузъ на срокъ не менѣе 5 лѣтъ.

Проектъ Норвежскаго уголовнаго уложенія (§ 224) караетъ тюремнымъ заключеніемъ до 10 лѣтъ того, кто силою, угрозами или хитростью завладѣваетъ женщиною для вывоза ея за границу съ цѣлью привлеченія къ разврату.

Наряду съ этими широкими и подробными законодательными постановленіями, карающими сводничество во всѣхъ его видахъ, въ томъ числѣ и сводничество международное, въ европейскихъ законодательствахъ, за исключеніемъ одного, не содержится никакихъ уголовныхъ каръ за вторую группу дѣяній, составляющихъ вмѣстѣ съ первой—la traite des blanches, а именно за дѣянія, направленныя къ удержанію силою, обманомъ, закабаленіемъ, полученной отъ сводника женщины въ домѣ разврата.

Правда, европейскія законодательства содержатъ, почти всѣ безъ исключенія, постановленія, карающія за самовольное лишеніе свободы, но постановленія эти не всегда могли бы быть примѣнены къ данной группѣ дѣяній; а затѣмъ другихъ постановленій, ограждающихъ личность и независимость проститутки даже и въ спеціальныхъ сборникахъ административныхъ распоряженій (гласныхъ, по крайней мѣрѣ), мы не находимъ.

Лишь англійское законодательство (ст. 8 указаннаго выше акта) караетъ прямо тюремнымъ заключеніемъ до двухъ лѣтъ удержаніе противъ воли женщины или дѣвушки въ публичномъ домѣ или вообще въ другомъ помѣщеніи съ цѣлью пре-

доставленія ихъ для разврата. При этомъ эта статья подводитъ подъ понятіе удержанія не только насильственное удержаніе въ буквальномъ смыслѣ слова, но удержаніе вещей и платья и угрозы преслѣдователей за уносъ вещей и платья, которыя даны проституткѣ хозяиномъ заведенія для пользованія. Законъ добавляетъ, кромѣ того, что никакое преслѣдованіе—ни гражданское, ни уголовное не можетъ быть возбуждено противъ женщины, которая унесла съ собой то платье, которое ей было совершенно необходимо для оставленія публичнаго дома.

Изъ проектовъ одинъ лишь проектъ русскаго уголовнаго уложенія (ст. 439) предлагаетъ карать исправительнымъ домомъ виновнаго въ помѣщеніи или содержаніи посредствомъ учиненныхъ для сего насилій надъ личностью, угрозы такимъ насиліемъ или обмана въ притонѣ разврата—лица женскаго пола, не внесеннаго въ списокъ публичныхъ женщинъ.

Судебная практика даетъ, къ сожалѣнію, слишкомъ мало случаевъ примѣненія всѣхъ вышеизложенныхъ законовъ къ случаямъ торговли бѣлыми во всемъ объемѣ; она упоминаетъ о нѣсколькихъ процессахъ въ Бельгіи (въ 1877 и 1881) и нѣсколькихъ въ Россіи (въ 1875 и 1885 г.). Заключеніе нѣкоторыми государствами международныхъ договоровъ (Бельгіей съ Голландіей 18 дек. 1886 г., Голландіи съ Австріей 26—30 ноября 1888 г., Голландіей съ Германіей 15 ноября 1889 г.), коими эти государства обязывались помогать другъ другу въ борьбѣ съ продажею бѣлыхъ, также, какъ показала практика, не привели ни къ какимъ результатамъ. А между тѣмъ ростъ и развитіе продажи и рабства женщинъ за послѣдніе года убѣждаютъ въ томъ, что зло могущественно и безнаказанно развивается.

Эта безпомощность, несомнѣнно, можетъ отчасти быть объясняема несовершенствомъ дѣйствующихъ законовъ, не предусматривающихъ второй части тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя объединяются подъ понятіемъ traite des blanches, но нельзя не сказать, что это несовершенство не помѣшало однако судебнымъ властямъ, прибѣгавшимъ, очевидно, къ широкому толкованію дѣйствующихъ законовъ по аналогіи, строго

карать виновныхъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда виновные были представлены на судъ.

Поэтому, признавая вполнѣ желательнымъ дополненіе современныхъ законодательствъ въ томъ направленіи, которое избрали англійскій законъ 1885 г. и проектъ русскаго уголовнаго уложенія, необходимо остановиться на болѣе глубокихъ причинахъ безпомощности и роста печальнаго явленія, на томъ—почему именно эта вторая часть преступной торговли и рабства оставалась безъ регламентированія и какое она имѣетъ значеніе въ общемъ комплексѣ дѣяній, объединенныхъ подъ именемъ traite des blanches. Многочисленные и печальные факты, сообщенные какъ авторами отчетовъ, представленныхъ по настоящему вопросу Парижскому [1]) тюремному конгрессу 1895 г. такъ и другими изслѣдователями, устраняютъ, къ сожалѣнію, всякую возможность сомнѣваться въ томъ, что названіе, данное разслѣдуемой группѣ дѣяній, дано не по аналогіи, что мы имѣемъ дѣло и съ дѣйствительною продажею и съ дѣйствительнымъ рабствомъ или крѣпостничествомъ, что именно эта вторая составная часть traite des blanches, т. е. дѣянія, которыми обезпечивается существованіе рабства, и есть наиболѣе опасная и важная, ибо несомнѣнно, что, если бы не было рабства, то не могло бы быть и продажи въ рабство. Если бы не было полной возможности у содержателей притоновъ удержать насильно противъ воли попавшихъ къ нимъ женщинъ, то они не платили бы такихъ крупныхъ суммъ за доставленіе послѣднихъ (нѣсколько сотъ франковъ на континентѣ и нѣсколько сотъ долларовъ въ Америкѣ) и, слѣдовательно, очевидно, самое существованіе международнаго сводничества зависитъ исключительно отъ того, что безнаказанно и нерушимо существуетъ въ каждой странѣ свое, національное, крѣпостное право, или рабство женщинъ, попавшихъ въ дома разврата, въ отношеніи къ хозяевамъ этихъ домовъ.

Международный характеръ сводничество принимаетъ только для болѣе удобнаго осуществленія тѣхъ же общихъ цѣлей

[1]) V Congrès Pénitentiaire international, Paris—1895. Rapport de la première section p. 491—602.

сводничества, которыя преслѣдуетъ и національное сводничество; дѣйствительно, легче убѣдить наивныхъ женщинъ въ возможности устроить ихъ судьбу какъ то особенно хорошо въ далекой, неизвѣстной странѣ, чѣмъ у себя на родинѣ, гдѣ всякія обманныя обѣщанія слишкомъ легко могутъ быть провѣрены.

Крѣпостное безправное положеніе проститутокъ въ отношеніи къ хозяевамъ притоновъ сводится къ тому, что ихъ удерживаютъ силой и при томъ вполнѣ безнаказанно въ этихъ домахъ, а въ случаѣ, если представляется болѣе выгоднымъ или болѣе безопаснымъ удалить ихъ изъ дома, продаютъ ихъ за извѣстную сумму въ другое подобнаго же рода заведеніе въ той же странѣ или за границей; для осуществленія этого полнаго владѣнія закрѣпощенной женщиной, по возможности измѣняютъ ея внѣшній видъ, стригутъ ей волосы, даютъ ей другое имя, даютъ ей часто новые поддѣльные удостовѣряющіе личность карточки и паспорты, не допускаютъ какихъ либо личныхъ или письменныхъ сношеній ея съ родными и близкими. Если все это безнаказанно совершается не въ какой либо нецивилизованной части Африки или Азіи, а во всѣхъ наицивилизованнѣйшихъ государствахъ Европы и Америки, то невольно, прежде всего, зарождается вопросъ, почему терпится такое положеніе?

Причины этого явленія давнишни, глубоки и тѣсно связаны со многими сторонами проституціи. Послѣдняя, какъ есть всѣ основанія предполагать, возникла одновременно съ бракомъ, но уже въ древнія времена, въ Греціи (въ Аѳинахъ при Солонѣ) контингентъ проститутокъ составлялся исключительно изъ рабынь. Въ послѣдующія эпохи проституція складывается постепенно въ особое ремесло, въ особую профессію, которая ведется, однако, на началахъ полнѣйшаго эксплоатированія хозяевами рабочихъ, такого, какое возможно было только при крѣпостномъ правѣ. Государственная власть относится къ этому ремеслу уже многіе вѣка одинаково неизмѣнно; отношеніе это выражается въ полнѣйшемъ непризнаніи законнаго существованія такой профессіи, во взглядѣ на проституцію, какъ на зло, которое поэтому какого либо

законнаго нормированія не заслуживаетъ. Вотъ почему въ наше время, когда всѣ свободны и во всѣхъ государствахъ существуетъ въ полной мѣрѣ то, что Монтескье называлъ гражданской свободой, когда, по выраженію знаменитаго германскаго юриста Листа, даже преступники имѣютъ свою „magna charta libertatum“, въ видѣ уголовныхъ уложеній и уставовъ уголовнаго судопроизводства, точно, до мельчайшихъ подробностей, опредѣляющихъ, за что и при какихъ условіяхъ они могутъ быть наказаны, только проститутки остаются внѣ всякой защиты правъ, внѣ всякаго опредѣленія ихъ правъ и обязанностей. Поэтому-то хозяйки и хозяева притоновъ могутъ безконтрольно распоряжаться личностью и услугами содержимыхъ, имѣютъ право ставить имъ на счетъ не только квартиру и пропитаніе, но и всѣ тѣ платья, которыя онѣ, хозяйки, считаютъ необходимымъ шить проституткамъ для поддержанія „renommée“ ихъ дома, оцѣнивая все это крайне высоко и опредѣляя вознагражденіе за „трудъ“ проститутки такъ, какъ это имъ угодно, такъ что предъ лицомъ гражданскаго суда, въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда подобныя дѣла доходятъ до суда, проститутка является всегда неизмѣнно въ неоплатномъ долгу предъ хозяевами, а слѣдовательно, и передъ судомъ вполнѣ безправной, хотя „трудъ“ крайне прибыленъ и хозяева составляютъ состоянія выгоднымъ примѣненіемъ капитала къ этому „дѣлу“.

Но, къ сожалѣнію, кромѣ вышеописаннаго, принципіальнаго, такъ сказать, отношенія государства къ проституціи, имѣется еще и другая болѣе важная причина безправнаго положенія проститутокъ. Какъ извѣстно, проституція является главнымъ источникомъ распространенія всѣхъ венерическихъ болѣзней, начиная съ сифилиса. Однимъ изъ могущественныхъ средствъ ограничивать распространіе этихъ ужасныхъ болѣзней является по отзыву цѣлаго ряда наиболѣе компетентныхъ изслѣдователей и врачей—регламентація проституціи (Ср. по этому поводу Commenge, La prostitution clandestine à Paris 1897 г.). Регламентація проституціи существуетъ во всей Европѣ за исключеніемъ Англіи и Италіи, гдѣ она была отмѣнена въ 80-хъ годахъ, что, по словамъ Com-

8*

menge'а, и другихъ изслѣдователей, вызвало взрывъ венерическихъ болѣзней вообще и крайнее распространеніе спеціально сифилиса. Но какое бы значеніе ни придавать регламентаціи проституціи, необходимо имѣть въ виду, что осуществленіе регламентаціи ввѣрено полиціи, что послѣдняя борется съ тайною проституціей всѣми тѣми мѣрами, которыя находитъ нужными, что регламентація состоитъ въ совершенно произвольномъ, производимомъ по усмотрѣнію полиціи, внесеніи проститутокъ въ списки, въ воспрещеніи заниматься проституціей незаписанными и въ обязательствѣ записанныхъ аккуратно, въ установленные дни подвергаться медицинскому осмотру и исполнять другія правила.

Такимъ образомъ, въ силу нежеланія государственной власти легально нормировать положеніе проституціи, какъ ремесла постыднаго, въ силу отношенія къ проституціи, какъ источнику тягчайшихъ болѣзней, нуждающемуся въ сильномъ и энергическомъ обуздываніи, проституція отдана въ полное и безконтрольное завѣдываніе органовъ полиціи, а послѣдняя во всѣхъ государствахъ, самыхъ передовыхъ, представляется наименѣе совершенной, по составу чиновъ и характеру дѣятельности, отраслью управленія.

Безконтрольное завѣдываніе проституціею со стороны полиціи влечетъ за собою, во первыхъ, существованіе полнаго безправія и произвола въ этой области; къ сожалѣнію, изслѣдователи указываютъ ужасные примѣры такого произвола въ родѣ внесенія въ списки публичныхъ женщинъ, несмотря на просьбы и заклинанія, 12 лѣтнихъ невинныхъ дѣвочекъ и отсылки ихъ вслѣдъ за тѣмъ въ распоряженіе самихъ же органовъ полиціи, надзирающихъ за проституціей.

Во вторыхъ, полиція видитъ въ хозяевахъ и хозяйкахъ какъ бы помощниковъ своихъ по осуществленію задачъ регламентаціи и во всѣхъ случаяхъ столкновеній хозяевъ съ проститутками становится противъ послѣднихъ, и безъ того уже не имѣющихъ никакихъ опредѣленныхъ правъ.

Въ третьихъ, наконецъ, полиція, въ тѣхъ, по крайней мѣрѣ, государствахъ, гдѣ она вообще считаетъ возможнымъ пользоваться за свои услуги всевозможными денежными по-

дарками частныхъ лицъ, видитъ въ тайномъ и безнравственномъ ремеслѣ прямую доходную статью и облагаетъ содержателей притоновъ разврата настоящимъ налогомъ.

Въ силу всего этого между полиціей и вполнѣ зависимыми отъ нея, но вмѣстѣ съ тѣмъ и дающими ей большой доходъ, хозяевами публичныхъ домовъ и притоновъ устанавливаются особыя тѣсныя отношенія, которыя, напримѣръ, проявляются, между прочимъ, въ томъ, что когда чины полиціи привлекаются къ слѣдствію по обвиненію въ преступленіяхъ должности и отъ нихъ требуется въ видѣ мѣры пресѣченія представленіе залога, то послѣдній представляется содержателями публичныхъ домовъ.

Эти отношенія во всякомъ случаѣ—и вполнѣ понятно—ведутъ къ полному безправію проститутокъ, безправію, при которомъ становится совершенно объяснимымъ и порабощеніе ихъ и торговля ими, какъ крѣпостными.

Вышеизложенныя соображенія даютъ основаніе остановиться на слѣдующихъ предположеніяхъ:

I. Средствъ для борьбы съ тѣмъ зломъ, которое объединяется подъ однимъ общимъ названіемъ торговли бѣлыми (white slave trafic), надо искать преимущественно не въ международныхъ договорахъ, а въ національномъ законодательствѣ и въ разумныхъ и необходимыхъ мѣрахъ мѣстной государственной власти.

II. Въ законодательномъ порядкѣ должно быть прежде всего предусмотрѣно то рабство, которое существуетъ нынѣ во всѣхъ публичныхъ домахъ всѣхъ государствъ; для устраненія его законъ долженъ возможно точно опредѣлить взаимныя права и обязанности хозяевъ и проститутокъ, условія поступленія и право свободнаго выхода; наконецъ, назначить строгую кару за удержаніе проститутки противъ воли прямымъ насильственнымъ путемъ или удержаніемъ одежды, предъявленіемъ неосновательныхъ исковъ и т. д.

Далѣе въ уголовномъ законодательствѣ долженъ быть предусмотрѣнъ и точно опредѣленъ особый видъ сводничества, входящій въ составъ la traite des blanches, какъ заключающій въ себѣ, кромѣ обыкновенныхъ признаковъ сводничества, еще

слѣдующее: прибѣганіе къ обману, насилію или угрозамъ и увозъ обманутой за границу.

III. Какъ ясно однако уже изъ предыдущаго, одно законодательное нормированіе не устранитъ всего зла, ибо, какіе бы законы ни были изданы, они не будутъ примѣняться, пока надзоръ и регламентированіе проституціи будутъ находиться въ безконтрольномъ вѣдѣніи полиціи. Поэтому необходимо, во-первыхъ, передать надзоръ санитарный въ вѣдѣніе мѣстныхъ органовъ самоуправленія (соотвѣтственное предложеніе было сдѣлано недавно съѣздомъ русскихъ сифилидологовъ); и во-вторыхъ, установить особый надзоръ органовъ правосудія за законностью содержанія, т. е. согласіемъ съ волей содержащихся въ этихъ учрежденіяхъ,—такой же надзоръ, какой существуетъ въ отношеніи тюремъ, съ правомъ немедленнаго освобожденія, въ случаѣ неправильнаго лишенія свободы; это огражденіе правъ личности, эта милость должны быть распространены и на учрежденія, вмѣщающія въ себѣ несомнѣнно много порочныхъ элементовъ, начиная съ самихъ хозяевъ; организація этого надзора будетъ, разумѣется, различна сообразно съ внутреннимъ строемъ каждой страны.

IV. При этихъ мѣрахъ международное сводничество несомнѣнно падетъ, такъ какъ за доставленіе не станутъ платить; во всякомъ случаѣ въ этомъ отношеніи, въ смыслѣ борьбы собственно съ международнымъ сводничествомъ, помощь органамъ самоуправленія и судебной власти окажутъ консулы заинтересованныхъ державъ, для чего необходимо лишь нѣсколько подробнѣе и полнѣе опредѣлить ихъ права въ этомъ дѣлѣ.

V. Только тогда, когда право и законность проникнутъ въ темный въ настоящее время уголъ притоновъ разврата, за ними вслѣдъ туда должна и можетъ проникнуть филантропія, которая только при этихъ условіяхъ будетъ достаточно ограждена и направитъ свое вліяніе на лицъ колеблющихся, и въ особенности, на лицъ, попавшихъ случайно и не возвращающихся въ ряды нормальнаго общества, къ родителямъ изъ за стыда и страха передъ мыслью о томъ, про-

стятъ ли дома—быть можетъ, случайную вину, опредѣлившую, однако, послѣдующее поведеніе.

Предположенныя мѣры, несомнѣнно, не уничтожатъ ни проституціи, ни сводничества, но онѣ сдѣлаютъ невозможными тягчайшія стороны этихъ печальныхъ дѣяній и въ особенности то, что нынѣ называется торговлею бѣлыми—смоютъ съ современнаго цивилизованнаго общества, такъ внимательно ограждающаго личность и ея права, пятно лицемѣрнаго игнорированія печальнаго факта порабощенія многихъ личностей въ его средѣ.

С. Гогель.

IV.

НИЩЕНСТВО ВЪ СОВРЕМЕННОЙ РОССІИ.

Нѣсколько словъ о его причинахъ и развитіи.

Къ числу явленій, которыя повсемѣстно привлекаютъ къ себѣ вниманіе правительства и общества, относится сильное развитіе нищенства. Многія изъ государствъ западной Европы давно уже ведутъ энергичную борьбу съ этимъ зломъ, а маленькая Бельгія создала даже цѣлую сѣть учрежденій, считая съ полнымъ основаніемъ, что ей такимъ путемъ удастся задержать развитіе многочисленнаго класса людей, которые живутъ крохами съ чужого стола и отказываются отъ производительной работы. Въ области этихъ реформъ Россія сильно отстала отъ своихъ западныхъ сосѣдей, но и въ нашей странѣ вопросъ о нищихъ не сходитъ съ программы работъ различныхъ вѣдомствъ. Въ 70-хъ годахъ при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ была образована коммисія подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Веселкина для обсужденія вопроса о призрѣніи нищихъ въ сельскихъ и городскихъ обществахъ. Въ 90-хъ годахъ такая же коммисія работала подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Грота и собрала весьма обширные матеріалы; въ настоящее время при Министерствѣ Юстиціи, подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника Мѣщанинова, учреждена коммисія для разработки вопроса о мѣрахъ противъ профессіональнаго нищенства и бродяжества. Наконецъ, еще недавно возникло цѣлое вѣдомство,—попечительство о домахъ трудолюбія и работныхъ домахъ, задача котораго состоитъ въ борьбѣ съ нищетою путемъ подачи трудовой помощи.

Въ виду такого общаго интереса къ этому вопросу мы считаемъ себя въ правѣ подѣлиться съ нашими читателями рядомъ бытовыхъ свѣдѣній, которыя не лишены нѣкотораго значенія. Не касаясь запада и его блестящихъ учрежденій, мы постараемся изложить нѣсколько данныхъ, которыя въ своей совокупности дадутъ намъ довольно подробную картину причинъ возникновенія нищенства въ нашей странѣ и тѣхъ условій, которыя содѣйствуютъ его развитію. Профессіональнаго нищенства мы касаться не будемъ; этому вопросу мы посвятили особое изслѣдованіе [1]).

I.

Въ числѣ причинъ развитія нищенства на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено полное отсутствіе призрѣнія. Во всѣхъ губерніяхъ есть множество стариковъ, калѣкъ и слѣпыхъ, которые имѣютъ несомнѣнное право на мѣсто въ богадѣльнѣ, но вынуждены ходить по міру, въ виду отсутствія надлежащаго количества богоугодныхъ заведеній. Нерѣдко лица эти вслѣдствіе своей слабости и одиночества лишены возможности обработывать землю и поэтому сдали свои земельные надѣлы въ общества. Только въ губерніяхъ Прибалтійскихъ призрѣніе крестьянъ и мѣщанъ поставлено должнымъ образомъ. Насколько это сообщеніе правильно, можно убѣдиться изъ слѣдующихъ цифръ: въ Курляндіи призрѣваются 3700 человѣкъ (богадѣленъ 180), въ Лифляндіи—5390 лицъ (богадѣленъ 337), тогда какъ въ Виленской губерніи призрѣваются въ 8-ми богадѣльняхъ 866 человѣкъ, въ Витебской въ 12-ти богадѣльняхъ—167, а въ Ковенской въ 3-хъ богадѣльняхъ—76. Поэтому вполнѣ возможно допустить, что въ Прибалтійскихъ губерніяхъ нищіе рекрутируются главнымъ образомъ изъ пришлыхъ элементовъ, а также изъ тѣхъ лицъ, которыя не желаютъ поступать въ богадѣльни. Однородное наблюденіе сдѣлано въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, которыя входятъ въ черту осѣдлости евреевъ (Ковно, Минскъ, Херсонъ). У этихъ послѣднихъ дѣло частной и общественной благотворительности очень развито; поэтому, если на улицѣ встрѣтишь еврея, который проситъ милостыню, то можно быть увѣреннымъ, что имѣешь дѣло съ профессіональнымъ нищимъ.

---

[1]) При составленіи настоящаго очерка главнымъ источникомъ служили наши статьи въ томѣ I матеріаловъ учрежденной при Министерствѣ Юстиціи коммиссіи для разработки мѣръ противъ профессіональнаго нищенства и бродяжества.

По С.-Петербургской губерніи замѣчено, что нищенство среди лютеранъ представляетъ рѣдкое явленіе, въ виду прекрасной организаціи въ этихъ общинахъ помощи всѣмъ неимущимъ. Тотъ же фактъ констатированъ относительно магометанъ Эриванской губерніи.

Къ этому необходимо добавить, что жизнь указала нѣкоторые весьма существенные недостатки и пробѣлы въ дѣлѣ призрѣнія, гдѣ оно существуетъ. Эти пробѣлы не остались безъ вліянія и на развитіе нищенства.

Въ числѣ собирающихъ подаяніе встрѣчаются лица, которыя страдаютъ хроническими болѣзнями. Они по слабости силъ и по характеру своей болѣзни, которая нерѣдко бываетъ заразительной, не могутъ найти себѣ занятія, а въ больницу не принимаются, потому что тамъ едва хватаетъ мѣста для лицъ, одержимыхъ острыми страданіями. Недостаточность размѣровъ благотворительныхъ учрежденій ощущается и въ иномъ отношеніи. Среди нищихъ встрѣчаются люди, которые не могли быть помѣщены въ дома трудолюбія по отсутствію свободныхъ мѣстъ или по своему семейному положенію, такъ какъ лица многосемейныя туда не могутъ быть приняты. Наконецъ, было замѣчено, что по міру ходятъ многіе изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ, которые уволены въ отставку послѣ 1 января 1867 года и не имѣютъ права на пособіе отъ казны, а равно жены и вдовы ихъ, потому что эти лица, хотя и приписаны къ крестьянскимъ или чаще мѣщанскимъ обществамъ (иногда впрочемъ и безъ согласія сихъ послѣднихъ, лишь для счета), но фактической связи ни съ кѣмъ въ средѣ этихъ обществъ не имѣютъ.

Не только отсутствіе призрѣнія, но даже *существующіе порядки* или *прямыя указанія закона* служатъ нерѣдко источникомъ нищества и причиной его усиленія. Къ числу такихъ постановленій необходимо отнести слѣдующія:

1) Безотрадное положеніе, въ которомъ находится у насъ призрѣніе больныхъ, стариковъ и бѣдныхъ, связываетъ руки у правительства и общества. Почти двѣсти лѣтъ прошло со временъ царствованія Петра Великаго, который впервые началъ на Руси борьбу противъ нищенства, а между тѣмъ до настоящаго времени не установлено окончательно, запрещено ли нищенство или нѣтъ. Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями (ст. 49—51) и уставъ о предупрежденіи преступленій (ст. 159) запрещаютъ строжайше хожденіе съ сумою, между тѣмъ параллельно съ

этимъ въ губерніяхъ привислянскихъ существуетъ мѣстное распоряженіе правительства, въ силу котораго бѣднымъ выдаются свидѣтельства на прошеніе милостыни. [1]) Однородный взглядъ мы находимъ въ постановленіи Харьковскаго благотворительнаго общества, которое вѣдаетъ въ этомъ городѣ разборомъ нищихъ. Общество это предполагаетъ выдавать бѣднымъ особые бляхи для безпрепятственнаго сбора подаяній. Наконецъ, во многихъ центральныхъ губерніяхъ призрѣніе неимущихъ сводится къ тому, что имъ позволяютъ собирать милостыню въ своемъ селеніи („идти въ кусочки").

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ нищенство, не смотря на прямой запретъ закона, считается у насъ явленіемъ нормальнымъ, а число лицъ, которыя превратили сборъ подаяній въ выгодный промыселъ увеличивается съ каждымъ годомъ.

2) *Ссылка на поселеніе.* Въ западной и восточной Сибири, въ губерніяхъ Томской, Тобольской, Иркутской и Енисейской нищенство развито очень сильно, но исключительно благодаря массѣ ссыльныхъ и переселенцевъ. Первые изъ нихъ, не находя работы, стремятся назадъ въ Россію и дорогой питаются милостыней. Сами же сибиряки этого промысла не одобряютъ и чувствуютъ къ нему отвращеніе. Даже мальчики, которые ходятъ поводырями у слѣпыхъ, отказываются отъ дѣла, какъ только они достигнутъ 13 лѣтъ и могутъ поступить работниками къ богатому мужику. Поэтому, если въ Сибири кто либо проситъ на погорѣлое, то это навѣрное новоселъ, который съ родины привезъ некрасивую привычку ходить по міру съ сумой [2]).

Къ этому надо добавить что ссылка является причиной нищенства не только въ Сибири, гдѣ суровая природа и тяжелыя условія жизни затрудняютъ поселенцу первые шаги. Напротивъ, на югѣ мы можемъ найти тоже явленіе. Въ Елисаветпольской губерніи нерѣдко встрѣчаются ссыльные изъ русскихъ сектантовъ, которые ходятъ съ сумою вслѣдствіе невозможности найти какую либо работу.

3) *Высылка изъ столицъ* на родину или въ другіе города лицъ, отбывшихъ наказаніе съ послѣдствіями по ст. 48 улож. наказ., а

---

[1]) Распоряженіе Главнаго Директора Предсѣдательствующаго въ Правительственной Коммисіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ отъ 24 іюля (5 августа) 1851 г. № 29066.

[2]) Сибирь 1876 № 10, Матеріалы стр. 97.

равно безпаспортныхъ, нищихъ и бродягъ, не уменьшаетъ нищенства, а, напротивъ, увеличиваетъ его; эти люди не въ состояніи достать себѣ работу, такъ какъ съ одной стороны они въ мѣстѣ приписки не имѣютъ ни родственниковъ, ни друзей, ни имущества, а съ другой—мѣстные крестьяне не желаютъ брать къ себѣ пьяныхъ, лѣнивыхъ и развращенныхъ субъектовъ. Поэтому лица, высланныя изъ крупныхъ центровъ въ деревню, волею неволею уходятъ безъ паспорта и пробираются опять въ города. Такимъ образомъ создается бродячій пролетаріатъ, стоющій казнѣ весьма дорого, такъ какъ на пересылку по этапу и снабженіе этихъ пролетаріевъ одеждой и обувью расходуются ежегодно крупныя суммы. Особенно сильно страдаютъ отъ такихъ ссыльныхъ г. Ковровъ, Владимірской губ., и Мологa, Ярославской, куда водворяются лица, высланныя изъ С.-Петербурга. Характерныя свѣдѣнія мы можемъ сообщить относительно Нижняго-Новгорода. Число лицъ, высылаемыхъ ежегодно администраціей за бродяжество и нищенство, довольно значительно: въ 1896 году отправлено по этапу 2899 человѣкъ (въ томъ числѣ высланныхъ изъ столицъ 807), въ 1897 г. отправлено по этапу 1187 человѣкъ (въ томъ числѣ административно-высланныхъ изъ столицъ 579). Между тѣмъ, не смотря на такую энергію администраціи, нищіе очень быстро возвращаются, пользуясь для этого пароходами и желѣзной дорогой. Поэтому приходится высылать 10 разъ и болѣе однихъ и тѣхъ же субъектовъ. Къ этимъ краснорѣчивымъ фактамъ необходимо добавить нѣкоторыя соображенія. Высылка на родину съ примѣненіемъ ст. 20 полож. о вид. на жит., является мѣрой безполезной, если она избрана относительно профессіональнаго нищаго, ибо онъ не нуждается въ паспортѣ и на слѣдующій день послѣ водворенія на мѣстѣ уходитъ обратно. Если эта мѣра примѣняется къ человѣку, который прибѣгъ къ нищенству, потому что временно остался безъ работы (что въ большихъ городахъ бываетъ часто), то она приноситъ прямой вредъ, такъ какъ бѣднякъ лишенъ возможности идти на заработки и поневолѣ дѣлается нищимъ. Это вполнѣ понятно.

Путемъ высылки человѣкъ ставится въ безвыходное положеніе. Связи его съ семьей и съ тѣмъ городомъ, въ которомъ онъ жилъ, прекращаются; онъ попадаетъ въ среду совершенно чужую и настроенную къ нему враждебно. Естественно, что ему необходимо опять вернуться туда, откуда онъ пришелъ.

Всю важность сохраненія прежнихъ связей, чтобы дать человѣку возможность стать на ноги, можно усмотрѣть изъ того факта,

что послѣдствія, указанныя въ ст. 48 улож. переносятся осужденными сравнительно легко, если они водворяются въ родномъ селѣ. Тѣ изъ нихъ, которые еще не окончательно испорчены нравственно, всегда находятъ работу у своихъ сосѣдей и возвращаются къ прежнимъ занятіямъ.

Еще большее вліяніе на развитіе нищенства имѣютъ *экономическія* причины. Въ числѣ таковыхъ необходимо отмѣтить временныя народныя бѣдствія какъ то неурожаи, опустошительные пожары и скотскіе падежи.

Кромѣ временныхъ бѣдствій слѣдуетъ упомянуть нѣкоторыя другія экономическія причины, болѣе постояннаго характера.

1) На увеличеніе нищенства вліяетъ обѣднѣніе крестьянъ вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ и раздробленія на мелкія части хозяйства, а также отсутствіе ремеслъ и вообще кустарныхъ промысловъ. 2) Благодаря наплыву населенія въ южныя губерніи, малоземелье даетъ себя чувствовать: аренды повышаются настолько, что многіе крестьяне отрываются отъ земли. 3) Ощущается отсутствіе заработковъ. 4) Переселеніе изъ деревни въ города и фабричные центры: масса народа, надѣясь найти хорошіе заработки, стремится въ города, но нерѣдко обманывается въ своихъ ожиданіяхъ, остается безъ хлѣба и вынуждена просить милостыню. Кромѣ временнаго отсутствія заработковъ, городъ вреденъ въ томъ отношеніи, что, благодаря работамъ на фабрикѣ, народъ спивается, слабѣетъ и при потерѣ регулярнаго занятія сразу превращается въ нищаго. Такими несчастными переполнены предмѣстья всѣхъ промышленныхъ центровъ Владимірской губ.: Шуи, Иваново-Вознесенска и села Никольскаго (Покровскій уѣздъ). 5) Переселеніе на новыя мѣста и лѣтнее передвиженіе рабочихъ силъ заставляетъ многихъ просить подаяніе, такъ какъ на путешествіе ушли послѣднія средства, а съ приходомъ на новое мѣсто не находится работы въ достаточномъ количествѣ. Нищіе переселенцы оказались особенно многочисленными въ губерніяхъ Астраханской, Черноморской и Ставропольской, а бѣдственное положеніе пришлыхъ рабочихъ обратило на себя вниманіе администраціи во время неурожая въ Пермской губ. и въ Аккерманскомъ уѣздѣ, Бессарабской губ. Въ г. Тетюшахъ, Казанской губ., было замѣчено, что крестьяне, пришедшіе для работъ на Волжской пристани и ненашедшіе таковой, посылаютъ дѣтей своихъ собирать милостыню. Какъ исключительное явленіе необходимо отмѣтить австрійскихъ дезертировъ въ Астраханской губ. и переселеніе армянъ изъ Турціи въ Елисавет-

польскую и Эриванскую губернію, которые, оставшись безъ крова и хлѣба, вынуждены были ходить по міру.

По мнѣнію нѣкоторыхъ губернаторовъ, эти временныя причины бѣдности опасны не въ томъ отношеніи, что крестьяне вынуждены просить милостыню въ теченіе года, а потому, что человѣкъ, начавшій ходить съ сумою, не скоро откажется отъ этого занятія, такъ какъ онъ на опытѣ можетъ убѣдиться, насколько оно легко и выгодно.

Привычку къ христорадничанью нельзя не отмѣтить съ достаточной силой, такъ какъ этимъ обстоятельствомъ необходимо объяснить, что дѣти, начавшія просить милостыню по принужденію, постепенно превращаются въ профессіональныхъ нищихъ.

Послѣ причинъ экономическихъ и бытовыхъ нельзя не упомянуть этнографическихъ, т. е. указать тѣ народности, населяющія Россію, которыя даютъ крупный процентъ нищихъ. Приступая къ такому перечисленію, мы должны поставить, конечно, на первомъ планѣ цыганъ, которые, смотря по обстоятельствамъ, „всѣ бродяги и всѣ нищіе". Ихъ жены и дѣти просятъ милостыню на ярмаркахъ въ то время, когда ихъ мужья торгуютъ больными и краденными лошадьми.

Въ большихъ городахъ цыгане встрѣчаются очень рѣдко; сравнительно чаще они попадаются въ Кіевѣ, но главное ихъ поле дѣятельности—это уѣздные города и селенія. Нищенство развито у этихъ сыновъ „Индіи дальней" во всѣхъ мѣстностяхъ и губерніяхъ. Напр., въ Геокчайскомъ уѣздѣ, Бакинской губерніи, имѣются два селенія Джиръ-Куртъ и Туркменъ, населенныя исключительно цыганами. Несмотря на то, что жители этихъ поселковъ приверженцы ислама, выросли при другихъ условіяхъ и не имѣютъ ничего общаго, кромѣ крови, съ ихъ сородичами въ центральной Россіи, однако они такіе же тунеядцы, стоящіе въ сторонѣ отъ всякаго серьезнаго дѣла.

Изъ другихъ народностей слѣдуетъ упомянуть о башкирахъ въ Пермской губ. и татарахъ въ Кузнецкомъ уѣздѣ, Саратовской губ., которые нищенствуютъ по безпечности и лѣни. Среди нищихъ Пермской губерніи особенно часто встрѣчаются зыряне, приходящіе изъ сосѣдней Вологодской губ. Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ, Тверской губ., наибольшій процентъ нищихъ падаетъ на волости Микшинскую, Заручьевскую и Трестенскую, населенную корелами.

Далѣе въ числѣ причинъ, вліяющихъ на усиленіе нищенства,

нельзя обойти молчаніемъ нѣкоторыя бытовыя особенности нашей страны: обычаи и міровоззрѣнія крестьянъ, мѣщанъ и купцовъ.

Несомнѣнно вредно отзывается отсутствіе организаціи частной благотворительности и обычай подавать милостыню въ опредѣленные дни, въ особенности по средамъ, пятницамъ и субботамъ. Такая милостыня подается въ дни свадебъ поминокъ и смерти. Этотъ обычай существуетъ во многихъ губерніяхъ и держится особенно крѣпко среди старообрядцевъ.

Какія суммы тратятся ежегодно на исполненіе этого обычая, можно усмотрѣть изъ слѣдующихъ фактовъ, сообщенныхъ членомъ упомянутой выше коммисіи барономъ О. О. Буксгевденомъ. Въ городѣ Сызрани раскольникъ Еромасевъ по духовному завѣщанію оставилъ 10,000 рублей на раздачу нищимъ. Другой раскольникъ, по фамиліи Сыромятниковъ, роздалъ по случаю смерти своей жены 10,000 р. въ продолженіи 40 дней нищимъ и раскидалъ птицамъ нѣсколько пудовъ зерна.

Нагляднымъ примѣромъ пользы подобной благотворительности можетъ служить городъ Боровскъ, Калужской губ. Такъ какъ большинство его жителей—раскольники, которые очень щедры на подаянія, то городъ переполненъ нищими, тогда какъ смежные города избавлены отъ этого бича. Но помимо такого частнаго факта изъ всѣхъ угловъ Россіи получаются самыя безотрадныя свѣдѣнія о томъ вредѣ, который настоящій обычай приноситъ населенію. Въ дни раздачи милостыни выручка трактировъ, посѣщаемыхъ нищими, удваивается. Всѣ комнаты переполнены оборванцами, которые, выходя на улицу, тутъ же у дверей питейнаго заведенія пьянымъ и сиплымъ голосомъ просятъ Христа ради и осыпаютъ бранными словами проходящихъ [1]). Подобныя сцены разъигрываются во многихъ частяхъ города, такъ, что полиціи только съ большимъ трудомъ удается справиться съ пьяной толпой. Въ дни раздачи милостыни къ дому Сыромятникова стекалось до 500 человѣкъ оборванцевъ, которые затѣмъ отправлялись пропивать полученное подаяніе.

Обычай щедрой раздачи милостыни коренится во взглядѣ нашего простого люда на хожденіе съ сумою.

Нищіе остатокъ глубокой старины, освященный временемъ и поддерживаемый духовнымъ складомъ русскаго народа, который ви-

---

[1]) Ярослав. Губ. Вѣд. 1870 г. № 16. Сибирь. 1876 г. № 10. Курская газета. 1898 г. № 222.

дитъ въ лицѣ, просящемъ подаяніе, только несчастнаго и не спрашиваетъ о причинахъ, побудившихъ человѣка идти по міру. Этотъ взглядъ окрѣпъ подъ вліяніемъ церкви, которая учитъ помогать буквально всѣмъ бѣднымъ и несчастнымъ. Онъ нашелъ себѣ поэтическое выраженіе въ народной легендѣ о томъ, что Спаситель ходитъ по землѣ въ образѣ убогаго странника и испытываетъ души христіанъ, обращаясь къ нимъ съ просьбой о помощи. Легенды эти знакомы не только русскимъ людямъ, но и всему славянскому міру. Не даромъ покойный Афонасьевъ собралъ цѣлый рядъ варіантовъ этого трогательнаго разсказа. Въ послѣдствіи изъ народнаго эпоса таже мысль перешла въ нашу поэзію и нашла себѣ выраженіе въ слѣдующихъ красивыхъ стихахъ А. Н. Майкова:

„И русскій людъ, передъ которымъ
„Вотще слеза не пролита,
„Который подъ земнымъ позоромъ
„Въ убогомъ нищемъ—чтитъ Христа".

Насколько религіозныя воззрѣнія различныхъ народовъ связаны съ развитіемъ нищенства, можно усмотрѣть также изъ слѣдующихъ данныхъ. Въ Елисаветпольской губерніи и въ различныхъ областяхъ центральной Азіи, населенныхъ магометанами профессіональными нищими являются дервиши и сеиды, т. е. мусульманскіе монахи, давшіе обѣтъ пожизненнаго нищенства [1]). Въ предѣлы Россіи они приходятъ изъ Турціи, Персіи и другихъ государствъ.

Этотъ примѣръ можетъ служить прекраснымъ доказательствомъ того, насколько близко подходятъ другъ къ другу и переплетаются между собою взгляды и воззрѣнія самыхъ разнообразныхъ племенъ и народовъ. Мысль о необходимости смиренія и добровольной бѣдности хорошо знакома и христіанскому міру. Государства запада знаютъ ордена Францисканова, Капуциновъ. Нищіе монахи и до настоящаго времени ходятъ изъ города въ городъ, собирая подаянія. Эти монахи поддерживаютъ въ народѣ убѣжденіе, что подача милостыни на улицѣ есть дѣло богоугодное.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что снисходительное отношеніе

---

[1]) Типы дервишей изображены на многихъ картинахъ нашего извѣстнаго художника В. В. Верещагина въ серіи его картинъ и эскизовъ изъ Туркестанской жизни, которая находится въ настоящее время въ Москвѣ въ галлереѣ братьевъ Третьяковыхъ.

народа къ нищенству образовалось подъ вліяніемъ церкви. Но, къ сожалѣнію, эти взгляды народные выражаются иногда въ весьма своеобразныхъ формахъ. Напримѣръ, въ Петроковской губ. мѣстные крестьяне считаютъ, что нищенство есть Божья кара; поэтому человѣкъ, вынужденный временно ходить съ сумою, не можетъ измѣнить своего образа жизни, хотя бы его дѣла впослѣдствіи поправились; этимъ объясняется сочувствіе крестьянъ къ лицамъ, просящимъ подаянія. Вліяніемъ этихъ религіозныхъ воззрѣній можно объяснить громадное количество нищихъ, которые собираются въ городахъ, гдѣ имѣются святыни (Воронежъ, Кіевъ, Москва и подмосковныя губерніи): среди богомольцевъ есть бѣдные и зажиточные, первые кормятся на счетъ послѣднихъ, которые, находясь подъ впечатлѣніемъ своего паломничества, щедры на подаянія. Мало того, число лицъ, просящихъ милостыню, усиливается въ губерніи съ открытіемъ новой святыни, напр., въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1896 года, т. е. послѣ открытія мощей Св. Ѳеодосія Углицкаго, въ Черниговской губ. замѣченъ весьма значительный приливъ нищихъ.

Народныя воззрѣнія не остаются безъ вліянія на ходъ уголовныхъ дѣлъ о нищенствѣ. Такъ, напримѣръ, въ Тамбовской губ. замѣчено, что чины сельской полиціи оказываютъ нищимъ покровительство, признавая преслѣдованіе нищенства большимъ грѣхомъ. Волостные же суды, руководствуясь тѣмъ же соображеніемъ, не считаютъ прошеніе милостыни за преступленіе.

Справедливость однако заставляетъ насъ высказать, что нельзя всю вину за развитіе нищенства валить на простой народъ. Представители нашей интеллигенціи проповѣдуютъ по этому вопросу иногда такія воззрѣнія, которыя едва ли лучше взглядовъ сѣраго люда. Въ матеріалахъ по общественному призрѣнію, изданныхъ коммисіей Статсъ-Секретаря Грота, [1]) приведенъ слѣдующій оригинальный отзывъ Вологодской Земской Управы.

„Въ нищенствѣ имѣются слѣдующія выгодныя стороны: 1) нищенство построено на религіозныхъ началахъ; 2) оно, какъ уже замѣчено, вѣрнѣе обезпечиваетъ бѣдныхъ, чѣмъ англійская система приходскихъ попечительствъ; 3) при нищенствѣ подающій и принимающій приходятъ въ непосредственное соприкосновеніе, почему подающій знаетъ, что его подаяніе дошло по назначенію,

[1]) Сводъ отвѣтовъ земскихъ и городскихъ управленій на основные вопросы общ. призрѣнія, стр. 217.

а принимающій,—что ему подано именно столько, сколько онъ получилъ. Во всякой другой формѣ между призрѣваемымъ и призрѣвающимъ стоитъ третье лицо или учрежденіе, почему и возможны сомнѣнія—со стороны призрѣвающихъ стремленіе организовать контроль, со стороны призрѣваемыхъ нареканія на посредниковъ въ утайкѣ. Эти нареканія иногда доходятъ до безмысленныхъ размѣровъ. Напр., въ настоящемъ году богадѣльщиками земской богадѣльни подана анонимная жалоба на администрацію богадѣльни, будто она получаетъ изъ губернской управы суммы на содержаніе въ богадѣльнѣ двойного противъ штатнаго числа кроватей и, содержа только штатное число кроватей, другую половину кладетъ себѣ въ карманъ; 4) нищенство позволяетъ обращаться къ общественной помощи при всякомъ случаѣ нужды и прекращать такое обращеніе во всякое время безъ всякихъ формальностей и обязательствъ".

Если такія мысли высказываются общественнымъ учрежденіемъ, то что же можно требовать отъ крестьянъ!

Покончивъ съ вопросомъ объ общихъ причинахъ возникновенія нищенства, мы можемъ перейти къ изложенію нѣкоторыхъ частныхъ условій, отъ которыхъ зависитъ усиленіе этого зла.

II.

По вопросу о томъ, *въ какихъ мѣстностяхъ нищенство наиболѣе развито*, губерніи могутъ быть разбиты на слѣдующія группы: [1])

Нищенство развито очень слабо въ губерніяхъ: Архангельской, Астраханской (профессіональныхъ нѣтъ совсѣмъ), Бакинской, Бессарабской, Волынской, Екатеринославской, Калишской, Курляндской, Лифляндской, Люблинской (0,13% всего населенія), Олонецской, Оренбургской, Плоцкой (профессіональныхъ нѣтъ совсѣмъ), Полтавской, Псковской, Ставропольской, Сувалкской, Сѣдлецкой (0,1% мѣстныхъ жителей), Херсонской, Черноморской (мѣстныхъ нищихъ совсѣмъ нѣтъ), Эриванской (профессіональнаго нищенства въ губерніи не существуетъ).

Нищенство не особенно сильно развито въ губерніяхъ: Варшавской (професс. нищенство составляетъ приблизительно 1% всего населенія), Виленской, Енисейской, Кіевской, Ковенской (хорошія земельныя условія), Минской (хорошіе надѣлы), Пермской, С.-Петербугской (1,6% всѣхъ крестьянскихъ семействъ), Тверской, Уфим-

---

[1]) Матеріалы Т. I. стр. 103—107.

ской (нищенство случайное очень сильно, профессіональное слабо), Черниговъ, Томскъ.

Третью группу должны составить губерніи, въ которыхъ нищенство развито не сильно, но имѣются нищенскія гнѣзда, т. е. цѣлыя деревни, жители которыхъ обратили нищенство въ промыселъ [1]). Сюда относятся губерніи: Владимірская, Вологодская, Воронежская, Витебская, Вятская, Гродненская, Елисаветпольская (двѣ дерени цыганъ), Калужская, Казанская (0,5% населенія), Костромская, Могилевская, Московская, Нижегородская, Радомская (0,83% на 1000 душъ общаго населенія; всего 756 человѣкъ, изъ коихъ половина нищенствуетъ по лѣни), Рязанская, Саратовская, Самарская (менѣе 300 профессіональныхъ нищихъ на 100,000 населенія), Симбирская (профессіональныхъ менѣе 300, временныхъ 5—10 тысячъ) и Тамбовская.

Нищенство приняло очень большіе размѣры въ губерніяхъ: Курской, Иркутской и Тобольской, а также въ городахъ: Астрахани, Казани, Кіевѣ, Москвѣ, Николаевѣ, Орлѣ, Одессѣ, С.-Петербургѣ, Саратовѣ, Ченстоховѣ (Петроковской губ.), Херсонѣ и Царицынѣ.

Переходя затѣмъ къ вопросу о мѣстѣ дѣятельности нищихъ, можно съ увѣренностью сказать, что города страдаютъ отъ нищенства въ болѣе сильной степени, чѣмъ села.

Причины скопленія нищихъ въ городахъ выяснены довольно подробно и сводятся къ слѣдующему: 1) Въ городахъ, кромѣ своихъ нищихъ, много пришлыхъ изъ селъ и деревень, тогда какъ городскіе жители въ села за милостыней не ходятъ. 2) Кромѣ лицъ, явившихся въ городъ за нищенствомъ, есть многія, которыя приходятъ туда, надѣясь получить работу и, не находя таковой, вынуждены кормиться подаяніемъ. 3) Въ городахъ нищенствовать выгоднѣе: а) больше людей состоятельныхъ, б) подаютъ круглый годъ, во всѣ праздники и 2 раза на недѣлѣ, тогда какъ въ деревняхъ дни общей раздачи милостыни рѣже, в) въ городахъ подаютъ деньгами, что нищіе особенно цѣнятъ, г) въ городахъ скопленіе людей бываетъ чаще вслѣдствіе базарныхъ дней и многочисленныхъ церковныхъ праздниковъ.

Къ этимъ общимъ соображеніямъ необходимо добавить нѣсколько фактовъ, не лишенныхъ интереса. Въ Московской губерніи

---

[1]) Вопросъ объ этихъ нищенскихъ гнѣздахъ подробно разработанъ нами въ нашей статьѣ „о профессіональномъ нищенствѣ."

нищіе встрѣчаются въ большомъ количествѣ не только въ городахъ, но и въ фабричныхъ центрахъ, монастырскихъ поселкахъ, а лѣтомъ въ дачныхъ мѣстностяхъ. Въ Варшавской—прошеніе милостыни болѣе всего развито въ населенныхъ пунктахъ уѣздовъ, потому что тамъ за нищими надзоръ не такъ строгъ, какъ въ городахъ. Въ Калужской, Костромской и Тверской губерніяхъ замѣчено, что изъ селеній страдаютъ отъ нищенства наиболѣе торговыя села и также деревни, расположенныя по линіи желѣзныхъ дорогъ и по большимъ трактамъ, преимущественно по С.-Петербургско-Московскому шоссе. Въ Тульской губерніи однородное наблюденіе сдѣлано относительно Чернскаго уѣзда. Черезъ него пролегаетъ большая дорога изъ Москвы на югъ, по которой идутъ кіевскіе богомольцы. Въ Калужской тоже явленіе замѣчается въ селеніяхъ, лежащихъ на пути къ монастырямъ и св. мѣстамъ.

Относительно *времени года, когда замѣчается наплывъ нищихъ*, получились болѣе подробныя свѣдѣнія. Время хожденія съ сумой опредѣляется двумя факторами: 1) нуждою, которая регулярно проявляется въ извѣстное время года, и 2) тѣми условіями, которыя облегчаютъ собираніе милостыни, а главнымъ образомъ—скопленіемъ людей въ извѣстномъ мѣстѣ по какому либо поводу.

Въ зависимости отъ дѣйствительной нужды находится появленіе большого количества нищихъ въ глухую осень и въ теченіе зимы. Въ городахъ и селахъ работы всѣ кончились, поэтому всѣ золоторотцы лишены возможности трудомъ своихъ рукъ пріобрѣсти кусокъ хлѣба. Этотъ фактъ былъ замѣченъ въ губерніяхъ: Астраханской, Варшавской, Владимірской, Витебской, Енисейской, Калужской, Курской, Лифляндской, Люблинской (до 50% противъ нормальнаго), Могилевской, Новгородской, Тамбовской, Тверской, Томской, Уфимской, Черноморской и Ярославской.

Въ Ригѣ наплывъ нищихъ замѣчается съ прекращеніемъ работъ въ портѣ, а въ Новороссійскѣ и Томскѣ—зимой. Въ Златоустовскомъ уѣздѣ, Уфимской губ., много нищихъ бываетъ поздней осенью: рабочіе (башкиры) возвращаются домой съ золотыхъ пріисковъ на Уралѣ и по дорогѣ собираютъ милостыню. Въ Томской губ. замѣчено усиленіе нищенства послѣ прекращенія работъ на Средне-Сибирской жел. дорогѣ.

Въ Новгородской губерніи осенью ряды нищихъ пополняются золоторотцами, которые остались безъ ежедневной работы. Это замѣчается въ особенности въ отдѣльныхъ пунктахъ, напр., въ селѣ Бронницахъ, гдѣ число подобныхъ лицъ доходитъ до 10,000. Такое

явленіе можно объяснить существованіемъ около Бронницъ огромныхъ покосовъ, гдѣ въ лѣтнее время всякія руки, даже мало производительныя, идутъ въ ходъ и при легкомъ трудѣ даютъ каждому возможность заработать достаточно для покупки вина.

Затѣмъ количество нищихъ увеличивается особенно сильно въ концѣ зимы и раннею весною, такъ какъ къ этому времени запасы хлѣба истощаются и крестьяне, въ особенности послѣ плохого урожая, вынуждены идти по міру.

Переходя отъ причинъ, вызывающихъ нищенство, къ тѣмъ условіямъ, которыя содѣйствуютъ его развитію, нельзя прежде всего не сказать, что масса нищихъ замѣчается во время великаго поста, Рождества Христова и Пасхи. На востокѣ сильное вліяніе на число нищихъ оказываетъ мусульманскій постъ „Ураза", въ теченіе котораго зажиточные магометане считаютъ обязанностью удѣлять часть своихъ доходовъ бѣднымъ.

Далѣе, прошеніе милостыни осенью всегда имѣетъ значительный успѣхъ, потому что послѣ окончанія работъ у крестьянъ много хлѣба и всякихъ припасовъ, вслѣдствіе чего они подаютъ весьма охотно.

Лѣтомъ во всей Россіи появляются богомольцы, среди которыхъ встрѣчаются не только истинно вѣрующіе, но множество нищихъ, безпаспортныхъ и бродягъ. Наплывъ ихъ замѣчается въ городахъ и монастырскихъ посадахъ все лѣто, но въ особенности во время церковныхъ праздниствъ и крестныхъ ходовъ. Напримѣръ, въ Минскѣ собирается масса народа 6 мая и 1 октября, когда переносится образъ Крупецкой Божьей Матери изъ архіерейской церкви въ село Крупцы и обратно. Во Владимірѣ такой же праздникъ бываетъ 20 мая, когда икона Божьей Матери переносится изъ Боголюбскаго монастыря. Въ Воронежѣ во время обнесенія мощей Св. Митрофана. Въ Херсонѣ во время пребыванія Касперовой Божьей Матери (отъ Вознесенія до 29 іюня) и т. д.

Въ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ и въ монастырскихъ посадахъ скопленіе всякаго рода люда бываетъ во время церковныхъ праздниковъ и ярмарокъ. Къ этому времени туда собираются въ изобиліи нищіе всякаго рода, которые такимъ образомъ бродятъ изъ села въ село.

Кромѣ этого есть извѣстные пункты, которые лѣтомъ особенно притягиваютъ нищихъ; сюда относятся дачныя мѣстности около большихъ городовъ (Москва и С.-Петербургъ), а въ теченіе іюля и августа мѣсяца Нижегородская ярмарка.

Изложивъ въ предъидущихъ главахъ цѣлый рядъ фактовъ, мы можемъ сдѣлать уже нѣкоторые хотя скромные выводы.

Какъ мы видѣли, большинство причинъ нищенства крайне сложны, такъ какъ онѣ затрогиваютъ самые существенные вопросы нашей жизни. Всѣ явленія экономическія, какъ то—обѣднѣніе крестьянъ вслѣдствіе хроническихъ неурожаевъ, малоземелья, раздѣловъ и отсутствія промысловъ—являются, конечно, причиной нищенства, но указать и обсудить средства къ устраненію этого бѣдствія едва ли возможно въ особенности въ такой статьѣ, какъ настоящая. Обѣднѣніе крестьянства есть вопросъ общегосударственный и первой важности. Его нельзя разрѣшить по первому желанію, ибо онъ находится въ зависимости отъ подъема благосостоянія всей страны. Но пока не наступитъ улучшенія въ этой области, до тѣхъ поръ нечего надѣяться на уничтоженіе обычая кормиться сумою. Наконецъ, подобныя мечтанія совершенно безполезны, потому что страны, которыя богаче и культурнѣе нашей, напр., Бельгія и Германія, не могутъ избавиться отъ нищихъ, несмотря на всю энергію своего правительства. Предположенная реформа должна намѣтить себѣ цѣль болѣе скромную, а именно—стремиться къ уменьшенію числа лицъ, живущихъ сборомъ подаяній. Достиженіе этой цѣли дѣло далеко не легкое, но всетаки осуществимое.

Даже наше скромное изслѣдованіе указало многія изъ причинъ нищенства, которыя имѣютъ болѣе спеціальный характеръ и могутъ быть поэтому устранены. Въ числѣ таковыхъ частныхъ причинъ стоятъ на первомъ мѣстѣ для Сибири—ссылка на поселеніе, а для всей Европейской Россіи полное отсутствіе призрѣнія. Въ настоящее время престарѣлые, больные, калѣки и слѣпые вынуждены ходить по міру вслѣдствіе отсутствія богадѣленъ. Поэтому мы утверждаемъ, что борьба съ нищенствомъ должна начаться съ организаціи призрѣнія.

Далѣе, массовое появленіе нищихъ поздней осенью и ранней весной указываетъ на періодическое развитіе крайней нужды, поэтому въ эти мѣсяцы помощь должна быть своевременно приготовлена.

Но, конечно, нельзя всю тяжесть расходовъ сваливать на плечи правительства. Общество и частныя люди должны придти къ нему на помощь и облегчить своими пожертвованіями расходы государственнаго казначейства, ибо помогать бѣднымъ есть обязанность каждаго человѣка. Надо помнить совѣтъ Мартина Лютера [1]):

[1]) Von der falschen Betler buberey. Mit einer Vorrede von Martini luther. Wittenberg. 1523.

„каждый изъ насъ долженъ знать, писалъ онъ, что если не будешь помогать дѣйствительнымъ бѣднякамъ и нуждающимся сосѣдямъ, какъ это приказано Господомъ, то по козням дьявола придется тратить деньги на пришлыхъ воровъ и бродягъ".

Къ русскимъ людямъ этотъ совѣтъ относится лишь отчасти. Укорять ихъ въ скупости нѣтъ возможности, ибо на нищихъ ежегодно расходуются бѣшеныя суммы. Но, къ сожалѣнію, деньги тратятся зря, не провѣряя, заслуживаетъ ли просящій поддержки или нѣтъ. Дѣло правительства перевоспитать людей, заставивъ ихъ отсылать свои пожертвованія въ благотворительныя учрежденія. На достиженіе этой цѣли должны быть направлены дружныя усилія церкви, школы и администраціи. Однимъ словомъ, правительство должно стремиться къ тому, чтобы организовать благотворительность и сосредоточить въ своихъ или въ общественныхъ учрежденіяхъ пожертвованія частныхъ лицъ, сборъ пожертвованій, хотя бы путемъ установленія налога; правительство такимъ образомъ получитъ необходимыя суммы, для организаціи помощи нуждающимся, а это будетъ крупный шагъ въ борьбѣ съ нищенствомъ во всѣхъ его формахъ.

А. Левенстимъ.

Приложеніе.

Картина развитія призрѣнія въ Россіи можетъ быть представлена въ слѣдующей таблицѣ.

Наименованіе губерній.	Число богадѣленъ.	Число призрѣваемыхъ.
Архангельская	9	469
Астраханская	12	523
Бакинская	1	5
Бессарабская	6	506
Варшавская	27[1])	260
Виленская	8	866
Витебская	12	167
Владимірская	49	1268
Волынская	42	645

[1]) Въ богадѣльняхъ частныхъ лицъ бѣдные пользуются лишь пристанищемъ и должны одѣваться и кормиться на свой счетъ, т. е. собираніемъ милостыни.

Вологодская	26	669
Воронежская	72	1054
Вятская	32	675
Гродненская	12	285
Екатеринославская . . .	9	200
Елисаветпольская . . .	не существуетъ	
Иркутская	нѣтъ свѣдѣній	
Калишская	33	345
Казанская	28	935
Калужская	27	464
Кіевская	43	813
Ковенская	3	76
Костромская	26	579
Курляндская	180	3700
Курская	48	800
Кутаисская	нѣтъ свѣдѣній	
Кѣлецкая	64	400
Лифляндская	337	5390
Ломжинская	нѣтъ свѣдѣній	
Люблинская	41	472
Минская	22	486
Могилевская	110[1])	1080
Москва г.	нѣтъ свѣдѣній	
Московская губ.	104	2550
Нижегородская	24	1723
Новгородская	24	506
Олонецкая	6	300
Орловская	27	748
Оренбургская	5	2412
Пензенская	14	477
Пермская	30	1000
Петроковская	24	520
Полтавская	26	600
Подольская	нѣтъ свѣдѣній	
Плоцкая	9	89
Псковская	44	733
Радомская	14	123
Рязанская	51	1062

[1]) См. предъидущее примѣчаніе.

Самарская	15	595
Саратовская	45	1168
Симбирская	10	451
Смоленская	39	788
С.-Петербургъ гор.		
С.-Петербургская губ. . . .	33	723
Ставропольская	6	157
Сувалкская	3	29
Сѣдлецкая	12	75
Таврическая	нѣтъ свѣдѣній	
Тамбовская	33	1230
Тверская	34	1076
Томская	19	400
Тобольская	6	292
Тифлисская	3	168
Тульская	14	430[1])
Уфимская	4	149
Харьковская	нѣтъ свѣдѣній	
Херсонская	14	513
Черниговская	27	526
Черноморская	не существуетъ	
Ярославская	56	1460
Эриванская	не существуетъ	
Эстляндская	7	331[1])

---

[1]) въ богадѣльняхъ губернскаго города; сколько призрѣваются въ уѣздахъ—свѣдѣній не имѣется.

V.

РЕГЛАМЕНТАЦІЯ КОММИВОЯЖЕРСКАГО ПРОМЫСЛА.

По ст. 12 договора о торговлѣ и мореплаваніи, заключеннаго между Россіею и Германіею 29 января—10 февраля 1894 года, владѣльцы торговыхъ и промышленныхъ предпріятій, которые предъявленіемъ удостовѣрительнаго листка (легитимаціонной карточки), выданнаго подлежащими властями ихъ страны, докажутъ, что имъ разрѣшено производство промысла въ государствѣ, гдѣ они имѣютъ мѣстожительство, могутъ лично или чрезъ состоящихъ у нихъ на службѣ странствующихъ приказчиковъ (коммивояжеровъ) производить закупки и, имѣя при себѣ образчики товаровъ, принимать заказы на территоріи другой договаривающейся страны.

Предметы, подлежащіе оплатѣ таможенною пошлиною, ввозимые вышеозначенными лицами, какъ образчики, впускаются и выпускаются въ той и другой странѣ безпошлинно, при условіи, чтобы эти предметы, если они не будутъ проданы, были вывезены обратно въ заранѣе назначенный срокъ.

Обѣ договоривающіяся стороны обязаны взаимно оповѣстить другъ друга о властяхъ, коимъ поручена будетъ выдача удостовѣрительныхъ листковъ, а также сообщить другъ другу образецъ сихъ листковъ и правила, которымъ промыселъ странствующихъ приказчиковъ долженъ подчиняться.

Въ отношеніи налоговъ и всякихъ сборовъ коммивояжеры одного изъ договаривающихся государствъ пользуются въ другомъ государствѣ тѣми же правами, какъ и подданные послѣдняго.

Вслѣдствіе означеннаго договора были выработаны и утверждены Министерствомъ Финансовъ 12 октября 1894 года Временныя правила какъ для русскихъ странствующихъ приказчиковъ, отправляющихся за границу, такъ и для иностранныхъ коммивояжеровъ, пребывающихъ въ Россію.

Сущность правилъ относительно первыхъ заключается въ слѣдующемъ:

Странствующими приказчиками (коммивояжерами) признаются лица, отправляющіяся, по порученію владѣльцевъ торговыхъ или промышленныхъ предпріятій, за границу, съ образчиками товаровъ или безъ оныхъ, для принятія заказовъ на товары или для ихъ закупки.

Странствующій приказчикъ обязанъ имѣть при себѣ, для предъявленія иностраннымъ властямъ, особый документъ, удостовѣряющій, что предъявитель его уполномоченъ торговымъ или промышленрымъ предпріятіемъ.

Эти удостовѣренія выдаются казенными палатами на одинъ годъ, считая съ 1/13 января.

Временныя правила относительно иностранныхъ коммивояжеровъ, пріѣзжающихъ въ Россію, въ общихъ чертахъ, слѣдующія:

При въѣздѣ въ предѣлы Имперіи, иностранный коммивояжеръ обязанъ взять въ пограничной таможнѣ приказчичье свидѣтельство 1 класса, уплативъ 35 рублей, причемъ оно подшивается къ національному паспорту коммивояжера и, вмѣстѣ съ легитимаціонною карточкою, должно быть предъявлено, до начатія коммивояжерскихъ дѣйствій, для надлежащей отмѣтки, въ одну изъ казенныхъ палатъ или одному изъ податныхъ инспекторовъ той мѣстности [1]).

Въ Финляндіи удостовѣрительные листки, касающіеся проживающихъ здѣсь промышленниковъ, выдаются—въ городахъ магистратомъ или ординнгсманскимъ судомъ, а въ уѣздѣ—мѣстнымъ коронннымъ фохтомъ, каковымъ властямъ, согласно дѣйствующему въ Финляндіи постановленію о промыслахъ, дѣлается заявленіе о производствѣ промысла.

---

[1]) На основаніи новаго положенія о промысловомъ налогѣ, иностранные и отечественные коммивояжеры должны уплачивать пошлину въ размѣрѣ 50 р. въ годъ. Независимо сего, согласно ст. 57 упомянутаго положенія о промысловомъ налогѣ, содержаніе коммивояжеровъ дозволяется только лицамъ, уплатившимъ основной промысловый налогъ по первому разряду торговыхъ предпріятій, или по одному изъ первыхъ трехъ разрядовъ промысловыхъ предпріятій. Размѣръ промысловаго налога, дающаго право на содержаніе коммивояжеровъ, опредѣленъ отъ 500 до 1500 рублей въ годъ (прим. къ ст. 3, таблицы IV и V).

Образчики товаровъ снабжаются таможеннымъ штемпелемъ или пломбою, если это можетъ быть сдѣлано безъ поврежденія товаровъ.

Если странствующій приказчикъ, для обезпеченія обратнаго вывоза изъ Финляндіи образчиковъ, вмѣсто взноса соотвѣтственной пошлины въ залогъ, желаетъ представить поручительство, то таковое представляется въ видѣ выданнаго двумя или нѣсколькими финляндскими гражданами удостовѣренія.

Срокъ для безпошлиннаго вывоза образчиковъ—6 мѣсяцевъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ предѣлахъ Великаго Княжества Финляндскаго промыселъ странствующихъ приказчиковъ, впредь до особыхъ по сему предмету распоряженій, не облагается торговымъ сборомъ.

Послѣ заключеннаго съ Германіей торговаго договора, въ коемъ было постановлено выработать правила о коммивояжерахъ обѣихъ договаривающихся сторонъ, и послѣ составленія Министерствомъ Финансовъ вышеупомянутыхъ временныхъ правилъ о коммивояжерахъ, въ Министерство Финансовъ стали поступать ходатайства и другихъ иностранныхъ державъ о дарованіи ихъ коммивояжерамъ, пріѣзжающимъ въ Россію, льготъ, коими пользуются разъѣздные приказчики наиболѣе благопріятствуемыхъ державъ (Таковы ходатайства Швейцаріи, Австро-Венгріи, Даніи, Испаніи, Португаліи и Англіи).

Всѣ означенныя ходатайства были своевременно удовлетворяемы, при томъ непремѣнномъ условіи, чтобы и русскіе коммивояжеры пользовались во всѣхъ этихъ странахъ подобными же льготами. Сообщаемые упомянутыми странами легитимаціонные листки и правила для коммивояжеровъ сообщались Министерствомъ Финансовъ, для свѣдѣнія, въ таможенное управленіе Великаго Княжества Финляндскаго, таможенный департаментъ, а также увѣдомлялось Министерство Иностранныхъ Дѣлъ для сообщенія иностраннымъ правительствамъ.

Въ общемъ, коммивояжерскій промыселъ у насъ мало по малу развивается. Изъ обзора минувшей Нижегородской ярмарки (помѣщеннаго въ № 47 Вѣстника Финансовъ за минувшій годъ) видно, что вліяніе коммивояжерства особенно сильно отражается въ Имперіи на галантерейномъ дѣлѣ. По подсчету, почти 20—30% всѣхъ оборотовъ съ галантерейными товарами производится чрезъ странствующихъ приказчиковъ, причемъ послѣдніе проникаютъ въ самыя отдаленныя отъ крупныхъ центровъ мѣстности. Успѣхъ и

и распространеніе коммивояжеровъ объясняется тѣмъ, что торговымъ фирмамъ удобнѣе и менѣе рискованно сбывать свой товаръ на мѣстахъ чрезъ коммивояжеровъ, нежели на ярмаркахъ. На мѣстахъ легче справиться о кредитоспособности кліента и такъ какъ обыкновенно товаръ отпускается въ кредитъ, то рискъ значительно уменьшается, въ сравненіи съ продажею на ярмаркахъ, гдѣ новаго торговца мало кто знаетъ, да и справиться о его кредитоспособности бываетъ не у кого. Всѣхъ фирмъ, прибѣгающихъ нынѣ къ услугамъ коммивояжеровъ, слѣдуетъ считать отъ 250 до 300.

Тѣмъ не менѣе, съ развитіемъ означеннаго промысла въ Имперіи, упомянутыя временныя правила оказываются недостаточными для разрѣшенія и направленія дѣлъ, возникающихъ изъ торговаго посредничества. Къ тому же представляется необходимымъ привлечь и организовать у насъ, въ видахъ развитія торговли и промышленности, по примѣру этого промысла за границею, классъ людей, которые знаніемъ рынка и торговыхъ нравовъ, а равно добросовѣстностью своею, могли бы внушить къ себѣ уваженіе и довѣріе. Мало того, и у насъ желательны агенты, кои съумѣли бы удовлетворять вполнѣ запросамъ на всѣ товары, развивать потребности на оные, знакомить иностранные и внутренніе рынки съ нашими произведеніями, а равно изощрять вкусъ потребителя. Вотъ задачи, которыя должны лечь въ основу организаціи этого промысла у насъ. Въ противномъ случаѣ, мы останемся и будемъ заполнены иностранными агентами, менѣе всего заинтересованными въ правильной постановкѣ и желательномъ развитіи нашей отечественной торговли и промышленности. Ненормальныя условія, въ которыя поставленъ экспортъ нашего хмѣля, льна, вина и зерновыхъ хлѣбовъ, указываютъ на неудовлетворительную постановку посредничества въ нашей вывозной торговлѣ. Потребность въ болѣе широкой организаціи у насъ коммивояжерскаго промысла давно назрѣла, но подойти къ окончательной постановкѣ его не такъ легко. Бытовыя условія нашей страны, въ сравненіи съ заграницей, совершенно иныя. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ коммивояжерскій промыселъ—учрежденіе, развившееся за границей, то съ этимъ надо считаться и въ основу организаціи класть все то, что болѣе къ намъ подходитъ. Во всякомъ случаѣ, необходимо имѣть въ виду, что тамъ этотъ промыселъ развивался постепенно, а намъ приходится устанавливать его сразу, чтобы создать институтъ агентовъ, отвѣтственныхъ и

контролируемыхъ, которые бы правильнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей могли внушать къ себѣ довѣріе отечественныхъ владѣльцевъ предпріятій, побуждать иностранныхъ дѣловыхъ людей обращаться къ нимъ за посредничествомъ по закупкѣ нашихъ товаровъ, и, наконецъ, знакомить иностранные рынки съ товарами и произведеніями Имперіи.

Въ Англіи агенты эти, называясь Commercial travellers—торговыми путешественниками, не имѣютъ какой-либо оффиціальной регламентаціи, но они вылились въ особую профессію съ одной ей свойственными законами и обычаями. Англія считаетъ до 60.000 лицъ, занимающихся торговымъ путешествіемъ. Эти торговые путешественники образовали разныя общества, имѣютъ свои кассы, печатные органы и разныя благотворительныя учрежденія. Главную организацію торговыхъ путешественниковъ составляетъ „Общество торговыхъ агентовъ Соединеннаго Королевства", имѣющее цѣлью споспѣшествованіе интересамъ коммивояжеровъ и защиту ихъ какъ въ парламентѣ, такъ и въ судѣ, и въ частныхъ учрежденіяхъ. Въ статьѣ С. Рапопорта: „Торговые завоеватели", помѣщенной въ прошломъ году, въ № 20 „Недѣли", между прочимъ, сообщается: „Одно время думали, что улучшенныя средства сообщенія сдѣлаютъ совершенно излишнимъ посредничество и что возможность личнаго посѣщенія лавочникомъ оптоваго склада, личнаго выбора товаровъ на мѣстѣ ихъ производства совершенно вытѣснитъ коммивояжера. На самомъ дѣлѣ оказалось, однако, нѣчто совсѣмъ обратное, и улучшенныя средства сообщенія лишь обострили конкурренцію. Съ одной стороны, оптовые торговцы стараются опередить другъ друга при продажѣ товаровъ, а съ другой—всякій лавочникъ норовитъ купить дешевле и перещеголять другихъ самыми лучшими и наиболѣе модными товарами, и коммивояжеръ является тутъ самымъ важнымъ звеномъ и необходимѣйшимъ помощникомъ. Лавочникъ, можетъ быть, и не думалъ бы держать ту или иную вещь, ту или иную матерію, а пришелъ коммивояжеръ, предложилъ, посовѣтовалъ, поговорилъ, и смотришь—ситецъ съ новыми рисунками или вновь патентованная машинка для терки картофеля или для снятія мозолей выставлены въ окнѣ на удивленіе обывателей и зависть соперниковъ".

Въ этомъ то „создаваніи рынка" и заключается главная заслуга коммивояжеровъ. Коммивояжеръ долженъ поэтому обладать особыми талантами и способностями. Онъ долженъ отличаться большимъ терпѣніемъ, знать людей, рынокъ, нравы, умѣть гово-

рить съ тѣмъ и съ другимъ, но главное, ему нужно быть безусловно честнымъ, такъ какъ только тогда онъ съумѣетъ внушить къ себѣ довѣріе и уваженіе, эти два основныхъ столба, на которыхъ зиждется вся современная торговля на Западѣ, и въ особенности дѣятельность коммивояжера. Благодаря именно тому, что англійскій коммивояжеръ удовлетворяетъ только что названнымъ качествамъ, ихъ профессія пользуется здѣсь такой распространенностью, и торговля не мало обязана ей своими колосальными оборотами".

Однако отсутствіе организаціи, системы и единства въ дѣйствіяхъ замѣтно сказывается въ условіяхъ развитія англійскаго коммивояжерства на иностранныхъ рынкахъ. Такъ, извѣстный англійскій памфлетистъ Вильямсъ въ недавно вышедшей книгѣ Marching Backward „Движеніе вспять" говоритъ, что англійскіе фабриканты не умѣютъ завоевать рынка, они посылаютъ въ другія страны циркуляры и прейсъ-куранты, напечатанные по англійски. Нѣмецкіе фабриканты отправляютъ цѣлые отряды коммивояжеровъ, знающихъ языкъ той страны, гдѣ хотятъ завоевать рынокъ. Англійскіе коммивояжеры объясняются черезъ переводчика. Неудивительно поэтому, что англійскіе коммивояжеры не окупаютъ часто даже путевыхъ издержекъ. Названный авторъ приводитъ интересный фактъ, какъ англійскіе красные платки (тѣ, которые наши крестьяне называютъ „накомарниками") вытѣснены были изъ Россіи нѣмецкими. Крестьянки требовали платки непремѣнно квадратной формы; ланкоширскіе же фабриканты посылали все продолговатые. Русскіе лавочники повторяли коммивояжерамъ, что платки должны быть непремѣнно квадратные, но ланкоширскіе фабриканты лучше знали, что будетъ болѣе къ лицу русскимъ дѣвушкамъ. И вотъ является нѣмецкій коммивояжеръ. Онъ призналъ требованіе деревенскихъ красавицъ закономъ, и рынокъ былъ завоеванъ. Квадратные нѣмецкіе платки вытѣснили продолговатые ланкоширскіе [1]).

Такъ или иначе, но экспортъ Англіи за послѣднее время дѣйствительно значительно уменьшился (въ 1896 году на сумму до 5 милл. фун. стерл.), а въ Германіи, гдѣ регламентація коммивояжерскаго промысла болѣе совершенна, экспортъ значительно увеличился. Поэтому не безъинтересно остановиться на организаціи этого промысла въ упомянутой странѣ.

---

[1]) Русскія Вѣдомости за 1898 годъ № 262.

Въ Германіи, которая извѣстна своими коммивояжерами, объѣзжающими всѣ страны свѣта съ образцами произведеній германской промышленности, коммивояжерскій промыселъ имѣетъ опредѣленную организацію. Основнымъ положеніемъ этого промысла признается право лицъ, имѣющихъ осѣдлый промыселъ, покупать товары и принимать заказы лично или чрезъ находящихся у нихъ въ услуженіи агентовъ только у купцовъ въ ихъ торговыхъ помѣщеніяхъ или у такихъ владѣльцевъ, въ предпріятіяхъ коихъ предлагаемый товаръ имѣетъ примѣненіе. Лицо, занимающееся полученіемъ заказовъ на товары или покупкой послѣднихъ, обязано имѣть легитимаціонную карту. Она выдается по просьбѣ хозяина торговаго предпріятія подлежащею административной властью на одинъ годъ въ предѣлахъ государства. Въ ней прописываютъ имя и фамилію лица, которому она выдана, а также наименованіе предпріятія, фамилія лица или названіе фирмы, отъ имени которой дѣйствуетъ коммивояжеръ. Послѣдній обязанъ всегда имѣть при себѣ легитимаціонную карту, подъ страхомъ отвѣтственности.

Въ выдачѣ легитимаціонной карточки можетъ быть отказано просителю, желающему заняться упомянутымъ промысломъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда онъ страдаетъ прилипчивою болѣзнью или имѣетъ обезображенный видъ; 2) если онъ находится подъ надзоромъ полиціи; 3) если онъ судился за преступленіе и былъ присужденъ къ тюремному заключенію, и 4) когда онъ извѣстенъ какъ человѣкъ, не имѣющій опредѣленныхъ занятій, занимающійся нищенствомъ, бродяжничествомъ и пьянствомъ. Иностранные коммивояжеры, прибывающіе въ Германію, обязаны также имѣть легитимаціонную карту, выданную установленнымъ порядкомъ ихъ правительствами.

При изслѣдованіи коммивояжерскаго промысла въ Англіи и Германіи надлежитъ имѣть въ виду, что составъ лицъ, изъ коихъ комплектуются кадры этихъ агентовъ, въ силу бытовыхъ условій этихъ странъ, постоянно подготовляется и имѣется на лицо. Дѣятели эти—люди или съ коммерческимъ образованіемъ, или, такъ или иначе, прикосновенные къ торговлѣ. Поэтому владѣльцы торговыхъ предпріятій поставлены тамъ въ сравнительно благопріятныя условія въ отношеніи пріисканія благонадежныхъ агентовъ для исполненія своихъ торговыхъ порученій.

Что же касается нашей страны, то организація коммивояжерскаго промысла должна быть по нашему мнѣнію нѣсколько иная, такъ какъ достаточнаго контингента лицъ, пригодныхъ для испол-

ненія означенныхъ порученій, мы сейчасъ не имѣемъ. Промыселъ этотъ у насъ мало развитъ и людей, которые могли бы добросовѣстно и съ пользою для дѣла исполнять эти обязанности, весьма немного.

Нѣкоторую, конечно, далекую аналогію можно провести между тѣмъ положеніемъ, въ которомъ мы находимся нынѣ, въ отношеніи организаціи коммивояжерскаго промысла, съ тѣмъ, въ какомъ мы находились въ эпоху составленія судебныхъ уставовъ, учредившихъ у насъ присяжную а впослѣдствіи и частную адвокатуру. Для огражденія интересовъ частныхъ лицъ на судѣ представилась необходимость учредить самоуправляющееся сословіе повѣренныхъ.

Въ настоящее время для развитія торговли и промышленности и распространенія предметовъ нашихъ производствъ на мѣстныхъ и иностранныхъ рынкахъ слѣдуетъ создать классъ людей, которые были бы пригодны для выполненія такого рода порученій. Съ этою цѣлью желательно было бы предоставить разъѣзднымъ приказчикамъ организацію института, члены котораго вступаютъ и осуществляютъ коммивояжерскія права и обязанности подъ контролемъ и наблюденіемъ правительства, подобно институту присяжныхъ и частныхъ повѣренныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ для объединенія лицъ, занимающихся этимъ промысломъ, было бы полезно разрѣшить имъ собираться въ съѣзды и избирать изъ членовъ этого института центральные и мѣстные комитеты для обсужденія своихъ нуждъ и для взаимнаго ознакомленія съ повсемѣстными условіями упомянутаго промысла въ Имперіи, а для увеличенія состава лицъ, изъ коихъ можно было брать коммивояжеровъ, необходимо учрежденіе спеціальныхъ школъ и училищъ для прикащиковъ.

Разъѣздными приказчиками имѣютъ признаваться лица, получившія удостовѣрительные листки на коммивояжерскій промыселъ, а именно на покупку товаровъ и полученіе заказовъ, для владѣльцевъ торговыхъ предпріятій, землевладѣльческихъ имѣній, торговыхъ фирмъ и синдикатовъ. Удостовѣрительные листки должны выдаваться казенными палатами или другими, по указанію Министра Финансовъ, учрежденіями, если претендентъ знаніемъ и нравственными своими качествами удовлетворяетъ требованіямъ, къ нему предъявляемымъ. Право на полученіе званія разъѣзднаго приказчика должно принадлежать всѣмъ русскимъ подданнымъ обоего пола, достигшихъ 25-лѣтняго возраста. Законъ о коммивояжерскомъ промыслѣ долженъ имѣть въ виду организацію ин-

ститута разъѣздныхъ приказчиковъ изъ людей свѣдующихъ, честныхъ, которые, получая довѣренности отъ разныхъ владѣльцевъ предпріятій, имѣли бы возможность исполнять, такъ сказать, попутно торговыя порученія сихъ послѣднихъ за умѣренное вознагражденіе и способствовать развитію внутренней и внѣшней отечественной промышленности и торговли.

Тѣмъ не менѣе, въ виду существующихъ дефектовъ въ нашей торговлѣ, свобода коммивояжерскаго промысла, при недостаточности надзора за дѣятельностью названныхъ агентовъ, можетъ повлечь за собою нежелательныя послѣдствія. Негодный и залежалый товаръ, продукты и матеріалы, несоотвѣтствующіе образцамъ, все это можетъ имѣть сбытъ чрезъ разъѣздныхъ приказчиковъ, а при существующихъ у насъ толкованіяхъ уголовно-наказуемаго обмана надо разсчитывать на полную безнаказанность означенныхъ дѣйствій, въ коихъ даже суду трудно разобраться, такъ какъ хозяинъ будетъ сваливать вину на приказчика, а послѣдній на хозяина [1]).

Въ общемъ, организація коммивояжерскаго промысла въ Имперіи должна быть направлена не только къ развитію нашей торговли, но главнымъ образомъ имѣть въ виду ея оздоровленіе и упорядоченіе.

Э. К. Высоковичъ.

---

[1]) Въ недавно вышедшей книгѣ «Промышленное плодоводство въ Америкѣ», авторъ этого труда *Я.* Нѣмецъ, сообщаетъ, что оптовыя садовыя заведенія въ Америкѣ для сбыта залежавшагося товара посылаютъ коммивояжеровъ съ эффектными каталогами и образцами фруктовъ отборной величины, сохраненными въ банкахъ съ предохранительною жидкостью, но плоды эти происходятъ не изъ питомника, а заказываются обыкновенно на сторонѣ, въ Калифорніи, гдѣ фрукты очень крупны. Нынѣ, чтобы оградить отъ упомянутой эксплоатаціи садоводовъ, обществами садоводства вырабатываются правила, по которымъ коммивояжеры должны будутъ имѣть особыя свидѣтельства и гарантировать доброкачественность товара наравнѣ съ хозяевами.

VI.

НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА И ГЕРМАНСКОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УЛОЖЕНІЕ.

(По поводу статьи проф. І. А. Покровскаго).

Конечная цѣль всякой науки, ея идеалъ—созданіе стройной, гармонической системы, въ которой всѣ части исходили бы изъ единаго основнаго начала,—свойственна и наукѣ права: право во всей его совокупности есть сложный организмъ, имѣющій въ основаніи одну идею; организмъ, всѣ части котораго находятся въ гармонической связи. Положенія отдѣльныхъ юридическихъ наукъ никоимъ образомъ не должно противорѣчить другъ другу; истины, добытыя, напр., въ гражданскомъ правѣ, будутъ считаться истинами не только для цивилиста, но и для криминалиста, государственника, международника и т. д. Тѣ различныя точки зрѣнія, съ которыхъ представители отдѣльныхъ юридическихъ наукъ изучаютъ одно и то-же явленіе, тѣ своеобразные пріемы, которые иногда исключительно употребляются въ какой нибудь отрасли правовѣдѣнія, никоимъ образомъ не должны мѣшать полному взаимодѣйствію всѣхъ частей юридическаго знанія. Юридическая наука, которая пожелала-бы развиваться исключительно своими собственными силами, выставляла-бы принципы, противорѣчащія принципамъ другихъ юридическихъ наукъ, и отдѣлилась бы отъ общей теоріи права, отъ философіи права,—изъ важной культурной силы превратилась бы въ тормазъ прогресса.

Вотъ почему тѣ принципы, на основаніи которыхъ рѣшаются

дѣла въ уголовномъ отдѣленіи суда, признаются и въ гражданскомъ его отдѣленіи, вотъ почему, если вещь признается недвижимой судьями-цивилистами, то и судьи-криминалисты признаютъ ее недвижимой, если Иванъ не признается въ гражданскомъ судѣ отцомъ Петра, то и въ уголовномъ судѣ юридическія отношенія останутся тѣ же, если я убилъ Сидора въ состояніи необходимой обороны, то всякій гражданскій судъ откажетъ женѣ Сидора въ искѣ ко мнѣ объ убыткахъ и т. д.

Изъятіе изъ этого принципа нашелъ проф. I. А. Покровскій въ § 859 Германскаго гражданскаго уложенія. Въ своей очень интересной статьѣ „Основные вопросы владѣнія въ новомъ германскомъ уложеніи" („Вѣстникъ Права" № 1) уважаемый проф. говоритъ, что § 859 „умышленно отступаетъ отъ общихъ положеній о самозащитѣ и необходимой самооборонѣ" (стр. 115), что такое „отступленіе отъ общихъ принциповъ противно характеру современнаго общежитія и современнаго государства", что „государство разнуздываетъ здѣсь личную силу" (стр. 117), и что эпиграфъ, выставленный уложеніемъ къ отдѣлу о владѣніи—Rechtsfrieden, при существованіи статей, подобныхъ § 859, долженъ показаться насмѣшкой (стр. 120).

Съ мнѣніемъ г. Покровскаго мы позволяемъ себѣ совершенно не согласиться: намъ, напротивъ, кажется, что § 859 находится въ полной гармоніи и съ общими началами института необходимой обороны и съ соотвѣтствующимъ ученіемъ общей части разсматриваемаго кодекса.

Право необходимой обороны—non scripta, sed nata lex. Оно основано на безспорномъ, вытекающемъ изъ самаго существа права, положеніи, что *право не должно уступать неправу*. Допустить хотя бы малѣйшее исключеніе изъ этого принципа, значило бы въ корнѣ подорвать всю правовую жизнь, уничтожить всякую увѣренность въ ненарушимости права, вселить убѣжденіе, что право можетъ быть нарушаемо во имя какихъ то высшихъ интересовъ. Вотъ почему здѣсь не можетъ быть и рѣчи о какой-то уступкѣ, сдѣланной государствомъ частному лицу, наоборотъ—чѣмъ энергичнѣе, неуклоннѣе каждый гражданинъ будетъ охранять свои права, тѣмъ здоровѣе и крѣпче будетъ весь государственный организмъ, тѣмъ прочнѣе будетъ то драгоцѣнное чувство, недостатокъ котораго ничѣмъ замѣненъ быть не можетъ—чувство законности. Совершенно правъ поэтому Гарро, говоря, что „la défense sociale a un caractère

subsidiaire: elle n'agit pas à l'exclusion, mais à l'appui de la défense individuelle" [1]).

Изъ самаго существа необходимой обороны слѣдуетъ, что она должна быть допущена *противъ всѣхъ лицъ безъ всякаго исключенія*, при незаконномъ нападеніи на всякое, хотя бы и самое незначительное, право, и, будучи послѣдовательнымъ, необходимо признать, что средства защиты не должны быть ничѣмъ ограничены: самое ничтожное благо можетъ быть защищаемо путемъ лишенія жизни нападающаго, если только другимъ путемъ нельзя было защищать свое право. Все это общепризнанныя положенія и въ наукѣ уголовнаго права и въ большинствѣ уголовныхъ кодексовъ.

Въ исторіи уголовнаго права былъ періодъ, когда въ необходимую оборону законодатель вносилъ столько ограниченій, что самый институтъ былъ совершенно парализованъ: противъ безоружнаго нельзя было употреблять оружія, требовалось равенство оружія, подробно перечислялись права, защищать которыя было разрѣшено, нападаемый обязанъ былъ „елико возможно уступать" нападающему и т. д. [2]). Само собою разумѣется, что такая регламентація мыслима лишь въ эпоху опеки надъ личностью, въ эпоху Polizeistaat, когда, вмѣсто понятія права, выдвигается понятіе интереса. Регламентація эта быть можетъ въ связи съ общимъ направленіемъ государственной политики имѣла свое историческое значеніе, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящее время подобная регламентація противорѣчитъ и самому существу института необходимой обороны, и положенію личности въ государствѣ, и общему характеру современнаго правового государства.

На первый взглядъ можетъ показаться, что необходимая оборона противорѣчитъ запрещенію самоуправства, но на самомъ дѣлѣ противорѣчіе здѣсь кажущееся. Необходимая оборона и самоуправство—два совершенно самостоятельныя уголовно-правовыя понятія, и если на практикѣ иногда встрѣчаются затрудненія при разграниченіи ихъ, то во-1-хъ, затрудненія эти вовсе не такъ уже ве-

---

[1]) Garraud. Précis da droit criminel. 1895. p. 178.

[2]) Въ высшей степени характерно, что, хотя Воинскіе Артикулы проникнутые именно такимъ воззрѣніемъ на необх. оборону, но геній Петра ясно понималъ сущность этого института, парализуя большую часть стѣсненій такими толкованіями: „ежели смертный страхъ есть, то надлежитъ обороняться, какъ возможно". „Не долженъ есть себѣ отъ соперника перваго удара ожидать, ибо чрезъ такой первый ударъ можетъ тако причиниться, что и противиться весьма забудешь". (Ср. Carolina, art. 140).

лики, а во-2-хъ, теоретически понятія эти разграничиваются очень легко: самоуправство есть *возстановленіе уже утраченнаго* права, а необходимая оборона—защита права во время самаго нападенія на таковое. „При самоуправствѣ предполагается, что похититель въ теченіе нѣкотораго времени спокойно обладалъ незаконно пріобрѣтеннымъ благомъ" [1]).

Обратимся теперь къ § 859 герм. гражд. улож. и посмотримъ, дѣйствительно ли онъ противорѣчитъ ученію уголовнаго права о необходимой оборонѣ?

§ 859 гласитъ: „Владѣлецъ можетъ силою противиться *запрещенному* самоуправству. Если движимая вещь отнята у владѣльца *самоуправно*, то онъ можетъ силою отнять ее у нарушителя, коль скоро послѣдній былъ застигнутъ *на мѣстѣ* или *настигнутъ по свѣжимъ слѣдамъ*. Въ случаѣ захвата владѣнія поземельнымъ участкомъ посредствомъ *запрещеннаго самоуправства*, владѣлецъ участка, *немедленно послѣ захвата*, можетъ возстановить свое владѣніе, силою устраняя нарушителя".

Очевидно, что § 859 представляетъ собою одинъ изъ частныхъ случаевъ необходимой обороны. Всѣ элементы этого института здѣсь налицо: а) субъектъ, подвергающійся нападенію и пользующійся извѣстнымъ правомъ, признаннымъ закономъ (въ данномъ случаѣ *владѣлецъ*); b) объектъ, на который направлено нападеніе, признанный закономъ, какъ правовое благо (имущественное благо, вещь); c) незаконность нападенія (посредствомъ запрещеннаго самоуправства); d) наличность, непосредственность опасности, своевременность защиты („на мѣстѣ", „по свѣжимъ слѣдамъ", „немедленно послѣ захвата"). Какъ видимъ, никакого противорѣчія съ общими принципами необходимой обороны § 859 не заключаетъ въ себѣ. Напротивъ, предписанія разбираемаго закона находятся въ полномъ согласіи съ указанными принципами. Если для защиты своей вещи я имѣю право стрѣлять въ бѣгущаго и уносящаго вещь вора [2]), то a fortiori я могу погнаться за нимъ и

---

[1]) Таганцевъ. Лекціи II. стр. 579.

[2]) Ср. Таганцевъ, l. c., 578: „Несомнѣнно, что если выстрѣлъ былъ сдѣланъ для удержанія вора и возвращенія вещи, то это дѣйствіе ничѣмъ не отличается отъ насилія надъ воромъ, захваченнымъ на мѣстѣ кражи. Защита имущества до тѣхъ поръ будетъ сохранять характеръ обороны, пока есть надежда немедленно возстановить нарушенное владѣніе; по справедливому замѣчанію Листа, насиліе надъ воромъ только тогда сдѣлается самоуправствомъ, когда между

силой отнять захваченную имъ вещь; если я могу сдѣлать это относительно *вора*, то съ логической необходимостью слѣдуетъ, что отнять свою вещь я могу не только отъ вора, но и отъ человѣка, *незаконно* берущаго ее подъ предлогомъ осуществленія своего права. Вѣдь съ этой стороны рѣшающимъ моментомъ, согласно юридической конструкціи института, является *противоправность* нападенія, слѣдовательно, рѣшительно все равно, крадетъ ли нападающій мою вещь, грабитъ ли онъ ее, желаетъ ли онъ немедленно уничтожить, беретъ ли ее подъ предлогомъ осуществленія своего права, просто ли беретъ на время, обѣщая возвратить: разъ нѣтъ моего согласія на перечисленныя дѣянія, всѣ онѣ являются противозаконными, отличаясь другъ отъ друга только своей юридической квалификаціей, которая для существа необходимой обороны значенія не имѣетъ.

Проф. Покровскій во 2 и 3 отдѣлахъ § 859 видитъ не необходимую оборону, а возстановленіе своихъ правъ, т. е. самоуправство (стр. 116), но съ такимъ мнѣніемъ почтеннаго профессора едва ли не согласится кто либо изъ криминалистовъ. Фактическое господство мое надъ вещью не прекращается, пока эта вещь не вышла изъ сферы моей власти, пока стремленіе мое воспрепятствовать переходу ея во владѣніе другого не было прервано, пока другой не владѣлъ ею спокойно нѣкоторое время. У меня въ комнатѣ вы положили себѣ въ карманъ мои часы,—очевидно, что часы эти не вышли изъ сферы моего фактическаго господства. Но вѣдь то же самое будетъ и въ томъ случаѣ, когда вы съ этими часами вышли на улицу, гдѣ я васъ догоняю. Другое дѣло, когда съ моими часами вы безпрепятственно пришли къ себѣ домой, когда я немедленно не предпринималъ никакихъ дѣйствій для возвращенія ихъ, вы спокойно обладали ими нѣсколько дней, *когда другія фактическія отношенія, такимъ образомъ, установились*,—а я, вмѣсто того, чтобы для возстановленія своихъ правъ обратиться къ власти, являюсь къ вамъ въ домъ и силой отни-

---

актомъ противозаконнаго отнятія и возстановленіемъ права нѣтъ никакой непрерывности".

„Du moment qu'il est attaqué injustement dans l'un quelconque de ses droits, ... l'homme a le droit de se défendre contre la lésion imminente que veut lui faire l'agresseur; car entre lui, dont le droit est mis en péril, et l'agresseur qui veut violer son droit, à qui est il juste, à qui est il désirable que force reste? Evidemment à lui, dans tous les cas". Ortolan. Eléments de droit pénal. 1886. I, 177.

маю свои часы: здѣсь уже самоуправство, а не необходимая оборона. Ничего подобнаго не представляетъ § 859: владѣлецъ отнимаетъ свою вещь у нарушителя „на мѣстѣ", настигаетъ его „по свѣжимъ слѣдамъ", возстановляетъ свое владѣніе „немедленно послѣ захвата". Очевидно, у владѣльца *не прерывалось стремленіе удерживать вещь въ своемъ фактическомъ господствѣ*, *фактическія отношенія не принимали другого вида*, а слѣдовательно, отнимая свою вещь, возстановляя свое владѣніе, владѣлецъ осуществляетъ право необходимой обороны, а вовсе не совершаетъ самоуправства.

Не трудно видѣть, что § 859 вполнѣ гармонируетъ не только съ общими принципами необходимой обороны, но, вопреки мнѣнію проф. Покровскаго, гармонируетъ также и съ эпиграфомъ—Rechtsfrieden, который выставленъ къ отдѣлу о владѣніи. Въ самомъ дѣлѣ, если, какъ убѣдительно доказалъ самъ г. Покровскій въ своей статьѣ, основнымъ принципомъ ученія уложенія о владѣніи является possessio=detentio, если, по глубоко вѣрному замѣчанію автора, „изъ идеи охраны общественнаго мира вытекаетъ необходимость охранять всякое фактическое отношеніе лицъ къ вещамъ отъ произвола и насилія" (стр. 99), то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что надобно отказаться отъ твердо установленныхъ и общепризнанныхъ положеній необходимой обороны, стѣснять эту оборону и возвратиться къ принципамъ Polizeistaat. Общественный миръ будетъ скорѣе нарушенъ воспрещеніемъ потерпѣвшему преслѣдовать захватившаго его вещь, предписаніемъ размышлять каждый разъ, вознаградима ли потеря, или нѣтъ, заниматься въ виду похищенія вещи соображеніями *цѣлесообразности*, подавивъ въ себѣ чувство *права*, чувство справедливости. Неужели, оставаясь пассивнымъ зрителемъ противоправнаго уноса моей вещи, рискуя получить въ судѣ отказъ въ искѣ за недостаткомъ доказательствъ (извѣстно, что въ гражданскомъ процессѣ съ его безусловно-необходимымъ формализмомъ положеніе отвѣтчика очень часто бываетъ выгоднѣе положенія истца), рискуя даже при удовлетвореніи иска ничего съ отвѣтчика не получить, или получить ничтожный денежный эквивалентъ вмѣсто очень важной для меня по субъективнымъ мотивамъ вещи in specie, поощряя и другихъ брать помимо моей воли въ моемъ присутствіи мои вещи,—неужели всѣмъ этимъ я укрѣпляю общественный миръ? Не наоборотъ ли: обезпеченность за каждымъ свободнаго осуществленія столь важнаго права, какъ необходимая оборона, увѣренность, что каждое противоправное посягательство встрѣтитъ энергичный отпоръ,

санкціонированный закономъ,—не повліяетъ ли это благотворно на общественный миръ, не заставитъ ли нѣкоторыя распущенныя натуры побольше уважать личность владѣльца вещи и свои притязанія, дѣйствительныя или мнимыя, осуществлять культурнымъ способомъ, а не насиліемъ?

Общественный миръ именно и нарушается подобнымъ непризнаніемъ неприкосновенности правъ владѣльца, а не тѣмъ, что послѣдній догоняетъ и отнимаетъ свою вещь у человѣка, поправшаго требованія закона и поставившаго свой произволъ выше права потерпѣвшаго. Къ этому нельзя не прибавить, что если бы допустить на минуту правильность мнѣнія г. Покровскаго, то рѣшительно невозможно было бы установить точныя и опредѣленныя границы дѣятельности владѣльца, направленной на удержаніе своей вещи въ своемъ обладаніи: почему я могу не допустить *вора* схватить мою вещь со стола, а не могу того же сдѣлать со своимъ знакомымъ, желающимъ, вопреки моему запрещенію, взять себѣ эту вещь на мѣсяцъ, а потомъ возвратить? до какого мѣста, до какого момента я могу преслѣдовать уносящаго мою вещь? всякаго ли уносящаго я могу преслѣдовать? взятіе какихъ именно вещей и почему допускаетъ физическое воздѣйствіе со стороны владѣльца? и т. д., . . . на всѣ эти вопросы принципіальнаго отвѣта воззрѣніе проф. Покровскаго дать не можетъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что г. Покровскій усматриваетъ самоуправство, а не необходимую оборону въ случаѣ отнятія вещи не только во время преслѣдованія нарушителя, но даже *и на мѣстѣ* [1]); едва ли можно идти далѣе въ стѣсненіи правъ владѣльца и въ непризнаніи тѣхъ истинъ, которыя криминалисты считаютъ азбучными. Можно подумать, что понятія гражданскаго и уголовнаго права діаметрально противоположны, и не только не дополняютъ другъ друга (какъ казалось бы слѣдовало), а напротивъ—взаимно исключаютъ.

Что проф. Покровскій не раздѣляетъ воззрѣній на необходимую оборону, господствующихъ въ уголовномъ правѣ, будетъ совершенно ясно, если мы обратимся къ той части его аргументаціи, которая относится къ (кажущемуся) противорѣчію § 859 съ общими положеніями о самозащитѣ и необходимой оборонѣ, изложенныхъ въ §§ 226—231.

---

[1]) См. стр. 116: „въ *обоихъ* послѣднихъ случаяхъ, *очевидно* мы имѣемъ дѣло уже не съ самообороной, а съ возстановленіемъ своихъ правъ“ (курсивъ нашъ).

Приведемъ подлинныя слова автора: „Эти общія положенія.... „исходятъ изъ того принципа, что каждый членъ современнаго „общества не долженъ осуществлять *и защищать* свои права собственною силой, что возстановленіе *и защита* правъ есть дѣло „государства. *Только въ крайнихъ, строго опредѣленныхъ случаяхъ* [1]) „лицу предоставляется охранять свои интересы собственной силой, „и указанныя §§ 226—231 именно и посвящены опредѣленію этихъ „исключительныхъ случаевъ. Изъ этихъ параграфовъ *особенное „значеніе имѣетъ для насъ* § *229*, который говоритъ, что отнятіе „вещи собственной силой не будетъ запрещеннымъ самоуправствомъ „лишь тогда, если правительственной защиты своевременно получить нельзя, а между тѣмъ отъ промедленія интересы лица „могутъ существенно пострадать. Характерно затѣмъ, еще положеніе § 230, который говоритъ, что *самозащита* не должна идти далѣе того, что нужно для отвращенія опасности“ (стр. 115—116).—„У меня со двора нѣкто взялъ топоръ подъ (основательнымъ, или неосновательнымъ) предлогомъ, что этотъ топоръ „принадлежитъ ему. Если этотъ „нѣкто“ есть, положимъ, крестьянинъ той же деревни, домовладѣлецъ того же города и т. д., „если, словомъ, для меня нѣтъ никакихъ опасеній относительно „возможности получить этотъ топоръ обратно судебнымъ порядкомъ, *то по* § *229 я не могу нагнать захватчика и силой отнять у него топоръ*. Напротивъ, § 859 развязываетъ мнѣ на этотъ „счетъ руки вполнѣ: догоняй и отнимай“.

Мы позволяемъ себѣ думать, что взглядъ автора не вытекаетъ изъ §§ 226—230 и что, съ одной стороны, увидѣлъ противорѣчія тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ, а съ другой стороны, не различилъ ясно выраженныхъ въ указанныхъ параграфахъ институтовъ уголовнаго права необходимой обороны, крайней необходимости и самопомощи.

Вотъ текстъ этихъ параграфовъ.

§ 227: „Не считается противозаконнымъ дѣйствіе, совершенное въ состояніи необходимой обороны. Необходимой обороной признается та защита, которая требуется для отраженія отъ себя или отъ другого *наличнаго неправомѣрнаго нападенія*“.

§ 228: „Кто уничтожаетъ или повреждаетъ чужую вещь, чтобы *отразить отъ себя или отъ другого опасность*, которою она угрожаетъ, тотъ не поступаетъ противозаконно, если уничтоженіе

[1]) Во всѣхъ цитатахъ вездѣ курсивъ нашъ.

или повреждение были необходимы для отраженія *опасности* и если причиненный при оборонѣ (отраженіи?) вредъ не стоитъ внѣ соотвѣтствія съ размѣрами *опасности*. Если обороняющійся самъ вызвалъ *опасность*, то онъ обязанъ возмѣстить причиненный вредъ".

§ 229: „Кто отнимаетъ, уничтожаетъ или повреждаетъ какую-либо вещь съ цѣлью *самопомощи*, или задерживаетъ заподозрѣннаго въ желаніи скрыться *должника*, или устраняетъ сопротивленіе *обязаннаго къ чему нибудь лица* противъ дѣйствія, *которое оно должно допустить*, тотъ не поступаетъ противозаконно, если нѣтъ возможности своевременно прибѣгнуть къ содѣйствію органовъ власти и если, въ то же время, слѣдуетъ опасаться, что безъ немедленнаго вмѣшательства осуществленіе притязанія станетъ невозможнымъ или будетъ значительно затруднено".

О необходимой оборонѣ изъ этихъ параграфовъ говоритъ *только одинъ* § *227*, который, ясно выражая важнѣйшіе моменты юридической конструкціи института (*нападеніе*, неправомѣрное, наличное, защита), вполнѣ согласно съ принципами уголовнаго права разрѣшаетъ, вопреки мнѣнію проф. Покровскаго, догнать и отнять на улицѣ свой топоръ у захватчика, отнять у отходящей служанки взятыя ею вещи хозяина (стр. 114) и т. п. Подведеніе случая съ топоромъ подъ § 229 въ высшей степени неправильно. § 229 имѣетъ въ виду не необходимую оборону, а самопомощь (въ подлинникѣ Selbsthülfe), т. е. совершенно самостоятельный институтъ уголовнаго права, который въ системѣ общей части разсматривается въ ученіи объ обстоятельствахъ, исключающихъ противоправность дѣянія, на ряду съ согласіемъ потерпѣвшаго, приказомъ начальства, осуществленіемъ права, необходимой обороной, крайней необходимостью.

Всѣ признаки уголовно-правового понятія самопомощи находятся въ § 229: должникъ, желающій скрыться, лицо, обязанное къ чему нибудь и не исполняющее этой обязанности, необходимыя ограничительныя условія. Неужели человѣка, берущаго противоправно мой топоръ, т. е. производящаго открытое нападеніе на мое право, можно считать моимъ должникомъ, или лицомъ, обязаннымъ что нибудь для меня сдѣлать? Самопомощь отличается отъ необходимой обороны признакомъ очень характернымъ, признакомъ, необходимо вызывающимъ тѣ стѣсненія и ограниченія, которыя, будь они внесены въ необходимую оборону, противорѣчили бы самой сущности ея; въ то время какъ при необходимой оборонѣ на меня нападаютъ, вторгаются незаконно въ мои права,

а я лишь защищаюсь, желая только одного, чтобы фактическія отношенія сохранили statu quo,—при самопомощи (понятіи, отдѣляющемся отъ *самоуправства* очень тонкими, деликатными и подъ часъ трудно уловимыми признаками), напротивъ, я самъ активно вторгаюсь въ сферу правъ другого лица, которое вовсе на меня *не нападало*. Понятно, что не будь здѣсь строгихъ ограничительныхъ условій, государство дѣйствительно „разнуздывало бы личную силу“ и поступало бы „противно характеру современнаго общежитія“, понятно и требованіе § 230, что самопомощь (а не самозащита, какъ говоритъ г. Покровскій) не должна выходить за предѣлы того, что необходимо для отвращенія *опасности* (а не *нападенія*, какъ при необходимой оборонѣ), причемъ ничего „характернаго“ въ этомъ требованіи мы не видимъ.

Обращаясь къ § 228, мы видимъ, что онъ относится къ третьему родственному институту—*крайней необходимости* (Nothstand). Появленіе этой статьи въ гражданскомъ кодексѣ восполняетъ и развиваетъ начала, выраженныя въ §§ 52 и 54 Герм. угол. улож. [1]).

Какъ извѣстно, между криминалистами идетъ споръ о теоретическихъ основахъ этого института, причемъ однимъ изъ важнѣйшихъ камней преткновенія является матеріальный ущербъ, причиненный владѣльцу вещи лицомъ, находящимся въ опасности: въ то время какъ я (при необходимой оборонѣ), защищаясь отъ *васъ* и, разорвавъ ваше платье, не обязанъ возмѣстить вамъ убытки, при крайней необходимости я причиняю вредъ не нападающему, а третьему лицу, совершенно неповинному въ моей опасности, и, конечно, здѣсь можетъ быть поставленъ вопросъ о возмѣщеніи убытковъ. Отвѣтъ на этотъ вопросъ и даетъ § 228. Удаченъ ли этотъ отвѣтъ, объ этомъ могутъ быть разныя мнѣнія. Съ точки зрѣнія весьма распространенной и имѣющей сильныхъ защитниковъ теоріи, дѣяніе, совершенное въ состояніи крайней необходимости, только *извинительно*, освобождается отъ наказанія, но остается неправомѣрнымъ [1]) и, слѣдовательно, влечетъ за собою уплату вреда и убытковъ: за дѣвушкой гонится нахалъ, она, защищаясь отъ нападенія, не будучи въ состояніи размышлять, схватываетъ стоящую на низкомъ окнѣ мою дорогую вазу и бросаетъ

---

[1]) Ср. Liszt, l. c. стр. 147.

[1]) Типичнымъ представителемъ этой теоріи изъ русскихъ ученыхъ является проф. Сергѣевскій, защищающій ее на стр. 287—291 „Русск. угол. права“, 1892 г.

въ нападающаго. Послѣдователи только что приведенной теоріи и говорятъ, что если здѣсь дѣвушка не можетъ быть наказана въ уголовномъ порядкѣ за уничтоженіе моей вещи, то во всякомъ случаѣ возмѣстить мнѣ убытки она обязана; такъ какъ съ одной стороны я въ ея опасномъ положеніи нисколько не виноватъ, а съ другой—дѣяніе ея неправомѣрно, ибо законъ не даетъ разрѣшенія нарушать права третьихъ лицъ для защиты себя отъ опасности.

Но въ настоящемъ случаѣ для насъ важно не это. Можно не согласиться съ расширеніемъ правъ, вытекающихъ изъ состоянія крайней необходимости, расширеніемъ, несомнѣнно вводимомъ § 228, но несомнѣнно, что параграфъ этотъ говоритъ ни о чемъ другомъ, какъ о крайней необходимости, очень послѣдовательно и опредѣленно называя *опасность*[1]), въ которой находится лицо, а не *нападеніе*, какъ въ предыдущемъ §. Нѣкоторыя ограничительныя условія совершенно умѣстны здѣсь и были бы неумѣстны въ параграфѣ, трактующемъ о такомъ абсолютномъ правѣ, какъ необходимая оборона.

Итакъ мы видимъ, что тѣ серіозныя обвиненія, которыя предъявилъ проф. Покровскій къ § 859, являются едва ли основательными. Конечный результатъ по изслѣдуемому вопросу прямо противоположенъ результату г. Покровскаго: можно лишь пожелать, чтобы и въ нашемъ будущемъ гражданскомъ уложеніи появилась статья, подобная § 859, чтобы и наше гражданское право развило бы и дополнило тѣ, согласные съ наукой, принципы необходимой обороны, которые легли въ основаніе ст. 37 проекта нашего новаго уголовнаго уложенія.

І. В. Михайловскій.

---

[1]) По отношенію къ тому лицу, чьи права я нарушаю въ состояніи крайней необходимости, я нахожусь въ *опасности*; *нападаетъ* же на меня третье лицо, а сплошь и рядомъ, когда опасность создается силами природы, и никто не нападаетъ.

VII.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Пересмотръ правилъ о наймѣ на сельскія работы.

Въ Земскомъ Отдѣлѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ завершилась работа, представляющая исключительный интересъ какъ съ юридической, такъ и съ экономической точки зрѣнія,—работа по пересмотру Положенія 20 іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы;

Пересмотръ былъ веденъ въ направленіи измѣненія *и дополненія* правилъ 20 іюня 1886 года, въ смыслѣ усугубленія и усиленія тѣхъ специфическихъ ихъ особенностей, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе проникшее въ эти правила начало внѣ-экономическаго принужденія. Заключительный результатъ этой работы пересмотра лежитъ передъ нами въ видѣ внесеннаго въ концѣ марта сего года въ Государственный Совѣтъ мотивированнаго проекта, содержащаго въ себѣ нѣсколько десятковъ статей, которыя касаются всѣхъ моментовъ развитія договорнаго отношенія по сельско-хозяйственному найму—заключенія договора, его исполненія и его двойной юридической охраны, гражданской и уголовной. Удовлетворитъ ли этотъ результатъ тѣхъ, на кого онъ главнымъ образомъ разсчитанъ, успокоитъ ли ихъ домогательства? Заранѣе можно быть увѣреннымъ, что нѣтъ. L'appétit vient en mangeant: чѣмъ дальше въ лѣсъ—тѣмъ больше дровъ. Чѣмъ болѣе дѣлается уступокъ притязаніямъ на снабженіе договора сельско-хозяйственнаго найма особою принудительною силою, чѣмъ больше правительственная власть входитъ въ роль

даровыхъ крѣпостныхъ бурмистровъ и прикащиковъ,—тѣмъ болѣе выясняется практическая безплодность полумѣръ въ этомъ отношеніи и логическая необходимость—ради достиженія предположенной цѣли—идти до конца, довести дѣло до естественныхъ его границъ—реставраціи крѣпостного состоянія. Умершее крѣпостное право—умершее какъ юридическій институтъ—оставило по себѣ глубокій общественно-психологическій слѣдъ, осталось жить въ нравахъ и понятіяхъ, въ чувствахъ и вожделѣніяхъ. Для проявленія этой живучести вопросъ объ „урегулированіи" сельско-хозяйственнаго найма, естественно, оказался самой подходящей почвой: привидѣнія, въ видѣ духовъ, всего чаще посѣщаютъ мѣста, наиболѣе излюбленныя ими при жизни.

Дѣйствовавшія до изданія положенія 1886 г., „Временныя правила о сельскомъ наймѣ" (прилож. къ ст. 31 полож. о крест. учр.), изданныя непосредственно послѣ паденія крѣпостного права, поставили помѣщиковъ и ихъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ лицомъ къ лицу, какъ юридически равноправныхъ субъектовъ договорнаго отношенія. Во главѣ этихъ правилъ выражено общее положеніе: „Наемъ въ сельскіе рабочіе и въ служительскія по хозяйству должности совершается по добровольнымъ условіямъ, которыя должны быть заключаемы на *общихъ* основаніяхъ, постановленныхъ въ законахъ о личномъ наймѣ",— и въ слѣдующихъ далѣе особенныхъ постановленіяхъ, нормирующихъ данный видъ найма; начало обще-гражданской свободы и непринужденнаго согласія договора проводится съ полною послѣдовательностью, равновѣсіе между сторонами соблюдается съ полною точностью. „Временныя правила" имѣютъ въ виду только устранить поводы къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ между нанимателями и наемниками, могущимъ возникать изъ неполноты, неопредѣленности или неясности договора. Съ этою цѣлью „Временныя правила" оказываютъ нескрываемое предпочтеніе договорамъ, облеченнымъ въ письменную форму, какъ наименѣе способнымъ возбуждать пререканія между сторонами относительно ихъ содержанія и условій, и чтобы облегчить возможность пользованія выгодами письменной формы въ такой средѣ, гдѣ безграмотность есть общее правило, а умѣнье писать—рѣдкое исключеніе, названныя правила вводятъ „рабочую книжку", какъ доступную замѣну письменнаго условія. Эта рабочая книжка „Временныхъ правилъ" ничего общаго не имѣетъ съ „договорнымъ листомъ" позднѣйшаго Положенія 20 іюня 1886 г. или съ той рабочей книжкой,

которая проектируется въ настоящее время; договоръ заключенный по рабочей книжкѣ на основаніи „Временныхъ правилъ", не пользуется никакими юридическими или, вѣрнѣе, анти-юридическими преимуществами по сравненію съ письменнымъ договоромъ вообще; естественныя права нанимателя надъ личностью наемника—естественныя потому, что они вытекаютъ изъ сущности договора личнаго найма—ничѣмъ при этомъ не усиливаются и не обостряются. Главнымъ регулирующимъ началомъ взаимныхъ отношеній между сельскими хозяевами и ихъ рабочими признается, согласно временнымъ правиламъ, начало договорное; только на случай, если стороны не предусмотрѣли и не опредѣлили сами послѣдствій возможныхъ осложненій при осуществленіи договора, законъ даетъ рядъ диспозитивныхъ нормъ, стараясь удержаться въ нихъ на границѣ полнаго безпристрастія къ сталкивающимся интересомъ обѣихъ сторонъ. „Временныя правила" знаютъ, напримѣръ, и штрафы за самовольную отлучку отъ работъ, за лѣность, пьянство и нерадѣніе; но штрафъ этотъ имѣетъ характеръ не уголовнаго взысканія, а вознагражденія хозяина за причиненный ему убытокъ; назначается онъ въ размѣрахъ, опредѣленныхъ въ договорѣ, и только при отсутствіи особаго условія на этотъ предметъ, норма штрафа устанавливается закономъ (двойная поденная плата за каждый день прогула); налагается штрафъ не по произволу хозяина, а по рѣшенію мироваго посредника, который вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и величину поденной платы, а сообразно съ послѣдней вычисляется имъ и размѣръ штрафа (ст. 16 врем. прав.). По такому же точно штрафу, налагаемому тѣмъ же порядкомъ, подвергаются и хозяева въ пользу рабочихъ, если не удовлетворятъ ихъ своевременно заработанными деньгами, и если размѣръ вознагражденія за просрочку не указанъ въ договорѣ (ст. 21). Вообще, послѣдствія нарушенія договора найма какъ со стороны хозяевъ, такъ и рабочихъ—въ чемъ бы нарушеніе ни выразилось,—нормируются „Временными правилами" исключительно только на случай отсутствія соглашенія между контрагентами и нормируются всецѣло на основаніяхъ гражданско-правовыхъ—на почвѣ возмѣщенія причиненнаго нарушеніемъ имущественнаго ущерба.

Недовольство „временными правилами о сельскомъ наймѣ" не замедлило проявиться сейчасъ же послѣ ихъ изданія. Въ этомъ нѣтъ, разумѣется, ничего неожиданнаго: юридическое равенство хозяина, бывшаго помѣщика, и рабочаго, его бывшей крѣпостной „души", слишкомъ плохо мирилось съ вкоренившимися крѣпостниче-

скими понятіями и привычками, отъ которыхъ гораздо легче было отказаться въ теоріи, чѣмъ освободиться на практикѣ. Наряду съ этимъ, на развалинахъ крѣпостного хозяйства развилась и получила, если не преобладаніе, то широкое распространеніе система веденія сельскаго хозяйства, справедливо заклейменная названіемъ „кулаческой",—эта система не могла не обострить отношеній между сторонами, вступающими въ договоръ сельскаго найма, ибо этотъ договоръ является главнымъ ея орудіемъ. Но самая важная причина зарожденія „рабочаго вопроса" въ деревнѣ—это, конечно, отсутствіе класса безземельныхъ батраковъ; крестьянинъ, надѣленный землею, ведущій самостоятельное хозяйство, оказывается плохимъ наймитомъ, крайне неохотно впрягающимся въ чужое ярмо; чтобы заставить его взяться за чужую работу, приходится подстерегать моментъ его нужды, уловлять его лишними „задатками", имѣющими всѣ свойства ростовщическихъ займовъ. Эта недостаточность экономическаго принужденія, которое бы толкало крестьянина въ батраки, и вызываетъ домогательства о компенсаціи его другими формами принужденія—внѣ экономическаго. Какъ увидимъ ниже, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ сельское батрачество выдѣлилось въ качествѣ особаго занятія, въ видѣ отдѣльнаго класса, достаточно многочисленнаго, чтобы удовлетворять потребностямъ крупнаго хозяйства, тамъ отношенія между хозяевами и рабочими установились болѣе или менѣе сносныя и со стороны первыхъ не слышно обычныхъ жалобъ на крайнюю „распущенность" рабочаго и необходимость для него „ежевыхъ рукавицъ".

Недавно въ печати былъ сдѣланъ интересный обзоръ ходатайствъ и проектовъ, имѣвшихъ предметомъ своимъ „урегулированіе" сельско-хозяйственнаго найма [1]); большею частью въ такихъ ходатайствахъ призывалось вмѣшательство полицейско-уголовной репрессіи въ отношеніи между хозяевами и рабочими. Начиная съ 1865 года, можно отмѣтить цѣлый рядъ такихъ ходатайствъ, спорадически возникавшихъ то въ одномъ, то въ другомъ земскомъ собраніи. Однако, до 80 годовъ движеніе въ пользу „урегулированія" не отличалось особенною настойчивостью и не имѣло особеннаго успѣха; даже въ тѣхъ земствахъ, которыя наиболѣе прониклись землевладѣльческими интересами, раздавались протестующіе голоса, энергично высказывавшіеся противъ мѣръ репрессіи, направлен-

---

[1]) См. Е. Варбъ. Земство и регулированіе сельско-хозяйственнаго найма. Начало. 1899 г. № 1.

ныхъ по адресу рабочихъ. Но съ 80 годовъ положеніе измѣнилось. Время это, замѣчаетъ авторъ упомянутаго выше обзора, какъ извѣстно, ознаменовалось замѣтнымъ подъемомъ сословнаго духа. Неувѣренное и робкое въ началѣ, движеніе это съ теченіемъ времени становится все упорнѣе и заносчивѣе и, само собою разумѣется, не могло не задѣть вопроса объ урегулированіи отношеній между землевладѣльцами и сельскими рабочими, съ которымъ въ дворянскихъ программахъ конкуррируетъ единственно вопросъ о кредитѣ всевозможныхъ наименованій и видовъ. Новыя вѣянія, конечно, не могли не отразиться и въ земствѣ. Но если оно иногда и принимало участіе въ реакціонномъ движеніи, то шествовало въ хвостѣ, не безъ нѣкотораго конфуза; иниціаторами выступали учрежденія и лица, которыя не чувствовали себя связанными лучшими традиціями недалекаго прошлаго. Отвѣтомъ на это движеніе и явилось положеніе 20 іюня 1886 года о наймѣ на сельскія работы.

Положеніе различаетъ два вида найма: обыкновенный и, такъ сказать квалифицированный—по договорнымъ листамъ; кромѣ того, въ предѣлахъ каждаго вида проводится еще различіе между наймомъ срочныхъ рабочихъ и наймомъ на сдѣльныя, поденныя и испольныя работы. Такимъ образомъ, всѣхъ разновидностей найма, регулируемыхъ Положеніемъ, оказывается четыре: 1) обыкновенный наемъ на сдѣльныя, поденныя и т. д. работы; 2) обыковенный наемъ срочныхъ рабочихъ; 3) наемъ по договорнымъ листамъ на сдѣльныя и поденныя работы, и 4) такой же наемъ срочныхъ рабочихъ. Обыкновенный поденный или сдѣльный наемъ оставляется подъ дѣйствіемъ общегражданскихъ законовъ; изъ постановленій Положенія къ нему пріурочиваются только немногія, не имѣющія притомъ существеннаго значенія; своеобразная покровительственная тенденція, которая красною нитью проходитъ черезъ Положеніе (покровительственная по отношенію къ нанимателямъ), отразилась только въ примѣненіи къ данному виду найма ст. 47, согласно которой наниматель, принявшій къ себѣ рабочаго, зная, что онъ связанъ договоромъ на то же время съ другимъ нанимателемъ, обязанъ вознаградить послѣдняго за всѣ причиненные ему самовольнымъ уходомъ рабочаго убытки. Но гораздо ярче сквозитъ эта тенденція въ постановленіяхъ, касающихся обыкновеннаго найма срочныхъ рабочихъ. Положеніе стремится построить отношенія между землевладѣльцемъ и срочнымъ рабочимъ не по типу гражданскаго договора, а вотчиннаго патроната; помимо обязанности исполненія

договора, на рабочаго возлагаются еще обязанности безпрекословно повиноваться нанимателю и усердно исполнять его требованія, охранять хозяина и его домашнихъ при угрожающей кому либо изъ нихъ опасности, вести себя благопристойно, трезво и почтительно къ хозяину, его домашнимъ и лицамъ, отъ него приставленнымъ для надзора за работами и рабочими, и т. п. (ст. 35—39 полож.). Хозяину также преподаются наставленія „обходиться съ рабочими справедливо и кротко", „не *принуждать* рабочихъ къ полученію слѣдующей имъ платы, вмѣсто денегъ, хлѣбомъ, товаромъ или иными предметами (слѣдовательно, при отсутствіи *принужденія* со стороны хозяина, такого рода сдѣлки дозволительны)", „оказывать заболѣвшему рабочему возможное по имѣющимся средствамъ домашнее пособіе и въ случаѣ необходимости—содѣйствовать отправленію его на мѣсто жительства или помѣщенію въ больницу", „не возлагать на несовершеннолѣтнихъ работъ, несвойственныхъ ихъ возрасту и силамъ, и не только не препятствовать, но и побуждать ихъ къ посѣщенію церкви и школы". Но самое существенное въ законѣ—это, конечно, не перечень обязанностей, а тѣ мѣры, которыми обезпечивается ихъ исполненіе; въ этомъ отношеніи хозяинъ вооружается правомъ собственною властью „подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработанной платы за прогулъ, за небрежную работу, за грубость и неповиновеніе хозяину и за причиненіе вреда хозяйскому имуществу", въ размѣрѣ двойной поденной платы за каждую отдѣльную провинность или за каждый день прогула; „никакіе вычеты по инымъ поводамъ не допускаются"—прибавляетъ законъ, но и перечисленные поводы достаточно широки, чтобы вмѣстить все, что угодно, и дать полный просторъ произволу хозяина, который въ одно и то же время выступаетъ потерпѣвшимъ, обвинителемъ и судьею, производящимъ расправу въ личныхъ своихъ столкновеніяхъ съ рабочими. Необходимо при этомъ замѣтить, что хозяину предоставлено, по желанію, либо наложить на рабочаго штрафъ, либо привлечь его къ судебной отвѣтственности; слѣдовательно, штрафы разсчитаны преимущественно на тѣ случаи, когда вина рабочаго слишкомъ ничтожна или сомнительна, чтобы составить основаніе къ возбужденію судебнаго преслѣдованія или предъявленію иска. Еще обильнѣе по числу, неопредѣленнѣе и шире по содержанію тѣ поводы, которые даютъ право нанимателю расторгнуть договоръ съ рабочимъ въ любое время, до истеченія срока найма; тутъ есть и лѣность, нерадѣніе, неоднократная неисправность,

пьянство, буйство, дерзкіе поступки, грубость противъ нанимателя и членовъ его семейства, открытое неповиновеніе, оказанное нанимателю, или лицамъ, коимъ ввѣренъ надзоръ за рабочими и работами, похищеніе имущества—не только у хозяина, но даже у лицъ посторонних, неосторожное обращеніе съ огнемъ, обнаруженіе у рабочаго прилипчивой или заразительной болѣзни, неоднократное или продолжительное личное задержаніе рабочаго по распоряженію власти, неспособность рабочаго исполнять работу, для которой онъ нанялся и т. д. и т. д. Правда, довольно также многочисленны, хотя гораздо болѣе опредѣленны и вѣски тѣ причины, по которымъ рабочему предоставляется уйти отъ хозяина до срока найма: несоблюденіе нанимателемъ условій относительно выдачи рабочимъ наемной платы и ихъ содержанія, обида дѣйствіемъ (но не словомъ), насильственные поступки со стороны нанимателя, членовъ его семейства или надзирателей за работами, неспособность рабочаго, по болѣзни, а работницы и по беременности, исполнять возложенныя на нихъ работы, условія производства работъ, опасныхъ для жизни или здоровья рабочаго, отводъ рабочимъ помѣщенія, зараженнаго находившимися тамъ больными заразительной болѣзнью.

Не лишено значенія также и то, что всѣ случаи досрочнаго прекращенія договора найма, какъ со стороны хозяина, такъ и рабочихъ, могутъ быть перенесены недовольною стороною на разсмотрѣніе суда, который тогда оцѣниваетъ основательность мотива къ нарушенію договора и можетъ присудить виновнаго контрагента къ уплатѣ въ пользу другого вознагражденія въ размѣрѣ, не превышающемъ трехмѣсячной наемной платы. Характеристика обыкновеннаго найма по положенію 20 іюня 1886 г. была бы, однако, не полна, еслибы мы опустили слѣдующую черту: съ одной стороны, не допускается включеніе въ договоры условій, клонящихся къ ограниченію договаривающихся въ пользованіи правомъ судебной защиты, съ другой стороны, постановлено (ст. 56), что на неправильныя дѣйствія хозяина рабочій можетъ жаловаться въ судъ, но не долженъ уклоняться отъ исполненія обязанностей по заключенному условію, и „если жалоба рабочаго не будетъ признана уважительною, то употребленное имъ на веденіе судебнаго дѣла время, въ теченіе котораго онъ не исполнялъ условленныхъ работъ, признается *прогуломъ*". Прогулъ—значитъ штрафъ за обращеніе рабочаго къ судебной защитѣ, штрафъ добавочный, дополняющій обычныя послѣдствія проигрыша дѣла—взысканіе судебныхъ издержекъ.

При заключеніи договора по договорному листу, обыкновенный наемъ квалифицируется. Вводится уголовная отвѣтственность—для нанимателей за нарушеніе интересовъ другихъ нанимателей принятіемъ къ себѣ рабочаго, связаннаго договоромъ съ другими лицами, и для рабочихъ—за неявку или самовольный уходъ отъ хозяина. Идетъ ли рѣчь о рабочихъ срочныхъ или сдѣльныхъ и поденныхъ, безразлично, наниматель, заключившій договоръ найма по листу, имѣетъ право *виндицировать* рабочаго у всякаго другого нанимателя, принявшаго его къ себѣ по невѣдѣнію: послѣдній обязанъ отпустить рабочаго немедленно, подъ опасеніемъ преслѣдованія на основаніи ст. 51[1] уст. о нак., грозящей виновному арестомъ до 3-хъ мѣсяцевъ или денежнымъ взысканіемъ до 300 р.; если же онъ нанялъ рабочаго, зная, что тотъ связанъ договоромъ по договорному листу, то онъ отвѣчаетъ и за причиненные самовольнымъ уходомъ рабочаго убытки, и въ порядкѣ уголовномъ по упомянутой ст. 51[1]. Что же касается уголовной отвѣтственности рабочихъ, то условія ея различны для рабочихъ, нанявшихся на срокъ и сдѣльныхъ. По отношенію къ рабочимъ установленъ такой порядокъ: въ случаѣ ихъ неявки или самовольнаго ухода, хозяинъ можетъ, не прекращая заключеннаго договора, заявлять о томъ полиціи въ семидневный срокъ со времени неявки или ухода; полиція немедленно принимаетъ мѣры къ розысканію рабочаго и затѣмъ обязываетъ его вернуться къ хозяину въ кратчайшій, назначаемый по мѣстнымъ обстоятельствамъ, срокъ, съ предвареніемъ о послѣдствіяхъ неисполненія этого требованія. Если по требованію полиціи рабочій явится къ нанимателю, то послѣдній можетъ сдѣлать съ него вычетъ за время самовольнаго отсутствія, какъ за прогулъ; если же рабочій не подчинится предъявленному къ нему требованію, то полиція сообщаетъ о томъ земскому начальнику или городскому или мировому судьѣ, для наложенія на виновнаго наказанія по ст. 52[3] уст. о нак. (арестъ до одного мѣсяца),—но наниматель теряетъ при этомъ право на имущественное вознагражденіе, которое бы ему слѣдовало за неявку или самовольный уходъ рабочаго (въ размѣрѣ трехмѣсячной наемной платы). Сдѣльные рабочіе отвѣчаютъ въ уголовномъ порядкѣ за нарушеніе договора только въ томъ случаѣ, если получили отъ нѣсколькихъ нанимателей задатки и обязались исполнить работы, которыхъ завѣдомо не могли выполнить въ условленное время; другими словами, отвѣтственность сдѣльныхъ рабочихъ основана на такихъ признакахъ, которые сближаютъ инкриминируемое имъ дѣяніе съ уго-

ловно-наказуемымъ обманомъ, и этимъ она принципіально расходится съ отвѣтственностью срочныхъ рабочихъ, совпадая съ послѣдней по размѣрамъ (арестъ до одного мѣсяца). Наконецъ, послѣдній штрихъ, дорисовывающій уголовную отвѣтственность сельскихъ рабочихъ—всѣхъ безъ изъятія и безъ различія видовъ найма—передъ хозяевами: по ст. 17 и 38 временныхъ правилъ о волостномъ судѣ, изданныхъ въ 1889 г., нарушеніе рабочимъ договора найма, заключеннаго безъ договорнаго листа, недобросовѣстною, по полученіи задатка, неявкою на работы, или самовольнымъ уходомъ съ работъ, безъ отработки забранныхъ впередъ денегъ—составляетъ особый проступокъ, караемый арестомъ или тѣлеснымъ наказаніемъ, а въ особо важныхъ случаяхъ—тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Нельзя впрочемъ, не указать, что это правило находитъ себѣ опору въ обычно-правовыхъ воззрѣніяхъ, сложившихся, очевидно, подъ вліяніемъ крѣпостного права: въ практикѣ волостныхъ судовъ, задолго до изданія временныхъ правилъ 1889 г., можно отмѣтить случаи наказанія розгами или арестомъ за недобросовѣстное нарушеніе договоровъ, особенно договора найма [1]).

II.

Арсеналъ всякихъ репрессивныхъ мѣръ, предоставленныхъ хозяину для „урегулированія“ его отношеній къ рабочимъ, оказывается, какъ мы видѣли, снабженнымъ весьма изобильно. Тутъ и штрафы, и гражданскіе иски, и полицейскія понужденія, и уголовныя ары—арестъ, розги,—чего же еще? На дѣлѣ, однако, цѣль оказалась не достигнутой; Положенію 20 іюня 1886 г. съ его свитой уголовныхъ постановленій въ уставѣ о наказ. и временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ, не удалось унять раздражительность и притязательность, которая не перестаетъ проявляться во всевозможныхъ тонахъ, начиная съ негодующаго и кончая жалостливымъ.

Въ 1897 году Саратовскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства (г. Кривскимъ) былъ составленъ и представленъ на разсмотрѣніе Министерства Внутреннихъ Дѣлъ проектъ правилъ о наймѣ сельскохозяйственныхъ рабочихъ, которому суждено, повидимому, сыграть ту-же роль, какая въ началѣ 50-ыхъ годовъ выпала проекту г. Лишина. Проектъ г. Кривскаго былъ переданъ въ особую коммисію, которая нашла, что „главнѣйшее его отличіе

---

[1]) И. Оршанскій. Изслѣдованія по русскому праву—обычному и брачному стр. 9.

отъ положенія 12 іюня 1886 г. образуютъ: во первыхъ—обязательное, и для нанимателя, и для рабочаго, требованіе, чтобъ договоръ найма былъ совершаемъ не иначе, какъ по особымъ договорнымъ книжкамъ, и во вторыхъ—тѣсно связанное съ такимъ требованіемъ установленіе отвѣтственности нанимателя за принятіе чужихъ (sic) рабочихъ безотносительно къ тому обстоятельству, извѣстно ли было нанимателю о существованіи ранѣе заключеннаго рабочимъ договора съ другимъ лицомъ". Эти два начала и были положены въ основу предпринятаго пересмотра положенія и вошли въ составленныя коммисіею предположенія. Между тѣмъ съ засѣданіями коммисіи совпало открытіе Высочайше учрежденнаго 13 апрѣля 1897 г. совѣщанія для изъясненія способовъ къ облегченію современнаго положенія помѣстнаго дворянства. Созванные для участія въ совѣщаніе губернскіе предводители дворянства были приглашены въ коммисію, и имъ предложено было высказаться на счетъ проекта, выработаннаго взамѣнъ Положенія 12 іюня 1886 г. Представители сословныхъ интересовъ дворянства одобрили проектъ въ принципѣ, но немедленное облеченіе его силою закона они отклонили по слѣдующимъ, такъ сказать, дипломатическимъ соображеніямъ. Изданіе новаго законоположенія о наймѣ на сельскія работы непосредственно вслѣдъ за Высочайшимъ повелѣніемъ 13 апрѣля 1897 г. послужило бы—по словамъ названныхъ предводителей дворянства—поводомъ къ „неумѣстнымъ толкамъ о значеніи этого мѣропріятія въ смыслѣ увеличенія правъ дворянства въ отношеніи крестьянскаго населенія"; во избѣжаніе такихъ превратныхъ толкованій они полагали необходимымъ повременить изданіемъ закона о наймѣ рабочихъ на предположенныхъ коммисіей основаніяхъ."

Однако, соображенія эти не были приняты Министерствомъ Внуренних Дѣлъ въ особливое вниманіе; Министерство нашло другія основанія для отсрочки безотлагательнаго разрѣшенія вопроса, именно—невыясненность тѣхъ результатовъ, которые дало десятилѣтнее примѣненіе Положенія 12 іюня 1886 г. на практикѣ. Министерство предприняло съ этою цѣлью разслѣдованіе на мѣстѣ и составило программу вопросовъ, разосланную имъ на обсужденіе особыхъ губернскихъ совѣщаній ad hoc подъ предсѣдательствомъ и при непремѣнномъ участіи мѣстныхъ губернскихъ предводителей дворянства въ составѣ: вице-губернатора, предсѣдателя или члена окружнаго суда, управляющаго казенною палатою и государственными имуществами, прокурора окружнаго суда или

его товарища, непремѣнныхъ членовъ губернскаго присутствія и предсѣдателя губернской земской управы, а также нѣкоторыхъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ и иныхъ лицъ, по совмѣстному приглашенію губернатора и губернскаго предводителя дворянства.

Этотъ односторонній составъ совѣщаній, въ связи съ односторонностью самой программы вопросовъ, редактированныхъ въ направленіи, намѣченномъ предъидущими работами по обсужденію проекта г. Кривскаго, долженъ былъ бы, казалось, заранѣе обезпечивать и одноцвѣтность ихъ заключеній. Въ дѣйствительности заключенія, изданныя земскимъ отдѣломъ въ видѣ двухтомнаго сборника [1]), оказались пестрѣе, чѣмъ можно было ожидать. Только по немногимъ пунктамъ замѣчается полное или приблизительное согласіе всѣхъ совѣщаній, какъ разъ по тѣмъ, которые свидѣтельствуютъ о практической непригодности всего Положенія или отдѣльныхъ чрезвычайныхъ мѣръ, допущенныхъ въ немъ по отношенію къ рабочимъ. Такъ, огромное большинство совѣщаній удостовѣрило, что Положеніе 12 іюня 1886 г. на практикѣ или вовсе не примѣняется, или примѣняется въ крайне ограниченныхъ размѣрахъ, и почти всѣ признали, что приводъ рабочихъ черезъ полицію, есть мѣра не только безполезная, но и вредная, такъ какъ насильственно удерживаемый рабочій является постоянной угрозой тому хозяйству, которое его удерживаетъ. По остальнымъ же вопросамъ голоса разбрелись врозь, что и естественно: самый методъ обслѣдованія, столь удаленный отъ объективныхъ пріемовъ западно-европейской анкетной практики, давалъ полный просторъ выраженію субъективныхъ взглядовъ и даже ощущеній. Если имѣть въ виду этотъ субъективный характеръ совѣщаній, усиливаемый односторонностью сего состава, то тѣ заключенія его, которыя говорятъ *противъ* чрезмѣрныхъ и крайнихъ требованій землевладѣльческаго класса, пріобрѣтутъ въ нашихъ глазахъ особенно вѣское значеніе,—ибо тутъ мы имѣемъ передъ собою confitentem reum—признанія заинтересованной стороны.

Наиболѣе общими вопросами программы является третій и четвертый: замѣчаются ли какія либо неустройства въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими, какіе недостатки и пробѣлы обнаружились въ Положеніи 12 іюня 1886 г. на практикѣ за

---

[1]) Сборникъ заключеній по вопросамъ относящимся къ пересмотру Положенія 12 іюня 1886 г. о наймѣ на сельскія работы. Ч. 1. Заключеніе губернскихъ совѣщаній, 1898; ч. 2. Особыя мнѣнія и заключенія 1898.

десятилѣтнее его примѣненіе, и вызываютъ ли эти недостатки и пробѣлы необходимость законодательнаго пересмотра означеннаго Положенія съ цѣлью его измѣненія и дополненія? Мы остановимся на нѣкоторыхъ отвѣтахъ, данныхъ отдѣльными совѣщаніями по этимъ вопросамъ.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ отвѣты Екатеринославскаго губернскаго совѣщанія. Въ Екатеринославской губерніи преобладаетъ крупное землевладѣніе, но сословный составъ его разнообразнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; главный контингентъ рабочихъ составляютъ пришлые изъ центральной Россіи; это, съ одной стороны, устраняетъ раздачу зимнихъ задатковъ—коренную причину почти всѣхъ недоразумѣній между хозяевами и рабочими, а съ другой—ставитъ рабочихъ, оторванныхъ отъ своихъ надѣловъ, подъ прямое и непосредственное вліяніе рыночныхъ условій. Благодаря этому, Екатеринославское губернское совѣщаніе отнеслось къ своей задачѣ объективнѣе, чѣмъ другія; оно единственное позаботилось собрать нѣкоторыя статистическія данныя и составило вѣдомость по уѣздамъ числа пришлыхъ рабочихъ, пунктовъ найма, количества дѣлъ, возбужденныхъ у земскихъ начальниковъ, и количества бланковъ договорныхъ листовъ, выбранныхъ изъ волостныхъ правленій. Вотъ отвѣты Екатеринославскаго совѣщанія на изложенные выше вопросы.

„Неустройство въ дѣлѣ найма на сельско-хозяйственныя работы, конечно, существуетъ и несомнѣнно невыгодно отражается какъ на интересахъ нанимателя, такъ и на интересахъ нанимающихся. Урожайные и неурожайные годы особенно вліяютъ на исполненіе договоровъ договаривающимися сторонами и ярко обрисовываютъ картину существующаго неустройства между хозяевами и рабочими.

„Партія рабочихъ, отдавъ нанимателю свои паспорты и взявъ большіе или меньшіе задатки, поступаютъ на работу; если виды на урожай повышаются, вслѣдствіе чего подымаются значительно цѣны на рабочія руки, то бываетъ, что рабочіе, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, самовольно оставляютъ работу, заручившись заранѣе обѣщаніемъ другого хозяина дать имъ болѣе высокую плату, или отправляются розыскивать такого хозяина. Рабочій, нанятый на срокъ, видя рядомъ съ собой другого поденнаго, получающаго за такую же работу 2—3 руб. въ день, за какую онъ получаетъ 30—40 коп., стремится оставить своего хозяина и перейти на поденную работу.

„Такое уклоненіе со стороны рабочихъ замѣчается въ іюлѣ и

августѣ мѣсяцахъ въ самую горячую пору уборки и молотьбы хлѣба, при чемъ наниматель бываетъ поставленъ въ такихъ случаяхъ въ весьма невыгодныя условія и при томъ въ такое время, когда судьбы хозяйства почти всецѣло зависятъ отъ рабочихъ, а всякое промедленіе можетъ повлечь къ невознаградимымъ потерямъ.

„Обратиться къ помощи волостнаго суда, для привлеченія къ отвѣтственности рабочаго по 17 ст. вр. прав. о вол. судѣ для хозяина очень мало разсчета—часто въ виду отдаленности суда, иногда по причинѣ его медленности, а, главнымъ образомъ, изъ боязни потерять время, столь нужное для сельско-хозяйственныхъ работъ.

„Отыскивать же вознагражденіе съ рабочаго почти безполезно, такъ какъ помимо того, что мѣсто жительства рабочаго нерѣдко неизвѣстно, такой рабочій едва ли располагаетъ какимъ либо имуществомъ.

„Вмѣстѣ съ этимъ замѣчается и обратное явленіе :виды на урожай могутъ измѣниться въ теченіи нѣсколькихъ дней,—восточные вѣтры выжигаютъ поля и наниматель (въ особенности изъ крестьянъ или разночинцевъ), нанявшій много рабочихъ въ разсчетѣ на урожай и боясь предстоящей расплаты, начинаетъ притѣснять рабочихъ, пока они не бросятъ его до срока. Обращаться же въ судъ для взысканія съ такого хозяина платы пришлому рабочему невозможно. Такія явленія въ губерніи, какъ повторяющіяся изъ года въ годъ, можно назвать постоянными. Въ то же время у хозяевъ, которые принимаютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры, дабы рабочіе не имѣли никакихъ поводовъ къ нарушенію заключенныхъ съ ними договоровъ, отношенія съ рабочими устанавливаются вполнѣ мирныя. По отзывамъ такихъ хорошихъ хозяевъ въ экономіяхъ ихъ наблюдается среди рабочихъ даже наслѣдственное преемство труда; туда, гдѣ всю жизнь работали отцы, идутъ наниматься и дѣти ихъ, зная, что тутъ жизнь рабочему хорошая.

„Къ числу мѣръ, удерживающихъ рабочаго въ хозяйствѣ, помимо удовлетворительнаго содержанія помѣщенія и обращенія съ рабочими, принадлежитъ еще нѣкоторое повышеніе рабочимъ платы, въ виду послѣдовавшаго повышенія цѣнъ на рабочія руки.

„Уклоненія же рабочихъ отъ исполненія заключенныхъ съ ними договоровъ найма, какъ явленія повсемѣстнаго, всегда и при всѣхъ условіяхъ наблюдаемаго и въ этомъ смыслѣ общаго,—конечно, не замѣчается.

„При неимѣніи поводовъ нарушенія договоровъ о наймѣ, т. е. при точной расплатѣ, хорошихъ харчахъ и т. п., рабочій, въ большинствѣ случаевъ, исправно исполняетъ свои обязанности, хотя, разумѣется, бываютъ и здѣсь исключенія."

По вопросу четвертому—о недостаткахъ и пробѣлахъ положенія 12 іюня 1886 г. совѣщаніе раздѣлилось. Приводимъ мнѣніе большинства, рѣзко выдѣляющееся основательностью мотивировки:

„Большинство членовъ: предсѣдатель совѣщанія—губернаторъ А. А. Баторскій, управляющій казенною палатою А. Б. Михайловъ, прокуроръ окружнаго суда Г. Г. Безкровный, непремѣнные члены губернскаго присутствія: И. Н. Кранцъ и Д. П. Шишкинъ и членъ дѣлопроизводитель земскій начальникъ М. Н. Гердзей полагали, что въ упомянутомъ Положеніи прежде всего обращаетъ на себя вниманіе несоблюденіе принципа равноправности договаривающихся сторонъ и предпочтительная заботливость объ интересахъ нанимателей передъ интересами нанинаемыхъ.

„1) За всѣ проступки рабочаго по отношенію къ нанимателю, указанные въ Положеніи 12 іюня 1886 года, ему грозитъ отвѣтственность, нанимателю же грозитъ денежная отвѣтственность (ст. 31 пол.) только за расплату, вмѣсто денегъ, хлѣбомъ и разными товарами.

„Въ Положеніи 12 іюня 1886 года нѣтъ гарантіи для добросовѣстнаго исполненія хозяевами своихъ обязанностей по отношенію къ рабочимъ. Ст. 32 пол. указываетъ на то, чтобы пища, выдаваемая рабочимъ, была хорошаго качества и соотвѣтствовала по составу и количеству пищѣ, употребляемой по мѣстнымъ обычаямъ въ крестьянскихъ семьяхъ средняго достатка, между тѣмъ дурная или недостаточная пища, даваемая рабочимъ, и полное отсутствіе какихъ либо помѣщеній для рабочихъ, даже крыши для жилья, а также употребленіе въ сельскомъ хозяйствѣ машинъ безъ предохранительныхъ приспособленій—явленія довольно обычныя, въ особенности, конечно, у хозяевъ изъ разночинцевъ и крестьянъ.

„На основаніи ст. 56 пол. на неправильныя дѣйствія нанимателя рабочій можетъ жаловаться въ судъ, но на практикѣ значеніе этого права рабочаго подрывается второй частью означенной статьи, гдѣ сказано, что если жалоба рабочаго не будетъ признана уважительной, то употребленное имъ на веденіе дѣла время, въ теченіи котораго онъ не выполнялъ своихъ обязанностей, признается прогуломъ, а за прогулъ, на основаніи ст. 50 положенія, нанимателю предоставляется подвергать рабочихъ вычетамъ и не

въ томъ только смыслѣ, что хозяинъ можетъ удержать у себя часть платы, причитающейся рабочему за данное время, а въ томъ смыслѣ, что хозяинъ сверхъ такого удержанія можетъ еще покарать рабочаго и штрафомъ. Такимъ образомъ, если рабочій и убѣжденъ безусловно въ правильности своего иска, или хотя основаніемъ къ отказу въ искѣ послужило какое нибудь формальное упущеніе со стороны истца, онъ всетаки окажется виновнымъ въ прогулѣ. Очевидно, что жалобъ на нанимателя будетъ незначительное количество. Такое приравненіе права рабочаго обращаться въ судъ къ прогулу значительно ограничиваетъ право судебной защиты.

„2) Прекращеніе дѣйствія договора о наймѣ облегчено гораздо болѣе для хозяина, нежели для рабочаго, а именно: на основаніи п. 1 ст. 58 положенія 12 іюня наниматель можетъ отказать рабочему до срока за лѣность, нерадѣніе и неисправность. Отказъ этотъ совершается безъ суда и рабочій имѣетъ право жаловаться на нанимателя уже послѣ отказа, а, слѣдовательно, рабочій долженъ доказать на судѣ отсутствіе своей лѣности или неисправности, т. е. фактъ отрицательный.

Независимо сего неспособность къ работѣ, за которую, по силѣ п. 10 ст. 58 положенія, рабочій можетъ быть уволенъ—понятіе крайне неопредѣленное и относительное. Каждаго рабочаго можно признать неспособнымъ къ извѣстной работѣ. Судъ же, къ которому прибѣгнетъ разсчитанный уже рабочій, признанный неспособнымъ, будетъ весьма затрудненъ въ установленіи критерія его способности или неспособности.

„3) По статьѣ 29 положенія 12 іюня наниматель долженъ обходиться съ рабочими справедливо и кротко, но если онъ будетъ бранить рабочихъ хотя бы самыми оскорбительными выраженіями, то рабочіе должны сносить это и продолжать работу, такъ какъ на основаніи ст. 60 положенія рабочій можетъ оставить нанимателя лишь въ случаѣ обиды дѣйствіемъ.

„4) Согласно ст. 50 положенія 12 іюня нанимателю предоставляется право подвергать рабочихъ вычетамъ изъ заработанной платы за прогулъ, грубость, неповиновеніе и небрежную работу.

„На самомъ дѣлѣ понятіе о небрежной работѣ, грубости и неповиновеніи весьма растяжимо и относительно; хозяева (въ особенности изъ разночинцевъ или изъ крестьянъ), зная, что вычеты съ рабочихъ производятся собственною ихъ властью, очень заинтересованы въ размѣрѣ и количествѣ вычетовъ. Грубость ра-

бочаго можетъ быть естественной и отнюдь не намѣренной, равно какъ и неповиновеніе можетъ быть кажущимся. Между тѣмъ, вычеты за эти проступки идутъ въ пользу хозяина и хозяинъ дѣлается судьей въ собственномъ дѣлѣ, при чемъ ему выгодно быть строгимъ.

„5) На основаніи ст.ст. 33 и 34 положенія 12 іюня наниматель обязанъ оказывать рабочему въ случаѣ его болѣзни возможное пособіе и содѣйствовать отправленію его на мѣсто жительства или помѣщенію въ больницу, наниматель не долженъ возлагать на несовершеннолѣтнихъ работъ, несвойственныхъ ихъ возрасту и силамъ, и обязанъ не только не препятствовать, но и побуждать къ посѣщенію церкви и школы въ свободное отъ занятій время.

„Но исполненіе этихъ прекрасныхъ правилъ не поддержано въ законѣ ни малѣйшимъ взысканіемъ за неисполненіе и, слѣдовательно, предоставляется всецѣло усмотрѣнію нанимателя.

„Благодаря медленности судопроизводства вообще и обилію формальностей, разбирательство дѣлъ по нарушеніямъ договоровъ о наймѣ бываетъ крайне затруднено. Въ случаѣ самовольнаго ухода рабочихъ, нанятыхъ словесно, нанимателю предоставляется или обратиться въ волостной судъ для привлеченія виновныхъ къ отвѣтственности по 38 ст. временныхъ правилъ о волостномъ судѣ или же по силѣ 57 ст. положенія 12 іюня искать съ рабочаго вознагражденія. При существованіи же договорнаго листа заявить полиціи объ уходѣ рабочаго на основаніи ст. 101 положенія.

„На практикѣ осуществленіе этихъ правилъ крайне затруднительно; волостной судъ нерѣдко очень отдаленъ отъ мѣста жительства хозяина, разбирательство дѣлъ въ волостномъ судѣ, помимо медленности, происходитъ не часто, иногда по разу въ недѣлю, а въ страдную пору и рѣже, искать же вознагражденія съ рабочаго не представляется возможнымъ, такъ какъ розыскать его нельзя, если же мѣсто жительства его извѣстно, то присужденныя съ него деньги едва ли взыщутся за неимѣніемъ у рабочаго никакого имущества.

„Что же касается до привода или увѣщанія рабочаго вернуться къ хозяину, то таковое почти никогда не приводитъ ни къ какимъ результатамъ.

„Отысканіе рабочаго было бы выгодно если бы оно удавалось немедленно послѣ его ухода и, кромѣ того, если бы можно было

силой заставить ушедшаго рабочаго удовлетворительно работать; и то и другое невозможно.

„Въ устраненіе этого, по мнѣнію большинства членовъ совѣщанія, было бы желательно установить слѣдующее:

1) Изъять изъ дѣйствующихъ правилъ о наймѣ рабочихъ все то, что, какъ выше изложено, вноситъ несправедливую неравноправность между договаривающимися сторонами.

2) Дополнить 57 ст. положенія правиломъ, по которому нанимателю предоставляется право по желанію или отыскивать съ самовольно ушедшаго рабочаго вознагражденіе, или же оставить за собой заработанную рабочимъ плату, но при непремѣнномъ условіи признанія судомъ самовольнаго ухода рабочаго. При этомъ нанимателю предоставляется заявлять въ полицію для составленія протокола о самовольномъ уходѣ въ видѣ обезпеченія доказательствъ. Паспорты рабочихъ остаются у нанимателя и представляются послѣднимъ въ судъ.

3) Въ виду необходимости возможно скораго разбирательства дѣлъ по нарушенію договоровъ о наймѣ, заключенныхъ какъ письменно, такъ и словесно,—включить въ число дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію земскихъ начальниковъ, дѣла по нарушенію договоровъ о наймѣ, включенныя нынѣ, по силѣ ст. 17 врем. прав. о вол. судѣ, въ вѣдѣніе сихъ судовъ.

4) Такъ какъ ст. 101 полож. 12 іюня, указывающая на обязанность полиціи разъяснять рабочему его обязанности и увѣщанія вернуться, неисполнима, то желательно ее отмѣнить".

Интересно сопоставить съ приведенными отвѣтами Екатеринославскаго совѣщанія заключенія совѣщанія той губерніи, откуда вышелъ свѣтъ въ видѣ проекта г. Кривскаго,—Саратовскаго. Заключенія эти отличаются своею краткостью и рѣшительностью.

На вопросъ о неустройствахъ въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими Саратовское совѣщаніе отвѣтствуетъ: „Главныя неустройства въ области отношеній между нанимателями и сельскохозяйственными рабочими—неисполненіе договоровъ рабочими. вслѣдствіе незакрѣпленія ихъ и неотвѣтственности вторыхъ нанимателей. Въ частности наблюдается въ большинствѣ случаевъ уклоненіе рабочихъ отъ исполненія заключенныхъ съ ними договоровъ найма, причемъ такое уклоненіе преобладаетъ въ средѣ пришлыхъ рабочихъ". То-же самое повторяется въ заключеніи по четвертому вопросу: „Причины, изложенныя въ отвѣтѣ на вопросъ 3-й—незакрѣпленіе договоровъ и неотвѣтственность вто-

рыхъ нанимателей; кромѣ того, неравномѣрное распредѣленіе мѣстныхъ рабочихъ силъ въ губерніи и часто неправильное направленіе пришлыхъ рабочихъ и переманиваніе рабочихъ разными неблаговидными способами. Недостатки Положенія 12 іюня заключаются въ слѣдующемъ: необязательность заключенія договоровъ по договорнымъ листамъ или книжкамъ и, вслѣдствіе этого, разнообразіе порядка возбужденія дѣлъ по нарушеніямъ договоровъ найма; сложность и громоздкость процесса, въ особенности, въ горячую рабочую пору, когда время дорого и хозяину и рабочему, а еще болѣе свидѣтелямъ; неизбѣжная проволочка при отдаленности мѣста жительства свидѣтелей и при существованіи нѣсколькихъ инстанцій; нерѣдкій неразыскъ обвиняемыхъ (обыкновенный способъ полицейской отписки: по розыску не оказалось); участіе общей и сельской полиціи въ привлеченіи нарушителей къ суду; возвращеніе рабочаго, нарушившаго договоръ, къ нанимателю, влекущее за собой нерѣдко месть въ видѣ поджоговъ, порчи орудій, отравленія скота и т. п.

Отвѣты Екатеринославскаго и Саратовскаго совѣщаній представляютъ два крайніе полюса, между которыми могутъ быть расположены заключенія остальныхъ; разнообразныхъ оттѣнковъ такъ много, что затруднительно, да и безполезно отмѣчать каждый въ отдѣльности. Общее впечатлѣніе, оставляемое чтеніемъ изданнаго Мин. Вн. Д. „Сборника заключеній“, сводится приблизительно къ слѣдующему. Отношенія между нанимателями и рабочими устанавливаются на почвѣ общаго экономическаго интереса—взаимности услугъ, и въ большинствѣ случаевъ регулируются общими договорными началами; въ большинствѣ же случаевъ эти отношенія остаются нормальными, не вызывая никакого судебнаго или административнаго вмѣшательства. Уклоненія отъ нормы встрѣчаются въ видѣ исключенія болѣе или менѣе частаго; количество исключеній прямо пропорціонально распространенности „задаточной“ системы и обратно пропорціонально добросовѣстности хозяевъ: чѣмъ лучше относится хозяинъ къ рабочему, тѣмъ исправнѣе послѣдніе исполняютъ свои обязанности. Если имѣть въ виду нормальное большинство случаевъ, то Положеніе 12 іюня со всѣми его репрессивными мѣрами оказывается излишнимъ и ненужнымъ—поэтому оно вовсе и не примѣнялось; если же имѣть въ виду только исключенія и пожелать ихъ разрѣшить всецѣло въ пользу нанимателей—Положеніе оказывается недостаточнымъ и его примѣненіе ни къ чему не привело бы. Возможно было бы обойтись и

безъ спеціальной законодательной регламентаціи сельско-хозяйственнаго найма; экономическія затрудненія, встрѣчаемыя въ этой области, не изъ тѣхъ, которыя устраняются такъ называемыми мѣрами предупрежденія и пресѣченія; ростъ предложенія рабочихъ рукъ былъ бы дѣйствительнѣе въ этомъ отношеніи, чѣмъ возвышеніе уголовной репрессіи. Но если предлагается вопросъ о желательности добавочныхъ огражденій хозяйскаго интереса—нѣтъ, разумѣется, основанія отказываться отъ этихъ гарантій, можно ихъ держать у себя про запасъ, но съ условіемъ, чтобы онѣ не обременяли самихъ хозяевъ, не стѣсняли свободы ихъ дѣйствій. Поэтому большинство совѣщаній высказывается противъ обязательности договорнаго листа, противъ безусловной отвѣтственности за наемъ рабочаго, связаннаго уже договоромъ съ другимъ нанимателемъ, противъ наложенія на нанимателя обязанности вычитывать изъ наемной платы убытки, причиненные рабочимъ прежнему своему хозяину.

III.

Передавая вопросъ о сельскохозяйственномъ наймѣ на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, въ то же время, предложило внести его въ сельскохозяйственный совѣтъ при Министерствѣ Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ. Отвѣты совѣщаній и заключеніе совѣта послужили главнымъ матеріаломъ для проектированныхъ измѣненій и дополненій въ дѣйствующихъ правилахъ о наймѣ.

Слѣдуя голосу большинства совѣщаній, новый проектъ отказывается отъ введенія обязательной договорной книжки или договорнаго листа, сохраняя за этой формой тотъ факультативный характеръ, который она имѣетъ въ настоящее время. Отказъ мотивируется, во-первыхъ, затруднительностью снабженія книжками всѣхъ поголовно крестьянъ, вступающихъ въ договоръ личнаго найма, а во-вторыхъ и въ особенности тѣмъ, что значительная часть экономій перешла изъ рукъ помѣщиковъ къ разночинцамъ, причемъ „на практикѣ нерѣдки случаи найма рабочихъ въ эти экономіи заблаговременно въ такое время, когда крестьяне наиболѣе нуждаются въ денежныхъ знакахъ для уплаты податей и удовлетворенія насущныхъ потребностей и потому не входятъ въ надлежащую оцѣнку предлагаемыхъ имъ условій, запродавая свой трудъ по цѣнамъ, совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительной стоимости работъ при ихъ исполненіи“. Это вполнѣ справедливое ука-

заніе требуетъ однако фактической поправки: такіе случаи одинаково нерѣдки въ имѣніяхъ помѣщиковъ, какъ и въ экономіяхъ разночинцевъ—отвѣты губернскихъ совѣщаній не оставляютъ на этогъ счетъ никакого сомнѣнія. По свидѣтельству Полтавскаго совѣщанія „безъ заблаговременнаго найма обойтись совершенно невозможно. Наемъ лѣтнихъ сроковыхъ совершается съ конца января и въ февралѣ. Если пропустить это время, то можно остаться безъ сроковыхъ, такъ какъ рабочій, не пристроившійся въ это время на лѣтнія работы дома, идетъ на заработки въ дальнія мѣста. Также точно зимой производится наемъ мѣстныхъ рабочихъ на уборку хлѣбовъ, на каковую работу подряжаются хозяева, не могущіе почему либо отдать въ наймы одного изъ членовъ своей семьи на лѣтній срокъ, но въ то же время нуждающіеся въ задаткѣ для своего домашняго обихода, а также хозяева, предпочитающіе убирать хлѣбъ въ отработокъ за нанятую подъ посѣвъ землю". Названное совѣщаніе считаетъ своимъ долгомъ очистить „заблаговременный" наемъ отъ той дурной репутаціи, которою онъ пользуется. „Заблаговременный наемъ, говоритъ оно, безъ котораго ни въ какомъ предпріятіи, будь то предпріятіе сельскохозяйственное или промышленное, обойтись невозможно, обезпечиваетъ взаимные интересы какъ нанимателей, такъ и нанимающихся". Въ томъ же смыслѣ высказывается, напр., и Самарское губернское совѣщаніе: „*Неизбѣжная* въ русскомъ земледѣльческомъ трудѣ, въ силу особенностей современнаго крестьянскаго быта, выдача впередъ значительной части заработной платы во время заблаговременнаго найма сельскозяйственныхъ рабочихъ является самымъ главнымъ неустройствомъ въ области отношеній между нанимателями и рабочими". Итакъ, „заблаговременный" наемъ есть, очевидно, общее явленіе, въ одинаковой мѣрѣ присущее всѣмъ хозяйствамъ—помѣщичьимъ и непомѣщичьимъ. Имѣя въ виду особенныя условія заблаговременнаго найма подъ задатки, составители проекта находятъ, что „при такомъ положеніи дѣла, обязательность договорной книжки или равносильна была бы обращенію заемной на тягостныхъ условіяхъ сдѣлки въ укрѣпленный, подъ страхомъ уголовной отвѣтственности, договоръ личнаго найма, или же имѣла бы своимъ послѣдствіемъ лишеніе крестьянъ кредита въ случаяхъ несогласія вступить въ такого рода договоръ". Выводъ безусловно правильный, но неполный; эта недвусмысленная оцѣнка обязательной договорной книжки одинаково относится къ договорной книжкѣ факультативной. Въ томъ и другомъ слу-

чаѣ дается готовая форма для облеченія въ нее ростовщическихъ сдѣлокъ и укрѣпленія ихъ страхомъ уголовной отвѣтственности; тотъ контингентъ лицъ, который закабаливается зимой „на тягостныхъ условіяхъ", „запродавая свой трудъ по цѣнамъ, совершенно несоотвѣтствующимъ дѣйствительной его стоимости" и т. д.,—менѣе всего способенъ, конечно, оказать сопротивленіе требованію нанимателя-заимодавца о томъ, чтобы сдѣлка была заключена подъ обезпеченіе договорной книжки; крайняя бѣдность, крайняя нужда должника-наймита—это какъ разъ тѣ условія, которыя понуждаютъ заимодавца тѣмъ настоятельнѣе требовать такого обезпеченія и лишаютъ должника всякой возможности отказать въ предоставленіи себя, своей свободы, своего тѣла, въ залогъ исправнаго исполненія обязательства. Факультативная рабочая книжка точно спеціально создана для прикрытія отношеній по найму-ростовщичеству и ея факультативность—совершенно лишняя въ случаяхъ безъисходной, не терпящей отлагательствъ нужды—не спасетъ обреченныхъ ей жертвъ хищной эксплоатаціи.

Но вотъ что еще важнѣе: факультативный характеръ договорной книжки оказывается мнимымъ не для одной только той группы „наиболѣе нуждающихся въ денежныхъ знакахъ для уплаты податей и удовлетворенія насущныхъ потребностей", ради которой онъ будто бы сохраняется; факультативность, удерживаемая проектомъ, оказывается мнимой вообще—для всѣхъ. На самомъ дѣлѣ проектъ вводитъ *обязательную* договорную книжку, только освобожденную, такъ сказать, отъ своей матеріальной оболочки и отъ тѣхъ стѣсненій, которыя съ нею связаны... для нанимателей.

Сила договорной книжки заключается, понятно, не въ той тетрадкѣ, на которой отпечатанъ ея текстъ, а въ юридическихъ послѣдствіяхъ, соединенныхъ съ договоромъ найма, въ укрѣпленіи договора страхомъ законной отвѣтственности. Эта уголовная отвѣтственность, и составляетъ душу договорной книжки, переселившуюся въ нее—по законамъ своеобразнаго историческаго метемпсихоза—изъ извѣстной нашему древнему праву „служилой кабалы", которая, по мнѣнію напр. проф. Ключевскаго, сама собою, безъ прямого правительственнаго вмѣшательства, охолопила свободное русское крестьянство, прикрѣпило его не столько къ землѣ, сколько къ лицу помѣщика, и установила трехсотлѣтнее господство крѣпостного права. Этотъ то кабальный духъ, ожившій въ договорной книжкѣ или договорномъ листѣ, внѣдряется проектомъ въ договоръ срочнаго найма вообще, въ какой формѣ онъ бы ни былъ

заключенъ — по договорной книжкѣ, письменному условію или словесно; за неявку на работу или самовольный уходъ проектъ грозитъ всякому нанятому на срокъ сельскому рабочему тѣмъ же наказаніемъ, которому теперь подлежитъ только рабочій, нанятый по договорному листу. Такимъ образомъ достигается двойная цѣль: privilegium odiosum обязательной договорной книжки, т. е. уголовнаго закрѣпленія договора найма, распространяется на всѣхъ рабочихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожаются неудобства этой обязательности для нанимателей. Въ заключеніяхъ губернскихъ совѣщаній неоднократно указывается, что при введеніи обязательной договорной книжки хозяевамъ было бы затруднительно, особенно,—имѣть дѣло съ массой пришлаго рабочаго люда, провѣрить есть ли у всѣхъ рабочихъ книжки и находятся ли онѣ въ исправности, было бы затруднительно ихъ свидѣтельствовать и затруднительно брать на себя уголовную и имущественную отвѣтственность на тотъ случай, если въ числѣ нанятыхъ окажется кто нибудь уже связанный договоромъ съ другимъ лицомъ. Всѣ эти неудобства исчезаютъ благодаря той договорной книжкѣ, которая устанавливается проектомъ.

Неудобства исчезаютъ, а преимущества усиливаются и обостряются; проектъ оперяетъ стрѣлу уголовнаго взысканія за нарушеніе гражданскаго договора. По Положенію 12 іюня обращенія къ Уголовной карѣ обставлено такими условіями, которыя до извѣстной степени стѣсняютъ ея примѣненіе и стыдливо прикрываютъ ея дѣйствительный, одіозный характеръ. Уголовное преслѣдованіе, по Положенію, возбуждается не за простое уклоненіе рабочаго отъ исполненія договора, а за ослушаніе требованія полиціи о возвращеніи къ хозяину. Правда, это требованіе предъявляется во имя частнаго, а не публичнаго интереса, и нѣтъ поэтому никакихъ основаній облагать его уголовной санкціей; но, все таки, посредничество полицейской власти создаетъ формальный поводъ для уголовнаго вмѣшательства, если не замѣняющей, то прикрывающей совершенное отсутствіе юридическихъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ можно было бы оправдать употребленіе уголовныхъ мѣръ для приданія силы гражданской сдѣлкѣ? Единственный аргументъ, который приводится обыкновенно поборниками этого исключительнаго порядка, состоитъ въ томъ, что имущественная отвѣтственность за убытки неисполненія для рабочихъ— пустое слово, такъ какъ имущества у нихъ нѣтъ или оно неприкосновенно для взысканій. Но аргументъ этотъ не вы-

держиваетъ самой снисходительной критики. Во-первыхъ, несостоятельность рабочаго къ уплатѣ убытковъ, да и самый фактъ понесенія убытковъ—это только предположенія, которыя нуждаются въ провѣркѣ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ: въ уголовномъ правѣ нѣтъ мѣста неподвижнымъ и опровергаемымъ презумпціямъ. Во-вторыхъ, если и допустить, что несостоятельный должникъ долженъ отвѣчать своей свободой, то остается совершенно необъяснимымъ, почему этотъ принципъ примѣняется исключительно только къ нанявшимся на сельско-хозяйственныя работы,—почему не къ нанимателямъ, которые также не застрахованы отъ несостоятельности, почему не ко всѣмъ родамъ и видамъ несостоятельныхъ должниковъ? Крайняя несправедливость подобнаго изъятія особенно рѣзко бросается въ глаза теперь, когда личное задержаніе за долги отмѣнено по соображеніямъ гуманности... Наконецъ, въ третьихъ, еслибы принципъ личнаго задержанія за долги имѣлъ и теперь то всеобщее значеніе, какое принадлежало ему прежде,—именно, по отношенію къ разсматриваемой категоріи лицъ, слѣдовало бы установить противозаконное изъятіе такъ какъ, благодаря ихъ завѣдомой неимущественности—завѣдомой для кредитора въ моментъ вступленія въ договоръ, сопряженный со сдѣлкою рискъ заранѣе учитывается по тягостности и невыгодности ея условій для должника. Кредиторъ не можетъ жаловаться на то, что его обманули, что его ввели въ заблужденіе; это дѣло его личнаго благоразумія довѣрять или не довѣрять человѣку, который завѣдомо ничего не имѣетъ; возможность намѣреннаго или невольнаго уклоненія отъ сдѣлки принимается здѣсь обыкновенно въ разсчетъ въ числѣ другихъ случайностей, могущихъ помѣшать исполненію договора, и страхуется нанимателемъ въ соотвѣтственномъ пониженіи *средней* цѣны покупаемаго имъ товара—труда. И вотъ, въ виду именно недостатка юридическихъ основаній для построенія уголовной отвѣтственности рабочихъ за нарушеніе договора лично-хозяйственнаго найма, Положеніе 12 іюня пользуется окольной процедурой съ участіемъ полицейской власти, какъ бы освящающимъ послѣдующую уголовную репрессію; но эта же окольная процедура есть не малая преграда на пути уголовнаго преслѣдованія и тѣмъ самымъ нѣсколько ослабляетъ силу несправедливаго исключительнаго закона, ограничивая сферу и возможность его практическаго приложенія. Новый проектъ свободенъ отъ тѣхъ колебаній, которыя, повидимому, стѣсняли авторовъ Положенія 12 іюня; онъ идетъ прямо къ дѣлу и снимаетъ

съ него послѣдніе фиговые покровы. Право возбужденія уголовнаго преслѣдованія предоставляется непосредственно хозяину; для дѣлъ этого рода устанавливается сокращенное производство съ семидневными сроками для апелляціоннаго и кассаціоннаго обжалованія.

Въ такомъ видѣ представляется обыкновенный наемъ — по проекту. Каковъ же, послѣ этого, наемъ квалифицированный, заключенный на основаніи договорной книжки? Проектъ прилагаетъ всѣ заботы къ тому, чтобы факультативная договорная книжка получила на дѣлѣ широкое распространеніе; пріуроченіе уголовной кары къ обыкновенному найму и есть одна изъ мѣръ, принятыхъ въ этомъ направленіи; цѣль ея—уравнять въ глазахъ рабочихъ оба вида найма и тѣмъ ослабить ихъ естественное отвращеніе къ договорнымъ книжкамъ. Но, наряду съ этимъ, договорная книжка снабжается цѣлымъ рядомъ юридическихъ преимуществъ, не лишенныхъ значенія. Проектъ постановляетъ, что дѣла по преслѣдованію нанявшихся по договорной книжкѣ подлежатъ разсмотрѣнію внѣ очереди и, если наложенное наказаніе не превышаетъ десяти дней ареста, не допускаютъ апелляціоннаго обжалованія; постановлено это въ тѣхъ видахъ, чтобы нарушитель договора по книжкѣ не имѣлъ возможности воспользоваться плодомъ своего преступленія и отбывать арестъ въ горячую рабочую пору. Облегчительныя правила въ томъ же родѣ предположены для производства по гражданскимъ искамъ, возникающимъ изъ договорныхъ книжекъ. Существенное отличіе договорной книжки отъ обыкновеннаго условія заключается, впрочемъ, не столько въ этихъ новыхъ правилахъ, сколько въ сохраненіи стараго правила объ уголовной и гражданской отвѣтственности нанимателей за „выводъ" чужихъ рабочихъ—за наемъ ихъ въ то время, когда еще не кончился срокъ ихъ договора съ другимъ лицомъ. Особенный интересъ представляетъ то обоснованіе уголовной отвѣтственности вторыхъ нанимателей, которое дается въ объясненіяхъ къ проекту. „Перенаемъ рабочихъ, говорится тамъ, носитъ, несомнѣнно, характеръ уголовнаго правонарушенія, такъ какъ пользованіе трудомъ, право на которое принадлежитъ другому лицу, ни въ чемъ качественно не отличается отъ присвоенія созданныхъ такимъ трудомъ цѣнностей". Это положеніе—что пользованіе чужимъ трудомъ равносильно присвоенію созданныхъ трудомъ цѣнностей—страннымъ образомъ сближается съ знаменитымъ афоризмомъ: la propriété c'est le vol.... Трудно однако согла-

ситься съ приведенными соображеніями; въ основѣ ихъ лежитъ неправильное представленіе о вещномъ характерѣ личнаго найма, т. е. смѣшеніе его съ рабствомъ или крѣпостнымъ состояніемъ. На самомъ дѣлѣ, договоръ личнаго найма создаетъ обязательственное, а не вещное правоотношеніе; *собственникомъ* труда остается его носитель—свободный человѣкъ; наниматель пріобрѣтаетъ на этотъ трудъ только обязательственное право требованія, а не вещное право собственности. А такъ какъ каждый нанявшійся, въ качествѣ свободнаго и полноправнаго лица, самъ отвѣчаетъ за свои поступки и по своимъ обязательствамъ, то нѣтъ, конечно, никакихъ основаній привлекать вторыхъ нанимателей къ какой бы то ни было даже гражданской отвѣтственности за вступленіе съ нимъ въ договоръ. Значеніе уголовной отвѣтственности, установленной за перенаемъ, не юридическое, а экономическое. Она должна сомкнуть ряды нанимателей въ одинъ обширный синдикатъ и скрѣпить его угрозой наказанія за измѣну общему дѣлу.

---

2. Отчетъ двухъ совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ отчетѣ за тридцать третій годъ существованія С.-Петербургскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ (1898 г.) есть особый отдѣлъ подъ рубрикою: „Общіе вопросы", въ которомъ представлены результаты законодательной дѣятельности, развиваемой совѣтомъ наряду съ административной—въ отчетѣ ей отведенъ отдѣлъ: „дѣла распорядительныя",—и судебной—„дѣла дисциплинарныя". Въ отчетѣ Харьковскаго совѣта присяжныхъ повѣренныхъ за тотъ же годъ упомянутой рубрики „Общихъ вопросовъ" нѣтъ, хотя то, что въ нее входитъ, ея матеріалъ—совѣтская легислатура присутствуетъ и присутствуетъ необходимо: подобно римскому претору, совѣтамъ приходится нерѣдко самимъ устанавливать ту норму, на основаніи которой разрѣшаются частные случаи, требующіе ихъ судебнаго или административнаго вмѣшательства. Разумѣется, что эта законодательная функція обильнѣе проявлялась въ первые годы существованія совѣтовъ; теперь накопилось столько прецедентовъ, столько опыта, своего и чужого, что совѣты въ своей практикѣ рѣже встрѣчаются съ новыми непредвидѣнными состояніями обстоятельствъ, не находящими себѣ аналогіи въ его прошедшей дѣя-

тельности, оставившей свой слѣдъ въ совѣтскихъ скрижаляхъ и анналахъ, т. е. въ прежнихъ совѣтскихъ отчетахъ.

Въ истекшемъ году С.-Петербургскимъ совѣтомъ нѣкоторые общіе вопросы были разрѣшены, а нѣкоторые, болѣе значительные, касающіеся внутренней организаціи сословія, разработаны и поставлены ad referendum—на разрѣшеніе общаго собранія. По поводу ходатайствъ о принятіи въ присяжные повѣренные со стороны лица, указывавшаго на свой служебный стажъ въ должности земскаго начальника, совѣтъ призналъ, что „хотя полож. о земск. нач., на послѣднихъ возложено производство меньшей важности дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, т. е. отправленіе извѣстныхъ судейскихъ функцій, но при этомъ, однако, главный характеръ ихъ служебной дѣятельности—административный. Они по порядку своего назначенія на должность зависятъ отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, а также по способу привлеченія ихъ къ отвѣтственности; они не принадлежатъ къ числу должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, правамъ и преимуществамъ которыхъ посвященъ раздѣлъ VII учр. суд. уст. и надзоръ за которымъ сосредоточенъ по 249 ст. учр. суд. уст. въ кассаціонныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената“. На этомъ основаніи совѣтъ не нашелъ возможнымъ зачесть просителю время его пребыванія въ должности земскаго начальника въ счетъ пятилѣтней судебной практики, требуемой 354 ст. учр. суд. уст. На это постановленіе принесена въ судебную палату жалоба, еще не разрѣшенная.

Даровая защита, по назначенію въ дѣлахъ уголовныхъ и представительство за лицъ, пользующихся правомъ бѣдности, въ дѣлахъ гражданскихъ—это важнѣйшія общественныя повинности присяжныхъ повѣренныхъ, налогъ, уплачиваемый ими за относительную профессіональную монополію, которая имъ предоставлена закономъ. Еще въ началѣ семидесятыхъ годовъ, помнится, возникъ вопросъ—могутъ ли присяжные повѣренные быть назначаемы защитниками на выѣздныхъ сессіяхъ, внѣ мѣста ихъ постояннаго пребыванія. Совѣтъ отклонилъ эту обязанность, сославшись, между прочимъ, на то, что законъ не указываетъ источника средствъ для снабженія защитника въ отъѣздъ разнообразнымъ путевымъ довольствіемъ—прогонными, суточными и проч., а, слѣдовательно, не имѣлъ въ виду возлагать на присяжныхъ повѣренныхъ повинность, неисполнимую при недостаткѣ соотвѣтствующихъ ассигновокъ. Въ отчетномъ году пришлось разрѣшать Спб. совѣту подобный же вопросъ относительно представительства по назначенію въ дѣлахъ гражданскихъ. Крестья-

нинъ, которому былъ назначенъ повѣренный для веденія его дѣла, обратился въ совѣтъ съ просьбою обязать повѣреннаго ѣхать за 104 версты для присутствія при допросѣ свидѣтелей и осмотрѣ. Совѣтъ нашелъ: „1) что обязанность присяжнаго повѣреннаго, назначеннаго для веденія дѣлъ по праву бѣдности, заключается въ представительствѣ интересовъ такого тяжущагося на судѣ; 2) собраніе разнаго рода свѣдѣній и доказательствъ, если оно не ограничивается необходимостью получить въ самомъ судѣ разнаго рода справки, не входитъ въ кругъ обязанности этого присяжнаго повѣреннаго; 3) въ особенности не относятся къ обязанностямъ такого присяжнаго повѣреннаго разъѣзды внѣ города, гдѣ онъ избралъ себѣ мѣсто жительства, разъѣзды, соединненные не только съ расходомъ, но и съ тратою времени; 4) поэтому, на присяжнаго повѣреннаго не можетъ быть возлагаемъ выѣздъ за 104 версты для присутствованія при осмотрѣ и допросѣ свидѣтелей, если присяжный повѣренный самъ не изъявитъ на это готовности, хотя бы кліентъ, пользующійся правомъ бѣдности, и внесъ необходимыя для того средства; 5) въ особенности это невозможно, когда присяжному повѣренному не предоставлено нужныхъ для того средствъ; 6) совѣтъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ суммъ для назначенія ихъ присяжнымъ повѣреннымъ, ведущимъ дѣла по праву бѣдности, на предметъ разъѣздовъ по дѣламъ ихъ кліентовъ". Почему ваша артиллерія бездѣйствовала?—спросилъ главнокомандующій начальника отдѣльной части. По многимъ причинамъ,—послѣдовалъ отвѣтъ: *во-первыхъ* не было пороху... Этой причины довольно. Объ остальныхъ можете не докладывать. Шести-членное объясненіе, приведенное выше, хотя и напоминаетъ отвѣтъ артиллерійскаго генерала, представляется по существу вполнѣ резоннымъ. Обязательная защита въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ, даже ограниченная тѣми дѣйствіями, которыя могутъ быть исполнены повѣреннымъ въ мѣстѣ его постояннаго жительства, оказывается по размѣрамъ весьма серьезной натуральной повинностью адвокатуры.

Это подлинно-адвокатская десятина, уплачиваемая трудомъ. По даннымъ С.-петербургскаго отчета, въ теченіе отчетнаго періода было удовлетворено 311 просьбъ о назначеніи повѣренныхъ для веденія дѣлъ лицъ, за которыми признано право бѣдности, а уголовныхъ защитъ по назначенію проведено было: въ уголовныхъ департаментахъ С.-Петербургской судебной палаты по 879 дѣламъ, въ 1 отдѣленіи С.-Петербургскаго окружнаго суда по 362 дѣламъ, во 2 отдѣленіи по 391 дѣлу, изъ третьяго отдѣленія свѣдѣнія

нельзя было получить; при этомъ по многимъ дѣламъ назначалось нѣсколько присяжныхъ повѣренныхъ. Затѣмъ въ Рижскомъ судѣ—по 551 дѣлу, въ Ревельскомъ—по 98 дѣламъ, въ Либавскомъ—по 70 дѣламъ, въ Новгородскомъ—по 23 дѣламъ, въ Череповецкомъ—по 5 дѣламъ, въ Псковскомъ—по 48 дѣламъ и въ Великолуцкомъ—по 6 дѣламъ. Въ суммѣ—свыше трехъ тысячъ дѣлъ, что при 463 присяжныхъ повѣренныхъ, состоявшихъ въ прошломъ году въ округѣ С.-Петербургской палаты, составляетъ около семи дѣлъ на каждаго повѣреннаго. Въ отчетѣ Харьковскаго совѣта число защитъ по назначенію не указано, въ виду того, вѣроятно, что назначеніе исходитъ не отъ совѣта, а отъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ; число гражданскихъ дѣлъ, веденныхъ по назначенію—104.

Порядокъ выборовъ въ члены совѣта, установленный заново въ 1897 году, въ прошломъ году общимъ собраніемъ присяжныхъ повѣренныхъ округа, Спб. палаты опять былъ предметомъ обсужденія въ С.-Петербургскомъ совѣтѣ. Нынѣ практикуемая система выборовъ состоитъ изъ двухъ актовъ: сначала записками, присылаемыми всѣми повѣренными округа, намѣчаются кандидаты; затѣмъ кандидаты, внесенные въ списокъ, подвергаются на общемъ собраніи баллотировкѣ шарами, если не заявили до выборовъ о своемъ нежеланіи баллотироваться. Предсѣдатель совѣта А. Н. Турчаниновъ и присяжный повѣренный В. О. Люстигъ вошли въ совѣтъ съ запиской объ измѣненіи этого порядка и о возвращеніи къ прежнему, когда выборы происходили по запискамъ въ общемъ собраніи. Авторы предложенія указывали на слѣдующія неудобства существующей системы: она слишкомъ сложна, она подвергаетъ лицъ, выступающихъ или помѣченныхъ кандидатами, опасности забаллотированія, что побуждаетъ многихъ достойныхъ членовъ сословія снимать свою кандидатуру,—и облегчаетъ имъ этотъ отказъ, который совершается путемъ простого извѣщенія, адресуемаго предсѣдателю совѣта, о нежеланіи баллотироваться. Совѣтъ, по большинству голосовъ, остановился на проектѣ, представляющемъ нѣчто среднее между прежнимъ и нынѣшнимъ порядкомъ или, вѣрнѣе, совмѣщеніе обоихъ: кандидатскіе списки оставляются, но выборы должны происходить по запискамъ, въ которыя дозволяется вносить имена, въ спискѣ не значущіяся. Противъ этой эклектической методы высказалось меньшинство, состоящее изъ г.г. Карабчевскаго, Макалинскаго, Суфщинскаго и Юнкера. По ихъ мнѣнію, избраніе въ совѣтъ лица, не внесеннаго въ кандидатскій списокъ

„представляется со стороны присутствующихъ на выборахъ нарушеніемъ естественныхъ правъ лицъ, подававшихъ кандидатскія записки, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, которыя не могли лично прибыть въ собраніе". Въ связи съ системой выборовъ обсуждался также вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли отмѣнить введенное въ 1897 году правило объ обязательности ежегоднаго обновленія совѣта въ числѣ не менѣе 3 членовъ. Собственно, по закону, составъ совѣта возобновляется ежегодно, но большею частью избираются одни и тѣ же лица. Большинство членовъ совѣта находитъ это правило лишнимъ, стѣснительнымъ и только ограничивающимъ кругъ подходящихъ кандидатовъ для занятій почетной, но и тяжелой и отвѣтственной должности члена совѣта. Меньшинство (предсѣдатель А. И. Турчаниновъ, товарищъ предсѣдателя В. Д. Спасовичъ и Н. П. Корабчевскій), напротивъ того, полагаютъ, что правило это должно быть сохранено съ тѣмъ только измѣненіемъ, чтобы выбывающая часть состава совѣта выходила изъ него не по жребію, какъ теперь, а по старшинству непрерывнаго пребыванія въ средѣ совѣта.

Не лишенные интереса вопросы, впервые представшіе вниманію совѣтовъ, могутъ быть отмѣчены и въ тѣхъ частяхъ обоихъ отчетовъ, въ которыхъ изображается распорядительная дѣятельность органовъ адвокатскаго самоуправленія. Съ перечисленіемъ Екатеринославскаго окружнаго суда изъ округа Одесской въ округъ Харьковской судебной палаты, Харьковскій совѣтъ встрѣтился съ вопросомъ о принятіи въ составъ представляемой ими корпораціи Екатеринославскихъ присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Харьковскій совѣтъ, исходя изъ того, что порядокъ пріема въ число присяжныхъ повѣренныхъ даннаго округа одинаковъ для всѣхъ, желающихъ вступить въ это званіе и никакого исключенія въ этомъ отношеніи для лицъ уже состоящихъ присяжными повѣренными въ другомъ округѣ, законъ не устанавливаетъ,—пришелъ къ заключенію, что онъ вправѣ принять въ свое вѣдѣніе Екатеринославскую присяжную адвокатуру cum beneficio inventarii— съ предварительнымъ разборомъ „неформальныхъ" качествъ сопричисляемыхъ товарищей. Судебная палата, однако, отмѣнила это рѣшеніе совѣта (и вполнѣ основательно, по нашему мнѣнію), указавъ ему, что, съ присоединеніемъ Екатеринославскаго окружнаго суда къ Харьковскому судебному округу, eo ipso перемѣстились туда же и всѣ установленія этого суда, въ томъ числѣ и состоявшіе при судѣ присяжные повѣренные съ ихъ помощниками.

Въ практикѣ Петербургскаго совѣта былъ такой случай. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на одного присяжнаго было наложено дисциплинарное взысканіе, но приговоръ не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ осужденный поспѣшилъ отчислиться отъ сословія; въ выданномъ ему изъ совѣта удостовѣреніи—фурмулярѣ—приговоръ этотъ былъ прописанъ по установленному порядку. Въ прошломъ году ex—присяжный повѣренный просилъ выдать ему другое свидѣтельство, безъ упоминанія какихъ либо осужденій и наказаній, такъ такъ послѣднія должны считаться уничтоженными въ силу манифестовъ 1894 и 1896 г. Совѣтъ нашелъ, что по смыслу закона, свидѣтельства, выдаваемыя совѣтомъ присяжнымъ повѣреннымъ, выходящимъ изъ сословія, должны заключать въ себѣ, безъ утайки всѣ свѣдѣнія объ ихъ дисциплинарной судимости; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ законѣ не установлено распространеніе амнистіи, объявленной манифестами, на дисциплинарныя взысканія, налагаемыя совѣтомъ. Но если бы признать, что Высочайшіе всемилостивѣйшіе манифесты относятся и къ дисциплинарнымъ взысканіямъ совѣта, все же въ свидѣтельствѣ должно быть упомянуто о дисциплинарномъ взысканіи, къ которому былъ присужденъ присяжный повѣренный, а то учрежденіе, куда онъ желаетъ поступить на службу, можетъ само разсудить, насколько это взысканіе является препятствіемъ къ принятію на службу и насколько манифестъ ослабляетъ это препятствіе.

Петербургскому совѣту въ прошломъ году пришлось дважды выступить въ защиту добраго имени русской адвокатуры заграницей. Инцидентъ съ пасквильной статейкой, тиснутой г. Борзенко въ журналѣ Парижскаго общества сравнительнаго законодательства, уже извѣстенъ нашимъ читателямъ [1]). Другой случай былъ вызванъ появленіемъ въ нѣмецкомъ журналѣ „Kosmodike“, издающемся въ Гейдельбергѣ, замѣтки объ одномъ бывшемъ присяжномъ повѣренномъ петербургскаго округа, судившемся въ 1898 году уголовнымъ судомъ: въ замѣткѣ излагалось, что упомянутый присяжный повѣренный продолжаетъ оставаться въ сословіи и что, слѣдовательно, нравственныя требованія отъ русскаго адвоката оказываются невысокими. Предсѣдатель совѣта разъяснилъ редакціи и читателямъ нѣмецкаго журнала, что лицо, о коемъ идетъ рѣчь, передъ поступленіемъ въ сословіе находилось на государственной службѣ въ

[1]) См. письмо, которое адресовано по этому поводу А. Ѳ. Кони А. Н. Турчанинову въ № 2 „Вѣстника Права“.

качествѣ товарища прокурора и было принято въ присяжные повѣренные, имѣя хорошія рекомендаціи; что тотчасъ по полученіи свѣдѣній о неблаговидномъ поступкѣ этого присяжнаго повѣреннаго онъ былъ отчисленъ отъ сословія временно, а затѣмъ исключенъ, такъ что во время суда онъ уже присяжнымъ повѣреннымъ не оставался.

О дисциплинарной дѣятельности совѣтовъ отчеты даютъ слѣдующія свѣдѣнія. Въ производствѣ С.-Петербургскаго совѣта всѣхъ дисциплинарныхъ дѣлъ было 197; изъ нихъ разрѣшено 161 дѣло, по которымъ привлекались къ отвѣтственности 86 присяжныхъ повѣренныхъ и 20 помощниковъ. Изъ дѣлъ этихъ возбуждено жалобами частныхъ лицъ 124, по усмотрѣнію совѣта 4, по сообщенію судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ 10, по заявленіямъ присяжныхъ повѣренныхъ 6. Дисциплинарныхъ взысканій наложено было 16, а именно—объявлено предостереженій 10 (въ томъ числѣ помощнику), выговоровъ 4 (въ томъ числѣ одному помощнику), двумъ помощникамъ воспрещена практика: одному на 6 мѣсяцевъ, а одному на годъ. Сверхъ того, въ шести случаяхъ—тремъ присяжнымъ повѣреннымъ и тремъ помощникамъ—разъяснена неправильность образа дѣйствій; 5 присяжнымъ повѣреннымъ и 2 помощникамъ предложено возвратить довѣрителямъ деньги и документы.

Менѣе благопріятныя данныя мы находимъ въ отчетѣ харьковскаго совѣта. Число дисциплинарныхъ дѣлъ, подлежавшихъ его разсмотрѣнію, оказывается, правда, абсолютно меньшимъ, чѣмъ въ петербургскомъ совѣтѣ,—всего 126,—но относительно большимъ, такъ какъ въ харьковскомъ округѣ состояло въ отчетномъ году всего 184 присяжныхъ повѣренныхъ (къ концу года 200) и 98 помощниковъ (къ концу года 131) противъ 477 присяжныхъ повѣренныхъ и 324 помощниковъ петербургскаго округа. По означеннымъ 123 дѣламъ привлечены были къ отвѣтственности 69 лицъ: 53 присяжныхъ повѣренныхъ, 13 помощниковъ и 3 присяжныхъ повѣренныхъ, принадлежавшихъ къ чужимъ округамъ. Изъ общаго числа возбужденныхъ дѣлъ разрѣшено 96 и карательные приговоры постановлены по 21 дѣлу, въ которыхъ фигурировали въ качествѣ обвиняемыхъ 11 присяжныхъ повѣренныхъ, 2 помощника и 2 присяжныхъ повѣренныхъ чужого судебнаго округа. Одинъ помощникъ присяжнаго повѣреннаго исключенъ; по 6 дѣламъ совѣтъ воспретилъ пятерымъ обвиняемымъ практику (на срокъ отъ 1 до 6 мѣсяцевъ); по 8 дѣламъ объявленъ обвиняемымъ выговоръ и по 4

дѣламъ предостереженіе. Кромѣ того, по 9 дѣламъ совѣтъ долженъ былъ обратить вниманіе повѣренныхъ на неправильность ихъ дѣйствій и на упущенія.

---

3. Проектъ статей объ авторскомъ правѣ на литературныя, музыкальныя и художественныя произведенія.

Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ маститаго Н. И. Стояновскаго Коммисія для составленія проекта гражданскаго уложенія неутомимо продолжаетъ свою работу, постепенно обогащая наше гражданское право новыми законоположеніями. И если сравнить ея дѣятельность съ дѣятельностью нынѣ уже закончившаго свои занятія Редакціоннаго Комитета по составленію проекта уголовнаго уложенія, то помимо того, что нельзя не принять во вниманіе не только несоизмѣримости этихъ разныхъ по трудностямъ и сложности задачъ, но слѣдуетъ отмѣтить и то обстоятельство, что, хотя работы Гражданской Коммисіи и не вылились еще въ опубликованный проектъ цѣльнаго гражданскаго кодекса, то ею, однако, составлены проекты столь сложные и новые по содержанію, какъ проектъ вотчиннаго устава и положенія о взысканіяхъ, проекъ объ опекѣ и попечительствахъ,—каковые не разсмотрѣны въ законодательномъ порядкѣ по причинамъ, очевидно, независящимъ отъ самой коммисіи. Нынѣ Коммисіею изготовлены и внесены въ Государственный Совѣтъ окончательно выработанные проекты законовъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, объ улучшеніи гражданскаго положенія несовершеннолѣтнихъ и, наконецъ, проектъ статей объ авторскомъ правѣ въ обширномъ смыслѣ, а затѣмъ близится къ окончанію и проектъ общей части обязательственнаго права. Проектъ закона объ авторскомъ правѣ распубликованъ въ видѣ особаго приложенія къ апрѣльской книгѣ Журнала Министерства Юстиціи. Мы считаемъ не безполезнымъ помѣстить и въ Вѣстникѣ Права означенный проектъ, однако, безъ соображеній Коммисіи. Полнота и всесторонность этого проекта справедливо выдвигаютъ эту работу Коммисіи въ рядъ лучшихъ законодательныхъ работъ объ авторскомъ правѣ въ Европѣ, и поэтому обсужденіе его представляется весьма любопытнымъ и имѣющимъ интересъ далеко не для однихъ

только професcіональныхъ юристовъ. Серьезность задачи требуетъ нѣкотораго времени, и уваженіе, коимъ каждый обязанъ по отношенію къ почтенному труду Коммисіи, требуетъ глубокаго и вдумчиваго отношенія къ разбору ея. Вотъ почему мы лишены возможности нынѣ же остановиться на обсужденіи этого проекта, которымъ мы займемся въ одной изъ ближайшихъ книгъ Вѣстника, теперь же ограничимся однимъ воспроизведеніемъ его.

1. Авторское право, смотря по тому, относится ли произведеніе къ литературѣ, музыкѣ или художеству, именуется литературною, музыкальною или художественною собственностью.

О литературной собственности.

2. Каждый авторъ литературнаго произведенія, изданнаго въ Россіи или находящагося еще въ рукописи, имѣетъ въ продолженіе всей своей жизни исключительное право печатать и вообще размножать его всѣми возможными способами.

Русскіе подданные, напечатавшіе свои сочиненія за границею, имѣютъ на нихъ въ Россіи авторское право, хотя бы право изданія этихъ сочиненій было уступлено ими иностраннымъ подданнымъ.

Авторское право можетъ быть уступлено авторомъ вполнѣ или въ части по договору другому лицу, а послѣ смерти автора переходитъ къ его наслѣдникамъ по завѣщанію или закону. Если авторъ не распорядился при жизни своимъ авторскимъ правомъ и послѣ него не осталось наслѣдниковъ по завѣщанію или закону, то всякій въ правѣ издавать его сочиненіе.

3. Авторское право принадлежитъ наслѣдникамъ и инымъ правопреемникамъ автора въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени смерти автора. Этимъ же срокомъ ограничивается авторское право правопреемниковъ автора на посмертныя его произведенія.

4. Авторское право на литературное произведеніе, составленное совокупно нѣсколькими лицами и образующее одно нераздѣльное цѣлое, принадлежитъ всѣмъ авторамъ на правѣ общей собственности.

5. Пятидесятилѣтній срокъ авторскаго права для правопреемниковъ автора, въ случаѣ составленія произведенія совокупнымъ трудомъ нѣсколькихъ лицъ, исчисляется со времени смерти автора, пережившаго остальныхъ.

Авторское право послѣ смерти одного изъ авторовъ сочиненія, составленнаго совокупно нѣсколькими лицами, не оставившаго нас-

лѣдниковъ по завѣщанію или закону, переходитъ къ остальнымъ авторамъ этого сочиненія.

6. Составители сборниковъ народныхъ пѣсенъ, пословицъ, сказокъ и повѣстей, и тому подобныхъ произведеній народнаго творчества, сохранившихся только въ одномъ изустномъ преданіи, пользуются авторскимъ на нихъ правомъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ со времени ихъ изданія. Въ теченіе этого же срока авторское право принадлежитъ также первому издателю древнихъ рукописей, но право это не препятствуетъ другимъ издавать тѣ же рукописи со списка, отличающагося отъ ранѣе изданнаго.

7. Издатели газетъ, журналовъ и другихъ повременныхъ изданій, а также энциклопедическихъ словарей, календарей, альманаховъ и другихъ книгъ, составленныхъ изъ отдѣльныхъ статей различныхъ авторовъ, имѣютъ право перепечатывать эти изданія въ той же формѣ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ со времени выхода ихъ въ свѣтъ.

Этимъ же срокомъ ограничивается исключительное право академій, университетовъ и вообще учебныхъ заведеній, ученыхъ и другихъ обществъ на издаваемыя ими повременныя изданія, словари и тому подобныя произведенія, составленныя совокупно нѣсколькими лицами.

Всякій сотрудникъ изданія, составленнаго изъ сочиненій различныхъ авторовъ, имѣетъ авторское право на свое отдѣльное сочиненіе, если противное не установлено въ договорѣ. Однако авторы такихъ отдѣльныхъ сочиненій не могутъ безъ согласія издателя перепечатывать ихъ до истеченія двухъ лѣтъ со времени напечатанія этихъ сочиненій въ указанныхъ изданіяхъ.

8. Издатель сочиненія, выпущеннаго въ свѣтъ безъ означенія фамиліи автора (анонимное) или подъ вымышленнымъ именемъ, (псевдонимное) пользуется авторскимъ на него правомъ въ продолженіе тридцати лѣтъ со времени изданія, если только кто либо не докажетъ своего авторскаго права на это сочиненіе.

9. При исчисленіи срока авторскаго права со дня изданія литературнаго произведенія (статьи 6—8), означенный срокъ, въ случаѣ изданія сего произведенія отдѣльными томами или выпусками, считается со дня выхода въ свѣтъ послѣдняго тома или выпуска.

Однако это правило соблюдается лишь подъ условіемъ изданія отдѣльныхъ томовъ или выпусковъ цѣлаго произведенія въ промежутки времени не свыше двухъ лѣтъ. Въ противномъ случаѣ

срокъ авторскаго права исчисляется со времени изданія каждаго отдѣльнаго тома или выпуска.

10. Авторъ сочиненія, изданнаго въ Россіи, а также русскій подданный, напечатавшій свое сочиненіе за границею, пользуются исключительнымъ правомъ перевода его на другіе языки, если на заглавномъ листѣ или въ предисловіи сочиненія заявили о сохраненіи за собою этого права.

Исключительное право перевода принадлежитъ автору въ теченіе десяти лѣтъ со времени изданія подлинника подъ условіемъ напечатанія авторомъ перевода въ продолженіе пяти лѣтъ со времени изданія подлинника.

Произведенія, изданныя одновременно на нѣсколькихъ языкахъ, признаются на всѣхъ этихъ языкахъ подлинниками.

11. Переводчикъ сочиненія пользуется относительно своего перевода авторскимъ правомъ. Срокъ авторскаго права на переводъ продолжается для наслѣдниковъ и иныхъ правопреемниковъ переводчика въ теченіе тридцати лѣтъ со дня его смерти.

Переводъ сочиненія однимъ лицомъ не исключаетъ права другихъ лицъ переводить то же сочиненіе.

12. Авторское право распространяется не только на литературныя произведенія, воспроизведенныя на письмѣ, но и на произведенія, переданныя изустно въ видѣ рѣчей, лекцій, рефератовъ, проповѣдей или въ другой словесной формѣ.

Рѣчи, произнесенныя публично въ судебныхъ установленіяхъ, или въ земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраніяхъ, могутъ быть напечатаны въ повременныхъ изданіяхъ. За авторомъ сохраняется однако право на изданіе какъ отдѣльныхъ рѣчей, такъ и сборника ихъ.

13. Частныя письма, не предназначавшіяся авторомъ къ напечатанію, могутъ быть изданы въ свѣтъ лишь съ обоюднаго согласія автора и лица, къ которому они были писаны. Въ случаѣ смерти кого либо изъ нихъ, частныя письма не могутъ быть изданы, безъ согласія наслѣдниковъ ихъ, въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени смерти послѣдняго изъ лицъ, которыя вели между собою переписку.

14. Дневники и вообще всякія частныя записки, не предназначавшіеся авторомъ къ напечатанію, могутъ быть изданы лишь съ согласія самого автора; послѣ смерти автора, подобныя частныя записки, безъ согласія его наслѣдниковъ, не могутъ быть изданы въ теченіе пятидесяти лѣтъ со времени его смерти.

15. При исчисленіи сроковъ авторскаго права годъ смерти автора, а также изданія литературнаго произведенія въ счетъ не принимается, и срокъ считается съ 1 января слѣдующаго года.

16. Перепечатка въ предѣлахъ Россіи сочиненій, изданныхъ за границею, не допускается безъ согласія ихъ авторовъ.

Но сочиненія, изданныя за границею, если противное не установлено въ договорахъ, заключенныхъ Россіею съ иностранными государствами, могутъ быть переводимыми въ Россіи на русскій или иные языки.

17. Каждый въ правѣ печатать обнародованные надлежащимъ порядкомъ законы, и правительственныя распоряженія, рѣшенія судебныхъ установленій, а также постановленія земскихъ, городскихъ, сословныхъ и другихъ общественныхъ собраній, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о цензурѣ и печати (т. XIV Свод. Зак.).

18. Въ литературныхъ произведеніяхъ допускаются не большія выписки изъ чужихъ сочиненій или даже полная перепечатка чужихъ, назначительныхъ по объему, произведеній, подъ условіемъ помѣщенія такихъ выписокъ или перепечатокъ въ сочиненіи болѣе значительнаго размѣра, составляющемъ самостоятельное цѣлое, или же въ христоматіяхъ и другихъ сборникахъ съ учебною, научною или литературною цѣлью.

19. Въ газетахъ, журналахъ и прочихъ повременныхъ изданіяхъ допускается перепечатка изъ другихъ повременныхъ изданій сообщеній, извѣстій и вообще незначительныхъ по объему статей, за исключеніемъ произведеній изящной литературы. Постоянныя перепечатки изъ одного и того же изданія воспрещаются.

20. При всякихъ разрѣщаемыхъ закономъ заимствованіяхъ изъ чужаго сочиненія обязательно указаніе автора или источника заимствованія.

21. Договоръ объ отчужденіи авторскаго права на литературное произведеніе долженъ быть удостовѣренъ на письмѣ, а договоръ о закладѣ сего права долженъ быть совершенъ нотаріальнымъ актомъ.

22. За отсутствіемъ особаго соглашенія относительно срока изданія литературнаго произведенія, издатель обязанъ выпустить его въ свѣтъ въ соотвѣтствующій обстоятельствамъ срокъ и во всякомъ случаѣ не позднѣе пяти лѣтъ со дня заключенія договора или полученія рукописи, если она передана позднѣе. Если

изданіе не послѣдуетъ въ теченіе пяти лѣтъ, то договоръ, по требованію автора, признается потерявшимъ силу.

23. За отсутствіемъ въ договорѣ особаго условія относительно числа изданій или количества экземпляровъ, издатель имѣетъ право лишь на одно изданіе въ количествѣ не болѣе тысячи двухсотъ экземпляровъ.

24. Авторъ, уступившій право на одно изданіе своего сочиненія, если иное не установлено въ договорѣ, можетъ предпринять новое изданіе сочиненія послѣ того, какъ уступленное имъ изданіе распродано, или по истеченіи пяти лѣтъ со времени выхода въ свѣтъ изданія.

25. Лицо, которому вполнѣ или въ части уступлено авторское право на литературное произведеніе, не въ правѣ, безъ согласія автора или его наслѣдниковъ, издавать это произведеніе съ измѣненіями.

26. Авторъ, уступившій право на изданіе своего сочиненія, можетъ его вновь издать, если оно настолько существенно переработано, что можетъ быть разсматриваемо какъ новое произведеніе.

27. Уступка права на изданіе литературнаго произведенія не заключаетъ въ себѣ права на переводъ его на другіе языки.

28. Въ полномъ собраніи сочиненій авторъ, за отсутствіемъ инаго соглашенія, можетъ помѣстить и такія сочиненія, право на изданіе коихъ уступлено имъ другимъ лицамъ, если со времени этой уступки прошло болѣе трехъ лѣтъ. Но авторъ не въ правѣ продавать эти произведенія отдѣльно отъ полнаго собранія сочиненій.

29. Литературное произведеніе, пока оно не издано авторомъ или не передано имъ для напечатанія, не можетъ быть предметомъ взысканія при жизни автора, безъ собственнаго его на то согласія, а по смерти—безъ согласія его наслѣдниковъ.

30. Каждый, умышленно или по неосторожности нарушившій право автора или его правопреемника на литературное произведеніе противозаконнымъ его изданіемъ или обращеніемъ такого изданія въ продажу, а также ввозомъ и распространеніемъ въ Россіи заграничнаго изданія этого сочиненія, обязанъ вознаградить потерпѣвшаго за причиненный ему убытокъ.

31. Лицо, дѣйствовавшее добросовѣстно и нарушившее авторское право лишь по извинительной ошибкѣ, отвѣтствуетъ предъ авторомъ лишь въ размѣрѣ полученной имъ прибыли.

32. При опредѣленія вознагражденія за убытки на основаніи ст.

30 и 31 судъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, устанавляетъ размѣръ вознагражденія по свободному усмотрѣнію.

33. Въ случаѣ противозаконнаго изданія литературнаго произведенія, самовольно изданные экземпляры сочиненія, а также орудія, изготовленныя исключительно лишь для сего изданія, какъ то: стереотипные шрифты, клише и прочее, подвергаются, по требованію потерпѣвшей стороны, уничтоженію, или передаются ей по оцѣнкѣ въ возмѣщеніе причиненныхъ убытковъ, или же приводятся въ состояніе, негодное къ употребленію и остаются у ихъ собственника.

Если изданіе признано противозаконнымъ лишь относительно извѣстной части литературнаго произведенія и эта часть можетъ быть безъ особаго затрудненія отдѣлена отъ остальной, то только указанная часть произведенія подвергается уничтоженію или передачѣ истцу.

Уничтоженію или передачѣ истцу подлежатъ всѣ самовольно изданные экземпляры и орудія, которые окажутся у самовольнаго издателя, книгопродавца, или иныхъ лицъ, распространявшихъ эти экземпляры, а также ихъ наслѣдниковъ.

34. Искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные нарушеніемъ правъ собственника литературнаго произведенія, а также требованія, указанныя въ предшедшей статьѣ, могутъ быть предъявлены по усмотрѣнію истца въ порядкѣ гражданскаго или уголовнаго судопроизводства.

35. Постановленія статей 1—34 примѣняются также къ географическимъ, топографическимъ и астрономическимъ картамъ, глобусамъ, атласамъ и рисункамъ по естествознанію, архитектурнымъ и другимъ техническимъ планамъ, рисункамъ и чертежамъ.

36. Право на искъ о нарушеніи авторскаго права погашается за истеченіемъ пятилѣтняго срока давности со времени нарушенія права автора.

Но указанный срокъ давности не примѣняется къ возникающимъ изъ нарушенія авторскаго права искамъ объ отобраніи самовольно изданныхъ экземпляровъ и орудій незаконнаго производства. Подобные иски могутъ быть, въ предѣлахъ срока авторскаго права, предъявляемы, пока существуютъ самовольно изданные экземпляры и орудія, изготовленныя для сего производства.

О музыкальной собственности.

37. Къ музыкальнымъ произведеніямъ примѣняются правила, изложенныя въ статьяхъ 2—5, 7—9, 15, 20—22, 25, 26, 29—34 и 36.

38. Композитору принадлежитъ исключительное право на составленіе и изданіе сокращеній, извлеченій, попурри изъ его музыкальнаго произведенія, а равно переложеніе его въ цѣломъ или въ части на отдѣльные инструменты или цѣлый оркестръ, а также на одинъ или нѣсколько голосовъ.

39. Не признается нарушеніемъ правъ композитора музыкальнаго произведенія: 1) изданіе варіацій, транскрипцій, фантазій, этюдовъ на цѣлое или часть чужаго музыкальнаго произведенія, или вообще заимствованіе изъ него, если всѣ эти сочиненія настолько уклоняются отъ оригинала, что могутъ быть разсматриваемы какъ новое и самостоятельное музыкальное произведеніе, и 2) приведеніе въ изданіяхъ съ учебною или ученою цѣлью, въ видѣ примѣровъ, отдѣльныхъ мѣстъ изданнаго или публично исполненнаго музыкальнаго произведенія съ указаніемъ композитора ихъ.

40. Въ полномъ собраніи сочиненій композиторъ, за отсутствіемъ инаго соглашенія, можетъ помѣстить и такія сочиненія, право на изданіе коихъ уступлено имъ другимъ лицамъ, если со времени этой уступки прошло болѣе десяти лѣтъ. Но композиторъ не вправѣ продавать эти произведенія отдѣльно отъ полнаго собранія сочиненій.

41. Композитору принадлежитъ исключительное право на музыкальное произведеніе, написанное на мелодіи народныхъ пѣсенъ, а равно на составленный имъ сборникъ мелодій народныхъ пѣсенъ или обработку ихъ. Но самыя мелодіи народныхъ пѣсенъ, независимо отъ того, были ли онѣ ранѣе записаны или изданы, составляютъ общественное достояніе.

42. Композиторъ можетъ воспользоваться для своего сочиненія текстомъ, заимствованнымъ въ части или въ цѣломъ изъ напечатаннаго литературнаго произведенія, но подъ условіемъ изданія этого текста вмѣстѣ съ музыкальнымъ произведеніемъ.

Однако не разрѣшается, безъ согласія автора, изданіе вмѣстѣ съ музыкальнымъ сочиненіемъ литературнаго произведенія, написаннаго именно съ цѣлью служить текстомъ для музыкальнаго произведенія.

43. Авторское право на музыкальное произведеніе съ текстомъ, написаннымъ по заказу композитора, принадлежитъ въ цѣломъ его составѣ композитору, если не состоялось инаго соглашенія между композиторомъ и авторомъ текста.

44. Право на отдѣльное изданіе написаннаго по заказу композитора текста музыкальнаго произведенія, если не состоялось инаго соглашенія между композиторомъ и авторомъ текста, принадлежитъ лишь композитору.

45. За отсутствіемъ въ договорѣ особаго соглашенія относительно числа изданій или количества экземпляровъ, признается, что издатель имѣетъ право на изданіе музыкальнаго произведенія въ теченіе установленнаго закономъ срока авторскаго права въ неограниченномъ количествѣ экземпляровъ.

О публичномъ исполненіи драматическихъ, музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній.

46. Драматическія и музыкально-драматическія произведенія не могутъ быть публично исполняемы безъ согласія автора. Право композитора на публичное исполненіе музыкальнаго произведенія охраняется лишь въ томъ случаѣ, если имъ на каждомъ печатномъ или инымъ способомъ изготовленномъ экземплярѣ музыкальнаго произведенія указано, что композиторъ оставилъ за собою право на разрѣшеніе публичнаго исполненія его.

47. Уступка права на изданіе драматическаго, музыкальнаго и музыкально-драматическаго произведенія не заключаетъ въ себѣ уступки права на публичное исполненіе ихъ, если это не оговорено въ договорѣ.

48. Для публичнаго исполненія музыкальнаго произведенія съ текстомъ достаточно согласія одного композитора.

49. При исполненіи драматическаго, музыкальнаго и музыкально-драматическаго произведенія не допускаются безъ согласія композитора измѣненія и сокращенія этихъ произведеній.

50. За самовольное публичное исполненіе драматическаго, музыкальнаго или музыкально-драматическаго произведенія, лицо, нарушившее авторское право, подвергается въ пользу автора взысканію валоваго сбора, вырученнаго отъ такого исполненія.

Если при публичномъ исполненіи драматическаго, музыкальнаго и музыкально-драматическаго произведенія самовольно исполненное составляло лишь извѣстную часть програмы, то возна-

гражденіе, причитающееся лицу, права коего нарушены, опредѣляется по свободному усмотрѣнію суда.

Равнымъ образомъ, по свободному усмотрѣію суда опредѣяется вознагражденіе лицу, права коего нарушены безплатнымъ публичнымъ исполненіемъ.

51. Правила, изложенныя въ статьяхъ 2—5, 8, 9, 15, 31, 34, 36, 38—41, примѣняются къ публичному исполненію драматическихъ, музыкальныхъ и музыкально-драматическихъ произведеній.

О художественной собственности.

52. Къ художественной собственности примѣняются статьи 2—5, 7, 8, 9, 15, 21, 22, 24, 25, 26, 28—36.

53. Автору произведеній живописи, ваянія и зодчества принадлежитъ исключительное право повторять, размножать или издавать свое произведеніе всѣми возможными способами, свойственными тому роду изящныхъ искусствъ, къ которому относится художественное произведеніе.

54. Отчужденіе художникомъ художественнаго произведенія не переноситъ на пріобрѣтателя права художественной собственности, если въ договорѣ не постановлено иначе.

55. За отсутствіемъ иного соглашенія, художнику принадлежитъ право художественной собственности на произведенія, сдѣланныя имъ по заказу другого лица, за исключеніемъ портретовъ и бюстовъ.

Право повторять и издавать портреты и бюсты принадлежитъ лицу, съ котораго написанъ портретъ или сдѣланъ бюстъ.

56. Снятіе копій съ художественнаго произведенія, пріобрѣтеннаго въ собственность для храмовъ Божіихъ, Императорскихъ дворцовъ, музеевъ или вообще правительственныхъ или общественныхъ установленій, допускается съ разрѣшенія подлежащей власти и безъ согласія художника.

57. Собственникъ художественнаго произведенія не обязанъ по требованію художника допустить пользованіе послѣдняго этимъ произведеніемъ для повторенія, размноженія или изданія его.

58. Не считается нарушеніемъ правъ художника пользованіе чужимъ художественнымъ произведеніемъ, если создано новое произведеніе, существенно отличающееся отъ оригинала.

59. Никто не въ правѣ безъ согласія художника повторять, размножать или издавать художественное произведеніе, а также помѣщать оное на публичныхъ выставкахъ.

Равнымъ образомъ признается нарушеніемъ права художественной собственности повтореніе, размноженіе или изданіе художественнаго произведенія: 1) другимъ способомъ, относящимся къ тому же роду искусства; 2) не только съ подлинника, но и съ копіи, и 3) въ постройкахъ.

60. Не признается нарушеніемъ права художественной собственности:

1) снятіе одной копіи съ художественнаго произведенія для личнаго употребленія, но безъ помѣщенія въ копіи подписи или монограммы художника;

2) изображеніе произведеній живописи средствами ваянія и, наоборотъ, произведеній ваянія средствами живописи;

3) помѣщеніе отдѣльныхъ изображеній художественныхъ произведеній въ литературномъ произведеніи съ цѣлью поясненія его текста, если такія изображенія не составляютъ существенной части литературнаго произведенія и если въ немъ указано имя художника;

4) повтореніе художественныхъ произведеній, находящихся на улицахъ, площадяхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ, въ иной отрасли того же рода искусства, и

5) помѣщеніе отдѣльныхъ частей художественнаго произведенія въ издѣліяхъ заводской, фабричной и ремесленной промышленности.

61. Художникъ, въ удостовѣреніе принадлежащаго ему права художественной собственности, можетъ:

1) предъявить и записать художественное произведеніе у нотаріуса съ подробнымъ описаніемъ самаго произведенія и получить нотаріальную выпись въ доказательство своего права собственности на это произведеніе. Подробное описаніе произведенія можетъ быть замѣнено представленіемъ нотаріусу фотографическаго снимка.

2) извѣстить о семъ Императорскую Академію Художествъ съ приложеніемъ засвидѣтельствованной копіи съ упомянутой выписи. Полученное извѣщеніе публикуется Академіей во всеобщее свѣдѣніе.

Если предъявляемое художникомъ произведеніе значительной величины, то осмотръ его производится нотаріусомъ въ мастерской художника. Художественныя произведенія, издаваемыя и раз-

множаемыя посредствомъ оттисковъ, представляются въ Академію въ двухъ экземплярахъ.

62. Каждый можетъ производить постройки и сооруженія по опубликованнымъ авторомъ архитектурнымъ, инженернымъ или другимъ техническимъ планамъ, чертежамъ и рисункамъ, если авторъ при самомъ опубликованіи не оговорилъ, что такое право онъ сохраняетъ за собою.

Пріобрѣтатель отъ автора техническихъ плановъ, чертежей и рисунковъ имѣетъ право, за отсутствіемъ инаго соглашенія, производить по нимъ постройки и сооруженія.

63. Къ произведеніямъ фотографіи примѣняются статьи 2, 4, 9, 15, 21, 25, 28—34, 36, 54—58 и 60 съ тѣмъ, что фотографъ и его правопреемники имѣютъ исключительное право повторять и издавать свое произведеніе лишь въ продолженіе пяти лѣтъ со времени его изготовленія.

64. Для сохраненія за фотографомъ исключительнаго права на фотографическія изображенія требуется означеніе на каждомъ фотографическомъ экземплярѣ:

1) фирмы или имени и фамиліи и мѣста жительства фотографа или издателя фотографіи, и

2) года изготовленія фотографическаго произведенія.

65. Признается нарушеніемъ авторскаго права на фотографическое изображеніе всякое повтореніе, размноженіе или изданіе фотографическаго произведенія механическимъ, химическимъ или инымъ подобнымъ способомъ, безъ согласія автора, съ цѣлью распространенія сего произведенія, а также помѣщеніе его на публичныхъ выставкахъ.

Не признается нарушеніемъ права фотографа воспроизведеніе фотографическихъ изображеній въ издѣліяхъ промышленности заводской, фабричной и ремесленной.

66. Статьи 63—65 примѣняются и къ другимъ подобнымъ же фотографіи произведеніямъ.

4. Пушкинскій юбилей — праздникъ отечественной культуры.

1) Рѣчь А. Ѳ. Кони. 2) Телеграмма редакціи Вѣстника Права Обществу любителей Россійской словесности въ Москвѣ.

Величіе поэта, чествованію котораго посвящены были послѣдніе дни Мая,—въ его безпредѣльномъ воспріятіи, пониманіи и геніальной способности воспроизведенія красоты. Не только внѣшняя объективная природа, но и внутренняя, субъективная—душа человѣка,—даетъ источники этой красоты; ихъ открывалъ, чувствовалъ, и своимъ могучимъ словомъ заставляетъ и насъ чувствовать, геній Пушкина. Его тянуло, и онъ и насъ манитъ за собою, къ идеалу, къ гармоніи. Русское самосознаніе въ Пушкинѣ находитъ великаго руководителя въ пути—столь трудномъ и сбивчивомъ—къ культурѣ; его геній—тотъ огненный столбъ, который нѣкогда указывалъ путь къ обѣтованной землѣ блуждавшему въ пустынѣ освобожденному отъ рабства и мрака невѣжества народу, познавшему завѣты Бога, но еще въ нихъ не окрѣпшему.

Въ обѣтованной области культуры, къ которой ведетъ русскій народъ геній Пушкина, царитъ гармонія общественная, красота уравновѣшенныхъ и органически сплетенныхъ силъ, мощно объединяемыхъ чувствомъ правосознанія—этимъ цементомъ культуры и прогресса.

Отыскать и объяснить значеніе тѣхъ особенно ярко свѣтящихся точекъ на обширномъ свѣтломъ полѣ Пушкинской поэзіи, которыя, какъ вѣхи, намъ указуютъ путь къ культурному, нравственному, и, слѣдовательно, правовому совершенству, составило задачу почетнаго члена Академіи Наукъ, высокочтимаго Анатолія Ѳедоровича Кони, посвятившаго обще-русскому празднику произнесенную имъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 26 мая 1899 г. рѣчь „о нравственныхъ и общественныхъ взглядахъ Пушкина“.

Въ ожиданіи полнаго текста этой рѣчи А. Ѳ. Кони,—который, какъ мы слышали появится въ „Вѣстникѣ Европы“, мы спѣшимъ воспроизвести сжатый очеркъ ея, помѣщенный въ „Новомъ Времени“.

„Поэтъ съ многогранною душою, Пушкинъ былъ не только геніальной личностью, но и великимъ явленіемъ жизни русской, въ чемъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія, сходятся между собою Гоголь, Достоевскій и Бѣлинскій. А великое явленіе должно быть почти неисчерпаемо по своему содержанію. Поэтому изученіе Пушкина, какъ вдохновеннаго пѣвца, могучаго ковача родного языка, мыслителя, критика, историка и гражданина, всегда представляетъ новыя стороны. Вотъ почему можно и слѣдуетъ остановиться и на отношеніи Пушкина къ правовымъ началамъ въ обществѣ. Начала эти, выражаясь въ правосудіи и законодательствѣ, тѣсно связаны съ нравами, которые, въ свою очередь, коренятся въ нравственныхъ взглядахъ, опредѣляемыхъ и направляемыхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, религіозными вѣрованіями. Недальновидные читатели юношескихъ произведеній Пушкина и загробный „предательскій привѣтъ" нѣкоторыхъ его высокодобродѣтельныхъ друзей—создали ложное представленіе о немъ, какъ о язвительномъ отрицателѣ вѣры. Какъ всякая сильная натура, онъ прошелъ періодъ скитанія мыслей, а благодаря безпорядочному домашнему воспитанію, былъ слишкомъ рано отравленъ дурманомъ фривольныхъ произведеній французской литературы XVIII вѣка, благодаря чему, „въ часы забавъ иль праздной скуки", появились 2—3 вещи, которыя заставляли его впослѣдствіи негодовать на „грѣшный свой языкъ—и празднословный, и лукавый" и уничтожать попадавшіеся ему списки. Но къ 22-мъ годамъ у него уже прочно сложилось твердое религіозное чувство и, говоря словами Лермонтова, „вѣра гордая въ людей и въ жизнь иную", т. е. въ возвышенныя стороны человѣческой души и въ ея безсмертіе. Чистый атеизмъ, за намекъ о которомъ онъ пострадалъ, претилъ его уму и сердцу, какъ „непонятный мракъ,—пріютъ отчаянья слѣпого", страшный „для гордаго ума". Онъ говорилъ Хомякову, что вопросы вѣры *превосходятъ* разумъ, но не *противорѣчатъ* ему, и заявлялъ, уподобляясь Канту, котораго, конечно, не читалъ,—что нашелъ Бога въ своей совѣсти и въ природѣ, говорящей о немъ. Глубокая и трогательная характеристика Евангелія и переложеніе молитвы св. Ефрема Сирина свидѣтельствуютъ о его взглядахъ, проявлявшихся иногда въ формахъ, освященныхъ народнымъ чувствомъ. Онъ служилъ панихиды о рабахъ божіихъ Георгіи и Петрѣ. Этотъ Георгій былъ Байронъ, этотъ Петръ былъ тотъ, кого онъ воспѣлъ съ такою силой, понялъ съ такой любовью. *Нравственный* складъ Пушкина выражался въ отношеніяхъ его

къ людямъ и къ самому себѣ. Считая эгоизмъ отвратительнымъ, но не смѣшнымъ, вслѣдствіе его отмѣннаго благоразумія, Пушкинъ весь былъ проникнутъ благороднымъ альтруизмомъ, умѣньемъ находить человѣчныя стороны въ людяхъ и восторгомъ предъ подвигомъ и исполненіемъ долга. Сурово относясь къ нравственному облику Наполеона, онъ, однако, преклонялся предъ нимъ, когда рисовалъ его играющимъ жизнью своею предъ сумрачнымъ недугомъ и „хладно жмущимъ руку чумѣ". Заключеніе его чудной поэмы представляетъ именно противоположеніе долга и жертвы со стороны его вѣрнаго идеала, Татьяны—эгоизму Онѣгина. Жизнь Пушкина была полна *любви дѣятельной*. Онъ пользовался всякимъ случаемъ для заступничества, для просьбъ—и всегда за другихъ и никогда за себя, помогая неизвѣстнымъ ему людямъ изъ своихъ скудныхъ средствъ. Его отношеніе къ собратьямъ по дарованію, чуждое всякой зависти, полно искренняго расположенія. Достаточно вспомнить его отзывы о Мицкевичѣ, его восторженныя хвалы Баратынскому. Онъ былъ горячій и безтрепетный другъ, остававшійся вѣрнымъ въ несчастіи и опалѣ и утѣшавшійся въ горькія минуты „наслажденьемъ слезъ и счастіемъ друзей". Не всѣ, однако, платили ему тѣмъ же „за жаръ души довѣрчивой и нѣжной" и его выстраданная „Коварность" свидѣтельствуетъ о томъ.

Въ отношеніи къ самому себѣ Пушкинъ чуткой душою своею понималъ, что лишь упорный и постоянный трудъ и полная правдивость съ собою и съ другими могутъ поддержать въ человѣкѣ самоуваженіе. Живой и постоянный трудъ наполнялъ жизнь „взыскательнаго художника", горько упрекавшаго себя за утраченные дни или растраченные годы, работавшаго надъ языкомъ, доведеннымъ имъ до совершенства, и отличавшаго одухотворенную работу вдохновенія отъ мимолетнаго порыва восторга. Любовь къ правдѣ,—правдѣ высшей, рисующей идеалъ дѣйствій человѣка, а не той, которая вращается въ узкой области факта, праздно угождая „хладной посредственности", завистливой и жадной къ соблазну,—эта любовь проникаетъ всѣ труды Пушкина. Рядомъ примѣровъ изъ жизни его доказывается, какъ осуществлялъ онъ данный самому себѣ совѣтъ: „мужайся,—презирай обманъ, стезею правды бодро слѣдуй!" Онъ цѣнилъ цѣльныхъ людей и цѣльныя чувства, ненавидѣлъ лицемѣрную нравственность и поддѣльную науку, считалъ правду въ рукахъ историческаго дѣятеля средствомъ „привлечь къ себѣ сердца" и находилъ, что крайности ей

чужды. „Нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ,—писалъ онъ,—и нѣтъ истины тамъ, гдѣ нѣтъ любви". Въ себѣ самомъ онъ строго отличалъ поэта, избраннаго Богомъ пѣвца, который не можетъ молчать, потупя очи долу,—который долженъ, какъ пророкъ и провозвѣстникъ духовныхъ судебъ своего народа, „глаголемъ жечь сердца людей" и „ударять по сердцамъ съ невѣдомой силой"—отъ человѣка, живущаго среди заботъ суетнаго свѣта и находящагося подъ вліяніемъ роковыхъ даровъ природы—страстей, для него, въ виду „далекой Африки", особенно знойныхъ. Но признавая, что „грѣхъ алчный" гнался за нимъ по пятамъ, и безпощадно бичуя себя въ рыдающихъ звукахъ своего „Воспоминанія", онъ смотрѣлъ на забавы юности не съ обычнымъ у людей завидующимъ снисхожденіемъ къ себѣ,—и дѣлаясь добычею грѣха, всегда „бѣжалъ къ Сіонскимъ высотамъ".

Изъ всѣхъ этихъ свойствъ Пушкина вытекаетъ и начертанная имъ формула жизни. Онъ учился „въ истинѣ блаженство находить, свободною душой законъ благотворить, роптанью не внимать толпы непросвященной и отвѣчать участіемъ застѣнчивой мольбѣ". Интересуясь вопросами законодательства, онъ желалъ видѣть законъ примиреннымъ съ житейскою правдой и законною свободой,—видѣть человѣка не рабомъ непонятнаго ему принудительнаго приказа, а слугою разумныхъ требованій общежитія. „Мысль—великое слово,—писалъ онъ,—что же и составляетъ величіе человѣка, какъ не мысль! Да будетъ же она свободна, какъ свободенъ человѣкъ: въ предѣлахъ закона, при полномъ соблюденіи условій, налагаемыхъ обществомъ". Эти условія должны сочетать необходимую свободу съ мощнымъ закономъ—покровителемъ слабыхъ, разумною уздою для тѣхъ, кто, подобно Алеко, „для себя лишь хочетъ воли", и выразителемъ пониманія прирожденныхъ правъ человѣческой души. Требуя обдуманности и отсутствія личныхъ настроеній законодавца въ законѣ, Пушкинъ отмѣчаетъ достойную удивленія разность между государственными мѣрами Петра Великаго, исполненными доброжелательства и мудрости обширнаго ума, и его временными указами, своенравными, нетерпѣливыми и подчасъ жестокими. Требуя человѣчности въ законѣ, Пушкинъ уже въ ранней молодости успѣлъ проявить драгоцѣнное свойство истинной справедливости, состоящее въ умѣньѣ поставить себя на мѣсто другого, изобразивъ всѣ виды страданій рожденнаго внѣ брака ребенка искупающаго увлеченіе родителей и оказывающагося въ

„неправедномъ и ужасномъ безправіи“, къ смягченію котораго лишь въ послѣднее десятилѣтіе сдѣланы человѣколюбивые шаги нашимъ законодательствомъ. Сознательное столкновеніе съ крѣпостнымъ правомъ глубоко поразило Пушкина и пламенному возраженію противъ него онъ посвятилъ свои первые „души высокіе порывы“, выраженные въ „стихѣ пронзительно уныломъ“ и въ страстномъ пожеланіи увидѣть рабство, падшее по манію царя. Жестокая судьба Пушкина, осудившая его на „безкрылыя желанья“, не дала ему дожить до свѣтлаго времени, но всю жизнь онъ ждалъ и торопилъ его наступленіе, употребляя для того всѣ способы своего таланта—отъ паѳоса и до насмѣшки.

Общественная жизнь колеблется преступленіями. Признавая необходимость карательнаго закона, Пушкинъ точно опредѣлялъ его границы, говоря: „законъ постигаетъ одни преступленія, а не личную жизнь человѣка, оставляя пороки и слабости на совѣсть каждому“. Въ этой совѣсти, мученія которой Пушкинъ такъ ярко и многоразлично изобразилъ въ „Борисѣ Годуновѣ“, „Скупомъ рыцарѣ“ и другихъ стихотвореніяхъ,—главное внутреннее наказаніе виновнаго. „Я не злодѣй,—говоритъ Пушкинъ,—съ волненьемъ и тоской не зрю во снѣ кровавыхъ привидѣній и въ поздній часъ ужасный, блѣдный страхъ не хмурится угрюмо въ головахъ“. Изобразивъ послѣдствія преступленія, Пушкинъ съ глубою вдумчивостью нарисовалъ происхожденіе и развитіе преступленія и психологію преступника съ его внутренними противорѣчіями (кузнецъ-поджигатель въ Дубровскомъ“) и болѣзненными напряженіями омраченной души („Братья-Разбойники“, „Сальери“, „Скупой рыцарь“ и др.). Для борьбы съ нарушителями закона нуженъ судъ—и Пушкинъ даетъ картины суда, такъ сказать, домашняго (капитанша Миронова: „разбери, да обоихъ и накажи“), патріархальнаго („оставь насъ, гордый человѣкъ: мы жить съ убійцей не хотимъ“) и современнаго ему, который его не удовлетворялъ, ибо творился “крючковатымъ подъяческимъ народомъ, лишь взятками богатымъ и ябеды оплотомъ“, при чемъ въ немъ „здравый смыслъ—путеводитель рѣдко вѣрный и всегда ничтожный“. Истинный судъ, по Пушкину, лишь тамъ, гдѣ „всѣмъ простертъ законовъ твердый щитъ, гдѣ сжатый вѣрными руками гражданъ надъ равными главами, ихъ мечъ безъ выбора скользитъ, гдѣ преступленье свысока разится праведнымъ розмахомъ, гдѣ судей неподкупны руки ни къ злату алчностью, ни страхомъ“. Праведность этого розмаха должна выражаться въ живомъ отношеніи къ личности человѣ-

ка, не допускающемъ равнодушія къ его судьбѣ и требующемъ справедливыхъ мѣръ изслѣдованія и разумнымъ мѣръ наказанія. Не дьякъ въ приказахъ посѣдѣлый", а Беккарія, „величайшій филантропъ своего времени", симпатиченъ Пушкину. Праведность, т. е. истинная справедливость, должна выражаться и въ человѣколюбіи. „Ужасно преступленіе,—говоритъ знаменитый полемистъ съ Пушкинымъ, митрополитъ Филаретъ,—но человѣкъ достоинъ сожалѣнія". Идея милости, кроткой жалости, прощенія и примиренія проникаетъ массу произведеній Пушкина. Можно сказать, что это одна изъ основныхъ нотъ его творчества. Ему особенно дорогъ Петръ, когда онъ „съ подданнымъ мирится, виноватому вину отпуская, веселится и прощенье торжествуетъ, какъ побѣду надъ врагомъ",—его патріархъ въ „Борисѣ Годуновѣ" благословляетъ Всевышняго, поселившаго въ душѣ Царя „духъ милости и кроткаго терпѣнья"—и самъ поэтъ, по собственному опыту, указываетъ, какъ умолкаютъ „бурныя чувства, кипящія въ сердцѣ—и ненависть, и грезы мести блѣдной" подъ покровомъ „таинственнаго щита святого прощенья". Лишь льстецъ лукавый захочетъ ограничить милость,—великій же поэтъ русской земли всю жизнь участьемъ отвѣчалъ застѣнчивой мольбѣ и имѣетъ гордое право на любовь народа за то, что „милость къ падшимъ призывалъ".

Въ этой его особенности могутъ увидѣть противорѣчіе съ воспѣваніемъ „славы бранной". Но пѣвцомъ этой мрачной славы онъ никогда не былъ. Она его не манила „перстомъ окровавленнымъ"; ему была чужда „слѣпая славы страсть и жажда гибели—свирѣпый даръ героевъ",—ему былъ ненавистенъ Наполеонъ, „царемъ возсѣвшій на гробахъ". Его стихотворенія, говорящія о войнѣ, навѣяны обаяніемъ священной памяти 12-го года, указавшаго русскому народу высокій жребій, и затѣмъ захватившею сердца народовъ и правительствъ борьбою Греціи противъ турецкаго ига. И въ томъ и другомъ случаѣ дѣло шло не о добываніи славы. Кровопролитіе Полтавской битвы онъ описываетъ не съ холодною точностью батальнаго живописца, а какъ необходимое жертвоприношеніе для выполненія предназначенія Россіи, какъ грозный путь къ гражданству сѣверной державы"—и „лоскутья сихъ знаменъ побѣдныхъ" дороги ему, какъ указавшіе „повелительныя грани" тѣмъ, кто хотѣлъ бы ограничить политическую самобытность Россіи,—дороги, какъ вѣявшіе надъ русскимъ солдатомъ, наряду съ беззавѣтной храбростью котораго Пушкинъ съ восхищеніемъ отмѣчалъ отсутствіе ненависти къ врагу и тщеславія побѣдами. Въ

войнѣ онъ хочетъ видѣть не жажду чужой гибели, а „смерти грозной ожиданье" и готовность умереть за родину. „Въ бореньи падшій невредимъ,—восклицаетъ онъ,—и не услышитъ пѣснь обиды отъ лиры русскаго пѣвца". Въ зрѣломъ возрастѣ лишь картины мира радуютъ Пушкина, и „онъ жадно внимаетъ" Мицкевичу, говорящему о „временахъ грядущихъ, когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся". Знаменательно, что мы празднуемъ день рожденія Пушкина тогда, когда на другомъ концѣ Европы, въ тихой столицѣ Голландіи, занимается заря осуществленія этой возвышенной надежды—по великодушному почину, идущему отъ его родины. Нужды нѣтъ, что раздаются скептическіе голоса,—что небо надъ лучами этой зари еще покрыто облаками своекорыстнаго упорства и недоразумѣній. Достаточно, что лучи эти уже блеснули. Разъ занялась заря, солнце взойдетъ непремѣнно. Таковъ законъ физической природы,—таковъ законъ и природы нравственной. Пускай же и въ этомъ отношеніи нашъ возлюбленный поэтъ, восторженно восклицавшій: „ты, солнце святое, свѣти!"—будетъ пророкомъ!

Въ житейскую формулу Пушкина входила очень трудно исполнимая часть: „роптанью не внимать толпы непросвѣщенной". Самъ поэтъ находилъ, что, „конечно, презирать не трудно—отдѣльно каждаго глупца, но чудно—всѣхъ вмѣстѣ презирать ихъ трудно".... Ему тяжело жилось въ современномъ ему обществѣ, гдѣ приходилось нести „роптанье вѣчное души" въ среду „злыхъ безъ ума, безъ гордости спесивыхъ", влачащихъ скуку, „какъ скованный невольникъ мертвеца", и отдыхающихъ на недоброжелательствѣ и виртуозности клеветы. Считая, что „добро, законъ, любовь къ отечеству, права—не только звонкія слова", Пушкинъ говорилъ съ горечью объ отсутствіи въ современномъ ему обществѣ сложившагося независимаго мнѣнія, о равнодушіи къ долгу, правосудію и правдѣ, благодаря чему въ этомъ обществѣ люди „не зрѣютъ, а сохнутъ иль гніютъ".—Подите прочь!—говорилъ онъ имъ,—именно имъ, а не народу, въ презрѣніи къ которому его упрекали нѣкоторые, умышленно не понимавшіе его люди. Вся творческая жизнь Пушкина вопіетъ противъ такого обвиненія! Подъ толпою онъ разумѣлъ все низменное, къ какому бы слою общества оно ни принадлежало,—всѣхъ, читающихъ жадно мемуары и записки, ища пикантныхъ разоблаченій и въ низости своей радующихся униженію высокаго, слабостямъ могучаго, потому что онъ—„малъ и мерзокъ, какъ мы!" „Врете вы!—восклицаетъ Пушкинъ,—

онъ и малъ, и мерзокъ, но не такъ, какъ вы—иначе!..“ Есть разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ, и, несмотря на то, что этой толпы „тщеславная любовь и лицемѣрныя гоненья—достойны равнаго презрѣнья“,—ей удавалось глубоко уязвлять нѣжную и довѣрчивую душу Пушкина и наносить его сердцу неотразимыя обиды своими клеветническими легендами, одно время наводившими его на мысль о самоубійствѣ, о просьбѣ ссылки или крѣпости. Высокая оцѣнка и пониманіе Пушкина императоромъ Николаемъ, „почтившимъ вдохновеніе и освободившимъ мысль“ поэта, были не по плечу или, вѣрнѣе, не по душѣ этой толпѣ и ея виднымъ представителямъ. Клевета вползала въ семейное спокойствіе Пушкина, отравляла его душу, смущала его умъ и, какъ змѣя, обвилась вокругъ него нерасторжимымъ кольцомъ. Разорвать его могъ бы одинъ отъѣздъ и новыя впечатлѣнія. Его манили—Римъ, Византія, даже далекій Китай. Но человѣкъ, коварной и лицемѣрной дружбѣ котораго былъ довѣрчиво ввѣренъ государемъ Россіи ея первый поэтъ, держалъ его, какъ Прометея, прикованнымъ къ сѣрой и холодной петербургской скалѣ и предпоставлялъ коршунамъ терзать его сердце, о которомъ самъ Пушкинъ уже говорилъ: „пора! пора!—покоя сердце проситъ“... Нечистыя руки вооружили клеветническое перо—и участь Пушкина была рѣшена. Но и тутъ нравственный образъ Пушкина ярко вспыхнулъ въ послѣдній разъ. Угасая, онъ забылъ скорбь Кочубея, который „смерти кинулся въ объятья, не завѣщая никому вражды къ злодѣю своему“—и требовалъ отъ Данзаса не мстить прощенному имъ Дантесу. Вглядываясь въ общественныя язвы, Пушкинъ искалъ и исцѣленія ихъ—и видѣлъ его въ свободномъ развитіи духовныхъ силъ народа путемъ воспитанія и просвѣщенія. Его пугала „сгущенная мгла предубѣжденій“ и „невѣжества губительный позоръ“. Онъ чтилъ въ Ломоносовѣ перваго самобытнаго подвижника русскаго просвѣщенія,—съ восхищеніемъ говорилъ про Петра: „самодержавною рукой онъ смѣло сѣялъ просвѣщенье“—и съ увлеченіемъ рисовалъ картину, когда „раздался въ честь науки пѣсенъ хоръ и пушекъ громъ“!

Смерть рано похитила Пушкина, заставивъ его раздѣлить судьбу Байрона и Рафаэля, тоже скончавшихся на 37-мъ году жизни. Она вынудила его только больше выстрадать. Пушкинъ погибъ, но онъ не умеръ! Онъ зналъ это, говоря: „нѣтъ! весь я не умру“... и звонъ его душевныхъ струнъ стоялъ надъ русскою землею непрерывно, то густѣя, то временно ослабѣвая, подъ влія-

ніемъ злобы дня. Но взгляды односторонней оцѣнки и юношескаго задора, пробовавшаго колебать треножникъ „маленькаго, миленькаго Пушкина", прошли, „спадая ветхой чешуей", и 80-й годъ соединилъ у памятника въ Москвѣ, въ одномъ общемъ чувствѣ благодарнаго умиленія, просвѣщенныхъ русскихъ людей самыхъ различныхъ направленій. Тогда, казалось, безвременно погибшій поэтъ простилъ русскому обществу съ высоты своего пьедестала его вольныя и невольныя по отношенію къ себѣ прегрѣшенія... Въ забытьи послѣднихъ тѣлесныхъ мукъ своихъ, свѣтлѣя и прозрѣвая духовно, онъ говорилъ Далю: „ну, подымай же! пойдемъ же выше! выше"!.. И онъ идетъ все выше и выше въ русскомъ самосознаніи, поднимая его за собою, облагораживая его. Гремящій и чистый ключъ его поэзіи разлился по русской землѣ въ многоводную и широкую рѣку. Своимъ духовнымъ обликомъ Пушкинъ вѣщаетъ намъ о вѣчной красотѣ, о любви къ правдѣ, о милости къ падшимъ, о состраданіи. Онъ сказалъ: „Есть избранные судьбами—людей священные друзья—ихъ безсмертная семья неотразимыми лучами когда-нибудь насъ озаритъ"... Но кто же, если не онъ, принадлежитъ къ этой семьѣ?! Его неотразимые лучи свѣтятъ надъ нами: онъ на школьной скамьѣ и въ тишинѣ семьи встрѣчаетъ нашу молодежь и учитъ ее, посвящая въ тайны русскаго языка, въ его невыразимую прелесть; онъ будитъ въ устающемъ сердцѣ старика вѣчныя чувства и память о лучшихъ порывахъ его молодой когда-то души! Недаромъ сказалъ ему Тютчевъ: „тебя, какъ первую любовь, Россіи сердце не забудетъ"! А кого нельзя забыть, тотъ не умираетъ. И кажется, что здѣсь, на праздникѣ нашего духа и нашей справедливой гордости, въ средѣ академіи наукъ, присутствуетъ и онъ, ея славнѣйшій членъ,—живой, подвижный, съ выразительнымъ лицомъ, въ густыхъ кудряхъ волосъ, съ печатью свѣтлой думы на челѣ, и что сегодня его веселый, дѣтскій смѣхъ звучитъ особенно радостно, безъ затаенной ноты скорби, и прекрасные голубые глаза не имѣютъ повода темнѣть отъ боли и гнѣва...

Такъ отдаленная звѣзда, уже прекративъ свое существованіе, продолжаетъ лить на землю свои чистые, свои плѣнительные лучи".

---

26 Мая редакціею „Вѣстника Права" послана слѣдующая телеграмма:

Москва, Университетъ,
Обществу Любителей Россійской Словесности.

Редакція Вѣстника Права, Журнала Юридическаго Общества при С.-Петербургскомъ Университетѣ, шлетъ привѣтъ Обществу любителей россійской словесности въ юбилейный Пушкинскій день. Скромная представительница отечественнаго правосознанія редакція съ чувствомъ благоговѣнія къ генію русскаго слова, великому воспринимателю и истолкователю красоты, глашатаю вѣчной правды и гармоніи,—не можетъ не присоединить своего слабаго голоса къ общему гимну въ честь величайшаго поэта, своими нѣжными божественными звуками трогающаго сердца людей, облагораживающаго душу, задѣвающаго сокровенныя ея струны, въ гармоничномъ звукѣ, вызываемомъ прикосновеніемъ къ нимъ магической Пушкинской поэзіи, чуткое русское ухо различаетъ тоны братства людей, свободы личности, милости, мужественной защиты правды и справедливости,—началъ, объединенныхъ въ общую гармонію великою идеею права и законности. Предвозвѣстникъ отечественной культуры—Пушкинъ, великій сѣятель правды,—сѣялъ и сѣетъ въ сердцахъ зерно любви къ праву и законности. Да зрѣетъ и спѣетъ нива отечественнаго правосознанія подъ благодѣтельнымъ свѣтомъ и тепломъ солнца человѣчности, жрецомъ котораго былъ нашъ Аполлонъ—Пушкинъ! *Сліозбергъ.*

5. Высочайшее повелѣніе по поводу ссылки.

Едва ли найдется кто либо, кто истинно не порядовался бы правительственному сообщенію о состоявшемся 6 мая Высочайшемъ повелѣніи объ образованіи коммисіи, подъ предсѣдательствомъ Министра Юстиціи, для разсмотрѣнія вопроса объ отмѣнѣ ссылки, какъ карательной и административно-карательной мѣры. Являя новое осязательное подтвержденіе благодѣтельнаго попеченія о судьбѣ нынѣ возрождающагося обширнаго края—Сибири, выраженная въ этомъ повелѣніи Высочайшая воля, послужитъ началомъ новой эры въ карательной политикѣ. И если несомнѣнно, что осуществленіе намѣченнаго предположенія объ отмѣнѣ ссылки

стоитъ въ тѣсной связи и зависимости отъ финансовой стороны дѣла, то съ такою же несомнѣнностью надо ожидать, что царскій призывъ окажется благодѣтельнымъ и независимо отъ непосредственныхъ практическихъ результатовъ, въ смыслѣ дѣйствительной полной и немедленной отмѣны ссылки.

Вопросъ о ссылкѣ—одинъ изъ тѣхъ, которые наиболѣе разработаны въ литературѣ. Начиная съ конца семидесятыхъ годовъ, когда вопросъ о ссылкѣ поставленъ былъ въ юридической литературѣ на очередь И. Я. Фойницкимъ, который съ тѣхъ поръ неутомимо и при всякомъ случаѣ ратовалъ за отмѣну этой карательной мѣры,—осужденной практикою французской и англійской—онъ не переставалъ быть очереднымъ вопросомъ. И труды международныхъ конгрессовъ, и печать—неизмѣнно возвращались къ нему, и едва ли ошибочно будетъ утверждать, что съ тѣхъ поръ не прибавилось ни одного довода въ пользу ссылки, но за то дальнѣйшая практика и жизнь давали все новые и новые доводы противъ нея. Въ послѣднія только нѣсколько лѣтъ во Франціи, и отчасти въ Германіи, интересъ къ ссылкѣ сталъ возрастать. На Парижскомъ конгрессѣ 1895 г. французскіе пенитенціаристы и оффиціальные представители колоніальнаго управленія рѣзко разошлись въ своихъ взглядахъ съ авторитетными представителями науки и практики другихъ странъ.

Участники этого конгресса навѣрное не забыли той агатаціи, которая какъ разъ по вопросу о ссылкѣ проявилась со стороны представителей французскаго правительства. Но именно эта агитація давала поводъ думать, что интересъ къ ссылкѣ имѣлъ подкладку чисто политическую, явился выраженіемъ колоніальныхъ вожделеній, и что не карательная, а колонизаціонная сторона дѣла играла первенствующую роль. Только съ этой стороны интересовала ссылка и тѣхъ немногихъ писателей, которые въ послѣдніе дни въ Германіи усиленно хлопотали о введеніи ея въ нѣмецкую карательную систему.

Но колонизаціонное значеніе ссылки насъ интересовать вовсе не можетъ; не можетъ—особенно теперь, когда Сибирь, главное поле ссылки, матеріально и духовно пріобщена къ остальной Россіи, и когда забота о заселеніи Сибири вполнѣ отпала, а напротивъ того, приходится регулировать сильное добровольное, а не штрафное, переселенческое движеніе. Судьбу тягчайшаго вида ссылки—каторжной—долженъ былъ рѣшить опытъ съ Сахалинскою ссылкою; еще такъ недавно, а именно въ 1895 г. на упо-

минутомъ конгрессѣ въ Парижѣ указывалось почти оффиціально на блестящія ожиданія отъ этого опыта. Но опытъ нынѣ произведенъ, результаты его оказались, насколько извѣстно, отрицательными, и, слѣдовательно, и съ точки зрѣнія карательной—вопросъ принципіально долженъ почитаться разрѣшеннымъ также отрицательно и притомъ безвозвратно. Отмѣна ссылки поэтому представляется вопросомъ не спорнымъ, дѣло только въ фактической возможности осуществленія ея.

Высочайшее повелѣніе 6 мая знаменательно въ другомъ отношеніи. Учрежденная нынѣ коммисія получила ясно намѣченную Высочайшею волею программу, и въ этой программѣ съ облегченнымъ сердцемъ каждый, кому дороги интересы права и справедливости, усмотритъ п. 2; объ отмѣнѣ или ограниченіи административной ссылки по приговорамъ мѣщанскихъ и крестьянскихъ обществъ.

Самыя жестокія карательныя мѣры, даже несоотвѣтствіе мѣры наказанія степени вины осужденнаго,—не могутъ конкуррировать съ тою узаконенною несправедливостью, которая выражается въ правѣ обществъ безапелляціоннаго распоряженія судьбою членовъ его, съ правомъ передачи „въ распоряженіе правительства“. Это право, обусловленное лишь составленіемъ общественнаго приговора,—остатокъ древней старины, закрѣпощенія личности, полной ея секвестраціи. Давно пора снять это пятно съ нашего законодательства.

Нельзя не обратить вниманія и на другой пунктъ программы коммисіи, касающагося вопроса объ учрежденіи принудительныхъ общественныхъ работъ и рабочихъ домовъ, какъ мѣръ принудительныхъ и карательныхъ. Редакція этого пункта не предрѣшаетъ вопроса о томъ, имѣется ли въ виду ссылочныя каторжныя работы замѣнить общественными работами, или же—намѣчена новая карательная мѣра — при присужденіе къ принудительнымъ общественнымъ работамъ. Нельзя не замѣтить, что въ новѣйшее время эта карательная мѣра находится въ нѣкоторомъ, такъ сказать, пренебреженіи. Весьма мало оказывается приверженцевъ ея; быть можетъ, это объясняется тѣмъ, что при всей карательной пригодности ея, она не вызываетъ симпатій вслѣдствіе экономическаго ея значенія, какъ мѣры, способной создать невыгодную конкуренцію свободному труду. Эта сторона дѣла—весьма существенная на западѣ —для насъ могла бы играть второстепенную роль,—для насъ, находящихся въ особыхъ экономическихъ условіяхъ.

Но несомнѣнно, что этотъ вопросъ заслуживаетъ самаго глубокаго и всесторонняго вниманія. Введеніе принудительныхъ общественныхъ работъ, какъ карательной мѣры, взамѣнъ краткосрочнаго заключенія, опростало бы, въ значительной степени, наши тюрьмы, и дало бы возможность болѣе легкаго осуществленія предположеній объ отмѣнѣ ссылки, которую нельзя замѣнить ни чѣмъ инымъ, какъ лишеніемъ свободы. Мысль о введеніи указанной мѣры, къ сожалѣнію, не принята во вниманіе при обсужденіи вопроса о введеніи у насъ условнаго осужденія,—важность котораго коренится въ необходимости чѣмъ нибудь замѣнить краткосрочное заключеніе, осужденное единогласно всѣми пенитенціаристами.

Мы слышали, что коммисія въ настоящее время уже намѣчена въ своемъ составѣ. Успѣшность ея занятій гарантируется не только энергическимъ призывомъ съ высоты престола, но и личнымъ составомъ ея, располагающимъ такими силами, какъ Н. С. Таганцевъ, И. Я. Фойницкій, В. Н. Коковцевъ, А. П. Саломонъ, и др., которые подъ опытнымъ и энергичнымъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева, будемъ надѣяться, не замедлитъ осуществить Высочайшую волю во всѣхъ ею намѣченныхъ пунктахъ. Какъ говорятъ, первое засѣданіе коммисіи назначено на 2 іюня, и совпадаетъ со временемъ, когда имѣютъ закончиться занятія Высочайше учрежденной подъ предсѣдательствомъ Н. В. Муравьева коммисіи по пересмотру судебнаго законодательства.

Въ добрый часъ!—скажутъ вмѣстѣ съ нами всѣ отечественные юристы.

6. Упорядоченіе торговли льномъ.

12 апрѣля 1899 года воспослѣдовало Высочайшее утвержденіе мнѣнія Государственнаго Совѣта о нѣкоторыхъ мѣрахъ къ упорядоченію торговли льномъ (собр. узак. № 53, ст. 759).

Новый законъ, имѣющій вступить въ силу съ 1 сентября текущаго года, предписываетъ соблюденіе слѣдующихъ правилъ относительно льна, обращаемаго въ продажу внутри Имперіи и за границу: 1) ленъ не долженъ содержать примѣси отбросовъ или иныхъ постороннихъ веществъ и не долженъ быть подмоченъ для искусственнаго увеличенія его вѣса; 2) связки (куклы, пудки) льна должны вѣсить не болѣе двадцати фунтовъ и состоять изъ волокна

однородныхъ качествъ и обработки; 3) связки составляются по длинѣ волокна безъ головокъ и обвязываются только однимъ крутцемъ, на первой ихъ трети, такъ чтобы волокна висѣли свободно по обѣ стороны крутца и чтобы самое волокно могло быть осмотрѣно безъ развязыванія связокъ, и 4) крутецъ, которымъ обвязывается связка долженъ быть льняной. За нарушеніе указанныхъ правилъ устанавливается уголовная отвѣтственность, а именно: за продажу, приготовленіе или храненіе для продажи льна, содержащаго примѣси отбросовъ или иныхъ постороннихъ веществъ или же подмоченнаго для искусственнаго увеличенія вѣса волокна, виновные въ томъ торговцы подвергаются аресту не свыше одного мѣсяца или денежному взысканію не свыше ста рублей; за несоблюденіе же прочихъ правилъ—виновные торговцы подлежатъ штрафу въ размѣрѣ не свыше ста рублей. Такимъ образомъ, уголовная санкція, которою обезпечены новыя правила, касается только торговцевъ, хотя самыя правила обращены ко всѣмъ, имѣющимъ ленъ для продажи, слѣдовательно, и къ производителямъ—земледѣльцамъ и землевладѣльцамъ. Производители только косвенно будутъ вынуждаемы къ исполненію этихъ правилъ—требованіями со стороны торговцевъ-покупателей и ихъ отказомъ принимать неправильно составленныя или неправильно обвязанныя льняныя „куклы".

По проекту закона не предполагалось такого ограниченія отвѣтственности однимъ только кругомъ торговцевъ, съ исключеніемъ льноводовъ; ограниченіе это было введено въ законъ, въ виду тѣхъ существенныхъ возраженій, съ которыми встрѣтился проектъ при обсужденіи его въ Государственномъ Совѣтѣ. Высказано было сомнѣніе относительно того, вполнѣ ли достигнется проектированными правилами преслѣдуемая ими цѣль—упорядоченіе торговли льномъ,—и не окажется ли новый законъ на дѣлѣ либо мертвой буквой, либо—при попыткѣ серьезнаго его измѣненія—орудіемъ стѣснительнаго вмѣшательства низшихъ полицейскихъ агентовъ въ хозяйственныя распоряженія частныхъ лицъ. Для сужденія о томъ, однородна ли обработка льняного волокна, зависятъ ли попадающіяся въ немъ примѣси отъ намѣренной фальсификаціи или отъ пріемовъ самого производства и т. д., необходимы спеціальныя познанія, недостающія общей полиціи; необходимо, слѣдовательно, установленіе органовъ спеціальнаго надзора за примѣненіемъ новаго узаконенія. Между тѣмъ законъ возлагаетъ, повидимому, всю надежду на полицію, положеніе которой окажется

тѣмъ труднѣе, что надзоръ ея за производствомъ и обработкою льна не поставленъ въ точныя рамки и полномочія ея въ этомъ отношеніи весьма неопредѣленны. При нѣкоторой же придирчивости представителей низшей администраціи, возможно ожидать „прискорбныхъ послѣдствій“ отъ ихъ вторженія въ хозяйственную самостятельность производителей льна, громадное большинство которыхъ—крестьяне. Фальсификація льняного волокна всего тяжелѣе отражается на льнѣ, поступающемъ на рынокъ и притомъ преимущественно идущемъ за границу. Между тѣмъ для регулированія отпускной торговли однѣ запретительныя и карательныя мѣры недостаточны. Въ этой области необходимо создать условія, гарантирующія надлежащую сортировку льна и возможность появленія на иностранныхъ рынкахъ лишь такого продукта, который возстановилъ бы пошатнувшуюся репутацію русскаго льна. Было поэтому высказапо въ средѣ Государственнаго Совѣта, что желательно содѣйствіе правительства попыткамъ экспортеровъ выработать между собою соглашенія для борьбы съ фальсификаціей льна. Проектъ такого соглашенія потерпѣлъ два раза неудачу только потому, что одинъ или два торговыхъ дома отказались присоединиться къ принятому большинствомъ экспортныхъ фирмъ рѣшенію. Если-бы такимъ рѣшеніемъ было предоставлено по закону обязательное для меньшинства торговыхъ фирмъ значеніе, то принятыя по собственному почину торгующихъ мѣры оказались бы гораздо болѣе дѣйствительными для упорядоченія торговли льномъ, чѣмъ предлагаемая практика.

Приведенныя возраженія возъимѣли отчасти свое дѣйствіе. Хотя государственный совѣтъ и призналъ цѣлесообразность проектированныхъ правилъ, выясняющихъ производителямъ, куда должны быть направлены ихъ усилія при обработкѣ льна, и дающихъ добросовѣстнымъ торговцамъ средство открывать намѣренную фальсификацію льняного волокна,—однако, опасаясь чрезмѣрно стѣснительнаго примѣненія закона, соединенные департаменты нашли необходимымъ указать въ самомъ законѣ, что отвѣтственности за его нарушенія должны подлежать одни торговцы. „Въ громадномъ большинствѣ случаевъ,—поясняютъ департаменты,—лица эти и являются фальсификаторами льняного волокна, тогда какъ льноводы прибѣгаютъ къ намѣренной порчѣ льна сравнительно рѣдко и, во всякомъ случаѣ, легко могутъ быть изобличены торговцами, если послѣдніе будутъ лично отвѣчать за сбытъ недоброкачественнаго льна и получаютъ, благодаря установляе-

мому правилу о вязкѣ льна однимъ крутцомъ, благонадежное средство для открытія различныхъ подмѣсей въ льняномъ товарѣ. Самые же производители должны подвергаться уголовной отвѣтственности при доказанномъ обманѣ ихъ въ торговлѣ льномъ, т. е. когда ихъ дѣйствія подойдутъ подъ ст. 174 уст. о нак., нал. мир. суд." Необходимо еще замѣтить, что проектъ предлагалъ конфискацію фальсифицированнаго льна, но государственный совѣтъ отклонилъ эту мѣру, находя ее слишкомъ строгой.

Спеціальная уголовно-полицейская охрана доброкачественности продуктовъ, обращаемыхъ въ продажу, имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду интересы потребленія. По остроумному замѣчанію одного знаменитаго экономиста, при современномъ экономическомъ строѣ господствуетъ фикція, въ силу которой потребитель, покупщикъ товаровъ, признается ходячею энциклопедію по всѣмъ отраслямъ товаровѣдѣнія. Но потребитель вовсе не обладаетъ всѣми необходимыми прикладными знаніями для оцѣнки достоинства и качества разнообразныхъ продуктовъ, которыя ему приходится покупать. Поэтому въ его интересѣ принимаются нѣкоторыя мѣры торговой полиціи, чтобы охранить потребителя отъ наиболѣе опасныхъ видовъ обмана—фальсификаціи пищевыхъ продуктовъ, которая можетъ отразиться на здоровьѣ, употребленіе вѣрныхъ мѣръ и вѣсовъ, являющагося угрозой для всей массы покупателей, но причиняющаго каждому въ отдѣльности незначительный ущербъ, во всякомъ случаѣ—недостаточный для того, чтобы побудить потерпѣвшее лицо къ возбужденію противъ торговца уголовнаго преслѣдованія за мошенничество. Иной смыслъ имѣетъ настоящій законъ, изданный съ цѣлью возстановить пошатнувшуюся репутацію русскаго льна. Предписанныя мѣры направлены не къ тому, чтобы помочь дѣйствительному невѣжеству мнимаго спеціалиста по товаровѣдѣнію—непосредственнаго потребителя даннаго товара; покупателемъ льна является преимущественно иностранный промышленникъ, знатокъ своего дѣла, способный и самъ позаботиться о своихъ интересахъ. Эти мѣры имѣютъ въ виду поднять качество продукта не ради покупателя, а ради продавца, чтобы оказать содѣйствіе русской отпускной торговлѣ льномъ, которая теряетъ свое господствующее положеніе на иностранныхъ рынкахъ, благодаря порчѣ продукта. Такимъ образомъ новый законъ есть одно изъ проявленій крайне обострившейся въ настоящее время международной борьбы за рынки; въ борьбѣ этой пускаются въ ходъ всѣ средства,—она ведется гдѣ возможно, „броненосными ку-

лакомъ", а гдѣ нельзя—улучшеніемъ культурныхъ пріемовъ самой торговли. Русская торговля въ этомъ отношеніи стоитъ на крайне низкой ступени; ее выручали до сихъ поръ только превосходныя естестественныя качества русскаго сырья. Новый законъ представляется мѣропріятіемъ, преслѣдующимъ культурный подъемъ русскаго экспорта заграницу.

VIII.

Отвѣтъ на замѣчанія, сдѣланныя редакціею журнала Министерства Юстиціи на статью „о порядкѣ отчужденія земель, принадлежащихъ малороссійскимъ казакамъ", напечатанную въ „Вѣстникѣ Права". (февраль 1899 г.).

Въ апрѣльской книжкѣ журнала Министерства Юстиціи сдѣланы замѣчанія на мою статью „о порядкѣ отчужденія земель, принадлежащихъ малороссійскимъ казакамъ", напечатанную въ „Вѣстникѣ Права" (февраль 1899 г.). Если бы замѣчанія явились за подписью автора, то, вѣроятно, я не сталъ бы свой досугъ тратить на отвѣтъ; но такъ какъ таковыя послѣдовали отъ *„редакціи"*, то, изъ уваженія къ правительственному органу, долгомъ считаю представить мои объясненія.

Прежде всего, не могу не обратить вниманія на слѣдующее обстоятельство. Казалось бы, что всѣ лица судебнаго вѣдомства, особенно мы,—люди шестидесятыхъ годовъ, имѣемъ нѣкоторое право отъ нашего журнала ожидать болѣе осторожнаго выбора выраженій, при разборѣ нашихъ печатныхъ трудовъ; тѣмъ болѣе, что скромность никакому дѣлу не вредила прежде, не вредитъ и теперь. Къ сожалѣнію, ожиданія не оправдались, какъ это можно судить изъ замѣчаній на мою статью, не взирая на мое долголѣтнее пребываніе въ составѣ судебныхъ чиновъ и на то, что не новичкомъ являюсь въ юридическихъ трудахъ, о чемъ должно быть извѣстно редакціи журнала Министерства Юстиціи. Я не послѣдую ея примѣру и съ должнымъ уваженіемъ къ ней изложу мой отвѣтъ.

Печатая статью М. П. Шафира, подъ заглавіемъ „объ установленныхъ закономъ ограниченіяхъ въ отношеніи отчужденія принадлежащихъ малороссійскимъ казакамъ потомственныхъ зе-

мель", „*редакція*" журнала Министерства Юстиціи упоминаетъ мою статью „о порядкѣ отчужденія земель, принадлежащихъ малороссійскимъ казакамъ", говоря, что *не вполнѣ достаточное знакомство автора* (т. е. мое) *съ законодательнымъ матеріаломъ по этому вопросу привело его* (т. е. меня) *къ нѣкоторымъ неосновательнымъ выводамъ*". Кончаетъ же „*редакція*" свои разсужденія слѣдующими словами: „*что рекомендуемая г. Мордухай-Болтовскимъ практика не можетъ быть признана соотвѣтствующей нормамъ, устанавливаемымъ нашими законами по данному предмету. Если даже и признавать не вполнѣ цѣлесообразными существующія въ отношеніи малороссійскихъ казаковъ ограниченія права собственности, то во всякомъ случаѣ отмѣна ихъ можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ*".

Печатаніемъ моей статьи я имѣлъ намѣреніе вызвать вниманіе къ разоренію малороссійскихъ казаковъ отъ неправильной практики, которую, при неясности существующихъ по этому предмету законоположеній, невозможно урегулировать. Буду считать услугою, съ моей стороны, Малороссіи, въ которой, по обязанностямъ службы, проживаю, если затронутый мною вопросъ получитъ ходъ въ законодательномъ порядкѣ; но это отъ меня не зависитъ.

Спрашивается, какъ теперь поступать, до тѣхъ поръ, когда новый законъ представитъ дѣло въ точно опредѣленной нормѣ; жизненныя явленія идутъ безостановочно и каждый случай требуетъ немедленнаго разрѣшенія;—вотъ на это „*редакція*" журнала Министерства Юстиціи не даетъ указанія. Легко сказать, „*разработка въ законодательномъ порядкѣ*", а скоро ли таковая исполняется? Мы помнимъ Высочайше утвержденное 3 декабря 1882 года положеніе комитета министровъ, напечатанное въ № 105 собр. узак. 1883 года „о пріостановленіи временно въ судебныхъ мѣстахъ производства дѣлъ по искамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ о признаніи за ними права полной собственности на старозаимочныя земли".

Этимъ закономъ повелѣно было подвергнуть тщательной и всесторонней разработкѣ вопросъ о старозаимочныхъ земляхъ, съ приведеніемъ историческаго его происхожденія, а между тѣмъ, не смотря на истеченіе почти 17 лѣтъ, новый законъ по этому предмету до сихъ поръ не обнародованъ, хотя производство дѣлъ о старозаимочныхъ земляхъ въ судебныхъ мѣстахъ пріостановлено. Въ

силу этого, я и занялся разработкою вопроса о порядкѣ отчужденія земель, принадлежащихъ малороссійскимъ казакамъ, дабы сколько нибудь облегчить практику и, какъ мнѣ извѣстно, Полтавское губернское присутствіе, соглaсясь съ изложенными мною доводами, записку мою, въ январѣ настоящаго года, представило г. министру внутреннихъ дѣлъ на разрѣшеніе. Сознавая, что, при перемѣнѣ обстоятельствъ, правительству, въ видахъ общей государственной пользы, приходится измѣнять высказанный имъ взглядъ на мѣстные житейскіе вопросы, я потому считалъ даже неосновательнымъ входить въ разборъ условій, на которыхъ въ 1654 году Малороссія присоединена была къ Россійскому государству; не могутъ же, въ самомъ дѣлѣ, эти условія оставаться на вѣки непоколебимы, когда весь строй Русской жизни съ того времени измѣнился. Касался я лишь наличныхъ, иначе сказать,— современныхъ фактовъ казачьяго землевладѣнія, давая этимъ фактамъ освѣщеніе сообразно существующимъ законоположеніямъ и сенатскимъ толкованіямъ, а при запутанности и противорѣчіяхъ того и другого, задача моя была очень не легка.

Посмотримъ же какъ къ моему труду отнеслась „редакція" журнала министерства юстиціи. Она пишетъ такъ: „*игнорированіе имъ* (т. е. мною) *историческаго происхожденія, такъ называемыхъ, старозаимочныхъ земель привело его* (т. е. меня) *къ выводу, что 3 примѣчаніе къ 763 ст. IX т. (прод. 1890 г.) относится къ землямъ малороссійскихъ казаковъ Черниговской и Полтавской губ. Достаточно было бы обратиться къ курсу гражданскаго права К. П. Побѣдоносцева (3 изд. 1 часть стр. 392—398 и 399—401), чтобы убѣдиться въ томъ, что подъ старозаимочными землями въ законѣ нашемъ разумѣются собственно земли бывшихъ слободскихъ полковъ, расположенныхъ въ Харьковской губ. и смежныхъ съ нею уѣздахъ Курской и Воронежской губ., но отнюдь не земли малороссійскихъ казаковъ, поселенныхъ въ Черниговской и Полтавской губ.*

Однако высказанное не согласуется съ слѣдующими аргументами:

1) Въ „курсѣ гражданскаго права" К. П. Побѣдоносцева (3 изд., 1 часть, стр. 399) изложено, что „хотя названіе *старозаимочныя* „*земли* и относится спеціально до слободскихъ полковъ, но по су„ществу дѣла таковъ же былъ способъ происхожденія собствен„ности и въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ цѣлому сословію отводима

„была отъ Государя опредѣленная территорія. Естественно, что „частная собственность въ этихъ условіяхъ вырабатывалась изъ „личнаго владѣнія, утверждавшагося *на заимкѣ*. Такъ, напр., об„разовалось поземельное владѣніе на Дону".

Далѣе, на той же страницѣ „курса", сказано, что „особенный „видъ *заимки* пустыхъ земель существовалъ во многихъ мѣстахъ „Россіи, особливо же въ Малороссіи, подъ названіемъ селитьбы";

2) въ гражданскомъ кассаціонномъ департаментѣ Правительствующаго Сената находятся пріостановленными нѣсколько дѣлъ, представленныхъ Полтавскимъ окружнымъ судомъ *о старозаимочныхъ земляхъ*. Назову, для примѣра, дѣло общества бывшихъ казенныхъ крестьянъ села Сергѣевки, Роменскаго уѣзда, Полтавской губерніи, съ управленіемъ государственныхъ имуществъ. По этому дѣлу въ Сенатѣ состоялась такая резолюція: на основаніи Высочайшаго повелѣнія, отъ $\frac{\text{25 сентября}}{\text{7 октября}}$ 1883 года о пріостановленіи временно въ судебныхъ мѣстахъ производства дѣлъ по искамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ о признаніи за ними права полной собственности *на старозаимочныя земли*, а также о возвратѣ уплаченной за сіи земли оброчной подати, производство по настоящему дѣлу пріостановить;

3) вопреки мнѣнію „*редакціи*" журнала министерства юстиціи, предшествующій примѣръ показываетъ нахожденіе въ предѣлахъ Полтавской губерніи *старозаимочныхъ* земель у бывшихъ государственныхъ крестьянъ.

Для доказательства же возможности владѣнія и малороссійскими казаками той же губерніи *старозаимочными* землями, изложу, *буквально*, указъ Правительствующаго Сената, отъ 6 ноября 1870 года, по 1-му департаменту, послѣдовавшій на рапортъ *Полтавскаго* губернскаго правленія.

Указъ Правительствующаго Сената, отъ 6 ноября 1870 года, за № 45290, по 1-му департаменту, слѣдующаго содержанія:

„По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій „Сенатъ слушали: дѣло по рапортамъ Полтавскаго губернскаго „правленія за №№ 14400 и 446 о нарушеніи мѣстнымъ губерн„скимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ постановленія прав„ленія о непродажѣ казачьихъ земель лицамъ посторонняго зва„нія. Приказали: изъ рапортовъ Полтавскаго губернскаго прав[illegible] „за №№ 14400, 446 11047 видно, что соединенное пр[illegible] „Полтавскихъ: губернскаго правленія и палатъ, разсмотрѣ[illegible]

„тября 1866 года возбужденный мѣстною палатою Государствен-„ныхъ имуществъ вопросъ о правѣ казаковъ на залогъ потомст-„венныхъ земель, признало невозможнымъ допускать таковой за-„логъ, ибо прямымъ онаго послѣдствіемъ могла бы быть продажа „наслѣдственныхъ казачьихъ имѣній, съ публичнаго торга, въ „противность ст. 861 и 862 т. IX св. зак. о сост., изд. 1857 г. [1]). „Это заключеніе соединеннаго присутствія губернское правленіе. „въ декабрѣ 1866 года, сообщило, для надлежащаго руководства, „палатамъ и уѣзднымъ судамъ. Послѣ сего Роменское уѣздное по-„лицейское управленіе вошло въ губернское правленіе съ двумя „представленіями объ описи съ публичнаго торга [2]) за частные долги „земель казаковъ Фесика и Подорожки, основывая таковыя пред-„ставленія на согласіи, изъявленномъ на продажу упомянутыхъ „земель со стороны Полтавскаго губернскаго по крестьянскимъ „дѣламъ присутствія. Находя, что за силою ст. 282 общ. губ. учр. „(т. II св. зак. 1857 г.) губернское присутствіе не имѣло права, „изъявленіемъ согласія на продажу казачьихъ имѣній, отмѣнять „изложенное выше постановленіе правленія и палатъ, Полтавское „губернское правленіе, рапортами за №№ 14400 и 446 представ-„ляетъ о семъ Правительствующему Сенату. Къ разрѣшенію сего „представленія министромъ внутреннихъ дѣлъ доставлено Прави-„тельствующему Сенату сообщеніе главноуправляющаго II отдѣле-„ніемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи „по вопросу о томъ, распространяется ли дѣйствіе Высочайшаго „повелѣнія 24 февраля 1864 г. о правѣ отчужденія старозаимоч-„ныхъ земель (ст. 861 т. IX зак. о сост. и ст. 783 т. X св. зак. „гражд. по прод. 1868 года [3]) на потомственныя земли малороссій-„скихъ казаковъ. *Въ сообщеніи семъ разъяснено, что узаконеніе „24 февраля 1864 г. распространило дѣйствіе законоположенія „1859 года марта 30 (34310) о правѣ войсковыхъ обывателей „Харьковской губерніи продавать свои старозаимочныя земли на „всѣхъ вообще войсковыхъ обывателей, коль скоро старозаимочныя „земли принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не „даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны.* Главнымъ основаніемъ къ „составленію законоположенія 1859 г. послужила инструкція 1731 г.

---

[1]) Т. IX по изд. 1876 года ст. 763.

[2]) Такъ сказано въ подлинномъ указѣ.

[3]) Т. IX по изд. 1876 г. ст. 763, а ст. 783 т. X изд. 1857 г. въ прод. 1868 г. исключена изъ X т. изд. 1887 года и перенесена въ 3 примѣчаніе къ ст. 763 тома IX (по продол. 1890 года).

„января 15 о образованіи въ украинѣ 20 полковъ. Въ этой инструкціи сказано: „понеже украйны Бѣлгородской и Сѣвской разряды изъ давнихъ лѣтъ по указамъ предковъ Ея Императорскаго „Величества Великихъ Государей населены служилыми людьми, „драгунами, рейтарами, солдатами, копійщиками и тому подобными, „и даны имъ помѣстныя земли по окладамъ, съ которыхъ они по „нарядамъ пѣшую и конную службу служили и тамошнія пограничныя мѣста, яко свои жилища, отъ непріятельскихъ набѣговъ „охраняли и защищали, потомъ же отъ времени до времени съ „тѣхъ своихъ помѣстныхъ дачъ сходили и селились въ другихъ „мѣстахъ и болѣе къ Украинѣ". По этой инструкціи занятіе „пустопорожнихъ земель называется *заимками*; такимъ образомъ, „въ этой инструкціи установлено различіе между помѣстными землями и заимками. Помѣстныя земли, оставаясь собственностію „казны, находились только въ пользованіи войсковыхъ обывателей; заимки же (заимочныя земли) почитались собственностію „тѣхъ войсковыхъ обывателей, которые, оставивъ свои помѣстныя дачи, заняли пустопорожнія земли въ Украйнѣ. Въ узаконеніи 1832 г. іюня 25 (5458) (узаконеніе это помѣщено въ ст. 861 „и слѣд. т. IX) объ обязанностяхъ малороссійскихъ казаковъ относительно военной службы и прочихъ повинностей, помѣстныя и „заимочныя земли именуются потомственными казачьими землями „(см. сіе узаконеніе II ст. 1—4), но при этомъ права малороссійскихъ казаковъ на владѣніе землями не предполагалось въ „чемъ либо измѣнить, а напротивъ, казакамъ этимъ предоставлено „владѣть землями на тѣхъ точно основаніяхъ, какъ доселѣ (см. „тоже узак. II ст. 1), поэтому потомственныя земли малороссійскихъ казаковъ состоятъ во владѣніи сихъ казаковъ или на „помѣстномъ правѣ (когда право собственности на земли принадлежитъ казнѣ, а земли состоятъ въ пользованіи казаковъ), „или на правѣ полной собственности (старозаимочныя земли, коль „скоро онѣ принадлежатъ казакамъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны). Основываясь на сихъ соображеніяхъ, статсъ-секретарь князь Урусовъ „находитъ, что узаконеніе 24 февраля 1864 года распространяется лишь на тѣ потомственныя земли малороссійскихъ казаковъ, которыя принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны. Разсмотрѣвъ вышеизложенное Правительствующій Сенатъ находитъ, что „постановленіе соединеннаго присутствія Полтавскаго губернскаго

„правленія и палатъ, сообщенное для руководства подлежащимъ „мѣстамъ въ декабрѣ 1866 года, коимъ разъяснено, что лица ка„зачьяго сословія не могутъ не только продавать лицамъ посторон„няго званія, но и закладывать наслѣдственныя ихъ земли не со„отвѣтствуетъ точному смыслу Высочайшаго повелѣнія 24 февраля „1864 года, на основаніи каковаго узаконенія не можетъ быть „допущена лишь продажа земель, данныхъ казакамъ въ пользо„ваніе отъ казны, а не состоящихъ на правѣ полной ихъ соб„ственности. По сему Полтавское губернское по крестьянскимъ „дѣламъ присутствіе, обсуждая вопросъ о продажѣ имѣній каза„ковъ Фесика и Подорожки, не было обязано руководствоваться „вышеупомянутымъ постановленіемъ губернскаго правленія и па„латъ и, изъявивъ согласіе на сію продажу, не нарушило ст. 282 „общ. губ. учр. На семъ основаніи Правительствующій Сенатъ „опредѣляетъ: настоящее представленіе Полтавскаго губернскаго „правленія оставить безъ послѣдствій".

4) вслѣдствіе изложеннаго сенатскаго указа рискованно утверждать, какъ поступаетъ *редакція* журнала Министерства Юстиціи, что примѣчаніе 3-е къ ст. 763 т. IX (прод. 1890 г.) не относится къ землямъ малороссійскихъ казаковъ Черниговской и Полтавской губ. Если бы это было такъ, то законъ не упустилъ бы объ этомъ упомянуть; напротивъ того Сенатъ въ указѣ отъ 6 ноября 1870 г. за № 45290, объяснилъ, что 783 ст. т. X ч. 1, изд. 1857 года, имѣла предметомъ малороссійскихъ казаковъ Полтавской губерніи что поэтому къ этимъ казакамъ относится и примѣчаніе 3-е къ ст. 763 т. IX (прод. 1890 г.), какъ замѣнившее собою 783 статью т. X ч. 1, изд. 1857 г., съ ея двумя примѣчаніями, по продолж.;

и 5) въ самой статьѣ М. П. Шафира, напечатанной въ апрѣльской книжкѣ журнала Министерства Юстиціи, на стр. 259 изложено (съ указаніемъ сочиненія А. Ѳ. Кистяковскаго), что „недвижимыя имѣнія пріобрѣтались въ Малороссіи на основаніи жалованныхъ грамотъ отъ самодержавной власти, по гетманскимъ универсаламъ, по крѣпостямъ или другимъ правильнымъ сдѣлкамъ, по наслѣдству и, наконецъ, *посредствомъ заимки* пустыхъ земель".

Полагаю, что приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы судить на сколько правильно мнѣніе *редакціи* журнала Министерства Юстиціи объ отсутствіи въ предѣлахъ Малороссіи (Полтавской и Черниговской губ.) старозаимочныхъ земель.

Кромѣ того, *редакція* дѣлаетъ замѣчанія: „*Вмѣсто признанія всякаго рода земельной собственности малороссійскихъ казаковъ, если*

она пріобрѣтена не отъ лицъ другихъ сословій, отчуждаемою только въ предѣлахъ своего сословія, названный авторъ (т. е. я) *такое ограниченіе ошибочно относитъ къ землямъ, которыя даны правительствомъ обществу казаковъ лишь въ пользованіе*".

Мнѣ кажется, настоящимъ отвѣтомъ я успѣлъ доказать, что примѣчаніе къ ст. 763 т. IX, по прод. 1890 года, касается малороссійскихъ казаковъ Полтавской и Черниговской губерній. Въ этомъ примѣчаніи буквально выражено, что „всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро онѣ принадлежатъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать, лично и въ составѣ общества, людямъ всякаго званія". Если же къ старозаимочнымъ землямъ присоединить земли, пріобрѣтенныя казаками отъ лицъ не казачьяго сословія, которыя точно также могутъ быть свободно отчуждаемы, то остается только разрядъ *потомственныхъ* казачьихъ земель, долженствующихъ оставаться на всегда казачьими землями. Въ моей статьѣ, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Права" (февраль 1899 г.), я подробно объяснилъ, какія земли должны быть почитаемы *потомственными* казачьими. Быть можетъ, доводы мои не согласуются съ грамотою, жалованною гетману Богдану Хмѣльницкому и всему запорожскому войску (полное собр. зак. $^{7162}/_{1654}$ г. марта 27 № 119), но эта грамота давно умерла и воскрешать ее не слѣдуетъ. Нужно считаться съ текущими условіями жизни, которыя всецѣло измѣнили прежній строй землевладѣнія малороссійскихъ казаковъ и главною причиною этому измѣненію послужило размежеваніе земель въ Малороссіи, послѣдовавшее во исполненіе закона 7 октября 1859 года. Такъ какъ, на основаніи 7 статьи положенія о размежеваніи, безъ истребованія документовъ владѣнія и за отсутствіемъ ихъ, всѣ земли отведены казакамъ, въ качествѣ ихъ частной собственности, то, послѣ этого, нынѣ не представляется возможности разъяснить происхожденіе земли у казака, если только онъ, по окончаніи межеванія, не пріобрѣлъ ее по какому-либо законно совершенному акту. Несмотря на это, существуетъ 765 статья IX т. (прод. 1890 г.), обязывающая подлежащія мѣста удостовѣрять, не принадлежитъ ли земля къ разряду *потомственныхъ* казачьихъ земель. На практикѣ возникаетъ серьезный вопросъ, какъ выдти изъ этого лабиринта отысканіемъ *потомственной* казачьей земли.

Принявъ во вниманіе нижеслѣдующія узаконенія: а) 28 февраля 1845 года (полн. собр. № 18789) о томъ, что потомственныя ка-

зачьи земли суть *общественныя* и б) 26 ноября 1856 года (полн. собр. № 31177), что судебное разбирательство о потомственныхъ казачьихъ земляхъ производится порядкомъ, установленнымъ для дѣлъ съ казеннымъ интересомъ сопряженныхъ (т. е. нынѣ порядкомъ, указаннымъ въ 1282 ст. уст. гражд. суд.), я долженъ былъ неминуемо придти къ убѣжденію, что потомственными казачьими землями должны быть признаны лишь тѣ, которыя правительствомъ дарованы обществамъ малороссійскихъ казаковъ потому, что о землѣ принадлежащей казаку на правѣ частной собственности, искъ будетъ слѣдовать общему порядку судопроизводства, безъ участія казны. Нахожденіе у малороссійскихъ казаковъ Полтавской губерніи земли, дарованной правительствомъ, есть фактъ, подтвержденный сообщеніемъ Харьково-Полтавскаго управленія государственными имуществами и свѣдѣніями, собранными бывшимъ Полтавскимъ губернаторомъ, о чемъ я упоминалъ въ моей статьѣ.

Въ доказательство трудности практики въ разсматриваемомъ вопросѣ, приведу два сенатскія толкованія.

Гражданскій кассаціонный департаментъ, въ рѣшеніи 1893 года № 7 объяснилъ, что потомственныя казачьи земли по искамъ частныхъ лицъ, могутъ быть продаваемы съ публичныхъ торговъ, на которыхъ покупщиками имѣютъ право являться лишь принадлежащіе къ казачьему сословію.

Второй же департаментъ Правительствующаго Сената указомъ отъ 12 апрѣля 1899 года, за № 1745, на имя Полтавскаго губернатора, далъ знать, что „по точному смыслу 1 примѣчанія 763 ст. „IX т. св. зак., родовыя казачьи земли не могутъ подлежать описи „и продажѣ по искамъ частныхъ лицъ. Этотъ законъ не только „не былъ отмѣненъ какими-либо позднѣйшими узаконеніями, но „въ недавнее время, съ изданіемъ законоположенія 14 декабря „1893 года, былъ распространенъ на всю Имперію, оградивъ отъ „дальнѣйшаго хищенія всѣ надѣльныя земли крестьянскаго на„селенія“.

При подобныхъ разнорѣчивыхъ сенатскихъ толкованіяхъ, какъ дѣйствовать провинціальнымъ властямъ?

Вас. Мордухай-Болтовской.

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX. ІЮНЬ 1899.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1899

СОДЕРЖАНІЕ ШЕСТОЙ КНИГИ „ВѢСТНИКА ПРАВА".

I.

ПРИМѢНЕНІЕ ОБЩИХЪ ПОЛОЖЕНІЙ УГОЛОВНЫХЪ ЗАКОНОВЪ КЪ НАРУШЕНІЯМЪ ПОСТАНОВЛЕНІЙ УСТАВОВЪ КАЗЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

I.

Государство, наравнѣ съ частными лицами, имѣетъ свое имущество и свои доходы, которые могутъ служить, какъ всѣ другія юридическія блага, предметомъ противозаконнаго нападенія. Преступныя дѣянія, направленныя противъ *имущества* казны, по общему правилу облагаются тѣми же наказаніями, какъ и дѣянія противъ имущества частныхъ лицъ (548—552 ст. улож. о нак.). Но денежныя потребности государства покрываются лишь въ незначительной части прибылями съ его имуществъ; большая часть государственныхъ доходовъ получается отъ частныхъ лицъ или учрежденій путемъ различныхъ налоговъ и пошлинъ. Слѣдовательно, доходы государственные, какъ по источникамъ своимъ, такъ и по условіямъ поступленія, существенно отличаются отъ доходовъ частныхъ лицъ, почему и законы, обезпечивающіе послѣднимъ спокойное пользованіе ихъ достатками, не могутъ считаться достаточною охраною доходовъ государства. Вслѣдствіе этого послѣднее вынуждено создать для обезпеченія своихъ правъ и интересовъ по взиманію и поступленію доходовъ особое управленіе и особыя правовыя нормы.

Постановленія объ имуществѣ и доходахъ казны изложены въ V—VII, 1 ч. VIII, 2 ч. XI и 1 ч. XII т. свода законовъ, въ такъ называемыхъ уставахъ казеннаго управленія, т. е. въ уставѣ о прямыхъ налогахъ, отчасти замѣненномъ положеніемъ о государственномъ промысловомъ налогѣ (собр. узак. и расп. прав. 1898 г. № 76 ст. 964), полож. о госуд. кварт. налогѣ, уст. о пошлинахъ, уст. объ акцизныхъ сборахъ, сводѣ учрежденій и уставовъ таможенныхъ, уставахъ монетномъ, горномъ, [1]) лѣсномъ, пробирномъ, почтовомъ и телеграфномъ [2]).

По взгляду составителей проекта улож. о нак. 1845 г., преступныя дѣянія противъ существовавшихъ тогда повинностей и уставовъ казенныхъ, какъ „вредящія силамъ или средствамъ вещественнаго существованія государства [3]), были отнесены къ преступленіямъ государственнымъ; дѣянія же противъ уставовъ Почтовыхъ и установленій кредитныхъ, торговыхъ, фабричныхъ и ремесленныхъ (уст. пром.), „какъ вредящія вещественному благосостоянію общества“,—къ преступленіямъ общественнымъ. Согласно этому раздѣленію въ VII разд. улож. о нак. изд. 1845 и 1857 г. „о преступленіяхъ и проступкахъ противъ имущества и доходовъ казны“, вошли рядомъ съ общими положеніями постановленій о нарушеніяхъ уставовъ монетныхъ, о гербовой бумагѣ, Горнаго, о соли, о питейныхъ и табачныхъ сборахъ и объ акцизѣ съ сахара, таможенныхъ и лѣснаго, между тѣмъ какъ постановленія о нарушеніи уставовъ почтоваго, телеграфнаго и пробирнаго и о производствѣ торговли и промысловъ были помѣщены въ 11 и 14 гл. VIII разд. о преступленіяхъ и проступкахъ противъ общественнаго благоустройства и благосостоянія.

При изданіи же улож. о нак. 1866 г. размѣщеніе проступковъ противъ уст. каз. упр. осталось безъ измѣненій, но почти всѣ проступки лѣснаго устава, насколько они каса-

[1]) Уставъ о соли вошелъ въ Горный уставъ изд. 1893 г.
[2]) Суд. уст. изд. госуд. канц. II, стр. 435, прим. къ 1124 ст. уст. угол. суд.
[3]) Проектъ улож. о нак. стр. XLIV.

ются интересовъ казны, были перенесены въ уст. о нак. (Отд. II гл. XIII о похищеніи и поврежденіи чужаго лѣса, ст. 154—168 [1]), а многія нарушенія уставовъ Таможеннаго и Торговаго—въ уст. Там. и пол. о пошл. за пр. торговли [2]). Затѣмъ впослѣдствіи были исключены изъ уложенія о нак. всѣ правила о наказаніяхъ и взысканіяхъ за нарушенія постановленій таможенныхъ, о гербовомъ сборѣ [3]) о питейномъ и табачномъ сборахъ и объ акцизѣ съ сахара, при чемъ первыя перенесены въ уставъ таможенный, вторыя въ уст. о герб. сб., а послѣднія въ уст. объ акц. сб., въ которомъ помѣщены кромѣ того еще правила о взысканіяхъ за нарушенія постановленій объ акцизѣ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ и зажигательныхъ спичекъ и о продажѣ фосфора. Наконецъ, во вновь изданныхъ уставахъ (напр., пол. о гос. кв. нал. и гос. пром. налогѣ, уст. Проб.) включены также карательныя постановленія.

Такимъ образомъ, преступныя дѣянія противъ имущества и доходовъ казны теперь предусмотрѣны:

1) по уставамъ монетному и почтовому—въ уложеніи о нак.;

2) по уставамъ горному и пробирному—въ уложеніе о нак. и сихъ уставахъ;

3) по уставу лѣсному—въ уложеніи и уст. о нак. [4]) и въ семъ уставѣ;

4) по всѣмъ другимъ уставамъ казеннаго управленія—въ самыхъ уставахъ [4]).

---

[1]) Сравнит. указатель статей проекта улож. о нак. 1844 г., соотвѣтствующихъ статьямъ улож. изд. 1845, 1857 и 1866 гг. и уст. о нак., приложенный къ означенному проекту улож., стр. 17—19, 33; въ улож. сохранились лишь тѣ нарушенія пост. о произв. торговли, которыя нарушаютъ не фискальный интересъ, а общественное благоустройство и благочиніе.

[2]) Въ улож. о нак. остались лишь правила о взысканіяхъ и наказаніяхъ за преступленія и проступки таможенныхъ чиновъ и пограничной стражи, не имѣющихъ для насъ интереса, и тѣ нарушенія гербоваго уст., которыя представляются общими преступленіями.

[3]) Изъ постановленій улож. о нак. о нарушеніяхъ лѣснаго устава къ проступкамъ противъ доходовъ и имущества казны относится только 822 ст.

[4]) Въ проектѣ угол. улож. преступныя дѣянія противъ доходовъ и имущества казны вовсе не встрѣчаются; нарушеніе же уставовъ монетнаго и о герб. сборѣ помѣщены въ гл. 19: „Подлогъ“ и лѣснаго устава въ гл. 34 „самовольное пользованіе чужимъ имуществомъ“.

II.

И такъ, извѣстныя нарушенія постановленій уст. каз. упр. предусмотрѣны въ улож. о нак. Не требуетъ доказательствъ, что уложеніе составляетъ одинъ цѣльный законодательный актъ и что, слѣдовательно, общая часть его (разд. I) относится безразлично ко всѣмъ предусмотрѣннымъ въ его особой части преступнымъ дѣяніямъ, не исключая нарушеній уст. каз. упр. Сомнѣніе можетъ явиться, однако, въ томъ случаѣ, если указанное въ уложеніи о нак. преступное дѣяніе подсудно казеннымъ управленіямъ (прил. къ ст. 1124 уст.) [1]) или мировымъ судебнымъ установленіямъ [2]) (1 прим. къ 1 ст. уст. о нак. и 33 ст. уст. угол. суд.).

Что же касается перваго случая, то онъ едва ли представляетъ особыя затрудненія. Въ нашихъ законахъ не имѣется специальныхъ правилъ уголовнаго права, обязательныхъ только для казенныхъ управленій, коими послѣднія могли бы замѣнить для предусмотрѣнныхъ въ уложеніи дѣяній общія его правила; кромѣ того, какъ я уже сказалъ, улож. о нак. есть одно цѣльное законодательство, общія постановленія котораго должны быть примѣнены ко всѣмъ предусмотрѣннымъ имъ дѣяніямъ; слѣдовательно, I разд. улож. долженъ быть въ указанныхъ случаяхъ примѣняемъ и казенными управленіями [3]).

Казалось бы, что то же правило должно относиться и къ мировымъ судебнымъ установленіямъ, но Правительствующій Сенатъ высказалъ противоположное мнѣніе. Прим. къ 1 ст. уст. о нак. и прим. къ 33 ст. уст. угол. суд. по изд. 1864 г., содержатъ постановленіе о томъ, что „впредь до пересмотра уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ и о торговлѣ, мировые судьи, при опредѣленіи взысканій за нарушеніе сихъ уставовъ, руководствуются уложеніемъ о нак., не выходя

---

[1]) Улож. о нак. ст. 1112, 1123—1126.

[2]) Подъ мировыми установленіями я всегда подразумѣваю нетолько эти установленія въ буквальномъ смыслѣ, но и всѣ замѣняющія ихъ установленія, какъ гминные суды, земскіе начальники и т. д.

[3]) Вопросъ этотъ имѣетъ практическое значеніе лишь относительно немногочисленныхъ выше указанныхъ нарушеній уст. почт.

изъ указанныхъ въ сей статьѣ (т. е. въ ст. 1 и 33) предѣловъ предоставленной имъ власти" [1]). Еще въ 1867 г. угол. касс. деп. въ р. № 444 далъ толкованіе этого постановленія: „хотя примѣчаніемъ къ 33 ст. уст. угол. суд. мировымъ судьямъ и предписано впредь до пересмотра уст. каз. упр. руководствоваться улож. о нак. при наложеніи взысканій за нарушенія сихъ уставовъ, но ни въ этой и ни въ какой другой статьѣ закона вовсе не упоминается, чтобы мировыя установленія по дѣламъ этого рода были лишены той власти и освобождены отъ тѣхъ обязанностей въ опредѣленіи наказаній, которыя постановлены въ общихъ положеніяхъ уст. о нак., т. е., чтобы и они въ тѣхъ случаяхъ руководствовались постановленіями главъ 3 и 4 улож. о нак. Напротивъ того, по смыслу существующихъ узаконеній, не подлежитъ сомнѣнію, что мировыя установленія и при назначеніи въ указанныхъ случаяхъ взысканій на основаніи улож. о наказ. въ опредѣленіи мѣры сихъ взысканій по обстоятельствамъ увеличивающимъ или уменьшающимъ вину, по мѣрѣ участія въ преступленіи и т. д., должны руководствоваться постановленіями уст. о нак."

Это общее положеніе было примѣнено въ указанномъ рѣшеніи къ совокупности проступковъ; правильность изложенныхъ соображеній, по мнѣнію Правительствующаго Сената, „въ особенности явствуетъ изъ примѣчанія къ 16 ст. сего устава [2]), гдѣ именно упоминается о совокупности проступковъ противъ уст. каз. упр. и предписывается лишь соблюдать правило, изложенное въ 1126 ст. уст. угол. суд., но вовсе не указывается на то, чтобы правило, въ 16 ст. уст. постановленное, не относилось до дѣлъ по проступкамъ противъ казеннаго управленія. Поэтому, мировой съѣздъ не былъ

---

[1]) Примѣчаніе это является теперь въ измѣненной редакціи 1-мъ прим. къ означеннымъ статьямъ.

[2]) Примѣчаніе это въ первоначальной редакціи гласило: „при совокупности проступковъ противъ уставовъ каз. упр. съ другими преступными дѣйствіями, соблюдается правило, изложенное въ ст. 1126 уст. угол. суд.", т. е. денежное взысканіе за нарушеніе уст. каз. упр. не покрывается наказаніями за иныя преступныя дѣянія.

обязанъ руководствоваться 152 ст. улож. о нак. и имѣлъ полное право назначить слѣдующее съ подсудимаго взысканіе не въ высшей онаго мѣрѣ, принявъ лишь совокупность проступковъ за обстоятельство, увеличивающее вину“.

То же мнѣніе относительно совокупности высказано, напр., въ рѣш. 1867 г. № 549, 1868 г. № 477; далѣе, приведенныя общія положенія примѣнены къ давности—въ рѣш. 1869 г. № 71, 1896 г. № 7 и др.; къ совершенію проступковъ безъ намѣренія—въ рѣш. 1870 г. № 1063, 1872 г. № 212 и др.; къ замѣнѣ денежнаго взысканія—въ рѣш. 1875 г. № 497, и т. д.

Но затѣмъ въ рѣш. 1875 г. № 552 былъ высказанъ противоположный взглядъ. Мировой съѣздъ призналъ обвиняемаго Финкельштейна, 16 лѣтъ, виновнымъ въ тайномъ проносѣ спирта и подвергъ его денежному взысканію въ 183 руб. 26 коп. съ уменьшеніемъ, на основаніи 11 ст. уст. о наказ., мѣры взысканія на половину. Правительствующій Сенатъ, однако, не согласился съ этимъ мнѣніемъ: „установленный въ 11 ст. уст. о нак. половинный размѣръ наказанія имѣетъ примѣненіе исключительно къ тѣмъ проступкамъ, для которыхъ *въ уст. о наказ.* предусмотрѣно наказаніе, такъ какъ на основаніи примѣч. къ ст. 1 сего устава, мировые судьи при опредѣленіи взысканій за нарушеніе уставовъ казеннаго управленія обязаны руководствоваться улож. о нак., къ взысканіямъ же, въ семъ послѣднемъ указаннымъ, содержащееся въ ст. 11 уст. о нак. правило не относится“.

Доводы, изложенные въ только что приведенномъ рѣшеніи, являются, по моему мнѣнію, болѣе правильными. Слова „руководствуются уложеніемъ о наказ.“ по буквальному, вполнѣ ясному и точному смыслу ихъ, относятся ко всему уложенію, а не только къ особенной части его. Это толкованіе становится безспорнымъ, если обратить вниманіе на тѣ условія, при которыхъ было составлено примѣч. къ 1 ст. уст. о наказ. Уставъ этотъ, въ томъ видѣ, въ которомъ онъ былъ принятъ Государственнымъ Совѣтомъ въ 1864 г., считался тогда временнымъ, такъ какъ ожидалось, что министерствомъ финансовъ въ возможно непродолжительномъ вре-

мени составлено будетъ дополненіе къ нему, заключающее въ себѣ подвѣдомыя мировымъ судьямъ нарушенія правилъ отдѣльныхъ уставовъ казеннаго управленія. Поэтому, разумѣется, не могло быть желательнымъ измѣнить на это непродолжительное время въ чемъ либо дѣйствующія правила о примѣненіи наказаній къ нарушеніямъ означенныхъ уставовъ. Нѣтъ даже никакого указанія, чтобы Государственный Совѣтъ возбуждалъ вопросъ о возможности примѣненія I-й главы уст. о наказ. къ проступкамъ противъ уставовъ казеннаго управленія. Если при этихъ условіяхъ Государственный Совѣтъ предполагалъ изложить прим. къ 1 ст. въ слѣдующей редакціи: „впредь до пересмотра уставовъ о повинностяхъ, торговаго и о казенномъ управленіи, мировые судьи при опредѣленіи взысканій за нарушенія означенныхъ уставовъ *руководствуются дѣйствующими узаконеніями*, не выходя при томъ изъ предѣловъ предоставленной имъ власти“ [1]), то смыслъ этого постановленія не могъ вызвать никакихъ сомнѣній, такъ какъ по взгляду Государственнаго Совѣта правила о наказаніи означенныхъ проступковъ должны были остаться безъ измѣненія „впредь до пересмотра“ надлежащихъ уставовъ. Послѣдующія затѣмъ измѣненія въ редакціи означеннаго постановленія, т. е. замѣна словъ „дѣйствующими узаконеніями“ словами „уложеніемъ о наказ.“ ни въ чемъ не измѣнили первоначальнаго смысла его, что видно уже изъ того, что Государственный Совѣтъ при обсужденіи 30 сентября 1864 г. уст. о наказ. вовсе не остановился на примѣч. къ 1 ст. [2]). По всему этому не можетъ быть сомнѣнія, что мировыя судебныя установленія при наложеніи взысканій за предусмотрѣнныя въ улож. о наказ. нарушенія устава казеннаго управленія должны руководствоваться исключительно улож. о наказ.

---

[1]) Журн. Соед. Деп. Гос. Сов. 1 и 9 іюля 1864 г., у Таганцева, Уставъ о наказ. 11-е изд. стр. 7.

[2]) По крайней мѣрѣ, на это нѣтъ указанія у Таганцева l. c., хотя тамъ же стр. 5 и 6 приведены подробныя выписки изъ Журн. Госуд. Сов. 30 сентября 1864 г.

Этотъ выводъ нисколько не противорѣчитъ содержанію примѣчанія къ ст. 16 уст. о наказ.

Дѣло въ томъ, что по проекту устава предполагалось включить въ оный еще двѣ главы о торговомъ мореплаваніи и о проступкахъ торговыхъ (IX и X), къ числу коихъ были отнесены, между прочимъ, нарушенія правилъ питейнаго и табачнаго устава [1]. *Поэтому*, т. е. въ виду того, что взысканія за нарушенія означенныхъ уставовъ были помѣщены въ самомъ уставѣ о наказ., было необходимо помѣстить въ немъ и правило о совокупности сихъ проступковъ съ другими дѣяніями. Что примѣчаніе къ 16 ст. должно было относиться именно къ помѣщеннымъ въ уставѣ о наказ. нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія видно изъ разъясненія къ этому примѣчанію: „Въ нѣкоторыхъ статьяхъ устава (129, 133, 139, 140 и 141) денежное взысканіе, опредѣленное въ постоянномъ размѣрѣ, составляетъ не только наказаніе виновнаго, но также и вознагражденіе за причиненные убытки. Посему въ примѣчаніи къ настоящей статьѣ сдѣлано указаніе на ст. 1126 уст. угол. суд. [2]“.... Между тѣмъ въ уст. о нак. денежное взысканіе, опредѣленное въ постоянномъ размѣрѣ, въ указанныхъ статьяхъ не встрѣчается и таковое вообще назначено только по проступкамъ о похищеніи и поврежденіи лѣса. Но изъ текста означеннаго примѣчанія видно, что оно не относится къ симъ послѣднимъ проступкамъ, и поэтому едва ли можетъ представиться сомнительнымъ, что указанныя статьи принадлежали именно къ исключеннымъ двумъ главамъ, въ которыхъ были предусмотрѣны нарушенія уставовъ казеннаго управленія; слѣдовательно, одновременно съ исключеніемъ этихъ нарушеній слѣдовало бы исключить и примѣчаніе къ 16 ст., какъ потерявшее всякое значеніе; если же оно сохранилось, то не потому, что оно имѣетъ какое-либо значеніе, объяснимое содержаніемъ устава о наказ., а лишь случайно, по недосмотру при окончательной редакціи его. Этимъ и устраняется единственный мотивъ,

---

[1]) Таганцевъ, l. c.

[2]) Судебные Уставы 20 ноября 1864 г. изд. Госуд. Канц. IV, стр. 21.

указанный Правительствующимъ Сенатомъ въ подтвержденіи высказаннаго въ рѣш. 1867 г. № 444 и др. взгляда.

Но затѣмъ имѣются и положительныя и совершенно несомнѣнныя доказательства противъ правильности мнѣнія Правительствующаго Сената. А именно, въ улож. о нак. разд. VII, гл. IV и V о нарушеніяхъ уст. горн. и о соли въ 611 и 638 ст. опредѣлено, что несостоятельный къ платежу возложенныхъ на него денежныхъ взысканій подвергается заключенію или работамъ по правиламъ, въ 84 и 85 ст. улож. о наказ. постановленнымъ [1]); слѣдовательно, мировыя судебныя установленія въ случаѣ постановленія приговора по дѣламъ о нарушеніяхъ уст. горн. не имѣютъ права замѣнять денежныя взысканія по правиламъ уст. о нак., а *обязаны* руководствоваться улож. о нак. [2]). Если такимъ образомъ законъ прямо исключаетъ возможность примѣненія устава о наказ. въ единственномъ случаѣ, когда упоминается о примѣненіи общихъ положеній уголовнаго права къ предусмотрѣннымъ въ улож. о наказ. нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія, то очевидно, что тѣмъ самымъ устанавливается примѣненіе общей части улож. о нак. ко всѣмъ этимъ проступкамъ. Нельзя допустить безъ яснаго и точнаго предписанія закона, что къ извѣстному разряду дѣяній однимъ и тѣмъ же судомъ, въ одномъ и томъ же случаѣ могли бы примѣняться въ перемежку общія постановленія улож. и уст. о наказ.; нельзя же утверждать, что 611 и 638 ст. улож. о наказ. устанавливаютъ исключеніе изъ общаго правила, ибо въ законахъ нѣтъ общаго правила о примѣненіи 1-й главы уст. о нак. къ предусмотрѣннымъ въ уложеніи о нак. нарушеніямъ уст. каз. упр.

---

[1]) То же правило встрѣчалось въ ст. 679, 705, 752 улож. о нак., перенесенныхъ въ уставъ объ акц. сборѣ и там.

[2]) Въ большей своей части постановленія 84 и 85 ст. улож. и 7—8 ст. уст. о нак. вполнѣ идентичны; но если замѣняется присужденное казнѣ вознагражденіе отъ 300 до 900 руб., то разница весьма существенна: а именно по улож. о нак. оно замѣняется тюремнымъ заключеніемъ въ шесть мѣсяцевъ (3 и 84 ст. улож. и 36 ст. прил. III къ 1400 ст. (прим.) уст. гражд. суд.), а по уставу (ст. 7) такимъ же заключеніемъ не свыше четырехъ мѣсяцевъ.

Наконецъ, слѣдуетъ указать и на тѣ практическія послѣдствія, которыя влечетъ за собою оспариваемое здѣсь толкованіе Правительствующаго Сената, а именно, приходится въ извѣстныхъ случаяхъ назначить при совершенно одинаковыхъ дѣяніяхъ разныя наказанія, смотря потому, какимъ судебнымъ установленіямъ дѣло подсудно по суммѣ денежнаго взысканія [1]). Если напр. эта сумма равняется 301 р., то шестнадцатилѣтній обвиняемый, признанный дѣйствовавшимъ съ разумѣніемъ, присуждается согласно 140 ст. улож. къ полному размѣру денежнаго взысканія, между тѣмъ какъ согласно 11 ст. уст. о нак. размѣръ его уменьшается на половину, если сумма взысканія ниже 300 р. Очевидно, что законъ не могъ желать и установить подобной неравномѣрности въ наказаніи [2]).

Слѣдовательно, общія постановленія улож. о нак. должны быть примѣняемы ко всѣмъ предусмотрѣннымъ въ немъ преступнымъ дѣяніямъ, безразлично кому они подсудны.

Что же касается затѣмъ упомянутыхъ въ уст. о нак. нарушеній уст. каз. упр., т. е. нарушеній лѣснаго устава,

---

[1]) 601 ст. улож. о нак. и др.

[2]) Въ 1885 г. былъ измѣненъ текстъ прим. къ 1 ст. уст. и къ 33 ст. уст. угол. суд., которымъ была дана слѣдующая редакція: „Мировые судьи при опредѣленіи взысканій за нарушеніе уставовъ казенныхъ управленій, а также о повинностяхъ, о торговлѣ и о промышленности фабричной, заводской и ремесленной, руководствуются уложеніемъ о наказ. и означенными уставами, не выходя изъ указанныхъ въ сей (1, 33) статьѣ предѣловъ предоставленной имъ власти“. Измѣненіе редакціи вызвано было тѣмъ обстоятельствомъ, что карательныя постановленія о питейномъ и т. п. сборахъ были исключены изъ улож. о наказ. и перенесены въ подлежащіе уставы, почему и явилась обязанность для мировыхъ установленій руководствоваться не однимъ уложеніемъ о наказ., но и означенными уставами. Но очевидно, что это измѣненіе редакціи ни въ чемъ не могло измѣнить обязанности мировыхъ установленій примѣнять общія правила уложенія къ сохранившимся въ немъ нарушеніямъ устава казеннаго управленія. То обстоятельство, что измѣненіе редакціи прим. къ 1 ст. уст. о нак. ни въ чемъ не измѣнило положенія разсматриваемаго вопроса, признаетъ и Правительствующій Сенатъ въ рѣш. 1896 г. № 7, въ которомъ обязанность мировыхъ установленій руководствоваться въ указанныхъ случаяхъ не уложеніемъ, а общими постановленіями уст. о нак. подкрѣпляется не ссылкою на новую редакцію примѣч. къ 1 ст. уст., а ссылкою на рѣш. 1867 г. № 444, 1868 г. № 477 и другія послѣдующія до 1885 года.

то къ нимъ безспорно примѣняются общія положенія сего устава, безразлично разсматривается-ли дѣло мировыми или общими судебными установленіями (прим. къ 147 ст. улож.). Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе опредѣляется за одно изъ нарушеній уст. каз. упр. какъ за извѣстный видъ общихъ преступныхъ дѣяній [1]), то примѣняются общія положенія улож. или устава о нак., смотря по тому, подходитъ ли данное дѣяніе подъ дѣйствіе перваго или второго.

Такимъ образомъ, къ этимъ тремъ котегоріямъ проступковъ противъ имущества и доходовъ казны примѣняются безспорно всѣ общія постановленія уголовнаго права; возбуждалось лишь сомнѣніе о примѣненіи въ указанныхъ выше случаяхъ уложенія *или* уст. о наказаніи.

III.

Спрашивается теперь, ко всѣмъ ли безъ исключенія нарушеніямъ уставовъ каз. упр. примѣняются общія положенія уголовнаго права или же имѣются такія категоріи сихъ нарушеній, къ которымъ примѣненіе означенныхъ положеній a priori невозможно?

Общія положенія нашего уголовнаго права, какъ извѣстно, изложены въ уложеніи и уставѣ о *наказаніяхъ*; слѣдовательно, они могутъ быть примѣняемы только къ наказаніямъ или точнѣе къ тѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, которыя запрещены подъ страхомъ наказанія. Но не всякое взысканіе, налагаемое по предписанію уставовъ каз. упр., является послѣдствіемъ преступнаго дѣянія. А именно, наложеніе взысканія обусловливается нерѣдко однимъ не исполненіемъ

[1]) Напр. какъ за мошенничество (2 ч. 567 ст., 2 ч. 576 ст. и 581 ст. улож. о нак.), за утайку найденной чужой собственности (607 ст. улож.), за кражу, учиненную домашними (629 ст. улож. о нак.), за поддѣлку, предусмотрѣнную 554 ст. улож. о нак. (1072 и 1127 ст. уст. объ акц. сбор.), за подлоги, предусмотрѣнные 1690 ст. улож. о нак. (1481 ст. устава там.), за сопротивленіе, предусмотрѣнное 263—266, 268—271 ст. улож. о нак. (3 п. 1544 и 1545, 1563 там. устава), за проступки, предусмотрѣнные 1359[1] и 1359[2] ст. улож. о нак. и 51[4] ст. устава о наказ. (1265 ст. устава горнаго) и т. д.

государственныхъ повинностей; поэтому не является прежде всего наказаніемъ *пеня*, налагаемая за недоимку, т. е. за невнесеніе въ установленный срокъ пошлины или подати, въ размѣрѣ 2, 1, или ½ % въ мѣсяцъ съ неуплаченной суммы [1]). Что таковъ взглядъ закона, видно уже изъ того, что во всѣхъ уставахъ, въ которыхъ говорится о пеняхъ за недоимки и о взысканіяхъ за нарушенія постановленій этихъ уставовъ, первыя никогда не смѣшиваются съ послѣдними, а разсматриваются въ особомъ отдѣлѣ или главѣ; такъ напр. въ пол. о гос. пром. нал. о недоимкахъ говорится въ 1-й, а о взысканіяхъ во 2-мъ отдѣлѣ VI главы; въ уст. объ акц. сб. о недоимкахъ въ уплатѣ акциза съ сахара—въ 5 от. 1-й гл. IV разд.: „правила объ акцизѣ съ сахара" и т. д., а о взысканіяхъ за нарушенія постановленій объ означенномъ акцизномъ сборѣ—въ 3 гл. V раздѣла.

Такимъ образомъ, по намѣренію закона неуплата налога не принадлежитъ къ тѣмъ дѣяніямъ, которыя признаются „нарушеніями" уст. каз. управленія и облагаются наказаніями; слѣдовательно, не является наказаніемъ и взыскиваемая за недоимку пеня. Тотъ же юридическій характеръ имѣютъ по тѣмъ же причинамъ и другія невыгодныя послѣдствія, которыя напр. въ уст. объ акц. сб. [2]) соединены съ несвоевременнымъ взносомъ или неплатежемъ разныхъ пошлинъ, какъ напр., ограниченіе или лишеніе заводчика или складчика права выпускать вино или освѣтительныя нефтяныя масла съ отсрочкою акциза или взятія бандеролей подъ залогъ, закрытіе фабрики и т. д. [3]).

---

[1]) Уст. о пр. нал. ст. 15, 53, 184; пол. о гос. кв. нал. ст. 42; пол. о гос. пром. нал. ст. 153; уст. о пошл. ст. 164, 172, 223; уст. объ акц. сб. (объ акц. съ сахара) ст. 883.

[2]) Напр. ст. 310, 321, 796, 802, 900, 923, 930.

[3]) Къ этимъ невыгоднымъ послѣдствіямъ принадлежитъ и установленное въ 366 ст. зак. о суд. гражд. лишеніе заимодавца процентовъ по обязательствамъ, совершеннымъ домашнимъ образомъ, безъ соблюденія установленныхъ уст. о герб. сб. правилъ, за время протекшее до предъявленія обязательствъ ко взысканію и процентовъ, постановленныхъ за неустойку. Правило это по проекту новаго уст. о герб. сборахъ предположено перенести въ означенный уставъ.

Далѣе слѣдуетъ причислить къ взысканіямъ, не представляющимся наказаніями, такъ назыв. *акциденціи* по тамож. уставу [1]). Подъ акциденціями, согласно 1435 ст. сего уст., „разумѣются тѣ въ добавокъ къ пошлинѣ взысканія, кои въ количествѣ 10 (или 5) копѣекъ съ пошлиннаго рубля опредѣлены таможеннымъ уставомъ за разныя упущенія предписаннаго порядка". А именно, акциденція „взыскивается по коносаментамъ и накладнымъ за такія ошибки, подчистки, поправки, пропуски, исправленія печатныхъ словъ въ бланкахъ или другія несообразности съ правилами, которыя заключаютъ измѣненія въ качествѣ или количествѣ товаровъ къ ущербу пошлиннаго сбора" (ст. 1436). Кромѣ того, согласно 1490 и 1673 ст. того же устава, налагаемое по ст. 1483—1486 на торгующихъ и по ст. 1434, 1467 и 1470—1472 на корабельщиковъ денежное взысканіе (т. е. наказаніе) *замѣняется* акциденціею, когда по обстоятельствамъ дѣла и представленнымъ несомнѣннымъ доказательствамъ будетъ признано, что означенныя нарушенія явились слѣдствіемъ неумышленной ошибки въ объявленіи, декларацiи или коносаментѣ.

Такимъ образомъ, по прямому предписанію закона акциденція *замѣняетъ* наказаніе, и слѣдовательно, является не таковымъ, а однимъ изъ видовъ тѣхъ карательныхъ мѣръ, которыя извѣстны въ германскомъ правѣ подъ названіемъ „Ordnungsstrafen" [2]). Поэтому, хотя акциденція отличается отъ

---

[1]) Ст. 1435—1451, 1456, 1480, 1490, 1491.

[2]) V. Liszt, Ordnungs-und Disciplinarstrafen, въ Holtzendorf's Rechtslexikon, 3 изд. II стр. 966—968, Таганцевъ, Лекціи по русскому уголовному праву, стр. 1013. Интересны въ юридическомъ отношеніи постановленія 1490 и 1673 ст.; исходя отъ общаго правила, что при взысканіяхъ за нарушенія уст. каз. упр. умыселъ не долженъ имѣть значенія, и что виновные подвергаются одинаковой отвѣтственности за одинъ лишь фактъ нарушенія установленныхъ правилъ, приведенныя статьи предоставляютъ обвиняемымъ въ видѣ снисхожденія доказать отсутствіе умысла, а въ случаѣ доказанной „неумышленной ошибки" не освобождаютъ ихъ отъ наказанія согласно 5 ст. улож. о нак., а налагаютъ на нихъ акциденцію. Подобныя же постановленія находятся и въ многихъ германскихъ уст. каз. упр.; см. Liszt l. c. По проекту новаго уст. там. предполагается совсѣмъ отмѣнить акциденцію.

наказанія только по велѣнію закона, а не по своему внутреннему характеру и свойству, къ ней не могутъ быть примѣняемы тѣ общія правовыя положенія, которыя относятся къ наказаніямъ, тѣмъ болѣе, что акциденція имѣетъ отчасти *свои* общія положенія, какъ напр. о причинахъ, освобождающихъ отъ взысканія (ст. 1436—1439 и др.), о способѣ опредѣленія размѣра (ст. 1441), о совокупности (ст. 1491).

Такимъ образомъ, пеня и другія невыгодныя послѣдствія недоимки или другого непреступнаго неисполненія уст. каз. упр. и акциденція не являются наказаніями и, слѣдовательно, къ нимъ непримѣнимы общія положенія улож. и уст. о нак. [1]).

IV.

Я говорилъ до сихъ поръ о тѣхъ нарушеніяхъ уст. каз. упр., къ которымъ общія постановленія уголовнаго права безсомнѣнно или примѣняются на общемъ основаніи, или вовсе не примѣняются. Перехожу теперь къ остальнымъ нарушеніямъ означенныхъ уставовъ, составляющимъ главный предметъ этого изслѣдованія, т. е. къ нарушеніямъ, предусмотрѣннымъ въ самыхъ уставахъ, за исключеніемъ разумѣется тѣхъ, о которыхъ рѣчь была уже выше.

Нельзя прежде всего не обратить вниманія на то, что, кромѣ наказаній главныхъ и дополнительныхъ, нѣкоторые изъ сихъ уставовъ заключаютъ въ себѣ и постановленія, относящіяся къ общимъ правиламъ уголовнаго права. Къ таковымъ принадлежатъ напр. правила: 1) о личной отвѣтственности лицъ, совершившихъ преступное дѣяніе и объ отвѣтственности за нихъ другихъ лицъ [2]); 2) объ уголовныхъ поручителяхъ [3]); 3) о распредѣленіи

[1]) Я упомянулъ здѣсь только о тѣхъ взысканіяхъ, которыя *несомнѣнно* не могутъ быть причислены къ наказаніямъ; вопросъ, должны ли считаться таковыми *всѣ* остальныя взысканія, налагаемыя по уст. каз. упр., будетъ разсмотрѣнъ впослѣдствіи при разсмотрѣніи вопроса о юридическомъ характерѣ этихъ взысканій.

[2]) Уст. объ акц. сб. ст. 1001—103, 1006, 1008, 1009, 1076, 1077, 1080, 1082—1084, 1101, 1113, 1128; уст. там. ст. 1548; уст. лѣсн. ст. 845, 846.

[3]) Уст. объ акц. сб. ст. 1004, 1078, 1102, 1113, 1128; уст. там. ст. 1548.

денежнаго взысканія, наложеннаго на нѣсколькихъ обвиняемыхъ [1]); 4) о непреодолимомъ отъ превосходящей силы принужденіи [2]); 5) о другихъ причинахъ ненаказуемости [3]); 6) о замѣнѣ денежнаго взысканія въ случаѣ несостоятельности [4]); 7) объ уплатѣ денежнаго взысканія наслѣдниками [5]); 8) о повтореніи [6]); 9) о совокупности [7]); 10) о давности [8]).

Не подлежитъ, разумѣется, сомнѣнію, что приведенныя здѣсь постановленія примѣняются ко всѣмъ тѣмъ отдѣльнымъ нарушеніямъ даннаго устава, къ которымъ они по содержанію своему относятся. Но затѣмъ является вопросъ, могутъ ли быть примѣнены къ каждому уставу и другія неупомянутыя въ немъ общія положенія уголовнаго права? Отвѣтъ долженъ быть утвердительный. Мы видѣли, напр., изъ только-что приведеннаго перечня, что въ уставахъ каз. упр. нѣтъ никакихъ правилъ о вмѣненіи; но слѣдуетъ-ли изъ этого, что можно наказать, заключить въ тюрьму, за нарушеніе уст. объ акц. сб. и т. д., завѣдомо умалишеннаго, т. е. невмѣняемаго? Очевидно, нѣтъ. Но если хотя одно изъ общихъ правилъ уголовнаго права обязательно при примѣненіи уст. каз. упр., то будетъ послѣдовательно признать, что обязательны и всѣ остальныя, если только не имѣется по данному вопросу отмѣняющаго ихъ силу спеціальнаго постановленія.

Но затѣмъ спрашивается, чѣмъ должны быть пополнены недостающія постановленія извѣстнаго устава, общими ли правилами, заключающимися въ уложеніи и уставѣ о нак., или же правилами, заключающимися въ другихъ уставахъ

---

[1]) Уст. объ акц. сб. ст. 1010, 1085, 1113, 1128; уст. там. ст. 1548.

[2]) Уст. там. ст. 1452, 1460, 1506, 857.

[3]) Уст. там. ст. 1528, 1529, см. и ст. 1490 и 1673; уст. объ акц. сб. ст. 1009, 1084, 1113.

[4]) Уст. объ акц. сб. ст. 1004, 1005, 1078, 1079, 1103, 1113, 1128; уст. там. ст. 1549; уст. горн. ст. 1281.

[5]) Уст. о герб. сб. ст. 135.

[6]) Уст. объ акц. сб. ст. 1000, 1074, 1113, 1128.

[7]) Уст. объ акц. сб. ст. 999, 1073, 1113, 1128; пол. о гос. пром. нал. ст. 166, 177.

[8]) Уст. о герб. сб. ст. 133; пол. о гос. пром. нал. прим. къ 157 ст.

каз. упр.? Противъ послѣдняго предположенія говоритъ уже то, что заключающіяся въ сихъ уставахъ постановленія объ общихъ вопросахъ уголовнаго права, составляютъ весьма неполную систему общихъ условій наказуемости, и что, слѣдовательно, примѣненіе ихъ далеко не можетъ разрѣшить всѣхъ возникающихъ на практикѣ сомнѣній. Но еще болѣе важно то обстоятельство, что хотя уставы каз. упр. соединяются одною общею цѣлью, установить карательныя мѣры для защиты государственныхъ доходовъ, но всетаки постановленія каждаго устава, хотя бы они и относились къ общимъ вопросамъ уголовнаго права, должны быть различны, смотря по тому предмету, къ которому относится данный уставъ, ибо содержаніемъ его опредѣляются существо его нарушеній и тѣ спеціальныя мѣры, которыя въ виду фискальныхъ интересовъ замѣняютъ постановленія уложенія и устава о нак. [1]). Слѣдовательно, безъ особаго предписанія закона общія постановленія одного устава каз. упр. (напр. постановленія о давности уст. о герб. сбор.) ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть примѣняемы къ другому, потому что сама ratio legis, мотивъ, вызвавшій данное постановленіе, встрѣчается только въ одномъ, а не въ другихъ уставахъ.

Такимъ образомъ, къ уставамъ каз. упр. примѣняются въ указанныхъ случаяхъ общія положенія, изложенныя въ уголовныхъ законахъ, т. е. въ уложеніи и уставѣ о нак. Это положеніе признано и постоянною практикой Правительствующаго Сената, согласно которой примѣняются къ

---

[1]) Какъ различны эти фискальные интересы, можно видѣть иногда изъ постановленій одного и того же устава каз. упр.; такъ напр., по уст. объ акц. сб. въ случаѣ нарушенія постановленій акциза съ сахара съ уголовнаго поручителя взыскивается денежное взысканіе въ полномъ размѣрѣ (1102 ст.), въ другихъ же случаяхъ лишь въ размѣрѣ трехъ четвертей опредѣленной ко взысканію суммы (ст. 1004, 1078, 1113, 1128); въ случаѣ нарушенія постановленій о пит. сб. и объ акцизѣ съ освѣтительныхъ нефтяныхъ маслъ на заводчика и т. д. возлагается всегда взысканіе единичнаго акциза за питья и т. д., сокрытыя отъ оплаты онымъ (1006 и 1113 ст.); но нарушенію же постановленій о там. сб. и правилъ объ акцизѣ съ спичекъ и продажи фосфора на него возлагается уплата акциза не только въ единичномъ, но и въ увеличенномъ размѣрѣ (1080 и 1128 ст.) и т. д. и т. д.

нарушеніямъ уст. каз. упр. не только общія постановленія нашихъ уголовныхъ законовъ о давности (напр. рѣш. 1869 г. № 71, 1896 г. № 7, и общ. собр. 1889 г. № 12), о вмѣненіи въ вину (рѣш. 1896 г. № 8), объ укрывательствѣ (рѣш. 1888 г. № 25), о несовершеннолѣтнихъ (рѣш. 1875 г. № 552) и т. д., но и общія правовыя положенія, какъ напр., о невозможности распространительнаго толкованія ограничительнаго закона (рѣш. 1897 г. № 45).

Дѣйствительно, нарушенія уставовъ каз. упр. не могутъ быть вполнѣ отдѣлены отъ другихъ преступныхъ дѣяній; они входятъ въ общую область уголовно-наказуемыхъ дѣяній и поэтому подлежатъ дѣйствію общихъ уголовныхъ нормъ, насколько примѣненіе ихъ не устранено спеціальными правилами даннаго устава [1]).

Это общее правило весьма точно и опредѣленно формулировано въ соображеніяхъ къ проекту уголовнаго уложенія: „Редакціонною комиссіей были начертаны общія положенія, составляющія содержаніе гл. I проекта и долженствующія имѣть примѣненіе ко всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, въ томъ числѣ и къ нарушеніямъ спеціальныхъ уставовъ, поскольку для сихъ послѣднихъ не установлено изъятій въ подлежащихъ уставахъ. Засимъ можетъ, конечно, обнаружиться необходимость допущенія и дальнѣйшихъ изъятій изъ общихъ постановленій уложенія“.....

„Подобныя указанія должны послужить поводомъ къ разработкѣ особенныхъ правилъ, которыя, въ случаѣ утвержденія ихъ законодательною властью, замѣнятъ собою соотвѣтствующія статьи уголовнаго уложенія. Но изъятія изъ установленныхъ проектомъ общихъ основаній наказуемости могутъ оказаться необходимыми лишь относительно весьма немногихъ положеній, большинство же статей главы I уложенія должны распространяться и на нарушенія спеціальныхъ уставовъ; такъ напр., постановленія, опредѣляющія понятіе преступнаго дѣянія и

[1]) Haelschner. das gemeine deutsche Strafrecht, II, стр. 1002. Loebe, das deutsche Zollstrafrecht 2 изд., стр. 33; 149 ст. герм. Vereins Zollgesetz отъ 1 іюля 1869 г.

его виды, пространство дѣйствія уголовнаго уложенія, порядокъ и условія отбытія наказанія лишеніемъ свободы, условія вмѣненія, виды виновности и т. п., не требуютъ никакихъ измѣненій по отношенію къ дѣламъ о нарушеніи уст. каз. упр.; поэтому ст. 9 не можетъ быть дополнена постановленіемъ, которое исключало бы примѣненіе къ названнымъ дѣламъ всѣхъ общихъ началъ уголовнаго уложенія" [1]).

Но затѣмъ является еще нѣсколько частныхъ вопросовъ, а именно: а) примѣняются ли къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ въ уставахъ каз. упр., общія начала уложенія о нак. *или* уст. о нак. и б) обязательно-ли при выше указанныхъ условіяхъ примѣненіе общихъ началъ уголовнаго права и для казенныхъ управленій, если преступное дѣяніе подвѣдомо имъ, а не судебнымъ установленіямъ?

Первый вопросъ не представляетъ затрудненія, если данное дѣяніе подсудно общимъ судебнымъ мѣстамъ, согласно 200 и 33 ст. уст. угол. суд. въ виду опредѣленнаго закономъ наказанія (напр. проступки, предусмотрѣнные 2 п. 1542, 1544 ст. уст. там.), ибо несомнѣнно, что къ этимъ наказаніямъ (напр. ссылка, въ каторжныя работы, на поселеніе, отдача въ испр. арест. отд. по 3 или 4 и 31 ст.) могутъ быть примѣняемы только общія начала улож. о нак.

Сомнѣнія возникаютъ относительно тѣхъ нарушеній уст. каз. упр., которыя по общему правилу (33 ст. уст. угол. суд.) подсудны мир. суд. уст. и изъемлются изъ ихъ подсудности только на основаніи 34 ст. того же устава; утверждаютъ, именно, что эти нарушенія во всемъ приравнены къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ уст. о нак., и что, слѣдовательно, на основаніи прим. къ 147 ст. улож. о нак. къ нимъ примѣняются общія положенія устава о нак. даже въ томъ случаѣ, когда дѣла объ этихъ нарушеніяхъ разсматриваются общими судебными мѣстами.

---

[1]) Такимъ образомъ, отношеніе будущаго уголов. улож. къ уст. каз. упр. установлено разъ на всегда точно и вполнѣ правильно: примѣненіе общихъ началъ уложенія къ уст. каз. упр. есть общее правило, изъ котораго допускаются исключенія лишь на столько, на сколько они установлены въ отдѣльныхъ уставахъ; гдѣ таковыхъ исключеній нѣтъ, примѣненіе общихъ началъ уложенія обязательно.

Но подобное мнѣніе совершенно неправильно. Мы увидимъ ниже, что нарушенія уст. каз. упр. вовсе не приравнены къ проступкамъ, предусмотрѣннымъ уст. о нак., и что въ большинствѣ случаевъ примѣняются общія правила улож. о нак. Но независимо отъ этого, о примѣненіи прим. къ 147 ст. улож. о нак. къ означеннымъ нарушеніямъ не можетъ быть рѣчи; 147 ст. устанавливаетъ общее правило, что судъ не можетъ опредѣлить иного наказанія, „кромѣ того, которое *въ законахъ* за судимое преступленіе именно назначено", и что въ случаѣ наличности обстоятельствъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ наказаніе, соблюдаются правила, изложенныя въ слѣдующихъ за 147 статьяхъ, и поэтому всѣ общія постановленія улож. о нак. примѣняются не только къ преступнымъ дѣяніямъ, предусмотрѣннымъ въ уложеніи, но и въ другихъ законахъ, т. е. ко всѣмъ преступнымъ дѣяніямъ, подсуднымъ тѣмъ судебнымъ установленіямъ, которыя примѣняютъ уложеніе о нак. Изъ этого общаго правила сдѣлано только одно исключеніе (прим. къ 147 ст.) относительно, предусмотрѣнныхъ въ уст. о нак. проступковъ, по которымъ наказаніе опредѣляется по правиламъ означеннаго устава. Несомнѣнно, слѣдовательно, что это—правило вполнѣ исключительное, которое не можетъ быть толкуемо распространительно и поэтому не можетъ быть примѣняемо къ преступнымъ дѣяніямъ, въ уст. о нак. не предусмотрѣннымъ; другими словами, прим. къ 147 ст. улож. о нак. не примѣняется къ нарушеніямъ уст. каз. упр. и наказаніе по этимъ нарушеніямъ, насколько они подсудны общимъ судебнымъ мѣстамъ, опредѣляется по улож., а не по уст. о нак.

Относительно дѣлъ, подсудныхъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, Правительствующій Сенатъ (рѣш. 1896 г. № 7) призналъ, что означенныя установленія при опредѣленіи наказанія по нарушеніямъ уст. каз. упр. обязаны руководствоваться не улож. о нак., а правилами уст. о нак. [1]).

---

[1]) Тотъ же взглядъ принятъ первымъ отдѣленіемъ угол. касс. департ., въ которомъ сосредоточены всѣ дѣла о нарушеніяхъ уст. каз. упр.; оно примѣняетъ къ симъ дѣла и 11 ст. уст. о нак. о наказаніи несовершеннолѣтнихъ (напр. рез. по дѣлу Чернова отъ 10 дек. 1898 г. д. № 4887).

Но это мнѣніе основано исключительно на невѣрномъ, какъ мы уже видѣли, толкованіи прим. къ 1 ст. уст. о нак. и 33 ст. уст. угол. суд. Но кромѣ того, Правительствующій Сенатъ упустилъ изъ виду, что въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда въ постановленіяхъ уст. каз. упр., изданныхъ послѣ уст. о нак., упоминается о примѣненіи общихъ положеній уголовнаго закона, въ означенныхъ постановленіяхъ имѣются *всегда* ссылки на статьи улож. о нак. (ст. 84 и 85) и никогда не приводятся соотвѣтствующія статьи уст. о нак. [1]). Очевидно, что это обстоятельство не можетъ быть объяснено однимъ редакціоннымъ недосмотромъ. Если министерство финансовъ могло допустить ошибку при начертаніи законопроектовъ, то несомнѣнно, что на подобную ошибку—если только указаніе статей улож. о нак. въ данномъ случаѣ было бы ошибкой—указало бы министерство юстиціи, и что это разногласіе обсуждалось бы Государственнымъ Совѣтомъ. Но въ журналахъ его отъ 19 и 23 февр. 1883 г. № 41 и 42, въ которыхъ изложены соображенія, служившія основаніемъ указанныхъ статей уст. объ акц. сб., нѣтъ никакого указанія на подобное разногласіе [2]). Слѣдовательно, ссылка на статьи уложенія сдѣлана сознательно, съ намѣреніемъ, а потому законъ, предписывая примѣненіе къ нарушеніямъ уст. каз. упр. извѣстнаго постановленія улож. о нак., тѣмъ самымъ указалъ, какъ общее, руководящее правило, что къ симъ нарушеніямъ примѣняются правила улож., а не устава о нак.

Это мнѣніе вполнѣ подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что наказанія по нарушеніямъ уст. каз. упр. лишеніемъ свободы до послѣдняго времени назначаются новыми узаконеніями преимущественно согласно степенямъ 38 и 39 ст. улож. о нак. [3]). При составленіи проекта правилъ о взысканіяхъ за нарушенія положенія о каз. прод. питей министерство финансовъ предполагало увеличить наказаніе, назна-

---

[1]) 1004, 1005, 1078, 1079 и 1103 ст. уст. объ акц. сб.; см. еще 1549 ст. уст. там., 1281 ст. уст. горн.

[2]) Отчетъ по Госуд. Сов. 1883 г. стр. 70 и сл.

[3]) Напр. 2, 3, 4 и 7 ст. прим. къ 937 ст. (прил.) уст. объ акц. сб. по прод. 1895 г.

ченное 981 ст. уст. объ акц. сб., а именно, назначить во 2 п. 3 ст. означенныхъ правилъ вмѣсто тюремнаго заключенія отъ 2 до 4 мѣсяцевъ таковое же заключеніе отъ 3 до 6 мѣсяцевъ [1]); но при окончательномъ обсужденіи проекта было признано невозможнымъ отступить при градаціи взысканій отъ установленной уложеніемъ о нак. лѣстницы наказаній, вслѣдствіе чего усиленное тюремное заключеніе было назначено въ размѣрѣ, опредѣленномъ 2 ст. 38 ст., т. е. отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли назначить наказаніе, соотвѣтствующее по своимъ размѣрамъ уставу о нак. (напр. 169 ст.) или уложенію о нак. былъ разрѣшенъ послѣ тщательнаго обсужденія. Если предпочтеніе было отдано системѣ наказаній улож. о нак., то это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что по общему правилу постановленія уложенія, а не устава о нак., должны быть примѣняемы къ нарушеніямъ уст. объ акц. сб., и что поэтому нельзя было нарушить ее установленіемъ наказанія, несогласнаго съ общей ихъ лѣстницей, которое могло бы вызвать затрудненія при примѣненіи извѣстныхъ общихъ положеній, напр. объ уменьшеніи наказаній.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что многія нарушенія уст. каз. упр. были прежде предусмотрѣны улож. о нак., такъ что къ нимъ несомнѣнно примѣнялись всѣ его постановленія и только впослѣдствіи перенесены въ подлежащіе уставы. Но это перенесеніе означенныхъ проступковъ изъ одного тома св. зак. въ другой имѣло только редакціонное значеніе и ни въ чемъ не измѣнило ихъ юридическую природу и условія наказуемости.

Поэтому несомнѣнно, что и къ нарушеніямъ уст. каз. упр., подсуднымъ мировымъ судебнымъ установленіямъ, примѣняются общія положенія улож. о нак. Изъ этого общаго правила можно допустить лишь одно исключеніе, а именно, для тѣхъ нарушеній, которыя никогда не входили въ составъ улож. о нак., и по которымъ наказанія лишеніемъ свободы,

---

[1]) Представленіе министерства финансовъ въ Государственный Совѣтъ отъ 3 окт. 1894 № 1816.

назначены не въ размѣрѣ степеней по 38 и 39 ст. улож. о нак., а въ одномъ высшемъ размѣрѣ по примѣру 1 ст. уст. о нак.

Правда, что и это исключеніе не можетъ быть подтверждено ссылкой на извѣстную, опредѣленную статью, но оно вытекаетъ изъ общаго смысла нашихъ уголовныхъ законовъ, требующихъ, чтобы мировыя судебныя установленія руководствовались при назначеніи наказанія всегда общими положеніями уст. о нак., кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда закономъ предписано противоположное. Въ настоящемъ же случаѣ такого предписанія не имѣется и оно не можетъ быть выведено изъ намѣренія законодателя.

Само собою разумѣется, что правило о примѣненіи общихъ положеній уст. о нак., какъ правило исключительное, не можетъ быть толкуемо распространительно, и что въ каждомъ данномъ случаѣ необходимо предварительное установленіе тѣхъ вышеуказанныхъ условій, которыми оно обусловливается; какъ примѣръ противозаконнаго дѣянія, къ которому примѣняются общія положенія уст., а не уложенія о нак., можно указать на часто встрѣчающееся въ практикѣ нарушеніе 1061 ст. уст. объ акц сб.

Къ нарушеніямъ, не значившимся въ улож. о нак., но облагаемымъ денежными взысканіями, общія положенія уст. о нак. никогда не могутъ быть примѣняемы, такъ какъ предписаніемъ закона о замѣнѣ означенныхъ взысканій по 84 и 85 ст. улож. о нак. рѣшается и вопросъ о безусловномъ примѣненіи общихъ положеній этого кодекса.

Переходя затѣмъ ко второму вопросу объ обязательности общихъ положеній уголовныхъ законовъ для казенныхъ управленій, необходимо прежде всего припомнить то, что было сказано выше о неразрывной связи нарушеній уст. каз. упр. съ другими предусмотрѣнными уголовнымъ закономъ дѣяніями. Эта несомнѣнная связь, при полномъ отсутствіи какихъ либо спеціальныхъ постановленій по данному вопросу, даетъ полное основаніе предполагать, что общія правила уголовныхъ законовъ обязательны и для казенныхъ управленій [1]).

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что казеннымъ управленіямъ подсудны только нару-

Предположеніе это подтверждается прежде всего въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудность нарушеній казенному управленію основана на 1125² ст. уст. угол. суд. [1]), содержаніемъ 999, 1073, 1113 и 1128 ст. уст. объ акц. сб., согласно которымъ, назначается наказаніе по совокупности за нарушенія сего устава, „которыя не покрыты давностью". А такъ какъ въ числѣ сихъ нарушеній многія обложены одними денежными взысканіями и согласно 1125² ст. у. с. подсудны казенному управленію, то очевидно, что и послѣднія могутъ налагать наказанія только при условіи неистеченія давности, т. е. должны примѣнять общія положенія уголовнаго закона. Это правило вытекаетъ кромѣ того и изъ самой цѣли установленія административнаго разбирательства. А именно, съ точки зрѣнія казеннаго управленія, очевидно, желательно кончить дѣло какъ возможно скорѣе, безъ всякой судебной процедуры однимъ административнымъ распоряженіемъ. Но для того, чтобы обвиняемый согласился на это распоряженіе, необходима увѣренность его въ томъ, что приговоръ суда не можетъ быть болѣе льготнымъ для него [2]), чѣмъ это распо-

шенія, наказуемыя денежными взысканіями (съ конфискаціею или безъ оной), такъ что фактически здѣсь идетъ рѣчь только о тѣхъ началахъ, которыя примѣнимы къ означеннымъ взысканіямъ.

[1]) Т. е. когда дѣло можетъ быть перенесено въ судебныя установленія въ случаѣ нежеланія обвиняемаго подчиниться постановленію казен. упр. Объ установленномъ этою статьею порядкѣ говорится у Bonnenberg, Strafverfahren in Zoll und Steuersachen стр. 1, что правило, по которому административное мѣсто управомочено по дѣламъ, затрогивающимъ его собственные интересы, назначать наказаніе, основывается на особой природѣ этихъ проступковъ и оказалось во всѣхъ отношеніяхъ цѣлесообразнымъ за продолжительное время своего существованія (въ Германіи); прежде всего административное мѣсто можетъ скорѣе всѣхъ установить составъ проступка; затѣмъ самое административное производство не утруждаетъ обвиняемаго, такъ какъ отъ него зависитъ въ случаѣ неудовольствія противъ административнаго постановленія, обратиться въ судъ, а если онъ подчинится этому постановленію, то освобождается отъ всѣхъ непріятностей судебной процедуры и отъ платежа судебныхъ издержекъ. Эта форма подсудности дѣлъ казенному управленію допускается у насъ только по нарушеніямъ уст. объ акц. сб. и пол. гос. кварт. нал.

[2]) Поэтому существуетъ напр. въ Пруссіи весьма разумное правило, что казенное управленіе при наложеніи денежнаго взысканія въ административномъ порядкѣ, можетъ назначить это взысканіе въ размѣрѣ ниже опредѣленнаго въ законѣ. Bonnenberg стр. 155.

ряженіе другими словами, что въ послѣднемъ приняты въ соображеніе не только карательныя постановленія уст. объ акц. сб., но и всѣ законныя правила о смягченіи или устраненіи наказанія. Слѣдовательно, отрицаніе обязательности въ сихъ случаяхъ общихъ правилъ уголовныхъ законовъ невозможно безъ отрицанія самыхъ основаній, вызвавшихъ установленіе порядка, опредѣленнаго 1125[2] ст. Но если означенныя положенія обязательны для казенныхъ управленій безъ всякаго спеціальнаго предписанія закона, то изъ этого слѣдуетъ, что эта обязательность вообще предполагается и распространяется и на тѣ нарушенія, которыя исключительно подсудны казеннымъ управленіямъ согласно 1124 ст. уст. угол. суд. Это вытекаетъ и изъ соображеній, на которыхъ основана означенная статья: „Когда фактъ нарушенія виновности обвиняемаго и слѣдующее съ него взысканіе не могутъ подлежать оспариванію и, слѣдовательно, правильное *разрѣшеніе* дѣла не требуетъ строгаго соблюденія неотъемлемыхъ принадлежностей суда, а именно обвиненія, защиты, оцѣнки доказательствъ и толкованія закона, то предоставленіе сихъ дѣлъ разсмотрѣнію власти административной не можетъ имѣть послѣдствіемъ возложенія на администрацію обязанностей, ей несвойственныхъ; съ другой стороны, самый интересъ обвиняемыхъ, едва ли, во всякомъ случаѣ, требуетъ разсмотрѣнія сихъ дѣлъ судебнымъ порядкомъ“ [1]). Слѣдовательно, по смыслу этихъ соображеній и административныя мѣста при разборѣ подсудныхъ имъ дѣлъ являются судебными мѣстами sui generis, при чемъ нигдѣ не говорится о томъ, чтобы они были освобождены отъ обязанности примѣнять законы, обязательные для общихъ судовъ. Кромѣ того, если самый интересъ обвиняемаго требуетъ передачи дѣлъ вѣдѣнію административной власти, то очевидно, что послѣдняя при разсмотрѣніи сихъ дѣлъ обязана примѣнять всѣ тѣ постановленія, т. е. общія положенія уголовныхъ законовъ, которыя могутъ служить въ пользу обвиняемыхъ, хотя бы эти постановленія не были включены въ данный уставъ.

---

[1]) Суд. уст. изд. гос. канц. II стр. 439.

И такъ, общія положенія уголовныхъ законовъ примѣняются къ нарушеніямъ уставовъ казеннаго управленія, подсуднымъ симъ управленіямъ. При томъ въ виду вышеизложенныхъ соображеній не можетъ быть сомнѣнія, что къ нарушеніямъ, предусмотрѣннымъ 1125[2] ст. уст. угол. суд., относятся всѣ тѣ правила о примѣненіи уложенія *или* устава о нак., которыя были указаны выше для нарушеній уставовъ казенныхъ управленій, подсудныхъ судебнымъ установленіямъ, т. е., что къ этимъ нарушеніямъ примѣняется всегда уложеніе о нак.

Относительно же дѣлъ, перечисленныхъ въ прим. къ ст. 1124 уст. угол. суд. (т. е. подсудныхъ исключительно казеннымъ управленіямъ), слѣдуетъ различать двѣ группы: дѣла, существовавшія еще до изданія уст. о нак., и нарушенія, установленныя лишь впослѣдствіи. Къ первой примѣняется улож. о нак., такъ какъ къ ней оно несомнѣнно примѣнялось прежде и этотъ порядокъ закономъ не отмѣненъ. Относительно второй группы, въ виду полнаго молчанія закона, нельзя найдти какого либо руководящаго указанія, но уже изъ чисто практическихъ соображеній слѣдуетъ придти къ убѣжденію, что и къ ней должно быть примѣняемо уложеніе о нак.

Впрочемъ, вопросъ о примѣненіи къ подсуднымъ казеннымъ управленіямъ нарушеніямъ положеній уложенія или устава о нак. не имѣетъ особенно серьезнаго значенія въ практическомъ отношеніи, такъ какъ общія положенія этихъ двухъ законовъ въ примѣненіи къ денежнымъ взысканіямъ, (которыя только могутъ быть налагаемы казенными управленіями), расходятся лишь относительно немногихъ вопросовъ (напр. о наказаніи несовершеннолѣтнихъ, о случаѣ и т. д.). Существенно то, что примѣненіе общихъ положеній уголовныхъ законовъ (напр. о давности), какъ примѣненіе всякаго вообще закона, зависитъ не отъ усмотрѣнія даннаго управленія, а обязательно для него [1]), ибо не можетъ под-

[1]) То же мнѣніе относительно Германскаго права высказано у Loebe, l. c. стр. 38.

лежать сомнѣнію, что дѣятельность казенныхъ управленій при разрѣшеніи подсудныхъ ей дѣлъ должна быть столько же правомѣрная, какъ и дѣятельность судебныхъ установленій.

А. Фонъ-Резонъ.

II.

ОБСУЖДЕНІЕ ВОПРОСА О ПРЕОБРАЗОВАНІИ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ ВЪ КОМИТЕТѢ 6 ДЕКАБРЯ 1826 г. И ВЪ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХЪ СОБРАНІЯХЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО СОВѢТА.

Историческая справка [1]).

Комитетъ 6 декабря 1826 года былъ образованъ для обозрѣнія разныхъ предположеній, найденныхъ въ бумагахъ Императора Александра I, а также для обозрѣнія тогдашняго положенія всѣхъ частей управленія, дабы изъ сихъ соображеній вывести правила къ лучшему ихъ устройству и исправленію. Предсѣдателемъ комитета былъ назначенъ тайный совѣтникъ, графъ Викторъ Павловичъ Кочубей, а членами генералъ отъ инфантеріи графъ П. А. Толстой; генералъ-адъютантъ И. В. Васильчиковъ; дѣйствительный тайный совѣтникъ князь А. Н. Голицинъ; генералъ-адъютантъ баронъ И. И. Дибичъ; тайный совѣтникъ М. М. Сперанскій. Дѣлопроизводителями назначены были: статсъ-секретари Д. Н. Блудовъ и Д. В. Дашковъ, а съ 1831 года баронъ М. А. Корфъ.

Въ числѣ проектовъ, выработанъ былъ комитетомъ между прочимъ и проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ; въ

---

[1]) Вопросъ объ уничтоженіи чиновъ отъ времени до времени ставится на очередь въ печати; вообще порядокъ опредѣленія на службу и прохожденія ея ждетъ капитальной реформы; поэтому помѣщаемая справка имѣетъ несомнѣнный интересъ для настоящаго времени. *Ред.*

составъ его входилъ, между прочимъ, и вопросъ о преобразованіи нашей гражданской службы. Весь этотъ проектъ былъ внесенъ изъ комитета въ Государственный Совѣтъ, помимо его департаментовъ, прямо въ чрезвычайныя засѣданія общаго его собранія.

Сначала въ комитетѣ обсуждались вопросы о высшихъ государственныхъ установленіяхъ Государственнаго Совѣта, коммисіи прошеній, Сената, министерствъ, и обсужденіе вопроса о преобразованіи нашей гражданской службы началось только въ засѣданіи комитета 31 августа 1827 года [1]) когда комитету былъ сообщенъ, писанный собственной Его Императорскаго Величества рукою проектъ указа о введеніи новаго порядка для производства нижнихъ канцелярскихъ служителей въ классные чины. Комитетъ призналъ какъ важность причинъ этого новаго порядка, такъ и мудрость начертанныхъ въ проектѣ указа правилъ. Несомнѣнно нужно, какъ можно скорѣе, положить конецъ все усиливающемуся, непомѣрному и отъ того вредному стремленію нижняго состоянія выходить изъ него посредствомъ службы, почти всегда неознаменованной истинно полезнымъ трудомъ. Но имѣя для сего въ виду другое предположеніе, слѣдствіемъ коего должно получиться совершенное измѣненіе степеней гражданской службы и уничтоженіе всѣхъ титулярныхъ, не соединенныхъ съ соотвѣтственными мѣстами, чиновъ, комитетъ осмѣливался предполагать, что если этотъ планъ удостоится Высочайшаго утвержденія, то нѣкоторыя постановленія проекта указа, не будутъ уже нужны. Вслѣдствіе этого составленъ тайнымъ совѣтникомъ Сперанскимъ проектъ новаго порядка гражданской службы въ губерніяхъ. Комитетъ положилъ препроводить этотъ проектъ къ членамъ комитета для предварительнаго разсмотрѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ нужнымъ Всеподданнѣйше представить на Высочайшее усмотрѣніе слѣдующія главныя въ отношеніи къ этому заключенія:

1) что производство въ чины и самыя названія чиновъ

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго историческаго общества, томъ 74, 1891 г. стр. 153, 154.

по гражданской службѣ должны быть совершенно отмѣнены и, вмѣсто нихъ, установлена приличная каждой части, сообразная съ общимъ въ Европѣ порядкомъ, іерархія или постепенность въ опредѣленіи къ мѣстамъ;

2) что ни мѣста въ гражданской службѣ, ни чины въ военной, не должны давать правъ на дворянство, и что, слѣдственно, хотя всѣ пріобрѣтенныя доселѣ по существующимъ законамъ права остаются неприкосновенными, но впредь уже дворянское достоинство, какъ одна изъ высшихъ въ государствѣ наградъ, можетъ быть даруемо только особеннымъ дѣйствіемъ монаршей милости и по собственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

Въ слѣдующемъ засѣданіи 7 сентября предсѣдатель комитета объявилъ, что онъ подносилъ журналъ прошлаго засѣданія на Высочайшее усмотрѣніе, и Государь соизволилъ удостоить благосклоннаго вниманія означенные въ томъ журналѣ виды Комитета. Что же касается до установленія лучшаго порядка при опредѣленіи и производствѣ канцелярскихъ служителей, Государь находитъ эту мѣру необходимой и потому соизволяетъ, чтобы комитетъ, разсмотрѣвъ вновь проектъ указа, а равно и составленное министромъ финансовъ положеніе о канцелярскихъ служителяхъ, составилъ проекты указа и постановленія. Исполняя Высочайшую волю, комитетъ, сообразуясь съ изъявленною ему Высочайшею волею и съ предначертанными имъ общими правилами касательно чиновъ гражданскихъ, опредѣлилъ §§ 1 и 2 этого проекта передѣлать слѣдующимъ образомъ: „Всѣ канцелярскіе служители гражданскаго вѣдомства, не достигнувшіе классныхъ чиновъ (или мѣстъ), раздѣляются на четыре разряда: 1) дворянъ потомственныхъ; 2) дѣтей дворянъ личныхъ; 3) дѣтей приказныхъ служителей, священниковъ и діаконовъ, евангелическихъ и реформатскихъ пасторовъ, ученыхъ и художниковъ, не имѣющихъ чиновъ; 4) принятыхъ до обнародованія сего положенія иностранцевъ, нижнихъ воинскихъ чиновъ и дѣтей ихъ, вольноотпущенныхъ и дѣтей ихъ и вообще людей, вышедшихъ изъ податнаго состоянія“. Въ § 3, о порядкѣ производства, положено для достиженія перваго класснаго чина или мѣста на-

значить въ I разрядѣ два года службы; въ II—четыре; въ III—шесть; въ IV—доколѣ онъ существовать будетъ—двѣнадцать лѣтъ, сообразно съ принятыми въ военной службѣ правилами. Положено присоединить къ этому, что производство есть награда, а не обязанность правительства и что на оное не даютъ правъ одни лѣта службы безъ дѣйствительныхъ, одобряемыхъ начальствомъ трудовъ. За особенныя же заслуги, когда притомъ канцелярскій служитель отличается способностью, свѣдѣніями и безпорочною нравственностью, начальство можетъ представить къ производству и прежде установленныхъ сроковъ, но означая съ точностью, какая заслуга даетъ право на такое исключеніе; §§ 4 и 5 оставлены безъ перемѣны, за исключеніемъ находящагося въ послѣднемъ выраженія: *въ высшіе чины*; §§ 6, 7 и 8 опредѣлено соединить и сказать просто, что канцелярскимъ служителямъ всѣхъ четырехъ нижнихъ разрядовъ безъ различія, будутъ даны сюртуки отъ казны по приложенному въ рисункѣ образцу, но что каждому предоставляется право имѣть также сходный съ приложеннымъ рисункомъ вицъ-мундиръ. (Противъ этого мѣста Государь написалъ карандашемъ: „Сюртуки Я имѣлъ въ виду для однихъ не сущихъ *дворянами*. Дворянамъ же носить тѣ фраки, кои нынѣ заведены въ министерствахъ.)“ § 9 комитетъ положилъ перемѣнить, сообразно съ Высочайшей резолюціей, означенной на запискѣ министра финансовъ и постановить, что форменные сюртуки и прочее принадлежащее къ онымъ платье будутъ выдаваемы канцелярскимъ ежегодно изъ казны безъ всякаго вычета изъ жалованья.

Разсматривая § 10, комитетъ нашелъ, что предполагаемое въ немъ общежительство канцелярскихъ служителей для холостыхъ и неживущихъ съ родителями или родственниками представляетъ важныя неудобства, что для помѣщенія ихъ, особливо въ столицахъ, нужны будутъ обширныя зданія, коихъ постройка и содержаніе вовлекутъ правительство въ новые значительные расходы; что надзоръ экзекутора или даже особаго чиновника, не будетъ достаточенъ; что въ семъ общежитіи будутъ постоянныя перемѣны отъ нововступающихъ

и выходящихъ по поводу женитьбы, житья съ родственниками, полученія классного чина. По всѣмъ симъ причинамъ опредѣлено отмѣнить §§ 10—14 [1]).

Въ засѣданіи 4 октября предсѣдатель объявилъ комитету слѣдующія Высочайшія повелѣнія: положеніе о нижнихъ канцелярскихъ служителей внести въ Государственный Совѣтъ въ томъ самомъ видѣ, какъ оно комитетомъ представлено, для разсмотрѣнія и дополненія, еслибы сіе было нужно [2]).

Засимъ, по статьѣ III журнала 31 августа комитетъ обратился къ общему разсужденію о представленномъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Сперанскимъ проектѣ новаго порядка гражданской службы въ губерніяхъ. Признавая утвержденіе рѣшительныхъ мѣръ по этой части возможнымъ только послѣ трудовъ по устройству всѣхъ отраслей губернскаго управленія, комитетъ рѣшился, однако же, тотчасъ заняться разсмотрѣніемъ этого проекта, дабы положить основаніе желаемой *іерархіи* или постепеннаго распредѣленія мѣстъ и званій гражданскихъ [3]).

Раздѣленіе мѣстъ служебныхъ въ губерніяхъ на четыре рода одобрено. Равнымъ образомъ и статья I проекта, *объ означеніи по разнымъ управленіямъ*, утверждена комитетомъ съ слѣдующими перемѣнами и дополненіями:

1) Званія уѣзднаго судьи и земскаго исправника весьма важны въ общемъ составѣ управленія. Честность и дѣятельность ихъ обусловливаютъ благочиніе и тишину въ селеніяхъ, безопасность дорогъ, успѣшный сборъ податей, точное исполненіе повелѣній правительства, правильное производство слѣдствій и первоначальнаго суда въ тяжбахъ; эти званія надо возвысить, перемѣстивъ ихъ изъ предполагаемаго 5 въ 4, т. е. сравнить съ засѣдателями палатъ.

2) Званіе уѣзднаго стряпчаго по важности также должно быть возвышено.

---

[1]) Тамъ же стр. 154—157.
[2]) Тамъ же стр. 175.
[3]) Тамъ же стр. 176.

3) Къ секретарямъ, полагаемымъ въ 7 разрядѣ слѣдуетъ прибавить и консисторскихъ секретарей.

Сверхъ того, комитетъ находилъ званія начальниковъ стола, регистратуры, архива, надсмотрщиковъ у крѣпостныхъ дѣлъ, расходчиковъ (казначеевъ), экзекуторовъ въ мѣстахъ губернскихъ настолько значительными, что ихъ слѣдовало бы причислить въ девятый разрядъ, сравнивъ оный въ слѣдующей статьѣ съ военнымъ чиномъ прапорщика. Что же касается до двухъ низшихъ разрядовъ канцелярскихъ служителей, то надлежитъ положеніе ихъ сообразить съ положеніемъ комитета о канцелярскихъ служителяхъ, внесеннымъ нынѣ въ Государственный Совѣтъ.

Въ статьѣ II проекта, *о сравненіи мѣстъ*, сверхъ означеннаго выше сравненія 9 разряда губернскихъ чиновниковъ съ прапорщиками, принято еще за правило, чтобы одинъ только гражданскій губернаторъ, по важности своего званія, бралъ шагъ у генералъ-маіора, губернскій же предводитель уступалъ бы ему оный, если онъ самъ не имѣлъ чина высшаго [1]).

Въ томъ же засѣданіи комитетъ разсматривалъ и правила о порядкѣ опредѣленія къ мѣстамъ, изложенныя въ ст. III проекта, и одобрилъ предложенное въ ней двоякое опредѣленіе: по губерніи и по округу.

Статья эта дѣлится на четыре отдѣленія. Въ первомъ ея отдѣленіи изложенъ порядокъ опредѣленія на мѣста канцелярскія, начиная съ низшихъ. Эти правила, вообще одобренныя комитетомъ, должны быть соображены однако при окончательной редакціи съ утвержденнымъ причисленіемъ канцелярскихъ служителей перваго разряда къ классу губернскихъ чиновниковъ.

Для справедливѣйшаго опредѣленія кандидатовъ на открывающіяся канцелярскія вакансіи предполагалось по проекту содержать въ каждомъ губернскомъ правленіи списки кандидатовъ, составляемые такъ, чтобы первое мѣсто въ спискѣ

[1]) Тамъ же стр. 177.

предоставлялось кончившимъ курсъ ученія въ гимназіяхъ; комитетъ нашелъ справедливымъ поставить съ ними наравнѣ и тѣхъ, кто, не учившись въ гимназіи, выдержалъ гимназическій экзаменъ и получилъ аттестатъ зрѣлости; на второе мѣсто ставятся неполучившіе аттестата зрѣлости. Въ каждомъ изъ этихъ двухъ отдѣловъ списка предполагалось размѣщать кандидатовъ по времени подачи ими прошеній.

Дополняя отдѣленіе второе статьи III правиломъ объ опредѣленіи на мѣста штатныя установленнаго вновь 9 разряда губернскихъ чиновниковъ, и притомъ имѣя въ виду уравнять, сколько можно, службу по уѣздамъ и въ городахъ губернскихъ, комитетъ постановилъ: 1) чтобы на вакансіи 9 разряда помѣщаемы были губернскимъ правленіемъ лучшіе изъ канцелярскихъ служителей высшаго разряда, установленнымъ порядкомъ; 2) чтобъ на вакансіи секретарей въ уѣздныхъ мѣстахъ губернское правленіе опредѣляло лучшихъ чиновниковъ 9 разряда, не разбирая, въ губернскихъ или уѣздныхъ мѣстахъ они до того служили; 3) чтобъ въ секретари губернское правленіе опредѣляло лучшаго изъ секретарей уѣздныхъ или изъ чиновниковъ 9 разряда, служащихъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ вакансія открылась. Но дабы и въ семъ отношеніи сохранить въ точности принятое вообще главное правило объ отдѣленіи части судебной отъ правительственной, комитетъ полагалъ, что всѣ чиновники, начиная съ 9 разряда, служащіе по судебной части, какъ въ губернскихъ, такъ и въ уѣздныхъ мѣстахъ, не могутъ быть переводимы на вакансіи, зависящія отъ мѣстъ правительственныхъ и обратно. Такимъ образомъ, долженъ быть допускаемъ переходъ чиновниковъ изъ уѣздныхъ судовъ въ палаты гражданскую и уголовную, или въ совѣстный судъ, а изъ земскихъ судовъ, полицій или казначействъ—въ губернское правленіе или казенную палату; но изъ уѣзднаго суда или какой либо судебной палаты переходъ въ казначейство или губернское правленіе предполагалось воспретить.

Установляя эти два рода службы по губерніямъ (кромѣ выборовъ), предполагали установить порядокъ *іерархіи*, необходимой для общественной пользы и каждой должности

обезпечить опытныхъ, привыкшихъ къ подвѣдомымъ ей дѣламъ чиновниковъ.

Впрочемъ, постановляя всѣ эти правила, комитетъ предполагалъ впослѣдствіи, когда весь проектъ дополнительнаго закона будетъ готовъ, пересмотрѣть эти предположенія [1]).

Въ засѣданіи 9 октября [2]), выслушавъ Высочайше утвержденный журналъ 4 октября, комитетъ снова вернулся къ разсужденію о необходимости совершенно уничтожить самые чины и раздѣлить всѣ по разнымъ частямъ суда и правленія установленія на двѣнадцать степеней, сообразно на дѣлѣ существующему числу военныхъ чиновъ, съ тѣмъ однако, чтобы правами, соединенными съ этими степенями, никто не пользовался иначе, какъ подъ условіемъ дѣйствительнаго занятія соотвѣтственной должности, одинаково и служащіе, и отставные; первые—по занимаемой ими въ данное время должности, вторые—по той должности, какую они занимали во время отставки. Степени должностей установляются для того, чтобъ въ торжественныхъ собраніяхъ, въ составныхъ коммисіяхъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ можно было опредѣлить, въ какомъ порядкѣ чины гражданскіе должны засѣдать, подавать голоса, подписывать бумаги. Вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено въ непродолжительномъ времени составить проектъ сравнительной табели должностей по степенямъ, стараясь существовавшія тогда, какъ и теперь, различныя названія однѣхъ и тѣхъ же должностей по разнымъ вѣдомствамъ—замѣнить общими всѣмъ вѣдомствамъ названіями.

Затѣмъ продолжали обсуждать проектъ Сперанскаго, а именно, пункты объ опредѣленіи на должности первыхъ трехъ разрядовъ. Комитетъ единогласно одобрилъ: 1) постановленія проекта о назначеніи губернскихъ прокуроровъ изъ губернскихъ стряпчихъ по представленію Министра Юстиціи Сенатомъ, признавъ при этомъ, что, охраняя до этой степени различіе судебныхъ и, правительственныхъ должностей, губернскихъ прокуроровъ слѣдуетъ все-

[1]) Тамъ же, стр. 178, 179.
[2]) Тамъ же, стр. 180—182.

таки причислить къ судебнымъ должностямъ, и 2) назначеніе Высочайшей властью предсѣдателей казенныхъ палатъ по соединенному представленію Министровъ Финансовъ и Внутреннихъ Дѣлъ, и предсѣдателей палатъ уголовнаго и гражданскаго суда—по докладу Сената изъ старшихъ совѣтниковъ судебныхъ палатъ. Но относительно порядка представленія на должности гражданскаго губернатора произошло разногласіе. Въ проектѣ Сперанскаго предполагалось назначеніе губернаторовъ посредствомъ представленія на Высочайшее утвержденіе всѣхъ предсѣдателей казенныхъ палатъ того округа, гдѣ требуется назначеніе губернатора. Предсѣдатель комитета, графъ Кочубей и четыре члена графы Толстой и Дибичъ, князь Голицынъ и Васильчиковъ, напротивъ, находили болѣе сообразнымъ съ пользою службы и съ истиннымъ понятіемъ отвѣтственности министровъ предъ Государемъ предоставить Министру Внутреннихъ Дѣлъ не всѣхъ предсѣдателей, а только трехъ лучшихъ по его выбору и притомъ предсѣдателей не только казенныхъ палатъ, но также и палатъ судебныхъ, а кромѣ того еще и четвертаго кандидата не изъ предсѣдателей, а изъ чиновниковъ другихъ вѣдомствъ, хотя бы и отставныхъ, достойныхъ занять мѣсто начальника губерніи. Сперанскій остался одинъ (такъ какъ въ этомъ засѣданіи было только 5 членовъ) при своемъ мнѣніи, замѣтивъ, однако, что отъ воли Государя Императора всегда должно зависѣть назначить губернатора по своему непосредственному усмотрѣнію, хотя бы и не изъ числа представленныхъ ему Министромъ.

Кромѣ того комитетомъ опредѣлено къ постановленію о губернскихъ землемѣрахъ присоединить о назначеніи ихъ межевымъ Сенатомъ.

Въ засѣданіи 19 октября было объявлено комитету его предсѣдателемъ, что Государь изволилъ утвердить мнѣніе предсѣдателя и четырехъ членовъ.

Въ засѣданіи 12 октября [1]) продолжалось разсмотрѣніе проекта Сперанскаго объ опредѣленіи на мѣста сверхштатныя и его рѣшено передѣлать слѣдующимъ образомъ: „Въ губерн-

[1]) Тамъ же, стр. 183—185.

скихъ правленіяхъ и палатахъ казенныхъ, уголовныхъ и гражданскихъ назначаются сверхштатныя должности, по одной въ каждомъ изъ оныхъ мѣстъ. Къ симъ должностямъ опредѣляются съ жалованьемъ половиннымъ противъ штатныхъ ассесоровъ получившіе въ русскихъ университетахъ ученыя степени кандидатовъ, магистровъ или докторовъ, какъ для испытанія ихъ способностей, такъ и для пріобрѣтенія практическихъ по службѣ свѣдѣній. Они могутъ быть представляемы на открывающіяся ассесорскія мѣста: имѣющіе степень доктора черезъ два года, магистра—черезъ три, а кандидата—черезъ четыре. На такихъ же правилахъ, но лишь для магистровъ и кандидатовъ, учреждаются мѣста помощниковъ губернскихъ стряпчихъ по два при каждомъ; изъ сихъ, по усмотрѣнію, поступаютъ на мѣста губернскихъ стряпчихъ, магистры черезъ два, кандидаты черезъ четыре года. Сверхъ того, всякій магистръ и кандидатъ, по истеченіи перваго года испытанія имѣетъ право перейти на дѣйствительную службу въ уѣзды той или иной губерніи къ какому либо соотвѣтственному ученой степени мѣсту, то есть 5 или 6 разряда, даже и по выборамъ дворянства. Студенты, окончившіе съ успѣхомъ курсъ ученія въ университетѣ, опредѣляются также сверхъ штата и съ половиннымъ противъ секретарей жалованьемъ, за секретарскіе столы въ высшихъ губернскихъ мѣстахъ и черезъ годъ, если окажутся достойными, могутъ поступать въ секретари губернскихъ правленій и палатъ. При опредѣленіи на мѣста въ министерскихъ канцеляріяхъ и департаментахъ, они, испытанные на службѣ, должны предпочитаться другимъ, не служившимъ въ губернскихъ учрежденіяхъ; они получаютъ мѣста, соотвѣтственныя тѣмъ, на которыя имѣли право, оставаясь въ прежнемъ вѣдомствѣ.

Комитетъ полагалъ распространить эти преимущества и на обучавшихся не въ университетѣ, но выдержавшихъ экзаменъ въ немъ и получившихъ аттестатъ, исключая студентовъ иностранныхъ университетовъ, гдѣ русскимъ тогда было запрещено учиться.

Въ послѣднихъ двухъ отдѣленіяхъ проекта Сперанскаго опредѣляются правила объ *увольненіи* и о *наградахъ*.

Объ увольненіи предполагалось установить: 1) члены присутственныхъ мѣстъ по части судебной, не исключая служащихъ по выборамъ, могутъ быть отставляемы или по желанію, или по суду, или за противозаконныя дѣйствія, не могущія быть доказанными формальнымъ судебнымъ порядкомъ, но достовѣрно извѣстныя, и не по представленію начальства, но не иначе, какъ Именными Высочайшими повѣленіями и съ правомъ жаловаться за несправедливое удаленіе.

2) Члены присутственныхъ правительственныхъ мѣстъ, кои не Высочайшими указами опредѣлены, могутъ быть отрѣшаемы по представленіямъ министровъ Сенатомъ, но также имѣютъ право приносить на сіе жалобу.

3) Объ удаленіи секретарей губернскихъ правленій и палатъ надлежитъ представлять Сенату, прочихъ же чиновниковъ канцелярій и служителей и даже секретарей въ уѣздахъ губернское правленіе можетъ удалить собственною властью.

4) Всякій секретарь, чиновникъ или канцелярскій служитель, отрѣшаемый отъ службы, имѣетъ право жаловаться начальству и просить взять его снова на службу и черезъ годъ, доказавъ свои способности или же что пересталъ быть нерадивымъ, получить равное съ прежнимъ мѣсто.

Относительно наградъ предполагалось установить:

1) Чиновники, не занимающіе штатныхъ мѣстъ и прослужившіе на этихъ мѣстахъ менѣе 15 лѣтъ, не могутъ быть представляемы къ орденамъ, за исключеніемъ лишь тѣхъ особенныхъ случаевъ, кои означены именно въ статутѣ ордена св. Владиміра.

2) Никто за какое отличіе не можетъ въ установленномъ для каждой части особенномъ порядкѣ быть перемѣщаемъ изъ низшей степени на высшую, минуя среднія.

3) За отмѣнное усердіе штатные чиновники и канцелярскіе служители могутъ, вмѣсто чиновъ и орденовъ, быть представляемы къ единовременнымъ денежнымъ награжденіямъ, соразмѣрнымъ, какъ съ жалованьемъ, ими получаемымъ, такъ и съ заслугами, кои обратили на себя вниманіе начальства.

4) За десять лѣтъ отличной службы въ званіяхъ, принадлежащихъ къ двумъ первымъ губернскимъ разрядамъ, выс-

шее начальство имѣетъ право представлять, между прочими наградами, и къ пожалованію дворянскимъ достоинствомъ.

5) За долговременное и безпорочное служеніе полагаются, на основаніи установляемыхъ для сего особыхъ правилъ, пенсіи не только самимъ служащимъ при отставкѣ, но и вдовамъ и дѣтямъ ихъ.

6) Для поощренія достойныхъ гражданскихъ чиновниковъ къ продолженію службы имъ дается право получить прибавочное жалованье, равное той пенсіи, полной или половинной, которую они получили бы, если бы вышли въ отставку.

Въ проектѣ Сперанскаго предполагалось, что чиновникамъ, коихъ отцы и дѣды служили болѣе 40 лѣтъ или были личными дворянами, можно послѣ трехлѣтняго служенія предоставить право просить себѣ дворянства потомственнаго, но комитетъ не утвердилъ сего, хотя и согласнаго съ постановленіями дворянской грамоты, находя оное противнымъ тому основному правилу, въ засѣданіи 31 августа сего года имъ признанному, что дворянское достоинство, какъ одна изъ высшихъ въ государствѣ наградъ, можетъ быть даруемо только особеннымъ дѣйствіемъ Монаршей милости и по собственному усмотрѣнію Его Императорскаго Величества.

Положеніе послѣдней статьи объ оставленіи всѣхъ чиновъ, доселѣ полученныхъ, вполнѣ одобрены.

Въ засѣданіи 27 ноября [1]) комитетъ приступилъ къ разсмотрѣнію составленнаго къ тому времени проекта мѣстъ и и должностей въ статской службѣ. Предсѣдатель предупредилъ при этомъ комитетъ, что, обсуждая проектъ табели, необходимо имѣть въ виду и составляемое новое положеніе о пенсіяхъ по гражданской службѣ, гдѣ также принята во вниманіе отмѣна чиновъ въ гражданской службѣ и та самая группировка, какая принята комитетомъ.

Группировка, послѣ долгаго обсужденія комитетомъ вылилась въ такой формѣ. Всѣ гражданскія должности раздѣляются на три главныя степени, соотвѣтствующія дѣленію

[1]) Тамъ же, стр. 207—210.

военныхъ чиновъ на генеральскія, штабъ-офицерскія и оберъ-офицерскія. Нижнія канцелярскія служители не входятъ въ это дѣленіе и потому не имѣютъ ни классовъ, ни степеней. Каждая изъ степеней состоитъ изъ четырехъ классовъ, такъ что всѣхъ классовъ гражданскихъ должностей двѣнадцать, коихъ именованіе не предполагалось установить на основѣ слѣдованія этихъ чиселъ. Напротивъ, предполагалось именовать относительное положеніе каждой должности и по степени, и по классу. Нѣтъ болѣе четвертаго класса, но будучи четвертаго класса можно быть трехъ различныхъ степеней: можно быть четвертаго класса и первой степени, можно быть втораго класса и третьей степени, третьяго класса и второй степени.

Въ первой степени: въ первомъ классѣ считается одинъ канцлеръ; во второмъ—члены государственнаго совѣта, министры и послы; въ третьемъ—сенаторы, государственный секретарь и проч.; въ четвертомъ—статсъ-секретари, дѣйствительные камергеры, оберъ-прокуроры, члены министерскихъ совѣтовъ, директоры департаментовъ, губернаторы, градоначальники и проч.

Во второй степени: въ первомъ классѣ считаются вице-губернаторы, предсѣдатели палатъ, и равныя имъ должности; во второмъ оберъ-секретари Сената и Синода, совѣтники палатъ и равныя имъ должности; третій классъ соотвѣтствуетъ полковничьему чину; четвертый—майорскому.

Въ третьей степени уже прямо говорится только о соотвѣтствіи съ военными чинами: третій соотвѣтствуетъ капитанамъ; второй—штабсъ-капитанамъ; третій—поручикамъ; четвертый—прапорщикамъ.

Всѣ эти классы степеней неразрывно соединены съ дѣйствительно занимаемыми должностями.

Что же касается до предположенія объ установленіи бòльшаго единообразія въ именованіи однородныхъ должностей разныхъ вѣдомствъ, то, не оставляя этого предположенія, комитетъ находилъ всетаки, что для избѣжанія возможныхъ недоразумѣній, слѣдуетъ въ табели называть должности существующими теперь названіями.

Въ засѣданіи 30 ноября [1]) комитетъ обратилъ вниманіе на чиновниковъ, по новому порядку долженствующихъ оказаться выше своихъ настоящихъ чиновъ, какъ, напримѣръ, члены министерскихъ совѣтовъ. Рѣшено постановить оставлять ихъ въ настоящемъ чинѣ, пока они не будутъ утверждены по новой табели въ высшемъ классѣ степени.

Затѣмъ опять обратились къ чтенію проекта Сперанскаго, статьи *о сравненіи мѣстъ и объ опредѣленіи на оныя*. При семъ были постановлены слѣдующія правила: 1) желающіе поступить на мѣста канцелярскія и неокончившіе полнаго курса ученія въ гимназіяхъ могутъ вмѣсто того представлять свидѣтельства о выдержаніи ими полнаго экзамена изъ гимназическаго курса въ университетѣ; 2) въ низшихъ мѣстахъ, до секретарей включительно, переходъ служащихъ по губерніямъ изъ службы правительственной въ судебную и обратно можетъ быть допускаемъ. Но поступившій на мѣсто выше секретарскаго, долженъ уже слѣдовать по избранной ими линіи правительственной или судебной; но переходъ изъ уголовной въ гражданскую палату или изъ губернскаго правленія въ казенную палату и обратно не возбраняется; 3) для воспрепятствованія слишкомъ быстрому переходу изъ низшихъ должностей въ ассесоры и для необходимости постепенности въ достиженіи званія, дающаго потомственное чиновное гражданство, нужно учредить *помощниковъ ассесорскихъ*. Обязанности ихъ будутъ опредѣлены при образованіи губернскаго управленія; положеніе ихъ назначается въ 1 классѣ 3 степени; 4) надлежитъ учредить нѣсколько сверхштатныхъ мѣстъ помощниковъ ассесорскихъ, для магистровъ и кандидатовъ. Магистры будутъ назначаемы ассесорскими помощниками черезъ два года, кандидаты чрезъ четыре; доктора же опредѣляются прямо ассесорами чрезъ два года службы; 5) до ассесорскаго и равныхъ съ нимъ званій порядокъ опредѣленія къ мѣстамъ и старшинство заключаются въ предѣлахъ одной губерніи. Но ассесоры и совѣтники должны уже быть опредѣляемы Сенатомъ по ок-

[1]) Тамъ же, стр. 210—212.

ругу, изъ нѣсколькихъ губерній, состоящему. Впрочемъ, каждому ассесору и совѣтнику надлежитъ предоставить право, если бы обстоятельства не позволяли ему принять слѣдующаго мѣста въ иной губерніи, отказаться отъ него, не теряя своей очереди при будущихъ вакансіяхъ.

Сверхъ того, было разсуждаемо о необходимости связать гражданскую службу по губерніямъ со службою по министерствамъ и постановить нѣкоторыя правила для перехода изъ одной въ другую, съ тѣмъ, однако же, чтобы онъ былъ допускаемъ только въ мѣста равныя тому, какое занималъ переходящій. Такимъ образомъ, по мнѣнію комитета, министерства имѣли бы всегда чиновниковъ, знающихъ мѣстныя обстоятельства и нужды разныхъ губерній; а губернскія присутственныя мѣста могли бы имѣть хотя нѣсколько членовъ, пріобрѣвшихъ уже опытность въ дѣлахъ высшаго управленія, и притомъ не было бы подано повода къ оставленію одной части для другой безъ нужды и съ единою цѣлью скораго повышенія. Для опредѣленія сихъ правилъ положено составить особую краткую таблицу мѣстъ по общей службѣ въ столицахъ и губерніяхъ и уравнять, сколько будетъ возможно, постепенное повышеніе служащихъ въ разныхъ частяхъ управленія.

Въ засѣданіяхъ 7 и 12 февраля 1830 г. [1]) комитетъ, признавая по прежнему необходимымъ уничтожить существованіе *титулярныхъ* чиновъ, находилъ, однако, что отмѣняя впредь всякое производство въ чины безъ назначенія на соотвѣтственныя должности, самыя названія чиновъ сохранить, какъ слишкомъ привычныя, укоренившіяся, общепринятыя. Слова *чинъ* и *чиновникъ* такъ слились со всѣмъ нашимъ законодательствомъ, съ языкомъ нашаго служебнаго производства, что обойтись безъ нихъ на дѣлѣ будетъ очень трудно. Другого слова замѣняющаго вполнѣ слово *чиновникъ* не найти.

Въ засѣданіи 19 февраля [2]) комитетъ опять обсуждалъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 441—444.
[2]) Тамъ же, стр. 449—450.

тотъ же вопросъ и постановилъ ст. X проекта положенія о гражданскихъ чинахъ изложить такъ: „Чиновники, имѣющіе чины ниже мѣстъ, нынѣ ими занимаемыхъ, сохраняютъ сіи мѣста и получаютъ право именоваться чинами, симъ мѣстамъ соотвѣтствующими, но сіе право не распространяется ни на тѣхъ, кои состоятъ только въ должности, а не въ настоящемъ по мѣсту своему званіи, ни на занимающихъ мѣста, принадлежащія къ тремъ первымъ степенямъ, на которыя назначаются лишь Именными Высочайшими указами. Оно не распространяется и на служащихъ по выборамъ отъ дворянства и отъ городовъ. Сіи послѣдніе пользуются преимуществами, присвоенными равнымъ съ ихъ должностями мѣстамъ, лишь заурядъ". Комитетъ, однако, полагалъ возможнымъ прослужившимъ не менѣе двѣнадцати лѣтъ въ званіяхъ губернскихъ и уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства, совѣстныхъ и уѣздныхъ судей, засѣдателей уголовныхъ и гражданскихъ палатъ, совѣстныхъ и уѣздныхъ судовъ и земскихъ исправниковъ, дозволить именоваться чинами той степени, къ коимъ причислены сіи званія.

Наконецъ, въ засѣданіе 23 февраля [1]) предсѣдатель сообщилъ, что, разсмотрѣвъ журналы комитета 7 и 12 февраля, Государь нашелъ не малыя неудобства въ предположеніи уничтоженія чиновъ, какъ чего то особаго отъ должностей, и сохраненія старыхъ чиновныхъ наименованій. Это можетъ повести къ разнымъ поискамъ. Но Государь всетаки думалъ, что всетаки можно осторожнѣе отнестись къ вкоренившейся привычной всѣмъ чиновничьей терминологіи: 1) сохранивъ чиновникамъ первыхъ пяти классовъ наименованія: дѣйствительныхъ тайныхъ, тайныхъ, дѣйствительныхъ статскихъ и статскихъ совѣтниковъ и 2) чиновникамъ отъ 6 до 12 степени вмѣсто чиновъ коллежскаго и надворнаго совѣтниковъ, титулярныхъ совѣтниковъ, коллежскихъ ассесоровъ, секретарей, губернскихъ секретарей и проч. предоставить именоваться совѣтниками, ассесорами, секретарями, дѣлопроизводителями и т. д. различныхъ классовъ отъ 6 до 12.

[1]) Тамъ же, стр. 451.

Этимъ и кончились работы комитета. Въ Государственный Совѣтъ, помимо департаментовъ, прямо въ общее собраніе и притомъ даже въ чрезвычайныя общія собранія, былъ изъ комитета 6 декабря 1826 года внесенъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ, куда вошли и проектированныя постановленія *о порядкѣ гражданской службы* въ 11 §§ слѣдующаго содержанія:

§ 1. Производство въ чины по всѣмъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства отнынѣ прекращается.

§ 2. На будущее время чины въ гражданскомъ порядкѣ имѣютъ означать единственно степень службы въ тѣхъ мѣстахъ и должностяхъ, кои присвоены по общему сравнительному росписанію, при семъ издаваемому.

§ 3. Чинъ нераздѣльно соединяется съ мѣстомъ. Опредѣленіе къ мѣсту присвояетъ чинъ, по росписанію ему соотвѣтствующій. Каждый по службѣ считается въ чинѣ той степени, въ коей состоитъ мѣсто занимаемое.

§ 4. Патенты по особой для сего установленной формѣ выдаются чиновникамъ при поступленіи ихъ на высшее по степени мѣсто такъ же, какъ доселѣ оные выдавались при производствѣ въ чинъ.

§ 5. Опредѣленіе на мѣста производится по назначенному особенно для каждаго вѣдомства порядку: никто не можетъ быть опредѣленъ на высшее въ семъ порядкѣ мѣсто, миновавъ среднія между онымъ и тѣмъ, которое онъ занималъ прежде. Изъ сего общаго правила допускаются изъятія въ чрезвычайныхъ только случаяхъ и тогда къ званію мѣста присоединяется слово: „*въ должности*“. Опредѣляемые такимъ образомъ безъ соблюденія установленной постепенности *въ должность* утверждаются въ настоящихъ по симъ мѣстамъ званіяхъ лишь по особеннымъ Императорскаго Величества повелѣніямъ и не прежде, какъ чрезъ два года дѣйствительной въ сихъ должностяхъ службы. При переходѣ чиновниковъ изъ одного вѣдомства въ другое также наблюдается, чтобы они были опредѣляемы, если не на равныя съ прежними, то, по крайней мѣрѣ, не болѣе какъ одною степенью выше оныхъ по общему сравнительному росписанію мѣстъ. Впро-

чемъ, никому не воспрещается принять мѣсто и низшей противъ прежняго степени, въ томъ или другомъ вѣдомствѣ.

§ 6. Старшинство въ службѣ считается со времени поступленія на мѣсто, соотвѣтствующее XII степени по сравнительному росписанію мѣстъ и должностей. Дворяне достигаютъ сей степени по истеченіи двухъ лѣтъ отъ начала вступленія ихъ въ дѣйствительную службу; лица же прочихъ состояній— въ сроки, для каждаго состоянія особенно опредѣленные.

§ 7. Старшинство въ степени мѣста и чина считается со времени опредѣленія въ званіе, чину той степени соотвѣтствующее.

§ 8. Чинамъ, доселѣ полученнымъ, сохраняются всѣ прежнія права ихъ и преимущества, исключая лишь дальнѣйшаго производства безъ поступленія на мѣсто высшее, какъ о томъ постановлено въ § 1.

§ 9. Чиновники, имѣющіе чины выше мѣстъ ими занимаемыхъ, сохраняютъ преимущества чина и потому: 1) считаются старшими въ томъ званіи, въ коемъ они служатъ; 2) имѣютъ быть, по разсмотрѣнію ихъ способностей и заслугъ, предпочтительно опредѣляемы на вакансіи мѣстъ, чину ихъ соотвѣтствующихъ, но не иначе, какъ съ соблюденіемъ установленной въ каждомъ вѣдомствѣ постепенности на основаніи положеній § 5.

§ 10. Чиновники, имѣющіе чины ниже мѣстъ, нынѣ ими занимаемыхъ, сохраняютъ сіи мѣста и получаютъ право именоваться чинами степеней, симъ мѣстамъ соотвѣтствующихъ, но сіе право не распространяется ни на тѣхъ, кои состоятъ только въ должности, а не въ настоящемъ по мѣсту своему званіи, ни на занимающихъ мѣста, принадлежащія къ тремъ первымъ степенямъ, на которыя, а равно и въ чины соотвѣтствующихъ онымъ степеней, назначаются лишь именными за подписаніемъ Императорскаго Величества указами. Служащіе по выборамъ отъ дворянства и отъ городовъ пользуются преимуществами, присвоенными равнымъ съ ихъ должностями мѣстамъ, лишь заурядъ. Но тѣ изъ нихъ, кои непрерывно въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ исправляли должность губернскихъ и уѣздныхъ предводителей и депу-

татовъ дворянства, совѣстныхъ и уѣздныхъ судей, засѣдателей палатъ уголовныхъ и гражданскихъ, а равно совѣстныхъ и уѣздныхъ судовъ и земскихъ исправниковъ, получаютъ право именоваться чинами той степени, къ коей причислены сіи званія.

§ 11. Получивъ увольненіе отъ службы, чиновники сохраняютъ названія своихъ чиновъ, присовокупляя къ нимъ *отставный*.

Этотъ проектъ вызвалъ очень много критическихъ замѣчаній со стороны отдѣльныхъ лицъ. Графъ Строгановъ [1]) останавливается прежде всего на § 5 и находитъ, что съ перваго взгляда предоставляемое въ этомъ параграфѣ право назначать поступающихъ вновь на службу, минувъ одну степень, кажется несообразнымъ цѣли, указанной въ проектѣ манифеста: установленію строгой постепенности служебнаго движенія. Однако, нельзя не признать, что способный чиновникъ по собственнымъ заслугамъ и потребностямъ самой службы можетъ миновать иногда и болѣе одной степени, чтобъ достигнуть мѣста, свойственнаго познаніямъ и дарованіямъ его. Въ отвращеніе же возможности пристрастія, полезно было бы такія изъятія обусловить строгимъ испытаніемъ, теоретическимъ и практическимъ. Не касаясь ни мало правила общаго, спасительнаго для государства, внушеннаго справедливостью и опытомъ, что высшія должности должны быть доступны заслугамъ, не взирая на происхожденіе лицъ, графу Григорію Строгонову казалось бы умѣстнымъ и соотвѣтственнымъ цѣли закона предоставить однимъ дворянамъ придворные чины и служеніе въ старой гвардіи, такъ какъ имъ предоставлены Пажескій корпусъ и Царскосельскій лицей.

Министръ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютантъ Закревскій [2]) въ сравнительной табели мѣстъ и должностей нашелъ пропуски изъ должностей его министерства. Въ § 5 сказано, что никто не можетъ быть опредѣленъ на высшее мѣсто, миновавъ среднія, и что изъ сего правила допускаются изъятія въ чрез-

[1]) Тамъ же, стр. 552.
[2]) Тамъ же, стр. 554.

вычайныхъ токмо случаяхъ, и тогда къ званію мѣста присоединяется слово *въ должности* и что такіе *въ должности* чиновники утверждаются въ настоящихъ по симъ мѣстамъ званіямъ лишь Императорскимъ Величествомъ не прежде, какъ чрезъ два года дѣйствительной въ сихъ должностяхъ службы. Два года, по мнѣнію министра, достаточны, когда на чиновника VIII степени возлагается должность VI степени, но если кто изъ IX поступаетъ на VI, въ такомъ случаѣ двухгодичная заслуга слишкомъ кратковременна. И теперь найдется много титулярныхъ совѣтниковъ, служащихъ совѣтниками въ губернскихъ правленіяхъ и палатахъ. Въ § 6 постановлено, что старшинство службы считается со времени поступленія на мѣсто XII степени. Отмѣняется ли чрезъ сіе недавно изданный уставъ о пенсіяхъ, по коему служба, въ нижнихъ званіяхъ проведенная, пріемлется съ 16-тилѣтняго возраста, неизвѣстно.

Тайный совѣтникъ Вилламовъ[1]) также критиковалъ проектъ и, между прочимъ, находилъ, что при вторичномъ обсуживаніи проекта постановленія о состояніяхъ и о производствѣ въ чины, изъявлены вновь желанія однихъ членовъ Государственнаго Совѣта, чтобы сохранить прежнія названія чиновъ и прежнее производство,—другихъ, чтобы для поощренія служащихъ сохранить нѣкоторое въ чины независимое отъ перехода въ высшее мѣсто. Кажется, можно удовлетворить симъ желаніямъ, не нарушая предполагаемаго новаго кореннаго закона, не допускающаго производства чинами безъ соотвѣтственныхъ имъ мѣстъ или въ чины, несоотвѣтственные мѣстамъ, посредствомъ слѣдующаго дополненія: Государственнымъ Совѣтомъ уже положено предоставить гг. министрамъ и управляющимъ особыми частями по данному при проектѣ новаго закона образцу, составить по каждому вѣдомству табели о рангахъ или классахъ и по онымъ расписать всѣ должности своего вѣдомства. При исполненіи сего: во 1-хъ, не возбраняется любящимъ старыя названія сохранить оныя для означенія расписываемыхъ должностей своего вѣдомства и

[1]) Тамъ же, стр. 555 и 577.

называть, напримѣръ, своихъ столоначальниковъ коллежскими совѣтниками или надворными совѣтниками; своихъ начальниковъ отдѣленій коллежскими или статскими совѣтниками; во 2-хъ, можно нѣкоторымъ должностямъ присвоить два класса, такъ что вступающій въ должность считается въ низшемъ, а прослужившій въ ней опредѣленное число лѣтъ, если не поступитъ на высшее мѣсто за неимѣніемъ вакансіи, можетъ въ видѣ *старшаго* или *заслуженнаго* быть произведенъ въ слѣдующій классъ, напримѣръ, имѣть столоначальниковъ VIII и VII класса; въ 3-хъ, подобно сему положить и для старшихъ учителей два класса: IX и VIII.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ [1]) представилъ слѣдующія соображенія: „Доселѣ производство въ чины было независимо отъ мѣстъ, всякій могъ быть повышаемъ или за выслугу лѣтъ или за отличія по удостоенію начальства; но чины приносили всѣ высшія преимущества, они же давали и право на мѣста, а недворянинъ, достигшій извѣстной въ нихъ степени, не только лично пріобрѣталъ дворянство, но и утверждалъ оное въ своемъ потомствѣ. Сей порядокъ производства въ чины и права, онымъ принадлежащія, составляли одно изъ главнѣйшихъ привлеченій къ исканію и продолженію службы, ибо жалованье чиновникамъ вообще у насъ такъ скудно, что не только не устраиваетъ благосостоянія служащаго, но и недостаточно для самыхъ необходимыхъ его потребностей. Посему сколь не преимущественнѣе мѣры, нынѣ предлагаемыя и сколь ни справедливы онѣ въ своихъ основаніяхъ, но какъ сими мѣрами производство въ чины дѣлается затруднительнѣе и медлительнѣе, а чины теряютъ одно изъ важнѣйшихъ своихъ преимуществъ,—доставленіе правъ дворянства, то, по мнѣнію моему, необходимо при сей перемѣнѣ обратить вниманіе на то, что, если содержаніе чиновниковъ будетъ оставлено въ настоящемъ положеніи, то правительство можетъ подвергнуться въ нихъ недостатку. Состояніе дворянства, очевидно, приходитъ болѣе и болѣе въ упадокъ и самая необходимость заставитъ его, наконецъ, обра-

[1]) Тамъ же, стр. 557.

титься предпочтительно къ хозяйственнымъ своимъ занятіямъ; недворянинъ не найдетъ также причинъ жертвовать службѣ временемъ своимъ и достояніемъ. Посему я полагаю, что какъ для предупрежденія оскудѣнія въ достойныхъ чиновникахъ, такъ и для прочнаго удержанія ихъ въ службѣ, введеніе настоящей перемѣны должно быть непремѣнно въ совокупности съ другою мѣрою, и именно: съ увеличеніемъ жалованья по всѣмъ частямъ гражданской службы, и что безъ сего вспомогательнаго средства настоящее положеніе не принесетъ желаемой пользы. Впрочемъ, предлагаемая мною мѣра предположена уже учрежденіемъ по Высочайшему повелѣнію комитета для составленія новыхъ штатовъ, но какъ означенные штаты и при самомъ умѣренномъ возвышеніи окладовъ по обширности государства нашего должны составить весьма значительное увеличеніе суммы, которое по настоящему положенію государственнаго казначейства можетъ быть для него обременительно, то по моему мнѣнію, надлежало бы неукоснительно составить комитетъ для изысканія способовъ къ прикрытію сего новаго расхода, столь вообще справедливаго и столь необходимаго, особенно въ настоящемъ случаѣ".

Князь Долгоруковъ [1]) 20 марта того же года тоже высказывается противъ новаго порядка. „Производство въ чины, говоритъ онъ, по всѣмъ мѣстамъ гражданскаго вѣдомства отнынѣ прекращается. Неоспоримо, что производство въ чины по гражданскому вѣдомству сопряжено съ злоупотребленіями, но нужно видѣть, будутъ ли они прекращены со введеніемъ новаго порядка и не замѣнятся ли другими важнѣйшими. Для сего разсмотримъ приписываемый чинамъ вредъ и ожидаемую пользу отъ прекращенія производства въ оные. Вредъ отъ чиновъ въ нынѣшнемъ ихъ положеніи, по словамъ проекта манифеста, заключается въ томъ, что чины, умножаясь почти ежедневно, потеряли прежнюю ихъ связь и соразмѣрность съ мѣстами. Сіе неудобство не столь еще вредно для службы, тѣмъ болѣе, что оно было уже исправлено порядкомъ, въ

[1]) Тамъ же, стр. 558—559.

учрежденіи о губерніяхъ предписаннымъ, по которому всѣмъ мѣстамъ присвоены соотвѣтствующіе классы и не велѣно опредѣлять къ онымъ иначе, какъ чиномъ выше или ниже. При строгомъ соблюденіи сего порядка, чины, не давая права на мѣста, были однако же необходимымъ для полученія оныхъ условіемъ, и сіе мнѣ кажется весьма справедливымъ, ибо во всякомъ случаѣ пріобрѣтаются или долговременной службой или отличными заслугами, награждаемыми постепенно; чинъ, полученный за безпорочную выслугу лѣтъ, и прежде не давалъ права на высшее мѣсто, когда чиновникъ, хотя впрочемъ и полезный, ибо не всѣ мѣста требуютъ отличнѣйшихъ способностей, которыя замѣняются опытностью, трудолюбіемъ и честностью, былъ къ оному неспособенъ. Не опредѣлить его, а избирать достойнѣйшаго было всегда дѣломъ начальства, но, по крайней мѣрѣ, онъ не оставался забытымъ отъ правительства и могъ быть увѣренъ, что безпорочная выслуга узаконенныхъ лѣтъ въ чинѣ доставитъ ему слѣдующіе. Сія увѣренность въ наградѣ подкрѣпляла его и удерживала въ службѣ. Не должно опасаться, чтобы кто либо, не имѣя отличныхъ способностей, достигъ скоро высшихъ чиновъ въ государствѣ, ибо положенные для выслуги годы составляютъ около полувѣка".

Съ чинами сопряжено право на дворянство. Нельзя не чувствовать истины сего замѣчанія и не сознаться въ необходимости ограничить число дворянства, преградивъ пути къ достиженію онаго. Сей же причинѣ, а не производству въ чины, должно приписать и всѣ исчисленныя вредныя послѣдствія. „Даже скорѣе предполагать можно, что непрестанная зыблемость въ путяхъ службы, частые переходы изъ одного вѣдомства въ другое, нравственная порча и ложныя понятія объ обязанностяхъ службы произойдутъ отъ новаго порядка гражданской службы". „Производство въ слѣдующій чинъ по выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ или по отличію всегда было сильнымъ побужденіемъ, въ первомъ случаѣ, къ продолженію безпорочной службы, а во второмъ къ оказанію государству отличныхъ заслугъ. Сія магическая сила чиновъ, правительству ничего не стоющихъ, нынѣ сама собою уничтожится и

перейдетъ къ мѣстамъ. Если, по словамъ проекта манифеста, „нравственная порча и ложныя понятія объ обязанностяхъ службы происходятъ отъ того, что онѣ измѣряются не внутреннею ихъ силою, но внѣшними въ чинахъ успѣхами и быстрымъ въ нихъ прохожденіемъ“, то изъ сего слѣдуетъ, что въ чины не всегда производили по заслугамъ, но получали ихъ иногда по искательству или по особенному покровительству, что, какъ мѣста гораздо важнѣе чиновъ и ихъ въ государствѣ менѣе, то нынѣ злоупотребленія въ опредѣленіи къ онымъ будутъ несравненно вреднѣе прежнихъ, тѣмъ болѣе, что присвоенные мѣстамъ чины дѣлаютъ прохожденіе службы быстрѣйшимъ.

„Чинамъ приписывается „непрестанная зыблемость въ путяхъ службы и частые переходы изъ одного вѣдомства въ другое“, но переходы сіи теперь будутъ гораздо чаще, ибо ими одними на основаніи § 5 можно достигать высшихъ степеней въ государствѣ. Чиновники, занимающіе мѣста нынѣ, когда они не имѣютъ еще той важности, можетъ быть, принуждены будутъ въ то время оставить ихъ или съ охотою согласиться, на основаніи § 5, принять мѣста низшія, чтобъ тѣмъ открыть другимъ, по протекціи служащимъ, единственный путь къ достиженію мѣстъ высшихъ. Впрочемъ, нѣкоторые, особенно покровительствуемые судьбою по тому жъ §, минуя среднія мѣста, могутъ быть опредѣлены къ высшимъ *въ должность* и чрезъ два года сдѣлаться настоящими. Такимъ образомъ, всякій по сему расчету при особенно благопріятствующихъ обстоятельствахъ можетъ занять самую высшую степень въ государствѣ со временъ полученія имъ XII класса въ самое короткое время. Едва ли нельзя также назвать непрестанною зыблемостью въ путяхъ службы, что каждый при полученіи мѣста не о томъ будетъ думать, чтобъ пріобрѣсти въ немъ опытность и за труды свои получить постепенно чины, но о томъ только, чтобъ при малѣйшей удобности и случаѣ оставить его и промѣнять на мѣсто высшее. Теперь, по словамъ проекта манифеста, „чины потеряли связь и соразмѣрность съ мѣстами“, но тогда самыя мѣста потеряютъ свою постепенность, ибо чиновникъ, зани-

мавшій мѣсто высшее, будетъ имѣть возможность занимать низшее по предполагаемому въ немъ собственному желанію.

Адмиралъ Мордвиновъ [1]), указываетъ, что устанавливаемое проектомъ различіе между военною и гражданскою службою, а именно что въ первой дворянство пріобрѣтается уже первымъ офицерскимъ чиномъ, а во второй только чиномъ VIII класса, кажется ему для состоящихъ въ гражданской службѣ обиднымъ. „Военные ограждаютъ безопасность государства. Гражданскіе удерживаютъ въ цѣлости благосостояніе онаго; отличные же въ дарованіяхъ между сими послѣдними возводятъ на высшія степени просвѣщенія и разливаютъ по всѣмъ состояніямъ народа богатство. Было время, что для защиты отечества и гражданскіе чиновники воспринимали на себя служеніе военное и столько же ревностными оказывали себя, какъ и носящіе чины военные. Отъ сего великаго въ преимуществахъ различія можетъ притомъ послѣдовать, что всѣ стремятся къ одной военной службѣ; гражданскія же мѣста оскудѣютъ чиновниками или потребны будутъ великіе оклады въ жалованьѣ, для удержанія ихъ въ службѣ. По мнѣнію моему, оба рода служенія надлежало бы поставить въ равной степени уваженія“.

Князь Карлъ Ливенъ [2]) высказался о несправедливости, съ какою въ проектѣ опредѣляется положеніе ученыхъ, которое отмѣною чиновъ существенно измѣняется къ худшему. „Во всѣхъ отрасляхъ государственной службы лѣстница степеней велика и достиженіе высшей ни чѣмъ не преграждено, въ одной только ученой части седьмою, шестою, а много, что пятою степенью ходъ вовсе прекращается. Уваженіе общее—есть цѣль, которую каждый человѣкъ достигать старается и достиженіе коей благороднымъ душамъ и отличнымъ дарованіямъ тѣмъ нужнѣе, чѣмъ живѣе онѣ чувствуютъ, что сего уваженія достойны. Предположеніе, что ученые люди, чувствуя свое достоинство, онымъ довольствуются, ни что иное, какъ теоретическое разсужденіе, ко-

[1]) Тамъ же, стр. 562.
[2]) Тамъ же, стр. 568.

торое въ существѣ не оправдывается и которое, напротивъ того, вседневные примѣры ясно опровергаютъ. Если указываютъ, что въ другихъ государствахъ ученые чиновъ не имѣютъ и объ нихъ не думаютъ, то не должно забывать, что въ тѣхъ государствахъ вообще чины никогда той важности не имѣли, какъ у насъ въ Россіи. Тамъ знатная порода, богатства, отличныя познанія по всякой части болѣе уважаются, чѣмъ чины. У насъ же въ Россіи, гдѣ болѣе ста лѣтъ главная пружина правительства заставлять людей исполнять ея цѣли къ общему благу были почести, сопряженныя съ чинами, въ государственной службѣ пріобрѣтенными, безъ коихъ ни знатная порода, ни большое имущество, ни другія выгодныя положенія уваженія не доставляютъ,—у насъ въ Россіи ученое званіе даже въ столицахъ безъ соединенія съ чинами далеко тѣмъ уваженіемъ не пользуется, какъ въ чужихъ краяхъ, не говоря о провинціяхъ, гдѣ ученаго безъ чина зовутъ просто учителемъ, съ каковымъ наименованіемъ соединяютъ понятіе о нихъ съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое могли произвесть въ нихъ домашніе учители, состоящіе до сего времени большею частью изъ иностранцевъ, малаго, а часто и никакого, уваженія недостойныхъ. У насъ, гдѣ правительство вынужденнымъ находилось, съ одной стороны, привлекать отличными почестями въ Россію иностранныхъ ученыхъ, съ другой, соединять классные чины съ учеными степенями, дабы пріохотить молодыхъ людей къ продолжительному ученію и достиженію чрезъ то основательныхъ познаній, у насъ еще такъ мало охоты къ ученію, такъ мало уваженія къ учености, что даже отличнѣйшее въ государствѣ сословіе—дворянство, желая избѣгать продолжительнаго обученія своихъ дѣтей, всячески старалось испросить права университетскимъ пансіонамъ, гдѣ въ половинное время поверхностнаго ученія, дѣти ихъ пріобрѣтаютъ тѣ же чины, какъ и въ университетахъ. У насъ таковая преграда и пресѣченіе всякой надежды къ достиженію уважительнѣйшихъ степеней по ученой части должно отвратить и, такъ сказать, убить всю охоту къ сей для государства столь нужной и всякаго поощренія достойной части. А потому я прошу Государственный Совѣтъ

отвратить столь важное неудобство прiисканiемъ способа не уронить сiю для государственной пользы толико важную часть при установленiи благодѣтельныхъ для прочихъ постановленiй".

Министръ финансовъ Канкринъ [1]) предлагалъ способъ согласить всѣ мнѣнiя и избѣжать неудовольствiя публики по предметамъ несущественнымъ. Для этого, по его мнѣнiю, слѣдовало бы: 1) до статскаго совѣтника писать классами; отъ статскаго совѣтника (включительно) выше—нынѣшними званiями; 2) сообразно сему передѣлать табель классификацiи мѣстъ; 3) возстановить прежнее правило, чтобы къ мѣстамъ по табели опредѣлить только классомъ ниже и классомъ выше; 4) никто, оставаясь на одномъ мѣстѣ, не можетъ получить болѣе одного чина противъ класса мѣста, которое занимаетъ; 5) никто не можетъ получить чинъ статскаго совѣтника, не бывъ опредѣленъ къ мѣсту 5-го класса; 6) правила объ экзаменахъ согласить съ сими правилами, принимая, во всякомъ случаѣ, руководствомъ, что право къ чину даетъ занимаемое мѣсто, а не экзаменъ; 7) правила о переименованiи военныхъ чиновъ въ гражданскiе остаются какъ нынѣ; 8) положенныя для выслуги лѣта ограничиваются 4-мъ правиломъ; 9) чинъ даетъ право дворянства, только начиная съ генералъ-маiора или съ дѣйствительнаго статскаго совѣтника; въ низшихъ степеняхъ оно зависитъ отъ Высочайшей милости.

Московскiй, генералъ-губернаторъ князь Голицынъ [2]) относительно гражданской службы высказалъ слѣдующiя соображенiя: „Я полагаю, что никакъ не должно требовать, чтобъ для достиженiя правительственныхъ или судейскихъ мѣстъ нужно было проходить всю лѣстницу низшихъ степеней, заключающихъ въ себѣ всѣ канцелярскiе чины до секретаря, ибо люди готовящiеся занимать судебныя мѣста, кои нѣкогда составлять будутъ особое званiе, извѣстное въ другихъ земляхъ подъ именемъ магистратуры, сiи люди удобно замѣнить могутъ опытныя по сему предмету познанiя ученiемъ систематическимъ, а принадлежа съ

[1]) Тамъ же, стр. 571.
[2]) Тамъ же стр. 576.

юныхъ лѣтъ къ высшему кругу общества и по праву личнаго воспитанія и по отличному образованію, необходимо нужному для предлежащаго имъ поприща, вѣрнѣе могутъ пріобрѣсть и сохранить ту возвышенность чувствованій, ту пламенную любовь къ справедливому, ту благородную твердость, которыя рѣшительно возстаютъ противъ всего, что только оскорбляетъ истину или нарушаетъ правосудіе, и которыя существенно должны знаменовать, отличительный характеръ человѣка, призваннаго къ столь важнымъ обязанностямъ.

„Я думаю, что за исключеніемъ занятій адвокатскихъ, которыя служатъ школою для поступающихъ въ судьи, нигдѣ и никогда секретари и всѣ составляющіе канцеляріи присутственныхъ мѣстъ, или служащіе въ канцеляріяхъ адвокатовъ, прокуроровъ или нотаріусовъ, не поступаютъ въ число готовящихся присутствовать въ мѣстахъ правительственныхъ или судебныхъ. Посему желалъ бы я, пока не образовалось сословіе адвокатовъ, чтобъ люди, составляющіе канцеляріи и самые секретари оставались сколько можно долѣе на своихъ мѣстахъ, чтобъ они побуждены были вмѣнять себѣ за честь занимать сіи мѣста, неотмѣнно требующія труда постояннаго и долговременнаго, чтобъ они, наконецъ, находили въ томъ свои выгоды не только въ отношеніи къ почести, но и въ отношеніи къ обезпеченному благосостоянію. Секретари и прочіе чиновники канцелярскіе могли бы, какъ хорошіе адвокаты, сохраняя честное имя, взимать съ просителей положенный закономъ доходъ (аксиденціи) и по истеченіи извѣстнаго времени получать отъ правительства почетныя отличія, заслуженныя похвальнымъ объ нихъ мнѣніемъ и общественною довѣренностью.

„Посредствомъ сего только раздѣленія судейскаго отъ канцелярскаго званія, государство можетъ пріобрѣсти для судебныхъ и распорядительныхъ мѣстъ членовъ просвѣщенныхъ, движимыхъ высокими чувствами и правдолюбіемъ, а для канцелярскихъ должностей людей несомнительной честности, съ достаточными познаніями, которые будутъ имѣть свою пользу и награду въ сохраненіи сихъ должностей.

„Разумѣется, что всякая должность, сверхъ познаній общихъ,

что обыкновенно называется курсомъ классической словесности, требуетъ отъ желающаго занимать оную свѣдѣній особенныхъ, напримѣръ, для присутствованія въ судахъ должно бы было имѣть степень доктора правъ, для засѣданія въ финансовыхъ учрежденіяхъ такую же ученую степень въ политической экономіи или другихъ камеральныхъ наукахъ, и подобнымъ образомъ для занятія таковыхъ же должностей въ другихъ мѣстахъ слѣдовало бы предварительно доказать свою способность основательнымъ и систематическимъ изученіемъ предметовъ, болѣе относящимся къ каждой части".

Апрѣля 16 Государю была вручена гр. Кочубеемъ записка тайнаго совѣтника М. А. Балугьянскаго [1]), гдѣ о чинахъ заключалось очень подробное разсужденіе. „О чинахъ, говорилъ онъ, четыре новыя правила установляются: 1) всѣ чины соединяются съ мѣстами; 2) почетные чины уничтожаютъ; 3) уничтожаютъ также пріобрѣтеніе дворянства чинами и 4) изъ чиновниковъ, лишенныхъ дворянства, рѣшено составить чиновное гражданство. Ничего нѣтъ справедливѣе соединенія чиновъ съ мѣстами. Сіе правило было основаніемъ табели о рангахъ 1722 года, но со временемъ измѣнилось по двумъ причинамъ: 1) потому что организація управленія измѣнилась и 2) что съ 1790 и 1799 годовъ чины стали получаться за выслугу лѣтъ. Такимъ образомъ писаря, остающіеся всегда при одной лишь перепискѣ, доходятъ до коллежскаго совѣтника и выше.

„Три средства представляются для искорененія сего зла: 1) возвратить прежнее устройство учрежденій; 2) составить новую табель о рангахъ существующихъ мѣстъ и чиновъ и 3) опредѣлить вмѣстѣ съ тѣмъ и новыя правила о опредѣленіи на мѣста и производство въ чины. Первое не возможно, такъ какъ немыслимо теперь возстановить старыя петровскія учрежденія. Итакъ, сохранивъ нынѣшнее устройство государственныхъ учрежденій и присвоенныя имъ названія, должно составить новую табель мѣстамъ и сопряженнымъ съ ними чинамъ. Но при этомъ, кажется, не было бы никакого неудобства,

[1]) Тамъ же, стр. 581—586.

если бы, сохранить за чинами, связанными съ новыми должностями, старыя привычныя названія коллежскихъ совѣтниковъ, ассесоровъ, секретарей.

„Затѣмъ, соединивъ по общему правилу чины съ должностями, *не можно ли допустить существованіе нѣкоторыхъ почетныхъ чиновъ*, какъ они существуютъ во всѣхъ абсолютныхъ монархіяхъ Европы. Такъ, напримѣръ, въ Пруссіи должности и званія, съ ними связанныя, суть оберъ и просто регирунгсъ, юстицъ, финанцъ, легаціонсъ, шуль, медициналь, консисторіаль, ландъ, форстъ, бау-раты, но за отличіе особое по службѣ могутъ получать почетныя званія тайныхъ (гехеймъ) оберъ или просто совѣтниковъ; секретари же получаютъ почетныя званія гофрата и дѣйствительнаго гофрата. Только оберъ гехеймъ ратъ получаетъ также титулъ превосходительства; въ Австріи нѣтъ столько различій; однакожъ и тамъ даются почетные чины дѣйствительнаго тайнаго и просто тайнаго совѣтника, придворнаго совѣтника и просто совѣтника за отличіе и за выслугу лѣтъ за 20, 30 и болѣе лѣтъ. Титулъ превосходительства присвоивается лишь двумъ первымъ чинамъ.

„Подражая симъ примѣрамъ можно бы у насъ установить также почетные чины дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, тайнаго совѣтника, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, статскаго совѣтника, дѣйствительнаго коллежскаго совѣтника, надворнаго совѣтника, совѣтника съ названіемъ лѣснаго, горнаго, коммерціи и т. п. титулярнаго". Но Балугьянскій и самъ оговаривается, что число этихъ почетныхъ чиновъ можно бы и убавить.

Обстоятельныя замѣчанія сдѣланы, кромѣ приведенныхъ еще Герцогомъ А. Виртембергскимъ, вице-адмираломъ кн. Меньшиковымъ, дѣйств. тайн. сов. А. Оленинымъ.

Въ такомъ видѣ и съ замѣчаніями отдѣльныхъ лицъ проектъ дополнительнаго закона о состояніяхъ былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ, прямо въ общее собраніе и притомъ въ чрезвычайныя его засѣданія.

Засѣданія эти начались 6 марта 1830 года[1]); но въ первомъ

[1]) Тамъ же, стр. 394—395.

засѣданіи не было обсужденія проекта, а было только заявлено объ его внесеніи въ совѣтъ и розданы членамъ печатные его экземпляры для возможности имъ ознакомиться обстоятельнѣе съ его содержаніемъ въ теченіи недѣли до перваго слѣдующаго засѣданія, назначеннаго на 13 марта.

13 марта начали обсужденіе съ проекта положенія о чинахъ и порядкѣ гражданской службы [1]); прослушавъ письменныя замѣчанія на него князя Лобанова-Ростовскаго, графовъ Окермана, Толя, Канкрина, Закревскаго, Строгонова, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Ланскаго и тайнаго совѣтника Вилламова, приступили къ сужденію, соображая каждую статью проекта, какъ съ выслушанными письменными, такъ и съ словесными замѣчаніями. Первымъ и главнѣйшимъ вопросомъ въ этомъ проектѣ былъ признанъ совѣтомъ вопросъ: полезно ли будетъ постановить, чтобы чины, какъ гражданскіе, такъ и военные не приносили впредь собою дворянства? и разрѣшили его въ утвердительномъ смыслѣ. По второму вопросу, о томъ, дабы чинъ по гражданской должности зависѣлъ единственно отъ должности, князь Долгорукій представилъ тутъ же особое письменное о томъ мнѣніе.

Приступивъ послѣ того къ разбору положенія о порядкѣ гражданской службы, совѣтъ призналъ нужнымъ: 1) сказанное въ статьѣ о именитыхъ гражданахъ, о сохраненіи правъ на службу обученаго въ университетахъ и другихъ заведеніяхъ юношества, внести въ I отдѣленіе манифеста, предоставивъ сего рода воспитанникамъ старшинство на службѣ со дня вступленія въ оную; 2) дворянамъ, кои послѣ двухгодичной службы не могутъ по неимѣніи вакансій получить должности XII степени, считать старшинство въ службѣ съ истеченія сего срока, распространивъ правило такое и на прочія состоянія по мѣрѣ опредѣленныхъ каждому сроковъ, но съ наблюденіемъ притомъ 16-ти лѣтняго возраста, дабы съ одной стороны не лишить ихъ права на по-

---

[1]) Тамъ же, стр. 395—399.

лученіе тѣхъ знаковъ, для коихъ срокъ опредѣляется временемъ служенія въ офицерскихъ чинахъ, а съ другой—прекратить способъ зачисленія на службу малолѣтнихъ; 3) гдѣ говорится о пріобрѣтеніи XII степени прибавить „и выше", такъ какъ воспитанники учебныхъ заведеній по полученнымъ при выпускѣ преимуществамъ могутъ быть опредѣляемы и на высшія XII степени мѣста; 4) дабы не обременить Его Императорское Величество представленіями о утвержденіи чиновниковъ въ должностяхъ, кои исправляли оныя временно, особенно въ должностяхъ низшихъ, то постановить, что чиновники VIII степени и выше утверждаются по Высочайшему повелѣнію, а ниже VIII степени Правительствующимъ Сенатомъ; 5) какъ съ уничтоженіемъ на будущее время нынѣшнихъ гражданскихъ чиновъ самъ собою измѣняется указъ 6 августа 1809 года о производствѣ въ статскіе совѣтники и коллежскіе ассесоры не иначе, какъ по свидѣтельствамъ университетовъ объ успѣшномъ ученіи или испытаніи, то упомянуть о томъ въ манифестѣ, дабы не оставить сомнѣнія, что и въ новомъ порядкѣ не можетъ чиновникъ занять должности VIII и V степени безъ университетскаго свидѣтельства.

Напослѣдокъ, 20 марта, принято было въ уваженіе сказанное въ § 5 „что бывшіе въ должности чиновники утверждаются въ настоящихъ по симъ смѣтамъ званіяхъ по Высочайшимъ повелѣніямъ и не прежде, какъ чрезъ два года дѣйствительной въ сихъ должностяхъ службы".

Девятнадцать членовъ: герцогъ Александръ Виртембергскій, князья Волконскій и Ливенъ, графы Строгоновъ, Нессельроде, Толь, Чернышевъ, Канкринъ, Мордвиновъ, Тутолминъ, Балашовъ, Кушниковъ, Сперанскій, Закревскій, Оленинъ, Хитрово, Вилламовъ, Блудовъ, Дашковъ, полагали не назначать сего срока, дабы оказывающіеся не совершенно способными не имѣли права требовать утвержденія потому только, что они исправляли оную опредѣленный закономъ срокъ,— и дабы тѣмъ самымъ дать начальствамъ наполнять мѣста людьми наиболѣе способными,—не менѣе же и для того, чтобы въ должностяхъ не столь значащихъ не охладить въ отличныхъ чиновникахъ усердія къ службѣ. А одиннадцать членовъ:

Великій князь Михаилъ Павловичъ, князья Голенищевъ-Кутузовъ, Лобановъ-Ростовскій, Голицынъ I, Голицынъ II, графы Кочубей, Толстой, и Ланской, Васильчиковъ, Энгель, Сукинъ полагали оставить двухгодичный срокъ, дабы не дать повода, особенно въ губерніяхъ, опредѣлять чиновниковъ и неспособныхъ для того только, чтобы они, прослужа краткое время, воспользовались степенью послѣдней должности. Противъ этого мѣста сдѣлана отмѣтка рукою исправлявшаго должность Государственнаго секретаря, статсъ-секретаря Марченко: „Высочайше утверждено мнѣніе 11 членовъ".

Вслѣдствіе вышеозначенныхъ же разсужденій Государственный Совѣтъ положилъ §§ 3, 5 и 6 Манифеста изложить слѣдующимъ образомъ:

§ 3. Чинъ нераздѣльно соединяется съ мѣстомъ. Опредѣленіе къ мѣсту присвояетъ чинъ, по росписанію ему соотвѣтствующій. Каждый по службѣ считается въ чинѣ той степени, въ коей состоитъ мѣсто, имъ занимаемое. Разумѣется, впрочемъ, что положенные указомъ 6 августа 1809 года для производства въ статскіе совѣтники и коллежскіе ассесоры не могутъ быть прилагаемы къ опредѣленію на мѣста и съ прекращеніемъ производства въ чины сами собой отмѣняются.

§ 5. Опредѣленія на мѣста производятся по назначенному особенно для каждаго вѣдомства порядку. Никто не можетъ быть опредѣленъ на высшее въ семъ порядкѣ мѣсто, миновавъ среднія между онымъ и тѣмъ, которое онъ занималъ прежде. Изъ сего общаго правила допускаются изъятія въ чрезвычайныхъ токмо случаяхъ и тогда къ званію мѣста присоединяется слово „въ должности". Опредѣляемыя такимъ образомъ безъ соблюденія установленной постепенности въ должность чиновники VIII степени и выше утверждаются въ настоящихъ по симъ мѣстамъ званіяхъ по Высочайшимъ Императорскаго Величества повелѣніямъ, а чиновники ниже VIII степени Правительствующимъ Сенатомъ (здѣсь прибавить о срокѣ, такъ какъ мнѣніе 11 членовъ Высочайше утверждено). При переходѣ чиновниковъ изъ одного вѣдомства въ другое также наблюдается, чтобы они были опредѣляемы, если не на равныя съ прежними, то по крайней

мѣрѣ не болѣе какъ одною степенью выше оныхъ по общему сравнительному росписанію мѣстъ. Впрочемъ никому не воспрещается принять мѣсто и низшей противъ прежняго степени въ томъ или другомъ вѣдомствѣ, сохраняя преимущества, ниже сего въ § 9 изложенныя.

§ 6. Старшинство въ службѣ для полученія знака отличія и ордена считается со времени поступленія на мѣсто, соотвѣтствующее XII степени и выше по сравнительному росписанію мѣстъ и должностей. Дворяне достигаютъ сей степени по истеченіи двухъ лѣтъ отъ начала вступленія ихъ въ дѣйствительную службу; но ежели бы по минованіи сего срока не было вакансіи для занятія должности XII степени, то симъ не теряютъ они старшинства, буде продолжаютъ службу. Лица прочихъ состояній достигаютъ XII степени и выше, въ сроки для каждаго состоянія опредѣленные, съ соблюденіемъ того же правила въ старшинствѣ ихъ въ случаѣ недостатка вакансіи. Обучавшіеся въ университетахъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ и получившіе по особымъ ихъ привилегіямъ извѣстныя степени, вступаютъ въ службу на мѣста, симъ степенямъ соотвѣтствующія; въ случаѣ же неимѣнія вакансій—на мѣста и низшія, не теряя тѣмъ правъ, имъ присвоенныхъ, и пользуясь преимуществами, въ § 9 на сей случай постановленными. Старшинство ихъ считается со дня вступленія въ дѣйствительную службу на мѣста, симъ степенямъ соотвѣтствующія; въ случаѣ же неимѣнія вакансій—на мѣста и низшія, не теряя тѣмъ правъ имъ присвоенныхъ, и пользуясь преимуществами, въ § 9 на сей случай постановленными. Старшинство ихъ считается со дня вступленія въ дѣйствительную службу. Но во всѣхъ случаяхъ дѣйствительная служба почитается съ шестнадцатилѣтняго возраста, не смотря на то, ежели бы служащій и прежде получилъ чинъ которой либо степени.

Въ § 11 вмѣсто чиновъ сказать „степеней“, почему § сей заключать въ себѣ будетъ слѣдующее: „получивъ увольненіе отъ службы, чиновники сохраняютъ названія своихъ степеней, присовокупляя къ онымъ: „отставный“.

Въ засѣданіи 26 апрѣля [1]) разсматривали сравнительную табель мѣстъ и должностей, примѣняясь къ коей имѣютъ быть изданы впослѣдствіи особыя по каждому вѣдомству росписанія съ подробнымъ означеніемъ всѣхъ по принадлежности должностей и званій и соотвѣтствующихъ имъ степеней.

Въ это самое время Его Императорскому Величеству угодно было удостоить Государственный Совѣтъ своимъ посѣщеніемъ и изъявить Высочайшую волю, чтобы въ присутствіи его былъ прочитанъ весь проектъ, и чтобы г.г. члены со всею откровенностью и по долгу присяги изъявляли свои мнѣнія на тѣ части онаго, кои считаютъ неудобными, имѣя въ виду, что Его Величество желаетъ одной только пользы государству отъ сего закона.

При чтеніи проекта только два члена дѣлали возраженія. Адмиралъ Мордвиновъ повторялъ словесно, уже раньше имъ письменно заявленныя мнѣнія; всѣ они и теперь были отвергнуты большинствомъ двадцати девяти голосовъ. Тайный совѣтникъ князь Долгорукій, въ подтвержденіе прежняго своего мнѣнія о чинахъ, приводилъ, что бо̀льшую часть мѣстъ совѣтниковъ въ губерніяхъ занимаютъ нынѣ титулярные совѣтники, которые съ утвержденіемъ въ должностяхъ получатъ VI степень. Но и противъ этого было такое же большинство, основывавшееся на томъ, главнымъ образомъ, что въ совѣтники опредѣляются люди опытные, извѣданной способности и не иначе, какъ по избранію мѣстнаго начальства, слѣдовательно, и повышеніе такихъ служащихъ въ степени ничего вреднаго въ себѣ заключать не можетъ.

По утвержденіи такимъ образомъ проекта рѣшительнымъ большинствомъ Его Императорское Величество предложилъ на обсужденіе и голосованіе вопросъ: можетъ ли законъ сей быть изданъ теперь, то есть, до отбытія Его Величества изъ столицы, или кто изъ господъ членовъ находитъ въ томъ препятствіе?

Нѣкоторые высказались за отложеніе изданія проектируемаго закона, другіе за его раздѣленіе на нѣсколько за-

[1]) Тамъ же, стр. 433—436.

коновъ, но большинство *двадцати трехъ противъ семерыхъ* высказалось за единство и за немедленное изданіе закона.

Не смотря на такое подавляющее большинство, высказавшееся за немедленное изданіе закона и первоначальное сочувствіе къ такому рѣшенію самого Императора Николая I, фактически вопросъ разрѣшился неожиданно согласно мнѣнію семерыхъ; проектированный законъ не только не былъ сейчасъ изданъ, но и вовсе никогда не былъ изданъ и предполагавшіеся къ уничтоженію чины здравствуютъ до сихъ поръ и даютъ попрежнему дворянство.

Въ чемъ причина такого крутого поворота въ воззрѣніяхъ Императора Николая I? Прямого указанія никогда сдѣлано не было. Но надо думать, что къ тому содѣйствовали два обстоятельства: извѣстіе о французской іюльской революціи и польское возстаніе въ томъ же году у насъ самихъ. Впечатлѣнія, произведенныя обоими этими событіями на Императора Николая I, придали гораздо болѣе консервативный характеръ его дальнѣйшей внутренней политикѣ сравнительно съ тѣмъ, какова она была въ началѣ царствованія. Судьбы исторіи неисповѣдимы.

Н. Коркуновъ.

III.

СТРАХОВАНІЕ РАБОЧИХЪ [1]).

(R. van der Borght, Handwörterbuch der Staatswissenschaften, 1898 г.)

Страхованіемъ рабочихъ въ широкомъ смыслѣ слова называется организація, при которой рабочій и его семья и наслѣдники пріобрѣтаютъ право требованія опредѣленныхъ денежныхъ выплатъ при наступленіи событій, особенно ухудшающихъ экономическое положеніе рабочаго. Эти событія заключаются въ наступленіи какъ тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ рабочей силѣ (болѣзнь, несчастный

---

[1]) Отличительною чертою новѣйшаго времени необходимо признать тѣсное взаимодѣйствіе явленій экономическаго порядка на юридическую конструкцію институтовъ, относящихся, по принятымъ категоріямъ, къ области частнаго права. Въ той сферѣ, гдѣ эта черта сказывается, замѣчается переходъ отъ диспозитивнаго начала—свободнаго соглашенія сторонъ въ договорѣ, къ обязательному, принудительному нормированію договора, который такимъ образомъ перестаетъ быть *свободнымъ* „соглашеніемъ воль“, а подпадаетъ подъ обязательную нормировку самимъ закономъ. Это вмѣшательство закона явленіе весьма любопытное; оно напоминаетъ собою принципъ полицейскаго государства 18 столѣтія, но вызвано условіями экономическими,—неравенствомъ двухъ участвующихъ въ данномъ договорѣ сторонъ, экономическимъ преобладаніемъ одной предъ другой изъ нихъ. Прослѣдить проявленіе этого „вмѣшательства“ въ новѣйшемъ законодательномъ движеніи составляло бы весьма почтенную задачу.

Несомнѣнно, что указанное вмѣшательство больше всего проявляется въ отношеніи договора личнаго найма, и въ частности—въ отношеніи договора работодателя и рабочихъ промышленныхъ предпріятій. Личная работа, трудъ—былъ всегда самою крѣпкою связью, привязывавшею экономически слабѣйшихъ къ экономически сильнѣйшимъ. Въ этой связи лежитъ корень ленной системы, отжив-

случай, неспособность къ труду, преклонный возрастъ, смерть), такъ и тѣхъ изъ нихъ, которыя устраняютъ или, по крайней мѣрѣ, уменьшаютъ возможность примѣненія ея (отсутствіе работы по какимъ либо причинамъ). Эти опасности составляютъ наиболѣе тѣсную область всякаго страхованія рабочихъ; онѣ угрожаютъ всѣмъ рабочимъ, дѣйствительно же наступаютъ лишь у нѣкоторыхъ изъ нихъ. Поэтому мысль объ единеніи лицъ, подверженныхъ одинакимъ опасностямъ, должна была возникнуть прежде всего. Но современное страхованіе вообще коснулось также другихъ случаевъ жизни, которые, не заключая въ себѣ какой либо опасности, тѣмъ не менѣе ухудшаютъ экономическое положеніе (напр. отбываніе воинской повинности, бракъ); поэтому и понятіе страхованія рабочихъ надобно нѣсколько расширить за предѣлъ опасностей, угрожающихъ рабочей силѣ и примѣненію ея на практикѣ. Конфирмаціи, браки и другія событія подобнаго рода столь значительно увеличиваютъ издержки рабочаго, что и они должны были навести на мысль объ взаимномъ обезпеченіи рабочему необходимыхъ средствъ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ страхованіе имѣетъ существеннымъ признакомъ то, что рабочій пріобрѣтаетъ право требованія. Учрежденія всякаго рода, доставляющія рабочему различныя даренія и

шаго свой вѣкъ формальнаго крѣпостного права, не говоря уже о древнемъ рабствѣ. Очевидно, что „свободное соглашеніе воль“ въ договорѣ личнаго найма всегда было рѣдкимъ исключеніемъ, принудительность всегда была главнымъ элементомъ договора, только она всегда проявлялась экономически, а не юридически, и притомъ всегда была на сторонѣ работодателей.

Новѣйшее законодательство—не только западно-европейское, но и наше—усвоило принципъ принудительности, какъ начала юридическаго, и при томъ примѣняетъ его въ пользу слабѣйшей стороны въ договорѣ. Достаточно указать на законъ о нормированіи рабочаго дня, о разсчетныхъ рабочихъ книжкахъ и т. д.

Однимъ изъ краеугольныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ договоромъ работодателя и рабочихъ—это отвѣтственность за послѣдствія несчастныхъ случаевъ, вопросъ—о вознагражденіи за вредъ и убытки. Ни добровольныя соглашенія, ни общіе принципы цивильнаго права о contractus ex delicto и quasi ex delicto недостаточны для современныхъ условій промышленнаго производства, основаннаго на механическихъ двигателяхъ, къ которымъ безпрестанно соприкасается живой трудъ человѣка, не всегда одинаково внимательнаго, осторожнаго и умнаго. Достаточнымъ отступленіемъ отъ чисто юридической конструкціи было установленіе praesumptio juris о винѣ владѣльца предпріятія (ст. 683 т. X ч. I). Но этого отступленія оказывается недостаточнымъ, и становится необходимымъ вопросъ о вознагражденіи въ случаяхъ увѣчья или смерти перенести изъ области понятія contractus ex delicto или quasi ex delicto—въ область существа самаго договора

вспомоществованія безъ права требованія, не относятся къ области страхованія. Другимъ признакомъ понятія страхованія рабочихъ представляется наличность организаціи, влекущей за собой единеніе рабочихъ, безразлично, будетъ ли оно прямое или лишь косвенное, ограничивается ли оно одними рабочими или касается также другихъ классовъ, напр. предпринимателей, но во всякомъ случаѣ оно должно быть на-лицо, такъ какъ законъ объ отвѣтственности за несчастные случаи, дающій рабочему право требованія, но не создающій подобныхъ организацій, не относится къ области страхованія. Съ другой стороны, не играетъ никакой роли способъ осуществленія страхованія, является ли онъ добровольнымъ или принудительнымъ.

Благодаря примѣру на этомъ поприщѣ какъ Германіи, такъ и другихъ странъ, возникло новое, болѣе узкое понятіе страхованія рабочихъ, ограничивающее страхованіе тѣми учрежденіями, которыя основаны на законно установленномъ принужденіи (обязательное страхованіе). Въ этомъ болѣе узкомъ смыслѣ мы и будемъ понимать страхованіе при дальнѣйшемъ разсмотрѣніи его.

Что касается сферы примѣненія принудительнаго страхованія, то теоретически здѣсь границъ провести невозможно, такъ какъ оно приложимо къ самымъ разнообразнымъ событіямъ. Но практи-

---

между работодателемъ и рабочимъ, приходится этотъ видъ личнаго найма выдѣлить особо, снабдить его особыми условіями, ввести въ самое понятіе о немъ спеціальные признаки, и при томъ не зависящіе отъ добровольнаго соглашенія, а обязательные, принудительные.

Удовлетвореніе этой потребности, вызываемой современными экономическими условіями, потребность въ обезпеченіи рабочихъ на случай потери трудоспособности,—идетъ въ новѣйшемъ законодательствѣ двойнымъ путемъ. Одинъ путь—это путь созиданія новыхъ обезпечительныхъ для рабочихъ нормъ о вознагражденіи за вредъ отъ несчастныхъ случаевъ при работѣ; другой путь—это путь обязательнаго, принудительнаго страхованія рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ. Разныя государства пока идутъ разными путями, но нельзя не замѣтить постепеннаго преобладанія второго пути, какъ болѣе простого и наиболѣе вѣрно достигающаго цѣли. Принудительное страхованіе становится неотъемлемымъ признакомъ самаго договора личнаго найма—разъ рѣчь идетъ о рабочихъ. Въ этомъ—юридическій интересъ принудительнаго страхованія рабочихъ.

Съ этой точки зрѣнія намъ и представилось небезъинтереснымъ дать читателямъ „Вѣстника Права" сжатый и вмѣстѣ съ тѣмъ полный очеркъ современнаго состоянія вопроса. Вполнѣ соотвѣтствующей этой цѣли намъ показалась помѣщенная въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издаваемой Конрадомъ и др. статья проф. R. van der Borght'а о страхованіи рабочихъ (2 изданіе 1898 г., стр. 607—618). Переводъ этой статьи и предлагается нами читателямъ.

Г. Сліозбергъ.

ческія соображенія необходимо приводятъ къ ограниченію его области. Прежде всего явилась мысль объ учрежденіи страхованія отъ тѣхъ событій, которыя угрожаютъ опасностью рабочей силѣ или возможности примѣненія ея, причемъ несчастные случаи, болѣзни, неспособность къ труду и преклонный возрастъ являются наиболѣе важными поводами къ примѣненію и организаціи страхованія. И дѣйствительно, лишь по отношенію къ этимъ событіямъ было осуществлено начало принудительнаго страхованія рабочихъ. Много говорилось, правда, и о необходимости введенія принудительнаго страхованія для вдовъ и сиротъ на случай смерти рабочаго, не вызванной несчастнымъ случаемъ, хотѣли примѣнить принудительное страхованіе и на случай безработицы; но все это до сихъ поръ не исполнено, такъ какъ не выяснена еще ни финансовая, ни техническая сторона дѣла.

Принудительное страхованіе рабочихъ тѣсно связано съ тѣмъ переворотомъ въ экономической и правовой жизни народовъ, который совершился въ XIX вѣкѣ. Обширный классъ рабочихъ, необходимый благодаря современному развитію промышленности, не связанъ болѣе съ работодателями тѣми тѣсными, патріархальными узами, которыя мы находимъ при господствѣ мелкаго ремесленнаго производства. Эти отношенія, измѣняясь все болѣе и болѣе, стали въ настоящее время чисто дѣловыми. Правда, рабочій, благодаря этому, въ состояніи болѣе свободно располагать собою и своей рабочей силой. Дарованіе политическихъ правъ, допущеніе закономъ свободнаго передвиженія, ставшаго неизбѣжнымъ при современномъ развитіи сообщеній, уничтоженіе, по крайней мѣрѣ, отчасти тѣхъ препятствій, которыя мѣшали рабочему осуществлять наиболѣе выгоднымъ образомъ свои интересы при помощи союзовъ, сведеніе отношеній между рабочимъ и работодателемъ къ свободному договору и введеніе равноправности обѣихъ сторонъ—все это хотя и еще болѣе увеличило свободу рабочаго, но за то содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ прекращенію личныхъ связей между нимъ и предпринимателемъ. Изнанкой этого развитія является то, что рабочій поставленъ въ необходимость разсчитывать исключительно на собственныя силы во всѣхъ разнообразныхъ случайностяхъ его жизни. И дѣйствительно, въ теченіе продолжительнаго времени на этомъ и успокоивались. Лишь мало-помалу пришли къ тому заключенію, что рабочій въ большинствѣ случаевъ не въ состояніи побороть всѣ случайности, опираясь лишь на свои силы, что, стоя на одной доскѣ съ предпринима-

телемъ въ правовомъ отношеніи, онъ все же является болѣе слабымъ по своему экономическому и соціальному положенію.

Такой же переворотъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ и по нѣсколько инымъ причинамъ, произошелъ и въ положеніи рабочихъ не промышленныхъ отраслей труда, и привелъ къ тѣмъ же печальнымъ послѣдствіямъ.

Чѣмъ болѣе во всѣ классы общества проникало убѣжденіе въ недостаточности силъ рабочаго для борьбы съ многочисленными препятствіями въ жизни, тѣмъ рѣзче проявлялась потребность увеличить экономическія силы рабочаго. На удовлетвореніе ея стали смотрѣть какъ на почетную обязанность. Мы быстро усвоили себѣ плоды экономическаго прогресса новѣйшаго времени; но въ тотъ короткій промежутокъ, въ теченіе котораго совершился этотъ переворотъ, рабочій въ многихъ отношеніяхъ очутился въ такихъ условіяхъ, которыя не соотвѣтствуютъ его справедливымъ притязаніямъ. Особенно ясно это сказалось въ отношеніи тѣхъ опасностей, которыя угрожаютъ жизни и здоровью рабочаго, и которыя являются необходимымъ послѣдствіемъ современнаго способа производства. На это и направлены были усилія, приведшія къ учрежденію принудительнаго страхованія.

Типическимъ для развитія этого явленія является ходъ его въ Германіи. Благодаря быстрому росту крупной промышленности въ 60-хъ годахъ, еще до 1870 г. въ Германіи сознавали необходимость помочь рабочему въ несчастныхъ случаяхъ и болѣзняхъ. Но съ большими колебаніями рѣшились приступить къ осуществленію этой задачи и только постепенно сложился тотъ современный принципъ, который требуетъ, чтобы обезпеченіе доставлялось не каждымъ въ отдѣльности по мѣрѣ его вины, а всѣми соучастниками—рабочими и предпринимателями—по мѣрѣ ихъ платоспособности и на основаніи обязательнаго для всѣхъ закона. По отношенію къ несчастнымъ случаямъ усилена и расширена была отвѣтственность предпринимателей въ области промышленности и перевозочныхъ предпріятій (Имперскій законъ объ отвѣтственности предпринимателей 7 іюня 1871 г.). Затѣмъ было оказано содѣйствіе страхованію отъ болѣзней путемъ увеличенія кассъ, возникшихъ въ предыдущія десятилѣтія (законъ 7 апрѣля 1876 г.). Лишь вопросъ о страхованіи отъ неспособности къ труду и старости былъ пока оставленъ закономъ безъ вниманія.

Однако результаты оказались на опытѣ довольно неблагопріятными. Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и замѣчались благопріятныя

послѣдствія установленныхъ указанными законами мѣръ, тѣмъ не менѣе въ общемъ оказалось, что онѣ идутъ на пользу лишь части рабочихъ, что онѣ не привели къ вѣрной и скорой помощи, не сопряженной съ судебными процессами, что перемѣна мѣста жительства или рода занятій являлась большой помѣхой, наконецъ, что отношенія между работодателями и рабочими скорѣе ухудшились, чѣмъ улучшились. Благодаря этому, мало-помалу возникла мысль о необходимости принудительнаго страхованія. Первоначально, конечно, смотрѣли на эту мысль, какъ на нѣчто совершенно неосуществимое. Примѣровъ принудительнаго страхованія милліоновъ рабочихъ въ исторіи на находили; нельзя было также предвидѣть всѣхъ экономическихъ и соціальныхъ послѣдствій такого рода мѣропріятій, при отсутствіи достаточнаго статистическаго матерьяла; вкоренившіяся же правовыя воззрѣнія не давали возможности отказаться отъ господствовавшаго дотолѣ принципа отвѣтственности предпринимателей. Не удивительно поэтому, что лишь въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ былъ сдѣланъ первый значительный шагъ на пути къ введенію принудительнаго страхованія рабочихъ: 8-го марта 1881 г. появился проектъ закона о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ, и этимъ имперское правительство, дотолѣ отказывавшееся отъ принудительнаго страхованія, стало на почву этого принципа. Когда послѣ этого, лѣтомъ и осенью 1881 г., собранъ былъ статистическій матерьялъ о несчастныхъ случаяхъ, императорское посланіе 17 ноября 1881 г. выставило ту широкую програму трехчленнаго обязательнаго страхованія рабочихъ, которая навсегда останется памятной въ исторіи. Правительство ставило себѣ здѣсь цѣлью учредить на почвѣ публичнаго права страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, отъ болѣзней, неспособности къ труду и старости въ формѣ корпоративныхъ ассоціацій.

Но цѣль эта была достигнута лишь послѣ долгихъ и тяжелыхъ усилій. Прежде всего было регулировано страхованіе отъ болѣзней закономъ 15 іюня 1883 г. Затѣмъ вышелъ 6 іюля 1884 г. законъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ всякаго рода. Дополненіемъ къ обоимъ законамъ явились законъ 28 мая 1885 г. (Ausdehnungsgesetz) и законъ 5 мая 1886 г., расширившіе страхованіе на извѣстныя перевозочныя предпріятія (первый) и на сельское хозяйство. За ними слѣдовали законы 11 іюля 1887 г. о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ при постройкахъ и 13 іюля того же года о страхованіи

отъ несчастныхъ случаевъ на морѣ. Наконецъ, 22 іюня 1889 г. изданъ былъ—послѣ долгой борьбы—законъ о страхованіи отъ нетрудоспособности и старости.

Всѣ эти законы оказались не вполнѣ совершенными, поэтому вскорѣ приступлено было къ пересмотру ихъ. Реформа законодательства о страхованіи отъ болѣзней закончена пока закономъ 10 апрѣля 1892 г. Законы о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ и старости, не смотря на многія попытки, до сихъ поръ не пересмотрѣны.

Хотя со времени вступленія въ силу законовъ о страхованіи рабочихъ въ Германіи прошло лишь короткое время, тѣмъ не менѣе эта великая идея настолько вошла въ плоть и кровь народа, что объ устраненіи этого страхованія никто ужъ и не думаетъ.

Благодаря примѣру германскаго правительства, возникло и вкоренилось и въ другихъ государствахъ убѣжденіе о необходимости огражденія рабочихъ какимъ либо путемъ, преимущественно отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзней. Но и въ другихъ странахъ мы наблюдаемъ ту же нерѣшительность при введеніи принудительнаго страхованія, какая господствовала въ Германіи. Первая послѣдовала примѣру Германіи Австрія, гдѣ закономъ 28 декабря 1887 г. введено было обязательное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ, а 30 марта 1888 г. обязательное страхованіе отъ болѣзней, хотя кругъ лицъ, къ которымъ примѣнялось это страхованіе, здѣсь является нѣсколько съуженнымъ. Новеллой 4 апрѣля 1889 г. былъ дополненъ законъ о страхованіи отъ болѣзней, а новеллой 20 іюля 1894—законъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ. При этомъ, относительно страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, замѣчается стремленіе приблизиться къ тому, что сдѣлано въ Германіи. Ввести страхованіе отъ нетрудоспособности и старости здѣсь пока не рѣшаются, хотя мысль объ этомъ давно получаетъ все болѣе твердую почву.

Въ Венгріи регулировано въ настоящее время пока лишь обязательное страхованіе отъ болѣзней закономъ 9 апрѣля 1891 г.

Въ Швейцаріи старались обезпечить положеніе рабочихъ путемъ цѣлаго ряда мѣропріятій союза и отдѣльныхъ кантоновъ о призрѣніи на случай болѣзней со стороны предпринимателей (особенно законъ 22 іюня 1875 г.) и путемъ усиленія отвѣтственности предпринимателей (законы 23 марта 1877 г., 25 іюня 1881 г., 26 апрѣля 1887 г.), но отъ принудительнаго страхованія рабочихъ Швейцарія первона-

чально отказалась. Но 13 іюня 1890 г. совершенъ крутой поворотъ въ пользу принудительнаго страхованія, такъ какъ одинъ изъ пунктовъ конституціи даровалъ союзу право учреждать законодательнымъ путемъ страхованіе отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ и право дѣлать участіе въ этомъ страхованіи обязательнымъ для всѣхъ или нѣкоторыхъ классовъ населенія. Вскорѣ были разработаны и обнародованы соотвѣтствующіе проекты объ обязательномъ страхованіи отъ болѣзней и несчастныхъ случаевъ. Въ началѣ 1898 г. національный совѣтъ принялъ эти проекты.

Французскіе законодательные органы съ начала 80-хъ годовъ постоянно занимались вопросами о страхованіи рабочихъ. Первымъ довольно робкимъ шагомъ на пути принудительнаго страхованія явился законъ 29 іюня 1894 г., регулирующій обязательное страхованіе горнозаводскихъ рабочихъ отъ болѣзней. Затѣмъ 9 апрѣля 1898 г. утвержденъ законъ о вознагражденіи рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ при несчастныхъ случаяхъ. Благодаря этому закону, пострадавшій рабочій и его семья пріобрѣли право требовать вознагражденія отъ предпринимателя, причемъ учрежденъ фондъ для обезпеченія этихъ требованій; остальное однако предоставлено предпринимателямъ: они могутъ ограждать себя отъ послѣдствій этого закона, какъ имъ угодно. Но о принудительномъ страхованіи здѣсь нѣтъ и рѣчи [1]).

Въ Италіи изданъ былъ 17 марта 1898 г., послѣ почти двадцатилѣтнихъ усилій, законъ, регулирующій притязанія промышленныхъ рабочихъ о вознагражденіи ихъ и членовъ ихъ семьи при несчастныхъ случаяхъ и вводящій принудительное страхованіе. При этомъ застраховывать рабочихъ предприниматели могутъ по своему усмотрѣнію либо въ учрежденной въ 1883 г. правительственной кассѣ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, либо въ частныхъ обществахъ, кассахъ или синдикатахъ. Такимъ образомъ, твердой организаціи принудительнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ въ Италіи не существуетъ.

Великобританія до сихъ поръ не рѣшается ввести принудительное страхованіе рабочихъ. Страхованіе отъ болѣзней находится тамъ всецѣло въ рукахъ добровольно учрежденныхъ кассъ, дѣятельность которыхъ регулирована закономъ 1875 г.; затѣмъ 7 сентября

---

[1]) *Прим. ред.* Нынѣ парламентомъ рѣшено отсрочить вступленіе закона 9 апрѣля 1898 г. въ силу и разсматриваются предположенія объ измѣненіяхъ этого закона.

1880 г. изданъ законъ объ отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи съ рабочими. Лѣтомъ 1897 г. былъ сдѣланъ шагъ впередъ въ томъ же направленіи: законъ Workmens compensation act является дальнѣйшимъ усиленіемъ отвѣтственности предпринимателей.

Въ Даніи вышелъ 9 апрѣля 1891 г. законъ о выдачѣ вспомоществованій достойнымъ рабочимъ при наступленіи старости, внѣ порядка установленнаго относительно призрѣнія бѣдныхъ; этотъ законъ однако не учреждаетъ страхованія отъ дряхлости, а обезпечиваетъ лишь доставленіе рабочимъ необходимыхъ средствъ изъ государственныхъ и общинныхъ суммъ. И здѣсь помощь рабочимъ въ случаѣ болѣзней сосредоточена въ добровольно организованныхъ кассахъ, дѣйствующихъ на основаніи закона 12 апрѣля 1892 г. „объ утвержденныхъ государствомъ кассахъ". Эти утвержденныя кассы получаютъ субсидію отъ правительства. Съ половины 80-хъ годовъ обсуждался также вопросъ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ; но въ результатѣ оказалось лишь изданіе 7 января 1898 г. закона, увеличивающаго отвѣтственность предпринимателей; принудительнаго же страхованія до сихъ поръ не существуетъ.

Въ Швеціи кассы вспомоществованія при болѣзни поставлены такъ же, какъ въ Даніи и регулированы закономъ 30 октября 1891 г. о „зарегистрованныхъ" кассахъ, которыя также пользуются субсидіей отъ правительства. Правительство и парламентъ неоднократно разсматривали вопросъ объ обязательномъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ и нетрудоспособности. Интересны относящіеся къ этому вопросу проекты, изъ которыхъ послѣднимъ является проектъ отъ 8 февраля 1898 г. Принятый второй палатой, въ маѣ 1898 г. онъ былъ однако отвергнутъ первой.

Въ Норвегіи парламентъ съ 1885 года нѣсколько разъ обсуждалъ вопросъ о регулированіи дѣятельности кассъ страхованія отъ болѣзней, но до изданія какихъ либо мѣропріятій дѣло не дошло. Относительно же страхованія отъ несчастныхъ случаевъ былъ изданъ законъ 23 іюля 1894 г., касающійся рабочихъ всѣхъ промышленныхъ предпріятій въ широкомъ смыслѣ этого слова. Страхованіе производится гарантированнымъ правительствомъ учрежденіемъ, причемъ издержки покрываются преміями предпринимателей.

Изъ сказаннаго видно, что вопросъ о вознагражденіи рабочихъ, пострадавшихъ при несчастныхъ случаяхъ, занимаетъ въ настоящее время умы особенно сильно, такъ какъ въ этомъ отношеніи

рабочій является жертвой современныхъ способовъ производства и такъ какъ здѣсь старыя правовыя воззрѣнія далеко не достаточны. Дѣйствительно, принудительное страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ съ обязательной организаціей въ настоящее время существуетъ лишь въ Германіи, Австріи и Норвегіи. Въ Италіи хотя и имѣется принудительное страхованіе, но безъ соотвѣтствующей принудительной организаціи. Въ Швеціи и Швейцаріи работа такъ сильно подвинулась впередъ, что переходъ этихъ государствъ къ обязательному страхованію отъ несчастныхъ чслуаевъ является лишь вопросомъ времени. Въ недалекомъ будущемъ этотъ вопросъ долженъ рѣшиться въ положительномъ смыслѣ также въ Голандіи и Бельгіи. Франція, Англія и Данія находятся еще пока слишкомъ подъ вліяніемъ, главнымъ образомъ, идеи объ отвѣтственности предпринимателей, чтобы уже перейти къ обязательному страхованію въ какой либо формѣ. Однако и здѣсь законы послѣдняго времени подтвердили необходимость въ лучшемъ обезпеченіи пострадавшаго рабочаго и его семейства; исходя изъ этой точки зрѣнія, и эти страны, вѣроятно, принуждены будутъ ввести обязательное страхованіе, какъ это случилось и должно было случиться въ Германіи послѣ изданія законовъ объ отвѣтственности предпринимателей.

Мотивы, приводимые въ пользу принудительнаго страхованія и противъ него обсуждались столь часто и въ Германіи, и въ другихъ культурныхъ странахъ, что разсматривать ихъ здѣсь подробно представляется совершенно излишнимъ. Скажемъ только то, что, съ точки зрѣнія практики, обязательность страхованія является необходимою, такъ какъ нѣтъ возможности достигнуть той же цѣли инымъ путемъ. Цѣль же эта заключается въ томъ, чтобы освободить рабочаго отъ необходимости обращаться къ общественному призрѣнію, если его постигла болѣзнь, несчастный случай, нетрудоспособность или старость, такъ какъ общественное призрѣніе приходитъ ему на помощь только тогда, когда рабочій экономически совершенно погибъ, и такъ какъ оно соединено съ умаленіемъ достоинства и политическихъ правъ. Для достиженія этой цѣли рабочему должно быть предоставлено право требованія, которое могло бы быть осуществлено скоро, безъ долгой судебной проволочки и безъ увеличенія пропасти, отдѣляющей работодателей и рабочихъ,—право такого требованія, которое къ тому же не измѣнялось бы подъ вліяніемъ перемѣны мѣста и рода занятій, и обезпеченіе котораго сопряжено было бы съ наимень-

шими издержками. Это то освобожденіе рабочаго отъ экономическихъ послѣдствій, влекомыхъ за собой указанными выше событіями, не можетъ быть достигнуто путемъ увеличенія заработной платы настолько, чтобы рабочему оказалось возможнымъ дѣлать соотвѣтствующія сбереженія. Послѣднее прежде всего не исполнимо во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда работоспособность уменьшается еще до накопленія необходимыхъ суммъ. Къ тому же, благодаря присущей людямъ слабости, многіе не въ состояніи сберегать излишки даже при достиженіи большей заработной платы. Чтобы сберегать что нибудь, необходимо во всякомъ случаѣ отказаться отъ удовлетворенія извѣстныхъ потребностей. Лишь незначительная часть рабочихъ согласилась бы на такое воздержаніе. Та же человѣческая слабость мѣшала бы многимъ рабочимъ платить часть болѣе высокаго дохода частнымъ учрежденіямъ въ качествѣ страховыхъ премій. При томъ вѣдь работа можетъ временно прекратиться, можетъ измѣниться мѣсто жительства или родъ занятій; а вслѣдствіе этого прерывается платежъ премій и возникаетъ опасность, что притязанія рабочихъ погибнутъ.

Повсюду рабочіе пытались помочь себѣ путемъ страхованія въ устроенныхъ для этого собственныхъ кассахъ. Но повсюду лишь незначительная часть рабочихъ принимала участіе въ этихъ платежахъ. Такимъ образомъ, частное страхованіе путемъ самопомощи оказалось неудовлетворительнымъ. Желая усилить значеніе этихъ кассъ, государство пробовало содѣйствовать имъ въ видѣ субсидій тѣмъ изъ нихъ, которыя удовлетворяли извѣстнымъ требованіямъ; такая помощь кассамъ имѣютъ цѣлью увеличить число плательщиковъ; но для рабочихъ нѣтъ никакого основанія принимать въ нихъ большее участіе, чѣмъ прежде. Это показалъ опытъ во Франціи, а въ послѣднее время и въ Швеціи.

Другимъ средствомъ къ достиженію той же цѣли является— обязать работодателя къ вознагражденію въ подлежащихъ случаяхъ, предоставляя ему во всемъ остальномъ полную свободу. Такія мѣры принимались, главнымъ образомъ, по отношенію къ несчастнымъ случаямъ (законы объ отвѣтственности предпринимателей). Но и они оказались безцѣльными даже тогда, когда значительная часть предпринимателей вслѣдствіе такой отвѣтственности старалась обезпечить себя путемъ страхованія въ частныхъ обществахъ. Право требованія, дарованное рабочему, существовало при такихъ обстоятельствахъ обыкновенно лишь на бумагѣ. Если страховое общество не въ состояніи было выдать вознагражденіе, если за-

страхованный предприниматель не могъ правильно уплачивать страховыхъ премій или, не застраховавъ себя, не могъ вознаградить рабочаго,—тогда притязаніе рабочаго не имѣло никакой силы. Если же предприниматель застраховалъ себя и своевременно уплачивалъ преміи, причемъ страховое общество также являлось платоспособнымъ, то во многихъ случаяхъ рабочій долженъ былъ вести судебный процессъ съ предпринимателемъ, чтобы получить вознагражденіе. Такимъ образомъ, вознагражденіе онъ получалъ лишь по истеченіи продолжительнаго времени, а въ случаѣ проигрыша совсѣмъ не получалъ. Къ тому же при отвѣтственности предпринимателей работодатели и рабочіе относятся другъ къ другу враждебно, и процессы не улучшаютъ ихъ отношеній. Препятствіемъ является также перемѣна мѣста жительства и рода занятій.

Такъ какъ всѣ указанные способы не приводятъ къ участію въ страхованіи всѣхъ заинтересованныхъ круговъ, то, очевидно, во всѣхъ этихъ случаяхъ обезпеченіе ихъ достигается лишь путемъ значительныхъ жертвъ. Ни одинъ изъ этихъ способовъ не въ состояніи раціональнымъ образомъ дѣйствительно устранить угрожающія рабочему опасности, а это вѣдь является цѣлью всякаго страхованія. Другихъ же способовъ достиженія той же цѣли безъ принужденія нѣтъ. Такимъ образомъ, мы приходимъ путемъ исключенія къ тому выводу, что принудительное страхованіе есть единственный путь, которымъ могутъ быть достигнуты желанные результаты. Этимъ путемъ возможно привлеченіе всѣхъ рабочихъ, сильное уменьшеніе премій, наибольшая увѣренность въ постоянной платоспособности страховыхъ органовъ, уравнительность риска, скорѣйшая выплата вознагражденія, а при хорошей организаціи и предупрежденіе опасностей, поскольку это возможно.

То обстоятельство, что принудительное страхованіе нѣсколько ограничиваетъ личную свободу предпринимателей и рабочихъ, не можетъ служить доводомъ противъ него. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ такими трудностями, что цѣль не можетъ быть достигнута наиболѣе выгоднымъ для общества образомъ безъ вмѣшательства въ свободу распоряженія отдѣльныхъ лицъ. О какомъ либо осуществленіи идеаловъ соціализма здѣсь и рѣчи быть не можетъ: введеніе принудительнаго страхованія нисколько не въ состояніи поколебать основъ современной экономической жизни, и жертвовать личной свободой совсѣмъ не приходится. Для нея остается неограниченный просторъ по отношенію къ свободному

страхованію, а при правильной организаціи принудительнаго страхованія она и здѣсь можетъ проявляться въ достаточной мѣрѣ.

Во многихъ государствахъ, внѣ Германіи, выставлялось противъ принудительнаго страхованія отъ несчастныхъ случаевъ то соображеніе, что оно приводитъ къ увеличенію количества несчастныхъ случаевъ, причемъ ссылались на возрастаніе цифръ въ Германіи и Австріи. То же говорилось и по отношенію къ принудительному страхованію отъ болѣзней, а именно, что оно влечетъ за собой увеличеніе случаевъ заболѣванія. Такой взглядъ основанъ на неправильномъ выводѣ. Нѣтъ, конечно, сомнѣнія въ томъ, что статистика указываетъ на увеличеніе числа несчастныхъ случаевъ, но опасность наступленія ихъ вѣдь не могла же усилиться вслѣдствіе введенія страхованія. Какимъ образомъ уплата вознагражденій пострадавшимъ рабочимъ сама по себѣ можетъ привести къ увеличенію опасностей? Возраженіе цифръ объясняется лишь тѣмъ, что при существованіи принудительнаго страхованія всѣ эти случаи записываются гораздо болѣе добросовѣстно, независимо отъ ихъ значительности. При отсутствіи страхованія большая часть менѣе значительныхъ случаевъ не отмѣчается въ статистикѣ; когда же вводится страхованіе, всякій, хотя бы самый незначительный, несчастный случай пріобрѣтаетъ значеніе какъ для пострадавшаго, такъ и для страховыхъ органовъ. И дѣйствительно, возрастаніе цифръ въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ какъ въ Германіи, такъ и въ Австріи, объясняется болѣе точной записью легкихъ поврежденій. Число несчастныхъ случаевъ, послѣдствіемъ которыхъ являлась смерть пострадавшаго, не увеличились въ Германіи, а число тяжкихъ поврежденій даже уменьшилось сравнительно съ количествомъ застрахованныхъ лицъ. Къ тому же оказывается, что цифры возрасли и въ тѣхъ странахъ, гдѣ нѣтъ принудительнаго страхованія, но гдѣ улучшена статистика несчастныхъ случаевъ. На количество несчастныхъ случаевъ страхованіе могло бы вліять косвеннымъ образомъ, ослабляя заботы рабочихъ объ устраненіи опасностей. Но факты противорѣчатъ такому положенію. Наоборотъ, страхованіе привело къ увеличенію заботливости объ уменьшеніи опасностей, какъ со стороны страховыхъ органовъ, такъ и со стороны участниковъ въ страхованіи, особенно предпринимателей, такъ какъ всякое упущеніе въ этомъ отношеніи отзывается на ихъ расходахъ. Особенно замѣтно это явленіе въ Германіи относительно страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, такъ

какъ послѣдствія недостаточнаго предотвращенія опасностей отзываются здѣсь особенно сильно на каждомъ участникѣ. Точно также и страхованіе отъ нетрудоспособности въ Германіи стремится всячески къ устраненію грозящихъ рабочему опасностей; такъ наприм., ревностно и съ большимъ успѣхомъ оно вело борьбу противъ чахотки.

Неосновательно и то опасеніе, будто принудительное страхованіе можетъ повлечь за собой менѣе заботливое отношеніе къ рабочему—ослабить уходъ за нимъ и, благодаря этому, увеличить расходы государства. Принудительное страхованіе, напротивъ, обезпечиваетъ своевременную подачу медицинской помощи и доставляетъ болѣе выгодныя условія для выздоровленія рабочаго, охраняя его отъ матеріальной нужды; увеличивается стремленіе со стороны предпринимателя достичь при этомъ наилучшихъ результатовъ и сохранить по возможности работоспособность. И въ этомъ отношеніи опытъ Германіи является крайне поучительнымъ.

Наконецъ, высказывается мнѣніе, что принудительное страхованіе приводитъ къ тому, что рабочіе часто прибѣгаютъ къ обману. Что такіе факты существуютъ, этого отрицать нельзя, но причина ихъ заключается не въ принудительномъ страхованіи, а въ человѣческомъ характерѣ. Всегда будутъ встрѣчаться люди, желающіе воспользоваться въ своихъ интересахъ добрыми намѣреніями другихъ; законы, но страхованія должны принять мѣры для устраненія такихъ злоупотребленій о нельзя же отказываться отъ учрежденія принудительнаго страхованія изъ-за того лишь, что часть застрахованныхъ можетъ притворяться и оказаться симулирующими болѣзни и уменьшеніе трудоспособности. Съ такой точки зрѣнія и всякое свободное страхованіе негодно.

Повсюду, гдѣ обсуждался вопросъ о принудительномъ страхованіи, наибольшія трудности представляла необходимость считаться съ вопросомъ о значеніи вины самаго застрахованнаго лица. Въ томъ, что умышленныя заболѣванія, несчастные случаи и нетрудоспособность не могутъ вознаграждаться, и что съ другой стороны незначительная неосторожность не должна лишать рабочаго этого права, въ этомъ всѣ сходятся. Но разногласіе господствуетъ относительно тѣхъ случаевъ, гдѣ рѣчь идетъ о грубой неосторожности со стороны потерпѣвшаго. Особенно важенъ этотъ вопросъ по отношенію къ несчастнымъ случаямъ. Неудивительно, что тѣ, которые не отказались отъ старыхъ воззрѣній на отвѣтственность рабочаго, находятъ несправедливымъ возна-

гражденіе рабочаго, пострадавшаго, благодаря собственной винѣ. Изъ этой точки зрѣнія они исходятъ и при вопросѣ о введеніи принудительнаго страхованія. Къ этому обстоятельству присоединяется еще опасеніе, что невнимательность рабочаго увеличится, если будетъ исключенъ вопросъ о его виновности. Но послѣднее сомнѣніе не можетъ имѣть значенія. Вслѣдствіе собственной неосторожности рабочій самъ страдаетъ, такъ какъ доходы его сводятся лишь къ той суммѣ, которая ему выдается страховымъ учрежденіемъ, а между тѣмъ усиливаются его заботы и страданіе, и часто къ этому присоединяется хроническая болѣзнь или увѣчье. Эти послѣдствія столь тяжки, что въ достаточной мѣрѣ способны удержать рабочаго отъ неосторожности. Случаи грубой непредусмотрительности будутъ встрѣчаться, конечно, всегда, но количество этихъ случаевъ, какъ доказано опытомъ, незначительно сравнительно съ количествомъ несчастныхъ случаевъ.

Кромѣ того, крайне трудно подыскать юридически правильное опредѣленіе тяжкой неосторожности рабочаго; врядъ ли возможно также при современномъ способѣ производства смотрѣть на эту вину, какъ на дѣйствительную причину несчастнаго случая. Количество случаевъ, гдѣ можно доказать ее и поэтому отказать въ вознагражденіи, окажется крайне незначительнымъ. Но во многихъ случаяхъ появится сомнѣніе, виновенъ ли рабочій. Разсмотрѣніе вопроса о винѣ обыкновенно вызываетъ массу хлопотъ, сильное ожесточеніе, злобу и ненависть. Страхованіе не только не приведетъ въ этомъ случаѣ къ примѣренію предпринимателей и рабочихъ, а, наоборотъ, еще ухудшитъ отношенія вслѣдствіе постоянныхъ споровъ. Съ другой стороны, суммы, сохраняемыя благодаря такому образу дѣйствій столь незначительны, что ихъ можно оставить вовсе безъ вниманія и если, благодаря устраненію вопроса о виновности рабочихъ, нѣкоторые изъ нихъ незаслуженно получатъ вознагражденіе, то это всетаки будетъ меньшимъ изъ двухъ золъ.

Исходя изъ такихъ соображеній, Германія совершено устранила вопросъ о винѣ рабочаго при несчастныхъ случаяхъ; мотивами для отказа въ вознагражденіи или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія суммы являются въ Германіи, помимо преднамѣреннаго дѣйствія, нетрудоспособность, являющаяся послѣдствіемъ доказаннаго судомъ преступленія, и болѣзнь, причина которой заключается въ (точно опредѣленномъ) безнравственномъ поведеніи [1]. Изъ этой же

[1]) При страхованіи отъ болѣзней въ этихъ случаяхъ можетъ быть отказано въ выдачѣ слѣдуемой рабочему суммы, но не въ лекарствахъ и врачебной помощи.

точки зрѣнія исходитъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ въ Австріи, Норвегіи и Италіи. Во Франціи (по зак. 9 апр. 1898 г.) вина рабочаго, ничѣмъ не извинимая, приводитъ къ уменьшенію вознагражденія. Въ Даніи его притязанія въ этихъ случаяхъ совершенно теряютъ силу (законъ 7 января 1898). По англійскому закону 1897 г. вознагражденіе не выдается въ томъ случаѣ, если рабочій пострадалъ вслѣдствіе преднамѣреннаго собственнаго дѣйствія. Значеніе этихъ законовъ, помимо другихъ недостатковъ, умаляется уже благодаря такому отношенію къ вопросу о виновности рабочаго.

Введеніемъ принудительнаго страхованія, конечно, не устраняется отвѣтственность предпринимателя въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вина его является умышленной. Но вопросъ заключается въ томъ, какъ слѣдуетъ отнестись къ тѣмъ случаямъ, которые вызваны неосторожностью предпринимателя, въ особенности при несчастныхъ случаяхъ. Все страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ основывается на томъ, что несчастные случаи имѣютъ причиною не способъ устройства и веденія единичнаго предпріятія, а особенностями той или другой отрасли промышленности. Поэтому возможно принудительное соединеніе предпринимателей для несенія сообща риска, сопряженнаго съ производствомъ въ данной отрасли промышленности. Такъ какъ вознагражденіе рабочаго является при такихъ обстоятельствахъ вполнѣ обезпеченнымъ, то, очевидно, принудительное страхованіе должно принципіально отказаться отъ дарованія застрахованному рабочему и его семьѣ права на притязаніе по отношенію къ предпринимателю, если этотъ несчастный случай подлежитъ вознагражденію. Этимъ не исключается, правда, право требованія по отношенію къ третьимъ лицамъ; однако, при участіи всѣхъ отраслей производства въ страхованіи, практическія соображенія побуждаютъ къ устраненію этихъ притязаній, такъ какъ и здѣсь, въ концѣ концовъ, въ несчастныхъ случаяхъ виновны общія условія производства. Уничтожая такимъ образомъ отвѣтственность (небрежнаго) предпринимателя, можно было бы взамѣнъ ея установить обязанность возмѣщенія предпринимателемъ убытковъ, понесенныхъ органами страхованія при вознагражденіи рабочаго, пострадавшаго вслѣдствіе неосмотрительности предпринимателя. Это усилило бы заботливость предпринимателей и уменьшило бы количество несчастныхъ случаевъ. Однако, возмѣщеніе убытковъ противорѣчитъ основнымъ положеніямъ страхованія отъ несчастныхъ случаевъ.

Вѣдь объединеніе предпринимателей для совмѣстнаго несенія риска оправдывается тѣмъ, что несчастные случаи объясняются общими условіями современнаго способа производства; между тѣмъ при установленіи обязанности возмѣщенія убытковъ такое объединеніе невозможно. Поэтому при введеніи принудительнаго страхованія рабочихъ необходимо отказаться отъ допущенія отвѣтственности предпринимателей при несчастныхъ случаяхъ въ производствѣ по отношенію къ застрахованнымъ рабочимъ или органамъ страхованія. Этимъ, конечно, не устраняется ихъ отвѣтственность, поскольку это касается другихъ лицъ или другихъ несчастныхъ случаевъ.

Этотъ принципъ не вполнѣ усвоенъ законодательствомъ. Такъ, въ германскомъ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ за непредусмотрительность отвѣчаютъ предприниматели; кромѣ того, всякій предприниматель обязанъ возмѣстить убытки страховому органу, если уголовнымъ судомъ доказано, что предприниматель былъ недостаточно предусмотрителенъ и не проявлялъ той заботливости, которая отъ него требуется, благодаря особенностямъ его должности, занятія или промысла. Исходя вообще изъ той же точки зрѣнія, Австрія допускаетъ обязанность возмѣщенія убытковъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о тяжкой винѣ со стороны предпринимателя. Въ Норвегіи предприниматель отвѣтственъ, если уголовнымъ судомъ установлено, что онъ не принималъ никакихъ мѣръ предосторожности, но при этомъ страховые органы могутъ требовать возмѣщенія ихъ убытковъ, такъ что рабочему остается только излишекъ изъ этой суммы. Отвѣтственность постороннихъ предпринимателей здѣсь не ограничена. Въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ по итальянскимъ законамъ предприниматель отвѣтственъ въ томъ случаѣ, если судомъ доказано, что несчастіе произошло по винѣ предпринимателя: вслѣдствіе обмана, незнанія, неспособности къ своему дѣлу, невнимательности или неисполненія существующихъ предписаній. И здѣсь страховой органъ вправѣ требовать возмѣщенія убытковъ.

Съ идеей страхованія рабочихъ тѣсно связано принужденіе къ страхованію рабочихъ всѣхъ предпріятій безъ различія въ величинѣ заработка. Это положеніе, дѣйствительно, усвоено германскимъ и австрійскимъ законодательствомъ, а также страхованіемъ отъ несчастныхъ случаевъ въ Норвегіи и Италіи. При этомъ въ Германіи установлено, съ какого возраста рабочаго (16 лѣтъ) начинается обязанность страхованія его отъ нетрудоспособности и

старости. Въ Венгріи же существуетъ предѣльная величина заработка: рабочій, получающій болѣе четырехъ гульденовъ въ день, не обязанъ застраховать себя на случай болѣзни.

Кромѣ рабочихъ въ промышленныхъ предпріятіяхъ, имѣются также служащіе, экономическое и соціальное положеніе которыхъ во многомъ сходно съ положеніемъ рабочихъ; необходимо поэтому и ихъ обязать къ страхованію. Для ограниченія круга этихъ служащихъ въ Германіи, Венгріи и Италіи воспользовались чисто механическимъ средствомъ, установивъ предѣльную заработную плату (2000 марокъ въ годъ въ Германіи, 4 гульдена въ день въ Венгріи и 7 лиръ въ день въ Италіи). Въ Италіи, кромѣ того, необходимо, чтобы жалованіе уплачивалось не рѣже одного раза въ мѣсяцъ. Въ Норвегіи и Австріи признаютъ всѣхъ служащихъ при эксплоатаціи подлежащими страхованію. Расширеніе круга лицъ подлежащихъ добровольному или установленному обязательному страхованію—настолько различно организовано, что мы не можемъ останавливаться на нихъ. По итальянскимъ и австрійскимъ законамъ добровольное участіе въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ не предусмотрѣно.

При опредѣленіи профессіональнаго состава лицъ, подлежащихъ принудительному страхованію, необходимо имѣть въ виду, что это страхованіе должно касаться всѣхъ промышленыхъ, земледѣльческихъ и лѣсныхъ рабочихъ, а также моряковъ и другихъ равныхъ имъ по положенію лицъ, такъ какъ всѣ эти роды занятій требуютъ усиленнаго огражденія рабочихъ. Этотъ принципъ усвоенъ Германіею. Законы о страхованіи въ Австріи, Венгріи, Италіи и Норвегіи относятся лишь къ извѣстнымъ родамъ предпріятій, которыя перечисляются закономъ въ той или другой формѣ и включаютъ въ себѣ всю промышленность въ широкомъ смыслѣ слова, какъ это было раньше и въ Германіи, по закону 1884 г.

Задача страхованія не можетъ заключаться въ устраненіи всѣхъ послѣдствій тѣхъ опасностей, которыя грозятъ рабочему. Предоставленіе больному, увѣчному или вообще инвалидному рабочему тѣхъ же средствъ, какими онъ пользовался, будучи здоровымъ, означало бы дать поводъ къ симуляціи. Къ тому же страховыя преміи могутъ быть обязательными лишь въ томъ размѣрѣ, какой необходимъ, чтобы не дать рабочему совершенно экономически погибнуть. Если же рабочій желаетъ обезпечить себѣ лучшее положеніе, то онъ можетъ застраховать себя въ частныхъ страховыхъ учрежденіяхъ. И дѣйствительно, высота платежей опредѣ-

лена во всѣхъ законахъ о страхованіи рабочихъ такимъ образомъ, что она не достигаетъ обычной заработной платы.

Что касается внѣшней формы страховыхъ вознагражденій, то въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ и отъ неспособности къ труду существуютъ два способа выплаты: путемъ періодическихъ платежей или путемъ выдачи единовременной (капитализированной) суммы. Выгода перваго способа заключается въ возможности обезпечить имущественное положеніе рабочихъ и въ возможности соразмѣрить величину премій съ измѣненіемъ въ трудоспособности рабочаго. Но этотъ способъ не даетъ ему возможности снова зажить по прежнему, такъ какъ для этого необходимы большія средства. Единовременная выдача капитала, являясь болѣе удачной въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, однако, болѣе опасна, такъ какъ выданная сумма можетъ быть скоро истрачена на удовольствія, она можетъ исчезнуть, благодаря неудачному хозяйству, при попыткѣ выбрать себѣ новое занятіе, наконецъ, вслѣдствіе кражи и т. д., въ этомъ случаѣ рабочій снова впадаетъ въ прежнее безвыходное положеніе и долженъ прибѣгнуть къ помощи благотворительности, а устраненіе необходимости въ послѣдней является вѣдь цѣлью страхованія. Поэтому періодическіе платежи оказываются болѣе соотвѣтствующими своему назначенію. И на практикѣ они примѣняются наиболѣе часто. Германія, Австрія и Норвегія ввели періодическую уплату суммъ, и лишь въ исключительныхъ случаяхъ допускается замѣна ихъ путемъ выдачи всей суммы единовременно. Наоборотъ въ Италіи выдается вся сумма.

При страхованіи рабочихъ приходится имѣть дѣло съ такой массой людей, что трудно предоставить усмотрѣнію самихъ участниковъ въ страхованіи выборъ и организацію управленія страхованіемъ. При томъ разнообразіи интересовъ, которые здѣсь замѣшаны, возникаетъ опасность, что большая часть обязанныхъ къ страхованію лицъ не въ состояніи будетъ самостоятельно учредить необходимые органы. Изъ того обстоятельства, что значительная часть лицъ, застрахованныхъ въ Германіи отъ болѣзней, должна обращаться къ общинному страхованію, которое является вспомогательнымъ, видно, что при полной свободѣ въ организаціи она не достаточно удовлетворительна. Нежелательно также основывать такое массовое страхованіе на частной предпріимчивости. Сопряженное съ этимъ раздробленіе противорѣчитъ экономическому принципу; къ тому же страхованіе рабочихъ относится къ государственнымъ задачамъ, осуществленіе которыхъ не можетъ

быть предоставлено интересу частныхъ предпринимателей. Почти всѣ государства, которыя ввели принудительное страхованіе рабочихъ, позаботились поэтому также о соотвѣтственной организаціи ея. Только Италія сдѣлала, какъ указано выше, ошибку, допустивъ для страхованія отъ несчастныхъ случаевъ выборъ между четырьмя способами организаціи, въ составъ которыхъ входятъ и частныя страховыя общества.

Что касается другихъ странъ, гдѣ существуетъ принудительное страхованіе, то въ Норвегіи участвующіе въ страхованіи объединены въ правительственное учрежденіе, мѣстными органами котораго являются отдѣльные чиновники. Послѣдніе выбираются общинами. Объ участіи рабочихъ въ управленіи въ законѣ не упоминается. Такое разрѣшеніе вопроса тамъ оказалось неизбѣжнымъ, такъ какъ въ настоящее время количество участвующихъ, къ тому же сильно разбросанныхъ, не достигаетъ ста тысячъ, въ виду чего не было возможности прибѣгать къ сложной организаціи.

Въ Германіи, Австріи и Венгріи проведена та мысль, что участвующихъ въ страхованіи необходимо объединить въ корпораціи, установленныя государствомъ, предоставляя имъ широкое самоуправленіе съ болѣе или менѣе рѣзко выраженнымъ участіемъ рабочихъ въ текущихъ дѣлахъ. При этомъ, можно руководствоваться двумя принципами организаціи, а именно—распредѣленіемъ профессіональнымъ или территоріальнымъ. Организація по профессіямъ выгодна въ томъ отношеніи, что допускаетъ образовать органы управленія изъ спеціалистовъ въ каждой отдѣльной отрасли. Второй способъ дѣлаетъ возможнымъ большую централизацію и уменьшаетъ, благодаря этому, расходы по управленію. Такъ какъ каждое изъ этихъ преимуществъ имѣетъ большое значеніе, то наиболѣе цѣлесообразнымъ является соединить оба принципа вмѣстѣ, учреждая профессіональные органы въ округахъ средняго размѣра. При этомъ не надо забывать, что страхованіе отъ болѣзней, которое должно стоять по возможности ближе къ индивидуальнымъ условіямъ жизни, можетъ быть наилучшимъ образомъ устроено учрежденіемъ страховыхъ органовъ, дѣйствующихъ на незначительномъ пространствѣ, тогда какъ страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и неспособности къ труду нуждается въ большихъ, болѣе сильныхъ союзахъ.

Въ дѣйствительности страхованіе организовано въ Германіи, Австріи и Венгріи довольно разнообразно. Организація по территоріямъ существуетъ, въ качествѣ главнаго способа въ австрійскомъ законодательствѣ о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ

и въ страхованіи отъ неспособности къ труду и старости въ Германіи. Профессіональная организація встрѣчается, главнымъ образомъ, въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи; онѣ соединена, въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ въ сельскомъ хозяйствѣ, съ принципомъ территоріальнымъ, благодаря участію административныхъ органовъ, а также въ наиболѣе важныхъ отрасляхъ промышленности и—заинтересованныхъ лицъ. Оба принципа слиты во всѣхъ трехъ странахъ также при страхованіи рабочихъ отъ болѣзней, хотя формы организаціи довольно разнообразны.

Въ Австріи и Германіи различныя отрасли страхованія организованы отдѣльно другъ отъ друга. Мысль о введеніи единой организаціи для всѣхъ отраслей страхованія, обсуждалась особенно много въ Германіи, но способа осуществленія этой мысли еще не найдено.

Высказываются въ этомъ отношеніи различные взгляды: одни требуютъ полнаго проведенія территоріальнаго начала, другіе же соединенія съ профессіональнымъ. Какъ видно изъ только что указаннаго, въ Германіи страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ и болѣзней развивается во второмъ направленіи, по крайней мѣрѣ, зародыши этого развитія уже ясны, хотя рѣшеніе этого вопроса еще не созрѣло.

Страхованіе рабочихъ должно необходимо опираться на взносы участвующихъ, какъ рабочихъ, такъ и работодателей. Рабочимъ должно принадлежать право требованія. Для пріобрѣтенія этого права необходимы взносы съ ихъ стороны. Нѣтъ, конечно, надобности въ томъ, чтобы эти взносы существовали въ каждой отрасли страхованія въ отдѣльности. Вполнѣ достаточно, если какъ это имѣетъ мѣсто въ страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи и Австріи, путемъ переноса вознагражденія за быстро излечиваемыя увѣчья на кассы страхованія отъ болѣзней рабочіе будутъ привлечены косвенно къ участію въ этомъ бремени. Неправильно было бы свалить все бремя страхованія на однихъ рабочихъ, это не только практически неудобно, но и противорѣчитъ принципамъ экономической политики. Дѣло въ томъ, что страхованіе является средствомъ къ увеличенію заработной платы косвеннымъ путемъ, такъ какъ существующая плата недостаточна для обезпеченія рабочихъ отъ послѣдствій болѣзней, несчастныхъ случаевъ и т. д. Въ сущности заработная плата должна была бы быть достаточной для этого. Поэтому представляется возможнымъ усилить заработную плату

путемъ взносовъ со стороны предпринимателей, доставляя такимъ образомъ рабочему необходимыя средства для его обезпеченія.

Такъ какъ опасности, послѣдствія которыхъ необходимо устранить, вызываются особенностями труда и способа производства, то участники, т. е. рабочіе и предприниматели, должны въ сущности сами нести это бремя и не могутъ претендовать на содѣйствіе другихъ классовъ. Это, однако, не исключаетъ возможности взиманія необходимыхъ средствъ со всего населенія для облегченія введенія страхованія или для устраненія временныхъ затрудненій. Германія, однако, отказалась отъ строгаго проведенія этого принципа по отношенію къ страхованію отъ неспособности къ труду и старости, допуская участіе въ доставленіи ренты, хотя и небольшую, со стороны государства. Изъ всѣхъ доводовъ, приводимыхъ въ пользу этой мѣры наиболѣе правильнымъ является указаніе на то, что на опасности, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой области страхованія, общія условія имѣютъ большее вліяніе, чѣмъ на болѣзни и несчастные случаи. Такъ какъ къ существующему мало по малу привыкаютъ и обыкновенно считаютъ его необходимымъ и понятнымъ, то теперь никто болѣе не относится отрицательно къ участію государства.

На вопросъ, какой системы слѣдуетъ придерживаться при доставленіи необходимыхъ средствъ, можно отвѣтить—относительно періодически выдаваемыхъ рентъ—различнымъ образомъ. Или слѣдуетъ имѣть постоянно въ своемъ распоряженіи извѣстныя суммы для покрытія издержекъ по выплатѣ рентъ и съ этой цѣлью взимать съ участвующихъ въ страхованіи опредѣленные, на основаніи техники страхованія вычисленные взносы, или же достаточно раскладки дѣйствительныхъ издержекъ между заинтересованными лицами, съ дополнительными взносами для образованія запаснаго капитала. Первая система болѣе надежна, поскольку возможно заранѣе вычислить ростъ процента и поскольку имѣются достаточныя данныя для пользованія теоріей вѣроятности. Но введеніе страхованія сильно затрудняется въ этомъ случаѣ, такъ какъ съ самаго начала необходимы полные взносы. При раскладкѣ издержекъ эти взносы незначительны, что облегчаетъ введеніе страхованія. Но затѣмъ они возрастаютъ, сначала быстро, затѣмъ въ меньшей степени, пока не устанавливается постоянная цифра. Капиталы, предназначенные для покрытія,—меньше предполагаемыхъ издержекъ, но все же путемъ увеличенія запасныхъ капиталовъ устраняется упрекъ въ несолидности, такъ часто дѣлаемый указанной системѣ обложенія.

Теоретически этотъ вопросъ нельзя разрѣшить. Опытъ показалъ, что обѣ системы одинаково примѣнимы и что при выборѣ необходимо руководствоваться особенностями страны, организаціи страхованія и распредѣленія взносовъ между участвующими лицами. Система раскладки издержекъ неудобна тамъ, гдѣ взносы дѣлаются рабочими, гдѣ союзы не велики, гдѣ страна небольшая или хотя и большая, но мало быстро прогрессирующая въ экономическомъ отношеніи. Эта система цѣлесообразна при взносахъ предпринимателей и государства въ большихъ и экономически развитыхъ странахъ, гдѣ существуетъ значительная потребность въ капиталахъ для производительныхъ цѣлей и гдѣ страховые органы обширны и платоспособны. Поэтому при страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ въ Германіи оказалась примѣнимой система раскладки, тогда какъ при введеніи страхованія отъ неспособности къ труду и старости она явилась неудобной уже потому, что взносы производились рабочими. Въ другихъ же странахъ (Австріи-Норвегіи, Италіи) и относительно страхованія отъ несчастныхъ случаевъ предпочли первый способъ; этотъ способъ наиболѣе пригоденъ также для Голландіи, Бельгіи и Швейцаріи.

І. К.

IV.

УЧАСТІЕ ПРОКУРОРА ВЪ НАПРАВЛЕНІИ ДѢЛЪ ЧАСТНАГО ОБВИНЕНІЯ.

(Ст. 511-я уст. угол. суд.) [1].

До сего времени остается невыясненнымъ вопросъ: какъ и отъ кого, отъ какого судебнаго установленія, отъ должностныхъ или отъ частныхъ лицъ, исходитъ преданіе суду по дѣламъ *частнаго* обвиненія, разсматриваемымъ *безъ участія присяжныхъ засѣдателей*. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что по дѣламъ частнаго обвиненія съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей преданіе суду исходитъ отъ судебной палаты, какъ обвинительной камеры, которая и при наличности жалобы частнаго обвинителя вправѣ прекратить дѣло по недостаточности уликъ; въ противномъ же случаѣ, она обязана составить опредѣленіе о преданіи суду, квалифицируя преступное дѣяніе по той или иной статьѣ Улож. о нак., съ изложеніемъ хотя вкратцѣ обстоятельствъ дѣла и съ указаніемъ лицъ, подлежащихъ вызову въ судебное засѣданіе.

---

[1]) Почтенный авторъ настоящей замѣтки возбуждаетъ не новый, но весьма любопытный вопросъ, который въ сущности сводится къ принятой отчасти въ Германскомъ процессѣ двойственности обвиненія, въ видѣ субсидіарнаго обвиненія. Мы не раздѣляемъ взгляда г. Волжина относительно преданія суду по дѣламъ частнаго обвиненія; мы полагаемъ, что по этимъ дѣламъ *вовсе нѣтъ* преданія суду и поэтому вопросъ долженъ быть поставленъ шире, а именно, не слѣдуетъ-ли прокуратурѣ предоставить болѣе широкое участіе въ дѣлахъ частнаго обвиненія. Въ этомъ своемъ видѣ вопросъ представляетъ интересъ, и для разрѣшенія его соображенія автора имѣютъ значеніе. *Ред.*

Но вопросъ о преданіи суду по ст. 511 уст. уг. суд. остается открытымъ, хотя въ судебной практикѣ *фактически* и существуетъ преданіе суду съ извѣстными процессуальными и юридическими послѣдствіями для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Но одинъ фактъ преданія суду, безъ санкціонированія его процессуальнымъ закономъ, тѣмъ не менѣе остается только фактомъ. Пока-же, при существованіи въ уставѣ уголовнаго судопроизводства этого пробѣла, можно съ увѣренностью сказать, что во всякомъ случаѣ *предаютъ суду не частный обвинитель*—потерпѣвшій отъ преступленія, или замѣняющій его повѣренный,—*и не прокуроръ*. Прокуроръ, въ силу закона (ст. 511, 517 уст. угол. суд.), обязанъ разсматривать поступающія къ нему дѣла по 478, 479 и 277 ст. уст. угол. суд. только на тотъ предметъ, чтобы удостовѣриться, нѣтъ-ли по дѣлу такого преступнаго дѣянія, которое подлежало бы вѣдѣнію его, какъ органа публичнаго обвиненія. Наблюдая за производствомъ слѣдствія и въ общемъ, и въ частномъ порядкѣ обвиненія, прокуроръ въ существо дѣлъ частнаго обвиненія не входитъ: онъ не вправѣ предлагать судебному слѣдователю о привлеченіи того или иного лица къ слѣдствію; онъ не вправѣ и возвратить такое дѣло къ дослѣдованію путемъ, напримѣръ, допроса такихъ свидѣтелей, которыхъ не указываетъ въ своей жалобѣ или въ своемъ показаніи частный обвинитель; онъ можетъ только предлагать объ исполненіи установленныхъ въ законѣ процессуальныхъ формъ и обрядовъ, напримѣръ, о склоненіи сторонъ къ миру, если изъ полученнаго имъ дѣла онъ усмотритъ, что этотъ обрядъ еще не исполненъ судебнымъ слѣдователемъ. Но еще менѣе умѣстно предположеніе, что преданіе суду исходитъ въ данномъ случаѣ отъ частнаго обвинителя. Онъ только вправѣ принести кому слѣдуетъ жалобу; для преданія суду необходима *правильная квалификація* преступнаго дѣянія; такая работа можетъ быть подъ силу развѣ только профессіональному юристу, да притомъ еще—опытному юристу-практику. Частный обвинитель вправѣ и можетъ изложить въ своей жалобѣ или въ показаніи судебному слѣдователю, какъ лицо потерпѣвшее, только обстоятельства дѣла съ описаніемъ событія преступнаго дѣянія: когда и какъ оно произошло и кѣмъ совершено.

Правильная квалификація необходима не только для преданія суду, но и для возможности постановленія судомъ правильнаго приговора съ примѣненіемъ надлежащихъ статей карательнаго закона, а не тѣхъ статей, которыя иногда могутъ быть совершенно ошибочно

приведены въ жалобѣ частнаго обвинителя или даже въ постановленіи судебнаго слѣдователя о принятіи дѣла къ своему производству, о принятіи той или иной мѣры обезпеченія явки обвиняемаго къ слѣдствію и суду по 416 ст. уст. угол. суд. и т. д.

Большая часть уголовныхъ дѣлъ частнаго обвиненія обнимаетъ собою обширную область преступленій—нанесенія легкихъ ранъ, легкихъ увѣчій и причиненія неважнаго вреда здоровью (примѣчаніе 1 къ ст. 1496 и 157 улож. о нак., и ст. 5 уст. угол. суд.); *юридическую квалификацію* этихъ преступленій *почему-то принимаютъ на себя* прежде всего *судебные врачи*—эксперты, ибо они даютъ свое мнѣніе или заключеніе о важности этихъ тѣлесныхъ поврежденій и о послѣдствіяхъ для здоровья, а судебные слѣдователи, провѣряя правильность такого заключенія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мнѣніемъ врачебнаго отдѣленія или даже медицинскаго департамента (когда мнѣніе врача представляется явно несообразнымъ съ данными дѣла, или когда потребуютъ сего прокуроръ, окружный судъ или судебная палата), обыкновенно принимаютъ такую квалификацію, какъ нѣчто непреложно-вѣрное и кладутъ ее въ основу дѣла, давая ему то или иное направленіе—въ частномъ или въ общемъ порядкѣ обвиненія, съ производствомъ слѣдствія или безъ слѣдствія (ст. 546 уст. угол. суд.) и съ соблюденіемъ лишь обряда склоненія сторонъ къ миру (ст. 303[1] уст. угол. суд.). Нѣкоторые врачи усвоили въ заключеніяхъ часто ошибочные и крайне неудачные термины нашего отжившаго свой вѣкъ улож. о нак. Я нерѣдко встрѣчалъ такое выраженіе въ судебно-врачебныхъ актахъ: „означенное повреждение слѣдуетъ отнести къ менѣе тяжкимъ увѣчьямъ". Въ этомъ случаѣ судебный слѣдователь уже безъ всякихъ колебаній означаетъ въ своемъ производствѣ 1480 улож. о нак., не интересуясь даже установленіемъ полнаго состава этого преступленія и не касаясь, напримѣръ, вопроса: не съ обдуманнымъ ли намѣреніемъ оно было причинено? Вѣдь еслибъ оказалась наличность обдуманнаго намѣренія, то и нанесеніе „менѣе тяжкаго", т. е. легкаго увѣчья, по разъясненіямъ кассаціоннаго сената, уже нельзя было-бы подвести подъ дѣйствіе 1480 ст. улож. Какъ скоро судебный врачъ выразитъ въ заключеніи: „означенную рану слѣдуетъ отнести къ разряду легкихъ ранъ",—судебный слѣдователь опять-таки безъ всякихъ колебаній подведетъ преступное дѣяніе подъ дѣйствіе 2 ч. 1483 ст. улож. о нак. и направитъ дѣло въ порядкѣ частнаго обвиненія, не интересуясь даже вопросомъ: не была-ли нанесена

эта рана въ дракѣ? Между тѣмъ, отъ наличности этого фактическаго обстоятельства, то есть, отъ существованія драки или ссоры, зависѣла бы квалификація преступнаго дѣянія уже по признакамъ 1485 ст. улож. Послѣдствія же примѣненія въ судебномъ приговорѣ 2 ч. 1483 ст. улож. совсѣмъ иныя, чѣмъ въ случаѣ примѣненія 1485 ст. улож. А при томъ или иномъ взглядѣ на фактическія обстоятельства дѣла, одинъ и тотъ же преступный фактъ оказывается возможно квалифицировать одинаково правильно и по 1483 и по 1485 ст. улож., а можетъ быть и по другой карательной статьѣ закона, хотя-бы и по тому простому соображенію, что едва-ли даже возможно представить себѣ случай нанесенія легкой раны въ состояніи раздраженія или запальчивости безъ всякой ссоры.

Если-же и преданіе суду по дѣламъ частнаго обвиненія, безъ присяжныхъ, фактически исходитъ отъ судебнаго слѣдователя на основаніи какъ-бы *подсказанной* ему квалификаціи судебнымъ врачемъ (ибо на таковую квалификацію обыкновенно не вліяетъ ни прокуроръ, предлагающій дѣло окружному суду по 511 ст. уст. угол. суд., ни окружный судъ, дающій по 547 ст. того-же устава ходъ дѣлу и при постановленіи приговора имѣющій въ виду лишь ту статью карательнаго закона, какая означена въ постановленіяхъ судебнаго слѣдователя о принятіи дѣла къ производству, о вызовѣ сторонъ для склоненія къ миру и о направленіи дѣла по 546 или 479 ст. уст. угол. суд.), то отсюда возникаетъ необходимость возложенія такой квалификаціи, имѣющей послѣдствіемъ преданіе суду по обвиненію въ томъ или иномъ преступленіи, на оффиціальный органъ, т. е. на прокурора окружнаго суда. Вѣдь очевидно, что въ основу преданія суду по дѣламъ этого рода нельзя-же ставить, одно только мнѣніе иногда ошибочное, судебнаго слѣдователя, который притомъ же иногда направляетъ такія дѣла и безъ производства слѣдствія, по 546 ст. уст. угол. суд., т. е. безъ обслѣдованія и надлежащей юридической оцѣнки всего фактическаго матеріала. Въ основу преданія суду нельзя ставить и состоявшееся въ распорядительномъ засѣданіи опредѣленіе окружнаго суда, когда судъ по 547 ст. уст. угол. суд. постановляетъ дать дѣлу дальнѣйшій ходъ съ участіемъ или безъ участія присяжныхъ засѣдателей, въ общемъ или частномъ порядкѣ обвиненія, по признакамъ такой или иной карательной статьи уложенія. Было-бы ни съ чѣмъ не сообразно, еслибъ въ роли судей по предвзятому, ими-же самими составленному взгляду на существо дѣла и юридической квалификаціи преступленія, составляющаго предметъ обвиненія, очутились-

бы: 1) самъ судебный слѣдователь, который принялъ дѣло къ своему производству по квалификаціи дѣянія, сдѣланной судебнымъ врачемъ, и сообразно съ этимъ направилъ дѣло, и 2) сами-же коронные судьи, которые будутъ судить обвиняемаго въ преступленіи по квалификаціи дѣянія, сдѣланной ими въ распорядительномъ засѣданіи, когда состоялось постановленіе суда о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла. Пусть-же эту квалификацію сдѣлаетъ прокуроръ, не принимающій на себя роль судьи и не обвинитель по дѣлу suo imperio, однако же вмѣстѣ съ тѣмъ и блюститель, и экспертъ по части законовъ.

Поэтому я и предлагаю дополнить 511 ст. уст. угол. суд. слѣдующимъ образомъ:

„При этомъ прокуроръ выражаетъ въ своемъ письменномъ заключеніи мнѣніе: кто именно и въ какомъ преступленіи (статья карательнаго закона) обвиняется; подлежитъ-ли онъ суду или же дѣло должно быть прекращено по отсутствію состава преступленія или по иной законной причинѣ (ст. 16 и 277), по недостаточности уликъ (ст. 523) и т. д. со всѣми послѣдствіями относительно мѣръ пресѣченія по 416 ст. уст. угол. суд., возвращенія кому слѣдуетъ вещественныхъ по дѣлу доказательствъ и возложенія судебныхъ издержекъ, и съ означеніемъ въ первомъ случаѣ въ особомъ спискѣ тѣхъ лицъ, какія, по мнѣнію прокурора, должны быть вызваны судомъ къ судебному слѣдствію“.

Если окружный судъ согласится съ такимъ письменнымъ заключеніемъ прокурора по 511 ст. уст. угол. суд., то *преданіе суду* въ этомъ случаѣ *исходило бы уже отъ прокурора*, *хотя онъ и не будетъ самостоятельнымъ обвинителемъ* по этому дѣлу. Тогда обвителемъ будетъ, какъ и теперь, самъ-же потерпѣвшій отъ преступленія или его повѣренный, или иной законный представитель, напримѣръ: мужъ за жену, отецъ за несовершеннолѣтняго сына или дочь и т. д., или же обвинителемъ будетъ *и самъ прокуроръ*, но только не самостоятельно, а *по заявленному потерпѣвшимъ* лицомъ предъ судомъ *желанію и по уполномочію отъ потерпѣвшаго* или его законнаго представителя и, притомъ, *въ предѣлахъ полномочія*. Тогда отъ потерпѣвшаго будетъ зависѣть: взять-ли на себя обязанность обвинителя, или же заявленіемъ суду уполномочить на это прокурора.

Если-же окружный судъ не согласится съ такимъ письменнымъ заключеніемъ прокурора, то возникающее отсюда разномысліе суда съ прокуроромъ должно быть разсмотрѣно, примѣнительно къ 528 ст.

уст. угол. суд., судебною палатою, которая въ семидневный срокъ по полученіи дѣла обязана составить опредѣленіе о преданіи суду съ означеніемъ, въ особомъ спискѣ, лицъ, подлежащихъ вызову къ судебному слѣдствію, или о прекращеніи дѣла по недостаточности уликъ или по какой-либо законной причинѣ, или объ измѣненіи подсудности.

Я уже не разъ указывалъ въ печати на полнѣйшую безпомощность и совершенную несостоятельность частныхъ обвинителей въ отношеніи знанія и пониманія своихъ правъ и обязанностей. Они не только не въ силахъ, говоря вообще, по своему невѣжеству хотя сколько нибудь правильно квалифицировать преступное дѣяніе, за которое они желали бы наказать своего обидчика,—они рѣшительно не въ состояніи выполнять свою роль въ уголовномъ процессѣ. Весьма обыкновенное явленіе на судѣ, что частные обвинители недоумѣваютъ, почему окружный судъ не вызвалъ *ихъ* свидѣтелей, на которыхъ они уже ссылались при полицейскомъ дознаніи и на предварительномъ слѣдствіи. Они никакъ не могутъ понять и усвоить преподаннаго имъ въ указѣ Правительствующаго Сената по общему собранію, отъ 1 мая 1881 г. № 10, порядка, по которому окружнымъ судомъ могутъ быть вызваны лишь тѣ свидѣтели и эксперты, на которыхъ они указали суду въ семидневный срокъ по объявленіи имъ о томъ, что дѣлу данъ ходъ (ст. 557—594 уст. угол. суд.). Вотъ почему обязанность обвинителя и по дѣламъ этого рода слѣдовало бы возложить на прокурора,—однако, только въ предѣлахъ полномочія со стороны лица потерпѣвшаго. Тогда прокуроръ будетъ обвинять отъ имени частнаго обвинителя, заступая его мѣсто, при наличности жалобы и желанія потерпѣвшаго преслѣдовать виновнаго, и не вправѣ обвинять, если жалобщикъ просилъ о прекращеніи дѣла,—по тому-ли, что онъ уже помирился съ обидчикомъ послѣ того, какъ примиреніе у судебнаго слѣдователя не состоялось, или по другимъ причинамъ.

Означенный указъ Сената № 10 не только не устранилъ процессуальной путаницы по дѣламъ частнаго обвиненія,—напротивъ, онъ привелъ къ полной несостоятельности всю процедуру частнаго обвиненія, въ явный ущербъ правосудію, и даже вызвалъ расколъ въ судебной практикѣ въ пониманіи основныхъ статей закона, напримѣръ, 277 ст. уст. угол. суд. Теперь окружные суды окончательно сбиты съ толку. Есть судьи, которые, ссылаясь на этотъ циркулярный указъ, совершенно неправильно полагаютъ, что ок-

ружный судъ не вправѣ прекратить дѣло по частному обвиненію по совершенной недостаточности уликъ (ст 277), хотя судебная палата по дѣламъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей прекращаетъ и эти дѣла по тому-же основанію. По мнѣнію такихъ судей, окружный судъ, при наличности жалобы, хотя-бы и самой неосновательной, даже нелѣпой, въ виду указа Сената № 10, не можетъ не дать хода дѣлу въ порядкѣ частнаго обвиненія, и ему остается только въ судебномъ засѣданіи оправдать обвиняемаго, посадивъ его предварительно на скамью подсудимыхъ. Но юридическая нелѣпость и несправедливость такого процессуальнаго порядка для меня, по крайней мѣрѣ, очевидны.

Въ сентябрьской книгѣ „Журнала Юридическаго Общества" за 1898 годъ г. Ѳедотовъ—Чеховскій указываетъ, какъ на вредный обычай судебной практики, квалифицированіе тѣлесныхъ поврежденій примѣнительно къ уложенію о нак. самими судебными врачами, тогда какъ это дѣло не врачей, а юристовъ, и вмѣстѣ съ симъ требуетъ отмѣны этого обычая. Дѣйствительно, врачи—это только эксперты, помогающіе юристамъ своими знаніями въ области судебной медицины для установленія юристами надлежащей квалификаціи какого-либо преступленія противъ жизни и здоровья. Къ сожалѣнію, г. Ѳедотовъ—Чеховскій не касается вопроса: какъ и отъ кого должно бы исходить преданіе суду по дѣламъ частнаго обвиненія о нанесеніи ранъ, увѣчій и другихъ тѣлесныхъ поврежденій, хотя-бы преступное дѣяніе и было правильно квалифицировано юристами. А между тѣмъ, дѣла этого рода имѣютъ своимъ предметомъ дѣянія, предусмотрѣнныя главою 3 раздѣла X улож. о нак.: „о нанесеніи увѣчья, ранъ и другихъ поврежденій здоровью", въ ея наиболѣе значительной части. Но недостаточно еще только намѣтить и указать зло; необходимо придумать и средство для борьбы съ этимъ зломъ. Пусть-же юридическая квалификація преступленій въ порядкѣ частнаго обвиненія въ дѣлахъ безъ присяжныхъ исходитъ отъ прокурора, на котораго должно быть возложено и обвиненіе по дѣламъ этого рода, но только по желанію и въ предѣлахъ уполномочія отъ частнаго обвинителя.

А. В. Волжинъ.

V.

ПРОЕКТЪ КНИГИ V ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ „ОБЪ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХЪ".

Въ приложеніи къ настоящей книгѣ „Вѣстника Права" читатели найдутъ воспроизведеннымъ на цияхъ только законченный проектъ той части новаго гражданскаго уложенія, которая посвящена обязательственному праву. Это—обширный проектъ, въ 1106 статей, обнимающихъ все право по обязательствамъ, включая и постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ и торговыхъ (и промышленныхъ) товариществахъ—полныхъ, неполныхъ, акціонерныхъ и проч., которыя обыкновенно выдѣляются въ особый торговый кодексъ.

Эта новая работа Высочайше учрежденной коммисіи по составленію новаго гражданскаго уложенія, плодъ зрѣлой и въ высшей степени компетентной мысли лучшихъ представителей нашей цивилистики.

Обязательственное право—самая подвижная часть гражданскаго права; реформа этой его части легче проводима; ею не затрагиваются интересы иногда политическіе—подобно, напримѣръ, брачному праву или даже вещному въ той его области, которая касается вотчиннаго права на недвижимость, регистраціи ея, и приводитъ къ необходимости введенія ипотечной системы, столь необходимой для крѣпости и опредѣленности вотчинныхъ правъ. Въ обязательственномъ правѣ законодатель свободнѣе движется по пути реформы, ему не приходится въ той мѣрѣ, какъ относительно наслѣдственнаго, семейственнаго права, неуклонно держаться историческихъ основъ, правовыхъ понятій, вкоренившихся въ правовомъ

сознаніи народа. Подвижность нормъ обязательственнаго права сравнительно съ нормами другихъ областей частнаго права, соотвѣтствуетъ разнообразію и быстрому движенію впередъ гражданскаго быта, оборота,—нарожденію новыхъ формъ и отношеній. Если поэтому задача законодателя въ этой области свободнѣе, шире, то выполненіе ея, пожалуй, труднѣе, сложнѣе и соотвѣтствуетъ осложненности самыхъ нормируемыхъ явленій. Здѣсь, именно, легко соблазниться позаимствованіями изъ чужихъ законодательствъ, легко поддаться искушенію дедуктивныхъ, абстрактныхъ выводовъ изъ общихъ теоретическихъ началъ; здѣсь, именно, важно соблюденіе мѣры въ стремленіи къ юридической конструкціи, къ формальной консеквенціи, къ обезличенію, если можно такъ выразиться, индивидуальныхъ особенностей обще-гражданскаго быта, къ смѣшенію того, что справедливо назвать положеніями цивильной политики, съ готовыми и элегантно развитыми нормами классическаго римскаго права. Архитектура зданія здѣсь сложная, возведеніе его требуетъ, поэтому, бо́льшаго искусства.

Въ настоящихъ строкахъ мы и не думаемъ дѣлать попытку дать хотя бы общую характеристику проекта коммисіи. Здѣсь мы только не можемъ не выразить радости по поводу предоставленной намъ возможности нынѣ же опубликовать хотя бы первую часть проекта. Онъ такъ сильно возбуждаетъ юридическую мысль, что мы увѣрены, что обсужденіе проекта окажется весьма бойкимъ, въ немъ примутъ участіе всѣ слои и круги не только юридическіе, но общественные, и было бы весьма досадно, если бы знакомство съ проектомъ началось только съ осени (въ іюлѣ и августѣ Вѣстникъ Права не выходитъ), и читатели наши были бы лишены возможности въ свободное отъ обычныхъ занятій каникулярное время ознакомиться хотя бы съ частью проекта.

Если было бы наивно думать, что у насъ публикованіе проекта вызоветъ хотя бы приблизительно такое же обсужденіе его, какое было результатомъ опубликованія проекта нынѣ уже окончательно утвержденнаго гражданскаго уложенія въ Германіи, то нѣтъ основанія и предполагать, что представители теоріи и практики у насъ не посвятятъ проекту своего полнаго вниманія и не подвергнутъ его обсужденію, самому глубокому и всестороннему.

Мы не имѣемъ возможности печатать ни цѣликомъ, ни даже въ извлеченіи объяснительной записки къ проекту. Но не можемъ не воспользоваться съ благодарностью предоставленною намъ возможностью помѣстить на страницахъ Вѣстника Права *введеніе* къ

этой объяснительной запискѣ, посвященной общимъ вопросамъ и, главнымъ образомъ, вопросу о включеніи постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ въ общее уложеніе.

Г. Сліозбергъ.

Введеніе къ объяснительной запискѣ къ проекту книги V гражданскаго уложенія: „объ обязательствахъ".

Сводъ Законовъ 1832 г., закончившій собою цѣлый рядъ законодательныхъ работъ XVIII и начала XIX столѣтій, имѣлъ своею цѣлью лишь привести въ извѣстность и расположить въ системѣ действующіе законы, *безъ всякаго ихъ измѣненія.* Составитель Свода, графъ Сперанскій смотрѣлъ на него какъ на первую часть работы: за Сводомъ должны были слѣдовать *Уложенія*, задача которыхъ заключалась въ измѣненіи дѣйствующихъ постановленій согласно современнымъ потребностямъ, въ восполненіи пробѣловъ и вообще въ улучшеніи законовъ. Предположенія графа Сперанскаго, въ отношеніи Гражданскаго Уложенія, до сихъ поръ не осуществились.

По общепризнанному мнѣнію, наши гражданскіе законы *устарѣли* и вслѣдствіе того стали *несправедливыми*; будучи построены на разнородныхъ началахъ, они полны *противорѣчій*; въ нихъ отсутствуютъ правила по многимъ весьма важнымъ вопросамъ, а такая *недостаточность* закона тѣмъ болѣе ощутительна, что въ немъ почти нѣтъ *общихъ положеній*; притомъ наши законы страдаютъ *отсутствіемъ правильной системы*: постановленія, относящіяся до одного и того же юридическаго института, помѣщены въ разныхъ мѣстахъ т. X ч. 1, а иногда даже въ разныхъ томахъ Свода; наконецъ, *редакція* законовъ *неудовлетворительна* и *юридическая терминологія не выдержана*, такъ что нерѣдко мысль закона находится въ полномъ разладѣ съ внѣшнимъ его выраженіемъ (ср. сводъ замѣч. о недост. дѣйств. гражд. зак., изд. Редакц. Ком., №№ 1—13).

Указанные недостатки дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ существовали уже въ первомъ изданіи Свода 1832 г. и въ значительной степени объясняются самымъ порядкомъ составленія Свода—сведеніемъ въ одно цѣлое законовъ, изданныхъ въ продолженіе столѣтій, безъ необходимаго ихъ согласованія, исправленія и дополненія. Съ теченіемъ времени, съ развитіемъ гражданской жизни, неудовлетворительность гражданскихъ законовъ, ихъ несоотвѣтствіе современнымъ понятіямъ и потребностямъ все болѣе и болѣе увеличивались. Разладъ между закономъ и жизнью сталъ еще очевиднѣе послѣ

преобразованій Императора Александра II, обновившихъ весь строй Россіи.

Крайняя недостаточность и неудовлетворительность постановленій обнаруживается по всѣмъ отдѣламъ гражданскихъ законовъ: о правахъ семейственныхъ, о правахъ на имущества, о наслѣдованіи и въ особенности въ отдѣлѣ объ *обязательствахъ*.

Въ т. X ч. 1 почти нѣтъ общихъ положеній по обязательственному праву: составленію, совершенію, исполненію и прекращенію договоровъ посвящено всего 26 статей, тогда какъ въ законахъ губерній Царства Польскаго этотъ отдѣлъ заключаетъ въ себѣ болѣе 300 статей, а въ законахъ губерній Прибалтійскихъ около 700 статей. „При изданіи Свода Законовъ", какъ говоритъ *К. П. Побѣдоносцевъ*, „и не могло быть иначе, ибо онъ составленъ по старымъ указамъ и уставамъ, въ коихъ почти не высказывались общія положенія и не было въ виду классическаго фундамента. Но то удивительно, какъ съ 1832 года до сихъ поръ недостатокъ этотъ не пополненъ. А онъ весьма чувствителенъ, и судебная наша практика поневолѣ пробавляется до сихъ поръ или отрывками общихъ выраженій, находимыми въ отдѣльныхъ статьяхъ цѣлаго Свода, или прибѣгаетъ, гдѣ можно, по аналогіи, къ обобщеніямъ, взятымъ изъ теоріи права и изъ существа законныхъ отношеній" (Курсъ гражд. пр. ч. 3 § 1).

Затѣмъ постановленія, относящіяся къ наиболѣе распространеннымъ договорамъ, напр. къ продажѣ, личному и имущественному найму, подряду, довѣренности, не содержатъ въ себѣ разрѣшенія самыхъ обыденныхъ вопросовъ. Наконецъ по нѣкоторымъ договорамъ, напр., перевозкѣ, простому товариществу, страхованію, пожизненной рентѣ, коммисіи, мировой сдѣлкѣ, законы гражданскіе не содержатъ никакихъ правилъ. То же должно сказать о веденіи чужихъ дѣлъ безъ порученія, о незаконномъ обогащеніи, о бумагахъ на предъявителя и пр. Вообще, ни въ одномъ отдѣлѣ нашихъ гражданскихъ законовъ не встрѣчается такъ много пробѣловъ, какъ въ обязательственномъ правѣ (ср. св. замѣч. о недост. дѣйств. гражд. зак. № 773 и сл.).

Высочайше учрежденная въ 1882 г. (П. С. З. 1882 г. мая 12 и 26 № 872) для составленія проекта Гражданскаго Уложенія *Редакціонная Коммисія* поставила себѣ задачею не *сочинить* уложеніе, но, оставаясь на *исторической* почвѣ и, по возможности, не нарушая основныхъ началъ дѣйствующаго права, *лишь пересмотрѣть гражданскіе законы*, т. е. постановленія устарѣвшія и несправедливыя замѣнить такими правилами, которыя соотвѣтствуютъ новымъ усло-

віямъ гражданскаго быта и новымъ понятіямъ о справедливости, восполнить пробѣлы и устранить противорѣчія, расположить весь матеріалъ въ болѣе удовлетворительной системѣ и изложить въ ясной редакціи—словомъ, воспроизвести въ будущемъ Гражданскомъ Уложеніи т. X ч. 1 въ исправленномъ и дополненномъ видѣ.

Въ настоящее время Редакціонная Коммисія изготовила *проектъ книги V Гражданскаго Уложенія „объ обязательствахъ"* съ объяснительною къ нему запискою. Проектъ этотъ отпечатанъ для общаго свѣдѣнія и разосланъ на заключеніе подлежащихъ лицъ и учрежденій, согласно п.п. 9 и 10 Высочайшаго повелѣнія объ общемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и о составленіи проекта Гражданскаго Уложенія (Собр. узак. и расп. Прав. 8 іюня 1882 г. № 55 ст. 361), которые гласятъ:

п. 9. Работы Редакціонной Коммисіи отпечатать для общаго свѣдѣнія и разослать на заключеніе тѣхъ лицъ и учрежденій, мнѣнія коихъ признано будетъ нужнымъ имѣть въ виду, съ указаніемъ срока для сообщенія Коммисіи сихъ мнѣній и заключеній,—и

п. 10. Составленный Редакціонною Коммисіею проектъ, съ объяснительною запискою, внести, по совершенномъ его изготовленіи или же *по частямъ, составляющимъ законченное цѣлое*, на обсужденіе.....

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію соображеній по отдѣльнымъ статьямъ проекта книги V, Редакціонная Коммисія находитъ нужнымъ дать предварительныя объясненія по слѣдующимъ общимъ вопросамъ: 1) *о необходимости включенія въ проектъ постановленій, касающихся торговыхъ сдѣлокъ*, 2) *о пространствѣ примѣненія проекта*, 3) *объ источникахъ проекта*, 4) *о системѣ и терминологіи проекта* и 5) *о началахъ, положенныхъ въ основаніе проекта*.

I. Необходимость включенія въ проектъ постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ.

При составленіи проекта книги V возникъ вопросъ о томъ, необходимо ли для торгово-частнаго права создать особое торговое уложеніе, или же слѣдуетъ *постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ включить въ книгу V проектируемаго Гражданскаго Уложенія*.

Чтобы рѣшить этотъ существенный для содержанія будущаго Гражданскаго Уложенія вопросъ, необходимо выяснить причины появленія въ современныхъ законодательствахъ особыхъ торговыхъ уложеній и ближайшее ихъ содержаніе.

Римскому классическому гражданскому праву было чуждо особое торговое право (Goldschmidt, Handbuch des Handelsrechts, т. I стр. 366 и сл.; Gierke, der Entwurf des neuen Handelsgesetzbuches стр. 4). Причину этого явленія не слѣдуетъ искать въ отсутствіи въ то время торговаго оборота, а скорѣе въ совершенствѣ гражданскаго права, развивавшагося наравнѣ съ потребностями жизни. Преторская юрисдикція вводила въ гражданское право, по мѣрѣ ихъ образованія, новые институты juris gentium, въ которыхъ хотя и нуждался въ особенности торговый оборотъ, но которые съ пользою могли быть примѣнены и къ общегражданскому обороту. Такъ, напр., actio exercitoria, institutoria, Pauliana, de recepto nautarum, cauponum, actio tributoria и др. не выдѣлялись въ особое торговое право, а вводились въ содержаніе обязательственнаго права, способствуя его прогрессивному развитію. Римскіе юристы примѣняли, напр., какъ извѣстно, нормы эдикта эдиловъ ко всякаго рода куплѣ-продажѣ, даже недвижимости, и это имѣло точно такое же значеніе, какъ если бы въ настоящее время ко всякаго рода куплѣ-продажѣ примѣнялись правила торговаго уложенія (Wlassak, zur Geschichte der negotiorum gestio). Вообще, при свободѣ, эластичности и замѣчательномъ развитіи классическаго римскаго гражданскаго права, при отличномъ судопроизводствѣ, съ участіемъ присяжныхъ, при свободной системѣ доказательствъ и при строгости взысканій—не могла и ощущаться потребность ни въ особомъ торговомъ правѣ, ни въ особыхъ торговыхъ судахъ (Goldschmidt, т. I стр. 366 прим. 3).

Рознь между торговымъ и гражданскимъ правомъ появляется впервые въ средніе вѣка. Унаслѣдованное, какъ нѣчто цѣлое и законченное, лишенное связи съ явленіями и развитіемъ экономической жизни средневѣковыхъ народовъ, римское право, понятно, не могло вполнѣ соотвѣтствовать новымъ потребностямъ развившагося съ небывалымъ блескомъ торговаго оборота. Въ особенности въ Италіи, на берегахъ Средиземнаго моря, возникли, съ возрожденіемъ торговли, путемъ обычая, новые институты права. Самый характеръ средневѣковой торговли во многомъ существенно отличался отъ римской торговли. Торговлю посредствомъ рабовъ, эксплоатируемыхъ отдѣльными крупными капиталистами, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались большія торговыя предпріятія, замѣнила торговля, основанная на свободномъ раздѣленіи труда между цѣлымъ сословіемъ лицъ. Кромѣ указанной причины, образованію особаго, самостоятельнаго торговаго права, главнымъ образомъ, способствовали: *сословное дѣленіе*, сильно развившееся въ средніе вѣка, преобладающее значеніе недвижимости, вы-

развившееся въ мѣстныхъ *земскомъ* и *ленномъ* правахъ, враждебное отношеніе доктрины каноническаго права къ основнымъ экономическимъ потребностямъ торговаго оборота, крайне схоластическое отношеніе ученыхъ юристовъ къ римскому праву и неудовлетворительность гражданскаго судопроизводства. Вотъ, въ общихъ чертахъ, причины, вызвавшія въ средніе вѣка появленіе мѣстныхъ (городскихъ) сборниковъ торговыхъ законовъ и обычаевъ по разнымъ отраслямъ торговаго права, какъ-то: торговые сборники итальянскихъ и испанскихъ городовъ, вексельные уставы, сборники морского права и т. п., завершившіеся въ 17-мъ столѣтіи знаменитыми ордонансами Кольбера. Французскіе ордонансы представляютъ собою вмѣстѣ съ тѣмъ первую попытку кодификаціи торговаго права, какъ одного цѣлаго, являясь предшественниками особыхъ торговыхъ уложеній конца 18-го и начала 19-го столѣтій, одновременно съ первыми попытками кодификаціи гражданскаго права.

Такимъ первымъ уложеніемъ, послужившимъ впослѣдствіи источникомъ подражаній и заимствованій для другихъ народовъ, является Французское торговое уложеніе 1808 г. Въ основѣ его лежатъ ордонансы 17-го столѣтія о *сухопутной* (Edit du Roi, servant de réglement pour le commerce des négociants et des marchands, du mois de Mars 1673) и *морской* (Ordonnance de la marine, du mois d'Août 1681) торговлѣ—первые сборники торговыхъ юридическихъ нормъ, образовавшихся въ предшествующихъ столѣтіяхъ. Установленныя въ этихъ сборникахъ правила, съ теченіемъ времени, подверглись немалымъ измѣненіямъ и примѣненіе ихъ отчасти исключено было обычаемъ, отчасти же измѣнено научными комментаріями (Savary, Jousse, Pothier, Dupuys de la Serra, Valin, Emérigon). Для пересмотра устарѣвшихъ такимъ образомъ ордонансовъ, еще въ 1787 году, при Людовикѣ XVI, была учреждена коммисія, напечатавшая проектъ новой редакціи закона 1673 года, труды же по пересмотру закона 1681 года остались незаконченными.

Въ такомъ положеніи находилась кодификація торговаго права во Франціи, когда предприняты были кодификаціонныя работы царствованія Наполеона I. Наряду съ подготовительными работами для составленія новаго гражданскаго уложенія, 3 апрѣля 1801 года первымъ консуломъ учреждена была коммисія: „pour concourir à la rédaction d'un projet de code de commerce". Изготовленный этою коммисіею проектъ былъ въ декабрѣ того же года разосланъ для сообщенія замѣчаній разнымъ установленіямъ, а по просмотрѣ этихъ замѣчаній напечатанъ въ 1803 г. подъ названіемъ „Révision du projet

de code de commerce". Этотъ проектъ ограничился воспроизведеніемъ постановленій ордонансовъ съ нѣкоторыми лишь измѣненіями и оставался безъ движенія въ архивѣ государственнаго совѣта въ теченіе трехъ лѣтъ. Тѣмъ временемъ съ удивительною быстротою былъ составленъ и получилъ силу закона въ 1804 году проектъ гражданскаго уложенія. Составители послѣдняго, имѣя въ виду послѣдующее изданіе особаго торговаго уложенія, къ которому неоднократно и отсылаетъ code civil (напр., ст. 1107, 1341, 1873, 1964, 2070, 2084 и 2102), не предполагали вовсе, что статьи гражданскаго уложенія будутъ примѣняться къ дѣламъ торговымъ (Locré, т. VIII стр. 17 и 38), для которыхъ въ будущемъ торговомъ уложеніи предполагалось соединить всѣ принципы и всѣ правила, касающіяся торговаго оборота (см. Delammarre et Lepoitvin, Traité de droit commercial т. I § II—IV).

Общее разстройство торговыхъ дѣлъ и цѣлый рядъ скандальныхъ банкротствъ въ Парижѣ зимой 1805—1806 г.г. напомнили вновь о забытомъ проектѣ торговаго уложенія. Наполеонъ I, видя въ строгости торговыхъ законовъ наилучшее средство для поднятія экономическихъ силъ страны, съ обычной энергіей подвинулъ изданіе торговаго уложенія. Проектъ 1803 года былъ вновь подвергнутъ разсмотрѣнію въ государственномъ совѣтѣ и, пройдя всѣ инстанціи, 1 января 1808 года получилъ силу закона. Вызванныя обстоятельствами, сопровождавшими изданіе торговаго уложенія, подозрительность и правительственная опека, которыя присущи многимъ постановленіямъ (въ особенности въ отдѣлахъ о купеческихъ книгахъ, торговыхъ товариществахъ и торговой несостоятельности), не принадлежатъ, по единогласному отзыву позднѣйшей критики, къ числу хорошихъ сторонъ этого уложенія; въ остальномъ оно, какъ и проектъ 1803 года, воспроизводитъ лишь ордонансы Кольбера съ нѣкоторыми измѣненіями.

Содержаніе Французскаго торговаго уложенія распредѣлено по слѣдующимъ четыремъ книгамъ: о торговлѣ вообще, о морской торговлѣ, о торговой несостоятельности и о торговой юрисдикціи. Только первыя двѣ книги имѣютъ непосредственное отношеніе къ гражданскому праву, двѣ же послѣднія посвящены торгово-публичному праву.

Книга первая подраздѣляется на восемь раздѣловъ: 1) о коммерсантахъ, 2) о торговыхъ книгахъ, 3) о товариществахъ, 4) о раздѣльности имущества, 5) о торговыхъ биржахъ, вексельныхъ агентахъ и маклерахъ, 6) о закладѣ и коммиссіонерахъ, 7) о куплѣ-продажѣ и 8) о векселѣ, приказѣ на предъявителя и о давности. Оглавленіе раздѣловъ второй книги слѣдующее: 1) о корабляхъ

и другихъ морскихъ судахъ, 2) объ арестѣ и продажѣ кораблей, 3) о собственникахъ корабля, 4) о корабельщикѣ, 5) о наймѣ и платѣ матросамъ и корабельнымъ служителямъ, 6) о чертепартіяхъ, фрахтованіи или наймѣ кораблей подъ грузъ, 7) о коносаментѣ, 8) о платѣ за наемъ корабля подъ грузъ, 9) о бодмереѣ, 10) о страхованіи, 11) объ аваріяхъ, 12) о бросаніи груза и участіи въ убыткахъ, 13) о давности и 14) объ утратѣ иска. Содержаніе третьей и четвертой книгъ, заключая въ себѣ почти исключительно нормы торгово-публичнаго права, не представляетъ непосредственнаго интереса.

Внутреннее содержаніе четырехъ книгъ этого уложенія характеризуется полнымъ смѣшеніемъ торгово-публичнаго съ торгово-частнымъ правомъ и введеніемъ въ составъ торговаго уложенія институтовъ чисто гражданскаго права, безъ твердаго и осязательнаго разграниченія того и другого. Что касается первой книги, то раздѣлъ о торговыхъ книгахъ, равно раздѣлъ о биржахъ и маклерахъ, содержатъ нормы торгово-публичнаго права, остальные раздѣлы примыкаютъ къ гражданскому уложенію. Въ первомъ раздѣлѣ (ст. 2—7) установляются ограниченія правоспособности для несовершеннолѣтнихъ и замужнихъ женщинъ въ дѣлахъ торговыхъ, въ четвертомъ вводится обязательная для лицъ торговыхъ гласность по имущественнымъ отношеніямъ, изъ брака возникающимъ; правила эти непосредственно примыкаютъ къ постановленіямъ гражданскаго уложенія, дополняя и измѣняя для лицъ торговыхъ статьи 476 и слѣд., 212 и слѣд. и 1387 и слѣд. Далѣе, въ раздѣлѣ третьемъ, о торговыхъ товариществахъ, первая же статья отсылаетъ къ гражданскому уложенію: ст. 18 „Le contrat de société se règle par le droit civil, par les lois particulières au commerce, et par les conventions des parties“. Крайне бѣдныя постановленія (всего 45 статей) этихъ законовъ, свойственныхъ торговлѣ (lois particulières au commerce), вызвали въ 1867 году отдѣльный, самостоятельный законъ о торговыхъ товариществахъ, со включеніемъ сюда же товариществъ съ измѣняющимся капиталомъ или товариществъ для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей, предметъ дѣятельности которыхъ не составляетъ, слѣдовательно, необходимо торговое предпріятіе. Упомянутый законъ не включенъ въ составъ торговаго уложенія. Правила шестаго раздѣла о торгово-залоговомъ правѣ (согласно закону 1863 года), примыкающія къ ст. 2073 и слѣд. гражд. улож., изложены въ трехъ статьяхъ и отмѣняютъ для дѣлъ торговыхъ стѣснительныя формальности, предписанныя ст. 2074 для дѣйствительности заклада и для удовлетворенія изъ заклада. По свидѣтельству бельгійскаго юриста H. de Baets (Note critique sur l'avant-projet de révi-

sion du code civil, стр. 33), въ общегражданскомъ оборотѣ давно обходятъ разными способами стѣснительное правило ст. 2074 (письменная форма), такъ что самъ собою ставится вопросъ, не лучше ли возвести исключеніе, установленное для торговаго оборота, въ общее правило для общегражданскаго оборота и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожить весь отдѣлъ о торгово-закладномъ правѣ. Глава вторая и третья того же шестаго раздѣла излагаютъ правила о коммисіонномъ договорѣ, причемъ въ ст. 94 указывается, что этотъ договоръ отличается отъ договора довѣренности, опредѣляемаго въ гражданскомъ уложеніи (ст. 1984 и слѣд.), тѣмъ лишь признакомъ, что коммисіонеръ дѣйствуетъ отъ своего собственнаго имени за счетъ другого, а не отъ имени этого другого, какъ при простой довѣренности. Къ коммисіонному договору отнесенъ и договоръ отправки товаровъ, о которомъ говорится въ третьей главѣ настоящаго раздѣла. Глава четвертая, о перевозкѣ, содержитъ правила фрахтоваго договора. Седьмой раздѣлъ, о куплѣ-продажѣ, ограничивается единственною статьею 109, о способахъ, которыми можетъ быть доказано существованіе этого договора. Наконецъ, послѣдній раздѣлъ, о векселѣ, приказѣ на предъявителя и давности, содержитъ матеріальное вексельное право. По количеству статей (247) вторая книга, о морской торговлѣ, значительно больше первой. И здѣсь смѣшано торгово-частное съ торгово-публичнымъ правомъ, не смотря на то, что послѣднему посвящены цѣликомъ раздѣлы 13-й и 14-й. Изъ постановленій остальныхъ двѣнадцати раздѣловъ второй книги уложенія къ торгово частному праву слѣдуетъ отнести слѣдующія правила, постановленныя въ отмѣну или дополненіе соотвѣтствующихъ статей гражданскаго уложенія: 1) о свойствѣ кораблей, какъ вещей движимыхъ (ст. 190, ср. ст. 527 гр. ул.), 2) о привилегіяхъ кредиторовъ корабля (ст. 191—193, ср. ст. 2100 гр. ул.), 3) о куплѣ-продажѣ корабля (ст. 195—196, ср. ст. 1582 гр. ул.), 4) объ отвѣтственности собственника корабля за дѣйствія корабельщика (ст. 216 и 217, ср. ст. 1384 гр. ул.), 5) объ увольненіи корабельщика (ст. 218, ср. ст. 1134 гр. ул.), 6) о правахъ общей собственности на корабль (ст. 219—220, ср. ст. 1686 гр. ул.), 7) о правахъ и отвѣтственности корабельщика (221, 222, 232, 241, ср. ст. 1582, 1992, 1148, 1302 гр. ул.), 8) о наймѣ корабельщика и корабельныхъ служителей (ст. 250—272, ср. ст. 1779 гр. ул.), 9) о наймѣ кораблей подъ грузъ (ст. 273—280, ср. ст. 1713 гр. ул.), 10) о формѣ накладной (ст. 281—284 ср. ст. 1325 гр. ул.), 11) объ отвѣтственности коммисіонера (ст. 285, ср. ст. 1383 гр. ул.), 12) о платѣ за наемъ корабля подъ грузъ (ст. 286—310, ср. ст.

1713 гр. ул), 13) о бодмереѣ (ст. 311—331, ср. ст. 1964 гр. ул.), 14) о морскомъ страхованіи (ст. 332—396, ср. ст. 1964 гр. ул.), 15) объ аваріяхъ (ст. 397--409, ср. ст. 1370 гр. ул.) и 16) о бросаніи товара и распредѣленіи убытковъ (ст. 410—429, ср. ст. 1370 гр. улож.).

Изъ всего вышеизложеннаго нетрудно убѣдиться, что выдѣленіе торгово-частнаго права въ особый кодексъ, дѣйствующій наряду съ гражданскимъ уложеніемъ, не оправдывается особымъ содержаніемъ торгово-частныхъ законовъ, вошедшихъ въ торговое уложеніе. Мысль составителей гражданскаго уложенія о томъ, что торговля въ собственномъ смыслѣ, операціи которой почти всегда связаны съ общими цѣлями администраціи и политики, должна подчиняться особымъ законамъ, которые не могутъ входить въ составъ гражданскаго уложенія" (Delamarre et Lepoitvin т. I стр. 40, Locré, т. I стр. 16), не получила, судя по содержанію Французскаго торговаго уложенія, практическаго осуществленія. Вмѣсто цѣлостной системы торгово-частнаго права, уложеніе представляетъ собою произвольное сочетаніе правилъ, относящихся къ разнымъ институтамъ гражданскаго права. Болѣе или менѣе полно изложены три договора: вексельный, коммисіонный и фрахтовой. Вексельный договоръ, являясь всѣмъ доступною формою гражданскаго оборота, не составляетъ особеннаго содержанія торговаго права. Правила торговаго уложенія о коммисіонномъ и фрахтовомъ договорахъ далеко не исчерпываютъ всего института, отсылая къ общимъ правиламъ гражданскаго уложенія. Отсутствіе сколько нибудь существеннаго различія торговаго права отъ права, содержащагося въ гражданскомъ уложеніи, доказывается лучше всего отсутствіемъ какихъ либо особыхъ правилъ для торговаго оборота въ отдѣлѣ о договорѣ, на которомъ зиждется весь этотъ оборотъ, а именно: въ отдѣлѣ о договорѣ купли-продажи. Замѣчательно, что въ преніяхъ по поводу статей о куплѣ-продажѣ, содержащихся въ гражданскомъ уложеніи, преобладало воззрѣніе, что статьи эти не должны примѣняться къ дѣламъ торговымъ (см. Boistel, précis de cours de droit commercial, стр. 15), въ дѣйствительности же вышло наоборотъ. Согласно усвоенному большинствомъ французскихъ комментаторовъ взгляду, торговое уложеніе, какъ законъ спеціальный, не замѣняетъ собою для торговаго оборота гражданскаго уложенія, а допускаетъ примѣненіе послѣдняго, на сколько оно не противорѣчитъ торговому уложенію. Въ этомъ смыслѣ, при обсужденіи ст. 631 торг. улож., между прочимъ, было высказано, что „законодательство это, имѣя свой особый предметъ и ограничиваясь лишь торговыми операціями, въ томъ только

случаѣ можетъ быть примѣняемо, когда молчаніе общаго закона дозволяетъ примѣненіе закона исключительнаго" (Locré, т. VII § 2 и сл.). Въ этомъ характерѣ торговаго уложенія, въ его соотношеніи или, вѣрнѣе говоря, несоотвѣтствіи съ гражданскимъ уложеніемъ, кроется самая слабая сторона первой и главной книги—о торговлѣ вообще. Редакторы проекта 1803 года, какъ бы въ оправданіе бросающейся въ глаза неполноты торговаго закона, замѣчаютъ: „въ виду того, что законы торговые представляютъ собою исключеніе изъ общаго права, не подлежитъ сомнѣнію, что коммерсанты подчиняются во всемъ томъ, что не исключено, наравнѣ съ другими гражданами, праву гражданскому; ордонансъ 1673 г. шелъ по тому же пути и никто не жаловался на его молчаніе въ этомъ отношеніи" (Locré т. I стр. 94). Ни гражданское уложеніе, ни торговое не содержатъ общей статьи о взаимномъ ихъ отношеніи. Бѣдность постановленій торговаго уложенія дѣлаетъ необходимымъ примѣненіе къ дѣламъ торговымъ гражданскаго уложенія. Но въ какомъ объемѣ, въ какихъ вопросахъ именно слѣдуетъ примѣнять гражданское уложеніе, объ этомъ французскіе комментаторы торговаго уложенія и по настоящее время спорятъ. Само торговое уложеніе иногда прямо отсылаетъ къ гражданскому уложенію (напр. ст. 2, 6, 18, 65, 91, 94), а въ другихъ, однородныхъ случаяхъ, вмѣсто того, повторяетъ правила гражданскаго уложенія (напр. ст. 5 торг. ул. и ст. 220 гражд. улож.). Шаткость и неопредѣленность, введенныя въ такой существенный вопросъ торговымъ уложеніемъ, не говорятъ въ пользу послѣдняго.

Такимъ образомъ первая, выдающаяся попытка отдѣльной кодификаціи торговаго права, наряду и независимо отъ гражданскаго уложенія, должна быть признана неудавшеюся съ кодификаціонной точки зрѣнія. Торгово-частное право, неполно и отрывочно включенное въ особое торговое уложеніе, оказалось не въ состояніи занять самостоятельное положеніе относительно гражданскаго уложенія, къ которому оно тяготѣетъ по своему существу. Фактическая разрозненность торгово-частнаго права отъ гражданскаго породила только шаткость и неопредѣленность въ примѣненіи общегражданскихъ законовъ къ дѣламъ торговой подсудности. Иного результата и нельзя было ожидать отъ изданія самостоятельнаго торговаго уложенія, хронологически хотя и слѣдующаго за изданіемъ гражданскаго уложенія, но по внутреннему содержанію всецѣло стоящаго на почвѣ предшествующаго періода законодательства.

Уничтожить историческую рознь торговаго и гражданскаго права и слить ихъ въ одно уложеніе—это задача будущаго законодатель-

ства, потребность въ осуществленіи которой чувствуется уже и въ настоящее время. Въ этомъ отношеніи не лишены интереса высказанныя въ довольно рѣзкой формѣ мысли бельгійскаго юриста H. de Baets по поводу проекта гражданскаго уложенія, которое составилъ Laurent по порученію бельгійскаго правительства: „двойственность нашего частнаго права не имѣетъ иного источника, какъ нелѣпое сохраненіе гражданскаго права, отставшаго отъ общественнаго прогресса. Въ 1806 году (рѣчь идетъ о бельгійскомъ законодательствѣ) слѣдовало уничтожить это различіе изданіемъ гражданскаго уложенія, приноровленнаго къ современной экономической жизни,—но установили напротивъ, въ видѣ исключительнаго закона, то, что должно было быть закономъ общимъ" (Note critique sur l'avant-projet de révision du code civil, стр. 28—40).

Нѣсколько иначе, чѣмъ во Франціи, вопросъ объ отношеніи торговаго права къ гражданскому уложенію рѣшается обще-германскимъ законодательствомъ.

Обще-германское торговое уложеніе 1861 г. тѣсно связано съ обще-германскимъ вексельнымъ уставомъ 1847 года, хотя формально, а равно и по времени ихъ обнародованія, оба закона независимы другъ отъ друга. Allgemeine deutsche Wechselordnung и Allgemeines deutsches Handelsgesetzbuch представляютъ собою двѣ послѣдующія ступени развитія имперскаго германскаго законодательства, которое въ нихъ впервые возродилось послѣ формальнаго прекращенія въ 1806 году имперской законодательной власти. Область торговаго права всего болѣе нуждалась въ общемъ, объединяющемъ законодательствѣ, такъ какъ именно въ этой области дальнѣйшее естественное развитіе обще-германскаго законодательства тормозилось разрозненностью нескончаемаго числа мѣстныхъ законовъ и обычаевъ (въ 1843 г., кромѣ французскаго вексельнаго права, дѣйствовали на территоріи Германскаго союза 56 различныхъ вексельныхъ уставовъ—см. Goldschmidt, Handbuch стр. 59). Стремленіе создать въ области торговаго права общій для всей Германіи законъ, въ виду почти неопреодолимыхъ трудностей, которыя представляло отсутствіе политическаго единства, привело на первыхъ порахъ лишь къ объединенію вексельнаго права, и то за исключеніемъ вексельнаго процесса. Вексельный уставъ 1847 года, помимо внутреннихъ достоинствъ и замѣчательнаго вліянія на другія законодательства, имѣетъ еще особенно важное значеніе для разсматриваемаго вопроса. Задуманный, какъ часть торговаго уложенія, вексельный уставъ 1847 г. не только по внутреннему содержанію, признаніемъ вексельной правоспособности за всѣми правоспособными лицами, но и формально, какъ самостоятельный законъ, отрѣшился вовсе и

навсегда отъ специальной области торговаго права. Тридцать лѣтъ спустя повторилось почти то же самое въ другой отрасли торговаго права. Обнародованные 30 января и 10 февраля 1877 года общегерманскій уставъ гражданскаго судопроизводства и конкурсный уставъ отрѣшились отъ выдѣленія особаго торговаго судопроизводства и торговаго конкурснаго права. На этомъ пути, окрѣпшая съ возстановленіемъ Германской имперіи, законодательная власть пошла далѣе, послѣ обнародованія торговаго уложенія, издавая отдѣльные законы по разнымъ предметамъ права, не обращая притомъ вниманія на строгое разграниченіе области торговаго отъ области общегражданскаго права. Но если такимъ образомъ изъ сказаннаго уже слѣдуетъ, что торговое уложеніе 1861 г. не обнимаетъ собою всѣхъ частей торговаго права, то съ другой стороны, въ него вошло много статей вполнѣ общегражданскаго содержанія.

Германское торговое уложеніе 1861 г. раздѣлено на пять книгъ, которымъ предпосылаются три статьи „общихъ положеній" (объ отношеніи торговаго уложенія къ торговымъ обычаямъ, къ гражданскимъ законамъ, къ вексельному уставу и къ гражданскому судоустройству): книга первая—о торговомъ сословіи, книга вторая—о торговыхъ товариществахъ, книга третья—о негласномъ товариществѣ и о соединеніи для отдѣльныхъ торговыхъ операцій на общій счетъ, книга четвертая—о торговыхъ сдѣлкахъ и книга пятая—о морской торговлѣ. Достаточно сопоставить оглавленія пяти книгъ, чтобы убѣдиться въ отсутствіи системы въ Германскомъ торговомъ уложеніи, распадающемся, по мнѣнію Goldschmidt'a (Handbuch стр. 118—121), на три части: о субъектахъ торговаго права, о торговыхъ операціяхъ и о морскомъ правѣ. Далѣе, замѣчается полное смѣшеніе торгово-частнаго и торгово-публичнаго права, въ особенности въ первой и пятой книгахъ уложенія.

Если исключить изъ содержанія *первой* книги статьи, опредѣляющія правоспособность женщинъ (ст. 6—9), установляющія понятіе торговой фирмы (ст. 15) и послѣдствія ея отчужденія (ст. 22 и 23) и незаконнаго употребленія (ст. 27) и говорящія объ отношеніяхъ, возникающихъ изъ торговой довѣренности и найма приказчиковъ (ст. 41—65), то всѣ остальныя статьи первой книги, больше половины, относятся къ торгово-публичному праву.

Не мало статей торгово-публичнаго права содержатъ также *вторая и третья* книги, о торговыхъ товариществахъ. Правила о товариществахъ торговыхъ изложены въ порядкѣ слѣдующихъ подраздѣленій: 1) открытое (полное) торговое товарищество: учрежденіе

товарищества (ст. 85—89), юридическія отношенія членовъ товарищества (ст. 90—109), юридическія отношенія товарищества къ третьимъ лицамъ (ст. 110—122), прекращеніе товарищества и выходъ отдѣльныхъ членовъ (ст. 123—132), ликвидація дѣлъ товарищества (ст. 133—145); 2) коммандитное (на вѣрѣ) товарищество: общія положенія (ст. 150—172), коммандитное товарищество на акціяхъ въ особенности (ст. 173—206); 3) акціонерное товарищество: общія постановленія (ст. 207—215), юридическія отношенія акціонеровъ (ст. 216—226), права и обязанности правленія (ст. 227—241), прекращеніе товарищества (ст. 242—248); 4) негласное товарищество (ст. 250—265); 5) соединеніе для отдѣльныхъ торговыхъ операцій на общій счетъ (ст. 266—270).

Книга *четвертая* содержитъ правила о торговыхъ сдѣлкахъ въ пяти раздѣлахъ: торговыя сдѣлки вообще, купля-продажа, коммисія, экспедиція и перевозка. Первыя семь статей (271—277) установляютъ понятіе торговой сдѣлки въ смыслѣ подчиненія извѣстнаго рода дѣлъ дѣйствію настоящаго торговаго уложенія. Все остальное содержаніе четвертой книги распадается на двѣ части: 1) общая часть торгово-обязательственнаго права (ст. 278—336) и 2) особенная часть торгово-обязательственнаго права, куда входятъ договоры: купли-продажи, коммисіи, экспедиціи и перевозки.

Пятая и послѣдняя книга излагаетъ правила о морской торговлѣ, не различая между нормами торгово-частнаго и торгово-публичнаго права. Послѣднему отведена значительная часть пятой книги (ст. 432—438, 444—480, 489—494, 757—781, 906—911), имѣющей двѣнадцать раздѣловъ: 1) общія постановленія, 2) о хозяинѣ корабля, 3) о корабельщикѣ, 4) о корабельныхъ служителяхъ, 5) о перевозкѣ кладей, 6) о перевозкѣ путешественниковъ, 7) о бодмереѣ, 8) объ аваріи, 9) о спасеніи и сбереженіи во время морскаго несчастія, 10) о корабельныхъ вѣрителяхъ, 11) о страхованіи морскомъ и 12) о погасительной давности. Правила о морской торговлѣ, составляя по количеству статей (480) большую половину всего торговаго уложенія, касаются слѣдующихъ предметовъ частнаго права: объ отчужденіи и принадлежностяхъ корабля, объ отвѣтственности хозяина корабля за причиненный вредъ и убытки и по договору съ корабельными служителями, о соучастіи въ кораблѣ, о правахъ и обязанностяхъ корабельщика по отношенію къ хозяину корабля и третьимъ лицамъ, о правахъ и обязанностяхъ корабельныхъ служителей по договору личнаго найма, о наймѣ кораблей подъ грузъ, о договорѣ перевозки пас-

сажировъ, объ аваріи, о вознагражденіи за спасеніе и сбереженіе при гибели корабля и о морскомъ страхованіи.

Изложенное содержаніе Германскаго торговаго уложенія 1861 г. не оправдываетъ выдѣленія торгово-частнаго права въ особый кодексъ, имѣющій самостоятельное значеніе.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что Германское торговое уложеніе обнимаетъ не все торгово-частное право. Законы о векселяхъ, выдѣленные въ особый уставъ, не вошли въ его содержаніе. Изъ остальныхъ договоровъ, употребительныхъ въ торговомъ оборотѣ, опредѣлены только нѣкоторые: купля-продажа, довѣренность, товарищество, коммисія, экспедиція и перевозка. Нѣтъ правилъ о другихъ договорахъ, по той или другой причинѣ причисляемыхъ къ договорамъ, торговлѣ свойственнымъ, о биржевыхъ сдѣлкахъ, оваррантахъ и т. п.

Но если Германское торговое уложеніе, съ одной стороны, не обнимаетъ всего торгово-частнаго права, а съ другой стороны вторгается въ чуждыя торгово частному, а иногда и вообще торговому праву, области, то тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что оно проводитъ принципіальное различіе между торгово-частнымъ правомъ и системою положительнаго общегражданскаго права, установленіемъ для дѣлъ торговыхъ особыхъ, отличныхъ отъ общегражданскихъ, правилъ, какъ для обязательствъ вообще (общая часть обязательственнаго права ст. 278—336), такъ и для отдѣльныхъ обязательствъ и договоровъ (особенная часть обязательственнаго права ст. 337—431). Правила торговаго уложенія въ указанныхъ отдѣлахъ имѣютъ во многомъ отличное содержаніе отъ правилъ общегражданскаго права, почему въ самостоятельномъ значеніи, по крайней мѣрѣ, четвертой книги уложенія, о торговыхъ сдѣлкахъ, ему нельзя отказать.

Эта самостоятельность торговаго права вызвана, однако, не свойствомъ и характеромъ самыхъ нормъ торгово-частнаго права, но случайными, историческими причинами, неудовлетворительнымъ состояніемъ гражданскаго законодательства Германіи въ то время. Ходъ историческаго развитія этого законодательства ясно указываетъ, что торговое уложеніе потому только и получило самостоятельное, независимое отъ гражданскаго права, значеніе, что въ немъ (какъ впервые въ уставѣ вексельномъ) зарождающаяся имперская законодательная власть осуществила объединеніе части гражданскаго права, построеннаго на современныхъ началахъ, чуждыхъ рабскаго подчиненія римскимъ и другимъ средневѣковымъ традиціямъ.

По справедливому замѣчанію Goldschmidt'a (Zeitschrift für Handelsrecht т. V стр. 212—214), объединеніе торговаго права для от-

дѣльныхъ германскихъ территорій, съ разными системами гражданскаго права, не могло быть достигнуто изданіемъ торговаго уложенія, содержащаго одни только торговыя начала. Для достиженія желаемаго объединенія представлялись, вообще говоря, только два пути: или созданіе обще-германскаго закона по обязательственному праву, со включеніемъ части вотчиннаго права и съ установленіемъ исключеній и дополненій для торговаго оборота, или же изданіе торговаго уложенія, со введеніемъ въ него части общегражданскаго права, на сколько это было необходимо для достиженія фактическаго единства торговаго права. Первый путь, по мнѣнію Goldschmidt'а, въ существѣ единственно вѣрный, но избраніе его въ 1856 году, въ виду политической розни, равнялось бы отказу отъ изданія обще-германскаго торговаго закона.

Дальнѣйшее развитіе на пути объединенія содержащагося въ торговомъ уложеніи частнаго права съ общегражданскимъ намѣтилось уже при самомъ обнародованіи Германскаго торговаго уложенія. На основаніи законовъ о введеніи торговаго уложенія въ Гамбургѣ и Бременѣ, правила уложенія, постановленныя исключительно для купцовъ и торговыхъ товариществъ, распространены на извѣстную категорію лицъ—не купцовъ, и на извѣстныя, неторговыя или на всякаго рода товарищества, а правила общей части торгово-обязательственнаго права и торговой купли-продажи признаны правилами общегражданскаго права (Hamburger Einführungsgesetz 22 декабря 1865 г. ст. 24, 30, 38, 39, 41; Bremer Einführungsgesetz 6 іюня 1864 г. ст. 21, 29, 30 и 33). Далѣе, имперскій законъ 4 іюля 1868 г. о гражданскомъ характерѣ разныхъ товариществъ съ хозяйственными цѣлями и законъ 11 іюня 1870 г. объ акціонерныхъ товариществахъ на вѣрѣ и объ акціонерныхъ компаніяхъ распространили примѣненіе правилъ торговаго уложенія на цѣлый рядъ общегражданскихъ товариществъ, дѣятельность которыхъ не заключается въ торговомъ предпріятіи. Но помимо другихъ отдѣльныхъ имперскихъ закононовъ необходимо отмѣтить тотъ, нелишенный интереса фактъ, что единство торгово-частнаго и общегражданскаго законодательства признано оффиціально закономъ 20 декабря 1873 г., измѣнившимъ первоначальную редакцію п. 13 ст. 4 германской конституціи. По первоначальной редакціи (16 апрѣля 1871 г.) имперскому законодательству предоставлялось обще-германское законодательство по обязательственному, уголовному, торговому и вексельному праву и по судопроизводству, на основаніи же закона 20 декабря 1873 г. имперскому законодательству подлежитъ обще-германское законодательство по всему гражданскому и уго-

ловному праву и по судопроизводству, а слѣдовательно, по смыслу новаго закона, торговое и вексельное право суть только составныя части „всего гражданскаго права".

Вскорѣ послѣ изданія закона 20 декабря 1873 г., расширившаго компетенцію имперскаго законодательства, возникъ вопросъ о системѣ и планѣ объединенія гражданскаго права всей Германіи. Образованная съ этою цѣлью комиссія высказалась, однако, противъ соединенія торговаго и гражданскаго права въ одномъ уложеніи, руководствуясь главнымъ образомъ тѣмъ соображеніемъ, что торговое право имѣетъ свою продолжительную и самостоятельную исторію, и что включеніе его въ гражданское уложеніе нарушитъ преемственность судебной практики и научной разработки, основанныхъ на постановленіяхъ торговаго законодательства. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было признано необходимымъ согласовать правила о торговыхъ договорахъ съ общегражданскимъ обязательственнымъ правомъ. Въ оффиціальномъ докладѣ отдѣленія юстиціи Германскаго союзнаго совѣта о планѣ составленія гражданскаго уложенія сказано: „необходимо изъять изъ торговаго права дѣйствующія въ немъ нормы, заимствованныя изъ гражданскаго права, и обсудить, какія *исключенія* слѣдуетъ установить для торговаго оборота по отдѣльнымъ вопросамъ, напр., по вопросу о процентахъ, о неустойкѣ, о формѣ юридическихъ сдѣлокъ и др." (см. Goldschmidt, Zeitschrift т. XX стр. 134—171).

Въ настоящее время въ Германіи изданы гражданское (въ 1896 г.) и торговое (въ 1897 г.) уложенія, вполнѣ согласованныя между собою. Объединеніе и согласованіе правилъ о торговыхъ договорахъ съ правилами о гражданскихъ договорахъ вообще произошло двоякимъ путемъ. Съ одной стороны, нормы гражданскаго права, содержащіяся въ торговомъ уложеніи 1861 г., были изъяты изъ него, а съ другой, гражданское уложеніе само прониклось началами торговаго права и усвоило многія постановленія торговаго уложенія, безъ всякаго измѣненія или съ небольшими только измѣненіями (напр., правила о заключеніи договоровъ между отсутствующими, о совокупной отвѣтственности нѣсколькихъ лицъ, совмѣстно принявшихъ на себя обязательство по договору, и др.; ср. Riesser, über den Einfluss handelsrechtlicher Ideen auf den Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches; Gierke, der Entwurf des neuen Handelsgesetzbuches).

Новое торговое уложеніе раздѣлено на четыре книги: 1) о торговомъ сословіи, 2) о торговыхъ товариществахъ и негласномъ товариществѣ, 3) о торговыхъ сдѣлкахъ и 4) о морскомъ правѣ. Не смотря на то, что въ уложеніе вошли новые отдѣлы: 1) о торговыхъ аген-

тахъ, 2) о складочной сдѣлкѣ (Lagergeschäft), оно по своему объему значительно меньше прежняго. Особенно замѣтному сокращенію подверглась книга уложенія, касающаяся торговыхъ сдѣлокъ. Сохранившіяся немногія постановленія *о торговыхъ сдѣлкахъ вообще* утратили свое первоначальное значеніе болѣе или менѣе полнаго изложенія общей части торгово-обязательственнаго права и представляютъ собою лишь рядъ отрывочныхъ правилъ, содержащихъ исключенія изъ таковыхъ же правилъ гражданскаго уложенія, вызываемыя особенностями торговаго оборота, какъ, напр., правила о торговомъ поручительствѣ (ст. 349 и 350), о процентахъ по торговымъ сдѣлкамъ (ст. 352—355), объ исполненіи торговыхъ сдѣлокъ (ст. 358 и слѣд.), о правѣ удержанія (ст. 39 и слѣд.) и др. Договоръ торговой купли-продажи также изложенъ съ точки зрѣнія особенностей торговаго оборота, и многія статьи уложенія 1861 г. (ст. 337—341, 342 ч. 1 и 2, 343 ч. 1, 344—346, 347 ч. 4, 348 ч. 2—4, 349, 351, 353—356, 358, 359) исключены, какъ имѣющія общее значеніе. Въ полномъ видѣ изложены *коммисіонная* (Commissionsgeschäft), *экспедиціонная* (Speditionsgeschäft), *складочная* (Lagergeschäft) сдѣлки и *перевозка* (Frachtgeschäft), такъ какъ въ гражданскомъ уложеніи правилъ объ этихъ договорахъ не содержится. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что упомянутые договоры помѣщены въ торговомъ уложеніи лишь въ виду ихъ *торговаго происхожденія* и что они, безъ всякаго затрудненія, могли бы быть перенесены изъ торговаго въ гражданское уложеніе, которое къ тому же не знаетъ другихъ правилъ по сему предмету.

Вообще говоря, Германское торговое уложеніе 1897 г. не имѣетъ самостоятельнаго значенія и въ большинствѣ своихъ постановленій относится къ гражданскому уложенію, какъ исключеніе къ общему правилу. Во главѣ торговаго уложенія 1861 г. находилась статья слѣдующаго содержанія: „Въ торговыхъ дѣлахъ, въ случаѣ недостатка правилъ сего уложенія, примѣняются торговые обычаи, а за отсутствіемъ ихъ—общее гражданское право" (ст. 1). Въ новомъ торговомъ уложеніи 1897 г. статья эта исключена, а взамѣнъ ея въ ст. 2 зак. о введ. въ дѣйствіе постановлено, что „правила гражданскаго уложенія имѣютъ силу, на сколько по данному предмету въ торговомъ уложеніи не постановлено особаго правила" (ср. ст. 105 торг. улож., по которой „къ полному товариществу примѣняются правила, постановленныя въ гражданскомъ уложеніи для товариществъ вообще, на сколько въ торговомъ уложеніи не установлено на сей предметъ иныхъ правилъ; см. также ст. 348, 374, 375, 382, 385, 396 и др.).

Такимъ образомъ въ настоящее время въ Германіи объединеніе торговаго и гражданскаго права совершилось, и только законодательный матеріалъ размѣщенъ въ двухъ особыхъ уложеніяхъ, въ чемъ нельзя не видѣть лишь вынужденной уступки исторически сложившейся обособленности торговой кодификаціи.

Въ Англіи до настоящаго времени нѣтъ ни кодификаціи гражданскаго права, ни кодификація торговаго права въ томъ смыслѣ, какъ онѣ существуютъ на материкѣ. Поэтому и вопросъ о самостоятельномъ значеніи кодификаціи торговаго права для англійскаго законодательства не имѣетъ практическаго интереса. Въ общемъ источникѣ права—common law, торговые обычаи не составляютъ обособленной части, а въ другомъ общемъ источникѣ права—Statute law, отдѣльные законодательные акты нормируютъ институты торговаго права наравнѣ съ институтами другихъ отраслей права (Stephen, new commentaries on the law of England, partly founded on Blackstone т. I стр. 57).

Историческій ходъ образованія особыхъ торговыхъ уложеній указываетъ, какъ на главную причину такого выдѣленія въ отдѣльную кодификацію новаго наслоенія права гражданскаго, на особенности торгово-частнаго права, образовавшагося путемъ обычая и въ существенныхъ пунктахъ несогласнаго съ общею системою римскаго гражданскаго, въ частности—обязательственнаго права. Эта рознь, эта двойственность гражданскаго права, утратившая съ теченіемъ времени первоначальное значеніе, почти совсѣмъ исчезла въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ законодательствахъ. Въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ: 1) Калифорнское гражданское уложеніе 1873 г., 2) гражданское уложеніе Нижней-Канады 1866 г., 3) гражданское уложеніе кантона Цюриха 1855 г. и 4) законъ о правѣ по обязательствамъ Швейцарскаго союза 1881 года.

1) Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, гдѣ, по примѣру Англіи, ни въ литературѣ, ни въ законодательствѣ торговое право не было разъединяемо отъ общегражданскаго (Пахманъ, Исторія кодификаціи т. I стр. 144—146), первая попытка кодификаціи гражданскаго права необходимо должна была обнять собою и то, что на континентѣ Европы выдѣлялось въ особое торговое право. Коммисіи по составленію Нью-Іоркскаго проекта—подъ предсѣдательствомъ Dudley Field—не пришлось вовсе возбуждать вопроса о томъ, слѣдуетъ ли для извѣстныхъ лицъ, купцовъ, и для извѣстныхъ отношеній, торговыхъ, создавать особое право. Гражданское уложеніе Калифорніи, принятое законодательнымъ собраніемъ штата 21 марта 1872 г. и вступившее въ

силу 1 января 1873 г., въ сущности, составляетъ утвержденный законодательною властью этого штата Нью-Іоркскій проектъ. Весь матеріалъ гражданскаго уложенія распредѣляется по четыремъ книгамъ: 1) о лицахъ, 2) объ имуществахъ, 3) объ обязательствахъ и 4) о защитѣ правъ. Въ книгѣ третьей излагаются, въ общей системѣ обязательственнаго права, и тѣ правила, которыя входятъ обыкновенно въ содержаніе торговыхъ уложеній. Въ видѣ примѣра можно указать на то, что въ отдѣлѣ о личномъ наймѣ опредѣляются отношенія агентовъ, факторовъ, корабельщиковъ и корабельныхъ служителей, что правила о договорѣ перевозки (carriage) обнимаетъ собою всякаго рода перевозку лицъ и вещей, какъ сухопутную, такъ и морскую; что вслѣдъ за общими правилами о страхованіи излагаются особенныя правила страхованія морскаго, отъ огня, жизни; что правила о векселяхъ помѣщены, наряду съ правилами о чекахъ и другихъ бумагахъ на предъявителя, въ общемъ отдѣлѣ отъ оборотныхъ бумагахъ (negotiable instruments) и т. п. Однимъ словомъ, Калифорнское гражданское уложеніе представляетъ собою полное объединеніе торговаго и гражданскаго права, какъ составныхъ частей одной общегражданской системы права. Въ настоящее время во многихъ штатахъ Сѣверной Америки дѣйствуютъ гражданскія уложенія, образцомъ для которыхъ послужилъ тотъ же Нью-Іоркскій проектъ.

2. *Гражданское уложеніе Нижней Канады 1866 года* основано на началахъ французскаго права. Попытка объединенія торговаго и гражданскаго права въ Нижне-Канадскомъ уложеніи проведена лишь наполовину, и хотя, съ одной стороны, цѣлый рядъ институтовъ торговаго права включенъ въ общую систему уложенія, но, съ другой стороны, безъ видимой причины, нѣкоторые изъ этихъ институтовъ выдѣлены въ особую четвертую книгу подъ заглавіемъ: „lois commerciales“. Въ общее ученіе объ обязательствахъ и въ ученіе объ отдѣльныхъ договорахъ включены нормы торговаго права и, въ видѣ исключеній изъ общихъ правилъ, тутъ же помѣщаются изъятія для торговаго оборота. Взглядъ законодателя на этотъ вопросъ выраженъ въ самомъ законѣ такимъ образомъ: „общія правила, примѣнимыя къ дѣламъ торговымъ и не помѣщенныя въ настоящей (т. е. четвертой) книгѣ, изложены въ предыдущихъ книгахъ, въ особенности въ раздѣлахъ третьей книги: объ обязательствахъ, о продажѣ, о наймѣ, о довѣренности, о закладѣ, о товариществѣ и о давности“ (ст. 2278).

Въ общихъ правилахъ объ обязательствахъ обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія исключенія, постановленныя для дѣлъ торговыхъ, а именно: 1) ст. 1105 о предположеніи солидарной отвѣтственности

содолжниковъ, 2) ст. 1226 о предположеніи безспорности означеннаго на письменномъ актѣ времени его совершенія и 3) ст. 1233 о доказательствѣ всякаго факта свидѣтелями.

Въ видѣ примѣровъ, изъ особенной части обязательственнаго права можно указать на слѣдующія статьи, постановленныя спеціально для дѣлъ торговыхъ, а именно: 1) о дѣйствительности продажи чужихъ и краденыхъ вещей (ст. 1488 и 1489); 2) объ отношеніяхъ маклеровъ, факторовъ и другихъ торговыхъ агентовъ къ ихъ довѣрителямъ (ст. 1735—1754); 3) о торговыхъ товариществахъ, разсматриваемыхъ въ связи съ товариществами вообще (ст. 1863—1891), и 4) о пятилѣтней давности (пп. 4 и 5 ст. 2260).

Четвертая книга содержитъ ту часть торговаго права, которая не вошла въ общую систему уложенія. Въ шести раздѣлахъ здѣсь размѣщены правила: 1) о векселяхъ, о кредитныхъ письмахъ и о приказахъ на предъявителя; 2) о торговыхъ судахъ; 3) о наймѣ судовъ подъ грузъ; 4) о перевозкѣ пассажировъ; 5) о страхованіи, и 6) о бодмереѣ. Непослѣдовательность выдѣленія указанныхъ правилъ въ особую четвертую книгу „lois commerciales“ всего яснѣе обнаруживается, если обратить вниманіе на содержаніе пятаго раздѣла: о страхованіи. Въ книгѣ „о законахъ торговыхъ“ излагается все ученіе о страхованіи отъ огня и о страхованіи жизни. Притомъ, по опредѣленію самого закона (ст. 2470), только морское страхованіе всегда торговый договоръ—„всякое другое страхованіе не есть, по своей природѣ, договоръ торговый, а является таковымъ только въ томъ случаѣ, когда оно заключено съ преміею и лицами, промышляющими этимъ, за однимъ нижеозначеннымъ исключеніемъ“, т. е. за исключеніемъ договора взаимнаго страхованія.

Такимъ образомъ попытку Нижне-Канадскаго уложенія включить въ систему общегражданскаго уложенія торговое право нельзя признать вполнѣ удавшеюся. Тѣмъ не менѣе знаменателенъ самый фактъ, что такая попытка сдѣлана на почвѣ французской системы гражданскаго права.

3. *Гражданское уложеніе кантона Цюрихъ 1855 года*, составленное проф. Блюнчли, представляетъ полное объединеніе торговаго и гражданскаго права.

„Право требованій и долговъ“, составляя четвертую и послѣднюю книгу Цюрихскаго гражданскаго уложенія, вмѣщаетъ въ себѣ почти всѣ институты торговаго права, за исключеніемъ вексельнаго и морскаго права. Въ общей части (о договорахъ вообще), примѣняемой одинаково какъ къ гражданскому, такъ и къ торговому обороту, по

отношенію къ послѣднему постановлены нѣкоторыя исключенія, напр., въ ст. 906 ч. 2, 962, 990, 1053, о времени заключенія договора между отсутствующими, о размѣрѣ законныхъ процентовъ, объ учетѣ при досрочныхъ платежахъ и о предположеніи зачета при текущемъ счетѣ. Изъ особенной части обязательственнаго права главный интересъ представляютъ раздѣлы: четвертый—о довѣренности, шестой—о товариществѣ, седьмой—о куплѣ-продажѣ, девятый—о личномъ наймѣ и одиннадцатый—о страхованіи. Подъ понятіе довѣренности, или вѣрнѣе порученія (Auftrag—Mandat), подведены кредитныя письма и приказы. Въ отдѣлѣ о товариществахъ (Forderungen aus Gemeinschaft) въ 148 статьяхъ изложены правила также о торговыхъ товариществахъ; здѣсь, по поводу веденія дѣлъ товарищества, опредѣляются отношенія торговыхъ агентовъ (Handelsreisende), представителей (Faktoren) и служителей (Handlungsdiener). Седьмой раздѣлъ весьма подробно излагаетъ куплю-продажу, публичную продажу и мѣну, съ постоянными ссылками на особенности торговаго оборота, для котораго установляются нѣкоторыя исключительныя правила, напр., въ ст. 1389—1391, 1401, 1403, 1415, 1416, 1422, 1429, 1430, 1435, 1440, 1444 и др. Въ девятомъ раздѣлѣ, къ группѣ договоровъ объ услугахъ за плату и о веденіи чужихъ дѣлъ (von den Verträgen über Arbeit und Geschäftsbesorgung) отнесены: 1) наемъ слугъ (Lohndienstvertrag), 2) пользованіе личными услугами за вознагражденіе (Honorardienstvertrag), 3) подрядъ (Verdingung eines Werkes), 4) издательскій договоръ (Verlagskontrakt), 5) коммисіонный договоръ (Kommission), 6) экспедиціонный договоръ (Spedition) и 7) фрахтовой договоръ (Frachtvertrag). Одиннадцатый раздѣлъ, о страхованіи, обнимаетъ, кромѣ общихъ правилъ о страхованіи, также особенности взаимнаго страхованія и цѣлый рядъ отдѣльныхъ видовъ страхованія.

Содержаніе четвертой книги Цюрихскаго уложенія утратило практическое значеніе съ изданіемъ новаго закона 1881 года объ обязательственномъ правѣ для всего Швейцарскаго союза.

Исторія возникновенія *Швейцарскаго союзнаго закона объ обязательствахъ 1881 г.* интересна и поучительна. За двадцать лѣтъ до его изданія, въ средѣ національнаго Швейцарскаго союзнаго совѣта возникло предположеніе издать для всей Швейцаріи или для большинства Швейцарскихъ кантоновъ, путемъ конкордата, торговое уложеніе. Выработанный по этому поводу проектъ не получилъ силы закона, въ виду послѣдовавшаго на конференціи кантоновъ предложенія о кодификаціи всего обязательственнаго права, такъ какъ въ проектѣ была

кодифицирована уже значительная часть его (Schneider und Fick, das Schw. Obligationenrecht, Vorwort).

Въ Швейцаріи такимъ образомъ мысль объединить разрозненныя системы гражданскаго права, дѣйствующія одновременно на общей территоріи союза, осуществилась первоначально по отношенію къ торговому праву, попытки объединенія котораго привели къ кодификаціи обязательственнаго права, въ которое торгово-частное право входитъ, какъ составная часть.

Швейцарскій союзный законъ 1881 г. обнимаетъ всю область обязательственнаго права, со включеніемъ вексельнаго, и, кромѣ того, нѣкоторую часть вотчиннаго права, а именно (въ главѣ VI): тѣ нормы его, которыя вызваны потребностями торговаго оборота, какъ-то: правила о переходѣ права собственности на движимость, о закладномъ правѣ и о правѣ удержанія. Не вошли въ обязательственное право правила: 1) о договорѣ даренія, 2) о договорѣ страхованія и 3) о договорахъ, морской торговлѣ свойственныхъ.

Весь законодательный матеріалъ распредѣленъ по 34-мъ главамъ. Первыя пять главъ содержатъ общую часть обязательственнаго права, съ указаніемъ нѣкоторыхъ исключеній спеціально для торговаго оборота (напр., ст. 107 ч. 2, 119 ч. 3, 138 ч. 2); шестая—„вотчинныя права на движимость" (ср. ст. 206 ч. 2, 208, 209, 212, 213, 224 ч. 2, предусматривающія особенности торговаго оборота); седьмая по тридцать вторую—правила объ отдѣльныхъ договорахъ и обязательствахъ, гдѣ также приняты во вниманіе особенности торговаго оборота, для котораго и установлены исключительныя правила (напр., ст. 234, 261, 262, 330, 333, 335 и мн. др.). Безъ внутренней связи съ остальными главами, тридцать третья глава содержитъ правила о торговыхъ реестрахъ, фирмахъ, книгахъ, а послѣдняя (34-я)—переходныя правила относительно примѣненія новаго закона.

Не входя въ подробную оцѣнку содержанія новаго Швейцарскаго закона, нельзя не замѣтить, что, въ общемъ, попытка уничтожить двойственность законодательства по гражданскому праву удалась этому закону (см. Riesser, Zeitschrift für das gesammte Handelsrecht, т. XXIX стр. 110—131). На изданіи обязательственнаго права законодательство Швейцаріи не остановилось. Въ настоящее время составлены проекты и другихъ частей уложенія: права *семейнаго*, *наслѣдственнаго* и *вотчиннаго*. Такимъ образомъ можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ въ Швейцаріи появится полное гражданское уложеніе, *вмѣщающее въ себѣ и торговое, и гражданское право.*

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что рознь торгово-частнаго и

общегражданскаго права, возникшая первоначально въ силу извѣстныхъ историческихъ условій, съ теченіемъ времени, уступила мѣсто сознанію *единства* этихъ двухъ областей права. Это сознаніе осуществилось въ новѣйшихъ законодательныхъ работахъ.

Исторія кодификаціи торговаго права въ *Россіи* есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія кодификаціи русскаго гражданскаго права. Подчиняясь одинаковымъ съ гражданскимъ правомъ условіямъ образованія и регламентаціи, русское торговое право не имѣло и не могло имѣть того характера оппозиціи, борьбы противъ неподвижности положеній и системы гражданскаго права, какъ на Западѣ, уже потому, что до изданія Свода Законовъ не было окончательно установившейся системы граждачскаго права, а оно регламентировалось отдѣльными законами, наряду съ торговымъ и съ другими отраслями права. Поэтому вопросъ объ отдѣльной кодификаціи торговаго права могъ у насъ явиться, и дѣйствительно явился лишь при составленіи Свода Законовъ и предшествовавшихъ ему неудавшихся попыткахъ кодификаціи. „Имѣя передъ собою чрезвычайную громаду случаевъ, совокупность которыхъ составляетъ нынѣ дѣйствующее право", говорится въ разсужденіяхъ коммисіи по составленію законовъ 1804 г.—„нельзя было не привести ихъ въ порядокъ. Въ прочихъ странахъ ученые и практическіе юрисконсульты дѣлали первые опыты въ семъ родѣ. Въ Россіи, кажется, должно симъ заниматься правительство, а не частные люди, развѣ только имъ дано будетъ на сіе право отъ самого правительства, и они будутъ имѣть къ тому способы, какъ то было въ Англіи, когда Кокъ и Блакстонъ издали систематическія сочиненія объ англійскихъ законахъ, которые (такъ какъ и у насъ) разсѣяны въ тысячѣ статутовъ, донесеній, приговоръ и пр". Эти разсужденія раздѣлялись и совѣтомъ коммисіи по составленію уложенія 1814 г., въ представленіи котораго торговое уложеніе признавалось ничѣмъ инымъ, какъ только изъятіемъ изъ правилъ, постановленныхъ гражданскимъ уложеніемъ касательно торговыхъ сношеній.

Въ Высочайше утвержденномъ 28 февраля 1804 года докладѣ Министра Юстиціи Лопухина, о положеніи коммисіи составленія законовъ, приведенъ предначертанный Министерствомъ Юстиціи планъ книги законовъ, по которому въ третьей книгѣ должны были помѣщаться общіе гражданскіе законы, а въ шестой частные законы, къ которымъ отнесены уставы относительно финансовъ, коммерціи, портовъ, мануфактуръ и пр. Проектъ торговаго уложенія 1814 г. состоялъ изъ трехъ частей: первая содержала правила о лицахъ, производящихъ и способствующихъ торговлѣ, вторая—уставъ о векселяхъ, а третья—

банкротскій уставъ. Этотъ первый проектъ торговаго уложенія, независимо отъ его неполноты и отъ исключительнаго вліянія на него Французскаго торговаго уложенія, представляетъ особый интересъ еще потому, что въ этой первой попыткѣ выдѣленія самостоятельнаго торговаго уложенія сказался взглядъ на торговое право, какъ на право извѣстнаго сословія, класса лицъ, а потому необходимо произошло смѣшеніе торгово-частнаго съ торгово-публичнымъ правомъ.

Въ системѣ Свода Законовъ преобладаетъ, повидимому, другой взглядъ. „Уставъ Торговый“ или по первоначальному названію „Учрежденія и Уставы Торговые“ помѣщены во второй части XI тома потому, что Уставъ Торговый, какъ одинъ изъ уставовъ государственнаго благоустройства, вмѣстѣ съ тѣмъ отнесенъ къ особеннымъ законамъ объ имуществахъ. И такъ, не столько сословіе лицъ торгующихъ, сколько цѣль законовъ о торговлѣ, какъ законовъ государственной экономіи, опредѣлила мѣсто Торговаго Устава въ системѣ Свода, въ которой послѣ общихъ законовъ объ имуществахъ излагаются особенные законы объ имуществахъ. Тѣмъ не менѣе послѣдствіемъ такой систематики, какъ и при сословномъ характерѣ торговаго права, было полное смѣшеніе торгово-частнаго съ торгово-публичнымъ правомъ. Этимъ опредѣляется вѣрный взглядъ на Уставъ Торговый, какъ на сводъ законовъ преимущественно торгово-публичнаго права („государственной экономіи“), въ который вошли постановленія торгово-частнаго права только между прочимъ, въ видахъ ли удобства лишь группировки законовъ, относящихся къ торговлѣ, къ одному мѣсту (ср. С. В. Пахманъ, Къ вопр. о предм. и сист. русск. гражд. пр., стр. 12),—въ видахъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ сословнаго характера обязательствъ и договоровъ, „торговлѣ свойственныхъ“, который такъ замѣтно преобладаетъ въ первоначальной редакціи Устава Торговаго и могъ, въ свою очередь, препятствовать включенію торгово-частныхъ законовъ въ „общіе законы объ имуществахъ“. Заслуживаетъ полнаго вниманія, что составители Свода Законовъ не придавали содержащимся въ Уставѣ Торговомъ постановленіямъ торгово-частнаго права самостоятельнаго значенія по отношенію къ законамъ гражданскимъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ графъ Сперанскій въ объяснительной запискѣ къ своду гражданскихъ законовъ (Архивъ Калачева, кн. 2 стр. 4), замѣчая, что въ сводъ гражданскихъ законовъ должно войти „*все то, что въ иностранныхъ законодательствахъ составляетъ собственный предметъ гражданскаго уложенія, и все то, что въ нихъ разумѣется подъ именемъ коммерческаго уложенія*“.

Уставъ Торговый, изд. 1893 г., раздѣленъ на три книги: 1) о

договорахъ и обязательствахъ, торговлѣ свойственныхъ, 2) о морской торговлѣ и 3) о торговыхъ установленіяхъ. Содержащіяся въ уставѣ торгово-частныя юридическія нормы касаются слѣдующихъ предметовъ: 1) найма приказчиковъ (ст. 3—38), корабельщика или судовщика, корабельныхъ служителей и водоходцевъ (ст. 216 и сл.); 2) найма кораблей и судовъ подъ грузъ (ст. 323 и сл.), лавокъ и другихъ торговыхъ помѣщеній во время ярмарокъ (ст. 602 прим.): 3) торговой довѣренности (ст. 39—62); 4) торговаго товарищества (ст. 63—104); 5) покупки и продажи торговыхъ судовъ (ст. 165 и сл.); 6) товарищества въ построеніи, покупкѣ и содержаніи кораблей (ст. 171—182); 7) бодмерей (ст. 381—386); 8) займа припасовъ на морѣ (ст. 387—390); 9) аваріи или морскихъ убытковъ (ст. 391 и сл.); 10) сбереженія предметовъ съ кораблей, потерпѣвшихъ крушеніе (ст. 486, 493 и др.); 11) принадлежности потопленныхъ вещей, поднимаемыхъ при очищеніи рейдовъ (ст. 525 и сл.), и 12) морскаго страхованія (ст. 538 и сл.).

Ст. 540—684 Уст. Торг., изд. 1857 г., составляютъ нынѣ особый *Уставъ Вексельный*, согласно которому вексель, какъ простой, такъ и переводный является формою обязательства, одинаково примѣнимою къ гражданскому и къ торговому обороту (см. ст. 6 Уст. Вексел., изд. 1893 г.).

Въ содержаніе т. X ч. 1 вошли, какъ бы въ осуществленіе мысли графа Сперанскаго о единствѣ торговаго и гражданскаго права, между прочимъ и институты спеціально торговаго происхожденія. Сюда относятся: правила объ *акціонерныхъ компаніяхъ*, о *подрядахъ и поставкахъ* и о *страхованіи*. Кромѣ того, въ разныхъ отдѣлахъ т. X ч. 1 установлены исключенія въ интересахъ торговли, какъ, напр., въ главѣ о *наймѣ имуществъ* (ст. 1693), о *поклажѣ* (ст. 2112), о *личномъ наймѣ* (ст. 2219). Словомъ, Уставъ Торговый, по своему содержанію, въ которомъ вполнѣ отсутствуютъ постановленія даже по такому важному для торговли договору, какъ *купля-продажа*, не имѣетъ самостоятельнаго, обособленнаго значенія, наряду съ гражданскими законами т. X ч. 1.

Если исключить содержаніе законовъ торговыхъ, на сколько ими осуществляются полицейскій надзоръ, фискальный интересъ и вообще цѣли торговой политики государства (торгово-публичное право), то все остальное содержаніе этихъ законовъ представляетъ собою лишь *рядъ отрывочныхъ исключеній* изъ правилъ о договорахъ, помѣщенныхъ въ гражданскихъ законахъ. Такъ, напр.:

1) *Договоръ найма приказчиковъ*, на точномъ основаніи п. 2

ст. 2201 т. X ч. 1 есть только видъ общегражданскаго договора личнаго найма. Кромѣ общихъ правилъ, изложенныхъ въ законахъ гражданскихъ, съ этимъ видомъ личнаго найма соединяются нѣкоторыя особенности. А именно: 1) вмѣсто рядной платы можетъ быть установленъ процентъ отъ порученной приказчику суммы или нѣкоторая часть отъ доставленной хозяину прибыли (ст. 2219 т. X ч. 1); 2) несовершеннолѣтній приказчикъ не долженъ имѣть довѣрія и въ распоряженіи своемъ товара болѣе какъ на 30 руб., въ противномъ случаѣ хозяинъ не имѣетъ права взыскивать, а поручительство за мальчика, отданнаго въ науку, если онъ моложе 15 лѣтъ, недѣйствительно (ст. 38 Уст. Торг.); 3) приказчикъ не долженъ производить торгъ чужими или собственными своими товарами, кромѣ хозяйскихъ (ст. 16 и 17 Уст. Торг.), и подчиненъ особому порядку отчетности, съ назначеніемъ опредѣленныхъ сроковъ (ст. 27—36 Уст. Торг.), и 4) на основаніи ст. 19 прилож. къ ст. 1238 (прим. 1) т. X ч. 1, „послѣ смерти хозяина торговаго предпріятія, всѣ служащіе при немъ конторщики, приказчики и артельщики обязаны непремѣнно оставаться при должностяхъ своихъ впредь до представленія, каждымъ по своей части, надлежащихъ, кому слѣдуетъ, отчетовъ“.

2) *Торговая довѣренность.* Ст. 2296 т. X ч. 1 опредѣляетъ, что „особыя правила о торговыхъ довѣренностяхъ изложены въ Уставѣ Торговомъ“, изъ чего слѣдуетъ, что общія правила о довѣренностяхъ примѣнимы и къ торговымъ довѣренностямъ. Особенности, указываемыя въ Уставѣ Торговомъ, сводятся главнымъ образомъ къ тому, что въ торговой довѣренности должно быть означено, кромѣ срока, на который она дается, и вознагражденіе, опредѣляемое довѣренному, съ обязанностію ежегодной отчетности передъ хозяиномъ (ст. 46, 53 Уст. Торг.), а затѣмъ пространство и предѣлы власти уполномоченнаго, завися отъ содержанія самой довѣренности, опредѣляются (ст. 52 Уст. Торг.) общими правилами, въ законахъ гражданскихъ постановленными. Особенности совершенія торговой довѣренности почти исчезли со введеніемъ въ дѣйствіе Положенія о Нотаріальной Части (ср. ст. 51 Уст. Торг.).

Наряду съ торговою довѣренностью слѣдуетъ упомянуть еще о договорахъ *маклерскомъ* и *коммисіонномъ.* Уставъ Торговый хотя и не причисляетъ ихъ прямо къ обязательствамъ и договорамъ, торговлѣ свойственнымъ, но не причисляетъ, очевидно, лишь потому, что о нихъ вовсе не говорится какъ объ особенныхъ родахъ договоровъ, а только по поводу торговыхъ установленій (маклеровъ и нотаріусовъ, ст. 628 и слѣд. Уст. Торг.) и по поводу торговыхъ правъ по гиль-

діямъ на открытіе коммисіонерскихъ конторъ (ст. 53 прим., прилож. Уст. Торг.), равно по поводу торговыхъ довѣренностей на имя коммисіонеровъ (ст. 49 и 53 Уст. Торг.). Маклерскій договоръ совершается въ формѣ купеческаго приказа маклеру (ст. 592 прилож. I ст. 91, 634 Уст. Торг.), называемаго также порученіемъ или полномочіемъ на посредничество при заключеніи сдѣлки. Особенность заключается въ томъ, что довѣренность эта можетъ быть устная (какъ видно изъ сопоставленія ст. 91, 95 и 144 прил. I къ ст. 592 Уст. Торг.) и что маклеръ за труды свои получаетъ указную плату (куртажъ) по окончаніи года, а по истеченіи 12 мѣсяцевъ по совершеніи торговой сдѣлки лишается права на куртажъ, если не требовалъ онаго въ показанное время (ст. 112 прилож. I къ ст. 592 и ст. 644 Уст. Торг.). Для коммисіоннаго договора собственно никакихъ правилъ не установляется. Приложеніе къ ст. 53 (прим.) Уст. Торг. налагаетъ лишь извѣстныя обязанности на содержащихъ коммисіонерскія конторы „для купли и продажи по порученіямъ частныхъ лицъ, равно для займа капиталовъ, найма домовъ и пріисканія разнаго рода людей въ частныя должности и службу“, а на основаніи ст. 2295 т. X ч. 1 „учрежденіе конторъ о принятіи на себя хожденія по дѣламъ не дозволяется и частнымъ лицамъ предоставлено въ случаѣ надобности избирать самимъ для сего повѣренныхъ по своему усмотрѣнію, на существующихъ основаніяхъ“. Неупоминаніе маклерскаго и коммисіоннаго договоровъ въ ряду обязательствъ и договоровъ, торговлѣ свойственныхъ, даетъ полную возможность причислить ихъ къ общегражданскимъ договорамъ, о которыхъ упомянуто въ Уставѣ Торговомъ лишь потому, что они большею частью совершаются торговыми маклерами и коммисіонерскими конторами профессіонально, въ видѣ торговаго промысла. Во всякомъ случаѣ, въ виду отсутствія какихъ либо правилъ (за исключеніемъ правилъ о куртажѣ), не можетъ быть и рѣчи объ особенностяхъ, соединяемыхъ закономъ съ маклерскимъ и коммисіоннымъ договорами, тогда, когда они совершаются въ видѣ договоровъ торговыхъ.

3) *Торговое товарищество.* Объ отсутствіи какого либо принципіальнаго различія между торговыми и неторговыми товариществами вообще свидѣтельствуетъ ст. 2127 т. X ч. 1, говорящая о томъ, что предметомъ товарищества вообще (а не спеціально торговаго) могутъ быть всякаго рода „предпріятія по торговлѣ, по застрахованію, по перевозкамъ и вообще по какой бы то ни было промышленности“. Въ видѣ исключенія слѣдуетъ указать, однако, на двѣ особенности, для торговыхъ товариществъ, именуемыхъ также торговыми домами,

постановленныя: 1) товарищъ одного торговаго дома не можетъ въ одно и то же время быть товарищемъ другого дома (ст. 78 Уст. Торг.), и 2) для открытія торговаго дома необходимо предварительное обвѣщеніе о томъ купечества печатными листами и внесеніе въ подлежащія управленія выписки изъ договора товарищества (ст. 80); оба исключенія относятся одинаково, какъ къ полному, такъ и къ товариществу на вѣрѣ (ст. 81 и 86). Объ акціонерныхъ обществахъ и товариществахъ на паяхъ въ Уставѣ Торговомъ не содержится постановленій, а сдѣлана лишь ссылка (ст. 87) на правила по сему предмету законовъ гражданскихъ (ст. 2139 и сл. т. X ч. 1).

4) *Договоры по торговому судостроенію и мореплаванію*, весьма разнороднаго содержанія, связаны искусственно съ остальнымъ содержаніемъ Устава Торговаго. Нашъ законъ не установляетъ особыхъ послѣдствій для упомянутыхъ договоровъ, въ зависимости отъ того, совершаются ли они въ видѣ торговаго или неторговаго дѣйствія. Послѣднее обстоятельство явствуетъ изъ содержанія второй книги Устава Торговаго. Первая же статья (105) содержитъ дозволеніе „всякому, безъ различія преимуществъ по состоянію, строить, оснащивать и починять суда мореходныя и рѣчныя, большія и малыя“. Также покупать и продавать мореходныя суда „каждый имѣетъ право“ (ст. 165). Далѣе, ст. 183 предоставляетъ „всѣмъ состояніямъ россійскихъ подданныхъ, а равно и иностранцамъ, право заниматься перевозкою на морскихъ судахъ товаровъ и другихъ грузовъ и пассажировъ, за исключеніемъ кобатажнаго судоходства, которое предоставляется исключительно въ пользу россійскихъ подданныхъ (ст. 184). Въ главѣ III разд. II „о экипажѣ на россійскихъ торговыхъ судахъ“, говорится о начальствованіи и вожденіи „морскихъ судовъ“, а не только торговыхъ (ст. 193). Слѣдующая IV глава говоритъ „о наймѣ корабельщика или судовщика“, будетъ ли это по торговлѣ, или не по торговлѣ; „хозяева корабля могутъ быть лица и неторгующія,—правила тѣмъ не менѣе и для нихъ тѣ же. Тоже слѣдуетъ сказать „о наймѣ корабельныхъ служителей и водоходцевъ, о наймѣ кораблей и судовъ подъ грузъ“ (глава V и VII), всюду законъ говоритъ о корабельщикѣ, о хозяинѣ корабля, противополагая имъ „хозяевъ товаровъ“ или „нанимателя корабля“. Такія же общія правила, неограниченныя понятіемъ о торговлѣ, законъ преподаетъ относительно бодмереи, займа припасовъ на морѣ, аваріи, спасенія кораблей и судовъ и застрахованія морскаго. Словомъ, здѣсь предусматриваются особенности такъ называемаго *морскаго права*, насколько имъ измѣняются или отмѣняются правила общегражданскія, а никакъ не

особенности торговаго права, къ которому морское право отнесено, очевидно, лишь потому, что правила о последнемъ установлялись первоначально для одного только сословія лицъ торгующихъ, хотя одновременно съ свободою торговли и стали общими для лицъ правилами общегражданскаго права (нашъ законъ говоритъ иногда о мореплаваніи и независимо отъ торговли, противополагая его даже последней, такъ напр. ст. 2140 т. X ч. 1 къ предметамъ акціонерныхъ обществъ причисляетъ „приведеніе въ дѣйствіе предпріятія въ области наукъ, искусствъ, художествъ, ремеслъ, *мореплаванія*, торговли и промышленности"). Вопросъ о введеніи въ общую систему гражданскаго уложенія особенностей морскаго права не совпадаетъ, слѣдовательно, съ вопросомъ объ особенностяхъ торговаго права. Съ точки зрѣнія разсматриваемаго вопроса, наоборотъ, слѣдуетъ имѣть въ виду, что въ области такъ называемаго морскаго права нашъ законъ не установляетъ никакого различія между дѣйствіями торговыми и неторговыми.

Такимъ образомъ созданіе у насъ особаго торговаго уложенія не оправдывается ни *историческими основаніями*, ни *содержаніемъ дѣйствующихъ постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ*. Въ Россіи никогда не существовало торговаго сословія, подобнаго западно-европейскому, и не было почвы для самостоятельнаго развитія торговаго права. Наши торговые обычаи, какъ это выяснилось изъ практики коммерческихъ судовъ, въ значительной степени заимствованы изъ Германскаго торговаго уложенія 1861 г. Наше торговое право поражаетъ бѣдностью и отрывочностью своего содержанія и по существу не противопоставляется общегражданскому. Судебная практика по дѣламъ торговымъ только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ основывать свои рѣшенія на отрывочныхъ постановленіяхъ Устава Торговаго или на тѣхъ единичныхъ отступленіяхъ, которыя въ т. X ч. 1 допущены для торговыхъ сдѣлокъ, большею же частью и по торговымъ дѣламъ судебныя мѣста руководствуются общими гражданскими законами.

И такъ, будущему гражданскому уложенію остается только сохранить исторически сложившееся у насъ единство гражданскаго права. Наоборотъ, выдѣленіе изъ единой системы гражданскаго права самостоятельной системы торговаго права представлялось бы въ нашемъ законодательствѣ крупнымъ *нововведеніемъ*, нуждающимся въ серьезномъ оправданіи.

Между тѣмъ такого оправданія найти невозможно. Было бы даже большою ошибкою стремиться создать у насъ особое торговое уложеніе въ то время, когда новѣйшія западно-европейскія законодатель-

ства отказываются отъ исторически сложившейся у нихъ розни торговаго и гражданскаго права, и когда эта рознь осуждена, хотя и не единогласно, какъ въ иностранной (см. разныя мнѣнія у Goldschmidt'а, Handbuch des Handelsrechts), такъ и въ нашей юридической литературѣ (см. *С. В. Пахманъ*, Истор. кодиф. т. II, стр. 26.; Къ вопр. о пред. и сист. русск. гр. ул. журн. Гражд. и Угол. Пр. 1882 г. кн. 8 стр. 202; *Г. Ф. Шершеневичъ*, Сист. торг. дѣйств., Истор. кодиф. гр. пр. стр. 122 и сл., ср. *К. П. Побѣдоносцевъ*, Курсъ гр. пр., ч. 3 § 39 стр. 323).

Противъ выдѣленія постановленій о торговыхъ сдѣлкахъ въ особое уложеніе говорятъ какъ теоретическія, такъ и практическія соображенія.

Съ теоретической точки зрѣнія представляется *невозможнымъ сколько нибудь правильно и послѣдовательно размежевать область гражданскаго и торговаго права.*

Торговое право есть видоизмѣненіе права гражданскаго, отъ котораго его, въ особенности отъ права по обязательствамъ, совершенно отдѣлить невозможно, потому что оно необходимо на немъ основано, а институты гражданскаго права вмѣстѣ съ тѣмъ суть институты торговаго права.

Особенное содержаніе торговаго права не составляютъ институты съ особымъ, самостоятельнымъ юридическимъ содержаніемъ, возникшіе или возникающіе первоначально въ торговомъ оборотѣ. Въ этомъ отношеніи въ литературѣ не существуетъ почти разногласія и всѣми признается фактъ прогрессивнаго развитія гражданскаго права, въ смыслѣ введенія въ его сферу юридическихъ институтовъ, исторически и фактически составлявшихъ, а отчасти и составляющихъ еще какъ бы особое достояніе права торговаго, какъ, напримѣръ, вексель, товарищество, страхованіе, фрахтовой, коммисіонный, экспедиціонный, маклерскій и другіе договоры. Необходимое расширеніе области гражданскаго права на счетъ торговаго вызвано естественнымъ ростомъ гражданскаго законодательства и паденіемъ разныхъ историческихъ, сословныхъ и другихъ преградъ, отдѣлявшихъ прежде, болѣе или менѣе рѣзко, область гражданскаго отъ области торговаго оборота. Торговое право, въ смыслѣ права сословнаго, лишено всякой возможности существованія въ настоящее время. Закрытыя прежде для лицъ, не принадлежавшихъ къ торговому сословію, области открыты нынѣ всѣмъ лицамъ правоспособнымъ, и не только вексельное, но и вообще все торговое право. Между тѣмъ какъ чуждые торговому сословію элементы проникаютъ въ область торговаго права, это послѣднее само

переступаетъ свои границы въ цѣломъ рядѣ положеній. Духъ торговаго права не только охватываетъ смежныя съ нимъ области (какъ область фабричной промышленности), но, въ извѣстномъ отношеніи, и весь гражданскій оборотъ. То, что торговый законъ предписываетъ относительно толкованія торговыхъ договоровъ, поручительства, вознагражденія за убытки, неустойки задатка, laesio enormis признанія счета, доказательной силы долговаго документа, квитанціи или торговой книги,—все это удобопримѣнимо къ общегражданскому обороту. Съ отмѣною въ современномъ судопроизводствѣ теоріи формальныхъ доказательствъ, цѣлый рядъ до сихъ поръ спеціально торговыхъ нормъ вводится въ гражданское право. Правила гражданскаго права о заключеніи договоровъ между отсутствующими или чрезъ представителей совпадаютъ съ правилами торговаго права. То же слѣдуетъ сказать о правилахъ исполненія договоровъ и толкованія договора купли-продажи. Вслѣдствіе этого неудивительно, что извѣстныя части торговаго права цѣликомъ переходятъ въ современныя гражданскія уложенія; такъ, напр., правила Герм. торг. ул. 1861 г. о торговыхъ сдѣлкахъ вообще и о куплѣ-продажѣ перешли въ новое гражданское уложеніе 1896 г. Если дѣйствительно единственная причина образованія и развитія особаго торговаго права заключалась въ устарѣлости и неподвижности гражданскаго права, тогда все говоритъ въ пользу замѣны особаго торговаго права общимъ гражданскимъ правомъ, свободнымъ отъ оковъ минувшихъ столѣтій и приспособленнымъ къ современнымъ потребностямъ жизни (*Gareis*, Aphorismen über die Zukunft des Handelsrechts, въ Archiv für Theorie und Praxis des allg. deutsch. Handels und Wechselrechts т. 29 стр. 1—11; *Regelsberger*, von Handbuch Endemann т. II стр. 383 и 384; *Шершеневичъ*, Исторія кодиф. гражд. пр. въ Россіи стр. 123 и 124; *Пахманъ*, Исторія кодиф. гражд. пр. т. II стр. 26).

Если, такимъ образомъ, нѣтъ достаточныхъ основаній для опредѣленія содержанія торговаго права, въ смыслѣ совокупности извѣстныхъ институтовъ и нормъ одинаковаго происхожденія, т. е. на основаніи ихъ первоначальнаго происхожденія въ торговомъ оборотѣ, то еще менѣе основательнымъ представляется опредѣленіе этого содержанія въ смыслѣ особенностей, соединяемыхъ съ такъ называемыми *абсолютно* или *объективно торговыми сдѣлками*.

Во Франціи до революціи существовала кодификація торговаго права въ смыслѣ *особаго права купеческаго сословія*, съ присоединеніемъ къ нему нѣкоторыхъ сдѣлокъ, возникшихъ первоначально въ торговомъ быту и примѣнявшихся почти исключительно купцами.

Когда примѣненіе послѣдняго рода сдѣлокъ, напр., векселя, расширилось такъ, что онѣ сдѣлались общими формами кредита и обращенія цѣнностей, какъ торговаго, такъ и неторговаго, а съ другой стороны, подъ вліяніемъ французской революціи, уничтожилось сословное дѣленіе лицъ на купцовъ и не купцовъ, то явилась необходимость, чтобы сохранить традиціонное дѣленіе права на гражданское и торговое, подыскать этому дѣленію новое основаніе. Область торговаго права сдѣлалась, съ одной стороны, доступною всѣмъ правоспособнымъ лицамъ, а съ другой стороны, цѣлый рядъ сдѣлокъ, возникшихъ въ торговомъ быту, сталъ употребительнымъ въ общегражданскомъ оборотѣ. Поэтому ст. 1 Франц. торг. уложенія опредѣляетъ понятіе купца такимъ образомъ: „купцами признаются совершающіе торговыя дѣйствія и дѣлающіе изъ этого свою обычную профессію", отдѣливъ такимъ образомъ понятіе купца отъ понятія сословія и признавъ таковымъ всякаго, кто совершаетъ въ видѣ профессіи торговыя дѣйствія. Оставалось опредѣлить, что считается торговымъ дѣйствіемъ. Составители уложенія предполагали опредѣлить это понятіе совершенно объективно, т. е. на основаніи самого свойства извѣстныхъ дѣйствій—„par la nature du fait" и въ противоположность предшествовавшему законодательству (Ordonnance 1673 г.), обращавшему, наоборотъ, вниманіе единственно на свойство лицъ (qualité des personnes). Результатомъ соединенія этихъ двухъ противоположныхъ системъ и явилась смѣшанная система, принятая въ окончательной редакціи торговаго уложенія. Къ тому же результату пришло Германское торговое уложеніе 1861 г. (ст. 271 и 272).

Въ этой смѣшанной системѣ кроется глубокое недоразумѣніе. Исходя изъ понятія о безотносительномъ или абсолютномъ торговомъ дѣйствіи, единственнымъ основаніемъ для признанія его таковымъ является цѣль меркантильная, торговая этого дѣйствія. Такъ, купля-продажа съ цѣлью перепродажи (пріобрѣтеніе для сбыта) или съ цѣлью осуществить другую покупку (сбытъ для пріобрѣтенія)—большинствомъ торговыхъ уложеній признаются дѣйствіемъ торговымъ, а купля-продажа съ цѣлью лишь пріобрѣтенія покупаемаго или съ цѣлью лишь сбыта продаваемаго, безъ меркантильной цѣли, не признаются таковымъ дѣйствіемъ. Но спрашивается, изъ чего же можно заключить о наличности меркантильной цѣли въ дѣйствіяхъ контрагентовъ, какъ не единственно только изъ обыкновенной, профессіональной ихъ дѣятельности, т. е. изъ того, что дѣйствія предприняты купцами? Другими словами, кажущееся чисто объективное

разграниченіе торговаго отъ неторговаго дѣйствія сводится практически къ различенію лицъ по ихъ профессіональной дѣятельности.

Примѣняя такъ называемую смѣшанную систему, законодатель признаетъ дѣйствіями торговыми, кромѣ дѣйствій лицъ, занимающихся торговлею, какъ своею профессіею, еще цѣлый рядъ дѣйствій: покупку товара съ цѣлью перепродажи, выдачу векселя, заключеніе договора страхованія, однимъ словомъ, все то, что законъ пожелаетъ причислить къ объективно-торговымъ дѣйствіямъ, и это безъ всякой осязательной границы, такъ какъ *принципіальнаго различія между объективно-торговыми дѣйствіями и таковыми же неторговыми, независимо отъ лицъ, ихъ совершающихъ, найти невозможно.* Притомъ нѣтъ, повидимому, никакого основанія различать куплю-продажу, смотря по цѣли, а не дѣлать того же по отношенію къ другимъ сдѣлкамъ, напр. векселю, договору страхованія, дѣламъ банкирскимъ и т. п. Что разграниченіе субъективно и объективно-торговыхъ дѣйствій произвольное и не вызывается существомъ дѣла (см. Gierke, der Entwurf des neuen Handelsgesetzbuches, стр. 8), доказывается всего лучше различнымъ отношеніемъ отдѣльныхъ законодательствъ къ этому вопросу. Достаточно сопоставить совершенно несходное перечисленіе объективно-торговыхъ сдѣлокъ, дѣлаемое, напр. ст. 632 и слѣд. Франц. торг. уложенія, ст. 271 и слѣд. Германск. торг. улож. 1861 г. и ст. 3 и сл. новаго Итальянскаго торг. улож. (п. 3 ст. 3 къ объективно-торговымъ сдѣлкамъ причисляетъ также пріобрѣтеніе и отчужденіе *недвижимости* съ цѣлью торговой спекуляціи), чтобы убѣдиться въ томъ, что отнесеніе любой сдѣлки къ объективно-торговымъ есть дѣло случая, произвола закона.

Новое Германское торговое уложеніе 1897 г. отрѣшилось отъ понятія объективно-торговой сдѣлки и признаетъ *торговыми всѣ сдѣлки купца, которыя вызываются веденіемъ его торговаго предпріятія* (ст. 343).

Нашъ законъ не различаетъ объективныхъ и субъективныхъ торговыхъ сдѣлокъ. Первоначальная редакція т. XI Устава Торговаго представляла собою кодификацію права *извѣстнаго сословія лицъ*, предусматривая вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстныя сдѣлки и договоры, почти исключительно употреблявшіеся въ средѣ этого сословія, какъ, напр., вексель, морское страхованіе, бодмерею и т. п. Съ уменьшеніемъ сословнаго значенія купечества, съ признаніемъ торговли свободною для всѣхъ правоспособныхъ лицъ, сословное понятіе купца законъ замѣнилъ понятіемъ лица, занимающагося торговлею или промысломъ

(ср. ст. 1, 41 Полож. о госуд. промысл. налогѣ), а не понятіемъ лица, совершающаго объективно торговыя дѣйствія.

Въ настоящее время уже невозможно представленіе о торговомъ правѣ, какъ о привилегіи извѣстнаго сословія. Затѣмъ пришлось бы создать область торговаго права вполнѣ искусственно, или въ смыслѣ совокупности извѣстныхъ институтовъ гражданскаго права первоначально торговаго происхожденія, или въ смыслѣ совокупности исключеній, измѣненій и дополненій къ общегражданскимъ правиламъ, постановляемыхъ для торговаго оборота. Въ томъ и другомъ случаѣ пришлось бы, безъ всякаго основанія, *разбивать содержаніе гражданскаго права на части, для соединенія этихъ частей въ сводъ постановленій и правилъ, лишенныхъ внутренняго единства и связи, въ ущербъ цѣлостности и систематичности гражданскаго уложенія*. Притомъ всѣ тѣ соображенія, которыя могли бы быть приведены въ пользу введенія извѣстныхъ институтовъ гражданскаго права въ торговое уложеніе на томъ основаніи, что они не вошли, или недостаточно опредѣлены нашими дѣйствующими гражданскими законами, какъ, напр., договоръ страхованія, отпадаютъ сами собою, коль скоро составленъ уже проектъ объ обязательствахъ. Безъ нарушенія единства и послѣдовательности содержанія послѣдняго нельзя будетъ выдѣлить, напр., изъ общаго отдѣла о товариществахъ статьи объ акціонерныхъ товариществахъ; изъ общихъ отдѣловъ о договорахъ пользованія личными услугами статьи о торговыхъ довѣренностяхъ и коммисіонныхъ сдѣлкахъ и т. п. Чисто *внѣшняя практическая польза группировки къ одному мѣсту постановленій, примѣняемыхъ преимущественно въ дѣлахъ торговыхъ, не достигалась бы вовсе такимъ искусственно созданнымъ торговымъ уложеніемъ*, такъ какъ въ него всетаки не вошло бы обязательственное право, которое безспорно примѣняется въ полномъ его объемѣ преимущественно въ торговомъ оборотѣ. *Соединеніе же общегражданскихъ началъ съ торговыми въ одномъ уложеніи* не только *сблизило бы и примирило ихъ между собою*, но вмѣстѣ съ тѣмъ устранило бы и затрудненія въ надлежащемъ размѣщеніи постановленій, относящихся къ одному и тому же предмету въ разныхъ уложеніяхъ.

Кромѣ того, съ созданіемъ самостоятельнаго торговаго уложенія на ряду съ гражданскимъ связанъ цѣлый рядъ *практическихъ неудобствъ*. Эти неудобства такъ многочисленны, что перечислить ихъ всѣ весьма затруднительно. Достаточно указать на два самыя выдающіяся.

Къ этимъ неудобствамъ слѣдуетъ отнести, во первыхъ, *возмож-*

ность и даже неизбѣжность противорѣчій въ общихъ, руководящихъ началахъ, относящихся къ одному и тому же предмету въ разныхъ уложеніяхъ. Устранить такое противорѣчіе тѣмъ болѣе затруднительно, что весьма часто общія начала не выражаются въ видѣ какого либо правила, а лишь подразумѣваются лежащими въ основаніи цѣлаго ряда частныхъ постановленій, иногда же предрѣшаются системою, принятою для даннаго уложенія. Такъ, смотря по тому, будутъ ли включены правила о товариществѣ, о довѣренности и т. п. въ отдѣлъ о лицахъ или въ отдѣлъ о договорахъ, могутъ вытекать извѣстныя общія руководящія начала для даннаго института права.

Къ другому разряду упомянутыхъ практическихъ неудобствъ относится *возможность и даже неизбѣжность*, *съ одной стороны*, *пропусковъ*, *а съ другой стороны*, *повтореній* извѣстныхъ правилъ и даже цѣлыхъ институтовъ гражданскаго права въ двухъ разныхъ уложеніяхъ, что не только увеличиваетъ число статей, но и можетъ служить источникомъ разныхъ недоумѣній.

Все вышеизложенное можетъ быть сведено къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) торгово-частное право и законы о такъ называемыхъ торговыхъ договорахъ, образующіе главное содержаніе торговыхъ уложеній, составляютъ лишь часть гражданскаго права;

2) появленіе на Западѣ Европы особыхъ торговыхъ уложеній вызвано было обособленіемъ новаго наслоенія гражданскаго права отъ строго римской системы обязательственнаго права, не удовлетворявшей новымъ потребностямъ средне-вѣковаго торговаго оборота;

3) всѣ современныя торговыя уложенія представляются лишь подражаніемъ французской и германской кодификаціи торговаго права;

4) во Франціи и Германіи торгово-частное право было выдѣлено въ отдѣльныя торговыя уложенія не по соображеніямъ систематической кодификаціи законодательнаго матеріала, а произошло:

а) во Франціи вслѣдствіе того, что французская кодификація начала 19 столѣтія не была въ силахъ сразу уничтожить сложившуюся вѣками самостоятельность торговаго права включеніемъ его въ составъ гражданскаго уложенія, а ограничилась новою редакціею уже имѣвшихся двухъ сборниковъ торговаго права;

б) въ Германіи вслѣдствіе того, что торговое уложеніе было выработано до изданія гражданскаго уложенія, лишь какъ часть общегражданскаго права, представлявшая наибольшія удобства для предварительнаго объединенія различныхъ системъ гражданскаго права, дѣйствующихъ въ различныхъ германскихъ государствахъ;

5) съ точки зрѣнія систематической кодификаціи существованіе торговыхъ уложеній наряду съ гражданскими уложеніями не оправдывается ихъ содержаніемъ, такъ какъ:

а) преимущественное содержаніе торговыхъ уложеній составляютъ правила о договорахъ торговыхъ, которыя такъ неразрывно связаны съ обязательственнымъ правомъ, что выдѣлить ихъ изъ послѣдняго не представляется возможнымъ, за отсутствіемъ принципіальнаго, внутренняго различія, ибо торговый договоръ есть тотъ же общегражданскій договоръ, заключенный лишь съ спекулятивною цѣлью;

б) торговыя уложенія не суть сборники законовъ, проникнутые единою мыслію, а представляются случайнымъ сочетаніемъ разнородныхъ правилъ или отрывочною кодификаціею нѣкоторыхъ частей гражданскаго и нѣкоторыхъ частей публичнаго права;

6) сознаніе единства торговаго и гражданскаго права успѣло уже осуществиться въ рядѣ попытокъ включенія въ гражданскія уложенія того, что составляетъ нынѣ предметъ торговыхъ уложеній;

7) тамъ, гдѣ существуютъ отдѣльныя торговыя уложенія, это сознаніе выразилось въ стремленіи согласовать правила о торговыхъ договорахъ съ обязательственнымъ правомъ, содержащимся въ гражданскомъ уложеніи;

8) въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ не проведено ясной черты между постановленіями гражданскаго и торговаго права. Вслѣдствіе сего нѣтъ достаточныхъ основаній вновь установлять произвольное размежеваніе законодательнаго матеріала между двумя уложеніями, а необходимо включить торгово-частное право въ общегражданское уложеніе;

9) составленіе одного общегражданскаго уложенія желательно въ интересахъ единства и цѣлости системы гражданскаго права, въ видахъ сближенія и примиренія общегражданскихъ началъ съ торговыми и устраненія неизбѣжныхъ, въ противномъ случаѣ, противорѣчій, пропусковъ и повтореній, и

10) соединеніе гражданскихъ и торговыхъ законовъ въ одно уложеніе составляетъ лишь осуществленіе мысли творца нашего Свода Законовъ, графа Сперанскаго.

По этимъ соображеніямъ Редакціонная Коммисія признала нужнымъ *включить постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ въ проектъ книги V объ обязательствахъ*.

Въ проектѣ подробно изложены всѣ тѣ юридическіе институты, которые обыкновенно помѣщаются въ торговыхъ уложеніяхъ, такъ, напр., *перевозка*, *коммисія*, *переводное письмо*, *чеки*, *бумаги на предъя-*

вителя, *товарищества: полное*, *на вѣръ*, *негласное на вѣръ*, *акціонерное*, *съ перемѣннымъ составомъ*, *страхованіе*. Для *векселя* отведено также мѣсто въ проектѣ (Разд. II Глава XIV, рядомъ съ переводнымъ письмомъ), но не постановлено никакихъ правилъ въ виду того, что проектъ Вексельнаго Устава составленъ уже особою Коммисіею и вносится отдѣльно на уваженіе Государственнаго Совѣта.

Затѣмъ проектъ вообще сближаетъ начала общегражданскія съ началами торговаго права. Это сближеніе послѣдовало на почвѣ такихъ правилъ, которыя, удовлетворяя потребностямъ торговаго оборота, въ то же время являются полезными и необходимыми и для всего гражданскаго оборота. По общему признанію, торговому законодательству присуще стремленіе къ установленію правилъ, содѣйствующихъ *быстрому заключенію и исполненію договоровъ*, къ освобожденію отъ *формальностей и ограниченій*, имѣющихъ характеръ опеки, къ предоставленію возможно большаго *простора суду*,—словомъ, стремленіе къ достиженію *матеріальной справедливости* и *добросовѣстности* въ отношеніяхъ сторонъ (*Dahn*, Handelsrecht, Vorträge стр. 13; Goldschmidt, Handbuch т. I § 3; *Beslay*, Commentaire du code de commerce, введ. стр. VII, VIII). Эти цѣли, конечно, не чужды и общегражданскому законодательству; онѣ положены въ основаніе правилъ настоящаго проекта объ обязательствахъ.

По нѣкоторымъ вопросамъ, однако, невозможно вполнѣ согласовать правила общегражданскаго права съ правилами, соотвѣтствующими условіямъ торгваго быта. Въ этихъ случаяхъ проектъ установляетъ для торговыхъ сдѣлокъ рядъ исключеній изъ общихъ правилъ, какъ, напр., относительно права удержанія товаровъ и процентныхъ бумагъ (ст. 105 и 106), совокупной отвѣтственности нѣсколькихъ лицъ по договору, относящемуся къ торговлѣ (ст. 167), послѣдствій несоблюденія продавцомъ или покупателемъ срока при куплѣ-продажѣ товаровъ и процентныхъ бумагъ (ст. 200 и 222), отсужденія похищенныхъ или потерянныхъ вещей, пріобрѣтенныхъ отъ лица, занимающагося торговлею однородныхъ вещей (ст. 228 ч. 2), срока найма земель подъ фабрики и заводы (ст. 279 ч. 3), процентовъ по торговому займу (ст. 357), совокупной отвѣтственности по торговому займу (ст. 360), найма приказчиковъ (ст. 405), торговой довѣренности (ст. 514 и 534), вознагражденія за вредъ, причиненный на желѣзной дорогѣ, фабрикѣ, заводѣ или горномъ промыслѣ (ст. 1087 и 1088) и др.

II. Пространство примѣненія проекта.

Въ Россіи, кромѣ т. X ч. 1 Св. Зак. Гражд., какъ закона общаго, дѣйствуютъ на окраинахъ, въ губерніяхъ Царства Польскаго и Прибалтійскихъ и въ Бессарабіи особые мѣстные законы. Нѣтъ сомнѣнія, что для облегченія, какъ торговыхъ, такъ и иныхъ сношеній разныхъ частей государства между собою, для сглаженія особенностей отдѣльныхъ мѣстностей, для усиленія государственной связи, другими словами, для достиженія экономическихъ и политическихъ цѣлей въ высшей степени важно введеніе однихъ гражданскихъ законовъ на всемъ пространствѣ Имперіи. Но осуществленіе этой мѣры—дѣло будущаго. Въ настоящее же время при составленіи проекта Гражданскаго Уложенія не имѣется въ виду пересмотръ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ. Эти законы и по изданіи Уложенія должны остаться въ силѣ, такъ какъ многочисленныя особенности мѣстнаго права не дозволяютъ пока полнаго сліянія его съ общими законами Имперіи. Но, конечно, совершеннаго обособленія и изъятія губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ отъ дѣйствія общихъ законовъ Имперіи быть не можетъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по какому-либо юридическому институту нѣтъ мѣстныхъ законовъ, должны быть примѣняемы законы общіе. Въ Сводѣ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ имѣются прямыя указанія, что извѣстные предметы гражданскаго права опредѣляются общимъ Сводомъ Законовъ Имперіи, напр., что постановленія о торговыхъ товариществахъ изложены въ Уставѣ Торговомъ, а компаніи на акціяхъ подлежатъ дѣйствію отдѣльныхъ о нихъ положеній (ст. 4266 прим.), что подробнѣйшія постановленія о морскомъ страхованіи помѣщены въ Уставѣ Торговомъ, а о страхованіи другого рода въ учрежденныхъ съ этою цѣлью обществахъ, въ ихъ уставахъ (ст. 4362 прим.) и т. д. Въ Прибалтійскихъ законахъ отсутствуютъ постановленія о торговыхъ сдѣлкахъ: къ дѣламъ торговымъ, слѣдовательно, должны примѣняться общіе законы Имперіи (времен. прав. о произ. дѣлъ торг. 1889 г. іюля 9, ст. 1, 3, 4, 14, 15, 18, 19; прав. о произв. дѣлъ о несост. ст. 1, 25 п. 4, 31, 49). Мѣстные законы губерній Царства Польскаго, въ особенности законы торговые, содержатъ въ себѣ также значительные пробѣлы по многимъ предметамъ гражданскаго права.

Такимъ образомъ настоящій проектъ обязательственнаго права, хотя и не предназначенъ замѣнить собою указанные мѣстные законы, но, по необходимости, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ будетъ распро-

страненъ и на губерніи Царства Польскаго и Прибалтійскія. Такъ, постановленія проекта объ акціонерномъ товариществѣ, о товариществѣ съ перемѣннымъ составомъ, о страхованіи, о бумагахъ на предъявителя, должны имѣть примѣненіе также и въ упомянутыхъ губерніяхъ, въ Прибалтійскомъ же краѣ, кромѣ того, еще и всѣ постановленія проекта о торговыхъ сдѣлкахъ.

Въ иномъ положеніи находятся мѣстные гражданскіе законы Бессарабской губерніи. Дѣйствующіе въ этомъ краѣ (за исключеніемъ уѣздовъ Измаильскаго и Аккерманскаго), на основаніи ст. 63 Учрежденія для управленія Бессарабской области 29 февраля 1828 г. (1834), источники права гражданскаго суть: 1) Шестикнижіе Арменопула, частный сборникъ, составленный въ бывшей Византійской имперіи въ 1345 году, 2) краткое собраніе законовъ, извлеченныхъ изъ царскихъ книгъ молдавскимъ бояриномъ Доничемъ въ 1814 г., и 3) соборная грамота Молдавскаго Господаря Александра Маврокордато 28 декабря 1785 г. Всѣ эти памятники, въ практическомъ отношеніи, значительно и во многихъ частяхъ ихъ устарѣли. Въ 1869 году, въ виду предстоявшаго введенія въ Бессарабіи судебной реформы, предсѣдатели и члены тамошнихъ судебныхъ мѣстъ и другіе мѣстные юристы-практики, по предложенію Сенатора Шахматова и Бессарабскаго Губернатора Гангардта, произвели въ общихъ засѣданіяхъ провѣрку мѣстныхъ законовъ съ цѣлію выдѣлить изъ нихъ устарѣвшія части и привести остальныя, еще сохраняющія силу узаконенія въ болѣе удобный порядокъ, распредѣливъ ихъ примѣнительно къ системѣ X тома Свода Законовъ. Послѣдствіемъ этого пересмотра было изданіе однимъ изъ членовъ помянутаго совѣщанія А. Н. Егуновымъ частнаго сборника мѣстныхъ законовъ Бессарабіи, содержащаго въ себѣ 84 статьи. Хотя это частное изданіе не имѣетъ оффиціальнаго значенія, но оно любопытно, какъ выраженіе убѣжденій мѣстныхъ юристовъ-практиковъ, по мнѣнію коихъ весь обширный матеріалъ Шестикнижія и книги Донича, за исключеніемъ упомянутыхъ 84 статей, долженъ быть признанъ устарѣвшимъ и неимѣющимъ силы закона. Въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ (ср. Сборн. Кохманскаго 1868 г.) и въ особенности Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената встрѣчаются иногда указанія и на другія, не вошедшія въ сборникъ г. Егунова, части Шестикнижія Арменопула и законовъ Донича, а также и разъясненія ихъ по источникамъ римскаго права, Дигестамъ, Кодексу и Новелламъ Юстиніана (касс. рѣш. 1871 г., № 273, 1872 г., № 1301, 1874 г., №№ 252, 257, 663, 854, 1875 г., № 833, 1876 г. №№ 269, 444, 500, 1885 г. № 59, 1886 г. № 25, 1889 г. № 22,

1890 г. № 17); но за всѣмъ тѣмъ мѣстныя особенности Бессарабскаго права оказываются не настолько многочисленными, чтобы невозможно было принять ихъ въ соображеніе при составленіи проекта Гражданскаго Уложенія. Во всякомъ случаѣ нѣтъ препятствія для распространенія на Бессарабскую губернію настоящаго проекта объ обязательствахъ.

Въ Сводѣ Законовъ Гражданскихъ встрѣчаются, въ видѣ исключенія изъ общихъ правилъ, особыя узаконенія для *губерній Западныхъ* (т. X ч. 1 ст. 67 прим., 75, 485 прим. 3, 494—512, 698 прим. 2 и прил.; 719, прим. 2, 966, прим., 969, 1046, прим. 1, 1069, 1106, прим., 1181, 1184, п. 8, 1214—1217, 1263, прим., 1317, прим., 1363, прим. 2, 1389, прим., 1396, прим. 2, 1630[1], прим., 1641, 1699, прим. 2; Пол. казен. подр., ст. 2, прим., 46), *Черниговской* и *Полтавской* (т. X, ч. 1, ст. 7, 111, 118, 167, 176, 232, 235, 255, 258, 264, 285, 295 и прим. 1, 2; 400, 466, 522, 540, 556, 694, прим., прил.: ст. 7; 710, прим., 970, 991, прим., 999, 1005, 1055, 1133, 1139, 1143, 1157, 1184 п. 11; 1220, 1256, 1321, 1322, прим.. 1354, 1459, 1559, 1584, 1586, 1677, прим., 2016, 2032, 2038, 2247, 2327), *Таврической* (т. X, ч. 1, ст. 245, 276, 371, 412, 449, прим., 1339, 1340), *Кавказа* и *Закавказья* (т. X ч. 1, ст. 3, 63, 281, 452, прим., 454, 462, 598, 694, прим., прил.: ст. 1, прим. 3; 2, прим.; 708, прил.; ст. 129, прим.; 1045, прим., 1130, прим. и прил.; 1148[1], 1153[1], 1162, прим., 1180, 1248, 1315, прим. 2, 1319, 1322, прим., 1404 прим., 1489, прим., 4, 5; 1503, прим. 3, 4; 1700, прим., 1710, прим. 2; 2013, прим.; Пол. казен. подр., ст. 1, 7, 13, прим., 44, 52, 55—57, 61, прим., 76), *Сибири* (т. X ч. 1, ст. 104, 140, прим., 240, 241, 346—348, 403, 708, прил.: ст. 2, 19, 91, 98, 125, 134; 709, прил.: ст. 2, 3, 5; 961, 981, прим., 1184 п. 12; прим., 1248, 1504, прим., 1510, прим., 2201, прим.; Пол. казен. подр., ст. 1, 44, 54, 80 п. 5 и прим.; 228—233) и *Туркестанскаго края* (т. X ч. 1, ст. 241, 412, 708, прил.: ст. 1, прим.; 1248; Пол. казен. подр., ст. 1, 236). Эти мѣстныя узаконенія касаются главнымъ образомъ *семейнаго* и *наслѣдственнаго* права. Допущенныя дѣйствующимъ закономъ отступленія отъ общихъ правилъ въ области *договорно-обязательственныхъ* отношеній весьма незначительны. Такъ, напр., для губерній *Черниговской* и *Полтавской*, на долю которыхъ больше всего приходится означенныхъ отступленій, установлены исключительныя правила лишь въ отношеніи: *отвѣтственности поручителя* (т. X ч. 1 ст. 1559), *размѣра неустойки* (т. X ч. 1 ст. 1584), *ограниченія перехода отвѣтственности въ платежъ неустойки*

на наслѣдниковъ обязавшагося лица (т. X ч. 1 ст. 1586), *exceptio non numeratae pecuniae* (т. X ч. 1 ст. 2016), *формы заключенія договора займа* (т. X ч. 1 ст. 2032 и 2038), *выдачи аттестата прислугѣ* (т. X ч. 1 ст. 2247) и *отвѣтственности повѣреннаго за убытки, происшедшіе отъ его нерадѣнія* (т. X ч. 1 ст. 2327). Мѣстныя особенности обязательственнаго права были приняты въ соображеніе при составленіи настоящаго проекта и въ переработанномъ видѣ вошли въ его составъ. Такимъ образомъ нѣтъ препятствія для распространенія проекта книги V „объ обязательствахъ" на всю Россію. Что же касается мѣстныхъ узаконеній по семейному и наслѣдственному правамъ, то они будутъ приняты во вниманіе при разработкѣ соотвѣтствующихъ книгъ Гражданскаго Уложенія. Тѣ отступленія отъ общихъ правилъ Уложенія, которыя при введеніи его въ дѣйствіе окажутся необходимыми для нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи, представляющихъ рѣзкія особенности гражданскаго быта, какъ, напр., для *Кавказа* и *Закавказья*, *Туркестанскаго края* и др., должны быть указаны въ правилахъ о введеніи Уложенія въ дѣйствіе.

Въ связи съ изложеннымъ слѣдуетъ указать, что будущее Гражданское Уложеніе, подобно нынѣ дѣйствующему закону, подлежитъ *распространенію* на всѣ сословія Имперіи, въ томъ числѣ и на *крестьянъ*.

На основаніи Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, на крестьянъ распространяются *общія постановленія законовъ гражданскихъ*, какъ о правахъ и обязанностяхъ семейственныхъ, такъ и по пріобрѣтенію и распоряженію недвижимымъ и движимымъ имуществомъ (т. IX Особ. Прилож. 1 ст. 21 и 33). Изъ этого общаго правила допущены лишь *два* исключенія, когда крестьяне могутъ руководствоваться мѣстными своими обычаями, а именно: 1) въ дѣлахъ *наслѣдственныхъ* (т. X ч. 1 ст. 1184 п. 5; т. IX Особ. Прилож. I ст. 38; касс. рѣш. 1880 г. № 174, 1884 г. № 105, 1885 № 3, 1891 г. № 86, 1893 г. № 77) и 2) въ дѣлахъ *опекунскихъ* (т. IX Особ. Прилож. I ст. 21 прим.; кас. рѣш. 1872 г. № 210, 1880 г. № 241). Кромѣ того, руководствоваться мѣстными обычаями дозволяется крестьянамъ *въ дѣлахъ, подвѣдомственныхъ волостному суду* (т. IX Особ. Прилож. I ст. 93 прим. 3, прилож. ст. 15 и 25).

Такимъ образомъ, за указанными исключеніями, крестьяне наравнѣ съ прочими классами населенія, подчиняются общимъ гражданскимъ законамъ Имперіи, что предполагается сохранить и на будущее время.

III. Источники проекта.

Въ числѣ источниковъ проекта на первомъ планѣ стоятъ *общіе законы Имперіи.* Въ видахъ полнаго и всесторонняго ознакомленія съ этимъ источникомъ Редакціонная Коммисія извлекла изъ всѣхъ томовъ Свода Законовъ, гражданскихъ, военныхъ и морскихъ, а также изъ законовъ духовныхъ и отдѣльныхъ законоположеній всѣ *постановленія, касающіяся гражданскаго права*, и собранный матеріалъ напечатала въ 1886 г. въ трехъ томахъ подъ названіемъ: „Сборникъ гражданскихъ законовъ".

Проектъ, безъ дѣйствительной необходимости, не отступаетъ отъ началъ дѣйствующаго права, имѣя лишь цѣлію исправить, дополнить и обновить законъ соотвѣтственно потребностямъ современнаго гражданскаго оборота.

Для достиженія этой цѣли проектъ широко воспользовался весьма цѣннымъ матеріаломъ, заключающимся въ *рѣшеніяхъ Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената.* Многія правила, установленныя Правительствующимъ Сенатомъ въ разъясненіе и дополненіе дѣйствующаго закона, почти цѣликомъ восприняты проектомъ, какъ, напр. правила о значеніи обмана и существенной ошибки при заключеніи договоровъ (ст. 27, 29, 30, 31), объ условіяхъ (ст. 35 и сл.), о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ (ст. 45—48), о силѣ договора для участвующихъ въ немъ лицъ (ст. 43), о дѣленіи договоровъ на contractus nominati и innominati (ст. 185), объ exceptio non adimpleti contractus (ст. 71), объ уступкѣ требованій (ст. 139 и сл.), объ очисткѣ при возмездныхъ договорахъ (ст. 203 и сл.) и мн. друг.

Довольно обильный матеріалъ для проекта, въ особенности для правилъ о продажѣ, имущественномъ и личномъ наймѣ и пожизненномъ содержаніи представили также *нормы обычнаго права*, отразившіяся въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ. Равнымъ образомъ *торговые обычаи*, на сколько они выяснились въ рѣшеніяхъ коммерческихъ судовъ, приняты Коммисіею во вниманіе при начертаніи многихъ правилъ, въ частности правилъ о продажѣ, подрядѣ, перевозкѣ, коммисіи и т. п. Вообще можно сказать, что большинство постановленій проекта основано на *дѣйствующемъ законѣ, на обычаѣ и судебной практикѣ.*

Здѣсь необходимо коснуться *отношенія проекта къ обычному праву*, т. е. вообще къ мѣстнымъ юридическимъ обычаямъ, принятымъ къ быту народа, въ хозяйствѣ, промышленности и торговлѣ.

По дѣйствующему праву обычаи могутъ быть примѣняемы лишь въ случаяхъ, *дозволенныхъ именно закономъ* или *положительно не разрѣшаемыхъ законами* (ст. 130 Уст. Гражд. Суд.; ст. 88 Полож. о произв. суд. дѣлъ, подвѣд. зем. нач. и гор. судьямъ; ст. 154 и 352 т. XI ч. 2 Уст. Суд. Торг.; кас. рѣш. 1884 г. № 105, 1878 г. № 225, 1876 г. № 295 и др.). Однако случаи, въ которыхъ примѣненіе обычая дозволено закономъ, весьма немногочисленны (т. IX Особ. Прилож. I ст. 21 прим., ст. 38; т. X ч. 1 ст. 454, 1539 п. 4, 1700 прим., 2112 п. 3; Полож. о каз. подр. и пост. ст. 41: т. XI ч. 2 Уст. Торг. ст. 1, 592 прилож. I ст. 187; т. XII ч. 2 Уст. Сельск. Хоз. ст. 121 прилож. ст. 1, 23 п. 5).

Проектъ Гражданскаго Уложенія, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, открываетъ болѣе широкій доступъ обычаямъ, имѣя въ виду, съ одной стороны, не препятствовать свободному развитію обычнаго права, а съ другой—вполнѣ выяснить случаи примѣненія мѣстныхъ обычаевъ. Въ общей части Уложенія предположено постановить, примѣнительно къ дѣйствующему закону, общее правило о томъ, что мѣстные обычаи примѣняются лишь въ случаяхъ, когда это именно дозволено закономъ, или же въ случаяхъ, положительно не разрѣшаемыхъ законами. Въ отдѣльныхъ затѣмъ частяхъ Уложенія указывается, когда обычай можетъ быть примѣняемъ, въ частности въ настоящемъ проектѣ обязательственнаго права содержатся довольно многочисленныя указанія на примѣненіе обычая.

Такъ, напр.: 1) при заключеніи договора между отсутствующими вопросъ о томъ, нужно ли *предварительное увѣдомленіе* о принятіи предложенія, чтобы считать договоръ заключеннымъ, можетъ быть разрѣшенъ на основаніи обычая, принятаго въ даннаго рода сдѣлкахъ (ст. 12); 2) *содержаніе* договора можетъ быть восполнено, за отсутствіемъ закона, на основаніи обычая (ст. 69); 3) примѣненіе обычая допускается также при *разсчетѣ покупной цѣны* по вѣсу проданнаго товара (ст. 189); 4) по *займамъ*, совершаемымъ торговцами между собою, *размѣръ процентовъ* опредѣляется обычаемъ (ст. 357 ч. 2); 5) въ договорѣ *имущественнаго найма*, за отсутствіемъ соглашенія сторонъ, опредѣляются обычаемъ: *сроки взноса наемной платы* (ст. 290) и *продолжительность найма* (ст. 311 и 312); 6) въ случаяхъ, не предусмотрѣнныхъ закономъ, права и обязательства сторонъ по *найму домашняго скота* опредѣляются, за отсутствіемъ соглашенія сторонъ, на основаніи мѣстнаго обычая (ст. 332); 7) въ договорѣ *личнаго найма* мѣстный обычай допускается для опредѣленія: а) обязанности нанявшагося *доставить* необходимые для

исполненія договора *орудія и инструменты* (ст. 406), б) *срока* выдачи нанимателемъ *рядовой платы* (ст. 408), в) обязанности нанимателя *давать* нанявшемуся *жилище* и *содержаніе* (ст. 409) и г) *продолжительности найма* (ст. 418); 8) *взаимныя отношенія* членовъ *товарищества съ перемѣннымъ составомъ*, основаннаго на договорѣ, опредѣляются мѣстнымъ обычаемъ (ст. 909), какъ равно и *взаимныя отношенія* членовъ трудоваго товарищества или *артели* (ст. 923).

Признавая, что для успѣшнаго выполненія такого обширнаго и сложнаго труда, какъ составленіе проекта Гражданскаго Уложенія, необходимо содѣйствіе всѣхъ юридическихъ силъ Россіи, бывшій Министръ Юстиціи, Статсъ-Секретарь Набоковъ въ 1882 г. обратился къ учрежденіямъ и лицамъ судебнаго вѣдомства, къ профессорамъ университетовъ и въ юридическія общества съ просьбою о доставленіи свѣдѣній, въ чемъ именно обнаруживаются пробѣлы и недостатки дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, на сколько и по какимъ преимущественно предметамъ проявляется стремленіе частныхъ лицъ, путемъ договоровъ и завѣщательныхъ распоряженій, устранить примѣненіе узаконеній, признаваемыхъ стѣснительными и не соотвѣтствующими современнымъ потребностямъ, какими общими началами руководствуются суды въ случаѣ недостатка законовъ, какіе мѣстные обычаи были примѣняемы въ судебныхъ рѣшеніяхъ и какимъ изъ этихъ обычаевъ было бы желательно придать силу закона. Доставленныя, вслѣдствіе сего, *замѣчанія* были приведены Коммисіею въ систему, расположены въ порядкѣ статей т. X ч. 1 и напечатаны въ 1891 году. По своему содержанію замѣчанія эти даютъ довольно полную картину недостатковъ дѣйствующаго закона, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣхъ измѣненій и дополненій, которыя необходимо въ немъ произвести.

Не менѣе важнымъ пособіемъ для надлежащаго осуществленія Коммисіею возложенной на нее задачи послужили также *научныя изслѣдованія* по отечественному праву, какъ въ историческомъ, такъ и въ догматическомъ отношеніи, а равно и спеціальныя статьи и монографіи, касающіяся собственно недостатковъ нашихъ законовъ и необходимости соотвѣтствующаго ихъ пересмотра. Для облегченія пользованія симъ пособіемъ Редакціонною Коммисіею былъ изданъ въ 1886 г. „Указатель русской литературы по гражданскому праву".

При составленіи настоящаго проекта, равно какъ и всего Гражданскаго Уложенія, были приняты въ соображеніе *мѣстные законы*

губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо было восполнить пробѣлы дѣйствующаго закона. Заимствованіе изъ указанныхъ мѣстныхъ законовъ оправдывается тѣмъ, что эти законы во многихъ отношеніяхъ стоятъ значительно выше 1 ч. X т. А кромѣ того, посредствомъ такого заимствованія сглаживаются существующія нынѣ различія между общими и мѣстными законами и такимъ образомъ приготовляется путь для объединенія въ будущемъ всѣхъ гражданскихъ законовъ Имперіи. Потребность въ такомъ объединеніи не подлежитъ сомнѣнію. Разнообразіе гражданскаго права дѣйствующаго въ нашемъ отечествѣ, препятствуетъ развитію торговыхъ и иныхъ сношеній между отдѣльными частями государства и вообще содѣйствуетъ нежелательной обособленности окраинъ. Необходимость единства правовыхъ нормъ въ государствѣ доказывается примѣромъ Италіи, Швейцаріи и Германіи. Въ Италіи разнообразные мѣстные законы были объединены въ гражданскомъ уложеніи, изданномъ въ 1865 году. До 1881 г. отдѣльные Швейцарскіе кантоны имѣли свои особые гражданскіе законы и гражданское право Швейцаріи представляло собою чрезвычайно пеструю картину. Въ прежнее время, въ виду малаго развитія путей сообщенія и торговли, разнообразіе права не было сопряжено съ большими неудобствами. Но событія первой половины нашего столѣтія существенно сблизили отдѣльныя части Швейцаріи. Быстрое, не виданное прежде, развитіе торговли и промышленности породило живую, неотложную потребность въ созданіи единыхъ правовыхъ нормъ. Эта потребность отчасти была удовлетворена изданіемъ въ 1881 г. закона, объединившаго собою все обязательственное право Швейцаріи. Объединеніе совершилось на почвѣ примиренія и согласованія разнородныхъ началъ германскаго и французскаго права, дѣйствовавшихъ на территоріи союза. Объединенію въ значительной степени способствовало и то обстоятельство, что новый законъ, въ сравненіи съ мѣстными законами, представляетъ собою болѣе совершенную систему права, отвѣчающую притомъ современнымъ потребностямъ гражданскаго оборота. Въ настоящее время въ Швейцаріи составлены проекты всѣхъ прочихъ частей уложенія. Въ Германіи работы по объединенію права закончились изданіемъ въ 1896 г. гражданскаго уложенія, предназначеннаго замѣнить собою всѣ мѣстныя уложенія. Слѣдуетъ надѣяться, что той же цѣли можно будетъ достигнуть и у насъ послѣ *кореннаго улучшенія* общихъ гражданскихъ законовъ, послѣ замѣны 1 ч. X т. Гражданскимъ Уложеніемъ, *отвѣчающимъ современнымъ потребностямъ* и въ значительной степени *сглажи-*

вающимъ тѣ различія, которыя въ настоящее время существуютъ между общими и мѣстными законами.

Имѣя въ виду составить Гражданское Уложеніе, отвѣчающее современнымъ потребностямъ гражданскаго быта Россіи, Редакціонная Коммисія не могла не принять въ соображеніе также *постановленій иностранныхъ законодательствъ и не воспользоваться ихъ опытомъ*, такъ какъ современныя условія гражданскаго быта Россіи и другихъ культурныхъ странъ во *многомъ*, если и не вполнѣ тождественны, то близко подходятъ другъ къ другу. Кромѣ того, на постановленія нѣкоторыхъ частей уложенія, въ особенности права обязательственнаго, національныя различія оказываютъ мало вліянія. Отсюда ясна необходимость и цѣлесообразность подробнаго ознакомленія съ иностранными законодательствами и пользованія ими, какъ *матеріаломъ* при составленіи и обсужденіи проекта Гражданскаго Уложенія. Не смотря на значительное число отдѣльныхъ гражданскихъ законодательствъ и на существующія между ними различія въ частностяхъ, всѣ они могутъ быть раздѣлены на три группы, смотря по тому, преобладаютъ ли въ нихъ начала права *французскаго*, *германскаго* или *англо-американскаго*. При пересмотрѣ нашихъ законовъ нельзя не считаться съ началами французскаго права уже по одному тому, что многія постановленія т. X ч. 1 носятъ на себѣ явные слѣды вліянія этого права, а кромѣ того, Французское гражданское и торговое уложенія, почти въ неизмѣненномъ видѣ, дѣйствуютъ въ губерніяхъ Царства Польскаго и, слѣдовательно, являются нашимъ мѣстнымъ закономъ. Что касается началъ германскаго права, то хотя они въ значительной степени отразились въ Сводѣ гражд. узак. губ. Прибалтійскихъ, однако для полнаго ознакомленія съ ними необходимо обратиться къ иностраннымъ источникамъ. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія: *Прусское* общее земское право 1794 г. и *Австрійское* гр. уложеніе 1811 г., какъ старѣйшія изъ уложеній; *Саксонское* 1863 г., большинство постановленій котораго основаны на римскомъ правѣ въ томъ его видѣ, какой ему дали германскіе пандектисты; *Цюрихское*, въ которомъ особенности германскаго права, въ отличіе отъ римскаго, получили наиболѣе рельефное выраженіе, и наконецъ *Германское* уложеніе 1896 г., представляющее собою новѣйшую обработку нормъ гражданскаго права.

Особенный интересъ возбуждаетъ *Швейцарскій* законъ объ обязательствахъ 1881 г. Нѣкоторыя постановленія его основаны на Германскомъ торговомъ уложеніи 1861 г., другія взяты изъ Цюрихскаго гражданскаго уложенія, наконецъ, нерѣдко законъ слѣдуетъ примѣру

Французскаго законодательства. Но противоположности отдѣльныхъ законодательствъ примирены и весь законъ, не смотря на различіе его источниковъ, представляется органическимъ цѣлымъ. Основная задача составителей закона, какъ видно изъ сообщенія союзнаго совѣта союзному собранію отъ 20 ноября 1879 г., заключалась въ томъ, чтобы отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ правовымъ взглядамъ и преданіямъ какъ нѣмецкихъ, такъ и французскихъ кантоновъ и, по возможности, явиться посредниками между тѣми и другими. Задача эта была осуществлена блестяще и новый союзный законъ не безъ основанія можетъ быть названъ интересною попыткою создать *международное* уложеніе.

Редакціонная Коммисія, при составленіи проекта Гражданскаго Уложенія, въ числѣ другихъ иностранныхъ законодательствъ, приняла въ соображеніе также и постановленія гражданскаго законодательства Калифорніи на томъ основаніи, что *Калифорнское уложеніе* 1873 г., какъ указано было выше, есть наиболѣе полная *кодификація англо-американскаго гражданскаго права* и потому лучшій источникъ его изученія. Изученіе этого права представляется особенно желательнымъ, въ виду полнаго объединенія въ немъ гражданскаго, торговаго и морскаго права. Кромѣ того, весьма многія изъ отдѣльныхъ постановленій Калифорнскаго уложенія, по своей практичности и простотѣ, заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія.

Не упущены Коммисіею изъ виду также и гражданскія уложенія *Сербіи* и *Черногоріи*—странъ, родственныхъ Россіи по происхожденію, сохранившихъ нѣкоторыя древнія нормы гражданскаго права, которыя встрѣчаются въ исторіи русскаго законодательства и даже теперь въ крестьянскомъ обычномъ правѣ.

Для болѣе удобнаго пользованія иностранными законодательствами Редакціонною Коммисіею изданы въ переводѣ на русскій языкъ гражданскія уложенія: *Австрійское*, *Саксонское*, *Цюрихское*, *Калифорнское* и *Сербское*, а также *Швейцарскій* законъ объ обязательствахъ 1881 г.

IV. Система и терминологія проекта.

Настоящій проектъ *объ обязательствахъ* составляетъ книгу пятую и послѣднюю проекта Гражданскаго Уложенія. Первыя четыре книги содержатъ въ себѣ: I—*общія положенія*, II—право лицъ, III—*вотчинное право* и IV—*право наслѣдованія*.

Въ началѣ проекта книги V идутъ *общія положенія* (ст. 1—3), служащія какъ бы введеніемъ въ проектъ. Статья первая этихъ об-

щихъ положеній даетъ опредѣленіе обязательства, вторая указываетъ его источники, а третья имѣетъ значеніе лишь переходнаго правила. Такъ какъ проектъ излагаетъ общія правила объ обязательствахъ съ точки зрѣнія обязательствъ, возникающихъ изъ договоровъ, то необходимо было указать въ особой статьѣ, что означенныя общія правила примѣняются въ равной мѣрѣ и къ обязательствамъ, возникающимъ независимо отъ договоровъ, т. е. изъ недозволенныхъ дѣяній и другихъ, указанныхъ въ законѣ, основаній.

Затѣмъ слѣдуетъ раздѣлъ I *объ обязательствахъ по договорамъ вообще* (ст. 4—183), состоящій изъ пяти главъ: 1) *о договорахъ* (ст. 4—64), 2) *объ исполненіи договоровъ* (ст. 65—138), 3) *объ уступкѣ требованій и переводѣ обязательствъ по договорамъ* (ст. 139—152), 4) *о прекращеніи обязательствъ по договорамъ* (ст. 153—165) и 5) *о совокупныхъ обязательствахъ и совокупныхъ требованіяхъ по договорамъ* (ст. 166—183). Этимъ раздѣломъ исчерпываются постановленія проекта, относящіяся къ общей части обязательственнаго права. Слѣдующіе два раздѣла касаются особенной части обязательствъ.

Раздѣлу II, предусматривающему *обязательства по договорамъ въ особенности* (ст. 186—1044), предпосланы двѣ общія статьи о томъ, что правила объ обязательствахъ по договорамъ вообще примѣняются ко всѣмъ, указаннымъ въ законѣ, *особымъ видамъ* договоровъ *лишь* на столько, на сколько для нихъ *не установлено въ законѣ изъятій* (ст. 184), и что договоръ, хотя и *не подходящій* ни подъ одинъ изъ указанныхъ въ законѣ видовъ договоровъ, тѣмъ не менѣе признается *дѣйствительнымъ* и подчиняется общимъ правиламъ о договорахъ (ст. 185). Раздѣлъ II далѣе содержитъ въ себѣ слѣдующія двадцать четыре главы: I—*продажа* (ст. 186—235), II—*запродажа* (ст. 236—240), III—*мѣна* (ст. 241), IV—*дареніе* (ст. 242—276), V—*имущественный наемъ* (ст. 277—332), VI—*ссуда* (ст. 333—347), VII—*заемъ* (ст. 348—363), VIII—*поклажа* (ст. 364—392), IX—*личный наемъ* (ст. 393—439), X—*подрядъ* (ст. 440—462), XI—*перевозка* (ст. 463—504), XII—*довѣренность* (ст. 505—545), XIII—*коммисія* (ст. 546—565), XIV—вексель, XV—*переводъ* (переводное письмо, ст. 566—576), XVI—*чеки* (ст. 577—588), XVII—*бумаги на предъявителя* (ст. 589—604), XVIII—*товарищество* (ст. 605—923), XIX—*ученыя, благотворительныя и иныя общеполезныя общества* (ст. 924—936), XX—*страхованіе* (ст. 937—985), XXI—*пожизненный доходъ (рента) и пожизненное содержаніе* (ст. 986—999), XXII—*игра и пари* (ст. 1000—1003), XXIII—*лоттерея* (ст. 1004—

1008), XXIV—*поручительство* (ст. 1009—1035), XXV—*мировая сдѣлка* (ст. 1036—1044).

Наконецъ раздѣлъ III посвященъ *обязательствамъ, возникающимъ не изъ договоровъ* (ст. 1045—1106). Онъ заключаетъ въ себѣ слѣдующія четыре главы: I—*публичное обѣщаніе награды* (ст. 1045—1048), II—*веденіе чужихъ дѣлъ безъ порученія* (ст. 1049—1058), III—*незаконное обогащеніе* (ст. 1059—1064) и IV—*вознагражденіе за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями* (ст. 1065—1106).

Внѣшняя группировка законодательнаго матеріала въ проектѣ въ общихъ чертахъ та же, что и въ т. X ч. 1, за немногими лишь отступленіями. Такъ, проектъ совсѣмъ не упоминаетъ о *залогѣ* и *закладѣ*, какъ способахъ обезпеченія обязательствъ (т. X ч. 1, кн. IV, разд. I гл. III и IV), находя, что при надлежащей системѣ изложенія постановленій гражданскаго права залогъ и закладъ должны быть отнесены къ отдѣлу правъ вотчинныхъ. *Поручительство* изъ общей части обязательствъ, гдѣ оно находится теперь (т. X ч. 1, кн. IV, разд. I гл. I), перенесено въ особенную часть и помѣщено въ ряду другихъ договоровъ. *Продажа*, *мѣна* и *дареніе* заключаютъ въ себѣ всѣ признаки договора и входятъ непосредственно въ область договорныхъ отношеній, среди которыхъ и должны найти себѣ мѣсто въ отступленіе отъ т. X ч. 1, относящаго упомянутые юридическіе институты къ способамъ пріобрѣтенія права собственности (ср., однако, касс. рѣш. 1887 г. № 100, 1890 г. № 41 и др., относящія продажу къ договорамъ). Наконецъ правила о *вознагражденіи за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями*, помѣщенныя въ т. X ч. 1 въ книгѣ II о порядкѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества вообще, перенесены въ *обязательственное право*, такъ какъ гражданскія послѣдствія недозволенныхъ дѣяній сводятся главнымъ образомъ къ обязательственнымъ отношеніямъ.

Что касается способа изложенія постановленій проекта, то Редакціонная Коммисія стремилась *придать проекту возможно большую ясность и опредѣленность* и сдѣлать его доступнымъ для пониманія всѣхъ, даже не юристовъ.

Въ этихъ видахъ принято было, прежде всего, не вводить въ проектъ положеній, относящихся къ области науки, теоріи права, такъ какъ законъ долженъ имѣть дѣло съ фактами и конкретными данными, а не съ отвлеченными понятіями. Стремленіе къ простотѣ и практичности правилъ выразилось также въ томъ, что вмѣстѣ съ установленіемъ общихъ началъ указаны и важнѣйшіе случаи ихъ примѣненія и что вообще изъ проекта удалены слишкомъ отвлеченныя обобщенія.

Такъ, напр., исходя изъ того практическаго соображенія, что главнымъ источникомъ обязательствъ является договоръ, проектъ, подобно дѣйствующему закону, излагаетъ общую часть обязательственнаго права съ точки зрѣнія обязательствъ, возникающихъ лишь изъ договоровъ.

Указанною цѣлью—сдѣлать законъ яснымъ и общедоступнымъ, другими словами, дать возможность каждому легко и скоро подыскать нужныя постановленія—объясняются также и встрѣчающіяся въ проектѣ повторенія, а въ связи съ этимъ и сравнительно незначительное число ссылокъ въ текстѣ статей на другія статьи проекта.

При редактированіи проекта Комиссія стремилась также къ *строгому и точному проведенію разъ принятыхъ терминовъ*, въ виду того, что употребленіе различныхъ выраженій для обозначенія одного и того же понятія легко можетъ повести къ неясности и недоразумѣніямъ.

Въ объясненіяхъ къ отдѣльнымъ статьямъ проекта приведены соображенія, по которымъ приняты тѣ или иные термины. Здѣсь остается указать на общія начала, которыми руководствовалась Комиссія при установленіи терминологіи проекта. Такъ, *новые термины* вводятся въ проектъ лишь въ случаяхъ явной въ томъ необходимости, именно, когда въ дѣйствующихъ законахъ не имѣлось соотвѣтствующихъ терминовъ, каковы, напр.: *наймодавецъ*, *поклажедатель*, *поклажепринематель*, *чекодатель*, *чекодержатель*, *страховщикъ*, *распорядитель* (negotiorum gestor) и др. Термины, существующіе уже въ законѣ, удерживаются и въ проектѣ, хотя бы они и не вполнѣ удовлетворяли всѣмъ требованіямъ правильной терминологіи, напр. *коммисіонеръ* и *препоручитель*. Если для опредѣленія одного и того же понятія встрѣчается въ дѣйствующемъ законѣ нѣсколько терминовъ (напр. *контракты*, *условія*, *сдѣлки*, *договоры*, *контрагентъ*, *сторона*, *наемщикъ*, *наниматель*, *отдача въ содержаніе*, *аренда*, *наемъ*, *отдача и пріемъ на сохраненіе*, *поклажа*, *товарищество по участкамъ*, *компанія на акціяхъ*, *акціонерное товарищество* и т. п.), то удерживается въ проектѣ одинъ изъ нихъ въ видахъ единообразія терминологіи.

Затѣмъ въ терминологіи проекта принято было, по возможности, избѣгать употребленія иностранныхъ словъ. Такъ, напр., слово *кредиторъ* замѣнено въ проектѣ словомъ *вѣритель*. Это слово—вполнѣ русское и притомъ весьма точно выражаетъ понятіе, лежащее въ основаніи словъ: creditor, Gläubiger, créancier. Терминъ *вѣритель* употребляется въ нашей литературѣ (ср. *Мейеръ*, Курсъ гражд. пр.; *Гулевинскій*, О происхожд. и дѣлен. обязат.) и даже встрѣчается въ дѣйствующихъ законахъ (т. X ч. 1 ст. 297 по прод. 1876 г.; т. XI ч. 2,

изд. 1893 г., Уст. Консульск. ст. 77). Введеніе его въ проектъ тѣмъ болѣе желательно, что терминъ *кредиторъ*, помимо своего иностраннаго происхожденія, оказывается неудовлетворительнымъ, такъ какъ и въ законѣ, и въ практикѣ подъ кредиторомъ понимается лицо, имѣющее денежную претензію, а не всякое лицо, имѣющее право по обязательству.

Остается сказать нѣсколько словъ о терминахъ, употребляющихся въ настоящемъ проектѣ лишь по связи его съ проектами двухъ частей Гражданскаго Уложенія. Сюда относятся термины: *вотчинный*, *вотчинныя права*, *вотчинныя книги*, *вотчинныя установленія*, *имущество*, *недвижимое имущество*, *недвижимость*, *имѣніе*, *движимое имущество*, *вещь*, *передача* и др.

Въ дѣйствующихъ законахъ выраженія: *вотчина*, *вотчинникъ*, *вотчинное право*, *вотчинныя дѣла* встрѣчаются довольно часто (т. X ч. 1 ст. 420 прим. 1, 471, 513, 521, 566 и др.; т. XVI ч. 2 Зак. о Суд. Гражд. ст. 378, 379, 390, 400 и др.), но главнымъ образомъ въ примѣненіи къ недвижимому имуществу. *К. П. Побѣдоносцевъ* въ своемъ курсѣ гражданскаго права предлагаетъ, вмѣсто укоренившагося въ нашей юридической литературѣ термина: *вещный*, *вещныя права*, принять для обозначенія правъ, какъ на недвижимыя имущества, такъ и на вещи движимыя, *чистое* и *выразительное* русское слово: *вотчинный*, *вотчинныя права* (ч. 1, введ. стр. VII). Въ проектѣ Гражданскаго Уложенія слово „вотчинный" употребляется въ указанномъ широкомъ его значеніи, причемъ оно послѣдовательно проведено во всей терминологіи проекта. Такъ, книги, въ которыхъ записываются вотчинныя права на недвижимое имущество, называются *вотчинными книгами*; установленія, ведущія эти книги—*вотчинными установленіями*, залогодержатели имѣній—*вотчинными вѣрителями* и т. д.

Въ т. X ч. 1 подъ словомъ „*имущество*" понимаются какъ предметы физическіе (res corporales), такъ и права и требованія (rer incorporales). Выраженія: *недвижимое имущество*, *недвижимость*, *имѣніе* употребляются безразлично одно вмѣсто другого (т. X. ч. 1 ст. 392, 393, 432, 469, 473, 545, 547, 716, 719, 967 и др.). Терминъ *движимое имущество* обнимаетъ собою также права и требованія (т. X ч. 1 ст. 401, 402, 405, 418, 419, 2167), но терминъ *вещь* относится лишь къ физическимъ предметамъ. Этому словоупотребленію, принятому въ дѣйствующемъ законѣ, слѣдуетъ и настоящій проектъ.

Терминъ *передача* употребляется въ т. X ч. 1 и въ значеніи римской traditio (ст. 1510 и сл.), и въ значеніи уступки требованій

(cessio—ст. 2058 и сл.). Проектъ усвоилъ разсматриваемый терминъ въ первомъ его значеніи.

V. Начала, положенныя въ основаніе проекта.

При установленіи правилъ проекта Редакціонная Коммисія руководствовалась основными положеніями:

1) Законъ, прежде всего, долженъ быть *справедливымъ*. Ограждая равноправность сторонъ въ обязательственныхъ отношеніяхъ, законъ вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ оградить интересы всѣхъ слабыхъ, безпомощныхъ, словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто, по своему личному или имущественному положенію, нуждается въ особенной защитѣ закона, не будучи въ состояніи съ достаточною энергіею отстаивать свои права. Въ этомъ отношеніи можно указать на принятыя проектомъ мѣры противъ эксплоатаціи нужды, легкомыслія, неопытности и несчастія. Такъ, напр., проектъ, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, расширяетъ понятіе *обмана*, приравнивая къ нему и тѣ случаи, когда кто либо, злоупотребляя оказываемымъ ему довѣріемъ или принадлежащею ему властью или пользуясь легкомысліемъ, слабостью воли, неопытностью, нуждою либо несчастіемъ другого лица, заключитъ съ этимъ лицомъ явно невыгодный для него договоръ (ст. 31). Такой договоръ, какъ заключенный безъ свободнаго и сознательнаго согласія и служащій источникомъ *несправедливой* выгоды, можетъ быть признанъ, по просьбѣ заинтересованнаго лица, недѣйствительнымъ (ст. 26, 27 и 32). Проектъ, далѣе, ограждаетъ должниковъ отъ угнетенія ихъ *непомѣрными процентами* или *чрезмѣрною неустойкою*. Должникъ, обязавшійся платить свыше шести процентовъ на занятый капиталъ, имѣетъ право во всякое время, спустя шесть мѣсяцевъ по заключеніи займа, *возвратить* занятый капиталъ, предупредивъ вѣрителя объ этомъ не менѣе, какъ за три мѣсяца (ст. 95, 356). Равнымъ образомъ, если въ договорѣ назначена неустойка въ очевидно *преувеличенномъ размѣрѣ* или если она представляется чрезмѣрною въ виду неисполненія должникомъ обязательства лишь въ незначительной части, то должнику предоставляется право просить судъ объ уменьшеніи неустойки (ст. 63). Проектъ также возлагаетъ на нанимателя обязанность оказывать нанявшемуся покровительство и защиту во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онъ можетъ въ томъ нуждаться, ограждать его жизнь и здоровье отъ опасности при производствѣ работъ и гуманно съ нимъ обращаться (ст. 410, 411, 432—434) и т. п.

Вообще говоря, договорныя отношенія сторонъ должны покоиться на началахъ *справедливости и добросовѣстности*. Этотъ взглядъ про-

веденъ во многихъ статьяхъ проекта. Такъ, договоры должны быть исполняемы по доброй совѣсти (ст. 65); неисполненіе договора одною стороною лишь въ незначительной части не даетъ права другой сторонѣ отказываться отъ исполненія лежащаго на ней обязательства, если таковой отказъ, по обстоятельствамъ дѣла, представляется, недобросовѣстнымъ (ст. 71 ч. 2); въ проектѣ предусмотрѣны также случаи, когда дальнѣйшее исполненіе договора сопряжено съ чрезмѣрными издержками для обязанной стороны или вообще для нея весьма обременительно (ст. 314, 362, 422, 438 п. 3, 451, 457, 458, 997 и др.).

Вопросъ о вознагражденіи за убытки представляется весьма важнымъ, такъ какъ на этой почвѣ, въ конечномъ результатѣ, и могутъ быть примирены справедливые интересы сторонъ. Кромѣ того, имущественная отвѣтственность является санкціею юридической силы обязательствъ и чѣмъ обширнѣе ея объемъ, тѣмъ обезпеченнѣе общій законный порядокъ въ области лично имущественныхъ отношеній. Съ частнымъ интересомъ вѣрителя соединяется тутъ и общій. Поэтому вопросъ объ имущественной отвѣтственности должниковъ долженъ быть поставленъ и разрѣшенъ на возможно широкихъ и справедливыхъ основаніяхъ. Въ этомъ отношеніи нужно замѣтить, что проектъ, сравнительно съ дѣйствующимъ закономъ, значительно расширяетъ понятіе *убытковъ*, допуская въ иныхъ случаяхъ даже возмѣщеніе убытковъ, не подлежащихъ имущественной оцѣнкѣ *(нравственный вредъ)*. Такъ, въ видѣ общаго правила, проектъ, для лучшаго огражденія интересовъ вѣрителей противъ *злонамѣренныхъ* или *крайне легкомысленныхъ* нарушеній обязательствъ должниками, предоставляетъ суду право опредѣлять вознагражденіе за неисполненіе обязательства хотя бы вѣрителемъ и *не было понесено убытковъ подлежащихъ имущественной оцѣнкѣ* (ст. 117 ч. 2); въ частности, подлежитъ вознагражденію неимущественный, нравственный вредъ, происходящій отъ нарушенія правъ личности (*здоровья*, *свободы*, *чести*—ст. 1092, и 1093).

Вообще, стремленіе къ установленію справедливыхъ началъ проходитъ яркою чертою черезъ весь проектъ. Даже цѣлые юридическіе институты, предусмотрѣнные въ проектѣ, какъ, напр. *веденіе чужихъ дѣлъ безъ порученія* (ст. 1049—1058) и *незаконное обогащеніе* (ст. 1059—1064) вытекаютъ исключительно изъ началъ справедливости.

2) Законъ долженъ стремиться къ достиженію *матеріальной, а не формальной правды*. Однимъ изъ существенныхъ недостатковъ дѣйствующаго закона является его крайній формализмъ. Въ этомъ отношеніи проектъ значительно смягчаетъ нашъ законъ, упрощая форму заклю-

ченія договоровъ. Такъ, договоры на сумму до 300 р., по общему правилу, могутъ быть заключаемы *на словахъ* (ст. 15, ср. ст. 58, 349, 478). Нѣкоторые договоры, какъ, напр. ссуда (ст. 334) и коммисія (ст. 549), могутъ быть совершаемы безразлично—на словахъ или на письмѣ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда проектъ требуетъ удостовѣренія договора *на письмѣ* (ст. 191, 192, 249, 281, 349, 366, 400, 442, 478, 506, 607, 711, 941, 976, 988, 1015, 1038), письменная форма разсматривается имъ лишь, какъ *способъ доказательства существованія договора* (ad probationem) на случай спора, такъ что если возникаетъ споръ, договоръ долженъ быть подтвержденъ на судѣ *письменными доказательствами* или признаніемъ противной стороны, и не можетъ быть доказанъ *показаніями свидѣтелей* (ст. 14), причемъ къ письменнымъ доказательствамъ въ подтвержденіе договора относятся не только акты, подписанные договорившимися сторонами, но и *письма, телеграммы* и другія бумаги. Форма, какъ *существенная принадлежность* сдѣлки (ad solemnitatem), установляется проектомъ лишь въ видѣ исключенія и притомъ для такихъ обязательствъ, которыя, собственно говоря, внѣ требуемой закономъ формы и не существуютъ, напр., *чеки*, *переводныя письма*, *бумаги на предъявителя*.

Изложенный взглядъ проекта на форму обязательственнаго договора соотвѣтствуетъ, какъ легкости *хозяйственнаго оборота*, на которомъ отразилось бы самымъ стѣснительнымъ образомъ установленіе строгой формы, такъ и требованіямъ *добросовѣстности*, составляющимъ *коренное начало договорно-обязательственныхъ отношеній*. Присвоеніе какой либо особенной формѣ значенія существенной принадлежности обязательственнаго договора вообще давало бы возможность сторонѣ, изъявившей свое согласіе самымъ положительнымъ образомъ, но *въ другой формѣ*, и даже исполнившей принятое на себя обязательство по неформальному договору, признавать на судѣ какъ заключеніе, такъ и добровольное исполненіе договора и въ то же время опровергать требованіе объ исполненіи въ первомъ—и требовать возврата переданнаго въ исполненіе договора имущества во второмъ случаѣ, основываясь на возраженіи о неформальности договора, возраженіи, составляющемъ, очевидно, не болѣе какъ предлогъ, прикрывающій *своекорыстіе и недобросовѣстность*.

3) Законъ долженъ предоставить возможно *широкій просторъ усмотрѣнію суда*, такъ какъ только при этомъ условіи могутъ быть въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣлены отношенія сторонъ на справедливыхъ основаніяхъ. По дѣйствующему закону суды весьма ограничены въ правѣ руководствоваться свободнымъ усмотрѣніемъ. Этимъ

недостаткомъ страдаетъ въ особенности нашъ процессъ объ убыткахъ. Не смотря на доказанность самаго права на вознагражденіе, на несомнѣнное существованіе убытковъ, наши суды отказываютъ въ искѣ лишь по недоказанности *точной* цифры убытковъ. Подобная несправедливость въ отношеніи лицъ, потерпѣвшихъ убытки, равняется, въ сущности, отказу имъ въ правосудіи. Указанный недостатокъ дѣйствующаго закона исправленъ въ настоящемъ проектѣ, предоставляющемъ во многихъ случаяхъ весьма широкій просторъ справедливому усмотрѣнію суда. Такъ, напр., судъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, опредѣляетъ *размѣръ* вознагражденія за убытки *по своему усмотрѣнію* и даже можетъ назначить вознагражденіе, хотя бы убытковъ и не было понесено (ст. 117 ч. 2, 119, 122, 377 ч. 2, 1078, 1092 и 1093). Отъ свободнаго усмотрѣнія суда зависитъ также *уменьшить неустойку*, когда она представляется чрезмѣрною (ст. 63), *прекратить до срока договоръ личнаго найма*, когда принятыя несовершеннолѣтнимъ обязательства непомѣрно тягостны для него (ст. 422), *освободить подрядчика отъ исполненія договора или увеличить установленную договоромъ цѣну подряда*, когда вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ для дальнѣйшаго исполненія договора требуется несравненно больше труда, времени и издержекъ, чѣмъ предполагалось первоначально (ст. 457), *отмѣнить договоръ пожизненнаго содержанія или замѣнить содержаніе опредѣленными ежегодными денежными выдачами*, когда дальнѣйшее продолженіе договора станетъ невыносимымъ для той или другой стороны (ст. 997) и т. д.

4) Законъ долженъ *облегчить*, по возможности, заинтересованнымъ лицамъ *обращеніе къ суду* во всѣхъ случаяхъ, требующихъ быстраго огражденія правъ и преюдиціальнаго рѣшенія вопроса. Въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія постановленія проекта, опредѣляющія порядокъ сдачи не принятаго вѣрителемъ имущества на храненіе (ст. 108), продажи съ публичнаго торга не принятыхъ вѣрителемъ движимыхъ вещей, въ особенности когда онѣ подвержены скорой порчѣ (ст. 111), не принятаго и не оплаченнаго товара (ст. 222, 223), груза (ст. 486), а также порядокъ судебнаго удостовѣренія наличности недостатковъ въ товарѣ (ст. 212 ч. 1) и т. п.

Но иногда затруднительно и даже невозможно воспользоваться немедленною защитою установленныхъ властей. Въ этихъ случаяхъ проектъ дозволяетъ заинтересованнымъ лицамъ прибѣгнуть къ *самопомощи*. Такъ, наймодавецъ можетъ, въ силу предоставленнаго ему закладнаго права на движимость нанимателя, *задержать*, безъ обращенія къ содѣйствію властей, ту часть движимости нанимателя, ко-

торая достаточна для обезпеченія наемной платы (ст. 292—295); такое же право принадлежитъ хозяину гостинницы по отношенію къ вещамъ пріѣзжаго (ст. 390); равнымъ образомъ коммисіонеръ можетъ самъ покрыть свои требованія изъ всѣхъ поступившихъ къ нему за счетъ препоручителя суммъ (ст. 561), наконецъ, каждый имѣетъ право, въ обезпеченіе слѣдующаго ему вознагражденія, задержать на состоящей въ его владѣніи землѣ чужое животное, производящее потраву или причиняющее иной вредъ (ст. 1103).

Въ *заключеніе* остается замѣтить, что въ настоящемъ проектѣ говорится вообще о *судѣ*, такъ какъ опредѣленіе подсудности дѣлъ, по роду и суммѣ, тѣмъ либо другимъ судамъ относится къ области судопроизводственныхъ законовъ.

Затѣмъ, въ проектѣ упоминается о *добровольной публичной продажѣ* (ст. 111, 212, 223, 486 и др.) и о *вызывномъ производствѣ* (ст. 596—599, 776). Согласно п. 13 Высочайшаго повелѣнія объ общемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и о составленіи проекта Гражданскаго Уложенія (Собр. узак. 1882 г. 8 іюня № 55 ст. 361), Редакціонной Коммисіи вмѣнено въ обязанность, одновременно со внесеніемъ проекта въ Государственный Совѣтъ, представить соображенія о необходимости измѣненія тѣхъ изъ дѣйствующихъ статей Свода Законовъ, измѣненіе или отмѣна коихъ вызывается постановленіями проекта. Но Редакціонная Коммисія не составила правилъ о добровольной публичной продажѣ и о вызывномъ производствѣ, въ измѣненіе и дополненіе дѣйствующихъ по сему предмету законовъ, такъ какъ разработка упомянутыхъ институтовъ входитъ въ задачу Высочайше учрежденной Коммисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ.

Въ составленіи проекта книги пятой Гражданскаго Уложенія *объ обязательствахъ* и объяснительной къ нему записки ближайшее участіе принимали: Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ *А. А. Книримъ*, Тайные Совѣтники: *В. И. Голевинскій* и *К. И. Малышевъ*, Дѣйствительные Статскіе Совѣтники: *Э. Э. Пирвицъ* и *А. Ф. Поворинскій* и состоящіе при Коммисіи: Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ *В. С. Садовскій*, Статскіе Совѣтники: *П. А. Гедримовичъ* (нынѣ умершій), *С. В. Илимовъ*, *И. Е. Ильяшенко*, *А. И. Лыкошинъ* и *М. П. Шафиръ*, Коллежскій Совѣтникъ *В. Ф. Гельбке* (нынѣ умершій) и Надворный Совѣтникъ *Ф. А. Вальтеръ*.

Проектъ былъ разсмотрѣнъ Редакціонною Коммисіею подъ пред-

сѣдательствомъ Члена Государственнаго Совѣта, Статсъ-Секретаря, Сенатора *Н. И. Стояновскаго* и въ составѣ членовъ, Сенаторовъ: *А. А. Книрима*, Статсъ-Секретаря *А. А. Сабурова*, *П. А. Юренева*, *Н. А. Тура*, *I И. Карницкаго*, Членовъ Консультаціи *К. И. Малышева* и *Э. Э. Пирвица* и Товарища Оберъ-Прокурора *А. Ф. Поворинскаго*, при дѣлопроизводителѣ Чиновникѣ Особыхъ Порученій при М. Ю. Статскомъ Совѣтникѣ *Ю. Р. Гептнеръ* въ пятидесяти девяти засѣданіяхъ, съ 10 января 1898 г. по 9 апрѣля 1899 г.

VI.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1. Послѣднія рѣшенія Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента Правительствующаго Сената за 1899 годъ [1]).

1. По вопросу о примѣненіи 26 ст. уст. о наказ. и 1 п. 34 ст. уст. угол. суд.

Лойтерштейнъ и друг. были привлечены къ отвѣтственности за неисполненіе обязательныхъ постановленій относительно содержанія лѣсныхъ складовъ въ гор. Бердичевѣ. Согласно ст. 9 обязательныхъ постановленій о мѣрахъ предосторожности противъ пожаровъ, составленныхъ Бердичевскою городскою думою для мѣстныхъ жителей, утвержденныхъ Кіевскимъ губернаторомъ 23 іюня 1896 г., лѣсные и дровяные склады должны открываться съ разрѣшенія управы и помѣщаться въ усадьбахъ, расположенныхъ на берегу рѣки и на окраинахъ города Бердичева; размѣръ площади складовъ долженъ быть не менѣе 300 кв. саж., причемъ на этой площади не должно быть никакихъ построекъ, исключая сторожевой будки, а въ складахъ, расположенныхъ не на берегу рѣки, должны быть колодцы. Существовавшіе до изданія сего постановленія лѣсные и дровяные склады, неудовлетворяющіе вышеизложеннымъ условіямъ, должны быть закрыты въ теченіе полу-

[1]) Въ настоящемъ очеркѣ помѣщаются свѣдѣнія лишь о наиболѣе интересныхъ вопросахъ, разрѣшенныхъ присутствіемъ угол. кассац. д—та за первую половину 1899 г.

года со дня утвержденія постановленія. Мировой судья приговорилъ подвергнуть Лойтерштейна и др. за неисполненіе этихъ постановленій, на основаніи 29 ст. уст. о нак., денежному штрафу и обязать ихъ въ недѣльный срокъ со времени вступленія приговора въ законную силу закрыть существующіе у нихъ лѣсные склады. Въ апелляціонномъ отзывѣ обвиняемые доказывали, между прочимъ, что настоящее дѣло неподсудно мировымъ установленіямъ, на основаніи 34 ст. уст. угол. суд., потому, что съ наказаніемъ по приговору сему сопряжено закрытіе торговыхъ и промышленныхъ заведеній. Съѣздъ не согласился съ этимъ, признавъ, что по смыслу обязательныхъ постановленій Бердичевской городской думы должны быть въ теченіе полугода закрыты всѣ лѣсные склады, не соотвѣтствующіе этому постановленію, что лѣсные склады обвиняемыхъ, какъ не соотвѣтствующіе этому постановленію, должны были быть перенесены ими въ этотъ срокъ на другія мѣста, и разъ обвиняемые этого не исполнили, они подлежатъ отвѣтственности по 29 ст. уст. о наказ., какъ за неисполненіе этого постановленія, но они не лишаются права держать лѣсные склады, а только обязываются устроить ихъ согласно обязательному постановленію, а потому дѣло это, какъ не влекущее за собою лишенія права на занятіе промысломъ, не выходитъ изъ предѣловъ подсудности мировыхъ судебныхъ установленій. Въ поданной на приговоръ съѣзда кассаціонной жалобѣ указывалось на нарушеніе 34 ст. уст. угол. суд. тѣмъ, что съѣздъ ошибочно полагаетъ, что для превышенія мировой подсудности надо признать кого-либо лишеннымъ всякихъ правъ торговли или обязаннымъ къ совершенному закрытію даннаго заведенія безъ права перенесенія и возобновленія таковаго; въ жалобѣ сдѣлана ссылка на рѣшеніе угол. касс. деп. 1892 г. № 6.

Правительствующій Сенатъ *(19 января)* не призналъ кассаціонную жалобу обвиняемыхъ заслуживающею уваженія и въ рѣшеніи своемъ дѣлаетъ новую попытку къ разграниченію часто скрещивающихся случаевъ примѣненія ст. 26 уст. о нак. и ст. 34 уст. уг. суд. „Разсматривая случаи примѣненія 26 ст. уст. о наказ. въ связи съ правилами о подсудности, изъясненными въ ст. 34 уст. угол. суд., говорится въ рѣшеніи по этому дѣлу, Правительствующій Сенатъ въ рядѣ рѣшеній установилъ, что 26 ст. уст. о наказ. не примѣнима—*во 1-хъ*, къ тѣмъ неподсуднымъ мировымъ установленіямъ случаямъ, когда самое наказаніе, коему подлежитъ виновный, сопряжено по закону съ закрытіемъ торговаго или промышленнаго заведе-

нія, съ запрещеніемъ производить торговлю или промыселъ или, наконецъ, съ высылкою изъ мѣста жительства, т. е. когда неизбѣжнымъ и неразрывно связаннымъ съ наказаніемъ послѣдствіемъ его является принятіе одной изъ перечисленныхъ мѣръ, какъ, напр. при преступныхъ дѣяніяхъ, указанныхъ въ ст. 701 (по ул. 1866 г.), 1073, 1074, 1075, 1348, 1350² ул. 1885 г. (рѣш. 69/403; 70/1146; 84/36; 92/6), и, *во 2-хъ*, къ тѣмъ случаямъ, гдѣ требуемое, въ силу закона, исправленіе ненадлежаще устроеннаго сопряжено съ матеріальными расходами, превышающими, въ своей совокупности, сумму болѣе 500 р. (71/985)".

„Вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ случаямъ, когда независимо и особо отъ наказанія по 29 ст. уст. о наказ. представляется необходимымъ, въ цѣляхъ благоустройства и безопасности, возстановить нарушенный обвиняемымъ порядокъ, установленный закономъ, изъ нарушенія коего вытекаетъ и самое обвиненіе,—Правительствующій Сенатъ находилъ принятіе мѣръ къ такому возстановленію не подходящимъ по 1 п. 34 ст. уст. угол. суд. и не исключающимъ подсудности дѣла мировымъ судебнымъ установленіямъ. Правительствующій Сенатъ призналъ не наказаніемъ, а лишь возстановленіемъ нарушеннаго закона наложеніе мировымъ судьей на домовладѣльца обязанности сломать самовольно возведенную и угрожающую опасностью постройку,—высылку виновнаго изъ мѣста, гдѣ ему по закону не дозволено проживать, и воспрещеніе проституткѣ жить, вопреки законному распоряженію полиціи, въ извѣстной части города, разъяснивъ притомъ, что если виновный приговаривается по 26 ст. уст. о наказ. къ исполненію упущеннаго, то это исполненіе является не наказаніемъ, а лишь возстановленіемъ нарушеннаго порядка,—не пораженіемъ личныхъ правъ, а лишь осуществленіемъ лежащей на неисполнившемъ обязанности (73/494; 86/2; 92/42). Поэтому, постановляя на основаніи 26 ст. уст. о наказ. обязать подсудимыхъ закрыть свои лѣсные склады, незакрытые ими добровольно въ указанный въ обязательномъ постановленіи срокъ, мировой съѣздъ дѣйствуетъ въ предѣлахъ своей подсудности, ибо рѣшеніе его о возстановленіи нарушаемыхъ подсудимыми законныхъ распоряженій для огражденія порядка и безопасности не исключаетъ открытія подсудимыми складовъ съ точнымъ соблюденіемъ требованій обязательнаго постановленія и, слѣдовательно, не нарушаетъ ихъ личныхъ правъ на производство торговли лѣсными матеріалами".

---

2. По вопросу о томъ, можетъ ли окружный судъ, дѣйствующій въ качествѣ апелляціонной инстанціи, разсмотрѣть дѣло, подсудное съ самаго момента своего возникновенія волостному суду и ошибочно принятое къ производству уѣзднымъ членомъ окружнаго суда?

Крестьянка Куклева была приговорена уѣзднымъ членомъ окружнаго суда къ восьми мѣсяцамъ тюремнаго заключенія за кражу 15 р. 55 к. съ *похищеннымъ* ключемъ изъ сундука крестьянина Никонова (2 п. 170[1] ст. Уст. о Наказ.), а крестьянинъ Куклевъ былъ присужденъ за укрывательство похищеннаго къ семи мѣсяцамъ тюремнаго заключенія.

При разсмотрѣніи дѣла въ окружномъ судѣ по апелляціоннымъ жалобамъ Куклевыхъ, товарищъ прокурора находилъ настоящее дѣло неподсуднымъ уѣздному члену суда, такъ какъ кража, въ которой обвиняются Куклевы, не подходитъ подъ условія ст. 170[1] уст. о наказ., а составляетъ простую кражу, предусмотрѣнную ст. 169 того-же устава, почему полагалъ передать дѣло на разсмотрѣніе волостного суда въ виду принадлежности Куклевыхъ къ крестьянскому сословію. Окружный судъ призналъ совершенную Куклевыми кражу простою, предусмотрѣнною 169 ст. уст. о наказ., а не 2 п. 170[1] ст. уст. о наказ., ибо по дѣлу ничѣмъ не установлено, что кража денегъ изъ запертаго сундука была совершена посредствомъ отмычекъ, или принесенныхъ, или подобранныхъ или поддѣльныхъ ключей, напротивъ, сами потерпѣвшіе предполагаютъ, что сундукъ былъ отпертъ принадлежащимъ имъ ключемъ, похищеніе-же вещей изъ запертаго помѣщенія, отомкнутаго посредствомъ украденнаго ключа, не составляетъ кражи тяжкой (рѣш. угол. кассац. д—та 1882 г. № 46),—слѣдовательно, примѣненіе уѣзднымъ членомъ суда къ данному случаю ст. 170[1] уст. о наказ. является неправильнымъ. Съ заключеніемъ же товарища прокурора о передачѣ дѣла по подсудности окружный судъ не согласился на томъ основаніи, что, въ силу 203 ст. уст. угол. суд. и разъясненій Правительствующаго Сената, если дѣло по первоначальной жалобѣ представлялось подсуднымъ мировымъ установленіямъ, то оно не можетъ быть передано сими установленіями въ волостной судъ, хотя бы при разбирательствѣ не подтвердились обстоятельства, исключающія подсудность волостному суду (рѣш. 1868 г. № 605; 1870 г. № 987 и 1871 г. № 776). На приговоръ окружнаго суда товарищъ прокурора принесъ кассаціонный протестъ въ смыслѣ заключенія, даннаго имъ въ засѣданіи

окружнаго суда. Ходатайствуя объ отмѣнѣ этого приговора, товарищъ прокурора объясняетъ въ протестѣ, что отклоненіе судомъ заявленнаго имъ отвода онъ находитъ неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ. 1) Судъ расматривалъ настоящее дѣло въ качествѣ апелляціонной инстанціи на правахъ мироваго съѣзда, а потому ссылка его на 203 ст. уст. угол. суд., относящуюся къ тому случаю, когда окружный судъ разрѣшаетъ дѣла въ качествѣ первой инстанціи, не можетъ имѣть мѣста. 2) Также не представляется достаточно уважительной и обоснованной ссылка суда на рѣшенія Сената, состоявшіяся въ 1868—1871 гг.; въ мѣстностяхъ, гдѣ введенъ законъ 12 іюля 1889 г., волостной судъ, въ рѣзкое отличіе отъ упраздненнаго волостного суда, приравнивавшагося къ сельской расправѣ, возведенъ на степень судебнаго мѣста; поэтому указанныя рѣшенія Сената могутъ быть признаны относящимися лишь до дѣлъ, разсматриваемыхъ въ мѣстностяхъ, гдѣ не введенъ законъ 2 іюня 1889 г. 3) Ошибочное принятіе уѣзднымъ членомъ окружнаго суда къ своему разсмотрѣнію дѣла, явно съ самаго момента своего возникновенія не подсуднаго, не можетъ, конечно, служить неустранимой причиной къ тому, чтобы апелляціонная инстанція не способна была исправить допущенную ошибку, и чтобы тѣмъ самымъ, благодаря этому случайному обстоятельству, была отягчена участь виновнаго лица.

Правительствующій Сенатъ (*23 марта*) нашелъ, что первое изъ приведенныхъ въ протестѣ основаній къ отмѣнѣ приговора не имѣетъ значенія. Въ рѣш. 1867 г. № 22, 1868 г. № 605, 1869 г. № 746 и др. Сенатомъ разъяснено, что лежащее въ основаніи 203 ст. уст. угол. суд. общее начало о неизмѣняемости подсудности дѣла въ случаѣ раскрытія, при разбирательствѣ онаго, обстоятельствъ, указывающихъ на подсудность проступка низшему суду, относится ко всѣмъ вообще случаямъ поступленія дѣла въ установленномъ порядкѣ въ высшій судъ, вмѣсто низшаго, коему оно было подвѣдомственно, если бы истинныя обстоятельства его были въ точности извѣстны при самомъ онаго возникновеніи. Столь-же неуважительнымъ, по мнѣнію Правительствующаго Сената, представляется и второй изъ приведенныхъ доводовъ протеста. Въ рѣш. 1897 г. № 1 Правительствующимъ Сенатомъ признано уже, что законъ 1889 г., преобразуя волостные суды, измѣнилъ лишь порядокъ производства въ нихъ дѣлъ, расширилъ кругъ подлежащихъ ихъ вѣдѣнію проступковъ, но сохранилъ, однако, за этими судами характеръ неформальной домашней расправы. Волостной

судъ и въ нынѣшнемъ его образованіи представляется, сравнительно съ судомъ уѣзднаго члена окружнаго суда, судомъ низшимъ, т. е. такимъ судомъ, къ которому вполнѣ примѣнимы начала, установленныя практикою Правительствующаго Сената въ приведенныхъ выше рѣшеніяхъ. Третій доводъ протеста признанъ Правительствующимъ Сенатомъ вполнѣ основательнымъ.

Правилами о подсудности по роду дѣлъ опредѣляются кругъ и степень власти каждаго изъ судебныхъ учрежденій въ отдѣльности; а потому не только сознательно самовольное, но и ошибочное принятіе судьею къ разсмотрѣнію такого дѣла, которое, по роду своему, ему не подсудно, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано дѣйствіемъ терпимымъ и подлежащимъ оставленію въ силѣ со стороны высшаго, въ порядкѣ подчиненности, судебнаго мѣста, коль скоро въ это послѣднее поступило дѣло въ установленномъ порядкѣ, хотя бы и безъ жалобы которой либо изъ сторонъ спеціально по вопросу о подсудности (ст. 250 учр. суд. уст.), при чемъ правило это должно имѣть примѣненіе не только къ тому случаю, когда низшій судъ принялъ къ производству дѣло, подлежащее высшему суду, но и къ тому, когда высшій судъ принялъ дѣло, которое и по обстоятельствамъ, бывшимъ въ виду при возбужденіи его, и по обстоятельствамъ, признаннымъ въ приговорѣ, подсудно суду низшему (рѣш. 1871 г. № 1082; 1876 г. № 320 и др.).

Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе, что вслѣдствіе неправильнаго принятія уѣзднымъ членомъ суда дѣла Куклевыхъ къ своему разсмотрѣнію и неустраненія этой неправильности окружнымъ судомъ, названные подсудимые приговорены къ наказанію и въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи болѣе тяжкому, чѣмъ то, какое слѣдовало имъ за ихъ проступки по 38 ст. времен. прав. о волост. судѣ, если бы они судились, какъ слѣдовало, въ семъ послѣднемъ, Правительствующій Сенатъ отмѣнилъ приговоръ окружнаго суда, за нарушеніемъ 34 ст. уст. уг. суд., и предписалъ суду дать дѣлу законное направленіе.

---

3. По вопросу о примѣненіи 695 и 611 ст. уст. угол. суд., а также по вопросу, какое имѣетъ значеніе представленіе помощника секретаря, скрѣпившаго протоколъ судебнаго засѣданія, о неточной редакціи этого протокола.

Приговоромъ Нижегородскаго окружнаго суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей были признаны виновными Шариповъ и

Наумовъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1 ч. 196 ст. улож. о наказ., а Веберъ и Новиковъ,—предусмотрѣнномъ 3 ч. 196 ст. улож. Въ принесенной на этотъ приговоръ кассаціонной жалобѣ защитникъ подсудимыхъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора, между прочимъ, по нарушенію 694, 695 и 720—725 ст. уст. угол. суд.—тѣмъ, что экспертъ предлагалъ свидѣтелямъ вопросы безъ особаго на то разрѣшенія предсѣдателя и вопросы часто совершенно посторонніе для цѣлей экспертизы, и по нарушенію 695 и 611 ст. уст. уг. суд.—тѣмъ, что экспертъ далъ не „заключеніе" суду, какъ того требуетъ 695 ст., а произнесъ обвинительную рѣчь, обративъ ее къ присяжнымъ засѣдателямъ, стоя на возвышеніи около судейскаго стола и закончивъ ее словами: „эти люди (указывая на подсудимыхъ), подрывая религію, подрываютъ, присяжные засѣдатели, и государство;—вы призваны оградить православную церковь; правительство увѣрено, что вы станете на стражѣ закона, на стражѣ православія; памятуйте, что вашего приговора съ нетерпѣніемъ ждетъ вся Россія". По настоящему дѣлу также возникъ вопросъ о значеніи представленія помощника секретаря, скрѣпившаго протоколъ судебнаго засѣданія, о неточной редакціи этого протокола. Защитникъ подсудимыхъ въ кассаціонной жалобѣ указывалъ, что, въ нарушеніе 831 ст. уст. угол. суд., изъ протокола нельзя видѣть всего хода процесса, такъ какъ, не смотря на его просьбы, многое вносилось въ протоколъ не такъ, какъ было на самомъ дѣлѣ, а многое и совсѣмъ не вносилось въ протоколъ.

Правительствующій Сенатъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло *(9 февраля)*, отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда, за нарушеніемъ 611 и 695 ст. уст. угол. суд., по слѣдующимъ соображеніемъ.

„Изъ разсмотрѣнія подлиннаго производства оказывается, что въ протоколъ судебнаго засѣданія по дѣлу занесена просьба защитника о записаніи, что экспертъ предлагалъ вопросы свидѣтелямъ непосредственно, причемъ судъ удостовѣрилъ, что о предложеніи необходимыхъ для экспертизы вопросовъ экспертъ обращался черезъ предсѣдательствующаго; въ заключеніи суда по замѣчаніямъ защитника на протоколъ, въ коихъ онъ возражалъ противъ согласія съ дѣйствительностью приведеннаго удостовѣренія суда, значится, что когда экспертъ предложилъ вопросъ свидѣтелю непосредственно, то предсѣдательствующій изъяснилъ ему, что если послѣ дачи свидѣтелемъ показанія

потребуется для экспертизы что-либо разъяснить, то онъ можетъ предложить вопросъ чрезъ предсѣдательствующаго, послѣ чего порядокъ этотъ и соблюдался, причемъ экспертъ испрашивалъ разрѣшеніе предсѣдательствующаго. Такимъ образомъ, въ противорѣчіе съ категорическимъ утвержденіемъ суда, записаннымъ въ протоколъ, судомъ признано, что непосредственное обращеніе эксперта къ свидѣтелю имѣло мѣсто. Въ виду сего надлежитъ признать, что заявленіе защитника относительно допроса свидѣтелей экспертомъ непосредственно, занесенное въ протоколъ засѣданія, соотвѣтствуетъ происходившему на судѣ. Такой выводъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ представленіи помощника секретаря отъ 8 октября 1898 г., приложенномъ къ дѣлу послѣ двукратныхъ ходатайствъ защитника отъ 9 октября и 9 ноября съ указаніемъ на то, что таковаго, несмотря на записаніе его въ книгу дежурства членовъ суда за № 2379, при производствѣ суда не имѣется. Въ представленіи этомъ, возвращенномъ помощникомъ секретаря въ судъ по постановленію послѣдняго, 13 ноября 1898 г. состоявшемуся, вслѣдствіе настояній защитника подсудимыхъ, помощникъ секретаря, скрѣпившій протоколъ судебнаго засѣданія, руководствуясь 840 ст. уст. угол. суд. и рѣш. угол. касс. деп. 1867 г. № 522 и заявляя, что составленный имъ протоколъ возвращенъ былъ ему для подписанія товарищемъ предсѣдателя въ новой редакціи, объясняетъ, что въ редакцію эту вкрались различныя неточности, имѣющія существенное значеніе, и указываетъ, что одною изъ такихъ неточностей является удостовѣреніе о предложеніи экспертомъ вопросовъ свидѣтелямъ чрезъ предсѣдательствующаго, тогда какъ въ дѣйствительности экспертъ предлагалъ вопросы свидѣтелю непосредственно, что и вызвало заявленіе защитника. Обсуждая значеніе представленія помощника секретаря для установленія происходившаго на судѣ и принявъ во вниманіе, что рѣш. 1867 г. № 522 опредѣлено, въ виду 595 и 598 ст. уст. угол. суд., значеніе и важность веденія секретаремъ протокола судебнаго засѣданія, удостовѣряющимъ своею скрѣпою надлежащую его достовѣрность, и указано, что въ случаяхъ затрудненія секретаря въ скрѣпѣ протокола, исправленнаго судьями безъ оговорокъ, судъ обязанъ предоставить ему изложить свое по этому предмету представленіе,— Правительствующій Сенатъ находитъ, что по общему смыслу постановленій о протоколахъ судебныхъ засѣданій (ст. 835—845 уст. угол. суд.) такое представленіе можетъ быть устранено изъ дѣла исключительно лишь въ случаѣ согласія съ нимъ суда и соотвѣт-

ствующаго сему окончательнаго измѣненія протокола,—въ противномъ-же случаѣ представленіе безусловно подлежитъ пріобщенію къ протоколу, и судъ въ особомъ постановленіи долженъ составить по немъ заключеніе. Это необходимо какъ для устраненія выраженной въ рѣш. 1867 г. № 522 возможности предположенія, чтобы судьи, сдѣлавшіе упущеніе и допустившіе безпорядки, могли безслѣдно измѣнять протоколъ, составленный секретаремъ,—такъ и потому, что если, по силѣ 843 и 840 ст. уст. угол. суд., замѣчанія сторонъ на протоколъ засѣданія влекутъ за собою заключеніе по нимъ суда, то тѣмъ болѣе такое заключеніе суда представляется необходимымъ при замѣчаніяхъ на протоколъ, представленныхъ лицомъ, входящимъ въ составъ присутствія и по званію своему и роли въ процессѣ удостовѣряющимъ точность и вѣрность изложенія въ веденномъ имъ протоколѣ всего происходящаго на судѣ (рѣш. 1870 г. № 1506; 1883 г. № 27 и др.). Только наличность такого заключенія не лишаетъ Правительствующій Сенатъ, при разсмотрѣніи дѣла въ кассац. порядкѣ, возможности признать неопровержимо установленными обстоятельства, правильность занесенія коихъ въ протоколъ оспаривается секретаремъ. Примѣняя эти соображенія къ производству настоящаго дѣла, надлежитъ замѣтить, что получивъ 8 октября представленіе помощника секретаря, записанное въ книгу за № 2379 съ отмѣткою на немъ: „во 2 уголовное отдѣленіе 9 октября", окружный судъ не имѣлъ законнаго основанія допускать возвращеніе сего представленія назадъ и, слѣдовательно, изъятіе его изъ дѣла, а обязанъ былъ обсудить таковое, къ чему представлялась полная возможность, такъ какъ по настоящему арестантскому дѣлу, рѣшенному 24 сентября и представленному въ Сенатъ лишь 16 ноября, заключеніе суда по замѣчаніямъ защитника, поданнымъ 13 октября, дано лишь 19 и 29 октября, тогда какъ уже 9 октября въ судѣ находилось заявленіе защитника о пріобщеніи къ дѣлу представленія помощника секретаря, уваженное судомъ лишь 13 ноября. Признавая вслѣдствіе сего, что неподвергнутое надлежащему обсужденію суда представленіе помощника секретаря и съ своей стороны подтверждаетъ указываемый въ кассац. жалобѣ способъ допроса экспертомъ свидѣтелей, Правительствующій Сенатъ находитъ, что нельзя признать такой способъ правильнымъ. Правительствующимъ Сенатомъ въ рѣш. 1868 г. № 944; 1871 г. № 1399 и 1876 г. № 160 разъяснено, что допросъ свидѣтелей свѣдущими людьми, непредусмотрѣнный ни въ 694—695 ст. уст. угол. суд., ни въ 720—725 ст.

того-же устава, но вызываемый иногда необходимостью, которую встрѣчаютъ свѣдущіе люди въ выясненіи того или другаго обстоятельства для представленія правильнаго заключенія долженъ, по заявленію ихъ о томъ, производиться, въ видѣ общаго правила, чрезъ предсѣдателя суда, который можетъ отступить отъ сего правила лишь въ томъ случаѣ, когда обстоятельство, подлежащее выясненію, имѣетъ спеціальный характеръ, при чемъ формулированіе вопросовъ самимъ экспертомъ представляется болѣе удобнымъ, между тѣмъ по настоящему дѣлу производствомъ суда не удостовѣрено, чтобы экспертъ заявлялъ суду о необходимости выяснить какое-либо обстоятельство допросомъ свидѣтелей и чтобы предсѣдатель предоставилъ ему самому формулировать свои, имѣющіе спеціальный характеръ, вопросы. По отношенію ко второму изъ приведенныхъ указаній кассаціонной жалобы, въ протоколѣ засѣданія значится просьба защитника о занесеніи въ него заявленія защиты о томъ, что экспертъ далъ не заключеніе, а произнесъ обвинительную рѣчь, а въ замѣчаніяхъ защиты на протоколъ отмѣчено, что судомъ, не смотря на ходатайство защиты, не занесено въ протоколъ, что экспертъ, давая свое заключеніе, длившееся 4 часа, обратилъ свою рѣчь не къ суду, а къ присяжнымъ засѣдателямъ въ формѣ обвинительной рѣчи, закончивъ ее словами, приведенными въ кассаціонной жалобѣ. Въ заключеніи своемъ по замѣчаніямъ на протоколъ судъ удостовѣряетъ, что защитникъ вовсе не просилъ судъ о внесеніи въ протоколъ какихъ либо словъ или выраженій изъ заключенія экспертизы, но въ представленіи помощника секретаря, значеніе коего по настоящему дѣлу, въ виду рѣш. 1867 г. № 522, объяснено выше, подтверждается какъ то, что заключеніе эксперта было дано въ формѣ обвинительной рѣчи, направленной противъ подсудимыхъ, такъ и то, что экспертъ, заканчивая свою рѣчь и обращаясь къ присяжнымъ засѣдателямъ, сказалъ: „эти люди, подрывая православную религію, вмѣстѣ съ тѣмъ подрываютъ государственное устройство,—вашего справедливаго приговора ждетъ вся Россія“. Оставленная безъ обсужденія судомъ эта часть представленія въ связи съ тѣмъ, что занесено судомъ, по просьбѣ защитника, въ протоколъ, даетъ достаточное основаніе для признанія, что эксперту, въ прямое нарушеніе предлежавшей ему по закону задачи разъяснить возникшіе въ дѣлѣ вопросы научнаго свойства и вопреки лежащимъ на предсѣдателѣ по 611 ст. уст. угол. суд. обязанностямъ, было дозволено выйти изъ роли свѣдущаго лица и заявить свою дѣятельность на судѣ въ области,

ему не принадлежащей. Правительствующимъ Сенатомъ было неоднократно разъяснено, что обязанность экспертовъ заключается въ объясненіи, на основаніи данныхъ науки, явленій и фактовъ, подлежащихъ разрѣшенію суда, при чемъ объясненіе это должно ограничиваться исключительно предѣлами научнаго разсмотрѣнія даннаго случая, почему эксперты не могутъ быть спрашиваемы по такимъ предметамъ, кои подлежатъ непосредственному вѣдѣнію суда, или высказывать мнѣніе о доказанности совершенія подсудимымъ преступнаго дѣянія (рѣш. 1872 г. № 528; 1876 г. № 237; 1877 г. № 78; 1896 г. № 20 и др.). Наблюденіе за тѣмъ, чтобы объясненія свѣдущаго лица и самый допросъ его не выходили за предѣлы лежащей на немъ задачи, всецѣло лежитъ на предсѣдателѣ, которому, въ силу 611 ст. уст. угол. суд., принадлежитъ право и власть опредѣлять предѣлы всякихъ объясненій, представляемыхъ на судѣ (рѣш. 1884 г. № 14; 1887 г. № 11 и др.). Поэтому допущеніе свѣдущаго лица къ произнесенію заключенія, по формѣ и содержанію своему несоотвѣтствующаго лежащимъ на немъ обязанностямъ, составляетъ несомнѣнное нарушеніе 611 ст. уст. угол. суд. Сопоставляя два указанныхъ нарушенія 695 и 611 ст. уст. угол. суд., указывающія, въ ихъ взаимной связи и послѣдовательности, на то, что по настоящему дѣлу въ Нижегородскомъ окружномъ судѣ эксперту были предоставлены несоотвѣтствующія его положенію права, пользованіе коими имѣло своимъ послѣдствіемъ извращеніе тѣхъ обязанностей, для выполненія коихъ вызываются въ судъ свѣдущіе люди, Правительствующій Сенатъ не можетъ не признать сихъ нарушеній существенными и состоявшійся при ихъ наличности приговоръ не имѣющимъ силы судебнаго рѣшенія".

---

4. По вопросу объ отвѣтственности подстрекателей къ ложному оговору подсудимымъ другихъ лицъ.

Указанный вопросъ, имѣющій большое значеніе для возобновленія уголовныхъ дѣлъ, разрѣшенъ Правительствующимъ Сенатомъ *(19 января)* по дѣлу Менга. По приговору окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, Менгъ и Сайчикъ были признаны виновными въ томъ, что подстрекнули крестьянина Масюка къ совершенію поджога хлѣбнаго сарая, отъ каковаго поджога сарай этотъ сгорѣлъ, а потому, на основаніи 1609 ст. улож., были осуждены къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и отдачѣ въ

исправительныя арестантскія отдѣленія на четыре года. Вскорѣ послѣ вступленія этого приговора въ законную силу жена Менга и мать Сайчика обратились къ прокурору окружнаго суда съ прошеніями, въ которыхъ ходатайствовали о возбужденіи противъ потерпѣвшей отъ поджога обвиненія въ томъ, что она подкупила Масюка къ ложному обвиненію Менга и Сайчика въ подстрекательствѣ его къ поджогу ея строеній. Допрошенные судебнымъ слѣдователемъ въ качествѣ потерпѣвшихъ осужденные Менгъ и Сайчикъ, присоединяясь къ заявленіямъ своихъ жены и матери, съ своей стороны предъявили обвиненіе въ лжесвидѣтельствѣ и въ подкупѣ Масюка къ лжесвидѣтельству также и матери потерпѣвшей, а Сайчикъ кромѣ того предъявилъ обвиненіе въ лжесвидѣтельствѣ и къ Масюку. Произведенное по этому обвиненію предварительное слѣдствіе было направлено слѣдователемъ къ прекращенію по отсутствію состава преступленія, въ частности въ отношеніи обвиненія Масюка въ лжесвидѣтельствѣ, а потерпѣвшей и ея матери въ подстрекательствѣ его, путемъ подкупа, къ означенному лжесвидѣтельству, потому, что въ виду ненаказуемости ложныхъ на судѣ заявленій со стороны обвиняемаго (рѣш. угол. кассац. д—та Правительствующаго Сената 1867 г. № 438 и 1872 г. № 1059) ненаказуемо и подстрекательство къ нимъ. По прекращеніи предварительнаго слѣдствія окружнымъ судомъ, Менгъ обратился съ прошеніемъ въ Правительствующій Сенатъ о возобновленіи его дѣла, доказывая, что ненаказуемость самаго обвиняемаго за ложныя на судѣ объясненія не можетъ быть распространяема на другихъ лицъ и въ томъ числѣ на потерпѣвшихъ, которые за всякое побужденіе обвиняемаго къ ложному обвиненію другихъ лицъ отвѣтственны, какъ за ложный доносъ или за подстрекательство къ таковому. Правительствующій Сенатъ прежде разсмотрѣнія этого прошенія обратился къ разрѣшенію возникающаго изъ этого дѣла вопроса объ отвѣтственности подстрекателей къ ложному оговору подсудимымъ другихъ лицъ.

Останавливаясь на этомъ вопросѣ, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что „такія объясненія подсудимыхъ, какъ ложный оговоръ ими лицъ, вмѣстѣ съ ними преданныхъ суду, или преданіе коихъ суду не состоялось, ни по своему значенію, ни по силѣ п. 10 ст. 129 улож., не могутъ быть поводомъ къ уголовному преслѣдованію за нихъ самихъ подсудимыхъ, ибо оговоръ другихъ лицъ, представляясь ничѣмъ инымъ, какъ избраннымъ подсудимымъ способомъ оправданія себя или облегченія своей вины, не можетъ

подвергать его особому за это наказанію, подобно тому, какъ, по выраженному въ ст. 685 уст. угол. суд. началу, и молчаніе подсудимаго не должно быть признаваемо за сознаніе имъ своей вины, но такая ненаказуемость его, вытекающая единственно изъ тѣхъ исключительныхъ условій, въ которыхъ онъ находится, не можетъ имѣть никакого значенія при опредѣленіи общихъ свойствъ такого дѣянія и его преступности съ точки зрѣнія дѣйствующаго уголовнаго закона. По своимъ существеннымъ признакамъ ложный оговоръ подсудимымъ другихъ лицъ, заключая въ себѣ предъявленное судебной власти завѣдомо ложное обвиненіе о такихъ дѣйствіяхъ невиннаго лица, которыя вымышлены съ цѣлью навлечь на него за это отвѣтственность, вполнѣ соотвѣтствуетъ дѣянію, предусмотрѣнному ст. 940 улож. о наказ.". „Поэтому преступны и наказуемы дѣйствія лицъ, подговаривавшихъ подсудимаго взвести ложное обвиненіе на лицъ невиновныхъ; дѣяніе такихъ подговорщиковъ должно быть опредѣляемо по тѣмъ существеннымъ признакамъ, какіе въ немъ заключаются и безотносительно къ тому, какія послѣдствія влечетъ за собою ложный оговоръ для лица, его сдѣлавшаго. Отвѣтственность подговорщиковъ и подстрекателей опредѣляется свойствомъ того дѣянія, которое по ихъ подговору учинено физическимъ виновникомъ, а потому, въ виду полнаго соотвѣтствія ложнаго оговора подсудимымъ невиновныхъ лицъ дѣянію, предусмотрѣнному ст. 940 улож. о наказ., подстрекатели къ нему подлежатъ отвѣтственности по правиламъ, указаннымъ въ ст. 13 и 120 улож. о наказ.". Обращаясь отъ этихъ общихъ соображеній къ настоящему дѣлу, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что „разрѣшеніе ходатайства Менга о возобновленіи о немъ дѣла можетъ послѣдовать не прежде, какъ послѣ правильнаго и на законномъ основаніи разрѣшенія возбужденнаго жалобами жены Менга и матери Сайгина дѣла о подкупѣ потерпѣвшею Масюка къ ложному оговору имъ Менга и Сайгина, неправильно прекращеннаго окружнымъ судомъ, посему, руководствуясь ст. 249, 249[1] и 250 учр. суд. уст. и 936 ст. уст. угол. суд. и имѣя въ виду, что вопросы о дальнѣйшемъ направленіи дѣлъ, по коимъ уголовное преслѣдованіе прекращено неправильно, подлежатъ разрѣшенію судебной палаты въ порядкѣ, указанномъ ст. 529[1] уст. угол. суд., Правительствующій Сенатъ призналъ, что названное дѣло, вмѣстѣ съ прошеніемъ Менга, подлежитъ передачѣ въ судебную палату для дальнѣйшаго въ законномъ порядкѣ направленія".

---

5. По вопросу о томъ, подлежитъ-ли отвѣтственности въ общемъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства или въ порядкѣ, установленномъ для должностныхъ лицъ, присяжный повѣренный, исполняющій обязанности секретаря совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, за такое дѣяніе, которое, составляя для должностныхъ лицъ особое преступленіе по службѣ государственной или общественной, вмѣстѣ съ тѣмъ воспрещено подъ страхомъ наказанія и общими законами, каково присвоеніе ввѣреннаго чужаго имущества?

Правительствующій Сенатъ разрѣшилъ *(23 марта)* этотъ вопросъ въ пользу общаго порядка уголовнаго судопроизводства, а потому опредѣлилъ приговоръ особаго присутствія Харьковской судебной палаты и опредѣленіе о преданіи суду Акопенко [1]) отмѣнить, за нарушеніемъ 1066 ст. уст. угол. суд., предписавъ палатѣ дать дѣлу законное направленіе. Мы приведемъ въ существенныхъ частяхъ весьма интересные мотивы этого рѣшенія. Законъ (ст. 357, 359—365 учр. суд. уст.) не знаетъ особой должности секретаря совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, а изъ свѣдѣній, собранныхъ по настоящему дѣлу путемъ сношеній съ предсѣдателями совѣтовъ присяжныхъ повѣренныхъ, оказывается, что по этому предмету въ разныхъ совѣтахъ примѣняются не одинаковые порядки. Такъ, напр., при Московскомъ и Харьковскомъ совѣтахъ состоятъ особыя лица, приглашаемыя предсѣдателемъ и исполняющія обязанности секретаря, а при С.-Петербургскомъ совѣтѣ такого лица не имѣется, а вмѣсто того предсѣдателемъ приглашаются лица, исполняющія обязанности по письмоводству. Но одно лишь разнообразіе въ опредѣленіи правъ и обязанностей должности секретаря совѣта и отсутствіе письменныхъ правилъ, къ организаціи ея относящихся, само по себѣ не можетъ еще имѣть окончательнаго значенія при рѣшеніи вопроса объ оффиціальномъ или частномъ ея характерѣ. Правительствующій Сенатъ неоднократно признавалъ, что преданіе суду въ общемъ или въ особомъ должностномъ порядкѣ зависитъ не только и даже не столько отъ свойства виновныхъ по дѣлу лицъ, сколько главнымъ образомъ отъ свойства самаго дѣйствія, ими учиненнаго, свойства нарушенныхъ виновнымъ интересовъ, причемъ для признанія въ преступномъ дѣяніи наличности преступленія по службѣ государ-

---

[1]) Акопенко обвинялся въ присвоеніи денегъ, переданныхъ ему предсѣдателемъ совѣта для пересылки по назначенію, и въ подлогѣ для сокрытія сей растраты. Въ растратѣ онъ признанъ виновнымъ, а въ подлогѣ оправданъ.

ственной или общественной необходимо, чтобы дѣяніе составляло нарушеніе тѣхъ обязанностей, которыя возложены на виновнаго самою службою (рѣш. общ. собр. 1891 г. № 9; 1895 г. № 33), и чтобы обязанности эти носили публичный характеръ, состоя въ охраненіи силы законовъ и общественнаго порядка (рѣш. общ. собр. 1880 г. № 26). Напротивъ того, особый порядокъ должностнаго преслѣдованія отнюдь не можетъ имѣть примѣненія къ тѣмъ видамъ службы, назначеніе которыхъ состоитъ исключительно въ охраненіи и поддержкѣ интересовъ частныхъ или частно-общественныхъ, и которые вовсе не имѣютъ значенія государственнаго, хотя бы даже эти виды дѣятельности были поименованы въ законѣ, напр. уголовной отвѣтственности въ общемъ, а не въ особомъ должностномъ порядкѣ, подлежатъ лица, занимающія должности въ частныхъ обществахъ банкахъ (1877 г. № 95). Только въ тѣхъ случаяхъ, когда на такихъ лицъ возлагается, по исключенію, охраненіе интересовъ и отношеній значенія общегосударственнаго, обыкновенно лежащее на лицахъ должностныхъ и, слѣдовательно, когда они замѣняютъ собою послѣднихъ, дѣйствуя какъ органы власти государственной, они подпадаютъ особому порядку преслѣдованія и отвѣтственности, установленному для должностныхъ лицъ за преступныя дѣянія по службѣ государственной или общественной, напр. священнослужители и духовныя лица христіанскихъ или иновѣрныхъ исповѣданій, въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій по веденію метрическихъ записей (1893 г. № 9). Обращаясь отъ приведенныхъ общихъ соображеній къ настоящему дѣлу, надлежитъ прежде всего имѣть въ виду тотъ характеръ, который усвоенъ закономъ установленію присяжныхъ повѣренныхъ и образованнымъ въ составѣ его органамъ управленія—совѣту и общему собранію присяжныхъ повѣренныхъ. Признавая введеніе послѣднихъ необходимымъ вслѣдствіе замѣны прежняго, розыскнаго порядка судопроизводства новымъ, состязательнымъ, законодатель находилъ, что безъ образованія присяжной адвокатуры „рѣшительно невозможно будетъ веденіе состязанія въ гражданскомъ и судебныхъ преній въ уголовномъ судопроизводствѣ, съ цѣлью раскрытія истины и предоставленія полной защиты тяжущимся и обвиняемымъ передъ судомъ" (журн. соед. депар. 1862 г.). Такимъ образомъ, на присяжную адвокатуру, хотя и предназначенную служить къ охранѣ общегосударственнаго интереса правосудія, не было перенесено никакихъ признаковъ и правъ власти государственной, а было возложено представительство на судѣ

лицъ, къ ней обращающихся или ей порученныхъ. Заботы законодателя относительно условій поступленія въ званіе присяжныхъ повѣренныхъ, отвѣтственности ихъ и вообще организаціи этого института направлены къ тому, чтобы обезпечить, наиболѣе надежнымъ образомъ и въ наибольшей степени служеніе адвокатуры интересамъ тяжущихся или подсудимыхъ. Она не есть правительственная или общественная должность, а особое званіе и самостоятельное занятіе,—профессія. Она имѣетъ дисциплинарную власть надъ своими членами и право наложенія на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, но эта власть уподобляется не той, которая принадлежитъ начальству надъ должностными лицами, имъ подчиненными по службѣ правительственной или общественной, и которая составляетъ низшую ступень власти карательной, стоящую съ послѣдней въ тѣсной и неразрывной связи (ст. 65 улож. о нак., ст. 1066 уст. угол. суд.), а той, которая принадлежитъ надъ ихъ членами разнообразнымъ общественнымъ группамъ, напр. школѣ надъ учениками, семьѣ надъ ея членами, и которая осуществляется отдѣльно и независимо отъ карательной государственной власти, даже параллельно съ нею; потому и Правительствующимъ Сенатомъ (общ. собр. 1880 г. № 5 по д. Стацевича) признано, что дисциплинарныя взысканія, установленныя для присяжныхъ повѣренныхъ, не могутъ быть подводимы подъ тѣ виды дисциплинарныхъ наказаній, о коихъ упоминается въ ст. 262 учр. суд. уст., а также (общ. собр. 1882 г. № 31), что примѣненіе дисциплинарной отвѣтственности къ присяжному повѣренному не устраняетъ ни гражданской, ни уголовной отвѣтственности его передъ судомъ за то же дѣяніе. Присяжная адвокатура имѣетъ отдѣльное управленіе, но органы его, совѣтъ и общее собраніе, не имѣютъ никакихъ признаковъ государственной власти и отнюдь не могутъ быть почитаемы мѣстами присутственными, а члены ихъ—должностными лицами, облеченными правительственною властью; согласно тому, какъ признано Правительствующимъ Сенатомъ (рѣш. гражд. касс. деп. 1879 г. № 55 по д. Бахтина), опредѣленіямъ совѣта законъ не присвоиваетъ значенія судебныхъ рѣшеній, почему при спорѣ о вознагражденіи присяжнаго повѣреннаго, разсматриваемомъ въ судебномъ мѣстѣ, для послѣдняго означенныя опредѣленія могутъ имѣть лишь силу мнѣнія свѣдущихъ людей. Посему и порядокъ преслѣдованія и отвѣтственности, которому присяжные повѣренные подлежатъ по отношеніямъ между ними и кліентами, долженъ быть общій, а не особенный, установленный для должностныхъ

лицъ за преступныя дѣянія послѣднихъ по службѣ правительственной или общественной. Положеніе это уже примѣнялось Правительствующимъ Сенатомъ по отношенію къ отдѣльнымъ присяжнымъ повѣреннымъ, предававшимся суду въ общемъ порядкѣ (рѣш. 1872 г. № 672). Но такъ какъ, согласно вышеизложенному, совѣты присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ значеніе установленій не правительственныхъ или общественныхъ, а лишь карпоративныхъ, то не оказывается никакихъ основаній дѣлать изъ указаннаго положенія изъятіе, въ отношеніи порядка преданія суду и подсудности, также относительно тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые оказались виновными въ преступномъ нарушеніи интересовъ кліентовъ, дѣйствуя въ качествѣ секретарей или письмоводителей совѣта, или по иному порученію совѣта, хотя бы въ то же время они были членами послѣдняго. Совѣтъ, не имѣя самъ должностного характера, не можетъ и передать должностныхъ порученій. Учиненіе преступнаго дѣянія присяжнымъ повѣреннымъ въ качествѣ уполномоченнаго совѣта могло бы лишь, согласно п. 6 ст. 129 улож. о нак., служить къ увеличенію мѣры его отвѣтственности, а отнюдь не къ измѣненію порядка преданія суду и подсудности".

---

6. По вопросу о примѣненіи 1206 ст. уст. угол. суд.

Виленскимъ окружнымъ судомъ Эфронъ и Кабагникъ были признаны виновными—первый въ томъ, что черезъ посредство нанятаго имъ Кабагника провезъ въ г. Вильну товаръ заграничнаго происхожденія, не объявивъ его въ таможнѣ, а второй въ томъ, что провезъ означенный товаръ для Эфрона, зная, что таковой заграничнаго происхожденія и не объявленъ въ таможнѣ, т. е. въ преступленіяхъ, предусмотрѣнныхъ 1522 ст., 1 ч. 1546 и 1538 ст. уст. тамож. На приговоръ окружнаго суда подалъ апелляціонный отзывъ одинъ Эфронъ, который и былъ оправданъ судебною палатою. На приговоръ палаты повѣренный таможеннаго вѣдомства принесъ въ Правительствующій Сенатъ кассаціонную жалобу, въ которой находилъ приговоръ подлежащимъ отмѣнѣ въ виду оставленія судебною палатою въ силѣ части приговора окружнаго суда, опредѣляющей отвѣтственность Кабагника лишь за провозъ контрабанднаго товара, между тѣмъ въ виду освобожденія отъ отвѣтственности Эфрона, какъ хозяина товара, Кабагникъ, какъ провозившій означенный товаръ и недоказавшій хозяина его

внутри Имперіи, подлежитъ отвѣтственности уже не по 1 ч. 1546 ст. уст. тамож., а по 2 ч. 1522 и 1538 ст. того же устава. Правительствующій Сенатъ *(11 мая)* отмѣнилъ приговоръ палаты по нарушенію 1206 ст. уст. угол. суд., разъяснивъ, что статья эта налагаетъ на апелляціонный судъ по дѣламъ этого рода обязанность, въ случаѣ измѣненія имъ въ чемъ либо приговора суда первой степени, установить, не сокращается ли вслѣдствіе такого измѣненія право казны въ отношеніи объема слѣдуемаго ей вознагражденія, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ соотвѣтственно измѣнить приговоръ суда первой степени о другихъ подсудимыхъ, даже при отсутствіи о томъ какого бы то ни было ходатайства обвинителя или представителя казеннаго управленія въ ихъ отзывахъ или въ заявленіяхъ суду при самомъ разбирательствѣ дѣла (рѣш. 1871 г. № 598, 1875 г. № 379, 1897 г. № 45), а такъ какъ при этомъ апелляціонною инстанціею можетъ быть измѣнена и участь такихъ подсудимыхъ, о которыхъ или отъ имени которыхъ не послѣдовало апелляціоннаго отзыва или протеста, то и они должны быть признаваемы участвующими лицами до совершеннаго окончанія дѣла, съ извѣщеніемъ ихъ о принесеніи протеста или отзыва и о днѣ слушанія дѣла судомъ апелляціоннымъ, на точномъ основаніи ст. 879 уст. угол. суд.

---

7. По вопросу о примѣненіи 3, 5 и 99 ст. улож. о наказ. къ формальнымъ нарушеніямъ, и между прочимъ, къ дѣянію, предусмотрѣнному ст. 1171 ул. о нак.

Проживающая въ гор. Перми, при мужѣ—слесарномъ мастерѣ, мѣщанка изъ евреевъ Житомірскаго уѣзда, Волынской губ., Каминъ производила въ гор. Перми торговлю обоями, сигарами, папиросами и другими предметами не собственнаго ремесла, и за это дѣяніе по обвинительному акту товарища прокурора была предана суду Пермскаго окружнаго суда по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1171 ст. улож. о наказ. При разсмотрѣніи дѣла въ окружномъ судѣ оказалось, что Каминъ производила торговлю по свидѣтельству 2 гильдіи, патенту къ нему на продажу табачныхъ издѣлій и билету на торгово-промышленное заведеніе, выданнымъ изъ Пермской городской управы, и что выдача таковыхъ производилась на основаніи: 1) отношенія Пермской казенной палаты на имя Пермской городской управы о неимѣніи со стороны палаты препятствій къ выдачѣ торговыхъ документовъ Каминъ, по сооб-

раженіямъ, изложенимъ въ рапортѣ податнаго инспектора, который полагалъ, что, согласно указу Правительствующаго Сената (С. У. 1887 г. № 82), невозможность для евреевъ заниматься торговлею внѣ мѣстъ ихъ постоянной осѣдлости обусловлена не ограниченіемъ ихъ торговыхъ правъ, а лишь воспрещеніемъ имѣть постоянное жительство въ данной мѣстности, неотносящимся къ Каминъ, имѣющей право, какъ жена ремесленника, проживать въ Перми; 2) письма и. д. управляющаго Пермской казенной палатой на имя городскаго головы о томъ, что, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 10 іюня 1894 г., казенная палата не встрѣчаетъ препятствій къ выдачѣ торговыхъ документовъ Каминъ, и 3) удостовѣреній Пермскаго полиціймейстера о правѣ Каминъ, какъ жены ремесленника, на проживаніе въ Перми. Окружный судъ, разсмотрѣвъ настоящее дѣло и принявъ во вниманіе, что хотя, на основаніи 3 примѣч. къ 157 ст. уст. о насп., Каминъ можетъ проживать въ Перми, но, согласно 382 ст. уст. о промышл., она могла торговать только предметами своего ремесла, что опредѣленіе Сената, на которое сослалась казенная палата, касается евреевъ, получившихъ образованіе, а Высочайшее повелѣніе 10 іюня 1894 г. никакого отношенія къ дѣлу не имѣетъ,—нашелъ, что Каминъ не имѣла права производить въ Перми торговлю произведеніями чужихъ фабрикъ и, производя таковую, нарушила постановленіе 1171 ст. улож. о наказ., но не призналъ ее виновною и подлежащею отвѣтственности за это дѣяніе, такъ какъ по общимъ, изложеннымъ въ 3 и 5 ст. улож. о наказ., началамъ уголовнаго права, вмѣняются въ вину лишь дѣянія умышленныя или неосторожныя; если-же правонарушеніе совершенно безъ умысла или неосторожности или небрежности, то не можетъ быть рѣчи о виновности правонарушителя. Каминъ-же совершила приписываемое ей правонарушеніе не только безъ умысла или по неосторожности, или небрежности, а принявъ съ своей стороны всѣ мѣры къ тому, чтобы не нарушить законъ; нарушеніе-же таковаго послѣдовало вслѣдствіе заблужденія, въ которое ее ввели разъясненія компетентной власти, т. е. казенной палаты и исправляющаго должность управляющаго палатой, а также и выдача торговыхъ документовъ изъ городской управы.

Въ принесенномъ на этотъ приговоръ апелляціонномъ протестѣ прокуроръ окружнаго суда просилъ судебную палату признать Каминъ виновною и подвергнуть наказанію по 1171 ст. улож., доказывая, въ опроверженіе заключенія окружнаго суда, что, согласно

разъясненіямъ угол. кассац. д-та Правительствующаго Сената въ рѣш. 1871 г. №№ 591, 625, 1478, нарушеніе правилъ о производствѣ торговли подлежитъ взысканію независимо отъ того, было ли оно послѣдствіемъ умысла, неосторожности или небрежности въ исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на торговцевъ, или незнанія этихъ обязанностей, такъ какъ каждый торговецъ, принимаясь за торговлю, обязанъ знать и исполнять всѣ постановленія, относящіяся до этой торговли. Судебная палата не согласилась съ соображеніями, высказанными въ протестѣ прокурора, находя, что хотя Правительствующій Сенатъ въ рѣшеніяхъ, на которыя ссылается прокуроръ въ апелляціонномъ протестѣ, призналъ, что каждый торговецъ, принимаясь за торговлю, обязанъ знать и исполнять всѣ постановленія, относящіяся къ производимой имъ торговлѣ, и потому нарушеніе правилъ о производствѣ торговли подлежитъ взысканію независимо отъ того, было ли оно послѣдствіемъ какого либо умысла, неосторожности или небрежности возложенныхъ на торговцевъ подлежащими уставами обязанностей или незнанія этихъ обязанностей, но эти разъясненія послѣдовали по дѣламъ о нарушеніяхъ торговыхъ правилъ, сопряженныхъ съ нарушеніемъ казеннаго интереса, и не могутъ относиться къ разсматриваемому случаю потому, во 1), что дѣяніемъ Каминъ интересы казны въ отношеніи причитавшихся съ ея торговли пошлинъ или иныхъ сборовъ и вообще никакимъ инымъ образомъ не нарушены, и дѣяніе это заключается лишь въ нарушеніи содержащагося въ 382 ст. уст. о пром. воспрещенія евреямъ производить торговлю предметами не своего ремесла внѣ постоянной осѣдлости евреевъ; во 2), что приведенныя общія начала уголовнаго права, въ видѣ исключенія, не примѣняются лишь къ дѣламъ о нарушеніяхъ, сопряженныхъ съ нарушеніемъ казеннаго интереса, какъ это признано угол. кассац. д-томъ Правительствующаго Сената въ рѣш. 1872 г. № 486 и, въ 3) что упомянутыя рѣшенія касаются вмѣненія при наличности умысла, неосторожности, небрежности или незнанія закона и не относятся до случаевъ заблужденія, какъ результата неправильнаго толкованія закона со стороны компетентныхъ учрежденій. Въ виду изложеннаго и принявъ во вниманіе, что изъ угрожающихъ виновному по 1171 ст. улож. взысканій высылка изъ г. Перми не можетъ быть примѣнена къ подсудимой Каминъ, какъ женѣ проживающаго въ Перми ремесленника, а конфискація товаровъ, являясь особымъ видомъ наказанія, по 58 ст. улож. о наказ., не представляетъ собою убытка, причиненнаго казнѣ подсудимою; что приписываемое подсудимой

Каминъ правонарушеніе не должно быть вмѣнено ей въ вину, какъ учиненное вслѣдствіе заблужденія, въ которое она была введена неправильнымъ толкованіемъ и примѣненіемъ закона подлежащими, отъ которыхъ таковыя зависѣли, учрежденіями, съ принятіемъ со стороны самой подсудимой мѣръ къ тому, чтобы поступить согласно закону, и что засимъ и на основаніи 1 п. 771 ст. уст. угол. суд. оправдательный относительно подсудимой приговоръ Пермскаго окружнаго суда оказывается правильнымъ, судебная палата опредѣлила апелляціонный протестъ оставить безъ послѣдствій и приговоръ Пермскаго окружнаго суда въ силѣ. На приговоръ палаты былъ принесенъ протестъ товарищемъ прокурора, въ которомъ онъ ходатайствовалъ объ отмѣнѣ приговора по слѣдующимъ основаніямъ. Согласно 92 и 99 ст. улож. о наказ., причиною, уничтожающею вмѣняемость, можетъ служить только заблужденіе и ошибка въ фактахъ, а не въ законѣ. Такая ошибка согласно 62 ст. зак. осн. не можетъ служить оправданіемъ совершившему преступленіе и вовсе не подходитъ подъ дѣйствіе 92 и 99 ст. улож. (рѣш. угол. кассац. д-та 1871 г. № 1082 и 1552). Посему судебная палата, установивъ въ своемъ приговорѣ, что Каминъ, какъ жена еврея ремесленника, проживая внѣ черты еврейской осѣдлости, не могла производить торговли произведеніями не своего ремесла, а чужихъ фабрикъ, не имѣла достаточныхъ основаній освобождать ее отъ отвѣтственности, указанной въ 1171 ст. улож. о наказ., лишь въ виду того, что Каминъ была введена въ заблужденіе относительно своихъ правъ на торговлю неправильными разрѣшеніями подлежащихъ учрежденій, тѣмъ болѣе, что рѣшеніемъ угол. кассац. д-та 1887 г., № 14, по дѣлу Животинскаго, по вопросу о примѣненіи 1171 ст. улож. къ случаямъ неправильнаго разрѣшенія торговли евреямъ подлежащими властями, разъяснено, что такое обстоятельство можетъ служить основаніемъ лишь для смягченія отвѣтственности подсудимаго и что нарушеніе закона не можетъ быть покрываемо разрѣшеніемъ какой бы то ни было административной власти. Въ виду изложеннаго и принимая во вниманіе: 1) что преслѣдуемый 1171 ст. улож. о наказ. проступокъ заключаетъ въ себѣ нарушеніе денежныхъ интересовъ казны, которое и вознаграждается опредѣляемой въ этой статьѣ конфискаціей товаровъ (рѣш. угол. кассац. д-та 1889 г. № 32), и 2) что Каминъ, какъ видно изъ дѣла, производила незаконную торговлю и во время производства предварительнаго о ней слѣдствія, товарищъ прокурора ходатайствовалъ предъ Правительствующимъ Сенатомъ объ

отмѣнѣ, за нарушеніемъ 92 и 1171 ст. улож., состоявшагося по дѣлу Каминъ оправдательнаго приговора судебной палаты.

Правительствующій Сенатъ (6 апрѣля) оставилъ протестъ товарища прокурора безъ послѣдствій. Въ опредѣленіи Сената по сему дѣлу высказаны слѣдующія соображенія. „Евреи мастеровые, ремесленники и проч., проживая внѣ черты постоянной осѣдлости евреевъ и получивъ гильдейское свидѣтельство, могутъ по этому свидѣтельству производить торговлю исключительно лишь издѣліями своего мастерства. Что-же касается до живущихъ внѣ черты постоянной еврейской осѣдлости при такихъ евреяхъ ремесленникахъ членовъ ихъ семействъ, если сіи послѣдніе сами не состоятъ мастеровыми или ремесленниками, то никакихъ иныхъ правъ, кромѣ права проживать въ качествѣ членовъ семьи ремесленника вмѣстѣ съ нимъ внѣ черты еврейской осѣдлости, они, очевидно, имѣть не могутъ, а, слѣдовательно, и права заниматься самостоятельно какою бы то ни было торговлею. Такимъ образомъ обвиняемая Каминъ, проживая при мужѣ ремесленникѣ въ г. Перми и не имѣющая никакихъ правъ на полученіе торговыхъ документовъ, для производства какой бы то ни было торговли, за производство такой недозволенной торговли подлежитъ дѣйствію 1171 ст. улож. о наказ. Разсужденіе судебной палаты, что эта статья не можетъ имѣть къ ней примѣненія, какъ потому, что она, имѣя право проживать при мужѣ въ Перми, не можетъ быть выслана въ черту еврейской осѣдлости, такъ и потому, что конфискація товаровъ, коими она торговала, являясь особымъ видомъ наказанія по 58 ст. улож., не представляетъ собою вознагражденія убытка, причиненнаго ею казнѣ, представляется совершенно неосновательнымъ. Высылка въ черту еврейской осѣдлости опредѣляется 1171 ст. въ наказаніе именно тѣмъ евреямъ, которые, имѣя право проживать внѣ этой черты, будутъ уличены въ производствѣ недозволенной имъ закономъ торговли (рѣш. угол. кас. д—та 1889 г. № 7), и въ этомъ отношеніи ни для кого изъ нихъ никакого исключенія сдѣлано быть не можетъ. Что-же касается конфискаціи товаровъ, то таковая опредѣляется 1171 ст., какъ наказаніе и, согласно разъясненію въ рѣш. 1889 г. № 32, въ видахъ вознагражденія казны. Хотя такимъ образомъ къ дѣянію Каминъ ст. 1171 улож. должна быть признана вполнѣ примѣнимою, но въ виду того, что въ законѣ ничего не упоминается о правахъ женъ евреевъ ремесленниковъ, проживающихъ внѣ черты постоянной еврейской осѣдлости, и что Каминъ могла на этотъ

счетъ находиться въ сомнѣніи и, при установленіи окружнымъ судомъ, приговоръ коего оставленъ судебной палатой въ силѣ, что нарушеніе Каминъ 1171 ст. улож. совершено ею не только безъ намѣренія, но совершенно случайно, вслѣдствіе заблужденія, въ которое она была введена неправильною выдачею ей торговыхъ документовъ, нельзя не признать, что въ силу 99 ст. улож. о наказ. совершенное ею при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ преступное дѣяніе не можетъ, какъ это правильно признано судомъ, быть вмѣнено ей въ вину".

---

8. По вопросу о примѣненіи 863 ст. улож. о наказ.

Приговоромъ Харьковскаго окружнаго суда *Ашукинъ* былъ признанъ виновнымъ въ томъ, что на принадлежащемъ ему шерстомойномъ заведеніи въ гор. Харьковѣ, при рѣкѣ Лопани, во время промывки грязной шерсти въ 1892 г. и послѣдующихъ годахъ, остающіяся при этомъ мытьѣ шерсти нечистоты, завѣдомо для него Ашукина, спускаются въ названную рѣку, отчего вода въ ней дѣлается безусловно вредной для народнаго здравія, и вредоносность эта происходитъ отъ устройства приспособленій въ означенномъ заводѣ для промывки шерсти и удаленія изъ него нечистотъ, за что судъ, въ виду 863 и 4 п. 158 ст. улож., Всемилостивѣйшихъ Манифестовъ 1894 и 1896 г.г., 408 ст. уст. строит., освободивъ Ашукина, согласно 2 п. 771 ст., отъ слѣдующаго ему по закону личнаго наказанія, опредѣлилъ уничтожить принадлежащее Ашукину вышеуказанное шерстомойное заведеніе на его счетъ. Въ апелляціонной жалобѣ въ Харьковскую судебную палату защитникъ Ашукина доказывалъ непримѣнимость къ настоящему дѣлу 863 ст. улож., указывая, что мойка Ашукина была выстроена, когда мѣстность, на которой она стоитъ, не входила въ городскую черту, что въ числѣ прочихъ собственниковъ этихъ заведеній Ашукинъ самъ не устраивалъ своей мойки, а она перешла къ нему отъ его предшественниковъ, которые много десятковъ лѣтъ тому назадъ строили ее на рѣкѣ Лопани внѣ городской черты съ разрѣшенія надлежащей власти, что всѣ Харьковскія мойки, постепенно совершенствуясь и расширяясь, достигли теперь милліонной цѣнности, поддерживаютъ важную для края шерстяную промышленность, кормятъ тысячи рабочихъ и съ теченіемъ времени очутились въ городской чертѣ, такъ какъ съ одной стороны городъ, а съ другой

хуторъ села Филипповки подселились къ нимъ. Харьковская судебная палата приговоръ окружнаго суда утвердила. Правительствующій Сенатъ, разсматривая *(23 февраля)* кассаціонную жалобу Ашукина, нашелъ неправильнымъ примѣненіе къ настоящему дѣлу 863 ст. улож. о наказ. по слѣдующимъ соображеніямъ. „863 ст. улож. имѣетъ въ виду лишь устройство, безъ соблюденія предписанныхъ правилъ, новыхъ промышленныхъ заведеній, но не поддержаніе старыхъ (1876 г. № 183). Въ правильности такого толкованія 863 ст. убѣждаетъ и постановленіе, содержащееся во 2-й ч. 408 ст. уст. строит. (изд. 1857 г.). По смыслу этого постановленія, распоряженіе о переносѣ изъ города вредныхъ чистотѣ воздуха и воды существующихъ уже фабричныхъ или заводскихъ заведеній, или же временное оставленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ въ особо уважительныхъ, по мѣстнымъ условіямъ, случаяхъ, предоставляется губернскимъ начальствамъ и Министерству Внутреннихъ Дѣлъ (указъ 1-го д-та Прав. Сената 7 февраля и 28 ноября 1879 г. № 9152). Почему въ случаѣ состоявшагося распоряженія административной власти о переносѣ изъ города такихъ вредныхъ чистотѣ воздуха и воды существующихъ уже фабричныхъ и иныхъ заведеній, всякое уклоненіе со стороны собственника заведенія отъ исполненія такого предъявленнаго къ нему законнаго требованія можетъ быть разсматриваемо какъ проступокъ, предусмотрѣнный 29-ю ст. уст. о наказ. (1891 г. № 21 и др.). Но устраненіе возможности примѣненія къ дѣянію Ашукина 863 ст. улож. не освобождаетъ судебное мѣсто отъ обязанности войти въ обсужденіе вопроса объ отвѣтственности Ашукина за несогласное съ требованіями охраны общественнаго здравія содержаніе имъ издавна существующаго, но признаваемаго вреднымъ въ гигіеническомъ отношеніи шерстомойнаго заведенія и представляетъ суду законное основаніе, въ случаѣ установленія таковой вредности, для присужденія его къ наказанію по соотвѣтственнымъ его дѣяніямъ статьямъ устава о наказ. 52 или 111 съ послѣдствіями, въ 26 ст. уст. о наказ. указанными".

---

9. По вопросу о примѣненіи 1012 ст. улож. о наказ.

Въ подцензурномъ журналѣ "Міръ Божій" за 1897 г., печатавшемся въ типографіи *Скороходова* въ г. С.-Петербургѣ, былъ помѣщенъ романъ Потапенко „Живая жизнь". Съ этого романа

въ той же типографіи дѣлалась перепечатка для отдѣльнаго изданія по заказу издательницы журнала Давыдовой. Листы романа, по мѣрѣ отпечатанія, отсылались къ переплетчику, брошюрующему журналъ. Давыдова, продавъ вышеупомянутый романъ Клюкину, перевезла его отдѣльными листами въ Москву, гдѣ были напечатаны обложка и титулъ, послѣ чего книга эта была представлена въ Московскій цензурный комитетъ типографіей Гербека. Старшій инспекторъ типографій въ С.-Петербургѣ, усматривая въ дѣяніи Скороходова, выдавшаго Давыдовой все изданіе безъ предварительнаго представленія въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ, нарушеніе 143 и 167 ст. уст. о ценз., просилъ мироваго судью о привлеченіи Скороходова къ отвѣтственности по 1012 ст. улож. о наказ. Мировой судья и съѣздъ оправдали Скороходова. По мнѣнію съѣзда, примѣненіе ст. 1012 улож. къ дѣянію Скороходова не можетъ быть допущено, такъ какъ эта статья караетъ „выпускъ въ свѣтъ" сочиненій до установленнаго срока; выпускъ же въ свѣтъ относится лишь къ цѣльному изданію, а не отдѣльнымъ его листамъ, которые закономъ не возбранено печатать въ различныхъ типографіяхъ и затѣмъ брошюровать въ одно изданіе, которое издатель до „выпуска въ свѣтъ" обязанъ представить въ въ цензурный комитетъ.

Правительствующій Сенатъ, разсматривая (*23 февраля*) настоящее дѣло по кассаціонной жалобѣ старшаго инспектора типографій въ С.-Петербургѣ, разъяснилъ, что „подъ выпускомъ въ свѣтъ, какъ усматривается изъ соображеній ст. 52, 54, 70 и 71 уст. ценз. и 1012, 1020 и 1024 улож., законъ разумѣетъ не одинъ выпускъ сочиненія въ продажу, но и допущеніе всякимъ инымъ образомъ поступленія его въ обращеніе и употребленіе, болѣе или менѣе общее" и что „передача содержателемъ типографіи всѣхъ уже отпечатанныхъ листовъ книги на руки издателю прежде окончанія всего сочиненія и соблюденія 167 ст. ценз. уст., безъ какого-либо на этотъ предметъ разрѣшенія цензурныхъ установленій или инспекціи, представляетъ собою нарушеніе закона, караемое по 1012 ст. улож.".

10. По вопросу о томъ, можетъ ли изданное на основаніи положенія о заведеніяхъ трактирнаго промысла обязательное постановленіе городской думы имѣть силу для содержателей трактирныхъ заведеній, открытыхъ до вступленія его въ дѣйствіе?

Ярымкинъ, привлеченный къ отвѣтственности по 29 ст. уст о наказ., былъ признанъ виновнымъ Московскимъ столичнымъ мировымъ съѣздомъ въ томъ, что производилъ торговлю въ трактирномъ заведеніи, не соотвѣтствующемъ обязательнымъ постановленіямъ Московской городской думы о заведеніяхъ трактирнаго промысла въ г. Москвѣ. Въ кассаціонной жалобѣ Ярымкинъ указывалъ, что эти постановленія изданы на основаніи 24 ст. Высочайше утвержденнаго 8 іюня 1893 г. положенія о заведеніяхъ трактирнаго промысла, вступившаго въ силу съ 1 января 1894 г., и, какъ всякій законъ, немогущаго имѣть обратной силы и примѣняться къ отношеніямъ, возникшимъ ранѣе этого закона, почему къ нему, Ярымкину, открывшему трактиръ еще въ 1889 г., не могутъ быть примѣнены указанныя обязательныя постановленія и служить основаніемъ привлеченія его къ отвѣтственности по 29 ст. уст. о наказ. Правительствующій Сенатъ, разсматривая (*19 января*) жалобу Ярымкина, разрѣшилъ указанный выше вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ по слѣдующимъ соображеніямъ. „Признаніе, что постановленныя Московскимъ городскимъ общественнымъ управленіемъ правила относительно устройства трактирныхъ заведеній, *находимыя имъ безусловно необходимыми*, подлежатъ исполненію, согласно мнѣнію жалобщика, лишь владѣльцами вновь открываемыхъ послѣ 1 января 1894 г. заведеній, шло бы въ разрѣзъ, въ виду малаго числа вновь открываемыхъ трактирныхъ заведеній сравнительно съ числомъ существовавшихъ до 1 января 1894 г., съ цѣлями закона, изображеннаго въ 24 ст. полож. о тракт. промыслѣ, имѣющаго въ виду упорядоченіе всего трактирнаго промысла, въ смыслѣ водворенія въ немъ порядка, благочинія и благоустройства. Опредѣляя способъ, коимъ должно быть достигнуто это упорядоченіе, 24 ст. полож. о тракт. промыслѣ указываетъ, что обязательныя постановленія думы должны стремиться къ осуществленію такихъ требованій, при которыхъ каждое трактирное заведеніе соотвѣтствовало бы своему назначенію. Посему, соображеніе о томъ, что прежде такихъ требованій не предъявлялось, отнюдь не можетъ служить препятствіемъ къ необходимымъ въ этомъ отношеніи улучшеніямъ, ибо иначе, опи-

раясь на превратное толкованіе жалобщикомъ понятія о недопустимости обратной силы закона, пришлось бы отказаться отъ примѣненія къ цѣлымъ отраслямъ промышленности и торговли вызываемыхъ жизнью правилъ, ограждающихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существенныя условія личной и общественной безопасности, здоровья и нравственности".

2. Вправѣ ли крестьяне-католики польскаго происхожденія пріобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ?

Въ одной изъ газетъ (Сынъ Отечества) появилось сообщеніе изъ юго-западнаго края о томъ, что сдѣлано правительственное распоряженіе, *разрѣшающее* крестьянамъ-католикамъ польскаго происхожденія покупать земельные участки размѣромъ не свыше шестидесяти десятинъ. Сообщеніе это затѣмъ было подтверждено и въ другихъ газетахъ: въ „Недѣлѣ", въ газетѣ „Право"; оно могло быть и дѣйствительно было понято въ смыслѣ мѣры льготной, хотя отчасти снимающей тѣ ограниченія по пріобрѣтенію земельной собственности, которыя тяготѣютъ надъ польскимъ элементомъ въ краѣ. Вполнѣ естественна была мысль, что, сдѣланъ шагъ къ уничтоженію тѣхъ особенныхъ условій, въ которыхъ находится этотъ край, къ изглаженію слѣдовъ, оставленныхъ на его почвѣ послѣднимъ взрывомъ національной борьбы. Тогда то, въ „смутное" время, и была выкована, какъ боевое оружіе, политика насажденія землевладѣнія русскаго и вытѣсненія землевладѣнія польскаго, политика, которая постепенно все болѣе и болѣе оттачивалась и которая теперь уже принесла свои плоды. Плоды эти разнообразны по качеству и далеко неравноцѣнны по значенію своему для культурнаго и хозяйственнаго развитія и преуспѣянія края; во всякомъ случаѣ, та спеціальная, аграрно-политическая задача, которая была поставлена въ 1865 году, могла бы считаться теперь осуществленною, и притомъ— отчасти даже помимо тѣхъ спеціальныхъ мѣръ, которыя были приняты для ея достиженія. Тридцать пять лѣтъ тому назадъ польское землевладѣніе было господствующимъ во всѣхъ губерніяхъ, на которыя распространяется дѣйствіе ограничительныхъ правилъ 10 декабря 1865 года; при неразвитости другихъ сторонъ мѣстной экономической жизни, при слабости культурныхъ

силъ мѣстнаго русскаго общества, еще возможно было видѣть въ преобладаніи крупнаго польскаго землевладѣнія основу и устой политическаго вліянія, не соотвѣтствовавшаго государственнымъ интересамъ. Но за протекшія десятилѣтія многое измѣнилось въ западномъ краѣ. Польское землевладѣніе понесло крупныя потери, его площадь уменьшилась болѣе чѣмъ на одну треть, почти наполовину [1]), и въ большинствѣ губерній оно занимаетъ въ настоящее время положеніе второстепенное. Рядомъ съ этимъ паденіемъ польскаго землевладѣнія и на встрѣчу ему шло еще быстрѣе возвышеніе не одного только русскаго землевладѣнія, но и другихъ русскихъ элементовъ, государственныхъ общественныхъ и культурныхъ,—шло развитіе другихъ сторонъ хозяйственной жизни, промышленности, торговли, оттѣснившее крупное землевладѣніе съ принадлежавшаго ему прежде положенія первенствующаго экономическаго фактора,—такъ что относительно, по сравненію съ новыми, выросшими вокругъ него общественными силами, польское землевладѣніе опустилось на еще низшую ступень, чѣмъ абсолютно. Политика не есть искусство для искусства, и тѣмъ менѣе—политика ограниченій; всякая ограничительная мѣра, перейдя за необходимый предѣлъ, обращается противъ самой себя, противъ собственной цѣли. По всей вѣроятности, этой именно причинѣ и слѣдуетъ приписать тотъ фактъ, что русское землевладѣніе въ краѣ, послѣ быстрыхъ успѣховъ (успѣховъ только въ количественномъ отношеніи) за первые годы дѣйствія ограничительнаго закона, теперь уже не дѣлаетъ болѣе такихъ замѣтныхъ завоеваній. При такихъ условіяхъ сами собой напрашивались тѣ комментаріи, которыми было встрѣчено въ печати правительственное распоряженіе, коснувшееся пока только польскаго крестьянства. Однако, такое пониманіе новой мѣры, какъ мѣры, разрѣшающей прежде наложенныя узы, представляется невѣрнымъ, лучше сказать—не вполнѣ вѣрнымъ. Истинное ея значеніе выяснится изъ нижеслѣдующей юридической справки.

Вопросъ о правѣ крестьянъ католическаго исповѣданія пріобрѣтать землю въ западномъ краѣ не новъ. Вопросъ этотъ былъ возбужденъ въ 1868 году виленскимъ генералъ-губернаторомъ, который вошелъ съ представленіемъ о распространеніи дѣйствія за-

---

[1]) Въ 1865 г. полякамъ принадлежало 82,6 % всей площади частнаго землевладѣнія въ 9 губерніяхъ, а въ 9 губерніяхъ, а въ 1897 г.—51,3 %.

кона 10 декабря 1865 года и на католиковъ-крестьянъ. По Высочайшему повелѣнію, вопросъ былъ переданъ на разсмотрѣніе комитета министровъ. Комитетъ министровъ нашелъ, что установленное указомъ 10 декабря 1865 г. воспрещеніе лицамъ польскаго происхожденія пріобрѣтать имѣнія въ западномъ краѣ, какъ по буквальному смыслу самого этого указа, такъ и по соображеніямъ, легшимъ въ его основу, касается исключительно *помѣщиковъ*, а не *крестьянъ*. Признавая, поэтому, что мѣра распространенія упомянутаго запрещенія на крестьянъ католиковъ была бы сопряжена съ расширеніемъ силы указа 10 декабря 1865 г., ввела бы начало раздѣленія крестьянскаго населенія по вѣроисповѣданіямъ и крайне стѣснила бы хозяйство мѣстныхъ крестьянъ, комитетъ министровъ полагалъ изложенное предположеніе отклонить. Это положеніе комитета министровъ Высочайше утверждено 14 іюня 1868 г. Такимъ образомъ, по закону—для крестьянъ-католиковъ не существуетъ никакихъ ограниченій относительно пріобрѣтенія земельной собственности и они пользуются одинаковыми правами съ крестьянами другихъ исповѣданій.

Такъ обстоитъ дѣло de jure,—но въ иномъ положеніи оно оказывается de facto. Въ 1885 году виленскій генералъ-губернаторъ Кахановъ обратился къ начальникамъ подвѣдомственныхъ ему губерній съ циркуляромъ слѣдующаго содержанія: „Принимая во вниманіе,—говорится въ этомъ циркулярѣ,—что хотя въ законѣ 10 декабря 1865 года и не содержится указаній на то, чтобы крестьянамъ-католикамъ воспрещалось пріобрѣтеніе земельной собственности въ 9 западныхъ губерніяхъ, и таковое запрещеніе, согласно разъясненію Высочайше утвержденнаго 14 іюня 1868 года журнала комитета министровъ, касается только помѣщиковъ, а не крестьянъ,—тѣмъ не менѣе, въ виду того обстоятельства, что цѣль изданія закона 10 декабря 1865 г. есть стремленіе правительства къ уменьшенію въ краѣ крупныхъ землевладѣльцевъ польскаго происхожденія, каковыми, несомнѣнно, становятся и крестьяне-католики, пріобрѣвшіе значительныя помѣщичьи имѣнія,—по крайней мѣрѣ, они стараются вести такую же жизнь, поддѣлываются подъ ихъ взгляды и не отказываются слѣдовать ихъ указаніямъ,—я съ своей стороны нахожу необходимымъ: крестьянамъ-католикамъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, предоставлять право пріобрѣтать только такое количество земли, какое они могутъ обработать силами своей семьи, не заводя фольварочнаго хозяйства съ наемными

рабочими и другими признаками помѣщичьяго хозяйства" [1]). Количество это циркуляръ опредѣлилъ въ размѣрѣ шестидесяти десятинъ.

Циркуляръ этотъ характеристиченъ, въ томъ смыслѣ, что въ немъ на одной сторонѣ оказывается точный смыслъ закона и его аутентичное толкованіе Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ, а на другой административныя соображенія, и перевѣсъ остается за послѣдними.

Правда, года полтора спустя, этотъ циркуляръ получилъ нѣкоторую опору, благодаря послѣдовавшему 1 ноября 1886 года пол. ком. м—ровъ, коимъ предоставляется генералъ-губернаторамъ въ западномъ краѣ дискреціонное право выдавать свидѣтельства на покупку тамъ имѣній. Но необходимо замѣтить, что эта обширная власть вручена генералъ-губернаторамъ въ цѣляхъ правильнаго примѣненія ограничительнаго закона 10 декабря 1865 г., а не дальнѣйшаго и произвольнаго съуженія или расширенія его рамокъ. При отсутствіи точныхъ внѣшнихъ признаковъ для безошибочнаго распознанія лицъ польскаго происхожденія, которыхъ однихъ только имѣетъ въ виду законъ, администрація удостовѣряетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, что тотъ или другой субъектъ не подходитъ подъ установленное запрещеніе,—она *констатируетъ* его правоспособность къ пріобрѣтенію земельной собственности, но не создаетъ этой правоспособности по своему усмотрѣнію. Въ этомъ именно смыслѣ неоднократно высказывался и Правительствующій Сенатъ,—а въ одномъ изъ недавнихъ своихъ рѣшеній (рѣш. гражд. касс. деп. 1898 г. по дѣлу Родзюкевича) Сенатъ призналъ, что крестьяне католики имѣютъ право покупать недвижимыя имѣнія въ западныхъ губерніяхъ въ неограниченномъ количествѣ десятинъ.

Что же означаетъ новое распоряженіе о разрѣшеніи крестьянамъ-католикамъ польскаго происхожденія земельныхъ покупокъ до шестидесяти десятинъ? Оно свидѣтельствуетъ, во-первыхъ, о томъ, что на дѣлѣ примѣнялись, очевидно, болѣе стѣснительныя мѣры и всякія покупки воспрещались безусловно. Во вторыхъ, оно является, вѣроятно, уступкой указанному рѣшенію Сената—своего рода компромиссомъ между дѣйствовавшей административной практикой и точнымъ велѣніемъ закона. Въ этомъ смыслѣ

[1]) Циркуляръ отъ 28 февраля 1885 г. за № 6. См. Б. Г. Ольшамовскій, Права по землевладѣнію въ западномъ краѣ. Спб. 1899 г. стр. 41—42.

оно, пожалуй, и льгота, хотя по существу возвращаетъ насъ только къ тому порядку, который въ 1885 году представлялся неправильнымъ распространеніемъ силы исключительнаго закона. .

---

3. Изданіе прекратившееся или прекращенное?

По силѣ статьи 121 уст. о ценз. (т. XIV, изд. 1890 г.) считается прекратившимся всякое повременное изданіе, уже выходившее въ свѣтъ, но по какимъ либо причинамъ не появлявшееся въ теченіе года. На этомъ основаніи въ 1894 году было признано „прекратившимся" изданіе „Московской Газеты", о чемъ объявлено было въ Правит. Вѣстн. Между тѣмъ издатель названной газеты находилъ, что она не должна считаться „прекратившеюся", ибо годичный перерывъ въ ея изданіи послѣдовалъ—согласно сакраментальной въ такихъ случаяхъ формулѣ—по „независящимъ" отъ него, издателя, обстоятельствамъ. Онъ пріобрѣлъ газету, когда выходъ ея въ свѣтъ былъ временно пріостановленъ по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ; затѣмъ всѣ представленные имъ кандидаты для замѣщенія обязанностей отвѣтственнаго редактора были отвергнуты главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, которое также отклонило послѣднее его ходатайство объ утвержденіи его самого временно „за редактора". Такимъ образомъ причина пропуска годичнаго срока, истеченіе котораго влечетъ за собою утрату права на изданіе, должна быть отнесена не къ нему, издателю, а къ главному управленію по дѣламъ печати, фактически пресѣкшему возможность выхода газеты.

По жалобѣ издателя, вопросъ о правильности распоряженія, коимъ „Московская Газета" была вычеркнута изъ книги живота—изъ списка существующихъ изданій, взошелъ на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. Въ засѣданіи Сената послѣдовали по этому вопросу разныя мнѣнія. Всѣ участвовавшіе въ обсужденіи дѣла гг. сенаторы сходились въ томъ, что выраженіе „по какимъ либо причинамъ", употребленное въ ст. 121 уст. ценз., означаетъ „не всѣ безъ исключенія причины непоявленія въ свѣтъ повременнаго изданія, но лишь тѣ причины, возникновеніе которыхъ находится внѣ зависимости отъ министра внутреннихъ дѣлъ". Но разногласіе обнаружилось въ оцѣнкѣ той причины, которая въ

данномъ случаѣ вызвала перерывъ въ изданіи „Московской Газеты“; причина эта—неутвержденіе министерствомъ представленныхъ кандидатовъ въ редакторы—должна ли считаться стоящею внѣ зависимости или въ зависимости отъ министерства? Одно мнѣніе гласитъ: въ непоявленіи газеты въ свѣтъ въ теченіе года виноватъ самъ издатель, а не министерство, которое не утвердило ни одного изъ предложенныхъ редакторовъ.

Проситель, покупая газету въ то время, когда выпускъ ея въ свѣтъ ужъ былъ пріостановленъ,—такъ гласитъ аргументація сторонниковъ этого мнѣнія,—долженъ былъ считаться какъ съ этимъ обстоятельствомъ, такъ и съ дѣйствующими узаконеніями объ утвержденіи редакторовъ повременныхъ изданій по усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, долженъ былъ предвидѣть, выбирая кандидатовъ на должность редактора, что оцѣнка этихъ кандидатовъ принадлежитъ исключительно министру, долженъ былъ знать, что въ случаѣ неодобренія министромъ представленныхъ имъ кандидатовъ онъ не можетъ выпустить изданія своего въ свѣтъ, а въ случаѣ непоявленія изданія въ теченіе годичнаго срока оно будетъ признано прекратившимся. Дискреціонный характеръ власти министра внутреннихъ дѣлъ въ дѣлѣ утвержденія или неутвержденія редакторовъ повременныхъ изданій стоитъ внѣ всякаго спора и сомнѣнія, а слѣдовательно и повѣрка Правительствующимъ Сенатомъ въ порядкѣ инстанцій тѣхъ соображеній, по которымъ то или иное лицо не было утверждено редакторомъ, не можетъ имѣть мѣста. Правительствующій Сенатъ по отношенію къ этимъ соображеніямъ министра долженъ всегда находиться въ предположеніи, что соображенія эти были основательны и достаточны, другими словами, долженъ стоять на томъ, что всякое лицо, не утвержденное министромъ въ званіи редактора, не обладаетъ необходимыми для этого званія качествами. Ставъ же на эту точку зрѣнія, нельзя не сдѣлать вывода, что причиною прекращенія изданія „Московской Газеты“ было представленіе издателемъ министру внутреннихъ дѣлъ, въ качествѣ кандидатовъ на званіе редактора газеты, лицъ, не соотвѣтствующихъ обязанностямъ этого званія, т. е. причина зависящая не отъ министра внутреннихъ дѣлъ, а отъ самого издателя.

Установивъ такимъ образомъ догматъ непогрѣшимости дискреціоннаго распоряженія, приверженцы разсматриваемаго взгляда нѣсколько иначе отнеслись къ жалобѣ издателя въ той ея части, которая касается медленности главнаго управленія по дѣламъ печати въ разрѣшеніи послѣдняго ходатайства просителя объ утверж-

деніи его самого „за редактора" Московской Газеты. Если бы таковая медленность главнымъ управленіемъ дѣйствительно была допущена и, благодаря этой медленности, издатель пропустилъ бы установленный ст. 121 уст. цензурн. годичный срокъ, то, руководствуясь вышеизложенными соображеніями, слѣдовало бы, признать распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ о признаніи „Московской Газеты" прекратившеюся 29 марта 1894 г. преждевременнымъ и, отмѣнивъ это распоряженіе, возстановить для просителя теченіе срока въ размѣрахъ пропущеннаго имъ вслѣдствіе медленности главнаго управленія по дѣламъ печати времени, предоставивъ ему возобновить въ теченіе этого срока ходатайство объ утвержденіи редактора. Однако, въ дѣйствительности для такого возстановленія срока не оказывается достаточныхъ основаній, и потому жалоба должна быть отвергнута и въ этой части. Ибо, съ одной стороны, изъ обстоятельствъ настоящаго дѣла нельзя сдѣлать вывода, чтобы годичный срокъ былъ пропущенъ издателемъ именно вслѣдствіе медленности главнаго управленія по дѣламъ печати въ разрѣшеніи его послѣдняго ходатайства, такъ какъ ходатайство это было лишь повтореніемъ уже отклоненнаго министромъ внутреннихъ дѣлъ перваго ходатайства просителя по тому же предмету, служило свидѣтельствомъ тому, что кругъ лицъ, желательныхъ для издателя въ качествѣ редакторовъ, былъ уже исчерпанъ, а по существу было признано министромъ внутреннихъ дѣлъ не подлежащимъ удовлетворенію; съ другой же стороны, если бы проситель придавалъ существенное значеніе въ дѣлѣ вопросу о медленности, то въ жалобѣ своей указалъ бы въ точности, когда имъ было заявлено ходатайство, въ какой срокъ оно должно бы быть разрѣшено и сколько именно времени продолжалась медленность; между тѣмъ проситель вопроса этого касается лишь мимоходомъ, и съ жалобою къ министру внутреннихъ дѣлъ, коему непосредственно подчинено главное управленіе по дѣламъ печати, на медленность его не обращался; министръ внутреннихъ дѣлъ медленности главнаго управленія не усматриваетъ, для возбужденія вопроса о медленности Правительствующимъ Сенатомъ въ порядкѣ надзора не оказывается повода, а съ искомъ объ убыткахъ, происшедшихъ отъ медленности или упущенія главнаго управленія по дѣламъ печати, проситель, согласно ст. 1316 и слѣд. уст. гражд. суд., долженъ обратиться непосредственно въ гражданскій судъ, и слѣдовательно въ этой части его жалоба разсмотрѣнію Правительствующаго Сената въ административномъ порядкѣ не подлежитъ.

Въ противовѣсъ этому мнѣнію было высказано другое. По точному смыслу ст. 121 уст. цензурн. т. XIV изд. 1890 года, считается прекратившимся всякое повременное изданіе, уже выходившее въ свѣтъ, но по какимъ либо причинамъ не появлявшееся въ теченіе года. Употребленное въ этомъ узаконеніи выраженіе „по какимъ либо причинамъ“ предусматриваетъ разнообразные случаи, вслѣдствіе которыхъ въ выпускѣ въ свѣтъ повременнаго изданія можетъ произойти перерывъ, но при этомъ, очевидно, оно должно быть понимаемо въ соотвѣтствіи съ общимъ смысломъ постановленій устава о цензурѣ и печати и не можетъ быть распространяемо на такіе случаи, относительно которыхъ въ названномъ уставѣ содержатся особыя указанія. Въ этомъ отношеніи прежде всего нельзя не обратить вниманія на вытекающее изъ сопоставленія ст. 121 и 141 уст. цензурн. различіе между изданіями прекратившимися и прекращенными: хотя для возобновленія тѣхъ и другихъ законъ одинаково требуетъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, но, не смѣшивая ихъ между собою, именуетъ прекращенными тѣ изданія, которыя прекращены по распоряженію правительства, а прекратившимися тѣ, которыя перестали выходить въ свѣтъ по причинамъ, зависящимъ отъ самого издателя. Засимъ слѣдуетъ замѣтить, что ст. 121 находится въ ближайшей связи съ предшествующею ей ст. 120 уст. цензурн.: одна говоритъ объ изданіяхъ несостоявшихся, т. е. невыпущенныхъ въ свѣтъ въ теченіе года со дня полученія разрѣшенія на изданіе, вторая—о прекратившихся, т. е. объ изданіяхъ, уже выпущенныхъ въ свѣтъ, но не появлявшихся въ теченіе года. Въ обоихъ этихъ случаяхъ предполагается наличность отвѣтственнаго редактора, такъ какъ безъ нея не допускается ни разрѣшеніе новаго повременнаго изданія (ст. 118, 119 уст. цензурн.), ни выпускъ въ свѣтъ существующаго (ст. 134 уст. цензурн.); поэтому отсутствіе редактора, вызванное не причинами, находящимися въ зависимости отъ воли издателя, а неутвержденіемъ въ званіи отвѣтственнаго редактора министромъ внутреннихъ дѣлъ лицъ, представленныхъ ему издателемъ, является конечно препятствіемъ къ выходу въ свѣтъ повременнаго изданія, но не подходитъ подъ дѣйствіе какъ 120, такъ и 121 статей уст. цензурн. и не можетъ имѣть для самаго изданія указанныхъ въ послѣдней статьѣ послѣдствій. Допустить иное пониманіе закона и признать неутвержденіе министромъ внутреннихъ дѣлъ въ званіи редактора представленныхъ ему издателемъ лицъ такою причиною невыхода въ

свѣтъ изданія, которая влечетъ за собою объявленіе его прекратившимся по ст. 121 уст. цензурн., было бы равносильно признанію за министромъ внутреннихъ дѣлъ, которому принадлежитъ лишь дискреціонное право утверждать или не утверждать редактора (ст. 122 уст. цензурн.), также и дискреціоннаго права прекращать повременныя изданія, такъ какъ въ каждомъ повременномъ изданіи, въ случаѣ смерти редактора, отказа его отъ своихъ обязанностей или утраты имъ своего званія по силѣ ст. 123 уст. цензурн., можетъ наступить такое положеніе дѣлъ, при которомъ отъ усмотрѣнія министра внутреннихъ дѣлъ зависитъ не утверждать въ теченіе года редактора и засимъ объявить изданіе прекратившимся.

Между тѣмъ въ уставѣ о цензурѣ и печати строго проводится раздѣленіе частно-гражданской и литературно-политической сторонъ повременнаго изданія. Предоставляя министру внутреннихъ дѣлъ широкія полномочія по отношенію къ литературно-политической сторонѣ изданія, отвѣтственнымъ представителемъ которой является редакторъ, названный уставъ изъемлетъ изъ вѣдѣнія администраціи частно-гражданскія отношенія, вытекающія изъ права собственности издателя на повременное изданіе (ст. 122 и др.), а прекращеніе его допускаетъ лишь въ особомъ порядкѣ, по распоряженію Перваго Департамента Правительствующаго Сената, на основаніи ст. 148 устава цензурн. Хотя дѣйствіе постановленій устава о цензурѣ какъ по тому, такъ и по другому предмету временно пріостановлено, впредь до пересмотра устава въ законодательномъ порядкѣ, Высочайшими повелѣніями именно въ 1882 г. состоялось изложенное въ примѣч. къ ст. 148 уст. цензурн. Высочайшее повелѣніе о прекращеніи повременныхъ изданій по коллегіальному рѣшенію Министровъ: Внутреннихъ Дѣлъ, Народнаго Просвѣщенія, Юстиціи и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, совмѣстно съ Министромъ, возбудившимъ вопросъ, а засимъ 28 марта 1897 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о передачѣ періодическихъ изданій отъ одного издателя къ другому не иначе, какъ съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ,—однако оба упомянутыя узаконенія, внося лишь частичное измѣненіе въ дѣйствіе правилъ устава цензурнаго о періодической печати, не измѣняютъ существа установленнаго въ законѣ различія между отношеніями издательскими, частно-гражданскими, и редакторскими, литературно-политическими.

Эта строго логическая аргументація дополняется слѣдующимъ

не менѣе основательнымъ соображеніемъ. Не отрицая дискреціоннаго характера принадлежащаго министру внутреннихъ дѣлъ права утверждать и не утверждать редакторовъ повременныхъ изданій, сторонники излагаемаго мнѣнія справедливо указываютъ, что Правительствующій Сенатъ не можетъ дѣлать и никакихъ предположеній о причинахъ неутвержденія министромъ въ этомъ званіи лицъ, представленныхъ издателемъ, а тѣмъ менѣе признавать, что неутвержденіе это произошло по причинамъ, зависящимъ отъ послѣдняго. Сущность дискреціонной власти въ томъ и состоитъ, что послѣдовавшія въ предѣлахъ этой власти распоряженія зависятъ исключительно отъ усмотрѣнія должностнаго лица, коимъ они сдѣланы,—и предвидѣть, куда и по какимъ причинамъ склонится это усмотрѣніе, частное лицо не въ состояніи, а Правительствующій Сенатъ не можетъ вмѣнять ему такое предвидѣніе въ обязанность. Если частное лицо, издатель газеты, представляетъ министру внутреннихъ дѣлъ одного за другимъ цѣлый рядъ кандидатовъ на званіе редактора, то этимъ самымъ оно въ достаточный мѣрѣ доказываетъ свое желаніе и намѣреніе издавать газету, и если это намѣреніе его не можетъ осуществиться, по причинѣ неутвержденія его кандидатовъ министромъ, то газета не выходитъ въ свѣтъ по причинѣ, не зависящей отъ издателя. Въ виду этого и пропускъ годичнаго срока, установленнаго ст. 121 уст. цензурн., по общему правовому принципу, не можетъ быть поставленъ въ вину и имѣть невыгодныя послѣдствія для того лица, которое было поставлено въ невозможность соблюсти этотъ срокъ.

Не трудно видѣть, что первое изъ приведенныхъ мнѣній основано на такихъ соображеніяхъ, съ принятіемъ которыхъ исчезаетъ всякое различіе между причинами, зависящими отъ издателя, и причинами, исходящими отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Между тѣмъ признаніе этого различія служитъ отправнымъ пунктомъ этого мнѣнія, равно какъ и другого, ему противоположнаго, и ставится въ немъ въ главу угла толкованія закона, т. е. ст. 121 уст. ценз. Въ самомъ дѣлѣ, разсматриваемое мнѣніе выдвигаетъ передъ издателемъ газеты или журнала цѣлый рядъ категорическихъ императивовъ: онъ *долженъ* считаться съ дѣйствующими узаконеніями объ утвержденіи редакторовъ повременныхъ изданій по дискреціонному усмотрѣнію министра внутреннихъ дѣлъ, *долженъ* былъ предвидѣть, выбирая кандидатовъ, что оцѣнка ихъ принадлежитъ исключительно министру, *долженъ* былъ знать, что

въ случаѣ неодобренія министромъ представленныхъ имъ кандидатовъ онъ не можетъ выпустить изданія своего въ свѣтъ, а въ случаѣ непоявленія изданія въ теченіе годичнаго срока оно будетъ признано прекратившимся. Но тѣ же категорическія велѣнія, и съ такимъ же точно основаніемъ, можно предъявить издателю и въ томъ случаѣ, когда выходъ изданія въ свѣтъ пріостанавливается по прямому распоряженію Министра внутренныхъ дѣлъ. Развѣ нельзя и тогда обратиться къ издателю съ тою же проповѣдью обязательнаго предвидѣнія: предпринимая изданіе газеты, онъ *долженъ* былъ считаться съ дѣйствующими узаконеніями о дискреціонномъ правѣ министра внутреннихъ дѣлъ налагать кары на повременное изданіе пріостановленіемъ его на тотъ или иной срокъ, *долженъ* былъ предвидѣть, что оцѣнка благонадежности общаго направленія газеты или содержанія отдѣльныхъ появившихся въ ней статей принадлежитъ исключительно министру, *долженъ* былъ знать, что въ случаѣ неодобренія со стороны подлежащей власти характера его изданія, послѣднее можетъ быть пріостановлено и не появиться такимъ образомъ въ теченіе года, послѣ чего оно будетъ признано прекратившимся... Tu l'a voulu, Georges Dandin! можно сказать тогда издателю: твоя вина, если по недостатку предвидѣнія повлекъ на себя скорпіоны, которые, къ тому же, распредѣляются по дискреціонному усмотрѣнію административной власти и *слѣдовательно* довлѣютъ тебѣ по заслугамъ...

Очевидно, что при такомъ взглядѣ на дѣло нѣтъ и не можетъ быть вовсе такихъ причинъ прекращенія или непоявленія изданій, которыя сторонники разсматриваемаго мнѣнія согласились бы отнести къ министерству внутреннихъ дѣлъ. Первопричиной—причиной всѣхъ причинъ—всегда окажется издатель. Дѣятельность министерства по надзору за повременными изданіями, при всемъ ея дискреціонномъ характерѣ, не возникаетъ самопроизвольно, не рождается изъ ничего,—ея проявленіе *вызывается* самымъ фактомъ изданія, фактомъ, зависящимъ, въ послѣднемъ счетѣ, отъ издателя. Слѣдовательно, издатель всегда можетъ быть введенъ въ цѣпь причинъ, вызвавшихъ прекращеніе изданія. Между тѣмъ это мнѣніе, неправильность котораго обнаруживается изъ его собственныхъ исходныхъ началъ, стремится утвердить за администраціей такое право, которое по существу, въ практическомъ отношеніи, является совершенно безцѣльнымъ. Зачѣмъ можетъ понадобиться формальное признаніе

изданія „прекратившимся", разъ существуетъ полная, дискреціонная власть не допускать дѣйствительнаго появленія изданія въ свѣтъ? Прекращеніе изданія по прямому распоряженію администраціи есть не только мѣра предупрежденія и пресѣченія, но и кара, налагаемая на издателя за его прегрѣшенія, уже успѣвшія обнаружиться на дѣлѣ. Но въ данномъ случаѣ изданіе не было прекращено, слѣдовательно, издатель не заслужилъ своей издательской дѣятельностью этой высшей мѣры репрессіи, примѣняемой по дѣламъ печати. Ему ставится въ вину то, что онъ не „предвидѣлъ", предлагая къ утвержденію редакторовъ, какъ они будутъ оцѣнены въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Но онъ и несетъ возмездіе за недостатокъ въ немъ дара предвидѣнія, такъ какъ принадлежащее ему право выпуска повременнаго изданія на дѣлѣ парализуется и въ рукахъ у него остается только голое право—nudum jus. Непроницательный издатель съ теченіемъ времени, путемъ горькаго опыта предложенныхъ и отвергнутыхъ представленій объ утвержденіи редакторами тѣхъ или иныхъ кандидатовъ, можетъ пріобрѣсти необходимую мѣру способности къ предвидѣнію; наконецъ самое усмотрѣніе, съ перемѣною въ личномъ составѣ администраціи, съ наступленіемъ иныхъ обстоятельствъ или вѣяній, можетъ измѣниться, стать болѣе благосклоннымъ, и тѣ кандидаты, которые признавались непригодными вчера, могутъ завтра оказаться вполнѣ удовлетворяющими своему назначенію. Поэтому при всей жалкой наготѣ того права, которое отнимается у издателя, лишеніе это, все таки, есть несомнѣнное *лишеніе*, несомнѣнное уменьшеніе его правовой и имущественной сферы.

---

4. Указы Перваго Общаго Собранія Правительствующаго Сената.

1. Порядокъ исправленія ошибокъ въ данныхъ на выкупленныя крестьянами земли.

Въ теченіе первой половины текущаго года 1-мъ Общимъ Собраніемъ Сената даны крайне важныя разъясненія по весьма существеннымъ вопросамъ. Нѣкоторыя изъ нихъ мы помѣщаемъ ниже. Въ первомъ изъ нихъ подвергся аутентичному толкованію со стороны Государственнаго Совѣта законъ о выдачѣ данной на земли крестьянъ (прил. къ ст. 109 пол. о вык), и въ особенности

разъясненъ вопросъ о предѣлахъ административной компетенціи крестьянскихъ учрежденій, при разсмотрѣніи ходатайствъ объ *исправленіи ошибокъ*, допущенныхъ при составленіи данной.

1898 года декабря 18 дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ первомъ общемъ собраніи слушали: во 1) предложеніе за Министра Юстиціи, товарища министра отъ 3 декабря 1898 г. за № 27366, при коемъ предлагаетъ Правительствующему Сенату Высочайшее повелѣніе объ исполненіи послѣдовавшаго въ Государственномъ Совѣтѣ мнѣнія по дѣлу, возникшему вслѣдствіе всподданнѣйшей жалобы крестьянина дер. Девиндоне, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губ. Петра Бачевскаго на опредѣленіе 2-го департамента Правительствующаго Сената по ходатайству просителя объ исправленіи данной на земли крестьянъ названной деревни, слѣдующаго содержанія: Государственный Совѣтъ, въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ и государственной экономіи, разсмотрѣвъ внесенное за разногласіемъ изъ 1-го общаго собранія Правительствующаго Сената, дѣло, возникшее вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы крестьянина дер. Девиндоне, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губ., Петра Бачевскаго на опредѣленіе 2-го департамента Правительствующаго Сената, по ходатайству просителя объ исправленіи данной на земли крестьянъ названной деревни, мнѣніемъ положилъ: утвердить заключеніе Министра Юстиціи и сенаторовъ, съ нимъ согласныхъ. На подлинномъ мнѣніи написано: Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ соединенныхъ департаментахъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ, законовъ и государственной экономіи Государственнаго Совѣта по дѣлу, возникшему вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы крестьянина дер. Девиндоне, Шавельскаго уѣзда, Ковенской губерніи, Петра Бачевскаго на опредѣленіе 2-го департамента Правительствующаго Сената по ходатайству просителя объ исправленіи данной на земли крестьянъ названной деревни, Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить. Подписалъ Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Михаилъ. Въ Ливадіи 18 ноября 1898 г. и во 2) справку, по которой оказалось, что въ 1-мъ общемъ собраніи Правительствующаго Сената производилось дѣло, поступившее на разсмотрѣніе общаго собранія вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы крестьянина Бачевскаго на опредѣленіе 2-го департамента Правительствующаго Сената, со-

стоявшееся 10 марта 1895 г. по предмету исправленія данной на дер. Девиндоне. По докладѣ сего дѣла 25 октября 1896 г. въ 1-мъ общемъ собраніи Правительствующаго Сената послѣдовали разныя мнѣнія г.г. сенаторовъ, вслѣдстіе чего дѣло представлялось въ консультацію, при министерствѣ юстиціи учрежденную; засимъ Министръ Юстиціи 31 октября 1897 г. за № 446 далъ но настоящему дѣлу Правительствующему Сенату предложеніе, слѣдующаго содержанія: „Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла съ законами, Министръ Юстиціи находилъ, что Правительствующимъ Сенатомъ неоднократно признавалась компетенція мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій къ исправленію ошибокъ, вкравшихся въ выкупные документы и въ частности въ данныя, совершенныя по требованію сихъ учрежденій. При семъ Правительствующій Сенатъ въ позднѣйшихъ рѣшеніяхъ своихъ (опредѣленія по общему собранію 1 и кассаціонныхъ департаментовъ 1886 г. № 21; 1887 г. № 8, 1893 г. № 7, 1895 г. № 36 и по 1-му общему собранію—22 декабря 1895 г. по дѣлу Позолотина) не ограничивалъ этой компететности тѣмъ обстоятельствомъ, чтобы выкупные документы не получили еще окончательнаго утвержденія и исполненія. Но съ другой стороны, согласно постановленіямъ 156 ст. пол. учр. кр. и 1 ст. уст. гражд. суд., Правительствующій Сенатъ признавалъ, что при возбужденіи сторонами споровъ о содержаніи, сущности и значеніи выданныхъ крестьянамъ актовъ на надѣльныя земли, сіи споры о правѣ гражданскомъ подлежатъ разрѣшенію судебныхъ установленій. Это послѣднее положеніе категорически выражено какъ въ приведенномъ опредѣленіи 1-го общаго собранія 1895 года по дѣлу Позолотина, такъ и въ опредѣленіи общаго собранія 1 и кассаціонныхъ департаментовъ 1887 г. № 8, на которое дѣлается ссылка и въ опредѣленіяхъ 1893 г. № 7, и 1895 г. № 36. Оно согласуется и съ разъясненіемъ главнаго комитета по устройству сельскаго состоянія въ журналѣ его, Высочайше утвержденномъ 22 декабря 1880 г., что основаніемъ для измѣненія окончательно утвержденныхъ выкупныхъ актовъ и данныхъ, измѣненія, допускаемаго въ видѣ чрезвычайной льготы, можетъ служить лишь обнаруженіе несомнѣнной ошибки въ сихъ актахъ при удостовѣреніи, что предположеннымъ измѣненіемъ не будутъ нарушены ничьи законныя права. Въ положеніи того же комитета 17 мая 1876 г. подлежащія исправленію ошибки характеризуются словомъ „очевидныя“. Такимъ образомъ, предметъ обсужденія учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ по вопросамъ объ

исправленіи окончательно утвержденныхъ выкупныхъ актовъ и данныхъ опредѣляется даже тѣснѣе, чѣмъ разсмотрѣніе правильности вообще составленія сихъ докуменовъ (что могло имѣть мѣсто при своевременномъ обжалованіи ихъ составленія). Тѣмъ болѣе не входитъ въ понятіе исправленія „несомнѣнныхъ ошибокъ“ въ выкупныхъ документахъ разсмотрѣніе споровъ заинтересованныхъ лицъ о правахъ, принадлежащихъ имъ по содержанію, силѣ и значенію сихъ документовъ. Въ настоящемъ дѣлѣ Ковенское губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе разрѣшило просьбу Бачевскаго объ исправленіи выкупнаго акта и данной въ указанныхъ выше предѣлахъ разсмотрѣнія сего рода дѣлъ. Изъ приведенныхъ въ постановленіи присутствія, соображеній, при всей недостаточности ихъ, явствуетъ, что оно обсуждало вопросъ о наличности несомнѣнной ошибки въ выкупныхъ документахъ и оставило просьбу Бачевскаго безъ удовлетворенія за отсутствіемъ такой ошибки. Слѣдовательно, губернское присутствіе не стѣснялось въ обсужденіи ходатайства Бачевскаго по существу ни оконченнымъ исполненіемъ по выкупнымъ документамъ, ни послѣдовавшимъ въ 1877 г. судебнымъ рѣшеніемъ объ устраненіи Бачевскаго отъ поземельнаго участка. Самое указаніе на помянутое рѣшеніе дѣлается присутствіемъ лишь въ дополнительномъ соображеніи о томъ, что не ошибка въ данной, которой оно не обнаружило, а толкованіе ея судомъ повело къ устраненію Бачевскаго отъ участка, почему ему и надлежало обратиться къ обжалованію сего рѣшенія. Не усматривая посему основанія признавать, что губернское присутствіе неправильно съузило предѣлы разсмотрѣнія настоящаго дѣла, онъ, Министръ Юстиціи, не можетъ съ другой стороны раздѣлить и противоположнаго воззрѣнія, что не только утвержденіе ограниченія надѣла (о чемъ уже было говорено), но и судебное рѣшеніе 1877 года не стѣсняло губернское присутствіе въ разрѣшеніи вопроса объ исправленіи выкупнаго акта и данной, потому что имѣло своимъ предметомъ не означенный вопросъ,— подлежащій разсмотрѣнію крестьянскихъ учрежденій,—но опредѣленіе спорныхъ между Тваріонисомъ и Бачевскимъ, отцомъ, поземельныхъ правъ на основаніи выкупныхъ документовъ, въ томъ видѣ, какъ они были утверждены и выданы крестьянскими учрежденіями. Въ случаѣ исправленія губернскимъ присутствіемъ выкупнаго акта и данной, исправленіемъ этимъ было бы видоизмѣнено лишь доказательство, принятое въ основу судебнаго рѣшенія 1877 года, откуда могла явиться возможность ходатайства о пересмотрѣ

послѣдняго при наличности законныхъ къ тому условій. Въ дѣйствительномъ же противорѣчіи съ законною силою помянутаго рѣшенія и послѣдовавшаго по оному исполненія стояло бы только видоизмѣненіе фактическаго владѣнія, установившагося на основаніи рѣшенія, посредствомъ ввода во владѣніе Бачевскаго по видоизмѣненой данной въ порядкѣ 16 п. прил. къ ст. 109 пол. о вык. изд. 1876 г. Обстоятельство это, конечно, подлежало принятію во вниманіе при сужденіи объ уважительности заявляемаго Бачевскимъ ходатайства о вводѣ, но оно не могло препятствовать самому исправленію данной. Обращаясь, засимъ, къ сужденіямъ губернскаго присутствія по существу вопроса о наличности ошибки въ выкупныхъ документахъ, онъ, Министръ Юстиціи, находилъ осужденія эти въ такой мѣрѣ неполными и неясными, что не представлялось возможности судить ни о правильности окончательнаго вывода присутствія объ отсутствіи ошибки, ни о значеніи возраженій по сему предмету жалобщика. По ближайшему смыслу приведенныхъ присутствіемъ соображеній, въ показаніи участка за Тваріонисомъ,—не смотря на фактическое владѣніе таковымъ Тваріониса и Бачевскаго, водворившихся на участкѣ вслѣдствіе женитьбы на двухъ дочеряхъ умершаго Густаса, не усматривается ошибки, „такъ какъ участки, записанные за однимъ домохозяиномъ, почитаются въ надѣлѣ всего семейства“. Въ семъ послѣднемъ соображеніи заключается, повидимому, та мысль, что участки, надѣляемые цѣлому семейству, записывались за однимъ домохозяиномъ. Однако, для устраненія по сему соображенію наличности ошибки въ записи участка за Тваріонисомъ необходимо было бы установить, съ приведеніемъ надлежащихъ къ тому основаній: 1) что Тваріонисъ и Бачевскій (отецъ) представлялись членами одного семейства, надѣляемаго землею, и 2) что домохозяиномъ въ семъ семействѣ могъ почитаться только Тваріонисъ, а не Бачевскій, или что послѣдній почему-либо не могъ быть показанъ въ актахъ домохозяиномъ. Ни того, ни другого обстоятельства губернскимъ присутствіемъ не выяснено. Въ частности, не имѣя въ виду соображеній губернскаго присутствія по предмету признанія Тваріониса и Бачевскаго членами одного семейства, нельзя составить заключенія о томъ, насколько могутъ опровергать окончательный выводъ присутстія представляемыя жалобщикомъ доказательства равносемейности ихъ. Въ виду изложеннаго, признавая, что губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе не уклонилось отъ надлежащихъ предѣловъ обсужденія настоящаго дѣла,

но по существу вопроса о наличности несомнѣнной ошибки въ выкупныхъ документахъ постановило совершенно недостаточное заключеніе, почему, какъ постановленіе губернскаго присутствія отъ 31 декабря 1883 г., такъ и опредѣленіе Второго Департамента Правительствующаго Сената 10 марта 1895 г. объ оставленіи сего постановленія въ силѣ, не могутъ быть признаны правильными, — Министръ Юстиціи полагалъ: обжалованное Петромъ Бачевскимъ опредѣленіе Второго Департамента Правительствующаго Сената 10 марта 1895 г. и постановленіе Ковенскаго Губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ Присутствія 31 декабря 1883 года отмѣнить, предписавъ губернскому присутствію войти въ новое разсмотрѣніе ходатайства Бачевскаго объ исправленіи выкупныхъ документовъ. По выслушаніи означеннаго предложенія Министра Юстиціи въ Первомъ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената 28 ноября 1897 года не состоялось узаконеннаго большинства голосовъ г.г. Сенаторовъ, согласныхъ съ симъ предложеніемъ, а потому настоящее дѣло было внесено въ Государственный Совѣтъ, гдѣ и воспослѣдовало, изложенное выше, мнѣніе онаго, Высочайше утвержденное 18 ноября 1898 г. Приказали: О таковомъ Высочайше утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта, для надлежащаго исполненія онаго и объявленія просителю, крестьянину дер. Девиндоне, Шавельскаго уѣзда, Петру Бачевскому, по мѣсту его жительства, Ковенскому Губернатору послать указъ, а во Второй Департаментъ Правительствующаго Сената сообщить вѣдѣніемъ. Указъ посланъ 5 марта 1899 г. за № 1045.

2. Порядокъ признанія рѣки судоходною и опредѣленія размѣра бечевника; участіе при этомъ городского и земскаго общественнаго управленія.

1898 г. октября 23-го дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ Первомъ Общемъ Собраніи слушали: дѣло по всеподданнѣйшей жалобѣ уполномоченнаго Духовнаго Собора Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры, казначея Лавры Архимандрита Корнилія, на опредѣленіе I Д—та Правительствующаго Сената, состоявшееся по жалобѣ С.-Петербургскаго городскаго головы на распоряженіе Министра Путей Сообщенія объ уменьшеніи десятисаженнаго бечевника р. Волковки до двухсаженной ширины. Приказали: Изъ дѣла видно, что С-Пе-

тербургское столичное по городскимъ дѣламъ присутствіе, разсмотрѣвъ жалобу повѣреннаго Духовнаго Собора Александро-Невской Лавры, присяжнаго повѣреннаго Соколова на опредѣленіе С.-Петербургской городской думы, коимъ было признано правильнымъ сдѣланное городской управой по сношенію съ Министерствомъ Путей Сообщенія распоряженіе объ отводѣ законнаго бечевника 10 саженной ширины на р. Волковкѣ, протекающей въ раіонѣ гор. С.-Петербурга, по постановленію 26 января 1891 г., таковую жалобу оставило безъ удовлетворенія въ виду того, что, по силѣ Высочайше утвержденнаго 13 іюня 1890 г. мнѣнія Государственнаго Совѣта, послѣдовавшаго въ разъясненіе ст. 359 Уст. пут. сообщ., открытіе водныхъ путей для судоходства, сплава или гонки лѣса и дровъ не требуетъ для своего осуществленія особаго правительственнаго распоряженія, и водный путь почитается открытымъ для общаго пользованія, коль скоро онъ, въ естественномъ своемъ состояніи, безъ особыхъ искусственныхъ приспособленій, пригоденъ для производства по оному судоходства, сплава или гонки лѣса и дровъ, и что р. Волковка, по осмотрѣ ея городской управой, оказалась открытой для общаго пользованія, пригодной и служащей на практикѣ для надобностей судоходства, которое тамъ существуетъ. Это постановленіе столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія не было обжаловано Соколовымъ въ установленномъ порядкѣ и вошло въ законную силу. Засимъ въ ноябрѣ 1895 года Министръ Путей Сообщенія, по разсмотрѣніи прошенія того же повѣреннаго Александро-Невской Лавры Соколова объ установленіи на рѣчкѣ Волковкѣ вмѣсто 10 саженнаго бечевника таковаго въ видѣ тропы для прохода рабочихъ, производящихъ сплавъ, и по сношеніи по поводу сего съ С.-Петербургскимъ градоначальникомъ, донесъ Правительствующему Сенату, для распубликованія, что, на основаніи прим. къ ст. 360 уст. пут. сообщ. по прод. 1893 г., имъ сдѣлано распоряженіе—законный 10 саженный бечевникъ р. Волковки въ судоходной ея части на протяженіи одной версты уменьшить до двухъ-саженной ширины, каковое распоряженіе Министра было обнародовано 28 ноября 1895 г. въ № 188 собр. узак. и расп. прав. Изложенное распоряженіе Министра Путей Сообщенія, по жалобѣ на оное С.-Петербургскаго городскаго головы было отмѣнено опредѣленіемъ I Департамента Правительствующаго Сената отъ 21 мая 1897 г., и на это опредѣленіе Сената уполномоченный Духовнаго Собора Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры Архимандритъ

Корнилій принесъ всеподданнѣйшую жалобу. Изъ соображеній обстоятельствъ настоящаго дѣла оказывается, что подлежащіе разрѣшенію Перваго Общаго Сената Собранія вопросы сводятся: 1) къ вопросу о правѣ Министра Путей Сообщенія опредѣлять, по руководству ст. 360 уст. пут. сообщ. изд. 1857 г. и прим. къ оной по прод. 1893 г., размѣръ и протяженіе бечевниковъ въ городскихъ поселеніяхъ, въ коихъ введено городовое положеніе, и 2) о правильности съ формальной стороны дѣйствій Министра Путей Сообщенія по изданію распоряженія объ уменьшеніи 10 саженнаго бечевника рѣчки Волковки до 2 саженной ширины, послѣ того какъ состоялись распоряженія С.-Петербургскаго городскаго общественнаго управленія объ отводѣ подъ указанный бечевникъ 10 саженъ и вошедшее въ законную силу постановленіе С.-Петербургскаго столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія, признавшаго таковыя распоряженія правильными. Приступая къ разсмотрѣнію перваго изъ означенныхъ вопросовъ, Первое Общее Сената Собраніе находитъ, что, согласно п. 4 ст. 2 гор. пол. (т. II св. зак. изд. 1892 г.) и прим. къ ст. 369 уст. пут. сообщ. (т. XII ч. 1 по прод. 1893 г.), „содержаніе въ исправности" и „устройство" бечевниковъ въ городахъ, гдѣ введено городовое положеніе, относится къ предметамъ вѣдомства городскаго общественнаго управленія; такимъ образомъ, сіи статьи закона установляютъ то исключеніе изъ общаго, выраженнаго въ ст. 369 уст. пут. сообщ. изд. 1857 г. правила, по которому устройство и содержаніе бечевниковъ лежатъ на обязанности казны; но ни въ этой, ни въ другихъ статьяхъ городоваго положенія не содержится указаній на то, чтобы съ изданіемъ сего положенія перешло къ городскому управленію, помимо заботъ объ устройствѣ и содержаніи бечевника, и предоставленное закономъ (ст. 360 уст. пут. сообщ. изд. 1857 г. и прим. къ ней по прод. 1893 г.) Министру Путей Сообщенія, подъ высшимъ начальствомъ котораго состоятъ всѣ водныя сообщенія (ст. 1 того же уст.), право опредѣлять самое протяженіе и размѣръ бечевника. Справедливость такихъ соображеній подтверждается тѣмъ, что иное толкованіе закона привело бы къ лишенію Министра означеннаго права не только въ городахъ, гдѣ введено городовое положеніе, но и во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ дѣйствуетъ положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, такъ какъ, въ силу п. 4 ст. 2 сего послѣдняго положенія, содержаніе и устройство бечевниковъ отнесены также къ предметамъ вѣдомства и земскихъ учрежденій. Переходя къ разсмотрѣнію вопроса о правиль-

ности съ формальной стороны дѣйствій Министра Путей Сообщенія по изданію распоряженія объ уменьшеніи бечевника рѣчки Волковки до 2 саженной ширины, Первое Общее Собраніе находитъ, что хотя таковое распоряженіе Министра Путей Сообщенія состоялось вопреки вошедшему въ законную силу постановленію С.-Петербургскаго столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія объ отводѣ подъ указанный бечевникъ 10 саженей, тѣмъ не менѣе, имѣя въ виду, что С.-Петербургское городское общественное управленіе, не будучи въ правѣ уменьшать установленный закономъ размѣръ бечевника, ограничилось въ своемъ постановленіи лишь требованіемъ объ очисткѣ мѣста для бечевы въ законныхъ размѣрахъ (10 саженей), а Министръ Путей Сообщенія, къ которому обращено было ходатайство объ уменьшеніи сихъ размѣровъ, издалъ распоряженіе объ ограниченіи бечевника рѣчки Волковки двухсаженною шириною, основываясь на принадлежащемъ ему по закону правѣ, слѣдуетъ признать, что изложенное распоряженіе Министра не можетъ быть признано направленнымъ къ отмѣнѣ распоряженій городскаго управленія по отводу бечевника и постановленія столичнаго по городскимъ дѣламъ присутствія, признавшаго правильнымъ сіи распоряженія уже потому, что вопросъ объ уменьшеніи бечевника выходитъ изъ предѣловъ вѣдѣнія названнаго управленія и подлежалъ разрѣшенію, какъ разъяснено выше, лишь Министра Путей Сообщенія. Признавая по изложеннымъ соображеніямъ: 1) что опредѣленіе размѣра и протяженія бечевника, на основаніи ст. 360 уст. пут. сообщ. изд. 1857 г. и прим. къ оной по прод. 1893 г., въ городскихъ поселеніяхъ, въ коихъ введено городовое положеніе, какъ и въ всѣхъ прочихъ мѣстахъ, зависитъ отъ Министра Путей Сообщенія, и 2) что распоряженіе сего Министра относительно уменьшенія бечевника рѣчки Волковки до двухсаженной ширины никакихъ неправильностей съ формальной стороны не представляетъ, Первое Общее Собраніе приходитъ къ заключенію, что опредѣленіе 1 Департамента Правительствующаго Сената отъ 21 мая 1897 г. неправильно во всѣхъ его частяхъ, а потому опредѣляетъ: таковое отмѣнить. О чемъ для объявленія уполномоченному Духовнаго Собора Свято-Троицкой Александво-Невской Лавры Архимандриту Корнилію, Министру Путей Сообщенія послать указъ, каковыми увѣдомить и Министра Внутреннихъ Дѣлъ и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода (Указъ 16 марта 1899 года, М—ру Пут. Сообщ., № 2861).

3. Право земства на установленіе таксъ на извѣстные предметы или услуги.

$\frac{\text{1897 года января 31-го}}{\text{1898 года декабря 18-го}}$ дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ Первомъ Общемъ Собраніи слушали: дѣло по жалобѣ Самарской губернской земской управы на постановленіе Самарскаго губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія объ отказѣ въ утвержденіи постановленія Самарскаго губернскаго земскаго собранія, коимъ установлена такса на взвѣшиваніе зернового хлѣба и другихъ продуктовъ на вѣсахъ, предположенныхъ къ устройству обществомъ крестьянъ села Балакова, Николаевскаго уѣзда, на принадлежащей имъ базарной площади. Приказали: Изъ дѣла видно, что крестьяне собственники села Балакова въ приговорѣ своемъ отъ 13 января 1893 г., ссылаясь на неудобства отъ взвѣшиванія всѣхъ привозимыхъ въ Балаково окрестными жителями на продажу произведеній на вѣсахъ базарной площади удѣльнаго вѣдомства, постановили: ходатайствовать о разрѣшеніи обществу имѣть торговые вѣсы на сѣнной общественной площади, съ правомъ взимать за взвѣшиваніе на оныхъ плату по таксѣ, сообразной съ таксою удѣльнаго вѣдомства. Засимъ, вслѣдствіе предложенія уѣздной земской управы, общество крестьянъ составило новый приговоръ, опредѣливъ въономъ самую плату за взвѣшиваніе зернового хлѣба по $^1/_4$ коп., а за взвѣшиваніе сѣна и другихъ продуктовъ по $^1/_2$ коп. съ пуда. По представленіи уѣздною управою означенной таксы, согласно постановленію уѣзднаго земскаго собранія, на утвержденіе губернскаго земскаго собранія, послѣднее, руководствуясь п. 9 ст. 108 пол. зем. учр., приняло эту таксу и постановило представить ее на утвержденіе губернатора (постановленіе 13 декабря 1893 г.). Самарскій губернаторъ, не признавая возможнымъ утвердить это постановленіе губернскаго земскаго собранія, предложилъ его на обсужденіе губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія, которое нашло допущенное собраніемъ примѣненіе 9 п. 108 ст. зем. полож. неправильнымъ, почему опредѣленіемъ отъ 17 января 1894 г. оставило постановленіе собранія безъ утвержденія. Самарская губернская земская управа, по уполномочію губернскаго земскаго собранія, обжаловала это постановленіе Правительствующему Сенату, объясняя, что, въ виду 9 п. 108 ст. и 11 п. 2 ст. пол. зем. учр., огражденіе ярмарочной и базарной торговли отъ стѣсненій со стороны владѣльцевъ торговыхъ пло-

щадей лежитъ на обязанности земскихъ учрежденій, которыя посему и имѣютъ право, въ интересахъ населенія, таксировать размѣръ платы за взвѣшиваніе товаровъ въ опредѣленномъ торговомъ пунктѣ. Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла съ законами, Первое Общее Сената Собраніе находитъ, что, какъ это вытекаетъ, между прочимъ, изъ смысла 127 ст. уст. нар. прод., св. зак. т. XIII изд. 1892 г., существенное значеніе таксъ, въ смыслѣ опредѣленныхъ правительственною или общественною властью цѣнъ за извѣстные предметы или услуги, заключается въ ограниченіи произвольныхъ требованій, какія могли бы быть предъявлены частными лицами за доставленіе этихъ предметовъ или услугъ. Предоставленіе какому либо учрежденію права нормировать такимъ образомъ изданіемъ таксы размѣръ выгодъ, извлекаемыхъ собственникомъ (отдѣльнымъ лицомъ или обществомъ) изъ принадлежащаго ему имущества, является ограниченіемъ правъ собственности и принципа свободы частныхъ сдѣлокъ, которое не можетъ предполагаться, но должно всегда основываться на прямомъ указаніи закона. Сообразно сему наше законодательство въ тѣхъ случаяхъ, когда признаетъ нужнымъ допустить обязательную нормировку цѣнъ какихъ либо предметовъ, работъ или сборовъ за пользованіе извѣстнаго рода имуществомъ, указываетъ не только учрежденіе, уполномоченное издавать таксы, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ и границы, въ коихъ имѣетъ право дѣйствовать это учрежденіе. Съ своей стороны, Правительствующій Сенатъ неоднократно признавалъ незаконность установленія таксъ при отсутствіи прямого на то дозволенія въ законѣ. Обращаясь засимъ къ разсмотрѣнію возникшаго въ настоящемъ дѣлѣ вопроса о правѣ губернскаго земскаго собранія на установленіе, съ утвержденія губернатора, таксы за взвѣшиваніе сѣна, зерна и другихъ произведеній на вѣсахъ, устроенныхъ обществомъ крестьянъ на принадлежащей имъ базарной въ селѣ площади, Первое Общее Сената Собраніе не усматриваетъ ни въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, ни въ какомъ либо другомъ узаконеніи указанія на принадлежность земскимъ учрежденіямъ подобнаго права. Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ (св. зак. т. II изд. 1892 г.) предусмотрѣно право земскихъ собраній на установленіе таксъ вознагражденія за потравы и другія поврежденія земельныхъ угодій, за лѣсныя порубки, за тушеніе лѣсныхъ пожаровъ и платы судорабочимъ за простой на водяныхъ путяхъ сообщенія (п. 7 и 8 ст. 63), причемъ постановленія собраній по симъ предметамъ

подлежатъ утвержденію губернаторовъ (п. 5 ст. 82); независимо отъ сего, губернское земское собраніе опредѣляетъ сборы съ проѣзжающихъ по содержимымъ частными лицами переправамъ (п. 12 ст. 62 полож.). Эти указанія закона, какъ спеціальныя, исключительныя, не только не даютъ предполагаемаго жалобщикомъ основанія къ признанію за губернскими земскими собраніями, по аналогіи, подобнаго же права на установленіе таксы за взвѣшиваніе товаровъ, но служатъ, напротивъ, къ опроверженію такого предположенія. Равнымъ образомъ нельзя выводить правомочіе земскихъ собраній по означенному предмету изъ приводимыхъ губернскою земскою управою 11 п. 2 ст. и 9 п. 108 ст. пол. зем. учр. Первое изъ сихъ узаконеній относитъ къ предметамъ вѣдомства земскихъ учрежденій въ предѣлахъ, указанныхъ въ положеніи (ст. 62—64, 97, 98, 108 и 109),—воспособленіе зависящими отъ земства способами земледѣлію, торговлѣ и промышленности. Приведенное постановленіе указываетъ, такимъ образомъ, что для осуществленія возложенной на земскія учрежденія задачи по воспособленію земледѣлію, торговлѣ и промышленности они могутъ принимать зависящія мѣры, лишь насколько таковыя не выходятъ изъ предѣловъ власти сихъ учрежденій, установленныхъ 62—64, 97, 98, 108 и 109 ст. Посему точное содержаніе 11 п. 2 ст. подтверждаетъ тотъ выводъ, что земскія учрежденія могли бы содѣйствовать земледѣлію и торговлѣ таксированіемъ платы за взвѣшиваніе продуктовъ единственно въ томъ случаѣ, если бы закономъ имъ было именно предоставлено право на изданіе такихъ таксъ, между тѣмъ о такомъ правѣ въ перечисленныхъ въ 11 п. 2 ст. статьяхъ закона вовсе не упомянуто. Хотя приведенный выше 9 п. 108 ст. пол. зем. учр. предоставляетъ земскому собранію составлять обязательныя постановленія о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ, но нормированіе цѣнъ за пользованіе сооруженными собственниками базарной площади вѣсами (точно также, какъ и таксація продаваемыхъ на базарахъ продуктовъ) не можетъ быть относимо къ категоріи мѣръ, устанавливающихъ „внутренній распорядокъ на базарѣ“. По ближайшему смыслу сего послѣдняго выраженія подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть мѣры благоустройства на базарной площади и въ самомъ базарномъ торгѣ, которыя обезпечиваютъ возможность безопасно и удобно пользоваться ими. Таковы правила, гарантирующія исполненіе требованій уставовъ строительнаго и пожарнаго, а равно и санитарныхъ условій, имѣющія предметомъ распредѣленіе торговцевъ на извѣстныя группы,

назначеніе мѣстъ, гдѣ могутъ останавливаться торговцы съ лотковъ, незагроможденіе площадей и т. д.; сюда же можетъ быть отнесено и опубликованіе существующихъ уже таксъ. Но установленіе новыхъ таксъ выходитъ далеко за предѣлы такого распорядка, внося, какъ уже было сказано, въ видѣ исключенія, вызваннаго общественнымъ интересомъ, извѣстныя ограниченія въ распоряженіи собственника своимъ имуществомъ въ свободу самыхъ сдѣлокъ. Въ постановленіяхъ нашего законодательства усматриваются и прямыя указанія на невозможность смѣшивать право изданія таксъ на предметы потребленія и услуги съ правомъ установленія внутренняго распорядка на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ. Такъ, въ дѣйствующемъ городовомъ положеніи, наряду съ ст. 108, предоставляющей городскимъ думамъ право изданія обязательныхъ постановленій о внутреннемъ распорядкѣ на ярмаркахъ, рынкахъ и базарахъ, имѣется отдѣльное постановленіе п. 4 ст. 78 о правѣ думы устанавливать таксы на хлѣбъ, мясо и другіе предметы и статьи 135—о сборѣ за употребленіе общественныхъ мѣръ и вѣсовъ на торговыхъ мѣстахъ. Наконецъ взглядъ законодателя проявляется всего нагляднѣе въ ст. 54 уст. фаб. (т. XI ч. 2 изд. 1893 г.), которая гласитъ: „На фабричную инспекцію.... возлагается.... разсмотрѣніе и утвержденіе таксъ, табелей и росписаній и правилъ внутренняго распорядка, составляемыхъ фабричными управленіями для руководства рабочихъ". Въ этомъ постановленіи законъ положительно отдѣляетъ утвержденіе таксъ отъ утвержденія правилъ внутренняго распорядка. Въ виду вышеизложеннаго Первое Общее Собраніе находитъ, что Самарское губернское по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствіе имѣло законное основаніе не признать за губернскимъ земскимъ собраніемъ права на установленіе таксы вознагражденія за пользованіе общественными крестьянскими вѣсами на базарной площади села Балакова, и соотвѣтственно сему, а равно въ виду 82 ст. пол. зем. учр., перечисляющей, какія именно таксы, составленныя земскими собраніями, подлежатъ утвержденію губернатора, отклонить ходатайство губерской земской управы объ утвержденіи постановленія земскаго собранія по означенному предмету. Опредѣленіе губернскаго присутствія тѣмъ болѣе представляется правильнымъ, что предположенная земскимъ собраніемъ мѣра—утвержденіе таксы правительственною властью—могла быть по существу своему лишь общею для однородныхъ промышленныхъ предпріятій въ данной мѣстности (село Балаково), гдѣ уже имѣлись вѣсы другого вла-

дѣльца, а никакъ не специальною для однихъ крестьянскихъ общественныхъ вѣсовъ. По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, не усматривая основанія къ отмѣнѣ обжалованнаго постановленія Самарскаго губернскаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія, Первое Общее Собраніе Правительствующаго Сената опредѣляетъ: жалобу Самарской губернской земской управы оставить безъ послѣдствій. О чемъ для исполненія къ объявленію Самарской губернской земской управѣ, а равно въ разрѣшеніе рапорта за № 3965, министру внутреннихъ дѣлъ, послать указъ, каковымъ для свѣдѣнія увѣдомить министра финансовъ (Указъ 28 марта 1899 года, № 3450 г. М—ру Вн. Дѣлъ).

4. *Имѣютъ ли земскія учрежденія право разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ.*

$\frac{\text{1897 года мая 30-го}}{\text{1898 года октября 28-го}}$ дня. По указу Его Императорскаго Величества, Правительствующій Сенатъ въ Первомъ Общемъ Собраніи слушали: дѣло по рапорту министра финансовъ отъ 10 мая 1895 г. № 1536 по вопросу о томъ, имѣютъ ли право земскія учрежденія разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ. Приказали: изъ дѣла видно, что министерство внутреннихъ дѣлъ препроводило въ министерство финансовъ представленіе Тверскаго губернатора по вопросу о томъ, имѣютъ ли право земскія учрежденія разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ и если имѣютъ, то кому это право принадлежитъ,—земскимъ ли только собраніямъ или также управамъ, и, съ своей стороны, находило, что предоставленіе земскимъ учрежденіямъ такого права не оправдывается ни дѣйствующимъ закономъ, ни соображеніями практическаго свойства. Министерство финансовъ по разсмотрѣніи этого дѣла, отозвалось, что хотя ни въ положеніи о зем. учр. (1864 г.), ни во врем. прав. по дѣл. о зем. пов. не упомянуто о правѣ земскихъ собраній и управъ давать отсрочки по платежу земскихъ сборовъ, но, въ виду разъясненія Правительствующаго Сената, распубликованнаго въ циркулярѣ хозяйственнаго департамента отъ 13 іюля 1884 г. за № 4418, коимъ за земскими учрежденіями въ исключительныхъ случаяхъ признано право отсрочки земскихъ сборовъ, установилась земская практика предоставленія плательщикамъ временныхъ льготъ по платежу оныхъ. Эта практика сохранила свою силу и при дѣйствіи новаго положенія о губерн. и уѣздн. зем. учр. (12 іюня

1890 г.), какъ потому, что временныя правила, до коихъ собственно относилось вышеприведенное Сенатское разъясненіе, остались безъ измѣненія, такъ и потому, что, въ силу ст. 10 врем. прав., земскимъ учрежденіямъ принадлежитъ гораздо большее право освобождать вовсе отъ земскаго обложенія имущества, не изъятыя отъ него по закону. Не усматривая, поэтому, повода къ измѣненію существующаго порядка, министерство финансовъ полагало, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, хотя земскія управы не должны бы въ этомъ отношеніи дѣйствовать самостоятельно, ибо назначеніе и раскладка сборовъ предоставлены собраніямъ, но, въ виду того, что послѣднія собираются лишь разъ въ годъ и на короткое время, слѣдуетъ признать вполнѣ цѣлесообразною установившуюся земскую практику, по которой не собранія, а управы предоставляютъ упомянутыя льготы въ предѣлахъ тѣхъ полномочій, коими онѣ облечены земскими собраніями. По поводу этого заключенія министръ внутреннихъ дѣлъ увѣдомилъ министерство финансовъ, что спорный вопросъ разрѣшенъ Правительствующимъ Сенатомъ въ опредѣленіи отъ 14 февраля 1894 г. за № 1582 по дѣлу Папа-Афанасопуло въ смыслѣ, вполнѣ согласномъ съ мнѣніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, почему оно и сдѣлало Тверскому губернатору соотвѣтствующія сему указу разъясненія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, министерство внутреннихъ дѣлъ указало на отличіе отсрочки взысканія, которая можетъ быть сдѣлана до внесенія недоимки въ смѣту земскихъ доходовъ, путемъ признанія ея временно неблагонадежной, отъ разсрочки таковой, какъ уже внесенной въ смѣту, вслѣдствіе чего оно и затруднилось согласиться съ соображеніями министерства финансовъ, полагая, что допущеніе разсрочекъ могло бы внести въ смѣту нежелательную неопредѣленность и отразиться неблагопріятно на земскомъ хозяйствѣ. Находя, что сообщенное министерствомъ внутреннихъ дѣлъ Тверскому губернатору разъясненіе, какъ основанное на сепаратномъ указѣ Правительствующаго Сената и не согласное съ основаніями заключеній министерства финансовъ, ни съ прежней практикой Правительствующаго Сената, не можетъ быть признано окончательнымъ, министръ финансовъ рапортомъ отъ 10 мая 1895 г. за № 1536 представляетъ Правительствующему Сенату о необходимости общаго окончательнаго разъясненія спорнаго вопроса и, по поводу изложенныхъ соображеній министерства внутреннихъ дѣлъ, полагаетъ, что право давать льготы по обложенію въ видѣ отсрочки платежа, не имѣетъ ничего общаго съ признаніемъ неблагонадежности взысканія, которое

имѣетъ значеніе лишь для смѣтныхъ исчисленій. Сообразивъ возбужденный министромъ финансовъ вопросъ о правѣ земскихъ учрежденій отсрочивать взносы земскихъ сборовъ, Первое Общее Собраніе находитъ, что вопросъ этотъ восходилъ уже на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената, причемъ въ рѣшеніи 12 мая 1883 г. за № 2517 признано, что хотя по уставу о земскихъ повинностяхъ земскіе сборы вносятся въ тѣ же сроки, какіе установлены для взноса податей, но правило сіе, имѣющее цѣлью обезпечить земскимъ кассамъ вѣрнѣйшее поступленіе суммъ, не можетъ быть разсматриваемо, какъ непреложное требованіе закона и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда взысканіе земскихъ сборовъ въ установленные сроки повлекло бы за собою значительное разстройство въ хозяйствѣ плательщиковъ, а слѣдовательно, и вообще уменьшеніе платежныхъ силъ мѣстности (каковы случаи неурожая, градобитія, пожаровъ, падежей скота и т. п.), въ каковыхъ случаяхъ земскія учрежденія, коимъ по закону предоставлены: назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе земскихъ сборовъ не лишены права отсрочивать взносъ оныхъ. Приведенное разъясненіе Правительствующаго Сената, хотя оно послѣдовало при дѣйствіи положенія земскихъ учрежденій 20 ноября 1864 г., въ полной мѣрѣ сохраняетъ свою силу и въ настоящее время, такъ какъ въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ 11 іюня 1890 г. не содержится какихъ либо законоположеній, изъ коихъ можно было бы усмотрѣть, что законодателемъ названное право нынѣ за земскими учрежденіями не признается, а дѣйствующія нынѣ, какъ и до изданія положенія 1890 г., временныя правила по дѣламъ о земскихъ повинностяхъ подтверждаютъ заключеніе о правѣ земскихъ учрежденій разсрочивать уплату недоимокъ земскихъ сборовъ. Въ силу означенныхъ узаконеній назначеніе, раскладка, взиманіе и расходованіе земскихъ сборовъ остались, какъ и прежде, въ вѣдѣніи земскихъ учрежденій. Статья 10 врем. прав. о зем. пов. предоставляетъ усмотрѣнію сихъ учрежденій допускать изъятія изъ обложенія земскими сборами по особымъ уважительнымъ причинамъ, а по ст. 62 пол. зем. учр., изд. 1892 г., къ предметамъ вѣдѣнія губернскихъ собраній отнесено (п. 6) сложеніе безнадежныхъ къ поступленію недоимокъ и пеней по земскимъ сборамъ. Разсматривая приведенныя законоположенія въ ихъ взаимной связи, нельзя не признать, что земскія учрежденія, имѣющія право обложенія земскими сборами и сложенія недоимокъ по этимъ сборамъ, не могутъ быть лишены и менѣе обширнаго права дарованія

временныхъ податныхъ льготъ въ видѣ разсрочки земскаго сбора. Косвенное подтвержденіе сего права усматривается и въ 1 примѣчаніи къ 93 ст. уст. зем. пов., по прод. 1890 г. Въ названной статьѣ значится, что при взысканіи недоимокъ земскаго сбора разсрочекъ не допускается, а въ примѣчаніи къ ней выражено, что министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, предоставляется по особо уважительнымъ причинамъ разсрочивать недоимки земскихъ сборовъ въ размѣрѣ до 3000 руб. на срокъ не свыше 5 лѣтъ съ примѣненіемъ сего порядка въ тѣхъ лишь губерніяхъ, въ коихъ не открыты земскія учрежденія. Нельзя не замѣтить, что правило, выраженное въ 93 ст. уст. о зем. пов. изд. 1857 г., не распространяется на губерніи, въ которыхъ введены земскія учрежденія, такъ какъ, по смыслу 1 и 2 ст. врем. прав. зем. пов. (св. зак. Т. IV, изд. 1890 г. и прод. 1891 и 1893 г.г.), означенныя учрежденія примѣняютъ лишь тѣ постановленія устава о земскихъ повинностяхъ, на которыя сдѣлана ссылка во временныхъ правилахъ (ср. ст. 10, 21, 2 прим. къ 23, 36 врем. прав.), статья же 93 къ числу таковыхъ не относится. Засимъ, если въ губерніяхъ, въ которыхъ по общему правилу не допускается разсрочка земскихъ сборовъ, дозволяется отступленіе отъ этого правила въ особо уважительныхъ случаяхъ, то не усматривается никакихъ основаній предполагать, чтобы законодатель ставилъ въ менѣе благопріятное положеніе плательщиковъ земскихъ сборовъ въ тѣхъ губерніяхъ, на которыя не распространяется общее воспрещеніе разсрочки земскихъ сборовъ. Отсутствіе въ законѣ указаній на правительственные органы, коимъ предоставлено допущеніе подобныхъ отсрочекъ въ губерніяхъ земскихъ, приводитъ лишь къ заключенію, что законодатель признаетъ таковое право за земскими учрежденіями, снабженными вообще широкими полномочіями по завѣдыванію земскими сборами и имѣющими, между прочимъ, право сложенія недоимокъ, безнадежныхъ къ поступленію.

Что же касается правилъ ст. 5 Прав. о составленіи земскихъ смѣтъ (прил. къ ст. 6 Пол. Зем. Учр. 1890 г.), по коему непополненныя до составленія новой смѣты недоимки по земскимъ сборамъ, признаваемыя благонадежными къ поступленію въ предстоящемъ году, должны быть обращаемы на покрытіе исчисленныхъ по смѣтѣ расходовъ, то правило это нисколько не можетъ лишать земскія учрежденія права разсрочивать уплату признанныхъ благонадежными и вписанныхъ въ смѣту недоимокъ, такъ какъ всѣ суммы, вносимыя въ раскладку, не могутъ быть на прак-

тикѣ исчислены съ полною точностью: дѣйствительное поступленіе различныхъ сборовъ можетъ быть большимъ или меньшимъ противъ предположенія, причемъ это явленіе замѣчается какъ по отношенію къ поземельнымъ сборамъ, такъ и по отношенію къ недоимкамъ сихъ сборовъ за прежніе годы и, слѣдовательно, допущеніе отсрочекъ или разсрочекъ въ уплатѣ земскихъ сборовъ вовсе не можетъ затруднить выполненіе смѣтныхъ предположеній. По изложеннымъ соображеніямъ и имѣя въ виду: 1) что выраженное въ опредѣленіи Сената по дѣлу Папа-Афанасопуло 14 марта 1894 г. требованіе, чтобы разсрочки земскихъ сборовъ не допускались земскими учрежденіями по соображеніямъ личныхъ удобствъ частныхъ лицъ, насколько таковыя не соотвѣтствуютъ общимъ пользамъ мѣстнаго населенія, представляется прямымъ выводомъ изъ смысла I ст. пол. зем. учр. и необходимымъ, во избѣжаніе злоупотребленій, дополненіемъ признаннаго Правительствующимъ Сенатомъ въ 1883 году права упомянутыхъ учрежденій на разсрочку земскихъ сборовъ; 2) что существенною гарантіею противъ возможныхъ злоупотребленій правомъ разсрочки недоимокъ земскихъ сборовъ является, наряду съ симъ, и принадлежащее Губернаторамъ, согласно 87 ст. пол. зем. учр., право останавливать исполненіе постановленій земскихъ собраній не только по незаконности ихъ, но и въ томъ, между прочимъ, случаѣ, когда постановленія эти явно нарушаютъ интересы мѣстнаго населенія, причемъ въ семъ послѣднемъ случаѣ опротестованное постановленіе земства восходитъ, согласно 93 и 94 ст. пол., на обсужденіе высшихъ центральныхъ установленій—Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, Комитета Министровъ и Государственнаго Совѣта, Первое Общее Собраніе находитъ, что *право на разсрочку недоимокъ земскихъ сборовъ должно быть и въ настоящее время, какъ и при дѣйствіи Пол. Зем. Учр. 1864 г., признано за Земскими Собраніями, причемъ за ними же должно быть признано и право опредѣленія способовъ и порядка этихъ разсрочекъ и преподаніе соотвѣтствующихъ о семъ указаній Земскимъ Управамъ.* А посему Первое Общее Собраніе Правительствующаго Сената опредѣляетъ: о вышеизложенномъ разъясненіи въ разрѣшеніе рапорта за № 1536 Министру Финансовъ послать указъ, каковымъ увѣдомить для свѣдѣнія и Министра Внутреннихъ Дѣлъ (Указъ 12 февраля 1899 г., М—ру Вн. Дѣлъ № 1772).

5. *Предѣлы права городского общественнаго управленія на изданіе обязательныхъ постановленій, коими въ пользу городскихъ концессіонеровъ монополизируется данная отрасль.*

1898 г. апрѣля 24 и декабря 18 Правительствующій Сенатъ, въ Первомъ Общемъ Собраніи слушали: дѣло по жалобамъ: 1) правленія Высочайше утвержденнаго товарищества Витебскихъ водопроводовъ и повѣреннаго сего правленія, статскаго совѣтника *Загордъ-Илинича* на постановленіе Витебскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, состоявшееся 11 января 1896 г., по прошенію правленія о понужденіи Витебской городской думы къ изданію, во исполненіе п. 15 контракта 5 декабря 1892 г. обязательнаго постановленія относительно воспрещенія водовозамъ брать воду для продажи не изъ устроеннаго въ гор. Витебскѣ водопровода, и 2) по жалобѣ уполномоченнаго Витебской городской думы, гласнаго Казиміра Догеля, на распоряженіе Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ исключеніи изъ составленнаго Витебскою городскою думою проекта обязательныхъ постановленій относительно пользованія устроеннымъ въ г. Витебскѣ водопроводомъ правила о дозволеніи мѣстнымъ водовозамъ брать воду для продажи только изъ водоразборныхъ будокъ.

Приказали: Изъ дѣла видно, что Витебскою городскою думою 29 ноября 1894 г. составленъ былъ проектъ обязательныхъ постановленій для мѣстныхъ жителей о порядкѣ содержанія и пользованія устроеннымъ частными предпринимателями водопроводомъ въ коихъ, между прочимъ, содержались правила: 1) о размѣрахъ платы за отпускаемую изъ означеннаго сооруженія воду (§ 9) и 2) о томъ, что всякая, въ видѣ промысла, продажа воды, взятой не изъ водопровода, для какого бы то ни было употребленія, безусловно воспрещается; концессіонерамъ же предоставляется право снабжать жителей фильтрованною водою изъ водопровода посредствомъ водовозовъ, съ платою по взаимному соглашенію (§§ 3 и 5). Означенный проектъ обязательныхъ постановленій, въ виду п. 5 ст. 79 гор. пол. 1892 г., Витебскимъ губернаторомъ представленъ былъ, на предметъ утвержденія включеннаго въ оный правила о размѣрѣ платы за пользованіе водою изъ водопровода, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, а послѣднее, съ своей стороны, по разсмотрѣніи упомянутыхъ обязательныхъ постановленій, нашло, что указаніе на размѣръ сбора за пользованіе водопроводными сооруженіями не должно быть предметомъ такихъ постановленій, и что,

равнымъ образомъ, не можетъ имѣть мѣста въ ряду обязательныхъ постановленій и воспрещеніе водовозамъ брать воду изъ р. Двины, для развозки ея за плату по домамъ, такъ какъ подобное воспрещеніе создаетъ ничѣмъ неоправдываемую монополію снабженія мѣстныхъ жителей водою предпринимателями, стѣсняетъ или даже въ конецъ убиваетъ водовозный промыселъ, можетъ поставить городское населеніе въ крайне затруднительное положеніе при неисправности дѣйствія водопровода или недоброкачественности воды изъ него, какъ это обнаружено уже на опытѣ въ нѣкоторыхъ городахъ, и, наконецъ, лишаетъ обывателей города возможности пользоваться нефильтрованною водою, какъ болѣе дешевою, во многихъ случаяхъ требующихъ большаго количества воды (какъ, напримѣръ, при стиркѣ, для употребленія въ баняхъ, при поливкѣ мостовыхъ и дворовъ и т. п.), въ явное нарушеніе имущественныхъ интересовъ населенія. Признавая, по симъ соображеніямъ, составленный Витебскою городскою думою проектъ обязательныхъ постановленій по объясненному предмету подлежащимъ пересоставленію, Министръ, 23 февраля 1895 г. за № 1923, сообщилъ о семъ губернскому начальству. По новомъ, вслѣдствіе сего, обсужденіи настоящаго дѣла Витебская городская дума не признала, однако, возможнымъ исключить указанное Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ воспрещеніе водовозамъ брать воду для продажи не изъ водопровода, основываясь на томъ, что подобное воспрещеніе основывается на заключенномъ 5 декабря 1892 г. городскою управою съ предпринимателями контрактѣ, по силѣ коего „всякая, въ видѣ промысла, продажа, для какого бы то ни было потребленія, воды, взятой не изъ водопровода, безусловно воспрещается, а водовозамъ дозволяется брать воду только изъ водоразборныхъ будокъ; городскимъ же управленіемъ будутъ постановлены въ семъ отношеніи обязательныя для жителей правила (п. 16)“. Притомъ, такъ какъ контрактъ этотъ никѣмъ не отмѣненъ и совершенъ еще при дѣйствіи въ г. Витебскѣ городоваго положенія 1870 г., то точное исполненіе его, по мнѣнію городской думы, безусловно обязательно какъ со стороны предпринимателей, такъ и городскаго общественнаго управленія, вслѣдствіе чего всякое нарушеніе сего контракта можетъ навлечь на городъ судебные иски. По симъ основаніямъ городская дума, въ засѣданіи 15 мая 1895 г., постановила возбудить, въ установленномъ порядкѣ, ходатайство предъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ о сохраненіи содержавшагося въ 3 и 5 §§ упомянутаго проекта правила о воспрещеніи водовозамъ брать воду изъ р. Двины

для развозки ея, за плату, по домамъ. Но Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, какъ по приведеннымъ въ отзывѣ отъ 23 февраля 1895 г. за № 1923 соображеніямъ, такъ и въ виду того, что водовозный промыселъ вообще относится къ числу тѣхъ промысловъ, упорядоченіе коихъ принадлежитъ городскому общественному управленію, въ порядкѣ ст. 108 нов. гор. пол. признало изъясненное ходатайство неподлежащимъ удовлетворенію. Между тѣмъ, правленіе Высочайше утвержденнаго товарищества Витебскихъ водопроводовъ обратилось къ губернскому начальству съ прошеніемъ, въ коемъ, ссылаясь на контрактъ отъ 5 декабря 1892 г., по силѣ коего городское общественное управленіе должно издать ко дню открытія дѣйствій водопровода (т. е. къ 1 января 1895 г.) обязательныя для мѣстныхъ жителей постановленія о воспрещеніи продажи воды, въ видѣ промысла, взятой не изъ водоразборныхъ будокъ, ходатайствовало о понужденіи городскаго общественнаго управленія къ скорѣйшему изданію означенныхъ постановленій, съ точнымъ соблюденіемъ условія контракта. Съ своей стороны, губернаторъ, въ виду означеннаго ходатайства, передалъ все дѣло о составленныхъ Витебскою городскою думою обязательныхъ постановленіяхъ объ устройствѣ и эксплоатаціи городскаго водопровода на разсмотрѣніе мѣстнаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія, которое, принявъ во вниманіе, что Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, по двукратномъ разсмотрѣніи составленныхъ Витебскою городскою думою обязательныхъ постановленій по изъясненному предмету, нашло необходимымъ измѣнить ихъ, исключивъ изъ оныхъ тѣ параграфы, коими воспрещалось водовозамъ брать воду изъ р. Двины для продажи мѣстнымъ обывалямъ, признало объясненное ходатайство правленія товарищества Витебскихъ водопроводовъ о включеніи въ обязательныя постановленія правила относительно воспрещенія продажи воды, взятой не изъ водопровода, неподлежащимъ удовлетворенію, и, засимъ, по опредѣленію 11 января 1896 г., постановило признать обязательныя постановленія подлежащими составленію лишь въ предѣлахъ, разрѣшенныхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. Въ приносимой на сіе Правительствующему Сенату жалобѣ правленіе товарищества Витебскихъ водопроводовъ, ссылаясь, между прочимъ, на изложенный выше § 15 контракта городскаго общественнаго управленія съ частными предпринимателями (Глинскими и Цѣхановецкимъ) относительно устройства и эксплоатаціи въ г. Витебскѣ, водопровода, заключеннаго 5 декабря 1892 года, т. е. еще

при дѣйствіи въ названномъ городѣ прежняго городоваго положенія 1870 г., и § 70 Высочайше утвержденнаго 23 іюня 1895 г. устава названнаго товарищества, по силѣ коего взаимныя права и обязанности между товариществомъ и Витебскою городскою думою опредѣляются означеннымъ контрактомъ, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ изъясненнаго опредѣленія Витебскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія отъ 11 января 1896 г., какъ состоявшагося въ нарушеніе имущественныхъ интересовъ просителя. Съ своей стороны, Витебская городская дума, чрезъ уполномоченнаго своего, помощника присяжнаго повѣреннаго Догеля, ссылаясь, равнымъ образомъ, на § 15 контракта городскаго общественнаго управленія съ частными предпринимателями относительно устройства и эксплоатаціи въ г. Витебскѣ водопровода и указывая, что контрактъ этотъ для города Витебска обязателенъ, ходатайствуетъ объ отмѣнѣ распоряженія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, препятствующаго думѣ, во исполненіе принятаго ею, въ силу названнаго контракта, обязательства, издать упомянутое выше обязательное постановленіе относительно воспрещенія водовозамъ брать воду изъ р. Двины для развозки ея за плату по домамъ. Сообразивъ обстоятельства настоящаго дѣла, Первое Общее Собраніе находитъ, что въ дѣлѣ этомъ, прежде всего, представляется необходимымъ разрѣшить вопросъ о томъ, въ правѣ ли была Витебская городская дума включать въ заключенный ею 5 декабря 1892 г. съ концессіонерами Глинскими и Цѣхановецкимъ контрактъ условіе о томъ, что и всякая, въ видѣ промысла, продажа для какого бы то ни было потребленія воды, взятой не изъ водопровода, безусловно воспрещается, а водовозамъ дозволяется брать воду только изъ водоразборныхъ будокъ, городскимъ же управленіемъ будутъ составлены въ семъ отношеніи обязательныя для жителей правила. При этомъ, въ виду отсутствія указанія на такое право въ ст. 108 город. полож. 1892 г. и 103 ст. город. полож. 1870 г., въ которыхъ перечислены всѣ предметы, по которымъ городскимъ думамъ предоставляется составлять обязательныя постановленія, нельзя не придти въ этомъ отношеніи къ отрицательному выводу, находящему себѣ подтвержденіе, кромѣ того, и въ рѣшеніи Правительствующаго Сената 20 марта 1884 г. № 2215, коимъ разъяснено, что „ни право распредѣлять предметы торговли, ни наблюденіе за порядкомъ на базарахъ не даютъ городскому управленію права воспрещать такую торговлю, которая допускается закономъ повсемѣстно“, содержаніе же п.п.

7 и 9 ст. 108 город. полож. 1892 г. не можетъ быть признано имѣющимъ отношеніе къ настоящему вопросу, такъ какъ означенными пунктами устанавливается право городскихъ думъ издавать обязательныя постановленія: а) „о санитарныхъ мѣрахъ, которыя должны быть соблюдаемы въ помѣщеніяхъ для продажи съѣстныхъ припасовъ и напитковъ для обезпеченія безвредности оныхъ", и б) „о мѣрахъ противъ порчи воды, объ уборкѣ или уничтоженія палыхъ животныхъ, о предупрежденіи и прекращеніи заразительныхъ и повальныхъ болѣзней, а равно и скотскихъ падежей". Но и помимо отсутствія въ законѣ указаній на право городскихъ управленій воспрещать какой-либо видъ торговли, повсемѣстно дозволенный, существуетъ положительный законъ, по которому никакой налогъ не можетъ быть назначенъ иначе какъ Высочайшею властью; между тѣмъ помѣщеніе Витебскою городскою думою въ заключенный ею договоръ условія о воспрещеніи водовозамъ доставлять воду, взятую не изъ водопровода, предоставляя товариществу недопускаемую закономъ монополію, устанавливаетъ въ пользу товарищества налогъ на жителей тѣхъ отдаленныхъ частей города, въ которыя товарищество не сочтетъ выгоднымъ проводить воду водопроводомъ. Очевидно, что въ этихъ частяхъ города водовозы къ нынѣшней цѣнѣ за доставляемую ими прямо изъ р. Двины воду, за которую ничего сами не платятъ, прибавятъ все то, что должны будутъ платить водопроводу, и такимъ образомъ жители этихъ частей города, несомнѣнно самые бѣднѣйшіе, должны будутъ за самый необходимый предметъ продольствія—воду платить, безъ всякаго основанія, значительно большія цѣны, нежели нынѣ. Наконецъ, помѣщеніе Витебскою Городскою Думою въ заключенный ею договоръ условія о непремѣнной обязательности издать обязательное постановленіе указаннаго выше содержанія должно быть признано несогласнымъ съ закономъ и по самой невыполнимости такого условія для городской думы, въ виду устанавливаемаго какъ городовымъ положеніемъ 1870 г. (ст. ст. 11 и 106), такъ и город. пол. 1892 г. (ст. ст. 80 и 110) права высшихъ административныхъ властей издаваемыя городскими думами обязательныя постановленія отмѣнять. Переходя засимъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, должны ли отсутствіе своевременно послѣдовавшихъ, въ установленнымъ порядкѣ, протеста мѣстнаго губернатора или распоряженій мѣстнаго губернскаго по городскимъ дѣламъ Присутствія и Министра Внутреннихъ Дѣлъ объ отмѣнѣ противозаконнаго постановленія витебской городской думы, а также послѣдовавшее

впослѣдствіи утвержденіе высшимъ правительствомъ устава товарищества витебскихъ водопроводовъ, по силѣ § 70 котораго „взаимныя отношенія, права и обязанности между товариществъ и витебскою Городскою Думою опредѣляются настоящимъ уставомъ и контрактомъ, заключеннымъ 5 декабря 1892 г. дворяниномъ Феликсомъ Цѣхановецкимъ съ городскою управою“, затѣмъ “всѣ измѣненія въ означенномъ контрактѣ производятся съ общаго согласія сторонъ и вступаютъ въ силу по надлежащемъ утвержденіи состоявшихся соглашеній“, быть признаны препятствіемъ къ отмѣнѣ впослѣдствіи такого противозаконнаго обязательнаго постановленія думы при новомъ разсмотрѣніи онаго подлежащею властью, причемъ въ виду отсутствія въ законѣ указанія на то, чтобы Губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе, вслѣдствіе неправильнаго предварительнаго представленія обязательнаго постановленія думы въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, или вслѣдствіе нарушенія какихъ либо иныхъ формальныхъ условій,—было лишено права войти въ обсужденіе законности хотя бы и не въ установленномъ порядкѣ переданнаго на его размотрѣніе Губернаторомъ обязательнаго постановленія думы и признать таковое неподлежащимъ утвержденію, Первое Общее Сената Собраніе признаетъ, что для отмѣны по этому поводу постановленій Витебскаго Губернскаго по городскимъ дѣламъ присутствія по сему дѣлу отъ 11 января и 29 февраля 1896 г. не представляется законныхъ основаній. Нельзя при этомъ не остановиться и на томъ соображеніи, что принятое на себя Витебскою городскою думою по договору обязательство обезпечить товариществу Витебскихъ водопроводовъ отсутствіе конкуренціи ни въ какомъ случаѣ не можетъ, даже и при отсутствіи своевременнаго протеста административныхъ властей, быть обязательнымъ для лицъ, не участвующихъ въ этомъ договорѣ и желающихъ воспользоваться предоставленнымъ закономъ повсемѣстно правомъ свободно заниматься водовознымъ промысломъ. Наконецъ, въ отношеніи утвержденнаго высшимъ правительствомъ устава Товарищества Витебскихъ водопроводовъ не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что уставомъ этимъ Витебская Городская Дума не уполномочивается ни на какое дѣйствіе внѣ предоставленныхъ ей городовымъ положеніемъ правъ, и хотя въ § 70 этого устава и говорится, что „взаимныя отношенія, права и обязанности между товариществомъ и Витебскою говодскою думою опредѣляются настоящимъ уставомъ и контрактомъ, заключеннымъ 5 декабря 1892 г. дворяниномъ Феликсомъ Цѣхановецкимъ съ городскою

управою, затѣмъ всѣ измѣненія въ означенномъ контрактѣ производятся съ общаго согласія сторонъ и вступаютъ въ силу по надлежащемъ утвержденіи состоявшихся соглашеній", но, очевидно, при этомъ имѣются въ виду лишь „отношенія, права и обязанности", а также „измѣненія", не противорѣчащія законамъ, на что, кромѣ общихъ соображеній о невозможности отмѣны закона, коимъ опредѣляются права лицъ, не участвующихъ въ договорныхъ отношеніяхъ, тѣмъ или другимъ параграфомъ отдѣльнаго устава, указываетъ между прочимъ, и содержаніе 2 прим. къ § 1 того же устава товарищества Витебскихъ водопроводовъ, въ которомъ разъяснено, что „соблюденіе условій, изложенныхъ въ контрактѣ, заключенномъ дворяниномъ Феликсомъ Цѣхановецкимъ съ Витебскою Городскою Управою 5 декабря 1892 г., въ чемъ они не противорѣчатъ законамъ, обязательно для товарищества", а также и послѣднія слова приведеннаго выше § 70 устава, коими устанавливается, что и всякое измѣненія въ контрактѣ, которое, съ общаго согласія сторонъ было бы признано желательнымъ, можетъ вступить въ силу лишь „по надлежащемъ утвержденіи", состоявшагося соглашенія, т. е. по разрѣшеніи компетентною властью, насколько предположенное измѣненіе соотвѣтствуетъ требованіямъ закона. Въ виду приведенныхъ соображеній Первое Общее Сената Собраніе *опредѣляетъ*: жалобу уполномоченнаго гор. Витебска Догеля и правленія Высочайше утвержденнаго товарищества Витебскихъ водопроводовъ на распоряженіе по настоящему дѣлу Минтстра Внутреннихъ Дѣлъ и Витебскаго губернскаго по городскимъ дѣламъ Присутствія оставить безъ послѣдствій. (Указъ 18 февраля 1899 г. М-ру Вн. Дѣлъ, № 2120).

5. Права состоянія разведенныхъ женъ.

Недавно Правительствующему Сенату пришлось разрѣшать два вопроса, имѣющіе по существу общее значеніе, но случайно возбужденные на почвѣ весьма узкой, отличающейся своеобразностью и запутанностью отношеній, казуистикой перекрещивающихся правилъ и исключеній, а именно, на почвѣ опредѣленія права на жительство евреевъ, въ мѣстностяхъ внѣ такъ называемой черты еврейской осѣдлости (ст. 11 и 12 уст. о пасп.). Вотъ эти вопросы: имѣютъ ли право на повсемѣстное жительство разведенныя еврейки, мужья которыхъ этимъ пра-

вомъ не пользовались, но которыя до замужества обладали этимъ правомъ по происхожденію? И затѣмъ—вторая комбинація: имѣютъ ли право на повсемѣстное жительство такія разведенныя еврейки, которыя не пользовались этимъ правомъ по происхожденію, а пріобрѣли его съ выходомъ замужъ? Теряютъ ли онѣ это право послѣ развода или сохраняютъ за собой? Первый вопросъ поступилъ на разсмотрѣніе Сената вслѣдствіе разномыслія, возникшаго по его поводу между двумя министерствами – финансовъ и внутреннихъ дѣлъ; второй вопросъ былъ поставленъ въ жалобахъ, поданныхъ заинтересованными лицами, выселяемыми изъ мѣста своего жительства въ „черту". При всемъ отчужденіи этихъ вопросовъ отъ міра общаго права, они одной своей стороной, однако, съ нимъ соприкасаются, именно—съ общимъ вопросомъ о правахъ состоянія разведенныхъ женъ, неразработаннымъ ни въ законодательствѣ нашемъ, ни въ практикѣ. Наше брачное право находилось и находится всецѣло подъ вліяніемъ каноническихъ постановленій, а составители кормчей книги мало заботились объ этихъ мірскихъ послѣдствіяхъ развода. Не смотря на то, что расторженіе брака есть явленіе вовсе не рѣдкое, въ дѣйствительности остается еще нерѣшеннымъ вопросъ о правахъ состоянія разведенной жены и въ частности о правѣ ея на имя, которое она носила въ расторгнутомъ бракѣ. Нельзя, однако, сказать, чтобы въ законѣ вовсе не было никакихъ указаній на этотъ счетъ; такія указанія существуютъ, только, по характерному для нашего законодательства обыкновенію, они оказываются казуистичными, содержатъ въ себѣ извѣстное правило только въ примѣненіи къ опредѣленному конкретному случаю. Общая норма можетъ быть добыта только путемъ обобщенія,—распространенія частнаго правила на другія аналогичныя явленія. Пріемъ этотъ не слишкомъ затруднителенъ и выведеніе общей нормы указаннымъ способомъ достается безъ особенныхъ усилій; гораздо труднѣе—установить предѣлы дѣйствія этой нормы, указать ея необходимыя ограниченія, какъ тѣ, которыя совпадаютъ съ границами самаго ея принципа, такъ еще болѣе тѣ, которыя налагаются требованіями, вытекающими изъ другихъ началъ, проявляющими свое господство въ той же области отношеній, гдѣ отводится мѣсто данной нормѣ. Одна крайность вызываетъ другую: узкая конкретность и казуистичность закона, не вмѣщающая всего дѣйствительнаго разнообразія жизненныхъ фактовъ, ведетъ за собою чрезмѣрную отвлеченность въ его толкованіи.

Вопросъ о „состояніи" разведенной жены рѣшается закономъ только частично—въ примѣненіи къ одному праву, именно—праву русскаго или иностраннаго подданства. Согласно ст. 1026 т. IX зак. о сост., русская подданная, вступившая въ бракъ съ иностранцемъ, можетъ послѣ смерти мужа или расторженія брака ея съ нимъ, *возвратиться* въ русское подданство, причемъ ей указывается особый облегченный порядокъ вступленія въ прежнее подданство. То же самое предписывается ст. 1028 объ иностранкахъ, вступившихъ въ бракъ съ русскими подданными, а равно о женахъ иностранцевъ, перешедшихъ въ подданство Россіи: въ случаѣ смерти мужа или развода съ нимъ, жена сохраняетъ его подданство. О еврейкахъ, вступившихъ въ супружество съ иностранными подданными, существуетъ нѣсколько отличное правило: онѣ пользуются правомъ возвращенія въ русское подданство только до тѣхъ поръ, пока не оставили отечества; съ выѣздомъ заграницу, эта привилегія для нихъ теряется (ст. 993, т. IX). Изъ всѣхъ этихъ отдѣльныхъ постановленій можно сдѣлать заключеніе, что по отношенію къ одному изъ правъ состоянія, пріобрѣтаемому черезъ замужество, законъ не дѣлаетъ различія между вдовами и разведенными женами, одинаково сохраняя за ними это право и по прекращеніи брака. Можно ли затѣмъ распространить это равенство вдовъ и разведенныхъ женъ и по отношенію ко всѣмъ прочимъ правамъ состоянія, которыя пріобрѣтаются черезъ вступленіе въ бракъ? Нельзя отрицать, что основаніе для аналогіи здѣсь не совсѣмъ твердое. Право подданства, въ ряду другихъ правъ состоянія, занимаетъ особое положеніе, его пріобрѣтеніе и его потеря нормируются особыми принципами; его особенный характеръ отражается и на пріобрѣтеніи этого права путемъ брака,—ибо жена *всегда* слѣдуетъ подданству мужа, между тѣмъ какъ остальныя права состоянія мужа переносятся на жену только въ томъ случаѣ, когда они *высшія* по сравненію съ ея собственными, принадлежащими ей по происхожденію; слѣдовательно, по общему началу брачнаго права русская подданная, выходя замужъ за иностранца, должна бы оставаться русской подданной, такъ какъ мѣстное подданство представляется высшимъ правомъ, чѣмъ подданство иностранное. Но для укрѣпленія фундамента, на которомъ опирается разсматриваемая аналогія относительно равнаго сохраненія вдовами и разведенными женами пріобрѣтенныхъ ими съ замужествомъ правъ состоянія, могутъ служить еще нѣкоторыя другія постановленія закона, относящіяся къ данному предмету. Въ законахъ о состояніяхъ мы находимъ (въ ст. 5) общее

положеніе, что „жена... сохраняетъ вполнѣ, или съ нѣкоторыми ограниченіями, права высшаго состоянія, если они принадлежали ей до замужества по происхожденію или пріобрѣтены ею *черезъ бракъ*", т. е. вторичное замужество не лишаетъ правъ, пріобрѣтенныхъ первымъ бракомъ, при чемъ законъ умалчиваетъ о какомъ-либо различіи между случаями прекращенія брака смертью мужа или разводомъ; это молчаніе можетъ быть истолковано въ пользу равенства вдовъ и разведенныхъ женъ. Затѣмъ, есть прямое указаніе въ этомъ смыслѣ относительно тѣхъ женъ, бракъ которыхъ расторгутъ по причинѣ лишенія мужей правъ состоянія за уголовныя преступленія (ст. 101 т. X ч. 1); разведенная жена продолжаетъ именоваться по прежнему званію мужа. Такимъ образомъ, выводъ о равенствѣ вдовъ и разведенныхъ женъ по правамъ состоянія, пріобрѣтеннымъ ими въ замужествѣ, представляется достаточно обоснованнымъ.

Къ такому же заключенію пришелъ и Сенатъ по вопросу о правѣ жительства разведенныхъ евреекъ внѣ черты постоянной еврейской осѣдлости: Сенатъ призналъ, что разведенныя еврейки сохраняютъ это право, если оно было сообщено имъ замужествомъ, наравнѣ съ вдовами.

Другой вопросъ, вызвавшій разногласіе двухъ министерствъ, возбудилъ также разногласіе въ Сенатѣ. Разногласіе несомнѣнно коренится здѣсь въ юридической неопредѣленности самаго „права на жительство", въ неизвѣстности того, къ какой именно категоріи правъ слѣдуетъ отнести такое спеціальное „право". Ограниченіе въ правѣ жительства есть, по существу, ограниченіе личной свободы; обыкновенно, по общему правилу, касающемуся всѣхъ гражданъ, такое ограниченіе налагается только какъ уголовное наказаніе въ видѣ ссылки въ опредѣленное мѣсто и воспрещенія въѣзда въ другія мѣста. Если право личной свободы, принадлежащее всякому, кто не совершилъ уголовнаго преступленія и не пораженъ приговоромъ уголовнаго суда, есть право состоянія, то таковымъ является и право повсемѣстнаго жительства, какъ составная часть права личной свободы, все равно, идетъ ли рѣчь о евреяхъ или о не-евреяхъ. Если же это право есть право состоянія, то безспорно, что еврейки, пользовавшіяся имъ до замужества, должны сохранить его и послѣ замужества, и послѣ прекращенія или расторженія брака, въ силу общаго положенія, что жена сохраняетъ права высшаго состоянія, принадлежавшія ей до вступ-

ленія въ бракъ. Однако, тутъ то и выдвигаются на сцену всевозможныя тончайшія разграниченія, основанныя на пестротѣ и многовѣтвистости правилъ и исключеній, относящихся къ праву жительства евреевъ. Проводятся субтильнѣйшія различія между правомъ лично присвоеннымъ и правомъ состоянія, между правомъ самостоятельно пріобрѣтеннымъ и производнымъ, полученнымъ отъ родителей и сообщеннымъ путемъ брака, правомъ, переходящимъ къ потомству и уничтожающимся со смертью, и т. д.,—и все это имѣетъ единственнымъ своимъ объектомъ—право жительства. Министерство финансовъ, высказавшееся за предоставленіе разведеннымъ еврейкамъ права повсемѣстнаго жительства, если оно принадлежало имъ по происхожденію, указываетъ, что по отношенію къ нѣкоторымъ категоріямъ евреевъ, напр., купцамъ 1-ой гильдіи, выполнившимъ условія п. 1 ст. 12 уст. о пасп., и отставнымъ нижнимъ чинамъ рекрутскихъ наборовъ, приписавшимся съ семействами внѣ черты осѣдлости, по силѣ нашего законодательства, право повсемѣстнаго жительства, несомнѣнно, является правомъ состоянія, такъ какъ оно передается потомственно дѣтямъ тѣхъ лицъ, которыя это право пріобрѣли. Но оно должно быть признано также правомъ состоянія и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ категоріямъ евреевъ, за которыми законъ признаетъ право повсемѣстнаго жительства въ томъ же объемѣ, какъ за означенными купцами 1-ой гильдіи и отставными нижними чинами рекрутскихъ наборовъ. Тѣ евреи, о которыхъ говорится въ примѣч. къ ст. 12 уст. о пасп., т. е. врачи, юристы, фармацевты, техники и т. п., имѣютъ такое же право повсемѣстнаго жительтства, повсемѣстнаго пріобрѣтенія недвижимости, повсемѣстнаго занятія торговлею и промыслами, какое принадлежитъ купцамъ первой гильдіи и отставнымъ нижнимъ чинамъ послѣ приписки ихъ къ обществамъ внѣ черты осѣдлости; первые, кромѣ того, пользуются еще *преимуществомъ высшаго состоянія*—они *не обязаны* приписаться къ какому либо изъ низшихъ, такъ называемыхъ, податныхъ сословныхъ обществъ. И вотъ, это преимущество, дарованное имъ закономъ, обращается для ихъ семействъ въ privilegium odiosum; ихъ свобода отъ *обязанности* приписки ставится на одну доску съ отсутствіемъ *права* приписки, и за ихъ семействами отрицается право повсемѣстнаго жительства послѣ смерти главы, даже при временной разлукѣ съ мужемъ или отцомъ, на томъ основаніи, что семейства не приписаны къ обществу внѣ черты. Неправильность такого толкованія очевидна; имъ нару-

шается основное правило юридической герменевтики, которое гласитъ, что законъ благопріятный не подлежитъ истолкованію *во вредъ* тому лицу, въ интересахъ котораго онъ изданъ.

6. Вознагражденіе за увѣчье по ст. 683 т. X ч 1.

I.

Федоръ Мухинъ получилъ увѣчье во время смазки имъ паровоза на станціи Владиміръ, Нижегородской жел. дор., лишившее его вполнѣ способности къ какому либо труду и поставившее его въ необходимость постоянно нуждаться въ постороннемъ уходѣ. Мухинъ, окончившій съ отличіемъ курсъ наукъ въ высшемъ спеціальномъ заведеніи и удостоенный званія инженеръ-механика, временно занималъ должность помощника машиниста, предназначался же на должность помощника начальника депо, а черезъ два три года службы занялъ бы должность начальника депо, по примѣру другихъ своихъ товарищей. Мухинымъ былъ предъявленъ по желѣзной дорогѣ искъ о вознагражденіи за увѣчье въ суммѣ 40.000 р.; окружный судъ удовлетворилъ исковыя требованія въ размѣрѣ 28.000 р., признавъ, что ущербъ, понесенный Мухинымъ, не можетъ исчисляться въ зависимости отъ жалованья, какое получалъ потерпѣвшій на должности машиниста, и что назначаемое вознагражденіе должно опредѣляться по соображенію съ будущей карьерой Мухина, ради которой имъ понесено было столько трудовъ по образованію. Рѣшеніе суда было утверждено палатой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ уважила ходатайство истца о присужденіи ему процентовъ со дня его обращенія въ управленіе дороги съ просьбою о выдачѣ вознагражденія.

На это рѣшеніе управленіе дороги подало кассаціонную жалобу, въ которой указывалось, между прочимъ, на слѣдующія нарушенія:

1) Палата, принявъ во вниманіе для опредѣленія размѣра ущерба, понесеннаго истцомъ, не дѣйствительный его заработокъ до увѣчья, а возможный въ будущемъ, нарушила п. 4 ст. 683 т. X ч. 1.

2) Палата, при опредѣленіи размѣра вознагражденія, руководствовалась, между прочимъ, тѣмъ, что процентовъ съ присужденнаго капитала едва хватитъ на содержаніе изувѣченнаго и лица, которое должно постоянно быть при немъ, чтобъ имѣть за нимъ

уходъ, если принимать въ разчетъ доходъ, приносимый государственными процентными бумагами. Такое соображеніе, по мнѣнію кассатора, нарушаетъ 4 и 5 п. ст. 683.

3) Палата, присудивъ проценты не со дня предъявленія иска, а со дня подачи въ управленіе дороги заявленія о вознагражденіи въ порядкѣ ст. 121 общ. уст. росс. жел. дор., нарушила ст. 641 т. X ч. 1.

Наиболѣе важнымъ и интереснымъ изъ вопросовъ, затронутыхъ въ кассаціонной жалобѣ, является, конечно, вопросъ объ опредѣленіи размѣра вознагражденія по дѣйствительному заработку, получавшемуся до увѣчья, или по возможному въ будущемъ. Этотъ же вопросъ былъ возбужденъ и въ другомъ дѣлѣ—Васюченко съ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ. Чернорабочій Васюченко былъ допущенъ къ исполненію обязанностей помощника машиниста, для подготовленія къ занятію этой должности, и въ первый же день получилъ увѣчье, вслѣдствіе котораго утратилъ трудоспособность. Судъ и палата нашли, что возложеніе на Васюченко обязанностей помощника машиниста свидѣтельствуетъ о полной вѣроятности постояннаго занятія имъ такой должности, а потому „цѣнить его работоспособность въ день 22 февраля (когда случилось несчастье) должно ближе къ заработку помощника машиниста, чѣмъ къ заработку чернорабочаго“.

Оба дѣла поступили на разсмотрѣніе гражданскаго кассаціоннаго департамента, причемъ на разрѣшеніе поставленъ былъ слѣслѣдующій вопросъ:

„Можно ли согласно п. 4 ст. 683 т. X ч. 1, опредѣлять размѣръ вознагражденія за причиненный при эксплоатаціи дороги вредъ не на основаніи существовавшаго въ моментъ случившагося несчастья имущественнаго положенія потерпѣвшаго, но по возможности улучшенія этого положенія въ будущемъ при отсутствіи означеннаго несчастья, т. е. можетъ ли судъ принять во вниманіе не только то, что потерпѣвшій зарабатывалъ, но и то, что онъ могъ пріобрѣсти или заработать въ будущемъ“?

II.

По приведенному вопросу—общему для обоихъ дѣлъ,—кассаторы нашли поддержку въ заключеніи г. тов. оберъ-прокурора К. П. Змирлова, который посвятилъ и ему, подобно вопросу возникшему по дѣлу Бѣлоивана (см. Вѣстникъ Права, апрѣль, стр. 283), статью въ газетѣ „Право“, № 22.

Тезисъ, доказательству котораго посвящено было заключеніе, какъ и статья, состоялъ въ томъ, что „размѣръ вознагражденій долженъ опредѣляться исключительно размѣромъ тѣхъ средствъ къ существованію, которыми до момента случившагося съ нимъ несчастья располагалъ пострадавшій и которыхъ онъ и его семья, вслѣдствіе этого именно несчастья, должны были лишиться".

Всѣ доводы К. П. Змирлова сводятся въ сущности къ утвержденію, что какъ нашъ законъ, такъ и первообразы его—иностранные—должны быть толкуемы въ смыслѣ приведеннаго тезиса. Пунктъ 4 ст. 683 т. X ч. 1 гласитъ: „Размѣръ вознагражденія долженъ зависѣть *исключительно* отъ понесеннаго въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ущерба". Что значитъ это выраженіе: „исключительно"?

Бывшій Министръ Юстиціи графъ Паленъ, представляя въ Государственный Совѣтъ правила объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій за причиненіе смерти и вреда здоровью, высказалъ, что „сумма вознагражденія должна быть поставлена закономъ *исключительно* въ зависимость отъ средствъ существованія потерпѣвшаго, но отнюдь *не отъ средствъ причинившаго ущербъ* желѣзнодорожнаго или пароходнаго предпріятія". Въ виду этого, Министръ Юстиціи нашелъ простую ссылку въ проектированной 683 ст. на 657—682 ст. 1 ч. X т. недостаточною, такъ какъ въ послѣднихъ выраженъ принципъ, въ силу котораго размѣръ вознагражденія поставленъ также въ зависимость отъ средствъ лица, причинившаго ущербъ.

И такъ, отвѣтъ, казалось бы, ясенъ. Изъ общихъ началъ опредѣленія размѣра вознагражденія, принятыхъ въ нашемъ правѣ, исключается только начало соразмѣрности со средствами лица, виновнаго въ причиненіи ущерба.

Г. Змирловъ не удовлетворяется такимъ простымъ и яснымъ отвѣтомъ, а путемъ болѣе глубокихъ интерпретаціонныхъ изысканій находитъ и болѣе сложное разрѣшеніе вопроса. Его дальнѣйшія разсужденія развиваются на почвѣ того факта, что составителямъ первоначальнаго проекта 683 ст. по редакціи 1879 года были извѣстны германскій законъ 7 іюня 1871 года и швейцарскій законъ 1 іюля 1875 года объ отвѣтственности желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпринимателей: оба эти закона имѣлись въ виду при начертаніи ст. 683. Изъ этого дѣлается выводъ, что подлинными источниками для истолкованія ст. 683 должны служить не столько текстъ ея, разъясненный законодательными мотивами, и общія начала отвѣтственности за ущербъ, установ-

ленныя въ ст. 657—682, на которыя въ ст. 683 имѣется прямая ссылка,—сколько постановленія означенныхъ германскаго и швейцарскаго законовъ.

Обращаясь къ этимъ постановленіямъ, авторъ разсматриваетъ отдѣльно опредѣленіе вознагражденія за причиненіе смерти, а затѣмъ за причиненіе повреждения въ здоровьѣ. Относительно перваго пункта, т. е. вознагражденія за причиненіе смерти, онъ находитъ, что какъ германскій, такъ и швейцарскій законъ уполномочиваютъ отыскивать вознагражденіе только въ томъ размѣрѣ, въ какомъ истецъ получалъ содержаніе отъ умершаго кормильца. Приводя текстъ этихъ законовъ, авторъ категорически утверждаетъ, что текстъ этотъ не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что при опредѣленіи размѣра вознагражденія принимается по названнымъ законамъ во вниманіе „дѣйствительный убытокъ потерпѣвшаго, т. е. только damnum emergens, и оставляется совершенно въ сторонѣ или игнорируется возможная потеря выгодъ въ будущемъ, т. е. lucrum cessans".

Переходя затѣмъ къ отдѣльному разсмотрѣнію постановленій о вознагражденіи за причиненіе вреда здоровью, г. Змирловъ находитъ, что „само собою разумѣется, тотъ же принципъ или тѣ же основанія для опредѣленія вознагражденія,—должны имѣть мѣсто при причиненіи повреждения въ здоровьѣ. Если при вознагражденіи за причиненіе смерти не играетъ никакой роли и не имѣетъ никакого рѣшительно значенія возможность улучшенія въ будущемъ имущественнаго положенія пострадавшаго, то едва ли можно допустить противное по отношенію къ вознагражденію за причиненіе повреждения въ здоровьѣ. Съ одной стороны, при лишеніи жизни, т. е. лишеніи высшаго блага человѣка, немыслимо устанавливать меньшую имущественную отвѣтственность, чѣмъ при причиненіи повреждения въ здоровьѣ, а съ другой—нельзя найти ни логическихъ, ни юридическихъ основаній для установленія различныхъ принциповъ отвѣтственности въ обоихъ случаяхъ". При этомъ, однако, упускается изъ виду, что хотя лишеніе жизни есть, дѣйствительно, лишеніе высшаго блага человѣка, но вознагражденіе получаетъ не тотъ, кто это благо потерялъ—не самъ умершій,—а тотъ, кто лишился только содержанія, получавшагося имъ отъ умершаго, между тѣмъ какъ при повреждении въ здоровьѣ вознаграждается самъ изувѣченный, потерявшій здоровье; упускается изъ виду, что на содержаніе своихъ близкихъ человѣкъ тратитъ обыкновенно только часть добываемыхъ имъ средствъ,

каковая часть и возмѣщается въ случаѣ причиненія ему смерти, а при полной потерѣ трудоспособности отъ увѣчья пострадавшій, остающійся въ живыхъ, имѣетъ, очевидно, право на полное возмѣщеніе всего, что онъ добывалъ своимъ трудомъ; упускается также изъ виду, что возможность улучшенія въ будущемъ имущественнаго положенія пострадавшаго есть только вѣроятность, но что, при дѣйствительномъ ея осуществленіи, этимъ улучшеніемъ воспользуется самъ пострадавшій, если онъ живъ, это уже фактъ безусловно достовѣрный, а въ какой мѣрѣ отразится это улучшеніе на тѣхъ, кто пользовался отъ него содержаніемъ—вопросъ этотъ разрѣшается уже болѣе или менѣе гадательно, т. е. lucrum родственниковъ или другихъ лицъ, получавшихъ содержаніе отъ умершаго, опредѣляется съ меньшею степенью вѣроятности, чѣмъ lucrum самого пострадавшаго, если онъ остается въ живыхъ. Вотъ, казалось бы, нѣкоторыя соображенія, которыя рекомендуютъ осторожность при отождествленіи принциповъ и основаній опредѣленія размѣра вознагражденія за причиненіе смерти и за причиненіе поврежденія въ здоровьѣ. Но почтенный авторъ, установивъ тождество этихъ принциповъ и основаній a priori, находитъ то-же самое и a posteriori (правда, безъ какихъ либо соображеній въ пользу, а только путемъ констатированія, что будто нѣтъ сомнѣнія, или что само собою разумѣется) въ соотвѣтствующихъ законодательныхъ постановленіяхъ. Однако, нельзя сказать, чтобы текстъ закона устранялъ всякія сомнѣнія и категорически подтверждалъ искомый тезисъ.

Въ случаѣ поврежденія въ здоровьѣ, германскій законъ говоритъ о вознагражденіи имущественнаго ущерба, происшедшаго вслѣдствіе временной или постоянной неспособности къ труду, или уменьшенія трудоспособности; а швейцарскій—о томъ же ущербѣ, происшедшемъ вслѣдствіе „временнаго или постояннаго лишенія или уменьшенія способности къ труду". Въ сущности, это не болѣе ясно, чѣмъ текстъ ст. 683, на который должны пролить свѣтъ германскій и швейцарскій законы. Но тутъ то и выручаетъ насъ предварительное твердое знаніе того, что мы должны найти. „*Само собою разумѣется*,—говоритъ г. Зморловъ,—должно быть строгое соотношеніе между вознагражденіемъ за поврежденіе въ здоровьѣ и тѣми средствами, которыя добывалъ въ *моментъ несчастья* пострадавшій (курсивъ нашъ), т. е. этотъ послѣдній не можетъ получить болѣе того, что онъ зарабатывалъ и чего онъ лишился". Если это „само собою разумѣется", то доказательства, собственно, излишни; тѣмъ не менѣе, таковое доказательство дается намъ—

на тотъ конецъ, чтобы мы не смущались крайними послѣдствіями принципа, которыя привели бы къ тому, что если пострадавшими являются малолѣтній или несовершеннолѣтній, еще ничего не добывающій своимъ трудомъ, то ему, вполнѣ согласно со строгимъ принципомъ, никакого вознагражденія, и не полагается. Случай съ несовершеннолѣтнимъ, потерявшимъ трудоспособность, не есть еще крайняя граница примѣненія установленнаго имъ принципа возмѣщенія ущерба при причиненіи поврежденія въ здоровьѣ. Геркулесовы столпы должны быть отодвинуты еще дальше.

Принципъ гласитъ, что должно быть строгое соотношеніе между вознагражденіемъ и тѣми средствами, которыя добывалъ въ моментъ несчастья пострадавшій. А если въ *этотъ моментъ* онъ ничего не добывалъ? Напримѣръ, пострадавшій наканунѣ несчастья потерялъ мѣсто и другого приложенія своимъ трудовымъ способностямъ еще не успѣлъ найти. Слѣдуетъ ли ему какое нибудь вознагражденіе? Оставаясь вѣрнымъ принципу, необходимо дать отвѣтъ: нѣтъ, не слѣдуетъ.

Авторъ формулированнаго выше принципа, вѣроятно, не приметъ этого заключенія. Онъ укажетъ намъ, что логика и законъ имѣютъ въ виду возмѣщеніе ущерба, происшедшаго отъ потери „*способности къ труду*", какъ говорится въ германскомъ и швейцарскомъ законѣ, или „*возможности* добывать средства къ существованію *обычными* трудами", какъ говорится въ ст. 661 нашего X тома. *Способность* къ труду, *возможность* добывать средства *обычными* трудами—это, конечно, не одно и то-же, что дѣйствительный заработокъ въ какой либо случайный моментъ времени. Дѣйствительный заработокъ пострадавшаго, тѣ средства, которыя онъ добывалъ себѣ до увѣчья, вовсе и не подлежатъ возмѣщенію, такъ какъ пострадавшій никоимъ образомъ не лишается того, что онъ добылъ прежде своимъ трудомъ—его прежнія пріобрѣтенія при немъ и остаются. Этотъ дѣйствительный заработокъ служитъ только *мѣриломъ* для опредѣленія *возможнаго* заработка въ будущемъ; предполагается, что при прочихъ равныхъ условіяхъ данное лицо выручало бы за свой обычный трудъ столько же, сколько оно получало за него прежде.

Такимъ образомъ, присуждая вознагражденіе, суду всегда приходится заглядывать въ *будущее*, пользуясь для этого предположеніемъ о равенствѣ прошлаго и будущаго заработка. Но необходимымъ основаніемъ примѣненія такой презумпціи является наличность того условія, на которомъ она держится, а именно—что

прошлый заработокъ былъ результатомъ приложенія *обычнаго* труда пострадавшаго, имущественнымъ выраженіемъ его обычной трудоспособности. Если же этого условія не оказывается, если дѣйствительный заработокъ потерпѣвшаго представляется случайнымъ, необычнымъ для него вознагражденіемъ за необычный для него трудъ, или этотъ заработокъ вовсе отсутствовалъ вслѣдствіе случайной безработицы или потому, что пострадавшій еще не успѣлъ войти и занять обычное мѣсто въ рядахъ людей, обладающихъ тою же трудоспособностью, то очевидно, что указаннымъ мѣриломъ въ этихъ случаяхъ нельзя воспользоваться по той простой причинѣ, что его нѣтъ на лицо. Каждый работникъ самъ создаетъ для себя своей работой свой собственный аршинъ, которымъ измѣряется имущественная цѣнность его трудоспособности; эта мѣрка опредѣляется не сразу, для ея установленія необходимъ извѣстный періодъ времени, болѣе или менѣе продолжительный, смотря по роду труда, который является обычнымъ для даннаго лица. Если несчастье случилось съ нимъ послѣ того, какъ онъ уже успѣлъ выковать самъ свой аршинъ, судъ примѣняетъ именно эту мѣру, какъ наиболѣе точную; если же онъ былъ застигнутъ увѣчьемъ въ тотъ моментъ, когда онъ только что приступалъ къ отправленію своей обычной профессіи, только сдѣлалъ или готовился сдѣлать первый шагъ на поприщѣ своихъ обычныхъ трудовъ,—у него еще нѣтъ своего собственнаго аршина и, слѣдовательно, измѣреніе не можетъ быть произведено съ помощью этого отсутствующаго орудія. Тогда остается прибѣгнуть къ другимъ единицамъ измѣренія; за неимѣніемъ аршина пользоваться длиною локтя, пяди, шага и т. п. Такъ и поступаетъ судъ, когда онъ вмѣсто дѣйствительнаго заработка, почему либо не опредѣлившагося еще въ соотвѣтствіи съ обычною трудоспособностью пострадавшаго, беретъ среднюю норму заработка среднихъ представителей той профессіи, къ которой принадлежитъ пострадавшій. Эта мѣра не вполнѣ точная,—возможно, что пострадавшій занялъ бы въ трудовыхъ кадрахъ выдающееся мѣсто и заработокъ его былъ бы выше средняго, или наоборотъ—остался бы въ заднихъ рядахъ и получалъ менѣе средней нормы,—но при отсутствіи болѣе точной мѣры не приходится брезговать и менѣе точной.

Какъ и слѣдовало ожидать, Правительствующій Сенатъ не согласился съ заключеніемъ г. товарища оберъ-прокурора и оставилъ кассаціонныя жалобы по обоимъ дѣламъ безъ уваженія.

III.

Въ дѣлѣ общества Рязанско-Уральской желѣзной дороги съ Кузьминымъ и въ дѣлѣ Ивана Чахонелидзе съ управленіемъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ—на разрѣшеніе Гражданскаго Кассаціоннаго Департамента были поставлены слѣдующіе вопросы:

1) Искъ о вознагражденіи за увѣчье, причиненное на принадлежащей желѣзной дорогѣ солемолкѣ, можетъ ли быть обсуждаемъ по правиламъ, содержащимся въ ст. 683 т. X ч. 1? и

2) Примѣнима ли ст. 683 т. X ч. 1 къ иску сторожа желѣзно-дорожной больницы о вознагражденіи за увѣчье, причиненное содержащимся въ больницѣ больнымъ?

Въ обоихъ случаяхъ инстанціи, разсматривавшія означенныя дѣла по существу, присудили вознагражденіе какъ за увѣчье, полученное при эксплоатаціи желѣзно-дорожнаго предпріятія. Эти рѣшенія вполнѣ убѣдительно опровергаются въ поданныхъ на нихъ кассаціонныхъ жалобахъ.

„Судебная палата,—говорится въ жалобѣ, принесенной по первому дѣлу,—неправильно отвергла доводы о непримѣнимости къ настоящему дѣлу 683 ст. зак. гражд.

Судебная палата примѣнила этотъ спеціальный законъ единственно на томъ основаніи, что, какъ она выражается, „683 ст. примѣнима ко всѣмъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ, безразлично отъ того, является ли какая либо отъ нихъ опасность для работающихъ или не является“. Подобное заключеніе я нахожу несогласнымъ съ истиннымъ смысломъ 683 ст. Законодатель, устанавливая исключительно строгую отвѣтственность для желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій, имѣлъ въ виду присущую этимъ предпріятіямъ, при ихъ эксплоатаціи, особую опасность, вызываемую сложностью технической стороны этихъ предпріятій, недоступною легкому пониманію всѣхъ и каждаго. Но наряду съ эксплоатаціей чисто желѣзнодорожнаго или пароходнаго дѣла, владѣлецъ этихъ предпріятій можетъ быть собственникомъ и такого имущества, которое не находится въ непрерывной связи съ желѣзнодорожнымъ и пароходнымъ дѣломъ, т. е. послѣднее можетъ существовать и безъ этого добавочнаго имущества. Согласно мнѣнію судебной палаты и ко всѣмъ несчастнымъ случаямъ, послѣдовавшимъ при владѣніи и пользованіи и этимъ добавочнымъ имуществомъ, должна быть примѣнена 683 ст., такъ какъ владѣльцемъ его состоитъ владѣлецъ желѣзнодорожнаго или пароходнаго

предпріятія. Насколько однако подобная теорія далека отъ мысли и цѣли законодателя позволяю себѣ подкрѣпить примѣрами, взятыми изъ дѣйствительной жизни: довѣритель мой, владѣлецъ дома въ г. Саратовѣ, гдѣ помѣщаются его конторы, онъ имѣетъ городскія станціи и, поэтому, доставляетъ грузы съ желѣзнодорожныхъ станцій на частныя квартиры и обратно, при посредствѣ телѣгъ и лошадей; далѣе—онъ владѣлецъ цѣлаго караваннаго пути отъ Уральска до Хивинской границы, перевозка по которому грузовъ производится на верблюдахъ; наконецъ онъ содержитъ коровъ, для нуждъ своихъ желѣзнодорожныхъ больницъ. Осмѣливаюсь предполагать, что прохожій, упавшій на тротуарѣ дома моего довѣрителя, или ушибленный на улицѣ, при столкновеніи съ его-же телѣгою, или пораненый его лошадью, верблюдомъ, или коровою,—хотя и можетъ отыскивать съ отвѣтчика вознагражденіе за вредъ и убытки, но основывать свои требованія долженъ на 684 ст. зак. гражд., а не на 683 ст."

Не менѣе основательны доводы кассаціонной жалобы по дѣлу Чахонелидзе:

„Истецъ Чахонелидзе требуетъ присужденія вознагражденія за увѣчье, причиненное ему, при исполненіи своей обязанности сторожа въ желѣзно-дорожной больницѣ, больнымъ Покровскимъ, содержавшимся для излеченія въ той же больницѣ. Судебная палата, вопреки возраженію отвѣтной стороны, разрѣшила настоящее дѣло на основаніи 683 ст. 1 ч. X т.

Примѣненіе 683 ст. къ данному случаю представляется неправильнымъ, такъ какъ статья эта предусматриваетъ несчастные случаи только при эксплоатаціи желѣзной дороги. Эксплоатація же означаетъ дѣятельность, направленную къ извлеченію прибыли изъ предпріятія. Поэтому, если та или другая дѣятельность желѣзной дороги не направлена на извлеченіе какой-либо прибыли изъ предпріятія, то ее и нельзя отождествлять съ эксплоатаціею. Наоборотъ, если данная дѣятельность направлена на извлеченіе означенной прибыли, то она несомнѣнно должна быть признана эксплоатаціею желѣзной дороги, безразлично, въ чемъ бы эта дѣятельность ни заключалась, въ движеніи ли по рельсовому пути, въ исполненіи ли работъ въ мастерскихъ и т. д. Вотъ почему Гражданскій Кассаціонный Департаментъ Правительствующаго Сената въ своихъ рѣшеніяхъ за №№ 114—1884 г. и 112—1894 г. призналъ, что несчастные случаи въ мастерскихъ желѣзной дороги, въ адмиралтействѣ пароходства и при выгрузкѣ вагоновъ должно счи-

тать происшедшими при эксплоатаціи желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ предпріятій и что на этомъ основаніи къ этимъ случаямъ должна быть примѣняема 683 ст.

Переходя отъ этихъ соображеній къ данному случаю, имѣвшему мѣсто въ больницѣ желѣзной дороги, необходимо признать, что больница не представляетъ для желѣзной дороги предпріятія въ вышеприведенномъ смыслѣ, что изъ больницы желѣзная дорога не извлекаетъ никакой прибыли; что, поэтому, нѣтъ никакого основанія примѣнять къ несчастному случаю, происшедшему въ больницѣ, 683 ст., которая, по разъясненіямъ же Сената, основана на принципѣ солидарности предпринимателя съ предпріятіемъ и на томъ началѣ справедливости, что убытки должны падать на того, кто получаетъ барыши. Желѣзная дорога же, устраивая больницы для безвозмезднаго леченія своихъ служащихъ и лицъ, пострадавшихъ на дорогѣ, никакихъ барышей изъ этого не извлекаетъ, а, напротивъ, производитъ только расходы. Независимо отъ этого 683 ст. имѣетъ въ виду несчастные случаи, вызванные техническими и хозяйственными особенностями желѣзнодорожнаго дѣла, какъ транспортнаго предпріятія. Больница же, хотя и принадлежащая желѣзной дорогѣ, никакихъ такихъ особенностей не можетъ и не должна представлять. Всякая больница, буде она желѣзнодорожная, фабричная, благотворительнаго общества и т. п., должна вестись и, на самомъ дѣлѣ, ведется по общимъ правиламъ и требованіямъ современной медицины. Если бы больницы можно было относить къ предпріятіямъ желѣзной дороги и если случаи, происходящіе въ нихъ можно было бы подводить подъ дѣйствіе 683 ст., то при всякомъ случаѣ смерти больнаго въ той больницѣ можно было бы требовать съ желѣзной дороги вознагражденіе, такъ какъ вина желѣзной дороги, или скорѣе, врача, лечившаго больнаго, согласно 683 ст., предполагалась бы. Но ставить въ такое положеніе врача, очевидно, нельзя".

Правительствующій Сенатъ, согласно съ заключеніемъ г. товарища оберъ-прокурора, отмѣнилъ обжалованныя рѣшенія.

7. Окончаніе работъ Высочайше учрежденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.

Послѣ 5-лѣтняго упорнаго и усиленнаго труда Коммисія подъ предсѣдательствомъ г. Министра Юстиціи, Н. В. Муравьева, выполнивъ Высочайше на нее возложенную задачу, собралась

въ засѣданіе 5 іюня для выслушанія Высочайшаго повелѣнія о закрытіи ея. За время ея дѣйствія Коммисія совершила гигантскую работу пересмотра всего судебнаго законодательства, т. е. судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. и многочисленныхъ дополненій къ нимъ, изданныхъ впослѣдствіи. Какъ великъ былъ этотъ трудъ, каковы его особенности, какую задачу имѣла предъ собою Коммисія, въ какомъ направленіи происходили ея работы, ходъ коихъ отчасти сообщался въ Журналѣ Министерства Юстиціи,—это самымъ лучшимъ образомъ и съ обычнымъ для Н. В. Муравьева мастерствомъ, изложено въ его блестящей, глубокой и мѣткой рѣчи, съ которою онъ обратился къ членамъ Коммисіи въ заключительномъ засѣданіи ея. Было бы непростительно не воспроизвести ея цѣликомъ.

Заключительное сообщеніе Предсѣдателя Высочайше учрежденной Коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части, Статсъ-Секретаря Муравьева въ послѣднемъ засѣданіи Коммисіи 5 іюня 1899 г.

„Нашъ сложный трудъ пришелъ къ желанному концу. Высочайше возложенная на Коммисію нашу задача всесторонняго пересмотра Судебныхъ Уставовъ исполнена, насколько было въ нашихъ силахъ, по долгу совѣсти и крайнему разумѣнію каждаго изъ насъ. Нынѣ, въ исходѣ быстро пролетѣвшихъ пяти лѣтъ этой неустанной работы, мы можемъ, мы должны подвести ей хотя-бы самые краткіе, внѣшніе итоги. Ее ждетъ впереди строгая оцѣнка законодателя, ее ждутъ подвижные, иногда случайные отзывы современниковъ, а дальше—безстрастное сужденіе потомства, и не къ тому, конечно, чтобы пріуготовить или предвосхитить будущія судьбы выработанныхъ нами предположеній, послужитъ бѣглое ихъ обозрѣніе. Побужденіе наше гораздо проще и скромнѣе. Въ послѣднія, всегда немного жуткія минуты передъ окончаніемъ крупнаго государственно-общественнаго дѣла, передъ разставаньемъ соединенныхъ имъ, искренно преданныхъ ему работниковъ, вполнѣ естественно и законно желаніе припомнить сдѣланное. Мы были призваны довѣріемъ двухъ Монарховъ къ повѣркѣ и обновленію всего строя отечественнаго правосудія, и да будетъ мнѣ позволено сказать отъ имени всѣхъ моихъ сотрудниковъ, что мы никогда не переставали глубоко сознавать огромную, лежащую на насъ отвѣтственность, и теперь, оглядываясь назадъ на пройденный трудный путь, мы бодро и спокойно готовы нести ее......

Когда весною 1894 г. мы приступали къ нашимъ занятіямъ, я, опасаясь, чтобы они не затянулись на время слишкомъ длинное, счелъ неизлишнимъ предположительно намѣтить для нихъ примѣрный 3-хъ лѣтній срокъ. Его пришлось продлить еще на 2 года по обстоятельствамъ, мало отъ насъ зависѣвшимъ; но цѣль была достигнута, Коммисія наша не превратилась въ хронически, неопредѣленно длящуюся и всякій свѣдущій, благоразумный и непредубѣжденный цѣнитель легко пойметъ это продленіе. Независимо отъ того, что высокое и серьезное назначеніе Коммисіи не допускало ничего поспѣшнаго и незрѣлаго въ ея дѣятельности, самыя условія послѣдней едва-ли благопріятствовали чрезмѣрной быстротѣ. Тщательное изслѣдованіе и исправленіе громаднаго, давно существующаго сооруженія совсѣмъ не то, что созиданіе вновь, на пустомъ или расчищенномъ мѣстѣ, изъ новыхъ, еще неиспробованныхъ матеріаловъ, какъ бы ни была велика ихъ умозрительная пригодность. Геній творитъ мощно и скоро, но дѣловое утвержденіе его произведеній на почвѣ практической дѣйствительности, съ очищеніемъ ихъ отъ посторонних примѣсей, требуетъ прежде всего добросовѣстнаго, кропотливаго, даже мелочнаго и потому продолжительнаго труда. Къ тому же Коммисія наша, обязанная шагъ за шагомъ провѣрить всѣ безъ исключенія постановленія Судебныхъ Уставовъ, въ ихъ многолѣтнемъ примѣненіи, состояла изъ лицъ, ни на мгновеніе не покидавшихъ прямыхъ и обычныхъ своихъ занятій, что потребовало такого чрезвычайнаго напряженія всѣхъ нравственныхъ и физическихъ силъ, которое по плечу только настоящему самоотверженію. О достоинствѣ выполненныхъ работъ судить не намъ, но уже одинъ ходъ и объемъ ихъ оправдываютъ долгіе трудовые дни, имъ посвященные.

Въ Коммисіи, образовавшей Отдѣлы и Общее ихъ Собраніе, при многихъ перемѣнахъ въ личномъ ея составѣ, присутствовало въ общемъ до 24 Членовъ и болѣе 60 лицъ, приглашенныхъ въ разное время и по разныхъ поводамъ къ участію въ судебномъ пересмотрѣ.

Изъ нихъ помянемъ прежде всего умиленной, доброй памятью товарищей, безвременно унесенныхъ смертью. Неклюдовъ, Даневскій, Концевичъ, Макалинскій, Влезковъ доблестно поработали на общемъ съ нами поприщѣ и, отойдя въ вѣчность, оставили русскому судебному дѣлу дорогіе, честные завѣты и имена.

Составъ нашей Коммисіи не былъ однородный и отнюдь не бюрократическій: въ него вошли почти всѣ лучшіе знатоки дѣла,

всѣ дѣятели, ознаменовавшіе себя выдающимися заслугами въ юриспруденціи; высокопоставленные чины судебнаго и иныхъ вѣдомствъ трудились рядомъ съ нечиновными юристами, наука свободно обмѣнивалась и сообщалась съ практикой и всѣхъ, безъ различія званія и ранга, дружно соединяло живое, единодушное стремленіе посильно придти на помощь нуждамъ родной юстиціи. Коммисія, сверхъ непрерывной домашней работы многихъ Членовъ, имѣла 503 засѣданія, изъ которыхъ 27 приходятся на долю Отдѣла общихъ вопросовъ, 89 на Соединенные Отдѣлы и Особыя Совѣщанія, 53 на Отдѣлъ судоустройства, 111 на Отдѣлъ уголовнаго судопроизводства, 188 на Отдѣлъ судопроизводства гражданскаго, 35 на Общее Собраніе. Въ 112 засѣданіяхъ, въ томъ числѣ во всѣхъ засѣданіяхъ Общаго Собранія, предсѣдательствовалъ Предсѣдатель Коммисіи, въ остальныхъ—П. М. Бутовскій и Предсѣдатели Отдѣловъ Н. Н. Шрейберъ, С. И. Лукьяновъ, Н. С. Таганцевъ. Въ 201 засѣданіи лично участвовалъ завѣдывающій дѣлопроизводствомъ Коммисіи С. С. Манухинъ и подъ его ближайшимъ руководствомъ дѣлопроизводство совершило съ извѣстною всѣмъ намъ отчетливостью и глубиною, по истинѣ, гигантскій трудъ, внѣшность котораго опредѣляется крупными чертами: XII томовъ обширныхъ и въ высшей степени цѣнныхъ подготовительныхъ матеріаловъ, VI томовъ матеріаловъ, собранныхъ распоряженіемъ самой Коммисіи, обстоятельные журналы засѣданій съ многочисленными къ нимъ приложеніями въ видѣ отдѣльныхъ записокъ и свѣдѣній весьма разнообразнаго характера, наконецъ редакція самыхъ проектовъ и капитальныя объяснительныя къ нимъ записки. Въ ряду вспомогательныхъ работъ находятся такіе солидные вклады въ нашу юридическую литературу, какъ библіографическій указатель Поворинскаго, сборникъ руководящихъ опредѣленій Правительствующаго Сената по судебному надзору и цѣлый списокъ настоящихъ трактатовъ по всѣмъ главнѣйшимъ предметамъ судоустройства и процесса. Предсѣдатели Отдѣловъ подавали примѣръ усиленной, и черновой, и бѣловой работы, которую раздѣляли многіе изъ Членовъ и въ числѣ ихъ А. Г. Гасманъ и И. Г. Щегловитовъ особенно много и полезно потрудились надъ разработкой первый—гражданскаго, второй—уголовнаго судопроизводства. Въ приведенномъ сухомъ перечнѣ лишь блѣдно отражается коммисіонная дѣятельность, въ которой явственно обозначились три предуказанные въ самомъ ея началѣ, логически между собою связанные, послѣдовательные ея фазисы и стадіи:

1) собираніе и приведеніе въ ясность матеріаловъ, 2) изслѣдованіе истиннаго положенія судебной части и возникающихъ изъ него вопросовъ и 3) составленіе по этимъ даннымъ законодательныхъ предположеній. Къ первымъ двумъ относятся: ознакомленіе съ богатымъ запасомъ свѣдѣній, которыми располагало Министерство Юстиціи; отвѣты судебныхъ мѣстъ и лицъ на предъявленные имъ запросы; статьи, замѣтки добровольцевъ дѣла, отозвавшихся на приглашеніе Предсѣдателя Коммисіи оказать ей благожелательное содѣйствіе; происходившія зимой 1894 — 1895 г. г. совѣщанія Старшихъ Предсѣдателей и Прокуроровъ Судебныхъ Палатъ при участіи нѣкоторыхъ членовъ Коммисіи по важнѣйшимъ вопросамъ ея программы; трехтомный сводъ выводовъ изъ систематическаго одновременнаго обревизованія всѣхъ судебныхъ установленій Имперіи, предпринятаго для надобностей Коммисіи по выработанному ею подробнѣйшему плану. Уже изъ сказаннаго видно, какъ всеобъемлюща была раскрывшаяся передъ Коммисіей широкая сфера фактовъ, взглядовъ, наблюденій: на твердомъ фундаментѣ годами накоплявшагося опытнаго изученія, на яркомъ фонѣ неприкрашенной дѣйствительности, въ освѣщеніи вполнѣ компетентной критики предстала наша судебная часть, съ ея свѣтомъ и тѣнью, силой и слабостью, съ ея пробѣлами и потребностями, съ ея глубоко вросшими корнями и наносными, навѣянными придатками. Взаимно сталкивающіяся черты того, что̀ есть, чего не должно быть, что̀ нужно, обрисовались ясно и полно; разобраться въ этомъ сплетеніи, отдѣлить важное отъ несущественнаго, сопоставить противорѣчія, разъяснить сомнѣнія, формулировать возможныя рѣшенія въ видѣ, соотвѣтствующемъ требованіямъ законодательства,—вотъ къ чему свелись подготовка, обсужденіе и вытекавшая отсюда громадная редакціонная работа. Для сообщенія ей стройности общіе принципіальные или наиболѣе важные вопросы были выдѣлены и разсмотрѣны въ I Отдѣлѣ, а затѣмъ въ Общемъ Собраніи по особымъ запискамъ дѣлопроизводства, при чемъ заключенія Коммисіи явились руководящимъ указаніемъ при постатейной разработкѣ проектовъ судоустройства и судопроизводства. Что же касается до этихъ послѣднихъ, то по первоначальномъ изложеніи ихъ отдѣльными редакторами, каждый изъ проектовъ проходилъ черезъ троекратное чтеніе въ спеціальномъ Отдѣлѣ, въ Соединенномъ присутствіи или совѣщаніи изъ Членовъ разныхъ Отдѣловъ и въ Общемъ Собраніи всей Коммисіи и при этомъ столько же разъ редактировался въ дѣлопроизводствѣ. Такимъ спо-

собомъ работы обезпечивалось внимательное и всестороннее разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ, а для того, чтобы оно не разбрасывалось въ частностяхъ, не размѣнивалось на мелочи, изъ-за которыхъ иногда не видно цѣлаго, сужденія тщательно сосредоточивались на главномъ, предоставляя подробности и эластичныя тонкости редакціи соглашенію немногихъ спеціалистовъ, подъ наблюденіемъ и ручательствомъ Предсѣдателей Коммисіи, ея Отдѣловъ и Члена, завѣдывающаго ея дѣлопроизводствомъ. Не менѣе основательности старались мы соблюдать свободу и цѣльность мнѣній, высказывавшихся въ нашей средѣ по многоразличнымъ вопросамъ и предметамъ пересмотра. Выясняя ихъ всѣми доступными намъ средствами, мы стремились столковаться и всюду, гдѣ возможно, сгладить шероховатости и разнорѣчія. Но при этомъ, взаимно уважая чужія убѣжденія, мы не боялись разномыслія и не насиловали своихъ воззрѣній натянутой аргументаціей или неохотными, неискренними уступками. Отсюда не малое количество мотивированныхъ разногласій и разрѣшеніе многихъ важныхъ и спорныхъ пунктовъ по большинству голосовъ. Этотъ откровенный и прямой исходъ, вообще свойственный многолюдной коллегіи, если она относится къ порученному ей дѣлу добросовѣстио и независимо, казался намъ предпочтительнѣе искусственныхъ компромиссовъ съ ихъ непрочнымъ построеніемъ и сомнительными послѣдствіями. Во всякомъ спорѣ мы считали себя обязанными прежде всего правильно поставить его сущность и затѣмъ продуманно обосновать предлагаемыя, хотя-бы и различныя рѣшенія. Тогда и законодатель—полагали мы—не будетъ затрудненъ въ выборѣ или въ выводѣ изъ подготовленныхъ и разъясненныхъ данныхъ.

Въ конечномъ результатѣ произведеннаго, такимъ образомъ, пересмотра составлены проекты новой редакціи учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводствъ съ пространными къ нимъ объясненіями, въ которыхъ изложены, кромѣ общихъ, принятыхъ во вниманіе соображеній, точные мотивы каждаго предположеннаго въ уставахъ измѣненія или дополненія. Въ этихъ объясненіяхъ оправдывается не только вновь проектированное, но и сохраненіе прежняго; нѣтъ судебнаго учрежденія или закона, по поводу котораго Коммисія не высказалась бы такъ или иначе, положительно или отрицательно, особо или въ общемъ развитіи своихъ разсужденій, разборъ которыхъ облегчается ихъ полнотою. Съ ними можно не соглашаться, но

нельзя упрекнуть ихъ въ поверхностномъ, скользящемъ отношеніи къ предмету. За то велика и матеріальная масса всего исполненнаго—это десятки печатныхъ томовъ, рискующихъ вызвать традиціонную усмѣшку досужихъ зоиловъ надъ коммисіонными трудами, это $4^1/_2$ т. заново редактированныхъ статей, невольно пугающихъ непривычное или обремененное вниманіе. Но вѣдь Коммисіи было повелѣно пересмотрѣть одно изъ величайшихъ произведеній преобразовательной эпохи, являющееся уже болѣе 30 лѣтъ драгоцѣннымъ достояніемъ нашей родины, работа эта съ высоты Престола объявлена трудной, и разбирать ее будутъ не диллетанты, а государственные люди, во всеоружіи познаній, подготовки, умѣлости и трудолюбія—пристало ли смущаться грандіозными очертаніями законченнаго дѣла, достойными колоссальнаго его значенія?

Вслѣдъ за изложеніемъ внѣшней стороны исполненной работы слѣдовало бы обратиться къ характеристикѣ внутренняго ея содержанія, но предстоящее внесеніе ея на уваженіе законодательной власти дозволяетъ, по всѣмъ понятному чувству авторской сдержанности, удѣлить этому предмету лишь нѣсколько самыхъ общихъ и сжатыхъ замѣчаній. Здѣсь развѣ только умѣстно вспомнить, въ какомъ направленіи вообще шла дѣятельность нашей Коммисіи, какой духъ виталъ надъ ея трудами. Начиная пересмотръ Судебныхъ Уставовъ, мы имѣли передъ собою, во-1-хъ, ихъ первоначальный текстъ, во-2-хъ, многочисленныя за 30 лѣтъ изданныя къ нимъ новеллы и, въ-3-хъ, безчисленные судебные вопросы, выдвинутые за это время практикой. Все это нужно было обсудить и взвѣсить, всему дать мѣсто въ той радикальной переработкѣ, которой были подвергнуты судебныя законоположенія. Работать же надъ ними приходилось среди различныхъ теченій общественной и юридической мысли, служащихъ до извѣстной степени показателемъ окружающихъ настроеній. Пестро, измѣнчиво, противорѣчиво и не чуждо крайнихъ увлеченій это разнохарактерное пониманіе судебныхъ идеаловъ, и невозможно угодить ему. Одни, считая всю судебную реформу пагубной ошибкой, обращаютъ свои взоры вспять и помышляютъ, повидимому, о такомъ судѣ, который ничѣмъ не отличался бы отъ административно-полицейскаго воздѣйствія. При этомъ иногда даже рѣшаются выводить огульное порицаніе теперешнихъ судебныхъ порядковъ изъ единичныхъ, произвольно оцѣниваемыхъ, невѣрно освѣщаемыхъ и потому ничего не доказывающихъ примѣровъ. Другіе, наоборотъ, вдохновляясь иными, не нашими условіями и нравами, нетерпѣ-

ливо и поспѣшно порываются къ чисто-теоретическому прогрессу, напримѣръ къ выборнымъ судьямъ, къ исключительному преобладанію гарантій личности, къ гласному и состязательному предварительному слѣдствію, въ то время, когда нужно зорко охранять публичную безопасность, когда предстоитъ еще создавать правильный уголовный розыскъ, когда еще приходится воспитывать въ судѣ людей и ихъ міровоззрѣніе и при этомъ бороться съ такими противниками, какъ обширность страны, малонаселенность и всяческая скудость или неравномѣрность общественной культуры. Третьи, не думая ни о какихъ практическихъ препятствіяхъ и разсуждая какъ-бы внѣ времени и пространства, туманно мечтаютъ объ уничтоженіи судебныхъ формальностей, о какихъ-то идеализованныхъ, не русскихъ судьяхъ, которые не стѣсняются узкими рамками закона и свободно гдѣ-то ищутъ и провозглашаютъ, будто-бы, имъ однимъ вѣдомую истину, между тѣмъ какъ все у насъ—исторія, общественность, привычки—требуетъ именно строжайшей во всемъ законности и разумнаго, осмотрительнаго упорядоченія, а не фантазій. Для четвертыхъ, наконецъ, замкнувшихъ свой кругозоръ Уставами 1864 г., каждая буква въ нихъ есть непререкаемая истина, святыня, которой не слѣдуетъ касаться даже съ наилучшей цѣлью, изъ опасенія новымъ, неизвѣданнымъ повредить старому, испытанному. Не мало почтеннаго въ этомъ судебномъ консерватизмѣ, но онъ преувеличиваетъ непогрѣшимость, и мимо него, нерѣдко даже въ перерѣзъ ему, несется бытовая жизнь, гдѣ одна потребность неудержимо смѣняется другой и, опережая медленное развитіе закона, рано или поздно добивается себѣ признанія. Ни одно изъ приведенныхъ и подобныхъ имъ воззрѣній, съ разными ихъ оттѣнками и сочетаніями, не соотвѣтствуетъ задачамъ нашей Коммисіи, которая впала бы въ печальную ошибку, если бы односторонне послѣдовала за однимъ изъ нихъ. У нея былъ свой путь, единственно вѣрный и возможный въ переживаемый нами историческій моментъ, путь, намѣченный при самомъ открытіи Коммисіи 30 апрѣля 1894 г. и затѣмъ подтвержденный, въ началѣ 1897 г., на рубежѣ двухъ періодовъ ея дѣятельности въ печатномъ отчетѣ о работахъ по улучшенію судебной части [1]). Съ тѣхъ поръ ни въ чемъ не измѣнились обстоятельства и, ссылаясь на высказанныя тамъ сужденія, я повторю лишь то, что было и остается исходной точкой судеб-

---

[1]) Журналъ Министерства Юстиціи 1897 г. Январь—«Работы по улучшенію судебной части въ 1894—1896 г.г.».

наго пересмотра: мы избѣгали крайностей и потрясеній, мы желали сохранить и укрѣпить въ нашемъ судѣ все истинно хорошее, исправить недостатки, но безъ лишней ломки, восполнить пробѣлы, но безъ кабинетныхъ и канцелярскихъ измышленій, и нынѣ, стоя твердо на этой почвѣ, мы предлагаемъ улучшеніе, а не реформу еще столь недавно преобразованнаго суда. Избранное нами направленіе, осторожное, умѣренное и самостоятельное, задается практической цѣлесообразностью и равно исключаетъ тенденціозность и предвзятость, рутинную косность и рискованные эксперименты, страсть къ новшествамъ и слѣпое преклоненіе передъ существующимъ. И потому, не игнорируя никакихъ серьезныхъ указаній, мы обратились къ неисчерпаемому, единственно надежному источнику—къ открывшемуся передъ нами огромному запасу вседневнаго опыта судящихъ и судящихся, который и показалъ намъ, куда идти, что̀ измѣнить, чего не трогать. Мы воспользовались для этого и своею личною долею въ немъ участія и, зная, какъ въ житейскомъ обиходѣ совершается обыденная, черновая и закулисная работа судоотправленія, мы не стѣснялись ни доктриной, ни возраженіями, когда находили, что та или другая мѣра достаточно обусловливается совокупнымъ интересомъ правосудія и населенія. Такой пріемъ не блещетъ красивыми эффектами и не сулитъ дешевой популярности; за то онъ отвѣчаетъ уважительнымъ запросамъ гражданскаго быта и обѣщаетъ больше прочности. Судъ не зрѣлище, не публицистическое упражненіе, не удовлетвореніе личныхъ вкусовъ и симпатій; судъ—это отраженіе мудрости законодателя и совѣсти народной, судъ есть лучшая охрана законныхъ правъ, но не абсолютно, а въ предѣлахъ данной, человѣческой и общественной возможности.

Было бы затруднительно, да и безцѣльно приводить въ подробности, даже перечислять всѣ измѣненія, проектированныя Коммисіей въ дѣйствующемъ судоустройствѣ и судопроизводствѣ— я говорю о дѣйствующемъ, потому что много воды утекло со времени изданія Судебныхъ Уставовъ и много наслоеній образовалось вокругъ нихъ. Подобный пересказъ явился бы и повтореніемъ, такъ какъ, передъ разсмотрѣніемъ въ Общемъ Собраніи проектовъ учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ судопроизводства, я всегда представлялъ вниманію Коммисіи сводъ предположенныхъ важнѣйшихъ перемѣнъ въ нынѣшнемъ законодательствѣ съ краткимъ поясненіемъ существеннаго ихъ смысла. Поэтому, теперь довольно вновь упомянуть, что всѣ вносимыя въ Судебные Уставы новыя

или видоизмѣненныя постановленія неукоснительно направлены къ осуществленію многократно выраженныхъ общихъ задачъ пересмотра, а именно: къ объединенію судебнаго устройства въ различныхъ частяхъ Имперіи, уже подготовленному мѣропріятіями послѣднихъ лѣтъ, къ большей близости и доступности суда для населенія, къ упрощенію, удешевленію и ускоренію правосудія, къ утвержденію государственнаго значенія и правительственнаго характера судебнаго вѣдомства, къ нравственному и матеріальному поднятію его чиновъ, къ укрѣпленію и развитію возможнаго общественнаго участія въ отправленіи суда, и вообще къ устраненію недостатковъ и восполненію пробѣловъ судебной части, когда тѣ и другіе зависятъ отъ несовершенствъ закона и обусловленныхъ ими судебныхъ распорядковъ. Этимъ все сказано, и недалекое, дастъ Богъ, будущее покажетъ, въ какой степени намъ удалось достигнуть цѣли. Какъ бы то ни было, ни одинъ дѣйствующій судебный институтъ, успѣвшій заслужить народное расположеніе, не поколебленъ и не поврежденъ, а, напротивъ, многіе исправлены или улучшены, смотря по надобности. Ни одно процессуальное правило не уничтожено, не измѣнено или замѣнено другимъ безъ вѣсскихъ къ тому побужденій; ни одно нововведеніе—а ихъ не мало – не нарушаетъ принятаго общаго строенія юстиціи. Не подорванъ ни одинъ изъ ея основныхъ принциповъ даже въ томъ случаѣ, если, не въ видѣ уступки, а по непреложнымъ соображеніямъ государственной пользы, приходилось допускать отдѣльныя изъятія или ограниченія, которыя уже потому извинительны, что даютъ необходимый просторъ упорнымъ домогательствамъ жизни и, не позволяя ей подтачивать высшія правовыя нормы, косвенно способствуютъ ихъ неприкосновенности и торжеству.

Форма, въ которую вылились работы Коммисіи, а слѣдовательно и вещественныя проявленія пересмотра судебныхъ узаконеній, строго соотвѣтствуетъ его сущности и назначенію. Были приложены всѣ старанія къ тому, чтобы какъ можно меньше отойти отъ законодательнаго памятника, связаннаго съ Великимъ Именемъ Императора Александра II. Составленные въ Коммисіи проекты образуютъ въ ихъ совокупности тѣ же Судебные Уставы, но лишь въ новомъ ихъ изложеніи, съ тѣми измѣненіями и дополненіями въ текстѣ, которыя вызываются переработкой содержанія. Всюду, гдѣ являлась малѣйшая къ тому возможность, оставлена нетронутою прежняя редакція какъ потому, что отъ добра добра не ищутъ, такъ и вслѣдствіе того, что съ ней давно освои-

лись и свыклись суды и граждане. Примѣнительно къ тому же слогу, къ той же терминологіи Судебныхъ Уставовъ изложены и новыя предположенія, особенно вставки въ старый текстъ или частичныя въ немъ измѣненія. Проникнутая искреннимъ почтеніемъ къ труду своихъ предмѣстниковъ, Коммисія тщательно воздерживалась отъ всѣхъ не безусловно необходимыхъ, наружныхъ поправокъ, на которыя иногда незамѣтно для себя самой поддается реформаторская энергія законодательнаго перевершенія. Соблюденіе этихъ и имъ подобныхъ условій редакторской и кодификаціонной техники стоило немаловажныхъ усилій нашему дѣлопроизводству, но они искупались ревностнымъ желаніемъ дать и во внѣшнемъ отношеніи кодексъ, приближающійся къ своему первообразу и въ то же время находящійся на высотѣ современныхъ ожиданій отъ правосудія. Такъ же поступали мы во всемъ, что̀ касалось распредѣленія частей въ проектахъ. Вездѣ сохранена прежняя система изложенія кромѣ тѣхъ мѣстъ, отраслей и отдѣловъ, гдѣ радикально измѣнялась вся постановка дѣла, а съ нею и вся послѣдовательность и соразмѣрность его воспроизведенія въ проектированныхъ статьяхъ. Тамъ система логически опредѣлилась содержаніемъ, усвоеніе котораго приведетъ и къ удобству пользованія. Короче, въ работѣ нашей Судебные Уставы не перестали быть тѣмъ, чѣмъ они были до нея; если же въ самомъ названіи точнѣе обозначить ея соотношеніе съ ними, то можно было бы лишь продлить заглавіе, сказавъ: *Судебные Уставы Императора Александра II, пересмотрѣнные по повелѣнію Императора Александра III въ Царствованіе Императора Николая II.*

Освященное изволеніемъ трехъ Императоровъ, судебное обновленіе и нынѣ, какъ прежде, не предполагается держать въ тайнѣ отъ общественнаго свѣдѣнія. Въ теченіе пятилѣтнихъ занятій нашей Коммисіи въ Журналѣ Министерства Юстиціи неоднократно помѣщались болѣе или менѣе подробныя извѣстія о ходѣ ея трудовъ. Въ повременной печати проскальзывали сожалѣнія о томъ, что эти извѣстія не касаются внутренней стороны нашихъ работъ, не излагаютъ выработанныхъ заключеній и проектовъ. Не говоря о томъ, что эти сѣтованія лишены основанія, такъ какъ въ цѣломъ рядѣ напечатанныхъ сообщеній періодически указывалось направленіе дѣятельности Коммисіи по существу подлежащихъ ей вопросовъ, ясно до очевидности, что въ періодъ продолжающейся законодательной разработки, въ разгаръ горячаго

обмѣна мнѣній, при неустановившихся еще выводахъ и рѣшеніяхъ, мы не могли, да и не имѣли права, безъ высшей санкціи въ большей мѣрѣ дѣлиться съ публикой нашими трудами. Теперь насталъ другой, конечный періодъ ихъ движенія, и одновременно съ передачей на заключеніе вѣдомствъ, проекты будутъ опубликованы и, такимъ образомъ, поступятъ на общественное обсужденіе. Поскольку оно выразится въ серьезныхъ и безпристрастныхъ отзывахъ, Министерство Юстиціи, всюду признавая гласность и свободу мнѣній однимъ изъ могучихъ двигателей истины, не преминетъ воспользоваться и этимъ средствомъ для окончательной отдѣлки выполненныхъ работъ. Всякій добрый совѣтъ будетъ встрѣченъ съ благодарностью, всякій разумный голосъ услышанъ и оцѣненъ.

Сегодня, при завершеніи нашихъ занятій, невольно вспоминаются предшествовавшіе ихъ началу тревожные и знаменательные дни. Мы помнимъ, вокругъ насъ сгущались тѣни и на распутьи, въ зловѣщемъ сумракѣ недоброжелательныхъ сомнѣній и колебаній, стояло наше дѣло, лицомъ къ лицу съ возникшими вопросами объ участи многихъ основъ и учрежденій такъ называемаго новаго, хотя уже успѣвшаго состариться суда; и часто у его служителей сжималось сердце и опускались руки передъ роковыми недоразумѣніями, которыя воздвигались между законодателемъ и судьей, между закономъ и жизнью, дѣйствительностью и призраками. Но Богъ былъ милостивъ къ русской юстиціи: почившій Государь повелѣлъ выяснить вопросы, разсѣять сомнѣнія, прекратить колебанія и недоразумѣнія, чтобы *«наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи»*—какъ сказано въ приснопамятныхъ историческихъ словахъ Высочайшей резолюціи 7 апрѣля 1894 года. И вотъ, по этой священной, замогильной волѣ, подъ благотворной сѣнью Всемилостивѣйшаго вниманія нынѣ благополучно Царствующаго Монарха, наша работа кончена: судебный строй, испытанный болѣе, чѣмъ 30 тяжелыми годами опыта, прошелъ и черезъ тщательное испытаніе всѣхъ сторонъ своихъ въ горнилѣ знанія, правдивости и вѣрноподданническаго долга. По глубочайшему моему убѣжденію, которое я былъ бы счастливъ раздѣлить съ Вами, русскій, царскій судъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется по Судебнымъ Уставамъ и по настоящимъ нашимъ предположеніямъ, съ честью выдержалъ это испытаніе, оказался вполнѣ жизнеспособенъ и смѣло, громко требуетъ себѣ довѣрія и уваженія. Не помышляя

о недостижимомъ совершенствѣ, довольствуясь возможной правильностью судебной организаціи и правомѣрностью судебныхъ дѣйствій, мы хотѣли бы видѣть нашъ судъ устойчивымъ, крѣпко водруженнымъ на твердомъ основаніи закона, въ себѣ самомъ носящимъ залоги прочной и сильной справедливости. Въ этомъ реальномъ стремленіи наше неизбѣжное отличіе отъ нашихъ славныхъ предшественниковъ, создавшихъ новый судъ и бережно, любовно охранявшихъ начальные шаги его—отличіе, но вмѣстѣ и преемство. То былъ своего рода медовый мѣсяцъ, незабвенная пора первыхъ піонеровъ судебной реформы, которые вложили въ нее всю душу свою и ярко озарили выбранное ими поприще неугасимо горѣвшимъ въ нихъ огнемъ добра и правды. Согрѣтыя и просвѣтленныя его живительною силой, новыя судебныя установленія пылко выступили на борьбу съ неправдою и зломъ. Несмотря на набѣгавшія уже тучи, не взирая на противодѣйствіе и затрудненія, приподнятый и окрыленный духъ подвига, призванія, поддерживалъ дѣятелей и скрашивалъ всѣ невзгоды дѣятельности. Но скоро—таковъ жестокій законъ вещей — слишкомъ скоро миновалъ свѣтлый праздникъ и постепенно перешелъ въ длинные, сѣрые будничные дни. На смѣну подвижниковъ—идеалистовъ явились рядовые труженики, священнодѣйствіе впервые устнаго и гласнаго суда превратилось въ нелегкую вседневную страду, непомѣрно возрастающую и въ качествѣ и въ количествѣ; душевный подъемъ слабѣлъ, а трудъ ежечасно увеличивался. Съ установленіями новаго суда случилось то же, что съ новымъ зданіемъ, осѣдающимъ на неподготовленномъ, мягкомъ грунтѣ: пока дойдетъ до материка оно постепенно обнаруживаетъ всѣ недочеты стройки или почвы, всѣ слабыя мѣста свои, куда и надлежитъ направить ремонтныя работы. А для нихъ, по самому ихъ свойству, ужъ нечего искать и ждать юношескаго пыла или радужныхъ перспективъ и обширныхъ горизонтовъ. Нужно было трезвое, спокойное, настойчивое и не всегда благодарное, но всегда благородное закрѣпленіе устоевъ, починка, передѣлка, приспособленіе къ развивающимся условіямъ и явленіямъ жизненнаго оборота. Таковъ трудъ, выпавшій на долю нашей Коммисіи; онъ есть не что иное, какъ продолженіе и обезпеченіе судебнаго преобразованія. Многозначительна та служба, которую мы предназначены сослужить ему. Мы должны были сдѣлать такъ, чтобы составъ и уровень нашего суда и его органовъ отнынѣ не опасался никакихъ враговъ, но и не зависѣлъ ни отъ высокаго, но временнаго порыва, ни отъ

горячихъ, но преходящихъ вѣяній, ни отъ избранниковъ, рѣдкихъ въ тяжелой трудовой профессіи. Мы знали, что учрежденія должны быть разсчитаны на массу обыкновенныхъ, среднихъ людей, не на героевъ, что люди и настроенія ихъ проходятъ, а учрежденія остаются и дѣйствуютъ среди далекой отъ идеаловъ «битвы жизни» . . . . . Намъ казалось необходимымъ и возможнымъ сблизить это разстояніе, соединить въ устройствѣ правосудія незыблемость великихъ основныхъ началъ его съ практической гибкостью ихъ дѣйствія. Судебные Уставы дали Россіи новый судъ; пусть же послѣ пересмотра онъ станетъ судомъ уже не новымъ, но незамѣнимымъ!"

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества
при
Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX. АПРѢЛЬ 1899.

№ 4.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1899

Для личныхъ объясненій Редакція „ВѢСТНИКА ПРАВА“ открыта по субботамъ отъ 3 до 5 час. дня.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторовъ присылаемыхъ рукописей редакція проситъ озаботиться яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, не взятыя обратно, уничтожаются.

2) Гонораръ получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ.

3) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ* тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

4) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

Объ изданіи Журнала Юридическаго Общества „Вѣстника Права“ въ 1899 г. см. 4 стр. обложки.

Вѣстникъ Права

Журналъ Юридическаго Общества

при

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ.

XXIX. МАЙ 1899.

№ 5.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1899

Опечатки въ статьѣ „Религіозныя преступленія въ Россіи“ Е. Н. Тарновскаго, въ апрѣльской книгѣ „Вѣстника Права“: стр. 9 строка 9 снизу:

НАПЕЧАТАНО	ДОЛЖНО БЫТЬ
чаще	рѣже

стр. 20 таблица внизу стр.

НАПЕЧАТАНО	ДОЛЖНО БЫТЬ
Духовенства.	Дворянъ.
Купцовъ и почетныхъ гражданъ.	Духовенства.
Мѣщанъ.	Купцовъ и почетныхъ гражданъ.
Дворянъ.	Мѣщанъ.

Для личныхъ объясненій Редакція „ВѢСТНИКА ПРАВА“ открыта по субботамъ отъ 3 до 5 час. дня.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторовъ присылаемыхъ рукописей редакція проситъ озаботиться яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, не взятыя обратно, уничтожаются.

2) Гонораръ получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ.

3) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ доставлять свои сочиненія *въ двухъ экземплярахъ* тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

4) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

Объ изданіи Журнала Юридическаго Общества „Вѣстника Права“ въ 1899 г. см. 4 стр. обложки.

Объ изданіи въ 1899 году

„ВѢСТНИКА ПРАВА"

ЖУРНАЛА ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ іюля и августа) въ количествѣ 10 книгъ въ годъ

подъ редакціею Г. В. СЛІОЗБЕРГА.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	на годъ	*по полугодіямъ* Январь	Іюнь
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки .	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
„ „ съ доставкою .	8 „ 50 „	4 „ 50 „	4 „ — „
Въ другихъ городахъ съ доставкою	9 „ — „	5 „ — „	4 „ — „
За-границей	12 „ — „	7 „ — „	5 „ — „
Отдѣльныя книги журнала . . .	1 „		

Съ приложеніемъ сборника рѣшеній Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ оффиціальномъ изданіи, разсылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ): за Журналъ съ Сборникомъ, съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города—13 р., или по полугодіямъ—въ январѣ 8 р. и въ іюнѣ 5 р.

Кандидаты на судебныя и военно-судебныя должности и учащіеся платятъ при подпискѣ по 4 р. 50 к. въ годъ съ доставкою и пересылкою, а съ приложеніемъ рѣшеній 8 р. 50 к.

Подписка принимается въ главной конторѣ: „Вѣстника Права" въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. 28 и въ отдѣленіяхъ конторы въ книжныхъ магазинахъ.

Въ С.-Петербургѣ: 1) Н. К. Мартынова, Невскій пр. уголъ Б. Садовой № 50—15; 2) И. П. Анисимова, рядомъ съ Публичной Библіотекой; 3) „Новое Время" А. С. Суворина, Невскій 38; 4) Общество французской книжной торговли, бывш. Мелье, преемникъ А. Ф. Цинзерлингъ, Невскій пр. 20; 5) Магазинъ Юридической Литературы Д. В. Чичинадзе, Невскій пр. 59; 6) Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова, Литейный пр. 46.

Въ Москвѣ: 1) И. П. Анисимова, Никольская улица, домъ Заиконоспасскаго монастыря; 2) Въ книжномъ магазинѣ Журнала „Русская Мысль" Б. Никитская.

Въ Кіевѣ: 1) Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ 33; 2) И. А. Розова, Крещатикъ, домъ Марръ.

Въ Варшавѣ: С.-Петербургскій книжный складъ, Новый Свѣтъ, 67.

Въ Одессѣ: 1) И. А. Розова, Дерибасовская, противъ сада.

Въ Харьковѣ: Кн. Маг. Дредера.

Въ Казани: 1) Бр. Башмаковыхъ, Городской Пассажъ; 2) А. А. Дубровина. Гостинный дворъ № 1.

Въ Перми: О. П. Петровской, Сибирская, домъ Евреиновой.

Въ Тифлисѣ: Центральная книжная торговля.

Въ Томскѣ и Иркутскѣ: Сибирскій книжный магазинъ Макушина.

Объявленія для напечатанія въ „Вѣстникѣ Права" принимаются въ Главной Конторѣ по разсчету 16 руб. за страницу.

Адресъ Редакціи: Спб., Мал. Итальянская, 47.

Адресъ Главной Конторы. Вас. Остр., 5 л., д. 28. Книжный складъ М. Стасюлевича.

Экспедиція Журнала: Вас. Остр. Академическій пер. 7.

Редакторъ ***Г. Сліозбергъ.***

